

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

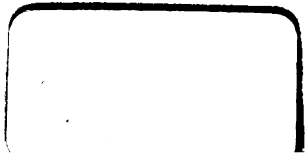
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919797 0

* QCA
Russki

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

Н. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

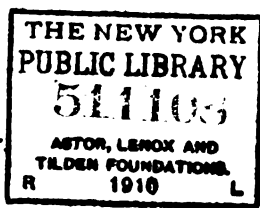
1949

2/

МОСКВА.

Въ университетской типографіи
(КАТКОВЪ и К°).

1863.

Дозволено цензурой въ Москвѣ, 30 августа 1863 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОРОКЪ ШЕСТАГО ТОМА.

І Ю Л Ъ.

Взбаламученное море. Романъ въ шести частяхъ. Часть пятая. <i>А. Ѳ. Писемскаго</i>	5
Въ деревьяхъ. Четыре стихотворенія. <i>К. Альбинскаго</i>	87
Сербскій вопросъ въ царствованіе императора Александра I. I—IV. <i>Н. Ф. Дубровина</i>	89
Черты управленія въ Россіи по указамъ XVIII вѣка. (1725—1726). <i>В. Н. Лешкова</i>	168
Дорожныя замѣтки. <i>М. Ковальскаго</i>	191
Французская политика въ Польшѣ 1768 и 1769 г. <i>П. К. Щебальскаго</i>	207
Объ охраненіи лѣсовъ принадлежащихъ частнымъ лицамъ. <i>С. Лугинина</i>	229
Магдалина. Повѣсть. (Окончаніе.) <i>М. Сосногорова</i>	263
Яицкое казачество. <i>А. Р.</i>	311
Педагогическая литература. <i>Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ</i> . <i>М. Стасюлевича</i> . <i>В. И. Герье</i>	337
Петръ Первый. <i>М. П. Погодина</i>	373
Современныя движенія въ расколѣ.	401

А В Г У С Т Ъ.

Первые годы царствованія Фридриха Великаго. <i>Frederic the Great</i> by Carlyle, vls 5 and 6. А. В. Дружинина.	437
Малороссійское шляхетство въ 1767 году. Новые матеріалы для исторіи XVIII столѣтія. В. Авсьенко.	498
Сербскій вопросъ въ царствованіе императора Александра I. (Окончаніе). Н. Ф. Дубровина.	525
Взбаламученное море. Романъ въ шести частяхъ. (Окончаніе). А. Ф. Писемскаго.	571
Аэролиты. М. А. Толстомятова.	645
Алексій Петровичъ Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи. М. П. Погодина.	669
Спеціалистъ. Повѣсть. I—XI. Булкина.	739
Спорный юридическій вопросъ. С. И. Баршсва.	784
Изъ дневника мирового посредника, 1861—1862 года. П. Безъстнаго.	794
Разказъ дяди Онисима Ц.	821
Общій характеръ притязаній польской партіи въ западномъ краѣ. Н. П. В—ва.	833
Дополненіе къ статьѣ: „Современныя движенія въ расколѣ“	852

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Изъ крѣпкаго лѣсу вырубленная кочерга.

На Васильевскомъ Островѣ, въ Пятой Линіи, въ одномъ изъ старинныхъ и теплыхъ домовъ, на дверяхъ квартиры втораго этажа, красиво обитыхъ зеленымъ сукномъ, прибита была мѣдная доска съ лаконическою надписью: *Тайный Советникъ Лисановъ.*

Въ небольшой уютной залцѣ, въ небольшой за тѣмъ гостиной—въ небольшомъ, потомъ, кабинетѣ и спальнѣ жилъ сей мудрецъ вѣка сего. Холостякъ и сенаторъ, онъ каждодневно гулялъ верстъ по пяти пѣшкомъ, обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ, и врядъ ли не имѣлъ еще маленькихъ развлеченій съ занимаемою имъ молоденькою горничною, потому что та, проходя мимо его, всегда какъ-то стыдливо и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливо потупляла глаза, да и самъ Евсеій Осиповичъ при этомъ смягчалъ и увлажнялъ нѣкоторою нѣжностью свой орлиный взглядъ.

Въ настоящій вечеръ, впрочемъ, при небольшомъ свѣтѣ отъ лампы, у Евсевія Осиповича, около столика, уставленнаго всевозможными сластями, сидѣло еще другое молодое существо, Софи Ленева.

Самъ Ливановъ былъ, видимо, въ добромъ и веселомъ расположеніи духа.

— На-ка, голубка, скушай эту дулю, говорилъ онъ, подавая Софи огромную дюшеску.

Софи взяла и начала ее очищать ножомъ.

— Кушай-ка!.. ишь, сладсть какая! словно любовь сладка! говорилъ Евсевій Осиповичъ.

— Нѣтъ, слаще! отвѣчала Софи съ улыбочкой.

— Слаще? переспросилъ Евсевій Осиповичъ.—А ты сама много любила?

— Нѣтъ, немного.

— Немного, да хорошо!

— Да, не дурно, отвѣчала Софи лукаво.

У Евсевія Осиповича глаза поразгорѣлись.

— Ишь, вѣдь, ты какая прелесть—а? Прелестная какая—а? любовался онъ.

— Состарѣлась ужь, дядюшка!.. Какая ужь прелестная!

— Ты-то? Да ты еще каждаго человѣка можешь уморить и оживить...

У старика все больше и больше разгорались глаза.

— Чтò же я за страшная такая, что уморить могу?

— Умереть всакій!.. повторилъ Евсевій Осиповичъ какимъ-то растеряннымъ голосомъ.

Онъ встрѣтилъ Софи совершенно случайно въ англійскомъ магазинѣ; потомъ самъ безпреставно началъ вѣздить къ ней и ее звалъ къ себѣ.

Баклановъ у него тоже бывалъ, но гораздо рѣже.

— Ты, говорятъ, тамъ, продолжалъ Евсевій Осиповичъ, не спуская глазъ съ Софи,—говорятъ, съ Жидомъ какимъ-то старымъ жила?

Софи покраснѣла.

— Какъ вамъ, дядюшка, не грѣхъ это говорить!.. произнесла она, не зная, обижаться ли ей, или смѣяться.

— Право говорить! повторилъ Евсевій Осиповичъ.

Софи отрицательно покачала головой.

— Ну, а этого любишь теперъ?.. прибавилъ онъ, таинственно и слегка показавъ глазами въ сторону.

— Какого этого?.. спросила Софи, улыбаясь.

— Ну, этого, свистуна-то, Бакланова! отвѣчалъ Евсевій Осиповичъ.

— Да что это? Что вы все выдумываете?

— Ну, вотъ, разказывай!... Вмѣстѣ живутъ въ одной гостинойцѣ.

— Такъ что же что вмѣстѣ? Мы хорошіе знакомые, родня, прѣѣхали и сѣли въ одномъ отелѣ: я въ бель-этажѣ, а онъ, я тамъ и не знаю гдѣ....

— Да, да, такъ вотъ и повѣримъ! говорилъ Евсевій Осиповичъ:—ты, вѣдь, хитрая.

Онъ не безъ умысла хотѣлъ напомнить Софи то положеніе, въ которомъ она находилась.

— Мнѣ, дядюшка, рѣшительно все равно, что бы про меня ни говорили, сказала она, замѣтно уже обидѣвшись.

— Это такъ! подхватилъ Евсевій Осиповичъ:—„Свободный духъ укажетъ мнѣ теченія путь стократно!“ продекламировалъ онъ даже стихами.

Софи опять слегка улыбнулась.

— Жизнь—вещь не повторимая! продолжалъ онъ:—люби кого хочешь и какъ хочешь, коли желаетъ того душа твоя.... Эти, напримѣръ, бесѣды у камелька, эти свиданья подъ сѣнью вѣтвей древесныхъ, въ присутствіи одной таинственной царицы ночи, волшебницы Гекаты—а? я думаю, въ сердцѣ твоёмъ поднимаютъ самыя тончайшія фибры.

— Я не знаю, отвѣчала Софи.

— Духъ человѣческій, говорилъ Евсевій Осиповичъ, нахмуривая брови:— замкнуть, заключенъ въ нашихъ тѣлесахъ, но при этомъ, такъ сказать, нервно-электрическомъ потрясеніи, онъ обособляется, въ предѣлахъ своей прежней силы становится: человекъ въ эти минуты міръ объекаетъ... травъ прозябаніе чувствуетъ.... слышитъ горный полетъ ангеловъ.... какъ вотъ этотъ выѣшній, милый поэтъ, Фетъ, кажется, сказалъ: „Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ, разказать, что солнце встало, что оно горячимъ свѣтомъ по листьямъ затрепетало“—этакая, напримѣръ, тончайшая способность радоваться и наслаждаться природой, и все отъ любви это, великое дѣло любви!

— Великое, великое! повторяла за нимъ и Софи.

— Богатства твои, продолжалъ Евсевій Осиповичъ, устремляя пламенный взглядъ на свою слушательницу:—неистощимы;

не окупись на нихъ и дай, какъ древняя гетера, отъ твоей роскошной трапезы вкусить и воину, и мудрецу, и юношѣ, и старцу!

— Чтѣ вы, благодарю васъ, я не хочу этого! воскликнула Софи.

— Захоти, не маленькая, какъ говоритъ россійская поговорка: ахъ, ты, лапка! заключилъ онъ и поцѣловалъ у Софи руку, а потомъ вдругъ прибавилъ:

— А чтѣ ты любишь деньги?

— Люблю, отвѣчала та.

— А много у тебя ихъ?

— Есть-таки!

— А все, чай, меньше чѣмъ у меня?

— А у васъ много?

— Много! тысячь триста одиѣми чистыми деньгами, кромѣ имѣнья и вещей... Все бы, кажется, отдалъ, кабы какая-нибудь лапка полюбила.

— А вамъ еще хочется, чтобы васъ полюбили? спросила Софи.

— Очень!.. очень!.. отвѣчалъ, почти съ азартомъ, Евсеvй Осиповичъ.—Во мнѣ есть что-то не старѣющеея; какъ говорится: старъ да пѣтухъ, молодъ да протухъ—понимѣ?

— Какъ не понимѣ, отвѣчала Софи.

Евсеvй Осиповичъ умѣлъ на всѣ тоны говорить:—и тономъ ученаго человѣка, и государственнаго мужа, и просто русскаго балагура.

— Здѣсь, вѣроятно, охотницы найдутся, сказала Софи.

Старикъ началъ ее ужъ искренно забавлять.

— Чтѣ жь найдутся?... У насъ вѣдь тоже, мать, рыло есть: разберемъ чтѣ барское, чтѣ хамское... давай намъ настоящаго!.. Вотъ этакая бы, напимѣръ, прелесть, какъ ты полюбила, распоясывай, значить, мощну на всѣ ремни!

— Я? спросила Софи и захохотала.

— Все бы отдалъ, всего бы имѣнья наследницей сдѣлалъ! продолжалъ Евсеvй Осиповичъ, какъ бы не слыжавъ сдѣланнаго ему вопроса.

Софи пожала плечами.

— Я, дядюшка, не торгую моими чувствами, сказала она, явно обидѣвшись.

Евсеvй Осиповичъ нахмурился.

— У васъ ихъ и не торгуютъ, а хотять заслужить ихъ..

Софи грустно усмѣхнулась.

— Очень ужъ вы меня, дядюшка, дурно третируете, произнесла она.

Лицо Евсевія Осиповича окончательно приняло злое выраженіе.

— Я третирую и третировалъ васъ, началъ онъ съ разстановкой, какъ прелестнѣйшую женщину, и если нѣсколько навязчиво возносилъ мой фиміамъ вашей красотѣ, то извините: я все-таки полагаалъ, что бью по нѣжнымъ и могущимъ издать симпатичные звуки струнамъ женскаго сердца...

Слова эти сконфузили Софи; положеніе ея сдѣлалось не совсемъ ловко.

Евсевій Осиповичъ сидѣлъ молча и надувшись.

— А что правда ли, дядюшка, что имѣнія у насъ правительствомъ выкупить? заговорила она, чтобы возобновить хоть сколько-нибудь приличныя отношенія съ хозяиномъ.

— Не знаю-съ, отвѣчалъ Евсевій Осиповичъ.

Софи опять на нѣсколько времени замолчала.

— Вы во дворцѣ, дядюшка, у государя бывали? спросила она, надѣясь задѣть его за честолюбивую струну.

— Бывалъ-съ, отвѣчалъ и на это лаконически Ливановъ.

Софи внутренно покатывалась со смѣху.

— Вы, должно-быть, въ молодости, дядюшка, ужасно были любимы и избалованы женщинами? свернула было она разговоръ на прежній предметъ; но и то не подѣйствовало: Евсевій Осиповичъ даже не отвѣтилъ ей!

Всѣмъ за тѣмъ раздался звонокъ.

Софи чуть не припрыгнула отъ радости на мѣстѣ, а Евсевій Осиповичъ только посмотрѣлъ на нее своимъ холоднымъ и стальнымъ взглядомъ.

Пріѣхалъ Баклановъ.

Евсевій Осиповичъ почти не отвѣтилъ ему на поклонъ.

— Я за вами, кузина, сказалъ тотъ, обращаясь къ Софи.

— Ахъ, да, поѣдемте, отвѣчала она, вставая и надѣвая шляпку.

Евсевій Осиповичъ продолжалъ сидѣть съ нахмуреннымъ лбомъ.

— Вы, дядюшка, пожалуйста ко мнѣ въ пятницу? У меня будетъ кое-кто изъ моихъ знакомыхъ, отгесся къ нему Баклановъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось довольно странное молчаніе. Евсевій Осиповичъ, наконецъ, обратился къ Софи.

— А вы у него будете? спросилъ онъ ее ядовито.

— Если позоветъ, отвѣчала та, кутаясь въ шаль.

— Безъ сомнѣнія, подхватилъ Баклановъ.

— Хорошо-съ, прїѣду, сказалъ ему Евсеѣй Осиповичъ.

Молодые люди вскорѣ, потомъ, уѣхали.

Ливановъ продолжалъ сидѣть, по крайней мѣрѣ, часа два; лицо его почти непрерывно то хмурилось, то волновалось.

Не мѣшаегь при этомъ замѣтить, что ему было около 70 лѣтъ!

ГЛАВА II.

Провинціальные остатки въ моемъ героѣ.

Баклановъ поѣхалъ съ Софи въ одной каретѣ.

— Чтò этотъ господинъ надувшись такъ сидитъ? спросилъ онъ.

— Не знаю, что-то не въ духѣ, отвѣчала она, не находя видно нужнымъ объяснять болѣе подробно. — А ты у кого былъ? прибавила она.

— У Проскриптъскаго! отвѣчалъ Баклановъ недовольнымъ голосомъ.

— Ну, и чтò же тамъ?

— Такъ, чертъ знаетъ чтò: три какихъ-то небольшихъ комнатки, и въ нихъ, по крайней мѣрѣ, до пятидесяти человекъ, и все это, изволите видѣть, новые, передовые люди...

И Баклановъ съ грустію развелъ руками.

— Въ мою молодость, когда я былъ здѣсь, продолжалъ онъ, Петербургъ былъ чиновникъ, низкопоклонникъ, торгашъ, составитель карьеры, все, чтò ты хочешь, но все-таки это были взрослые люди, которые имѣли передъ собой и не совсѣмъ, можетъ-быть, чистыя, но очень ясныя и определенныя цѣли, а тутъ какіе-то мальчишки, съ бессмысленными ребяческими стремленіями. Весь городъ обратился въ мамъ-чешекъ....

— Но гдѣ же весь городъ? возразила Софи.

— Разумѣется не по числу, но все-таки на нихъ смотрять, въ нихъ видать что-то такое... думаютъ, наконецъ, что это сила....

— Зачѣмъ же ты ѣдешь въ это общество, когда оно не нравится тебѣ? спросила Софи.

— Что жь не нравится?... вопервыхъ, самъ хозяинъ очень умный человекъ, со свидѣніями, кабинетный только.... все равно что схимникъ. Я зналъ его еще въ университетѣ. Онъ и тогда ничего живаго не понималъ.... воздухомъ дышать не считалъ за необходимость, искусства ни одного не признавалъ, а только вотъ этакъ, знаешь, ломать все подъ идею.

Софи покачала головой, какъ будто бы и она въ самомъ дѣлѣ находила, что это не хорошо.

— Но самъ-то еще Богъ съ нимъ! продолжалъ Баклановъ:— можетъ-быть, и искренно убѣжденъ въ томъ что говорить.... По крайней мѣрѣ, сколько я его знаю, онъ всегда болѣе или менѣе держался одного.... но что это за общество, которое его окружаетъ, этотъ цвѣтъ послѣдователей его ярыхъ, это ужасно! воскликнулъ Баклановъ.

— Кто жь это такіе? спросила его Софи равнодушно.

— Разные господа, и статскіе, и военные, нелѣпѣе которыхъ трудно что-нибудь и вообразить себѣ: въ головѣ положительнаго ничего! пусто! овищъ!... Заберутся въ это пустое пространство двѣ-три модныхъ идейки.... Что онѣ такое, откуда вытекаютъ? онъ и знать этого не хочетъ, а претъ только въ одну сторону, какъ лошадь съ колеромъ, а другіе при этомъ еще и говорунки; точно мельницы, у которыхъ нѣтъ нужныхъ колесъ, и есть лишніа: мелеть, стучать, а ничего не вымалываетъ.

— Это ужасно! повторила при этомъ Софи.

— Вотъ-рыхъ, наша братія помѣщики: одинъ изъ нихъ, напримѣръ, я глубоко убѣжденъ, крѣпостникъ адскій, а кричать и требуетъ въ Россіи фаланстеріи.

— Что такое фаланстерія? перебила его Софи.

— Такъ, чтобы все государство сдѣлать въ родѣ фабрики или казармъ; чтобы люди одинаково жили и одѣвались.

— Что за гаупости! возразила Софи.

Баклановъ въ отвѣтъ ей пожалъ только плечами.

— Наконецъ, семинаристы-дуботолки, продолжалъ онъ: имъ еще въ рижорикѣ дозами отбили печенки и воспитали въ нихъ ненависть ко всему, еже есть сущаго въ мірѣ.

— Это смѣшныя, должно быть! замѣтила Софи.

— Да, не благоухаютъ свѣтостью! подхватилъ Баклановъ; наконецъ, здѣшніе студенты, которые ничего не

дѣлають и ничѣмъ не занимаются.... Мы тоже ничего въ наше время не дѣлали; но по крайней мѣрѣ сознавали и стыдились этого, а они еще гордятся.... гражданами они, изводите видѣть, хотять быть, права земли Русской хотять отстаивать.... какія?... кто ихъ просить о томъ?

И Баклановъ склонилъ даже голову.

— Чтобъ охарактеризовать этотъ кругъ, прибавилъ онъ съ улыбкой, дѣти вашего милаго Эммануила Захарыча тутъ, и въ числѣ самыхъ почетныхъ гостей.

— По богатству, можетъ-быть, объяснила Софи.

— То-то и есть, что нѣтъ! А по уму, по направленію своему. Они ходять, говорятъ, ораторствуютъ. Это дрянъ баснословная! воскликнулъ Баклановъ.

— Что жъ тебя-то это почему такъ тревожить? спросила наконецъ Софи.

— Нѣтъ, это нельзя, нельзя! говорилъ онъ: этому надобно всѣми средствами противодѣйствовать!

— Но какъ же ты будешь противодѣйствовать?

— Я буду издавать журналъ на эстетическихъ, а не на случайныхъ основаніяхъ, и буду постепенно облачать ихъ безсмыслицу и безобразіе. Главное, мнѣ Ливанова надобно затянуть въ это дѣло. Онъ человѣкъ умный и со связями съ настоящими учеными.

— Нѣтъ, онъ не станетъ: да теперь, я думаю, ничѣмъ ужъ и заниматься не можетъ.

— Станетъ, потому что: что же можетъ быть почтеннѣе и благороднѣе для старика, какъ не возвращать общество къ человѣческому смыслу?

Софи опять покачала отрицательно головой.

— Не совѣтовала бы я тебѣ съ нимъ сходитьсь: будетъ еще чаще ѣздить къ намъ, а это очень непріятно! проговорила она.

— Мнѣ кромѣ связей его, подхватилъ Баклановъ, надо для денегъ его втянуть; у него ихъ пропасть, а у меня пока нѣтъ!

— Да денегъ возьми у меня сколько хочешь, а то я хуже проживу ихъ.

— Мерси. А ты много здѣсь прожила?

— Ужасно! тысячь десять ужъ.

— Боже мой! Боже мой! воскликнулъ Баклановъ.

— Я не знаю, онъ у меня, какъ вода, такъ и пьвуть изъ рукъ! объяснила Софи.

ГЛАВА III.

Евсевій Осиповичъ совсѣмъ прелестенъ!

Въ Знаменской гостиницѣ есть прекрасная читальная комната.

Баклановъ велѣлъ ее приготовить для своего вечера.

У содержателя отеля онъ взялъ серебряный самоваръ и весь серебряный сервизъ; сказалъ чтобы служили двое людей, и велѣлъ имъ надѣть бѣлые галстуки.

Онъ любилъ эту маленькую роскошь и вообще привыкъ къ ней въ своей семейной жизни.

На этотъ вечеръ, вмѣстѣ съ прочими гостями, былъ приглашенъ и авторъ сего разказа.

Собственно говоря, Баклановъ былъ старый мой знакомый. Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ довольно часто бывалъ у меня, толковалъ о томъ, о семъ; печалился, что нѣтъ ни одного чисто эстетическаго журнала.

Получивъ приглашеніе, я предугадывалъ что умыселъ иной тутъ былъ.

По приѣздѣ моемъ, Баклановъ прежде всего представилъ меня Софи, которая совершенно какъ хозяйка сидѣла за чайнымъ приборомъ.

— Ваша супруга? спросилъ я, зная, что онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ женатъ.

— Нѣтъ, это кузина моя, Мше Ленева! Она не на долго приѣхала въ Петербургъ, и была такъ добра, что взялась быть у меня хозяйкой.

По маленькимъ розовымъ пятнышкамъ, выступившимъ при этомъ на щечкахъ Софи и по не совсѣмъ спокойному покло-ну, я сейчасъ же понялъ, что тутъ было что-то такое да не то!

Баклановъ, между тѣмъ, повернулъ меня и познакомилъ съ другимъ молодымъ челоувѣкомъ, джентльменски одѣтымъ и съ чрезвычайно красивыми бакенбардами.

— Monsieur Юрасовъ!... нашъ бывший губернский страпчій, а теперь оберъ-секретарь, сказалъ онъ.

Я и безъ того, впрочемъ, догадывался, что это долженъ быть правовѣдъ или лицеистъ.

Баклановъ, затѣмъ, обернулъ меня въ третью сторону—тамъ стоялъ, въ толстомъ драповомъ сюртукѣ, съ низко опущенною на талии сабельною перевязью, молоденькій офицеръ, со вздернутымъ носомъ и вообще съ незначительною физиономіей.

Monsieur Петцоловъ! сказалъ онъ:—сынъ нашей бывшей губернаторши.

Я не безъ любопытства посмотрѣлъ на этого господина, бывшего нѣкогда столь милымъ шалуномъ, и теперь выросшаго почти до сажени. На мой поклонъ онъ поклонился полунебрежно и опять оперся на свою саблю. Этою позой онъ, кажется, по преимуществу былъ доволенъ.

Мы усѣлись.

— Я вотъ сейчасъ, началъ Баклановъ,—разказывалъ господамъ, что намѣренъ приступить къ изданію журнала чисто эстетическаго.

Я покраснѣлъ и потупился при этомъ.

Послѣднее время столько господъ говорили мнѣ о своемъ намѣреніи издавать журналъ, столько приступили къ этому, что стало, наконецъ, совѣстно слушать, какъ будто бы взрослый человѣкъ вамъ говорилъ: „А я вотъ сяду на палочку верхома, да и поѣду!“

„Ну и поѣзжай, думалось мнѣ,—дуракъ этакій!“

Пробурчавъ что-то такое въ отвѣтъ Бакланову и воспользовавшись тѣмъ что въ это время былъ разлитъ чай, я поспѣшилъ отойти отъ него и сѣсть около хозяйки. Здѣсь мое вниманіе, чтобы не сказать сердце, было поглощено самымъ очаровательнѣйшимъ образомъ: изящнаго и благороднаго выраженія лица, какъ было у Софи, я не встрѣчалъ. Ея густые, смолянистые волосы лежали у ней на головѣ толстыми змѣями. Цвѣтъ кожи былъ нѣжности Киприды въ ту минуту, какъ та вышла изъ вѣны морскою. Талія именно тамъ и возвышалась, гдѣ желалось того самому прихотливому вкусу, тамъ и суживалась, гдѣ нужно было чтобы было узко. Одѣта она была не то чтобы какъ для дома, и не то чтобы какъ для гостей.

„Господи! думалъ я: родятся же на свѣтъ такія красавицы, отъ одного созерцанія которыхъ чувствуешь неописанный восторгъ.“

Баклановъ, кажется, это замѣтилъ.

— Кузина почитательница ваших сочиненій, сказалъ онъ.

— Ахъ, да! отвѣчала Софи, куда на меня убійственный взглядъ.

Но я видѣлъ очень хорошо, что ангелъ этотъ не читалъ ни строчки моихъ сочиненій, да и врлѣ ли что-нибудь читалъ!

На моемъ, довольно продолжительномъ, вѣку мнѣ приходилось видѣть три формаціи женщинъ: дѣвицъ и дамъ моей юности, которыя все читали; потомъ, въ лѣта боѣе возмужалыя, дѣвицъ и дамъ ничего не читавшихъ, но за то отлично наряжавшихся и превосходно мотавшихъ деньги, къ разряду которыхъ собственно и принадлежала Софи, и, наконецъ, съ дальнѣйшимъ ходомъ разказа, мнѣ, можетъ-быть, придется представить вниманію читателя барышню совсѣмъ нывѣшнюю, которая мало что читаетъ, но сейчасъ все и на практику переводить.

Во время всѣхъ этихъ моихъ разсужденій ладей вошелъ и доложилъ:

— Генералъ Ливановъ!

Баклановъ всталъ и, какъ человѣкъ свѣтскій, нисколько не принялъ раболѣпной позы, а напротивъ какъ-то еще небрежнѣе закинулъ волосы свои назадъ; но вошелъ рѣшительно величественный старикъ.

— Здравствуйте! сказалъ онъ, кланаясь всѣмъ общимъ поклономъ и потомъ тотчасъ же сѣлъ напротивъ Софи.

Всѣ мы: молодцоватый Баклановъ, вашъ покорнѣйшій слуга не совсѣмъ худощавый, сухопарый правовѣдъ и жиденькій Петдоловъ, показали противъ него рѣшительно дѣтьми, и одна только Софи спорила съ нимъ во впечатлѣніи, и то своею красотой.

Когда Ливановъ, бывъ еще не старымъ директоромъ, докладывалъ однажды министру, тотъ вдругъ обернулся къ нему и вскричалъ:

— Да кто же изъ насъ министръ, вы или я? Вы такимъ тономъ мнѣ говорите!

— Приближаясь къ розѣ, ваше высокопревосходительство, невольна приемишь ея запахъ! отвѣчалъ на это Ливановъ.

И министръ повѣрилъ ему.

Я видѣлъ, что старикъ былъ одѣтъ въ самый новый парикъ, въ отличнѣйшій, дорогаго сукна, фракъ, въ брилліантовые запонки и въ щегольской рубашкѣ. Отъ него такъ и благоухало тончайшими духами.

Баклановъ сталъ ему рекомендовать насъ.

При моей фамиліи, Ливановъ нѣсколько подольше и попристальнѣе чѣмъ на другихъ, остановилъ свой взглядъ на мнѣ.

Софи надила чаю и подала ему.

Онъ ее поблагодарилъ величественнымъ, но молчаливымъ наклоненіемъ головы.

Баклановъ, между тѣмъ, все что-то егозилъ и беспокоился.

— Мы вотъ, дядюшка, сейчасъ разсуждали, началъ онъ:— какое безобразіе нынче происходитъ въ литературѣ: Пушкина называютъ альбомнымъ поэтомъ и всюду дѣзетъ грязь и сало этой реальной школы! Какія были у насъ дарованія: какой-нибудь въ Москвѣ Варламовъ, Мочаловъ, здѣсь—Брюловъ, Глинка, — все это перемерло; другіе, которые еще остались—старѣются, новыхъ никого не является... Надобно же какъ-нибудь все это поднять и возбудить!

Евсевій Осиповичъ, слушая племянника, при концѣ, зажмуривалъ даже глаза, какъ бы затѣмъ чтобъ ярче вообразить себѣ рисуемую передъ нимъ картину.

— Возбудить никогда ничего нельзя-съ!... заговорилъ онъ наконецъ.—Все возбужденное всегда ложно и фальшиво: сила и энергія пьянаго человѣка не есть сила, сомъ напившагося опіума не есть успокоеніе.

— Но отчего? Я не такъ, можетъ-быть, выразился; ну, не возбудить, а развить! возразилъ ему Баклановъ.

— Это все равно, не въ словѣ дѣло, перебилъ его Евсевій Осиповичъ:—вамъ, напримѣръ, никакъ теперь не возбудить и не развить идеальной пластики греческой; въ мірѣ, во всемъ человѣчествѣ нѣтъ этого представленія! Вамъ Рафаэлевскихъ мадоннъ не возвратить, какъ не возвратить и самого католицизма съ его деталями. Вотъ вамъ французская псевдоклассика и вообще вся эпоха ренессансъ были возбужденные,—что они принесли намъ? Звучныя, пустыя, безъ содержанія, слова, прихотливыя, затѣйливыя, но безъ настоящаго вкуса и смака формы.

Говоря это, Евсевій Осиповичъ взмахивалъ глаза то на меня, то на Софи, и вообще, кажется, хотѣлъ уронить этимъ споромъ въ глаза нашихъ Бакланова.

— Но однако музыка есть еще до сихъ поръ! воскликнулъ тотъ.

— Какая-съ? Революціонная! подхватилъ Евсевій Осиповичъ, —вы слышали ли а l'armіe?... Паеосъ оперы на концѣ блес-

нувшихъ кинжаловъ, и раскусите это! заключилъ онъ, подмигнувъ лукаво на всѣхъ гостей.

— Я совсѣмъ не то говорю; я не хочу только этого крайняго развитія реализма, возразилъ было Баклановъ.

Но Ливановъ не обратилъ даже вниманія на его слова.

— Миръ есть, продолжалъ онъ,—волнообразное и феноменальное обнаруженіе одного и того же вѣчнаго духа: одна волна встала, взошла до своего тахітиса и пала, не подыметь ужъ ее!.. Не откуда этой силы взять и влить ее внутрь міра, да и отверстій нѣтъ для того!

— Вѣдь, это, дядюшка, извѣстная, старая вещь: мистицизмъ и пантеизмъ! возразилъ было опять ему Баклановъ.

— Чтò жъ мистицизмъ! воскликнулъ, весь побагровѣвъ, Евсеій Осиповичъ:—чтò вы мнѣ въ укоръ ставите то чего вы и не нюхивали... Для моего Бога нѣтъ фòрмы: я вѣрю въ его вѣчную, вездѣсущую и всетворящую силу. Шутку какую взяли: мистицизмъ и пантеизмъ! Такъ вотъ сейчасъ, какъ кругъ пальца повернулъ и порѣшилъ все!

При этихъ словахъ Евсеій Осиповичъ безпрестанно ужъ кидалъ на меня взгляды; но я далъ себѣ слово сохранять упорнѣйшее молчаніе и, кромѣ того, нечего грѣха таить, больше всѣхъ ихъ разговоровъ меня занимала Софи.

„Все это, думалъ я, суета; а вотъ прелестное-то Божье творенье!“

Петцоловъ также, видно, раздѣлялъ мое мнѣніе и, положивъ попрежнему руку на саблю, все время глядѣлъ на Софи.

Но въ разговоръ вмѣшался правовѣдъ и рѣшилъ, какъ видно, поддерживать Бакланова.

— Вы изволите говорить, обратился онъ вѣжливо къ Ливанову,—что не вольешь силы. Однако мы видимъ, что одинъ человекъ дѣлаетъ цѣлую эпоху: Петръ, напримѣръ.

— Чтò жъ вашъ Петръ? воскликнулъ и ему Евсеій Осиповичъ:—втиснулъ въ народъ нѣсколько насильственныхъ государственныхъ формъ, но къ чему онъ годны: и ваша канцелярская тайна, и крѣпостное право, да и войско ваше, пожалуй, такъ-называемое регулярное.

— Однако безъ этого регулярнаго войска другія государства насъ завоевали бы.

— Ну, это еще старуха-то на двое сказала; народъ цѣлый трудно завоевать. Онъ, какъ сѣжъ, колется со всѣхъ сторонъ:

Въ 1612 году и въ 812 народъ отбилъ непріятеля, а вотъ какъ вы въ Крымъ-то съ однимъ регулярнымъ войскомъ пошли, такъ какво васъ отзвонили! Формы государственныя нельзя-съ брать ни у кого; это не наука, которая обща всемъ!.. Распорядки у каждой страны должны быть свои, сообразно цивилизаціи народа, еѣ нравственнымъ, климатическимъ и географическимъ условіямъ, а у насъ, на-те, вотъ, вамъ бранденбургскіе законы, и валляй по нимъ: ни тпру, ни ну, ни на стору и вышло!.. Вы, вѣдь, кажется, оберъ-секретарь сената?

— Точно такъ.

— Хорошо у насъ идетъ, хорошо? спрашивалъ Евсеій Осиповичъ.

На этихъ словахъ его я едва не вмѣшался: Ливановъ, вѣроятно, совершенно забылъ, какъ мы съ нимъ въ 44 году обѣдали въ одномъ домѣ, и онъ громогласно и дерзко объяснялъ цѣлый обѣдъ, что все у насъ идетъ хорошо, и все имѣетъ полнѣйшій историческій смыслъ. И что же теперь онъ говорилъ?

Баклановъ, кажется, тоже это понималъ и былъ въ самомъ досадливомъ расположеніи духа.

— По вашему, значитъ, началъ онъ,—надо признать въ искусствѣ совершеннѣйшій реализмъ; рисовать, напимѣръ, позволяетъ только видъ фабрикъ, машинъ, ну, и пожалуй, портреты съ нѣкоторыхъ житейскихъ сценъ, а въ гражданскомъ порядкѣ, разумѣется, социализмъ: на полумѣрѣ зачѣмъ ужъ останавливаться!

— Вы вотъ опять такими большими вещами какъ мячикомъ играете! началъ ему возражать сначала довольно тихо Ливановъ.—Социализмъ? Что такое социализмъ? Христианство... сила, съ которою распадающаяся Греція смогла стать противъ вашего государственнаго Рима... религія рабовъ... надежда и чаянье бѣдныхъ и угнетенныхъ. Что вы на социализмъ-то пофыркиваете. Оближите еще прежде пальчики, да потомъ его кушайте!

— Однако нельзя же, возразилъ ему правовѣдъ,—при томъ по крайней мѣрѣ состояніи, въ которомъ находится теперь Европа, приводить его въ практику: у насъ всѣ города, всѣ жилища выстроены не такъ.

— Я не знаю, что можно и что не можно, а знаю только, чего жаждетъ душа моя. Хочу, чтобы равенъ былъ человекъ

человѣку: хитростью и лукавствомъ мы только вскочили одинъ другому на шею и ѣдемъ.

— Все это прекрасно, но мы безтоаково къ этому идемъ! Посмотрите, что кругомъ васъ дѣлается! воскликнулъ Бакаловъ.

— Не знаю-съ, толково ли, не толково ли, отвѣчалъ ему почти съ презрѣніемъ Ливановъ,—но знаю, что идемъ мы!... идетъ и Европа!... шалить она, если, по временамъ, подкуриваетъ настоящему распорядку!... Всѣ очень хорошо понимаютъ, что человѣческія общества стоятъ на вулканѣ. Вотъ откуда идутъ всѣ эти безпокойства и стремленія къ реформамъ; но врагъ идетъ, дудки! Не убаюкаете его ни вашими искусствами, открытыми для всѣхъ въ музеяхъ и картинныхъ галлерейхъ; ни Божескимъ, по вашему мнѣнію, правосудіемъ вашихъ жури; ни превосходными парламентскими рѣчами; ни канальскимъ молчаніемъ, ни канальскими словами въ Тюльери,—врагъ идетъ! и въ лицѣ англійскаго пролетаріата, и во французскомъ работникѣ, и въ угнетенномъ Италіанцѣ, и въ истерзанномъ негрѣ, а тамъ, пожалуй, съ дуру-то, и мы Русскіе поприставемъ, по пословицѣ, что и наша рука не шербата—а? Такъ ли, ланка? Горитъ ли при этомъ твое юное сердце? заключилъ Евсеій Осиповичъ, обращаясь уже къ Софи.

— Очень, отвѣчала она, не понявъ и половины его словъ.

— Выемли Богу истины и правды, человѣкъ! продолжалъ Евсеій Осиповичъ, потрясая рукою:—изухищрайся умомъ твоимъ, какъ знаешь, и спускай твой общественный корабль въ болѣе свободное и привольное море; не зажимай ушей отъ стона гладныхъ и хладныхъ; скорѣй срываай съ себя багряницу и сокровища свои, и кидай ихъ въ толпу, иначе она сама придетъ и возьметъ у тебя все...

Старика слушали со вниманіемъ даже стоявшіе тутъ лакеи.

Правовѣдъ началъ нѣсколько женироваться.

— Опасность, которую вы такъ поэтично описали, не такъ еще, кажется, близка! возразилъ онъ не совсѣмъ, впрочемъ, самостоятельнымъ голосомъ.

— А еслибъ и не такъ близка?... Благородно оставлять дѣло въ такомъ положеніи?... Благородно? крикнулъ на него Евсеій Осиповичъ.

Вѣжливый оберъ-секретарь потупился.

— Покуда хлѣбное дерево не распространено по всему земному шару, дѣло нельзя поправить: для того чтобы сдѣлать одного образованнаго человѣка, непременно надобно пять, шесть чернорабочихъ силъ!

— Да что вы мнѣ все этими подробностями-то тычете глаза! восклицалъ Евсей Осиповичъ, вставая и смотря на часы:—Я вамъ говорю о голосѣ вѣчной и величайшей правды, раздающемся изъ-подъ всякаго историческаго, матеріалистическаго, эгоистическаго мусору; а вы мнѣ зажимаете ротъ мелочами.... дрянью.... сегодняшнимъ.... Прощайте-ка, однако, мнѣ пора ѣхать къ министру на раутъ, прибавилъ онъ и началъ со всѣми цѣловаться и даже офицера облобызалъ троекратно.

— Ну, сирена, столь же заманчивая и столь же холодная, поцѣлуй ужъ и ты! сказалъ онъ Софи.

Та его сейчасъ же поцѣловала.

— Прощайте-съ, сказалъ онъ собственно мнѣ, лукаво улыбувшись.

— Каковъ старичишка, а? сказалъ Баклановъ, когда дядя уѣхалъ.—Эка шельма! вскричалъ онъ и затопалъ ногами.

Софи покачала ему укоризненно головой.

— Не могу я, кузина, этого переносить! горячился Баклановъ:—теперь вотъ о Богѣ, о вѣчной правдѣ и всетворящей любви говорилъ; а туда поѣдетъ, оду хвалебную Державина будетъ какому-нибудь господину читать. Что онъ у васъ въ сенатѣ, напримѣръ, дѣлаетъ? обратился онъ къ оберъ-секретарю.

— Я не знаю, собственно, отвѣчалъ тотъ, съ приличною ему скромностью,—это въ другомъ департаментѣ; но говорить, что совѣтъ очень умнымъ человѣкомъ и ничего не дѣлаетъ, больше разказываетъ старичкамъ разные скабрзные анекдоты.

— А, каковъ каналья! продолжалъ восклицать Баклановъ.

Но мнѣ старикъ, напротивъ, понравился: предаровитѣйшей, должно-быть, натуры былъ человѣкъ!

ГЛАВА IV.

Иродіада.

Мой милѣйшій Бакаановъ почти на моихъ глазахъ началъ передѣлываться.

Вопервыхъ, послѣ рѣчей Евсевія Осиповича, онъ объ эстетическомъ журналѣ не говорилъ уже ни ползвуча.

Потомъ однажды пріѣхалъ ко мнѣ:

— Какой случай, началъ онъ:—у кузины моей (при этомъ онъ немного покраснѣлъ) украдены были деньги въ билетѣ. На дняхъ, ея воровка явилась въ банкъ; ее захватили, разумѣется, и теперь она пишетъ изъ тюрьмы, и проситъ пріѣхать къ ней меня или Софи.

— Зачѣмъ же?

— Не знаю. Подѣмте, пожалуйста; вдвоемъ насъ скорѣе можетъ-быть пропустить.

— Извольте! отвѣчалъ я.

Мы повѣхали: насъ сейчасъ же впустили и провели въ большую пріемную залу. Черезъ нѣсколько минутъ въ намъ вышла Иродіада, худая, блѣдная, но все еще съ довольно красивымъ, или, по крайней мѣрѣ, умнымъ лицомъ.

Бакаановъ со мною и съ нею отошелъ нѣсколько въ сторону.

Иродіада на меня подозрительно посматривала.

— Чтѣ тебѣ, любезная, нужно отъ меня? началъ Бакаановъ.

— Я, Александръ Николаичъ, такъ какъ въ несчастіи моему взята была теперича за кражу денегъ у Софьи Петровны....

— Ну, чтѣ жь такое? Вѣдь ты украла ихъ?

— Украла-сь, и такъ какъ я тоже теперь признаніе хочу сдать во всемъ.... не знаю, примутъ ли отъ меня-то господъ чиновники. Я желаю, чтобъ и вы были свидѣтелемъ тому.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Бакаановъ,—но къ чему тутъ мое свидѣтельство?

— Я тоже теперь, продолжала Иродіада, какъ бы скорѣе говоря какую-то затверженную рѣчь:—жила, вѣдь, съ господиномъ Мозеромъ.

— Знаю это, произнесъ Баклановъ.

Я хотѣлъ было отойти въ сторону.

— Ничего, оставайтесь! сказалъ мнѣ Баклановъ.

— Оставайтесь, ничего-съ! повторила за нимъ и Иродіада:— тогда, жимши у старой барышни, продолжала она,—словно въ царствѣ небесномъ была, покой въ душѣ и сердцѣ своемъ чувствовала, клятву даже имѣла, чтобы въ монастырь идти....

Проговоря это, Иродіада на нѣсколько времени замолчала и потупилась.

— Отчего жь ты не пошла? спросилъ ужь я ее.

— Врагъ, сударь, дьяволъ не допустилъ мнѣ того! Какъ вольную въ руки взяла, вдругъ воли и свободы разной захотѣлось: вмѣсто монастыря къ Софьѣ Петровнѣ пошла-съ.

— Ты, любезная, и тутъ могла бы спастись, замѣтилъ ей Баклановъ.

— Нѣтъ-съ, сударь, какое ужь спасенье въ такой суетѣ.... При старой барышнѣ, бывало, какъ на колѣнкахъ цѣлая ночь промаливалась, врагъ-то человѣческій иной разъ и подойдетъ, да какъ видитъ человѣка-то кругомъ крестами огражденнаго и отойдетъ, а тутъ какъ лба-то съ утра не пере-крестишь, такъ доступъ ему всегда есть.

Мы невольно взглянули съ Баклановымъ другъ на друга.

— А тутъ онъ видитъ, что я клятву свою преступила, и самъ въ образъ человѣка вошелъ и въ когти взялъ.

— Это въ Мозера-то? спросилъ Баклановъ.

— Да-съ, развѣ люди они? отвѣчала Иродіада.

— Не люди?

— Нѣтъ-съ; Христа убили, что ужь тутъ!

Иродіада опять при этомъ потупилась.

— Не знаю, какъ примуть отъ меня чиновники, снова заговорила она,—а что этотъ самый Мозеръ.... Конечно, что онъ человѣкъ теперь мертвый, а что онъ самый и будгалтера въ острогѣ отравилъ и полковничьихъ людей убить господина подговаривалъ. Черезъ одного человѣка и переговоры шли; это я за вѣрное знаю.

Мы опять переглянулись съ Баклановымъ.

— Черезъ какого же это человѣка? спросилъ онъ.

— Для чего другихъ, сударь, путать? Про себя я ничего

скрыть не желаю, а других не для чего.... Теперь и насчет смерти господина Мозера.... можетъ, кого клепать ставить.... Я говорила господамъ чиновникамъ, они мнѣ на это только и сказали: „ну, говорить, пасти больше“, а что это я ему смерть причинила.

— То-есть, оправдала его? спросилъ Баклановъ.

— Да-съ, тоже они, надругавшись и насмѣявшись надо мной, опять было стали ходить ко мнѣ и все спрашивали меня: кто это сочиненіе тогда написалъ-съ? Я имъ сначала сказала, а потомъ, какъ Виктора Петровича въ острогъ посадили, сама тоже испужалась, чтобъ и мнѣ чего не было, и сдѣлала имъ это.

— Чѣмъ же ты отравила его?

— Мышьякомъ-съ... Для крысъ было для дому-съ куплено, въ чай имъ и поддвала-съ.

— Неужели же онъ не разчухалъ?

— Спрашивали-съ: что, говорить, чѣмъ это пахнетъ? Я говорю: вода у насъ не хороша.

— Сколько ты, однако, совершила преступленій! невольюно проговорилъ я.

Иродіада посмотрѣла на меня.

— Что, сударь, такъ какъ, значить, перваго своего обѣщанія не сдержамши, все одно въ гееннѣ быть должно... въ отчаянности все это больше дѣлала.. Здѣшнія муки супротивъ адскихъ много легче, пускай ужъ здѣсь помучать.

— Что же это тебѣ тетушка Биби, что ли, разказывала? спросилъ ее Баклановъ.

— Что, сударь, тетушка Биби? Не одни онъ, и сама своимъ умомъ думала.

Баклановъ усмѣхнулся.

— Вы, одѣвайте милость, Александръ Николаичъ, чтобы все это господа чиновники прописали.

— Вѣроятно пропишутъ... Что имъ тебя жалѣть?

— Сдѣлайте милость! Я затѣмъ и писала къ вамъ-съ! сказала Иродіада, а затѣмъ поклонилась намъ и уведена была солдатомъ въ свое отдѣленіе.

— Вѣдь это религіозное помѣшательство! говорилъ мнѣ Баклановъ, когда мы вѣхали съ нимъ домой:—изъ одного неисполненнаго обѣщанія цѣлый рядъ преступленій... Надѣлаю ли, я васъ спрашиваю, что-нибудь столько вреда человѣку, какъ религія! восклицалъ онъ.

ГЛАВА V.

Пикникъ.

Прошелъ мѣсяцъ. Въ рѣчахъ Бакланова начали появляться такого рода серьезныя фразы, что покуда самый послѣдній бѣднякъ не съѣтъ, ни одинъ честный богачъ не долженъ спать спокойно!

О, какъ всѣмъ этимъ онъ становился мнѣ милъ, и какое общее я видѣлъ въ немъ явленіе всей этой шумящей около меня, какъ пущенная шутиха, жизни!

Софи тоже какъ будто бы становилась ко мнѣ все болѣе и болѣе благосклонною. Главною причиною ея вниманія служило, кажется, то, что, около этого времени, въ нашемъ постоянномъ обществѣ, начала появляться любовь къ литераторамъ, и происходили такъ-называемыя литературныя чтенія. Чтобы достать на нихъ билетъ, Баклановъ прискакалъ ко мнѣ, какъ сумасшедшій, велѣлъ мнѣ, по приказанію Софи, сейчасъ же ѣхать и доставать. Я поѣхалъ и доставалъ. Софи была на этомъ чтеніи. Я читалъ, и Софи это видѣла.

Но, впрочемъ, какъ разказывалъ мнѣ Баклановъ, она говорила, что собственно душки были только Майковъ и Поневскій... „Хорошо еще, что Тургенева она не видала, а то вотъ бы бѣда!“ подумалъ я.

Передавъ это, Баклановъ однако сейчасъ же прибавилъ, что Софи непременно требуетъ, чтобъ я сегодня же пріѣхалъ къ ней, и всѣ мы поѣдемъ прокатиться на рогатку.

Я зналъ изъ какого суетнаго и минутнаго чувства былъ предметомъ вниманія, которое и прежде еще стѣснѣлъ отъ коварныхъ петербургскихъ дамъ; но, все-таки не могъ удержаться и поѣхалъ.

Войдя въ номеръ Софи, мы вошли въ какое-то жилище феи. Она успѣла уже закупить себѣ ковровъ, бронзы, фарфора.

Мне Круаль, занявшая при Эммануилѣ Захаровичѣ мѣсто Софи и пріѣхавшая послѣднее время съ нимъ въ Петербургъ,

была у ней. Въ прелестной шляпкѣ и прелестномъ подобранномъ платьѣ она смотрѣла въ окно...

Софи тоже была совсѣмъ готова.

Петцоловъ, въ нѣсколько мечтательной позѣ, стоялъ, опершись на каминъ.

— Мы давно васъ ждемъ! сказала Софи.—Вѣроятно, все это monsieur Писемскій! Ему не хочется съ нами ѣхать.

— Напротивъ! отвѣчалъ я и чувствовалъ, что покраснѣлъ при этомъ до ушей.

— Я съ monsieur Писемскимъ сяду на задней скамейкѣ, а madame Круаль съ monsieur Петцоловымъ на передней, а ты на козла съ кучеромъ! сказала Софи Бакланову.

— Fort bien! отвѣчалъ онъ.

Мы всѣ вышли и усѣлись.

Въ воздухѣ совсѣмъ почти стемнѣло.

За заставой вьюга начала слѣпить намъ глаза.

Тройка неслась что есть духу.

Я чувствовалъ, что плечо Софи въ салонѣ прикасалось къ моей рукѣ и, при малѣйшемъ наклоненіи сакей, она прижималась ко мнѣ.

По временамъ я видѣлъ ея лицо, блиставшее даже въ темнотѣ красотой.

Чортъ знаетъ, что таксе происходило со мною!

За обѣдомъ я держалъ глаза потупленными внизъ и слышалъ только, что Софи и madame Круаль щебетали между собой, какъ птички. Изрѣдка къ нимъ приставалъ и Петцоловъ.

Баклановъ былъ что-то очень серьезенъ.

— Вы знаете, Иродіаду совсѣмъ выпустили изъ острога на поруки къ какому-то ковенскому купцу, сказалъ онъ.

Я посмотрѣлъ на него.

— Какъ она говорила: въ полиціи ничего не записано, только и сказано, что билетъ Софи она нашла.

Я улыбаюся.

— Значить, все подкуплено. Можно ли жить въ подобномъ государствѣ?

— Тутъ не государство виновато, замѣтилъ я.

— Нѣтъ-съ, государство! возразилъ, съ удареніемъ, Баклановъ.—Я вотъ написалъ было объ этомъ статью, не пропустили.. Теперь пишу другую, о крестьянскомъ дѣлѣ, и тоже что будетъ—неизвѣстно.

— Поздно ужъ! сказалъ я.

— Чтò жь, нельзя же такъ сидѣть, сложа руки! возразилъ Бакаловъ:—не знаю, я читалъ ее у Прокриптскаго; хвалать.
— Васъ тамъ дурачатъ, если хвалать, сказалъ я ему серьезно.

Бакаловъ нѣсколько этимъ обидѣлся.

— Вашимъ словамъ въ этомъ случаѣ нельзя вполнѣ довѣрять: вы человекъ другого лагеря, проговорилъ онъ.

— Какъ вамъ угодно! отвѣчалъ я.

Въ это время встали изъ-за стола.

— Mesdames, voulez-vous danser? сказалъ Бакаловъ, сядя за рояль и начавъ веселую кадрили.

Madame Круаль сейчасъ же сама подхватила Петцолова за руку и встала съ нимъ, но ему, кажется, хотѣлось не того: онъ ястребомъ глядѣлъ на Софи.

— Monsieur Цисемокій! Со мной извольте, скомандовала та.

Я, дѣлать нечего, пошелъ.

Софи явно со мной кокетничала.

— Сядемте лучше! сказала она въ четвертой фигурѣ и ушла со мной чуть ли не въ уголъ.

Я свѣз около нея.

— Вамъ все это вѣрно надоѣло... скучно!... сказала она.

— Съ такой прелестной дамой, какъ вы, развѣ можетъ быть что-нибудь скучно, отвѣчалъ я.

— А я развѣ прелестна? спросила она невиннѣйшимъ голосомъ.

— Больше чѣмъ прелестны, вы красавица.

— О, какой вы льстецъ! воскликнула Софи.

Въ это время Петцоловъ съ нахмуреннымъ лбомъ, давно уже стоялъ передъ нами и дожидался.

— Ахъ, какъ это несносно! сказала Софи, нехотя вставая и переходя къ нему.

Петцоловъ, кажется, ужасно на нее сердился; но, не смѣя ничего ей сказать, окрысился на свою даму.

— Отчего вы не протанцуете канкаль? сказалъ онъ ей грубо.

— Voulez-vous? сказала та.

— Madame Круаль хочетъ танцовать канкаль, отвесивъ Петцолову къ Бакалову.

— Volontiers, сказалъ тотъ, и еще веселѣй заигралъ.

— И Софи должна танцовать, прибавилъ онъ.

Француженка, поднявъ юбку платья, раза два мотнула ножкой.

— А вы? обратился я къ Софи.

— Вы хотите? сказала она, и прошла, ловко пошевеливая всю талией и поднявъ платье довольно высоко. Обнаруженные при этомъ ботинка и чулокъ были восхитительны.

Баклановъ, однако, все еще, видно, занятый своими общественными соображеніями, прекратилъ наше удовольствіе и объявилъ, что пора вѣхать домой.

Мы усѣлись въ прежнемъ порядкѣ и повеселись.

— Я говорила monsieur Писемскому, начала, обращаясь къ Бакланову, Софи,—что его, вѣроятно, ничто это не занимаетъ.

— Есть-таки, есть холодокъ и безучастіе, подхватилъ Баклановъ.

— А у васъ жаръ; только не вашъ, а вѣтромъ надутый, объяснилъ я ему.

— Именно, именно! подтвердила Софи и, прощаясь, крѣпко пожала мнѣ руку.

„О, сирена, сирена!..“ подумалъ и я вмѣстѣ съ Евсеіемъ Осиповичемъ.

ГЛАВА VI.

Совсѣмъ оципанная вѣтвь благороднаго древа.

Наступило великое 19-е февраля 1861 года.

Въ Петербургѣ ожидали движенія въ народѣ.

Французскій и бельгійскій посланники съ утра еще велѣли заложить себѣ экипажи и поѣхали по стогнамъ града Петра видѣть agitation du peuple, и только около Михайловскаго дворца увидѣли толпу помоголюднѣе.

— Enfin ce lion s'est reveillé! воскликнули они и, выйдя изъ экипажа, подошли.

Въ толпѣ молодой парень, строго разговаривая, торговалъ у солдата старые штаны, а другіе смотрѣли на него.

Но за то „ce lion“ пошевелилася въ другихъ мѣстахъ: въ Безднѣ собралось тысячъ шесть народа, и тамъ разстрѣляли Антова Петрова.

Доктора говорилъ, что въ это время появилась новая бо-
лезнь, которую можно было назвать: *желчно-дворанскою*.
Герой мой тоже заболѣлъ чѣмъ-то въ родѣ этого.

Послѣднее время я почти съ нимъ не видался.

Онъ, какъ самъ даже много разъ выражался, совершенно
присталъ къ такъ-называемой крайней партіи и писалъ са-
мыя рыанья статьи. Только природное благодушіе его и все-
таки порядочное воспитаніе не допускали его сдѣлаться окон-
чательно петербургскимъ обличителемъ.

Я видѣлъ очень хорошо, что все это происходило изъ того
же чувства, по которому онъ ни за что бы въ свѣтѣ не надѣлъ
старомоднаго фрака, какъ бы ни было ему удобно въ немъ!

— Искренности, искренности я больше желаю отъ васъ
Баклановъ! сказалъ я ему однажды.

— Я совершенно искрененъ, совершенно! отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Нѣтъ и вѣтъ! кричалъ я ему.

— Совершенно, совершенно! повторялъ онъ.

Софи я тоже видѣлъ всего одинъ разъ. Она попалась мнѣ
въ превосходнѣйшихъ парныхъ саняхъ на Невскомъ и, на-
рочнo остановившись, кричала мнѣ, укоризненно качая го-
ловою:

— Хорошо, хорошо!

Вскорѣ послѣ того я получилъ отъ Бакланова записку, въ
которой онъ писалъ что боленъ и просилъ къ нему заѣхать.
Я поѣхалъ.

Больнаго я засталъ хоть не въ постелѣ, но желтаго какъ
лимонъ.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Такъ, простудился...

Нѣсколько времени мы молчали.

— Я въ деревню ѣду, заговорилъ наконецъ Баклановъ.

— Зачѣмъ?

Онъ грустно усмѣхнулся.

— Чтобы спасти хоть послѣднія крохи, а то раззорился
совершенно, не промотавъ самъ ни копѣйки.

Я взглянулъ на него вопросительно.

— За два года предъ симъ у меня состояніе было, про-
должалъ Баклановъ, пересчитывая по пальцамъ:—двѣсти пять-
десять душъ моихъ, двѣсти пятьдесятъ женинныхъ, семьде-
сятъ пять тысячъ чистыми деньгами... Деньги всѣ утонули на
акціяхъ... Кредитныя мѣста были закрыты; чтобы жить, я

занималъ въ частныхъ рукахъ, чортъ знаетъ подъ какіе проценты. Теперь мужики, разувѣтся, не станутъ платить оброковъ, ни ходить на барщину.

— Капитализируйте скорѣй! сказалъ я ему на это.

— Что жь капитализировать? Сто двадцать рублей за душу, а за вычетомъ частныхъ и казенныхъ долговъ рублей по пятидесяти, да бумаги эти, вѣроятно, еще упадутъ на биржѣ, итакъ, двухсотъ-тысячное состояніе превращается въ десяти-тысячное.

— Скорѣй кладите эти деньги въ землю, обрабатывайте ее!

— Да я не умѣю этого, не приученъ къ тому, отвѣчалъ Баклановъ,—ни моимъ воспитаніемъ, ни тѣмъ правомъ, съ которымъ я владѣлъ моимъ состояніемъ; и такъ не я одинъ: а и Сидоръ, и Кузьма, и Петръ, цѣлое сословіе!

— Почти! отвѣчалъ я.

— Что жь осталось дѣлать послѣ этого?

— Ступайте въ службу, сказалъ я, не совсѣмъ искреннимъ тономъ.

— Именно! подхватилъ Баклановъ:—Самое ужь потаенное мѣсто: совершенно не видать, годенъ ли на что человѣкъ или нѣтъ.

— Совершенно не видать, подтвердилъ и я.

— Вѣдь это, я думаю, вздоръ, что нынче не то! развивалъ Баклановъ.—Также какъ и прежде одни только протежѣ возвышаются и любимы; также встряхиваютъ казну; также ничего не дѣлаютъ, а если дѣлаютъ такъ пустяки.

Баклановъ въ этотъ разъ былъ очень золъ.

— Это ужасно, ужасно! повторялъ ояъ, ходя взадъ и впередъ.

— Чѣмъ отчаиваться, не лучше ли каждому взять себя за правило: „врачу исцѣлился самъ“, сказалъ я.

— Ну что жь? это одна только фраза!... ахъ, кстати, прибавилъ ояъ: — Софи просила меня, не прочтете ли вы у ней что-нибудь... У ней соберутся: дядя нашъ Ливановъ, другъ нашъ правовѣдъ, Петцоловъ этотъ... Пожалуста!

Я даже покрасѣлъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ я.

Читать передъ Софи?.. Это что-нибудь, должно-быть, очень пріятное или по крайней мѣрѣ оригинальное!

ГЛАВА VII.

Странная переменна.

Когда нашъ великій Пушкинъ вѣхалъ куда-нибудь читать въ великосвѣтскій салонъ, то ужь конечно своими двумя, тремя волшебными стихами побѣждалъ цѣлый рой красавицъ своевольныхъ.

Нашъ безцѣнный другъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, опахивая какъ бы вѣтромъ какимъ благоухающимъ сердца прелестнаго пола, возбуждаетъ въ нихъ самыя благородныя и возвышенныя чувствованія, давая имъ и философию немного, и чувства, и страстей, сколько это принято въ хорошемъ обществѣ.

Ольга Гончарова, на нашихъ глазахъ, произвела на одну очень милую, умную и молодую даму такое впечатлѣнiе, что она зажала себѣ глаза рукой, закачала головкой и произвела: „О, какъ бы я хотѣла встрѣтить Обломова, полюбить его и влюбить въ себя.“

На нашихъ, наконецъ, глазахъ, въ Александринскомъ театрѣ, зрительницы обливались горькими слезами въ *Грозь*, сочувствуя страстямъ Катерины.

Ничего подобнаго на йоту, на мизинецъ авторъ никогда не производилъ своими слабыми твореніями на прекрасный полъ. Къ равнодушію молодыхъ, прелестныхъ дамъ, какъ это на грустно для него, онъ давно и совершенно ужь привыкъ.

Но на что жь онъ, безумецъ, надѣялся, чего ожидалъ, вѣдавъ читать къ Софи?

Въ немъ какъ будто бы два человѣка были въ эти минуты: одинъ изъ нихъ говорилъ, что онъ истерзаетъ эту бѣдную женщину скукою, что совершенно уже упадетъ въ ея глазахъ, а другой говорилъ: ступай! что тебѣ за дѣло до ощущенія другихъ; для тебя лично будетъ наслажденіе читать сему чудному существу, и поѣзжай!

И авторъ поѣхалъ.

Въ салонѣ Софи всѣ уже были въ сборѣ: Петцоловъ въ этотъ разъ на своемъ толстомъ, драповомъ сюртукѣ имѣлъ золотой аксельбантъ; Евсеѣй Осиповичъ пріѣхалъ, повидимому, на цѣлый вечеръ; у правовѣда бакенбарды замѣтно подросли и сдѣлались еще болѣе солидны.

— Мерси, monsieur Писемскій, мерси говорила Софи, ангельски улыбаясь и пожимая мнѣ руку.

Ливанову я поклонился, не подходя къ нему, и онъ, не вставая съ своего мѣста, склонилъ свою голову.

Съ Петцоловомъ мы тоже раскланялись издали.

— Что вы именно будете читать намъ? спросилъ меня Бакаановъ, бѣванный и худой.

— Последнюю мою вещь: *Старческій грѣхъ*, отвѣчалъ я не безъ ударенія.

Я съ умысломъ хотѣлъ страданіями моего бѣднаго романтика намекнуть, кому надо, на мои собственные чувствованія.

— Ахъ, это мой милый Іосафъ, воскликнула вдругъ Софи.

— Вы читали? спросилъ я ее. „Софи читала!“ подумала я: „ужъ въ самомъ дѣлѣ не влюбилась ли она въ меня!“

Бакаановъ, между тѣмъ, отнесся къ Евсеѣю Осиповичу.

— Онъ будетъ намъ читать свое произведеніе: *Старческій грѣхъ!*

Ливановъ опять величественно склонилъ свою голову.

— Все, что вышло изъ-подъ пера ихъ, мнѣ пріятно, сказалъ онъ ласково-обязательнымъ тономъ.

— Господиъ Писемскій реалистъ, сказалъ Петцоловъ.

Я ничего ему не возразилъ, а удивился только, что онъ знаетъ это ученое слово.

Читать меня Софи посадила противъ себя, и при этомъ я долженъ былъ сложить со столика *Петербургскія Вѣдомости*, *Современникъ* и *Русскій Вѣстникъ*.

„Странно что-то это,“ думалъ я.

Евсеѣй Осиповичъ тоже сѣлъ противъ меня.

Петцоловъ наклонился за стуломъ Софи.

Бакаановъ сѣлъ въ углу. Ему, видимо, было ни до чего!

Приступивъ къ чтенію, я хотѣлъ поскорѣе перейти къ сценамъ любви; но, къ удивленію своему, замѣтилъ, что слушатели мои, какъ только я сталъ описывать гимназическое воспитаніе, ужасно заинтересовались.

На томъ мѣстѣ, гдѣ моего героя сѣкутъ, я видѣлъ, что

большіе глаза Софи въ ужасѣ раскрылись. Я нарочно въ концѣ этой сцены поприостановился.

— Это ужасно! говорила она.— У насъ въ пансіонѣ точно также... меня свкли!

— Васъ, Софья Петровна? Господи! воскликнулъ я, воображая себѣ, какъ это можно, чтобъ ее свкли.

— Увѣрю васъ, а голодомъ такъ по цѣлымъ недѣлямъ морили!

— А помните, отозвался изъ угла Баклановъ,— у насъ учитель латинскаго языка въ гимназіи— схватить за волосы и начнетъ таскать по-полу, да пинками еще бьетъ въ грудь.

— У насъ въ корпусѣ, когда четыреста розогъ давали и мальчикъ закричитъ, такъ подлецомъ считали! добавилъ Петцоловъ съ своей стороны.

Не дѣлали мнѣ никакихъ замѣчаній только правовѣдъ и Евсеій Осиповичъ. Послѣдній даже съ нѣкоторою гримасой сказалъ мнѣ:

— Продолжайте, пожалуйста!

Я перешелъ наконецъ къ сценамъ любви и чувствовалъ, что голосъ мой дрожалъ душевными нотами, которыя, казалось бы, должны были прямо проходить въ то сердце, въ которое предназначались.

Замѣчанія, впрочемъ, начались тогда только, какъ я началъ описывать разныя лица, къ которымъ Іосафъ вѣдиль занимать деньги.

— Вотъ кто пропріетеры-то! воскликнулъ Баклановъ, когда я прочелъ о скупомъ молодомъ купцѣ;— ихъ бы надобно душить....

На томъ мѣстѣ, гдѣ я описывалъ пьянаго майора, вмѣшался Петцоловъ.

— У насъ до сихъ поръ еще есть батальонный командиръ, который ежегодно по два мѣсяца пьетъ запоемъ.

— Читайте, пожалуйста, дальше! перебилъ его, обращаясь ко мнѣ, Евсеій Осиповичъ.

Я продолжалъ.

Когда описывалось, какъ взяли Іосафа въ острогъ, какъ производилось свидѣніе надъ нимъ, участіе со всѣхъ сторонъ было полное.

— Какой гадкій этотъ полицеймейстеръ! замѣтила Софи.

Когда же я прочелъ, какъ тѣло Іосафа въ тюрьмѣ, упавъ, звякнуло, она даже вздрогнула.

— Бѣдный! проговорила она.

— Чудесно! чудесно! воскликнулъ Бакаловъ.

— Какъ славно вы разныхъ этихъ канальевъ обрисовали! замѣтилъ Петцоловъ.

— Этакіе случаи возможны только при закрытомъ судѣ! замѣтилъ правовѣдъ.

— Конечно! отвѣчалъ я ему.

Около двадцати уже лѣтъ мое авторское самолюбіе получаетъ щелчки оттуда и отсюда, и все-таки я не приучилъ себя наблюдать, какъ и что вокругъ меня происходитъ.

Но видѣлъ и подмѣтилъ все это Евсеій Осиповичъ.

Въ продолженіе всего этого чтенія и отзывовъ, у него не сходила съ губъ насмѣшливая улыбка.

Стали поспѣшно подавать ужинать, и мы всѣ усѣлись.

Я посаженъ былъ около хозяйки.

— Чудесно! чудно! говорила она.

Я скромно, но не безъ удовольствія тупился.

— Вы вотъ, какъ видно, наблюдая жизнь, обратился вдругъ ко мнѣ Евсеій Осиповичъ,— скажите: какая по преимуществу поражаетъ васъ въ теперешнемъ нашемъ обществѣ черта?

— Право не знаю! отвѣчалъ я.

Мнѣ не хотѣлось съ нимъ говорить.

— Черта все-таки движенія впередъ, подхватилъ Петцоловъ.

Евсеій Осиповичъ не взглянулъ даже на него.

— Черта торопливости! продолжалъ онъ, исключительно обращаясь ко мнѣ.— У насъ все какъ-то скоро поспѣваетъ. Каково это выходить, того не разнюхивай очень, но за то скоро.

Я сначала и не понялъ, къ чему онъ эту рѣчь клонить.

— Вотъ у васъ вѣдь этотъ эксельбантъ академическій? обратился онъ вслѣдъ за тѣмъ къ Петцолову.

— Да-съ, отвѣчалъ тотъ серьезно.

— Я, напримѣръ, продолжалъ Евсеій Осиповичъ, опять какъ бы обращаясь ко мнѣ:—самъ нѣкогда въ молодости служилъ въ военной, знаю теперь весь верхъ военный, и, признаюсь, предполагалъ въ нашемъ воинствѣ всѣ возможныя добродѣтели: и храбрость, и честность рыцарскую, и стойкость, но никакъ ужъ не ученость; такъ вотъ было и изживалъ съ тѣмъ вѣкъ, только разъ иду по Невскому, одинъ мнѣ попадается офицеръ съ ученымъ эксельбантомъ, другой, третій,

наконецъ сотня; „Что такое, говорю,—это все ученые?“ „Все ученые,“ говорятъ. Вотъ-те на! сразу тысячь пять пона-дѣлали.

— Это не ученость, а знакъ одинъ! проговорилъ было Пет-цоловъ съ насмѣшливою улыбкой.

— Знакъ вещь важная-съ! воскликнулъ ему Евсевій Осиповичъ:—для французскаго инженера кордѣ предметъ Богъ знаетъ какихъ честолюбивыхъ мечтаній и трудовъ. Они, сдѣлавъ два, три открытія, стяжаютъ это.... А вы вотъ, вамъ надѣли это, вы ужь думаете: „Э! баста! я ученый....“

Мнѣ самому дѣйствительно странно было видѣть на Пет-цоловѣ ученыи эксельбантъ.

Онъ покраснѣлъ и сказалъ какимъ-то глухимъ гелосомъ:

— Я вамъ позволяю это говорить только какъ старику...

— Что мнѣ позволять-то? возразилъ ему, нисколько не сробѣвъ, Евсевій Осиповичъ:—я говорю не лично про васъ а про весь, во всей его окружности, фактъ.

Затѣмъ послѣдовало довольно не довкое и продолжительное молчаніе.

— Мысль лучше больше поощрять, чѣмъ гнать и пре-слѣдовать ее, проговорилъ наконецъ, какъ бы сообразивъ, Баклановъ.

— Это не мысль поощрять, отвѣчалъ Евсевій Осиповичъ,—а бессмысліе, которымъ, извините меня, и вы и все общество полны: мы вотъ нѣсколько мѣсяцевъ были у васъ, и вы, въ противодѣйствіе общественному направленію, предполагали издавать какой-то эстетическій журналъ, а госпожа племянница, кромѣ какъ о своихъ букаляхъ и юбкахъ врядъ ли о чемъ и думала въ то время, но сегодня пріѣзжаемъ и ка-кихъ гражданъ въ васъ встрѣчаемъ: при каждомъ намекѣ на малѣйшее общественное зло, сердца ваши наполняются гнѣвомъ и негодованіемъ. Она, напримѣръ, молодая и, вѣро-ятно, еще пылкая женщина, проходитъ съ невниманіемъ и зѣвотой, когда ей читаютъ, со слезами въ голосъ, про любовь: нѣкогда ей заниматься симъ браннымъ удовольствіемъ; въ ней одинъ огонь горитъ, огонь гражданки!

Софи сидѣла, потупясь, но Баклановъ поблѣднѣлъ.

— Не годы же употреблять на то, чтобы начать честно думать! проговорилъ онъ:—для другихъ, кто постарше, конечно, это трудно; но намъ еще, слава Богу, не семьдесятъ лѣтъ!

— Нѣтъ-съ, годы! закричалъ на него Евсевій Осиповичъ,

мало того, десятки лѣтъ... столѣтій! Прочтите-ка хорошія исторіи, и поучитесь, какъ и какими испытаніями дѣлались настоящіе-то граждане; а то вотъ она, прибавилъ онъ, снова показывая головой на Софи,—то, что есть въ ней, она скрываетъ, а къ чему участвуетъ, то джетъ, того нѣтъ у ней въ душѣ.

— Ну ужъ и дгунья я! сказала Софи.

Баклановъ опять заступился за нее.

— Откуда же къ вамъ-то, дядюшка, разныя христіянскія, социалистическія и мистическія идеи пришли? спросилъ онъ насмѣшливо:—Жизнь ваша не совсѣмъ же согласна со всѣмъ этимъ была.

— На меня вамъ нельзя указывать-сь! вывернулся Евсеіи Осиповичъ,—я родился, выросъ и жилъ въ вѣкъ рабства и холопства, я долженъ былъ вилять хвостомъ, а вы призваны на болѣе чистое служеніе.

Говоря это, онъ уже поднимался.

— Благодарю! сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—вашъ полетъ не высокъ, не орлиный, но не лживый.

И, отдавъ прочимъ холодный поклонъ, вышелъ.

— Да ты сказала ему, что мы завтра увъжаемъ? обратился Баклановъ къ Софи.

— Сказала, за это и бѣсится, отвѣчала она съ улыбкой.

— А вы завтра увъжаете? спросилъ я.

— Увъжаемъ, monsieur Писемскій, увъжаемъ! отвѣчала Софи съ сожалѣніемъ.

— Она ѣдетъ въ свое имѣніе, а я въ свое, подхватилъ Баклановъ.

Я на это молча только поклонился.

„Такъ вотъ чѣмъ наслаждались въ моемъ произведеніи, думалъ я, ѣдучи домой:—да и то, по словамъ Евсеіи Осипыча, притворно!“

ГЛАВА VIII.

Что собственно занимаетъ ее.

Сердце мое не утерпѣло:

На другой день я поѣхалъ проводить моихъ друзей на желѣзную дорогу.

Въ первой же, со входа, комнату, я встрѣтилъ Бакланова, съ дорожною сумкой черезъ плечо и въ фуражкѣ.

— Мерси, Писемскій, сказалъ онъ, съ чувствомъ пожимая мнѣ руку и даже цѣлуясь со мной...—Софи тамъ въ отдѣленіи перваго класса.

Я прошелъ туда, и такъ случилось, что подошелъ къ Софи сзади. Возлѣ нея, низко, низко наклонясь стоялъ Петцоловъ. Я невольно приостановился и не подходилъ къ нимъ.

Говорила Софи:

— Онъ несносенъ... Теперь онъ раззоряется и выходитъ изъ себя, какъ будто бы я въ томъ виновата, тогда какъ я живу рѣшительно независимо отъ него...

— Надобно не зависѣть и отъ любви къ нему.

— Я его не люблю...

— Надобно доказать это на дѣлѣ.

Софи грустно покачала головой.

— Для женщины это не такъ легко, сказала она.

— Для умной женщины это должно быть совершенно легко, проговорилъ Петцоловъ и потомъ довольно небрежно прибавилъ:—Я буду писать къ вамъ!

— Нѣтъ, невозможно, отвѣчала Софи серьезно:—я лучше сама вамъ напишу.

— Но до тѣхъ поръ я умру.

— Нѣтъ живите! произнесла Софи явно нѣжнымъ голосомъ. Я, можетъ-быть, и еще бы узналъ что-нибудь, но въ это время входилъ Баклановъ. Я поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

— Я все ищу! сказалъ я.

— Да вотъ она, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Мы подошли.

Софи кинула на Бакланова разсѣянный взглядъ, но увидѣвъ меня, рѣшительно просіяла радостью.

— Ахъ, monsieur Писемскій! какъ это мило съ вашей стороны. Мерси, мерси, говорила она и даже пододвинулась чтобъ я сѣлъ рядомъ съ ней.

Я сѣлъ.

Мнѣ было немножко досадно на нее, но, главное, меня возмущалъ Баклановъ: неужели онъ ничего не видалъ, что кругомъ его происходитъ, или, можетъ-быть, находить въ этомъ удовольствіе?

— Скажите, пожалуйста, вы ѣдете теперь къ семейству вашему? спросилъ я его.

— Нѣтъ, семейство мое въ К..., отвѣчалъ онъ, какъ-то еще ниже склоняя свою потупленную голову.

Онъ, попрежнему, былъ замѣтно грустенъ.

— У васъ, вѣдь, есть дѣти? продолжалъ я его пытаться.

— Есть, отвѣчалъ небрежно Бакалановъ.

— Какъ вамъ, я думаю, грустно о нихъ; вы болѣе полу-года не видали ихъ.

Бакалановъ мнѣ на это ничего не сказалъ; а заговорилъ о чемъ-то съ проходившимъ мимо кондукторомъ.

Софи только мимоходомъ прислушивалась къ словамъ своимъ и продолжала грустно любезничать съ гусаромъ. Она въ этомъ случаѣ, кажется, нисколько не отвѣнялась Бакалановымъ.

— Вы до самой вашей деревни поѣдете съ Александромъ Николаичемъ вмѣстѣ? спросилъ я ее.

— Нѣтъ, мы только по желѣзной дорогѣ... до Москвы.

— Но ваши имѣнія въ одной, вѣдь, губерніи?

— Да, но потому мы съ нимъ поѣдемъ въ разное, вѣроятно время!...

— Нѣтъ, не правда, вмѣстѣ поѣдутъ, сказалъ, подмигнувъ мнѣ, Петцоловъ.

— Какъ вы смѣете такъ говорить! сказала ему Софи, больше шутя.

Объ этомъ предметѣ они, видно, совершенно свободно разговаривали.

Мнѣ ужасно хотѣлось сказать какую-нибудь дерзость Софи.

— Вы ужасная притворщица! началъ я прямо.

— Не можетъ быть, нѣтъ! воскликнула она.

— У васъ все только для наружности, и даже я знаю что такое въ васъ есть искреннее.

— Ну что же во мнѣ есть искренняго... что искренняго? скажите! пристала она ко мнѣ.

— Сколько могу отгадывать, такъ любовь къ разнообразію.

— Въ чемъ къ разнообразію?

— Во всемъ.

— Совершенно вѣрно, совершенно! подхватила Софи, дѣлая видъ, что не понимаетъ къ чему я это сказалъ.

— Это такъ, да, подтвердилъ и Петцоловъ.

Въ это время ударилъ звонокъ и всѣ встали.

Софи стояла, поправляя платье сзади. Хороша и величественна въ эти минуты она была божественно!

Баклановъ простился со мною нѣжно, и почему-то у насъ. у обоихъ навернулись при этомъ слезы на глазахъ.

Софи, прощаясь съ Петцоловымъ, явно съ нимъ шепталась. Я еще разъ видѣлъ ея лицо, когда она, сѣвъ въ вагонъ, приложила его къ окну и еще разъ кивнула головкой мнѣ и Петцолову.

Мы пошли съ нимъ вмѣстѣ изъ воксала.

— Скажите, что за отношенія у мадамъ Леневои съ Баклановымъ? спросилъ я невиннѣйшимъ голосомъ.

— Она живетъ съ нимъ, отвѣчалъ онъ мнѣ.

— И вы, кажется, не совсѣмъ къ ней равнодушны.

— Нѣтъ, что же! Разумѣется, немножко! отвѣчалъ онъ, не думая нисколько, видно, скрывать въ этомъ случаѣ.

— Ну, смотрите, Баклановъ васъ убьетъ: онъ бѣшеный, вспыльчивый!

— О, нѣтъ, у нихъ это совсѣмъ на другихъ основанiяхъ.

— На другихъ?

— Онъ можетъ дѣлать что хочетъ; она тоже... по этимъ, знаете, новымъ правиламъ.

— По новымъ?

— Да, въ наше время убѣдились, наконецъ, что глупость же хранить вѣрность, ревновать другъ друга.

— Разумѣется! подтвердилъ я.

Въ это время мы вышли на подъездъ. Онъ сѣлъ на превосходную пару, на которой я разъ видѣлъ Софи, и понесся по Невскому, зацѣпляя извозчиковъ и пѣшеходовъ.

„И это тоже прогрессистъ! Несчастливая, несчастная моя родина!“ воскликнулъ я.

Не объ общественномъ, разумѣется, служенiи говоримъ мы здѣсь. Благословенна будь та минута, когда въ обществѣ появились стремленiе къ нему! Но гнѣвомъ и ужасомъ исполняется наше сердце, когда мы подумаемъ въ чемъ положили это служенiе: въ проведенiи не то что ужъ отвѣченныхъ мыслей, а скорѣй какихъ-то предвкусенiй мыслей. И кто, наконецъ, эти соль земли, эти избранные, пришедшiе къ общественной трапезѣ!.. Остроумные пустозвоны, считающiе въ ловкой захлесткѣ рѣчи всю суть дѣла!.. Торгаши, умѣющiе безконечно пускать въ ходъ небольшой запасецъ своей душевной горечи!.. Всевозможныхъ родовъ возмужалые и юные свичи, всегда готовые чѣмъ вамъ угодно наполнить свои пустоту!..

ГЛАВА IX.

Разказы Венявиныхъ.

Перехожу снова къ объективному способу.

Незаконные мои любовники, прѣхавъ въ провинцію, въ свой родной городъ и, остановясь въ грязныхъ номерахъ лучшей гостиницы,—Софи въ одномъ номерѣ, а Бакаловъ въ другомъ,—осмѣлились дать о себѣ знать одному только старинному другу Бакалова,—Венявину. Тотъ сейчасъ же спачаа прибѣжалъ одинъ, потомъ побѣжалъ за супругой.

Женатъ онъ былъ на доброй Машѣ, дочерѣ священника. Первый разъ онъ увидѣлъ ее у Лемевыхъ, прѣхавъ къ нимъ визитъ дѣлать, и сейчасъ же влюбился въ нее. Мама тоже въ него влюбилась. Они сочетались, и до сихъ поръ столько же разъ и съ такою же вѣжностью каждодневно цѣловались, какъ и въ первый день своего брака. Дѣтей у нихъ было человѣкъ десять.

Оба толстенькіе, оба коротенькіе, расфрантясь сколько возможно, они прибѣжали къ нашимъ петербургскимъ гостямъ сильно взволнованные какъ пріятнымъ этимъ свиданіемъ, такъ и вообще разными совершившимися въ это время въ городѣ и около происшествіями.

Всѣ помѣстились въ комнатѣ Софи, которая, чувствуя себя не такъ здоровою, сидѣла печальная и грустная, завернувшись въ свою теплую, дорожную шаль.

Венявины беспрестанно говорили одинъ за другимъ и даже перебывали другъ друга.

— Я не помѣщикъ, а чиновникъ; но это невозможно, невозможно! кричалъ Венявиль, топорщась всѣмъ тѣломъ.

— Помѣщицу Коврову, подхватила его толстенькая и совершенно съ ангельски-кроткимъ лицомъ супруга, — пошла она съ дѣвучкой въ баню, трое мужиковъ подошли къ оконку да и смотрять. Она говоритъ: „Подите прочь!“ Они пошла да коломъ дверь-то съ наружи и приперли. Всю ночь въ банѣ-то и просидѣла: кричала, кричала, никто въ цѣлой деревнѣ не отперъ!

— Да, да! подтвердилъ и мужъ.—Она пришла къ губернатору жаловаться: а онъ ей говорить: „Вы отсталая, говорить, женщина, крѣпостница!...“

— Да кто онъ, изъ моряковъ, что ли? спросилъ Баклановъ,
— Изъ моряковъ.

— Ну такъ вотъ что мнѣ про него въ Петербургѣ рассказывали: у него съ корабля упалъ матросъ—ему бросили тамъ что-то такое, вытащили его, и онъ сейчасъ же велѣлъ дать ему сто ливковъ, зачѣмъ слытъ закричать, когда упалъ въ воду; а теперь челоуѣколюбивый эманципаторъ.

— Я тебѣ говорю, братецъ! восклицалъ Венявинъ.

— Нашего старика таки удалили наконецъ! Нашли несовременнымъ! продолжалъ Баклановъ.

— Но, вѣдь, тѣ лучше были, честнѣе, горячился Венявинъ,—тѣ откровенно по крайней мѣрѣ дѣйствовали, а это иезуиты—пошли ихъ царство небесное на землѣ вводить, или какъ Иродъ младенцевъ рѣзать, они одинаково будутъ это дѣлать за жалованье.

— Поля-то, Господи, — вмѣшалась опять Маша, не менѣе мужа взволнованная;—поля-то у помѣщиковъ такіа большущія, на половину стоятъ не запаханныя и не забороненныя.

— Будетъ голодъ, непременно, непременно! поддерживалъ Венявинъ.

— Этакъ неприятно и ѣхать въ деревню, проговорила наконецъ Софи, все время молчавшая и даже врядъ ли слышавшая что кругомъ ея говорили.

— Ай, да вы и не ѣздите! Просто страшно! подхватила Маша.—У папеньки столько теперь прѣзжаетъ помѣщиковъ и останавливается: „Не можемъ, говорятъ, жить въ деревнѣ; очень ужъ намъ грубятъ и обижаютъ насъ!“

— Скоро по дорогамъ, пожалуй, будутъ грабить! прибавилъ, разведя руками, Венявинъ.

— Да что-й-то, Николай Гаврилычъ, какъ это ты такъ говоришь: будутъ! прикрикнула на него Маша:—и грабятъ ужъ! Вотъ къ папѣнкѣ мужикъ за навозомъ ѣздитъ, такъ ѣхалъ пьяный въ воскресенье изъ города—ограбили!

— А мы сегодня ночью думали было выѣхать! проговорила опять Софи.

— Ай, вѣтъ, душечка, Софья Петровна, ангелъ мой! Не ѣздите! воскликнула Маша.

— Нѣтъ, нѣтъ! подтвердилъ и Венявинъ.

Эти два кроткія существа рассказали потомъ еще такихъ страховъ и ужасовъ, что даже сами напугались и побоялись идти пѣшкомъ домой, а попросили послать человека нанять шьхъ извозчика.

Баклановъ и Софи, по отъѣздѣ ихъ, не оказавъ другъ съ другомъ ни слова, разошлись по своимъ комнатамъ и каждый, съ своими грустными мыслями, улегся почивать: видно, незаконная любовь также имѣетъ свойство охлаждаться, какъ и законная!

ГЛАВА X.

Прежнее Ковригино.

Были стрѣмькія, мокрѣя, сумерки.

По той же самой дорогѣ, съ которой нѣкогда мы начинали нашъ разказъ, ѣхала Софи съ Баклановымъ, и какая разница была въ томъ поѣздѣ и въ этомъ: вмѣсто домодѣланныхъ крытыхъ саней и развалней — лондонской сборки карета; лошади не крѣпостныя, а вольнонаемныя, идущія какою-то развалистою походкой. Высокій малый, извозчикъ, сидѣлъ безъ всякой церемоніи и безпрестанно курилъ. Наконецъ, въ экипажѣ сидѣли не мужъ съ женой, а любовникъ съ любовницей, и не стыдились такъ ѣхать въ свое имѣніе.

Тетущка Биби, что чувствуютъ твои кости при этомъ!

Почтенная дѣвица сія, какъ только полученъ былъ первый манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, захирѣла и померла!

— Я родилась, и умру госпожой своихъ людей! были почти послѣднія ея слова передъ смертью.

Наслѣдницей она оставила Софи, единственно потому только, чтобъ имѣніе не досталось мерзавцу Виктору.

Когда въѣхали въ усадьбу, первое что кинулось въ глаза было домъ съ заколоченными окнами.

Баклановъ самъ долженъ былъ выйдти изъ экипажа, чтобы выкликнуть кого-нибудь изъ людей.

Онъ на первую пошелъ на добрѣйшую и гауптѣйшую Прасковью, сидѣвшуюся теперь совсѣмъ старою дѣвкой.

— Госпожа ваша, Софья Петровна Ленева, пріѣхала! скажетъ онъ.

— Ай, батюшки, Господи! Барыня пріѣхала! воскликнула эта простодушная дѣвушка, и свѣчала пробѣжала опять въ кухню за ключомъ отъ задняго крыльца, отперла его, пробѣжала по дому и отперла переднюю; потомъ побѣжала въ кухню за свѣчкой и чтобы повѣстить другихъ людей.

Софи все это время сидѣла въ экипажѣ.

Наконецъ Бакаановъ ее высадилъ, и она, въ сопровожденіи Прасковьи со свѣчкой, вошла въ домъ. Оборванные въ залѣ обои висѣли огромными лопастями. Зимнія рамы были еще не выставлены, и къ нимъ пропастъ наприставало околѣвшихъ мухъ. Круглое, въ золотой рамѣ, зеркало, какъ было въ похороны Биби завѣшено чернымъ флеромъ, такъ и оставалось; отсюду пахло уже не ладаномъ и воскомъ, а какою-то могилой и сыростью.

Путники наши прошли въ гостиную. Тамъ, въ углу, стояло старое кресло майора, точно будто бы сейчасъ только сяди его съ нихъ.

Прасковья поставила свѣчку на столъ.

— Самоваръ прикажете-съ? спросила она.

— Да! отвѣчала Софи.

Добрушка эта убѣжала ставить самоваръ.

Бакаановъ и Софи сѣли другъ противъ друга. Обои имъ было грустно. Передъ обоими проходила ихъ прежняя молодость: сколько было надеждъ, въ какой богатой перспективѣ открывалась тогда будущая жизнь, и что жь въ итогъ?

— Вонъ, у этого комода, помните? сказала, съ грустною улыбкой, Софи, показывая глазами на простѣлочное трюмо:— я въ первый разъ васъ поцѣловала.

— Да! отвѣчалъ Бакаановъ.

— А вотъ тутъ, помните, на диванѣ, я разъ, въ сумерки, прикурнула, а вы стали передо мной на колѣни, и вдругъ тетенька Биби вошла, какъ мы перепугались тогда! продолжала Софя.

— Д-да! отвѣчалъ и на это Бакаановъ.

Его душу, въ эти минуты, волновало цѣлое море разнообразнѣйшихъ чувствованій.

Софи встала, подошла къ нему и оперлась на его плечо.

— Грустно мнѣ, другъ мой, грустно! проговорила наконецъ она, склоняясь къ нему головкой.

Бакаановъ обнялъ ее и посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Чтò жь тебѣ грустно? спросилъ онъ ее.

— Такъ.... Ты меня не любишь больше!

— Изъ чего же ты это видишь?

— Такъ.... Ты все сталъ нынче говорить о женѣ своей; говоришь, что она умная, честная, чистая женщина.

Бакаановъ ударилъ себя въ голову.

— О! воскликнулъ онъ:—не напоминай мнѣ объ этоѣ несчастной моей мученицѣ!

— Она твоя мученица, а я, значить, твоя злодѣйка. Вотъ, посмотри: ты ужь и плачешь о ней!

— Нѣтъ, не ее я оплакиваю, а долгъ свой, свои обязанности, надъ которыми я наругался, какъ подлецъ, какъ мальчишка какой!

— А я-то какъ живу всю жизнь! Господи, Господи! воскликнула Софи, въ отчаяннѣмъ развода руками.

— Нѣтъ! Тотъ безумецъ, продолжалъ Бакаановъ,—кто говорить что въ бракѣ нѣтъ таинства. Самъ Богъ тутъ присутствуетъ, и онъ одинъ только можетъ освятить эти между людьми отношенія!

— Именно! подтвердила Софи.—Я тебя, напримѣръ, очень люблю; а прямо и откровенно скажу: мнѣ жить съ тобой гораздо тяжелѣе чѣмъ съ покойнымъ мужемъ моимъ. Тотъ мнѣ гадокъ, противенъ былъ; но я знала, что хоть страдаю, но не грѣшаа и не преступаа.

— Ну, стараго ужь не воротимъ! отвѣчалъ ей мрачно Бакаановъ и поспѣшилъ спустить ее съ колѣнъ.

Входила Прасковья съ самоваромъ.

Софи сейчасъ же принялась сама хозяйничать.

— Подайте сливокъ! сказала она.

Прасковья что-то переминалась.

— Не знаю, матушка, сбѣгаю, ачала потомъ она;—не доять, чу, барскія-то коровы, худыя такія!

— Какъ, неужели же всѣ не доять? Сколько же коровъ?

— Четыре коровы.

— Какъ четыре? У тетушки, я думаю, ихъ было сорокъ!

— Околѣвали-съ, умирали.... Нѣтъ ли хоть у крестьянъ у кого, схожу! отвѣчала Прасковья и опять побѣжала.

Софи и Бакаановъ, оставшись вдвоемъ, грустно усѣхнулись.

Прасковья возвратилась и принесла жиденькаго молочка.

— Ну, ужь мы этого пить не stiamozъ, сказала Софи, отодвигая молочникъ назадъ,—повѣсть намъ тоже, вѣроятно, чего-чего?

При этомъ вопросѣ Прасковья даже покраснѣла.

— Ничего, кажется, вѣтъ-съ.

— И лицъ даже? спросила Софи.

— Перевели барокихъ-то куръ тотчасъ же какъ покойница-то, барышня, окончалась. У курятницы тоже дочка на волю выдана, все теперь и живетъ тамъ-съ.

Баклановъ начиналъ ужь выходить изъ себя.

— Ты вотъ скажи старость, продолжала Софи,—со мной нарочно пріѣхалъ братъ, прибавила она съ удареніемъ, показывая на Бакланова:—онъ завтра же приметъ все по описи, и я вступаю въ управленіе имѣніемъ *серіозно*.

— Слушаю-съ, отвѣчала покорно Прасковья. — Вамъ гдѣ прикажете постель-то оправить, у тетьки въ комнату-съ? спросила она. — Только въ ихъ комнаткѣ постелька-то и осталась.

— А прочія гдѣ же?

— Не знаю-съ.

— Хорошо, у тетки.

— А вамъ гдѣ прикажете-съ? обратилась Прасковья къ Бакланову.

— Обо мнѣ не безпокойся, я вотъ хоть тутъ на диванѣ засну.

— Ты можешь идти, сказала ей Софи.

Прасковья ушла.

Баклановъ пошелъ и заперъ за ней дверь.

— Ты, другъ мой, лягъ у меня въ комнату, сказала ему Софи.

— Непремѣнно! отвѣчалъ онъ, и вскорѣ потомъ они со свѣчой вошли въ комнату Биби.

Огромная кіота съ дорогими образами была заперта и даже запечатана печатью.

— Святыню-то Божью пощадили, не разворовали, сказалъ Баклановъ.

— Да, ужасно какой народъ! сказала Софи.

Затѣмъ они, общими стараніями, отыскавъ подъ образами бутылку съ деревяннымъ масломъ и засвѣтивъ лампаду, улеглись: Софи за ширмами на теткойной постели, а Баклановъ на полу.

При каждом малѣйшемъ шумѣ на улицѣ или въ домѣ, они переговаривались.

— Что такое? спрашивала обыкновенно сейчасъ же Софи.

— Не знаю! отвѣчала, тоже встревоженнымъ голосомъ, Бакановъ, и потомъ ужь только прибавляла:—нѣтъ, ничего! Они боялись, что мужики придутъ и убьютъ ихъ.

ГЛАВА XI.

Староста старый и новый сельскій староста.

На другой день въ комнаты явилась опять одна только Прасковья и, какъ сабдуетъ доброй, хорошей крѣпостной дѣвушкѣ, нѣсколько принарядилась по случаю радостнаго прѣзда господъ.

— Что жь мы будемъ сегодня ѣсть?... Ты пошли мнѣ повара.

— Нѣтъ его, пса экого! Косить ушелъ, верстъ за пятнадцать. Позвольте я ужь состряпаю что-нибудь!

— Сдѣлай милость!... На вотъ тебѣ денегъ.... купи тамъ курицу, говядины, что ли?

— Слушаю-сь. У своихъ-то не укупить, въ Паренново сбѣгаю куплю.

— Но скажи, пожалуйста, отчего жь меня всѣ такъ чуждаются?

— Ну, матушка, народецъ вѣдь у насъ.... сами, я думаю, изволите знать!

Весь этотъ разговоръ происходилъ, когда Прасковья одѣвала Софи.

Та, придя пить чай, разказала все это Баканову.

— Вотъ я вамъ этого старосту вызову, сказалъ онъ и вышелъ на крыльцо.

— Эй ты, любезный! крикнулъ онъ проходившему по двору молодому дворовому малому, который, при видѣ его, сейчасъ же насупился и нахмурился.—Пошли ко мнѣ старосту сейчасъ же!

Парень, больше по привычкѣ повиноваться барскому голосу, повернулся и прошелъ въ старостину избу.

Бакановъ продолжалъ стоять на крыльцѣ.

Парень вышелъ изъ избы.

— Говорилъ-съ.... объяснилъ было онъ коротко и хотѣлъ уйти ободворкомъ.

— Да ты не говоришь, а чтобы сейчасъ онъ здѣсь былъ!... Зуба ни одного у канальи не оставлю!... зарежь Баклановъ.

Парень опять вернулся въ избу.

Староста, мозглый и худенькій старикашка, наконецъ показался и подошелъ къ Бакланову.

— Ты староста? спросилъ тотъ.

— Я, сударь, я, отвѣчалъ тотъ, какъ-то плутовато трясъ головой и точно пряча свои глаза.

— Пойдемъ къ барынѣ, къ госпожѣ твоей! проговорилъ Баклановъ.

Староста пошелъ вслѣдъ за нимъ въ горницы.

— Вотъ онъ-съ! проговорилъ Баклановъ, показывая на него Софи.

Та встала на ноги и собрала, сколько у ней было присутствія духа.

— Отчего вы не хотите ко мнѣ явиться? сказала она.

— Намъ нельзя того! извините насъ, сударыня, на томъ! сказалъ староста, попрежнему потупая глаза.

— Отчего нельзя?

— Воля ужъ, значить, тебѣ: какое явленье! Подъ неволю тоже опять голову-то сунешь, такъ и не выцарапашь!

— Но воля сама по себѣ, а мое право на васъ само по себѣ, говорила Софи.

Староста при этомъ даже усмѣхнулся.

— Нѣту, матушка, правъ этакихъ нынѣ! проговорилъ онъ.

— Да ты извѣстенъ или нѣтъ о духовномъ завѣщаніи? воскликнулъ ему Баклановъ.

— Да что, батюшка, конечно что покойница тогда грѣхъ только изволила лишній на душу взять, писавши это самое; а что умереть изволила, значить, мы вольные: порядки-то нынче извѣстны-съ! отвѣчалъ староста, не ворочая къ нему головы.

— Что жъ вы и работать на меня не будете? спросила Софи.

— Никакъ нѣтъ-съ!

— И оброковъ платить мнѣ не будете?

— Нѣтъ-съ!

— Такъ я васъ заставлю! Ахъ вы, мерзавцы, бунтовщики! вскричала Софи, вся поблѣднѣвъ.

Госпожа въ ней наконецъ проснулась. Она готова была своими хорошенькими ручками вцѣпиться старостѣ въ волосы.

— Сейчасъ чтобъ у меня просили прощенія, сейчасъ! продолжала она, стуча ножкой.

— Миръ-то меня, сударыня, можетъ, теперь поѣдомъ съѣсть, что я и въ домъ-то васъ допустилъ! возражалъ ей староста.

— Меня въ домъ? въ домъ? воскликнула Софи, ударяя себя въ грудь.

— Да какъ же, помилуйте, домъ общественный!

При этомъ Софи и Бакаановъ переглянулись между собой.

— Calmez-vous! сказалъ онъ, беря Софи за руку:—Кто здѣсь посредникъ? обратился онъ къ старостѣ.

— Не можемъ звать-съ, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ не знаешь? спросилъ Бакаановъ, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Дѣловъ тоже никакихъ не имѣли до нихъ, почему намъ звать! продолжалъ староста, вода глазами по полу.

— А, не знаешь, не знаешь! проговорилъ Бакаановъ и, схвативъ старика за воротъ, притряхнулъ его.

Староста позеленѣлъ.

— Посредникъ, ваше благородіе, Иванъ Егорычъ Варегинъ, сказалъ онъ.

Бакаановъ сейчасъ же отпустилъ его.

— Варегинъ! произнесъ онъ радостно.—Пошелъ вонъ! прибавилъ онъ старостѣ, и тотъ какъ бы ничего особеннаго не случилось, посмотрѣлъ себѣ на ноги и вышелъ.

— Ну вотъ и прекрасно! все теперь устроится! сказалъ Бакаановъ, обращаясь къ Софи, которая смотрѣла на него вопросительно.

— Параша, Параша! крикнулъ онъ убиравшей въ сосѣдней комнатѣ чашки Прасковья.—Нѣтъ ли кого послать за посредникомъ.

— Пошлите-съ сельскаго старосту! Онъ у насъ тутъ недалеко въ Парееновѣ живетъ-съ, отвѣчала ему та шепотомъ.

— Сбѣгай, ради Бога, произнесъ Бакаановъ.

— Я нищенкую пошлю-съ; самое-то, пожалуй, наши дьяволы увидятъ и изобьютъ еще! отвѣчала Прасковья и ушла.

Черезъ нѣсколько времени явился сельскій староста, молодой, вѣжливый мужикъ.

— Свѣзди, любезный, за посредникомъ, сказалъ ему Баклановъ.

— Слушаю-съ! отвѣчалъ тотъ съ видимою готовностью.

— Что такое, скажи, пожалуста, отчего это неповиновение ко мнѣ? спросила, выйдя къ нему, Софи.

Староста модно переложилъ изъ руки въ руку шляпу.

— Богъ знаетъ, сударыня, отвѣчалъ онъ, какъ-то особенно ужимая губы.—Надо такъ полагать, что глупость одна ихъ.

— Такъ ты имъ растолкуй, сказала Софи.

— Намъ они, сударыня, не вѣрять, какъ не по ихъ говоришь... Все одно, вы, говорять, отъ начальства....

— Пожалуста, свѣзди! повторила Софи.

— Слушаю-съ! отвѣчалъ староста и ухмалъ.

— Чтобы не обманулъ онъ! сказалъ Баклановъ.

— Нѣтъ, свѣздитъ-съ! Онъ у Софьи Петровны лѣсу хочетъ торговать, такъ свѣздитъ-съ! объяснила Пасковья.

Баклановъ и Софи возвратились въ гостиную.

— Варегинъ мнѣ пріятель и отличнѣйшій человекъ: онъ сейчасъ все устроить, заговорилъ первый.

— Но я боюсь, другъ мой, онъ сейчасъ, пожмуъ, придуть, сказала Софи.

— Пускай идуть; у меня револьверы готовы. Прежде, чѣмъ они дотронутся до тебя, человекъ двадцать уложу!... произнесъ Баклановъ и положилъ на столъ дѣйствительно два револьвера.

Софи, между тѣмъ, принялась плакать: она была очень разсержена.

ГЛАВА XII.

Посредникъ.

Варегинъ пріѣхалъ въ тотъ же день.

Молодые хозяева наши все еще продолжали сидѣть въ гостиной и не смѣли носу оттуда показать.

Баклановъ принялъ друга въ распростертыя объятія.

Нѣсколько времени они молчали, и у обоихъ невольно на-
вернулись слезы на глазажъ.

— Что это, у васъ ужъ и пистолеты приготовлены! на-
чалъ Варегинъ.

— Да, отвѣчалъ Бакаановъ и представилъ ему Софи.

— Кузина моя Ленева, ваша теперь подсудимая и подна-
чальная.

Варегинъ молча поклонился ей.

— Что, развѣ ужъ къ дому подваливали? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; но на всякій случай. Я просилъ бы тебя сегодня
же сдѣлать какое-нибудь распоряженіе, отвѣчалъ Бакаановъ.

— Я ужъ сдѣлалъ, вѣхавъ мимо, отвѣчалъ Варегинъ и, какъ
человѣкъ утомленный, сѣлъ и закрылъ глаза.

Софи въ это время разливала чай.

— Pardon, monsieur Варегинъ, сказала она,—у васъ нѣтъ
слювокъ; намъ не даютъ здѣсь ничего, даже за деньги.

Варегинъ открылъ глаза, и увидѣвъ стоявшую тутъ Прас-
ковью, сказалъ ей.

— Поди, скажи скотницѣ, чтобы сейчасъ же прислала гос-
пожъ вашей слювокъ: посредникъ приказалъ!

Прасковья убѣжала и возвратилась съ превосходными слюв-
ками.

— Но какъ же, скажи, другъ сердечный, какъ ты сюда по-
палъ? началъ Бакаановъ: — Естествоиспытатель, изслѣдова-
тель микроскопическій—мировымъ посредникомъ!

— Исключень - съ былъ изъ прежней службы за позорное
свое гражданское поведеніе, отвѣчалъ Варегинъ ядовито.

— Я слышалъ что-то такое въ Петербургѣ, подхватилъ Ба-
каановъ.

— Да, какъ же-съ! И не начальствомъ, это было бы еще
спасно, а общественнымъ мнѣніемъ!

— Нынче общественное мнѣніе, monsieur Варегинъ, ка-
жется, такое благородное, вмѣшалась было Софи.

— Не знаю-съ, отвѣчалъ онъ ей: — знаю одно, продолжалъ
онъ, опять обращаясь къ Бакаанову,—что какъ только я на
одномъ изъ нашихъ университетскихъ совѣтовъ сказалъ, что
молодые люди поступаютъ къ намъ ничего не смыслящіе, въ
университетѣ ничего не дѣлаютъ, и потомъ всѣ гуртомъ вы-
пускаются кандидатами.... Что же это такое? Кукольная ко-
медія одна!

— Да чего тутъ! подхватилъ Бакаановъ.—Намъ вотъ, доро-

гой, одинъ господинъ разказывалъ, что становой получилъ бумагу очень безграмотную и говоритъ: „Это вѣрно, говорить, господинъ студентъ писалъ“, и въ самомъ дѣлѣ оказывается студентъ.

Варегинъ грустно усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Сказалъ я, разумѣется, продолжалъ онъ, — и насчетъ преподаванія, что у насъ, вмѣсто науки, съ кафедръ раздаются пикантныя фразы, очень, можетъ-быть, выгодныя для популярности преподавателя, но далеко не полезныя для слушателей...

— Ну, и что жь потомъ? спросилъ Баклановъ.

— Потомъ, черезъ нѣсколько дней, мнѣ господа студенты стали на лекціяхъ шикать и свистать.... Я остановился и спросилъ: „Что именно возмущаетъ ихъ въ моихъ словахъ?...“ Они выслали ко мнѣ депутатовъ, которые объявили мнѣ, чтобъ я перемѣнилъ мое гражданское поведеніе. „Въ чемъ же, говорю, оно такъ провинилось?“ „Въ томъ, говорятъ, что вы такимъ образомъ говорите въ совѣтахъ.“ „О, въ такомъ случаѣ, я вижу, что вы такъ наглы, а передавшіе вамъ люди такъ подлы, что я ужь, конечно, ни съ ними, ни съ вами не останусь“; затѣмъ поклонился и не возвращался боате въ свою аудиторію.

Проговора это, Варегинъ опять качнулъ головой.

— Вотъ вамъ и награда вся! снова онъ началъ: — за двадцать лѣтъ трудовъ, за потерянное зрѣніе; и то бы я все имъ простилъ, Богъ съ ними; но зачѣмъ они потеряли мои свѣдѣнія.... Знатоковъ моего дѣла въ Россіи немного, а они меня, какъ мусоръ, какъ щепки не нужныя, взяли да и вышвырнули.

— Ужасно! подхватилъ Баклановъ. — Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, какъ ты устроился? Вѣдь ты, кажется, семейный человекъ?

— Четверо дѣтей.

— А душъ сколько?

— Душъ нѣтъ!... Сто десятинъ земли всего!

— Но чѣмъ же ты живь до сихъ поръ?

— Потому ужь и живь! Только что самъ землю не пахалъ.

Въ это время вошла съ довольнымъ лицомъ Прасковья.

— Барыня, гдѣ столъ-то накрывать, въ залѣ или столовой? спросила она.

— Да развѣ есть что-нибудь у насъ? спросила ее Софи.

— Есть: теленка закололи и карасей въ пруду наловили. Выбилъ сельскій староста всего-съ.... И поварь тоже пришелъ-съ.

Бакаановъ, Софи и Варегинъ невольно усмѣхнулись.

— И ключи вотъ отъ посуды-съ нашъ староста-то, чортъ, далъ-съ, прибавила Прасковья еще съ бóльшимъ удовольствіемъ и пошла хлопотливо накрывать столъ въ залъ съ ободранными обоями.

Черезъ нѣсколько минутъ, всѣ уже сидѣли при полномъ освѣщеніи четырехъ свѣчъ въ старинныхъ шандалахъ и при вкусно дымившихся теплыхъ блюдахъ.

— Скажите, пожалуста, какъ народъ принялъ эти мірскія учрежденія? спросилъ Бакаановъ.

— Да какъ принять-то? Обыкновенно, какъ принималъ онъ чиновниковъ. Это вѣдь подкупъ, прибавилъ Варегинъ, показывая на блюда,—вамъ бы безъ меня не дали этого; это меня хотятъ ублажить.

Прасковья, ко всѣмъ благамъ, нашла въ буфетѣ еще двѣ бутылки наливки и поставила ихъ передъ господами.

Пріятели, прекративъ печальные разговоры, выпили по нѣскольку рюмокъ наливки; Софи тоже съ ними выпила и совершенно смѣла, въ сопровожденіи одной только Прасковьи, отправилась почивать въ комнату Буби.

Бакаановъ и Варегинъ легли въ гостиной на толстѣйшихъ и мягчайшихъ пуховикахъ, которые тотъ же сельскій староста „выбилъ“ имъ отъ прежняго господскаго старосты.

ГЛАВА XIII.

Бунтъ.

На другой день Софи, какъ только проснулась, подошла къ окну своей комнаты и ахнула отъ ужаса.

Красный дворъ былъ полнахонекъ мужиками, челоѣкъ до ста, съ мрачными все лицами, впрочемъ безъ шапокъ. Между ними ходилъ, тоже серьезный, Варегинъ и о чемъ-то съ нѣкоторыми изъ нихъ переговаривалъ.

Софи сейчасъ же бросилась къ Бакаанову, который еще спалъ.

— Александръ, посмотри, что такое у насъ на дворѣ: народъ собрался? сказала она.

— Что такое? произнесъ тотъ, надѣвъ халатъ, и положивъ въ карманъ револьверъ, вышелъ.

— Зачѣмъ это они? спросилъ онъ Варегина.

Тотъ подошелъ и мрачно сѣлъ на ступеньку крыльца.

— Дурять! произнесъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

Баклановъ смотрѣлъ на него съ испуганнымъ лицомъ.

— Что же совсѣмъ не хотятъ повиноваться?

— Торговаться хотятъ до конца, произнесъ Варегинъ.

Къ нему робко подошелъ довольно доброй наружности мужикъ.

— Можно, Иванъ Егорычъ, уйти-то? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нельзя... сами заварили кашу, такъ не пѣняйте, дьяволы экіе, право!

— Да, вѣдь, Иванъ Егорычъ, мѣръ-сь, а не я, батюшка.

— Мѣръ?.. Изъ собакъ, что ли, мѣръ-то состоитъ? Изъ васъ же, чертей!

Мужикъ конфузливо перебиралъ шапку въ рукахъ.

— Какъ гнилая горячка-то была, продолжалъ Варегинъ— такъ умиралъ съ дьяволами, хоть бы тому повѣрили.

— Это точно что-сь, произнесъ мужикъ.

— Такъ что жь точно что-сь!.. Стану я вѣсь обманывать!

— Да, мы, батюшка, и сумѣвья въ томъ не имѣемъ.

— Ну, коли не имѣешь, такъ пошелъ и уговаривай!

Мужикъ пошелъ, сказалъ что-то такое двумъ-тремъ мужикамъ, да такъ тутъ на мѣствѣ и остался и не возвращался болѣе.

— Можетъ-быть, онъ уговорить, произнесъ Баклановъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ, съ прежнею мрачностію, Варегинъ,—я ужь къ исправнику и за военною командой послалъ, прибавилъ онъ.

— Господи! воскликнулъ Баклановъ:—да нельзя ли какъ-нибудь уговорить такъ?

Варегинъ усмѣхнулся.

— Попробуйте, подите, поговорите... Вы спали, а я цѣлую ночь ихъ въ сборной избѣ уговаривалъ, такъ будетъ: наговорился.

Баклановъ пошелъ къ Софи, чтобы предупредить ее.

— За командой ужь послали, сказалъ онъ больше шуткой.

— Какъ! воскликнула та, поблѣднѣвъ.— Нѣтъ, мой другъ, не надо, не надо! Я отъ всего лучше отступаюсь.

— Да Варегинъ не отступится; ему это надо для сбцаго порядка.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо мнѣ ничего! кричала, между тѣмъ, Софи, становясь передъ Баклановымъ на колѣни.

— Ты вотъ кричишь, они услышатъ это и еще больше будутъ упираться, уговаривая ея Баклановъ.

— Жаль мнѣ ихъ, не могу я этого... говорила Софи, упавая на руки Бакланова.

— Чтò жь дѣлать-то? отвѣчалъ онъ, сажая ея на диванъ.

Послышался колокольчикъ. Софи задрожала.

— Ничего, ничего! успокаивалъ ее Баклановъ:— я буду цѣлый день сидѣть около тебя и не отойду.

При звукѣ колокольчика толпа мужиковъ тоже зашевелилась нѣсколько; одинъ изъ нихъ отдѣлился и побѣжалъ ворота отпирать.

Въѣзжалъ исправникъ, довольно полный и расторопный должно-быть, мущина съ птичьимъ, совинымъ лицомъ. Онъ сейчасъ же выскочилъ изъ тарантаса и прямо подошелъ къ толпѣ мужиковъ.

— Чтò, любезные, выстроились ужь: — а? Здравія желаемъ!

— Здравствуйте, батюшка! проговорили ему нѣсколько голосовъ.

Исправникъ повернулся и увидѣлъ Варегина.

— А, ваше высококордіе, честь имѣю кланяться! продолжалъ онъ, весело прикладывая руку въ фуражкѣ:— Прикажете внушать-съ? прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Внушайте! отвѣчалъ Варегинъ.

Исправникъ обратился къ мужикамъ.

— Чтò жь, вы рѣшительно не повинуетесь?.. Сейчасъ команда придетъ.

Мужики не отвѣчали ему ни того, ни сего.

— Я васъ спрашиваю, повинуетесь вы или нѣтъ? крикнулъ ужь исправникъ.

— Да говори, старыи! толкнули нѣсколько мужиковъ старика старосту.

— Нѣтъ, батюшка, нельзя намъ того, проговорилъ тотъ наконецъ.

— Отчего же бы это нельзя, позвольте васъ спросить?

— Государь Императоръ, батюшка, Александръ Николаевичъ не приказываетъ того.

— А я знаю что Государь приказываетъ или нѣтъ?

— Не знаю, батюшка, знаешь ты али нѣтъ!

— Нѣтъ, ты знаешь, врешь, бестія ты этакая! Я вотъ тебя перваго взъерепеню, перваго!

Староста мрачно нахмурился.

Въ это время на дворъ въѣхала еще пара въ телѣжкѣ, и изъ нея соскочилъ нарядный мужикъ, съ русою окаянною бородой.

— Старшина! прошелъ леговъкій говоръ между мужиками.

Старшина сейчасъ же подошелъ къ посреднику.

— Команда идетъ въ верстѣ, ваше высокородіе, донесъ оны.

— Поди, поговори, не усовѣстишь ли дураковъ! сказалъ Варега.

Старшина подошелъ къ мужикамъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, сильно ударяя на о.

— Государь Императоръ дѣлаетъ вамъ теперь акія милости, началъ оны,—и что жъ вы дѣлаете? Госпожѣ вашей законной не покорствуете!

— Наша законная-то госпожа, господинъ старшина, умерла! отвѣчалъ ему старикъ-староста.

— Погоди, другъ любезный, погоди! возразилъ ему на это старшина:—ты теперича имѣешь самъ имущество, оставляешь ты его сыну, что ли, али сродственнику, и кто жъ можетъ его отнять у него? Корову ты ему оставляешь: нужели корова не пойдетъ къ нему на дворъ?

— Нынче, господинъ старшина, насчетъ того порядки другіе, опять ему возразилъ старикашка-староста.—Госпожа померла, значить, мы и вольные; другой господинъ живъ, влаотвуй, а умеръ, тоже ослобождаются... Молодые, пускай, сами себя наживаютъ. Какъ же ты иначе волю-то сдѣлаешь?

— Ишь какъ разсудилъ, окаянно! перебилъ его насмѣшливо старшина:—а словно бы не такъ въ царскихъ-то указахъ сказано!

— Знаемъ мы, господинъ старшина, какъ въ царскихъ-то указахъ сказано, знаешь и ты самъ! Грѣхъ только тебѣ такъ говорить: міромъ, кажись, тебя выбрали.

— Да мнѣ, дьяволъ васъ возьми и съ вашею должностью! Тфу мнѣ на нее! воскликнулъ старшина.—Съ вами, дураками,

только время потратишь, да себя безпокойство... заключилъ онъ и, отойдя отъ толпы, молодцовато прислонился къ стѣнѣ дома.

Прошло еще съ полчаса самаго ужаснаго, томительнаго времени.

Наконецъ, на дворъ прибѣжали двѣ маленькія, крестьянскія дѣвочки.

— Солдатшки ужь идутъ! какъ-то робко онѣ оповѣстили. Толпа какъ бы вся въ одинъ моментъ опустила голову.

Варегинъ проворно всталъ и пошелъ по деревнѣ на встрѣчу командѣ.

Впереди своей роты вѣхалъ верхомъ на лошади молодецкій офицеръ. На лицѣ его написана была гордость и серіозность. Солдаты же, напротивъ, шли вольно, развязно и бѣлая часть весело между собой перешучивались.

Варегинъ пошелъ рядомъ съ солдатами.

— Вы, братцы, имѣйте лицо-то посеріознѣе, посуровѣе, сказалъ онъ.

— Нахмуримся, ваше благородіе, отвѣчали ему нѣсколько солдатъ въ одинъ голосъ.

— Ну, и сначала оцѣпите только нѣкоторыхъ, обратился онъ уже къ офицеру.

— Знаю-съ, отвѣчалъ тотъ самодовольно.

— Что огонь употреблять, кровь понапрасну проливать, обратился опять Варегинъ къ солдатамъ.

— Извѣстно, ваше благородіе, подтвердилъ ему фельдфебель, — оцѣпимъ попервоначалу, а тутъ, коли упираться очень начнутъ, такъ въ приклады.

— Знаемъ, ваше благородіе, не въ первый ужь разъ, схватилъ молодой и съ умнымъ лицомъ солдатъ: — я вѣтъ въ Спировѣ не то что прикладомъ, а схватилъ за волосы главнаго-то зачинщика: „Господинъ служивый!“ закричалъ, и на колѣни, а за нимъ и прочіе другіе.

Всѣ почти солдаты захохотали.

— Бунтовщики тоже, ребята, важные, произнесло опять нѣсколько голосовъ.

— Смирно! Ружья на плечо! скомандовалъ офицеръ. Въ это время входили уже въ самую усадьбу.

Солдаты сейчасъ же подправились и нахмурились. Офицеръ нахнулъ барабаничку. Тотъ громко, такъ что раздалось на все селеніе, ударилъ маршъ.

Варегинъ, проворно опережая солдатъ, опять подошелъ къ мужикамъ.

Лицо его было блѣдно, волосы растрепаны.

— Братцы, образумьтесь, смерть вамъ угрожаетъ! вскричалъ онъ.

Толпа вся дрожала съ перваго же звука барабана; но ничего не говорила.

Солдаты стали обходить ее и выстроились противъ нея.

— Братцы, образумьтесь! произнесъ еще разъ Варегинъ.

Молчаніе.

Онъ махнулъ бѣлымъ платкомъ офицеру.

— Съ лѣвой по одному маршъ! скомандовалъ офицеръ.

Цѣпь солдатъ отдѣлилась и стала входить въ толпу, которая и не понимала что это такое съ ней дѣлають.

— Сомкнись! скомандовалъ офицеръ.

Солдаты сомкнулись, человекъ двадцать мужиковъ остались у нихъ въ цѣпи.

Одинъ молодой парень хотѣлъ было выскочить изъ нея; солдатъ ткнулъ ему прикладомъ въ лицо.

Старикашка-староста что-то топтался на одномъ мѣстѣ. Этотъ молодой парень былъ его единственный сынъ.

— Тятенька! закричалъ онъ ему оттуда.

— Ну, черти, дьяволы! Становитесь на колѣни! вскрикнулъ старикъ, и самъ сталъ на колѣни, за нимъ стали нѣсколько мужиковъ.

— Виноваты, матушка наша, Софья Петровна, виноваты! завопили они.

Варегинъ подошелъ къ одному изъ неставшихъ на колѣни мужиковъ и ударилъ его по плечу.

— Ну, становись! Еще за зачинщика сочтуть.

И вслѣдъ затѣмъ всѣ остальные колѣнопреклонились.

Одѣянные давно уже стояли на колѣнкахъ, а нѣжный старостинъ сынъ даже ревелъ.

— Надо зачинщиковъ отобрать! сказалъ исправникъ Варегину.

Тотъ махнулъ ему рукой, и совершенно утомленный, опять опустился на рундучокъ крыльца.

— Кто зачинщики? продолжалъ исправникъ, подходя къ стоявшему все еще на колѣняхъ старостѣ.

— Да, батюшка, изъ Питера къ намъ сходилъ человекъ отвѣчалъ старикъ, молебнo простирая къ нему руки.

— Какой?

— Да вонъ барыни-то нашей кучеръ бывший, Михайло; онъ въ бѣгахъ былъ, и приходилъ съ дворяниномъ однимъ: „не повинуйтесь, говорить, а то хуже, говорить, подъ крѣпость опять попадете!“

— Съ какимъ дворяниномъ?

— Да, какъ его, батюшка, забылъ какъ и прозвище-то... регистраторомъ какимъ-то себя называлъ.

Вареганъ при этомъ вслушался немного.

— Кто же здѣсь-то собственно былъ зачинщикъ? продолжалъ исправникъ допрашивать, не поднимая старика съ колыма.

— Здѣсь я, батюшка, я самый главный! отвѣчалъ тотъ.

— Ступай въ сторону.

Старикъ всталъ и отошелъ въ сторону.

— А кто еще? Кто еще былъ зачинщикомъ? обратился исправникъ опять къ толпѣ.

— Я-съ! отозвался самъ одинъ изъ мужиковъ.

— Въ сторону!

Мужикъ отошелъ и всталъ.

— Кто еще? продолжалъ опять исправникъ.

Вареганъ рвалъ у себя изъ бороды волосы.

Толпа перешептывалась между собой.

— Да кто еще? слышался шепотъ.

— У Матрены они приставаали! отвѣтилъ чей-то одинъ голосъ.

— Давайте Матрену сюда! крикнулъ исправникъ, подсунувъ эти слова.

Двое мужиковъ пошли за Матреной и вслѣдъ же затѣмъ раздался провозительный крикъ на всю усадьбу.

— Батюшки, виновата!.. виновата! кричала Матрена, выгибалась всякъ тѣломъ, между тѣмъ какъ двое мужиковъ тащали ее.

— Давай ее сюда! проговорилъ исправникъ.

Матрену подтащили къ нему.

— Приставалъ у тебя, какъ вотъ его, Михайло, что ли?

— Приставалъ, батюшка!.. приставаалъ!.. отвѣчала она поспѣшно.

— Михайло и баринъ?

— Оба, батюшка, оба!

— Что жь они говорили?

- По всей, говоритъ, Россіи ходимъ, сомуцаемъ народъ.
- Гдѣ жь они теперь?
- Не знаю, батюшка.
- Врешь, бестія! закричалъ исправникъ.
- Не знаю, батюшка!.. не знаю!.. заревѣла почти въ отчаяніи Матрена,—все разкажу тебѣ.
- Ну, разказывай. Давно ли онъ былъ у тебя?
- Съ мѣсяць, батюшка.
- Чтò жь они дѣлали?
- Пили они, батюшка, всѣ три дня что ни были.
- Ну?
- Молоденькій-то, тотъ все шутилъ со мной!
- Съ экой-то стервой?
- Да, батюшка, и самъ-то онъ не хорошій такой; и на барина-то не похож!

Варегинъ въ это время всталъ и ушелъ въ горницы.

— Поѣдьте лучше ко мнѣ, сказалъ онъ Софи и Бахламову.— Тутъ исправникъ будетъ производить свѣдѣствіе и приведесть все въ порядокъ.

— Ахъ, да, поѣдьте, monsieur Варегинъ, пожалуста говорила Софи, чуть не цѣлауа его.

Вслѣдъ затѣмъ они всѣ прошли садомъ и только что сѣли въ поданный Варегина экипажъ, какъ изъ усадьбы раздались пронзительные вопли.

Это исправникъ пробиралъ съ одной стороны нѣженку старостина сына за батьку, при чемъ оба они кричали, а съ другой стороны Матрену, которая только и вопила: „шутъ! шутъ! дьяволамъ, шутъ! Вотъ ихъ бы такъ!“

— Пошелъ скорѣй! крикнулъ Варегинъ кучеру.— А вѣдь есть господа, продолжалъ онъ, обращаясь къ Бахламову, которые радуются этой безтолочи... Готовы даже подстрекать на нее народъ... Движеніе здороваго общественнаго организма въ этомъ видать... Не подмасть ли, я васъ спрашиваю, кровью этихъ дѣтей омыватъ свои безумныя фантазіи!..

— Ужасно! подтвердилъ въ свою очередь и Бахламовъ.

ГЛАВА XIV.

Изобличеніе.

Друзья наши, проѣхавъ Ковригинское поле, сейчасъ же очутились въ свѣжѣмъ, спокойномъ лѣску.

Софи все время смотрѣла на серьезное лицо Варегина, на его голубые, спокойные глаза, на его запыленные бакенбарды. Не давая себѣ отчета почему и отчего, она чувствовала въ одне и то же время страхъ и уваженіе къ нему.

Бакаловъ, между тѣмъ, припоминалъ тѣ мириады фразъ, которыя раздавались около него въ Петербургѣ,—фразъ, противъ которыхъ онъ сначала ратовалъ, а потомъ и самъ сталъ повторять ихъ.

Голосъ Варегина разбудилъ наконецъ ихъ обоихъ отъ ихъ собственныхъ мыслей.

— Вотъ и мое пепелище! сказалъ онъ.

Передъ домомъ, въ небольшомъ садикѣ, два мальчика и двѣ дѣвочки рылись въ землѣ.

Самый домъ, или, скорѣе, большая крестьянская изба, былъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной жилъ самъ хозяинъ, а въ другой—дѣти.

Въ комнатахъ было чрезвычайно чисто и просто: дубовый обѣденный столъ, ситцевая мебель, термометръ, барометръ на стѣнѣ.

— Милости просимъ! сказала Варегинъ, вводя своихъ гостей.

Вошла красивая, крестьянская женщина въ белой рубашкѣ и въ опрятномъ сарафанѣ.

Варегинъ велѣлъ ей подавать обѣдать.

Когда она садилась за столъ, онъ отлеся къ Софи.

— Не угодно ли вамъ занять мѣсто хозяйки?

Софи съела.

— А вотъ эту команду позвольте ко мнѣ, продолжалъ Варегинъ, передвигая къ себѣ приборы всѣхъ четверыхъ дѣтей;

—всѣмъ бы они народъ исправный, да сами рѣзать еще не умѣютъ.

И вслѣдъ затѣмъ онъ началъ имъ рѣзать.

Дѣти, какъ маленькіе голубятки, смотрѣли ему въ ротъ и на руки.

Бакаановъ при этомъ вспомнилъ своихъ дѣтей и незамѣтно вздохнулъ.

— Вы давно лишились вашей супруги? спросила Софи хозяйка.

— Да въ тотъ же годъ, какъ и изъ службы выгнали: почти вмѣстѣ получивъ эти два удовольствія.

— Вамъ не даромъ судьба такіа испытанія посылаетъ. Она знаетъ, что вы *крѣпкими* и выдержите, сказалъ ему Бакаановъ.

— Никакой тутъ нѣтъ судьбы: въ первомъ случаѣ россійская глупость; а во второмъ — петербургскій климатъ, отвѣчалъ Варегинъ.

Послѣ обѣда Софи ушла съ дѣтьми погулять въ поле; а пріятели сѣли у открытаго окна пить кофе.

— Вы не думаете жениться, Варегинъ? сказалъ Бакаановъ.

— При дѣтахъ-то? спросилъ тотъ.

— Да при дѣтахъ обыкновенно и женятся, чтобы мать имъ дать.

— Дѣти такое нѣжное и хрупкое существо, что требуютъ всей нѣжности человѣческаго сердца, а это возможно только въ родителяхъ, которые обыкновенно органически къ нимъ бываютъ привязаны.

— Но мачиха будетъ любить ихъ изъ любви къ вамъ.

— Н-ну! произнесъ Варегинъ: — я въ эти тонкія чувства, признаюсь, не очень вѣрю; ихъ обыкновенно достаетъ только мѣсяца на два послѣ брака.

Друзья на нѣсколько времени послѣ того замолкли.

— А эта красивая женщина, которая подавала намъ обѣдать, на какомъ положеніи? спросилъ Бакаановъ.

Варегинъ улыбнулся.

— Вы все по себѣ судите? сказалъ онъ. — А вотъ кстати за откровенность откровенностью отплачу: въ какихъ вы отношеніяхъ съ этой госпожой, кузиной, что ли, вашей?

Бакаановъ очень сконфузился.

— Я ей родна... пробормоталъ онъ.

— Я это потому васъ спрашиваю, продолжалъ Варегинъ,—

что маѣ мужики на сходѣ говорили: „Вотъ-де, говорятъ, мало что сама прѣехала, да и любовника еще своего привезла!“

— Имъ-то, скотамъ, что за дѣло! проговорилъ Бакаловъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ: — я конечно въ этомъ случаѣ скрыватья передъ вами не стану...

— Ну а жена-то какъ же,—а? спросилъ, съ улыбкою, Варегинъ.

— Жена у меня такая холодная и спокойная женщина, что ей рѣшительно все равно.

— Все равно, что вы живете съ любовницей? повторилъ Варегинъ.

— Я не то что живу... отвѣчалъ, начиная теряться, Бакаловъ:—жить постоянно такимъ образомъ я не намѣренъ, и, какъ вотъ все это поустроится, опять возвращусь къ семейству.

— Что же такое поустроится? допрашивалъ Варегинъ.

Бакаловъ окончательно сконфузился.

— Тамъ... дѣла разные... отвѣчалъ онъ какъ-то неопредѣленно.

Варегинъ не спускалъ съ него внимательныхъ глазъ.

— Все это, другъ любезный, началъ Бакаловъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ довольно неловкаго молчанія,—я самъ очень хорошо вижу и понимаю, но что дѣлать—затянулся, любовью!

— Э, вздоръ какой! перебилъ, съ сердцемъ, Варегинъ.

— Какъ вздоръ?.. Неужели ты не въришь въ любовь?

— Разумѣется, кто жь въ нее повѣрить... Одно только ба-ловство и обманываніе самого себя, а между тѣмъ у васъ есть дѣти, а передъ этою обязанностію, я думаю, всѣ другія мелкія страстишки должны замолкнуть.

— Я дѣтей и люблю, а разлюбилъ только жену.

— Да, вѣдь, и всѣ не дѣлаю жизнь пылаютъ къ желямъ страстию, а руководствуются въ этомъ случаѣ чувствомъ дружбы, уваженія къ женщинамъ; чувствомъ наконецъ собственнаго долга.

— Хорошо чувство дружбы! воскликнулъ Бакаловъ. Ты знаешь ли, прибавилъ онъ уже полушепотомъ:—что я послѣднее время говорить не могъ безъ злобы съ женой, звука шаговъ ея слышать безъ ужаса.

— Что жь она, нехорошая развѣ женщина?

— Напротивъ, ангель по душѣ и собою красива.

— Такъ отчего же?

— А оттого... Я, напримѣръ, человѣкъ вовсе не злой, а бывала минуты, когда готовъ былъ совершить преступленіе и убить ее.

— Господи помилуй! воскликнулъ Варегинъ.

— Да, да! повторилъ Бакаановъ.

Варегинъ нѣсколько минутъ усмѣхался про себя.

— Никогда бы вы никакого преступленія не совершили, проговорилъ онъ: — и вѣроятно къ этой госпожѣ получите точно такое же чувство, потому что вся ваша любовь и нелюбовь есть не что иное, какъ развращенное воображеніе и стремленіе къ чувственному разнообразію...

Замѣчаніе это было слишкомъ вѣрно. Бакаановъ почесалъ у себя только въ затылкѣ.

— Никогда я къ этой женщинѣ не чувствовалъ ничего подобнаго, проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Ну такъ будете чувствовать! сказалъ спокойно Варегинъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Бакаановъ. Онъ замѣтно обидѣлся.

— Все это я говорю, опять повторяю; продолжалъ Варегинъ,—потому что мужики мнѣ прямо сказали: „Мы, говорить, его избьемъ, если онъ командовать нами начнетъ.“

— Да я никѣмъ и не командую, отвѣчалъ, какъ бы оправдываясь, Бакаановъ,—наконецъ, я и совѣтъ могу ухватить къ себѣ въ имѣніе.

— Это, я полагаю, самое лучшее!

— Для спокойствія этой женщины уѣду...

— Для спокойствія этой женщины уѣзжайте! повторилъ Варегинъ. Едва замѣтная усмѣшка пробѣгала въ это время у него по лицу.

Софи, наконецъ, возвратилась съ дѣтьми съ прогулки.

— Не пора ли намъ? спросила она.

— Теперь можете ѣхать-съ; все ужь, вѣроятно, утихло, отвѣчалъ Варегинъ.

— Merci, monsieur Варегинъ, merci, говорила Софи.

Во всю обратную дорогу, Бакаановъ былъ задумчивъ и ни слова не проговорилъ. Бесѣда съ Варегинымъ произвела на него сильное впечатлѣніе, и по преимуществу, его безпокойная мысль, чтобы крестьяне въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь не затѣяли противъ него: тогда страхъ непоправимый для него и Софи!

Возвратившись въ Ковригино, они нашли, что въ комна-

такъ, кромѣ Прасковьи, сидѣли еще двѣ горничныя, а въ замѣ были внесены разныя вещи изъ амбаровъ, сушиленъ и кладовыхъ.

ГЛАВА XV.

Попрежнему бодръ и свѣжъ.

На другой день, съ краснаго двора изъ Ковригина, одинъ экипажъ съ Бакалановымъ увѣзжалъ, а другой съ Петромъ Григорьевичемъ, котораго Софи повѣстила о своемъ прїѣздѣ, увѣзжалъ.

— А-а! произнесъ было радушно Басардинъ, узнавъ стараго знакомаго.

— Здравствуйте и прощайте! отвѣчалъ ему тотъ скороговоркой, не велѣвъ даже остановиться своему кучеру.

Петръ Григорьевичъ, однако, долго еще смотрѣлъ ему въ слѣдъ.

Бакалановъ и Софи въ это утро поссорились. Нануганный и образумленный словами Варегина, Бакалановъ рѣшился увѣхать къ себѣ въ деревню и сказалъ о томъ за чаемъ Софи. Та надулась.

— Какъ же вы оставляете меня въ такомъ положеніи? сказала она.

— Что жь положеніе...? Теперь все тихо... Мнѣ надобно же въ своемъ имѣньи побывать... Жена узнаетъ, если я совсѣмъ не буду.

— Ну такъ вы бы и вѣхали къ своей женѣ! Зачѣмъ же со мной повѣхали?

— Какъ ты странна! Тутъ не о женѣ дѣло, а у меня, наконецъ, дѣти есть... Въ твоемъ положеніи ничего нѣтъ страшнаго... Я тебѣ, пожалуй, револьверъ оставляю.

— Благодарю!.... револьверъ! дуракъ этакой! проговорила, не утерпѣвъ, Софи и вышла.

Бакалановъ самъ чувствовалъ, что сказалъ величайшую глупость; однако не отвѣчалъ своего намѣренія и въ тотъ же день собрался.

— Я прїѣду черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, говорилъ онъ, прощаясь съ Софи.

— Какъ хотите, отвѣчала ему та, сѣдя на диванѣ со сложенными руками и не поднимаясь даже съ мѣста.

„Ну, слава Богу, развязался, думалъ Баклановъ, сѣдась въ экипажъ: какъ прїѣду домой, такъ сейчасъ же напишу женѣ длиннѣйшее письмо.“

Софи осталась тоже сильно взволнованная.

— Хорошо, Александръ Николаичъ, хорошо! говорила она, кусая свои розовыя губки.

Небольшое отхаркиванье и негромкіе шаги въ залѣ прервали ея досадливыя размышленія.

Входилъ, растопыривъ руки, Петръ Григорьевичъ, совершенно ужъ сѣдой, но попрежнему съ большими глазами и съ довольно еще вѣжнымъ цвѣтомъ лица.

— Ахъ, папа! воскликнула Софи, радостно бросаясь ему въ объятія.

— Совсѣмъ не ожидалъ; вдругъ получаю письмо—ахъ ты Боже мой! думаю; „Лошадей, говорю, скорѣй мнѣ, лошадей,“ бормоталъ Петръ Григорьевичъ, съ навернувшимися на глазахъ слезами.

Подъ старость онъ сдѣлался нѣсколько почувствительнѣй.

Софи почти рыдала у него на рукахъ.

— Ну, усадься, успокойся! говорилъ онъ, усаживая ее на диванъ и самъ сѣдась около нея.

— Ахъ, папа! какія, вѣдь, у меня непріятности! начала Софи, нѣсколько успокоясь:—у меня люди бунтовали.

— Вездѣ одно, вездѣ! отвѣчалъ таинственно Петръ Григорьевичъ:—у меня такъ яровое до сихъ поръ не засѣяно.... не слушаются, не ходятъ на барщину! прибавилъ онъ больше съ удивленіемъ чѣмъ съ огорченіемъ.

— Какъ же, папа, чѣмъ же вы будете жить? спросила Софи съ участіемъ.

— Да не знаю! Не все же Государь Императоръ будетъ гнѣваться на дворянъ, простить же когда-нибудь!

— Такъ вы, папаша, думаете, что Государь разсердился на дворянъ, взялъ у нихъ, а потомъ опять отдастъ?

— Да, полагаю такъ, отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ, дѣлая свою обычную, глубокомысленную мину.

— Нѣтъ, папа, совсѣмъ ужъ не воротять, отвѣчала Софи,— а вотъ что можно сдѣлать: вѣдь, вѣдь, никакъ теперь люди не станутъ слушаться...

— Да, грубиянать очень, отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ, припоминая, вѣроятно, тысячи оскорбленій, которыя были ему нанесены.

— Ну такъ вотъ что: вамъ изъ казны выдадутъ по 120 рублей серебромъ за душу, а вы имъ должны дать по четыре десятины надѣлу земли—поняли?

— Да, то-есть, какъ тебѣ сказать! началъ Петръ Григорьевичъ, усмѣхаясь и потупая стыдливо свои глаза: — слабъ вынче очень сталъ соображеніемъ, прибавилъ онъ уже серіозно.

— Слабы?

— Очень... И по хозяйству—это бы еще ничего; но, главное, домъ меня беспокоитъ—старъ очень!

— Да какъ же не стару быть, папа! пятьдесятъ лѣтъ ему я думаю?

— Да. Въ наугольной и въ двѣичьей потолокъ ужь провалялся! Меня чуть не убило! Я стоялъ да изъ кресель клоповъ кипяткомъ вываривалъ.... вдругъ, вижу, сверху-то и полѣзло,— я бѣжать.... такъ и грохнуло!

— Скажите, пожалуста! ахъ, бѣдный папа!... Что жь вы мнѣ не написали, я бы вамъ помогла!

— Что же писать? Случай вѣдь это несчастный! отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ.

Онъ во все время, терпя иногда страшную нужду, ни разу не обратился къ дочери. „Гдѣ ей, говорилъ онъ, сама молодая: на разные ей финти-фанты нужно.“

— Я сталъ потомъ этимъ мерзавцамъ дворовымъ говорить, продолжалъ онъ, какъ бы сообщая дочери по секрету: — „Подставьте говорю, подставки въ остальныхъ комнатахъ, а то убьете!..“ „А что, говорятъ, мы плотники, что ли?“ и не подставили.

— Вотъ что, папа, вы больше не ѣздите домой, а оставайтесь жить у меня. Здѣсь домъ еще славный, крѣпкій!

— Какъ прикажешь, я на все готовъ! отвѣчалъ добродушный старикъ.

— А я поѣду за границу, потому что жить въ этихъ дрягахъ и въ этомъ воздухѣ я рѣшительно не могу; у меня и то ужь грудь начинаетъ болѣть съ каждымъ днемъ больше и больше.

— Ну да, гдѣ жь тебѣ съ твоимъ образованіемъ, разувѣтса! подтвердилъ Петръ Григорьевичъ.

— А вы, папаша—душка, оставайтесь здѣсь у меня—хозяйничайте; посредникъ здѣсь добрый, онъ васъ научитъ всему! продолжала Софи, обнимая и цѣлуя отца.

— Да ужь это надобно, чтобы господинъ посредникъ... а то я очень слабъ памятью—что еще давно было, помню,—а что вчера, хоть зарѣжь! повторилъ еще разъ старикъ.

При такомъ состояніи головы, въ такія трудныя времена, ему очень ужь тяжело приходилось жить.

— За границу, за границу! шептала радостно Софи, улегшись на свою постель и какъ-то вытягиваясь всѣмъ своимъ прелестнымъ тѣломъ.

ГЛАВА XVI.

Одинъ изъ модныхъ вралей.

При отличномъ свѣтломъ вечерѣ, въ Лопухахъ, на балконѣ господскаго дома, сидѣли Баклановъ и предводитель его уѣзда, тотъ самый способный, изъ военныхъ, господинъ съ *réserve*, котораго мы когда-то встрѣтили у старой фрейлины на праздникъ. Онъ даже не постарѣлъ ничего, а попрежнему, по его словамъ, работалъ съ народомъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ и Баклановъ, франтовато; у обоихъ у нихъ лица были бойкія, развязныя, не такъ какъ у необразованныхъ помѣщиковъ, у которыхъ и безъ того ужь не совсѣмъ благообразныя физиономіи сдѣлались какія-то удивленныя и печальныя.

Предводитель безпрестанно шевелился, говорилъ, доказывалъ что-то такое.

Передъ ними стоялъ чай на серебряномъ подносѣ.

Въ лугахъ огромная оогначная вотчина, почти вся находившаяся въ виду господъ, лѣтливо косила.

— Скажите, пожалуйста, какъ идутъ эти мировые сѣзды? спрашивалъ Баклановъ.

— Отлично! превосходно идутъ! восклицалъ предводитель. — Я какъ?.. посредники у меня, надобно сказать, все отличный народъ, умный, развитый; но они не жили, не выросли съ народомъ, какъ я.... У меня встрѣчается теперь распря, недо-

разумнѣе между помѣщикомъ и мужикомъ, я ставлю вопросъ такъ...

И предводитель поставилъ руку на перила балкона, желая, вѣроятно, показать какъ онъ именно ставить вопросъ.

— Ставлю вопросъ такъ... беру господина помѣщика... мужика еще нѣтъ у меня... „Въ чемъ вашъ вопросъ?“ „Въ томъ-то и томъ-то!“ „Прекрасно! Вотъ вамъ отвѣтъ на него...“ самый полный, ясный, отчетливый... Со мной онъ не можетъ спорить, совѣстится... Мужика я еще не видалъ и говорю, значить, это по своимъ собственнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ; во мнѣ онъ слышитъ голосъ такого же дворянина, какъ и онъ.

— Все это прекрасно! возразилъ Баклановъ:—но мужикъ-то будетъ пороть свое.

— А въ томъ-то и штука! подхватилъ, съ нѣкоторымъ лукавствомъ, предводитель,—что я всегда скажу въ духѣ мужика, въ натурѣ его.

— Стало-быть, вы выдаете дворянъ.

— Нѣтъ! нѣтъ-съ! воскликнулъ опять лукаво предводитель:—все дѣло въ подготовкѣ.... У меня крестьянскій вопросъ былъ рѣшенъ прежде чѣмъ даже правительство имѣло его въ виду...

Баклановъ посмотрѣлъ на предводителя съ недоумѣвающимъ видомъ.

— Былъ рѣшенъ-съ, повторилъ тотъ, — то-есть, въ имѣе отношеніи, что лично у меня крѣпостной трудъ давно уже былъ отмѣненъ и существовалъ наемный; значить, цѣны на него для мужика и барина были уже установлены; тотъ и другой видѣли благотѣльные послѣдствія этого: баринъ—превосходство наемнаго труда передъ крѣпостнымъ, мужикъ пользу заработка, хоть и по невысокой цѣнѣ, но дома, гдѣ онъ не тратится на дорогу, ни на дороговизну городского содержанія. Второе, у меня давно уже введено машинное хозяйство: я знаю какая машина для нашей почвы годится, какая нѣтъ!

Баклановъ рѣшительно не зналъ, вретъ ли онъ или правду говорить.

— Значить, что же-съ, говорилъ предводитель, замѣтивъ произведенный имъ эффектъ:—каждый изъ нынѣшнихъ земле-

владѣльцевъ только подражай мнѣ. Мужикъ—моему мужику, баринъ—мнѣ!

Бакаановъ начиналъ ужь наконецъ тупиться.

— И вотъ результаты этого, продолжалъ предводитель:—у васъ тихо... у сосѣда вашего тихо... у какого-нибудь Крикунова и Дуралева тихо. Чего жь мнѣ больше?... Дворянство конечно мнѣ говорило: „Сдѣлайте милость, позвольте вашу фотографическій портретъ повѣсить въ предводительской!“ „Господа, говорю я, я не одинъ; позвольте ужь, если снимать съ меня портретъ, такъ вмѣстѣ съ посредниками,“ а въ сущности вѣдь одинъ, одинъ все это сдѣлалъ, не хвастаясь скажу! вскрикнулъ предводитель, и замѣтивъ на лицѣ Бакаанова нѣкоторое недоумѣнiе, снова постарался разсвѣять его фактами:

— Я какъ дѣйствую?.. Какъ получено было Положенiе, а сейчасъ же поѣхалъ къ мужикамъ; ну и мнѣ тоже не привыкать съ ними разговаривать; я вотъ теперь хожу во французскихъ перчаткахъ, а умѣю самъ срубы рубить. „Братцы, говорю, такъ и такъ быть должно,—поняли?“ „Поняли, говорятъ, батюшка!“ Ихнимъ знаете языкомъ сказано, не высоко.... Ёду къ помѣщикамъ: „Вотъ какъ говорю, господа, быть должно!“ „Разумвется,“ говорятъ. У меня, какъ новый дворянинъ прiѣхалъ, я сейчасъ же ёду къ нему и внушаю. Вы вчера только прiѣхали, а сегодня я ужь у васъ! заключилъ предводитель съ гордостью.

Бакаанову сдѣлалось окончательнo совѣстно слушать самохвальство своего гостя.

— Это хорошо... говорилъ онъ, не зная куда и глядѣть:

— Хорошо ли, худо ли, этого я не знаю, отвѣчалъ предводитель, — но только это мои правила. Я прямо мировымъ посредникамъ говорю: „Вы, господа, за крестьянъ, а я за дворянъ;“ но въ то же время я не крѣпостникъ—нѣтъ-съ! По убѣжденiямъ моимъ я человекъ свободномыслящiй, но что-бы дѣло у меня было дѣломъ....

„Чортъ знаетъ что такое!“ думалъ между тѣмъ про себя Бакаановъ, которому въ это время подали письмо, запечатанное безобразнѣйшею печатью.

„Многоуважаемый и любезный родственничекъ!

„Въ то время, какъ ты, чортова перешница, катаешься

какъ сырѣ въ маслѣ, твой другъ и братъ Иона въ нищетѣ, ваготѣ, гладѣ и болѣзняхъ. Пріѣзжай, дружище, и помоги чѣмъ можешь!

„Ограбленный Иона Дѣдовкинъ.“

— Чтò такое это съ Иономъ Мокеичемъ приключилось? спросилъ Баклановъ предводителя.

— Съ Дѣдовкинымъ это! переспросилъ тотъ съ улыбкой презрѣнія.—О, помилуйте! воскликнулъ онъ:—это человекъ съ такими понятіями! Засыпалъ насъ просьбами и жалобами на своихъ людей.

— Ну, чего жь отъ Ионы и ожидать было! произнесъ Баклановъ.

— Нѣтъ-съ: вѣдь онъ уменъ!... онъ ядовитъ! Вотъ, при такомъ великомъ движеніи, для кого бы нужна гильйотина, чтобъ они своими устарѣлыми понятіями не мѣшали общему ходу! произнесъ предводитель, поднявъ высоко брови.

— Ну чтò, Богъ съ вами! За чтò Иону на гильйотину! возразилъ Баклановъ.

И ему въ эту минуту старый враль Иона почему-то показался гораздо лучше сего молодаго говоруна.

Предводитель наконецъ всталъ и взялся за шляпу.

— Au revoir! Мы, какъ люди образованные, кажется, поняли другъ друга! проговорилъ онъ.

— Да-съ! отвѣчалъ Баклановъ, а въ умѣ у него вертѣлось: „Прескотина, должно-быть, ужасная этотъ господинъ?“

ГЛАВА XVII.

Злой Помѣщикъ.

Прошелъ часъ, два, три, Баклановъ чувствовалъ рѣшительную потребность освѣжиться отъ трескотни, которая продолжала еще раздаваться въ его головѣ послѣ бесѣды съ предводителемъ.

Онъ велѣлъ заложить экипажъ и поѣхалъ къ Ionѣ.

Подъѣзжая къ самой Дмитровкѣ, онъ былъ очень удивленъ: половина почти полей оставалась незапаханною.

На лугахъ нѣсколько бѣдныхъ дворянъ, съ стриженными головами и съ выбритыми лицами, косили.

— Чтò это, господа, какъ у васъ поля запущены? сказалъ онъ имъ.

— Не слушаются нынче насъ рабы наши, отвѣчали ему нѣкоторые изъ нихъ какими-то дикими голосами.

Около дороги бѣдная дворянка, съ загорѣлымъ, безобразнымъ лицомъ, но въ платишкѣ, а не въ сарафанѣ, кормила тодстаго, безобразнаго ребенка и, при проѣздѣ Бакланова, какъ дикарка какая, не сочла даже за нужное прикрыть грудь.

Собственно жилище стараго грѣшника Ювы тоже поразило его: садъ, какъ запущенная борода, еще болѣе разросся и позеленѣлъ; кругомъ его тынъ и вокругъ краснаго двора рѣшетка обвалились. Самый домъ точно совсѣмъ присѣлъ къ землѣ. Баклановъ толкнулъ ногой въ дверь Она сначала было покачнулася, потомъ вдругъ остановилась, зацѣпившись за перекошенную половицу. Въ залѣ соблазнительная картина голой женщины все еще висѣла, но вся была заплевана мухами. Баклановъ прошелъ въ сосѣдную комнату, въ спальню; тамъ онъ увидѣлъ Юву, совсѣмъ павшиваго, съ сѣдою отпущенною бородой, лежащимъ на грязныхъ подушкахъ, подъ грязнымъ, худымъ одѣяломъ.

Висѣвшая здѣсь соблазнительная картина не была ничѣмъ ужъ и закрыта. Нарисованный на ней господинъ, по преимуществу кидавшійся въ глаза, кѣмъ-то, должно-быть, возмущившимся его позою, былъ проколотъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

— А! другъ сердечный! воскликнулъ Юва.

— Чтò это вы? говорилъ Баклановъ, садясь около него на стулъ. Запахъ и всюду видѣвшаяся нечистота были невыносимы.

— Боленъ! отвѣчалъ Юва хриплымъ голосомъ, — безъ ногъ совсѣмъ.

— Чтò жъ это такое?

— Да вонъ дуракъ докторъ говорить, что за дѣвками бѣгалъ, а я, Матерь Божья, никогда не бѣгалъ: все ѣздилъ.

— Лѣчиться надо! ничего, пройдетъ! утѣшалъ его Баклановъ.

— Га! воскликнулъ Юва, — лѣчиться надо! Мнѣ вѣсть нечего, Саша, да! Что вотъ, спасибо, напротивъ старушка, бѣдная дворяночка, живетъ, что придетъ да уберетъ около меня, то и есть, Саша, другъ мой!

И старикъ зарыдалъ.

— Гдѣ жь ваши люди?

— Люди—да! Гдѣ вода весенняя, пощца-ка ее лѣтомъ! я было дьяволовъ ихъ всѣхъ въ дворовые въ прошлую ревизію приперъ, и они, какъ вышло Положеніе, и разлетѣлись, какъ птички Божьи! И ну-ка, Саша, и Мареутка-то ушла. Сколько то же жилъ съ ней, не жалѣя на нее ничего; подъ конецъ, что есть, била ужь меня, и то ушла... хоть бы на нее, оказавшую, взглянулъ передъ смертью-то...

И старикъ снова горько, горько зарыдалъ.

— Что жь, у васъ земля осталась, вздумалъ было опять утѣшить его Баклановъ.

— Возьми у меня ее всю!... не хощь ли? прокорми только до смерти.

Баклановъ молчалъ.

— Возьми! повторилъ Иона.

— Что же! произнесъ наконецъ тотъ.

— То-то что же!... А я за имѣніе-то десять тысячъ далъ; пятнадцать разъ изъ-за нихъ, окаянныхъ, въ уголовной палатѣ былъ; чуть на каторгу два раза не сослали... За что жь меня теперича ограбили совсѣмъ какъ есть.

— Нельзя же, Иона Мокеичъ, для вашего благосостоянія пожертвовать благосостояніемъ двадцати милліоновъ. Вы вотъ недовольны этимъ, а другіе помѣщички рады.

— Кто радъ-то, кто? воскликнулъ Иона.—Подлецы вы, вотъ что.... Языкъ-то у васъ, видно, безъ костей, такъ и гнется на каждое слово. Рады они?... Вотъ предводителюшки такъ рады—жалованье дьяволамъ дали! И вдругъ говорятъ мнѣ: „Ты-де, говорятъ, съ земли будешь платить по пятнадцати копѣекъ!“ Меня ограбили, а я плати!

На этомъ мѣстѣ Иона развелъ даже руками, какъ бы совсѣмъ ужь не понимая что это такое.

— А предводитель здѣшній говорить, что онъ все устроилъ по крестьянскому дѣлу.

— Все онъ, все! отвѣчалъ Иона съ искаженнымъ лицомъ.

— Онъ говорить, что у него крѣпостной трудъ давно замяненъ наемнымъ, продолжалъ Баклановъ.—Ему почему-то вриятно было подзадоривать Иону, чтобъ онъ хорошенько продернулъ предводителя.

— Какъ же, продолжалъ Иона,—давно ужь на винокуренный заводикъ мужиковъ гоняетъ, въ лѣтнюю пору, за гривен-

никъ въ день; два раза ужь поджигали у него это вольнонаемное-то заведеніе. Разъ самого-то было въ заторъ толкнули, да ловокъ—высочили!..

— Онъ говоритъ, что и машинное хозяйство у него давно существуетъ?

— Давно! отвѣчалъ Іона и на это спокойно, хотя злобъ его и предѣловъ не было.—Разъ какъ-то,—я еще служилъ,— заѣхали мы къ нему. Сталъ онъ намъ показывать свои модные анбары,—гляжу, хлѣба ни зерна. Я ему и говорю: „Велика, говорю, братъ, сусѣки-то войлоками обить; при батькѣ твоємъ крыса съ потолка упадетъ, все-таки въ хлѣбъ попадетъ, а теперь на голыя-то доски треснется, убьется до смерти, мнѣ же земскому чиновнику придется тѣло поднимать...“

— Онъ говоритъ, что у него на мировомъ сѣздѣ отличный порядокъ, продолжалъ Баклановъ пилить Іону.

— Какъ же? отлично! Ха, ха, ха! захоталъ старикъ дикимъ голосомъ.—Былъ я, сударь, Александръ Николаичъ, у нихъ, былъ на этихъ сѣздахъ... столпотвореніе вавилонское—и тому, я думаю, не подобный шумъ. Кто что говоритъ, словно лошади степныя скачутъ: никто никого не слушаетъ... У насъ прежде по крайности въ присутственныхъ мѣстахъ благочиніе было, а тутъ я омерзеніе почувствовалъ... Посредники эти молодкососы: пикъ, пикъ, тоже!.. Предводителішка вретъ, по обыкновенію, несетъ свою околесную, а дурачье мужичье стоятъ, брюхо распутивши, и слушаютъ.

— Что жь въ этомъ особенно худаго? возразилъ Баклановъ.

— Хорошо, хорошо! продолжалъ Іона:—а сами, подлецы, себя такъ не забываютъ... „Что, говорятъ, не придете ли къ намъ, мужички, на помощь повеселиться.“ Ну какъ, батюшка, подначальные совѣтъ, какъ не придутъ? И привалать, разумѣется, дѣлая тысяча, а у насъ-то... Пришиби ты меня, другъ сердечный, лучше!.. По крайности буду мертвъ и ничего того не буду ни видѣть, ни чувствовать...

Говоря послѣднія слова, Іона, кажется, не помнилъ ужь самъ себя.

— Ну что жь? Къ чему такъ отчаиваться! сказалъ ему Баклановъ:—я вотъ теперь вамъ немножко помogu, а тамъ и сами станете поправляться, прибавилъ онъ и поддалъ Іонѣ Мокеичу двадцати-пяти-рублевую.

— Спасибо! произнесъ тотъ, сначала пожимая только у

Бакланова руку.—Спасибо! повторилъ онъ еще разъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ и вдругъ поцѣловалъ у Бакланова руку и оттолкнулъ ее потомъ отъ себя.—Да! забормоталъ онъ, опускаясь на постель.—Иона плутъ, мошенникъ былъ, но никогда не думалъ нищимъ быть...

При послѣднихъ словахъ у него голосъ былъ даже хрипавый, какъ у умирающаго.

—Ну-съ прощайте! сказалъ Баклановъ, вставая.

Ему тяжело было долѣе оставаться.

—Прощай! сказалъ Иона, какъ-то чмокнувъ губами.—Прощай! а я теперь опять одинъ, опять! произнесъ онъ и заревѣлъ на весь домъ.

Баклановъ успѣвшимъ уйти и увѣхать.

ГЛАВА VIII.

Добрый помѣщикъ.

Въ одно изъ ближайшихъ утръ Баклановъ лежалъ въ своемъ кабинетѣ съ каминомъ, съ картинами, съ мебелью (все это было перевезено изъ городского дома покойнаго отца). Передъ нимъ стоялъ прикащикъ, тотъ самый молодой лакей, жившій когда-то съ нимъ въ Москвѣ, а теперь раздолбѣвшій и раздобрѣвшій до довольно почтенной и солидной фигуры. Впрочемъ, лицо его было печально и какъ бы выражало что звѣзда его счастья закатывается.

—Что, скажи, любятъ меня крестьяне! спрашивалъ Баклановъ.

—Любятъ-съ! отвѣчалъ прикащикъ.

—Пожалуй, и на волю бы не пожелали?

—Да извѣстно, что есть дураки,—гайгайкують, радуются тому; а который мужикъ поумаѣй, такъ понимаетъ тоже....

—Ну что, скажи, пожалуста, мнѣ этотъ ихвѣй?

—Что мнѣ! Не даетъ тоже спуска никому: теперь ужъ какой бѣдный али промотавшійся недоимщикъ не надѣйся, шабашъ...! Этта вонъ, у нашего Гаврюшки, по полтиннику сборъ былъ, не было денегъ, такъ послѣднюю овцу со двора стащилъ да продалъ.

— А много ужь этихъ поборовъ-то было?

— Да году еще нѣтъ, а ужь рубля по три сошло съ души... вкочить тоже имъ эта забавка-то въ копѣчку, одному старшинѣ жалованья 200 рублей серебромъ, онъ и самъ-то весь того не стоить.

— Отчего же не стоить?

— Да оттого что-сь, гдѣ вотъ тоже эта ссора или неудовольствіе промежь помѣщикомъ и мужиками, прѣдетъ тоже, разговариваетъ, рассуждаетъ, а толку ничего изъ того нѣтъ.

— Это такъ сначала, а послѣ обойдется.

— Нѣтъ-сь, николи это не обойдется... У нашего вонъ тоже Кирила сына-то выбрали въ старосты, какъ батька кучится, оченно-сь!.. Что-что, говоритъ, пятьдесятъ рублей серебромъ жалованья положили, мы черезъ это самое мастерство наше колесное запускаемъ, подороже, поближе сердцу-то нашему всякой должности.

— Неужели же они не понимаютъ, что это для общей пользы?

— Что ему общая польза-то? Мужикъ, осмѣлюсь, сударь, доложить вамъ, умень на своемъ только дѣлѣ, а что про постороннее судить или разговаривать, онъ ничего того не можетъ.

— Пожалуй, старшины эти потомъ и взяточки начнутъ побирать?

— Непремѣнно-сь! Посредниковъ-то еще теперь маненько побаиваются.

— Ну, а посредники люди все хорошіе?

— Молодые все больше господа... Не большого разсудка и на рѣчахъ не такъ чтобы складные... Кто жь, помните, развѣ хорошій господинъ, настоящій, служащій, пойдетъ въ эту должность, на экія неудовольствія.... Такъ сунулись, кому въ другомъ мѣстѣ не гдѣ ужь приткнуться было.

— Это пустяки, я самъ знаю, сколько отличныхъ людей тутъ.

— По первоначально такъ-сь! А что послѣ всѣ вышли, потому самому видятъ, что никакого ладу нѣтъ ни съ мужиками, ни съ барями. Пустое все это дѣло, баринъ, ей Богу такъ, заключилъ прикащикъ.

— Ну, скажи, пожалуста, дворовые у меня не желаютъ ли взять надѣлъ земли?

Прикащикъ даже вспыхнулъ отъ радости.

— Какъ не желать-сь, помните, съ великимъ удовольствіемъ

емъ, отвѣчалъ онъ:—крестьянамъ теперь экія милости оказаны, а намъ дворовымъ... два года эти пройдутъ, хоть топись совсѣмъ... у другаго семейство большое, самъ дѣла настоящаго дѣлать никакого не можетъ, другой старикъ тоже старій, ветхій.

— Дѣтки прокормятъ?

— Гмъ, дѣтки! Нечего нынче, батюшка, никому на дѣтокъ-то надѣяться... Мы вотъ тоже, Александръ Николаевичъ, вмѣстѣ съ вами росли и родителей имѣли, жалѣли ихъ тоже маленьчко, а нынѣшніе молодые ребята никакого чувства къ старикамъ не имѣютъ... Али опять теперича къ женамъ, къ хозяйкамъ: что есть, что нѣтъ ея, все ему единственно!

— Ахъ, кстати, къ женамъ! произнесъ Бакаловъ:—гдѣ, скажи, пожауста, Марья?

— Да здѣсь у насъ, въ нашу же вотчину вышла-сь. Славная женщина изъ нее вывалялась, умная такая, расторопная.

— И хорошо живетъ съ мужемъ?

— Да ничего особливаго не видать... Всѣ вѣдь они одинаково живутъ... Въ Питерѣ мужъ-то... Не часто тоже сходитъ!

— Знаешь что, я желалъ бы, впервыхъ, потолковать съ мужиками объ уставныхъ грамотахъ и, наконецъ, поблагодарить ихъ за любовь ко мнѣ.

Прикащикъ смотрѣлъ на барина.

— Вели приготовить имъ сегодня ужинъ: вина тамъ ведра три купить, пива. Пусть придутъ съ поля, часовъ этакъ въ восемь, попьютъ, поѣдятъ.... Я потюкую въ это время съ стариками и вообще отпраздную съ ними нашу общую радость.

— Слушаю-сь, отвѣчалъ управляющій, рѣшительно недоумѣвая, къ чему все это господинъ хочетъ дѣлать.

— Ну, и женщины чтобы пришли, и Марья также, поѣли бы, поплясали бы! заключилъ Бакаловъ.

— Да это сколько угодно, удовольствіе вамъ сдѣлаютъ, отвѣчалъ прикащикъ.

Оставшись одинъ, Бакаловъ былъ очень доволенъ своимъ прежнимъ крѣпостнымъ *неуправленіемъ*.

ГЛАВА XIX.

Братскій праздникъ съ народомъ.

Изъ луговъ, гдѣ сгребали сѣно, вотчина шла въ усадьбу— мужики въ красныхъ ситцевыхъ рубахахъ, женщины тоже въ ситцевыхъ сарафанахъ и въ чистыхъ, бѣлыхъ рубашкахъ, всѣ съ граблями и съ вилами на плечахъ, всѣ, по большей части, красивые и молодые.

Баклановъ стоялъ на балконѣ и прислушивался. Толпа пѣла пѣсню и чѣмъ ближе подходила, тѣмъ голоса становились слышнѣе. Баклановъ замѣтилъ впереди идущую фигуру въ бѣлой рубахѣ, синихъ штанахъ, которая разводила руками и помахивала платкомъ. Это былъ гайдукъ Петруша, совсѣмъ сѣдой, какъ лунь, но еще бодрый..

Голоса совсѣмъ ужь стали слышны; Баклановъ сталъ, наконецъ, различать слова:

„Съ поля, съ поля ѣдетъ баринъ“ пѣли мужики и бабы.

„Дѣтъ собачки впереди?“ слышался, по преимуществу, дребезжащій голосъ Петруши.

„Поровнявшись со мною, кинуть онъ умильный взглядъ!“ пѣли, кажется, по преимуществу женщины.

„Здравствуй, милая красотка, изъ котораго села?“ пробабили ужь мушкетеры.

„Вашей милости крестьянка, отвѣчала ему я!“ опять залились женскія голоса.

Всю эту штуку выдумалъ и управляя ею старикъ Петруша.

Баклановъ, стоя на балконѣ, все ниже и ниже наклонялъ голову; наконецъ, не могъ выдержать и, убѣжавъ къ себѣ въ кабинетъ, упалъ на диванъ и зарыдалъ.

Покуда онъ лежалъ тамъ, толпа пришла на дворъ, и слышалась ужь другая пѣсня:

„Башмачки, башмачки,

„Башмачки мои тороченыя!

„Три рубля за нихъ платила,

„Только день въ нихъ походила.

„Башмачки, башмачки,

„Башмачки мои тороченыя!

При этомъ какой-то малый, изъ простыхъ деревенскихъ мужиковъ, неистово ломался передъ народомъ.

Баклановъ, наконецъ, вышелъ на крыльцо.

— Ура! нашъ батюшка, баринъ, вскрикнула толпа, подкидывая шапки на воздухъ. Ура! повторила она. И опять этимъ распорядился старикъ Петруша, который стоялъ на правомъ флангѣ и выше всѣхъ помахивалъ рукой.

Баклановъ снова прослезился.

— Благодарю васъ, братцы! началъ онъ, взволнованнымъ голосомъ.—Что же водку-то?.. Подавайте водку-то! прибавилъ онъ.

Управляющій, съ огромнымъ бочонкомъ и со стаканомъ въ рукахъ, пошелъ обносить.

— Давай по два стакана за разъ! сказалъ Баклановъ.

Мужики при этомъ отхаркивались, отплеывались, однако выпивали.

— Земли вамъ, братцы, продолжалъ, между тѣмъ, Баклановъ, стоя передъ ними:—по Положенію назначено по четыре десятины; но вы владѣете, вѣроятно, больше.

— Да словно бы есть маленькій излишекъ, произнесло вѣсколько стариковъ-мужиковъ.

— Весь этотъ излишекъ оставляю вамъ, не отрѣзываю ни клочка.

— Благодаримъ, батюшка, покорно! произнесли опять тѣ же старики.

— Земля-то больно плоха, сказалъ стоявшій вѣсколько вдали рыжій, съ перекошеннымъ лицомъ, среднихъ лѣтъ мужикъ: камень да шпакъ!

— Ну ужь, любезный, мнѣ для тебя земли не выдумывать, не сочинять, отозвался ему Баклановъ, услышавъ его слова.

— Что пустяки!.. Земля какъ быть надо землѣ... У всѣхъ здѣсь одинакая, сказалъ опять старикъ.

— Такая небось, какъ у тебя, у стараго. По сороку телѣгъ на одну полосу навоза-то валишь, возразилъ ему, въ свою очередь, мужикъ.

— А тебѣ кто мѣшаетъ, какой лѣшій? окрысился на него старикъ.

— Ну-съ, дворовые теперь, перебилъ ихъ Баклановъ:—желаете ли оставаться у меня временно-обязанными крестьянами?

— Лучше того намъ быть не можетъ! сказалъ ему первый Петруша.

— Старикаи пусть живутъ здѣсь, а молодые промышляютъ и будутъ платить за нихъ оброкъ, сказалъ Баклановъ.

— Намъ тоже, Александръ Николаевичъ, все про нихъ да для нихъ взять негдѣ-съ! сказалъ молодой парень.

— А ты вотъ найдешь у меня, какъ тебя на миру-то раза два поучать; ихъ вспоили, вскормили, а они батеку и звать не хотятъ! сказалъ Баклановъ.

— Такъ, батюшка, Александръ Николаевичъ, справедливо! отозвались съ удовольствіемъ старики.

— Ну, садитесь, кушайте!

Мужики повернулись и стали усаживаться за приготовленные для нихъ столы.

— А я вотъ къ бабамъ пойду и побесѣдую съ ними, прибавилъ Баклановъ и пошелъ.

Онъ давно уже видѣлъ между женщинами Марью, которая, съ замѣтнымъ любопытствомъ, смотрѣла на него и даже, какъ показалось ему, съ нѣкоторымъ чувствомъ.

Онъ прямо подошелъ къ ней.

— Здравствуй, Марья! сказалъ онъ и протянулъ къ ней руку.

Она хотѣла было поцѣловать ее.

— Какъ можно! этого ужъ нынче нѣтъ, говорилъ Баклановъ, не давая ей руки и хотѣлъ поцѣловать ее въ лобъ; но Марья протянула къ нему губы, и они поцѣловались, и оба покраснѣли.

Другія женщины смотрѣли на всю эту сцену съ усмѣшкой.

— Ну, садитесь!... Садись, Марья, и я сяду около тебя!...

Марья продолжала смотрѣть на него съ любопытствомъ.

— Я стану съ вами уживать и выпью водки. Эй, дайте сюда!...

Прикащикъ подалъ.

— Ну, вы теперь, продолжалъ Баклановъ, выпивъ самъ рюмку и обращаясь къ женщинамъ.

Большая часть изъ нихъ отхлебнули только, а Марья такъ и совсѣмъ отказалась.

Подсаживатая старуха, та самая, которая такъ сильно была, когда онъ въ первый еще разъ увѣжалъ изъ Лопуховъ, не спускала съ него глазъ.

— Какъ баушка-то на барина посмотреть, замѣтила одна женщина.

— Чтò ты, старушка...? обратился къ ней Баклановъ.

— Да больно какъ, батюшка, гляжу, баря-то просты нынѣ стали! отвѣчала она.

— Просты они, матушка, нынѣ всѣ! отвѣчала ей прежняя женщина.

Марья, сидя около Бакланова, замѣтно модничала.

— Коли ты не хочешь водки, мы вино будемъ пить. Помнишь, какъ когда-то пивали съ тобой? обратился онъ къ ней.

Прикащикъ, по его приказанію, принесъ изъ горницы бутылку мадеры.

— Нѣтъ, баринъ, не хочу, не стану! отказывалась Марья, отстраняя рукою стаканъ, который подавалъ было ей Баклановъ.

На мужской половинѣ, между тѣмъ, начинали все больше и больше пошумавать.

— Мнѣ таперича, Яковъ Иванычъ, чтò значитъ—ничего, заговорилъ уже прежній покорный старецокъ.

— А я его, дьявола, вотъ какъ ссучу! говорилъ съ перекосной рожой мужикъ и показывалъ даже руками какъ онъ кого-то ссучить.

— Тсъ! Тше! скомандовалъ достаточно выпившій Петруша.— Пѣсню господину пѣть.

— Пѣсню, изволь! повторила толпа.

— Братцы, пойдѣте въ садъ, тамъ намъ попривольнѣй будетъ веселиться! Ей! вино несите въ садъ! сказалъ громко, Баклановъ.

— Въ садъ, робя, уважимъ барина! раздалось нѣсколько голосовъ.

Вся толпа тронулась.

Баклановъ постоянно старался быть около Марьи. Онъ нарочно затѣвалъ идти въ садъ, чтобы въ тѣнистыхъ аллеяхъ удобнѣе съ ней объясниться.

Солнце въ это время закатилось, и горѣла одна только яркая заря.

Передъ балкономъ мужики расположились по одну сторону, а бабы по другую.

Баклановъ оставался между послѣдними.

Загорлачили пѣсню тамъ и тамъ: сначала пѣли было одну а потомъ стали разные.

Баклановъ взялъ Марью за задъ сарафана и посадилъ ее около себя.

— Ой, баринъ, не трожьте! проговорила она, отодвигаясь отъ него.

Другія бабы, замѣтивъ это, поотшли нѣсколько.

— Пойдемъ въ горницу, шепнулъ ей Баклановъ.

— Я еще, баринъ, не сошла съ ума.... отвѣчала она, устремляя на него насмѣшливый взглядъ.

— Да, вѣдь, прежде ходила же?

— Мало ли вы прежде крови нашей пили? отвѣчала Марья.

Бакланову сдѣлалось стыдно и досадно.

— Я, кажется, тебя не принуждалъ?

— Волей, значить, видно, шла! отвѣчала насмѣшливо Марья.

— Да, вѣдь, это глупо же, произнесъ Баклановъ,—прежде тамъ какъ бы то ни было, но были же отношенія; отчего же теперь.... я денегъ тебѣ дамъ, сколько хочешь!

— Не надо, баринъ, никакихъ мнѣ вашихъ денегъ, проговорила Марья и потомъ, прибавивъ тихимъ, но рѣшительнымъ голосомъ: „Пустите-сь!“ отошла на болѣе приличное ей мѣсто.

Такое холодное и насмѣшливое обращеніе ея разсердило Бакланова. Онъ перешелъ на балконъ и сѣлъ на мужскую половину.

Бабы точно въ насмѣтку запѣли какую-то звончайшую пѣсню, и Марья впереди всѣхъ выводила.

Передъ Баклановымъ всталъ раскорякой одинъ совсѣмъ пьяный мужикъ.

— Баринъ, я пляшу, смотри, говорилъ онъ, и обернувшись спиной, началъ приплясывать:—Да ты гляди, хорошо ли? говорилъ онъ.

— Обернись, дуралей, къ барину-то лицомъ, усовѣщивали его другіе мужики.

— Изволь, сейчасъ!.. отвѣчалъ мужикъ и обернувшись къ Бакланову лицомъ, показалъ ему языкъ.

— Экой дуракъ! экой скотина! проговорили ему на это другіе мужики.

— Дуракъ и есты! подтвердилъ Баклановъ, вставая и уходя въ комнаты.

„И это люди!“ говорилъ онъ мысленно самъ съ собой.

Через полчаса къ нему пришелъ прикащикъ, тоже выпившій.

— Говорили съ Марьей-съ? спросилъ онъ его съ улыбкой.

— Неприступна ужь очень стала! отвѣчалъ Баклановъ въ томъ же тонѣ.

— Всѣ онѣ, проклятыя, набрались этой фанаберіи! объяснилъ прикащикъ.

— Чтò это они такъ шумять? спросилъ Баклановъ съ досадой.

— Да разныя тамъ свои глупости врутъ; разберешь у нихъ!

— Прогони ихъ! Скажи, чтобы шли по домамъ. Съ ними нельзя повеселиться хорошенько!

— Безчувственный народъ,—какъ есть самыи! Докладывать-то только давича не смѣлъ, а стòять они этого! отвѣчалъ прикащикъ и ушелъ.

Баклановъ слышалъ потомъ его голосъ и нѣсколько ругавшихся съ нимъ голосовъ. Шумъ не только не умолкалъ, но становился все больше и больше въ саду и на дворѣ. Бабы продолжали визжать пѣсни.

Баклановъ, наконецъ, нашелъ нужнымъ затворить окна, заперъ потомъ двери и осмотрѣлъ свой револьверъ. „Чортъ ихъ знаетъ, чего имъ не придетъ, пожалуй, въ пьяныя-то башки!“

ГЛАВА XX.

Возвратившаяся любовь.

На другой же день послѣ того, Баклановъ, въ легонькой бричкѣ, на наемной тройкѣ, неся что есть духу по дорогѣ къ Ковригану.

Софи его извѣстила коротенькимъ письмецомъ, что она увѣжаетъ на дняхъ за границу, и вдругъ эта женщина выросла въ его глазахъ: ему показалось, что онъ жить безъ нея не можетъ. Онъ рѣшился ее нагнать и ѣхать вмѣстѣ съ нею. Онъ трепеталъ одного, что не нагонитъ Софи, тогда ужь рѣшительно не зналъ чтò съ собой дѣлать, хоть стрѣляйся!

Въ Ковриганѣ, не доѣхавъ еще до крыльца, онъ выскочилъ

изъ брочки и побѣжалъ въ домъ. Сердце его забилось радостною надеждой. Двери въ сѣни были не заперты и даже затворены.

Баклановъ прямо пошелъ черезъ корридоръ въ комнату Биби, отворилъ дверь, и странное зрѣлище представилось его глазамъ: на постели, въ одной рубашкѣ и босикомъ, лежалъ Петръ Григорьевичъ, и закрывъ глаза, держалъ одно ухо обращеннымъ въ правую сторону. На деревянномъ стульчикѣ около него сидѣла старуха и что-то безпрестанно ему говорила, покачивая въ тактъ головой.

При видѣ Бакланова, Петръ Григорьевичъ вскочилъ и ужасно сконфузился.

— Извините, сдѣлайте милость, заговорилъ онъ.

— Гдѣ Софья Петровна? спрашивалъ его тотъ задыхающимся голосомъ.

— Сейчасъ.... часа съ два, какъ уѣхала, отвѣчалъ Петръ Григорьевичъ.

— Сдѣлайте милость, тройку мнѣ лошадей... я ее догоню... мнѣ до нея и ей до меня крайняя надобность.

— Сейчасъ лошади будутъ! отвѣчалъ самонадѣянно Петръ Григорьевичъ и, въ одной рубахѣ, босикомъ, пошелъ на улицу.

Баклановъ остался въ тоскливомъ и нетерпѣливомъ ожиданіи.

— Гдѣ лошади-то! Нѣту лошадей-то! бормотала между тѣмъ старуха.

— Вы что тутъ дѣлали? спросилъ ее Баклановъ.

— Сказки барину-то разказывала... охотникъ.... очень ужъ любить это! отвѣчала старуха.

„Вотъ, чортъ, чѣмъ занимается!“ подумалъ Баклановъ.

Петръ Григорьевичъ возвратился что-то не съ веселымъ лицомъ.

— Говорятъ, лошади не съѣзжены, не пойдутъ! проговорилъ онъ

— О вздоръ! у меня пойдутъ! проговорилъ Баклановъ и, видя, что надѣяться больше на распорядительность добродушнаго старца нечего, самъ пошелъ. На дворѣ стояли старикъ-староста, молодой сынъ его, сельскій даже староста, и ямщикъ, пріѣхавшій съ Баклановымъ. Всѣ они въ какомъ-то раздумьѣ разсуждали.

— Пустяки, братцы, у меня пойдутъ; я вамъ заплачу за это! говорилъ Баклановъ.

— Намъ, батюшка, не жаль, отвѣчалъ старикъ-староста:— пятнадцать лошадей на дворѣ стоятъ, ни одна не ѣзжена; тетенька при жизни-то не приказывала, а послѣ смерти ихъ мы сами не смѣли.

— Карька-то сходитъ; разъ въ телѣгѣ ѣздила я на немъ, подхватилъ молодой парень.

— Пустое дѣло, какъ тройки не выбрать изъ пятнадцати животинъ! насмѣшливо замѣтилъ извозчикъ Бакланова.

— Выбери-ка, попробуй, и поѣзжай самъ! сказалъ ему старикатка-староста.

— Ну и выберу,—али нѣтъ! отвѣчалъ ему молодцовато извозчикъ.

— Попробуйте-ка въ самомъ дѣлѣ ребята! распоряжался между тѣмъ сельскій староста, начинавшій явно принимать тонъ полицейскаго чиновника.

— Ну и попробуй, и поѣзжай! говорилъ старикъ-староста-ца съ сыномъ и съ извозникомъ въ конюшни.

— И поѣду, покажу вамъ въ зубы-то, какъ это дѣло надо дѣлать! говорилъ извозчикъ.

Вскорѣ они привели тройку лошадей и выкатили изъ сара-я телѣгу.

Смотрѣть на сцену закладыванья вышелъ на крыльцо и Петръ Григорьевичъ, попрежнему, въ одной рубашкѣ.

Коренная вошла въ оглобли съ нѣкоторымъ приличіемъ; впрочемъ извозчикъ имѣлъ осторожность, вынуть изъ своего собственнаго кармана бичевку, взнуздать ее этимъ. Молодой парень сталъ ее держать. Лошадь какъ-то гаупо-сердито по-водила глазами.

Изъ пристяжныхъ одна, когда ей поворачивали; какъ слѣдуетъ голову, она задъ отворачивала; задъ подвернуть, голову отнестъ. Другая же при этомъ и лягнула. Старикъ-староста, отскочивъ отъ нея, проговорилъ: „дьяволъ, что ты!“ Обоихъ ихъ взялись держать подъ уздцы сельскій староста и пришедшій какой-то ужъ новый мужикъ.

— Въ трокъ имъ головы-то, въ трокъ, кричалъ было съ крыльца Петръ Григорьевичъ, но его никто не слушалъ.

У извозчика, заправлявшаго всѣмъ этимъ дѣломъ, замѣтно дрожали руки.

— Отпускай! крикнулъ омы, проворно вскакивая въ телѣгу и подбирая вожжи.

Всѣ трое раскочились. Лошади сначала пошли хорошо.

Въ телѣгу наскочили молодой малый, сельскій староста, новый мужикъ и даже бѣжалъ было и старикъ староста, да не успѣлъ ужъ вскочить.

— Пойдутъ, ничего, пойдутъ! ободрялъ съ крыльца Петръ Григорычъ.

На лошади однако начинали все больше и больше забирать.

— Батюшки, бьютъ, кажется! проговорилъ бѣжавшій за ними старикашка.

— Въ самомъ дѣлѣ бьютъ! говорилъ Баклановъ, тоже бѣжавшій за ними.

— Держи! держи! кричали, между тѣмъ, въ самой телѣгѣ, и всѣ хватили за вожжи и тянули въ разные стороны.

Но коренная перекусила уже бичевку, одна изъ пристяжныхъ безпрестанно вяливалась, другая попала ногой въ постромку. Извозчикъ былъ блѣдень, какъ полотно.

Телѣга адски стучала.

Изъ усадьбы побѣжало еще нѣсколько народу и одинъ только Петръ Григорычъ оставался спокоенъ на крыльцѣ.

— Сдержать, сдержать! толковалъ омы вышедшей на крыльцо старухѣ-сказочницѣ.

— Держите на стѣну! на стѣну! кричалъ сельскій староста, соскакивая самъ съ телѣги.

Но на стѣну не попали, а вылетѣли за околицу, а тамъ на пашню, на косогоръ, въ оврагъ. Телѣга перевернулась; но лошади продолжали нести. Извозчикъ потащился было на вожжахъ, но бросилъ; новый мужикъ побѣжалъ было держась за задокъ телѣги, но упалъ.

Молодой парень лежалъ и охалъ.

Къ нему побѣжалъ батька.

— Чтò, батюшка, не убился ли?

Но парень ничего ему не отвѣтилъ, а вскочилъ и побѣжалъ за лошадьми. Тѣ какъ неопредѣленная масса какая-то мелькали вдали.

— Черти! лѣшіе! говорилъ извозчикъ, возвращаясь въ усадьбу.—Поѣдте, баринъ, я васъ на своихъ отвезу. Не далеко тутъ. Въ Захарыинѣ, говорятъ, барыня-то кормить, обратился омы къ Бакланову.

— Сдѣлай милость! отвѣчалъ тотъ.

Извозчику всего больше было стыдно, что онъ хвастался, а лошади его разбила.

— Подъемте сейчасъ же! прибавилъ онъ и затѣмъ, приведя еще дрожавшую отъ усталости свою тройку, заложилъ ее снова въ бричку.

Баклановъ съѣзъ.

— Прощайте! произнесъ ему съ крыльца, своимъ добродушнымъ голосомъ, Петръ Григорьевичъ.

Баклановъ молча кивнулъ ему головой.

— Кричать всѣ лѣвшіе, а то бы я справился съ ними! продолжалъ, какъ бы оправдываясь передъ Баклановымъ извозчикъ, и потомъ отъ сдержанной вѣроятно досады сталъ неистово свѣчь свою тройку, такъ что та снова засакаала у него. Когда они подѣхали къ Захарьину, экипажъ Софи стоялъ уже заложанный передъ избой Никиты. Сама Софи сидѣла одѣтою совсѣмъ по-дорожному. Услышавъ шумъ на улицѣ, она, съ встревоженнымъ нѣсколько лицомъ, выглянула въ окно: предчувствіе ей говорило, что за ней будетъ погоня.

Баклановъ вошелъ въ одно и то же время радостный и сердитый.

— Вы это зачѣмъ? спросила его Софи больше съ насмѣшливою улыбкой.

— Какъ это вамъ не грѣхъ уѣхать одной? отвѣчалъ онъ беря и цѣлуя ея руку:— Это жестоко!..

— А вамъ меня не жестоко было оставить одну съ бунтовавшими мужиками?

— Но я имя ваше спасалъ.... Вы знаете ли, что у меня этого потребовалъ посредникъ.... прямо мнѣ сказалъ.... „Васъ, говорить, люди оговариваютъ въ какихъ-то сношеніяхъ съ мадамъ Левой; пожалуста, разсѣйте эти подозрѣнія.“

— Вы и теперь, видно, желаете спасти мое имя, гоняясь за мной:—полноте, пожалуста, Баклановъ! возразила Софи и вздохнула.

— Чѣмъ же я теперь гублю ваше имя.... Мы ѣдемъ за границу.... Тамъ не наше милое російское общество: никому до насъ дѣла не будетъ.

— Не объ обществѣ я говорю. Я никогда въ немъ не жила, и вѣроятно жить не буду, а говорю, пора же и совѣсть вспомнить.

— Я у васъ прошу позволенія только ѣхать съ вами; здѣсь въ деревнѣ я рѣшительно не могу оставаться, возвращаться

къ женѣ, къ семейству—просто боюсь.... Пощадите вы меня хоть немного.

Софи молчала.

Вошла хозяйка-баба.

— Чтò, голубушка, готовы лошади? спросила ее Ленева.

— Готовы, матушка, готовы, ждутъ, отвѣчала та.

Софи взяла свой сакъ-вояжъ и пошла.

— И я поѣду съ вами, Софи, говорилъ ей блѣдный Бакалановъ и въ самомъ дѣлѣ пошелъ за ней.

Она вошла въ карету. Онъ тоже.

Экипажъ тронулся.

Софи почти всю дорогу сидѣла молча и надувшись.

Бакалановъ не смѣлъ съ ней заговорить. О, какъ онъ любилъ ее въ эти минуты!

АЛЕКСВЙ ПИСЕМСКІЙ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ

1.

Утро. Свѣжестью пахнуло;
Поле зеленью одѣто;
Сквозь весенніе туманы
Улыбнулось уже лѣто.
Выхожу я въ садъ, къ березамъ:
Тамъ подъ зеленью тѣнистой
Ужъ раздвѣлъ питомецъ мая,
Ландышъ бѣлый и душистой.
И кругомъ коверъ зеленый
Въ золотистыхъ переливахъ,
И роса въ алмазныхъ капляхъ
На деревьяхъ и на кивахъ.

2.

Шевелю стелется волною золотистой,
Полдневный зной тревожитъ вѣтерокъ,
И подъ серпомъ падетъ головкою душистой
Съ тяжелымъ колосомъ и трепетнымъ цвѣткомъ.
Стучать кузнечики; прозрачной, бѣлой тканью
Проходятъ облака; вдали журчитъ ручей,
И таятся лѣсокъ широкой, темной гранью
По скошеннымъ лугамъ, по золоту полей.
Брожу задумчивый. Изъ стройныхъ жницъ Украйны
Замѣтилъ я одну: съ какой-то думой тайной
Она глядитъ, глядитъ въ вѣчную даль,
Роясь острый серпъ, головкою красивой
Къ спону приравъ. Такъ лебедь горделивой
Глядитъ задумчиво на свѣтлую эмаль,
На гладь прозрачную зеркальнаго залива,
Крмаомъ не шевеля и тихо дремлетъ...

.....

3.

Сквозь туманную мглу
Заблестала луна;
Вѣтерокъ не шумить,
Ночь тепла и свѣта.

Ночь тепла и свѣта,
Словно радостный день,
Но подъ липой, въ саду,
И прохлада и тѣнь.

Жду давно, милый другъ,
Недождуся тебя,
Приходи, обними
Горячѣ меня,

Чтобъ тоску я забылъ
И себя, и людей,
Заигравшись волной
Темнорусыхъ кудрей!

4.

Гляжу, не нагляжусь на милыя черты!...
Блѣдны передъ тобой красавицы столицы,
Смѣлый твой черный глазъ, длиннѣй рѣсницы,
И ярче блескъ лавить и гуще шелкъ косы,
Твой стройный станъ не заключенъ въ оковы,
Свободно и легко убогіе покровы
Твоихъ касаются красивыхъ, смуглыхъ плечъ;
Не знаешь ты ни свѣтской ажи, ни моды,
И льется полная свободы
Съ невинныхъ устъ твоихъ младенческая рѣчь.

К. АЛЬБИНСКІЙ.

СЕРБСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I *

.I.

Яскій миръ (1791 г.), заключенный между Россіей и Портою Оттоманскою, положилъ границею между обоими государствами рѣки Днѣстръ и Кубань, и вмѣстѣ съ тѣмъ привелъ Турецкую имперію къ убѣжденію въ необходимости самой тѣсной дружбы съ Россіей. Порта отказалась тогда отъ долговѣчнаго союза, соединявшаго ее съ Франціей; сблизилась съ Россіей и, сначала, въ 1794 году, а потомъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1798 года, заключила съ нею договоръ, имѣвшій цѣлю взаимную защиту Россіи и Турціи и оборонительный

* Переводчикъ *Исторіи Сербіи* Ранке въ предисловіи своемъ, между прочимъ, говоритъ: „При всѣхъ достоинствахъ своихъ, сочиненіе Ранке не можетъ быть вполне удовлетворительно для русскихъ читателей, ибо въ немъ весьма кратко сообщается о томъ благодѣтельномъ участіи, которое принимала Россія въ судьбѣ Сербіи.“ Игнѣя подъ рукою нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ, мы рѣшились подѣлиться ими со всѣми желающими знать судьбу этого народа въ промежуткахъ времени отъ 1806 до 1812 г. Этимъ объясняется появленіе нашей статьи, на которую и просимъ смотрѣть какъ на матеріалъ для будущаго историка.

союзъ противъ Французовъ занимавшихъ тогда Египеть. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра, Порта изъявила желаніе (въ 1804 г.) возобновить договоръ 1798 года, хотя оставалось еще два года до истеченія его срока. Восемь мѣсяцевъ длились переговоры объ этомъ предметѣ. Россія желала приобрести себѣ право на покровительство христіанъ подвластныхъ Турціи, на что султанъ дого не соглашался, говоря, что такое покровительство противно религіознымъ * и политическимъ правиламъ дивана, такъ что договоръ былъ подписанъ только 11 сентября 1805 года. Въ немъ подтверждено было право Русскихъ проходить черезъ Босфоръ, чтобъ имѣть возможность защищать острова на Средиземномъ морѣ, находившіеся подъ общимъ покровительствомъ Россіи и Турціи. Константинополь представлялъ собою тогда базаръ дипломатической купли и продажи. Англійскій и русскій посланники господствовали въ Константинополь, то вмѣстѣ, то порознь, и всѣми мѣрами старались удержать Турцію отъ союза съ Франціей. Принявъ титулъ императора, Наполеонъ отправилъ маршала Брюна, для склоненія султана признать его французскимъ падишахомъ, но русскій и англійскій посланники помѣшали этому. Брюнъ пріѣхалъ въ Константинополь окруженный блестящею свитой, старался угодить султану, предлагая ему со стороны французскаго правительства всевозможное содѣйствіе для осуществленія любимой его идеи объ устройствѣ войска, но несмотря на всѣ старанія, не успѣлъ исполнить даннаго ему порученія. Слѣдуя примѣру Россіи, султанъ не хотѣлъ признать за Наполеономъ принятый имъ титулъ императора.

Молодой императоръ Французовъ еще не терялъ надежды на дипломатическую побѣду и съ этою цѣлію рѣшился самъ писать къ султану. „Въ то время, писалъ онъ **, когда я оказываю вамъ всевозможное уваженіе и почести, зачѣмъ отказываетесь вы признать права мои? Зачѣмъ переносите вы терпѣливо поступки Россіи? Войско ея въ Корфу простирается нынѣ до 15.000 человекъ. Съ какою цѣлію находится оно тамъ? Русскій флотъ проходитъ часто въ виду вашей столицы, и

* „Угнетай ихъ, говоритъ Коранъ о невѣрныхъ, пока не смирятся и не заплатятъ поголовной даню.“

** Арх. Воев. Топ. Дено, № 47.372.

Россія не оставляетъ своего замысла о покореніи Грековъ. Сообразно ли съ вашими выгодами не обращать на то вниманія и дѣйствовать противъ меня? Еслибъ я не зналъ настоящей цѣли Россіи, то не говорилъ бы съ вами откровенно. Ваши министры преданы Россіи. Преду-
 преждаю васъ, что если вы будете впредь довѣрять соблазнительнымъ словамъ Русскихъ и откажете мнѣ въ выгодахъ, какими у васъ съ давняго времени пользовалась Франція, то должны будете видѣть во мнѣ своего непріятеля. Диванъ не заботится о происходящемъ въ Каирѣ, Дамаскѣ, Меккѣ и Медивѣ, и, между тѣмъ какъ Русскіе покоряютъ Персію послѣдствія чего падутъ на васъ, ваши министры даже не упоминаютъ объ этомъ и дѣйствуютъ противъ меня. При вашемъ дворѣ я не имѣю ни одного приверженнаго мнѣ чело-
 вѣка, и потому рѣшился писать прямо къ вамъ, убѣждая васъ вѣрнуться Франціи, вашей естественной союзницѣ, безъ чего вы подвергнетесь опасности, о которой я предупреждалъ васъ. Я знаю до какой степени простираются пагубные замыслы Россіи противъ васъ. Половина подданныхъ вашихъ исповѣдуютъ одну съ нею вѣру и преданы ей. На семи островахъ у васъ нѣтъ болѣе подданныхъ. Тамъ на всѣхъ купеческихъ судахъ русскій флагъ. Даже ваши министры почитаютъ *Корфиотовъ* за Русскихъ. Отъ вашего благо-
 разумія не могутъ скрыться такіе поступки дивана. Будучи вашею союзницей, Россія заключила отдѣльный миръ. Когда дѣло идетъ о его выгодахъ, петербургскій дворъ не обращаетъ вниманія на выгоды Порты и на обязанности, налагаемыя на него союзомъ съ вами. Отнынѣ отношенія наши зависятъ отъ большей или меньшей откровенности ожидаемаго мною отъ васъ отвѣта. Если вы хотите разрыва съ Франціей, то не буду жалѣть о послѣдствіяхъ, которые изъ этого произойдутъ. Идите по слѣдамъ вашихъ предковъ, султановъ Селима и Мустафы.“

Какъ бы въ доказательство истинной дружбы и союза Россіи съ Турціей, султанъ сообщилъ императору Александру, довѣреннымъ образомъ, приведенное нами письмо Наполеона. Русскій императоръ отвѣчалъ султану слѣдующими словами:

„Чувствуя въ полной мѣрѣ довѣренность, какую ваше величество изъявили мнѣ сообщеніемъ копіи съ письма, полученнаго вами отъ Бонапарта, поспѣшаю изъяснить вашему

величеству признательность мою за сей новый опытъ искренней вашей дружбы, и присоединить нелицемѣрное увѣреніе, что вы во всякое время встрѣтите съ нашей стороны во всемъ взаимную довѣренность и откровенность, которыхъ требуетъ доброе согласіе и союзъ столь счастливо между нами существующій и нынѣ сдѣлавшійся нужнѣйшимъ для благоденствія имперіи нашей. Отъ прозорливости вашего величества скрыться не можетъ, что старанія и усилія, употребленныя многократно Бонапартомъ, для посвѣянія между нами недовѣрчивости, явно показываютъ, что дружбу нашу почитаетъ онъ сильнѣйшею преградю властолюбивымъ его видамъ. Истина сія столь ощутительна, что не требуетъ доказательствъ. Полагаю даже излишнимъ опровергать клеветы, кои онъ въ письмѣ своемъ дѣлаетъ противъ Россіи, ибо не сомнѣваюсь ни мало, что ваше величество увѣрены въ искренности моихъ чувствованій, въ незыблемости моей дружбы и въ томъ, что самая существенная польза Россіи требуетъ сохраненія цѣлости и благоденствія Оттоманской имперіи. Личная дружба наша, сопряженная съ наклоностію нашею сохранить ее навсегда, будучи необходима для самого благоденствія нашихъ имперій, налагаетъ на насъ взаимную обязанность явче утвердить ее обоюдною довѣренностію и скрѣпить постановленіемъ, какое по настоящимъ обстоятельствамъ окажется нужнымъ, для воздержанія безмѣрнаго властолюбія Бонапартова и положенія преградъ видамъ его, стремящимся къ тому, чтобы повсюду давать законы. Ваше величество не можете не согласиться, что елибѣ Россія простирала виды свои на области Оттоманской имперіи, то она со времени французской революціи довольно имѣла случаевъ для приведенія оныхъ въ дѣйство. Я могу увѣрить васъ, что даже блаженной памяти бабушка моя, при концѣ царствованія своего, перемѣнила образъ мыслей относительно имперіи Турецкой, и приняла ту самую систему, каковой слѣдовалъ блаженной памяти родитель мой, и каковой теперь я слѣдую. Сіе должно достаточно увѣрить ваше величество въ откровенности моихъ чувствованій. Хотя на обширныхъ предѣлахъ нашей Имперіи, обитаемой разными народами, и могутъ встрѣтиться иногда, отъ недоразумѣнія или опрометчивости нѣкоторыхъ начальниковъ, какія-либо неумышленныя происшествія, мы не должны однако допускать, чтобы они служили врагамъ нашимъ

къ поколебанію или послабленію нашей искренной дружбы, но должны поспѣшать объясненіями и исправлять оныя. Самая готовность наша къ тому будетъ служить доказательствомъ желанія нашего сохранить доброе согласіе, чему я далъ уже вашему величеству опытъ, посланными отъ меня предписаніями главнокомандующему въ Грузіи, тотчасъ по полученіи извѣстія о случившемся противъ нашей воли и противъ распоряженій самого начальника. Увѣряю васъ, что съ моей стороны всегда найдете равную готовность къ сохраненію дружбы нашей. Желаю вамъ долголѣтнаго царствованія и всѣхъ благъ*.”

Въ такомъ положеніи были наши дѣла относительно Турецкой имперіи. Письмо Наполеона и замѣчаніе на него императора Александра, были пространно объясняемы дивану: съ одной стороны французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, съ другой — нашимъ посланникомъ Италинскимъ, поддержаннымъ при этомъ англійскимъ министромъ Эрбутомомъ. Соединенныя дѣйствія двухъ посланниковъ русскаго и англійскаго имѣли успѣхъ уже и потому, что султанъ питалъ сильное недовѣріе къ Наполеону, съ тѣхъ поръ какъ посадившій, въ разговорѣ съ лордомъ Витвартомъ, высказалъ предположенія о неизбѣжномъ раздѣленіи Турціи и о томъ, что при такомъ раздѣлѣ Египетъ долженъ достаться на долю Франціи. Французскій посланникъ Брюнь увѣхалъ изъ Константинополя. Извѣщая объ этомъ императора Александра, султанъ увѣрялъ въ неизмѣнности своихъ чувствованій и дружбы къ Россіи.

Но вскорѣ дѣла приняли другой оборотъ. Быстрые походы Наполеона, его побѣды, его возрастающее могущество, заставили султана поколебаться въ своихъ убѣжденіяхъ. Онъ не зналъ теперь какому вліянію слѣдовать: англійскому, русскому или французскому. Блистательный походъ Наполеона кончившійся аустерлицкимъ сраженіемъ окончательно заставилъ Порту сблизиться съ Французами. Она считала невозможнымъ противиться тому кто побѣдилъ соединенныя силы двухъ великихъ державъ. Султанъ призналъ Наполеона императоромъ и отправилъ своего посланника въ Парижъ. Съ этихъ поръ началась разрывъ

* Архивъ Воен. Топ. Депо, № 47.372.

между Россіей и Турціей. Французскія войска вступили въ Далмацію. Наполеонъ зналъ какъ полезна могла быть для него война Русскихъ съ Турками и отправилъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посланникомъ генерала Себастьяни. Въ августѣ 1806 года пріѣхалъ Себастьяни съ блестящею свитой и цѣлою толпою нѣмецкихъ, польскихъ и италіянскихъ офицеровъ, инженеровъ и артиллеристовъ. Себастьяни скоро приобрѣлъ значительное вліяніе и употреблялъ всевозможныя средства къ возстановленію султана Селима и дивана противъ Россіи. Военная свита Себастьяни, состоявшая изъ офицеровъ различнаго рода оружія, занималась укрѣпленіемъ дунайскихъ крѣпостей, устройствомъ на европейскій образецъ турецкой артиллеріи и войскъ получившихъ названіе *сеймендовъ* и *низамъ-джедидовъ* *. Въ самой Турціи произошли перемѣны: старое министерство было замѣнено новымъ. Вступивъ въ управленіе, новые министры начали съ того, что запретили Грекамъ имѣть на своихъ судахъ русскій флагъ, издавна ими употребляемый. Пока шли переговоры объ этомъ, Порта объявила, что она не будетъ болѣе пропускать русскіе военные корабли черезъ Дарданеллы. Русскій кабинетъ ограничился повелѣніемъ своему посланнику убѣдить диванъ въ несправедливости его дѣйствій и стараться всѣми средствами удерживать Порту въ союзѣ съ Россіей.

Имѣя повелѣніе отъ Наполеона употреблять всѣ способы убѣжденія и соблазна къ возстановленію Порты противъ Россіи, генералъ Себастьяни уговорилъ султана смѣнить, вопреки договоромъ, преданныхъ Россіи Ипсиланти и Мурузи и на мѣсто ихъ назначить господарями Молдавіи и Валахіи Суццо и Калимаха. По яскскому миру господаи опредѣлялись на семь лѣтъ. До истеченія этого срока, Порта не имѣла права смѣнять ихъ безъ согласія на то Россіи. Но диванъ подъ предлогомъ того что господаи способствуютъ тайно возстанію Сербовъ, смѣнилъ ихъ безъ предварительнаго о томъ сношенія съ Россіей. Все это должно было произвести разрывъ между Россіей и Портой, но англійскій посланникъ успѣлъ на нѣкоторое время сохранить миръ. Эрбурнотъ грозилъ призвать англійскій флотъ къ Констан-

* Арх. Воен. Топ. Дено, № 36.743, шкафъ 213, полка 4. Тамъ же, № 47.339, шк. 213, полк. 4. Также Шлоссеръ, т. VII, 226—230.

тивополю, „если требованія Россіи относительно Молдавіи и Валахіи не будутъ исполнены“. Господари были восстановлены, но согласіе нарушилось. Приобрѣтя значительное вліяніе, Себастьянъ сталъ деспотически распорядиться дѣлами Порты. Онъ сообщилъ сначала дивану, что Наполеонъ почтетъ объявленіемъ войны со стороны Турціи, если она не запретитъ проходить черезъ Босфоръ русскимъ военнымъ судамъ; что французскія войска пройдутъ тогда черезъ турецкія владѣнія для дѣйствія противъ Русскихъ на Днѣстрѣ, и наконецъ положительно объявилъ султану, что Наполеонъ будетъ его считать своимъ врагомъ, если онъ останется въ союзѣ съ непріятелями Франціи—Россіей и Англіей. Не имѣя силы долѣе противиться настояніямъ Наполеона, и предвидя неминуемый разрывъ съ Россіей, султанъ сталъ приготовляться къ военнымъ дѣйствіямъ. Турки начали исправлять крѣпости на Днѣстрѣ и Дунаѣ, дѣлать подвозы артилеріи, военныхъ и съѣстныхъ припасовъ, и наконецъ султанъ приказалъ войскамъ своимъ вступить въ Молдавію и Валахію. Россія также двинула армію въ Молдавію и Валахію, не имѣя намѣренія посягать на цѣлость Турецкой имперіи, „но желая обезпечить свои собственныя границы и покровительствовать народамъ, которымъ съ согласія Порты Россія обѣщала сохраненіе ихъ правъ“.

Но мы не станемъ слѣдить за ходомъ переговоровъ и военныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей и будемъ упоминать о нихъ только тогда, когда они будутъ касаться нашего ближайшаго предмета и служить къ уясненію внутренняго движенія Сербскаго народа въ этотъ промежутокъ времени.

Въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія, Турція представляла собою картину внутреннихъ несогласій, и враждебныхъ столкновеній различныхъ партій, силою оружія и потоками крови оспаривавшихъ одна у другой первенство. Воинственный духъ Османовъ XVI вѣка угасъ, вмѣстѣ съ мудростію ихъ правителей-полководцевъ. Нѣга сераля, среди которой проводили свою юность султаны, дѣлала ихъ неспособными къ управленію народомъ искони воинственнымъ. Военное послушаніе ослабло, янычары захватили власть въ свои руки, и полнѣйшее безначаліе возникло въ оттоманскихъ дружинахъ. Сильные пашы, въ Багдадѣ, въ Акрѣ, въ Виддинѣ и Янинѣ, отказывались посылать султану подать, и даже явно поднимали знамя бунта; многие изъ нихъ вовсе не хотѣли

повиноваться дивану, и собравъ войска, оружіемъ обезпечивали свою независимость. Внутри государства Джезаръ-паша совершенно отторгнувъ отъ имперіи Сирію *. Послѣднія войны привели Турецкую имперію къ сознанію превосходства соедѣнныхъ державъ имѣвшихъ благоустроенныя арміи и заставили желать устроить у себя войско по образцу европейскому. Съ этою цѣлю были призваны въ Константинополь цѣлыя толпы иностранцевъ-руководителей, которымъ и было поручено устроить войско. Въ 1785 году, въ Константинополь, состояло на султанскомъ жалованьи цѣлое общество французскихъ офицеровъ, занимавшихся военными преобразованіями. Турки не возставали противъ такого рода нововведеній до тѣхъ поръ, пока они не касались основныхъ государственныхъ учрежденій. Но лишь только коснулись они янычаръ, какъ волненія охватили всю Турецкую имперію. До сихъ поръ янычары являлись въ строю только въ тѣ дни когда раздавалось жалованье, и спокойно жили по городамъ въ остальное время, господствуя и повелѣвая ими и занимаясь промыслами, а теперь хотѣли подчинить ихъ всѣмъ строгостямъ европейской дисциплины. Образовалось огромное число недовольныхъ приставшихъ къ мятежникамъ. Поля Янины и берега Дуная сдѣлались главнымъ театромъ кровопролитій. Кирджали, обитавшіе вдоль береговъ Дуная, въ Болгаріи, сбѣгались толпами подъ бунчуки мятежныхъ пашей Измаила и Виддина.

Свирѣпный Пасванъ-Оглу, сераскиръ виддинскій занимаетъ первое мѣсто между пашами, не признававшими надъ собою власти дивана. Пятнадцать лѣтъ страдала Валахія отъ набѣговъ и чрезмѣрныхъ поборовъ его. Господарь Валахіи, невольный данникъ виддинскаго сераскира, нѣсколько разъ просилъ помощи у Порты и Россіи, но тщетно. Разрушенный Краіовъ опустѣлъ, жители бѣжали въ Трансильванскія горы, и самъ господарь искалъ убѣжища въ австрійскихъ владѣніяхъ. Наконецъ султанъ рѣшился силою прекратить своеволие Пасванъ-Оглу. Любимецъ Селима, капуданъ-паша Гуссейлъ, осадилъ его въ Виддинѣ, имѣя до ста тысячъ подъ своими знаменами. Пасванъ-Оглу, осажденный съ Дуная и сухаго пути, сопротивлялся отчаянно. Но несогласія начальниковъ и недо-

* Арх. Воен. Топ. Дено, № 36.743, мк. 213, поак. 4; Шаоссеръ, т. VII: Раяке: *Исторія Сербіи*, 65—77.

статокъ продовольствія въ арміи Гуссейнъ-паши принудили его къ отступленію отъ стѣнъ Виддина. Пасванъ-Оглу, ободренный успѣхомъ, сталъ распространять свою власть все далѣе и далѣе. Въ 1800 году онъ разбилъ пашу Румелию, а въ 1801 году уничтожилъ соединенныя силы господара валахскаго и паши бѣградскаго, осадившихъ его въ Виддинѣ. „Султанъ находился тогда почти безъ арміи; полки организованныя и дисциплинированныя по образцу европейскихъ войскъ (визамъ-джедиды) были еще не обучены и не многочисленны, а прежняя постоянная милиція (янычары), недовольная учрежденіемъ визамъ-джедиды отказывалась отъ службы или явно бунтовала.“

Отчаяваясь усмирить Пасвана-Оглу оружіемъ, Порты рѣшилась простить его и даже возвела въ достоинство трехбунчужнаго паши. Съ того времени Пасванъ-Оглу, названный теперь Османомъ-пашою, сталъ вносить полную дань въ казну, не переставая обременять поборами Валахію, не выдавшую для себя ни откуда защиты. Успѣхъ Пасванъ-Оглу былъ заразителенъ и для другихъ пашей. Турецкая имперія падала все глубже и глубже, а въ 1803 году готова была совсѣмъ распасться. Дезаръ-паша повелѣвалъ изъ Дамаска Сиріей, какъ независимый правитель; Египтомъ, по удаленію Англичанъ, управляли сначала беи, а потомъ Мегемедъ-Али; они платили подать султану только когда сами того хотѣли. Али-паша былъ также независимъ въ Янивѣ, какъ Пасванъ-Оглу въ Виддинѣ.

При такомъ положеніи дѣла христіанскія области, завоеванныя Турками, питавшими къ нимъ непримиримую ненависть, видя слабость Порты, рѣшились поднять оружіе и отстаивать свою независимость; первая встала Сербія.

Представьте себѣ страну, гдѣ собственность не обезпечена, правительство слабо и привыкло къ насильственнымъ дѣйствіямъ, судьи несправедливы, судебная администрація медленна,—гдѣ правительство безсовѣстно обираетъ народъ и прямо покровительствуетъ взяточникамъ и лихоимцамъ,—и вы будете имѣть понятіе о бытѣ и жизни Сербовъ подъ турецкимъ владычествомъ.

Янычары хозяйничали въ Сербіи. Сербы обязаны были содержать ихъ и служить вполнѣ этой поселенной кастѣ военныхъ. Янычары облагали Сербовъ податью, дѣлили между собою ихъ реви, получали десятую часть отъ всѣхъ полевыхъ плодовъ, отъ виноградниковъ, отъ улья, и подать съ каждой головы

скота. Каждый Турокъ считалъ себя господиномъ и полныиъ повелителемъ христіянина. У Сербовъ сложилась поговорка: „убей Богъ самаго лучшаго Турка!“ доказывающая до какой степени они ненавидѣли ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боялись. „Когда янычары въ пятницу отправлялись къ своему *куль-кеханъ* (начальнику) на поклонъ, каждый въ своей одеждѣ, то вперѣди шли *башы* и *байрактары* * въ своихъ блестящихъ одеждахъ и вооруженіи; за каждымъ шли трое или четверо слугъ. Весь городъ при такомъ зрѣищѣ приходилъ въ переполохъ; и когда подходитъ бывало время имъ проѣхать по улицѣ, то цѣлый часъ напередъ весь народъ стоитъ на *диванхане* (балконѣ), и никто не смѣетъ присѣсть, отъ великаго страха передъ ними. Вѣдь янычары боялись Бога мало, царя (султана) ни мало не боялись, визиря же и знать не хотѣли“ **.

Въ книгѣ султанскихъ повелѣній исчислялись обязанности подданныхъ немусульманскаго происхожденія (глауровъ) и между прочимъ сказано, что они должны носить особое платье; не смѣютъ строить своихъ домовъ выше мусульманскихъ; не имѣютъ права звонить въ колокола; не смѣютъ ѣздить верхомъ на лошадяхъ и верблюдахъ; не имѣютъ права носить оружіе. Захвативъ въ свои⁹ руки все что только могло служить къ обогащенію, Турки не дозволяли даже торговлѣ развиться между христіянами; принудили ихъ заключиться въ тѣсныя кружѣкъ семьи и жить такъ чтобы не нуждаться въ чужой помощи. Мужчины сами строили себѣ избы, плугъ и телегу, приготовляли упряжь, шили башмаки. Женщины принимали на себя производство остальной одежды: ткали полотно и сукна, и приготовляли крашенину. Занимаясь земледѣліемъ и скотоводствомъ, и имѣя такимъ образомъ все необходимое подъ рукою, Сербы обращались въ города только за покупкою соли. Сербу не зачѣмъ было заботиться о приобрѣтеніи капитала, когда онъ зналъ, что „все принадлежности избытка и благоприличія: красивое оружіе, богатая одежда и большіе дома составляли исключительное достояніе Турокъ“ и на пользованіе ими онъ не имѣлъ права.

* Башы (собственно начальникъ) и байрактаръ (соб. значеніемосецъ) были почегные титулы, дававшіеся знатымъ мусульманамъ.

** Ракке: *Исторія Сербіи*. Гильфердингъ: *Боснія, Герцеговина и Стара Сербія*.

Сербъ не имѣлъ даже права надѣть на себя что-либо зеленого цвѣта. Статистическія свѣдѣнія того времени свидѣтельствуютъ, что торговля состояла главнымъ образомъ въ продажѣ хлѣба и скота. Пшеница, ячмень, медъ, масло, сало, сыръ, соленая рыба, красная краска (паекивъ), смола и дѣсь мачтовый, отправлялись большею частію водою, по Дунаю въ Черное море, а оттуда въ Константинополь. Всякаго же рода скотъ, кожа, овечья шерсть, воскъ, дрова отправлялись сухимъ путемъ въ Австрію. Внутренней торговли почти никакой не было, а если и была, то состояла большею частію въ продажѣ вина.

Соблюдая собственныя выгоды, паши запрещали Туркамъ ѣздить по селамъ. Въ городъ же Сербъ не смѣлъ входить иначе какъ пѣшій. При встрѣчѣ съ Туркомъ, онъ долженъ былъ останавливаться, сторониться, давать ему дорогу и прятать оружіе, если оно у него было; переносить терпѣливо всѣ оскорбленія было его обязанностию, отвѣчать на нихъ было тяжкимъ преступленіемъ. Все это заставляло Сербовъ избѣгать встрѣчи съ Турками и селиться въ деревняхъ, такъ что иной Сербъ доживалъ до шестидесяти лѣтъ, и ни разу не былъ въ городѣ.

Притѣсненія Турокъ заставили многихъ Сербовъ удаляться въ горы и дѣлаться разбойниками и гайдуками. Гайдуки не пресѣдвались Сербами, и хотя не пользовались уваженіемъ, но и не считались преступниками, такъ какъ главною цѣлью ихъ было враждовать съ невѣрными, хотя они и своихъ не всегда щадили. Гайдуки подстерегали Турокъ на дорогѣ и перехватывали денежныя суммы; у нихъ были свои пристанодержатели, у которыхъ они жили, занимаясь зимою въ пастухи или поденщики, но съ наступленіемъ весны снова уходя въ дѣсь. За смертью каждаго изъ своихъ товарищей они считали долгомъ мстить Туркамъ также смертью. Гайдучество имѣло свою хорошую сторону; оно было народный духъ, и поддерживало воинственныя наклонности, желаніе свободы и самостоятельности. Гайдучество приготовило Сербію къ борьбѣ за ея независимость.

Въ то время когда Пасвант-Оглу наводилъ ужасъ на окрестныя области, Сербіей управляли Эбу-Бекиръ, и насѣдникъ

* Арх. Воев. Топ. Дѣло № 15.316 Шк. 213 пол. 2.

его Хаджи-Мустафа. Они не допускали къ себѣ янычаръ и управляли страной безъ всякаго насилія. Мустафа-паша даже призвалъ къ оружію самихъ Сербовъ для дѣйствій-противъ Пасванъ-Оглу. Сербы, говоритъ Ранке, съ радостію взяли за оружіе. Кнѣзи сами снаряжали войско и сызъ гайдукъ, Станко Арамбашичъ пріобрѣлъ великую славу. Сербы, сражаясь съ Турками противъ Турокъ же, не почитали себя подданными этихъ послѣднихъ.“ Но скоро дѣла приняли другой оборотъ. Пасванъ-Оглу своими дѣйствіями заставилъ Порту помириться съ собою и даже успѣлъ выговорить условія въ пользу янычаръ, выгнанныхъ изъ Бѣлграда. Диванъ повелѣлъ Хаджи-Мустафѣ допустить въ свою область янычаръ. Отказаться онъ не могъ, иначе подвергъ бы себя тяжкому наказанію. Янычары возвратились, и умертвивъ въ послѣдствіи самого Хаджи-Мустафу, захватили въ свои руки управленіе Сербіей.

„Четверо янычаръ: Фочичъ-Мехметъ-Ага, Аганлія, Мулла-Юсуфъ и Кучукъ-Али раздѣлили между собою верховную власть и снова назвали дахіями. Каждый взялъ себѣ часть пашалыка; но всѣ жили вмѣстѣ въ Бѣлградѣ и правили со-обща. Они нерѣдко ссорились между собою, но старый отецъ Мехметъ-Ага умѣлъ мирить ихъ. Новоприбывшій паша Ага-Гасанъ почти не имѣлъ никакого значенія. Они назначали и собирали подати, и вводили новое управленіе. Не довольствуясь своими янычарами, они набрали себѣ новую многочисленную и вооруженную толпу изъ Босняковъ и Албанцевъ. Это были полунагіе бродяги, досель работавшіе на галерахъ. Теперь они ѣздили на арабскихъ жеребцахъ, носили бархатную одежду, золотыя и серебряныя украшенія, нагло обращались со всѣми, кромѣ своихъ повелителей, которые держали ихъ въ безусловномъ подчиненіи, нуждаясь въ нихъ для утвержденія своего господства, но вовсе не для какого-нибудь военнаго дѣла. Дахи разослали знатнѣйшихъ единомышленниковъ своихъ, по преимуществу янычаръ, въ областные города, и они подъ именемъ кабадахіевъ захватили всю власть въ свои руки, не обращая ни малѣйшаго вниманія на кадіевъ. Въ деревняхъ появились субаши, представители судебной и правительственной власти, и многіе изъ упомянутыхъ выше Албанцевъ и Босняковъ. Они распоряжались жизнью и смертію

поселянъ, грабили ихъ, обогащались, и по первому знаку готовности были исполнять повелѣнія дахиевъ.“ *

Но янычарамъ и [этого было мало; они захотѣли завладѣть землею и сдѣлаться постоянными землевладѣльцами Сербіи. Они вьзали жителей деревень и селъ, и принуждали ихъ расписываться въ томъ, что они будто бы продали имъ землю, и такимъ образомъ приобрѣтали право собственности и владѣнія землею. Начались повсюду грабежи, насилія и убійства: отнимали у крестьянъ праздничную одежду на попоны своимъ лошадямъ, не позволяли совершать богослуженіе, заставляли женщинъ плясать передъ своими домами, насиловали ихъ и брали къ себѣ лучшихъ красавицъ. Положеніе Сербовъ становилось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе тягостнымъ. Сербскіе князи отправили жалобу султану, упоминая о грабительствѣ, насиліи и прося о помощи: „Если ты еще нашъ царь, писали они, то приди освободи насъ отъ злодѣевъ; если же не хочешь спасти насъ, то, по крайней мѣрѣ, скажи о томъ. Тогда намъ останется бѣжать въ горы и аѣса или топиться въ рѣкахъ.“ Султанъ обѣщаль помощь имъ; онъ послалъ объявленіе дахиамъ, что если они не уймутся, то онъ направитъ противъ нихъ войско, но не турецкое, а другой вѣры, другаго народа. Долго думали дахи и спрашивали себя, какое бы это могло быть войско? Думали объ Австрійцахъ и Русскихъ; наконецъ рѣшили, что султанъ имѣеть въ виду самихъ *райевъ*.

Тогда они рѣшились предупредить грозу и перебить всѣхъ кто могъ быть опасенъ. Они начали приводить въ исполненіе свой планъ съ февраля 1804 года. Подъ различнаго рода коварными предлогами обѣзжали они деревни, хватали всякаго кто имѣлъ сколько-нибудь замѣтное положеніе и предавали смерти. Въ самое короткое время, Сербы не стали досчитывать въ рядахъ своихъ многихъ лучшихъ людей. Положеніе становилось часъ отъ часу невыносимѣе; ужасъ распространился по всей Сербіи, вмѣстѣ съ молвою, что все народонаселеніе будетъ истреблено точно такимъ же образомъ. Никто не зналъ кому именно грозила смерть. При приближеніи Турокъ все, чтѣ только могло, бросалось въ горы подъ защиту и въ убѣжища гайдуконъ, такъ что Турки встрѣчали въ селахъ и деревняхъ только стариковъ да дѣтей.

Но скоро явились предприимчивые люди, призывавшіе

* Раке: *Исторія Сербіи*, стр. 84 и 85.

народъ къ вооруженію и къ защитѣ народной независимости. Къ числу первыхъ народныхъ вождей принадлежали Янко Катичъ, Васо Чарапичъ и Георгій Петровичъ *Черный* или *Кара Георгій*, какъ называли его Турки.

Черный Георгій родился между 1760 и 1770 годами, въ селѣ. Вышевацѣхъ въ Крагуевацкомъ округѣ, и въ ранней молодости жилъ вмѣстѣ съ родителями въ мѣстечкѣ Тополѣ. Онъ участвовалъ въ первомъ возстаніи Сербовъ; потомъ служилъ солдатомъ въ корпусѣ волонтеровъ, набранномъ Австрійцами изъ Сербовъ въ послѣднюю ихъ войну съ Портою; потомъ былъ гайдукомъ и пользовался извѣстностію какъ одинъ изъ самыхъ предприимчивыхъ и самыхъ богатыхъ людей Сербіи. Онъ велъ торговлю свиньями, самую прибыльную и наиболѣе распространенную въ Сербіи. Въ то время какъ онъ гналъ на продажу свои стада въ Австрію, дошло до него извѣстіе что и его ищутъ Турки. Бросивъ свое стадо, онъ вмѣстѣ съ пастухами бѣжалъ въ лѣса. Тамъ присоединились къ нему Янко Катичъ и Васо Чарапичъ. Первый пріобрѣлъ уже опытность въ военномъ дѣлѣ, сражаясь противъ Пасванъ-Оглу, а послѣдній желалъ отмстить Туркамъ за смерть своего брата. Всѣ трое рѣшились, не дожидаясь смерти отъ руки конюха дахіева, „лучше самимъ, какъ свободнымъ людямъ, идти ей на встрѣчу“. Къ нимъ присоединились гайдуки, изъ которыхъ въ послѣдствіи пріобрѣлъ себѣ извѣстность Велько. Во всѣ стороны поскакали гонцы съ повѣсткою, чтобы всякій, кто можетъ владѣть оружіемъ, шелъ на войну, разорялъ жилища субашей, грабилъ и убивалъ Турокъ, а женъ и дѣтей своихъ отсылалъ въ горы. Выгнавъ повсюду Турокъ изъ деревень, побѣдители тотчасъ же бросились на небольшіе города или такъ-называемыя паланки, гдѣ также не встрѣтили большого сопротивленія, ибо турецкое народонаселеніе спасалось бѣгствомъ въ укрѣпленныя мѣста. „Мгновенно вся страна, всѣ двѣнадцать нахій, села и паланки, очутились въ рукахъ тѣхъ, которые недавно обречены были на конечное истребленіе“.

Когда возстаніе сдѣлалось всеобщимъ, и Сербы рѣшились до послѣдней крайности отстаивать свою независимость, они приступили къ избранію главы или предводителя. Послѣ многихъ отказавшихся * выборъ остановился на *Георгии Чернолѣ*.

* Подробности см. у Леопольда Ранке: *Исторія Сербіи*.

Онъ отказывался отъ предоставляемой ему власти, ссылаясь на свою неопытность въ дѣлѣ управленія, но кнези обѣщались помогать ему. Сами же кнези не домогались власти потому что, не надѣясь вполне на успѣшный исходъ возстанія, боялись въ случаѣ неудачи лишиться всего своего достоинства, и подвергнуться гоненію отъ Турокъ. Черный Георгій ссылался также на крутость своего характера:

— Я жестокъ, говорилъ онъ, и у меня крутой нравъ; я не стану долго толковать и на кого разсержусь убью на мѣствѣ.

И дѣйствительно, Георгій былъ жестокъ до чрезвычайности. Въ послѣдствіи, когда онъ былъ верховнымъ вождемъ Сербіи, своею свирѣпостію онъ посеялъ страхъ въ народѣ. Извѣстно было всемъ, да и самъ Георгій Черный не скрывалъ того „что отца своего застрѣлилъ своею рукою и своими же руками повѣсилъ своего роднаго брата въ глазахъ матери.“ * Послѣ неудачи перваго возстанія Сербовъ, Черный Георгій поставленный въ необходимость, спастись бѣгствомъ, взялъ все свое имущество, и вмѣстѣ съ отцомъ, котораго не хотѣлъ оставить между Турками, отправился на рѣку Саву. Старикъ, подобно многимъ другимъ Сербамъ, хотѣлъ остаться дома и дорогою нѣсколько разъ уговаривалъ сына воротиться назадъ.

— Лучше пойдемъ назадъ, говорилъ старикъ,—Турки просятъ насъ.

Черный Георгій не хотѣлъ и слышать объ этомъ.

— Ну такъ иди же ты одинъ, сказалъ старикъ, желая поставить на своемъ,—а я отправлюсь домой.

— Нѣтъ, отвѣчалъ на это Черный Георгій, я не потерплю чтобы Турки уморили тебя голодною, медленною смертію лучше умри теперь отъ моей руки.

Онъ схватилъ пистолеть, выстрѣлилъ въ отца, и не желая видѣть его предсмертныхъ мученій, упрямилъ одного изъ товарищей добить его. Въ первой деревнѣ, онъ отдалъ поселянамъ свое стадо, прося ихъ похоронить его отца и выпить за упокой его души, а самъ переправился на другой берегъ Савы. Поступокъ его съ братомъ еще лучше рисуетъ характеръ этого человѣка. Онъ повѣсилъ брата на воротахъ за то, что тотъ

* Письмо Родофилика къ кн. Прозоровскому 17 февраля 1808 г. Арх. В. Т. Д. № 23.306, шк. 313, поак. 3.

обезчестилъ одну дѣвушку. Ранке приводитъ этотъ поступокъ Чернаго Георгія какъ доказательство его справедливости. Но тотъ же самый Черный Георгій, который повѣсилъ роднаго брата за изнасилованіе дѣвушки, посылаетъ ночью въ Бѣградъ за крещеною Турчанкой, увозить ее въ свою деревню, живетъ съ нею, „а родню ея состоящую въ двухъ пожилыхъ женщинахъ, и трехъ малолѣтнихъ, приказываетъ бросить въ Дунай, что и исполнилъ секретарь его, который умертвилъ ихъ ночью всѣхъ и бросилъ въ рѣку, разгласивъ что отправилъ ихъ за Дунай, дабы оттуда могли идти въ свое отечество.“ * Въ послѣдствіи намъ придется еще ближе познакомиться съ этой полудикою натурой, страстною, свирѣпою, предававшеюся кутежамъ и насиліямъ. „Опасаясь чтобы вашему сіятельству, пишетъ Родофиникинъ въ одномъ изъ писемъ князю Прозоровскому **, не показалось чуднымъ, что я ввожу здѣсь новыя нужды и прихоти (обычай пить чай) о коихъ до сего и понятія не имѣли, я долженъ довести причину къ тому меня побудившую. Хотя по личнымъ моимъ представленіямъ Черному Георгію и по внушеніямъ черезъ секретаря его чинимымъ я успѣлъ его отучить отъ чрезмѣрнаго питья, со всѣмъ тѣмъ не могъ онъ быть по утру не выпивши, проснувшись, нѣсколькихъ рюмокъ водки. Желая поколику возможно навькнуть его къ трезвой жизни, научилъ я его пить чай по утрамъ, и какъ слышу теперь, до обѣда ничего крѣпкаго не употребляетъ, что не можетъ не быть полезно для дѣла вообще.“

Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ характеръ Чернаго Георгія, котораго Сербы выбрали своимъ предводителемъ. Въ началѣ впрочемъ только въ одной Шумадіи народъ призналъ его своимъ главой; въ другихъ же провинціяхъ многія лица имѣли одинаковыя съ нимъ права. Но какъ Шумадія была самою большою областію, то онъ сталъ пользоваться особымъ почетомъ, а потомъ мало-по-малу забралъ въ свои руки всѣ остальные провинціи и сдѣлался верховнымъ

* Письмо Родофиникина, отъ 23 мая 1808 г. Арх. В. Т. Д. № 23.307, мк. 213, подк. 3. Ранке, стр. 148, 151.

** Письмо его же, отъ 21 ноября 1808 г., Арх. В. Т. Д. № 23.309, мк. 213, под. 3.

вождемъ всей Сербіи. Въ этомъ помогла ему Россія, а больше всего политическое положеніе самой Сербіи.

И не легко было Сербамъ найти предводителя. Духовенство сербское не могло руководить народомъ, потому что само было необразовано и чрезвычайно бѣдно. Запрещеніе Турокъ строить христіанскіе храмы было причиною того, что вся служба сербскихъ священниковъ ограничивалась чтеніемъ молитвъ при крещеніи, на свадьбѣ и похоронахъ и въ объявленіи праздниковъ по календарю. Заступиться за нихъ было некому; и хотя духовными дѣлами христіанъ завѣдывали епископы, но поставленные изъ Грековъ, они были чужды народу. Грекъ-епископъ ѣздилъ на богато-убранной лошади, вооруженный мечомъ и будзиваномъ (знаками власти), и былъ преданъ болѣе турецкому правительству, будучи съ нимъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ, нежели своей паствѣ. Оттого Сербы мало уважали священниковъ, и по заведенному обычаю, исповѣдывались всегда у монаховъ. „Но и монахи также не пользовались ни обиліемъ средствъ жизни, ни большимъ вліяніемъ на народъ.“ *

Въ свою очередь кнези сами отказывались отъ предводительства. Пришлось обратиться къ гайдуку. Георгій отказывался, говоря: „Я жестокъ“.—Намъ теперь такой и нуженъ, отвѣчали кнези **—и первое время всѣ единодушно покорялись ему.

Когда Сербами управляли Турки, то они творили судъ и праву. Первымъ дѣломъ самостоятельности Сербовъ было устройство судовъ, постановлявшихъ свои рѣшенія словесно, каждый праздникъ при выходѣ изъ церкви.

„Всѣмъ, что сдѣлано нынѣ, пишетъ Родофиникинъ въ письмѣ своемъ къ князю Прозоровскому ***, соотвѣтственно съ здравымъ разсудкомъ, Сербы обязаны уму находившагося у нихъ профессора Харьковскаго университета, Федора Филиповича, который, въ прошедшемъ году (1807) умеръ, капитана Чердакаія, который равноѣрно нынѣ умеръ, митрополита здѣш-

* Раакъ: *Исторія Сербіи*, 46.

** Тамъ же, 94.

*** Отъ 17 февраля 1808 г. Арх. В. Т. Д. № 23.306, инк. 213, колк. 3.

няго и купца Петра Ичко, особенныхъ дарованій челоуѣка, бывшаго долгое время въ Вѣнѣ и Берлинѣ при турецкомъ посланникѣ. Но какъ сихъ двухъ, такъ и умершихъ совѣтмъ слѣдовали слѣпо, пока были въ ежедневной опасности погибнуть; но лишь только почувствовали облегченіе послѣ вступленія войска (русскаго) въ Молдавію и Валахію и возымѣли надежду сильной и скорой помощи, какъ обратили свою ненависть противу сихъ лицъ, оклеветали ихъ, всячески и неоднократно угрожали самой ихъ жизни, показывая себя злобными невѣждами, не могущими терпѣть посреди себя просвѣщенныхъ.“

Когда уполномоченные Сербы ѣздили въ Петербургъ, то на дорогѣ, въ Харьковѣ, познакомились они съ венгерскимъ Сербомъ, Филиповичемъ, докторомъ правъ Харьковского университета и пригласили его съ собою. Онъ тѣмъ охотнѣе согласился, что разстроенное его здоровье требовало лучшаго климата. Онъ-то первый убѣдилъ Сербовъ въ необходимости учредить порядокъ въ управленіи и судахъ. Устроенный по его мысли совѣтъ, какъ высшее гражданское учрежденіе сербскаго народа, началъ свою дѣятельность въ концѣ 1805 года, въ монастырѣ Благовѣщенія; потомъ онъ собирался въ монастырѣ Боговади и въ Смедеревѣ, а наконецъ въ главномъ городѣ сербской земли, въ Бѣлградѣ. Филиповичъ былъ первымъ его секретаремъ и устройтелемъ.

„Въ немъ, говоритъ Ранке, засѣдали двѣнадцать членовъ, по числу округовъ. Каждый округъ выбиралъ своего члена или совѣтника, который служилъ его представителемъ, и обязывался вообще завѣдывать мѣстными дѣлами, насколько это позволяли важнѣйшія его занятія по общему управленію. Кромѣ небольшого жалованья изъ общественной казны, совѣтникъ или сенаторъ получалъ еще отъ своего округа нѣкоторые доходы натурою, которые доставлялись ему весьма патриархальнымъ образомъ: такъ, на примѣръ, если въ округѣ были виноградники, то ему привозили вино; кромѣ того каждый округъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность выслать своему представителю передъ Рождествомъ нѣсколько коровъ. Пріѣзжающіе изъ округа въ городъ имѣли право остановиться въ домѣ, въ которомъ жилъ ихъ сенаторъ и который почитался собственностію цѣлаго округа.“

Кромѣ сената или совѣта, были еще суды. Такихъ судовъ было три, съ одинаковымъ, почти, составомъ каждый *.

Судъ сельскій состоялъ изъ попа, князя (кнезъ) или старосты и двухъ или трехъ кметовъ, то-есть выборныхъ изъ крестьянъ. Кто рѣшеніемъ этого суда былъ недоволенъ, тотъ могъ идти во второй судъ, а затѣмъ, въ случаѣ неудовлетворенія, и въ третій.

Второй судъ состоялъ изъ князя, двухъ или трехъ кметовъ, и изъ священническаго намѣстника.

Третій судъ,—изъ поглаваря или начальника нахіи, изъ одного князя, трехъ или четырехъ кметовъ, одного священника, священническаго намѣстника и протопопа. Недовольные рѣшеніемъ этого суда, просители переносили дѣло въ правительственный совѣтъ, котораго рѣшенія считались безъ-апелляціонными. Сверхъ этихъ судовъ, въ послѣдствіи Сербы учредили по всѣмъ городамъ магистраты, для разбора купеческихъ дѣлъ. Магистраты эти, кромѣ того, завѣдывали полиціей по городу.

Для дѣлъ духовныхъ, касавшихся поведенія священниковъ, разводовъ, учреждены были также три суда.

Первый судъ состоялъ изъ намѣстника, двухъ священниковъ и двухъ кметовъ.

Второй судъ—изъ протопопа, одного намѣстника, двухъ священниковъ, одного князя и двухъ кметовъ.

Третій судъ—изъ архіерея, двухъ протопоповъ, двухъ намѣстниковъ, двухъ священниковъ, одного начальника нахіи, двухъ князей и двухъ кметовъ.

Порядокъ рѣшеній былъ точно такой же какъ и въ гражданскихъ судахъ, и недовольные рѣшеніемъ третьяго суда переносили свои жалобы также въ правительственный совѣтъ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ устройство Сербіи, въ эпоху ея возстанія и борьбы за независимость. Разоренная Турками, подавленная рабствомъ, оставленная безъ просвѣщенія, бѣдная по населенію, Сербія не имѣла достаточно средствъ, чтобы безъ посторонней помощи выдержать упорную борьбу. Понятно, что Сербы съ радостію приняли согласіе Россіи оказать имъ помощь и покровительство.

* Записка Родофинкина о судебныхъ мѣстахъ. Арх. Воев. Топ. Дено, № 73.809, шл. 213, кол. 3.

II.

Вступленіе нашихъ войскъ въ Молдавію и Валахію имѣло цѣлю обезпечить наши собственныя границы, оказать покровительство народамъ, которымъ Россія обѣщала охраненіе ихъ правъ, съ согласія самой же Порты, и принудить послѣднюю сознаться въ нарушеніи договоровъ и загладить свои несправедливости.

Приготоваясь къ вступленію въ Молдавію и Валахію, главнокомандующій арміями, Михельсонъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно войска; но дѣйствія Наполеона противъ Пруссіи, поставили насъ въ необходимость увеличить число войскъ назначенныхъ на помощь этой странѣ и принудили стянуть значительныя силы на западной границѣ. Поэтому положено было уменьшить Днѣстровскую армію, такъ что у Михельсона осталось весьма небольшое число войска (до 30 тысячъ), съ которыми онъ и вступилъ въ княжества. Имѣя въ виду увеличить свои силы и зная расположеніе христіанскаго населенія въ пользу Россіи, Михельсонъ просилъ соизволенія государя на образованіе волонтеровъ или арнаутскихъ командъ, тѣмъ болѣе что устройство такихъ командъ не было новою.

„Опыты прошедшихъ войнъ съ Турками, писалъ Михельсонъ къ князю Чарторыйскому, служатъ примѣромъ сколько полезны, въ случаѣ опять войны съ Турками, и даже необходимы вербованія сіи (изъ Сербовъ и Болгаръ) и сколько нетрудны притомъ, ежели образъ мыслей народовъ тѣхъ и ихъ прежнее расположеніе къ Россіи еще не перемѣнилось. Мы имѣли войско сіе подъ именемъ *волонтерскихъ арнаутскихъ командъ*, и они всегда конво и пѣшо впереди арміи съ большою пользою служили. Изъ нихъ начало у насъ войска Бугскаго, которое было арнаутская команда въ первой турецкой войнѣ; по заключеніи мира, поселило на бывшей тогда границѣ, рѣкѣ Бугѣ, и оттого получило названіе Бугскаго. Потомъ, въ послѣднюю турецкую войну вновь набранныя арнаутскія команды, по заключеніи мира, къ тому же

Бугскому войску присоединились. Итакъ мы имѣемъ уже, такъ сказать, гнѣздо сего рода войска, остается только дать новую силу и способы къ распространеніямъ онаго.“ *

Подобныя команды всегда охотно служили съ Русскими и, поселенные на Бугѣ, были весьма хорошею пограничною стражей. Но при князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ была сдѣлана весьма важная ошибка, приведшая къ тому, что поселенное войско это утратило свою воинственность. Ошибка состояла въ томъ, что, вопреки національной гордости войска, назначили начальникомъ его „Донскаго полковника Орлова“, который не зная ни нравовъ, ни обычаевъ своихъ подчиненныхъ, не умѣлъ ихъ привлечь къ себѣ и къ новому для нихъ отечеству, такъ что число поселенцевъ, все болѣе и болѣе уменьшалось отъ побѣговъ въ области Турецкой имперіи. Побѣги усилились еще болѣе, когда въ царствованіе императора Павла войско это запущено было въ крестьяне. **

Потому Михельсонъ просилъ при наборѣ волонтеровъ постановить правиломъ, чтобы: 1) избирать въ начальники ихъ лицъ одного съ ними происхожденія; 2) отличать поступающихъ въ подданство Россіи отъ тѣхъ, которые обязывались служить только въ продолженіи войны.

Получивъ разрѣшеніе, Михельсонъ приступилъ къ образованію волонтеровъ, командировавъ для набора ихъ поручика Бея Новокрещенова. „Поручикъ Бей Новокрещеновъ, доносилъ Михельсонъ, проѣдетъ къ Сербамъ, кои теперь въ войнѣ съ Турками, и тамъ узнаетъ также расположеніе къ намъ сего народа и другія нужныя намъ вѣдать обстоятельства.“ *** Такимъ образомъ было положено первое начало сношеніямъ съ Сербами. Еще прежде сербскіе депутаты пріѣзжали въ Петербургъ, но получили только словесныя обнадеживанія со стороны нашего двора. И хотя до вступленія нашихъ войскъ въ Молдавію агентъ нашъ и посылалъ къ Сербамъ нарочныхъ, но дѣлалъ это самымъ секретнымъ образомъ, и даже не подписывалъ своего имени въ письмахъ къ нимъ. ****

* Письмо отъ 10 апрѣля 1806 г. Арх. В. Т. Д. № 23.338, шк. 213, полк. 2.

** Арх. Воен. Топ. Деп. № 36.743. Шк. 213 пол. 4.

*** Письмо Михельсона къ князю Чарторыйскому, отъ 10 апрѣля 1806 г.

**** Письмо Родофинкина къ князю Прозоровскому, 9 ноября 1807 г. Арх. В. Т. Д. № 23.306, шк. 213 полк. 3.

Бей Новокрещеновъ доставилъ письмо отъ Чернаго Георгія. * Оно заключало въ себѣ выраженіе преданности Сербовъ къ Россіи, и просьбу ихъ о пособіи имъ деньгами, оружіемъ, аммуниціей и войскомъ. Письмо это было представлено государю и въ отвѣтъ на него Михельсону поручено было обнадеживать Сербовъ, чтобъ они твердо полагались на Россію и были увѣрены въ ея попеченіи объ утвержденіи ихъ спокойствія и благосостоянія.

Министръ иностранныхъ дѣлъ препроводилъ къ главнокомандующему 13.000 червонныхъ для отправленія къ Черному Георгію и поручилъ извѣстить сербскаго предводителя, что „государь императоръ, получивъ свѣдѣніе, что таковая сумма будетъ на первый случай достаточною для принятія Сербами нужныхъ мѣръ къ своему защищенію, послѣдилъ немедленно оную отправить. Что же касается до пороху и свинцу, въ которомъ имѣютъ они надобность, то по настоящему положенію нашему на сей разъ не можемъ еще оными снабдить, а ежели Порты Оттоманская не согласится удовлетворять представленіямъ отъ насъ ей сдѣланнымъ, между коими одно изъ главнѣйшихъ есть *обезпеченіе* спокойствія Сербіи тогда общія мѣры, какія вслѣдствіе того съ нашей стороны будутъ приняты, поставятъ насъ въ возможность снабдить Сербовъ и военными снарядами. Что впрочемъ во всякомъ случаѣ съ твердою надеждою могутъ они полагаться на попеченіе государя императора о возстановленіи и утвержденіи ихъ спокойствія.“ **

Между тѣмъ еще въ августѣ 1806 года, было „получено письмо отъ имени разныхъ въ тѣхъ краяхъ націй славянскихъ, въ которомъ высказывалось единодушное желаніе подняться противъ Нѣмцевъ.“ ***

„Мы вамъ изъявляемъ, что мы желаемъ быть подъ дворомъ російскимъ, черезъ что и хотимъ всѣ единодушно подняться противъ Нѣмцевъ, тѣмъ болѣе желаемъ сіе что служба наша пропадетъ даромъ и нѣмецкое царство (Австрія) до нынѣ поддерживаемо было нами неблагодарно. Вамъ извѣстно что дѣлали Нѣмцы въ прошедшую французскую

* Смотри приложение № 1.

** Письмо Будберга къ Михельсону отъ 12 сентября 1806 года.

*** Письмо это подано было генералу Исаеву и такъ оригинально по взгляду и способу изложенія, что мы приводимъ его цѣлкою. Копія съ него хранится въ Архивѣ Воен. Топ. Деп. за № 23.338.

войну и какую измѣну оказали противу покойнаго Суворова, и много всего печальнаго мы христiane видѣли; и какъ Нѣмцы обманули, измѣнили и продали российское войско. Теперь вновь сей врагъ посылалъ, и пріѣхалъ Французъ, и некоторые Турки изъ Цареграда; и въ Пожунѣ (Пресбургѣ) они чинили большой сесіонъ (собраніе) гдѣ обязались письменно другъ другу до смерти не измѣнить. Французъ долженъ стараться всевозможно, какъ бы обмануть Россію, и чтобы Французъ овладѣлъ российскимъ дворомъ въ томъ Нѣмцы ему помогать должны, а Турки нападутъ всѣми силами на Сербовъ, какъ бы опять Сербіею овладѣть, а Нѣмецъ въ томъ товарищъ султановъ. О чемъ узнали и васъ увѣдомляемъ, дабы ежели какое несчастіе случится, не оставалось на нашей совѣсти; для того мы васъ увѣдомляемъ, чтобъ узнавъ о семъ, царскому двору донесли, какія интриги строятъ Нѣмцы съ Французами и съ Турками; кратко вы знаете, что Нѣмецъ есть изстари измѣнникъ, то теперь дѣлайте, со стороны вашей, что лучшаго знаете.

„Ердель *, Банатъ ** съ нею и съ Венгріею границу имѣющая, Ереша ***, Кроація, Славонія и всѣ народы благочестивую вѣру исповѣдующіе, просятъ, чтобы немедленно представили московскому двору, дабы насъ принялъ подъ свои крылы. Будьте увѣрены, что, наконецъ, сами увидите, что Нѣмцы издревле подлы были; они взяли отъ Французовъ подарки, и каждому офицеру подарилъ Нѣмецъ красную шапку съ золотыми галунами и кистами, чтобы не одинъ не былъ бы преданъ Москвѣ, и посему видѣть можно, сколько Нѣмцы безчестны и непостоянны. Всѣ земли наши съ селеніями продаетъ дворянамъ, дабы истребить милицію сербскую и отговориться бы тѣмъ, что не оны, а Венгрія сіе сдѣлала, то-есть, имѣть бы Сербамъ злость на Венгровъ, а не на Австрійцевъ. Но вы о семъ подробно донесите российскому императорскому двору, какъ Нѣмецъ нашъ непріятель и вашъ, и сколько Турки Сербамъ ни желали по той же

* Сѣдмигорская область.

** Такъ-называемая Сербская провинція, отдѣленная отъ Турціи рѣкою Дунаемъ.

*** Другая сербская провинція, принадлежащая къ Славоніи и на тогдашнихъ картахъ называемая Сиріей.

причинѣ зла, что мы единоплеменны съ Россіянами, однакожь, въ томъ и гораздо превосходятъ ихъ Нѣмцы.

„Мы для того просимъ васъ, *равно какъ Бога*, пишете честный, и превосходительный начальникъ Михайльсо (Михельсонъ) все о чемъ мы просимъ. Ты, всяя земли или вселенной любезный, и насъ не оставь, избавь или освободи отъ сего рабства, и мы ищемъ у Бога и у небесъ *да намъ будешь* и насасѣдишь царство здѣсь въ здоровіи на землѣ, а на небесахъ будешь съ ангела и архангела. Всегда мы, христіяне, надѣмся на вашу десницу и просимъ именовемъ Божиимъ, не забудьте о чемъ мы васъ просили. Банатъ, Сабинъ, Брашовъ, Ердель, Славонія и оныя другіе, Кроація и что еще кругъ ея находится, и напослѣдокъ всѣ, гдѣ только обитаютъ христіяне, всѣ готовы на службу и едва дожидаются случая ударить на Нѣмца, на Турка и на Француза и на всяку погану вѣру; всѣ единокорно христіяне желаемъ и *хочемъ естъ вообще поклониться и быть подъ Московскимъ царствомъ, готовы будучи служить до своей смерти.*“

Такимъ сочувствіемъ и расположеніемъ пользовалась Россія со стороны славянскихъ народовъ. Прося себѣ помощи, Сербы успѣшно дѣйствовали противу Турокъ. Въ Константинополѣ на ихъ возстаніе не обращали особеннаго вниманія, такъ какъ сербскіе депутаты увѣряли Порту, что народъ сербскій желаетъ остаться подъ властію султана, и что возстаніе имѣетъ предметомъ только изгнаніе бунтовщиковъ турецкихъ, овладѣвшихъ Сербіей. Это было причиною того, что Порта не обращала своихъ силъ противъ Сербовъ, тѣмъ болѣе что и русскій посланникъ успокаивалъ относительно дѣйствій Сербовъ. Но когда значительныя силы стали собираться на южныхъ границахъ Россіи, то Порта, не успѣвшая приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ, и испуганная сборомъ нашихъ войскъ, стала обнародывать одинъ фирманъ за другимъ, подтверждающіе союзъ съ Россіей, съ цѣлю, конечно, выиграть время и подъ личиною дружбы приготовиться къ отпору. Россія требовала, однако, положительныхъ отвѣтовъ. Послѣдняя нота поданная нашимъ посланникомъ, графомъ Италинскимъ, заключала въ себѣ слѣдующія требованія: а) Возстановленіе господарей, князей Ипсидантія и Мурузи. б) Право проходить Константинопольскій проливъ военнымъ и купеческимъ русскіимъ судамъ, назначеннымъ въ Средиземное море. в) Обезпеченіе бытія Иони-

чешской республики обузданіемъ самовластныхъ поступковъ Янчинскаго Али-паши, и наконецъ d) торжественное подтвержденіе правъ и преимуществъ приобрѣтенныхъ княжествами Молдавіей и Валахіей, подъ покровительствомъ Россіи. Такія требованія, совершенно противныя видамъ французскаго двора, вызвали усиленное противодѣйствіе со стороны его посла, генерала Себастьяни, успѣвшаго на столько, что турецкое правительство исполнило только одно изъ требованій Россіи: возстановленіе господарей, а остальные пункты оставило безъ рѣшительнаго отвѣта. Такое двусмысленное поведеніе Порты заставило Россію дѣйствовать рѣшительно и императоръ Александръ повелѣлъ занять княжества Молдавію и Валахію.

При занятіи княжествъ, главнокомандующему было повелѣно обнародовать, что русскія войска вступаютъ съ миролюбивою цѣлю только съ намѣреніемъ удержать Порту отъ нарушенія мира; отправить въ такомъ смыслѣ увѣрительныя письма къ начальникамъ турецкихъ крѣпостей * и „наконецъ привлечь жителей, строжайшимъ наблюденіемъ дисциплины и обезпеченіемъ собственности каждаго“. Сербы, получивъ извѣстіе о вступленіи русскихъ войскъ въ княжества, „усугубили силы свои, напали съ большею рѣшимостію на Бѣградъ и наконецъ взяли самую крѣпость Бѣградскую ** 14 декабря“. Въ добычу имъ досталось 300 пушекъ, изъ которыхъ до 80 оказалось годныхъ и множество воинскихъ снарядовъ. Черный Георгій послалъ отрядъ своихъ войскъ къ Босніи, для прикрытія себя съ этой стороны. Другой отрядъ былъ посланъ къ Виддину и ожидалъ только приказаній русскаго главнокомандующаго, чтобы дѣйствовать совокупно съ нашимъ войскомъ.

Позднее время года заставило однакоже главнокомандующаго ограничиться только занятіемъ княжествъ, не допустило довершить покореніе Измаила и распространить дѣйствія къ Журжѣ. Въ концѣ декабря армія расположилась на зимнія квартиры, на пространствахъ отъ Бендеръ до Букарешта.

* Съ этою цѣлю написана была Михальсомъ прокламація. См. Приложение 2.

** Довесеніе Михальсона отъ 23 декабря 1806 года, № 245.

Въ началѣ 1807 года, Турція, окончательнo объявила войну Россіи. Повсюду разсылались фирманы, возбуждавшіе мусульманъ на предстоящую брань, и великій визирь Ибрагимъ-Гильми-паша, назначенный главнокомандующимъ, получилъ приказаніе идти на защиту Измаила, Браилова и Журжи.

„Невѣрные Москвитяне, писалъ султанъ въ манифестѣ своемъ, 18 декабря 1806 года, внезапно нарушили договоры, нечаянно и безъ причины вступили въ предѣлы Блистательной Порты и заняли Бендеры и Хотинъ, обнаруживая тѣмъ давно питаемые ими противъ мусульманъ вѣроломныя намѣренія. Потому рѣшено вести съ Москвитянами войну.“

Послѣ объявленія войны Михельсонъ еще болѣе старался призвать Сербовъ къ совокупнымъ дѣйствіямъ противъ Турокъ. 11 января 1807 года онъ писалъ къ Черному Георгію.

„Вамъ, почтеннѣйшему другу моему, писалъ онъ, всѣмъ князьямъ и воеводамъ и всему сербскому совѣту, здравія желаю. *

„Наконецъ приспѣлъ часъ ратникамъ имени христіанскаго низвергнуть иго мусульманъ; возвратить страждущія племена христіанскія къ древнему достоинію ихъ, славу и благоденствію. Порта Оттоманская объявила Россіи войну за ея попеченія о благѣ единовѣрныхъ народовъ, за наше приближеніе къ вамъ, любезные намъ единовѣрцы. Сербская нація служитъ свѣту примѣромъ что можетъ сдѣлать геройскій духъ, воспламененный вѣрою христіанскою и любовію къ отечеству. А новыя побѣды Россіи надъ гордымъ возмутителемъ Европы, Бонапарте, который не полагалъ нашествіямъ своимъ предѣловъ, являютъ силу оружія російскаго. Соединивъ одно съ другимъ, чего ожидать не можемъ?

„Мнѣ давно уже извѣстно благополучное овладѣніе Бѣлградомъ. Я васъ съ тѣмъ поздравлялъ и паки поздравляю, а вамъ конечно также извѣстно, что я со вѣренными мнѣ отъ государя моего силами, овладѣвъ крѣпостями Хотинымъ и Бендерами, Аккерманомъ и Килію, покорилъ Татаръ Буджакскихъ, и объявъ всю землю Молдавскую, поразивъ

* Архивъ Воев. Топ. Дѣло № 23.310 Шк. 213 пол. 3. Письмо это имѣло огромное вліяніе на дальнѣйшія наши отношенія къ Сербамъ.

пачища Кирджалиева, Мустафы-Байрактара, и освободивъ отъ звѣрства ихъ Букарештъ и почти всю землю Валахскую, простираюсь до береговъ Дуная и готовъ къ дальнѣйшимъ пораженіямъ непріятели. Отъ 19 числа прошедшаго мѣсяца, я къ вамъ послалъ къ прежнимъ четыремъ тысячамъ еще четыре тысячи червонныхъ и еще обѣщаль вамъ пособія. Но къ крайнему безпокойству моему долго не имѣю отъ васъ отвѣта. Я имѣю для васъ и вяще подкрѣпленій всякаго рода и желалъ бы дѣйствія мои къ общей цѣли съ вами какъ наипоспѣшнѣе направить. Но, не зная ни силъ, ни намѣреній, ни потребностей вашихъ, не могу располагать къ оному. Поспѣшите убо извѣститъ меня о всемъ, что у васъ происходитъ; о силахъ вашихъ, ихъ количествѣ и качествахъ и ихъ расположеніи: гдѣ именно какія находятся; о вашихъ потребностяхъ: какими могу подкрѣпить васъ; и о намѣреніяхъ вашихъ; и гдѣ можемъ имѣть вѣрную коммуникацію между нами. Да сообразно тому и я учрежу дѣйствія мои ко благу общему. Я располагаю въ мысляхъ моихъ, что послѣ Бѣлграда остается Видинъ вашимъ предметомъ. Овадѣніемъ его можетъ усовершенствоваться на вѣчныя времена независимость и спокойствіе народа Сербскаго. Посему не обратитесь ли вы съ главными силами вашими къ сему предмету и не можете ли тысячъ до четырехъ или пяти войска вашего перевести къ Краюву для общаго съ сей стороны со мною дѣйствія? Прошу о всемъ какъ наиподробнѣе и наивѣрнѣе маѣ изъясниться. Порта, въ крайности своей, увидѣвъ себя въ надеждахъ своихъ на Французовъ, обманувшемуся, конечно не пощадитъ вамъ никакихъ обѣщаній, дабы обольстить и усыпить васъ. Но вы вождь храбраго народа; ваша мудрость и твердость не ослѣпятся. Вамъ извѣстны пагубныя послѣдствія таковыхъ примиреній. Нація сербская достойна быть націей, которой платить дань Туркамъ постыдно; не лучше ли деньги тѣ употребить на воинскія потребности націи, на освобожденіе себя отъ ига. Я имѣю для васъ и для сотрудниковъ вашихъ знаменитые знаки почестей, коими государю императору всероссійскому благоугодно было почтить славные подвиги ваши. Но предоставляю до вѣрнаго случая ихъ вамъ доставить. Для корпуса, который сюда отправится, здѣсь будетъ и продовольствіе, и артиллерія готова. Будьте неутомимы, уповайте на Бога и Але-

ксандра I, и примите величественное увѣреніе въ моей дружбѣ и почтеніи.“

Сообразно съ предположеніемъ Михельсона, одинъ изъ сербскихъ начальниковъ, Миленко, придвинулся съ отрядомъ своимъ къ сторонѣ Виддина, а съ нашей стороны посланъ генералъ-майоръ Исаевъ съ отрядомъ, съ которымъ отправлено было шесть пушекъ, нарочно изготовленныхъ для Сербовъ съ принадлежащими имъ снарядами и нѣкоторымъ количествомъ пороха и свинца. Позже, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, отправлено къ нимъ тысяча пудовъ пороха и 500 пудовъ свинца.

Въ то же время правительствующій совѣтъ народа Сербскаго, положась совершенно на покровительство Россіи, прислалъ трехъ полномочныхъ депутатовъ, для дальнѣйшаго соглашенія. Прибывъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, они подали ноту, которою просили: *

а) Прислать имъ чиновника, который бы предсѣдательствовалъ въ ихъ совѣтѣ и научилъ ихъ какъ устроить внутреннее управленіе; другаго военнаго чиновника, который бы находился при Черномъ Георгіи (впрочемъ на присылку такого лица они особенно не настаивали); да еще, нѣсколькихъ инженерныхъ офицеровъ для укрѣпленія крѣпостей, и одного артиллериста для обученія артиллеріи и стрѣльбѣ изъ орудій. **

б) Прислать имъ до десяти тысячъ ружей и свинцу, въ которомъ имѣютъ крайній недостатокъ.

в) По крайней мѣрѣ двѣсти тысячъ піастровъ, чтобы уплатить часть долговъ ихъ.

д) Одного или двухъ офицеровъ по горной части, для указанія имъ способа обработки рудъ.

Въ знакъ признательности за расположеніе ихъ къ Россіи, Михельсонъ, отъ имени государя, прислалъ Черному Георгію богато украшенную саблю съ надписью: *защитнику вѣры и отечества*. Другая послана была Миленко съ

* Архивъ В. Т. Дено дѣла за № 23.338 и № 23.310 шк. 2 13, пол. 2 и 3

** Для исправленія крѣпостей былъ посланъ майоръ Громбергъ, а для обученія артиллеріи сначала приказано было выслать отрядъ Сербовъ въ Крайовъ, гдѣ предполагалось обучать ихъ при отрядѣ генерала Исаева, а потомъ посланъ былъ майоръ Лавровъ.

надписью за храбрость. Кроме того препровождены были иеромонаху Досиею крестъ, а депутатамъ перстни, и отпущено для доставленія совѣту пятьдесятъ тысячъ пиастровъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Михельсонъ доносилъ государю. * „Сего апрѣля 24 числа прибыли сюда (въ Букарештъ) три депутата, присланные отъ верховнаго сербскаго совѣта ко мнѣ. Они представили письмо отъ совѣта и Чернаго Георгія, письмо отъ Миленки и уполномочіе неограниченно-данное тѣмъ депутатамъ отъ совѣта и Чернаго Георгія. Главнѣйшее требованіе, на коемъ дѣлають болѣе настоянія, состоитъ въ томъ, чтобы высочайше назначенъ былъ чиновникъ, который предсѣдательствовалъ бы въ совѣтѣ ихъ и руководствовалъ всѣми дѣяніями ихъ..... Сколько я могъ примѣтить, они нате всего желаютъ имѣть въ совѣтѣ перевѣсъ во власти военачальниковъ своихъ, коихъ боятся. По сей статьѣ осмѣливаюсь представить, что и для насъ, безъ сомнѣнія, было бы выгоднѣе имѣть посреди Сербовъ человека дѣйствующаго умами ихъ, по нашему направленію; тѣмъ нате что ежели продолженіе войны будетъ неизбѣжно, тогда Сербы содѣлываются для насъ весьма нужны и могутъ быть весьма полезны.“ **

Для отправленія къ Сербамъ былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Родофикичъ. Въ это время немалое число французскихъ агентовъ были повсюду разсыяны въ турецкихъ областяхъ. Для противодѣйствія ихъ проискавъ и вслѣдствіе рѣшительныхъ мѣръ, которыя предположено было употребить противъ Порты, съ нашей стороны учреждена была въ томъ краѣ, гдѣ предполагалось сосредоточить главную часть нашихъ войскъ, „секретная экспедиція“, которая должна была „заниматься распространеніемъ тайныхъ связей нашихъ въ турецкихъ областяхъ и вообще въ томъ краѣ.“ ***

Кромѣ того, экспедиція должна была разузнавать о состояніи и силѣ непріятельскихъ армій, о французскихъ эмиссарахъ при нихъ находящихся и т. п. Указано было по

* Донесеніе отъ 28 апрѣля 1807 г. № 50.

** Арх. Воев. Топ. Дено д. № 23.305, мк. 213, поак. 2.

*** Арх. Воев. Топ. Дено д. № 23.306, мк. 213 поак. 3.

возможности склонять такихъ эмиссаровъ на нашу сторону, и черезъ нихъ открывать всѣ нити связей французскаго правительства въ турецкихъ областяхъ; привлекать къ намъ жителей этихъ областей, узнавать черезъ нихъ о расположеніи населенія и такимъ способомъ стараться направлять мѣтвые народное соотвѣтственно нашимъ видамъ.

Руководителемъ этого предпріятія назначенъ былъ Родофиникинъ, который и обязанъ былъ доносить обо всемъ министру иностранныхъ дѣлъ и главнокомандующему арміями, и руководиться наставленіями послѣдняго. На расходы ему выдана была тысяча червонныхъ. „Въ употребленіи оныхъ, сказано въ инструкціи, наблюдать надлежащую экономію, но не затрудняться однакоже отнюдь въ нужныхъ издержкахъ и даже когда бы обстоятельства востребовали, то дѣлать значащіе подарки, лишь бы то могло способствовать къ пользѣ службы и успѣху соотвѣтствовали бы ожиданію.“

Въ послѣдствіи, на его обязанность возложено было имѣть въ своемъ вѣдѣніи всѣхъ дипломатическихъ чиновниковъ бывшихъ въ Молдавіи и Валахіи и состоять въ сношеніи по дѣламъ съ мѣстнымъ правительствомъ и иностранными агентами.

Поѣздка Родофиникина въ Сербію и пребываніе его между народомъ приверженнымъ къ Россіи, служило какъ бы доказательствомъ искренняго желанія императора Александра удовлетворять по возможности ихъ требованіямъ, тѣмъ болѣе что депутаты просили словесно Михельсона о назначеніи къ нимъ Родофиникина *. Родофиникину поручено было прежде всего отправиться въ мѣстопробываніе Чернаго Георгія и народнаго совѣта.

Въ данномъ ему секретномъ предписаніи поручалось ему собрать точныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Сербовъ, „каковыя имѣютъ они въ дѣйствіяхъ или операціяхъ своихъ, о средствахъ къ установленію надежной коммуникаціи изъ Сербіи, съ одной стороны, съ російскою арміею, а съ другою, съ Черногорцами, о надобности-какую они имѣютъ въ оружіи, деньгахъ или иныхъ какихъ-либо вспомошествованіяхъ. Въ составѣ свѣдѣній и замѣчаній вашихъ о всѣхъ сихъ подробностяхъ входить долженствуетъ все пространство края Сербскаго,

* Смотри приложение № 3.

почему на ваше же отдаю разсужденіе побывать и въ Бѣлградѣ и иныхъ мѣстахъ, гдѣ полезнымъ то найдете, приобрѣтая повсюду довѣренность народную, и впечатѣвая въ понятія оваго о бѣдствіи, въ которое оны подвергнуться всегда могутъ, если паче чаянія восторжествуетъ надъ нимъ властительство Порты Оттоманской, или же когда вдадутся въ очаровательныя сѣти Франціи. Обнадеживайте съ тѣмъ вмѣстѣ приматовъ народныхъ въ сущности высочайшаго покровительства россійскаго къ народу Сербскому, яко единовѣрному съ Россіянами, поколику они смискивать того не престанутъ.“ *

Вспомоществованіе Сербовъ оружіемъ возложено было на отвѣтственность Родофиникина и разрѣшалось только въ томъ случаѣ если на приверженность ихъ можно будетъ положиться. „Увѣряйте ихъ, сказано въ той же инструкціи, что приложено будетъ стараніе безъ замедленія ихъ надѣлать онымъ сколько возможно, равномѣрно и въ деньгахъ затрудненія имъ не будетъ, если понадобятся, и однимъ словомъ, что не отрицетъ его императорское величество никакихъ возможныхъ средствъ для поддержанія ихъ, коль скоро можно въ нихъ увѣриться, что они во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ и направленіяхъ неотклонными являться будутъ отъ того, чтобы сообразоваться съ подвигами имперіи Россійской, кающающимися, какъ всему свѣту извѣстно, къ устройенію блага общаго.“ Кромѣ того съ Родофиникинымъ отправлено было сто тысячъ піастровъ для уплаты за 4500 ружей, купленныхъ для Сербовъ и сложенныхъ въ Земаинѣ.

Между тѣмъ, по распоряженію министерства иностранныхъ дѣлъ, былъ командированъ въ Сербію флигель-адъютантъ, полковникъ, маркизь Паулучи. 27-го іюля 1807 года оныъ прибылъ въ сербскій лагерь при Неготинѣ, гдѣ и заключилъ съ Сербами письменное постановленіе подъ названіемъ: *Собесѣдованіе положенное между предводителемъ славяно-сербскаго народа, Георгіемъ Петровичемъ Чернымъ, и его императорскаго величества полковникомъ, маркизомъ Паулучи, посланнымъ отъ его высокопревосходительства генерала отъ инфантеріи, министра иностранныхъ дѣлъ, Андрея Будберга.* Оно состояло въ слѣдующемъ:

„1. Кромѣ всего, первое желаніе есть Сербскаго народа быть

* Секретное предписаніе Родофиникину. Арх. Воев. Топ. Д. № 23.305
шк. 213, поак. 2.

подъ покровительствомъ его императорскаго величества Александра I. Народъ Сербскій всеищжайше просить, чтобъ его императорское величество въ управленіи способнаго *землеуправителя*, что скорѣе, опредѣлить, который бы въ приличный порядокъ народъ привелъ, землю Сербскую расположилъ и по правамъ народа конституцію устроилъ, которое устройство конституціи быть имѣетъ именовъ его величества императора Александра I.

„2. Вручающій себя народъ Сербскій подъ покровительство и защиту его императорскаго величества ожидаетъ всѣ нужныя необходимости и препоручаетъ навсегда, чтобы никогда въ Сербіи не могла быть ни малѣйшая часть земли никому отдана: сирѣчь, чтобы *полющика никакого не было*, и средствомъ такового чтобы *никто подъ рабство не попадалъ*.

„3. Наименованіе разныхъ особъ, кромѣ Грековъ, въ предѣлѣ сербскомъ, какъ въ военной такъ и въ гражданской части, назначаемы должны быть именовъ его императорскаго величества.

„4. За вѣрное спокойство и для лучшаго управленія, чтобы въ крѣпостяхъ сербскихъ отъ регулярныхъ россійскихъ войскъ гарнизонъ былъ, и во всякой крѣпости, которыя, въ настоящее время, въ рукахъ сербскихъ, и въ будущее, которыя помощію россійскихъ войскъ заняты будутъ, въ каждой изъ россійскихъ господъ коменданты да будутъ.

„5. Чтобъ отъ россійскихъ регулярныхъ войскъ для Краинскихъ, Виддинскихъ границъ, ради дѣйствованія и нападенія противъ непріятели, три тысячи регулярной пѣхоты, два эскадрона кавалеріи и одинъ полкъ казаковъ послано было, а отъ Сербскія страны поставиться имѣетъ, къ предсказанному числу россійскихъ, во время потребное, до двадцати тысячъ войскъ.

„6. Необходимо нужно Сербскому народу противъ Босніи укрѣплять силы и коммуникацію съ Черногорцами сдѣлать, дабы французское предпріятіе съ Турками уничтожилось и обезпечился тамошній край. Чтобы прислать благоволено было, кромѣ выше сказанныхъ регулярныхъ россійскихъ войскъ—три тысячи пѣхоты, два эскадрона кавалеріи и одинъ полкъ казаковъ, а отъ Сербскія страны, къ предсказанному числу для дѣйствія у Босны и соединенія съ Черногорцами, пятнадцать тысячъ вооруженнаго войска пола-

гается и отъ страны Сербскія противъ Босны, границы имѣютъ быть ихъ войсками сохранены.

„7. Черезъ четыре года, Сербскій народъ, воюющій противъ непріятели, издержалъ все свое имущество, и того ради необходимую нужду имѣть въ деньгахъ на содержаніе войскъ и въ прочихъ нуждахъ, чтобы землеуправителю, который Сербамъ назначится, одна, изобильною суммою, касса вѣрена была, которая съ кассами въ Бѣградѣ быти имѣть.

„8. Довольное число испорченныхъ пушекъ, имѣвшихся въ Бѣградѣ и другихъ крѣпостяхъ, нужно необходимо имѣть пушечныхъ мастеровъ, а также для ядеръ и пороху.

„9. Необходимую нужду имѣютъ Сербы въ порохѣ и свинцѣ и въ самое настоящее время величайшій недостатокъ терпятъ. Дабы, что скорѣе, учрежденъ былъ магазинъ въ Бѣградѣ, а пушекъ для того не требуется, увѣрены бывши, что регулярныя войска имѣютъ свой положенный комплектъ.

„10. Нужно бы было въ бѣградскомъ магазинѣ имѣть до десяти тысячъ ружей солдатскихъ, на случай, если Сербамъ еще войска прибавится.

„11. Чтобъ еще шесть артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ, для образованія сербскихъ войскъ, благоволено было прислать.

„12. Чтобъ одну роту пионеровъ и одну роту артиллеристовъ, въ числѣ коихъ и бомбардиры бы были благоволено было прислать.

„13. Бѣдное воинство сербское, которое ранено, безъ помощи лежитъ,—докторовъ и аптекъ не имѣется, дабы госпиталей и докторовъ, а особливо главный госпиталь съ аптекою въ Бѣградѣ устроится.

„Всѣ сіи помянутые пункты намъ непремѣнно нужны, и прочіе, которые мы *знать не можемъ*, всеижайше просимъ, и вручаемъ насъ щедролюбію и великой отеческой милости его императорскаго величества всемилостивѣйшаго намъ защитителя и покровителя Александра I-го.“ *

Постановленіе это, рисуя состояніе тогдашняго Сербскаго народа, свидѣтельствуетъ намъ о безграничномъ довѣрїи,

* Условіе это подписали: Черный Георгій Петровичъ, предводитель Сербскаго народа во имя цѣлаго народа Сербскаго, Миланко Стойковичъ, командантъ Брамы Негетинской, по заповѣди Чернаго Георгія, и Еремія Гагачъ, членъ совѣта и секретарь. Арх. В. Т. Д. № 23.306, мк. 913, полк. 3.

съ которымъ Сербы отдавались подъ покровительство Россіи. Донося о томъ государю, Михельсонъ, впрочемъ, сомнѣвался, будутъ ли Сербы довольны назначеніемъ къ нимъ Родофиникина, по рожденію Грека, тогда какъ Сербы вовсе не желали имѣть никого изъ Грековъ во главѣ управленія своего народа *. Несмотря на то, Родофиникинъ былъ назначенъ и прибылъ въ Сербію.

III.

Между тѣмъ Порта встревоженная успѣхами Сербовъ ** и воинственнымъ положеніемъ Европы, собрала сильную резервную армию при Адрианополѣ. Одна часть этой арміи должна была дѣйствовать противъ Чернаго Георгія; другая—защищать границы имперіи. 30 марта 1807 года визирь Ибрагимъ-паша оставилъ Константинополь и прибылъ съ санджакъ-шерифомъ (Магометово знамя) въ Шумлу, откуда предполагено было двинуться двумя колоннами на Салистрию и Журжу, чтобъ отрѣзать и разбить русскій корпусъ въ Букарештѣ. Но важныя происшествія въ самой Турціи остановили замыслы Ибрагимъ-паши. О томъ чтò происходило въ это время въ Константинополѣ мы лучше всего можемъ ознакомиться изъ слѣдующаго письма барона Буша къ Родофиникину.

„Въ Турціи, пишетъ баронъ Бушъ, *** гдѣ уже съ годъ приготовлялись необыкновенныя событія, совершилось происшествіе болѣе важное чѣмъ всѣ предыдущія, положившее конецъ царствованію султана Селима. Поводы къ неудовольствію, побудившія восемь мѣсяцевъ назадъ румелійскихъ янычаръ взбунтоваться, не были вполнѣ устранены. Правительство, вступивъ съ янычарами въ сдѣлку, только обнаружило передъ ними свою слабость и приучило ихъ къ неуваженію власти. Янычары, ободренные побѣдою, одержанною ими въ прошломъ году надъ новоустроенными войсками, которыя Порта выслала

* Донесеніе отъ 7-го іюля 1807 г. Арх. В. Т. Д. № 23.305, кн. 213, кол. 2.

** Подробности см. *Исторію Сербіи Ранке*, 116—152.

*** Отъ 3-го іюня 1807 года. Арх. Воева. Топ. Дено. № 23.338, кн. 213, кол. 2.

противъ нихъ, сдѣлались предприимчивѣе и дерзче. Они грозили придти въ столицу и сами раздѣлаться съ лицами, которыя, какъ они думали, хотятъ отнять привилегіи янычаръ и уничтожить ихъ сословіе. Въ виду ихъ жалобъ и мятежныхъ криковъ, султаны нашель одно только средство успокоить ихъ: онъ отставилъ своихъ министровъ и на нихъ свалилъ всю вину за дѣйствія своего правительства противъ янычаръ. Чтобы вполне удовлетворить янычаръ, онъ торжественно обѣщалъ оказывать имъ впредь покровительство, быть защитникомъ ихъ правъ и отмѣнить навсегда всѣ новые уставы, издаваемые министрами.

„Это обѣщаніе прекратило на время мятежъ въ Румелии, и всѣ янычары, повидимому, возвратились къ повиновенію. Столичные янычары, состоявшіе подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства, которое все еще держало ихъ въ страхѣ, не обнаруживали никакого расположенія къ мятежу. Порядокъ и повиновеніе не были между ними нарушены; но въ глубинѣ души они питали страстное желаніе отмстить правительству, и чѣмъ болѣе это чувство было скрываемо, тѣмъ болѣе оно усиливалось, въ ожиданіи благоприятной минуты для яростнаго взрыва. Новые министры, успокоенные нѣсколько внѣшнею, обманчивою тишиною, господствовавшею въ провинціяхъ, полагали что опасность миновала, и возвратились къ системѣ своихъ предшественниковъ, желая угодить султану и исполнить его волю, такъ какъ онъ болѣе всего желалъ довершить свое любимое дѣло и во всемъ государствѣ ввести новое устройство арміи, отъ котораго онъ ожидалъ самыхъ благихъ послѣдствій. Нововведенія въ администраціи были не только сохранены во всей неприкосновенности, но правительство еще усерднѣе чѣмъ когда-либо занялось составленіемъ болѣе значительнаго корпуса войскъ, устроенныхъ на европейскій образецъ. Оно старалось, частію посредствомъ убѣжденій, частію угрозами, побудить янычаръ къ выходу изъ своего сословія и поступленію въ регулярную армію. Министры упорно приводили этотъ планъ въ исполненіе, не обращая вниманія на жалобы и ропотъ янычаръ, которые отстаивали свои права и ссылались на обѣщанія султана. Поборники новыхъ учрежденій считали себя достаточно сильными, чтобы привлечь къ исполненію ихъ распоряженій гарнизоны крѣпостей расположенныхъ на берегу Чернаго моря, состоявшіе изъ янычаръ

Не питая никакой недовѣрчивости къ этимъ янычарамъ, они предложили имъ одѣться въ мундиры, которые имъ дастъ правительство. Янычары, заранѣе предувѣдомленные о намѣреніи правительства, поклялись всѣ возстать противъ предложенія, содержавшаго такое прямое посягательство на права ихъ сословія. Составивъ заговоръ, они рѣшились, пользуясь этимъ предлогомъ, отмстить главнымъ лицамъ правительства, которыя, какъ они утверждали, безпрестанно обманывали ихъ и намѣреваются истребить сословіе янычаръ. Гарнизонъ крѣпости Матфіаръ, на азіатскомъ берегу, первый поднялъ знамя бунта. Янычары отказали въ повиновеніи своему начальнику Баилль-агъ, когда онъ предъявилъ имъ приказъ султана воѣмъ войскамъ надѣть мундиры, присвоенныя милиціи, устроенной на европейскій образецъ. Видя ихъ сопротивленіе, Баилль-ага позволялъ себѣ угрожать имъ и даже бить ихъ. Тогда мгновенно послѣдовалъ общій взрывъ негодованія, и изъ среды разъяренныхъ солдатъ раздались крики мщенія. Началось открытое возмущеніе, и ничто уже не могло обуздать ихъ жестокости; Баилль-ага сдѣлался первою жертвою этой народной революціи. Этимъ первымъ убійствомъ мстительность янычаръ не удовлетворилась; чтобы вѣрнѣе обезпечить успѣхъ своего заговора, они убили и Махмутъ-эффенди, генераль-инспектора крѣпостей, расположенныхъ на Босфорскомъ проливѣ, того самаго, который вѣкогда состоялъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ, заведывалъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, и издавалъ сочиненіе объ устройствѣ военныхъ силъ въ Турціи. Признанный всѣми за ревностнаго приверженца нововведеній, онъ не могъ спастись отъ ненависти бунтовщиковъ. Вслѣдъ за этимъ, мятежъ быстро распространился въ окрестностяхъ крѣпостей. Всѣ янычары толпами спѣшили присоединиться къ своимъ товарищамъ помочь имъ, даже съ опасностію жизни, въ намѣреніи испровергнуть то что они называли новымъ государственнымъ устройствомъ, вынудить правительство къ отмянѣ новыхъ уставовъ и возстановить въ полной силѣ всѣ права янычарскаго сословія. Они вышли изъ крѣпостей и стали лагеремъ на Буюкдерожкомъ луку, который былъ у нихъ назначенъ общимъ сборнымъ мѣстомъ. Соединившись, въ числѣ почти шести тысячъ, они приняли рѣшеніе расправиться съ членами правительства. Султанъ выслалъ къ нимъ, однакожъ,

нѣсколько человекъ узнать о дѣлѣ ихъ сходбища, и обязалъ выполнить все ихъ требованія, съ условіемъ чтобы они разошлись и воротились на свои мѣста. Они были почти готовы согласиться на эту сдѣлку, но возбуждаемые городскими янычарами и даже разными лицами изъ судейскаго сословія довершить начатое дѣло, они уперлись и отвѣчали, что уже не вѣрятъ слову султана и на этотъ разъ не положить оружія пока не добьются полного удовлетворенія своихъ требованій и наказанія тѣхъ, кто былъ виною ихъ неудовольствія.

„Мая 27, вечеромъ, они двинулись изъ Буюкдере; 28 на разсвѣтъ овладѣли Топханейскою * казармой и всеми пушками и прочимъ оружіемъ въ ней заключающимся. Небольшое число регулярныхъ войскъ, находившихся въ этой казармѣ, не оказали никакого сопротивленія и даже присоединились къ мятежникамъ. Они разослали оттуда отряды по всемъ кварталамъ города для поддержанія порядка и спокойствія. Вскорѣ число ихъ увеличилось еще нѣсколькими тысячами, и они двинулись на противоположную сторону гавани, на обширную площадь Этмеданъ, лежащую близъ Серая и янычарскихъ казармъ. Тамъ они высказали свои жалобы и притязанія; представили списокъ двѣнадцати лицъ, которыхъ присудили къ смерти, потребовали, чтобы султанъ выдалъ ихъ, и разставили со всехъ сторонъ караулы, дабы жертвы не могли ускользнуть отъ нихъ. Многие изъ несчастныхъ, попавшихъ въ ихъ руки, были немедленно растерзаны.

„Султанъ, видя остервененіе бунтовщиковъ, надѣялся укротить ихъ пожертвованіемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ. По его приказу казнили четырехъ высшихъ сановниковъ: Зарафзра-Эмиль, Бостанджи-башу, Рейсъ-эффенди, и Киагія-бей, и головы ихъ вынесли къ народу, который не удовольствовался однакожъ этими жертвами и сажъ умертвилъ главныхъ начальствующихъ лицъ: Ибрагима-эффенди, Деваетъ-Назири, гофмейстера сестры султана Кагайя-Бей, морскаго министра Баджи Ибрагима-эффенди, Атметъ-бей старшаго камергера и перваго султанскаго секретаря.

„Удовлетворивъ свою ненависть и ярость умерщвленіемъ

* *Топхане*—такъ назывался турецкій артиллерійскій корпусъ.

двѣнадцати человекъ, которые были виновниками новыхъ учрежденій и составляли совѣтъ султана, янычары объявили, что они не довольны самимъ Селимомъ, что онъ не достоинъ царствовать, и единогласно объявили суланомъ принца Муштафу, сына султана Абдуль-Гамеда. Это желаніе, высказанное энергически, было поддержано сословіемъ улемовъ и муфтіемъ, который, одобривъ требованіе янычаръ, придавъ ему юридическую форму, поскольку это дозволялось обстоятельствами. Объ этомъ переворотѣ извѣстила султана Селима его сестра, совѣтовавшая ему добровольно отказаться отъ престола. Покинутый всеми приближенными и всемъ дворомъ своимъ, онъ рѣшился передать бразды правленія своему племяннику; сообщилъ ему о своемъ намѣреніи, просилъ согласиться на желаніе народа, который требовалъ его въ султаны; совѣтовалъ не оказывать полной довѣренности министрамъ, объ всемъ узнавать лично, править по собственному усмотрѣнію и не забывать, что онъ, Селимъ, имѣлъ несчастіе лишиться любви и уваженія своихъ подданныхъ, потому именно что слушался министровъ, недостойныхъ довѣренности. Вслѣдъ за тѣмъ какъ Селимъ объявилъ о своемъ отреченіи, его отвели въ комнаты, назначенныя для жилья принцамъ, содержимымъ въ заключеніи. Этотъ несчастный султанъ, самъ основательно приписывавшій свое паденіе собственной слабости и чрезмѣрному довѣрію къ министрамъ, давно уже лишился уваженія своихъ подданныхъ.

„Болѣе всего вредило ему въ общественномъ мнѣніи то, что онъ не имѣлъ дѣтей. Мусульмане почитаютъ весьма дурнымъ предвѣстіемъ, если у царствующаго султана нѣтъ сыновей, и даже закономъ разрѣшено отрѣшиться отъ престола такого султана, который послѣ семилѣтняго царствованія не имѣетъ сыновей. Туркамъ очень также не нравилось, что онъ былъ весьма доступенъ Франкамъ; его частыя и искреннія сношенія съ ними, предпочтеніе, какое онъ оказалъ всему исходящему отъ нихъ, все это съ нѣкотораго времени возстановило противъ него общественное мнѣніе и приготовило его несчастіе.

Послѣ этой сцены, происходившей во внутреннихъ покояхъ сераля, новый султанъ отправился въ мечеть, привѣтствуемый восклицаніями народа, а когда онъ возвратился въ сераль, то общій зялъ со всехъ батарей возвѣстилъ о его

воцареніи, о которомъ было въ то же время провозглашено герольдами во всѣхъ частяхъ города.

„Народъ ожидаетъ отмены всѣхъ податей и налоговъ, которыми онъ обремененъ, особенно же уменьшенія цѣнъ на стѣпные припасы, которые значительно вздорожали. Новый султанъ далъ обѣщаніе удовлетворить всѣ жалобы народа и возстановить учрежденія, которыя дѣлали его счастливымъ до послѣдняго царствованія.

„Въ этомъ внезапномъ переворотѣ замѣчательнѣе всего то, что зачинщики его тщательно заботились о поддержаніи порядка. Тѣ же самые янычары, которые обнаружили столько злобы и жестокости противъ лицъ, обреченныхъ ими на жертву, поступали самымъ строгимъ образомъ со всѣми, кто, пользуясь анархіей, отваживался на какую-нибудь несправедливость или насиліе. Поэтому никто не былъ обиженъ и не потерпѣлъ ни малѣйшаго ущерба. Совершенная безопасность господствовала повсюду, между тѣмъ какъ масса народа совершала переворотъ, кончившійся въ двое сутокъ вступленіемъ на престолъ новаго султана. Члены новаго правительства принялись за исполненіе своихъ обязанностей на третій день. Сношенія съ министерствомъ возобновились въ ту же минуту. Новое министерство составлено изъ слѣдующихъ лицъ: Голеть-эффенди, прежній посланникъ въ Парижѣ, Рейсь-эффенди, Гассанъ Таминъ-эффенди, Киагая-бей, Сеидъ-эффенди Бегдакта; каймаканъ остался прежній. Челеби-эффенди сдѣлавъ морскимъ министромъ, хотя и былъ включенъ янычарами въ число присужденныхъ ими къ смерти, какъ одинъ изъ главныхъ поборниковъ нововведеній. Но онъ ловко успѣлъ оправдаться и пощаженъ за старостію лѣтъ и по причинѣ своего родства съ муфтіемъ.

„Султанъ Мустафа объявилъ о продолженіи войны и предписалъ прибѣгнуть для веденія ея къ самымъ энергическимъ мѣрамъ. Артиллерійскій корпусъ, состоявшій до сихъ поръ изъ 20 тысячъ человѣкъ, будетъ увеличенъ до 40 тысячъ.

„День, когда султанъ долженъ отправиться въ мечеть и опоясаться тамъ мечомъ, который служитъ символомъ султанскаго сана, еще не назначенъ; ибо существуетъ обычай, чтобъ этимъ мечомъ препоясывалъ султана шейхъ изъ Кони, почитаемый за святого; а этого шейха ждутъ съ часа на часъ. Впрочемъ этотъ религиозный обрядъ не можетъ быть отложенъ долѣе пяти или шести дней. Слѣдственно

только послѣ совершенія этого обряда будутъ произведены перемѣны въ правительствѣ и распредѣляются должности какъ въ армию оттоманской, такъ и въ разныхъ провинціяхъ имперіи....*.

13 іюня новый султанъ былъ опоясанъ мечомъ Магомета и названъ султаномъ Мустафою IV.

Между тѣмъ въ половинѣ апрѣля 1807 г. генералъ-майоръ Исаевъ направился съ небольшимъ отрядомъ, простирившимся едва до тысячи человекъ за Ольту, съ цѣлю открыть сообщеніе съ Чернымъ Георгіемъ, дѣйствовавшимъ подъ Виддиномъ, и оттянуть часть турецкихъ силъ къ верху Дуная. Разбивъ Турокъ, на разстояніи одного перехода отъ Дуная, Исаевъ двинулся къ селенію Гогошъ, противъ большого острова, лежащаго между Право и Палаанкой, и ожидалъ здѣсь извѣстій отъ сербскаго воеводы Миленки Стойковича. Сильныя нападенія Турокъ, продолжавшіяся съ 14 по 17 число, не позволили сербскому начальнику поддержать сношенія съ русскимъ отрядомъ. Генералъ-майоръ Исаевъ, не получая долго извѣстій отъ Сербовъ и узнавъ о переправѣ 500 Турокъ у Никополя, имѣвшихъ цѣлю схватить русскій постъ, находившійся въ селѣ Каракулъ, отступилъ къ Краіову. Между тѣмъ Миленко отразилъ нападеніе Турокъ и пригласилъ Исаева открыть сообщеніе черезъ островъ между Право и Палаанкой. 2 іюня отрядъ вторично выступилъ изъ Краіова и, по прибытіи на Дунай (8 числа), Исаевъ имѣлъ свиданіе съ Миленкою Стойковичемъ, на которомъ и положено русскимъ отрядамъ занять Изворило-Альбу и Балафать, и перейдя черезъ Дунай, дѣйствовать противъ 5000 Турокъ, тѣснившихъ Сербовъ. Сербамъ же занять селеніе Гогошъ. 17 числа, генералъ-майоръ Исаевъ переправился съ отрядомъ на правый берегъ Дуная; шесть судовъ, отбитыхъ 4 числа у непріятеля, употреблены на переправу войскъ, которая вслѣдствіе противнаго вѣтра продолжалась три дня. 18 мая отрядъ присоединился къ Сербамъ въ лагерь ихъ при Неготивѣ. 19 мая соединенный отрядъ произвелъ нападеніе на Мулау-пашу, стоявшаго съ пятью-тысячнымъ отрядомъ приселеніи Маалавицъ, близъ Штубина. Дѣло штубинское, доставившее Сербамъ въ добычу нѣсколько орудій, въ которыхъ они вообще терпѣли большой недостатокъ, утвердило

* Окончаніе этого любопытнаго письма см. въ приложеніи, № 5.

довѣренность Чернаго Георгія къ русскимъ войскамъ *. Такимъ образомъ Сербы, поддерживаемые Русскими, дѣйствовали весьма успѣшно противъ Турокъ.

Но военныя дѣйствія на Западѣ и успѣхи Наполеона дали другой оборотъ дѣлу. Послѣ побѣды подъ Фридрихсборгомъ, военныя дѣйствія Русскихъ противъ Наполеона прекратились, заключено было перемиріе, послѣдовало свиданіе императора Александра съ Наполеономъ, окончившееся Тильзитскимъ миромъ. Этотъ миръ имѣлъ прямое вліяніе на наши отношенія къ Портѣ.

„Условія Тильзитскаго мира, говоритъ Шлоссеръ **, были собственно опредѣлены въ частныхъ совѣщаніяхъ Александра съ Наполеономъ, начавшихся уже послѣ отъѣзда короля прусскаго. Актъ трактата былъ составленъ Талейраномъ, княземъ Лобановымъ и Куракинымъ. Прусскимъ уполномоченнымъ, графу Калькрейту и Гольду, Талейранъ, напротивъ, просто продиктовалъ условія мира. Между Россіей и Франціей были заключены два трактата: офиціальныи договоръ о союзѣ и кромѣ того конвенція, которою онѣ условнымъ образомъ дѣлили между собой владѣнія державъ, не участвовавшихъ въ войнѣ.“

Эти акты были подписаны 7 іюля (25 іюня).

Въ числѣ статей договора, къ Турціи и Россіи относились шесть статей отъ 21 до 27. Въ нихъ постановлено было немедленно прекратить военныя дѣйствія на сушѣ и на морѣ между русскими войсками и войсками его султанскаго величества, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ получено будетъ офиціальное извѣстіе о подписаніи этого трактата. „Высокія договаривающіяся стороны немедленно отправятъ извѣстіе сіе съ нарочными, дабы оное сколь можно скорѣе получено было генералами и командующими той и другой стороны.“

По Тильзитскому трактату, русскія войска должны были выступить изъ княжествъ Валахскаго и Молдавскаго, съ тѣмъ однакоже, что провинціи эти не будутъ заняты турецкими силами, до размѣна ратификацій будущаго окончательнаго

* Михайловскій-Давилевскій: *Описаніе походовъ Россіи противъ Турокъ* (рукопись). Арх. Воен. Топ. Дѣло, № 36.743, шк. 213, полк. 4.

** Шлоссеръ, т. VII. Мы не приводимъ подробностей свиданія, потому что они основаны не на совсемъ вѣрныхъ источникахъ; впрочемъ, желающимъ предлагаема прочесть стр. 198—206.

мирнаго трактата между Россіей и Портою Оттоманскою. Срокъ, въ который войска должныствовали быть выведены, постановлено было опредѣлить особою конвенціей. По статьѣ XXIII императоръ Александръ согласился принять посредничество „его величества императора французскаго, короля италійскаго, для переговоровъ и заключенія мира“ съ Турками, съ выгодами и „достоинствами обѣихъ имперій согласнаго“.*

Императоръ Александръ приказалъ Михельсону предложить верховному визирю заключить перемиріе, на основаніи условій Тильзитскаго трактата, и, если визирь согласится, тогда вывести войска; въ противномъ случаѣ, продолжать военныя дѣйствія. Для переговоровъ съ Турками и постановленія мирныхъ условій, назначенъ былъ со стороны Россіи тайный совѣтникъ Лашкаревъ, со стороны Франціи полковникъ Гильемино и со стороны Турціи Галибъ-эффенди. Въ Слободзеѣ, близъ Журжи, собрался конгрессъ, и 24-го августа 1807 года былъ подписанъ договоръ.**

Особенною статьей постановлено было, до прибытія полномочныхъ, распространить перемиріе и на Сербовъ.

Въ этой статьѣ было сказано о прекращеніи военныхъ дѣйствій съ Сербамъ *около Виддина и Фетъ-Ислама*, но ничего не было упомянуто о другихъ мѣстахъ, такъ что она не исключала возможности нападенія со стороны Албаніи и Босніи, гдѣ граница была совершенно открыта, и какъ довольно обширная, не позволяла съ небольшимъ корпусомъ защищаться противъ цѣлой арміи, тогда какъ, напротивъ того, мѣстность около Виддина и Фетъ-Ислама, по своему положенію, представляла къ тому всевозможныя средства. Боясь, чтобы Турки, пользуясь такою неясностію статьи перемирія касающейся Сербовъ, не обратили противъ нихъ всѣхъ своихъ силъ, Родфинкивъ писалъ къ Гуршидъ-пашѣ командующему войсками подъ Ниссою, прося его прекратить военныя дѣйствія съ Сербамъ, и обѣщая съ своей стороны уговорить и Сербовъ къ тому же.

Но Гуршидъ-паша отвѣчалъ, что сербское дѣло составляетъ особый вопросъ, не касающійся перемирія; что Порта одна имѣетъ право располагать дѣлами этой націи, и что онъ

* Подробности см. *Полн. Собр. Зак.* т. XXIX, № 22584.

** См. Приложение № 6.

будеть, согласно данному ему порученію, продолжать военныя дѣйствія противъ Сербовъ. „Если же Сербы, прибавляетъ онъ, желаютъ просить Порту о чемъ-либо касающемся ихъ страны, то имъ надлежитъ обратиться ко мнѣ, и если ихъ просьба будетъ согласна съ видами Блистательной Порты, то я съ своей стороны согласенъ ее поддерживать, о чемъ и прошу написать предводителю упомянутыхъ Сербовъ.“ *

Въ половинѣ августа, въ самое время когда велись переговоры о перемиріи, скончался главнокомандующій Михельсонъ и начальство надъ русскими войсками принялъ старшій по немъ баронъ Мейендорфъ. Черезъ шесть дней послѣ вступленія своего въ командованіе арміей, Мейендорфъ ратификовалъ перемиріе, присланное ему Лашкаревымъ, и тотчасъ же приказалъ отряду генерала Исаева, находившемуся тогда въ Малой Валахіи, возвратиться за Днѣстръ, срыть батареи подъ Измаиломъ и вообще всѣ укрѣпленія, возвратитъ пѣванныхъ Турокъ находившихся въ княжествахъ, назначитъ шесть бояръ для управленія княжествами, и больныхъ оставить въ госпиталяхъ Молдавіи и Валахіи.

Извѣстіе объ отступленіи русской арміи за Днѣстръ встревожило Сербовъ до крайности. Между ними стали ходить слухи, что Русскіе ихъ обманули, и удержавъ ихъ отъ принятія выгодныхъ кондцій, которыя Порты обѣщала имъ при началѣ войны съ Россіей, нынѣ, изъ собственныхъ выгодъ, предають ихъ на жертву непримиримымъ ихъ врагамъ. Къ этому присоединялось еще неудовольствіе и безпокойство Сербовъ, по поводу невключенія ихъ въ перемиріе.

Изъ Босніи доходили слухи, что тамъ вездѣ провозглашевъ миръ съ Россіей, и что затѣмъ Туркіи приглашаютъ всякаго магометанина поднять оружіе и идти на истребленіе Сербовъ. Слухамъ этимъ придавали дѣйствительную вѣру, тѣмъ болѣе что Сербія со стороны Босніи была въ крайней опасности, по невозможности защищать границу. Сербскій комендантъ, находившійся на островѣ, писалъ совѣту, что генералъ Исаевъ двукратно предписывалъ ему оставить островъ и ретироваться въ Сербію, говоря, что въ случаѣ нападенія Турокъ онъ не долженъ съ его стороны ожидать помощи. Вслѣдъ затѣмъ изъ Порты получено извѣстіе, что въ Феть-Исламѣ Турки усиливаются и занимаютъ

* Арх. Воен. Топ. Дено, № 23.306, шк. 213, поак. 3.

позицію отъ Фетъ-Ислама до самаго Неготина, что даже самый островъ будто бы занять Турками; что со стороны Ниссы день ото дня лагерь турецкій увеличивается приходящими изъ Виддина и Албаніи войсками; что около Сокола собралось до тридцати тысячъ, у Ужицы—до сорока тысячъ Турокъ. Всѣ эти извѣстія безпокоили Сербовъ, боявшихся нападенія Турокъ, особенно со стороны Ниссы, гдѣ въ случаѣ побѣды Турокъ, имъ открывалась дорога до самой Семендрии и Бѣлграда, и Сербамъ въ такомъ случаѣ не представлялось бы ни малѣйшаго средства къ сопротивленію. „Если въ скорости они не будутъ успокоены, пишетъ Родофиникинъ, какимъ-либо ощутительнымъ образомъ, то безъ сомнѣнія впадутъ въ отчаяніе и на все посягнутъ.“ *

Съ своей стороны, императоръ Александръ I, узнавъ о подробностяхъ перемирія, остался ими очень недоволенъ, находя, что н. согласно было съ славою русскаго оружія: „возвращать трофеи, пріобрѣтенные храбростію и кровію войскъ нашихъ, чему и при всѣхъ прежнихъ договорахъ не случалось примѣровъ.“

Поэтому императоръ Александръ приказалъ князю Прозоровскому, назначенному на мѣсто Михельсона, объявить турецкимъ полномочнымъ перемиріе недѣйствительнымъ и не иначе соглашаться на него, какъ съ отмѣною нѣкоторыхъ статей. Принявъ, 18-го сентября, главное начальство надъ войсками дѣйствующими на Дунаѣ, князь Прозоровскій исполнилъ приказъ государя и пригласилъ визиря открыть снова сношенія, обѣщая не начинать непріятельскихъ дѣйствій до рѣшительнаго окончанія мирныхъ сношеній. Визирь казался непреклоннымъ и отказывался открыть снова переговоры; но позднее время года и недостатокъ войска не допустили его предпринять что-либо рѣшительное и возобновить военныя дѣйствія. Русская армія заняла попрежнему свои зимнія квартиры въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи.

Въ это время, находившійся въ Бѣлградѣ сербскій депутатъ, Иванъ Юговичъ, обратился къ князю Прозоровскому съ просьбою снабдить его утѣшительнымъ письмомъ къ народу, который „отступленіемъ генералъ-майора Исаева и

* Письмо отъ 7-го августа 1807 г. Арх. В. Т. Дено, № 23.305, шк. 213, полк. 2.

въключеніемъ Сербовъ въ перемиріе опасается быть лишеннымъ покровительства Россіи въ настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ.“ Не находя другихъ средствъ къ удовлетворенію просьбы Сербовъ, какъ только увѣрить ихъ словесно въ продолженіи покровительства Россіи, Прозоровскій отвѣчалъ депутату:

„Хотя перемиріе тайнымъ совѣтникомъ Лашкаревымъ съ Портою Оттоманскою заключенное, ни мною не утверждено, ни государемъ не принято, но я по симъ обстоятельствамъ произвожу еще переписку. Однакоже, чтобы черезъ открытую переписку мою съ народомъ Сербскимъ не подать правительству Порты повода къ заключенію о непріязненномъ нашемъ будто бы къ ней расположеніи и явномъ покровительствѣ, дѣлаемомъ Сербамъ, я не могу слабдить васъ письмомъ къ народу. Словесно поручаю вамъ ему объявить, чтобы всѣ и каждый, при испытанной ихъ твердости духа, воззвали помощь Божію и, въ совершенномъ на оную упованіи, ожидали бы развязки ихъ жребія, не упуская притомъ изъ виду ничего, что по благоразумію вождей вашихъ къ существенному благу единозаконнаго намъ народа служить можетъ. Увѣряйте народъ, что государь императоръ, какъ передъ симъ дѣлалъ почтенному народу сему толикіе опыты великодушія и доброжелательства, то по извѣстному всему свѣту его великодушію и челоуѣколюбію, онъ, конечно, не лишитъ и нынѣ Сербовъ своего покровительства и не перестанетъ пецись о ихъ благоденствіи.

„Я же, продолжалъ Прозоровскій, зная расположеніе моего монарха и исполняя его волю, не перестану оказывать вамъ всѣ пособія, которыя во власти моей будутъ и которыя по соображеніи настоящихъ обстоятельствъ я въ состояніи буду доставить.“

Депутату Юговичу тутъ же было отпущено тысяча пудовъ пороха и пятьсотъ пудовъ свинца, а потомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ было имъ переправлено черезъ Дунай еще столько же.

Въ то же время Прозоровскій писалъ Родофиникину: * „На основаніи даннаго мнѣ отъ государя императора наставленія, имѣлъ я переписку съ верховнымъ визиремъ и съ французскимъ посломъ г. Себастьяни. Сей послѣдній, по вліянію его

* Отъ 17 ноября 1807 г. Арх. Воен. Топ. Дено, № 23.306, шк. 218, локъ 3.

на двѣа Порты Оттоманской, употребить всѣ дѣятельныя мѣры къ перемѣнѣ, согласно желанія его величества, всѣхъ вредныхъ пунктовъ перемирія, включенныхъ въ оное по испрованію тайнаго совѣтника Лашкарева и не основательно утвержденнаго ратификаціей барона Мейендорфа, по высочайшему приказу, отъ 19-го прошлаго сентября, отъ службы отставленнаго. Сверхъ того, по требованію моему, торжественно удостоверяеть меня г. Себастіани о обѣщаніи Порты Оттоманской, что Сербы до окончательнаго заключенія мира съ Портою оставлены будутъ въ спокойствіи, причеъ мнѣ объяснено, что послѣднее нападеніе Турокъ произошло безъ воли высшаго правительства, чему я и даю вѣру. О семъ пристойнымъ образомъ дайте знать чиновникамъ, кому по нахожденію вашему въ сей миссіи надобно.“

Затѣмъ князь Прозоровскій просилъ Родофиникина увѣрить весь совѣтъ народа Сербскаго и самого Чернаго Георгія, что о приверженности ихъ къ русскому престолу будетъ доведено до свѣдѣнія государя, и что опасенія напрасны. „Впрочемъ, прибавляетъ Прозоровскій,—совѣтуйте имъ отъ меня, чтобъ они молились съ вѣрою Богу, яко первоначальному виновнику блага людей и цѣлыхъ народовъ, а затѣмъ надѣялись бы на истинное покровительство императора нашего Александра I, который, конечно, не оставитъ, чтобы Сербы, Валахія и Молдавія имѣли при постановленіи мира лучшую противу прежняго участь. Пусть и правда будетъ то, что по извѣстіямъ, ко мнѣ отъ турецкихъ чиновниковъ доходящимъ, миръ трактоваться будетъ въ Парижѣ, но сіе ни мало положеніе дѣлъ не перемѣняетъ, и все равно гдѣ бы миръ не заключался, вѣдая образъ мыслей государя императора по сему отношенію.“

Между тѣмъ, съ отступленіемъ нашихъ войскъ, начатымъ Мейендорфомъ, островъ на Дунаѣ, который нуженъ былъ намъ для соединенія и всѣхъ сношеній съ Сербами, былъ занятъ Турками, и несмотря на всѣ требованія князя Прозоровскаго, они не соглашались его очистить. Главною причиною тому было то, что баронъ Мейендорфъ сплавилъ часть нашей флотиліи изъ Галаца къ устьямъ Дуная, а Лашкаревъ упустилъ изъ виду что перемиріе не есть еще миръ, самовластно позволилъ Туркамъ снова производить торговлю съ княжествами и даже возстановить безпрепятственное сооб-

щеніе съ Константинополемъ *. По Дунаю стали было безпрепятственно плавать не только купеческія турецкія суда, но и военныя гребныя, и доставлять провіантъ и военныя припасы. По настоянію князя Прозоровскаго, нѣкоторыя изъ этихъ судовъ возвратились отъ устья Дуная въ море, откуда пришли, но 20 лодокъ съ артиллеріей и войсками изъ Измаила, были остановлены въ Галацѣ, обрубил якоря и ушли на правый берегъ въ Исакчу, откуда предполагали, что пойдутъ въ Рущукъ. Цѣль ихъ была дѣйствовать противъ насъ и Сербовъ, и какъ дѣйствию ихъ нельзя было ничего противопоставить, не имѣя флотиліи, то Прозоровскій и требовалъ, чтобы визирь запретилъ имѣть коммерческія сношенія съ лѣвымъ берегомъ Дуная. Визирь согласился на это.

Опасенія Сербовъ были основательныя. Турки не прекращали военныхъ дѣйствій. Въ началѣ октября они сдѣлали нападеніе на Сербію со стороны Босніи. Протопопъ Ненадовичъ, командовавшій отрядомъ сербскихъ войскъ, успѣлъ разбить Турокъ неподалеку отъ крѣпости Сокола и прогнать ихъ за Дрину, но въ то же время турецкій корпусъ въ пятнадцать тысячъ человекъ, переправившись чрезъ Дрину на сербскую сторону, вытѣснилъ Сербовъ изъ трехъ шанцовъ, и расположась въ нихъ, послалъ внутрь страны отдѣльныя партіи, которыя успѣли сжечь нѣсколько деревень и большое количество хлѣба и сѣна. Корпусъ сербскій, собравшійся противъ непріятеля, состоялъ изъ двѣнадцати тысячъ человекъ. Посланный Родофиликинымъ, для руководства тамошними дѣйствіями, по просьбѣ самихъ Сербовъ, Бей-Новокрещеновъ прибылъ туда 12 октября и раздѣлилъ Сербовъ на три отряда, изъ которыхъ одинъ посланъ былъ вокругъ горъ для переправы за Дрину на турецкую сторону ниже Сокола, съ приказаніемъ немедленно по переправѣ жечь турецкія деревни; другой долженъ былъ зайти съ фланга и ударить на непріятеля въ то самое время, когда увидитъ пожаръ за Дриною; третій отрядъ, въ которомъ находился самъ Бей-Новокрещеновъ, долженъ былъ произвести нападеніе на центръ турецкихъ силъ. Распоряженія эти были выполнены съ точностію. Турки, едва увидѣвъ объятаго пламенемъ селенія свои за Дриною, и Сербовъ идущихъ на нихъ

* Изъ письма Прозоровскаго къ Родофиликину, отъ 17-го ноября 1807 г. Арх. В. Т. Д., № 23.306, шк. 213, полк., 3.

со всѣхъ сторонъ, не выдержали натиска и начали переправляться за Дрину, кто на лодкахъ, кто вплавь. Переправившись на свою сторону, Турки зашли въ шанцы, которые были у нихъ тамъ изготовлены на случай отступленія, но не смѣли однако же атаковать Сербовъ, продолжавшихъ разворять ихъ селенія. Сербы, взявъ въ добычу 1.500 воловъ и коровъ, 1.000 овецъ, да 300 лошадей, возвратились на свою сторону, переправивъ съ собою пожелавшихъ переселиться нѣсколько сотъ христіанскихъ семействъ изъ Босніи съ ихъ имуществомъ и скотомъ. Бей-Новокрещеновъ заставилъ Сербовъ сдѣлать шанцы въ наивыгоднѣйшихъ мѣстахъ для защиты границъ и отправилъ къ визирю Босніи письмо, писанное Родофиникинымъ. Въ этомъ письмѣ визирь вторично приглашается положить ковецъ военнымъ дѣйствіямъ со стороны Босніи, до тѣхъ поръ пока дѣла сербскія установятся договаривающимися державами *.

Около этого времени пришло извѣстіе, что изъ Царьграда прибылъ въ Нисеу Канаджи-Баша съ фирманомъ султанскимъ, по прочтеніи котораго сдѣлано было *сорокъ семь* пушечныхъ выстрѣловъ. Фирманъ гласилъ, что предстоитъ война, и война рѣшительная, а потому предписывалось намъ собрать войска. Въ заключеніе повелѣвалось подъ страхомъ лишиться головы, прислать, прежде рамазана, въ Константинополь ключи Бѣлграда.

Это извѣстіе встревожило Сербовъ.

— Султанъ предлагалъ мнѣ, говорилъ Черный Георгій Родофиникину, — двѣсти тысячъ піастровъ, съ тѣмъ только, чтобъ я оставилъ Сербовъ и перешелъ въ Австрію для жительства. Я на то не согласился, потому что не хотѣлъ оставить братію свою. Султанъ предлагалъ мнѣ потомъ прощеніе всѣмъ Сербамъ и вольность, подъ его верховною властію, управляться намъ самимъ собою. Вы не приказали на то согласиться; я исполнилъ вашъ приказъ. Теперь вся участь Сербовъ зависитъ отъ царя нашего Александра I; что скажете, то выполнится. Но клянусь Богомъ, что Черный Георгій не увидитъ Турокъ въ своей землѣ, ибо не иначе пройдутъ они сюда какъ черезъ его тѣло.

Сказавъ это, Черный Георгій всталъ вышелъ въ другую комнату, гдѣ были собраны всѣ члены совѣта и комендантъ,

* Письмо Родофиникина отъ 20 октября 1807 г.

сказалъ имъ, что онъ повѣситъ того, кто осмѣлится что-либо дѣлать безъ совѣта Родофиникина, вышелъ на дворъ, сѣлъ на лошадь и уѣхалъ въ свою деревню, несмотря на то что въ этотъ день онъ былъ приглашенъ обѣдать къ любимцу своему, капитану Чердакаію.

Опасенія Чернаго Георгія оказались однакоже не вполне основательными. Турецкое правительство старалось напротивъ помириться съ Сербами и сдѣлало важный шагъ въ этомъ направленіи. 13 ноября, вечеромъ, прибылъ изъ Константинополя въ Бѣградъ митрополитъ Авксентій; при немъ, въ качествѣ секретаря, виддинскій уроженецъ Поповичъ, знавшій сербскій, греческій и нѣмецкій языки. Они привезли съ собою отъ турецкаго правительства письма къ Черному Георгію, митрополиту бѣградскому и къ народу вообще. Письмами этими Сербы приглашались къ покорности Портѣ, съ общаніемъ ея милости и полнаго забвенія прошедшаго. Словесно митрополитъ Авксентій объявилъ, что онъ имѣетъ порученіе обнадежить народъ въ милости и благоволеніи султана, который соглашается дать Сербамъ такое устройство, какого они сами пожелаютъ. Письма эти были представлены совѣту, который, по предварительному наставленію Родофиникина, отвѣчалъ митрополиту, что обо всемъ этомъ будетъ донесено Черному Георгію, и какой отзывъ получитъ отъ послѣдняго, будетъ сообщено. Дней пять тянулись переговоры объ этомъ. Митрополитъ Авксентій жилъ все время у бѣградскаго митрополита, искренно преданнаго Россіи, и имѣвшаго повелѣніе отъ Родофиникина никого не допускать къ пріѣзжу, за исключеніемъ лицъ извѣстныхъ своею благонамѣренностью. Черный Георгій, согласно наставленіямъ того же Родофиникина, отвѣчалъ, что въ такомъ важномъ дѣлѣ онъ не можетъ постановить рѣшеніе одинъ, но что посланы отъ него приказанія всемъ старѣйшинамъ собраться въ Бѣградъ. Родофиникинъ разчитывалъ что старѣйшины дадутъ отвѣтъ согласный съ его желаніемъ, тѣмъ болѣе что сербскій совѣтъ единодушно передалъ это дѣло нашему агенту *.

Пока шли переговоры, митрополитъ Авксентій былъ и у Родофиникина съ своимъ секретаремъ, и „сколько съ перваго

* Письмо Родофиникина отъ 14 ноября 1807 г. Арх. Воев. Тов. Дел., № 23.306, шк. 213, полк. 3.

разу я могъ судить, прибавляетъ Родофиникинъ, какъ одицъ, такъ и другой умны“. Желая узнать, вѣтъ ли у нихъ какихъ-либо секретныхъ наставленій, Родофиникинъ употреблялъ всевозможныя старанія склонить на свою сторону секретаря его, въ чемъ и успѣлъ, такъ что секретарь соглашался даже оставить турецкую службу и вступить въ русскую. Изъ словъ секретаря видно было, что никакихъ тайныхъ наставленій митрополиту не имѣлъ, но ему приказано было „употреблять всѣ средства къ склоненію Сербовъ прислать въ Константинополь депутатовъ“.

Однакоже отвѣчать митрополиту было не легко, и переговоры протянулись до 21 ноября. Затрудненія увеличивались, главнымъ образомъ, совершенною неопредѣленностію положенія Россіи относительно Порты и еще большею неопредѣленностію отношеній между Сербамъ и Турками. Переговоры о заключеніи мира между Россіей и Турціей еще не начинались; трудно было предвидѣть ихъ исходъ и опредѣлить будущее положеніе Сербіи относительно Турціи. По всему видно было, что переговоры о мирѣ будутъ производиться въ Парижѣ. Чтобы не потерять ни въ какомъ случаѣ, необходимо было дѣйствовать умѣренно; всякое упорство Сербовъ противъ Турокъ, въ случаѣ неблагоприятнаго исхода переговоровъ о мирѣ, могло привести только къ дурнымъ послѣдствіямъ. По всѣмъ такого рода соображеніямъ, нашъ агентъ уговорилъ Сербовъ отвѣчать митрополиту, что они предложеніе султана принимаютъ съ признательностію и готовы воспользоваться его милостями. Но, какъ всѣ люди смертны, то чтобъ удостовѣриться на всегдашнія времена въ такомъ милосердіи султана, и поставить благосостояніе народа на прочныхъ основаніяхъ, просятъ, чтобы въ даваемыхъ имъ обѣщаніяхъ доставлена имъ была гарантія или ручательство русскаго императора, какъ одну съ ними вѣру исповѣдывающаго, и императора французскаго какъ посредника между Россіей и Портою Оттоманскою. Въ такомъ случаѣ отъ всего народа предлагаютъ депутатовъ въ Константинополь къ французскому посланнику Себастиану и къ князю Прозоровскому въ Яссы, надѣясь, что оба императора не откажутъ имъ, посавъ столько страданій, въ такомъ снисхожденіи.

Русскій дворъ нашелъ такой отвѣтъ Сербовъ вполне сообразнымъ, а требуемую гарантію такую, которая была весьма

полезна для насъ и не могла быть „ни съ которой стороны противною императору Наполеону“, какъ доказательство довѣрія Сербовъ или, по крайней мѣрѣ, расположенія нашего правительства, въ случаѣ если выраженное Сербами требованіе будетъ приписано единственно влиянію Россіи. Несогласіе Порты на подобное предложеніе Сербовъ также не могло повести къ дурнымъ результатамъ для Сербовъ, такъ какъ они прямо не отказывались отъ подданства Турецкой имперіи.

Давъ такой отвѣтъ митрополиту Авксентію, Черный Георгій въ то же время писалъ патриарху константинопольскому: *

„Святѣйшій отецъ! Письмо ваше я имѣлъ честь получить и съ чувствомъ признательности извѣстился изъ оного и изъ сказаннаго присланнымъ отъ васъ митрополитомъ Авксентіемъ о предлагаемыхъ милостяхъ его султанова величества.

„Весь свѣтъ знаетъ уже причины, побудившія насъ поднять оружіе. Причины сіи были столь справедливы, что никто противу učinеннаго нами ничего не можетъ сказать. Всевышній Богъ, всѣхъ милующій и защищающій невиннаго, защитилъ и насъ. Достигши до желаемаго конца, то-есть, изгнавши угнетавшихъ и мучившихъ насъ, мы ограничились въ охраненіи домовъ нашихъ, не позволяя себѣ никакого нападенія на сосѣднія земли. Болѣе ста тысячъ вооруженныхъ Сербовъ охотно бы послѣдовали за мною всюду, но я обуздалъ ихъ пыкость, желая удостовѣрить его султаново величество и весь свѣтъ, что мы единственно для спасенія себя возстали, а не для возбужденія другихъ къ возстанію. Сими правилами руководствуясь, я увѣряю ваше святѣйшество, что письмо ваше наполнило душу мою радостію, ибо чтѣ пріятнѣе можетъ быть, какъ прекращеніе кровопролитія? Я созвалъ старѣйшихъ народа и предложилъ имъ предстоящее дѣло; они единодушно мнѣ отвѣтствовали, что его султанова величества милости велики, но сосѣдніе наши, сосѣдніе жители, коихъ родственники въ разныхъ сраженіяхъ съ нами погибли, не перестанутъ дѣлать на насъ нападенія, и когда узнаютъ что народъ Сербскій положилъ оружіе, ворвутся въ наши земли истреблять народъ и предадутъ пламени жилища его, надѣясь, что его султаново величество, по сродной ему милости, проститъ ихъ дѣянія.

* Отъ 19 декабря 1807 года. Арх. В. Т. Д. № 23.306, мк. 213, воак. 3.

„Когда же сосѣдніе наши и самые жители сосѣднихъ провинцій будутъ имѣть въ виду, что положеніе Сербіи утверждено ручательствомъ первыхъ въ Европѣ державъ, тогда воздержатся болѣе отъ учиненія Сербамъ зла, тогда оставятъ Сербовъ спокойно пользоваться милостями его султана величества. Потому, дабы удостовѣрить народъ Сербскій на всегдашніе времена въ таковомъ милосердіи султана и поставить благосостояніе народа на неизблемомъ основаніи, просятъ отъ щедротъ его султана величества, яко единой милости, чтобы въ даваемыхъ намъ обѣщаніяхъ доставить намъ гарантію или ручательство всероссійскаго императора, яко единую православную вѣру съ нами исповѣдывающаго, тако жь императора французскаго, короля италійскаго, яко посредника между Имперією Россійскою и Портою Оттоманскою. На сей конецъ позволить намъ невозбранно, въ лицѣ всего народа, отправить депутатовъ къ французскому послу генералу Себастьяни и къ главнокомандующему россійскими императорскими войсками, генералъ-фельдмаршалу князю Прозоровскому.

„Старѣйшины народа Сербскаго надѣются, что великіе сіи въ свѣтѣ монархи, россійскій и французскій императоры, не откажутъ, по толикихъ Сербскаго народа страданіяхъ, въ таковомъ, для онаго, благоснисхожденіи, почему старѣйшины и я просили его султаново величество принять таковое ручательство и тѣмъ довершить великое дѣло основанія нашего благоденствія, обѣщаясь, что такимъ образомъ учреждено будетъ принять и хранить вѣрно на всегдашнія времена. Въ заключеніе остается мнѣ просить ваше святѣйшество удостоить меня отвѣтомъ вашимъ, дабы не теряя времени послать депутатовъ нашихъ. Поручаю себя молитвамъ вашимъ.“

Между тѣмъ нашлись люди, которые старались возбудить въ Черномъ Георгіи недовѣріе къ Россіи. Родофиникину довели, что у Чернаго Георгія была конференція съ двумя австрійскими купцами и съ нѣсколькими *поглаварями*. Купцы эти, съ самаго начала возстанія, снабжали Сербовъ всѣмъ нужнымъ; въ послѣдствіи они вступили въ товарищество съ *поглаварями* и присвоили себѣ исключительное право покупать и продавать все, конечно, при посредствѣ самихъ *поглаварей*, отчего, какъ первые, такъ и послѣдніе обогатились, и имѣя собственную личную выгоду, были не прочь чтобы неуройства въ Сербіи

продолжались сколько возможно долѣе. Притомъ, имѣя всегда возможность спастись бѣгствомъ въ Австрію, еслибы политическія дѣла Сербіи приняли столь дурной оборотъ, что подобное бѣгство оказалось бы необходимымъ, поглаваря обирали народъ, не страшась послѣдствій. Побуждаемые только мыслию о собственномъ обогащеніи, они проповѣдывали народу, что оружіе власть не слѣдуетъ, что не только Турокъ, но и Русскихъ должно остерегаться, чтобы не поработили ихъ себя, и что, впрочемъ, если они успѣютъ получить отъ Россіи порохъ и свинець, имъ тогда страшиться нечего, такъ какъ они будутъ въ состояніи въ гористыхъ мѣстахъ своихъ защищаться противу всѣхъ. Разглашая подобные слухи, дѣйствуя на самолюбіе народное, они казались народу искренно приверженными отечеству; на самомъ же дѣлѣ у нихъ было одно желаніе, сколько можно продлить возстаніе и беспорядки въ Сербіи. Эти-то поглаваря и подговорили землевскихъ купцовъ увѣрить Чернаго Георгія, что французскія войска идутъ къ Босніи, съ цѣлю овладѣть Сербіей, что въ Землявѣ достоверно извѣстно, что Родофиникинъ самъ требовалъ изъ Константинополя митрополита Авксентія, дабы съ нимъ положить на лѣстѣ какимъ образомъ продать Сербію Туркамъ, и что посредникомъ въ этомъ дѣлѣ также митрополитъ бѣлградскій. „Бредни сіи, говоритъ Родофиникинъ *, подтверждали поглаваря своими разсужденіями, и дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ напились пьяными, легли тутъ же спать, проспавшись опять принялись пить и вперяь прежнее Черному Георгію. Хотя все это достойно сумашедшаго дома, за всѣмъ тѣмъ Черный Георгій, которому съ рюмкой въ рукахъ можно дать вѣрить желаемое, и наипаче когда лѣстятъ его самолюбію и представляютъ, что онъ непобѣдимъ. Повѣривъ всему ему внушаемому, рѣшеніе сихъ конференцій было то, чтобы присланнаго изъ Константинополя митрополита Авксентія просить здѣшняго митрополита убить или запереть въ монастырь; само по себѣ разумѣется, что и имѣ послѣ сего не должно ожидать великихъ вѣдливостей. Живучи шестой уже мѣсяцъ посреди сего народа, привыкъ я видѣть равнодушно и свирѣпость поглаварей его, и глупость, слѣдовательно, ни мало не былъ устра-

* Въ писемѣ отъ 9 января 1808 года. Арх. В. Т. Д., № 23.306, кн. 213, посл. 3.

шенъ, получивъ сіи извѣстія, кои не могли быть скрыты, ибо Черный Георгій призывалъ къ себѣ митрополита здѣшняго, выговаривалъ ему за то и угрожалъ смертію....“

Любимецъ Чернаго Георгія, капитанъ Чердаклій, человекъ преданный Россіи, по совѣту Родофиникина, сдѣлалъ обѣдъ, на который пригласилъ ихъ обоихъ. Не давая замѣтить что знаетъ обо всемъ случившемся, Родофиникинъ старался доказать верховному вождю сербскому всю неправоту подобныхъ слуховъ и достигъ того, что Черный Георгій опомнился и сталъ разсуждать здраво. „Капитанъ Чердаклій довершилъ уже безъ меня дѣло, ибо Черный Георгій остался за столомъ до полуночи. На другой день послѣ сего былъ у меня въ первый разъ послѣ своего сюда пріѣзда. Итакъ всѣ рѣшенія его остались безъ дѣйствія, доколѣ опять встревожатъ его умъ.“

Отпуская митрополита Авксентія, Черный Георгій высказывалъ свою боязнь, чтобы Сербію опять не отдали подъ иго турецкое. Онъ даже долго не рѣшался написать письма, проектъ котораго составленъ былъ Родофиникинымъ, присылалъ нѣсколько разъ къ нему своего секретаря для объясненій о томъ, не лучше ли было бы послать письмо прямо въ Константинополь, черезъ нѣмецкую почту, а митрополита Авксентія не выпускать болѣе изъ Сербіи, чтобы не могъ ничего сдѣлать противъ нея въ Цареградѣ.

IV.

15 января 1808 года, рано утромъ, пришелъ къ Родофиникину, посланный отъ Чернаго Георгія, іеромонахъ Доседей, съ просьбою пріѣхать для свиданія съ нимъ къ любимцу верховнаго вождя, капитану Чердаклію. Родофиникинъ нашелъ тамъ Чернаго Георгія въ большемъ уныніи и безпокойствѣ.

— Я хочу оставить Сербію, началъ говорить Черный Георгій, какъ только Родофиникинъ вошелъ въ комнату. — Я не могу и не умѣю ею управлять; мое дѣло воевать съ Турками, а другихъ дѣлъ я не понимаю. Одна часть поглаварей не соглашаются со мною, а другіе пришли сюда кто съ шестьюдесятью, кто съ пятьюдесятью человекъ вооруженными, требуютъ платежа денегъ, будто бы ими употребленныхъ на народныя надобности, въ такое время, когда

народъ отъ нихъ ничего не получалъ. Одни требуютъ 90.000, другіе 80.000 піастровъ. Я позволялъ сначала продать лавки и дома для расплаты этихъ долговъ, такъ какъ меня увѣрили, что этого будетъ достаточно, а теперь оказывается, что и половины нельзя заплатить. Они настаиваютъ, чтобъ обложить народъ податью; я на это согласиться никакъ не могу: народъ насъ всѣхъ убьетъ,—и по дѣломъ!

Затѣмъ Черный Георгій обратился къ Родофиникину.

— Я знаю, продолжалъ онъ,—что ты на насъ сердитъ, но ты не правъ. Чего ты хочешь отъ людей, которые по вчерашній день пасли свиней или были разбойниками? Ты долженъ о насъ жалѣть и наставлять насъ, а не сердиться на наши глупости. Теперь ты одинъ можешь насъ вывести изъ бѣды; моя жизнь въ твоихъ рукахъ. Я молю тебя, возьми разсмотрѣть счета погаварей и научи меня, что мнѣ дѣлать?

— Я нисколько не сержусь на васъ, отвѣчалъ на это Родофиникинъ,—но мнѣ прискорбно видѣть, что всѣ ваши дѣянія стремятся болѣе къ разстройству, нежели къ утвержденію порядка. Сегодня вы слѣдуете моимъ совѣтамъ, а завтра дѣлаете противное, ко вреду лично вашему и вашего народа. Полномочные ваши просили именемъ всего народа прислать меня сюда, чтобы наставить васъ какъ *управляться*. Я при былъ. По моему наставленію учредили совѣтъ, котораго до того времени только одна тѣнь существовала. Учредили городской судъ, для разбора множества тяжбныхъ дѣлъ; учредили полицію, которая служить и къ личной вашей безопасности, здѣсь въ городѣ, и моей. Вы дали власть совѣту управлять землею, я далъ ему правила. Всѣ коменданты покорились совѣту, начали доносить обо всемъ и требовать повелѣній. Вы удалили изъ совѣта коменданта Младена, который всегда туда приходилъ съ вооруженными слугами, и котораго страшились всѣ совѣтники, не смѣя сказать ни слова противъ его приказаній, и котораго равномерно всѣ погавари ненавидятъ.

Черный Георгій молчалъ; онъ сидѣлъ облокотясь на столъ и внимательно слушалъ.

— Нужно было поддержать вами сдѣланное, продолжалъ Родофиникинъ, воспользовавшійся такимъ настроеніемъ Чернаго Георгія, при которомъ ему можно было все говорить безъ опасенія;—нужно было поддержать вами сдѣланное, и вы были бы спокойны и безопасны; но вы, напротивъ, опять

возвратили Младена, который еще съ большимъ самовластіемъ началъ управлять; узнавъ это, и многіе поглавари перестали повиноваться. Что васъ къ этому побудило? Внушенія вамъ сдѣланныя, что Русскіе мало-по-малу возьмутъ власть въ землѣ и васъ никто не будетъ признавать за коменданта, что я васъ продамъ, и тому подобныя глупости. Но неужели вы понынѣ не сознали, что Россія желаетъ единственно только вашего благосостоянія? По требованію ли Россія вы возстали противъ Турокъ? Нѣтъ. Оказали ли вы сами какія-нибудь услуги Россіи? Никакихъ. Но за всѣмъ тѣмъ государь императоръ, изъ одного только человеколюбія къ единственному сербскому народу, отклонилъ, чрезъ посредство своего министра въ Константинополь, всякое противу покоренія васъ предпріятіе. Онъ повелѣлъ послать вамъ большія суммы денегъ, пушки, порохъ, свинець, и сверхъ того, хотя состоялъ въ войнѣ съ Франціей и съ Портою Оттоманскою, не васъ пригласилъ на помощь своимъ войскамъ, но приказалъ, для защиты вашей, послать за Дунай генераль-майора Ясаева. Что жъ касается до продажи Сербіи, то, увѣряю васъ, никто не дастъ за васъ ни одной пары, ибо безъ воли первыхъ въ Европѣ державъ никто васъ не купитъ. Если же онѣ захотятъ васъ отдать одному или другому, то не спросятъ ни согласія, ни совѣта вашего, зная что вы этому препятствовать не можете, такъ какъ Сербія передъ великими державами то жѣ значитъ, что капля воды передъ моремъ. Слѣдовательно, вамъ остается только, преданностію государю императору и добрымъ внутреннимъ управленіемъ земли, заслужить милости и то благоденствіе, которое желаетъ вамъ Россія доставить. Вы совершенно забыли благодарить главнокомандующаго за письмо, къ вамъ писанное, и за подарокъ, но вспомнили написать къ эрцгерцогу Карлу *, въ противность моимъ представленіямъ. Итакъ сами скажите, какіе я вамъ совѣты могу дать, когда вы онымъ не слѣдуете? За всѣмъ тѣмъ, я не отказываюсь отъ того, ибо повелѣнія, мнѣ данныя, предписываютъ заботиться о благѣ Сербіи, дабы отклонить тѣмъ междуусобныхъ раздоровъ. Впрочемъ, совѣтъ мой тотъ, чтобы вы не слушали и не подавались на недѣльныя внушенія, вамъ дѣлаемыя, и сказанное однажды не перемѣняла

* Объ этомъ письмѣ будетъ сказано ниже, когда мы будемъ говорить о пруссахъ Австріи.

бы, развѣ тогда только, когда оно оказалось бы вреднымъ.

На этомъ разговорѣ ихъ кончился. Черный Георгій увѣрялъ, что во всемъ будетъ слѣдовать совѣтамъ и наставленіямъ Родофиникина, но не согласился на удаленіе Младена и его товарища Милке, на томъ основаніи, что они имѣютъ сильную партію и многихъ приверженцевъ. *

Между тѣмъ Прозоровскій писалъ къ Черному Георгію **: „Почтеніе мое къ достоинствамъ вашимъ и высокое покровительство моего всеавгустѣйшаго монарха Сербской націи, не только на настоящее, но и на будущее время, доставитъ храброму сему народу благоденствіе, а не поработительное житіе. Но между тѣмъ скажу мое заключеніе, что война есть вещь чрезвычайная, да и всѣ обстоятельства въ жизни человѣческой не имѣютъ постоянного предѣла, а война всего меньше. Согласно съ тѣмъ расположены и душевныя мои чувствованія какъ къ Сербской націи, такъ наипаче и къ императору между ними мужу, истинному патриоту и по власти всевышняго Создателя одаренному способностями къ столь важному посту, на который для блага вашего отечества вы теперь поставлены. Какъ вѣрный подданный и слуга моего государя, любя мое отечество, и притомъ отъ собственныхъ моихъ чувствованій, я имѣю искреннюю и нелицемѣрную привязанность къ сей націи, яко единую съ нами вѣру исповѣдывающей. И на семъ основаніи, для пользы общей, какъ вамъ такъ и Россіи нужнымъ нахожу черезъ сіе письмо дружески съ вами объяснить. Доходитъ до свѣдѣнія моего, что между вами есть коварные люди, имѣющіе въ виду только собственный свой интересъ и обогащеніе. Я увѣренъ въ вашемъ благоразуміи и прозорливости, но трудно иногда все предвидѣть въ коварныхъ людяхъ, которые по наружнымъ увѣреніямъ закрываютъ настоящіе ихъ, иногда гибельные, замыслы.

„Въ таковыхъ случаяхъ мой истинный совѣтъ вамъ, чтобы какъ можно отъ такихъ заводимыхъ цитригъ остерегаться. Коварные сіи люди могутъ околичностями подвести и иногда возродятъ въ васъ сомнѣніе. Вы теперь находитесь, можно сказать, въ отеческомъ покровительствѣ государя моего императора, отъ коего только и ожидать можно всего благосо-

* Арх. Воен. Топ. Ден. № 23.306, шк. 213, полк. 3.

** Отъ 22 января 1808 г. № 60.

стоянія земли вашей, а безъ сего вы останетесь одни. Почему я нахожу сіе достойнымъ особеннаго вашего вниманія. Вы можете пользоваться совѣтами повѣреннаго въ дѣлахъ отъ моего всеавгустѣйшаго монарха, находящагося у васъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина, который будетъ о всемъ меня увѣдомлять, а я не премину дамъ ему всегда полезныя для васъ наставленія.

„Затѣмъ остаюсь въ полномъ увѣреніи, что вы совѣтъ мой, столь для васъ и для націи вами управляемой благоденственъ (?) уважите и согласно съ онымъ расположитесь, что я желаю какъ почитающій васъ истинно.“

Но эти внушенія мало принесли пользы Сербіи. Черный Георгій пріѣзжалъ только изрѣдка въ Бѣлградъ, а жилъ постоянно въ своей деревнѣ Тополѣ. Пока онъ оставался въ Бѣлградѣ, всѣ его наставленія и приказанія исполнялись, но съ отъѣздомъ его въ деревню опять все шло по старому. Младенъ обыкновенно забиралъ въ руки совѣтъ и управлялъ имъ самовластно. Родофиникинъ боялся часто вмѣшиваться, изъ опасенія еще худшихъ послѣдствій, и только иногда, при удобномъ случаѣ, дѣйствовалъ на верховнаго вождя Сербіи, склоняя и уговаривая его принять ту или другую мѣру.

Черный Георгій очень хорошо понималъ, что благосостояніе его націи зависѣло единственно отъ покровительства Россіи, снабжавшей Сербію всѣмъ: хлѣбомъ, деньгами, оружіемъ, порохомъ и прочими военными припасами; но, сознавая это, онъ ничего не могъ сдѣлать. Жестокій въ нѣкоторыхъ случаяхъ до крайности, Черный Георгій по большей части оказывался слабохарактернымъ. Эта неровность нрава происходила столько же отъ его легковѣрія, сколько и отъ чрезвычайной подозрительности, которыми многіе поглавары умѣли пользоваться для своихъ цѣлей. Присвоивъ себѣ власть надъ всею Сербіей, Черный Георгій боялся поглаварей отдаленныхъ отъ Бѣлграда и имѣвшихъ свое войско. Всякій совѣтъ такихъ лицъ онъ принималъ съ недоброжелательствомъ и всегда подозрѣвалъ ихъ во враждебныхъ намѣреніяхъ. Окружающіе Георгія льстили ему; онъ ихъ слушалъ и считалъ своими приверженцами. Чтобы склонить къ чему-нибудь Чернаго Георгія, уговорить его на какую-нибудь мѣру или предпріятіе, необходимо было дѣйствовать на кого-нибудь изъ его приближенныхъ, а иначе нельзя было ожидать успѣха. Такъ дѣйствовалъ и Родофиникинъ, разчитывая на капитана

Чердаклія, расположеннаго къ Россіи, искренно преданнаго своему народу, и любимца Чернаго Георгія, на котораго онъ имѣлъ большое вліяніе. Со смертію капитана Чердаклія, чтобы сохранить свое прежнее вліяніе на вождя сербскаго, Родофиникивъ уговорилъ іеромонаха Досіея, который воспитывалъ сына Чернаго Георгія, переѣхать съ воспитанникомъ своимъ къ нему въ домъ. Такимъ образомъ Черный Георгій во время своего пребыванія въ Бѣградѣ принужденъ былъ приходить къ Родофиникину ежедневно, чтобы видѣть своего сына. Родофиникивъ имѣлъ такимъ образомъ возможность говорить съ Георгіемъ наединѣ, и давать ему наставленія *.

Между тѣмъ неудовольствіе поглаварей противъ Георгія все возрастало. Въ землѣ управляемой безъ законовъ каждый день порождалъ новыя затрудненія и безпорядки. По занятіи Бѣграда, многіе Турки, полагаясь на честность Сербовъ, отдали нѣкоторымъ изъ нихъ на сохраненіе деньги и разныя дорогія вещи. Многіе изъ этихъ Турокъ были потомъ убиты; другіе же приняли христіанскую вѣру. Поселившись опять въ Бѣградѣ, они стали требовать своихъ денегъ и вещей, но не получили удовлетворенія. Они обратились къ вождю, и имъ удалось склонить Чернаго Георгія нарядить саѣдствіе, для отысканія и возвращенія хозяевамъ всего того что имъ было отдано на сохраненіе Сербамъ. По саѣдствію было найдено весьма немногое, но за то открылось, что зимою 1807 года многое изъ хранившагося у частныхъ лицъ насильно было отнято вольницею состоявшею на службѣ у Младена по сго и товарища его приказанію. Они отговаривались тѣмъ, что всѣ эти вещи, какъ собственность турецкая, отняты правильно. Понимая однакоже что съ Чернымъ Георгіемъ шутить нельзя и желая сохранить награбленное, они рѣшились дѣйствовать противъ вождя. Воспользовавшись примѣромъ строгости, оказанной Георгіемъ противъ одного изъ поглаварей, недовольные взволновали весь городъ. Младенъ со многими членами совѣта и съ секретаремъ своимъ отправился къ Родофиникину высказать общее неудовольствіе на Чернаго Георгія.

„Но сей день, говорилъ одинъ за всѣхъ Младенъ:—изъ любви къ миру и въ надеждѣ на скорую перемѣну, которую

* Изъ письма Родофиникина къ кн. Прозоровскому, 17-го февраля 1808 г.

ожидали видѣть произведенную отъ Россіи, скрывалимы неспособность Чернаго Георгія для управленія землею, но теперь крайность заставила насъ прибѣгнуть къ вамъ, объяснить все и просить совѣта.“ Затѣмъ онъ началъ выставлять несправедливости, сдѣланныя Чернымъ Георгіемъ, непостоянство его характера, легковѣріе и наклонность къ пьянству; злобу питаемую имъ противъ всѣхъ пользующихся довѣріемъ народа. Въ заключеніе Младенъ и пришедшіе съ нимъ сказали, что они рѣшились вооружиться, созвать народное собраніе, представить ему все сказанное и обсудить какія средства надо предпринять, чтобъ отклонить зло, могущее произойти для народа отъ поведенія Чернаго Георгія. Больше трехъ часовъ продолжались эти пренія. Наконецъ, когда Родофиникинъ обѣщалъ взять на себя все исправить, пришедшіе успокоились и разошлись по домамъ.

На другой день, 4 апрѣля, секретарь совѣта принесъ къ Родофиникину письмо, заготовленное для отправленія къ Черному Георгію отъ имени совѣта. Въ этомъ письмѣ совѣтъ излагалъ причины своего неудовольствія, — тѣ самыя какія были представлены и Родофиникину, — и писалъ, что намъ ренъ созвать всѣхъ старѣйшинъ народа, объявить имъ, что совѣтъ находится въ невозможности вести свои дѣла, и просить чтобы народъ выбралъ другихъ совѣтниковъ. Родофиникинъ не совѣтовалъ посылать письма. „Я не ручаюсь, сказалъ онъ, чтобы Черный Георгій, получивъ оное, не пришелъ въ Бѣградъ съ войскомъ и не перерѣзалъ всѣхъ васъ.“ Потомъ онъ отправился самъ въ совѣтъ, видѣлся со многими совѣтниками, говорилъ съ каждымъ отдѣльно и убѣдилъ ихъ наконецъ остаться спокойными и положиться на него.

Дѣйствительно, Родофиникинъ отправился къ Черному Георгію, убѣдилъ вождя сербскаго соображать свое поведеніе съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и отклонять по возможности все что могло бы раздражать противъ него старѣйшинъ народныхъ, и упросилъ его не отмѣнять того, что съ его же согласія и по совѣту Родофиникина будетъ сдѣлано совѣтомъ. Отъ Чернаго Георгія онъ похвалъ къ оберъ-кнезу Симо, приверженцу Младена и одному изъ вліятельнѣйшихъ лицъ въ Сербіи. Склонивъ его на свою сторону, Родофиникинъ возвратился въ Бѣградъ, пригласилъ къ себѣ обѣдать всѣ лица, составлявшія народный совѣтъ сербскій, и убѣдилъ всѣхъ остаться спокойными.

„Я надѣялся, пишетъ Родофиникинъ къ князю Прозоровскому, что все уже кончено, и радовался что труды мои были столь успѣшны, но Черный Георгій ввергнулъ меня опять въ вящія заботы. Онъ, въ пьяномъ образѣ разболтавшись у себя въ деревнѣ, сказалъ своимъ, что нужно теперь терпѣть и сдѣлать совѣтамъ Родофиникина, но придетъ время и для него удобное, при которомъ гг. совѣтники Младенъ и другіе его товарищи не избѣгутъ участи, которую онъ имъ готовить. Сіи слова услужливыми людьми перенесены сюда и утихшее пламя воспалилось болѣе прежняго.“ *

Младенъ съ своими товарищами опять пришли къ Родофиникину, объявить ему слова сказанныя Чернымъ Георгіемъ, и сообщили нашему повѣренному въ дѣлахъ, что имъ нѣтъ другой надежды къ спасенію какъ предупредить самого Чернаго Георгія въ его умыслѣ. Родофиникинъ потребовалъ у нихъ срокъ на размышленіе, въ надеждѣ выгадать время и дать простыть первому пылу. Долго онъ совѣщался съ ними, приглашалъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, старался уговорить ихъ и обратить ихъ вниманіе на другой предметъ. Онъ предложилъ поселить недалеко отъ Бѣграда бѣжавшихъ туда Болгаръ, и пѣхалъ со всеми совѣтниками за два часа пути отъ Бѣграда выбирать для этого удобное мѣсто. Планъ удался; проволочкою времени онъ удержалъ недовольныхъ отъ возстанія, но они за то стали просить позволенія отправить къ главнокомандующему князю Прозоровскому депутатовъ для представленія ему настоящаго положенія здѣшнихъ дѣлъ. Отклонивъ ихъ и отъ этого, Родофиникинъ согласился написать со словъ ихъ письмо къ князю Прозоровскому, которое состояло въ слѣдующемъ: **

„Покровительство всемилостивѣйшаго Государя Императора, пріявшаго отечество наше подъ сильную свою защиту, подавало намъ лестную надежду видѣть внутреннее положеніе Сербіи въ скоромъ времени образованнымъ, и народъ, и насъ пользующимися безопасностію, которую мудрые законы и правленіе доставляютъ каждому.

„Обладеживанія вашего сіятельства сообщенныя намъ неоднократно г. дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Родофиникинымъ вяще утверждали наше надѣяніе; сіе

* Отъ 25 апрѣля 1808.

** Арх. Воен. Топ. Дено, № 23.307, шк. 203, поак. 3.

заставило насъ переносить терпѣливо всякое зло посреди насъ существующее, происшедшее коликко отъ неопытности нашей, толикко и отъ стеченія обстоятельствъ. — Нынѣ же вида, что политическое положеніе дѣлѣ въ Европѣ воспрещаетъ еще до нѣкотораго времени основать твердымъ образомъ бытіе наше, и вида также, что дальнѣйшее молчаніе наше можетъ, при продолженіи перемирія, свергнуть отечество наше въ гибель отъ внутреннихъ неустройствъ, долгомъ своимъ поставляемъ яко отцу и благодѣтелю нашему, открыть сердце наше и изложить въ пространствѣ истинное положеніе дѣлѣ нашихъ.

„Вскорѣ послѣ возстанія нашего противу Турокъ, Кара Георгій свирѣпостію своею и аачностію крови впервые повсюду страхъ и ужасъ, мало-по-малу началъ присвоивать себѣ судъ и расправу, и наконецъ принудилъ признать себя верховнымъ нашимъ вождемъ. Хотя мы всѣ видѣли совершенную его неспособность къ сему важному посту, но съ другой стороны, понимая необходимость имѣть единый пунктъ соединенія и единого главу, заблагоразсудили утвердить его могущество, надѣясь что по времени честолюбіе и слава исправятъ его свирѣпость и всѣ злыя наклонности, и содѣлаютъ *хотя неспособнымъ, но сноснымъ начальникомъ*. Надежда наша оказалась однако суетною. Сей человекъ не токмо многихъ отличныхъ среди насъ мужей предалъ смерти своею рукою или чрезъ своихъ приверженныхъ, но распространилъ свою ненависть противу всѣхъ тѣхъ, кои храбростію или благоразуміемъ обратили къ себѣ любовь народа. Никто не можетъ жить спокойнымъ въ своемъ домѣ, но всякій долженъ опасаться внезапнаго нападенія, убійства и разграбленія имуществъ. Лишь только увидить малѣйшее стараніе наше ввести въ землѣ устройство и порядокъ, онъ направляетъ тогда свои силы къ низверженію того. Сіе есть и было причиною того, что всѣ труды и наставленія г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофинкина, относительно до управленія нашего и до порядка, не могли никогда имѣть полного успѣха, и не можно надѣяться, чтобы мы когда-либо при настоящемъ верховномъ начальникѣ, могли предпріять привести въ исполненіе что-либо для блага земли нашей.

„Будучи окруженъ людьми самаго злаго поведенія и безъ всякой нравственности, при легковѣрномъ своемъ характерѣ, онъ обращается ими удобно ко всякому злу, лишь только

увидать что отъ того могутъ получить для себя какую-либо выгоду; не токмо мы, но и самый народъ чувствуетъ тягость его легкомысія. На прошедшихъ дняхъ болѣе трехъ тысячъ Сербовъ загнаны къ нему въ деревню, для вырубкн простран-ныхъ лѣсовъ, чтобъ имѣть на мѣсто оныхъ сѣнокосы и пахат-ныя мѣста, чему былъ свидѣтелемъ и г. дѣйствительный стат-скій совѣтникъ Родофиникинъ. Все сіе подаетъ намъ неза-труднительное средство съ согласія народа *смыслить его*, но таковая мѣра легко также можетъ, при приведеніи оной въ дѣйствіе, возродить междуусобную войну, отъ которой, ува-жая совѣты Родофиникина, основанныя на пользѣ нашей и народа, мы всячески желаемъ удалиться, хотя видимъ что не избѣгнемъ оной, если ваше сіятельство милостиво не вой-дете въ наше состояніе, ибо не имѣемъ возможности болѣе терпѣть подобную жизнь, будучи всеминутно въ опасности погибнуть: ничто бо не есть священно для человѣка посягнув-шаго противу своего отца и брата. Привыкну съ малолѣт-ства жить въ лѣсахъ, съ подобными себѣ, онъ мало дума-етъ о славѣ своей и народа, и хотя бы видѣлъ, что опять принужденъ будетъ выйдти въ первобытное свое состояніе, не удержится отъ зла какого бы рода оно ни было.

„Мы не сомнѣваемся, чтобы Родофиникинъ, подавшій намъ многіе опыты любви своей къ Сербскому народу и желанія видѣть насъ благополучными, не донесъ обо всемъ вашему сіятельству, за всѣмъ тѣмъ необходимымъ признаемъ присо-вокупить къ тому и сіе наше представленіе, всепокорнѣйше проса повторительно удалить отъ насъ, благодѣльнымъ обра-зомъ настоящаго нашего вождя, и дать намъ правила, ко-ими руководствоваться и коимъ съ покорностію мы и на-родъ будемъ слѣдовать.“

Письмо это, подписанное всѣмъ сербскимъ народнымъ совѣтомъ, отправлено было къ князю Прозоровскому, вмѣ-стѣ съ проектомъ отвѣта на него составленнымъ Родо-финикинымъ. На этомъ остановились пока умы главнѣйшихъ недоброжелателей Чернаго Георгія, бросившихся къ Родо-финикину, и подъ вліяніемъ страха и ожиданій, поклявшихся слѣдовать во всемъ совѣтамъ его, — конечно до перваго только случая.

Не трудно было бы удалить Чернаго Георгія. Его легко было вызвать въ Крайову для переговоровъ, тѣмъ болѣе что онъ самъ желалъ видѣться съ княземъ Прозоровскимъ, и

просилъ объ этомъ. Но Георгій былъ единственный человекъ, который могъ стоять во главѣ Сербіи. Несмотря на свою жестокость, буйство и яичность, онъ пользовался довѣріемъ народа. Онъ умѣлъ обращаться съ народомъ, понималъ его нужды.

Потому-то князь Прозоровскій и не соглашался на смѣну Георгія, тѣмъ болѣе что всякая перемена въ образѣ управленія Сербіи, при тогдашнемъ ея положеніи, могла быть пагубною. Въ письмѣ къ Родофиникину, князь Прозоровскій поручалъ ему представить совѣту всю важность и необходимость для Сербіи покровительства Россіи, и предлагалъ имъ оцѣнить благодѣяніе государя. Онъ просилъ привести Сербамъ на память, какую услугу оказало имъ храброе русское войско въ прошедшемъ 1807 году, когда сильныя ополченія Порты готовились истребить весь народъ Сербскій. Указывая далѣе, что со времени заключенія перемирія между Россіей и Турціей, одно только ходатайство его удержало турецкія силы отъ нападенія на Сербовъ, Прозоровскій просилъ ихъ не забывать какую отеческую попечительность обращаетъ на нихъ императоръ Александръ I,—сколько доставлено денегъ и средствъ какъ для пропитанія народа, такъ и для успѣшнаго веденія военныхъ дѣйствій. „Тѣмъ съ бѣльшимъ соболѣзнованіемъ сердца, писалъ онъ, каждый безпристрастный судія будетъ взирать на то, что всѣ труды, попечительность, пожертвованія и старанія въ пользу ихъ ниспровергаются раздорами между ними, — и кого же? — старѣйшинъ и правителей народа, долженствующихъ быть примѣромъ другимъ.“ Онъ приводилъ на память извѣстную латинскую поговорку, *что согласіемъ возрастаетъ малое, а несогласіемъ разрушается великое*, и старую притчу о ломаніи пучка прутьевъ.*

„Видя изъ донесеній дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина, писалъ Прозоровскій къ Черному Георгію **, съ какою пользою храбрые Сербы вами предводительствуемые употребили время перемирія, я не могу не радоваться съ вами и не отдать должную похвалу трудолюбію сего намъ единовѣрнаго народа. Мнѣ весьма пріятно, что послѣ толь долго-

* Арх. Воев. Топ. Дено дѣло за № 23.307 шк. 213, пол. 3.

** Изъ Яссы отъ 13 мая 1808 г. Арх. Воев. Топ. Дено дѣло за № 23.307, шк. 213. поак. 3.

временной войны и претерпѣній, наконецъ оны могъ нынѣ засѣять спокойно свои поля и обратить все свое вниманіе на домостроительство свое. Такое благоденствіе, доставленное Сербскому народу покровительствомъ всеавгустѣйшаго нашего государя императора есть еще токмо единое преддверіе дальнѣйшаго вашего благосостоянія, которое его императорское величество желаетъ утвердить. А какъ Оттоманская имперія остается спокойною и кажется желающею кончить все посредствомъ переговоровъ, а не оружія, то я, любя васъ искренно и будучи душевно расположенъ къ Сербскому народу, нужнымъ нахожу сообщить вамъ мой совѣтъ, состоящій въ томъ, чтобы вы не переставали пользоваться продолженіемъ перемирія для выщаго утвержденія внутренняго вашего спокойствія мудрыми и полезными распоряженіями. Бѣлградъ, Семеадрія, Шабацъ, Ужица и другія многія мѣста въ Сербіи толь счастливо расположены, что могутъ привлечь къ поселенію знатное число жителей, кои доставятъ неизчетныя выгоды народу. А потому нахожу необходимымъ.

„1) Дать свободу каждому единоувѣрному селиться въ Сербіи; всѣмъ вообще не препятствовать производить торговлю, таковымъ подавать возможную руку помощи и защиту. Само собою разумѣется, что верховное правительство по своему усмотрѣнію имѣетъ власть воспрепятствовать вывозъ или привозъ вещей, кои въ первомъ случаѣ кажутся оному нужными, а въ послѣднемъ бесполезными для земли.

„2) Сербы, подъявшіе столько трудовъ для освобожденія себя отъ претерпѣнныхъ ими угнетеній, должны быть нынѣ обезпечены въ полной мѣрѣ относительно ихъ жизни и имущества, какъ равноувѣрно всякій единоувѣрный, поселившійся вновь въ Сербіи, а потому и нужно принять за непремѣнное правило, чтобы никто не былъ лишенъ жизни и имущества, безъ рѣшенія избраннаго народомъ верховнаго правительства, каковое рѣшеніе не исполнять однако, доколѣ не будетъ и вами утверждено. Правило сіе во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ и во всѣхъ вѣкахъ признано первѣйшимъ къ назиданію благоденствія народнаго, поелику безъ того ни землевладѣлецъ обрабатывая землю, ни ремесленникъ упражняясь своимъ ремесломъ, ни купецъ въ производствѣ торговли, ни воинъ въ трудахъ на защиту отечества, спокойными быть и съ успѣхомъ трудиться не могутъ. Вынайдете въ мудрыхъ законахъ великихъ монарховъ Россіи,

подъ коими имперія толико стоить процвѣтаетъ, первое сіе правило: *безъ суда никто да не находится*. Кто противу сего поступитъ, какого бы онъ званія ни былъ, обратитъ на себя весь гнѣвъ всеавгустѣйшаго покровителя Сербіи, и вами долженъ быть признанъ яко врагъ общаго спокойствія, и яко таковой преданъ сужденію и строжайшей казни.

„3) Какъ собственно для вашего содержанія, яко верховнаго вождя Сербіи, такъ равномѣрно для содержанія верховнаго совѣта и старѣйшинъ, кои въ дѣйствительной службѣ отечества состоятъ, должно бы назначить что признано будетъ за благо, и я не думаю никогда, чтобы сіе было отяготительно для Сербіи, которая, сверхъ податей, обыкновенно содержала нѣсколько нашей съ многочисленными ихъ свитами и знатное число Турокъ разсыянныхъ по всей Сербіи; остается токмо устроить и расположить все благоразумнымъ образомъ.

„4) Позволивъ дѣйствительному статскому совѣтнику Родофиникину приискать искуснаго доктора *, и принявъ его въ російскую службу, оставить при себѣ въ Бѣградѣ; весьма совѣтую употребить стараніе, чтобы симъ докторомъ введено было въ Сербіи прививаніе оспы, дабы тѣмъ спасти отъ напрасной смерти толикое число жителей большихъ и малыхъ, коихъ ежегодно Сербія лишается отъ сей болѣзни.

„До свѣдѣнія моего доходитъ также, что появляются какіе-то коварные люди, которые, вмѣсто настоящаго благодѣствія Сербіи, желаютъ ввергнуть ее въ погибель, и стараются обольщать старѣйшинъ побочными и голословными обнадѣживаніями. Я долженъ предварить васъ, что обязанность ваша, яко верховнаго вождя народнаго, требуетъ, дабы вы устраняли всѣ таковыя вредныя покушенія копящіяся къ единой пагубѣ вашей и народа. Пріятіемъ же онаго конечно народъ Сербскій лишится покровительства августѣйшаго монарха, а тогда погибель Сербіи неизбежна...“

Такія распоряженія съ нашей стороны установили на нѣкоторое время наружное согласіе между Чернымъ Георгіемъ, совѣтомъ и поглаварями. Спокойствіе продолжалось, впрочемъ, очень не долго. Младенъ продолжалъ свои проски

* Свирѣпствовавшая въ началѣ 1808 года оспа была причиною большой смертности въ Сербіи, увеличившейся еще отъ неимѣнія врачей, за исключеніемъ нѣсколькихъ цирюльниковъ изъ Турокъ, которые приносили болѣе вреда чѣмъ пользы больнымъ и раненымъ Сербамъ.

противъ Чернаго Георгія, и захвативъ въ свои руки весь со-
вѣтъ народный, до того сталъ самовластенъ, что самая
повелѣнія вождя совѣту не позволяяъ выполнятъ, и нерѣдко
дѣлааъ совершенно противное его приказаніямъ *. Его
ненависть къ Черному Георгію доходила до того, что въ
разговорахъ своихъ съ Родофикинымъ онъ открыто гово-
рилъ о своемъ „рѣшительномъ намѣреніи убить Чернаго
Георгія и тѣмъ предупредить заое будто бы противу его на-
мѣреніе.“ Носились даже слухи, что люди, посланные изъ
Сербіи въ Земаинъ, искали тамъ купить яду. Такое натя-
нутое положеніе продолжалось въ теченіе всего 1808 года.

„Послѣ нашего свиданія съ вами, писалъ совѣтъ къ Родо-
фикину **, мы имѣли опять между собою разговоръ, и чѣмъ
больше разсматриваемъ внутреннее положеніе наше, все
больше находимъ, что оное такъ дальше оставаться не мо-
жетъ. Нужно чтобы вы сіе представили дааѣ, чтобы ско-
рѣе дали нужную помощь, чтобы зло истребить и силою
оное прекратить безъ чего все обратится на погибель. Мы
больше о семъ вамъ не хотимъ писать; вы все знаете какъ
и мы и еще лучше нашего видѣть можете, отчего можетъ
произойти неминуемо наше несчастіе и для того какое нуж-
но дѣкарство. Ради Бога дѣлайте, что васъ Богъ научить,
только не теряйте время, если насъ любите, какъ вы всегда
намъ показывали“.

Между тѣмъ Австрія и Франція не оставляли безъ внима-
нія сербскихъ дѣлъ. Каждая изъ этихъ державъ имѣла въ
Сербіи своихъ агентовъ, дѣйствовавшихъ въ ея пользу. Сно-
шенія эти хотя не повели ни къ какимъ результатамъ, од-
накоже не лишены значенія и представляютъ много любо-
пытнаго.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1808, Черный Георгій, по совѣту нѣкото-
рыхъ изъ своихъ приближенныхъ, рѣшился написать письмо къ
эрцгерцогу Карлу. Въ письмѣ своемъ онъ благодарилъ
за милость и покровительство, которыми Сербы буд-
то бы пользовались отъ Австріи, просилъ о продол-
женіи этого покровительства, обѣщая что съ своей сто-
роны они „пребудутъ за это добрыми пріятелями.“ Во-
вторыхъ писалъ что Сербы имѣютъ нужду въ порохѣ, свинцѣ,

* Изъ домеселія Родофикина отъ 2-го сентября 1808 года.

** Отъ 3-го сентября. Арх. Воев. Топ. Дено № 23.308, мк. 213, полк. 3.

ядрахъ и другихъ воинскихъ снарядахъ, и просилъ объ отпускѣ имъ всего этого за деньги, присовокупляя, что „хотя Россія и прислала имъ пороху и олова (свинца) и прислала бы еще, но дальность разстоянiя и трудность коммуникаціи содѣлываетъ сіе невозможнымъ.“

Письмо это, прежде отправленiя, Георгій прислалъ съ іеромонахомъ Досиѣемъ, о которомъ мы уже упоминали, и съ своимъ секретаремъ для прочтенiя къ Родофиникину. Отъ нихъ Родофиникинъ узналъ, что Чернаго Георгія склонили къ сношенію съ Австріей, изъ корыстолюбивыхъ видовъ, земаинскіе купцы Милошъ *, Драгутинъ и нѣкоторые изъ поглаварей ихъ, прiателей. Родофиникинъ доказывалъ посланнымъ, что австрійскій дворъ не можетъ снабдить Сербовъ ничѣмъ, по причинѣ строгаго нейтралитета, котораго онъ держится, и потому еще, что вовсе не желаетъ чтобы Сербiя усиливалась, ибо тогда всѣ Сербы, живущіе на австрійской сторонѣ, перейдутъ на эту сторону, и тѣмъ самымъ Австрія лишится не малаго числа подданныхъ; говорилъ даже, что Сербы вовсе не имѣютъ надобности въ просимомъ ими, такъ какъ они получили уже все отъ Россіи, и если будетъ какая-нибудь надобность, то пришлютъ еще, и что Черный Георгій никогда не получитъ отвѣта отъ эрцгерцога Карла, потому что купецъ Милошъ никогда не вручитъ ему посылаемаго письма; что можетъ-быть недѣлаи черезъ двѣ онъ явится со многими

* Этотъ самый Милошъ, когда прiѣхалъ въ Сербію изъ Землина полковникъ маркизъ Паулучи, посланный отъ нашего двора для обозрѣнiя края и границъ Сербіи, сообщилъ поглаварямъ, будто бы получена изъ Вѣны эстафета, кою предписывалось схватить французскаго шпиона Павлучи, называющагося русскіимъ полковникомъ и везущаго съ собою много денегъ. Милошъ совѣтовалъ Сербамъ убить его, и это было бы дѣйствительно исполнено, еслибы одинъ изъ поглаварей не представилъ что русскія войска не далеко и потому приличнѣе, вмѣсто того чтобы убивать Паулучи, послать его туда для освидѣтельствованiя, точно ли онъ русскій подданный. „Цѣль купца Милоша состояла въ томъ, чтобы навлечь на Сербовъ гнѣвъ Россіи, вслѣдствіе котораго она и оставалась бы въ бунтѣ и въ неурядицѣ, при какомъ положеніи дѣлъ, съ поглаварями неграмотными, почти дикими и притомъ алчными къ деньгамъ, онъ возможетъ приводить въ исполненіе всѣ свои предпріятія къ обогащенію себя на счетъ народа Сербскаго.“ Арх. Воен. Топ. Дено, № 23.306, тм. 213, полк. 3.

лестными и дружественными увѣреніями, будто бы отъ эрцгерцога Карла, хотя „его и въ глаза не увидить и скажетъ: его высочество хотѣлъ бы отвѣтствовать на пріятное его письмо, но политическое положеніе дѣлъ ему въ томъ препятствуетъ, а между тѣмъ приказалъ имъ продать по секрету порохъ, ядра, бомбы, которые сей купецъ дѣйствительно привезетъ, ибо Черный Георгій самъ знаетъ, что намъ предлагали изъ Земаина другіе купцы продать до десяти тысячъ фунт. пороху, равномѣрно ядра и бомбы, проданныя Австрійцами по причинѣ перемѣны калибра ихъ орудій.“ Несмотря на все эти доказательства и убѣжденія, письмо было все-таки передано Милошу.

Желая узнать о намѣреніяхъ Австріи, князь Прозоровскій вошелъ въ сношеніе съ посломъ нашимъ въ Вѣнѣ, А. Б. Куракинымъ, и получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что купцы Милошъ и Драгутинъ дѣйствительно пріѣзжали въ Вѣну и имѣли свиданіе съ эрцгерцогомъ Карломъ. Хотя они и были приняты весьма благосклонно, но австрійскій дворъ, по причинѣ строгаго нейтралитета имъ соблюдаемаго, долженъ былъ отказать Сербамъ въ отпускѣ за деньги пороха, свинца, ядеръ и прочихъ воинскихъ снарядовъ, а разрѣшилъ только вывозъ хлѣба и сукна, но и то съ условіемъ, чтобы все это производилось въ тайнѣ. Австрійское министерство вообще, по тогдашнему положенію политическихъ дѣлъ, боялось вступить въ открытыя сношенія съ Сербами, хотя внутренно и расположено было принять ихъ подъ свое покровительство, и тайными путями всячески старалось достигнуть своей цѣли.

18-го марта Черный Георгій былъ у Родофиникина и общилъ ему, что Австрійцы неоднократно изъявляли свое желаніе повидаться и переговорить съ старѣйшими и что нынѣ самъ генераль-фельдмаршалъ-лейтенантъ Симбшенъ пріѣдетъ изъ Петербурга для свиданія и переговоровъ съ вождемъ сербскимъ, если онъ изъявитъ на то свое согласіе. Полагая, говорилъ Черный Георгій, что желаніе Австрійцевъ видѣться съ нимъ не имѣло другой причины, какъ запрещеніе послѣдовавшее со стороны Сербовъ на продажу Австрійцамъ скота и дровъ, которыми они пользовались и покупали у Сербовъ, онъ согласился на такое свиданіе, надѣясь при этомъ выхлопотать свободный пропускъ въ

Сербію хлѣба. Свиданіе дѣйствительно состоялось 23-го числа. Симбшенъ объяснялъ Черному Георгію тѣ великія милости, которыя австрійскій дворъ оказалъ Сербамъ своимъ позволеніемъ продавать имъ порохъ, свинець, ружья, пушки и хлѣбъ въ самое тягостное для нихъ время возстанія. Обнадеживалъ Чернаго Георгія въ томъ, что Сербы и нынѣ пользуются милостію австрійскаго двора, который готовъ удовлетворить всѣмъ ихъ нуждамъ, въ чемъ бы таковыя не состояли, *„если они хотятъ обѣщать быть вѣрными австрійскому долгу исключительно;“* * что тогда пришаются къ нимъ солдаты и офицеры для обученія вообще, и дадутся *заимобразно* деньги, сколько бы Черный Георгій ни потребовалъ. Баронъ Симбшенъ говорилъ, что напрасно Сербы надѣются на Россію, что если они такъ будутъ вести свои дѣла, то навѣрное будутъ поработены.

— Вамъ дастся все что ни потребуете, не только вещи, но и деньги, говорилъ Симбшенъ Черному Георгію.—Приси все чего хочешь, только будь ты намъ пріятель и другъ, не признавай никого другаго, кромѣ насъ. Мы ваши ближайшіе сосѣди, которые вамъ всегда и во всемъ помочь можемъ, а *Москору* не вѣрьте, ибо земля его очень далеко, и онъ можетъ возвратиться назадъ, а вы останетесь сами одни, и пропадете. Россійскія войска теперь въ Молдавіи, а черезъ нѣсколько времени возвратятся въ свои предѣлы. Вы видѣли, что они уже васъ одинъ разъ обманули: были въ Сербіи, а потомъ оставивъ васъ, отошли въ Валахію. На дружбу ихъ съ Франціей ни мало не полагайтесь, ибо сія дружба мечтательна.

— Хорошо, отвѣчалъ Черный Георгій.—Благодаренъ *всѣмъ господамъ нѣмецкимъ*; я всегда былъ ими доволенъ, но теперь не требую ничего, а когда что понадобится, куплю за готовыя деньги.

— Зачѣмъ живетъ у васъ въ Бѣлградѣ русскій генералъ? спросилъ Симбшенъ.—Какое устройство онъ между вами вводитъ? Что онъ дѣлаетъ?

— Ничего не дѣлаетъ, отвѣчалъ Черный Георгій.—Не знаю зачѣмъ онъ живетъ, потому что въ его дѣла я не мѣшаюсь.

— Получали ли вы порохъ и пушки отъ Россіи?

— Когда были соединены съ нами русскія войска, то

* Довесеніе отъ 26 марта. Арх. В. Т. Д., № 23307, шк. 213, поак. 3.

получили шестьдесятъ бочекъ пороху, десять пушекъ и по тысячѣ ядеръ на каждую.

Этимъ разговоръ ихъ и кончился. Симбшенъ приглашалъ Чернаго Георгія пріѣхать въ Петербургъ, если признаетъ то нужнымъ для какихъ-либо переговоровъ, обѣщая, что его нисколько не задержатъ въ карантинѣ. *

Вскорѣ послѣ того получено было изъ Земаина, отъ извѣстнаго уже намъ купца Милоша, письмо къ Георгію, съ извѣщеніемъ что Австрійцы готовы снабдить Сербовъ всѣмъ необходимымъ для побѣды непріятеля и для прокормленія народа, и готовы оказать имъ услуги. Но какъ дворъ австрійскій согласенъ приять покровительство надъ Сербами и хочетъ быть ихъ защитникомъ, то и нужно, сказано въ письмѣ, чтобы „вы со стороны вашей дали ему обязательство, что вы истинно мыслите и его почитаете.“ Далѣе Милошъ старался убѣдить Чернаго Георгія въ выгодахъ и необходимости для Сербовъ покровительства австрійскаго двора, просилъ его дать какой-нибудь залогъ или ручательство въ истинѣ желанія Сербовъ предаться въ руки Австріи, дабы она могла быть „увѣрена, что вы намѣрены *точно быть стѣнными* ея подданными“, и въ томъ, что Сербы будутъ слѣдовать ея наставленіямъ, необходимымъ чтобы усилить въ ихъ намѣреніи и избавиться отъ долговременныхъ мученій и трудовъ. Онъ приглашалъ Чернаго Георгія отвѣтить ему скорѣе на это письмо, писать къ самому Симбшену, просить у него свиданія и назначить мѣсто и время, гдѣ бы они могли переговорить съ австрійскимъ генераломъ. „Не упусти изъ рукъ сего дѣла, писалъ Милошъ, и помысли, что цѣлая нація зависитъ отъ тебя, и ты можешь теперь дѣлать все то чего хочешь. Подумай самъ какой важнѣйшій залогъ или аманатъ дать можешь, и отвѣчай мнѣ скорѣе что думаешь и размышляешь.“ **

Черный Георгій, по совѣту Родофиникина, отвѣчалъ Милошу, что онъ удивляется содержанію этого письма и не можетъ вѣрить, чтобы оно написано было по порученію австрійскаго правительства, потому что въ такомъ случаѣ къ нему отвесся бы самъ командующій. Черезъ два дня послѣ от-

* Донесеніе отъ 26, марта. Арх. Воев. Топ. Дено, № 23:307, тѣк. 213, полк. 3.

** Донесеніе отъ 13 апрѣля 1808 года. Тамъ же.

правленія отвѣта получено было письмо отъ генералъ-фельд-маршалъ-лейтенанта Симбшена.

„Милошъ Урашевичъ, писалъ онъ, сообщилъ мнѣ письмо, которое ты отъ 17 (29) прошедшаго мѣсяца апрѣля къ нему послалъ; я изъ него увидалъ, что ты удивляешься тому, что я самъ не писалъ. Я сдѣлалъ это потому, что ты самъ при нашемъ свиданіи поручилъ мнѣ, чтобъ я всѣ важныя дѣла сообщалъ тебѣ черезъ Милоша. Ты мнѣ самъ сказалъ тогда, что хочешь лично пріѣхать въ Землянъ или въ Варадинъ для окончанія нашего договора. Съ другой стороны, я не хотѣлъ дѣло высочайшей важности вѣрить бумагѣ, потому что есть такіе любопытные люди, кои желая знать что мы двое говорили, усилятъ желаніе узнать тайну, если увидятъ письмо,—тайну, отъ которой зависитъ счастье цѣлой націи. Я и въ томъ сомнѣваюсь, чтобы послѣднее письмо къ тебѣ Милоша не было на дорогѣ кѣмъ-нибудь распечатано. Поелику ты желаешь имѣть собственноручное мое письмо, то я объявляю, что все писанное Милошемъ есть священная истина, и что я, какъ прямой твой и всей націи Сербской пріятель, готовъ увѣрить тебя въ высочайшей наклонности и милости моего царя и монарха. Я предоставляю твоей волѣ пріѣхать ко мнѣ въ Варадинъ, вмѣстѣ съ твоими людьми, которыхъ съ собою захочешь взять, безъ задержанія васъ въ карантинъ, или же хочешь на другомъ какомъ-либо мѣстѣ моей границы со мною видѣться и объясниться и окончательно утвердить наше дѣло такъ, чтобъ оно было для тебя и для цѣлой храброй Сербской націи на счастье, славу, честь и къ общему удовольствію.“ *

Поведеніе австрійскаго двора по сношеніямъ съ Сербами все болѣе и болѣе показывало, что Австрійцы стали надѣяться, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, никакихъ пожертвованій, пріобрѣсти себѣ владычество надъ сербскимъ народомъ. Двѣтельная переписка, завязавшаяся между барономъ Симбшеномъ и Чернымъ Георгіемъ, заставила ихъ усилить свои происки и употреблять различнаго рода средства для достиженія своей цѣли. Переѣзжавшіе изъ Земаина на сербскую сторону купцы старались вселить въ Сербяхъ недовѣріе къ Россіи и въ особенности къ ея агенту Родофиникину. По

* Письмо изъ Петервардина отъ 22 (4 мая) апрѣля 1808 г. Арх. В. Т. Д., № 23.307, мк. 213, полк. 3.

распоряженію вѣнскаго двора, граница Австріи то открывалась для вывоза, то закрывалась, съ тою цѣлью чтобы показать Сербамъ всю важность добраго согласія съ Австріяцами.

Баронъ Симбшенъ просилъ свиданія, Черный Георгій отвѣчалъ, что онъ пріѣхать не можетъ раньше десяти дней, потому что находится нынѣ далеко отъ своего дома. Въ то же время онъ просилъ Родофиникина обсудить просьбу барона Симбшена и посоветовать ему, какъ поступить въ этомъ случаѣ. Зная характеръ верховнаго вождя сербскаго, легко поддающагося на всѣ убѣжденія, Родофиникинъ признавалъ лучшимъ отклонить его отъ свиданія. Рѣшено было уполномочить для этого свиданія секретаря Чернаго Георгія, Стефу, и совѣтника Младена. Черный Георгій самъ написалъ инструкцію, въ которой уполномочилъ ихъ отвѣчать, что если Австріяцы хотятъ быть съ Сербами въ дружбѣ, то Сербы рады тому, и готовы какъ взять такъ и дать имъ письменное поручительство, но если вѣнскій кабинетъ думаетъ завладѣть Сербіей, то народъ ни подъ какимъ видомъ безъ кровопролитія не согласится признать чье-либо подданство. „Съ Нѣмцами мы ведемъ только одну *политику*, писалъ Черный Георгій Родофиникину, чтобы намъ нужныя вещи можно было отъ нихъ получить.“ Австріяцы своими интригами причиняли, конечно, большое безпокойство нашему двору. Князь Прозоровскій нѣсколько разъ писалъ Родофиникину, прося его принять всевозможныя мѣры къ тому чтобы воспрепятствовать проискамъ Австріи.

8-го мая прибылъ въ Земливъ эрцгерцогъ Лудвигъ, и въ тотъ же день старѣйшины Милое и Живковичъ взявъ съ собою по нѣсколько человекъ ратниковъ, переправились на ту сторону поздравить принца съ благополучнымъ пріѣздомъ въ сосѣдній съ Сербіей городъ. Они приняты были довольно ласково. Вечеромъ того же дня баронъ Симбшенъ прислалъ въ Бѣлградъ просить секретаря Стефу и Младена, уполномоченныхъ Чернымъ Георгіемъ, чтобы они пріѣхали на другой день въ Земливъ. Тамъ ихъ представили принцу, который ограничился одними ласковыми словами, не входя ни въ какія подробности относительно переговоровъ. Но баронъ Симбшенъ сообщалъ, что для переговоровъ уполномочены съ австріяцкой стороны: землинскій комендантъ полковникъ Першъ, бургомистръ Аджига, подполковникъ

Станиславаевичъ и купецъ Милошъ. 10-го мая эрцгерцогъ уѣхалъ изъ Землина, и въ тотъ же день переправились на сербскую сторону бургомистръ землинскій и Милошъ. Они имѣли свиданіе съ Младеномъ и Стефою, и старались уговорить ихъ, чтобъ они написали прошеніе австрійскому императору, въ которомъ бы повергая себя подъ его защиту, просили его отправить къ нимъ эрцгерцога Карла для предводительствованія ими и прислать имъ пушекъ и прочихъ воинскихъ снарядовъ и денегъ околько желаютъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ имъ навѣрно отказа не будетъ. При этомъ австрійскіе повѣренные внашали сербскимъ повѣреннымъ, что Младенъ при этомъ случаѣ пожалованъ будетъ графомъ, секретарь Стефа—барономъ, Черный Георгій—княземъ и фельдмаршаломъ; прочіе же поглавари по мѣрѣ достоинствъ ихъ получать также награды. Сербскіе повѣренные отвѣчали однакоже, что писать они ничего не могутъ, потому что не они приглашали на переговоры барона Симбшена, а онъ ихъ, слѣдовательно отъ австрійскаго правительства надобно ожидать письменныхъ предложеній.

12-го мая, по приглашенію, поѣхалъ Младенъ и Стефа на берегъ рѣки Савы, гдѣ ихъ ожидали всѣ четыре уполномоченные австрійскіе. Тутъ, послѣ долгихъ преній, имъ объявили, что письменно имъ ничего не дадутъ, а что Сербы должны просить австрійскаго императора о взятіи ихъ подъ покровительство; — что сверхъ личныхъ каждому награжденій, они сохраняютъ тогда всю ту собственность которую нынѣ пріобрѣли; что будутъ пользоваться тѣми же правами, какими пользуются Сербы живущіе на австрійской сторонѣ. Императоръ, говорили они, пришлетъ сюда войско для обороны вашей, исправить крѣпости сербскія и снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ, ибо они не въ силахъ противустоять Туркамъ, которые со всѣхъ сторонъ готовятся напасть на нихъ. Сербскіе повѣренные отвѣчали, что не страшались Турокъ и тогда, когда были одни, а теперь тѣмъ болѣе не опасаются, находясь подъ защитою русской арміи; по прочимъ же предметамъ просили времени для полученія какъ отъ Чернаго Георгія, такъ и отъ другихъ старѣйшинъ, ихъ мнѣнія, не желая дать рѣшительнаго отвѣта единственно только затѣмъ, чтобы благодаря проволочкѣ

времени успѣть купить у Австрійцевъ хлѣба. Австрійскіе повѣренныя не соглашались на такое промедленіе, отзываясь что время дорого и что не должно терять ни минуты, а потому настаивали, чтобы на томъ же свиданіи было написано и подписано прошеніе; но видя невозможность склонить на это сербскихъ повѣренныхъ, дали имъ время до воскресенія, 17-го мая.

Пронски Австрійцевъ поколебали многихъ изъ сербскихъ поглаварей. Многие изъ нихъ находили предложеніе Австріи заманчивымъ и не знали на что рѣшиться. Но въ это время получено было извѣстіе, что австрійскія войска собираются въ окрестностяхъ Землина, что уже прибыло на днѣхъ до двадцати тысячъ и что наводятся во многихъ мѣстахъ pontовые мосты. Черный Георгій, получивъ извѣстіе о движеніи австрійскихъ войскъ, собравшихся впрочемъ только для маневровъ, встревожился, и тотчасъ послалъ повсюду повелѣнія, чтобы войска собирались повсюду и выступали въ поле по близости своихъ округовъ, ожидая дальнѣйшихъ повелѣній. Все всполошилось въ Сербіи. Отдаленные отъ Бѣлграда поглавари, испуганные этимъ извѣстіемъ, прибыли съ разныхъ сторонъ къ Черному Георгію. Распри и несогласія были забыты. При такихъ-то обстоятельствахъ было послано отвѣтное письмо къ барону Симбшену отъ народнаго совѣта. Письмо было составлено Родофиникинымъ, умѣвшимъ искусно воспользоваться положеніемъ дѣлъ, и передано Черному Георгію и совѣту для подписи.

„По близости театра происшествій, писалъ совѣтъ, ваше превосходительство, безъ сомнѣнія извѣстны во всемъ странствѣ о законныхъ причинахъ, побудившихъ насъ возстать противу враговъ челоѣчества, такъ долгое время насъ угнетавшихъ. Извѣстны вы также о постоянныхъ успѣхахъ, кои привлекали подъ знамена наши, сверхъ всѣхъ жителей Сербіи, еще знатное число иностранцевъ. Побѣдосныя войска его величества Александра I, государя императора Всероссійскаго, вступивъ въ Молдавію и Валахію, по праву войны, единолѣрія и единоплеменства, приняли насъ подъ сильную свою защиту. Всемилостивѣйшій государь, императоръ Всероссійскій, въ знакъ высочайшей своей милости, прислалъ къ намъ, согласно съ прошеніемъ нашимъ, наставника, въ лицѣ его превосходительства, дѣйствительнаго статскаго совѣтника

Родофиникина. Начались потомъ мирные переговоры въ Парижѣ между Россійскою державою и Портою Оттоманскою при посредствѣ императора и короля Наполеона I. Мы въ полной довѣренности оставили рѣшеніе нашего жребія великимъ симъ государямъ и о томъ писали блистательною Портѣ Оттоманскою.

„Ни духъ завоеваній, ни цныя какія мысли не руководствуютъ нашими умами; желаніе наше ограничено: обезпечить себя и достояніе наше, жить подѣ мудрыми и благодѣтельными законами и утвердить политическое наше бытіе ручательствомъ всемилостивѣйшаго нашего покровителя Александра I и императора и короля Наполеона I; къ сему только обращены всѣ наши помыслы и въ семъ только состоитъ искреннее наше желаніе.

„Изложивъ такимъ образомъ положеніе наше, обратимся къ настоящимъ происшествіямъ.

„Во все теченіе нашего возстанія, мы всячески старались сохранить высочайшую милость и благоволеніе его величества императора и короля, всемилостивѣйшаго вашего государя, не подавая нигдѣ ни малѣйшаго повода къ негодованію на насъ.

„Когда ваше превосходительство пригласили меня для свиданія и переговоровъ съ вами, я повторилъ вамъ опять то же; въ послѣдствіи вы опять изволили пригласить меня для свиданія, я будучи занятъ, по причинѣ нападеній чужимыхъ на Дринѣ, уполномочилъ къ сему свиданію секретаря моего Стефана Евтича и совѣтника Младена, полагая что предметъ свиданія касается до дѣлъ пограничныхъ и торговыхъ, но по разговорѣ съ уполномоченными отъ васъ, о коихъ изволили вы мнѣ писать, донесли мнѣ секретарь мой и совѣтникъ Младенъ, что желаніе ваше состоитъ въ томъ, чтобы мы писали прошеніе его императорскому величеству всемилостивѣйшему вашему государю, коимъ прошеніемъ предавъ Сербію подѣ верховную его власть, просить о введеніи въ наши крѣпости австрійскихъ гарнизоновъ.

„Такое предложеніе, учиненное вашими полномочными, не могло не удивить насъ до крайности, ибо, вопервыхъ, ни мы, ни народъ Сербскій, пролившій кровь свою за свое избавленіе, не можемъ на то согласиться, къ чему и выше изображенное положеніе нашихъ дѣлъ запрещаетъ намъ

поддаться. А еслибы согласились, то и согласіе наше не можетъ имѣть никакого мѣста безъ утвержденія великихъ государей, россійскаго и французскаго, въ рукахъ коихъ состоитъ нашъ жребій.

„Мы поспѣваемъ о томъ увѣдомить ваше превосходительство и не сомнѣваемся ни мало, что предложеніе вашихъ полномочныхъ сдѣлано не по волѣ вашей или повелѣнію австрійскаго двора, а единственно изъ усердія ихъ къ своему государю, мысля, что сдѣлаютъ тѣмъ угодное его величеству. Остаемся въ полной мѣрѣ спокойными, что отвѣтъ нашъ не будетъ противенъ вашему превосходительству, и что не престанете любить насъ попрежнему и быть ходатаемъ у высочайшаго двора вашего, дабы мы продолжали пользоваться милостію и благоволеніемъ оного; мы же употребимъ наши старанія содѣлаться вѣще еще достойными сего.“ *

Въ отвѣтъ на это письмо было сказано только, что Сербы сами будто бы просили о покровительствѣ австрійскаго двора. На запросъ же нашего правительства о дѣйствіяхъ австрійскихъ агентовъ, вѣвскій кабинетъ отвѣчалъ полнымъ отрицаніемъ, и какъ бы въ доказательство расположенія своего къ Сербамъ безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, опять дозволилъ по своей границѣ, торговлю и всякія сношенія съ Сербами. Вѣвскій кабинетъ, отрекаясь отъ своихъ намѣреній, старался свалить въ этомъ случаѣ всю вину на землинскаго бургомистра, который „непокойнымъ своимъ поведеніемъ подалъ намъ причину къ подозрѣніямъ“. ** Въ сербскомъ совѣтѣ получено было, между тѣмъ, письмо Милоша, Изъ этого письма видно было, что Австрійцы старались распустиить слухъ, будто бы Сербы хотѣтъ убить Милоша при первомъ его пріѣздѣ въ Бѣлградъ и что Родофиникинъ обѣщалъ будто бы тысячу червонныхъ тому, кто привесетъ ему голову землинскаго бургомистра. Для уничтоженія подобныхъ слуховъ, Родофиникинъ самъ отправился изкогноито въ Землинъ, подъ предлогомъ разныхъ закупокъ и зашелъ къ тамошнему коменданту. Полковникъ Першъ признался, что дѣйствительно подобные слухи дошли и до него.

* Довѣсеніе отъ 18 мая 1808 года. Арх. Воев. Топ. Дено № 23.307, шк. 213, поак. 3.

** Изъ письма графа Румянцева къ князю Прозоровскому, отъ 19 іюля 1808 г. Арх. Воев. Топ. Дено № 23.308, шк. 213, поак. 3.

— Какая причина, спрашивалъ, между прочимъ, землицкій комендантъ,—внезапнаго движенія Сербовъ повсюду и прибытія вновь вѣйска въ Бѣградъ?

— Истинная причина, отвѣчалъ Родофиникинъ,— есть не иное что, какъ легковѣріе Сербовъ, которые получивъ извѣстіе что будто бы около Софіи собралось до двухсотъ тысячъ Турокъ, для нападенія на нихъ, послали повсюду повѣстныя, чтобы сербскія войска были въ готовности и чтобы крѣпости были поставлены въ оборонительное состояніе.

— Пустые и ложные слухи, замѣтилъ Першъ,— не знаю по какому поводу разнесшіеся въ Сербіи, что будто мы (Австрійцы) собираемъ армию для нападенія на тотъ край, привели въ волненіе Сербовъ.

— Слухи эти дѣйствительно разнеслись на нашей сторонѣ, отвѣчалъ Родофиникинъ,— но Сербы, послѣ объясненій мною сдѣланныхъ, совершенно спокойны. Слухи же таковыя не иной кто разглашаетъ, какъ землицкскіе купцы и жители.

Полковникъ Першъ просилъ пригласить совѣтъ сербскій, отправлять къ нему связаннымъ всякаго, кто будетъ распускать подобныя кельные слухи, обѣщаясь съ своей стороны дѣлать то же самое.

Не достигнувъ своихъ цѣлей, вѣнскій кабинетъ прибѣгъ къ новой уловкѣ, недостойной дружескихъ отношеній, какія, по крайней мѣрѣ наружно, существовали между Австріей и Россіей. Князь Прозоровскій далъ предписаніе, чтобы постановленія о выдачѣ бѣглыхъ Австрійцевъ исполнялись по Молдавіи и Валахіи, гдѣ расположены были наши войска. Но такъ какъ въ письмѣ сербскаго совѣта упоминалось, что Сербія находится подъ покровительствомъ Россіи, то Австрійцы потребовали и отъ Сербовъ исполненія условія заключаемаго между нашимъ дворомъ и вѣнскимъ кабинетомъ. Сербы отказались отъ исполненія такого требованія, говоря, что они не знаютъ у себя ни одного дезертира изъ австрійскихъ войскъ и что условіе о выдачѣ бѣглыхъ не можетъ распространяться на Сербію. „Вообще я нахожу, писалъ Прозоровскій къ Румянцеву, тотъ воступокъ Австрійцевъ глупымъ и хитрость ихъ низкою и не могу иначе заключить, какъ что цѣль австрійскаго министерства состоитъ въ томъ, чтобы поссорить насъ съ Турками или даже съ Французами. Можетъ-быть внушать они тѣмъ и другимъ, дабы раздражить

ить противу насъ, что намѣренія наши простираются на удержаніе за собою Сербіи или еще болѣе того. Превратность толкованія, что нахожденіе Сербіи нынѣ подъ защитою Россіи, противъ угнетающихъ ее враговъ содѣлываетъ ее російскою провинціей, и сѣдовательно, подходящею подъ общую обязанность прочихъ російскихъ областей, столь очевидна что не требуетъ даже дальнѣйшаго подтвержденія*.

Предположенія Прозоровскаго, оказались справедливыми...

Н. ДУБРОВИНЪ.

(До слѣд. №.)

* Письмо отъ 4 июля. Арх. Воен. Топ. Делъ, № 23.308, мк. 213, поак. 3

ЧЕРТЫ УПРАВЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ

ПО УКАЗАМЪ ХVІІІ ВѢКА

1725 — 1762

Раздѣливъ русскій народъ на государственныя, служилыя сословія, а Русскую землю—на губерніи, провинціи, доли въ 5.536 дворовъ и на дворы по 5 человекъ въ каждомъ, да произведши народную поголовную перепись, прикрѣпившую крестьянъ къ личности ихъ помѣщиковъ, Петръ Великій далъ возможность послѣдующимъ правленіямъ осуществить то начало личной власти, которое было имъ высказано въ актѣ *Правды воли монаршей*. Община и земство потеряли всякое государственное значеніе, вся дѣятельность переходила къ правительству, которое, на всемъ просторѣ, создало и разрушало все по своему усмотрѣнію. Провозглашая право царствующаго государя передавать русскій престолъ и по завѣщанію, и дареніемъ, и родственнику, и постороннему, Петръ Великій тѣмъ болѣе считалъ неотъемлемымъ правомъ главы государства передавать власть управленія разнымъ лицамъ единственно по назначенію, помимо всякихъ выборовъ, съ предоставленіемъ—вышнимъ чинамъ назначать среднихъ, а среднимъ низшихъ. Съ Петра до Екатерины II, мы не встрѣчаемъ широкихъ реформъ и обширныхъ законополо-

женій, а все совершается большею частію коротенькими указами и отдѣльными высочайшими повелѣніями.

Правленіе Екатерины I началось указами о фискалахъ и о расширеніи власти губернаторовъ. Распоряженіями отъ 20 и 22 апрѣля 1725 года было установлено,—въ одномъ, чтобы по городамъ были фискалы, по провинціямъ—провинціальные фискалы, для надзора въ государствѣ—государственный оберъ-фискаль съ товарищемъ, а во главѣ всѣхъ ихъ—генераль-фискаль; въ другомъ, чтобы губернаторы наблюдали за ходомъ дѣлъ въ надворномъ судѣ, за ихъ вершеніемъ по инструкціямъ и безъ волокитъ, а въ противномъ случаѣ напоминали бы суду его обязанность и доносили юстицъ-коллегіи. Но уже 23 іюня, того же года, была объявлена милость народу, состоявшая въ томъ, что правительство предавало забвенію всѣ дѣла, *возникшія отъ фискальныхъ донесеній*. Въ слѣдующемъ году, 8-го февраля, учрежденъ верховный тайный совѣтъ, котораго дѣятельность не лишена значенія въ исторіи внутренней жизни народа. Безъ сомнѣнія, благодаря его мѣтанію, государыня обратила свое вниманіе на бытъ приказныхъ, получавшихъ скудное жалованье. Опасная для правосудія несоразмѣрность жалованья съ потребностями приказныхъ вызвала распоряженіе Екатерины, отъ 2 іюня 1726 г., о томъ, чтобы приказные люди въ коллегіяхъ, магистратахъ, надворныхъ судахъ и т. п., жалованья не получали, а *довольствовались бы отъ дѣлъ по прежнему обыкновенію, съ челобитчиковъ, кто сколько дастъ*, по своей волѣ, но подъ страхомъ наказанія, ничего противнаго регламентамъ, ни волокиты не чинить. “Верховный тайный совѣтъ, нѣчто въ родѣ преобразованной царской думы, былъ составленъ, какъ извѣстно, изъ первыхъ особъ сената, князя Меньшикова, Апраксина, Головкина, Толстаго, Голицына, Остермана, которые, не развлекаясь различными должностями, должны были обратить все время на заботы о государствѣ. Совѣтъ имѣлъ право всюду посылать указы, такъ что даже сенату предоставленъ былъ только титулъ *высокаго*, а уже *не правительствующаго*. Совѣтъ ознаменовалъ свою дѣятельность многими важными распоряженіями. Уже февраля 24, въ 1727 году, состоялся въ немъ замѣчательный актъ, написанный отъ имени государыни и представляющій нѣчто въ родѣ его программы. „Всѣмъ извѣстно, говоритъ здѣсь государыня, какимъ прилежаніемъ блаженной памяти государь и супругъ нашъ трудился въ

установленіи добраго порядка, въ надеждѣ, что все оно съ пользою народною устроится; но, по разсужденіи о нынѣшнемъ состояніи имперіи, не *точию* крестьяне въ крайнее раззореніе приходятъ, но и другія дѣла, коммерція, юстиція, монетные дворы и т. п., скорѣйшаго исправленія требуютъ.“

Потому было повелѣно: 1) Нарядить комиссію, для разсмотрѣнія объ арміи и флотѣ, чтобъ они не были въ тягость народу. За майскую треть подушнаго не собирать, и сообразить, какъ подушныя впредь собирать. Недоимки собирать съ *помѣщиковъ*, за *крестьянъ*.

Послѣднее распоряженіе показываетъ, что совѣтъ понималъ выраженіе: „не точию крестьяне раззорены,“ въ смыслѣ раззоренія значительной части народа отъ усиленныхъ поборовъ въ пользу помѣщиковъ.

„2) Сборы податей, производившіеся дотола войскими командами, которыя стоили казны ежегодно 70.000 р., передать въ вѣдомство губернаторовъ и воеводъ, при содѣйствіи магистратовъ и земскихъ комиссаровъ, что и было исполнено, въ послѣдствіи, указами 1728 г. сентября 12-го и 1729 г. мая 21-го, передавшими сборъ податей въ Россіи, въ городахъ—магистратамъ, а въ селахъ—земскимъ комиссарамъ и самимъ крестьянамъ.

3) Разсмотрѣть вопросъ касательно введеннаго Петромъ Великимъ расположенія полковъ по *дистриктамъ*, или по *уѣздамъ*,—расположенія, оказавшагося весьма неудобнымъ, вслѣдствіе неизбѣжныхъ столкновеній солдатъ съ жителями.

4) Для сбора недоимокъ, оказавшихся тотчасъ послѣ введенія поголовной переписи и подушнаго сбора, а именно съ 1719 года, учредить особую доимочную канцелярію.

5) Для отчетности, по государственнымъ доходамъ и расходамъ, установить ревизіонъ-коллегію. Сюда же должно отнести указъ 1727 года марта 14-го, по которому запрещено отдавать таможенные и кабацкіе сборы на откупъ *Жидамъ*, какъ было дотола, и повелѣно всѣхъ *Жидовъ* выслатъ за границу.

Областное, губернскае и воеводское управленіе вызвало указъ 1727 г. марта 31, о томъ, чтобы воеводы были назначены повсюду, гдѣ они бывали до Петра Великаго, и чтобы воеводы городскыя состояли подъ надзоромъ у провинціальныхъ, а провинціальные — у губернаторовъ. По указу 1728 г.

сентября 12, всѣмъ этимъ чинамъ воспрещалось всякое вмѣшательство въ дѣла суда, передаваемого, по дѣламъ посадскихъ и купцовъ, ратушамъ, а по дѣламъ крестьянъ разныхъ наименованій—сельскимъ учрежденіямъ, дворцовымъ канцеляріямъ, прикащикамъ и т. п.

Чтобы дополнить обзоръ дѣятельности верховнаго совѣта, припомнимъ указы 1727 года мая 12-го и іюля 22-го (которыми были восстановлены извѣстныя *Статьи Хмѣльницкаго*) о выборѣ гетмана, объ уменьшеніи сборовъ съ Малороссіи, о собственномъ судѣ Малороссіявъ, по сотнямъ, полкамъ и у гетмана; обратимъ вниманіе на порученіе 1727 г. октября 2-го, данное сенату, рассмотретьъ полицеймейстерскія инструкціи, съ цѣлью облегчить тягости и уменьшить убытки, какіе народъ несъ отъ полиціи; припомнимъ возобновленіе попытки составить новое уложеніе, при посредствѣ выборныхъ отъ каждой губерніи по пяти человѣкъ изъ офицеровъ и дворянъ, добрыхъ и знающихъ дѣло, какъ требовалось указами 1728 года іюня 14-го, ноября 23-го и 1729 года мая 16-го; припомнимъ увольненіе Ромодановскаго, главнаго начальника тайной полиціи, отъ всѣхъ должностей и упраздненіе пресловутой Преображенской канцеляріи, по указу 1729 г. апрѣля 24-го; припомнимъ, наконецъ, что членами верховнаго тайнаго совѣта были составлены извѣстныя *условія*, предложенныя императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ при вступленіи ея на престолъ.

Не вдругъ обнаружился мрачный характеръ царствованія Анны Іоанновны. Еще въ мартъ 1730 г. встрѣчаемъ указы доказывающіе заботливость о правомъ судѣ и законной управѣ. До раздѣленія Россіи на губерніи, дѣла вершились въ нѣсколькихъ приказахъ (въ Московскомъ судовомъ и Володимірскомъ, въ Разбойномъ или Сыскомъ, въ Земскомъ и въ Казанскомъ дворцѣ, въ Смоленскомъ княжествѣ и въ Новгородскомъ приказѣ); въ этихъ мѣстахъ сидѣли и рѣшали дѣла бояре съ товарищами и дьяками, аппелляція же на ихъ судъ поступала въ расправную палату, „и продолженія и волокиты челобитчикамъ не было“. Но съ 1710 г., когда дѣла стали поступать въ земскій судъ, оттуда въ надворный, а за тѣмъ къ губернаторамъ, накопилось очень много нерѣшенныхъ дѣлъ; въ одной Москвѣ было ихъ 21.388. Было предвѣдено учредить въ Москвѣ судный приказъ для гражданскихъ и сыскной для уголовныхъ дѣлъ, съ аппелляціей не къ губернаторамъ, а въ юстицъ-

коллегію. Далѣе, обнаружилось, что воеводы притѣсняютъ народъ, берутъ взятки, а управу найдти на нихъ не всегда можно, главнымъ образомъ потому что воеводы живутъ годы безъ перемѣнъ. Повелѣно: „быть воеводамъ съ перемѣною по два года, послѣ чего являться имъ въ сенатъ для отчетовъ; буде же на нихъ челобителъ не поступитъ, назначать ихъ еще на два года и т. д. Но уже съ апрѣля того же 1730 г., начинается рядъ указовъ въ другомъ духѣ. 10 апрѣля изданы подробныя правила о доносахъ по двумъ пунктамъ: 1) по умышленію на здоровье или по поношенію величества и 2) по бунту и государственной измѣнѣ. Объ этомъ долженъ всякій доносить того же дня когда узнаетъ, или на другой день, за чтѣ обвѣщаютъ награду доносителю, и грозятъ смертною казнію утаившему дѣло. Губернаторы и воеводы по городамъ должны дѣйствовать для открытія такихъ дѣлъ секретно, дознаваясь истины пытками, которыми должно подвергать всѣхъ, и не вѣрить показаніямъ даннымъ на пыткѣ только тѣмъ изъ колодниковъ, которые находятся уже въ *покаянной* или при *экзекуціи*. Апрѣля 16 вышелъ новый указъ о срокѣ доноса, съ предписаніемъ, чтобы донощикъ доказалъ дѣйствительность препятствій, помѣшавшихъ скорости доноса, и съ объясненіемъ, что можно, не подвергаясь *смертной казни*, не доносить, *не имѣя доказательствъ*. Наконецъ 6-го марта 1731 г. вышли нужнымъ и возможнымъ, по численности дѣлъ, открыть канцелярію розыскныхъ дѣлъ, или, другими словами, возстановить петровскую преображенскую канцелярію, поручивъ управленіе ею извѣстному генераль-адъютанту государыни Ушакову. Около этого же времени состоялось воспрещеніе подавать челобитныя прямо государынѣ, подѣ страхомъ, для однихъ—лишенія имѣній, а для другихъ, для *подлыхъ*—жестокаго наказанія. Къ этимъ подлымъ причисленъ копіистъ Томиловъ, наказанный тѣлесно за несоблюденіе формы, предписанной для прошеній, о чемъ опубликовано указомъ 1738 г. іюня 16. Замѣтимъ кстати, что около этого времени вошло въ обычай опубликованіе казенныхъ указами.

Ушаковъ неутомимо трудился въ своей канцеляріи розыскныхъ дѣлъ. Тайна покрывала число жертвъ, и только иногда тотъ или другой указъ приподнималъ завѣсу. Такъ 6 сентября 1785 г. встрѣчаемъ указъ тайной канцеляріи о неисходномъ содержаніи въ монастыряхъ важныхъ

преступниковъ до исправленія. Въ указѣ 9 іюля 1736 г., читаемъ осмертной казни, совершенной по суду тайной канцеляріи надъ Иркутскимъ вице-губернаторомъ Жолобовымъ, который, конечно, первый занималъ это мѣсто, открытое только 30 января того же 1736 г. Изъ указа 1739, января 10, узнаемъ, что вдовѣ Возницына выдано въ награду за доносъ на мужа 100 душъ крестьянъ и указная часть изъ имѣнія осужденнаго; при чемъ формально запрещено давать свободу крестьянамъ Возницына, потому что не они первые подали доносъ на помѣщика. Изъ указа 1738 года, сентября 11-го, мы узнаемъ про страшную казнь, совершенную надъ самозванцемъ, принявшимъ титулъ Алексѣя Петровича, и надъ его помощниками: преступники были посажены на колъ. Опубликованіе казни и наказанія, при таинственности суда, очевидно имѣло цѣлю показать, на страхъ народу, строгость кары и бдительность правительства.

Два, три случая могутъ пояснить намъ характеръ законодательной дѣятельности Анны Іоанновны. Мало-по-малу вошло въ обычай рѣшать дѣла именными, словесно данными указами. Такихъ указовъ накопилось большое число, и притомъ многіе изъ нихъ противорѣчили одни другимъ. Вслѣдствіе этого повелѣно было 1735 г., іюня 9 *, признавать впредь именными указами только тѣ, которые подписаны государынею собственноручно и скрѣплены тремя кабинетъ-министрами. Но послѣ этого повелѣнія словесные указы еще не совсѣмъ вышли изъ употребленія. Такъ 16 декабря 1736 г. объявляемъ сенату словесный указъ о томъ, что въ царскіе звѣривцы нужны лоси, зубры, олени, которыхъ повелѣно, изловивъ, доставить въ Петербургъ. Подобное повелѣніе дано было 3 января 1737 г. относительно ловли и доставки *сырыхъ куропатокъ* съ запрещеніемъ ловить ихъ частнымъ людямъ для себя, и т. п. Таковъ же указъ 7-го ноября 1739 г. относительно писанія и печатанія высочайшихъ титуловъ, по нѣмецкому обычаю, крупными литерами. вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что вообще было много указовъ взаимно себѣ противорѣчившихъ, такъ что судьи, для рѣшенія дѣла, произвольно *подбирали* указы. А потому указомъ 1730, іюня 1 и 19 **, повелѣно *немедленно окончить Уложеніе*, „повеже, сказано,

* № 6.745.

** № 5567 и 5577.

ничто такъ нужно къ праведному и незасорному суду, какъ совершенное Уложеніе“. Для этого предписано по всѣмъ губерніямъ выбрать изъ *шляхетства людей знающихъ*. Между тѣмъ старое Уложеніе все разошлось такъ, что ни за какія деньги купить его не было возможно, какъ видно изъ указа 1735 февраля 6* ; потому до изданія новаго, предписано вновь напечатать старое, со сводомъ, т.-е. съ прибавленіемъ, да и книги указовъ съ 1714—1725, также не находящіяся въ продажѣ.

Императрица Елисавета Петровна начинаетъ свое правленіе милостями: возстановляетъ права и власть сената, прощаетъ недоимки и штрафы накопившіеся съ 1719 г. по 1730 г., упраздняетъ доимочную коллегію и разрѣшаетъ всѣмъ и каждому подавать ей челобитныя въ собственныя руки, еженедѣльно по вторникамъ. Далѣе, она возводитъ въ потомственное дворянство унтеръ-офицеровъ и солдатъ бывшей гренадерской роты Преображенскаго полка, получившей наименованіе лейбъ-компаніи, опредѣляетъ на ея содержаніе 42.000 руб. изъ соляныхъ сборовъ, и даруетъ всѣмъ чинамъ лейбъ-компаніи право внести въ свои гербы слова: *за вѣрность и ревность*. Потомъ упраздняетъ коллегію экономіи или государственное управленіе доходами съ духовныхъ имѣній, повелѣвая передать эти доходы въ полное распоряженіе синода. Тогда же издается высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы не приводить въ исполненіе словесныхъ высочайшихъ повелѣній, помимо *указовъ*. Наконецъ, выдаетъ знаменитые указы о прекращеніи смертной казни въ Россіи. По толкованію сената, въ его указѣ, отъ 29 марта 1753 года, государыня, еще 3-го августа 1743 г., „всѣ натуральные роды смерти политическою смертію замѣнила, а съ 1744 года мая 7-го (10-го) всѣ экзекуціи смертію остановлены.“ По этому послѣднему указу повелѣно: не чинить смертной казни до указа сената. Въ указѣ 1753 г., въ доказательство вѣрности своего пониманія прежнихъ указовъ о смертной казни, сенатъ приводитъ то обстоятельство, что онъ „совершенно вѣдаетъ ея величества соизволеніе, натуральною смертію не казнить даже за смертное преступленіе.“ Выстъ съ тѣмъ состоялось утвержденіе, или конfirmaція сенатскаго представленія о томъ, чтобы отмѣнить отсѣченіе рукъ у осуждаемыхъ на каторгу, и узаконено

право женъ и дѣтей осужденныхъ на политическую смерть, оставаться въ Россіи, или слѣдовать за сосылаемыми своими мужьями и отцами.

Но уже въ маѣ 1742 года вновь было воспрещено подавать челобитныя государынѣ лично, въ ноябрѣ же 1743 г., запрещено не только коллегіямъ, а даже синоду и сенату требовать справокъ изъ канцеляріи тайныхъ дѣлъ, которая, такимъ образомъ, рѣшала дѣло о жизни, чести и свободѣ гражданъ безъ всякой ревизіи. Въ 1754 году, указомъ отъ 12-го января, одинъ фискаль отдѣляется за ложный доносъ только штрафомъ да испрошеніемъ прощенія у оклеветанныхъ, и то, кажется, потому что доносъ его касался, хотя губерскихъ, но все-таки важныхъ особъ. Въ 1756 году, ноября 19, дана особенная власть *главнымъ сыщикамъ воровъ и разбойниковъ*, какъ они офиціально назывались, хотя ихъ должность имѣла гораздо болѣе широкое значеніе. Въ ихъ распоряженіе даны были вооруженныя команды, съ штабъ и оберъ-офицерами; они имѣли право требовать исполненія своихъ распоряженій отъ всѣхъ мѣстныхъ начальствъ, даже отъ генераль-губернаторовъ, и какъ говоритъ указъ должны были въ особенности дѣйствовать *по тайнымъ дѣламъ*. По проекту гр. Шувалова, 1757 г., декабря 23, предполагалось производить сборъ рекрутъ *ежегодно*, какъ сборъ подушной подати, по человѣку съ каждаго 100 душъ окладныхъ — ясачныхъ, крестьянъ, цеховыхъ, купечества и такъ далѣе, съ раздѣленіемъ страны на пять полосъ и на двѣ главныя части: одну, которая комплектовала бы армію, и другую—Архангелогородскую, съ провинціями, для снабженія людьми флота. Далѣе, на основаніи петровскаго указа о подушной подати въ семь гривенъ съ ревизской души, съ надбавкою четырехъ гривенъ съ крестьянъ государственныхъ, для ихъ уравненія, какъ говоритъ указъ 1724 года, съ крестьянами помѣщичьими, платившими, сверхъ казенной подати, именно четыре гривны съ души своимъ помѣщикамъ, императрица нашла справедливымъ увеличить подать крестьянъ государственныхъ цѣлымъ рублемъ на душу, потому что въ это время помѣщики получали съ своихъ крѣпостныхъ уже по 1 рублю съ души. И такимъ образомъ судьба всего крестьянскаго населенія связывается съ судьбою крѣпостныхъ и нормою для сельскаго населенія принимается не быть крестьянъ государственныхъ, или монастырскихъ, наименѣе

угнетенныхъ, а состояніе помѣщичьихъ крестьянъ, болѣе и болѣе угтвсаемыхъ крѣпостнымъ правомъ. При этомъ поставлялось на видъ увеличившееся благосостояніе Россіи. „Божіею милостію, сказано въ указѣ 12 октября 1760 г., всякіе съ земли доходы, по распространенію коммерціи и всякихъ промысловъ, съ Петра Великаго, несравненно умножились въ Россіи.“ Но не болѣе какъ за два мѣсяца до этого указа, именно 16 августа, иначе говорилось о томъ же предметѣ: „съ какимъ мы прискорбіемъ должны видѣть, что устанавливаемые многіе законы, для блаженства и благосостоянія государства, своего исполненія не имѣютъ, и что вкореняющееся зло пресѣченія не имѣетъ. Многія вредныя обстоятельства у всѣхъ передъ глазами: продолженіе судовъ, раззореніе (народа), богатѣющіе судьи, безконечныя свѣдствія, похищенія нашего интереса, воровство въ продажѣ соли, при наборахъ рекрутъ и при всякомъ на народъ налогѣ.“ Такое состояніе управленія не могло, конечно, содѣйствовать обогащенію народа, тѣмъ болѣе что подало поводъ правительству облечь сенаторовъ новою произвольною властію, по которой каждый изъ нихъ волею былъ, даже тамъ гдѣ не было „челобитенъ и доносовъ, непорядки истреблять, зло прекращать, заблужденію (sic) исправлять, подозрительныхъ судей смѣнять и свѣдовать,“ то-есть судить. Такимъ образомъ къ произвольной власти канцеляріи тайныхъ дѣлъ, въ средоточіи управленія, и къ произвольной власти главныхъ сыщиковъ внутри Россіи присоединялась еще новая произвольная власть высшаго государственнаго учрежденія. Не мало встрѣчаемъ указовъ, вызванныхъ злоупотребленіями власти со стороны воеводъ и губернаторовъ. По указу 1746 г. сентября 19, енисейскій воевода былъ обвиненъ за то, что являлся въ канцелярію и садился за столъ съ зеркаломъ безъ шпаги и мундира, просто въ шубѣ и колпакѣ, и въ такомъ видѣ бранилъ дурными словами одного солдата, Галахова. 1754 г., декабря 8, состоялся указъ о кольскомъ воеводѣ Нечаевѣ, обвиненномъ въ томъ, что онъ произвольно забиралъ людей подъ караулъ и, безъ челобитья и приказной записи билъ ихъ батожемъ. Судъ положилъ: за *безчестіе* его штрафовать; но за дѣйствительное преступленіе не судить по ст. 11 гл. XXII уложенія, потому что Нечаевъ дворянинъ, и только лишить его чиновъ. Дѣло объ уложеніи мало подвигалось впередъ, хотя по

указамъ 1754, іюля 19, и 1761 г., сентября 25, и предполагалось *сочинить* его и составить изъ четырехъ слѣдующихъ статей: 1) о судѣ, 2) о разномъ состояніи подданныхъ и о семейномъ правѣ, 3) объ имуществѣхъ и 4) о розыскныхъ дѣлахъ. Указами 29 ноября 1761 г. и 22 января 1762 повелѣно было возвратить изъ сената указъ государыни 1743 г. о неисполненіи высочайшихъ словесныхъ повелѣній, а потомъ узаконено: словесное высочайшее повелѣніе исполнять, какъ высочайшій указъ.

Императоръ Петръ III начинаетъ правленіе упраздненіемъ многихъ прежнихъ учрежденій, но въ то же время вводитъ на ихъ мѣсто новыя, болѣе или менѣе въ прежнемъ духѣ. Онъ упраздняетъ конференцію при дворѣ, замѣнившую собою кабинетъ Анны Іоанновны, и учреждаетъ совѣтъ государя. Онъ уничтожаетъ тайную канцелярію, введенную, по его словамъ, Петромъ Великимъ, по грубости тогдашнихъ нравовъ,—и въ то же время сосредоточиваетъ полицію въ рукахъ оберъ-полицеймейстеровъ, губернскихъ канцелярій и губернаторовъ, которымъ по указу 14 іюня 1862 даны всѣ права, присвоенныя нѣкогда главнымъ сыщикамъ.

Но главнѣйшіе вопросы, занимавшіе законодательство въ разсматриваемую нами эпоху, касались отношеній различныхъ сословій къ государству и между собою: вопросы о податяхъ и ревизіи, о правахъ личныхъ и имущественныхъ и т. п. Тяжелая работа государственнаго устройства, предпринятая Петромъ, не дешево обошлась странѣ. Населеніе уменьшилось отъ многихъ причинъ, въ особенности отъ побѣговъ. Найдено, что въ 1729 г. убыль противъ числа, полученнаго въ 1719 г., простиралась до милліона ревизскихъ душъ, именно 988.456, считая умершихъ, бѣглыхъ, отданныхъ въ солдаты. Съ 1727 по 1736 г. въ солдаты взято 147.418, а всего убыло 1.112.013 душъ, и по акту наибольшая часть убыли приходится на *бѣжавшихъ изъ Россіи*. Цѣлыя помѣстья запусгивали; казна терпѣла недоборъ. Изъ указа отъ 19-го апрѣля 1725 года видимъ наприимѣръ, что крестьяне бѣжали изъ своей земли чрезъ западный рубежъ *сильно*, то-есть силою, съ дубьемъ и бердышами, такъ что безъ войска остановить ихъ не было возможности, и правительство положило усилить на западномъ рубежѣ Россіи свои заставы, да войдти съ польскою короною въ переписку о непринятіи нашихъ бѣглыхъ во владѣніе Польши. Напрасно указъ 1734 г. января 17-го старается вызвать этихъ бѣглецовъ обратно въ

Россію, обѣщая свое всепрощеніе служилымъ, крестьянамъ и Малороссіянамъ, и увѣряя ихъ, что правительство не причтетъ имъ въ преступленіе даже переѣмы вѣроисповѣданія. Напрасно правительство объявляетъ то короткіе сроки, въ которые можно воспользоваться правомъ возвращенія, напримѣръ въ полтора мѣсяца, то очень долгіе, съ обѣщаніемъ освободить возвращающихся бѣглецовъ отъ подушныхъ и отъ недоимокъ накопившихся на нихъ до 1735 г., и съ приказомъ помѣщикамъ снабжать возвращающихся *спѣнами и ѣменами*, хлѣбомъ для посѣва и для продовольствія, и впредь не отягощать ихъ работами. Возврата не послѣдовало.

Для производства ревизіи 1742 года назначены были генералы, и притомъ состоящіе на дѣйствительной службѣ, съ штабъ- и оберъ-офицерами и съ воинскими командами. По приѣздѣ на мѣсто генерала и его командъ, всѣ лица мужескаго пола должны явиться къ извѣстнымъ начальствамъ для записки въ ревизскую сказку и покончить записку къ извѣстному дню подъ страхомъ отдачи въ солдаты. Въ теченіе недѣли съ приѣзда генерала и командъ сказки должны быть поданы: о крестьянахъ дворцовыхъ, монастырскихъ и архіерейскихъ—отъ ихъ управителей,—о помѣщичьихъ отъ ихъ владѣльцевъ и прикащиковъ,—объ одноворцахъ отъ нихъ самихъ,—о посадскихъ отъ магистратовъ, ратушъ, или воеводъ,—о причетникахъ, по особеннымъ формамъ, съ означеніемъ всѣхъ мужескаго пола лицъ, отъ младенца до старика, съ подписью сказки составителемъ, который отвѣчаетъ за исправность ея по всей строгости указа 5-го ноября 1723 г. Неизвѣстно, приняты ли при этой ревизіи во вниманіе указъ отъ 11-го января 1728 г. о выключеніи изъ оклада богадѣльныхъ нищихъ; равномѣрно неизвѣстно, воспользовались ли купецкіе люди, кабальные, иноземцевы, незаконнорожденные, водочные мастера, травники, скорняки и крестьяне разныхъ лицъ, подвѣдомые сибирскому приказу, и до указа 16-го ноября 1737 г. обреченные всѣ набору въ солдаты при возрастѣ отъ 15-ти до 45-ти лѣтъ, если не будутъ ни за кѣмъ записаны въ подушный окладъ, и только послѣ этого указа освобожденные отъ рекрутства, если запишутся въ окладъ,—воспользовались ли эти лица даннымъ имъ правомъ, и занесли ли свои имена въ ревизію 1742 г. Извѣстно только, что хотя правительство имѣло уже образецъ въ актахъ первой ревизіи для успѣшнаго, точнаго и скорого производства второй ревизіи, но дѣло

главалось весьма долго. Намѣреніе правительства произвести перепись было заявлено манифестомъ 1742 г.; къ дѣлу приступили въ 1743 г. и полагали все покончить въ 1744 г.; но еще въ 1754 г. мая 13-го встрѣчаемъ актъ прощенія за утайку, (*допущенную, какъ говорить этотъ указъ, при нынѣшней ревизіи*), прощенія, даннаго помѣщикамъ сосланнымъ въ ссылку и теперь возвращаемымъ въ ихъ имѣнія, съ единственнымъ обязательствомъ уплатить казнѣ убытки. Явное доказательство нерасположенія самихъ помѣщиковъ къ ревизіи, не говоря уже о лицахъ подлежащихъ переписи. По указамъ 1744 г., іюля 24 и 26, было повелѣно спрашивать съ *чристастиемъ*, то-есть подъ пыткой, всякаго, кто станетъ казваться Полякомъ или Малороссіяниномъ, во избѣжаніе записки въ ревизію. Въ то же время нѣкоторыя изъ суровыхъ правилъ первой ревизіи смягчены. По указу 1723 года, виновные въ показаніи *живыхъ душъ мертвыми* подвергались наказанію кнутомъ. Въ августѣ 1744 года, по случаю такого подлога въ одной мѣстности, повелѣно прочесть виновнымъ указъ на добромъ мѣстѣ, и облажить ихъ чрезъ палача, а казни не совершать. Въ февралѣ 1745 года принято общимъ правиломъ не казнить за утайку кнутомъ *всѣхъ крестьянъ*, какъ того требовалъ указъ 1723 г., *чрезъ что всѣ бы они были ошельмованы и раззорены*, а подвергать этой казни только старость, да десятиаго изъ крестьянъ. Наконецъ, 2-го апрѣля того же года вообще велѣно въ этомъ случаѣ замѣнять кнутъ плетью. Ревизія дала въ результатѣ 6.788.601 мужескаго пола душъ *.

Правительство чувствовало необходимость вызовомъ иноземцевъ дополнять убыль въ населеніи Россіи. Иноземцы искали въ Россіи поземельной собственности, служебныхъ правъ и сословныхъ преимуществъ. Изъ указа отъ 4-го іюля 1738 г. мы узнаемъ, что Грузины, князья и военные люди, выразили нашему правительству готовность поселиться въ Россіи, на Кизлярѣ, съ обѣщаніемъ развести тамъ шелкъ и хлопчатую бумагу, виноградъ и сорочинское пшено, но подъ условіемъ чтобы ранги однихъ были утверждены, чтобы другимъ даны были ранги, чтобы имъ были уступлены земли и даны крестьяне. Не менѣе Грузинъ, хотя и въ другомъ родѣ, дѣлаютъ обѣщанія русскому правительству и требуютъ отъ него правъ Сербъ, принятыя въ Россію Елисаветою Петровною въ 1751 г.,

* Бергмаъ, VI, 97.

декабря 24-го, переселившіеся къ намъ, съ своимъ полковникомъ Хорватомъ Откуртичемъ во главѣ, и составившіе въ Заднѣпровьѣ четыре регулярные полка, — два гусарскіе и два пандурскіе. Тогда же узаконено принимать въ Россію всѣхъ выходцевъ изъ Турціи и Польши, опредѣлая ихъ въ полки, только бы они не были преступники; но по особенному религіозному воззрѣнію, въ то же время высылаютъ за рубежъ всѣхъ Жидовъ, по указу 1742 г., декабря 2-го, и когда шляхта жаловалась на то, говоря что ей нельзя пробыть безъ факторовъ, а жители города Риги увѣряли, что высылка Евреевъ поведетъ за собою упадокъ торговли, государыня отвѣчала имъ указомъ 1743 г., декабря 13-го: „Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“, и 25-го января слѣдующаго года запретила Евреямъ бывать на ярмаркахъ въ Россіи, даже на короткое время. Стараясь привлечь иноземцевъ, правительство постоянно даетъ имъ разныя преимущества, даже до мелочей. Напримѣръ, при выкупѣ нѣкоего Вагнера изъ турецкаго плѣна, по чину стоявшаго только 40 руб., велѣно заплатить, *по его иноземству*, всю запрошенную за него сумму 109 р. или 42 червонца, по указу 1736 г., сентября 29-го.

Перейдемъ къ указамъ, касающимся личныхъ правъ различныхъ сословій. Эти указы представляютъ не мало любопытныхъ матеріаловъ для историка. 1758 года, февраля 6-го, указано владѣть *недвижимыми имѣніями только лицамъ шляхетскаго происхожденія*, да *особамъ первыхъ восьми классовъ*, сообразно табели о рангахъ. 26-го іюня 1739 г. дома камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, какъ въ послѣдствіи дома пѣвчихъ, объявляются свободными отъ постоя. 19-го іюля 1754 г. подтвержденъ указъ Петра Великаго отъ 28-го января 1716 г., и повелѣно *однимъ помѣщикамъ курить вино и содержать винокурни*. Сверхъ всего этого, по указу 6-го февраля и 17-го іюня 1737 г., дворяне получаютъ право, въ извѣстныхъ случаяхъ, освобождаться отъ наказанія, имъ слѣдующаго, и отъ службы, на нихъ лежащей, да такъ, что ихъ люди и крестьяне несутъ за нихъ то и другое. Такъ *били лакеевъ кошками нещадно* за скорую ѣзду ихъ господъ въ Петербургъ; такъ *за негоднаго къ службѣ дворянина* брали въ рекруты его крестьянина, если то былъ помѣщикъ, владѣвшій отъ 70 до 100 душъ. Между тѣмъ одни дворяне имѣли право на государственную службу, и не только военную, но и гражданскую, въ которой еще по указу Петра Великаго, отъ 1724 г.,

запрещалось производить въ секретари людей не шляхетскаго происхожденія, что подтверждено указомъ 12 января 1754 г. Заслуги дворянъ по службѣ были награждаемы пожалованіемъ крестьянами, какъ на примѣръ заслуги лейбъ-компанейщиковъ въ 1742 г., изъ которыхъ одни рядовые получили 7.482 души крестьянъ. При такихъ правахъ, правительство легко находило массу охотниковъ вступить въ государственную службу, особенно въ военную, которая, по указу 24 августа 1736 г., такъ высоко была поставлена надъ статскою, что чинамъ статскимъ запрещалось, подъ страхомъ лишенія чиновъ, именоватья соответствующими по табели о рангахъ военными званіями. Съ другой стороны, по той же самой причинѣ, правительство скоро сочло возможнымъ смягчить строгость, съ которою до того оно требовало службы отъ дворянъ. 13-го мая 1754 г. состоялось повелѣніе: недорослей, не явившихся къ смотру на службу, не писать болѣе *вѣчно* въ солдаты или матросы, а престарѣлыхъ изъ нихъ не ссылатъ въ Оренбургъ, что было подтверждено 30 января 1761 г., съ присоединеніемъ причины, или мотива указа, а именно, что многіе недоросли живутъ далеко отъ Петербурга и Москвы, да къ тому же крайне бѣдны. Очевидно, правительство рѣшилось, ко многимъ другимъ привилегіямъ дворянства присоединить новую—свободы отъ службы, или службы непринужденной, т.-е. права служить и не служить, безъ ущерба въ преимуществахъ. Припомнимъ знаменательное выраженіе правительствующаго сената, говорившаго 29 января 1762 г., что *онъ, къ удовольствію полѣщиковъ, изобрѣтаетъ легчайшій способъ* и т. д. Но, конечно, съ возрастаніемъ дворянскихъ привилегій, правительство должно было стѣснять кругъ дворянъ, и опредѣлить его точнѣе, какъ сословіе. Такимъ образомъ состоялся указъ 1761 года мая 23-го, признающій дворянами только тѣхъ, чьи предки помѣстьями верстаны и вотчинами жалованы, и кто самъ на все это имѣетъ достовѣрныя свидѣтельства. Октября 16-го того же года повелѣно сочинить Родословную дворянскую книгу, или Родословную книгу дворянскихъ родовъ. 18-го февраля 1762 года былъ выданъ знаменитый манифестъ Петра III о вольности дворянства. „Уже Петръ Великій, сказано въ этомъ актѣ, желая оказать дворянству свои милости, повелѣлъ преимущественно дворянамъ вступать въ службу военную и гражданскую, получать образованіе въ Россіи и за границею, отчего грубость нравовъ исчезла, и служба стала рачительна,

такъ что Петръ III нашелъ справедливымъ дать дворянству права: служить и не служить, по окончаніи службы получать высшіе ранги, служить въ Россіи или въ иностранномъ государствѣ“ и т. д.

Отъ дворянства перейдемъ къ духовенству. Только въ 1727 году, по указу отъ 20-го мая, разрѣшено, въ противность прежнимъ указамъ и распоряженіямъ *генералитета*, записавшаго дѣтей священно- и церковно-служителей въ ревизію, и передавашаго ихъ въ услуженіе помѣщикамъ, опять постригать этихъ дѣтей въ причетники, если окажется въ нихъ нужда, если о томъ будутъ просить сами помѣщики, и если послѣдніе обяжутся платить за нихъ подати *съчно*. Съ 1736 г., мая 12-го, впервые освобождаются протопопы, попы, дьяконы и причтъ отъ постоя, ночныхъ карауловъ и отъ *хожденія къ офицерамъ для работъ и разсылки*. При этомъ сенатъ говоритъ, что онъ не можетъ, безъ кабинетнаго рѣшенія, освободить эти лица отъ карауловъ у рогатокъ, ни отъ обязанности дѣйствовать при пожарахъ, *наравнѣ съ прочими*. Попрежнему, на духовенствѣ лежали подати особеннаго рода и рекрутскія повинности, о чемъ говоритъ указъ 1736 г., октября 28-го, узаконяющій наборъ съ духовенства, съ священно-служительскихъ и причетническихъ дѣтей, изъ которыхъ забираются всѣ годные къ военной службѣ, за исключеніемъ самаго необходимаго числа. Этотъ поголовный наборъ усиленъ еще распоряженіемъ, по которому негодные къ службѣ отдаются въ гарнизонныя школы, или въ подъячіе, а учащіеся въ греко-латинской академіи—*въ хирургическую науку*. Единственная льгота, предоставленная здѣсь лицамъ подлежащимъ набору, состояла въ дозволеніи, вмѣсто себя, представлять охотниковъ въ рекруты, да и то, *по пожиткамъ глядя*, кому одного, а кому и двухъ. Тутъ же повелѣно, со всѣхъ конюшенъ архіерейскихъ, монастырскихъ и вообще принадлежащихъ духовнымъ лицамъ, взять заводскихъ лошадей по одной изъ пяти, да вжалыхъ по одной изъ десяти лошадей, или деньгами по шести руб. за каждую причитающуюся въ казну лошадь. За утайку людей, дѣтей и лошадей, въ этомъ случаѣ, указъ грозитъ *жестокими штрафами и тѣлесными наказаніями*. Даже на крестьянахъ духовнаго вѣдомства лежала по указу 1739 г., октября 24-го, особая повинность содержать государственные конные заводы, а именно, каждая сто душъ крестьянъ

обязаны были содержать одну кобылицу. Вслѣдствіе при-
мѣтнаго уменьшенія числа духовенства, по указу отъ 16-го
марта 1744 г., запрещено приписывать дѣтей духовныхъ лицъ
къ кому-нибудь для платежа податей, и повелѣно вносить ихъ
въ перепись только для свѣдѣнія. Но еще и въ 1761 году, по
указу отъ 3-го октября, правительство принуждено было до-
зволить епархіальнымъ начальствамъ принимать на причетни-
ческія мѣста вольноотпущенныхъ людей, если помѣщичьи или
общества обяжутся вносить за нихъ подати до новой ревизіи.

Что касается до монастырскихъ и церковныхъ иму-
ществъ, то по смерти Петра Великаго многія церкви и мо-
настыри въ первое время начинаютъ получать обратно
прежнюю свою собственность. Такъ, напримѣръ, по указу
отъ 19 декабря 1727 года, Тихвинскій монастырь получаетъ
обратно свои вотчины, отписанныя у него въ 1703 году на
олоонецкіе желѣзные заводы; по указу отъ 12 февраля 1729 г.,
получаютъ обратно свою собственность всѣ монастыри, вот-
чины которыхъ были за княземъ Меншиковымъ; по указу
5 февраля 1734 г., священно-служители московскаго Арха-
гельскаго собора вновь получаютъ грамоту на владѣніе земля-
ми, которыя были укрѣплены за ними по грамотѣ царя Іоанна
Васильевича, подтвержденной послѣдующими государями. Въ
мартѣ 1738 г. (№ 7.524) Донскому монастырю даже жалуются
село Сокольи горы; 21 мая 1743 г. всѣмъ монастырямъ воз-
вращаются ихъ прежнія вотчины; а 15 ноября 1748 г. вы-
дана Серпуховскому Высотскому монастырю жалованная
грамота на вотчину. Эта грамота была послѣднимъ актомъ
въ этомъ родѣ. Коллегія экономіи управлявшая монастыр-
скими имѣніями, подчинена еще съ 1738 г. сенату, а не синоду,
потому что, какъ сказано въ указѣ, *въ ней дѣла не духовныя,
а денежныя*. 6 октября 1756 г. возстановлено правило вре-
менъ Петра Великаго, чтобы монастырскими деревнями управ-
ляли не монастырскіе служки, а оберъ- и унтеры-офицеры,
чтобы крестьяне монастырскіе были „положены въ помѣщи-
чій оброкъ,“ то-есть уравнены въ тягостяхъ и повинностяхъ
съ помѣщичьими, чтобы доходы съ монастырскихъ вотчинъ
были собираемы на монастыри только въ размѣрѣ ихъ шта-
товъ, а излишекъ или остатокъ сохранялся бы впредь до вы-
сочайшихъ о немъ повелѣній; предписано было также, чтобы
изъ монастырскихъ доходовъ были уплачены суммы, назна-
ченныя по прежнимъ указамъ отъ временъ Петра Великаго,

на содержаніе инвалидовъ, и дотолѣ не поступавшія къ оберъ- и унтеръ-офицерамъ и къ рядовымъ. Въ слѣдующемъ году императрица уже обсуждала въ конференціи вопросъ объ освобожденіи монастырей и духовныхъ властей отъ тягости управлять своими вотчинами. 4-го января 1762 г., по жалобамъ архіереевъ и архимандритовъ, или монастырей, на непослушаніе крестьянъ, на притѣсненія со стороны губернаторовъ и на своеволіе управителей, оберъ- и унтеръ-офицеровъ, сенатъ издалъ указъ, чтобы всѣ подобныя дѣла вѣдать отнынѣ въ особой комиссіи о духовныхъ имѣніяхъ, которая должна рѣшать ихъ сама не *по формѣ суда*, дотолѣ господствовавшей во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, а *слѣдствіемъ*, допускавшимся только въ случаѣ насильственнаго завладѣнія (по указамъ 1754 г., января 20, и 1761 г., января 4). Затѣмъ послѣдовалъ указъ Петра III, отъ 16-го февраля того же года, въ которомъ государь говоритъ такъ: „отличая мудро злоупотребленія отъ догматовъ вѣры, тетка наша, Елизавета Петровна, за потребное нашла освободить духовенство отъ попеченія объ имуществахъ, и предложила 1757 г., сентября 30, въ конференціи своей такое дѣло, которое одно могло увѣковѣчить ея память“, и теперь, по данному примѣру, повелѣвается, „приготовленная конференціею предначертанія привести въ дѣйствіе“. Управление по этому дѣлу поручено было, указомъ 21 марта, коллегіи экономіи въ Москвѣ и конторѣ ея въ Петербургѣ; указомъ же отъ 6 апрѣля опредѣлены новыя штаты духовныхъ властей и учрежденій, съ сохраненіемъ всѣхъ ихъ старинныхъ обязанностей.

Къ массѣ народа указы разсматриваемаго нами періода обращаются почти съ одними финансовыми требованіями, какъ къ классу исключительно податному. По указу 9 сентября 1731 года повелѣно *купецкимъ людямъ, за выборами*, то-есть по выборамъ и подъ отвѣтственностію избирателей, быть въ купчинахъ и ларечныхъ цѣловальникахъ, въ сибирскомъ приказѣ, для разцѣпки и храненія казны. По указу отъ 16 іюля 1734 г. повелѣно быть выборнымъ отъ купечества при всѣхъ сборахъ кабацкихъ, таможенныхъ и другихъ, и гдѣ окажется прибыль казнѣ, тамъ жаловать ихъ сукнами, серебряными кубками, и т. п., а гдѣ убыль, взыскивать съ нихъ и съ ихъ выборныхъ. По инструкціи данной 19 января 1742 г. гильдейскимъ старшинамъ, граждане первыхъ двухъ гильдій обязуются платити повинности за всѣхъ престарѣлыхъ и обдѣлвшихъ согражд-

данъ низшей статьи, получая за то право надзора за ихъ хозяйствомъ, подобно тому какъ сами состоятъ подъ надзоромъ своихъ старшиаъ, подчиненныхъ въ свою очередь старшиаъ первой гильдіи. Впрочемъ, купечество за разныя стѣсненія могло отчасти вознаграждать себя на счетъ правъ крестьянскихъ и на счетъ имуществъ монастырскихъ, такъ какъ купцы пользовались правомъ владѣть крестьянами, отдавать ихъ за себя въ рекруты, а иногда и приобрѣтать на имя своего сословія монастырскія вотчины, какъ то случилось въ 1761 г. по указу 9 іюля, отчислившему отъ Горицкаго монастыря его костромскую вотчину, посадъ *Соли Большой*, на томъ основаніи что тамъ не было ни полей, ни угодій, а жители занимались ремеслами да торгами. Указы, касавшіеся домовладѣльцевъ и жителей въ городахъ, характеризуются слѣдующими распоряженіями: 1732 г., октября 11, повелѣно, чтобы хозяева домовъ брали съ офицеровъ умѣренную плату за наемъ квартиры, лишаясь въ противномъ случаѣ права отдавать квартиры другимъ лицамъ. Эта офицерская привилегія была расширена въ Петербургѣ, 17 августа 1736 г. на погорѣвшихъ, съ которыхъ запрещалось брать до 1 мая 1737 г. болѣе двухъ руб. за свѣтлицу въ мѣсяцъ. Затѣмъ слѣдовало установленіе указныхъ цѣвъ на все съѣстное и на строительные матеріалы. Напримѣръ, за одну четверть гречневыхъ крупъ повелѣно было платить отъ 34—40 коп., за четверть пшена 55—60, к., за пудъ ржаной муки 26—27 коп., пшеничной 36—40, к., масло 1 руб. 25 или 30 коп. По указу отъ 6 августа 1738 г. которгь подвергался тотъ, кто сталъ бы поднимать цѣвы на строительные матеріалы и на работы, и штрафу по чину всякій кто платилъ бы дороже установленной таксы. Между тѣмъ по указу 7 іюня 1753 г. повелѣвалось отдавать пустопорожня мѣста въ Москвѣ въ аренду, только отъ полиціи, а не отъ города. Іюля 9 того же года предписывалось, для отопленія карауленъ при городскихъ воротахъ въ Москвѣ, брать съ каждаго воза по плахѣ дровъ, на основаніи 85 пункта военныхъ артикуловъ Петра Великаго, гдѣ дѣйствительно сказано такъ: „въ кордегардахъ не жарко топить, хотя дрова отъ крестьянъ безденежно получаютъ.“ Прибавимъ въ заключеніе, что только 2 апрѣля 1758 г. было дозволено хозяевамъ домовъ, *строящихся съ души*, на Васильевскомъ острову, поступаться ими кому хотять, и всякому разрѣшено приобрѣтать ихъ. И только 30 января 1763 г. запрещено *брать силою*,

какъ дотолѣ дѣлалось, частныя суда для перевозки казенныхъ кладей. Очевидно, послѣ сказаннаго, что вопросъ о крестьянахъ въ это время уже принадлежалъ къ области гражданскаго права, какъ вопросъ объ имуществахъ, къ которому мы теперь переходимъ.

1725 г. февраля 22, половникамъ еще дозволенъ былъ переходъ отъ помѣщика къ помѣщику, но только въ предѣлахъ одного ихъ уѣзда, и съ запискою у комиссара именъ обоихъ помѣщиковъ, какъ отпускающаго, такъ и принимающаго половниковъ, и съ обязанностію принимающаго платить подати за уходящихъ, вѣроятно, до новой ревизіи. 11 января 1728 г. повелѣно уравнивать въ податяхъ крестьянъ монастырскихъ и архіерейскихъ съ помѣщичьими, и собирать съ нихъ въ казну по 1 рублю и 10 коп., потому что помѣщичьи въ это время платили, сверхъ семигривенной подати, по 40 коп. съ души своимъ помѣщикамъ. 5 іюля 1732 г. разрѣшено камеръ-коллегіи позволять помѣщикамъ переводить ихъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто, съ единственнымъ условіемъ вносить за нихъ подати въ мѣстѣ первоначальнаго ихъ жительства. Такимъ образомъ сначала XVIII вѣка свободный переходъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто переродился въ свободный переводъ ихъ съ конца Россіи на другой по волѣ помѣщиковъ. Какъ уже выше упомянуто, не одни помѣщики владѣли въ это время крестьянами. Изъ указа отъ 13 декабря 1725 г. видно, что были тогда крѣпостные *купецкіе люди*, которые вѣдались въ магистратахъ, а по указу 20 декабря 1737 г. эти крестьяне были отдаваемы въ солдаты за купцовъ, своихъ хозяевъ. Кроме того, во избѣжаніе побѣговъ рабочихъ съ фабрикъ, къ которымъ они были приписаны по указамъ Петра Великаго, въ 1744 г., іюля 27, всемъ фабрикантамъ дозволено было покупать крестьянъ цѣлыми деревнями, и еще прежде, въ 1746 г., сентября 11, вновь разрѣшено смоленскимъ мѣщанамъ, по ихъ древнимъ правамъ, покупать людей, хотя и безъ земли. Наконецъ, 13 августа 1751 г., утверждаютъ за купцами Устюжской провинціи, пожалованныя имъ изстари земли и деревни съ половниками, съ правомъ закладывать ихъ, мѣнять, продавать, завѣщавать и т. д., равно какъ 16 марта 1752 г. подтверждается право Архангелогородца Боженина, жалованное его предкамъ Петромъ Великимъ, владѣть деревнями. Только иностранцамъ, по указу 13 января 1746 г., было запрещено покупать крестьянъ, вѣроятно по религіознымъ соображеніямъ, да 16 марта того же года отнято это право

у купцовъ, по началу, чтобы положенные въ окладъ, окладныхъ за собою не имѣли, а въ слѣдующемъ году, по указу 10 ноября, введено новое ограниченіе для владѣнія крестьянами,—ограниченіе, состоявшее въ томъ, чтобы крестьянъ приписывать не къ дворамъ, а къ деревнямъ, стало-быть, почитать ихъ принадлежностію только земли, поземельнаго права и поземельнаго владѣльца. Поэтому отвергнувъ былъ, 1758 г., дек. 4, проектъ графа Шувалова—дать тульскимъ оружейникамъ право владѣть крестьянами, хотъ въ размѣрѣ одного двора, т.-е. *пятью душами*, равно какъ отвергнута была въ томъ же году, іюля 2, просьба приказныхъ покупать крестьянъ *для однихъ услугъ*. Присоединимъ, что со времени указа отъ 25 октября 1730 г. крестьяне уже лишены права владѣть въ городахъ лавками и домами, которые по этому указу могутъ принадлежать только *государственнымъ, торговымъ и посадскимъ людямъ*, такъ что крестьяне уже формально лишаются права на самое названіе *государственныхъ, государству принадлежащихъ людей*. Съ указа 1712 г., подтвержденнаго 12 іюня 1745 г., крестьянъ считаютъ не лично, а по механическому способу, полагая ихъ *по пяти человекъ во дворъ*. Далѣе, по указу отъ 18 декабря 1830 г., всѣмъ купцамъ дозволено вмѣсто себя ставить въ рекруты купленныхъ ими для того крестьянъ, и формально запрещается нанимать за себя рекруты крестьянамъ по указу января 3 слѣдующаго года. Потомъ, 7 іюля 1749 г., установлено—казнить кнутомъ рабочихъ фабричныхъ, то-есть крестьянъ, если самовольно откажутся отъ работъ и уйдутъ съ фабрикъ. Разсмотримъ здѣсь кстати послѣдующія узаконенія о заводскихъ и фабричныхъ крестьянахъ, и какъ они мало-по-малу были высвобождены изъ-подъ крѣпостной зависимости заводчиковъ. По указу отъ 12 марта 1752 г., сначала ограничивается здѣсь владѣніе крестьянами количественно, такъ сказать штатомъ, напримеръ опредѣляется, что къ каждой доменной печи должно быть приписано не болѣе ста человекъ крестьянъ, да къ каждому молоту 30, а всего 160, и т. д. На основаніи такого разчета, при каждомъ заводѣ, могло быть только опредѣленное число крестьянъ; излишекъ приказано было отписывать въ казну, по указу 1753 г., августа 12. Вмѣстѣ съ тѣмъ указы, подобные изданному 12 марта 1752 г., устанавливаютъ внутреннее, качественное ограниченіе права фабрикантовъ на ихъ крестьянъ, называя хозяевами этихъ крестьянъ фабрики и заводы, а не фабрикантовъ и заводчиковъ, которые не служатъ ни въ военной,

ни въ гражданской, ни въ придворной службѣ, и которымъ по этому даже чины, иногда имъ даруемые, не могутъ дать право владѣть крестьянами. Въ послѣдствіи, по указу отъ 27 іюля 1760 г., при переходѣ казенныхъ заводовъ во владѣніе графа Чернышова, не нашедшаго при нихъ полного штатнаго числа крестьянъ рабочихъ, и просившаго *добрать* недостающее количество изъ сосѣднихъ казенныхъ крестьянъ, сенатъ уже говоритъ о томъ, что государственные крестьяне должны быть на заводахъ частныхъ лицъ не вѣчно, и что въ послѣдствіи, при убыли, Чернышовъ долженъ селить тутъ собственныхъ крестьянъ. По указу 1762 г., февраля 29, предполагалось вовсе запретить покупку крестьянъ къ фабрикамъ, и заставить фабрикантовъ производить работу *сольными, наемными* трудомъ.

Отмѣтимъ, наконецъ, что по указамъ этого времени, Малороссіяне постоянно были защищаемы отъ обращенія ихъ въ частную собственность, какъ напримѣръ по указу 20 мая 1727 г., воспрецававшему Великороссіянамъ покупать въ Малороссіи земли и грунты, и чрезъ то вносить туда начало рабства, или по указу 21 мая 1742 г. вообще о необращеніи Малороссіянъ въ крѣпостное состояніе, или, наконецъ, 13 января 1752 г., о необращеніи Малороссіянъ въ холопство. Довольно было одного слуха о такомъ неравенствѣ, чтобы возбудить всю горечь чувства неволи въ крестьянахъ Великороссіи, вызвать между ними броженіе и усилить побѣги. А тутъ еще офіціальныя указанія, извѣстія о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, преслѣдуемыхъ закономъ безъ надлежащей строгости, и потому какъ будто поддерживаемыхъ правительствомъ. 13 апр. 1754 г. состоялся указъ по дѣлу о помѣщикѣ Евреиновѣ, который разъ какъ-то увидавъ на качеляхъ красивую дѣвку, приказалъ своимъ людямъ утащить ее силою къ себѣ и насиліемъ лишилъ ее чести. По суду, люди его были наказаны катками на площади; объ Евреиновѣ же сама государыня, въ первомъ пылу негодованія, положила слѣдующій приговоръ: если Евреиновъ холостъ, то долженъ жениться на обиженной, а если женатъ, долженъ отдать половину своего состоянія. Но потомъ, по новому докладу дѣла, государыня, узнавъ что Евреиновъ имѣетъ уже невѣсту, дозволила ему вступить въ бракъ съ своею избранною, заплативъ оскорбленной имъ дѣвушкѣ 2.000 руб. Изъ указа отъ 10 іюля 1761 г. мы узнаемъ, что нѣкто майоръ Лазыревъ билъ и увѣчилъ своего крестьянина, будто бы за

дьянство и за невѣжество, да такъ, что битый скончался съ явными признаками насильственной смерти, съ раною на вискѣ, чернотою на спинѣ и синетою на остальномъ тѣлѣ. Происшествіе случилось также въ Петербургѣ, и потому, конечно, было подвергнуто суду; и вотъ рѣшеніе тамошняго генераль-полицеймейстера, который, находя, что Лазыревъ шёлъ чинъ штабъ-офицера и самъ увѣрялъ что не хотѣлъ убить своего человѣка, присудилъ его къ *церковному покаянію*. Этотъ приговоръ сенатомъ былъ утвержденъ и опубликованъ, какъ будто въ то время осуждали разбойниковъ на каторгу, только потому что они чиновъ не имѣли. Въ слѣдующемъ году уже не майоръ, а поручикъ Нестеровъ замучилъ до смерти своего человѣка, не ссылаясь даже на то что онъ не хотѣлъ убить его, и сенатъ не нашёлъ *прямаго мѣста*, относительно случая когда господинъ замучить своего человѣка,—какъ будто въ Россіи того времени не было законовъ объ убійствѣ,—и положилъ: сослать виновнаго на поселеніе, указомъ 25 февраля 1762 г., вслѣдъ за подобнымъ же указомъ отъ 7 февраля, которымъ повелѣвалось помѣщицу, вдову Зотову, за истязаніе крестьянъ, постричь въ монастырь, а невинно-истязанныхъ удовлетворить изъ имѣнія осужденной, оставивъ ихъ однакожь за наслѣдниками Зотовой. Воззрѣніе правительствующаго сената на отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ ясно выражено въ сенатскомъ указѣ 29 января 1762 г., гдѣ сенатъ про себя говоритъ, что *онъ съ удовольствіемъ встѣхъ помѣщиковъ изобрѣтая легчайшій способъ*, нашёлъ справедливымъ дозволить помѣщикамъ переводить своихъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто безъ всякихъ формальностей, дотолѣ еще существовавшихъ по указамъ прежнихъ лѣтъ.

Уже изъ указа 1725 г. апрѣля 19, мы видѣли, съ какимъ отчаяніемъ бѣжали крестьяне за рубежь, такъ что безъ бою остановить ихъ было невозможно. Указъ 19 октября 1732 г. показываетъ, что бѣгали главнымъ образомъ крѣпостные, которые знали, что даже при неудачѣ побѣга, они все-таки освобождались отъ помѣщика, угодивъ въ рекруты и въ солдаты. Замѣтивъ это явленіе, правительство запретило, указомъ 2 іюля 1742 г., принимать въ солдаты крѣпостныхъ бѣглыхъ и повелѣло подвергать ихъ впредь кнуту и каторжной работѣ. Бѣгство не прекращалось и, по свидѣтельству указовъ 1757 и 1758 годовъ (№№ 10.760 и 10.791), предпринималось по самымъ легкомысленнымъ поводамъ, то по слухамъ, что

въ Астрахани, въ тамошнихъ виноградныхъ садахъ, будутъ приняты всѣ желающіе,—то по вѣстямъ, что на Волгѣ всѣ ходятъ по волѣ. Нѣкоторые желали тояко укрыться отъ своихъ помѣщиковъ, и бѣжали на заводы Демидова, Строганова, Осокина, которые благодаря своему значенію отстаивали ихъ отъ владѣльцевъ. Иные рѣшались даже на слѣдующую сдѣлку: давали на себя купцу вексель, конечно безденежный, и по истеченіи срока были за неплатежъ ссылаемы въ Сибирь на поселеніе, откуда заводчики и фабриканты выкупали ихъ и объявляли своими крѣпостными. Указомъ сената, 1761 г., запрещено было крестьянамъ обязываться векселями.

Подобно тому какъ крестьяне присуждались въ полную собственность помѣщикамъ, остальные виды имуществъ часто усвоились казнѣ. Еще по указу 1730 г., августа 7, по случаю учрежденія канцеляріи конфискаціи, Анна Іоанновна установила правило, по которому „всѣ выморочныя имѣнія, движимыя и недвижимыя, ея величеству принадлежать.“ Конечно на этомъ основаніи правительство отправило 21 октября 1735 г. какого то лѣснаго „знателя“ Фокеля, можетъ-быть Фогеля, для осмотра мѣстъ во всей Россіи, удобныхъ для посѣва лѣсовъ. Лѣсной „знатель“ нашелъ много такихъ мѣстъ *въ частныхъ дачахъ*, и правительство повелѣло всѣмъ хозяевамъ этихъ дачъ засѣвать указанныя мѣста лѣсомъ, а иначе дачи ихъ отойдутъ *бесплатно къ адмиралтейству*. По указу 1747 г., сентября 1, велѣно у частныхъ владѣльцевъ и у селъ переписать ихъ дикія поля, порожнія земли, засѣвки и подобныя *угодья*, на которыя нѣтъ у нихъ жалованныхъ грамотъ, безъ вниманія къ тому почему ихъ нѣтъ, и которыя не означены за ними по писцовымъ книгамъ, и за всѣ эти угодья положить на владѣльцевъ подать по 1 гривнѣ съ каждой четверти пашни, да и то лишь временно, *впредь до особыхъ распоряженій*. Указомъ 1761 г., іюня 1, повелѣно рапортовать въ сенатъ отовсюду о томъ, какія гдѣ въ городахъ находятся дикія поля и земли казенныя, въ чьемъ владѣніи, что приносятъ доходу, и т. д. Понятно послѣ этого значеніе *межеванія*, какъ правительственнаго акта, который относительно земли имѣлъ до нѣкоторой степени такое же значеніе, какое *перепись* имѣла относительно населенія.

ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ *

Я покидалъ Малороссію и перебирался въ Литву. Было воскресенье. Ямщикъ, Бѣлорусъ, одѣтый по праздничному, въ сѣру нову свѣту и поясомъ подвязанный, безуспѣшно понукалъ трехъ клячъ, медленно тащившихъ мою повозку.

— Что кнута не взялъ съ собою? спросилъ я у него.

— Тпру—тпру-рру-у!... розбиглысь!... Якъ позволете? обращается онъ ко мнѣ, снимая шапку.

— Сколько хочешь, сдѣлай одолженіе—безъ церемоній!

Мужичокъ опроретью и безъ шапки бѣжитъ въ хату; а итѣнка-то и дворикъ больно оплошали: свиньи и всякая всячина можетъ проходить всюду, и безъ всякой пошлины, не оставляя даже клокъ шерсти—такъ просторно раздвинулись обломанные колья и загороди. Также въ галопъ бѣжалъ мужичокъ обратно; усѣлся и усердно постегивалъ клячъ. Одна изъ нихъ едва передвигала ноги.

— Что ты такую запрети?

* Эти путевыя Замятки по Литвѣ, относящіяся къ осени 1861 года, были присланы въ редакцію еще въ прошломъ году, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ до сихъ поръ не были напечатаны. Тѣмъ любопытнѣе прочесть этотъ живой очеркъ угнетаемаго нами края, относящійся къ тому времени, когда издалека подготовлявшійся мятежъ уже начиналъ заявлять себя разными демонстраціями, и загнанный народъ дивился другъ откуды-то явившейся уступчивости панаковъ. Ред.

— Кажe, вона добра, а вона, бачь, яка! говорилъ мужикъ и скрѣпилъ послѣднее слово ударомъ кнута.

— Ты не погоняй ихъ на гору, пусть входятъ шагомъ, эдакъ, по-хозяйски.

— Якъ ваша мылость (снимаетъ шапку): я, бачте, зроду вперше изжу съ панамы: не знаю ще... одъ роду собі боязный, ваше высоко....

— Пожалуста, не бойся!

Бѣдный мужичокъ! Загоняли, запугали тебя, горемычнаго, ободрали твою кавъть и заборы—загоняли твоихъ и лошадокъ.

Переѣзжая Десну въ югосточной сторонѣ Бѣлоруссiи, вы уже замѣчаете довольно рѣзкій переходъ въ обычаяхъ, одеждѣ, нравахъ и говорѣ. Уже около Глухова и Кролевца попадаются то небѣленные избы, то телѣги съ двумя узкими досками по бокамъ, то волъ, запряженный товарищемъ съ лошадежкой — въ корень или на пристяжку, смотря по обстоятельствамъ; но нарѣчiе въ этой мѣстности все еще носитъ рѣзкій отпечатокъ малорусскаго. Сѣверные же уѣзды Черниговской губернии принадлежать къ ней только административно: въ нихъ начинается развертываться передъ вами Литва. Бѣдность, нищета, пьянство, рѣзкіе и дикіе звуки, худой, блѣдный и тощій организмъ, дикость, угловатость въ приѣмахъ, одеждѣ—поражаютъ васъ на каждомъ шагу. Крестьянинъ въ рукахъ Еврея. Какъ бы грубымъ ни показалось вамъ обращеніе Литвина съ корчмаремъ или Евреемъ вообще, не вѣрьте глазамъ: мужикъ первый его рабъ. Крестьянинъ, съ возможною гордостью, позволитъ себѣ назвать Жида *пархомъ*, чортомъ или чѣмъ еще покрѣпче. Еврей присмирѣетъ, смягчитъ языкъ, склонитъ голову, начнетъ любезничать, гладить по плечамъ, по спинѣ, усаживать мужика, приговаривая: „та ну все, ну, кинь, Иване! и-и!... якъ бы ты бацывъ, якій твій батько бувъ молодець — було кварта за квартою и не посписытьця!...“ А Ивану того только и нужно: совершенно довольный видимымъ раболѣпиемъ Еврея, и не желая бросить грязью въ память отца, онъ сваливаетъ мѣшки въ амбаръ Еврея. Пошла попойка съ раннего утра до глубокой ночи! Мужикъ непременно останется въ долгу, какъ бы много ни привезъ хлѣба, и какъ бы мало ни выпилъ воды, *огорченной* настоемъ табаку, древесной коры, купороса и

другой драги, съ закружкой сивушечнаго масла. Поговорка о томъ, какъ Жиденокъ спящему пьяному постоянно шепчетъ: „симъ кварталъ, симъ кварталъ“—становится понятною.

Въ какое хотите время дня и до полночи, заѣзжайте въ какую хотите корчму, всегда найдете въ ней толпу народа. Около порога Еврейка тянетъ за полы мужика, отнимая у него узелъ или курицу, а онъ стоически рѣшаетъ: „возьми, хай тебѣ на полуду, подавись имъ!“ или чуть не со слезами: „поживай, тебѣ больше нужно!“ Въ какомъ-нибудь углу Жиденокъ отвѣшиваетъ муку, старательно закрывая рукою безмѣнь. За перегородкой старый Еврей, съ красными заплаканными глазами и колтуномъ, отбираетъ у мужика пеньку за какое-то не доведенное лыко. Однимъ словомъ, въ каждомъ углу, кто-нибудь изъ многочисленнаго семейства корчмы тащитъ что-нибудь изъ крестьянской животины. А крестьянинъ какое бы дѣло ни начиналъ, о чемъ бы ни сталъ толковать, на первую раду непременно тянетъ въ корчму; тутъ ему судъ, тутъ и порада.

И чѣмъ только бѣдный народъ не платится за это мнимое приволье, за нѣсколько минутъ ухаживанія Еврея, за тотъ кажущійся разгулъ, когда онъ можетъ чувствовать себя грандомъ, смѣло сидѣть въ шапкѣ, не кланяться и не вставать при появленіи чернаго сюртука съ желтыми пуговицами. О поклонахъ же, отвѣшиваемыхъ въ извѣстное время тому же корчмарю, крестьянинъ забываетъ: тогда онъ другой, задвленный, задушенный, грязный, холодный и голодный! Тогда гибаетъ его нужда суровая.

Рѣдко у кого изъ хозяевъ хватаетъ хлѣба до половины зимы. Съ первыхъ же дней осени хлѣбъ переходитъ къ корчмарю и другимъ Евреямъ, то за водку, то за долгъ накопившейся въ предыдущую весну. Часто къ декабрю нѣтъ уже хлѣба. Вотъ тутъ-то мужикъ начинаетъ ухаживать и кланяться Жиду, и сколько бѣдняга получить толчковъ и ругни, пока не выпроситъ, несчастный, гарнца муки, и то съ уплатою вдвое, втрое, и часто подъ залогъ послѣдней шубенки или коровенки!;

Чрезвычайно оригиналенъ типъ еврейской прислуги. Движенія вялы, тупы, почти автоматичны. На правой ногѣ разорванный сапогъ, на лѣвой истоптанный башмакъ Еврейки; шаравары часто имѣютъ видъ исподницы, раздѣленной на

множество полъ. Батракъ Еврея самое жалкое существо! Какъ бы онъ ни трудился, хозяинъ никогда не останется имъ доволенъ, всегда найдетъ новую работу съ одними и тѣми же попреками. Отсюда, въ еврейскомъ батракѣ развивается страшная апатія ко всему. Лѣнливой прислугѣ въ здѣшнемъ краѣ говорятъ: „ахъ ты еврейская подтираха!“ Еврей, нанятый батрака, старается доказать, что у него будетъ мало работы: „ничего робить, все будешь спать; устань раненько, принеси дровъ, тай—спы! затопы, тай—спы!... поколысы дѣтей, тай опять спы!... навары всты, тай—спы!...“ и проч. Разъ попавшись къ Еврею, батракъ не скоро отъ него вырвется: Еврей неизбежно запутаетъ его въ паутину долга. Всегда оборванный, холодный, голодный, батракъ не имѣетъ опредѣленнаго времени ни заснуть, ни выпить, только и слышитъ: „иуесь, Иване! пиды туды, возьми тее, зроби цее!..“

По замѣчательно, что Еврей всегда умѣетъ такъ обставить свои отношенія къ батраку, что этотъ никогда не уловить чѣмъ собственно онъ не доволенъ хозяиномъ.

Въ послѣднее время монета въ Бѣлоруссiи совершенно исчезла; давно заброшенные „10 groszy“ опять пошли въ ходъ; но и этихъ было мало. Евреи пустили *карточки*, клочки бумажекъ, часто безъ имени ручающагося за уплату, только съ потѣшною надписью „должень“. И этими-то деньгами стали надѣлать мужичковъ. Но въ какую бы корчму мужикъ ни явился съ этою карточкой, вездѣ отвѣтъ: „Я ни визьму, це цортъ-зна сцо!... ты мими давай гроси!...“

Въ ноябрѣ, изъ Варшавы въ уѣздный городъ Пинскъ, однимъ Евреемъ привезена была огромная масса такихъ карточекъ, на сумму, по слухамъ, до 40 тысячъ. При помощи своихъ собратій, онъ успѣлъ распустить ихъ въ самое короткое время въ обмѣнъ за сельскіе продукты. Евреи же знали, что „это деньги для мужиковъ“, и что ихъ никогда и никто не думаетъ уплачивать. Часто не только крестьяне, но и обыватели (помѣщики), собравъ такихъ карточекъ на рубль или нѣсколько рублей, не получали по нимъ уплаты: Еврей находилъ ихъ фальшивыми.

Но мужикъ до такой степени сжился съ корчмой и Евреемъ, что никакъ не можетъ отстать отъ нихъ. Эта привычка, вѣроятно, идетъ черезъ примѣръ сверху. Мужичокъ, составляя вещественную собственность помѣщика, ясно видѣлъ, что Евреи составляютъ правую руку его пановъ, а паны, съ головы

до ногъ, въ рукахъ своихъ факторовъ. Обработка полей, скоть, заводы, лѣса, переѣзды, рыбныя ловли,—все въ арендѣ у Еврея. Мужичокъ хорошо видѣлъ и понималъ, что единое дыханіе изъ устъ Еврея—гибель ему; або и панъ дышалъ такъ, какъ хотѣлось Еврею. Цѣлыя имѣнія съ крестьянами отдавались Евреямъ на аренду. Я попалъ въ одно громадное имѣніе (Минской губерніи), гдѣ мнѣ указали Еврея, уже согбеннаго подъ бременемъ полиціи и суда: онъ попалъ подъ судъ за аренду надъ крестьянами, такъ какъ молодые наслѣдники, придравшись къ беззаконію, стали искать на немъ за раззореніе имѣнія. Значить, кабала крестьянъ существовала еще въ 1860 году. Чтò же дѣлалось прежде!

Отсюда понятно, почему крестьянинъ за всякою нуждой привыкъ обращаться къ Еврею, почему онъ ни выпить, ни съѣсть, ни повеселиться, ни опечалиться не можетъ безъ Еврея.

А бѣдность всюду ужасная! Нигдѣ не приходилось видѣть, чтобы крестьянинъ въ своей избѣ покушалъ чего-нибудь сытнѣе помой, называемыхъ щами, съ остатками горькаго и чернаго хлѣба. Это еще роскошь. Весной частенько и этого вѣтъ: цѣлое село отправляется въ лѣса и наѣдается тамъ всевозможныхъ грибовъ, послѣ чего не мудрено получить цынготину, потерять зубы, или гурьбой отправиться ad patres.

Физиономія Литвина всегда тощая, худая, сѣро-желто-блѣдная; глаза тусклые, впалые, унылые; животъ вздутъ. Крестьянинъ покрытъ всегда рубищемъ; рубаха у него грязная, задымленная, изъ толстой дерюги. Голова окутана никогда не чесанными волосами, которые длинными космами ложатся на заплаты его свиты. Поза его боязливая, напоминающая что-то волчье. Руки у него, если сложены, то будто наскоро, въ попыхахъ; если опустились, то словно хотятъ сказать: „все погибло!“ Чаще же всего онъ кажется скованными; шея наклонена, будто на ней виситъ тяжелая гиря. Видишь его на базарѣ: онъ стоитъ будто ошеломленный, будто все окружающее кажется ему недосыгаемымъ и болѣе загадочнымъ нежели тѣ духи, о которыхъ толковали ему въ длинные и мрачные вечера, когда онъ еще ребенкомъ сидѣлъ на печкѣ, а мать вертѣла кудель или перетирала вощину. Литвинъ близокъ къ своей сѣрой и слезливой природѣ и вполнѣ гармонируетъ съ лѣсами и болотами, его окружающими. Въ нихъ онъ замѣтно развязнѣе

Здѣсь ему привольнѣе: все глядитъ на него знакомымъ глазомъ; тутъ онъ и вѣтви срубить, и положить хвою, выдереть пчелъ и всадитъ рогатину медвѣдю, съѣсть грибъ. Съ волкомъ онъ за панибрата, лось же его боится. Какъ же въ лѣсу и среди болота ему не быть свободнѣе? Городъ для него тюрьма, клѣтка, чтѣ хотите—только не разводье! Ему чудится, что онъ тутъ чужой и онъ спѣшитъ бѣжать въ лѣса да болота!..

Замѣчательно что Литвинъ нигдѣ не разстается съ огнемъ (баготь): гдѣ бы онъ ни остановился, всегда разводитъ костеръ. Ни одинъ истопникъ не въ состоянн такъ быстро развести огонь, ни одна весталка не поддерживала его такъ прочно. Въ избѣ у него всегда огонь; едва сѣло солнце, уже на жаровнѣ пылають лучины. Лучины для него чуть не пища и составляютъ главное условіе при теперешнихъ толкахъ о раздѣлѣ съ помѣщикомъ.

Избенка всегда сколочена изъ голыхъ хвойныхъ бревенъ; по спаямъ выглядываетъ сѣрый мохъ; внутри избы грязно; множество прусаковъ. Полъ въ ней всегда деревянный, но сколоченный такъ, что весь домъ издаетъ разомъ жалобный визгъ, если какая-нибудь изъ половицъ будетъ надавлена. Дѣти всегда на печкѣ или у окна, не знаютъ за собой ухода, и остаются въ избахъ одна-одиношенки; родители уходятъ изъ дому, бросая ихъ на произволъ случая.

Дворъ Бѣлорусса всегда закутанъ на-глухо со всѣхъ сторонъ; калитокъ у воротъ нѣтъ: явный признакъ малой общительности. Запоры вездѣ состоятъ изъ деревянныхъ задвижекъ. Такое слабое охраненіе собственности ясно указываетъ на печальный фактъ что нечего красть.

Села въ Литвѣ далеко отстоятъ другъ отъ друга, расположены они большею частію въ хвойникахъ, надъ болотами, рѣдко приближаются къ большимъ рѣкамъ или дорогамъ и всегда построены въ одну улицу. Исключеніе составляютъ только мѣстечки да *околицы*. Мѣстечки сплошь наполнены Евреями, за рѣдкимъ исключеніемъ; околицы — шляхетствомъ. На крышахъ избъ почти вездѣ примѣтите двѣ дощатыхъ узкихъ трубы, одна на ребрѣ, другая на боковой поверхности: это отдушны для топки и жаровни. Разстояніе между селами рѣдко десять, двѣнадцать, чаще тридцать и пятьдесятъ верстъ. Народъ проживаетъ всю свою жизнь до такой степени заключенно, что иной

старикъ даѣе двѣнадцати верстѣ отъ своей деревни ничего не знаетъ. Въ Пинскомъ же и Мозырскомъ уѣздахъ можно встрѣтить совершенныхъ дикарей. Объ нихъ утверждаютъ, что стоить обратиться къ нимъ съ словомъ: „человѣкъ!“ непременно отвѣтятъ: „я не человѣкъ, я Пинчукъ!“ Эти Пинчуки, ограничиваясь самымъ скромнымъ удовольствіемъ и добывая его среди своей скудной природы, смотрятъ на всякаго заѣзжаго къ нимъ, какъ на метеоръ, какъ на явленіе, которое что-нибудь да предвѣщаетъ. Если Пинчукъ успѣетъ побѣдить передъ вами свою неразвязность, то это изъ инстинктивнаго сознанія, — вѣролтно, дескать, это необходимо на столько же, на сколько необходимо встрѣтить *сычарапня* или убить рысь.

Не запасшись напередъ вѣрными топографическими данными, трудно и почти невозможно ѣздить по бѣлорусскимъ проселкамъ. Есть, впрочемъ, тамъ римско-католическое обыкновеніе ставить на перекресткахъ дорогъ кресты (крыжи). Эти кресты, какъ замѣтно, въ большомъ почитаніи у крестьянъ. Длинный дрюкъ, съ перекладной сверху, качается въ воздухѣ. Кресты особенно чтимые обвѣшены холщевыми или ситцевыми лоскутками, которые скоро ветшаютъ подъ вліяніемъ непогоды. Всякій жертвователъ навязываетъ свое приношеніе сверху уже бывшихъ на крестѣ, такъ-что вы иногда насчитаете пять, шесть тряпокъ разомъ. Которыя лучше, тѣ служатъ добычею кочующихъ здѣсь (въ небольшомъ впрочемъ числѣ) Цыганъ.

Крыжи служатъ *огненными столпами* для сына литовскихъ пустынь. Это—средство распознавать дороги, конечно недостаточное и часто заводящее въ самые глубокіе тайники болотъ и лѣсовъ. Спрашиваете: куда проѣхать на такую-то деревню? „Направо“ или „налѣво отъ крыжа“, отвѣчаютъ вамъ, и въ самомъ дѣлѣ встрѣтите нѣсколько крестовъ, а отъ одного идутъ двѣ-три дорожки. Распознавайте, коли хотите. Попадете въ такія непроходимости, гдѣ едва пробивается свѣтъ съраго неба, да слышится шлепанье лошадиныхъ копытъ по болоту: такая темь и дебри!

Упомянувъ о здѣшнихъ Цыганахъ, не премину сказать два слова объ ихъ бродяжничествѣ. Одинъ изъ мѣстныхъ жителей передавалъ мнѣ, что у его сосѣда было нѣсколько цыганскихъ семействъ въ крѣпостной зависимости. Они порядкомъ насолили владѣльцу, такъ что онъ, не зная куда

съ ними дѣваться, мужескій полъ запродалъ въ солдаты. Цыгане, пронюхавъ объ этомъ непріятномъ обстоятельстве, пришли къ пану, и, послѣ жалобъ на горькую судьбу, объявили, впрочемъ, что „ты-де все-таки будь у насъ добрый панъ, такъ мы прійшли тоби сказать: скорій бери квитанцію, а то мы думаемо *податьца* уже въ отставку!“ Сказано, и сдѣлано: едва помѣщикъ успѣлъ взять квитанцію, какъ ихъ и духу уже не было.

Другой случай былъ у меня на глазахъ. Подъѣзжаю я къ корчмѣ. Нужно замѣтить, что тамъ, при длинныхъ и песчаныхъ станціяхъ, ямщикъ, безъ всякаго согласія со стороны проѣзжающаго, останавливаетъ лошадей отдохнуть приблизительно на подорогѣ (пригнавши, конечно, дѣло такъ, чтобы и корчма была тутъ). Оставивъ кóзла, онъ молча отправляется въ корчму или похаживаетъ около дышла — нѣмой знакъ что нужно дать на выпивку. При такихъ отдыхахъ разглядываешь орнаменты корчмы. На этотъ разъ я замѣтилъ фигуру, въ лохмотьяхъ, съ черною физіономіей и съ такою бѣготнею глазъ, что по ней не трудно было признать Цыгана. Въ этотъ же моментъ подползла къ корчмѣ *фуръ-фуръ* (бричка) на тощихъ клячахъ, и изъ нея всталъ засаленный сюртукъ, съ желтыми пуговицами.

— Ты чей? зарычалъ сразу панъ, обращаясь къ Цыгану.

— Пана исправника Бартошевича! быстро отвѣчалъ тотъ.

— Врешь, пракалія! уже былъ взрывъ: — я Барташевичъ! Ты не мой!..

— А-а, глотая слюну, флегматично произнесъ цыганъ,—ну, такъ я пана Голыньскаго....

Понятная уловка—прибѣгнуть подъ защиту сильныхъ міра сего*.

* Голыньскій—богатый владѣлецъ той мѣстности (въ Могилевской губерніи). Одинъ изъ его предковъ разбогатѣлъ недавно. Пространство, занимаемое Голыньскими, во время самостоятельности Польши, составляло *majątek królow*. Екатерина II подарила его Потемкину; потомъ ей хотѣлось откупить это имѣніе для графа Зубова. Потемкинъ, не желая передать имѣніе въ руки соперника, отвѣчалъ, что оно уже продано Голыньскому (первая фамилія, какая подвернулась ему подъ руку), и пріѣхавъ въ экономію предложилъ Голыньскому купить у него имѣніе; деньги же можно-де выручить, продавши хлѣбъ, который есть у тебя на лицо. Такъ, по капризу вельможи, Голыньскій сталъ Крезомъ!

По спокойной интонации Дыгана (онъ даже не мигнулъ) и его флегматическимъ движеніямъ, видно было на сколько ему привычны всякія придирки къ его скитальчеству, и на сколько сподручна ему всякая возможность улизнуть, еслибы *предержавнымъ* властямъ и вздумалось задержать его. Навѣрно, при всякомъ подобномъ случаѣ, онъ въ умѣ своемъ пробѣгаетъ, не замѣчая самъ того, цѣлый рядъ представленій: веревки, тюрьмы, чиновники, побѣгъ. На послѣднемъ онъ успокоивается.

Не такъ давить васъ большое разстояніе между селами и мизерность самихъ селъ, сколько ихъ сѣрый, мертвый видъ и отсутствіе церквей. Часто въ околоткѣ, версть на двѣсти въ окружности, едва можно встрѣтить одну какую-нибудь церковь, да и та низенькая, ветхая, дощатая, обросшая мохомъ. Трудно вообразить, какъ отсутствіе колокольныхъ башенъ и главъ церквей тяжело дѣйствуетъ на привыкшаго къ нимъ челоуѣка. Напряженность этого впечатлѣнія измѣряешь уже послѣ, когда выберешься изъ глубины Литвы, и начнешь опять встрѣчать села съ бѣлыми, веселыми башнями церквей, съ ихъ позолоченными верхами. При взглядѣ на родное село, послѣ долгой разлуки съ нимъ, чувствуется и дышется удивительно легко, словно струя чистаго воздуха встрѣчаетъ тебя, когда ты вышелъ изъ душливаго подземелья.

Крестьяне здѣсь очень рѣдко бываютъ въ церкви; многіе вѣтъ десять, пятнадцать, другіе во всю жизнь *ни разу не говѣютъ*; священника встрѣчаютъ въ два-три года разъ. Если же Литвинъ (я говорю о центрѣ Литвы) отправляется для причащенія въ церковь, то это навѣрное—чародѣй, или желающій понять бѣсовскую науку. Принявъ частицу святаго причастія онъ оставляетъ ее во рту, и по выходѣ изъ церкви заматываетъ въ тряпку; придя домой, стрѣляетъ по ней. Вѣрующіе, что такимъ путемъ, „въ приточеніи ошельмовавшись“, можно „состояться“ съ чортомъ, утверждаютъ, что въ моментъ выстрѣла посвящающій себя на служеніе чорту видитъ, на мѣстѣ частицы, распятаго Христа. Такимъ людямъ уже вѣтъ пути ко спасенію! За то на землѣ они поживутъ вдоволь: все къ ихъ услугамъ.

Въ одномъ изъ *фольварковъ* (экономія) Рогачевского уѣзда я много наслушался объ одномъ мельникѣ продавшемъ себя такимъ образомъ нечистой силѣ.

Стали замѣчать сосѣди, что всякое хозяйственное предприятие удавалось ему какъ нельзя лучше. Объяснить это опытною—было трудно для сосѣдей: парень былъ молодъ. Явное дѣло, что „мухи въ носу...“ Плодовитость молвы подоспѣла, конечно, на помощь, и подозрѣнiе разукрасилось разными небывалыми фактами. Послѣдовательно возрастая, исторiя достигла такихъ размѣровъ, что стали уже положительно утверждать, что-де мельникъ ходилъ говѣть, *бралъ частицу*, съякшался съ чортомъ, и потому-то у него такъ и пошло все на ладъ! Мало того: стали замѣчать, какъ онъ нахально потѣшался надъ крещенымъ людомъ, и часто наводилъ ужасъ на присутствующихъ... Бывало идетъ съ барщивы, идетъ ничего, какъ слѣдъ, со всѣми, а иногда позади всѣхъ. Но вотъ приходятъ къ корчмѣ, а онъ — тутъ какъ-тутъ! Часто, вдругъ пропадетъ онъ изъ громады, никто не знаетъ куда. Другой разъ (такіе страхи!) съ вихремъ и воемъ унесетъ его изъ толпы и замутишь свѣтомъ. Надъ кѣмъ станетъ, бывало, смѣяться мельникъ, такъ у того мурашки за кожей такъ и ползутъ: зло смѣялся! А хохочеть, бывало, словно сто чертей разомъ завизжать: такъ вотъ тебѣ и раздираетъ душу!... Однимъ словомъ, парень сталъ такимъ, что каждый, и старый и малый, боялся задѣть его чѣмъ-нибудь; даже ребятишки, выглядывая въ окно, судорожно указывали пальцами, когда проходилъ мельникъ, и торопливо захлопывали задвижку. Но не долго и не даромъ поцарствовалъ мельникъ на землѣ; кончилъ все-таки по-собачьи!

Однажды, разказываютъ, входилъ въ село какой-то крестьянинъ подъ хмѣлькомъ. Дѣло было къ вечеру; а шелъ онъ мимо *завода* *. Смотрить, оттуда выходятъ *пань во фракахъ, шляпахъ* и ведутъ подъ руки мельника-колдуна. Мужичку какъ-то жутко стало; а мельникъ-то съ ними за панибрата.... Тутъ ужъ хмѣльному не мѣсто; почувялъ мужичокъ, что шапка у него съ головы лѣзетъ, а волосъ поднимается дыбомъ—бѣжалъ отъ такой дьявольской оказiи.

На другой день все село разказывало съ ужасными страхами *чудасiю*, которую сотворили бѣсы надъ мельникомъ за прожитое имъ счастье. Въ полночь того самаго вечера, какъ мельника видѣли съ барами, мельничиха вышла на дворъ, и видитъ: у воротъ стоитъ лошадевка съ телѣгой, больно

* Сахарный заводъ.

храпить и стучить копытомъ въ подворотню: мельничиха за ворота, а лошадевка-то вся покрыта мыломъ, шерсть и грива на ней взъерошены; на возу мѣшки съ мукой. Она ввела телѣгу во дворъ—и будто на сердцѣ что-то у ней оторвалось, сразу запахло чѣмъ-то недобрымъ.... Стала ждать да поджидать—нѣтъ мужа!...

На утро рано она подняла на ноги всѣхъ сосѣдей; рассказала подробно происшествіе вчерашней ночи: бабы и мужики многозначительно переглянулись между собой; много жъ страхъ забрала. Почти вслѣдъ за этимъ, съ другаго конца села, разнеслась молва о томъ, какъ вчера вечеромъ прохаживался мельникъ съ какими-то барамы, у которыхъ и крылья были огневая, и ногти по аршину, и ноги козачья. Носились также слухи, что вчера же вечеромъ былъ мельникъ въ заводѣ, пошелъ къ *машинамъ* (съ понятіемъ о машинѣ соединяется понятіе о чортѣ), постоялъ тамъ—и исчезъ.... Телѣгу видѣли, потому что стояла тоже у завода. Самъ мужичокъ, котораго черти чуть было не заставили быть свидѣтелемъ ужасной катастрофы, рассказывалъ, что онъ видѣлъ цѣлый рой господъ, шедшихъ съ мельникомъ, причемъ мельникъ „клацалъ“ зубами и выдѣлывалъ такіе штуки, что и Господи упаси! Дѣйствительно, мельникъ заѣзжалъ къ машинисту и рассказывалъ, какъ у него въ мельницѣ сразу неистово зарычало колесо и разломалось, и что онъ, мельникъ, не знаетъ, какъ теперь и быть.

Стали сѣднить отъ мѣста, гдѣ стояла его телѣга, и нашли мельника растерзаннаго среди болота. Онъ былъ, рассказываютъ, окровавленъ и усаженъ на согнувшій пень, съ высунувшимся языкомъ и выпущенными внутренностями. Колеса телѣги перепрыгивали такіа рытвины, что лошадиной силъ онъ не въ моготу; колеи прервались въ ужасной трущобѣ, вблизи дорожки, ведущей къ деревнѣ *Житанежжи* *. На этомъ мѣстѣ мельникъ каждую полночь пугаетъ попавшійся людъ; а встаетъ онъ, потому что до страшнаго суда нѣтъ ему ни мѣста, ни покоя!...

Веселья и разгула вы не встрѣтите на всемъ литовскомъ пространствѣ. Даже ребятишки не бѣгаютъ рѣзвою гурьбой. Пѣсни не приходилось мнѣ слышать — все мертво и

* Название, характеризующее безплодіе: „жита не жи“. За то встрѣчалъ „Сякожжи“—обильный сѣнокосъ.

уныло! Индѣ только долеталъ до меня какой-то задавленный дикій стонъ. Примѣръ литовскаго разгула встрѣтилъ я на свадьбѣ—и тутъ даже тѣ же гнилые грибы, съѣдаемые вмѣсто хлѣба. Явилась къ помѣщику, какъ у насъ въ Малороссіи говорится, *перизва*. Помѣщикъ (папы въ послѣднее время стали поласковѣе съ крестьянами) лично явился въ переднюю и приказалъ угощать. Былъ вечеръ, и перизва уже достаточно подгуляла, но не двигалась съ мѣста и дышала съ какимъ-то ступѣніемъ. Однако, осушка бутылокъ съ хорошею помѣщичьею водкой мало-по-малу расшевелила народъ, пошла пляска, подъ хрипъ какой-то скрипки.

Пляска Литвина напоминаетъ пляску тѣхъ козъ, которыя сопутствуютъ *мишкамъ-пласунамъ*. Въ порядкѣ танца есть что-то похожее на малорусскую *метельцю*. Плясали исключительно женщины; допущенъ былъ только одинъ молодой парень, который считался, вѣроятно, уже артистомъ. Самые знаменитые артисты этого дѣла только потопываютъ ногами на одномъ и томъ же мѣстѣ; изящество и грація ихъ выражается переходами *бочкомъ* съ одной стороны комнаты на другую, да мертвымъ и неуклюжимъ подъемомъ то правой, то лѣвой руки; голова при этомъ нѣсколько наклонена, но ни одинъ клокъ волосъ не подумаетъ отдѣлится, чтобы взлетѣть на воздухъ. Толи дѣло въ Малороссіи—

Въ широкихъ штаяхъ оксамытыхъ
Маткею улыцю метел!..*

или:

Та ты бѣ, вражый сыну, кожухъ скинуув!
Не можно, батьку, ий-Богу не можно!..

Молодые (*князь и княгиня*), связанные также грязнымъ полотенцемъ, стоятъ все время въ сторонѣ, въ углу, какъ бы не желая быть помѣхой веселостямъ, словно обреченные на пытку. Но они обязаны подходить къ столу, когда кто беретъ за чарку: знакъ вниманія и учтивости князя и княгини.

Свадьба—единственное сходбище, гдѣ можно встрѣтить женщинъ: въ корчмѣ ихъ не видать, развѣ по экстремному какому случаю. Большею частію онѣ сидятъ въ избахъ; даже на улицу безъ дѣла не являются; подѣ-часъ идутъ на базаръ (если вблизи города), везутъ туда щетину, грибы да вошину.

Каждый изъ участниковъ перизвы подходилъ къ барской

ручкѣ, которая при этомъ, безъ всякаго жеманства, чинно покоилась на бедрѣ, и медленно поднималась и опускалась при каждомъ благоговѣнномъ къ ней прикладываніи. Панъ такъ привыкъ къ лобызанію его руки, что оно не рождаетъ въ немъ уже ни малѣйшаго внутренняго движенія. Нисколько не замѣчая что дѣлается съ его рукой, онъ ведетъ въ это время рѣчь съ другими лицами. Иезуитскій приѣмъ поцѣлуевъ проникаетъ здѣсь всю массу сословія. Мужичками же такая треба отправляется безъ особаго участія разума, а по преемству, или скорѣе, отъ рабства, которое, благодаря всепоглащающей бѣдности и гнету пановъ, не скоро выведется въ Литвѣ!

Дворянъ говоритъ ломанымъ польскимъ языкомъ; она къ помѣщику стоитъ гораздо ближе нежели къ крестьянамъ, и бѣжить на свистокъ, часто употребляемый панами вмѣсто зова. Крестьяне дичатся одинаково и помѣщика, и его дворянъ, съ трудомъ забывая прихотливые, шуточные удары бичей и арапниковъ. Помѣщикъ, наоборотъ, старается въ настоящее время сойтись съ крестьяниномъ наивозможно дружески, дѣлаетъ даже удивительныя уступки: намъ случалось встрѣчать имѣнія, гдѣ требовалось гораздо менѣе рабочихъ дѣлъ, нежели сколько требуетъ „Положеніе“. Ничего подобнаго не замѣтно со стороны русскихъ помѣщиковъ *. Вообще, торговый классъ (Евреи) и дворовые (сюда можно отнести и ящичковъ) стоятъ къ помѣщику ближе нежели земледѣльцы, и готовы раздѣлять интересы высшаго сословія.

Оригинальнымъ сословіемъ Литвы является *шляхта*, населяющая такъ-называемыя *околицы*—часто огромныя деревни. Избы шляхты ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ избъ простыхъ крестьянъ; но всегда гораздо богаче. Шляхта считаетъ себя, по преданію, *дворянами*, опираясь на когда-то бывшее право „носить саблю“. Сабля эта, теперь уже заржавленная, покоится у нѣкоторыхъ хозяевъ на стѣнахъ кладовыхъ или избъ, какъ послѣдній остатокъ старыхъ преимуществъ. Число шляхты въ Литвѣ далеко не значительно; но она упорно старается не смѣшиваться съ крестьянами, чая возвращенія правъ своихъ въ будущемъ. Этимъ отчужденіемъ, вѣроятно, должно объяснить и начало слова „околица“. И дѣйствительно, въ крестьянскихъ посадахъ шляхта помѣ-

* Авторъ тогда не предполагалъ еще, конечно, гдѣ скрывалась причина такой уступчивости пановъ. Ред.

щается всегда за селомъ, вся вмѣстѣ, изба къ избѣ. Шляхта никогда не носить сѣраго сукна, а всегда черное; верхнюю одежду, полукафтанье, называетъ сюртукомъ; брѣветъ бороду и не носить лаптей. Въ Стародубскомъ увядѣ (гдѣ уже нѣтъ мѣста шляхтѣ) ямщикъ, который вѣхалъ со мною, объявилъ мнѣ, что онъ-де дворянинъ-шляхтичъ.

— Трудно угадать, сказалъ я ему.

— Какъ?! Видите: лаптей и бороды не ношу, волосы стригу коротко.

Крестьяне, въ свою очередь, питаютъ глубокую ненависть къ шляхтѣ. Эту ненависть раздѣляетъ, кажется, все что принадлежитъ крестьянину. Странное, если хотите, обстоятельство,—но каждый волею ожесточенья противу всего что только носить черный костюмъ: налетаетъ на васъ съ ужаснымъ азартомъ итакъ и хочетъ поднять на рога. Часто выслушивалъ я рассказы, какъ волею, словно кто вышвырнулъ его изъ-за кустовъ, нападалъ на охотника сдѣлавшаго выстрѣлъ. Мнѣ и самому чуть не пришлось однажды вечеромъ сдѣлаться жертвою озлобленнаго животного. Подъѣзжалъ я къ корчмѣ, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, которыя больно заморились. Только что перевалилъ одну ногу черезъ гребень телѣги, образованный моимъ чемоданомъ (я сидѣлъ на немъ верхомъ), * а другою хотѣлъ ступить на землю, какъ слышу сильный трескъ и шумъ, снѣшанные съ тяжелымъ сапомъ.... Вечеръ былъ темень, разглядѣть было трудно; спрашиваю, чуть не съ крикомъ: что тутъ такое?

— Берегитесь! кричитъ мой фурманъ изъ сѣней:—около васъ воле!

Несмотря на темноту, животное замѣтило на мнѣ черный полшубокъ. Послѣ этого казуса, я сталъ носить уже *спракъ*, не желая запасаться въ развѣздахъ не совсѣмъ приятными впечатлѣніями.

Не легко въ здѣшнихъ краяхъ положеніе русскаго чиновника, когда занесетъ его сюда судьба. Не весело становится, когда видишь, что удвоенная любезность пана направлена единственно къ тому, чтобы отдѣлаться отъ тебя какъ можно скорѣе. Иной разъ встрѣтятъ тебя восклицаніемъ, не лишнимъ примѣси отвращенія: „Да я уже говорилъ, чтобы не

* Телѣги литовскія попадаютъ чрезвычайно малы: аршина два длина хода и по бокамъ дощечки, ширкою въ четверть.

вздвину ко мнѣ! У меня фабрика идетъ всего три, четыре дня!“
Имя *Москаля* внушаетъ пану какое-то фанатическое нерасположеніе.

Въ вечерніе сумерки подъѣхалъ я къ одной фабрикѣ, директоромъ которой былъ Нѣмецъ. Узнавъ цѣль моего пріѣзда, онъ принялъ меня въ хорошенькой комнатѣ своей квартиры, и даже представилъ своей *Каролинхенъ*. Вскорѣ успѣлись мы за ужинъ. За это время успѣлъ явиться господинъ, отрекомендовавшій себя управляющимъ здѣшняго имѣнія. Онъ заявилъ, отъ имени помѣщика, просьбу, пожаловать *туда*. При словѣ „туда,“ ловко и значительно махнулъ рукой, что означало—въ фольваркѣ.

— Будьте на столько любезны, продолжалъ онъ, и поддержите—чуть ли не сказалъ: *благосклонность* прежнихъ ревизоровъ, которые всегда жаловали въ домъ.

Вообще, онъ былъ такъ любезенъ, что позаботился даже прибрать причину, почему-де не явился самъ помѣщикъ или сынъ его. Я отклонилъ его предложеніе, отговариваясь усталостью, дорожнымъ костюмомъ и ночнымъ временемъ. Управляющій успѣлся и началъ „контентовать“ себя и меня любезностями по принятой заранѣ мѣркѣ.

— Удивительно, какъ хороши ваши *мѣста*, сказалъ онъ:— какъ высоко и благородно успѣли вы поставить ихъ.... Они, по чести, могутъ сравняться развѣ только съ жандармскими...

— Нѣтъ, возражалъ я,—мѣста эти не имѣютъ ничего общаго съ жандармскими.

Не знаю и теперь, какова была существенная цѣль этого сравненія: Полки очень часто, въ самую напряженную минуту любезности, стараются незамѣтно уязвить васъ. Во всякомъ случаѣ, своимъ возраженіемъ я хотѣлъ высказать не болѣе какъ простое несогласіе въ сказанномъ сходствѣ, и, не ожидая, заставилъ своего собесѣдника сконфузиться. Не знаю почему, но ему стало неловко.

Утромъ, въ назначенный часъ, тотъ же управляющій перетянулъ меня въ фольваркѣ. Тутъ удалось мнѣ замѣтить напряженность вліянія католицизма на умы католиковъ, и въ особенности на умы женщинъ. Сила этого вліянія болѣзненно отзывается на человѣкѣ свѣжемъ. Среди какого хотите серьезнаго разговора (требующаго доводовъ разума, а не вѣры), вы сперва встрѣчаете достаточно крѣпкія основанія и возраженія, видите послѣдовательность, но далѣе,

какъ будто сила доводовъ истоощилась, вамъ грянуть: „да это скажетъ всякій ксендзъ—хотите спрoшу?...“

На каждомъ шагу вы встрѣчаете физиономистовъ, которые, прежде чѣмъ выслушаютъ первое ваше слово, анализируютъ вашу физиономію, на сколько носить она характеръ „татарщины“. Въ политическихъ своихъ взглядахъ нивъ одномъ изъ Русскихъ они не хотятъ видѣть Славянина, но давно уже переродили всѣхъ въ Татаръ, чтобъ имѣть достаточный предлогъ отказать отъ всякаго общенія съ Русскими.

Теперь мода на демонстраціи. Носятъ трауръ въ память убитыхъ 28 февраля. Среднее дворянство, особенно женщины, усердно принялись за это; семейства же аристократовъ позволяютъ себѣ не болѣе, какъ сѣрый костюмъ, и то у себя дома, въ затишьи. „Магнаты наши пресытились, заснули“, говорятъ паны средней руки.

Нельзя не сказать, что характеръ демонстрацій во многихъ мѣстахъ обнаруживается самыми нелѣпыми заявленіями. На выборахъ Рогачевского уѣзда, въ предполагаемомъ адресѣ правительству поставлены были въ числѣ первыхъ слѣдующія требованія: а) ввести грамотность на польскомъ языкѣ, устраивая съ этою цѣлью народныя школы; б) возвратить унию, и т. под. Зная литовскій народъ, зная требованія времени, потѣшно видѣть такія притязанія.

М. КОВАЛЬСКІЙ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ПОЛЬШѢ

1768 И 1769 Г.

Въ настоящее время, когда французское правительство старается отстранить отъ себя нареканіе въ возбужденіи страстей въ Польшѣ и увѣрить Европу что страсти эти возбуждены, помимо его участія, притѣсненіями Россіи, не безынтересно будетъ бросить взоръ на ту роль, которую играла Франція во время волненій послѣдовавшихъ за вступленіемъ Станислава Понятовскаго на престолъ. Я не имѣю претензій проводить параллель между правительствомъ императора Наполеона III и правительствомъ Лудовика XV, но дипломатія великихъ державъ имѣетъ свои преданія, рѣдко утрачивающія свою силу. Для Франціи всегда казалось привлекательнымъ устроить нравственно зависимое отъ себя государство на Вислѣ, въ тылу Германіи, на границахъ Турціи и особенно у главныхъ воротъ Россіи.

Для оправданія своего взгляда я обращаюсь за справками къ источникамъ, которые нельзя заподозрить въ симпатіи къ Россіи, а именно: 1) къ извлеченіямъ изъ дипломатической переписки французскаго двора, заключающимся въ такъ-называемомъ *Тургеневскомъ Сборникѣ* *; 2) къ *Histoire de la diplomatie française* Флоссана и 3) къ сочиненію

* Хранится въ государственномъ архивѣ.

Рюльера—*Исторія польской анархii*; хотя это послѣднее сочиненіе, издавна признаваемое за авторитетъ, далеко не имѣетъ серьезныхъ историческихъ достоинствъ, но оно очень важно, такъ какъ писано на основаніи документовъ хранящихся въ парижскомъ дипломатическомъ архивѣ и словесныхъ сообщеній автору со стороны нѣкоторыхъ участниковъ излагаемыхъ имъ событій.

Посмотримъ прежде всего на избраніе Понятовскаго въ короли. Этому избранію даютъ обыкновенно значеніе прихоти, и притомъ будуарной прихоти Екатерины II. Но такъ ли это? Мысль о возведеніи на польскій престолъ *Паста*, то-есть природнаго Поляка, возникла не въ фантазіи Екатерины, но громко заявлялась еще послѣ смерти Августа II *, и во время послѣднихъ лѣтъ царствованія Августа III. По смерти послѣдняго въ Польшѣ появилось множество брошюръ, которыя развивали эту мысль, и появленіе которыхъ нѣтъ достаточнаго повода приписывать ваіянію русскаго двора **. Наконецъ, за нѣсколько лѣтъ до избранія Станислава между русскимъ и прусскимъ дворомъ заключена была конвенція, которою, между прочимъ, постановлялось стараться совокупными силами о доставленіи, послѣ смерти Августа III, польской короны Пясту ***. Такимъ образомъ мысль о возведеніи Паста на польскій престолъ была мысль давняя, историческая. Что же касается до выбора изъ числа Поляковъ именно Понятовскаго, то это могло быть, и дѣйствительно было результатомъ расположенія къ нему русскою императрицы; но это не имѣетъ существеннаго значенія. Развѣ были въ виду лучшіе кандидаты? Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же искренніе радѣтели Польши не указали на нихъ? Франція, правда, выставила болѣе или менѣе явно своихъ кандидатовъ,—но кого же? Гетмана Браницкаго, восьмидесятилѣтняго старца, человѣка съ очень ограниченными способностями, очень любимаго, правда, Поляками стараго закала ****, но любимаго именно за то что онъ былъ похожъ на всѣхъ ихъ. А такого ли короля нужно было Польшѣ для ея собственнаго блага?

* Геррье: *Борьба за польскій престолъ*, 234.

** Нѣсколько такихъ брошюръ я видѣлъ въ *Сборникѣ*, который обязательно одолжилъ мнѣ П. С. Лебедевъ.

*** Объ этомъ упоминаютъ Делевель и Рюльеръ, хотя ни въ *П. С. З.*, ни у Мартенса, мы этого не находимъ.

**** Rulhière I, 247. Изд. 1807 года.

Да и этого кандидата Франція не рѣшилась выставить явно, а лишь изподтишка покровительствовала ему, обнадёживала его своимъ расположеніемъ, своими *симпатіями*—и только. У нея, впрочемъ, былъ и другой человекъ, подготовленный на всякій случайещезаблаговременно, при жизни стараго короля. Рюльеръ пишетъ, что тогдашній французскій посланникъ въ Варшавѣ, герцогъ Броуи, „*découvert dans quelque refuge inconnu de la Mer Noire un vieux compagnon de Mазера...*“* Это ли были люди, которые, по мнѣнію французскаго двора, могли упрочить независимость и внутреннее благоденствіе Польши? Наконецъ дворъ французскій долженъ былъ имѣть еще въ виду саксонскаго курфюрста, стараться объ избраніи котораго союкнуно съ Австріей Франція обязалась еще въ 1758 году.** Какимъ же образомъ французское правительство предполагало приладить по всемъ этимъ комбинаціямъ благо Польши, которое одно, какъ извѣстно, она имѣла на умѣ? Вотъ какимъ: „Король, пишетъ французскій министръ, въ депешѣ, отъ 15-го марта 1764 года, не рекомендуетъ, равно какъ и не исключаетъ никого, будучи вполнѣ увѣренъ, что Рѣчь-Посполитая слишкомъ ясно сознаетъ свои интересы, дабы не избрать такого кандидата, который наиболѣе будетъ въ состояніи управлять съ мудростію и блескомъ.“ Прекрасная мысль, и весьма гуманная: но почему же за пять лѣтъ передъ тѣмъ, подписывая конвенцію 1758 года, тотъ же король думалъ иначе? и почему же онъ въ 1763 году тайно покровительствовалъ Браницкому? На какомъ же, наконецъ, основаніи онъ составилъ себѣ такое высокое понятіе о политической мудрости польской націи, о ея разумномъ патриотизмѣ и единодушіи, когда за нѣсколько мѣсяцевъ до депеши 15-го марта 1764 года, французскій посланникъ вотъ что писалъ объ этой націи, по поводу конвокаціоннаго сейма: „Поступки обличающіе дурныхъ гражданъ, проявленія желанія возбудить противъ своего отечества самыхъ опасныхъ его враговъ, черты самаго бѣшеннаго честолюбія, духъ интриги самой опасной—повторяются ежедневно. Богъ знаетъ куда все это приведетъ Польшу!“ Роля Франціи во время приготовленій къ избранію 1764 года была не гуманна, какъ она желала ее выставить и какъ ее прославили, а просто ничтожна. Притомъ, всемъ занимающимся

* Rulhière, I, 259. Изд. 1807 г.

** Flossan—*Histoire de la diplomatie française*, VI, 519—521.

исторіей XVIII вѣка извѣстемъ фактъ, что французскихъ дипломатій въ Польшѣ было двѣ: одну направлялъ министръ иностранныхъ дѣлъ, другую королева (Марія Лецинская) и ея дворъ. Та и другая дипломатія дѣйствовали отдѣльно, самостоятельно, независимо. Утромъ король подписывалъ инструкцію такого-то содержанія, за скрѣпою герцога Шуазёля или кардинала Берни къ французскому агенту въ Польшѣ, — вечеромъ онъ подписывалъ другую инструкцію за скрѣпою герцога Броли (вызваннаго ко двору—должно-быть за открытіе d'un vieux compaignon de Mазера) на имя другаго дипломатическаго агента. И такихъ тайныхъ дипломатическихъ агентовъ было тридцать два человека *. Случалось впрочемъ, что официальные дипломатическія лица были въ то же самое время и тайными агентами тайной французской дипломатіи **. Какъ имъ удавалось лавировать между различными инструкціями, получаемыми изъ двухъ разныхъ источниковъ,—этого я не знаю, но вѣроятно это было труднѣе чѣмъ подписывать одному и тому же лицу, въ одно и то же время, по одному и тому же дѣлу, различныя инструкціи.

Но вотъ умираетъ Августъ III. Всѣ сосѣдніе дворы приходятъ въ движеніе: избраніе короля въ Польшѣ было издавна дѣломъ *международнымъ*. Чтѣ же дѣлаетъ въ это время французская дипломатія? Рекомендуетъ Полякамъ саксонскаго курфюрста, поддерживаетъ надежды Браунцкаго, да еще втайнѣ переговаривается съ преданною Россіи партией Чарторыйскихъ ***. Но при этомъ вышло куріозное дѣло. Сказанныя три интриги велись чрезъ послаанника, резидента и консула. Изъ числа ихъ послѣдніе двое были посвящены въ тайны будаарной дипломатіи Лудовика XV и имѣли приказаніе не препятствовать кандидатурѣ Понятовскаго, между тѣмъ какъ послааннику велѣно было противодѣйствовать русской политикѣ. Задача агентовъ тайной дипломатіи была крайне трудна. Они открылись Понятовскому и объявили ему, что французское вліяніе будетъ его поддерживать, если онъ обѣщаетъ по вступленіи на престолъ уничтожить нѣкоторые преобразования только-что совершенныя его знаменитыми дядями, Чарторыйскими. Но

* Rulhière I. 330—338; Flossan, VI, 369.

** Ib. II. 176.

*** Ib. II. 175 и I. 256.

Понятовскій держался въ Польшѣ столько же вліяніемъ Россіи, сколько, если еще и не болѣе, въ первое время, огромнымъ авторитетомъ своихъ дядей. Немного же слѣдовательно надежды могъ имѣть герцогъ Броди на то, что „стоальникъ“ (Понятовскій) разорветъ связи съ Чарторыйскими. Дѣло кончилось тѣмъ, что тайная дипломатія французскаго короля жестоко скомпрометтировала себя и еще болѣе скомпрометтировала явную дипломатію. Приведенный въ крайнее затрудненіе тѣмъ что узналъ, Понятовскій посоветовалъ французскимъ агентамъ обратиться къ его дядѣ, литовскому канцлеру. Можно вообразить какъ этотъ гордый старикъ ихъ принималъ! Вашъ дворъ, сказалъ онъ имъ, не знаетъ кого поддерживаетъ: „Гетманъ (Браницкій)—старикъ испорченный лестью, Радзивиллъ (Карлъ)—дикій звѣрь. Французскій и австрійскій дворы смотрятъ на дѣла польскія чужими глазами чѣмъ Россія только изъ нерасположенія къ русской императрицѣ *.“

Такъ отпугивалъ старый канцлеръ тайную французскую дипломатію. Еще хуже досталось официальной. Поставленный въ крайне смѣшное положеніе, посланникъ французскій воспользовался первымъ предлогомъ для того чтобъ оставить свой постъ. На прощальной аудіенціи онъ имѣлъ съ примасомъ слѣдующій оригинальный разговоръ. Предлогомъ къ своему отъѣзду онъ выставилъ то, что въ Варшавѣ находится русское войско—„Вы, слѣдовательно, не признаете Рѣчи Посполитой?“ спросилъ оскорбленный примасъ, державшій сторону Чарторыйскихъ.—„Я не признаю ее разъединенною.“—„Въ такомъ случаѣ идите ее гдѣ знаете, вы и французское министерство.“ Потомъ, вдругъ перемѣнивъ официальный тонъ на фамилярный, онъ присовокупилъ:—„Adieu donc, Monsieur le Marquis de Paulmy“.—„Adieu, Monsieur l'Archeveque de Gnesne“, отъѣчалъ посланникъ, почувствовавшій шпильку примаса. При выходѣ съ аудіенціи ему уже не были оказаны тѣ почести, какія оказаны были при входѣ **.

Такимъ образомъ двойная французская дипломатія сама расчищала дорогу русскому вліянію, тѣмъ болѣе что все это случилось не задолго до избирательнаго сейма. Партизаны французскаго двора кинулись вразсыпную. Одинъ изъ

* Rulhière, II, 260—262.

** Rulhière, II, 265. Flossan, VI, 523.

героевъ такъ-называемой національной или французской парти и домашній человекъ стараго гетмана, Мокроновскій, поспекалъ въ Пруссію, надѣясь отвлечь Фридриха II отъ союза съ Россіей. Король принялъ его и сталъ говорить, что тѣ изъ Поляковъ, которые болѣе или менѣе придерживаются Австріи, дѣйствуютъ въ ущербъ интересамъ своей страны. — „Это дѣлается для того только чтобы свергнуть иго Россіи“, сказалъ Мокроновскій. — „Вы слабы, и потому должны подчиниться,“ замѣтилъ холодно Фридрихъ. — „Ваше величество сами однакожь, льстиво замѣтилъ Мокроновскій: — подали намъ примѣръ совершенно другаго рода: вы одни отражали силы всей Европы.“ — Старый король былъ пресыщенъ комплиментами, а потому возвратилъ рѣчь на прежнюю тему. — „Вы ужь привыкли, сказалъ онъ, получать королей отъ руки Россіи.“ — „Она дала намъ одного, и мы не хотимъ другаго. Но почему бы вашему величеству не играть въ этомъ дѣлѣ первой роли?... Возьмите на себя ту роль, которая соотвѣтствуетъ вашей славы; дайте намъ короля: пусть будетъ имъ принцъ Генрихъ.“ — „Онъ не желаетъ сдѣлаться католикомъ.“ (Мокроновскій улыбулся). — „Да, онъ этого не хочетъ, подтвердилъ король: и рѣшеніе его такъ твердо, что бесполезно было бы и говорить ему объ этомъ.“ *

Такъ кончилась попытка Мокроновскаго при прусскомъ дворѣ. Онъ поѣхалъ въ Парижъ, но не былъ тамъ принятъ, по крайней мѣрѣ официально. Коронный референдарій, Подосскій, поспекалъ въ Дрезденъ возбуждать надежды саксонскаго курфюрста, но что могли значить всѣ эти одиночныя, разъединенныя дѣйствія, противъ твердой, систематической работы русской политики, подкрѣпленной, кромѣ того—почему это не сказать—приличнымъ количествомъ червонцевъ. Избраніе Понятовскаго стоило Россіи слѣшкомъ полтора милліона рублей. ** Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто принимаетъ подарки въ подобномъ дѣлѣ: Екатерина, показывая однажды князю Огинскому какое-то весьма дорогое ожерелье, насмѣшливо замѣтила: „На цѣну этого ожерелья можно дать короля Польшѣ.“

Что „христианавѣшему“ государю хотѣлось бы видѣть на

* Rulhière. II. 267.

** Schlözer *Friedrich der Grosse und Katharina die Zweite*, 163.

Вислѣ сильное государство, въ которомъ господствовало бы его вліяніе, и которое бы по его мановенію всегда готово было ударить въ тылъ Пруссіи и Австріи и атаковать Россію,—это очень понятно: тутъ есть политическій смыслъ. Но чтобы Франція имѣла какой-нибудь интересъ систематически противодѣйствовать Россіи, въ этомъ немного смысла. А между тѣмъ, съ самаго начала XVIII вѣка, и даже едва ли не раньше, въ этомъ именно состояла французская политика: политика, которую слѣдовательно нельзя назвать иначе какъ политикой мелкаго чувства, въ которомъ нельзя не видѣть какого-то смутнаго страха съ примѣсю аристократическаго чванства и какой-то католической ревности. Вотъ, напримѣръ, фактъ. Въ письмѣ короля французскаго, отъ 10 сентября 1762 года, къ Бретёлю, его посланнику въ Петербургъ, мы читаемъ: „Повторяю здѣсь ясно, что цѣль моей политики относительно Россіи состоитъ въ томъ, дабы удалять ее сколько возможно отъ дѣлъ Европы, не дѣлая, впрочемъ, ничего такого, что могло бы дать поводъ жаловаться на васъ; вниманіе ваше должно направляться къ тому, чтобы усиливать значеніе (*donner de la consistance*) партій, которыя неминуемо образуются при дворѣ *.“ Такова была инструкція, данная Лудовикомъ XV по вступленіи на престолъ Екатерины II, *когда нельзя, слѣдовательно*, было еще знать какова будетъ ея политика и куда обратится дѣятельность новаго правительства: на дѣла внутреннія или внѣшнія. Чѣмъ же обуславливалось нерасположеніе французскаго короля!?

Любопытны старанія Франціи возбудить противъ насъ Турокъ. Постепенное усиленіе русскаго преобладанія въ Польшѣ, до глубины возмущавшее французскую дипломатію, и которому, однакожь, она такъ много способствовала, было принимаемо, повидимому, довольно флегматически въ Турціи. „Это вражда двухъ христіанскихъ сектъ между собою,“ отвѣчалъ хладнокровно Рейсъ-эффенди французскому посланнику, графу Верженну, выходявшему изъ себя, чтобы доказать настоятельную необходимость для Порты вмѣшаться въ польскія дѣла. Онъ объяснилъ, что дарованіе правъ диссидентамъ есть неслыханное насиліе. На это Рейсъ-эффенди остроумно замѣтилъ: „Король—католикъ

* Flossan. VI. 347.

магнаты, звать — тоже; стало-быть очевидно въ какую сторону потекутъ милости.“ Не признавая, однакожь, возможности быть неправымъ, Верженъ, передавая своему двору слова турецкаго сановника, присовокупляетъ: „Повидимому, однакожь, онъ самъ чувствуетъ, что все его краснорѣчіе не въ состояніи было бы оправдать такое несмысленное дѣло, какъ это подтвержденіе (правъ диссидентовъ).“ * Не менѣе скептически относился Рейсъ-эффенди и къ только что провозглашенной Барской конфедераціи. „Красинскій (глава этой конфедераціи), говорилъ онъ, — сумашедшій, которому на роду написано быть постояннымъ бѣглецомъ въ турецкихъ владѣніяхъ. Всѣмъ этимъ движетъ слѣпой фанатизмъ, и Русскіе не такъ глупы, чтобы вывести свои войска (изъ Польши) въ такую минуту. За нихъ здоровая часть націи, которая желаетъ во что бы ни стало поддержать свободно сдѣланныя постановленія и потребуетъ ихъ же (Русскихъ) содѣйствія для того чтобы потушить пламя при самомъ началѣ“ **. Такъ говорилъ бородатый политикъ, и такъ было на самомъ дѣлѣ. „Между нами сказать“, пишетъ Верженъ, передавая вышеприведенныя слова: „Жеро (французскій агентъ въ Польшѣ) даетъ намъ понятіе едва ли болѣе выгодное о главѣ и членахъ конфедераціи; онъ видитъ въ ней скорѣе сбродъ (amentement) нежели партію съ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ значеніемъ.“

Но распространять подобный взглядъ на Барское возстаніе было не въ интересахъ французской политики. Верженъ вливалъ въ слухъ Рейсъ-эффенди извѣстія о Польшѣ, касаясь только розовыхъ сторонъ польскихъ патріотовъ и самыхъ черныхъ сторонъ московитскихъ варваровъ. Онъ передавалъ ему то, что писалъ Жеро со словъ Мокроновскаго. Турецкій министръ выслушивалъ всѣ эти внушенія съ подобающимъ мусульманину спокойствіемъ, но втайнѣ не могъ, разумѣется, оставаться къ нимъ вполнѣ безучастнымъ, тѣмъ болѣе что и султанъ посредствомъ какого-то третьяго лица отъ Вержена же получалъ извѣстія о Польшѣ. Особенно сильно поразило Рейсъ-эффенди извѣстіе о томъ, что Релнинъ настоятельно домогается ввода русскихъ войскъ въ Каменецкую крѣпость, пограничную съ Турціею. Эта вѣсть,

* *Турецковскій Сборникъ*, депешы 14 и 15 апрѣля 1768 года.

** Ibid. 30 апрѣля.

писать Верженнъ, видимо озадачила Рейсъ-эффенди, вслѣдствіе чего графъ посѣщилъ спросить у него, не признаетъ ли Порты полезнымъ приказать Татарамъ войти, будто бы по собственному побужденію, въ польскія владѣнія и стать во флагъ у Русскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить свободный пропускъ въ Польшу всѣмъ, кто пожелаетъ пристать къ конфедераціи. Такихъ охотниковъ, замѣчалъ французскій посланникъ, найдется не мало между бродягами Дунайскихъ княжествъ“ *.

Французская интрига начинала обнаруживать свое дѣйствіе; въ диванѣ замѣтно было безпокойство, а между тѣмъ Красинскій слалъ въ Константинополь одну за другою реляціи о побѣдахъ конфедератовъ и между прочимъ объ очищеніи ими отъ Русскихъ войскъ Винницы, Житомира и воеводства Кіевскаго, Брацлавскаго и Волинскаго, гдѣ уже, по выраженію его, была утверждена полная безопасность **. Результатомъ всего этого было назначеніе въ Хотинъ пашу, находившагося въ близкихъ сношеніяхъ съ французскимъ посольствомъ. Между тѣмъ, произошло извѣстное сожженіе Бааты, и вотъ тутъ-то французская дипломатія забила тревогу. „Очевидно, довести Верженнъ своему двору, что русскій офицеръ нанесъ Портѣ оскорбленіе умышленное, *вслѣдствіе тайныхъ инструкцій*, и Порты была бы слишкомъ нечувствительна, еслибы не признала настоящій случай за формальный вызовъ, сдѣланный преднамѣренно; никакіе предлоги, никакія причины не должны удерживать ее отъ громкаго отищенія, если только она не намѣрена покрыть себя позоромъ. Это уже не религіозное разномысліе, какъ говорили прежде, чуждое мусульманству; это уже не посторонніе интересы, вмѣшиваться въ которыя религія не позволяетъ: это нарушеніе оттоманской территоріи, это оскорбленіе самой верховной власти, это мусульманская кровь вопіющая о мщевіи“ ***.

Это фразерство, которое теперь кажется намъ смѣшнымъ, было при тогдашнихъ обстоятельствахъ очень искусною тактикой со стороны Верженна. Замѣчая, что она удастся, онъ посѣщилъ подать Портѣ одну за другою двѣ пылающія

* Туре. Сб. 30 мая.

** Ibid. 12 іюля.

*** Ibid. 21-го іюля.

ноты: „Вѣроятно, предъ нами не развернулись еще всѣ замыслы Россіи, писалъ онъ въ одной изъ нихъ. Ея покушенія въ Польшѣ хотя и получившія уже большое развитіе, не довершены еще“. Напугавъ такимъ образомъ смущенныхъ министровъ султана, Верженнъ совѣтовалъ начать вооруженіе и дѣлать это съ огласкою. Такого оглашенія, присовокупляя онъ, никто не приметъ за признакъ слабости и безпокойства: „могущество Порты несомнѣнно; всякому извѣстно, что она сама, одна, въ состояніи дать отпоръ соединеннымъ усиліямъ своихъ сосѣдей“. Въ другой нотѣ своей онъ еще болѣе развивалъ мысль объ очевидной необходимости для Порты ввязаться въ войну. „Польскіе конфедераты, писалъ онъ, являются въ нѣкоторомъ отношеніи блюстителями турецкихъ интересовъ и уже этимъ однимъ, кажется, должны были бы заслужить право на покровительство султана. Помощь со стороны Турціи придастъ новую энергію героической націи: „она открыла бы путь къ правильной свободѣ, дѣйствующей въ указанныхъ ей границахъ, вмѣсто этого деспотическаго колосса, котораго вознесли гордость и честолюбіе, и опорой котораго служатъ насиліе и злоба“.*

Я полагаю, что нашимъ читателямъ достаточно извѣстны обстоятельства сожженія турецкаго городка Балты и схватки небольшого русскаго отряда съ тамошнимъ гарнизономъ. Вполнѣ очевидно, что это было не что иное какъ недоразумѣніе со стороны мелкаго офицера, весьма обыкновенное при военныхъ дѣйствіяхъ вблизи границъ какого-нибудь нейтральнаго государства. Подобные случаи всегда оканчиваются извиненіемъ со стороны того правительства, войска котораго нарушили неприкосновенность нейтральной территоріи и денежнымъ вознагражденіемъ за причиненные убытки. Но въ настоящемъ случаѣ французская дипломатія съ какимъ-то редостынымъ азартомъ принялась раздувать эту ничтожную искру, съ азартомъ очень похожимъ на тотъ, который обнаружила она въ наше время по поводу прусско-русской конвенціи. Старанія графа Верженна были не безуспѣшны. Порта начала явно вооружаться. Войска ея были выдвинуты на Днѣстръ, а войска эти были такого рода, что, по мнѣнію французскаго посланника, было не безопасно, собравъ ихъ, оставлять въ бездѣйствіи. Симптомы войны

* Тур. Сб. Ноты 30-го Іюля, №№ 1 и 2.

взводивали и чернь въ Константинополь. Это поставило турецкое правительство въ необходимость дать какой-нибудь исходъ возбужденнымъ страстямъ. „Если война не состоится, замѣчалъ Верженнъ, то не легко будетъ обезоружить эту толпу; а если она останется вооруженною, можно опасаться чтобъ она не надѣялась безпокойствъ внутри государства“. * Войнолюбивыя инстинкты Османовъ пробуждались, известный намъ Рейсъ-эффенди и верховный визирь были огнены, мѣсто ихъ заступили лица, расположенныя къ войнѣ, посланникъ нашъ на публичной аудіенціи былъ оскорбленъ самымъ наглымъ образомъ, и война сдѣлалась неминуемою.

При чтеніи дипломатическихъ депешъ, относящихся къ одному и тому же времени и касающихся однихъ и тѣхъ же лицъ и обстоятельствъ, нерѣдко можно встрѣтить самыя рѣзкія и поразительныя противорѣчія. Французскій посланникъ, на примѣръ, называетъ такое-то лицо великимъ человѣкомъ, такую-то мѣру благодѣтельною, поетъ гимны благоденствію странъ и т. п. Напротивъ того, англійскій посланникъ доноситъ своему двору, что тотъ же самый человѣкъ глупецъ и негодяй, что та же самая мѣра клонится къ раззоренію страны, и что вотъ-вотъ вспыхнетъ въ ней всеобщее возстаніе. Не отыскивая примѣровъ слишкомъ далеко, достаточно будетъ указать на довольно известную русской публикѣ книгу: *La cour de la Russie il y a cent ans*. Составитель этой книги дѣлалъ выписки изъ депешъ французскихъ, англійскихъ, прусскихъ, австрійскихъ и саксонскихъ, и каждый, читавшій эту книгу, долженъ былъ замѣтить, что нѣтъ никакой возможности согласить между собою заключающіяся въ ней противорѣчія. Но объяснить причину этихъ противорѣчій не трудно. Въ депешахъ всякаго посланника, какъ бы ни былъ онъ самостоятеленъ по своему характеру, неизбѣжно отражается свойство тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между его дворомъ и тѣмъ, при которомъ онъ аккредитованъ. Англійскій посланникъ Кейтъ совершенно иначе говоритъ о Петрѣ III нежели Бретель; лордъ Мальмсбери унижаетъ Панина, а французскіе посланники его расхваливаютъ. Такимъ образомъ историческому писателю открывается возможность подбирать свидѣтельства или въ пользу, или противъ известнаго лица и известнаго происшествія, дѣлая при томъ ссылаки на источники

* Турк. Сборн. Деп. 15 августа.

очень авторитетные, на подлинныя донесенія посланниковъ; и надо признаться, — историческіе писатели набросали не мало сора въ исторію изъ подобныхъ источниковъ. Что касается до французскихъ депешъ, относящихся къ царствованію Екатерины, то общій ихъ характеръ мы уже можемъ предвидѣть по открывку изъ письма Лудовика XV къ барону Бретёлю, приведеннаго выше. Если же къ этому мы прибавимъ будущія сплетни, которыми французскіе агенты должны были наполнять свои депеши подѣ страхомъ показаться скучными *ихъ величествамъ* Côtillon I, Côtillon II и Côtillon III (Chateaugoux, Rompradour et Dubarry), то не трудно будетъ понять, какого рода свѣдѣнія о Россіи заключаются во французскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ. И вотъ тѣ свѣдѣнія, на основаніи которыхъ писали исторію Рюльеръ и подобные ему писатели! Можетъ показаться страннымъ, что французское правительство содержало такимъ образомъ, жертвуя притомъ большими деньгами, агентовъ, которые его завѣдомо обманывали. Это дѣйствительно странно, но Лудовикъ XV былъ старое дитя, котораго во всю его жизнь обманывали, и онъ всегда это зналъ: его обманывали любовницы, увѣряя что любятъ его, помимо его королевскаго сана; обманывали его министры, увѣряя что народъ благоденствуетъ и называетъ его *возлюбленнымъ*; его обманывали маршалы, увѣряя что одерживаютъ побѣды: почему же было и дипломатамъ не обмануть его, если это его забавляло, а особенно по польскимъ дѣламъ. Это нравилось притомъ и духовнику его величества. Впрочемъ, лучшее доказательство — факты, и они передъ нами. Замѣчательнѣйшій изъ министровъ Лудовика XV, герцогъ Шуазель, не терпѣлъ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не любилъ и не уважалъ Поляковъ. Что же дѣлаетъ король? Приказываетъ своимъ посланникамъ писать донесенія такого рода, *чтобъ они смягчали антипатію герцога къ Полякамъ*.. Мы не имѣемъ самого королевскаго письма, но Флоссанъ приводитъ донесеніе Бретёля, въ которомъ находится слѣдующая фраза: „хоть я и не упускаю случая, согласно волѣ вашего величества, внушать герцогу Шуазёлю чувства болѣе благосклонныя относительно Польши, но на будущее время буду въ этомъ отношеніи еще внимательнѣе“.*

Донесенія французскихъ агентовъ въ Польшѣ, къ которымъ

* Flossan VI, 334.

мы сейчас приступимъ, покажутъ намъ, что не одинъ Бретель но и другіе дипломаты, касавшіеся польскихъ дѣлъ, участвовали въ этой комедіи, которую Лудовикъ XV разыгрывалъ передъ самимъ собою. Обратимъ только еще разъ вниманіе русскаго читателя на то въ какой мѣрѣ заслуживаютъ довѣрія извѣстія заключающіяся въ актахъ французскихъ дипломатическихъ архивовъ, равно какъ и историческія сочиненія на нихъ основанныя, и затѣмъ перейдемъ къ депешамъ касающимся непосредственно польскихъ дѣлъ.

Депеши относящіяся къ первой половинѣ 1768 года заняты преимущественно вопросомъ о диссидентахъ. Дарованіе гражданскихъ правъ иновѣрцамъ такое дѣло, справедливость котораго въ настоящее время никто не станетъ оспаривать. Лучшіе умы XVIII вѣка точно также рукоплескали этой побѣдѣ одержанной религіозною терпимостію подъ католическимъ фанатизмомъ. Но польская шляхта и французское правительство, одинаково руководимыя тайнымъ вліяніемъ духовенства, видѣли въ этомъ первый шагъ къ паденію Польши. Когда-нибудь настанетъ время болѣе безпристрастной оцѣнки отношеній Россіи къ Польшѣ; настанетъ время, когда о вѣротерпимости, о національности, о свободѣ будетъ менѣе фразъ, но когда эти великія начала дѣйствительно проникнутъ европейскія общества, и тогда удивленный міръ принужденъ будетъ признать, что въ вѣковой борьбѣ Россіи съ Польшею первое изъ этихъ государствъ поддерживало принципъ національности и свободы противъ принципа исключительной аристократіи и насильственного завладѣнія; что въ спорныхъ между Россіей и Польшей областяхъ религіозная терпимость наступила только послѣ присоединенія ихъ къ Россіи. Много, много откроется тогда такого, чего нынѣ не видятъ и не хотятъ видѣть Европа, бессознательно поддающаяся вліянію католицизма и предубѣжденіямъ перешедшимъ къ ней по преданію.

„Сильна къ преданью въ людяхъ вѣра!“

Французскія депеши 1768 года изображаютъ съ явнымъ сочувствіемъ, что разрѣшеніе диссидентскаго вопроса производитъ въ Польшѣ всеобщее негодованіе. Сеймовымъ постановленіемъ, занесеннымъ въ актъ договора между Россіей и Польшей, учреждалась особая смѣшанная коммиссія для разсмотрѣнія взаимныхъ неудовольствій католиковъ и

диссидентовъ, въ которой должно было засѣдать по равному числу духовныхъ лицъ господствующаго исповѣданія и имовѣрцевъ. Одинъ изъ французскихъ агентовъ доноситъ, что комиссиі этой отказано въ помѣщеніи, которое предполагалось ей дать. „Президентъ и судьи изъ католиковъ, пишетъ онъ, отбѣлались предметомъ презрѣнія и посмѣянія; у нихъ публично спрашиваютъ, сколько имъ дано денегъ...“ *

Но это не все. Не желая доводить взаимнаго раздраженія диссидентовъ и католиковъ до крайности, русское правительство убѣдило православныхъ сдѣлать уступку, — отказаться отъ нѣкоторыхъ льготъ предоставлявшихся имъ закономъ 1768 года; но и это не послужило ровно ни къ чему. „Здѣсь намѣреваются ни больше ни меньше какъ изгнать ихъ всѣхъ безъ исключенія“, пишетъ французскій агентъ въ Польшѣ, Жераръ. Разумѣется, это предполагалось сдѣлать по удаленіи русскихъ войскъ изъ польскихъ владѣній, въ чемъ, впрочемъ, всегда готовые на увлеченія, Поляки не сомнѣвались съ той минуты, какъ Турція явно приняла ихъ сторону.

Разрывъ Россіи съ Турціей очень одушевилъ Поляковъ. Составилось множество конфедерацій. Вся Литва въ движеніи, пишетъ Жераръ. Съ этимъ вмѣстѣ воспрянулъ и свойственный польской шляхтѣ духъ бравяды и пробудились ся вѣчныя надежды на всеобщее участіе къ ея дѣлу. По всей странѣ заговорили объ охлажденіи берлинскаго двора къ петербургскому и о сближеніи его съ версальскимъ и вѣнскимъ. „Говорятъ, что не болѣе какъ черезъ десять дней должно произойти нѣчто важное для Польши; надѣются, что это будетъ декларация вѣнскаго двора“, доносили герцогу Шуазёлю изъ Польши. Отъ Франціи ожидались величайшія усилія въ пользу польскаго дѣла. Никто не сомнѣвается, пишетъ Жераръ,—что Барская конфедерация получаетъ субсидіи изъ Парижа. „Въ Польшѣ распространились слухи, что Франція беретъ на свое содержаніе гессенскія или баварскія войска, чтобы составить изъ нихъ корпусъ для дѣйствія въ Польшѣ, и что при конфедератахъ будетъ аккредитованъ французскій министръ...“ **. Рядомъ съ этими химерами разносились слухи о пораженіи русскихъ войскъ. „Подъ Несвижемъ, пишетъ Жераръ,—какъ слышно, были горячія сшибки, въ

* Турк. Сб., депеша 16-го октября.

** Ibid., деп. 5 и 25 нояб.

которыхъ Русскіе потеряли четыре орудія и болѣе тысячи чело-
вѣкъ убитыми. Радзивиллъ примкнулъ къ конфедераціямъ:
все это производить, говорятъ, сильное впечатлѣніе въ Вар-
шавѣ.“ Но черезъ недѣлю послѣ того вотъ что приходится
писать тому же Жерару: „оказывается, что Радзивиллъ сда-
ся Русскимъ съ пяти тысячнымъ отрядомъ, и что онъ имъ вы-
далъ Паца, Ржевусскаго и другихъ конфедератовъ....“ * „Впро-
чемъ, прибавляетъ французскій агентъ,—полагаютъ, что вой-
ска его были наняты на русскія деньги и даже втайнѣ пред-
назначались для Россіи.“

Мы не придали бы большаго значенія и этимъ преувеличен-
нымъ надеждамъ Поляковъ на содѣйствіе Франціи, и этимъ
слухамъ о мнимыхъ побѣдахъ надъ Русскими, если бы не счи-
тали этихъ явленій характеристическими чертами всякой
польской конфедераціи. Эта сознательная, систематическая
фальшь составляетъ рѣзкую особенность и исторію поль-
скаго шляхетства, и самой его политической жизни. Въ дру-
гомъ мѣстѣ я касался капитальной лжи, внесенной въ ис-
торію, объ участи будто бы Екатерины II въ возстаніи
украинскихъ крестьянъ 1768 года **; здѣсь я долженъ упо-
мянуть о другой не менѣе капитальной, и еще болѣе наг-
лой лжи. Когда Репнинъ вмѣстѣ съ прусскимъ и нѣко-
торыми другими послами на сеймѣ 1768 года сдѣлалъ
предложеніе о дарованіи гражданскихъ правъ диссиден-
тамъ, у него спросили, на чемъ основывается это требо-
ваніе Россіи. Въ отвѣтъ онъ показалъ Московскій дого-
воръ 1686 года. Отвѣтъ былъ категорическій. Свѣтскіе
члены не нашли противъ него возраженій. Но духовные, ко-
торые, разумѣется, наиболѣе стояли за исключительность
правъ католичества, не колеблясь провозгласили, что русскій
текстъ этого трактата не сходенъ съ текстомъ имѣющимъ
въ Варшавѣ, и что сенаторъ Гримутьовскій съ товарищами,
подписавшій нѣкогда этотъ договоръ, былъ подкупленъ мо-
сковскимъ дворомъ.... Цинизмъ этой лжи опровергнуть было
не трудно, конечно, а въ настоящее время, когда оба текста
Московского договора, — по московскому и по варшавскому
спискамъ,—опубликованы, смичить ихъ можетъ всякій. Тѣмъ
не менѣе эта безстыдная ложь, эта безсовѣстная клевета на

* Турк. Сб. 1 и 8 нояб.

** Русск. Вѣстн. 1863, № 5.

умершихъ наша мѣсто въ исторіи. Рюльеръ набожно занесъ ее на страницы своего сочиненія, сопровождая ее, по своему обыкновенію, развязною замѣткой слѣдующаго содержанія: „Странно было видѣть министровъ столько государствъ, говорившихъ во имя своихъ монарховъ на основаніи ложныхъ трактатовъ.“ * Какой-то другой! писатель, въ родѣ Рюльера, повторяя ту же басню, замѣчаетъ весьма серьезно, что въ Московскомъ Царствѣ былъ обычай писать для объявленія народу тексты трактатовъ болѣе выгодные нежели подлинные.... И все это читалось десятками, сотнями тысячъ людей, читалось и читается въ продолженіи безъ малаго ста лѣтъ; все это принимается за несомнѣнную правду.... Удивительно ли, что напитанный такимъ чтеніемъ, англійскій министръ пишетъ русскому двору о какихъ-то дикихъ, обитающихъ на Украйнѣ? Удивительно ли съ другой стороны, что мы, Русскіе, читая всѣ эти бредни, и не вида имъ возраженій, смущаемся, конфузимся и начинаемъ стыдиться своего прошедшаго?

Какъ доносилъ французскій резидентъ своему двору объ опороченіи трактата 1686 года,—мы не знаемъ, не находя этого донесенія въ *Тургеневскомъ Сборникѣ*; но что въ Парижѣ происшествіе это было извѣстно и извѣстно, разумѣется, съ точки зрѣнія польской,—это видно изъ слѣдующей депеши герцога Шуазёя къ Жерару. „Слышно, пишетъ онъ, — что Россія требуетъ отъ Польши подтвержденія трактата „Гримультовокаго“ (Польша никогда не соглашалась называть этотъ трактатъ *Московскимъ*); но подтвержденія не въ томъ видѣ какъ онъ занесенъ въ польскія конституціи, хотя онъ и весьма невыгоденъ для этого государства, но въ томъ видѣ въ какомъ онъ, говорятъ, находится въ подлинномъ актѣ, подписанномъ комиссарами республики, измѣна и продажность которыхъ тогда очевидны.“ **

Но возвратимся къ занимающему насъ предмету—къ французской политикѣ въ Польшѣ. Опрометчиво отозвавъ своего посланника и лишивъ себя чрезъ это возможности открыто поддерживать тѣ принципы, которые она считала справедливыми или хотя бы только выгодными, политика эта принуждена была прибѣгнуть къ системѣ внушеній и напентываній.

* II. 401.

** *Тург. Сборн.* депеша 18-го февраля.

Г. Жераръ долженъ поддерживать расположеніе *благомыслящихъ*, писать герцогу Шуазель, но устранять имя короля и питать надежды на наше сочувствіе.“ „Я считалъ себя обязаннымъ, доносить въ свою очередь Жераръ, говорить патриотамъ, передававшимъ мнѣ эти опасенія (по поводу дѣйствій Пруссіи), что оставленіе ихъ (дружественныхъ державами) есть дѣло невѣроятное; что я не могу предположить благомыслящихъ Поляковъ столько слабыми, чтобъ они могли обезкураживаться отъ слуховъ, которые, очевидно, распускаются съ дѣлю ослабить ихъ жаръ.“ * Нѣкоторые изъ патриотовъ, продолжаетъ французскій агентъ, противопоставляютъ этимъ слухамъ другіе,—о сближеніи Пруссіи съ Франціей: „я избѣгаю разрушать эти надежды“ **. Между тѣмъ расположеніе прусскаго двора, хоть и дѣйствительно тщательно замаскированное и двусмысленное, не было однакожъ тайною для французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, и онъ не скрывалъ отъ своего агента, что конфедераты не могутъ надѣяться на прусскаго короля ***. Но ему надобно было во что бы ни стало поддерживать въ Польшѣ агитацію, и вотъ агенты его становятся въ самомъ центрѣ этой агитаціи, питаютъ ее сентиментальными фразами и обманчивыми вѣзвѣщеніями. „Въ Польшѣ увѣрены, что всѣ державы очень заняты средствами къ возстановленію спокойствія въ этой странѣ.“ „Я не могу выразить вамъ, милостивый государь, какое здѣсь питаютъ довѣріе къ благосклоннымъ чувствамъ короля!“ **** Но въ какой мѣрѣ полезно было польскимъ патриотамъ это довѣріе, объясняетъ намъ тотъ же самый французскій агентъ. „Они разчитываютъ, пишетъ онъ, на это содѣйствіе (Франціи) и потому менѣе обращаютъ вниманія на свои домашнія дѣла, будучи увѣрены, что приготовляющаяся (въ ней) революція сдѣлается общимъ дѣломъ дружественныхъ державъ.“ † „Несогласіе царствуетъ между барскими конфедератами, и болѣе отчаяніе нежели благоразуміе управляетъ ихъ дѣйствіями.“ „Почти всѣ литовскія конфедераціи разсыпаны.“ Вотъ что доноситъ Жераръ разъ за разомъ!

* Тург. Сб., деп. 21 января, 17 февраля 1769.

** Ibid. деп. 7 декабря.

*** Ibid, 14 января 1769 г.

**** Ibid, 21 января 1769 г.

† Ibid, 15 ноября.

Жераръ не можетъ, конечно, не извѣщать свое правитель-ство о печальномъ ходѣ возстанія польской шляхты, но онъ дѣлаетъ это со всевозможными смягченіями, имѣя, вѣроятно, въ виду тайное приказаніе, подобное тому, которое дано было Бретелю „возбуждать въ герцога Шуазель сочувствіе къ Польшѣ“. Но Шуазель былъ человѣкъ серіозный, котораго нельзя было обморочить фразами и который умѣлъ читать между строкъ въ депешахъ своихъ подчиненныхъ. „Между различными конфедераціями, пишетъ онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ начала движенія 1768 года, господствуетъ такъ мало единства, и хотъ онѣ имѣютъ въ виду одну и ту же цѣль, дѣйствія ихъ такъ худо направлены, что ничего нельзя ожидать отъ нихъ ни полезнаго, ни основательнаго.“* „Мы не можемъ, пишетъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, имѣть высокаго мнѣнія о новой конфедераціи, которая какъ будто ищетъ, чтобы мы указали ей цѣль и средство ея дѣйствій.“** Эти послѣднія слова относятся къ предположенію составить общую конфедерацію, въ которой сшались бы всѣ отдѣльныя, мысль основательная и которую не переставалъ рекомендовать Шуазель. Но онъ счелъ нужнымъ дать приведенный нами довольно рѣзкій отвѣтъ, когда узналъ, что одинъ изъ участниковъ этого предположенія являсь къ Жерару, показывалъ ему свой проектъ и спрашивалъ его, въ какой мѣрѣ Поляки могутъ надѣяться на содѣйствіе французскаго короля. Французскій министръ не могъ многого ожидать отъ людей, которые безпрестанно огалдываются и выспрашиваютъ, помогутъ ли имъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ французская политика въ 1768 году, какъ и постоянно въ послѣдствіи, подстрекала Поляковъ и спекулировала ихъ легковѣріемъ. Въ подтвержденіе достаточно привести одну или двѣ депеша герцога Шуазеля къ Жерару. Поддерживайте, пишетъ онъ, отъ 19 февраля 1769 года, надежду на наше сочувствіе, но внушайте вмѣстѣ съ тѣмъ, „что безовязный и жалкій, (décousu et pitoyable), образъ дѣйствій польской націи, которая не умѣетъ ничего сама сдѣлать, (qui ne sait pas s'aider elle même), отнимаетъ у ея доброжелателей всякую возможность поддерживать ее.“ „Вы должны понять, что главнѣйшая цѣль въ настоящихъ

* Турз. Сб. деп. 26 октября.

** Ibid., 14 января 1769.

обстоятельствахъ состоитъ въ томъ, чтобы причинить Россіи всевозможный вредъ (*faire tout le mal possible*), не отвлекаясь отъ этой цѣли временными неудобствами, которыя оттого могли бы произойти: ваше поведеніе и даваемые вамъ совѣты должны быть основаны на этихъ соображеніяхъ, тѣмъ болѣе что они входятъ въ общую политическую систему его величества короля.“* Продолжайте, пишетъ французскій министръ нѣсколько дней спустя, имѣть въ виду „великую цѣль узидить Россію (*humilier*), но не вступайте ни въ какія обязательства въ отношеніи Поляковъ, отъ которыхъ невозможно ожидать ни твердости, ни постоянства.“ „Я долженъ одѣлать вамъ признаніе, что легкомысліе (*légèreté*) Поляковъ, ихъ несогласія и вообще духъ и характеръ націи таковы, что не позволяютъ ожидать съ ихъ стороны чего-нибудь дѣйствительно серьезнаго (*interessant?*) противъ Россіи; разчитывать можно только на Турокъ и Татаръ; поэтому къ облегченію ихъ-то успѣховъ должны быть направлены наши совѣты и все наше вниманіе.“** „Польское дворянство кажется утомилось своими патріотическими порывами; легкомысліе и привязанность къ своимъ личнымъ интересамъ, отличающіе его, никогда не позволяли намъ надѣяться, чтобъ оно настойчиво поддерживало систему, впрочемъ выгодную для націи.“***

Но довольно. Мы думаемъ, что политика Франціи достаточно разоблачена. Передъ этою ли политикою, столь же коварною, сколько ничтожною, краснѣть намъ за свою? Въ движетъ не сочувствіе къ Польшѣ, но ненависть къ Россіи, желаніе ее „узидить“, „причинить ей какъ можно болѣе вреда“. Въ этомъ состоитъ „великая цѣль“, въ этомъ состоитъ „общая политическая система“ французскаго правительства. Россія врагъ Франціи, по мнѣнію герцога Шуазёля, а Польша всегда готовый предлогъ, которымъ можно воспользоваться, попавшійся на дорогѣ камень, которымъ можно швырнуть въ Россію!... Такъ думалъ Шуазель. А не такъ ли думали и другіе политическіе люди Франціи? Не тогда ли Наполеонъ I сталъ думать о восстановленіи Польши, когда начались

* *Тур. Сборн.*

** *Ibid.*, деп. 28 февраля 1769.

*** *Ibid.*, 16 марта.

приготовленія къ кампаніи 1812 года? Напротивъ того, не согласился ли онъ на присоединеніе къ Россіи Бѣлостокской области, когда находился въ дружбѣ съ Александромъ I? А теперь?... Не рискуя сильно ошибиться, можно утвердительно сказать, что депеши Друзъ-де-Люиса къ его агентамъ въ Польшѣ похожи на депеши герцога Шуазеля, депеши, въ которыхъ заключается не менѣ жесткости и пренебреженія къ польской шляхтѣ чѣмъ въ самыхъ рѣзкихъ отзывахъ Репнина!...

Политика русская въ отношеніи къ Польшѣ до 1815 года была проста и ясна: она состояла въ томъ чтобы возвратить области, населенныя русскимъ народомъ. Мысль эта не есть даже политическая система, а простое требованіе жизни, инстинктъ, естественный продуктъ историческаго нашего развитія. Она проникла въ правительственную сферу вмѣстѣ съ сознаніемъ о потребности *собиранія земли русской*; ее положительно выразилъ Іоаннъ III по случаю сватовства его дочери съ королемъ польскимъ, причеиъ онъ потребовалъ, чтобы за нимъ былъ признанъ титулъ царя *всѣя Руси*. Мысль царя-собиравателя развила его звукъ. „Мы припоминаемъ не новое дѣло, говорилъ онъ польскимъ посламъ; Кіевъ былъ прародителя нашего, и всѣ тѣ города (малорусскіе и бѣлорусскіе) были къ Кіеву.“ Естественныя права Русскаго Царства на Кіевъ и зависѣвшіе отъ него города живы были въ сознаніи народа. „Только вспомнить старину, объясняли московскіе бояре тѣмъ же посламъ польскимъ, то не только что Русская земля вся, но и Литовская земля вся, нѣкогда платившая дань русскимъ князьямъ—вотчина государя нашего.“ Неразрывность восточной и западной Руси выражалась предложеніемъ польской короны Іоанну IV, его сыну, Алексію и Θεодору, также какъ избраніемъ на московскій престолъ королевича Владислава. Оно выразилось торжественно признаннымъ при царевнѣ Софіи покровительствомъ русскаго правительства надъ православно-русскими подданными польскихъ королей, хотя вѣмецкіе и полувѣмецкіе министры императрицъ Анны и Елисаветы и слабо пользовались этимъ правомъ покровительства. Можно смѣло сказать, что политика усвоенная наконецъ Екатериною II была выработана исторіей и согласна съ народнымъ желаніемъ, проводниками котораго явились казачьи вожди и знаменитые представители западно-русскаго духовенства—

Блгданъ Хмельницкій, Ловъ Борецкій, Георгій Конисскій, Мельхиседекъ Яворскій и вовсе неизвѣстный еще Теофанъ Леонтовичъ, съ которыми я надѣюсь познакомить русскую публику. Такова была наша политика относительно Польши—и ничего болѣе національнаго, ничего болѣе освященнаго народною волей, ничего, слѣдовательно, болѣе праваго не представляетъ исторія... Какъ же случилось, что мы такъ долго стыдились ея? Какъ мы могли такъ долго соглашаться на заклейменіе ея названіемъ: *la grande iniquité du XVIII siècle!*

Смѣшно и стыдно подумать объ этомъ! Эта пошлая фраза, *la grande iniquité*, была точно черта, которую шалуны-мальчишки проводятъ передъ носомъ индѣйки и которую она считаетъ за дѣйствительную привязку, удерживающую ее на мѣстѣ! Да еслибы приобрѣтеніе западнаго края и было ничѣмъ инымъ какъ завоеваніемъ! Гдѣ же тутъ неслыханное беззаконіе, гдѣ же эта *iniquité*? Какая страна, какое государство провело свои нынѣшнія границы розовою водою, а не кровью? Что же не называютъ этимъ именемъ завоеванія Пруссіей—Силезію, Англіей—Гибралтара, завоеваній совершенныхъ въ Европѣ и въ XVIII вѣкѣ? Говорить ли о завоеваніяхъ революціонной Франціи? Что же европейскіе филантропы не колятъ глаза этимъ тремъ государствамъ? Что же эти три государства не краснѣютъ, не посыпаютъ главы пепломъ, и не приносятъ покаянія? *La grande iniquité!*... а какъ же назвать занятіе Мексики французскимъ императоромъ? Не ложе рѣки, а океанъ отдѣляетъ его отъ Мексиканцевъ, онъ не потерялъ бы ни одного сантима, еслибы въ своихъ междуособіяхъ всѣ Мексиканцы до послѣдняго перерѣзались; его никто не призывалъ въ Мексику, онъ не можетъ, какъ императрица Екатерина, показать дѣла горы просьбъ о покровительствѣ, заступленіи и принятіи подъ свою державу?... Противники наши по польскому вопросу не вѣрятъ существованію этихъ просьбъ. Онѣ будутъ современемъ оглашены*. Противники наши думаютъ, что просьбы эти были внушены русскими агентами. Пусть прочтутъ ихъ и тогда увидятъ—канцелярскими ли чернилами или кровью и слезами онѣ писаны! Русская публика имѣла, впрочемъ, возможность ознакомиться съ нѣкоторыми образчиками того чувства, которое питало къ Полякамъ и косядамъ

* Любопытное собраніе ихъ можно, однакожь, видѣть въ забытомъ, къ сожалѣнію, сочиненіи Бятышъ-Камельскаго объ Уліи.

западно-русское народонаселеніе въ XVIII вѣкѣ, но вотъ, въ заключеніе, еще одна черта, позволяющая судить, каковы могли быть эти чувства. Жераръ,—я постоянно привожу здѣсь только иностранныя свидѣтельства,—Жераръ доноситъ своему двору, что барскіе конфедераты заключили съ высокою Портой въ маѣ 1769 года договоръ, третій пунктъ котораго (перевожу буквально изъ *Тургеневскаго Сборника*) состоитъ съ слѣдующемъ: „Въ признательность за предлагаемую помощь при настоящихъ обстоятельствахъ, Польша охотно уступаетъ (Турціи?) всѣхъ крестьянъ—неуніатовъ, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ начинались возмущенія (колишциана), даже всѣхъ вообще диссидентовъ, ихъ женъ, дѣтей и все имъ принадлежащее (et tout ce qui est le leur), исключая, однакожь, руководителей возмущенія, которыхъ Рѣчь Посполитая предоставляетъ себѣ судить и примѣрно наказать (bien eхemplairement).“ *

Каковъ договоръ?... Такого, безъ сомнѣнія, не заключали и негритянскіе царьки съ американскими негро-торговцами. Нѣсколько провинцій эти барскіе либералы продаютъ *на союзъ*. И кому же продаютъ ихъ эти ревностные христіяне, благословляемые папою, руководимые кардиналами!

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

* Договоръ: этотъ помѣщенъ въ *Тургеневскомъ Сборникѣ* вслѣдъ за депешою 30 мая 1769 года. Ручаться за его достовѣрность не могу, но ужъ достаточно и того, что друзья и союзники Поляковъ допускали возможность его существованія.

ОБЪ ОХРАНЕНИИ ЛѢСОВЪ

ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ ЧАСТНЫМЪ ЛИЦАМЪ

Во послѣднее время часто приходилось слышать обвиненія противъ помѣщиковъ въ томъ, что они безощадно рубятъ свои лѣса, нередко продавая ихъ за безцѣнокъ; что они заботятся только о настоящемъ днѣ, не думая о благѣ будущихъ поколѣній; что вслѣдствіе такого неразчетливаго образа дѣйствій въ непродолжительномъ времени настанетъ у насъ страшная дороговизна и топлива, и лѣса для построекъ. Фактическая сторона этихъ обвиненій совершенно основательна: никогда лѣса не рубились у насъ такъ безощадно, какъ въ настоящее время, и уже на огромной площади, расположенной вдоль притоковъ сѣверной и средней Волги,—площади, которая, казалось, могла бы навсегда обезпечить и топливомъ, и лѣсомъ для построекъ наше приволжское низовье и прилегающія къ нему губерніи,—хорошаго строеваго лѣса осталось очень мало не только близъ Волги, но даже въ самыхъ отдаленныхъ ея краяхъ. Конечно, несравненно лучше сохранены бассейны Сѣверной Двины и Печоры; но этимъ обстоятельствомъ воспользуется развѣ Англія, куда направляется вся лѣсная торговля этой мѣстности, а отнюдь не наши внутреннія и низовыя губерніи. Это истребленіе лѣсовъ

ихъ владѣльцами конечно имѣть свою причину и, при основательномъ изслѣдованіи дѣла, окажется, что причину эту не составляетъ, говоря вообще, ни особенная неразчетливость помѣщиковъ, ни привычка ихъ къ роскоши и бесполезнымъ издержкамъ, а главнымъ образомъ то положеніе, въ которое послѣ 19-го февраля они были поставлены какъ лѣсовладѣльцы. Въ настоящее время частные лѣса охраняются тѣми же законами, какъ и прежде; но прежде главная роль въ охраненіи принадлежала обязательному труду, авторитету помѣщичьей власти и тому простору дѣйствія, который крѣпостное право предоставляло лѣсовладѣльцу. Послѣ же 19-го февраля онъ увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ однимъ только лѣснымъ уставомъ и вскорѣ испыталъ его несостоятельность. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще то обстоятельство, что при учрежденіи судебныхъ слѣдователей имъ поручено было производство слѣдствій по дѣламъ о нарушеніи лѣсной собственности; производство же по симъ дѣламъ предварительнаго дознанія поставлено въ обязанность земской полиціи: отъ этого раздвоенія слѣдствія наша слѣдственная процедура, и безъ того неудобопримѣнимая въ лѣсномъ дѣлѣ, сдѣлалась еще болѣе непрактическою чѣмъ прежде. Посчастливилось нѣкоторымъ лѣсовладѣльцамъ, въ участкѣ которыхъ былъ дѣятельный мировой посредникъ и у которыхъ крестьяне ограничивались небольшими порубками; но большинство увидѣло себя въ безвыходномъ положеніи. Многіе лѣсовладѣльцы и прежде имѣли лѣсную стражу, многіе устроили ее теперь вновь. Но отъ лѣсной стражи проку было мало. Я не буду говорить о тѣхъ, къ сожалѣнію не малочисленныхъ, случаяхъ, когда сама лѣсная стража поощряла крестьянъ къ воровству, дозволяя имъ за взятки производить всевозможныя выработки,—мы возьмемъ самый выгодный случай. Лѣсовладѣльцу удалось набрать порядочную стражу, честную, дѣятельную. Стража постоянно ловитъ какого-нибудь несчастнаго ободраннаго мужичка, который зашелъ въ лѣсъ надрать лыка, или срубить подюжины кольевъ и представляетъ его, или принадлежащее ему поличное (194 и 195 ст. Уст. Лѣсн.); но когда случается большая порубка, производимая обыкновенно цѣлою партіей, то очевидно, гдѣ же по лѣсному отобрать у воровъ поличное? Хорошо еще, если они его не отколотятъ до полусмерти. Поэтому виновники большихъ покражъ открываются довольно

рѣдко. Но положимъ произведено лѣсопохищеніе и, вслѣдствіе счастливаго стеченія обстоятельствъ, необходимыя доказательства на лицо. Кому подавать объ этомъ объявленіе? Мировому посреднику некогда: онъ занятъ дѣломъ важнымъ— уставными грамотами, да и не о всякой порубкѣ можно подавать ему объявленіе, а только о порубкѣ на сумму не свыше 30 р. с. Приходится писать въ земскій судъ; но дѣло въ томъ, что во многихъ случаяхъ объявленія залеживаются въ земскихъ судахъ, не получая никакого движенія, а передъ счастливецемъ благополучно прошедшимъ Судилу земскаго суда, остается еще Харибда судебного слѣдователя. Многимъ можетъ показаться, что я преувеличиваю, но я могу привести осязательные, достовѣрные факты. Первый относится къ имѣнію г. Лугинина, самаго значительнаго лѣсовладѣльца Костромской губерніи (въ Ветлужскомъ уѣздѣ), другой—къ имѣнію гр. Шереметева (въ Варнавинскомъ уѣздѣ)—то-есть къ лицамъ, имѣвшимъ большую, сравнительно съ меньшими собственниками, возможность отстаивать свои интересы. Одинъ изъ краевъ дачи г. Лугинина, особенно богатый липовыми насажденіями, прилегаетъ къ селеніямъ казенныхъ крестьянъ Нейской волости, двѣ деревни которой въ лѣто 1861 года произвели въ означенной дачѣ самовольную выработку мочала.

Узнавъ объ этомъ отъ своихъ полѣсныхъ, г. Лугининъ подалъ объявленіе въ земскій судъ, дознаніе было окончено своевременно (то-есть чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ) и дѣло передано судебному слѣдователю, который не приступалъ къ слѣдствію, отговариваясь другими дѣлами и наконецъ оставилъ свой участокъ чрезъ полтора года, ни разу не занявшись этимъ дѣломъ. Въ настоящее время іюль 1863 г.—слѣдствіе не начато. Между тѣмъ государственные крестьяне, ободренные безнаказанностію, въ лѣто 1862 года произвели, значительною партіей, въ томъ же мѣстѣ огромную выработку мочала (10.000 лубовъ, для чего истреблено около 3.000 липовыхъ деревь) и не позаботились даже вывезти лубья изъ чужой дачи, а тутъ же разложили ихъ въ мочища, въ которыхъ, предъ сдираніемъ мочалы, лубья мочатся до осени.

Узнавъ объ этомъ, вотчинное управленіе обратилось уже не къ начальству, а предложило нѣкоторымъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ г. Лугинина отбить у казенныхъ крестьянъ эту добычу изъ половины, т.-е. одну половину крестьянамъ, а

другую помѣщику, что и удалось исполнить довольно благополучно. Въ этомъ случаѣ дѣло остановилось за судебнымъ свидѣвателемъ, у графа же Шереметева оно и настолько не подвижилось. 26 января 1862 года, управляющій имѣніемъ, получивъ донесеніе отъ лѣсной стражи, подалъ въ варнавинскій земскій судъ объявленіе о самовольной порубкѣ 3.850 березовыхъ дручковъ, 117 брусьевъ и 50 досокъ. Того же числа о похищеніи 9.500 осиновыхъ бакалушъ и 7 возовъ дручковъ. Затѣмъ, по новымъ похищеніямъ, рядъ объявленій отъ 30 января, февраля 10, 23, 25, мая 11 и т. д. Между тѣмъ, ни по одному изъ этихъ объявленій не было произведено земскою полиціей дознанія, а ворованный лѣсъ безпрепятственно продавался лѣсопромышленникамъ, и, къ довершенію удовольствія, подъ самыми глазами управляющаго нагружался на суда у Макарьевской пристани. Оставалось только обратиться къ губернатору, генералъ-лейтенанту Рудзевичу. Послѣдній отношеніемъ отъ 4 апрѣля за № 1649 (посланнымъ для доставленія чрезъ земскій судъ) уведомилъ управляющаго о своемъ распоряженіи: „буде откроется, что Шереметевскіе крестьяне дѣйствительно вывозили брусья и дручки на Макарьевскую пристань, то заарестовать этотъ лѣсъ до окончанія дѣла.“ Распоряженіе это земскою полиціей не исполняется, и въ апрѣлѣ украденный лѣсъ благополучно отплываетъ на Волгу. 4-го сентября (чрезъ 6 мѣсяцевъ) предъявляютъ управляющему бумагу губернатора; въ тотъ же день пишется къ послѣднему вторичная просьба съ поясненіемъ, что его распоряженіе не исполнено и съ просьбой о присылкѣ особаго чиновника для изслѣдованія дѣла. Отъ губернатора 24-го сентября за № 5.389 посылается въ Варнавинскій земскій судъ требованіе объясненія: дознаніе же все не производится ни по одному дѣлу. Третья жалоба управляющаго губернатору. Наконецъ въ концѣ января 1863 г., то-есть чрезъ годъ, присылается изъ Костромы чиновникъ, для производства предварительнаго дознанія, которое слѣдуетъ производить по горячимъ слѣдамъ. При такомъ ходѣ дѣлъ о лѣсныхъ порубкахъ въ дачахъ лицъ имѣющихъ нѣкоторое вліяніе на мѣстное управленіе, можно себѣ представить чему подвергаются средніе и мелкіе лѣсовладѣльцы. „Но, скажетъ себѣ въ утѣшеніе лѣсовладѣлецъ, видя, что различныя поданныя имъ объявленія о покражахъ остаются безъ всякаго движенія: ворами не удастся, по крайней мѣрѣ, сбыть и провезти мои лѣсные

матеріалы; вѣдь у насъ, по закону, какъ для сухопутнаго провоза, такъ и для сплава лѣсныхъ издѣлій требуются билеты, (773 и 1.436 ст. лѣсн. уст.) и ни одинъ земскій судъ, ни одинъ городничій не дастъ ворами билетъ на мой лѣсъ. Между тѣмъ онъ узнаетъ, что воры продали матеріалы промышленнику, который уже грузить ихъ на барку. Промышленнику выдается билетъ, потому что онъ показалъ грузъ свой „скупленнымъ на торгахъ и базарахъ“ гдѣ можно по закону торговать всякими лѣсовыми издѣліями (1.434 и 1.435 ст. лѣсн. уст.). Лѣсовладѣльцу приходится утѣшаться мыслию, что все сдѣлано согласно закону. Вообще современное состояніе нашего лѣсохраненія можно характеризовать такимъ образомъ: невозможность достаточнаго охраненія внутри дачи, недостаточность контроля за торговлею лѣсными матеріалами и издѣліями внѣ дачи. Ближе знакомясь съ этимъ печальнымъ положеніемъ дѣла, вскорѣ перестаетъ удивляться, почему масса собственниковъ бросилась рубить свои лѣса.

Правительство давно уже сознало необходимость измѣненія лѣснаго устава. Нѣкоторыя благотѣльные реформы начинаютъ уже вводиться (уменьшеніе наказаній за лѣсопохищенія и придачіе имъ болѣе штрафнаго характера), но вообще говоря, дѣло это остается пока еще въ видѣ проекта, и потому въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-либо своевременно говорить о средствахъ къ охраненію лѣсовъ. Прежде всего мы должны замѣтить, что по этому вопросу въ литературѣ нашей было выражено два мнѣнія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ противоположныя. Одни желали, чтобы охраненіе лѣсовъ происходило внутри и на границахъ дачи, и чтобы матеріалы самовольно выработанныя въ ней, но которые порубщикамъ удалось вывезти, продавались совершенно безпрепятственно. Другіе, чтобы независимо отъ охраненія лѣса внутри дачи, въ лѣсоизобильныхъ мѣстностяхъ, лѣсная торговля подвергалась нѣкоторому контролю, имѣющему цѣлю затруднить сбытъ воровски выработанныхъ матеріаловъ и издѣлій. Въ основаніи этого разногласія лежитъ различное пониманіе государственнаго значенія лѣса: одни видятъ въ немъ цѣнность нисколько не отличающуюся отъ прочихъ цѣнностей и вполне подчиняющуюся всѣмъ условіямъ спроса и предложенія; другіе же говорятъ, что лѣса имѣютъ особенное

государственное значеніе и важны для всей страны уже по самому климатическому ихъ значенію, по тому вліянію какое они имѣютъ на полноводіе рѣкъ, на климатъ страны, на здоровье ея жителей и пр.

Вліяніе лѣсовъ на физическія условія мѣстности несомнѣнно. Не касаясь различныхъ сторонъ этого вопроса, скажемъ нѣсколько словъ о вліяніи, какое истребленіе лѣсовъ оказываетъ на обмеленіе рѣкъ. Фактовъ относительно этого предмета собрано много, они относятся ко всѣмъ частямъ земнаго шара. Всѣ сколько-нибудь значительныя рѣчки вытекаютъ или изъ сѣвѣрныхъ горъ, или изъ многолѣсныхъ мѣстностей. Въ безлѣсныхъ странахъ значительныхъ рѣкъ не встрѣчается. Наблюденія показываютъ, что въ лѣсахъ осаждаемая изъ атмосферы вода испаряется менѣе чѣмъ въ мѣстахъ безлѣсныхъ, и наоборотъ изъ этой воды сравнительно большая часть проникаетъ въ землю и служитъ для питанія источниковъ. Во Франціи, въ послѣднее время, съ цѣлью рѣшенія этого вопроса путемъ прямого опыта, вырубали лѣса кругомъ одной, правда небольшой рѣчки: количество воды замѣтно въ ней уменьшилось. Подобный же примѣръ болѣе для насъ важный, потому что онъ относится къ одной изъ мѣстностей Россіи, находимъ мы въ *Исторіи русскаго лѣснаго законодательства* г. Шельгунова. Дѣло идетъ объ Оренбургской губерніи относительно которой встрѣчаются подробныя свѣдѣнія въ сочиненіи Рычкова изданномъ въ 1762 г. „Въ Рычково время, по весьма вѣроятному исчисленію, находилось на Оренбургской пограничной линіи по крайней мѣрѣ въ 5-ть разъ болѣе вывѣшняго лѣса. Такъ напримѣръ, онъ говоритъ, что въ 1760 году отъ Верхнеуральска до Орской крѣпости довольно еще было дровянаго лѣса, что въ Оренбургѣ за сажень трехполѣнныхъ дровъ платили 90 коп., слѣдовательно около пяти вывѣшнихъ ассигнаціонныхъ рублей, и что ниже по Уралу и даже на Киргизскомъ берегу находился сосновый лѣсъ. Теперь же не осталось и слѣдовъ этихъ лѣсовъ. Нынче Уралъ не затопляетъ во время разлива цѣлыя крѣпости и селенія, и суда съ провіантомъ и желѣзомъ не отправляются въ Оренбургъ изъ Верхне-Уральской пристани, устроенной въ 1734 году Кириловымъ. Такое судоходство было оставлено уже во время Рычкова, потому что сдѣлался недостатокъ въ лѣсахъ, на строеніе судовъ годныхъ, да и въ

верховья рѣки много „мелей и каменистыхъ мѣстъ“. Но въ 1760 году барки съ полными грузомъ отправлялись еще отъ Оренбурга внизъ по Уралу. Тогда нельзя было предвидѣть, что чрезъ 75 лѣтъ жители границы, обнаживъ совершенно вершины и берега Урала, не будутъ знать счета бродамъ чрезъ него, а о судоходствѣ не будутъ и думать, потому что нынѣ Уралъ съ трудомъ поднимаетъ легкій паромъ, и ежегодно выказывая новые броды, видимо приближается къ участи всѣхъ степныхъ рѣкъ, которыя, имѣя постель отъ 20 до 80 сажень, состоятъ изъ озеръ, поросшихъ осокою и соединяемыхъ струей воды, сажени полторы шириною. Такимъ образомъ и нѣкоторыя линейныя озера и рѣчки, упоминаемая Рычковымъ, являе овраги совершенно безводныѣ.“ Руководствуясь современными идеями о взаимной связи различныхъ дѣятелей природы, можно съ точки зрѣнія механической теоріи тепла даже указать необходимость менѣе обильнаго испаренія въ гѣсистыхъ мѣстностяхъ сравнительно съ открытыми. Лѣсъ получаетъ опредѣленное количество солнечной теплоты. Часть ея идетъ на поддержаніе различныхъ процессовъ растительной жизни, и потому въ лѣсу количество теплорода, отражаемаго отъ земной поверхности и производящаго испареніе осажденной изъ атмосферы влаги всегда менѣе получаемаго количества теплорода — разность идетъ на поддержаніе древесной жизни. Совершенно другое представляетъ поверхность лишенная всякой растительности; тамъ земля, нагрѣвшись до извѣстной степени станетъ испускать такое же количество тепла, какое получаетъ, и потому тамъ испареніе естественнымъ образомъ сильнѣе, и наоборотъ менѣе та часть осажденной влаги, которая проникаетъ внутрь почвы или стекаетъ по ея поверхности, питая источники. Но для государственнаго хозяйства лѣсъ важнѣе еще въ другомъ отношеніи—какъ запасъ матеріала для отопленія и построекъ, запасъ, накопившійся въ теченіи десятковъ и сотенъ лѣтъ и долженствующій удовлетворять самымъ настоятельнымъ потребностямъ цѣлаго населенія страны. Если спросъ и предложеніе и могутъ оказать вліяніе на этотъ запасъ, какъ и на всякую другую цѣнность, то это можетъ произойти только въ теченіи довольно продолжительнаго періода времени, въ минуту же нужды никакой спросъ не родитъ дровянаго, а тѣмъ болѣе строеваго лѣса, тамъ гдѣ его нѣтъ.

Изъ сказаннаго можно, кажется намъ, вывести слѣдующія два заключенія: 1) необходимо, чтобы хозяйство въ лѣсныхъ дачахъ, принадлежащихъ государству, вело не къ истощенію ихъ, а къ постепенному увеличенію въ нихъ запаса древесины, потому что на бережное хозяйство частныхъ лицъ никогда нельзя разчитывать съ достовѣрностію; 2) законъ долженъ поставить лѣсовладѣльцевъ въ такое положеніе, чтобы они на самомъ дѣлѣ могли охранять свои лѣса, какъ бы низки ни были цѣны на лѣсъ въ извѣстной мѣстности—иначе онъ косвеннымъ образомъ заставлялъ бы владѣльцевъ истреблять лѣса, какъ это и происходитъ въ настоящее время у насъ въ Россіи.

Приступимъ теперь къ изложенію основныхъ началъ двухъ упомянутыхъ нами выше системъ лѣсохраненія. Прежде всего мы должны сказать, что ни одна изъ нихъ не есть произведеніе отвлеченныхъ сужденій. Обѣ выросли на дѣйствительной почвѣ: одна въ западной Европѣ,—въ странахъ сравнительно безлѣсныхъ, другая, хотя и въ несовершенномъ видѣ,—на нашей родной почвѣ, среди нашихъ непроходимыхъ дебрей.

Начнемъ съ первой изъ этихъ системъ и постараемся въ краткихъ чертахъ представить съ должною точностію доводы ея защитниковъ, оцѣнить ея выгоды и недостатки. Владѣлецъ поля засѣяннаго хлѣбомъ, говорятъ они, не требуетъ отъ общественной власти, чтобы она запрещала торговлю хлѣбомъ безъ билетовъ, препятствующихъ продажѣ украденнаго хлѣба; владѣлецъ охраняетъ поле собственными средствами, не стѣсняя торговли; если онъ поймалъ вора, то послѣдняго караетъ законъ. Въ такомъ же положеніи находятся и владѣльцы всѣхъ остальныхъ цѣнностей. Къ чему же въ пользу лѣсовладѣльцевъ изыятіе, напоминающее уже, къ счастью, отжитыя времена внутреннихъ заставъ и всевозможныхъ другихъ стѣсненій торговли,—изыятіе, могущее только усилить взяточничество, убить мелкихъ торговцевъ, породить монополію? Пускай всякій лѣсовладѣлецъ найметъ хорошихъ сторожей въ достаточномъ числѣ. Если лѣсъ вашъ въ отдаленной многолѣсной губерніи и приноситъ вамъ слишкомъ мало дохода для того, чтобы вы могли содержать достаточно многолюдную стражу, то рубите его,—продавайте. Такова постановка основнаго положенія. На это можно отвѣтить многое. Охраненіе собственности составляетъ одну изъ цѣлей

государства. Какимъ образомъ оно охраняетъ ее, это уже вопросъ второстепенный. Конечно, нужно прибѣгать къ простѣйшему средству тамъ, гдѣ такое средство достигаетъ цѣли, какъ напримѣръ относительно хлѣба и другихъ цѣнностей. Но лѣсъ находится въ исключительномъ положеніи; число нарушеній лѣсной собственности во всѣхъ странахъ несравненно значительнѣе нарушеній всякой другой собственности. Далѣе, владѣльцу несравненно труднѣе охранять лѣсъ, чѣмъ всякую другую цѣнность: лѣсъ раскинутъ на огромномъ пространствѣ, лѣсная мѣстность синонимъ безлюдной мѣстности, въ ней нѣтъ свидѣтелей лѣсопохищенія. А потому, если лѣсъ нельзя охранить простѣйшими средствами, то очевидно, что государство основанное на принципѣ собственности, должно принимать другія мѣры, хотя бы и болѣе сложныя. „Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, говоритъ г. Колюпановъ *, государство для защиты частной собственности ставить на дорогахъ этапы и пикеты въ огражденіе путешественниковъ, собственность которыхъ несравненно ничтожнѣе въ народномъ хозяйствѣ, нежели обширныя и цѣнныя лѣсныя пространства, которымъ грозитъ конечное истребленіе.“ Что же касается до монополіи, то ее можетъ породить не контроль надъ лѣсною торговлею, дающій и мелкимъ бѣднымъ лѣсовладѣльцамъ возможность охранять свой лѣсъ, а безконтрольная торговля, которая неминуемо породитъ монополію въ пользу казны, имѣющей возможность, въ теченіи нѣкотораго времени, употреблять на лѣсохраненіе хоть весь валовой доходъ со своихъ лѣсовъ, чего не могутъ дѣлать частныя владѣльцы. Послѣдніе принуждены будутъ истреблять свои лѣса, а казна не останется въ накладѣ: она лишится мелкихъ конкурентовъ, обивавшихъ цѣны на рынкахъ. Развивая подробности разсматриваемой нами системы, защитники ея не мало содѣйствовали распространенію у насъ нѣкоторыхъ важныхъ положеній, впрочемъ уже извѣстныхъ за границей, касательно нѣкоторыхъ условій хорошаго охраненія лѣса внутри дачи, касательно наиболѣе цѣлесообразнаго судопроизводства по лѣснымъ проступкамъ и касательно наказаній за послѣднія. Въ лѣсу, въ большей части случаевъ, свидѣтель порубки только одинъ лѣсной

* *Журналъ Министера Государ. Имущ.* 1862 года, июль; статья: „Опытъ лѣсной полемики“ г. Вобова.

сторожъ. Если отвергнуть его показанія, то не можетъ быть дѣйствительнаго преслѣдованія похитителей. А потому лѣсной сторожъ, какъ въ казенныхъ такъ и въ частныхъ дачахъ долженъ утверждаться правительствомъ и представлять собою до нѣкоторой степени лицо, пользующееся особеннымъ довѣріемъ общественной власти. Его показанія, когда онъ обвиняетъ кого-либо въ порубкѣ, должны получать силу полнаго доказательства, если а) отвѣтчикъ не опровергъ его показанія предъ судомъ, б) если полѣсный тотчасъ по совершеніи проступка, пригласивъ двухъ свидѣтелей изъ сосѣдняго селенія, составилъ на мѣстѣ по извѣстной формѣ актъ о времени, мѣстѣ и размѣрѣ лѣсопохищенія. Далѣе, лѣсныя порубки совершаются часто, это самый обыкновенный видъ преступленія, ихъ во всѣхъ странахъ почти извиняетъ народное сознаніе, „что лѣсъ ни царскій, ни барскій, а Божій“. Опытъ показалъ, что при подобныхъ обстоятельствахъ злу нельзя помочь жестокими наказаніями, которыя при настоящемъ положеніи дѣлъ были бы вдобавокъ и совершенно не справедливы (обыкновенное воровство можетъ въ несравненно большей степени чѣмъ лѣсное служить признакомъ нравственной испорченности: лѣсокрадъ часто ни за что не рѣшится украсть денегъ). Для этого рода проступковъ необходимы наказанія умѣренныя, преимущественно денежные штрафы, но быстро слѣдующія за совершеніемъ проступка. Вслѣдствіе этого защитники разсматриваемой системы приходятъ (и я вполне сочувствую имъ въ этомъ отношеніи) еще къ слѣдующимъ заключеніямъ. Необходимо отмѣнить относительно лѣсныхъ проступковъ безконечную, формальную, слѣдственную процедуру, замѣнивъ ее несравненно быстрѣйшею словесною процедурой предъ судебнымъ мѣстомъ, и необходимо смягчить наказанія за лѣсокрадство. Мы должны съ признательностію замѣтить, что правительство наше въ послѣднее время уже сдѣлало не одинъ шагъ въ этомъ направленіи. Такимъ образомъ вся разсматриваемая нами система вертится на двухъ пунктахъ: достаточное число полѣсныхъ и дарованіе имъ присяжнаго характера. Лѣсному сторожу долженъ быть ввѣренъ такой участокъ, который онъ въ состояніи узнать вдоль и поперекъ, на которомъ онъ можетъ сосчитать каждое дерево, который онъ можетъ обходить по нѣскольку разъ въ день. Но спрашивается, какъ же великъ можетъ быть такой участокъ: десятинъ 100, 200, самое

большое 300. Очень понятно, что подобныи участки можно отводить лѣсному сторожу въ Саксоніи, гдѣ лѣсная десятина можетъ приносить круглымъ числомъ чистаго дохода 6 р. 38 к., въ Баваріи, гдѣ она приноситъ 3 р. 87 к., пожалуй, въ видѣ исключенія, даже въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ центральныхъ и южныхъ губерній; но, конечно, не въ нашей лѣсной полосѣ, гдѣ, въ Костромской губерніи на примѣръ, казна получаетъ дохода круглымъ числомъ съ своихъ лѣсовъ 3 к. сер. съ десятины, а частныи лѣсовладѣльцы въ Ветлужскомъ уѣздѣ копѣекъ 10. Слѣдовательно, по экономической невозможности содержать въ большей части Россіи достаточное число полѣсныхъ, охраненіе лѣса внутри дачи у насъ, говоря вообще, непримѣнимо. Далѣе; показаніе лѣснаго сторожа должно приниматься судебнымъ мѣстомъ за доказательство, если не будетъ надлежащимъ образомъ опровергнуто отвѣтчикомъ. Подобное правило представляется нарушеніемъ общепринятыхъ началъ судебной процедуры, которыя вмѣняютъ обвинителю въ обязанность доказать свое обвиненіе,—оно есть нарушеніе личной безопасности цѣлаго населенія: полѣсный, который на меня злобится, можетъ срубить нѣсколько деревьевъ и объявить, что порубку совершилъ я, и если по случайному стеченію обстоятельствъ я не въ состояніи доказать alibi, то буду обвиненъ судомъ.

Гг. чиновникамъ, защитникамъ этой системы, вмѣсто того чтобъ ораторствовать за святыню базарной площади или торговой пристани, не мѣшало бы поболѣе позаботиться о правахъ личности тѣхъ же крестьянъ, которыхъ непростыми заступниками они всюду являются на словахъ. Они говорятъ въ пользу такого правила: безъ этого невозможно охраненіе лѣса внутри дачи; такъ дѣлается за границей. Да вѣдь за границей полѣсный имѣетъ порядочное образованіе; онъ, по описанію г. Рудзскаго, знаетъ по-латыни, держитъ для дочери фортепіано, и вообще говоря, маленькій деревенскій аристократъ. У насъ же сами эти господа назначаютъ ему 50—100 р. въ годъ и квартиру съ отопленіемъ. Тутъ кажется не на что взяться ни латинскому языку, ни фортепіано, ни аристократизму. Я самъ имѣлъ много дѣлъ съ полѣсными. Хорошій крестьянинъ, домовладѣлецъ, неохотно идетъ въ полѣсные, да и кто же охотно поселится въ страшной лѣсной глуши, въ 20—30 верстахъ отъ ближайшаго человѣческаго жила. Въ полѣсные идутъ отставныи солдаты (и это лучшіе наши сторожа), крестьяне-бобыли и рѣдко, да

и то лишь на ближайшей хорошей кордонъ, гдѣ сверхъ жалованія, ему дается много покоса и пашни)—семейный крестьянинъ, которымъ мы особенно дорожимъ. Полѣсные большею частію не сидятъ на мѣстѣ, они возвращаются въ деревни и черезъ годъ опять просятся на кордоны. Еслибы мнѣ предоставили назначить изъ числа нашихъ полѣсныхъ тѣхъ, которымъ, по совѣсти, я считаю возможнымъ дать вышесказанное право обвиненія, то я не выбралъ бы и десятой доли изъ общаго числа. Въ этомъ отношеніи мы, лѣсовладѣльцы Костромской губерніи, находимся вовсе не въ исключительномъ положеніи. Въ худшемъ еще положеніи находится казна, несмотря на то что ея лѣсные чиновники—люди получившіе нѣкоторое образованіе. Въ доказательство мы ограничимся приведеніемъ слѣдующаго неутѣшительнаго факта; всѣхъ служащихъ по мѣстному лѣсному управленію министерства государственныхъ имуществъ было къ концу 1860 г. 585 человекъ, изъ нихъ состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ 77; изъ дѣлъ вновь возникшихъ въ этомъ году, среднимъ числомъ приходится одно на 19 человекъ *. „Но безъ этого права хотъ вовсе не держи лѣсныхъ сторожей“, говорятъ защитники разбираемой нами системы; и дѣйствительно безъ него полѣсный немощенъ передъ сильною партіей порубщиковъ. Посмотримъ, наконецъ, къ чему приводитъ этотъ пресловутый идеалъ лѣсохраненія внутри дачи въ тѣхъ странахъ, гдѣ оны осуществлены на самомъ дѣлѣ. Въ Баваріи (гдѣ лѣсовъ считается всего 2¼ милл. дес., а жителей до 4¼ милл.) въ 1857 году число лицъ обвиненныхъ за самовольныя порубки и другія нарушенія неприкосновенности лѣсной собственности простиралось до 250.739 человекъ. Въ Эйзнахскомъ округѣ, гдѣ всего считается 8¼ тыс. жителей, въ 1841 году было 1.300 преступныхъ нарушеній лѣсныхъ законовъ.** Не лучше ли поменьше наказывать, охраненія же лѣсной собственности достигать поставленіемъ ея въ такое положеніе, чтобы незаконно ею воспользовавшійся не получалъ отъ сего никакихъ выгодъ, чтобъ оны не могъ продавать воровски-приобрѣтеннаго. Но довольно объ этой системѣ охраненія. Считаеми

* *Журн. Минист. Госуд. Имущ.*, январь 1862 г. „Матеріалы для статистики лѣсовъ вѣдомства государственныхъ имуществъ.“

** *Журналъ Минист. Государ. Имуществъ*, апрѣль 1862 г. „О самовольныхъ вырубкахъ и порубщикахъ“.

нужнымъ, впрочемъ, замѣтить, что мы не принадлежимъ къ числу ярыхъ поклонниковъ какой бы то ни было системы, готовыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ-за системы упускать изъ виду дѣло. Мы согласны, что охраненіе лѣса внутри дачи имѣетъ на своей сторонѣ много преимуществъ: простоту, безусловную свободу, которую оно предоставляетъ торговлѣ, и потому оно должно быть принимаемо тамъ, гдѣ достигается дѣли, то-есть дѣлаетъ охраненіе лѣса дѣйствительно возможнымъ (само собою разумѣется безъ нарушенія правъ личности дѣлаго населенія), слѣдовательно, въ странахъ малолѣсныхъ, гдѣ лѣсъ приноситъ значительный доходъ, позволяющій содержать достаточно многочисленную лѣсную стражу—одного сторожа на 100, 200 и болѣе 300 десятинъ. Мы согласны, что оно можетъ достигать дѣли въ нѣкоторыхъ центральныхъ и южныхъ губерніяхъ нашего отечества. Но такая система непригодна для значительной части Россіи, гдѣ, вслѣдствіе громадности лѣсовъ и низкой ихъ цѣны, приходится содержать одного лѣснаго сторожа не на каждыя 200, 300 дес., а на каждыя 3.000 дес. и болѣе,—для мѣстностей, къ которымъ вовсе не приложимъ европейскій масштабъ и которыя составляютъ у насъ въ Россіи не исключеніе, а обнимаютъ главную массу нашихъ лѣсовъ,—лѣса вдоль притоковъ средней и сѣверной Волги, всю нашу сѣверо-восточную лѣсную полосу. Что же говорить лѣсовладѣльцамъ этой обширной мѣстности защитники лѣсоохраненія внутри дачи? „Рубите свои лѣса, или смотрите спокойно какъ ихъ будутъ рубить другіе; экономическіе законы непреложны, со временемъ лѣсовъ станетъ меньше и тогда вы будете въ состояніи ихъ охранять.“ Очень утѣшительно, но не вполне согласно съ правомъ собственности и съ государственнымъ значеніемъ лѣса.

Итакъ, если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя мѣстности Россіи, находящіяся въ исключительномъ положеніи, можно сказать, что охраненіе лѣсовъ внутри дачи и на ея границахъ къ намъ не примѣнимо и потому не мѣшаетъ подумать о другихъ болѣе дѣйствительныхъ способахъ лѣсоохраненія. Но прежде нежели говорить о контролѣ за лѣсною торговлей, мы должны объяснить, что не считаемъ возможнымъ охранять лѣсъ посредствомъ *одного* только этого контроля. Лѣсопохищенія совершаются съ двойкою цѣлію: для собственнаго потребленія и для продажи; контроль можетъ

оказывать вліяніе только на эту послѣднюю. Крестьяне для собственнаго потребленія преимущественно похищаютъ въ лѣсу лыка для лаптей, жерди и колья, лѣсъ для построекъ и наконецъ дрова. Самое лучшее, что можетъ сдѣлать лѣсовладѣлецъ, это войти съ сосѣдними селеніями въ соглашеніе относительно снабженія ихъ необходимыми матеріалами. Конечно, подобное соглашеніе не всегда возможно, но польза самого владѣльца должна заставлять его стремиться къ нему, на сколько позволяютъ это обстоятельства. Въ Костромской губерніи существуетъ нѣсколько примѣровъ подобнаго соглашенія; однимъ лѣсовладѣлецъ отпускаетъ своимъ временно-обязаннымъ крестьянамъ ежегодно 8.000 деревъ строеваго лѣса на 2.000 душъ, они же, съ своей стороны, обязываются преслѣдовать лѣсокрадовъ изъ своей среды и дѣйствительно, говоря вообще, исполняютъ это обязательство. Въ послѣдствіи, когда крестьяне вырубятъ дровяной лѣсъ въ своемъ надѣлѣ, вѣроятно, будутъ происходить подобныя же соглашенія относительно валежника, соглашенія чрезвычайно выгодныя для обѣихъ сторонъ: помѣщикъ съ радостію отдастъ его крестьянамъ даромъ, лишь бы послѣдніе обязались не рубить на топливо зеленорастущій лѣсъ. Валежникъ засоряетъ дачу и мѣшаетъ произрастанію молодняковъ, крестьяне же получаютъ въ немъ даровой матеріалъ для топлива. Но подобныя сдѣлки, какъ бы онѣ ни были цѣлесообразны, остаются дѣломъ свободнымъ и не могутъ входить въ кругъ правилъ лѣсохраненія. Безъ лѣсной стражи лѣсовладѣльцы обойтись не могутъ, но число ея въ сѣверныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе экономическихъ условій, по необходимости должно быть весьма ограничено: одинъ человѣкъ на 3, 4 и даже 5 тысячъ десятинъ. Лѣсовладѣльцы до сихъ поръ, почти безъ исключенія, дѣлали ту громадную ошибку, что платили полѣснымъ баснословно низкое жалованіе, часто рублей 40 въ годъ, да еще безъ харчей; результатомъ былъ тотъ, что сторожа становились первыми лѣсокрадами. При существующихъ цѣнахъ дешевле 100 р. с. въ годъ удовлетворительныхъ сторожей нанять нельзя, но лучше платить эти деньги, держа меньшее число сторожей, чѣмъ на свой счетъ содержать въ своей дачѣ не охранителей, а лѣсоистребителей. Такая стража, конечно, не въ состояніи предупредить мелкія и среднія воровства, даже значительныя выработки береста и мочала. Но она во всякомъ случаѣ охранитъ дачу отъ значительныхъ порубокъ строеваго и дровянаго

лѣса. Дать этой стражѣ присяжный характеръ, значитъ удвоить приносимую ею пользу. Но какъ согласить этотъ характеръ съ неприкосновенностію личныхъ правъ цѣлаго населенія? Дать вполнѣ удовлетворительное рѣшеніе на этотъ вопросъ я не берусь, но постараюсь по крайней мѣрѣ указать въ какомъ смыслѣ его можно разрѣшить. Что такое присяжный сторожъ? Лицо довѣренное отъ правительства. Но правительство не можетъ оказывать довѣрія первому встрѣчному. Оно должно сперва убѣдиться въ его добросовѣстности, а для этого можно было бы установить слѣдующія правила: Никто не можетъ сдѣлаться присяжнымъ полѣснымъ прежде нежели онъ не прослужилъ трехъ лѣтъ у одного и того же лѣсовладѣльца въ качествѣ полѣснаго безъ всякаго присяжнаго характера. Для утвержденія присяжнымъ сторожемъ, полѣсный долженъ получить отъ лѣсовладѣльца удостовѣреніе о честномъ и добросовѣстномъ исполненіи долга. Такъ какъ особенное значеніе показаній лѣснаго сторожа устанавливается преимущественно въ интересахъ лѣсовладѣльца, то справедливо, чтобы послѣдній представлялъ нѣкоторую гарантію добросовѣстности кандидата, напримѣръ, обязательство заплатить 100 р. с. штрафу, если рекомендованный имъ присяжный полѣсный будетъ обличенъ въ ложномъ показаніи; подобный штрафъ можетъ удержать отъ легкомысленныхъ аттестацій. Сторожа утверждаетъ въ званіи присяжнаго полѣснаго мировой судья, если онъ, удовлетворяя оказаннымъ требованіямъ, не состоитъ подъ судомъ и слѣдствіемъ, и въ теченіи упомянутаго 3-хъ-лѣтняго срока не былъ штрафованъ судебнымъ мѣстомъ. Въ послѣднемъ же случаѣ утвержденіе можетъ состояться только по рѣшенію мирового съѣзда, въ случаѣ если онъ признаетъ, что поступокъ, за который сторожъ подвергнулся штрафу, еще не служитъ доказательствомъ его недобросовѣстности? Я долженъ указать здѣсь на одно право, которое слѣдовало бы предоставить всѣмъ лѣснымъ сторожамъ. Сторожъ часто находитъ не лѣсокрадцовъ, а одни только слѣды похищенія; слѣды эти ведутъ, напримѣръ, къ деревнѣ, и сторожъ находитъ украденный лѣсъ гдѣ-нибудь въ полѣ, или на улицѣ передъ домомъ. Въ этомъ случаѣ онъ составляетъ найденному лѣсу опись въ присутствіи сельскаго начальства и имѣетъ право обязать послѣднее наложить на похищенные матеріалы секвестръ, впредь до рѣшенія мирового судьи, которому тотчасъ объявляетъ о случившемся. Но сторожъ,

огрызкая похищенный лѣсъ, не имѣеть права входить въ крестьянскіе дома и дворы.

Что касается до многолѣсныхъ губерній, то въ нихъ, какъ мы уже говорили, по причинѣ огромности растояній и низкихъ цѣнъ на лѣсъ, недостаточно одного охраненія лѣса внутри дачи помощью лѣсной стражи. Въ такихъ мѣстностяхъ необходимъ надзоръ какъ за лѣсными выработками, такъ и за лѣсной торговлей — надзоръ, котораго цѣль поставить всякаго незаконно-воспользовавшагося лѣсными матеріалами въ такое положеніе, чтобъ онъ не могъ извѣчь изъ нихъ никакихъ выгодъ. Необходимость такого надзора признается, къ сожалѣнію не совсѣмъ послѣдовательно, и. нашимъ лѣснымъ законодательствомъ. Основная мысль послѣдняго слѣдующая. Россія раздѣляется на мѣстности изобилующія лѣсомъ и производящія имъ вывозную торговлю и на покупающія отъ нихъ лѣсъ безлѣсные мѣстности: если отпускъ въ первыхъ будетъ производиться законнымъ образомъ, то и вся дальнѣйшая торговля будетъ законная, не основанная на мошенничествѣ и воровствѣ. На этомъ основаніи и установлено запрещеніе сплавлять и вывозить сухимъ путемъ изъ уѣздовъ лѣсные матеріалы, не покрытые билетами, удостовѣряющими въ томъ, что они закономъ выработаны. Лѣсныя мѣстности мало населены, въ нихъ торгъ лѣсными издѣліями на базарахъ, казалось бы, не можетъ быть значителенъ; въ безлѣсныхъ же мѣстностяхъ торгъ этотъ производится преимущественно закономъ ввезенными извнѣ матеріалами. Отсюда явилась мысль о бесполезности контроля за нимъ, и статьями 1434 и 1435 Лѣсн. Уст. дозволяется свободная торговля всякими лѣсными матеріалами и издѣліями на рынкахъ и базарахъ, въ городахъ и селеніяхъ. До сихъ поръ цѣль законодательства очевидна: строго слѣдить за болѣе значительною вывозною торговлей и смотрѣть сквозь пальцы на мелочную мѣстную торговлю. Но далѣе мы встрѣчаемъ уже непослѣдовательность. Въ силу 773 и 774 ст. Лѣсн. Уст. дозволяются сплавъ и сухопутная перевозка лѣсныхъ издѣлій, скупленныхъ на рынкахъ и базарахъ (въ семи сѣверныхъ губ.), за оплатой пошлины въ казну. Эти статьи составляютъ какъ бы узаконеніе оптовой торговли воровски прибрѣтенными лѣсными матеріалами, такими, которые ни на какомъ рынкѣ и базарѣ никогда не были, а были снесены ворами прямо на пристань,

проданы лѣсопромышленнику и имъ показаны „скупленныи на рынкахъ и базарахъ“. Такъ вятская комиссія учрежденная для изученія хода лѣсной промышленности *, въ доказательство того что неограниченная свобода торговли лѣсомъ и лѣсными издѣліями ведетъ къ большимъ злоупотребленіямъ, приводитъ слѣдующіе факты. „На заготовку смолы выдается дозволеніе на 2450 ведръ, а налицо при свидѣтельствѣ оказывается 3500 ведръ. Промышленникъ отзывается, что излишекъ въ количествѣ 1050 ведръ, или 30 бочекъ (совершенно одинаковаго качества и формы), скупленъ по мелочи на торжкахъ и базарахъ. На заготовку мочальныхъ издѣлій вовсе не берется дозволенія и все, что вывезется на пристань, напримѣръ, 500.000 кулей, совершенно одинаковыхъ, объявляется, въ случаѣ свидѣтельствванія и учета, скупленнымъ по мелочи на торжкахъ и базарахъ. Фабрики и заводы также не берутъ дозволенія на заготовку матеріаловъ, а въ случаѣ спроса отзываются, что они скупили эти послѣдніе опять-таки на торжкахъ и базарахъ. Между тѣмъ такихъ торжковъ и базаровъ, гдѣ бы лѣсопромышленники могли скупать въ нѣсколько значительномъ количествѣ нужные матеріалы, на самомъ дѣлѣ въ губерніи нѣтъ, да и быть не можетъ.“ То же самое можно сказать про губернію Костромскую и другія съ ней сосѣдственныя. Статьи 773 и 774 въ своихъ практическихъ примѣненіяхъ доставляютъ крупному вору привилегію передъ мелкимъ. Крестьянинъ берется поставить лѣсопромышленнику извѣстное количество ворованныхъ матеріаловъ; на долю его, въ случаѣ удачи, выпадаетъ лишь незначительная часть барышей, онъ только исполнитель. Между тѣмъ если онъ будетъ пойманъ при порубкѣ въ лѣсу, или если матеріалы будутъ найдены у него на дому, то онъ подвергается взысканію пошанинъ, матеріалы у него отбираются и самъ онъ предается суду. Въ совершенно другомъ положеніи находится лѣсопромышленникъ, главный двигатель всего воровства. Безъ риска получаетъ онъ отъ своихъ сообщниковъ товары на пристани, уплачиваетъ только пошанину (относительно нѣкоторыхъ матеріаловъ незначительную) и спокойно производитъ ими торговлю. Изъ сказаннаго видно,

* Журн. Мин. Госуд. Имущ. январь 1862 г. „Лѣсопромышленность въ казенныхъ и частныхъ лѣсахъ Вятск. губерніи.“ Ю. Бронзовскаго.

какъ необходима отмена 773 и 774 ст. Лѣсн. Уст. при предстоящей реформѣ лѣснаго законодательства.

Но и статьи 1434 и 1435 служатъ предметомъ сильныхъ нападокъ со стороны лѣсовладѣльцевъ. Защитники этихъ статей стараются выставить подобныя нападки въ смѣшномъ видѣ, говоря, что стѣбитъ ли хлопотать о какомъ-нибудь возѣ дровъ, или мочала, что продажа ворованнаго лѣса доставляетъ многимъ крестьянамъ средства къ пропитанію, къ этому присоединяются обыкновенно возгласы объ осталости, эгоистическихъ стремленіяхъ, остаткахъ крѣпостнаго права и проч.

Не знаю, есть ли еще у насъ люди, которыхъ подобныя возгласы могутъ удержать отъ спокойнаго и безпристрастнаго обсужденія вопроса; но дѣло въ томъ, что объ отдѣльныхъ возахъ никто не хлопочетъ, десятки же тысячъ возовъ ворованнаго лѣса, которые въ настоящее время продаются по Россіи, стѣять того чтобъ объ нихъ похлопотать. Вѣдь отапливаются же въ настоящее время ворованнымъ лѣсомъ всѣ уѣздные города Сѣверной Россіи. Нѣкоторые ссылаются на то, что лѣсокрадство доставляетъ пропитаніе многимъ крестьянамъ: страшный аргументъ! Да на этомъ основаніи можно защищать всякое воровство. Впрочемъ, посмотримъ дѣйствительно ли лѣсокрадство обогащаетъ крестьянъ. Многія комиссіи, учрежденныя для изученія хода лѣсной промышленности въ различныхъ губерніяхъ, особенно мало-лѣсныхъ, но сильно населенныхъ, замѣчаютъ по этому предмету что * „есть не мало деревень, селъ, мѣстечекъ, даже городовъ, жители которыхъ занимаются кражею лѣса по мелочи изъ казенныхъ и частныхъ дачъ, какъ постояннымъ ремесломъ. Украденный матеріалъ безпрепятственно провозится въ города на рынки, базары, фабрики, винокуренныя заводы и т. п., гдѣ на правѣ свободной торговли и сбывается легко. Такой торгъ кажется тѣмъ болѣе заманчивымъ, что онъ даетъ возможность тотчасъ же получить наличныя деньги. Но заманчивый по виду, промыселъ этотъ въ сущности ведетъ крестьянина къ раззоренію, не говоря уже о моральномъ развращеніи; предавшись этому промыслу крестьянинъ неминуемо запускаетъ свое хозяйство. Въ самое

* *Журналъ Мин. Государ. Имущ.* Августъ 1861 г. Ю Боровскаго: „О ходѣ лѣсной промышленности въ казенныхъ и частныхъ лѣсахъ.“

рабочее время, какъ на примѣръ въ сѣнокосъ и т. п., онъ не задумается потерять два, три дня на похищеніе воза дровъ, или другаго рода лѣса и на доставленіе его на рынокъ, насколько не принимая во вниманіе того, что онъ гораздо болѣе теряетъ дома въ хозяйствѣ чѣмъ сколько приобрѣтетъ на рынкѣ отъ незаконной торговли. Дешево добытый лѣсъ (потому что крестьянинъ рѣдко цѣнить надлежащимъ образомъ свое время) при сильной конкуренціи продается за безцѣнокъ. Да и легко приобрѣтенныя деньги идутъ не въ прокъ и большею частію не привозятся домой, а остаются по дорогѣ въ кабакахъ. Такой незаконный торгъ лѣсомъ, разоряя крестьянъ, лишаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ лѣсовладельцевъ всякаго дохода, ибо, вслѣдствіе значительнаго подвоза краденаго лѣса, рыночная цѣна на лѣсные матеріалы обыкновенно бываетъ такъ низка, что почти не вознаграждаетъ издержекъ на заготовку и провозъ лѣса, а въ самыхъ дачахъ лѣсъ не имѣетъ почти никакой цѣнности." Но съ другой стороны я никакъ не могу пристать къ мнѣнію тѣхъ, которые считаютъ необходимымъ дозволять розничную продажу лѣсныхъ матеріаловъ не иначе, какъ по билетамъ, подобно тому какъ это установлено въ прибалтійскихъ губерніяхъ (1438 ст. Л. У.). Выдача билетовъ на отдѣльные возы и надзоръ какъ за этою выдачею такъ и за продажей по билетамъ на базарахъ крайне затруднительны. Формальности, касающіяся незначительныхъ цѣнностей, легко обходить, и онѣ породятъ только злоупотребленіе. Еслибы были отмѣнены 773 и 774 ст., то розничный торгъ ворованнымъ лѣсомъ, не питаемый болѣе оптовою торговлею, принялъ бы значительно меньшіе размѣры, которые можно было бы еще болѣе сократить установленіемъ цѣлесообразнаго надзора за потребленіемъ лѣсныхъ матеріаловъ заводами, пароходными приставками, станціями желѣзныхъ дорогъ и пр. При такихъ условіяхъ торгъ этотъ ограничивался бы удовлетвореніемъ потребностей мѣстныхъ жителей и относительно его, въ отмѣну 1434 и 1435 стт., достаточно было бы установить: „что лѣсные смотрители (а за неимѣніемъ ихъ уѣздныя полиціи) обязаны наблюдать, чтобы для продажи на торги и базары привозились только законно-приобрѣтенныя торговцами матеріалы." Я не берусь рѣшить, какимъ образомъ можно было бы установить это наблюденіе дѣйствительнымъ образомъ для всей Россіи, но мнѣ кажется,

что въ сѣверныхъ малонаселенныхъ губерніяхъ во многихъ мѣстахъ можно было бы, вслѣдствіе незначительности мелочной торговли, на практикѣ вовсе освободить ее отъ всякаго надзора. Относительно же другихъ мѣстностей той же полосы, въ которыхъ существуютъ значительные центры потребленія, достаточно было бы слѣдующаго правила. Лѣсной смотритель и его помощники имѣютъ право на торжкахъ и базарахъ опрашивать каждаго торговца привезшаго щепной товаръ, деготь, дрова и т. д., гдѣ приобрѣтены имъ привезенные товары и составлять актъ опроса за своею подписью и подписью двухъ свидѣтелей. Если крестьянинъ добровольно сознается, что, напримѣръ, щепной товаръ приготовленъ имъ изъ самовольно-выработаннаго лѣса, съ него взыскивается цѣна сыраго матеріала по таксъ, и ему предоставляется право продолжать продажу безо всякой дальнѣйшей отвѣтственности. Но если онъ покажетъ, что лѣсъ купленъ имъ у другаго крестьянина или выработанъ съ разрѣшенія какого-нибудь помѣщика, то составляется актъ опроса, крестьянину предоставляется безпрепятственно продолжать торговлю, и лѣсной смотритель сносится съ тѣми лицами, на которыя торговецъ сослался. При этомъ откроется былъ ли товаръ приобрѣтенъ законно или воровски. Въ послѣднемъ случаѣ документы отсылаются къ мировому судѣ, который взыскиваетъ съ торговца цѣну привезеннаго товара и сверхъ того штрафъ за ложное показаніе. Само собой разумѣется, что смотрителю нѣтъ возможности бывать на каждомъ базарѣ, но съ другой стороны каждый торговецъ будетъ принимать въ расчетъ рискъ, что съ него взыщутъ штрафъ и это опасеніе будетъ въ извѣстной мѣрѣ удерживать его отъ лѣсокрадства.

До сихъ поръ мы говорили о вывозной и мѣстной мелочной торговлѣ, но существуетъ значительная отрасль лѣсной промышленности, которая, вслѣдствіе нѣкоторыхъ исключительныхъ условій, должна быть подвергаема особому надзору, какъ это и дѣлается, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ Франціи. Мы говоримъ о лѣсотехническихъ производствахъ: приготовленіи смолы, дегтя, скипидара, поташа и пр. Особенность матеріаловъ, служащихъ для этихъ производствъ составляетъ, говоря вообще, значительная цѣнность при маломъ объемѣ (береста), вслѣдствіе чего нѣтъ никакой возможности воспрепятствовать воровскому вывозу этихъ матеріаловъ

изъ лѣсныхъ дачъ, по крайней мѣрѣ въ многолѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ многіе изъ нихъ преимущественно вырабатываются. По этой причинѣ надзоръ за правильностью ихъ приобрѣтенія всего легче сосредоточить на самыхъ заводахъ, т.-е. въ тѣхъ центрахъ, куда эти матеріалы свозятся въ сыромъ видѣ.

Потребителей слѣдуетъ, говоря вообще, освободить отъ всякаго надзора. Но и здѣсь, по нашему мнѣнію, необходимо сдѣлать исключеніе относительно потребленія лѣса на фабрикахъ, заводахъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ пароходныхъ пристаняхъ и пр. Справедливость требуетъ, чтобы владѣльцы этихъ промышленныхъ заведеній, получающіе съ нихъ болѣе или менѣе значительные барыши, не были главными поощрителями лѣснаго воровства, а потому ихъ слѣдуетъ подчинить такому контролю, который заставлялъ бы ихъ пользоваться не воровски, а законно приобрѣтенымъ лѣсомъ. Контроль этотъ не представляетъ затрудненій, потому что ежегодное потребленіе лѣсныхъ матеріаловъ заводами, пароходными пристанями, и проч., можетъ быть определено съ достаточною приближительностію.

Итакъ контролю должны подвергаться: лѣсовладѣльцы, производящіе у себя выработку, мелкіе торговцы, продающіе лѣсные матеріалы и издѣлія на рынкахъ и базарахъ (но не повсемѣстно) или вывозящіе ихъ изъ предѣловъ уѣзда, заводчики и фабриканты, потребляющіе лѣсъ въ значительномъ количествѣ, лѣсепромышленники, ведущіе оптовую торговлю, дагѣ лица завѣдывающія станціями желѣзныхъ дорогъ и пароходными пристанями. Отъ контроля могутъ быть освобождаемы лица, торгующія такими лѣсными матеріалами и издѣліями, торгъ которыми, по сравнительной маловажности его, не стоить подвергать надзору. Дагѣ отъ него должны быть освобождаемы всѣ лица, покупающія лѣсъ для собственнаго употребленія, не участвующіе въ лѣсной промышленности; они не могутъ быть подвергаемы отвѣтственности въ случаѣ приобрѣтенія ими незаконно-выработанныхъ матеріаловъ. Такимъ образомъ значительно стѣснитса поле надзора, отъ него освобождается масса населенія и ему подвержены только лѣсепромышленники въ болѣе обширномъ значеніи этого слова и нѣкоторые фабриканты и заводчики. „Получая отъ мѣстной промышленности средства къ жизни, говорить г. Колупановъ, они необходимо должны

подчиняться тѣмъ условіямъ ея, которыя государство признаетъ нужными для общаго блага и для охраненія незаконно расхищаемой собственности.“ Наконецъ, контроль не долженъ имѣть цѣлю достиженіе математической точности выработокъ. Необходимо, чтобы онъ не стѣснялъ промышленника, законно-пріобрѣтшаго лѣсъ, мелочною придирчивостью, преслѣдованіемъ такихъ ошибокъ, которыхъ не въ состояніи избѣжать самый добросовѣстный человѣкъ. Необходимо, чтобы не предъявлялось требованій неудобноисполнимыхъ, каковы многія установленныя нашимъ лѣснымъ уставомъ. Такъ напримѣръ лѣсовладѣльцы, въ дачахъ которыхъ производится выработка для сплава, должны не позже какъ къ 15 марта предъявлять земскимъ полиціямъ сплавные билеты, въ которыхъ свидуетъ съ точностію обозначать: число, размѣры и качество вырубленнаго лѣса (1432 и 1433 стт. Л. У.). Между тѣмъ до 15 марта и позже лѣсъ этотъ бываетъ занесенъ свѣгомъ, и объ немъ нѣтъ возможности дать точныя показанія. Относительно всѣхъ матеріаловъ долженъ быть установленъ извѣстный законный допускъ, на который партія лѣса или лѣсныхъ издѣлій можетъ превышать на дѣлѣ покрывающій ее билетъ; допускъ этотъ долженъ ограждать промышленника отъ отвѣтственности за мелкія невольныя ошибки, происходящія во всякомъ торговомъ дѣлѣ.

Основные начала надзора за лѣсною торговлею, установленныя законодательнымъ порядкомъ, должны, конечно, быть общими для всей Россіи; подробности же въ этомъ дѣлѣ зависятъ отъ направленія торговли, цѣнности различныхъ матеріаловъ, числа фабрикъ, заводовъ, лѣсотехническихъ заведеній въ данной мѣстности, отъ количества лѣсовъ, степени населенности и проч. Далѣе онѣ должны измѣняться, согласно измѣненіямъ въ торговлѣ: по всѣмъ этимъ причинамъ онѣ не могутъ быть устанавливаемы путемъ законодательнымъ: обсужденіе ихъ слѣдовало бы предоставлять собранію лѣсовладѣльцевъ извѣстной мѣстности, съ тѣмъ чтобы составленная этимъ собраніемъ на основаніи закона инструкция лѣсоохраненія разсматривалась, въ случаѣ нужды была измѣняема и наконецъ утверждалась губернскимъ присутствіемъ (губернскою управою), послѣ предварительнаго обсужденія на мировыхъ сѣздахъ (уѣздныхъ управахъ), той области, на которую дѣйствіе инструкции распространяется. Тому же

собранію должно предоставить право ходатайствовать объ измѣненіи ея въ случаѣ нужды, согласно измѣнившимся обстоятельствамъ, или указаніямъ опыта. Всякому считающему, что личныя права его нарушаются тою или другою статьею мѣстной инструкціи, предоставляется приносить жалобу въ подлежащую судебную палату, которая соображаетъ согласна ли означенная статья съ основными положеніями надзора за лѣсною торговлею, а равно и общими узаконеніями, и имѣть право статью эту отмѣнить. Со дня отмѣны, статья эта теряетъ силу, но собранію принявшему ея, а равно лѣсными смотрителямъ, предоставляется подавать на это рѣшеніе апелляцію въ кассационный судъ.

Дѣйствительный, добросовѣстный надзоръ за лѣсною торговлею въ уѣздахъ, въ которыхъ находятся значительныя владѣльческія лѣсныя дачи, дѣло не легкое, а потому весьма желательно, чтобъ онъ вѣрялся человѣку не только честному, но и свободному отъ другихъ занятій—особенно лѣсному смотрителю. Лучшимъ ручательствомъ за добросовѣстность человѣка служить выборъ, въ томъ именно случаѣ, когда выбираемому вѣряются важныя имущественныя интересы избирателей; далѣе вопросъ объ охраненіи владѣльческихъ лѣсовъ преимущественно касается лѣсовладѣльцевъ; они должны брать на себя издержки по надзору, имъ слѣдуетъ предоставлять выборъ человѣка, которому вѣряется этотъ надзоръ. Но, ограждая интересы собственности и притомъ собственности, имѣющей важное государственное значеніе, смотритель является дѣятелемъ облеченнымъ извѣстною общественною властію, а потому долженъ быть утверждаемъ въ должности правительствомъ. Дѣятельность лѣснаго смотрителя заключается преимущественно въ удостовѣреніи: покрыты ли законными билетами матеріалы, вывозимые изъ уѣзда, или перерабатываемые на лѣсотехническихъ заведеніяхъ. Онъ безпрестанно дѣлаетъ повѣрки и при этомъ не подлежитъ ответственности въ томъ случаѣ, если повѣрка не изобличила никакихъ злоупотребленій. Но съ другой стороны, онъ долженъ избирать для повѣрокъ время не стѣснительное для промышленника; не долженъ, напримѣръ, повѣркою складовъ, нагружаемыхъ на барку, задерживать отправленіе послѣдней. Потому всякій промышленникъ, не удиченный при повѣркѣ въ злоупотребленіи, имѣетъ право жаловаться предъ судомъ на смотрителя, и если будетъ доказано, что посаженный

злоупотребилъ правомъ повѣрки, то онъ подвергается всей отвѣтственности истца въ гражданскомъ процессѣ: это послужить для него достаточною уздою. Но съ другой стороны, чтобъ узда эта не побудила его къ бездѣйствию, чтобы болѣе заинтересовать его въ преслѣдованіи злоупотребленій, должно предоставить ему одну половину всѣхъ штрафовъ, взыскиваемыхъ по лѣснымъ дѣламъ, начатымъ по его указанію, или указанію его помощниковъ. Остальная половина (если нельзя будетъ отыскать законнаго владѣльца матеріаловъ, за которые производится взысканіе) идетъ на составленіе *капитала лѣсоохраненія*, процентами съ котораго покрывается часть расходовъ по надзору. О каждой повѣркѣ лѣсной смотритель составляетъ актъ, который принимается за судебное доказательство, если не будетъ достаточною образомъ опровергнута отвѣтчикомъ; впрочемъ, въ важнѣйшихъ случаяхъ онъ обязанъ для повѣрки приглашать одного, или двухъ свидѣтелей. Лѣсной смотритель избираетъ помощниковъ (не менѣе двухъ), онъ отвѣчаетъ за ихъ дѣйствія, они приводятся къ присягѣ, и показаніе ихъ, а равно составленные ими акты повѣрокъ служатъ судебнымъ доказательствомъ. Такимъ образомъ лѣсной смотритель является общителемъ, дѣйствующимъ по довѣренности отъ цѣлаго общества лѣсовладѣльцевъ; самъ онъ злоупотребленій не преслѣдуетъ, а обращается съ этою цѣлью къ уѣздной полиціи и къ судебнымъ мѣстамъ, которыя обязаны своевременно исполнять всѣ его законныя требованія.

При повѣркѣ выработокъ, для лѣснаго смотрителя очень важно имѣть возможность руководствоваться подробнымъ и вѣрнымъ описаніемъ находящихся въ уѣздѣ лѣсныхъ дачъ, знать состояніе ихъ, находящіяся въ нихъ насажденія различныхъ древесныхъ породъ. Если онъ знаетъ, на примѣръ, что въ такой-то дачѣ крупнаго строеваго лѣса очень мало, а между тѣмъ владѣлецъ ея, или промышленникъ, купившій ее на срубъ, отправляетъ подъ своимъ билетомъ значительную партію крупнаго строеваго лѣса, то онъ можетъ заявить объ этомъ полиціи и требовать, чтобы произведено было формальное слѣдствіе. Правда, подобныхъ общихъ описаній по цѣлому уѣзду у насъ нѣтъ, но составленіемъ ихъ могли бы заняться сами смотрители, тѣмъ болѣе что дачи по вѣдомству государственныхъ имуществъ и удѣльному большою частію уже таксированы; то же можно сказать и о многихъ

владѣльческихъ. Такъ какъ подобное описаніе имѣло бы нѣкоторый офиціальныи характеръ, такъ какъ смотритель основывался бы на немъ при своихъ дѣйствіяхъ, то оно должно быть предъявляемо лѣсовладѣльцамъ для прочтенія, и они имѣютъ право, если найдутъ въ немъ неточности, требовать соответствующихъ измѣненій, а въ крайнемъ случаѣ мѣстныхъ повѣрокъ.

Лѣсной смотритель есть ex officio адвокатъ всѣхъ лѣсовладѣльцевъ по дѣламъ о лѣсопохищеніяхъ; онъ долженъ имѣть право прилагать свое мнѣніе, если признаетъ какія-либо дѣйствія неправильными. Онъ слѣдитъ за скорымъ и законнымъ теченіемъ этихъ дѣлъ во всѣхъ инстанціяхъ, подавая въ случаѣ нужды жалобу высшему начальству. „На этомъ основаніи, какъ предлагаетъ г. Колюпановъ, во все продолженіе дѣла, во всякомъ присутственномъ мѣстѣ и у отдѣльнаго лица, лѣсной смотритель имѣетъ право обозрѣть все дѣлопроизводство и войти съ мнѣніемъ, которое — если оно заключаетъ данныя на законахъ основанныя, — присутственное мѣсто или лицо должно принять къ соображенію и исполненію, подвергаясь въ противномъ случаѣ отвѣтственности по законамъ.“

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ, по вашему мнѣнію, долженъ производиться выборъ лѣснаго смотрителя. Уѣздный предводитель дворянства назначаетъ, по совѣщаніи съ наличными владѣльцами, срокъ для этого собранія и составляетъ программу главныхъ вопросовъ, которые предстоитъ обсудить; отсутствующихъ владѣльцевъ онъ извѣщаетъ письменно, присылая каждому означенную программу. Отсутствующій владѣлецъ можетъ воспользоваться своимъ голосомъ и не являясь на собраніе, а присылая только письменные отвѣты. Собраніе избираетъ смотрителя безсрочно. Онъ удаляется отъ должности или по суду, или постановленіемъ лѣсовладѣльцевъ, состоявшимся по большинству не мѣнѣе двухъ третей голосовъ. Прибавимъ, что лѣсовладѣлецъ уличенный въ выдачу подложнаго билета долженъ быть лишамъ навсегда права голоса въ собраніи лѣсовладѣльцевъ. Издержки по содержанію смотрителя и его помощниковъ, а съ другой стороны также и число голосовъ, которымъ каждый лѣсовладѣлецъ пользуется въ вышеозначенномъ собраніи должны быть пропорціональны количеству десятинъ принадлежащаго каждому лѣсу, считая по одному голосу, напримѣръ,

на каждыя 100 дес. Рѣшенія, принятыя на съѣздѣ большинствомъ, должны быть обязательны для меньшинства.

Содержаніе лѣснаго смотрителя и его помощниковъ составить во всякомъ случаѣ немаловажный расходъ, и можно ожидать, что лѣсовладѣльцы примутъ его на себя лишь въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ много значительныхъ владѣльческихъ дачъ. Въ прочихъ надзоръ за выработками и торговлей долженъ по необходимости оставаться въ рукахъ уѣздной полиціи, такъ какъ по меньшему количеству лѣса, принадлежащаго частнымъ лицамъ, надзоръ въ нихъ легче и не превышаетъ средствъ полиціи, кругъ дѣятельности которой съ учрежденіемъ мировыхъ посредниковъ и судебныхъ слѣдователей значительно стѣснился, и еще болѣе стѣснится, когда учредятся хозяйственно-административныя управы. Но и въ этихъ уѣздахъ можно было бы содержать на счетъ лѣсовладѣльцевъ, въ помощь полиціи, нѣсколько присяжныхъ лѣсныхъ надсмотрщиковъ, получающихъ отъ 300 до 400 р. жалованія.

До сихъ поръ мы касались только общихъ основаній надзора за лѣсною торговлей. Для большей ясности укажемъ какъ эти начала могли бы быть примѣнены, напримѣръ для сѣверо-восточной лѣсной полосы Россіи и, не вдаваясь въ излишнія подробности, постараемся набросать въ главныхъ чертахъ инструкцію для надзора за лѣсною торговлей въ этой мѣстности.

На всѣ лѣсныя издѣлія, которыя выпускаются изъ дачъ уѣзда для сплава, или сухопутнаго вывоза, а также для переработки на лѣсотехническихъ заведеніяхъ, долженъ быть выдаваемъ билетъ. Билеты выдаются, смотря по принадлежности лѣсныхъ дачъ, владѣльцами или ихъ повѣренными (или, что то же самое, лѣсопромышленникомъ, купившимъ дачу на срубъ на извѣстное число лѣтъ), казенными лѣсничими, чинами удѣльнаго вѣдомства, городскими и сельскими властями. Что касается до крестьянъ, какъ казенныхъ, такъ и временно-обязанныхъ, имѣющихъ въ своемъ надѣлѣ лѣсъ, то говоря вообще, лѣса этого недостаточно даже для удовлетворенія на продолжительное время собственныхъ ихъ нуждъ въ топливѣ и лѣсныхъ матеріалахъ, и потому они будутъ дѣйствительно отпускать лѣсъ этотъ въ продажу лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Но чтобы и это не послужило средствомъ къ прикрытію злоупотребленій, слѣдуетъ постановить, что крестьянинъ можетъ вывозить общественный

лѣсъ на продажу не иначе, какъ по приговору сельскаго суда, копія съ котораго отсылается для свѣдѣнія къ лѣсовому смотрителю. Относительно выдачи билетовъ владѣльцами, г. Колюпановъ предлагаетъ очень практической способъ: „Лѣсной смотритель, говоритъ онъ, выдаетъ каждому изъ владѣльцевъ бланковую книгу для билетовъ, за своею подписью, прошнурованную и скрѣпленную, двойную, по примѣру введенныхъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ конторахъ и проч. Владѣлецъ, при выпускѣ изъ дачи билетовъ, вписываетъ на обѣихъ сторонахъ: названіе отдѣльной дачи, гдѣ производилась выработка; количество и качество выпущенныхъ матеріаловъ, опредѣленныхъ по размѣру, мѣрѣ и вѣсу, согласно принятымъ въ мѣстной лѣсной торговлѣ обычаямъ; какимъ образомъ они сбываются, то-есть водою, или желѣзною дорогою, или гужевою перевозкою и кому продаются, или кѣмъ везутся на продажу. Онъ подписываетъ это самъ или черезъ рукоприкладчика, и кромѣ того онъ обязанъ приложить печать свою или знакъ для безграмотныхъ. Ясно, что этимъ способомъ, по возможности, прекращенъ всякій способъ поддѣлки владѣльческихъ билетовъ.“ Выше уже говорили мы, что отъ промышленника никогда не должно требовать неудобноисполнимаго, какъ, напримѣръ, представленія къ 15 марта сплавныхъ билетовъ, заключающихъ въ себѣ точное описаніе лѣса. Владѣлецъ можетъ ближе ознакомиться съ производимою у него выработкой строеваго лѣса только тогда, когда лѣсные рѣчки уже вскрылись и бревна свиты въ плоты. Тогда и долженъ онъ выдавать свои билеты, но времени тутъ остается немного, некогда тщательно обмѣривать бревна и вполне достаточно, если во владѣльческомъ билетѣ будетъ точно обозначено число деревьевъ и затѣмъ общій характеръ лѣса. На каждомъ плоту долженъ быть отдѣльный билетъ. По владѣльческимъ билетамъ продаются лѣсные матеріалы, предназначенные къ вывозу изъ уѣзда, перерабатываемые на лѣсотехническихъ заведеніяхъ, потребляемые фабриками и т. д.

Выдача билетовъ была бы, конечно, пустою формальною, еслибы не было возможности удостовѣряться повѣркою въ томъ, что она производится правильно, безъ злоупотребленій. Повѣрка эта должна происходить въ то время, когда издѣлія предназначаются къ вывозу изъ уѣзда. Для этого слѣдуетъ постановить, что, передъ отправленіемъ

издѣлій, покрывающіе ихъ владѣльческіе билеты предъявляются лѣсному смотрителю. Время этого предъявленія зависитъ отъ рода издѣлій, способа вывоза и пр. Относительно сплавляемаго строеваго лѣса—въ то время, когда деревья уже свиты въ плоты, относительно перевозимыхъ въ баркахъ—когда издѣлія сложены на пристани и т. д. Лѣсной смотритель, удостоившись въ правильности билета относительно формы, выдаетъ въ замѣнъ владѣльческаго билета свой *штемпельный*, по которому издѣлія и могутъ быть вывозимы изъ уѣзда; первый же сохраняетъ до ревизіи. Но выдачей этой онъ не гарантируетъ законности выработки и сохраняетъ право свѣрять и послѣ нея дѣйствительно отпущаемыя партіи съ покрывающимъ ихъ штемпельнымъ билетомъ; замѣтивъ же фальшь, обнаруживать ее и передавать дѣло подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ, для пресѣдованія виновнаго. Это слѣдуетъ постановить по той причинѣ, что относительно многихъ матеріаловъ невозможна (безъ значительныхъ отбѣненій для промышленника), повѣрка передъ выдачею билета напримѣръ относительно сплавляемаго строеваго лѣса. Въ существующемъ законодательствѣ постановлено, что передъ выдачею билетовъ должны быть повѣрены все издѣлія,—требованіе совершенно невыполнимое — и что выдающій билетъ отвѣчаетъ тѣмъ самымъ за законность выработки. Результатъ былъ тотъ, что чиновникъ, вслѣдствіе физической невозможности, выработокъ не повѣрялъ; билеты же вдавалъ подъ личною своею отвѣтственностію и, само собой разумѣется, бралъ за это взятки. Всѣхъ выработокъ смотритель повѣрить не можетъ, но долженъ повѣрять тѣ, относительно которыхъ представляется какое-либо сомнѣніе. Съ этою-то цѣлію и производится замѣна владѣльческихъ билетовъ штемпельными. Имѣя у себя документы о всемъ, что вывозится различными промышленниками; зная какія въ теченіе года производились выработки, зная состояніе отдѣльныхъ дачъ; зная, наконецъ, людей, съ которыми имѣеть дѣло, смотритель всегда въ состояніи замѣтить сомнительное и произвести, гдѣ нужно, повѣрку. Но чтобы въ теченіе года ему легче было слѣдить за производящимися выработками, слѣдуетъ обязать лѣсовладѣльцевъ, чтобы они, при началѣ каждой выработки, производящейся не для собственнаго потребленія, подавали объявленіе лѣсному смотрителю; то же слѣдуетъ соблюдать относительно выработокъ

въ государственнѣхъ и удѣльныхъ лѣсахъ. О времени и мѣстѣ производства повѣрокъ нельзя оказать ничего общаго. Строевой лѣсъ смотритель долженъ повѣрять частію на пристаняхъ, частію когда плоты уже на ходу; грузъ барки,—когда оны сложены на пристани и т. д. Замѣтивъ подлоги, неточность и пр., оны составляетъ актъ повѣрки и отсылаетъ его въ судъ, не задерживая отправляемыхъ партій.

Чтобы запрещеніе вывоза лѣсныхъ матеріаловъ безъ штемпельнаго билета соблюдалось на самомъ дѣлѣ—необходимъ надзоръ. Здѣсь, какъ и вездѣ, возможна контрабанда; но въ лѣсномъ дѣлѣ она затрудняется различными обстоятельствами. Главныхъ путей для вывоза немного, и они хорошо извѣстны—это рѣки; дадѣе, провозъ лѣсныхъ матеріаловъ сухимъ путемъ также производится по извѣстнымъ дорогамъ и въ извѣстное время года; наконецъ, та особенность лѣсныхъ издѣлій, что они цѣнны лишь въ большомъ объемѣ, представляетъ условіе неблагоприятное для контрабанды. Каждый плотъ, каждая барка должны быть покрыты отдѣльнымъ билетомъ; безбилетные плоты и суда задерживаются, и на нихъ налагается полиціей секвестръ. Лѣсные сторожа, которыхъ обходы расположены на границахъ уѣзда, имѣютъ право спрашивать о билетахъ воишковъ лѣсныхъ издѣлій, ѣдущихъ по дорогамъ, которыя ведутъ къ границамъ уѣзда, и притомъ въ то время, когда они подъѣзжаютъ къ этой границѣ. Въ случаѣ неимѣнія билета лѣсной сторожъ провожаетъ обозъ до ближайшей деревни, гдѣ сельское начальство обязано задержать безбилетный товаръ до прибытія полиціи. Сторожу отдается половина взыскиваемого при этомъ штрафа; тѣмъ же правомъ опроса пользуются лѣсной смотритель и его помощники. На нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктахъ лѣсной смотритель, по совѣщаніи съ собраніемъ лѣсовладѣльцевъ, можетъ устраивать для этой цѣли особые кордоны. *

Владѣлецъ каждаго лѣсотехническаго заведенія долженъ передъ открытіемъ работъ объявить объ этомъ лѣсному смотрителю.

* Само собою разумѣется, что на отдѣльные возы брать, въ замѣлъ надѣльческаго, штемпельный билетъ, чрезвычайно стѣснительно и потому быть можетъ изъ предыдущаго правила придется допустить нѣкоторыя изъятія относительно мелкихъ партій, провозимыхъ сухопутно. Дѣло это выяснится самимъ опытомъ.

Далѣе, ни одинъ заводчикъ, не исключая и получающихъ сырой матеріалъ изъ собственныхъ дачъ, не въ правѣ продавать лѣсотехническія произведенія, не испросивъ предварительно у лѣснаго смотрителя *фабричнаго итѣпельнаго билета*. Такой билетъ заводчикъ можетъ во всякое время брать на выработанные уже матеріалы и во всякомъ случаѣ обязанъ очистить къ 15 мая, то-есть къ такому сроку, когда заводы обыкновенно уже окончили свою годовичную работу. Фабричный билетъ выдается на основаніи имѣющихся у заводчика владѣльческихъ и другихъ билетовъ на сырой матеріалъ, при чемъ принимаются извѣстные нормальные выходы переработанныхъ произведеній изъ сыраго матеріала. Эти обыкновенные нормальные выходы хорошо извѣстны во всякой мѣстности относительно каждаго производства; такъ напримѣръ изъ сажени бересты выходитъ обыкновенно 30 пудовъ пароваго дегтя и т. п. Нормальные выходы эти устанавливаются лѣснымъ смотрителемъ по совѣщаніи съ нѣсколькими приглашенными имъ лѣсовладѣльцами и промышленниками, и публикуются въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Каждый заводчикъ можетъ подавать жалобу, если находитъ принятыя выходы слишкомъ низкими, и требовать освидѣтельствованія производства на его заводѣ лѣснымъ смотрителемъ при двухъ свидѣтеляхъ-лѣсовладѣльцахъ. Въ случаѣ справедливости жалобы (напримѣръ, если заводчикъ ввелъ у себя какой-либо новый усовершенствованный способъ), заводчика этого усчитываютъ уже по большому, оказавшемуся при повѣркѣ, расчету. Такимъ образомъ значительно упрощается повѣрка выработокъ на заводахъ. Смотритель отбираетъ у заводчика всѣ имѣющіеся у него билеты и, на основаніи опредѣленныхъ выходовъ, выдаетъ ему одинъ фабричный билетъ или нѣсколько; напримѣръ, если у заводчика билетовъ на 900 сажень бересты, онъ получаетъ фабричный билетъ на $900 \times 30 = 27.000$ пудовъ дегтя.

Однако при этомъ надзорѣ представляется еще одинъ существенный пробѣлъ. Промышленники привозятъ очень часто сырые матеріалы назначаемые для переработки (преимущественно бересту и мочало) изъ другихъ уѣздовъ, частію такихъ, гдѣ лѣсныхъ смотрителей существовать не будетъ, гдѣ, быть-можетъ, выдаются пустые билеты, то-есть на издѣлія, никогда въ дачѣ не вырабатывавшіяся или на значительно большія количества противъ тѣхъ, которыя были

выработаны въ дѣйствительности. Этотъ излишекъ въ билетѣ промышленника обыкновенно пополнялся уже на мѣстѣ скупленными по дешевой цѣнѣ, ворованными матеріалами. Для предупрежденія подобныхъ злоупотребленій необходимо постановить слѣдующее:

Каждая партія сырыхъ матеріаловъ, привозимая въ уѣздъ для переработки, должна быть покрыта накладной, подобною употребляемымъ при отправленіи всякихъ товаровъ; въ ней, относительно матеріаловъ привозныхъ сухимъ путемъ, должно быть означено число возовъ, вѣсъ и т. д., а также какіе имѣются на матеріалы эти билеты. Немедленно по прибытіи транспорта или судна, промышленникъ подаетъ смотрителю объявленіе о мѣстѣ, гдѣ складываются привезенные матеріалы, прилагая упомянутую накладную, которую смотритель возвращаетъ, сдѣлавъ на ней надпись о времени когда она ему явлена. Смотритель обязанъ приступить къ повѣркѣ груза не позже какъ по прошествіи трехъ дней со времени подписанія накладной. Если въ теченіи этого срока смотритель къ повѣркѣ не приступилъ, то промышленникъ можетъ, не ожидая ея долге, начать производство изъ привезенныхъ матеріаловъ (береста) или раздавать ихъ на выдѣлку крестьянамъ (мочало) *. Смотритель, по полученіи объявленія, выбираетъ для повѣрки нѣсколько транспортовъ, относительно которыхъ представляется болѣе сомнѣній, оставляя прочіе безъ вниманія. Если при повѣркѣ оказалось, что матеріаловъ на самомъ дѣлѣ менше, чѣмъ означено въ билетѣ, то съ промышленника взыскивается штрафъ равный цѣнѣ недостающаго количества.

Къ извѣстному сроку, напримѣръ въ половинѣ мая (составляющему естественный переловъ лѣсной промышленности сѣверныхъ губерній, ибо къ этому времени обыкновенно уже вывезено все, что выработывалось въ уѣздѣ въ теченіи предшествовавшаго года, а къ новымъ выработкамъ не приступаютъ ранѣе конца мая), лѣсовладѣльцы, лѣсопромышленники, заводчики и проч. обязаны предъявить лѣсному смотрителю свидѣнія объ оставшихся у нихъ выработанныхъ матеріалахъ: платахъ строеваго лѣса, которые не успѣли сплавить, дровахъ, мочалѣ, дегтѣ, тесѣ и проч. Лѣсной смотритель

* Причемъ смотритель обязанъ уже признавать дѣйствительность имѣющихся на матеріалы билетовъ.

часть объявленій этихъ повѣряеть на мѣстѣ, на заводѣ, пристаняхъ и проч.; по другимъ же, относительно которыхъ ему не представляется сомнѣній, онъ прямо выдаетъ остаточный билетъ.

Мы говорили выше о надзорѣ за фабриками, заводами и пр. Если у владѣльца ихъ подлѣ завода есть собственная лѣсная дача, то онъ не обязанъ предъявлять никакихъ билетовъ. Но въ противномъ случаѣ онъ обязанъ къ концу года представить лѣсному смотрителю билеты на все количество потребленныхъ въ теченіи года на заводѣ дровъ и другихъ матеріаловъ (напримѣръ, корья, поташа, угля и пр.). Но какимъ образомъ опредѣлить это количество? Съ достаточною приближенностью извѣстно сколько дровъ потребляется въ день паровая машина извѣстнаго устройства и извѣстнаго числа силъ, сколько корья требуется на изготовленіе извѣстнаго числа кожъ, какъ велико потребление поташа на извѣстномъ стеклянномъ заводѣ и пр. Смотритель пользуясь данными науки, показаніями опытныхъ лицъ, собственными наблюденіями, опредѣляетъ по соглашенію съ заводчикомъ, норму потребления лѣса на заводѣ. Если заводчикъ находитъ норму эту слишкомъ высокою, то ему предоставляется право подать жалобу съ представленіемъ доказательствъ, напримѣръ, въ уѣздную управу, и послѣдняя можетъ измѣнить выше сказанную норму, если признаетъ жалобу основательною. Заводчикъ, примѣнившій, послѣ установленія нормы, новыя техническія усовершенствованія, работавшій не весь годъ и т. д., не обязанъ представлять билетовъ на всю норму, если онъ удовлетворительнымъ образомъ объяснитъ причину недочета; въ противномъ же случаѣ онъ обязанъ уплатить штрафъ, равный существующей цѣнѣ недостающаго количества лѣсныхъ матеріаловъ. При этихъ нормахъ конечно невозможно достигнуть большой точности, и онѣ будутъ всегда менѣе дѣйствительнаго потребления, но если, напримѣръ, заводъ потребляетъ въ годъ 400 сажень дровъ, а для него установлена норма въ 350 сажень; то промышленникъ, очевидно, можетъ скупить незаконнымъ путемъ прибрѣтеннаго лѣса только 50 сажень, а не 400.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о ревизіяхъ и штрафахъ. Лѣсной смотритель имѣетъ у себя слѣдующіе документы: 1) о выработкахъ произведенныхъ въ уѣздѣ въ теченіи года; 2) о матеріалахъ ввезенныхъ въ уѣздъ; 3) о томъ

что потреблено на мѣстѣ фабриками и заводами; 4) о томъ что переработано на лѣсотехническихъ заведеніяхъ; 5) объ остаткахъ. Далѣе лѣсовладѣльцы обязаны къ извѣстному сроку представить смотрителю оставшіеся у нихъ бланковыя книги, изъ которыхъ видны всѣ произведенныя каждымъ лицомъ отпуски. Сличеніе документовъ этихъ можетъ послужить къ раскрытію злоупотребленій, тѣмъ болѣе что знаніемѣстныхъ условій и людей укажетъ смотрителю гдѣискать ихъ и на какіе документы обратить особенное вниманіе. При окончаніи ревизіи лѣсной смотритель составляетъ отчетъ о результатахъ ея, о взысканныхъ штрафахъ, произведенныхъ въ теченіи года повѣркахъ и проч., и представляетъ отчетъ этотъ на разсмотрѣніе избранной для этой цѣли собраніемъ лѣсовладѣльцевъ комиссіи отъ трехъ до пяти лѣсовладѣльцевъ, въ которой могутъ участвовать ех officio стряпчій, прокуроръ, или его помощникъ, и всѣ мировые судьи уѣзда.

За нарушеніе инструкціи, какъ-то: несоблюденіе формальностей, непредставленіе документовъ на ревизію, представленіе билетовъ на сплавныя издѣлія въ меньшемъ количествѣ противу дѣйствительно приготовленныхъ къ вывозу, и т. д., взыскиваются различныя штрафы, отъ десяти процентовъ съ цѣны издѣлій по таксъ, до двойной цѣны ихъ. За оставленіе подложнаго билета, лѣсовладѣлецъ и лѣсопромышленникъ, сверхъ взысканія штрафа предается уголовному суду.

Мы старались указать въ этой статьѣ, что ко многимъ лѣснымъ мѣстностямъ Россіи непримѣнима заграничная система охраненія лѣса внутри дачъ; что въ нихъ необходимъ надзоръ, посредствомъ билетовъ, за вывозомъ лѣсныхъ издѣлій изъ предѣловъ уѣзда—надзоръ, имѣющій цѣлію поставить всякаго незаконно воспользовавшагося ими въ такое положеніе, чтобъ онъ не могъ извлечь изъ нихъ никакихъ выгодъ; что надзоръ этотъ долженъ быть возможно простъ, не стѣснять добросовѣстнаго промышленника предъявленіемъ неудобноисполнимыхъ требованій, вовсе не стѣснять массы народонаселенія, не занимающейся продажей лѣсныхъ издѣлій. Отдавая справедливость вѣрности основной идеи нашего существующаго лѣснаго законодательства, мы указали на нѣкоторые встрѣчающіеся въ немъ пробѣлы, вслѣдствіе которыхъ оно вовсе не достигаетъ предполагаемой цѣли и на нѣкоторые правила его, которыя порождаютъ только злоупотребленія

Мы упомянули о главнѣйшихъ измѣненіяхъ, которыя, по мнѣнію нашему, слѣдовало бы въ немъ сдѣлать въ интересахъ лѣсоохраненія.

Въ заключеніе коснемся слѣдующаго вопроса: какъ отзовется болѣе дѣйствительное охраненіе лѣсовъ на потребителяхъ, то-есть на цѣломъ народѣ. Первымъ послѣдствіемъ будетъ, конечно, нѣкоторое вздорожаніе всѣхъ лѣсныхъ издѣлій, но вздорожаніе это не будетъ значительно. Въ настоящее время многія отрасли лѣсной промышленности основаны на воровствѣ и обманѣ. Элементами существующихъ цѣвъ являются взятки чиновникамъ, потворствующимъ воровству; рискъ, что мошенничество будетъ открыто; высшій, сравнительно съ другими промыслами барышъ, вознаграждающій за занятіе неблаговиднымъ промысломъ. Вотъ почему, несмотря на значительное воровство, лѣсъ и теперь продается потребителямъ довольно дорого. При лучшемъ состояніи лѣсоохраненія и лѣсной промышленности исчезнутъ всѣ эти неестественные элементы цѣвъ на лѣсныхъ издѣлія, и потому тотъ элементъ ихъ цѣвы, который теперь прибавится и котораго прежде часто не доставало: попенныя деньги въ пользу лѣсовладѣльца — не въ состояніи будетъ вызвать сильнаго вздорожанія. Незначительное поднятіе цѣвъ будетъ, конечно, непріятно для потребителей, но настоящая сравнительная дешевизна для нихъ опасна: она основана на страшномъ истребленіи лѣсовъ, легальномъ и не легальномъ, на отсутствіи правильнаго хозяйства въ дачахъ, во многихъ мѣстахъ невозможнаго, при настоящемъ беззащитномъ положеніи лѣсной собственности. При такомъ ходѣ дѣла придетъ пора, когда истреблять останется уже немного, и когда настанетъ страшная дороговизна, которая будетъ истиннымъ народнымъ бѣдствіемъ.

Очень вѣроятно, что статья наша вызоветъ возраженія. Мы съ удовольствіемъ встрѣтимъ возраженія, имѣющія цѣлью разъясненіе дѣла, и будемъ вполне довольны, если наша слабая попытка вызоветъ дѣльное и практическое обсужденіе вопроса о лѣсоохраненіи.

С. ЛУГИНИНЪ.

МАГДАЛИНА*

П О В Ъ С Т Ъ .

VI.

Послѣ перваго визита въ домикъ Жербье, Сребринскій сталъ часто навѣщать его мирныхъ обитателей. Хотя посѣщенія его были почти всегда довольно коротки; но онъ каждый разъ находилъ случай поговорить съ Магдалиной и сказать ей какую-нибудь любезность, и даже, разговаривая съ другими, безпрестанно бросалъ взгляды на нее. Нилова увѣряла, что онъ влюбленъ въ Магдалину и скоро предложитъ ей руку и сердце.

Въ одно послѣ-обѣда, все маленькое общество Елены Сергѣевны сидѣло, по обыкновенію, на балконѣ. Солнце страшно палило; въ воздухѣ собиралась гроза; вдали слышались глухіе раскаты грома. Всѣ были какъ-то молчаливы. Надежда Петровна боялась грома и пугливо жалась къ Еленѣ

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 6.

Сергѣевнѣ, которая качала на рукахъ спящаго Лелю. Веньяминовъ сидѣлъ на лѣстницѣ и читалъ газеты; Магдалина шла для Зои новое платье; даже Зоя, обыкновенно болатливая и шаловливая, какъ котенокъ, сидѣла смирно. Вдругъ яркая молнія разсвѣла воздухъ, и вслѣдъ за тѣмъ, раздался сильный ударъ грома.

Надежда Петровна вскрикнула.

— Пойдемте въ комнату, проговорила она, — мнѣ страшно.

Магдалина бросила свою работу и подошла къ периламъ балкона. Она любила грозу, и съ наслажденіемъ смотрѣла на ея приближеніе.

Молнія сверкала все чаще и чаще; громъ все сильнѣе и сильнѣе грохоталъ въ горахъ.

Нилова убѣжала въ комнату. Елена Сергѣевна и Зоя продолжали за нею.

Легкій вѣтерокъ пробѣжалъ по верхушкамъ деревьевъ. Цвѣты, цѣлый день палимые солнцемъ, подняли головки, почуя приближеніе освѣжающаго дождя. Испуганныя птицы прятались въ густую зелень кипарисовъ.

Веньяминовъ положилъ газету на колѣни, и никѣмъ не замѣченный, съ любовію, глядѣлъ на Лину, которая стояла со сложенными на груди руками, склонившись головой къ увитой зеленью колонкѣ.

Бѣдный Валерьянъ Петровичъ заглядѣлся на задумчивое лицо дѣвушки; долго бы глядѣлъ онъ на нее, есибы крупныя капли дождя, упавшія на его горячую голову, не пробудили его отъ этого созерцанія. Онъ всталъ, бросилъ свою газету и подошелъ къ Магдалинѣ, которая не замѣчала его и глядѣла на темную, зловѣщую въ эту минуту глубь моря. Пѣнистыя волны со стономъ и ревомъ разбивались о берегъ. На горизонтѣ бѣлѣлъ парусъ; видно было какъ его страшнѣе качало на волнахъ.

„А онъ, мятежный, просить бури...“ проговорилъ неволью Веньяминовъ, глядя на парусъ.

Магдалина посмотрѣла на него, но не сказала ничего, и продолжала глядѣть на море.

— Вы любите грозу? спросилъ Веньяминовъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я не понимаю какъ можно не любить ея. Неужели хорошо жить подъ этимъ вѣчно палящимъ солнцемъ? Гроза какъ-то освѣжаетъ душу.

— Такъ ли думаетъ теперь этотъ парусъ? Можетъ-быть, жизнь его въ опасности, и онъ молить о тишинѣ и покоѣ.

— Можетъ-быть онъ и въ опасности, но вѣрно не молить о покоѣ, а мужественно борется съ опасностями.

— Но побѣдить ли еще?

— Если въ немъ есть довольно силы, такъ и побѣдить.

Веньяминовъ не отвѣчалъ. Прошло опять нѣсколько минутъ молчанія. Магдалина заговорила первая:

— Глядя на этотъ парусъ я думала: онъ такъ малъ и слѣдовательно слабъ, а борется мужественно; но человѣкъ не малъ и не слабъ, а молчить и гнетъ голову.

— Это такъ естественно, Магдалина, отвѣчалъ Веньяминовъ полугрустнымъ, полупутливымъ тономъ:—дѣйствовать такимъ образомъ побуждаетъ людей инстинктъ самосохраненія. Кто поднимаетъ голову слишкомъ высоко, тотъ часто больно ушибается, а, согнувшись, всюду пролѣзешь. Хоть спина и болитъ иной разъ, да голова цѣла. Тростникъ гнется да за то не ломается, а дубъ высоко подымаетъ свою могучую голову...

— Еслибъ я была мужчиной, а не женщиной, я бы не такъ думала и дѣйствовала.. перебила его Магдалина...

— Чтò же мѣшаетъ женщинѣ такъ дѣйствовать? спросилъ, съ улыбкою, Веньяминовъ.

— Все! отвѣчала Магдалина съ увлеченіемъ.—Пока она не замужемъ, если она безпрекословно слушаетъ папеньку и маменьку и прилично держитъ себя въ обществѣ, про нее говорятъ: „вотъ прекрасная дѣвушка“. Выдетъ она замужъ и если не бранится съ мужемъ, не раззоряетъ его, а становится заботливою хозяйкой, нянчить своихъ дѣтей, не проводить ночи на балахъ, и не ставить всего своего счастья въ нарядахъ, ее восхваляютъ, называютъ примѣрною женой, рѣдкою женщиной. А если въ добавокъ она подастъ милостыню или присоединится къ какому-нибудь благотворительному обществу подобныхъ ей примѣрныхъ женъ, то про нее кричатъ, даже пишутъ въ газетахъ. Какое же она ничтожное существо, если исполненіе обязанностей самыхъ обыкновенныхъ, ставятъ ей въ достоинство? Мужчина, въ молодости своей, слышитъ постоянно слова—честь, польза, трудъ. Значеніе этихъ словъ не только ему понятно, но какъ бы врожденно. Для женщины эти слова пустой звукъ. Она знаетъ только

слово — приличіе, и должна поклоняться ему. Если она захочетъ трудиться для общей пользы, стать человѣкомъ, жить для общества, — ей говорятъ: „Это неприлично, ты женщина, твое назначеніе быть женою, матерью“ — однимъ словомъ, нянькой и кухаркой, и все это потому что она не одарена тою физическою силою, какою одаренъ мужчина. Мнѣ стыдно, что я родилась женщиной....

— Но развѣ всѣ женщины таковы, какъ вы ихъ описали? Развѣ имъ замкнута дорога къ общей пользѣ, къ благородной дѣятельности? Одинъ взглядъ женщины, одно ея слово можетъ сдѣлать чудо, можетъ придать энергію самому слабому изъ насъ. Тамъ, гдѣ мужчина, при всей силѣ своей, падаетъ духомъ подъ ударами судьбы, падаетъ до такой степени, что готовъ лишиться себя жизни, кто подымаетъ его? Кто возвращаетъ ему его утраченную энергію, какъ не женщина? Въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, она забываетъ себя, и является ангеломъ — утѣшителемъ, и при всей слабости своей становится сильна и могущественна. И какъ много, много она можетъ приносить пользы человечеству!

— Но чѣмъ же именно, по вашему, можетъ приносить пользу женщина, въ чемъ должна состоять ея дѣятельность? спросила Лина.

— Любовь открываетъ ей путь къ дѣятельности. Любовь научаетъ ее быть полезною часто въ тысячу разъ больше мужчины. Безъ любящей женщины, и мужчина безсиленъ и живетъ неполною жизнью.

Дождь въ это время пересталъ; гроза утихла; только еще слышались отдаленные раскаты грома; заходящее солнце золотило разорванныя тучи; воздухъ освѣжился; отовсюду вѣяло прохладой и запахомъ цвѣтовъ.

— *Vuona sera сага Linetta!* произнесъ чей-то звучный голосъ.

Магдалина подняла голову и увидѣла Терезу, спускавшуюся съ горы прямо противъ цвѣтника.

— Ахъ, какъ я вамъ рада, Тереза! воскликнула она: — но въ такой дождь вы промокли?

— Нѣтъ, я въ буркѣ. Пойдемъ въ твою комнату, я поведу себя немного въ порядокъ.

Комната Магдалины во всемъ согласовалась со вкусомъ и

характеромъ хозяйки. Въ ней не было ни ковровъ, ни покойной мебели, никакихъ украшеній: маленькій туалетный столъ подлѣ кровати, на которомъ лежало болѣе книгъ нежели туалетныхъ принадлежностей; письменный столъ, заваленный тетрадами, отдѣльными исписанными листами. Единственный стулъ былъ самый жесткій въ домѣ.

— Ну скажи, что ты дѣлала все это время? начала Тереза, садясь на него:—что твоя безпокойная головушка все думать, да придумываетъ?

— Объ этомъ говорится тамъ, Тереза, у васъ, на скалѣ.

— Вепе, Вепе. Ну, пойдемъ теперь къ твоей матери. А твои молодые друзья у васъ?

— Не мои, Тереза. Друзья моей матери, отвѣчала Луна, нахмуривъ брови.—Они у насъ каждый день, особенно она.

— Ее я еще не знаю, пойдемъ, сказала старуха, цѣлуя Луну.

Елена Сергѣевна была рада видѣть свою старую приятельницу, и сейчасъ же представила ей Нилову. Надежда Петровна съ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣла на костюмъ Терезы и слушала ее, какъ бы стараясь не проронить ни одного слова. Такъ какъ гроза совсѣмъ прошла, всѣ вернулись опять на балконъ. Елена Сергѣевна торопилась съ чаемъ для Терезы.

— Я поджидала васъ, обратилась та къ Веняминову,—вы только разъ заходили ко мнѣ послѣ того, какъ встрѣтили у меня Линету.

— Нѣтъ-съ, я вчера и сегодня подходилъ было къ вашему домику, отвѣчалъ онъ,—но кромѣ вашихъ собакъ и котятъ никого не видѣлъ.

— Меня не было дома эти дни; я только въ полдень вернулась сегодня.

— Ты, вѣрно, опять проводила бессонныя ночи у какого-нибудь больного, Тереза, замѣтила Елена Сергѣевна.

— Я дѣлаю то что каждый сдѣлалъ бы: и ты, и твои дочери, и эти молодые люди.

Послѣ чая, когда всѣ заняты были общимъ разговоромъ, Валерьянъ Петровичъ нагнулся къ Магдалинѣ и тихо сказалъ:

— Развѣ Тереза Карловна мало приноситъ пользы своей жизни? Вы сами мнѣ говорили, что рѣдкій мужчина спосо-

бещъ жить такъ, какъ она живетъ, а вѣдь она женщина, и любила...

— Она исключеніе! отвѣчала громко Магдалина, не глядя на него.

— Что и кто исключеніе, Линета? спросила Тереза, услышавъ слова дѣвушки.

— У Валерьяна Петровича любимая тема разговоровъ—любовь, и онъ варьируетъ ее на всѣ тоны, отвѣчала, принужденно смѣясь, Магдалина.

— Да, любить хорошо, вмѣшалась въ разговоръ Елена Сергѣевна:—но почему же любовь часто бываетъ не продолжительна? Сколько отличныхъ молодыхъ людей, которые полюбятъ другъ друга со всею страстію и увлеченіемъ: любятъ они иногда нѣсколько лѣтъ, и вдругъ, безъ особенной причины, охладѣваютъ другъ къ другу, и любовь переходитъ въ совершенное равнодушіе. Хорошо еще, если они не соединились неразрывными узами! Но если, къ несчастію, они мужъ и жена, то страдаютъ, иногда, всю свою жизнь. Говорятъ, надобно не торопиться и напередъ увѣриться въ истинѣ любви; но какъ тутъ устоять противъ влеченія, противъ страсти? Любовь въ молодости такое сильное, такое благородное чувство!

— Я полагаю, отвѣчалъ ей Веняминовъ,—что, въ пору первой молодости, мы часто самое легкое чувство принимаемъ за страстную любовь. Молодость такъ склонна къ увлеченію, самая дружба между юношами отличается нерѣдко тою же горячностію, тою же безусловною преданностію, какъ и любовь.

— Съ какихъ же лѣтъ, по вашему, начинается настоящая любовь? спросила его Лина, не поднимая на него глазъ.

— Да вотъ хоть бы съ моихъ.

— Вы ужь, значитъ, не молоды.

— Настолько по крайней мѣрѣ я не молодъ чтобъ отличить истинное чувство отъ минутнаго, и я въ то же время совершенно убѣжденъ, что истинная любовь никогда не можетъ измѣниться или охладѣть. Напротивъ, съ лѣтами она должна стать необходимою силою. Охлажденіе можетъ быть только тамъ, гдѣ нѣтъ серіозной привязанности, основанной на обоюдномъ самопожертвованіи.

— Однако, возразила Елена Сергѣевна,—многіе любятъ, и любятъ до самопожертвованія, а все-таки охладѣваютъ и въ

состояніи полюбить въ другой разъ съ тою же силою. Что же ты на это скажешь? прибавила она, обращаясь къ Терезѣ.

— Видишь ли, по мнѣ люди еще дѣти, заговорила та,—они многого еще не знаютъ, не понимаютъ. Они дѣти, у которыхъ плохіе наставники. Всѣ ваши руководители, вѣрующіе и не вѣрующіе въ будущее совершенство людей, разумѣютъ подъ этимъ только совершенство общества, правильное устройство общественныхъ отношеній, совершенство матеріальной жизни людей; но никто изъ нихъ не говоритъ и не хочетъ вѣрить въ нравственное совершенство самой природы человека. А по мнѣ это-то и есть главное. Мы еще дѣти въ пониманіи себя, дѣти въ пониманіи міра — и только еще начинаемъ сознавать все это и поемногу уяснять себѣ цѣль нашей жизни. Но придетъ время, когда люди поймутъ ясно своего Создателя; для нихъ тогда не будетъ тайнъ въ природѣ, и глаза ихъ откроются для всего свѣтлаго и высокаго....

— Все это утопія, мечты, Тереза, о какомъ-то заоблачномъ будущемъ, съ улыбкой перебила ее Лина.—Но мы—прозаики, заоблачныхъ міровъ не знаемъ. Взгляните на міръ, какъ онъ есть теперь.

— Теперь, теперь, повторила Тереза, какъ бы очнувшись,—я скажу, что теперь мало заботятся о женщинахъ, не хотятъ понять ихъ высокаго назначенія. Женщина, мать! Да, дитя мое, прибавила она, обращаясь къ Ниловой, которая съ невольнымъ трепетомъ прижимала къ груди своего сына, и ты мать, хотя сама еще дитя: освѣти и отогрѣй душу своего ребенка, и сама укажи ему путь, по которому онъ долженъ идти, и если ты ему укажешь этотъ путь своею мудрою, только матери свойственною, заботливостью, онъ никогда не собьется съ этого пути...

Тереза замолчала, и задумалась.

Магдалина невольно, подойдя къ своей матери, поцѣловала ея руку.

— Ты все-таки не отвѣчала на мой вопросъ, Тереза, сказала Елена Сергѣевна.

Но старуха не слышала ее. Она цѣлый вечеръ оставалась погруженная въ какія-то мысли.

VII.

На другой день утромъ, Магдалина получила записку отъ Ниловой. Надежда Петровна убѣдительно просила ее ѣхать съ ней по приглашенію Сребринскаго обѣдать въ горы, и если Магдалина согласна, то всѣ они въ двѣнадцать часовъ заѣдутъ за нею, а Лелю пришаюютъ подъ покровительство ея матери.

Магдалина, по настоянію Елены Сергѣевны, согласилась, и въ двѣнадцать часовъ Нилова съ братомъ, въ сопровожденіи Сребринскаго, заѣхали за ней.

— Я знаю, что вы не любите большого общества, отнесся Эрастъ Ивановичъ къ Линѣ, когда она сѣла на лошадь, и потому не рѣшился приглашать никого болѣе. Я буду имѣть удовольствіе познакомиться съ вами сестру свою, которая отправилась съ Эпаминондомъ Фемистокловичемъ къ назначенному для обѣда мѣсту по ближней дороги. Сестра давно желаетъ познакомиться съ вашею матушкой, но она страшно боится здѣшнихъ дорогъ. Я устроилъ для нея особеннаго рода экипажъ, что-то въ родѣ паланкина, и ее привесутъ по горамъ люди на рукахъ.

— Вы вводите въ нашемъ краю новые обычаи, замѣтила, улыбаясь, Магдалина.—Многія изъ пріѣзжихъ дамъ боятся спускаться съ большой дороги къ берегу, и вѣрно устроятъ себѣ тоже паланкины. Это оригинально.

— Я люблю все оригинальное, и очень радъ, что вы одобрили мою выдумку. Если вамъ понравится мой паланкинъ, то позвольте и для васъ устроить подобный.

— Нѣтъ, благодарю. Я не боюсь ѣздить по горамъ, и никогда не позволю, чтобы меня носили; я вообразила бы себя китайскимъ идоломъ.

— Скорѣе богинею древнихъ, которой каждый сталъ бы поклоняться съ восторгомъ, сказалъ Сребринскій.

— Я не люблю поклоненій, отвѣчала серьезно Лина.

День былъ прохладный; сильная гроза накануне освѣжила воздухъ и напоила землю; все благоухало; лѣсными птицы звонко распѣвали, перепархивая съ вѣтки на вѣтку;

горные потоки, высохшіе отъ зноя, оживились послѣ проливнаго дожда и шумно сбѣгали по острымъ утесамъ. Небольшое общество, приглашенное Эрастомъ Ивановичемъ, было весело. Самъ хозяинъ говорилъ безъ умолку; Нилова пѣла и смѣялась. Веняминовъ шутилъ. Даже Магдалина, почти всегда серьезная, оживилась, и блѣдное лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ молодости и здоровья.

Дорога шла то берегомъ быстрой рѣчки между густою зеленью, то извиваясь на краю обрывистой скалы, то взбѣгая высоко въ гору и передъ путниками открывались зеленныя волны лѣсовъ и синяя, блестящая на солнцѣ гладь моря.

Часа черезъ два пріѣхали къ назначенному мѣсту, подъ тѣнь огромнаго утеса, поросшаго вѣковыми орѣхами.

Клавдія Ивановна Щебицкая, когда-то весьма хорошенькая женщина, но теперь утратившая свою свѣжесть и молодость, полудежала на коврахъ и подушкахъ, вся въ бѣломъ, и съ вѣромъ въ рукахъ. Кѣмси сидѣлъ на травѣ, не подалеку отъ нея, и занималъ ее нескончаемыми разговорами, отмахивая отъ нея воображаемыхъ мошекъ. Нилова знала Щебицкую въ Москвѣ, куда послѣдняя пріѣзжала съ братомъ послѣ смерти своего мужа. Серебринскій спѣшилъ познакомиться съ сестрою съ Магдалиной, которой Щебицкая, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, наговорила кучу любезностей.

Не вдалекѣ, подъ деревьями, накрывали столъ, и горничная Щебицкой украшала его вѣнками и гирляндами.

Кѣмси вскочилъ какъ только увидѣлъ хозяина праздника..

-- Ну что, Эпаминондъ Семистокловичъ, спросилъ Серебринскій:—хорошо ли вы довели вашу даму? Какъ доѣхала кухня?

— Все отлично довезено, Эрастъ Ивановичъ; но только Клавдія Ивановна ужасно боялись, что люди опрокинутъ палаткинъ: такъ, кажется, вы называете этотъ экипажъ безъ колесъ?

— Пусть хоть палаткинъ, возразилъ, смѣясь, Эрастъ Ивановичъ. — Но чего же ты, Клавдія, боялась? Твои двуногія лошади никакъ ужъ не могли понести тебя.

— У меня до того разстроились нервы отъ страха, отвѣчала та, что я до сихъ поръ не могу опомниться. Всю дорогу я сидѣла съ закрытыми глазами. Мнѣ дѣлалось дурно, когда я глядѣла на эти ужасныя горы, на эти пропасти.

— Я тоже боялась здѣсь ѣздить первое время, сказала Нилова,—но мѣста такъ вездѣ хороши, что я преодолѣла себя. Притомъ же примѣръ mademoiselle Жербье ободрилъ меня. Она удивительно смѣла на лошади.

— Я съ десяти лѣтъ ѣзжу верхомъ, замѣтила Магдалина, — это не удивительно.

— О, это ужасно! вскричала Цебицкая. — Еслибъ у меня была дочь, я бы никогда не позволила ей ѣздить верхомъ.

— Пойдемте-ка, однако, господа, перебилъ Эрастъ Ивановичъ, — посмотримъ, скоро ли нашъ обѣдъ будетъ готовъ, а дамы пока отдохнуть здѣсь.

— Вы намѣрены угостить сегодня весь южный берегъ, или всѣ эти затѣи только для нашего маленькаго общества? спросилъ Веньяминовъ, осматривая обѣденныя приготовленія.

— Не угощать же, mon chѐr, дамъ сухимъ хлѣбомъ и вареными яйцами. Притомъ же я и самъ люблю хорошій столъ; дурно сервированный обѣдъ отнимаетъ у меня аппетитъ. А что, спросилъ онъ одного изъ людей, — мороженое готово?

— Только что привезли ледъ, отвѣчалъ поваръ, — къ обѣду будетъ готово.

Сребринскій, взявъ подъ руку Веньяминова, отошелъ съ нимъ въ сторону и тихо сказалъ:

— Madelaine меня совсѣмъ очаровала; я вамъ говорю это по секрету.

— Что же, вы хотите на ней жениться? съ насмѣшкой спросилъ Веньяминовъ.

— А почему же нѣтъ? Правда, она бѣдна; но если я влюблюсь окончательно, то не посмотрю ни на что.

— Желая успѣха!

— Что за прелестный овалъ лица! продолжалъ Сребринскій поднимая глаза къ небу:—что за выразительные глаза! Бюстъ развитъ какъ у Венеры. Какая ножка, ручка! Она немного неприступна, но это-то мнѣ въ ней и нравится. Ея холодность еще сильнѣе возбуждаетъ во мнѣ желаніе обладать ею. Побѣдить холодную красавицу,—это великое торжество.

— Вы думаете, что и она къ вамъ равнодушна? спросилъ Веньяминовъ.

— Не знаю, не думаю, но въ побѣдѣ не отчаиваюсь: до сихъ поръ я не имѣлъ еще повода жаловаться на жестокость

ко мнѣ прекраснаго пола. (Эрасть Ивановичъ самодовольно улыбулся и поправилъ свои волосы.) Но положимъ, она не влюбится въ меня, да этого и не надо. Говорятъ, что любовь дѣлаетъ женщинъ безумными. Начто намъ безумная любовь? Напротивъ, мы очень благоразумно поѣдемъ за границу; зиму проведемъ въ Парижѣ; откроемъ тамъ салонъ. У жены моей будутъ тысячи обожателей, а она будетъ ко всѣмъ равнодушна....

Веньяминовъ молчалъ. Ему очень хотѣлось испытать прочность своего хамста на спинѣ замечтавшагося пріателя; но онъ удовлетворилъ это дикое желаніе только тѣмъ, что безпощадно хлесталъ себя по сапогу, не чувствуя боли отъ досады. Но когда они вернулись къ дамамъ, и онъ взглянулъ на гордое и спокойное лицо Магдалины, гнѣвъ его прошелъ: онъ убѣдился въ томъ, что она отвергнетъ искательство Сребринскаго, хотя бы онъ обладалъ богатствами Креза.

Обѣдъ былъ роскошный; вина самыя тонкія; хозяинъ угощалъ такъ радушно, слабонервная сестрица его была такъ забавно жеманна, а Кѣмси съ такимъ подобострастіемъ старался всѣмъ угождать, что Веньяминову все это стало до крайности смѣшно. Онъ сдѣлался необузданно веселъ, ловко подтрунивалъ надъ Сребринскимъ и своими шутками заставлялъ улыбаться не только веселую отъ природы Надежду Петровну, но и серіозную Магдалину.

Когда кончился обѣдъ, Магдалина предложила подняться на ближнюю скалу. Она увѣряла, что тамъ должно быть много цвѣтовъ, и видъ открывается со скалы великолѣпный. Предложеніе ея было принято всѣми съ удовольствіемъ, кромѣ Клавдіи Ивановны, которая сказала, что у нея закружится голова, если она станетъ подыматься на такую страшную высоту, и что быть цѣлый день на воздухѣ для нея и безъ того утомительно, и она предпочитаетъ отдохнуть послѣ обѣда. Кѣмси тоже прилегъ гдѣ-то въ тѣни, и молодые люди отправились одаи, въ сопровожденіи Сребринскаго.

Вершина скалы, на которую они взобрались, была въ самомъ дѣлѣ усѣяна цвѣтами, и всѣ принялись собирать ихъ. Но Нилова устала, съѣла и, желая доставить брату возможность поговорить наединѣ съ Магдалиной, подозвала къ себѣ Сребринскаго и заняла его разговоромъ и разспросами.

Магдалина подошла къ самому обрыву и, смотря внизъ, сказала:

— Отсюда долженъ быть виденъ нашъ домъ; вонъ тамъ, кажется, влѣво.

— Да, точно! отвѣчалъ Веньяминовъ: — Жаль, что мы не взяли зрительной трубы, мы могли бы увидѣть Зою, которая всегда въ это время бѣгаетъ по цвѣтнику. А вотъ взгляните, прибавилъ онъ, указывая направо:—тамъ между скалами виденъ домикъ Терезы Карловны.

Они нѣсколько минутъ молча любовались окрестностями. Магдалина сѣла на камень.

— Тереза Карловна чудесная женщина, заговорилъ Веньяминовъ,—хотя и глядитъ она на будущее какъ-то странно и говоритъ объ немъ въ какомъ-то пророческомъ тонѣ...

— Она, по моему, ужасная оптимистка, отвѣчала Магдалина:—она во всемъ видитъ хорошее.

— Почему же и не видѣть? возразилъ нервнѣе Веньяминовъ:—ваше мнѣнiе, напримѣръ, о женщинахъ совершенно не справедливо. Чтобы не ходить даеко, вспомните хоть вашу матушку. Сколько кротости и нѣжной любви въ этой женщинѣ! Я тоже самое могу сказать о своей матери. Даже сестра моя, при всей своей кажущейся легкости, чистое, свѣтлое, прекрасное существо. Да, наконецъ, вы сами Магдалина Эрнестовна, не знаете себѣ цѣны. Въ васъ столько силы душевной. Вы жаждете дѣятельности, жаждете добра, желаете пользы въ ущербъ даже собственному счастью.

— Къ чему это вы читаете мнѣ такiе панегирики? спросила полусмѣясь и полусерьезно Магдалина.

— Вы смѣетесь, а я говорю серьезно. Послушали бы вы, съ какимъ восторгомъ Тереза Карловна говорила сегодня о вашемъ характерѣ.

— Развѣ вы ее сегодня видѣли?

— Я былъ у нея утромъ.

— Почему же вы мнѣ этого не сказали?

— Не успѣлъ еще. Я слишкомъ уважаю эту женщину, и не хотѣлъ говорить о ней при людяхъ, которые называютъ ее полоумной.

— Бѣдная Тереза! Чтò же говорила она вамъ обо мнѣ? Но прошу не ораторствовать и не льстить.

— Смѣйтесь, но мнѣ не смѣшно, хоть давеча я и былъ безумно веселъ, но это отъ злости... Тереза Карловна говорила много о васъ, и изъ всего я заключилъ...

Простите мнѣ, если я буду говорить прямо, безъ обиняковъ... Матушка ваша называетъ меня своимъ сыномъ, и это даетъ мнѣ нѣкоторое право говорить съ вами откровенно. Я понялъ изъ словъ Терезы Карловны и изъ собственныхъ наблюденій надъ вами, что вы не хотите быть счастливою. Вы какъ-то или себя считаете недостойною счастья, или счастье людское недостойнымъ васъ.

— Ни то, ни другое; но мнѣ кажется, что счастья нѣтъ между людьми, да и будетъ ли оно когда-нибудь? Притомъ, каждый живетъ сообразно съ своими убѣжденіями. Добрая Тереза любитъ меня, но ужь слишкомъ много заботится обо мнѣ. Я и сама на столько себя люблю, что не могу желать себѣ несчастья. Но довольна обо мнѣ. Позвольте узнать что возбудило вашу злость, которая была, во время обѣда, причиною вашей веселости и заставила васъ такъ безпощадно смѣяться надъ нашимъ радушнымъ хозяиномъ?

— Вы не хотите, чтобы я говорилъ о васъ, а спрашиваете меня, почему я былъ золъ. Чтобы отвѣчать вамъ, я долженъ буду опять говорить о васъ.

— Обо мнѣ? Сколько я знаю, я не старалась вызывать въ васъ ни злобы, ни доброты.

— Я хорошо вижу, Магдалина Эрнестовна, что вамъ нѣтъ до меня никакого дѣла, съ грустью сказалъ Веньяминовъ:— добръ ли я, золъ ли, для васъ все равно.

— Это не отвѣтъ на мой вопросъ. Я желаю знать, какъ и чѣмъ я могла разозлить васъ до такой степени?

— Извольте! Я былъ золъ, потому... ну, какъ это вамъ сказать?... Потому что Сребринскій признался мнѣ, что онъ влюбленъ въ васъ, и... что для васъ одной онъ устроилъ этотъ великолѣпный праздникъ.

— Какой вздоръ! Я никакого повода не подавала ему заботиться о моихъ удовольствіяхъ. Я пріѣхала сюда изъ угожденія вашей сестрѣ.

— Я знаю хорошо, что вы не желали подавать ему повода, а между тѣмъ подали.....

— Я не понимаю васъ, сказала съ достоинствомъ Луна. — Чѣмъ подала я ему поводъ влюбиться въ меня, если это справедливо?

— Чѣмъ? Да тѣмъ, что вы такъ хороши, Магдалина Эрнестовна!

— Оставьте, прошу васъ, этотъ разговоръ, и не повѣряйте мнѣ болѣе тайнъ господина Сребринскаго, если у него есть съ вами тайны.

Нилова, слѣдившая издали за выраженіемъ лица молодыхъ людей, хотя и не слышала ихъ разговора, но замѣтила однако, что Магдалина недовольна чѣмъ-то. Она встала и поспѣшно подошла къ ней.

— Клавдія Ивановна вѣроятно соскучилась одна, сказала она.

— Пойдемте, да пора бы ужъ и домой, отвѣчала Магдалина:— татап ждетъ насъ, и вашъ Леля соскучился безъ васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я безъ чаю не отпущу васъ, вступился Сребринскій.— Но какой отсюда видъ восхитительный! Тамъ, гдѣ мы сидѣли, не такъ хорошо, прибавилъ онъ, подходя къ обрыву. — Я слышалъ, что южный берегъ Крыма сравниваютъ съ Швейцаріей. Непремѣнно поѣду въ Швейцарію, чтобы повѣрить, справедливо ли это сравненіе.

— Вамъ надо торопиться: зимою не удобно путешествовать по Швейцаріи, перебилъ его Валерьянъ Петровичъ. — При томъ же вы хотѣли провести зиму въ Парижѣ.

— Я въ Швейцарію заѣду по дорогѣ, *jeter un coup d'oeil*. Я вѣдь не съ ученою цѣлью хочу тамъ побывать, а только для сравненія съ красотами южнаго берега. Вы никогда не путешествовали, *mademoiselle Madelaine*?

— Нѣтъ, да и никакой охоты не имѣю: я слишкомъ люблю наши горы.

— Однако необходимо видѣть и другія страны. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я только и мечталъ объ этомъ постоянно.

— Почему же до сихъ поръ вы не осуществили своей мечты? Вы, кажется, имѣете на это довольно средствъ и возможности.

— Да, разумеется. Но до сихъ поръ мнѣ все мѣшали дѣла. Устройство имѣній, фабрикъ, однимъ словомъ, хозяйство, за которое я принялся весьма дѣятельно послѣ смерти отца. Теперь же все это устроено, и я воспользуюсь своею свободой, не премѣнно осенью поѣду за границу, объѣду всю Европу и вернусь въ Крымъ, куплю здѣсь дачу, устрою ее по своему вкусу и каждое лѣто буду проводить здѣсь по нѣсколькимъ мѣсяцевъ. Крымъ сталъ нынче очень дорогъ для меня.

— Господа! перебила ихъ разговоръ Нилова, солнце садится и намъ пора домой.

Клавдія Ивановна уже успѣла отдохнуть. Она сидѣла на своемъ прежнемъ мѣстѣ и разговаривала съ Кѣмси, въ ожиданіи чая, который скоро былъ поданъ вмѣстѣ съ мороженымъ и разными плодами. Въ это время ребятишки изъ сосѣдней татарской деревни, собиравшіе въ лѣсу хворостъ, прибѣжали поглазѣть на пріѣзжихъ, и обступивъ ихъ, съ завистью поглядывали на разставленные передъ ними лакомства. Магдалина отдала стоявшему подлѣ нея Татарченку свое мороженое. Сребринскій замѣтилъ это и въ ту же минуту приказалъ надѣлать всѣхъ дѣтей плодами и пирогами.

— Мнѣ всегда жаль бѣдняковъ, и я имъ охотно помогаю, сказалъ онъ, обращаясь къ Магдалинѣ:—по моему это одна изъ высшихъ обязанностей каждаго человѣка.

— Я удивляюсь вашей благотворительности, Эрастъ Ивановичъ! вступился Кѣмси.—Вы истинный христіанинъ. Всѣ здѣшніе Татары не знаютъ какъ и благодарить васъ за всѣ ваши благодѣянія. Вотъ и Магдалина Эрнестовна тоже чрезвычайно добры и благотворительны, прибавилъ онъ.

На лицо дѣвушки набѣжала тѣнь презрительнаго негодованія, но она ничего не отвѣчала. Сребринскій этого не замѣтилъ и, обращаясь ко всему обществу, продолжалъ:

— Мы говоримъ о бѣднякахъ, то-есть о народѣ, а надо признаться, что простой народъ у насъ ужасно не благодаренъ. Сколько ни дѣлай ему добра, онъ никогда не чувствуетъ этого. А еще толкуютъ о томъ, что ему нужно образованіе. Увѣряю васъ, что всѣ эти улучшенія послужатъ ему только во вредъ.

— Вы такъ думаете? спросилъ Веньяминовъ, сидѣвшій на травѣ и разсматривавшій въ это время какое-то мелкое насекомое.

— Я въ этомъ совершенно убѣжденъ. Всѣ теперь толкуютъ объ освобожденіи, о благахъ послѣдствій этого, а спросили бы лучше сами себя, что народъ сдѣлаетъ съ этою свободой?... Развѣ проплетъ ее.

— Ну, а что мы съ вами дѣлаемъ съ своею свободой? возразилъ Веньяминовъ.

— Мы?... мы совсѣмъ иное дѣло.

— Какъ это? Мы, значитъ, не изъ той презрѣнной глины, изъ которой всѣ сотворены?

— Не знаю изъ какой мы глины сотворены; но знаю,

что мужикъ нашъ, по самой природѣ своей, крайне грубъ и изъ него ничего не сдѣлаете посредствомъ вашихъ ученыхъ выдумокъ. Лучше всего оставить его жить, какъ онъ жилъ до сихъ поръ.

— Намъ пора домой, сказала сухо Магдалина, вставая съ мѣста и отыскивая свою шляпу.

Разсужденія Сребринскаго раздражили и оскорбили ее до глубины души. Онъ сталъ ей омерзительнѣе до такой степени, что она сочла даже недосгойнымъ ему противорѣчить.

— Какъ вы торопитесь! приставалъ онъ къ ней.—Вечеръ чудный. При лунѣ эта мѣстность еще восхитительнѣе.

— Нѣтъ, пора, пора! подхватила и Надежда Петровна, замѣтивъ что Магдалина готовилась сѣсть на лошадь.

Сребринскій засуетился.

— Сестра поѣдетъ теперь съ нами на своихъ двуногихъ коняхъ, сказалъ онъ, подбѣжавъ къ Магдалинѣ и помогая ей сѣсть на лошадь.—Она, кстати, сдѣлаетъ деревенскій вечерній визитъ Еленѣ Сергѣевнѣ.

— Непремѣнно! Я ужь объ этомъ думала.. Я такъ желаю познакомиться съ вашею матушкой, mademoiselle Жербье!..

Поѣздъ тронулся. Впереди всѣхъ ѣхалъ торжественно толстенскій Кямси, знавшій всевозможныя дороги въ горахъ. За нимъ несли паланкинъ Клавдіи Ивановны. Сребринскій ѣхалъ подлѣ Магдалины и все время разказывалъ ей объ удовольствіяхъ заграничной жизни, знакомой ему только изъ разказовъ его сосѣдей по имѣніямъ. Магдалина почти все не слушала его.

— А вѣдь Сребринскій-то не на шутку ухаживаетъ за Линой, замѣтила Нилова брату.

— Да. Онъ сегодня даже признался мнѣ, что влюбленъ въ нее и воображаетъ, что она обратитъ на него вниманіе.

— А почему же и вѣтъ? лукаво отвѣчала Надя:—вѣдь онъ очень милъ, болтаетъ безъ умолку. Лина почти его не слушаетъ и, пожалуй, вообразитъ его не вѣсть какимъ уманцей. Но не сердись, я шучу. Я сама слишкомъ уважаю Лину, и не могу представить себѣ, чтобы Сребринскій могъ завять ее.

Вельяминовъ всю дорогу не имѣлъ случая заговорить съ Магдалиной. Сребринскій не отвѣчалъ отъ нея ни на минутку. Въ недалекомъ разстояніи отъ домика Жербье дорога

сидѣлась такъ узка, что надо было вѣхать гуськомъ. Валерьянъ Петровичъ воспользовался этимъ и какъ-то ухитрился подвѣхаться къ ней.

— Вы на меня не сердитесь, Магдалина Эрнестовна?

— За что?

— Я такъ откровенно говорилъ съ вами тамъ, на скалѣ.

— Нѣтъ, не сержусь, какъ-то грустно отвѣчала дѣвушка.

Подвѣхали къ дому. Было ужь совсѣмъ темно. Валерьянъ Петровичъ, помогая Линѣ соскочить съ лошади, невольно схватилъ ея руку и съ жаромъ поцѣловалъ. Магдалина не отняла руки и не сказала ни слова. Но когда всѣ вошли въ гостиную, гдѣ ярко горѣла лампа, она посмотрѣла на Веньяминова съ какою-то досадою, смѣшанною съ грустью, и пожала плечами.

Гости оставались не долго. Было поздно, и Нилова торопилась домой. Когда всѣ разъѣхались, Магдалина, простившись съ матерью, ушла къ себѣ. Она долго, не раздѣваясь, сидѣла задумчиво передъ своимъ письменнымъ столомъ. Вставъ наконецъ, чтобъ идти спать, она проговорила:

— Я не ошибаюсь, я не сумѣла избѣжать этого. Но это грустно, очень грустно!..

VIII

На другой день, едва на востокѣ заигралъ розовый призракъ зари, Магдалина вышла изъ дому, и проходя мимо кухни, сказала Марѣѣ, которая только что проснулась:

— Я вернусь къ чаю, Марѣуша.

— Куда это такъ рано, голубушка вы моя?

— Я зайду къ Терезѣ Караовнѣ.

— Снесли бы вы ей медку свѣжаго, барышня.

— Въ другой разъ, няня.—И она прошла мимо, ласково кивнувъ головой старухѣ.

Магдалина почти бѣгомъ спустилась съ горы и остановилась только у моря. Утро было тихое и прекрасное; море, какъ голубь, ворковало у ногъ ея.

„Еще рано, подумала она, поглядывая на востокъ, я успѣю выкупаться...“ И поспѣшно раздѣвшись, она бросилась въ воду; но, противъ обыкновенія, она не плавала долго, а только

освѣжила свои молодые члены, быстро вышла изъ воды и одѣлась.

Черезъ полчаса ходьбы, Магдалина отворила рѣшетку сада на дачѣ занимаемой Ниловой и ея братомъ.

Веньяминовъ сидѣлъ передъ домою и чистилъ свое ружье.

— Такъ рано, у насъ? вскричалъ онъ съ удивленіемъ и радостью.—Сестра еще спитъ, я вею разбудить ее.

— Я знаю, что она спитъ. Не будите ее; я пришла потому такъ рано, чтобы застать васъ одного. Я боялась, что вы увидите на охоту или къ Терезѣ...

— Вы пришли ко мнѣ, спросилъ съ волненіемъ Валерьянъ Петровичъ.

— Да, къ вамъ. Мнѣ нужно поговорить съ вами. Сядемте вотъ на скамью; намъ здѣсь никто не помѣшаетъ.

Веньяминова испугалъ серіозный и немного торжественный тонъ дѣвушки. Онъ машинально послѣдовалъ за нею.

Она сѣла; сняла шляпку; волосы ея, еще мокрые отъ воды, распустились и падали ей на шею, на лицо. Она небрежно откинула ихъ, хотѣла начать говорить, но не находила словъ. Веньяминовъ прислонился къ дереву и, съ наслажденіемъ и восторгомъ влюбленнаго, глядѣлъ на Магдалину, ожидая что она хочетъ сказать ему.

— Я давно собиралась говорить съ вами, начала она,—но..... я не была увѣрена, все надѣялась, что ошибаюсь. Сегодня я рѣшилась наконецъ, и потому пришла сюда такъ рано. Отвѣчайте мнѣ, прошу васъ, прямо, безъ оговорокъ, безъ возгласовъ, безъ удивленія. Это необходимо, Валерьянъ Петровичъ. Вы меня любите? спросила она такъ холодно, такъ равнодушно глядя ему прямо въ глаза, что дрожь пробѣжала по всемъ жиламъ Веньяминова. Онъ былъ не въ состояніи тотчасъ же ей отвѣтить.

— Отвѣчайте мнѣ прямо. Если я ошиблась: тѣмъ лучше для насъ обоихъ. Но мнѣ нужно это знать.

— Нѣтъ, вы не ошиблись. Я люблю васъ, и люблю до обожанія, я давно хотѣлъ вамъ это сказать.....

— Хорошо сдѣлали, что не сказали, прервала его убійственно холодно дѣвушка.—Теперь выслушайте меня. Я прошу васъ, именемъ вашей и моей матери, забудьте что вы вздумали меня полюбить. Я не могу, я не хочу отвѣчать вамъ на ваше чувство.

— Магдалина.... началъ онъ.

— Не прерывайте меня. Мать моя любить васъ и сестру вашу; ей будетъ тяжело не видѣть васъ обоихъ часто у себя, пока вы еще въ Крыму. Она ничего еще не знаетъ и надѣюсь, не замѣтила, что вы начинали любить меня. Если же это будетъ продолжаться, я должна буду просить васъ не видаться съ вами; а это, я знаю, очень огорчитъ мать.

— Но, я уже не могу не любить васъ. Я не могу вырвать этого чувства изъ груди; оно саидось теперъ со всѣмъ моимъ существомъ.

— Однако это должно!

— Я такъ ненавиستنъ вамъ?

— Нѣтъ. Я никогда никого не ненавидѣла, это не въ моей природѣ. Напротивъ, я уважаю васъ, и любила бы какъ брата, есабы вамъ не вздумалось любить меня иначе.

— Но.... развѣ вы любите другаго? спросилъ Веньяминовъ съ болью въ сердцѣ.

— Нѣтъ, я никого не люблю и, надѣюсь, никого не буду любить.

— Почему? Есаи любовь даетъ страданія, то даетъ и много счастья.

— Я буду говорить съ вами откровенно. Есабы я позволила себѣ полюбить, то полюбила бы васъ. Но я этого не хочу, потому и не люблю.

— Не говорите этого! вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, я хочу вамъ все высказать, хочу, если это возможно, чтобы мы остались друзьями. Я не знаю, была ли бы я счастлива, полюбивъ кого-нибудь,—да мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Но, пока жива моя мать,—а я надѣюсь, что она будетъ жить еще долго,—пока она жива, я принадлежу ей душою и тѣломъ. Я хочу дать ей спокойствіе, котораго она не знала столько лѣтъ, хочу своими заботами возвратить ей здоровье; это моя обязанность, обязанность святая, есаи есть что-либо святое здѣсь на землѣ. Но, полюбивъ, я должна буду оторваться отъ матери, стану думать о себѣ, о своихъ радостяхъ. Вѣдь любовь, говорите вы, даетъ и счастье.

Говоря это, голосъ ея слегка дрожалъ. Она остановилась на минуту, и успокоившись, продолжала:

— Я хочу быть счастлива только для матери, и буду счастлива только ея счастиемъ. Все, что я говорю вамъ, такъ должно быть. Воля моя непреклонна; ничто не можетъ измѣнить моихъ намѣреній.

— Развѣ любовь ваша ко мнѣ оторвала бы васъ отъ заботъ о матери? Напротивъ: мы бы заботились о ней вмѣстѣ. У нея было бы тогда не двое, а трое дѣтей, которые берегли бы ея спокойствіе и счастье.

— О, нѣтъ! Но.... это еще не все; я должна высказать вамъ всѣ свои мысли. Съ тѣхъ поръ какъ я стала понимать жизнь и отношенія людскія, я получила отвращеніе къ замужеству. Я не создана быть женою, существомъ исполняющимъ чужую волю, необходимою мебелью въ домѣ мужа. И сколько бы вы ни любили меня, вы не могли бы дать мнѣ счастья. Одна любовь не можетъ удовлетворить мою душу. Я измучила бы и васъ, и себя. Я не создана для супружества, вѣрите мнѣ. Я хочу оставаться свободною; я никому не хочу отдавать отчета въ своихъ мысляхъ, въ своихъ дѣйствіяхъ,—словомъ, никому ни въ чемъ я не хочу покоряться. Я хочу жить такъ какъ сама понимаю жизнь и цѣль человеческой жизни. У меня не женскія мечты, не женскія стремленія, и я не могу дать счастья мушкетѣ.

Венъяминовъ молча стоялъ, присловившись къ дереву, и глядѣлъ на Магдалину. Она была такъ хороша! Столько граціи было во всемъ существѣ ея! Солнце, пробившись сквозь густую зелень древесныхъ листовъ, освѣщало такъ ярко всю ея стройную, прекрасную фигуру. Венъяминовъ обезумѣлъ: онъ бросился къ ней, обнималъ ея колѣни, слезы дрожали на его глазахъ, слезы были слышны въ гóлосѣ, когда онъ заговорилъ:

— Дитя, дитя! сказалъ онъ:—вы отталкиваете отъ себя жизнь, отталкиваете счастье, не зная ни того, ни другаго. Я такъ глубоко, такъ преданно люблю васъ. Я бы сумѣлъ окружить васъ счастьемъ. Лина, Лина! Не отталкивайте меня... для меня, для васъ. Я вижу, я чувствую, вы можете полюбить меня. Это душа моя говоритъ мнѣ.

Она встала и съ грустію сказала:

— Такъ вы не хотите, чтобы мы оставались друзьями? Вы хотите огорчить мать мою, хотите причинить горе мнѣ?

— У меня нѣтъ своихъ желаній, я хочу что вы хотите; но не любить васъ я не могу.

— Такъ мы не должны видѣться болѣе.

— Не говорите этого, ради Бога. Это невозможно! Я никогда ничѣмъ не напомню вамъ о любви своей. Пусть будетъ такъ какъ вы хотите, но не видѣть васъ, Лина, — это ужасно, это невозможно.

— Въ такомъ случаѣ вы должны мнѣ дать слово, что будете любить меня только, какъ сестру. Развѣ не возможна между нами дружба? Она же бываетъ между мужчинами, почему же не быть ей между женщиной и мужчиной?

— Я сдѣлаю все, что вы хотите, моя милая сестра, только не требуйте невозможнаго. Можетъ-быть, время измѣнить ваши чувства, ваши намѣренія.

— Никогда, и не надѣйтесь на это!

Веньяминовъ молчалъ.

— Итакъ вы останетесь мнѣ другомъ, пожалуй, братомъ, и ни одного слова не будетъ между нами объ иномъ какомъ-либо чувствѣ. Повѣрьте, чего человѣкъ твердо захочетъ, того достигнетъ.

Она протянула ему руку, улыбаясь, но улыбка ея была принужденна. Веньяминовъ прижалъ ея руку къ губамъ и прошепталъ:

— Я сдѣлаю что возможно.

— Благодарю. Теперь прощайте, и я прошу васъ никогда ничѣмъ не напоминать мнѣ о томъ что было между нами сегодня.

Веньяминовъ грустно посмотрѣлъ на нее, но не отвѣчалъ.

Магдалуца поклонилась и скорыми шагами вышла изъ сада.

IX.

Прошло нѣсколько дней. Нилова ничего не подозрѣвала. Она была веселѣ обыкновеннаго: наступалъ августъ мѣсяцъ, она ожидала приѣзда мужа, и вся предалась этому ожиданію.

Валерьянъ Петровичъ, не вытерпѣвъ наконецъ разлуки съ Магдалуцой, поѣхалъ къ Жербѣе. Онъ старался быть тамъ непринужденнымъ, веселымъ, тогда какъ сердце его изнывало. Ни словомъ, ни взглядомъ не напоминалъ онъ Магдалуцѣ о любви своей, и только любовался ею, когда она этого не замѣчала. Первое время Магдалуца была холодна и осторожна съ Веньяминовымъ, избѣгала оставаться съ нимъ одна, но видя въ немъ перемѣну, она ободрилась, и стала съ нимъ ласкова. Она была слѣшкомъ неопытна, и вообразила, что онъ побѣдилъ свое чувство и разлюбилъ ее.

Между тѣмъ Сребрянскій все чаще и чаще ѣздилъ въ

домику Жербье, и все чаще и чаще являлась туда Клавдія Ивановна. Она въ экипажѣ пріѣзжала по почтовой дорогѣ, а внизъ спускалась въ своемъ импровизированномъ паланкинѣ. Магдалина старалась избѣгать присутствія Сребринскаго, почти не говорила съ нимъ, часто уходила изъ дому, когда онъ пріѣзжалъ; но ея холодность только подстрекала его самолюбіе.

Наступилъ и августъ.

— Знаешь ли, Клавденька, сказалъ въ одно утро Сребринскій сестрѣ своей.—Я влюбленъ въ эту дѣвушку не на шутку и непремѣнно хочу жениться на ней; ты должна помочь мнѣ въ этомъ.

— Я, право, удивляюсь вамъ, братецъ, возразила Щебицкая,—что вамъ за охота жениться на такой бѣдной дѣвушкѣ, когда за васъ пойдетъ съ радостію всякая богатая невѣста?

— Но что жь дѣлать? Она такъ прелестна, а состояніе мое таково, что мнѣ нечего искать богатой. И если ты мнѣ это устроишь, я подарю тебѣ мою саратовскую деревню. Ты знаешь какой приносить она доходъ.

— Я рада, братецъ, всегда помогать вамъ во всемъ, отвѣчала Клавдія Ивановна, глаза которой забѣгали.—Но что же я могу сдѣлать? Вамъ бы самому лучше поговорить сначала съ дѣвушкой.

— Въ томъ-то и дѣло, что она такая неприступная, такая холодная, что я не знаю какъ и взяться. Я ужь чего не придумывалъ. Ничего не беретъ.

— Можетъ-быть, она недовольна, что вы, показывая явное вниманіе, такъ долго не объясняетесь.

— Я прежде и самъ такъ думалъ; но сколько разъ ни начиналъ разговоръ объ этомъ, она такъ посмотреть на меня, что я языкъ прикушу. Помоги, Клавденька! Я просто съ ума схожу отъ любви.

— Изволь. Я попытаюсь и поговорю сначала съ матерью. Она лучше уговоритъ дочь.

— Ну да, да! Женщины лучше умѣютъ устроить это. Я, признаюсь, никогда еще не былъ въ такомъ затруднительномъ положеніи.

Въ первое же воскресенье, Клавдія Ивановна, разряженная по послѣдней модѣ, отправилась въ домику Жербье. Къ счастью, она застаала Елену Сергѣевну одну и тотчасъ

приступила къ сватовству, въ надеждѣ заработать Хрущевку, которая ей свилась днемъ и ночью.

Елена Сергѣевна была очень удивлена ея предложеніемъ, и хотя она находила Сребринскаго человѣкомъ добрымъ, но сыномъ имѣть его не желала. Впервыхъ, онъ былъ старъ для ея Лины, и та не могла любить его; а вовторыхъ, характеры ихъ были вовсе несохи. Чтобы не огорчить Щебицкой, она сказала, что не имѣетъ права располагать рукою совершеннѣйшей дочери; но скажетъ ей о предложеніи Эраста Ивановича и дастъ письменный отвѣтъ.

Щебицкая уѣхала не совсѣмъ довольная своимъ посольствомъ.

Въ тотъ же вечеръ Елена Сергѣевна разказала дочери о причинѣ визита Клавдіи Ивановны.

Магдалина выслушала мать спокойно и отвѣчала:

— Пусть это не тревожитъ тебя, милая мама! Я сама напишу ему.

— Чтò же ты напишешь ему, дитя мое?

— Я, вѣдь, не наскучила тебѣ? Ты, вѣдь, не хочешь разстаться со мною? спросила Лина, лаская мать.

— Дитя мое! Ты знаешь, какъ ты дорога мнѣ. Я хочу только твоего счастья, и съ Сребринскимъ, думаю я, ты счастлива быть не можешь.

— Такъ не будемъ же говорить объ этомъ. Завтра я напишу и покажу тебѣ мое письмо.

X.

На другой день Магдалина встала, по обыкновенію, на разсвѣтѣ и вышла взглянуть на свое хозяйство. Садовникъ подаль ей письмо.

— Я былъ вчера вечеромъ въ деревнѣ, сказалъ онъ,—заходилъ на почту, вернулся поздно вечеромъ и не успѣлъ отдать вамъ вчера.

Магдалина разломала печать. Рука и подпись были ей незнакомы. Дѣвушка пробѣжала письмо и страшно поблѣдѣла. Чтобы скрыть свое волненіе, она вернулась къ себѣ въ комнату, и прежде чѣмъ совершенно поняла содержаніе письма, она должна была нѣсколько разъ перечитать его.

Елену Жербье увѣдомляли, что кредиторъ ея мужа, его

старинный другъ, умеръ скоропостижно, и наследники его требуютъ немедленной уплаты долга. Если же, черезъ мѣсяць, весь долгъ не будетъ уплаченъ, будутъ требовать уплаты по суду, и имѣніе вдовы Жербье за долгъ, простиравшійся до десяти тысячъ, поступить въ продажу.

Магдалина держала въ рукахъ письмо, и не хотѣла вѣрить новому несчастью. Она долго сидѣла на одномъ мѣстѣ, не понимая что съ нею.

„Всѣ труды мои, всѣ заботы напрасны“, думала молодая дѣвушка. „И не помогу матери, не спасу ея отъ бѣдности, не заглажу передъ нею вины отца.“

Она схватила голову руками, и горькія слезы, первыя послѣ смерти отца, полились изъ ея глазъ. Въ первый разъ она не могла найдти утѣшенія въ самой себѣ и, взявъ шляпку, поспѣшила къ своему старому другу, Терезѣ, чтобы посоветоваться съ нею.

Проходя мимо комнаты матери, Магдалина тихо отворила дверь, подошла къ ея постели и долго глядѣла на спящую. Несмотря на свои сорокъ лѣтъ, на горе и болѣзнь, Елена Сергѣевна была еще хороша; необыкновенною кротостию и спокойствіемъ дышало ея лицо.

„И я, безумная, надѣялась дать тебѣ спокойствіе“, думала Магдалина, „я забыла, что я ничтожная, жалкая женщина, не могу ничего сдѣлать, не могу даже сохранить тебѣ этой комнаты, которую ты такъ любишь.“

Сердце дѣвушки облилось кровью. Она вышла изъ дому, посмотрѣла вокругъ: ей казалось, что она все видитъ въ первый разъ. Передъ нею широко разстлались виноградники, о которыхъ она такъ заботилась; цвѣты, взлелѣянные ею, были такъ свѣжи; птицы пѣли такъ весело. Она спустилась на дорогу и увидѣла коровъ, которыхъ гнали на пастбище, и съ ними ей жаль стало разстаться. „Все это надо продать“, подумала она, „продать, но чѣмъ же будутъ жить бѣдная мать и Зоя?“ Мысли Магдалины путались. Она шла тихо, и когда пришла къ Терезѣ, то ужъ не застала ея дома.

Магдалина сѣла на камень и долго не перемѣняла положенія. Она перестала думать, чувствовать, и только бессмысленно глядѣла вдаль. Вдругъ ей показалось, что подъ горою она видитъ Веняминова. Она не хотѣла встрѣтиться съ нимъ, чтобы не показать ему своего встревоженнаго лица,

поспѣшно встала и, углубясь въ чащу лѣса начала спускаться къ морю.

Но домой она боялась вернуться, чтобы мать, которая ужъ вѣрно проснулась, не замѣтила ея безпокойства. Дойдя до моря, она опять сѣла на камень и опять стала обдумывать свое положеніе.

„Хорошо, что я не застаю Терезу дома“, разсуждала она, „я ничего не должна говорить ей, пока, можетъ-быть, сама не придумаю чего-нибудь.“

Чей-то голосъ прервалъ размышленія Магдалины. Она оглянулась и увидѣла Сребринскаго.

„Вотъ спасеніе!“ подумала Магдалина. „Я женщина и ничего лучше сдѣлать не въ состояніи. Я продамъ себя, чтобы спасти мать. А тамъ... тамъ посмотримъ.“

Всѣ эти мысли промелькнули въ головѣ Магдалины, при видѣ улыбающагося лица ея обожателя. Сребринскій соскочилъ съ лошади и, подойдя къ молодой дѣвушкѣ, сказалъ:

— Я давно смотрю на васъ, mademoiselle Madelaine; но вы такъ были погружены въ свои мысли, что не замѣчали меня. Я вѣхалъ къ вамъ.

— Развѣ ужъ такъ поздно?

— Да, не рано. Но что съ вами? Вы такъ блѣдны, не больны ли вы? Скажите, ради Бога.

— Благодарю, я здорова.

— Mademoiselle Madelaine, вы знаете зачѣмъ я вѣхалъ къ вамъ?

Магдалина какъ-то бессмысленно смотрѣла на него. Глазамъ ея представлялось то блѣдное лицо ея матери, то веселое личико Зои, и между ними являлся взглядъ Веньяминова, съ грустнымъ укоромъ устремленный на нее. Магдалинѣ показалось, что она сходитъ съ ума. Но она скоро овладѣла собою и обсудила свое положеніе.

— Магущка ваша, продолжалъ Сребринскій, не замѣчая волненія Лины,—обѣщала сестрѣ моей написать о рѣшеніи моей участи; но я не могъ ждать долѣе и спѣшилъ къ вамъ, чтобы отъ васъ самихъ услышать свой приговоръ.... Согласитесь ли вы вѣрить мнѣ судьбу вашу?

Магдалина горько улыбнулась; но не отвѣчала. Ноги ея дрожали. Она опустилась на камень, съ котораго встала при видѣ Сребринскаго.

— Вы, можетъ-быть, скажете, что мало знаете меня, что

не любите меня, что безъ любви не хотите выйти замужъ. Пусть это не тревожитъ васъ. Вѣрьтесь мнѣ, я буду исполнять всѣ малѣйшія ваши желанія, я буду работою вашимъ.

— Мать моя, начала Магдалина,—говорила о вашемъ предложеніи, но, дѣлая это предложеніе, вы забыли, что я бѣдна.

— Нѣтъ, я ничего не забылъ. Я васъ люблю и могу быть счастливъ только съ вами.

— Но я васъ не люблю. Рѣшитель ли вы соединитесь съ дѣвушкой, которая не любитъ васъ?

— Вы, вѣдь, не любите и никого другаго? Сердце ваше свободно? А я вполне увѣренъ, что моя страстная любовь, мою угожденія тронуть васъ наконецъ.

Магдалина не подтвердила, что она никого не любитъ, хотя была убѣждена въ этомъ. Но вопросъ Сребринскаго вызвалъ передъ нею образъ Веньяминова.

— Я буду говорить съ вами откровенно, сказала она. — Когда мать моя передала мнѣ предложеніе ваше, я въ ту же минуту рѣшилась отказать вамъ, во первыхъ, потому что не люблю васъ, и чувствую, что никогда не буду въ состояніи любить васъ; во вторыхъ, мать моя не желаетъ, чтобы я была вашею женою. Но обстоятельства перемѣнились. Я узнала сегодня, что матери моей угрожаетъ бѣдность.—Она вынула изъ кармана письмо и подала его Сребринскому.—Прочтите его, продолжала она.—И если вы спасете мать мою отъ угрожающей ей бѣдности, тогда я.... согласна.

Последнее слово Магдалина произнесла особенно громко, какъ бы для того, чтобы заглушить внутренній голосъ, который твердилъ ей: „Ты губишь себя и свою жизнь на вѣкъ!“

— Благодарное письмо! воскликнулъ Сребринскій, отдавая письмо Магдалинѣ.—Благодарю васъ за вашу благородную откровенность; я умѣю цѣнить ее и сдѣлаю все чего бы вы не пожелали.

— Я не желаю ничего и выйду за васъ, продолжала она, тѣмъ же холоднымъ тономъ,—съ однимъ только условіемъ, чтобы вы еще до свадьбы уплатили долгъ моего отца, и прошу васъ, во все время, какъ я буду вашей невестой, не дѣлать никакихъ праздниковъ, ни затѣвать никакихъ увеселеній, никогда никому не говорить, что заставляетъ меня выйти за васъ, особенно, не говорить моей матери. Она никогда не должна этого знать, даже послѣ моей смерти. Я выхожу за васъ, правда,

не любя васъ; но по собственной волѣ, безъ всякаго принужденія. Согласны ли вы на все это?

— *Madelaine*, та *divine Madelaine*! Вы дѣлаете меня счастливымъ изъ смертныхъ. — И онъ опять хотѣлъ поцѣловать ея руку. Магдалина не охотно подала ему ее.

— Я васъ прошу, чтобы не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли была наша свадьба, также безъ всякихъ пиршествъ и приготовленій, и сейчасъ же, въ тотъ же день, мы должны уѣхать отсюда. Дайте мнѣ слово, что все это вы исполните, а я даю вамъ слово, въ свою очередь, никогда болѣе ни о чемъ не просить васъ.

— Съ восторгомъ даю вамъ слово исполнить всѣ ваши желанія, но ваше слово отдаю вамъ назадъ. Для меня будетъ такое счастье повиноваться вамъ, что я не рѣшусь лишиться себя этого счастья.

— Итакъ, вы мнѣ обѣщаете, сейчасъ, послѣ свадьбы, въ тотъ же день уѣхать отсюда?

— Непремѣнно, непременно, и мы уѣдемъ за границу.

— Куда вамъ угодно, мнѣ все равно.

— Итакъ, я сегодня не смѣю видѣть васъ?

— Нѣтъ, прошу васъ. Мнѣ нужно успокоиться, нужно переговорить съ матерью, упросить ее согласиться на нашъ бракъ. Я вамъ ужь сказала, что она не желаетъ этого.

— О *Madelaine*, вы не знаете, какъ я счастливъ тѣмъ, что вы довѣряете мнѣ ваши тайны. О долгѣ отца вашего не беспокойтесь; отнынѣ это мой долгъ.

— Благодарю васъ, я теперь совершенно покойна.

— Прощайте.

— Прощайте, до завтра, *mon adorable fiancée*.

Эрастъ Ивановичъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ домой, чтобы подѣлиться съ сестрой своимъ неожиданнымъ блаженствомъ.

XI.

Магдалина, говоря, что она спокойна, сказала правду. Ея уже не страшна бѣдность матери и сестры. Она имъ принесла себя въ жертву, и ей казалось, что она сдѣлала для нихъ все что только было возможно сдѣлать. О своемъ будущемъ она не думала: у нея не было теперь будущаго. Тихо шла она домой, безъ мысли, безъ горя, безъ всякаго

сожалѣнія о томъ что она сдѣлала. Равнодушно глядя она на тѣ предметы, которые казались ей столь милыми за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ. Она встрѣтила мать и сестру съ улыбкой; сказала, что была у Терезы, но не застала ея, и пошла къ себѣ переодѣться. Окончивъ свой туалетъ, Магдалина взяла книгу. Она читала, не понимая содержанія, хотя внимательно слѣдила за буквами и переворачивала листы. Зоя пришла сказать, что ее зовутъ по хозяйству. Магдалина вышла, очень покойно распорядилась и, возвращаясь въ комнату, встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Веньяминовымъ.

— А Надя? спросила Магдалина, какъ спрашивала всегда, когда Валерьянъ Петровичъ пріѣзжалъ одинъ.

— Она въ комнатѣ Елены Сергѣевны, отвѣчалъ Веньяминовъ.—Вы не были сегодня у Терезы Карловны? Мнѣ показалось издали, что я васъ видѣлъ.

— Да, я была, но не застала ее.

— Я встрѣтилъ сегодня Сребринскаго, продолжалъ Веньяминовъ,—съ нимъ вѣрно случилось что-нибудь особенное. Онъ скакалъ, какъ сумашедшій, на своемъ бѣгунѣ. Завидя меня издали, онъ снялъ шляпу, повертѣлъ ею въ воздухъ; и когда я подтѣхалъ къ нему, онъ наговорилъ мнѣ такъ много о своемъ счастьѣ, о своей повѣздкѣ за-границу. Я рѣшительно ничего не понималъ. И когда я просилъ его растолковать мнѣ въ чемъ дѣло, онъ приложилъ палецъ къ губамъ, повернулъ лошадь и поскакалъ, сломя голову.

Магдалина ничего ему на это не сказала и, въ продолженіе всего дня, была такъ спокойна, какъ будто ничего особеннаго съ нею не случилось. При прощаньи съ Веньяминовымъ, она сама протянула ему руку, чего никогда не дѣлала, и крѣпко пожала ее.

Валерьянъ Петровичъ вспыхнулъ отъ счастья.

— Что же, Личочка, спросила Елена Сергѣевна, оставшись одна съ дочерью,—ты приготовила письмо Сребринскому?

— Нѣтъ, я сегодня утромъ встрѣтила его и сама говорила съ нимъ.

— Что же ты сказала ему, чѣмъ объяснила ему отказъ свой?

— Я не отказала ему.

— Какъ, что ты говоришь?

— Да, милая мама. Я не отказала ему. Я много думала объ

этомъ и рѣшилась выйти за него замужъ. Сребринскій добръ, онъ меня любитъ, я буду съ нимъ счастлива.

— Лина, дитя мое, что ты сказала мнѣ? Я не понимаю тебя.

— Милая мама, зачѣмъ ты такъ встревожилась? Ты вчера сама говорила, что только желаешь моего счастья; съ Сребринскимъ я буду счастлива.

— Лина, Линочка, говорила Елена Сергѣевна, дрожа всѣмъ тѣломъ,—ты убиваешь себя; ты никогда не будешь съ нимъ счастлива; онъ не достоинъ тебя. Но ты шутишь, ты не могла рѣшиться на это?

— Нѣтъ, право, я совсѣмъ не шучу... Я точно дала слово Сребринскому, и потому сдѣлала это, не переговоривъ съ тобою, что напередъ была увѣрена въ твоёмъ согласіи.

— Господи, что ты съ собою дѣлаешь, Лина? Вмѣсто счастья ты убиваешь себя.

— Напротивъ. Ты знаешь, я любить не могу: ты сама часто называешь меня холодною, а къ Сребринскому я буду привязана, какъ къ брату.

— Боже мой, Лина моя, ты не понимаешь всей важности супружества, ты не понимаешь, какъ ужасно быть женою не любимаго человѣка!

— Нѣтъ, другъ мой милый, успокойся, выслушай меня, безъ слезъ, моя дорогая мама. Вѣрь мнѣ, я хорошо понимаю обязанность жены. Я все обдумала и клянусь тебѣ, любовью моею къ тебѣ, что я никогда не отдамся человѣку, котораго не въ состояніи любить. Сребринскаго же я могу любить.

— Нѣтъ, Магдалина, нѣтъ!.. Никогда ты его не полюбишь!.. Тутъ есть другая причина, которой ты мнѣ не хочешь сказать. Господи, что я сдѣлала своей дочери, что она хочетъ убить себя!

Магдалина вздрогнула.

— Причина очень простая, отвѣчала она, употребивъ всѣ усилія овладѣть собою,—ты видишь, мы не богаты, жизнь наша течетъ такъ безцвѣтно. Я хочу видѣть свѣтъ, хочу знать какъ живутъ тамъ. Сердце мое холодно, любить я не могу, но мнѣ нужна перемѣна, меня начинаютъ тяготить наши горы. Сребринскій доставитъ мнѣ все чего я желаю, и я буду счастлива. Мы разстанемся не на долго; весною я буду опять съ тобою.

Она еще долго говорила, представляла блестящую перспек-

тиву своей будущей жизни. Елена Сергѣевна слушала дочь и горько плакала.

Утромъ Магдалина написала Веньяминову: „Я сама хочу оказать вамъ то о чемъ вы скоро узнаете отъ другихъ. Не удивляйтесь, не огорчайтесь, и не старайтесь поколебать меня въ моемъ рѣшеніи, это будетъ бесполезно. Я выхожу замужъ за Сребринскаго; черезъ двѣ недѣли назначена моя свадьба, и мы простимся на всегда. Будьте счастливы, и если останетесь въ Крыму, любите и берегите мать мою.“

Она запечатала письмо, чтобы въ то же утро отослать его.

Елена Сергѣевна не могла заснуть всю ночь, встала слабая, утомленная, съ красными отъ слезъ глазами. Она опять начала умолять дочь отказаться отъ своего намѣренія; но Лина оставалась непоколебимою и старалась казаться веселою.

Сребринскаго Елена Сергѣевна встрѣтила холодно, но онъ или не замѣтилъ, или не хотѣлъ замѣтить этого, и былъ любезенъ и предупредителенъ, желая очаровать свою будущую belle-mère. Когда же Елена Сергѣевна узнала, что дочь и женихъ ея такъ торопятъ свадьбой, она страшно возстала; но Магдалина вооружилась твердостью. Елена Сергѣевна, привыкшая покоряться во всемъ волѣ мужа, а потомъ старшей дочери, должна была и на этотъ разъ покориться; но страдала глубоко. Она была твердо увѣрена, что Лина губитъ себя.

XII.

Въ то утро, когда Магдалина написала письмо Веньяминову, Валерьянъ Петровичъ, не подозрѣвавшій какой ударъ ожидаетъ его, всталъ веселѣе обыкновеннаго.

Вошла горничная Надежды Петровны и подала ему запечатанное письмо.

Валерьянъ Петровичъ взглянулъ на адресъ, поблѣднѣлъ, бросилъ недокуренную сигару и началъ читать письмо. Разсудокъ его отказывался вѣрить тому что глаза читали. Схвативъ шляпу, онъ побѣжалъ къ Терезѣ, надѣясь узнать отъ нея всю правду. Но Терезы не было дома. Веньяминовъ не могъ оставаться въ неизвестности. Онъ поспѣшилъ къ Магдалинѣ. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ дому, тѣмъ

сильнѣе волновалось его сердце. Подъ балкономъ домика Жербье, щегольски одѣтый грумъ держалъ лошадь Сребринскаго. Это избѣсило Веньяминова. Онъ однако не рѣшился войти. Онъ чувствовалъ, что у него недостанетъ хладнокровія при видѣ его соперника. Чтобъ избѣжать этого свиданія, онъ углубился въ дѣло и, забывая время, бродилъ тамъ безъ цѣли нѣсколько часовъ. Бѣшеная ревность, любовь, ненависть, кипѣли въ сердцѣ, а онъ все не рѣшался приблизиться къ дому Магдалины, боясь встрѣтить тамъ Сребринскаго. Наконецъ онъ преодолѣлъ себя. Къ счастью, Сребринскій уже уѣхалъ. Еще съ горы Веньяминовъ замѣтилъ Магдалину въ саду между деревьями. Онъ побѣжалъ туда и нашелъ ее одну.

— Магдалина! сказалъ онъ, взявъ обѣими руками ея руку, — зачѣмъ вы такъ безчеловѣчно подшутили надо мной сегодня? Вѣдь вы пошутили, неправда ли? прибавилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Нѣтъ, я не пошутила; все, что я вамъ написала, совершенно справедливо.

— Какъ, такъ вы хотите быть женою этого гаупца? вскричалъ Веньяминовъ. — Что вы говорите? Этого не можетъ быть.

— Вы не имѣете права такъ говорить о моемъ женихѣ, проговорила тихо Луна.

— Такъ онъ ужъ вашъ женихъ? Вы выходите за него замужъ? Нѣтъ, это невозможно! Спросите у своего сердца: оно вамъ скажетъ, что это невозможно.

— Очень возможно, потому что это есть.

— Но вы его не любите, не можете любить; а безъ любви развѣ можно связывать себя на вѣкъ. И съ кѣмъ!... Опомнитесь, что можетъ заставить васъ такъ губить себя? Вѣдь, не богатство же могло васъ прельстить? Васъ,—благородную, чудную. Нѣтъ, это быть не можетъ. О, Боже мой, Боже мой! Что вы дѣлаете? вскричалъ Веньяминовъ, схвативъ себя за голову.—Но нѣтъ! сказалъ онъ, подумавъ, ваша мать никогда не допуститъ, чтобъ вы такъ ужасно губили себя. Она понимаетъ все ничтожество этого человѣка.

— Мать моя согласна. Все кончено, рѣшено, прошу васъ оставьте меня, проговорила Луна дрожащимъ голосомъ.

Веньяминовъ упалъ къ ногамъ ея и зарыдалъ какъ дитя.

— Луна, повторялъ онъ,—вѣдь вы знали, что я не могъ

разлюбить васъ, какъ вы этого требовали. За что вы оттолкнули меня? Развѣ этотъ человѣкъ, котораго вы называете женихомъ своимъ, способенъ оцѣнить васъ? Развѣ онъ способенъ любить, какъ я васъ люблю? Вы, Магдалина, на которую я смотрѣлъ какъ на божество, вы, которой я молился, вы будете принадлежать этому человѣку. Нѣтъ, я не вынесу этого.

Магдалина дрожала какъ въ лихорадкѣ. Смертельная блѣдность ея лица непрерывно смѣнялась яркимъ румянцемъ. Она уже готова была протянуть къ нему руки, но печально взглянула на домъ, видѣвшійся изъ-за деревьевъ, и вспомнила о матери. Слова: „я продала себя“, промелькнули въ ея умѣ. Она сказала не твердымъ голосомъ:

— Веньяминовъ, вспомните, что я вамъ говорила у васъ въ саду. Я говорила вамъ, что я не люблю васъ, и просила забыть меня. Не мучьте меня теперь такимъ малодушіемъ и такимъ напраснымъ отчаяніемъ.

Веньяминовъ всталъ.

— Вы говорили, что не любите, что не хотите любить меня, но и никого не хотите любить. Не хотите выходить замужъ, чтобъ остаться всегда свободной въ своихъ дѣйствіяхъ. О, я помню все, что вы говорили мнѣ. И что же теперь!

— Я ошибалась, сказала Магдалина, превозмогая свое волненіе.— Да, я ошибалась; я любила Сребринскаго.

— Это неправда; вы и себя, и меня обманываете.

— Какъ хотите, не вѣрьте; но я повторяю, что я люблю Сребринскаго, и непремѣнно буду его женой.

Веньяминовъ вздрогнулъ.

— Я убью его, прежде нежели вы будете ему принадлежать, вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ.

Магдалина едва держалась на ногахъ. Она присловилась къ дереву, и употребила всю силу души своей, чтобы казаться спокойною.

Веньяминовъ вѣсколько минутъ глядѣлъ на нее молча, схватилъ ея руку, прижалъ къ губамъ своимъ и прошепталъ:

— Вы погубили себя и меня, Магдалина! Да проститъ вамъ Богъ!

И не сказавъ болѣе ни слова, онъ скорыми шагами вышелъ изъ саду. Магдалина долго стояла на томъ же мѣстѣ и глядѣла въ ту сторону куда онъ ушелъ. На лицѣ ея

замѣтно было сильное волненіе, она хотѣла заглушить голосъ сердца, но не стало силы. Она бросилась въ глубину сада, упала на траву и зарыдала. Сердце заговорило громче разсудка, и Магдалина не пыталась болѣе заглушить его голоса, она поняла, что это было невозможно, и долго рыдала она, закрывая пылающее лицо руками.

„Неужели я люблю его?“ спрашивала она у себя, когда слезы успокоили ее немного, и она по обыкновенію начала разбирать свои чувства. „Я едва не забыла матери, едва не забыла и того, что для ея спокойствія я продала себя. Все, чего я такъ боялась, исполнилось.... Гдѣ же эта сила воли, это мужество, которымъ я такъ гордилась?... Всѣ мои мечты, мои надежды, все погибаетъ съ моею жизнью... Умереть, умереть,“ повторяла она. „Но отчего же такъ больно думать о смерти? Мнѣ казалось прежде, что сердце мое такъ холодно и непоколебимо, а теперь... Какъ оно горитъ, какъ воеетъ! Я умру. А что будетъ съ нимъ? Если есть Богъ, то пусть онъ спасетъ его.“ И Магдалина невольно сложила руки, какъ для молитвы. О матери своей она не вспомнила, она рѣшилась умереть для ея спокойствія, но она не подумала, нужно ли будетъ ей матери это спокойствіе, по утратѣ любимой дочери.

Далеко за полночь вернулся домой Веньяминовъ. Лицо его, отъ внутренняго волненія и отъ истощенія (онъ весь день былъ на ногахъ и ничего не ѣлъ), страшно измѣнилось; глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ; голова и руки были горячи. Онъ не отвѣчалъ на вопросы, позволилъ, какъ дитя, уложить себя въ постель. Къ утру открылась горячка. Надежда Петровна послала въ городъ за докторомъ, и дала знать въ домикъ Жербые о болѣзни брата.

XIII.

Елена Сергѣевна давно замѣчала любовь Веньяминова. Ея любимую мечтою было видѣть свою милую Лину его женой. Ея материнское чутье говорило ей, что Лина тоже любитъ его, и она недоумѣвала что могло заставитьъ ея дочь такъ безразсудно распорядиться своею судьбой. Сердце ея отказывалось вѣрить всѣмъ увѣреніямъ Лины о своемъ будущемъ счастьѣ съ Сребринскимъ. И, какъ сама она не могла убѣдить ее отказаться отъ ея намѣренія, то послала за

Терезой, надѣясь, что она поможетъ ей спасти дочь а вмѣстѣ и Веньяминова, болязнь котораго, какъ догадывалась Елена Сергѣевна, произошла отъ горя.

Съ глубокимъ вниманіемъ слушала Тереза разказъ Елены Сергѣевны о случившемся, старалась, какъ умѣла, утѣшить бѣдную мать, и пошла въ комнату Магдалины, чтобъ узнать отъ нея истину. Но это было напрасно. Магдалина всегда изливала свою душу предъ старухой; теперь же она только склонила передъ ней голову и упорно молчала.

— Послушай, дитя мое, сказала Тереза,—ты рѣшилась соединиться съ человѣкомъ, котораго не уважаешь и не любишь. Ты никогда не увѣришь меня, что тебя мечеть къ нему жажда удовольствій, пережвѣна образа жизни и прочіе пустяки, какіе ты наговорила Еленѣ. Я тебя слишкомъ хорошо знаю. Тутъ должна быть другая причина, очень важная. Но, увѣряю тебя, какъ бы ни была важна эта причина, она все-таки не сравнится съ тѣми несчастіями, какія на-калечетъ твоя жертва на всѣхъ тебя любящихъ. Ты готовишь себѣ страданія; мать твоя, сколько бы ты ни скрывала отъ нея своихъ чувствъ, будетъ это видѣть, а это убьетъ ее. Зоя осиротѣетъ. А то сердце, которое ты разбила, что скажешь ты о немъ?

Магдалина вспыхнула, но не отвѣчала.

— Такъ ты не можешь мнѣ сказать, что заставляетъ тебя жертвовать собою?

— Нѣтъ, Тереза, не могу. Причина, какъ вы говорите, важная. Это справедливо. Вы все узнаете, но не теперь. Молю васъ только, берегите мою мать; увѣрьте ее, что я начинаю любить этого человѣка, что я надѣюсь быть счастливою. Вы меня знаете, я ничего не дѣлаю необдуманно. Но это было нужно, необходимо,—и я рѣшилась. Тереза, прибавила она тихо,—*savez celui, à qui on a fait tort.*

Старуха взглянула на нее, грустно покачала головой и сказала:

— Бѣдная, бѣдная, такъ ты наконецъ услышала голосъ сердца! Сильно же была потрясена твоя душа!

Магдалина отвернулась.

— Я иду къ нему. Поволи меня, когда я буду тебѣ нужна.

— Мнѣ теперь никого не надо; не оставляйте его.

— Я не оставляю его, пока онъ не выздоровѣетъ; но выздоровѣетъ ли онъ еще?

Магдалина страшно поблѣднѣла.

— Вѣдь вы же говорите, что есть Богъ. Пусть же Онъ спасетъ его.

— Да спасетъ Онъ и тебя, моя блѣдная! проговорила старуха, уходя.

— Меня уже нельзя спасти, сказала Магдалина, оставшись одна.

XIV.

Прошла цѣлая недѣля, показавшаяся Магдалинѣ вѣчностью. Веньяминовъ постоянно былъ почти безъ памяти, и докторъ не надѣялся на его выздоровленіе. Тереза расположилась около кровати больного въ качествѣ сидѣлки и ухаживала за нимъ какъ нѣжная мать. Въ домикѣ Жербье всѣ были грустны и молчаливы. Одинъ Сребринскій, занятый своимъ счастьемъ, оставался веселъ, не замѣчая печали другихъ.

Когда онъ привезъ Магдалинѣ деньги, назначенныя для уплаты долга ея отца, она сказала:

— Вы отдаете мнѣ эти деньги, какъ вашей будущей женѣ, но какъ вдругъ случится, что я умру еще до свадьбы. Вѣдь смерть является иногда совсѣмъ неожиданно! прибавила она, улыбаясь. — Что вы тогда сдѣлаете?

— О, не пугайте меня такими черными мыслями. Я вообще не люблю слышать о смерти, а тѣмъ болѣе отъ васъ. Будемъ лучше думать и говорить о томъ счастьѣ и удовольствіяхъ, которыя насъ ожидаютъ.

— Я не думаю о смерти, но говорю это такъ, на всякой случай. Я, какъ невѣста ваша, не имѣю еще права на ваше состояніе, и еслибъ я вдругъ умерла, ну хоть отъ грозы, положимъ, то вы бы заставили мать мою возвратить вамъ эти деньги? А я такъ желаю, чтобы она узнала объ уплатѣ этого долга не ранѣе, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ.

— Я вамъ даю честное слово, что я ничего не скажу объ этомъ вашей матери. Притомъ же, это мой свадебный подарокъ, а подарковъ своихъ я никогда не беру назадъ. Забудьте обо всемъ этомъ, отошлемъ скорѣе деньги куда слѣдуетъ. Всѣ эти пустяки, право, не стоятъ, чтобы вы думали о нихъ.

И Сребринскій, обвивая рукою ставъ своей невѣсты, поцѣловалъ ея щеку.

Магдалина вздрогнула; точно ядовитое животное укусило ее; но она не противилась ласкѣ жениха; вѣдь она продала себя, и ей ужь заплатили.

Приближался день свадьбы. Но какъ жизнь Веньяминова все еще была въ опасности, то Елена Сергѣевна умоляла дочь и Сребринскаго отложить свадьбу еще недѣли на двѣ.

Эрастъ Ивановичъ не противился желанію своей belle-mère, и хотя страстно желалъ скорѣе обладать Магдалиной, но ему также очень хотѣлось, чтобы Веньяминовъ былъ его шаферомъ.

Въ послѣднее время Сребринскій началъ замѣчать любовь Валерьяна Петровича къ Магдалинѣ, и ему хотѣлось, чтобы тотъ былъ свидѣтелемъ его торжества. Къ тому же, онъ не могъ помириться съ мыслию, что въ день его свадьбы не будетъ никакого пиршества, и онъ не сдѣлаетъ своей невѣстѣ никакихъ подарковъ. Поэтому онъ вздумалъ на нѣсколько дней съѣздить въ Одессу, нанять тамъ дачу и распорядиться приготовленіями къ достойному принатію молодой.

Магдалина на этотъ разъ не нашла въ себѣ достаточно силы противиться желанію матери. Свадьба была отсрочена. Сребринскій уѣхалъ въ Одессу.

— Линочка, сказала Елена Сергѣевна, дня черезъ два послѣ отъѣзда Сребринскаго, — сама-то я не хотѣла просить тебя объ этомъ, но сейчасъ получила записку отъ Терезы. Она пишетъ, что Валерьяну ни чуть не лучше, и докторъ рѣшительно отчаивается въ его выздоровленіи. Тереза думаетъ, что можетъ быть твое присутствіе спасетъ его и проситъ, чтобы ты пришла! Неужели ты этого не сдѣлаешь? Хотя изъ человеколюбія, прибавила Елена Сергѣевна, внимательно всматриваясь въ лицо дочери.

— Я не понимаю, почему думаетъ Тереза, что я могу чѣмъ-нибудь помочь больному, отвѣчала Магдалина, стараясь казаться покойною.

— Ты не понимаешь?... Но я надѣюсь, что ты исполнишь желаніе Терезы.

— Хорошо, я приду, отвѣчала какъ-то глухо Магдалина.

— Тереза проситъ, чтобъ ты шла сейчасъ же, она пишетъ, что сегодня въ особенности ему худо; они совсѣмъ потеряли надежду. Бѣдная Наденька въ такомъ отчаяніи! Ты знаешь какъ она любитъ брата.

Лина встала.

— Я иду сейчас, сказала она, надѣвая шапку.

Ноги ея дрожали. Вся ея энергія исчезла. Она шла тихо, часто останавливалась, чтобъ успокоиться и не дать замѣтить постороннимъ что происходило въ ея душѣ.

Никто не встрѣтилъ Магдалину, когда она подошла къ дому Ниловой. Надежда Петровна, замѣтя ее изъ окна, ушла въ свою спальню, чтобы не видѣться съ дѣвушкой, которая, какъ ей казалось, такъ равнодушно убивала ея брата.

Тереза вышла къ Магдалинѣ и ввела ее въ комнату больного.

Подойдя къ его кровати, Магдалина едва не воскликнула: такъ измѣнился Вельяминовъ; онъ былъ страшно худъ, глаза впали и смотрѣли дико и безосознательно.

— Онъ безъ памяти; простись съ нимъ, моя бѣдная! сказала Тереза.

Дѣвушка не могла удержать своихъ слезъ и, рыдая, упала на колѣни.

— Такъ это я убиваю его? сказала она, цѣлуя руку больного и обливая ее слезами.—Тереза, Тереза, вѣдь я....

Она не договорила и положила голову на подушку больного.

— Ты и себя вѣдь убиваешь; посмотри, ты ужъ мертвая.

— Тѣмъ лучше, проговорила Лина, не поднимая головы.

Вельяминовъ, казалось, прислушивался. Тереза внимательно наблюдала за нимъ, разговаривая съ Магдалиной.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ, стараясь приподняться съ постели; но мысли его сейчасъ же потомъ и спутались.

— Не шали, Надя, мнѣ пора на лекцію. Пусти же меня, бормоталъ онъ, выдергивая свою руку изъ рукъ Магдалины.

Дѣвушка нагнулась къ нему и, не помня себя, прижалась лицомъ къ его лицу и тихо назвала его по имени.

Вельяминовъ снова сдѣлалъ усиліе приподняться съ постели, но въ ту же минуту силы ему измѣнились, и онъ безъ чувствъ упалъ на подушки. Магдалинѣ показалось, что онъ умеръ. Она поцѣловала его руку и, шатаясь, пошла вонъ изъ комнаты, чтобы даже и Терезѣ не показать своего отчаянія. Но старуха остановила ее.

— Еще разъ обдумай и взвѣсь, сказала она,—что важнѣе, жизнь его и твоей матери, или то обстоятельство, которое заставляетъ тебя жертвовать ими и убивать себя? Обдумай хорошенько, пока еще не поздно.

— Ужъ поздно, отвѣчала Магдалина, взявшись за ручку дверей.

Старуха остановила ее.

— Лиана, сказала она,—миѣ страшно за тебя; ты замышляешь что-то недоброе. Открой миѣ свою душу. Можетъ-быть, миѣ удастся помочь тебѣ и спасти тебя.

— Оставьте меня, Тереза! проговорила Магдалина почти съ досадой и хотѣла было идти.

— Лиана, тебѣ не жаль его? И старуха указала на большого.

— Не мучьте меня, Тереза, произнесла Магдалина. — Вы думаете маѣ легко. Дома я боюсь встрѣчать взглядъ матери, избѣгаю ея ласки, избѣгаю разговоровъ съ нею.... У меня уже не стаетъ словъ успокоивать ее. Вы думаете миѣ легко шутить и смѣяться дома? Пустите меня, Тереза. Идите къ нему, помогите ему, если онъ живъ, а меня оставьте окончить начатое.

И Магдалина высвободила свою руку изъ руки старухи и вышла изъ дому.

На другое утро Тереза написала Еленѣ, что Вельяминовъ, послѣ продолжительнаго обморока, опомнился, узналъ всѣхъ, немного говорилъ, и хотя очень слабъ, но ночь провелъ спокойно.

Прошло еще нѣсколько дней, и въ домикѣ Жербые получали постоянно извѣстия, что Вельяминову лучше, и что даже докторъ собирается уѣхать, говоря, что онъ не нуженъ больному. Тереза нѣсколько разъ приходила къ Магдалинѣ, умоляла ее быть съ ней откровенною; но дѣвушка упорно молчала.

XV.

— Дитя мое, сказала разъ, поздно вечеромъ, Елена Сергѣевна, войдя въ комнату своей дочери. — Зоя давно ужъ спитъ, а я спать не могу и пришла поговорить съ тобою. Я тебя слишкомъ люблю, и ты не укроешь отъ меня своей тоски, какъ ты ни стараешься казаться веселою. Сядь тутъ, подлѣ меня, сказала бѣдная Елена Сергѣевна, привлекая къ себѣ дочь и усаживая подлѣ себя.— Скажи миѣ, если ужъ ты непременно рѣшилась погубить свою молодость, то неужели тебѣ не жаль меня, не жаль Зои? Ты вѣдь знаешь какъ она будетъ тосковать по тебѣ.

— Я скоро опять вернусь къ вамъ, отвѣчала Лиана, цѣлуя руку матери и избѣгая ея взгляда.

Но Елена Сергѣевна подняла ея голову и долго смотрѣла ей въ глаза.

— Дитя ты мое дорогое, открой мнѣ душу свою, скажи, зачѣмъ ты меня обманываешь? У тебя есть какая-то тайна, я это чувствую. Скажи, что заставляетъ тебя идти за этого человѣка? Тебѣ тяжело, ты съ трудомъ выносишь свое горе. Что это за горе?

И Елена Сергѣевна упала на колѣни передъ своей дочерью, и, рыдая, говорила ей:

— Молю тебя Богомъ, памятью отца твоего, мою жизнь, жизнь сестры твоей, откажись отъ этого человѣка. Душа моя, Душа!

Елена Сергѣевна цѣловала ноги дочери, обливая ихъ слезами, и молила не покидать ее и отказаться отъ Сребринскаго.

Сердце Магдалины обливалось кровью.

— Я исполню твое желаніе, я отказываюсь отъ Сребринскаго, проговорила наконецъ она, подымая мать.—Я не буду его женою.

— Благодарю тебя, Господи! воскричала Елена Сергѣевна, прижимая къ груди дочь.—Радость ты моя, ты не погубишь своей жизни.

И она цѣловала глаза, волосы, руки Лины, называя ее самыми нѣжными именами. Магдалина плакала, цѣлуя мать.

Когда же Елена Сергѣевна, благословивъ дочь, пошла къ себѣ, Магдалина бросилась за нею, крѣпко прижала ее къ груди и съ трудомъ оторвалась отъ нея. Возвратясь къ себѣ, Магдалина захотѣла еще разъ взглянуть на мать. Она тихо подошла къ ея двери, но не рѣшилась войти къ ней. Она услышала, какъ Елена Сергѣевна, стоя на колѣнахъ передъ образомъ, громко молилась о счастье своихъ дѣтей.

Магдалина не могла долго слышать этой молитвы; слезы душили ее; она вернулась къ себѣ и горько заплакала.

„Бѣдная, бѣдная! Она молится о моемъ счастье!“ думала Магдалина. „Что-то будетъ съ нею завтра? Но, вѣдь, надо же наконецъ рѣшиться. Откладывать нельзя.“ Магдалина отерла слезы, сѣла къ своему столу и начала перебирать и приводить въ порядокъ свои бумаги, книги. Лицо ея приняло покойное выраженіе. Иногда она грустно улыбалась, оставляя свое занятіе, задумывалась, прижимала руки къ груди, какъ бы желая заглушить внутреннюю боль. Наконецъ, она подошла

къ окну, подняла штору, взглянула на востокъ, заря еще не занималась. Она опять сѣла, закрыла лицо руками и долго оставалась въ такомъ положеніи. Когда она подняла голову, глаза ея были сухи, щеки горѣли, лицо ея выражало твердую, спокойную рѣшимость. Она взяла перо и начала быстро писать письмо.

„Валерьянъ! Когда вы будете читать эти строки, меня уже не будетъ въ живыхъ. Простите мнѣ всѣ перемесенныя вами страданія. Я ихъ искупила смертью. Я обманывала васъ говоря, что любила Сребринскаго. Я любила васъ, Валерьянъ. Я люблю васъ и теперь. Послѣдняя моя мысль будетъ о васъ. Въ ту минуту, когда я васъ отталкивала, просила не любить меня,—я любила васъ; но я не понимала этого.

„Въ этомъ письмѣ вы найдете другое, заставившее меня выйти за Сребринскаго. Я рѣшилась на это, чтобы спасти мать и сестру отъ бѣдности; это была моя обязанность. Я бы никогда не была женою Сребринскаго. Когда я согласилась выйти за него, я уже тогда намѣрена была избавиться отъ него смертью. Но я хотѣла умереть далеко отсюда, и для этого желала увѣхать послѣ свадьбы, чтобы мать моя привыкла къ разлукѣ со мною. Но я не могу исполнить этого намѣренія; надо покончить съ жизнью здѣсь. Пока я жива, я принадлежу Сребринскому. А онъ долженъ скоро пріѣхать. Сегодня же, чтобы успокоить мать, я обѣщала ей отказаться отъ него. Но я не могу этого сдѣлать, я продала ему себя. Чтобы сдержать слово данное матери и избавиться отъ ненавистнаго мнѣ человѣка, я должна умереть.

„Скройте отъ матери это письмо, скройте причину моей смерти. Пусть всѣ думаютъ, что я умерла случайно.

„Прощайте, не вините меня, и не жалѣйте меня. Я васъ видѣла и простилась съ вами.

„Когда прочтете это письмо, пошлите сестру вашу, подъ какимъ нибудь предлогомъ, къ моей матери, пошлите туда и Терезу. Пусть вѣсть о моей смерти дойдетъ до нея среди друзей. Онѣ съумѣютъ утѣшать ее.

„Еще разъ прощайте, другъ мой. Я не знала, что я способна такъ любить, какъ люблю васъ. Скажите одной Терезѣ о причинѣ моей смерти. Я хотѣла ей писать, но для чего? Она меня хорошо знаетъ; она пойметъ что я чувствовала, прощаясь съ жизнью.“

Заря начала загораться, когда Магдалина запечатала письмо.

Она отворила окно и въсколко минутъ глядѣла вдаль. Утренній вѣтерокъ освѣжилъ ея пылающее лицо.

„Пора!“ сказала она, надѣвая шляпку.

Она тихо вышла изъ комнаты, зашла въ кухню, поцѣловала старую Марю, которая только что встала, сказала ей, что идетъ купаться, а потомъ къ Терезѣ, и быстро пошла къ морю. Ее затрудняло кого послать къ Веньяминову съ письмомъ; но она увидѣла вдали шедшихъ къ ней въ садъ на работу Татаръ, подозвала одного, отдала письмо, и когда Татары скрылись изъ виду, спустилась къ берегу, сняла верхнее платье, распустила волосы, какъ обыкновенно дѣлала для купанья, и бросилась въ прозрачную глубь.

„Я уплыву подальше“ думала она, „буду плыть пока станетъ силы, а тамъ...“ И она быстро плыла отъ берега. Море было тихо, вода холодна, ея истомленные душевными страданіями и бессонною ночью члены оживились.

Долго плыла Магдалина, безъ мысли, равнодушно удаляясь отъ берега. Море начало волноваться. Взошло солнце и освѣтило лазурную глубь, надъ которой она держалась. Продолжительное плаваніе утомило ее. Она повернулась на спину, и колыхаемая волной начала всматриваться въ отдаленные предметы. Предъ нею зеленѣли горы ея роднаго берега. Среди зелени она увидѣла крышу своего дома, вскорѣ открылся и весь домъ. Магдалинѣ показалось, что на балконѣ стоитъ что-то бѣлое. Она всмотрѣлась и узнала мать.

Волны несли ее все далѣе и далѣе, и она не имѣла болѣе силы держаться на водѣ. Сердце ея сжалось смертельною тоской. Отчаянный вонкъ вырвался изъ груди. Въ глазахъ потемнѣло, голова кружилась, въ ушахъ страшно шумѣло.

„Это смерти!“ подумала Магдалина, и вдругъ ей припомнилась молитва матери, слышанная ею наканунѣ, свѣтлое, теплое чувство зашевелилось въ душѣ ея. Она невольно, почти безсознательно вскричала: Боже! Ты, въ Кого такъ вѣрится мать моя, спаси меня!“

Сильная волна нахлынула на нее. Магдалина не могла болѣе бороться съ смертью...

XVI.

Веньяминовъ выздоравливалъ, молодость и заботы близкихъ ему спасли его. Но сердце его было разбито. Онъ съ грустью смотрѣлъ въ будущее, не вѣря болѣе въ счастье.

Докторъ уѣхалъ. Но Тереза еще не рѣшалась покинуть своего больного, и каждое утро, со свѣтомъ, приходила взглянуть на него и узнать, какъ провелъ онъ ночь.

Въ то утро, когда Магдалина приняла свое послѣднее страшное рѣшеніе, Тереза по обыкновенію шла навѣстить Веньяминова, и встрѣтила Татарина, съ письмомъ Магдалины. Взявъ у него письмо, она уже хотѣла нести его къ больному, но, увидѣвъ руку своей любимицы, одумалась.

„Что-то пишеть она ему,“ подумала старуха, и рѣшилась идти прямо къ Магдалинѣ, чтобы переговорить съ нею. Она болясь новыхъ потрясеній для Веньяминова; и спрятавъ письмо въ карманъ, спѣшила въ домикъ Жербье, чтобы видѣть Магдалину, пока не проснулась ея мать.

Тереза шла скоро, опустивъ голову и не обращая вниманія на окружающіе предметы. Чей-то голосъ заставилъ ее оглянуться. Это была Елена Сергѣевна въ утренней кофтѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ.

— Что случилось? вскричала Тереза. Ты, такъ рано, съ твоимъ здоровьемъ, здѣсь на берегу?.. Ужь не купаться ли пришла?

— Какъ я рада, что тебя встрѣтила! заговорила Елена Сергѣевна. — Ты не видѣла Лину?

— Нѣтъ.

— Ахъ Боже мой! Гдѣ же это она?

— Какъ гдѣ? Въ саду вѣрно или гуляетъ. Съ чего же ты вздумала беспокоиться?

— Это можетъ-быть глупо. И ты побранишь и посмѣешься надо мною; но мнѣ приснился такой ужасный сонъ.—И на глазахъ Елены Сергѣевны выступили слезы.—Мнѣ приснилось, что Лина бросилась въ море, вотъ съ этой скалы, все это было съ такими подробностями, такъ живо!...

— Она вѣрно прошла по другой дорогѣ, потому я ее и не встрѣтила, сказала Тереза, которою овладѣло также невольное безпокойство. Она вспомнила о письмѣ, лежавшемъ въ ея карманѣ.

— Боже мой, гдѣ же это она? говорила Елена Сергѣевна.—И не успокоюсь пока не увижу ея. Я не могла оставаться дома; меня такъ напугалъ этотъ ужасный сонъ!

Въ это время большое купеческое судно, гонимое попутнымъ вѣтромъ, быстро неслось къ берегу. Но вотъ отъ него отдѣлилась лодка, поплыла въ сторону, и скоро скрылась.

— Я устала, сказала Елена Сергѣевна:—я отдохну здѣсь. Сядемъ и подождемъ Лину. Но что это тамъ? проговорила она вдругъ, и вся задрожала.

— Гдѣ? Что такое?

Елена Сергѣевна бросилась къ испугавшему ее предмету и остановилась какъ окаменѣлая.

На берегу, между камнями, лежала шляпка и платье ея дочери. Сердце Терезы замерло. Она невольно взглянула на море. Въ это время лодка выплыла изъ-за мыса и быстро приближалась къ берегу.

Елена Сергѣевна все стояла подлѣ платья своей дочери.

— Гдѣ она? гдѣ она? вскричала несчастная мать:—сомъ мой не обмануль меня. О Господи: сжапись надо мною!

И она хотѣла броситься въ море, какъ будто надѣялась найдти тамъ дочь свою.

Но Тереза схватила ее за руку и указала на лодку, которая уже была такъ близка, что можно было различать на ней людей.

Двое моряковъ сильно гребли. Одинъ держалъ что-то бѣлое. Тереза имѣла прекрасное зрѣніе. Она могла различить что морякъ держалъ женщину.

„Несчастная! она погубила себя,“ подумала старуха.

— Это она, дитя мое, кричала Елена Сергѣевна, раздирающимъ душу, голосомъ.—И она вырывалась изъ рукъ Терезы.

Лодка все приближалась. Можно было ясно разглядѣть бѣлую одежду и длинные волосы Магдалины.

— Крѣпись, Елена. Ты мать, Господь усышитъ молитву матери.

Обѣ женщины упали на колѣни.

Уже слышны были голоса гребцовъ. Тереза дала знать, чтобы лодку причалили къ нимъ. Двое изъ моряковъ соскочили по поясъ въ воду и бережно вынесли безжизненное тѣло дѣвушки.

Елена Сергѣевна бросилась къ дочери и судорожно прижимала ее къ себѣ. Казалось, она хотѣла своими ласками оживить утопленницу.

Моряки рассказали, что они давно видѣли съ судна что-то бѣлое на водѣ, но долго не могли распознать, что именно это было, и когда узнали, что это плыветъ человекъ, спустили лодку. Тѣло нѣсколько разъ скрывалось подлѣ волнами

и опять всплывало. Одинъ изъ нихъ бросился въ воду и вытащилъ ее за длинные волосы.

— Когда мы ее увидѣли, говорили моряки,—она была еще жива, но послѣ нее столько разъ заливало, что, кажется, она захлебнулась. Мы откачивали въ лодкѣ, да, видно, поздно.

Тереза завернула дѣвushку въ свой плащъ и съ помощью одного изъ моряковъ почти бѣгомъ понесла ее къ дому.

Елена Сергѣевна, всегда слабая, нашла силы бѣжать впередъ, чтобы приготовить теплыя одѣяла и припарки, и когда Лину внесли въ комнату, все уже было готово, чтобы привести ее къ жизни. Магдалина не подавала никакого признака жизни. Тереза почти потеряла надежду на ея спасеніе, но Елена Сергѣевна была увѣрена въ милосердіи Божиѣмъ. Она говорила:

— Нѣтъ, она не умерла. Господь не допуститъ, чтобы дитя мое стало самоубійцей. Вѣдь она не случайно упала такъ далеко. Она искала смерти.

Молитва матери была услышана. Сердце ея дочери начало слабо и неровно биться, и едва замѣтный вздохъ вырвался изъ ея груди.

— Господи! говорила Елена Сергѣевна, обвиняя дочь. Отними у меня все, оставь меня въ крайней нищетѣ, но возврати мнѣ дитя мое. Пусть она познаетъ Тебя, научится служить Тебѣ. Смягчи душу ея, чтобы она поняла какъ она дорога мнѣ.

Горячая слеза выкатилась изъ-подъ закрытыхъ глазъ утопленницы.

Елена Сергѣевна и Зоя рыдали отъ счастья. Ихъ Лина была спасена. Она заговорила.

Тереза благословила ихъ всѣхъ и тихо, незамѣченная, вышла изъ комнаты. Она спѣшила къ Веньяминову, чтобы отдать ему письмо, въ которомъ надѣялись узнать причину страшной рѣшительности дѣвushки.

Послѣ нѣсколькихъ ложекъ горячаго вина, Магдалина ободрилась. Она протянула свои руки къ матери и сестрѣ и проговорила:

— Когда я тонула, я вспомнила вчерашнюю молитву твою, Богъ услышалъ меня.

И слабыми руками она обвила шею матери и заплакала. Она плакала отъ счастья отъ благодарности. Елена Сергѣевна между тѣмъ разказала о своемъ снѣ, о своемъ ужасѣ, при видѣ плачя дочери на берегу моря.

Магдалина собрала свои силы, и тихо, часто останавливаясь, чтобы перевести духъ, тоже разказала все что заставило ее искать смерти.

— Но Богъ, прибавила она, въ котораго ты вѣришь, и въ котораго я вѣрю теперь, не захотѣлъ меня разлучить съ вами. Если Онъ спасъ меня отъ смерти, Онъ спасетъ насъ и отъ разлуки. Мнѣ такъ хорошо теперь, и какъ люблю я васъ всѣхъ!

— Луна моя, сказала ей мать.—На что мнѣ довольство, на что мнѣ этотъ домъ? Безъ тебя мнѣ ничего не нужно.

XVII.

Прошло двѣ недѣли послѣ описаннаго нами происшествія.

Тереза сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ. Магдалина была подавляема: взгляды ея были полны жизни, счастья; лицо уже не носило прежняго холоднаго, строгаго выраженія. Она и теперь была задумчива, но въ этой задумчивости было что-то трогательное, вѣжливое. Она немного похудѣла, потому что была больна послѣ всѣхъ потрясеній, но казалась еще прекраснѣе.

Луна въ первый разъ послѣ болѣзни пришла къ своему старому другу и немного устала.

Тереза обняла ее и, какъ бывало прежде, положила ея голову на свои колѣни и молча стала гладить ея волосы.

— Мнѣ кажется, Тереза, что я цѣлые вѣка не была у васъ сказала Магдалина:—и какъ будто только что проснулась отъ тяжелаго сна. Все мнѣ ново, на все смотрю я съ какимъ-то наслажденіемъ. И солнце меня грѣетъ теплѣе, и зелень кажется свѣжѣе, цвѣты душистѣе, и всѣ, на кого я ни взгляну, какъ будто смотрятъ на меня ласковѣе.

— Душа твоя познала Бога и нашла друга, котораго такъ давно искала, отвѣчала Тереза.

— Волны моря обновили меня, съ кроткою улыбкой замѣтила дѣвушка.—Прежде я страдала, искала силы только въ самой себѣ. Я хотѣла идти по пути жизни одна, не опираясь ни на кого и путь свой освѣщать однимъ своимъ разумомъ.

Магдалина задумалась.

— Странное существо человѣкъ! сказала она, помолчавъ.—Я твердо рѣшилась умереть. Другаго выхода, казалось мнѣ, для

меня не было. Но, когда настала рѣшительная минута, мнѣ стало страшно разстаться съ жизнью. Томленіе души было ужасно. Когда я плыла, жизнь казалась мнѣ такою прекрасною; все, что я выстрадала въ послѣднее время, было ничтожно въ сравненіи съ тою минутой, когда я начинала тонуть. И когда я чувствовала, что умираю,—эта искра, которая такъ слабо теплилась въ душѣ моей, загорѣлась яркимъ пламенемъ; какой-то, дотошъ невѣдомый голосъ заставилъ меня молиться. Я всегда считала мать существомъ слабымъ, способнымъ только смиряться; а теперь я поняла, что она сильнѣе меня. Если меня такъ любятъ, и жизнь моя даетъ имъ столько радости, какъ же смѣла я лишать ихъ этой радости? Я и прежде желала счастья матери, но ни любовью своею думала я дать его, а жертвуя собою, своею жизнью. И вмѣсто того, чтобы съ такою гордостью выносить страданія, не дѣлясь ими ни съ кѣмъ, и съ какимъ-то холоднымъ торжествомъ все покончить смертью, я должна была раздѣлить эти страданія съ любящими меня, искать у нихъ помощи. Цѣль моя была благородна, я сама сознаю это, но не вѣрна. Мы созданы, чтобы искать помощи другъ у друга, и только тогда жертвовать собою, когда нѣтъ другаго выхода. А я была до того самонадѣянна, что вѣрила только себѣ и никому болѣе.

— Ты теперь любишь, договорила за нее старуха.—Теперь въ тебѣ горитъ яркое пламя, и ты уже не боишься его благотворныхъ лучей, не желаешь потушить его. Да и не можешь, оно сильнѣе воли твоей. А вотъ и зажигатель... прибавила старуха, указывая въ даль.

Къ нимъ шелъ Веньяминовъ, весело напѣвая. Передъ нимъ бѣжала его собака. Онъ перескочилъ черезъ плетень, чтобы не обходить кругомъ и, увидя Магдалину, радостно улыбнулся.

— Я былъ увѣренъ, что она у васъ, сказалъ онъ съ чувствомъ, сжимая руку старухи.

— Потому и пришелъ?

— О, нѣтъ, не потому только. Вы имѣете полное право занимать мѣсто въ моемъ сердцѣ. Я умѣю быть благодарнымъ. Не устала, Лина? спросилъ Веньяминовъ, садясь на траву и взявъ руку дѣвушки.—Это твоя первая прогулка послѣ болѣзни.

— Не много устала, но ужъ отдохнула. Прежде я приходила сюда отдыхать.

— А теперь? спросилъ Валерьянъ.

Лина пожала ему руку и взглядомъ отвѣтила на вопросъ.

— Вы поздно вернулись? спросила его Тереза.

— Поздно... Позвольте, Магдалина, разказать вамъ мой визитъ къ Сребринскому.

— Пожаауста!

— Впервые, какъ только я пріѣхалъ къ нему, онъ сейчасъ же спросилъ объ васъ, и удивлялся почему его не принимаютъ. Я объяснилъ ему это вашу болѣзнь, и потомъ съ разнаго рода предисловіемъ разказалъ, какъ вы купались, нырнули неосторожно и разбили себѣ лицо, которое отъ этого у васъ ужасно подурнѣло. „И поэтому она не красавица теперь?“ спросилъ меня довольно равнодушно. „Напротивъ, совершенно безобразна“ отвѣчалъ я. Онъ вздохнулъ и пожалъ плечами. Я воспользовался этою минутой. „Магдалина, сказалъ я ему,—не считаетъ себя достойною быть вашей женою и прислала вамъ долгъ свой“, и отдалъ ему деньги.

— Но гдѣ жь ты деньги взялъ? спросила, смутившись и съ удивленіемъ, Магдалина.

— Деньги я дала... Мнѣ пришло отъ отца такое наследство, что я не знаю куда и дѣвать его! проговорила Тереза.

Тонъ ея голоса и выраженіе лица давали знать, что она не желала чтобъ объ этомъ больше говорили. Молодые люди оба сконфузились и замолчали.

— Что же потомъ говорилъ мой бывший женихъ? спросила съ улыбкой Магдалина.

— Потомъ онъ пригласилъ меня обѣдать; я остался и въ удовольствіе его пилъ много вина. Онъ тоже подкутилъ и въ припадкѣ откровенности, разказалъ, что въ Одессѣ встрѣтилъ обворожительную вдовушку съ порядочнымъ состояніемъ, такъ что даже начиналъ сожалѣть, зачѣмъ такъ увлекся въ Крыму.

— Какой дрянной! не утерпѣла и проговорила Тереза.

— Я очень рада, что онъ такой дрянной, сказала Магдалина.

— А я не дрянной? спросилъ ее Веньяминовъ, беря и цѣлуя ее руку.

Она, крѣпко пожала его руку.

Перваго октября была свадьба. Камси, бывший у Сребринскаго въ то время какъ къ тому пріѣзжалъ Веньяминовъ

и слышавшій его разказъ о безобразіи Магдалины, очень удивился, явившись на другой день свадьбы и увидѣвъ, что Магдалина цвѣтетъ красотой и счастіемъ.

— Вы изволили говорить, что Магдалина Эрастовна по-дурнѣла, а я нахожу, что онѣ стали еще прекраснѣе чѣмъ прежде, спросилъ онъ на ухо Вельяминова.

— Это въ одну ночь случилось такое превращеніе, отвѣчаеъ тотъ ему съ улыбкой.

— Скажите, пожалуйста!.. Жаль, что Эрасть Ивановичъ не могъ этого предвидѣть.

— Да, жаль!.. Вы напишите ему объ этомъ.

— Непремѣнно-съ!

М. СОСНОГОРОВЪ.

ЯИЦКОЕ КАЗАЧЕСТВО *

Положеніе приволжскаго края, занятаго до покоренія Казани финско-тюркскими племенами, быстро измѣнилось послѣ этого событія. Менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ, все нижнее теченіе Волги до Самары, приняло русскій видъ и заселилось торговыми, вольными и крѣпостными, людьми, которые внесли въ среду туземнаго населенія всѣ условія великорусскаго быта. На Волгу шли охотно, потому что тутъ жилось хорошо: земаи, лѣсу, степи, луговъ, воды было много, приобрѣтеніе ихъ доставалось легко и вознаграждалось съ избыткомъ; сбытъ всякихъ произведеній совершался удобно. По Волгѣ шли къ Макарьеву и къ Астрахани караванами купеческіе струги и бусы, нагруженные товарами и издѣліями русскими и азіятскими, и этотъ торговый путь обогащалъ прирѣчныхъ жителей. Отъ Самары внизъ по Волгѣ начинались поселенія самарскихъ, волжскихъ и др. казаковъ, преимущественно выходцевъ съ Дона, съ примѣсью бродягъ и вольницы, стекавшейся сюда со всѣхъ сторонъ. Казаки

* Предлагаемый здѣсь отрывокъ составляетъ начало исторіи Уральскихъ казаковъ. Съ 1823 года, этотъ предметъ былъ забытъ, и о немъ мало писали. Пушкинъ повторилъ только то, что нашелъ у Рычкова и Левшина, но со времени изданія *Исторіи пугачевского бунта*, открыто много новыхъ документовъ, бросающихъ свѣтъ на прошлое Уральцевъ. Я собралъ всѣ доселѣ извѣстные матеріалы и старался составить изъ нихъ нѣчто общее, цѣльное. *Прим. автора.*

сохраняли въ основѣ своихъ учрежденій чисто-демократическій характеръ, не допускавшій никакихъ законовъ, кромѣ народной воли, никакихъ другихъ формъ жизни, кромѣ разгула „и промысловъ“, то-есть разбоевъ. Воеводы, управлявшіе приволжскими городами не имѣли вліянія на внутреннюю ихъ жизнь или управленіе, а царскіе гарнизоны, состоявшіе изъ стрѣльцовъ, сосредоточивались, главнымъ образомъ, въ двухъ крайнихъ пунктахъ: Казани и вновь-покоренной Астрахани, гдѣ находились стрѣлецкіе приказы; да сверхъ того, стрѣльцы и сами были народъ ненадежный. Такимъ образомъ своеволие казачьяго населенія не легко было остановить, и казаки оставались въ то время самою сильною и вліятельною частью населенія. Ближайшими сосѣдями казаковъ были Татары, кочевавшіе между низовьями Волги и Яика. То были остатки грозной Золотой Орды, теперь дробившіеся на множество улусовъ, нерѣдко враждебныхъ другъ другу, но нисколько не опасныхъ для приволжскаго края. Изъ нихъ сильнѣе и богаче другихъ считались Ногайцы, занявшіе нижнее теченіе Яика и владѣвшіе столицей прежнихъ хановъ, Сарайчикомъ. Онъ находился въ 60 верстахъ выше впаденія Яика въ море и славился своею обширною торговлей, которая далеко оставяла за собою астраханскую. Черезъ него пролегалъ торговый путь въ Среднюю Азію и къ китайскимъ предѣламъ, и караваны, отправляемые Венеціанцами и Генуэзцами изъ Азова въ Пекинъ, Ургенджъ и Остраръ, шли на Сарайчикъ *.

Около 1559 года наплывъ бродячаго населенія въ приволжскій край усилился. Кровавое царствованіе Іоанна Грознаго тяготѣло надъ Русью и многихъ заставляло искать спасенія въ бѣгствѣ. Бояре бѣжали въ Литву и Польшу, простой народъ—къ юго-восточнымъ окраинамъ царства, на Донъ и Волгу. Толпы бѣглецовъ частію примыкали къ образовавшимся уже тамъ казачьимъ общинамъ, частію же собирались въ шайки и шли разбойничать по Волгѣ. Эти „воровскіе казаки“, какъ называютъ ихъ старейные списки того времени, въ продолженіи 20 лѣтъ были грозюю края, и, наконецъ, до того усилились, что съ Волги перешли и на Каспійское море, грабили и убивали купцовъ русскихъ и иноземныхъ, пресѣкли дипломатическія сношенія и торговлю съ Азіятцами

* Лезвиль: *Историческое и статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ*. С.-Петербургъ 1823.

Русских, а также и Англичанъ, начавших незадолго предъ тѣмъ сбывать этимъ путемъ свои произведенія въ Азію *. Наконецъ, въ 1577 году, Грозный выслалъ противъ нихъ ратныхъ людей, подъ начальствомъ стольника Ивана Мурашкина, который настигъ воровскихъ казаковъ на Волгѣ и атаковалъ ихъ съ двухъ сторонъ: съ рѣки и съ сухаго пути. Разбитыя ватаги бросились въ разные стороны: однѣ къ Камѣ и Чусовой, другія къ Тереку, третьи къ Яику; небольшая часть осталась на Волгѣ, гдѣ продолжала разбои, несмотря на жестокія муки и казни, которымъ предавали попадавшихъ въ руки правительства **. Эти-то шайки покинувшія Волгу, вскорѣ послѣ того, покоряютъ Сибирь и раздвигаютъ предѣлы Русскаго царства до Терека и Яика, и на долю воровскихъ казаковъ выпала честь быть первыми колонизаторами этихъ странъ.

Впрочемъ, утвержденіе казаковъ на Яикѣ произошло не тотчасъ послѣ описаннаго происшествія, а относится къ 1580 г., какъ видно изъ историческихъ документовъ, и начинается раззореніемъ Сарайчика. Спасаясь отъ поисковъ ратныхъ царскихъ людей, казаки достигли устьевъ Яика и долго укрывались въ густыхъ камышахъ этой рѣки. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что близость такой приманчивой добычи, какъ Сарайчикъ, соблазняла ихъ, но нападеніе на сильный и многолюдный городъ послѣдовало только тогда, когда ихъ толпа увеличилась новыми пришлецами. Этимъ объясняется промежутокъ между 1577 годомъ, когда они принуждены были бѣжать съ Волги, и 1580, когда по словамъ ногайскаго хана Уруса, приносившаго жалобу Иоанну: „приходили государевы казаки сего лѣта и Сарайчикъ воевали и сожгли“ ***.

Предпріятіе казаковъ противъ Сарайчика удалось. Разграбивъ и опустошивъ его ****, они пошли вверхъ по Яику и достигнувъ устья рѣки Рубежной, рѣшились поселиться на

* Левшинъ: *Ист. и Стат. Обзоръ Ур. Каз.*

** Тамъ же.

*** Карамзинъ: *Истор. Государ. Россійс. т. IX, прим. 663.*

**** Левшинъ: „Они подплыли на лодкахъ своихъ вверхъ по Уралу, быстро напали на Сарайчикъ, выжгли оныи и въ неостовствѣ не только живыхъ жителей терзали, но даже, разрывая могилы, издирали мертвыхъ.“
(*Историческое и статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ.*)

этихъ раздольныхъ мѣстахъ. Богатые луга и пастбища, обиліе рыбы въ уральскихъ водахъ и близость приволжскихъ городовъ представляли дѣйствительно много удобствъ для поселенцевъ. Первое поселеніе было на урочищѣ Орѣшномъ, въ 40 или 50 верстахъ выше теперешняго города этого имени и называлось Яицкимъ Городкомъ. Его признаки около Верхняго Карсанова Яра, по словамъ Левшина, существовали до 1720 года *. Впрочемъ Палласъ, бывшій здѣсь въ 1769 году, видѣлъ еще признаки окоповъ и остатки землянокъ на мѣстѣ, гдѣ, какъ говорили ему Яицкіе казаки, былъ ихъ прежній городокъ.

Первыя зависимыя отношенія казаковъ къ московскому правительству начались, кажется, около этого же времени. Чтобы сохранить за собой захваченныя земли, казаки должны были опираться на сильнаго покровителя, безъ чего положеніе ихъ среди татарскаго населенія, могло быть опаснымъ. Казаки били государю челомъ новою землею, которую завоевали, и царь принималъ ихъ подъ свою руку, точно также, какъ принималъ завоеваніе Ермака. И хотя казаки не слишкомъ уважали приказанія правительства, не упуская случая грабить даже его пословъ, оно по необходимости должно было мирволить имъ, отчасти потому что еще не было достаточно сильно, чтобы заставить повиноваться себѣ на окраинахъ государства, отчасти потому что видѣло въ казакахъ защитниковъ, и въ особенности, распространителей границъ царства, о чемъ собиратели и строители Земли Русской сильно въ то время заботились. Однимъ словомъ взаимныя выгоды вызывали на полюбовную сдѣлку. Казаки пріобрѣтали себѣ въ московскомъ царѣ сильнаго покровителя, оставаясь обладателями отнятыхъ у Татаръ земель, и за это должны были служить противъ царскихъ враговъ и охранять предѣлы государства. Первая извѣстная намъ служба Яицкихъ казаковъ была

* Левшинъ: *Ист. и Стат. Обзор. Ур. Каз.* — Рычковъ (*Топ. Ор.* Спб. 1762), говоритъ, что первоначальное поселеніе было при урочищѣ Коловоротномъ, въ 60 верст. выше Уральска; на Орѣшномъ же переша она въ послѣдствіи. Пушкинъ (*Исторія Пугачевскаго Бунта.* С.-Петербург. 1834), указываетъ также первое поселеніе на Коловоротномъ. Я прилазъ за основаніе свидѣтельство Левшина, потому что оно подтверждается и Палласомъ. (См. *Путешествіе Палласа по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства*, ч. I, стр. 408. С.-Петербург., изд. второе, 1809.)

противъ „непослушника царскаго Шевкальскаго“ (то-есть Шамхала) и относится къ 1591 году *.

Таково было истинное начало казачества на Яикѣ, несогласное съ свидѣтельствомъ татарскаго историка Абуль-Гази, который выводилъ происхождение Яицкихъ казаковъ отъ кипчакскихъ Татаръ, приписывалъ имъ особый языкъ, опредѣлялъ положеніе ихъ городка въ 40 верстахъ отъ моря и пр. **, Вслѣдъ за нимъ то же повторили и европейскіе историки Дегинъ и Пуффендорфъ ***. Рычковъ, писавшій о началѣ и происхожденіи Яицкихъ казаковъ, помѣстилъ, въ своей разказъ **** всѣ слышанныя имъ преданія; Левшинъ, а за нимъ и Пушкинъ †, вполне доказали ихъ неосновательность.

Число первыхъ яицкихъ поселенцевъ неизвѣстно, и, кажется, было очень не велико †*. Но скоро новые переселенцы:

* Царскій наказъ астраханскимъ воеводамъ: князю Сицкому и Пушкину. Въ немъ воеводамъ предписывается послать войско противъ „непослушника царскаго Шевкальскаго и въ томъ войскѣ быть Яицкимъ и Вольскимъ атаманомъ и казакомъ“. Яицкихъ казаковъ велѣно взять для этой цѣли 500 человекъ. Въ актѣ опредѣляется также идущее имъ отъ казны жалованье: „и на кормъ имъ давати, въ Астрахани по осьминѣ муки человеку, да десятжа человекамъ четверть крупъ и толокна или по колаку пригоже, смотря по житію, сколько они у Астрахани стануть жити, а кованымъ сверхъ того дати по четверти осыа человеку. А будетъ они, для нужи, учнутъ просити денегъ, и имъ дати по полтиннѣ человеку на нужду, а о доставномъ о денежномъ жалованьи и о хлѣбномъ запасѣ, для шевкальскіе службы, государевъ указъ будетъ впередъ.“ *Акты Историческіе*, т. I, № 230).

** Левшинъ: *Подсол. ист. о Татаряхъ*. Ч. II, гл. II, IX, гл. IX.

*** Тамъ же.—*Histoire des Huns et des Tat. livr. XIX, chap. II.*

**** Рычковъ: *Топ. Оренб.* стр. 60—70.

† Пушкинъ: *Исторія Пугачевскаго Бунта* т. I, стр. 1—2. Примѣч. (1) къ *Исторіи Пугачевскаго Бунта*, стр. 3—7.

†* Въ челобитной, поданной 10-го іюля 1767 г., на высочайшее имя депутатовъ Яицкаго войска: Василіемъ Тамбовцовымъ, Иваномъ Аккудиловымъ, старшинами Яковомъ Колпаковымъ и Иваномъ Акутинымъ (копія съ этой челобитной хранится въ дѣлахъ войскового архива, въ книгѣ подъ № 36, на 147 листу) сказано: „что въ прошлыхъ и давнихъ годахъ прадѣды и дѣды ихъ пришли и заселились по Яику рѣкѣ, вольные люди собравшись, Русскіе съ Дому и изъ иныхъ городовъ, а Татары изъ Крыму и Кубани и изъ другихъ магометанскихъ народовъ, человекъ съ сорокъ, которому ихъ заселенію или паче же на Яикъ рѣку приходу, нымъ будетъ гораздо богае двухъ сотъ лѣтъ.“

казаки съ Дону, Татары съ Кубани, бродяги и вольные люди изъ приволжскихъ городовъ увеличили собою число казаковъ и составили ядро Яицкаго войска. Ихъ манили сюда вольная-волюшка, да легкая пожива, да широкій разгулъ на всѣ на четыре стороны. Здѣсь не было ни старость губныхъ, ни воеводъ, ни бояръ. Здѣсь всякій былъ самъ себѣ господинъ. Кромѣ бродягъ и вольныхъ людей бѣжали въ казачество и крѣпостные. Узаконеніе 1597 году, о прекращеніи переходовъ крестьянскихъ и послѣдующіе указы о томъ же въ 1601, 1602 и 1606 годахъ *, побуждали народъ искать воли въ казачьихъ общинахъ. Воля, общее равенство, народные выборы представляютъ подобно всякой казачьей общинѣ, характеристическія черты устройства новаго поселенія. Войсковою атаманъ былъ только исполнителемъ народной воли, а есаулы—его помощниками. Казачьи круги, куда народъ призывался колокольнымъ звономъ и гдѣ рѣшались всѣ общественныя дѣла, собирались обыкновенно на площади или у атаманскаго дома (въ послѣдствіи у войсковой избы и у приказа) и отличались простотою формы. Дѣло объяснялось собравшимся казакамъ, предлагалось на ихъ рѣшеніе вопросомъ: *любо или не любо?* и согласно съ приговоромъ, приводилось въ исполненіе или отмѣнялось **. Судъ и расправа творились народомъ, и приговоры произносились всѣмъ войскомъ, хотя по самому смыслу казачества, не любившаго стѣснять разгула своихъ страстей, преступленіями считались только тѣ поступки, которые наносили вредъ или самой общинѣ или кому-нибудь изъ ея членовъ. Такъ за измѣну, *трусость*, воровство, убійство, полагалась смерть. Но то что совершалось внѣ общины, надъ лицами посторонними, не считалось преступленіемъ и не влекло за собою наказанія ***. Владѣніе всѣми войсковыми угодьями и богатствами было общинное, не исключавшее, впрочемъ, частной собственности. Каждый могъ заводить свое хозяйство гдѣ ему было угодно и въ такомъ размѣрѣ въ какомъ ему угодно. Впрочемъ,

* *Акты Археологической Экспедиціи*, т. II, № 20, 23 и 40.

** Левшинъ: *Ист. и ст. об. Урал. каз.*

*** Пушкинъ: *Ист. Пуг. бунта*, гл. I, прим. 6. Ссылаясь на неизвѣстнаго автора статьи: *О внутреннихъ состояніи Донскихъ казаковъ въ концѣ XVI столѣтія*, Пушкинъ говоритъ, что за всѣ эти преступленія наказывали смертью: зашивали преступника въ кулъ и бросали въ воду.

хозяйственная часть была не разнообразна: рыболовство было главнымъ, почти единственнымъ промысломъ, который занималъ казаковъ и доставлялъ имъ большія выгоды. Что касается до другихъ промысловъ, то ихъ почти не было: скотоводство было самое ничтожное, а хлѣбопашества и вовсе не было. Хлѣбъ, вино, провизію казаки покупали преимущественно въ Самарѣ и другихъ волжскихъ городахъ, или же мѣняли на рыбу у прѣзжавшихъ съ Волги въ Яицкій Городокъ торговыхъ людей. Свинець, порохъ и орудія казаки начали получать отъ казны, вѣроятно, гораздо ранѣе чѣмъ мы встрѣчаемъ на это указанія въ историческихъ документахъ, такъ какъ все это составляло монополію казны и не могло быть пріобрѣтено изъ частныхъ рукъ, а между тѣмъ казаки должны были исполнять царскія службы.

Женитьба позволялась въ яицкой общинѣ, съ самаго начала ея существованія. Рычковъ *, основываясь на разказѣ войсковаго атамана Григорія Меркульева объ атаманѣ Гугаѣ, говоритъ, что первые поселенцы яицкіе отвергали семейную жизнь, но разказъ этотъ, какъ замѣчаетъ и Левшинъ, мало заслуживаетъ вѣры. Какъ выходцы съ Дона и Волги (гдѣ семейная жизнь была вообще усвоена казачествомъ), Яицкіе казаки тѣмъ болѣе должны были склоняться на ея сторону, что близость русскаго и татарскаго населенія давала возможность легко обзаводиться женами. Въ семейномъ быту обычаи Яицкихъ казаковъ мало расходились съ обычаями господствовавшими тогда не только въ казачествѣ, но и въ цѣлой Руси. Та же замкнутая затворническая жизнь, то же отвращеніе ко всякому труду физическому и умственному— для женщины; разгулъ, пьянство, забавы — для мужчины. Въѣ дома и общины дѣятельность казака проявлялась въ грабежахъ, разбояхъ, набѣгахъ и всякаго рода насиліяхъ, въ томъ, однимъ словомъ, что выражалось тогда общепринятымъ терминомъ *промыслы*. Такая жизнь развивала въ казакахъ то необузданное демократическое начало и тотъ воинственный авантюризмъ, которые въ послѣдствіи служили немалую преградой для осуществленія видовъ правительства и при каждомъ неосторожномъ шагѣ его,

* Рычковъ: *Топогр. Оренб.* Ч. II, стр. 68—69.—Пушкинъ: *Ист. Пуг. бунта*, т. I, гл. 1, стр. 3.

разражались бунтами и возмущеніями. Народныя преданія часто упоминають о подвигахъ казачества, но ни одно изъ нихъ не имѣеть такого интереса, какъ характеристическій разказъ о походахъ яицкихъ атамановъ Нечая и Шамай, приведенный у Рычкова *, и отнесенный имъ, неизвестно, впрочемъ, на какомъ основаніи, къ 1655 году. Разказъ этотъ весьма удачно выражаетъ жизнь и духъ тогдашняго казачества.

Довольно было прослышать казакамъ, что въ такомъ-то мѣстѣ есть богатая пожива, чтобы тотчасъ же рѣшиться на набѣгъ. Собирались изъ войска охочіе люди, выбирали атамана и отправлялись на промыселъ, какъ бы далеко и опасно ни было подобное путешествіе. Шайка Нечая въ 500 человекъ рѣшилась идти на Хиву, о которой ходили самые заманчивые слухи. И золота, говорили, и камней драгоценныхъ, и красавицъ тамъ много. Двинувшись вверхъ по Яику **, Нечай перешелъ рѣку у Дьяковыхъ горъ и степью достигъ до Хивы. Владѣтеля хивинскаго не было. Онъ гдѣ-то воевалъ и въ городѣ оставались только старые и малые, да женщины. Казаки заняли безъ сопротивленія городъ, раздѣлили между собой добычу и начали пировать, забывъ про всѣ опасности. Наконецъ прослышали они, что хивинскій ханъ возвращается и тогда только рѣшились тронуться въ обратный

* Рычковъ: *Тол. Ор.* ч. II, стр. 73—78. За исключеніемъ Рычкова, о походахъ этихъ мѣстъ не упоминается. Не придавая особой важности точному опредѣленію года этихъ происшествій, я взялъ ихъ сюда, какъ частные случаи, выясняющіе бытъ и духъ яицкихъ казаковъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что походъ Нечая поражаетъ сходствомъ, отъ начала и до конца, во всѣхъ подробностяхъ, съ подобнымъ же походомъ яицкихъ казаковъ въ Хиву, около 1602 года, о которомъ повѣствуетъ исторія Абуль-Гази Бегадыръ-Хана. Не есть ли преданіе о Нечай, вариантъ того же самого разказа?

** Близъ Уральска, верстахъ въ 40 или 50, находится на лѣвой сторонѣ Урала утесистый илловой берегъ, называемый *Дьяковыя горы*. Преданіе говоритъ, что Нечай, отправляясь въ походъ, дошелъ до этихъ горъ и велѣлъ здѣсь составить кругъ для совѣщанія о лучшемъ пути и образѣ дѣйствія предполагаемой экспедиціи. Всѣ были согласны и рады идти съ Нечаемъ, только одинъ дьякъ его (завѣдывавшій хозяйственною и письменною частью) противился намѣренію, представляя всѣ опасности незнакомаго степнаго пути, недостатокъ провіанта и малочисленность отряда. Раздраженный Нечай велѣлъ тутъ же повѣшить несчастнаго совѣтника, и съ тѣхъ поръ горы эти прозываются *Дьяковыми*.

путь, но обремененные добычей должны были двигаться весьма медленно. Это дало возможность Хивинцамъ настигнуть ихъ на переправѣ черезъ Сыръ-Дарью и здѣсь закипѣлъ бой. Несмотря на отчаянное мужество казаковъ, сильные числомъ Хивинцы побѣдили. Только три или четыре человека успѣли пробиться и ускакать на Яицъ, гдѣ и повѣстали о гибели Нечая съ товарищами.

Походъ Шамай еще обильнѣе прикаюченіями. Онъ набралъ шайку изъ 300 человекъ и рѣшился, по слѣдамъ Нечая, идти на Хиву и дѣйствовать, хотя медленно, но осторожно. Дошедъ до Илека и, перезимовавъ на этой рѣкѣ, онъ тронулся далѣе только весной, и такимъ образомъ, хотя съ затрудненіями, но достигъ Сыръ-Дарьи. Далѣе путь былъ незнакомый, а проводниковъ не было. Казаки рѣшились употребить для того Калмыковъ, кочевавшихъ въ тѣ времена по Сыру и захватили нѣсколькихъ. Чтобы возвратить плѣнниковъ, Калмыки употребили хитрость: поставили въ скрытомъ мѣстѣ засаду, а двумъ человекамъ приказали идти въ ту сторону, гдѣ были казаки, показывая видъ, что они гулѣбцики (т.-е. охотники) и вышли на звѣриный промыселъ. Казаки ихъ замѣтили и нѣсколько человекъ съ атаманомъ бросились въ погоню за ними, но гулѣбцики спасаясь, навели ихъ на засаду, гдѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ, они съ Шамаемъ были взяты въ плѣнъ *. Оставшіеся пошли далѣе, но вмѣсто переправы на Сыръ-Дарьѣ, попали къ Аральскому морю. Здѣсь нужно было остаться, такъ какъ наступила уже зима и провіантъ весь вышелъ. Начались муки холода и голода: съ отчаянія они убивали другъ друга и питались мертвыми тѣлами. Наконецъ, не видя другаго исхода, они рѣшились послать къ Хивинцамъ, чтобы тѣ пріѣхали и забрали ихъ къ себѣ въ неволю. Хивинцы исполнили ихъ просьбу, и съ тѣхъ поръ не было о нихъ никакого извѣстія. Шамай же, спустя нѣсколько лѣтъ, былъ возвращенъ Калмыками въ Яицкій Городокъ.

Походъ на хивинскій городъ Ургеаджъ; описанный Абуль-Гази-Бегадырь-Ханомъ и отнесенный имъ къ 1602 году (до этого года объ Яицкихъ казакахъ нѣтъ извѣстій у восточныхъ исто-

* На предложеніе Калмыковъ раздѣляться плѣнными, товарищи Шамай отвѣчали: *атамановъ у насъ много, а безъ вожей (проводниковъ) пробиться намъ нельзя, и отправились далѣе въ путь.*

риковъ), по обстоятельствамъ своимъ имѣеть, какъ мы уже замѣтили, большое сходство съ походомъ Нечая, такъ что, повидимому, преданіе о Нечаѣ—вариантъ одного и того же разказа. Казаки напали на Ургенджъ въ числѣ 1.000 человекъ. Нападеніе было внезапно и въ такое время, когда отпоръ былъ невозможенъ, такъ какъ большая часть жителей вышли изъ города кочевать по берегамъ Аму-Дарьи. Казаки овладѣли Ургенджемъ безпрепятственно, истребили оставшихся жителей, разграбили ихъ имущество, захватили до 1000 женщинъ, и разоривъ городъ до тла, пошли назадъ. Вѣсть о томъ скоро достигла до Хивинцевъ, и они подъ предводительствомъ хоразмскаго хана Арапъ-Магомета (отца историка Абуль-Гази) успѣли воспользоваться ближайшими дорогами и стать на перерѣзъ пути отступленія. Такъ какъ дѣло происходило въ узкой лощинѣ, то нужно было или отступать, или пробиваться силою. Казаки рѣшили бросить плѣнныхъ, добычу и весь обозъ, и идти впередъ. Это удалось, хотя съ большими потерями; но когда Арапъ-Магометъ, обойдя ихъ окольными дорогами, снова преградилъ имъ путь, сопротивленіе сдѣлалось невозможнымъ. Измученные боемъ и трудными степными переходами, казаки скоро пали въ этой неравной борьбѣ и были истреблены почти всѣ до послѣдняго*.

Въ тяжелую для русскаго государства пору самозванцевъ и междоусерствія, Яицкіе казаки не могли оставаться равнодушными зрителями безконечной перспективы грабежей и легкой поживы. Митрополитъ ростовскій (въ послѣдствіи патріархъ) Филаретъ, увѣдомляя въ 1607 г. сольвычегодское духовенство о побѣдѣ подъ Каширою, перечисляетъ силу мятежниковъ и говорить, что въ рядахъ ихъ были казаки Терскіе, Яицкіе, Волгскіе и др. ** Въ 1611 году, Вятчане, извѣщая Пермь о присягѣ своей тушинскому Дмитрію, приглашаютъ ихъ сдѣлать то же, почему и посылаютъ образецъ крестоцѣловальной записи, въ которой присягающіе, между прочимъ, обязываются не пускать къ себѣ казаковъ, въ томъ числѣ и Яицкихъ, иначе какъ по торговымъ дѣламъ, и не слушать „указовъ“ ихъ*.

* Лезвию: *Ст. и ист. об. Урал. казак.*

** *Ак. Арх. Экспед.*, т. II, № 74.

*** „А казаковъ намъ Волокихъ, и Донскихъ, и Терскихъ, и Яицкихъ, и астраханскихъ стрѣльцовъ, въ городъ многихъ людей не пущати, и ихъ указовъ не слушати же, а пущати казаковъ въ городъ для торговли,

Трудно себя представить ту безурядицу, какая господствовала на Руси при воцареніи Михаила Федоровича. Не говоря о врагах вѣшнихъ, объ иноземныхъ дружинахъ польскихъ и шведскихъ, множество воровскихъ казачьихъ шаекъ грабили въ городахъ и селахъ, грабили на большихъ дорогахъ, наполняли всѣ окрестные дѣса отъ Москвы до Волги и далѣе до новгородскихъ и вологодскихъ предѣловъ, и были, по выраженію современниковъ, „пуще и грубѣе Литвы и Нѣмецъ“. Вотъ какъ говорится объ этомъ въ царскихъ грамотахъ того времени: „Велѣно... послати къ атаманомъ и къ казакомъ, которые стоятъ въ уѣздѣхъ и земли нашего государьства пустошатъ, церкви Божіа разоряютъ и образы обдираютъ и всякое поруганіе православной крестьянской вѣрѣ чинятъ безпрестани, и православныхъ крестьянъ мучать всякими различными муки, и огнемъ жгутъ, и до смерти побиваютъ, какихъ посямѣсть во всѣхъ земляхъ не бывало мукъ, и позоры всякими позорятъ, и собрати ничего не дадутъ, и казны нашей которая нынѣ и впередъ собрана въ городѣхъ и запасовъ никакихъ къ намъ къ Москвѣ не пропускать, и ратныхъ нашихъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ и людей ихъ съ запасы, на нашу службу, и торговыхъ людей ни съ какими товары, и проѣзжихъ конныхъ и пѣшихъ никакихъ людей никуды не пропускаютъ, грабятъ и побиваютъ....“ *

На югѣ Россіи была та же неурядица. На Волгу и къ Астрахани перенесъ свои дѣйствія Заруцкій, разчитывавшій на сочувствіе и помощь казачества. Правительство понимало важность такого содѣйствія, а потому немедленно послало увѣщательныя грамоты на Донъ**, а войско Донское въ свою очередь отписало на Волгу, Яикъ, Терекъ, въ Ногайскую орду и къ жителямъ Астрахани, убѣждало помнить присягу и не только не поддаваться обѣщаніямъ Заруцкаго, но

повсѣмогу, десятка по два или по три, и долго имъ въ городѣ не жити“ (Ак. Арх. Эксп., т. II, № 170).

* Царскія грамоты къ бѣлозерскому воеводѣ Чижичеву съ наставленіемъ какъ поступать съ разбойничающими казаками. Отписка Валугева изъ Вологды на Бѣлоозеро о пораженіи разбойничающихъ казаковъ и о побѣдѣ князя Лыкова надъ Захаріемъ Заруцкимъ близъ Балахны. Отписка воеводы князя Лыкова съ товарищами къ бѣлозерскому воеводѣ Чижичеву (Ак. Арх. Эксп., т. III, № 44, 50, 53, 57, 59 и 61).

** Ак. Арх. Эксп., т. III, № 21, 22, 23, 24, 25, 26 и 27.

содѣйствовать царскимъ воеводамъ въ распоряженіяхъ противъ бунтовщиковъ *. Разумѣется, обѣщаніе наградъ и правъ занимало здѣсь не послѣднее мѣсто, и какъ кажется, это - то болѣе всего и подѣйствовало. Яицкіе казаки остались дома, и только немногіе, частью отъ бѣдности, частью отъ привычки къ грабежу, пристали къ Заруцкому **. Послѣ пораженія его стрѣльцкимъ головою, Хохловымъ, въ устьяхъ Волги ***, разстроенныя ватаги бросились къ Яику, надѣясь собраться тамъ съ силами и вновь начать наступленіе къ Волгѣ. Въ ожиданіи благоприятнаго оборота дѣлъ, Заруцкій съ сообщниками засѣлъ на Медвѣжьемъ островѣ, на рѣкѣ Яикѣ, въ двухъ дняхъ пути отъ Индерской Соляной горы ****. Но надежда и здѣсь обманула его: Яицкіе казаки остались спокойными, видя приближеніе посланныхъ въ погоню царскихъ войскъ, а стрѣлецкій голова, Пальчиковъ, съ товарищами, окружилъ укрѣпленное становище Заруцкаго на островѣ. Сообщники его, не видя ни откуда спасенія, рѣшились заслужить вины свои выдачею какъ Заруцкаго, такъ и Марины Мишкѣ съ сыномъ, воеводамъ царскимъ, † за что, по условію, получили свободный выходъ. Пробираясь къ Волгѣ, куда хотѣли перенести свои разбои, казаки были разбиты царскими войсками на Яикѣ и потомъ на Иргизѣ †*. Это былъ послѣдній актъ кроваваго періода самозванцевъ.

Еще въ началѣ бунта Заруцкаго, въ мартѣ 1614 г., посылая увѣщательныя грамоты на Донъ, правительство вызывало въ

* *Ак. Арх. Эк.*, т. III, № 18, 21, 22, 23, 24, 25 и 26.

** „Намъ бы гдѣ шпунды добыть, что намъ и подъ Самару рейдти“, говорили казаки, приставшіе къ Заруцкому (*Ак. Ист.*, т. III, № 257). Въ надеждѣ набѣга въ Персію, пристали къ нему 560 Волжскихъ и 11 Донскихъ казаковъ (Тамъ же. № 257, 265 и 272). Прочіе же, говорятъ документы, остались вѣрны царю, радовались на царскія грамоты, „за вора Заруцкаго, и Маринку, и ея сына.... проклинали и лаяли“ (Тамъ же, № 248 и 257).

*** Тамъ же, № 18.

**** Близъ Индерскаго Солянаго озера, извѣстнаго еще во времена Бориса Годунова, какъ видно изъ книги *Большаго Чертежа*. Самый же островъ долженъ былъ находиться между крѣпостями — Сахарной и Каламаковой.

† *Ак. Ист.*, т. III, № 23 и 32.

†* Яицкихъ казаковъ было не много. Изъ взятыхъ въ плѣнъ и спрошенныхъ, подъ пыткой, въ Астраханѣ, показаны: „Демко Ивановъ съ товарищами, всего осемь человекъ“ (Тамъ же, № 42).

Москву депутатовъ отъ казачьихъ обществъ: „А выиѣ бѣ къ намъ великому государю Волскіе, и Яицкіе, и Терскіе, и иныхъ рѣкъ атаманы и казаки, прислали изъ товарищей своихъ наши царскіе очи и къ себѣ наше царское милостивое жалованье и повелѣніе видѣти, и мы, великій государь, давъ имъ наши пресвѣтлыя очи видѣти и пожаловавъ ихъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, къ нимъ отпустимъ и съ ними прикажемъ и отпшемъ къ нимъ подлинно, какъ имъ быти въ нашемъ царскомъ жалованьѣ и повелѣньѣ“*. Яицкимъ казакамъ въ это время приходилось плохо. Безпрерывными набѣгами и грабежами, они до такой степени раздражили своихъ соседей, Татаръ, что мирные потомки воинственной Золотой Орды не выдержали и рѣшились отплатить имъ съ лихвой. Въ 1613 году они осадили казаковъ въ ихъ городкѣ и, какъ кажется, довели до самаго критическаго положенія. Преданіе говоритъ, что казаки должны были отстрѣиваться изъ деревянныхъ пушекъ костями**. Раззоренный Татарами городокъ не былъ уже возобновленъ, но перенесенъ на другое мѣсто,—гдѣ теперешній Уральскъ***. Въ виду этихъ обстоятельствъ, обнадеженные царскимъ ласковымъ словомъ, казаки рѣшились отправить отъ себя посланцевъ въ Москву бить отъ войска челомъ и просить владѣнной грамоты на Яицъ.

Царь принялъ депутатовъ ласково и, какъ говорятъ всѣ писавшіе объ Яицкомъ Войскѣ, далъ имъ просимую грамоту на „владѣніе рѣкою Яикомъ съ суцими при ней рѣки и притоки и со всѣми угодьями, отъ вершинъ той рѣки и до устья“, съ дозволеніемъ „набираться на жительство вольными людьми“****. Надобно замѣтить, впрочемъ, что писавшіе объ Уральцахъ, говорили такимъ образомъ, основываясь на однихъ голословныхъ показаніяхъ яицкихъ старшинъ и каза-

* Ак. Арх. Эк., т. III, № 21.

** Рычковъ: *Топогр. Ор.*, ч. II. Левшинъ: *Ист. и ст. обзор. Ур. каз.*

*** Левшинъ говоритъ, что это происшествіе случилось около 1613 г., (*Ист. и ст. обзор. Ур. каз.*) Въ *Хронологическомъ сборникѣ достопамятныхъ событій Оренбургскаго края*, составленномъ Н. Жуковскимъ, оно упоминается вкратчѣ послѣ 1622.

**** Рычковъ: *Топ. Ор.*, т. II, стр. 70 и 71; Левшинъ: *Ст. и ист. обзор. Ур. каз.*; Пушкинъ: *Ист. Пуг. бунт.*, т. I, стр. 3. Донесеніе атамана Федора Руковшильникова государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1720 г. Челябинская, 1767 г., подавшая депутатами Яицкаго Войска императрицѣ Екатеринѣ.

ковъ, такъ какъ грамота эта, вмѣстѣ съ прочими, сгорѣла во время пожара въ началѣ прошлаго столѣтія *. Существованіе ея, впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, потому что на то имѣется много указаній **, да и правительство

* „Не только сія грамота, говоритъ Левшинъ, — безъ которой нельзя точно опредѣлить начало подданства Уральскихъ казаковъ Россіи, но и многія другія данныя имъ царями: Михаиломъ Федоровичемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ и Федоромъ Алексѣевичемъ сгорѣли. Древнѣйшій и единственный актъ, найденный Неплюевымъ въ ящикѣ войсковой избѣ, была грамота царей—Петра и Иоанна Алексѣевичей, 1634 г., гдѣ упоминается о прежнихъ службахъ со времямъ Михаила.“ (*Ист. и ст. обзор. Ур. каз.*)

** Приводимъ здѣсь всѣ доказательства, которыми, въ настоящее время, Уральцы стараются подтвердить существованіе грамоты и правъ ею данныхъ:

Послѣ утраты грамоты казаки просили въ 1721 г., о возобновленіи ея, и просьба эта, по необъясненію въ ней, изъ какого приказа грамота была выдана (чего они вѣроятно по безграмотству не знали), хотя и оставлена безъ движенія, но, по жалобѣ казаковъ, основанной на этой самой грамотѣ, на Самарцевъ, Башкиръ и другихъ иноподданныхъ, пріѣзжавшихъ на уральскія земли ловить рыбу, правит. сенатъ отъ 28-го октября 1732 г. далъ указы военной, иностранной и камеръ-коллегіямъ, Казанской и Астраханской губерніямъ, не допускать Башкиръ и мизовыхъ городовъ жителей, ловить рыбу по Яику рѣкѣ въ озерахъ, яркахъ (ерикахъ) и протокахъ, гдѣ Яицкіе казаки рыбныя ловли имѣютъ. Это право исключительнаго владѣнія также подтверждено: а) промеромъ военной коллегіи 6-го марта 1734 г., и указами той же коллегіи въ Казанскую и Астраханскую губерніи, уфимскую провинціальную канцелярію полковнику Беклемшеву и въ войсковую канцелярію; б) манифестомъ о размежеваніи; в) показаніемъ войсковаго атамана Григорія Меркулева, послужившимъ основаніемъ промеру 6-го марта 1734 года.

Далѣе, Уральцы ссылаются на: а) Промеръ саратовской рыбною котторы 19-го сентября 1748 г., о запрещеніи отдавать на откупъ рыбныя лови въ Узеляхъ, какъ пожалованныя войску великимъ государемъ царемъ Михаиломъ Федоровичемъ.

б) Указъ правительствующаго сената отъ 5-го іюля 1751 г. о пользованіи солью съ озеръ, лежавшихъ въ казачьихъ поляхъ.

в) Разрѣшеніе оренбургскаго военнаго губернатора, тайнаго совѣтника Неплюева, объ учрежденіи передовыхъ постовъ для охраненія селеній, хуторовъ, лѣсовъ, сѣнокосовъ а прочихъ угодій на лѣвомъ берегу Урала.

д) Высочайшій указъ 26-го декабря 1803 г. объ управленіи Уральскаго Войска, въ 9 пунктѣ котораго изображено: „Войску, пребывающему въ своихъ селеніяхъ, дозволяется пользоваться отъ тѣхъ преимуществъ и выгодъ, которыми оно донынѣ пользовалось.“

никогда не отвергало прямо этого факта. Впрочемъ ни сами казаки, ни правительство не придавали ему особаго значенія, и владѣнiе Уральцами всѣмъ теченiемъ Урала, отъ вершинъ и до устья, никогда не существовало de facto. Когда жалована была на Яикъ грамота, по верховьямъ этой рѣки уже жили Башкиры *, а въ послѣдствiи и по среднему теченiю начали селиться русскiе люди. Мѣста по теченiю Урала вверхъ отъ Разсыпной крѣпости заселялась по мѣрѣ надобности, лицами, не принадлежавшими къ Яицкому Войску

е) Высочайшее повелѣнiе на имя бывшего оренбургскаго военнаго губернатора генералъ-поручика Анухина, 29-го iюля 1783 г., о недопускѣ къ Урау заливныхъ Киргузъ ближе 15-ти верстъ, что подтверждено княземъ Волконскимъ 31-го октября 1809 и генераломъ отъ инфантерiи графомъ Эссеномъ 30-го октября 1817 года.

г) Высочайше утвержденное мнѣнiе государственнаго совѣта 7-го мая 1826 г., по дѣлу о заливъ Каспiйскаго моря, Богатомъ Кулукѣ, гдѣ между прочимъ опредѣлено: „Уральское Войско, хотя и не представило привилегiй на владѣнiе водами богато-кулукскими, изяснивъ, что привилегiи вообще на земли и воды имъ въ древнiя времена даныя, истреблены во время бывшего въ томъ краѣ неурстройства и пожаровъ, но достаточно и не опровергаемо существованiе тѣхъ привилегiй доказано другими документами. На семъ основанiи государственный совѣтъ положилъ: Богатый Кулукъ между Баксайскою косою и Пороховицкимъ бугромъ состоящiй, и княземъ Юсуповымъ, безъ участiя со стороны Войска, отмежеванный въ его дачи, какъ доказанную древнюю принадлежность Уральскихъ казаковъ, возвратитъ отъ князя Юсупова въ первобытное ихъ владѣнiе.“

Основываясь на грамотѣ царя Михаила Федоровича, пожаловавшаго казакамъ рѣку Уралъ со всѣми ея угодьями, Войско производитъ рыболовство въ Черхальскомъ Морѣ, лежащемъ за рѣкою Ураломъ, въ сорока верстахъ отъ линiи, и соединяющемся съ рѣкою Ураломъ, посредствомъ рѣки Соляйки.

* Надобно замѣтить, что на тѣ же самыя земли предъявляли право и Башкиры, на основанiи грамоты, будто бы выданной имъ царемъ Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, вскорѣ послѣ покоренiя Казани, на все пространство по теченiю Урала, Сакмары, Чижей, Узней—вплоть до Сарайчика. Мнѣ удалось добыть копiю съ этой грамоты, подлинность которой довольно сомнительна. Впрочемъ, при переселенiи части Башкиръ во 2-е стѣенiе 9-го башкирскаго кантона, на казенныя земли Новоузенскаго, Николаевскаго и Волжскаго уѣздовъ, въ свидѣтельствѣ, выданномъ довѣрителямъ изъ канцелярiи оренбургскаго гражданскаго губернатора, въ февралѣ 1832 г., за № 238, сказано: „что имъ дозволяется перейти на вотчинную ихъ землю по рѣчкамъ большому и среднему Чужу.“

и безъ протеста со стороны этого Войска. Такъ возникла сначала пограничная оренбургская линія, а въ послѣдствіи и Оренбургское Казачье Войско, изъ различныхъ переселенцевъ, ландмилиціонныхъ полковъ и другихъ командъ. Прибавимъ еще, что вслѣдствіе неточности географическихъ познаній того времени объ Оренбургскомъ краѣ, * правительство, давая казакамъ грамоту на владѣніе землями по Яику, могло не знать, что верхнее теченіе его принадлежало Башкирамъ и не приписывало этимъ землямъ какого-либо значенія для государства. Въ послѣдствіи же, даже тѣ земли, которыя дѣйствительно заняты Уральскимъ Войскомъ, правительство считало принадлежащими имъ не на правѣ *владѣнія*, но на правѣ *пользованія*, хотя Уральцы и старались доказать противное на основаніи принадлежавшихъ имъ искони правъ исключительнаго рыболовства по рѣкѣ Уралу и впадающимъ въ нее притокамъ, отъ границъ Войска до Каспійскаго моря, а также исключительнаго пользованія солью съ соляныхъ озеръ, лежащихъ въ войсковыхъ предѣлахъ и принадлежащихъ къ системѣ Урала.

Къ царствованію же Михаила Федоровича относятся и указанія на службу Яицкихъ казаковъ въ войскахъ царскихъ. Такъ, въ царскомъ наказѣ 29 марта 1629 г., воеводамъ князю Солдцеву-Засѣкину и Благову, назначеннымъ въ Переяславль-Рязанскій, предписывается принять всѣ мѣры предосторож-

* Въ указѣ 31 декабря 1727 года объ отдачѣ соляныхъ промысловъ въ вольное содержаніе, говорится и объ илецкой соли, мѣстоположеніе которой опредѣляется такъ: „*между Казанью и Уфой при рѣкѣ Илекѣ, впадающей въ Яикъ.*“

Даже въ настоящемъ столѣтіи правительство не знало границъ Оренбургскаго края, что видно изъ приказа военной коллегіи, отъ 20 марта 1803 г., гдѣ, между прочимъ, сказано: „Правительствующій сенатъ, въ разсужденіи границъ Оренбургской губерніи, по сочиненной въ 1787 г. картѣ Россійской Имперіи, видитъ границею сей губерніи, отъ земель киргизскихъ, рѣку Эмбу,—по нынѣ (1802) сія ли граница губерніи остается и по какую черту степь и кочевье Киргизъ-Кайсаковъ простирается, яснаго свѣдѣнія въ виду нѣтъ, и что оренбургскому военному губернатору предписавъ, дабы онъ обо всемъ ономъ подробно сенатъ уведомилъ и притомъ, для лучшаго усмотрѣнія, доставилъ бы немедленно карты сей губерніи прежняго разграниченія и нынѣшняго времени (1802 г.), съ объясненіемъ, елико возможно, черты извѣстнаго по нынѣ владѣнія въ сей губерніи Уральскихъ казаковъ и Киргизъ-Кайсаковъ.“

ности противъ крымскихъ Татаръ и, между прочимъ, велѣно: посылаемымъ въ развѣзды дѣтямъ боярскимъ и попавшимся, по несчастію, въ плѣвъ, на разспросы Татаръ отвѣчать, что московскія рати многочисленны, и что въ рядахъ ихъ много есть храбрыхъ воиновъ, въ числѣ которыхъ упоминается и о казакахъ Яицкихъ *. Они были также и подѣ Смоленскомъ, съ бояриномъ Шеинымъ. Въ договорной грамотѣ Шеина съ Поляками, 24 февраля 1634 года, показано даже число, какъ вышедшихъ изъ осады 344 человекъ „яицкихъ атамановъ и есауловъ, и казаковъ“, такъ и оставшихся въ Смоленскѣ за болѣзнію 36 человекъ **. Документы эти важны въ томъ отношеніи, что они еще разъ вполне опровергаютъ повторемое со временъ Рычкова разными писателями и укоренившееся уже мнѣніе, что первая служба Яицкихъ казаковъ была въ 1655 году, между тѣмъ какъ древнѣйшій памятникъ этого рода, какъ мы уже видѣли, относится къ 1591 году.

Съ половины XVII столѣтія, замѣтно стараніе правительства сдерживать своеволіе и разбои казачьяго населенія. Они на время утихали, но не прекращались и сильно подрывали каспійскую торговлю. При устьѣ Яика построено было деревянное укрѣпленіе, называемое Усть-Яицкимъ острогомъ ***, съ цѣлію имѣть опорный пунктъ для

* *Ак. Арх. Эксп.* т. III, № 187.

** Тамъ же № 220, 239 и 246.

*** Жуковский, въ своемъ *Хронологич. Сборникѣ*, относитъ эту постройку къ 1622 г., Левшинъ къ половинѣ XVII вѣка, говоря притомъ, что городокъ основанъ донскими выходцами (*Ист. и ст. об. Ур. каз.* стр. 10—11, Спб. 1823). Любопытно указаніе Дебу въ его *Топографическомъ и Статистическомъ описаніи Оренбургской губерніи*, Москва 1837, въ которомъ не только обстоятельство, но и самая эпоха переищаны довольно забавнымъ образомъ. Опредѣляя время постройки Гурьева-Городка въ 1622 г., Дебу говорить, что городъ былъ построенъ купцомъ Михаиломъ Гурьевымъ, въ 10 верстахъ выше устья Яика, близъ находившагося тогда, около этого мѣста, татарскаго города Сарайчика, владѣльцу котораго онъ былъ обязанъ платить дань. Когда же съ помощью хитрости, которую Гурьевъ употребилъ для того чтобы скрыть свои работы отъ Татаръ (именно, онъ закрывалъ ихъ съ татарской стороны парусами), городокъ былъ приведенъ въ оборонительное состояніе, Гурьевъ отказался отъ платежа дани. Не считаю нужнымъ разъяснить такой географическій и хронологическій промахъ, тѣмъ болѣе что Дебу основывался въ своемъ разказѣ, на преданіяхъ. Довольно сказать, что во время постройки Гурьева-Городка,

наблюденія за спокойствіемъ окрестныхъ мѣстъ и охраненія каспійской промышленности и торговли. Поводомъ къ его постройки было то обстоятельство, что правительство желало воспользоваться богатыми рыбными ловлями въ устьяхъ рѣки, гдѣ былъ поставленъ учугъ *, и въ морѣ. Гарнизонъ острожка состоялъ изъ стрѣльцовъ и изъ учужайковъ, которые ловили рыбу для государя; въ случаѣ же недостатка въ людяхъ, вѣрно было просить помощи изъ Астрахани, а не отъ сосѣдей казаковъ, которые поэтому и не состояли въ гарнизонѣ, наблюдавшемъ за ихъ дѣйствіями **.

Въ 1645 году Михаилъ Федоровичъ указалъ гостю Михаилу Гурьеву строить здѣсь „городъ каменный мѣрою четырехсотъ сажень, кромѣ башенъ, четверугольный, чтобы всякая стѣна была по сту сажень, а по угламъ сдѣлать четыре башни, да въ стѣнахъ, межъ прясель, четыре же башни, и стѣны бы были межъ башенъ поровну, по пятидесяти сажень межъ башни; да въ двухъ башняхъ быти двумъ воротамъ....“ За это, по условію, Гурьевъ пожалованъ былъ безоброчнымъ содержаніемъ яцкаго учуга и эмбенскихъ водъ на семь лѣтъ, съ 1646 по 1653, (считая отъ Семенова до Семенова дня). Сдѣлка обошлась казнѣ въ 17.812 руб. 32 алтына полшесты деньги. Впрочемъ постройка шла необыкновенно медленно. Начатый въ 1647 г. городъ не былъ оконченъ еще въ 1650 г. Немало трудностей представляла доставка матеріаловъ и рабочихъ; кромѣ того, казаки поняли цѣль правительства и мѣшали постройкѣ всеми возможными способами. Такъ въ 1649 г., говорятъ акты, „атаманъ Ивашко Кондыревъ съ товарищи,

самое имя ногайскихъ Татаръ начало исчезать въ этихъ мѣстахъ. Часть ихъ, послѣ разоренія Сарайчика, въ 1580 г., переселилась въ Хиву, другая же разсѣялась по разнымъ татарскимъ улусамъ и сжилась съ ними.

* При возвышеніи пошлины на соль въ 1646 году, съ цѣлю увеличенія государственныхъ доходовъ, исключеніе сдѣлаемо только для яцкой и астраханской, съ которой вѣрно брать половинную, то-есть по гривнѣ съ пуда; потому, какъ сказано въ окружной царской грамотѣ, что много ея идетъ на соленіе рыбы для царскаго стола, и что на учугахъ „откупы и сборы не малы“. (*Ак. Арх. экспед.*, т. IV, № 5). Яцкая соль добывалась изъ Индерскаго и другихъ мелкихъ соляныхъ озеръ. Мѣсто-рожденіе теперешней яцкой соли въ то время было еще неизвѣстно.

** Примѣч. В. Завьялова въ его статьѣ *Объ источникахъ и пособіяхъ для изученія Оренбургскаго края.*

городовые многіе запасы погромили, и дровъ и всякихъ запасовъ на городовое дѣло припасать вверху по Яику рѣкѣ не дали“ *. Съ 1645 г. новый городокъ началъ называться Каменнымъ-Яицкимъ и Усть-Яицкимъ, а въ послѣдствіи Гурьевымъ-Городкомъ. Стрѣльцовъ, приходившихъ изъ Астрахани и смѣнявшихся ежегодно называли „астраханскими годовальщиками“ **.

Но эта первая попытка правительства положить оплотъ самоволію казачьяго населенія не привела къ желанному результату. Въ октябрѣ 1643 г., пришелъ изъ Раздорской станицы въ Воронежъ станичный атаманъ Томило Карякинъ и передалъ тамошнему воеводѣ, что Донцы, недовольные своимъ положеніемъ, намѣрены идти на Яикъ, срыть построенный при устьѣ его городокъ и, живя на Яикѣ, промышлять на морѣ. Такіе слухи заставили правительство принять мѣры къ охраненію новаго поселенія. Астраханскимъ воеводамъ предписано было 17 ноября того же года, послать въ Усть-Яицкій городокъ охранный отрядъ. Воеводы, въ свою очередь, послали приказъ 27 марта, начальствовавшему въ городкѣ стрѣльцкому головѣ Глѣбову, наблюдать и оберегать городъ, въ случаѣ же недостатка въ „служилыхъ государевыхъ и учужныхъ людяхъ“, требовать изъ Астрахани помощи ***. Вовремя принятыя предосторожности, на этотъ разъ, спасли городъ, и Донцы идти на него не рѣшились. За то, въ 1654 г., казаки напали на ниже-яицкій учугъ, принадлежавшій тогда уже купцу Гурьеву, разорили его и переманили въ свои ряды рабочихъ, которые, какъ и вообще простой народъ, сильно имъ сочувствовали ****. Въ эпоху Разинскаго бунта, Гурьеву-Городку также не давали покоя: онъ довольно долго находился въ рукахъ казаковъ.

Съ 1630 годовъ начинается на юго-востокѣ цѣлый рядъ непрерывныхъ набѣговъ и разбоевъ на сухомъ пути и на морѣ. Толпы казаковъ хлынули съ Дона, Терека и Волги

* *Ак. Ист.*, т. IV, № 40.

** Костомаровъ: *Бунтъ Степъки Разина*, изд. 2-е, дополн. Спб. 1859 г. „Такое названіе носили стрѣльцы, отправляемые изъ главнаго города въ подначальный....“ то-есть изъ Астрахани въ Гурьевъ-Городокъ.

*** *Ак. Арх. эксп.*, т. II, № 296.

**** Костомаровъ *Бунтъ Степъки Разина*, стр. 11. Здѣсь говорится о воронскихъ казакахъ.

на безоружные караваны и торговые суда; грабили все что попадалось имъ подъ руки; убивали и жгли то чего не могли забрать съ собою; нападали на приморскіе персидскіе города и наводили страхъ на все прикаспійское побережье *. Каспійское море было постоянною цѣлю и театромъ разбоевъ всѣхъ казачьихъ и воровскихъ шаекъ, стремившихся сюда съ Дона, Терека, Волги и Яика. У нихъ была знакомая торная дорога, были на морѣ извѣстныя станціи и убѣжища. Шайки, шедшія съ Дона, обыкновенно проходили въ море или вдоль Кумы и Терека, или же Волгой, выйдя изъ устьевъ которой, огибали сѣверо-восточный берегъ и шли въ Казачій-Проранъ, гдѣ у нихъ была пристань **, а потомъ направлялись къ устьямъ Яика, гдѣ огромное пространство покрытое густымъ камышомъ, представляло надежное убѣжище во время опасности. Острова Каменный, Пешной и др., находящіеся не далеко отъ устьевъ Яика были станціей и обсервационнымъ пунктомъ. Подобныя же любимыя стоянки и острова, гдѣ имъ нерѣдко случалось зимовать по нѣскольку лѣтъ, выходя съ весной снова на промыслы, находились и вблизи трухменскихъ и персидскихъ береговъ. ***

Яцкіе казаки принимали такое явное и дѣятельное участіе въ набѣгахъ, что тогдашній персидскій шахъ, не имѣя силъ отразить ихъ оружіемъ, принесъ жалобу московскому двору въ 1655 году. Правительство находилось въ то время въ войнѣ съ Польшей, и вида затрудненіе усмирить разбой силою или, можетъ-быть, не желая раздражать казаковъ, рѣшилось дѣйствовать путемъ мирнаго соглашенія. На Донъ и на Яикъ посланы были увѣщательныя царскія

* Лезинъ говоритъ: „Читая въ путешествіи Олсериа, ѣхавшаго чрезъ Каспійское море въ 1636 г., о разграбленіи казаками близъ города Чернаго-Яра каравана изъ 1500 человекъ состоящаго, и о нападеніи ихъ на городъ Рящъ, нахожда описаніе подобныхъ же ужасовъ у Стривоца, бывшаго въ Астрахани въ 1669 г. Шардела и въ русскіихъ хромографахъ того времени, нельзя не предположить, чтобъ Уральскіе казаки не были участниками сихъ опустошеній и грабительствъ, столь близко отъ жилищъ ихъ произведемыхъ. Преданія о ихъ подвигахъ тогдашнихъ повторяются еще донынѣ...“ (*Ист. и ст. об. Урал. каз.*)

** Докесеніе стрѣльцкаго головы Ивана Кроткова воеводѣ Петру Михайловичу Саатыкову 15 октября 1678 г. (*Допол. къ Акт. Ист. т. VII № 48*).

*** Тамъ же т. VII, № 48.

граматы, и войсковые атаманы, донской Фролъ Миняевъ и яицкій Иванъ Бѣлоусовъ, отправились въ Москву бить челомъ царю, чтобъ отпустилъ онъ вины казацъи. Здѣсь они получили повелѣніе ѣхать Волгою до моря и лично уговорить казаковъ бросить свои воровскіе промыслы и принести царю повинную. Мѣра эта имѣла, хотя временный, но полный успѣхъ, и атаманы не только уговорили своихъ товарищей прекратить разбои, но и явились съ нѣкоторыми изъ нихъ въ Москву. Разбойники получили прощеніе, но заслуживать вины должны были на царской службѣ, подъ Ригою и въ Польшѣ, куда были посланы къ князю Хованскому и гдѣ оставались въ продолженіи 7 лѣтъ. *

Надобно сознаться что положеніе приволжско-яицкаго и прикаспійскаго края въ царствованіе Алексѣя Михайловича было самое печальное. Набѣги, грабежи и бунты тутъ не прекращались. Не говоря уже о своихъ, домашнихъ разбойникахъ, кочующія азіятскія племена, вытѣсняемая съ своихъ мѣстъ новыми напавшими другихъ племенъ, переходили степи, Яицъ и стремились занять пространство между этою рѣкою и Волгою. Все это сопровождалось развореніемъ и насиліемъ беззащитныхъ поселянъ. Разворенные бездомники и безсемейники, не находя ни надежной защиты, ни вознагражденія у правительства, рѣшались сами себя оберегать и сами собою промышлять, а потому и шли на разбой. Какъ же тутъ было не образоваться такой помѣси какъ воровскіе казаки. Въ 1645 году послѣдовало первое движеніе Калмыковъ въ Россію. Въ 1653 г. получено извѣстіе о вторичномъ ихъ движеніи въ Оренбургскій край. ** Перейдя Яицъ, они дѣлились на двѣ орды: одна обращалась къ

* Рычковъ: *(Топогр. Оренб. Левшикъ: Ист. и ст. опис. Ур. каз. Пущкинъ: Ист. Пуг. бунта. Челобитная 10 іюля 1767 года.*

** Къ камыцкому тайджѣ Дайджину были посланы: переговорщикъ Езодимъ Лопатилъ и уфимскій толмачъ Василій Лобашъ. Возвратясь отъ него, они разказывали Яицкимъ казакамъ, что видѣли въ ордѣ много русскихъ пѣнныхъ, захваченныхъ Калмыками, и что враждебные тайджи Лаузанъ и Мунчакъ замышляютъ походъ подъ Уфу, Казанскій уѣздъ и Царицынъ. „Мунчакъ де, теперь кочуетъ по Яику въ полуднище разстоянія отъ ихъ казачьяго городка, а Лаузанъ пошелъ къ Волгѣ, и хочетъ напасть на улусы астраханскихъ Татаръ. Зимой же сойдутся они

сѣвѣру и грабидя подѣ Уфою, Казанью и Самарою, другая—къ югу по Волгѣ и къ улусамъ астраханскихъ Татаръ. Съ 1662—1665 начинается Сейтовскій башкирскій бунтъ и не прекращается до 1682 году; съ 1630—1656 идутъ разбои воровскихъ казаковъ, и все, наконецъ, заканчивается бунтомъ Стеньки Разина.

Обстоятельства давно уже готовили этотъ бунтъ. Недовольныхъ своимъ положеніемъ было много въ низшихъ сословіяхъ. Казаки жаловались на стѣсненія, податныя сословія и холопы на тяготу повинностей, на корыстолюбіе и несправедливость воеводъ и судей; мѣщане и торговые люди—на стѣсненіе торговли и совершенное безправіе. * Возмущенія вспыхивали нѣсколько разъ, то въ Москвѣ то Новгородѣ и другихъ мѣстахъ, но были подавлены и виновные жестоко наказаны. Начинаясь расколъ еще болѣе разжигалъ затаенное неудовольствіе. Бунтъ, начавшись въ 1666 году, охватилъ все Поволжье и всю прикаспійскую мѣстность до Яика.

Трудно опредѣлить степень участія Яицкихъ казаковъ въ первомъ возмущеніи. Извѣстно только что Разинъ посылалъ къ казакамъ съ предложеніемъ присоединиться къ нему. ** Но еще раньше, когда онъ находился въ Паншинѣ, у него нашлись въ Яицкомъ Городкѣ сторонники, которые писали къ нему, и приглашали его къ себѣ. Такъ, какой-то Федоръ Сукнинъ писалъ къ нему изъ Яика: „собирайся къ намъ, атаманъ, возьми Яикъ-Городокъ, учуги раззори и людей побей. Засядешь въ нашемъ городкѣ, и потомъ пойдемъ вмѣстѣ на море промышлять.“ *** Стенькѣ то было на руку, и онъ, возвращаясь съ низовьевъ Волги, мимо Царицына

вмѣстѣ и пойдутъ съ Мушаконъ подѣ Самару и въ Самарскій уѣздъ.“ *Ак. Ист.* т. IV, № 72.

* Костомаровъ: *Бунтъ Стеньки Разина*. Цановъ: *Земство и Расколъ*, статья I, въ журналѣ *Время*, кн. X, октябрь 1862.

** *Матер. для ист. возм. Ст. Раз.* Князь Иванъ Дашковъ пишетъ изъ Симбирска, отъ 29 іюля 1667 г. о движеніи Стеньки отъ Царицына къ Саратову: „и подѣзжая къ Саратову, взявъ на луговой сторонѣ, не вѣдомо у какихъ людей четыре лошади, и послали въ Яицкой городокъ, чтобы казаки Яицкіе шли къ нимъ на помощь.“ (*Выписка изъ дѣла о Разинѣ, сообщенная изъ Казанскаго въ Польскій приказъ.* 7178/1670 года.)

*** Костом. стр. 61—62. *Ак. Ист.* т. IV № 202, столб. 3.

и Чернаго Яра, обогнулъ сѣверо-восточный берегъ и пришелъ къ устьямъ Яика. О взятіи имъ Яицкаго Городка имѣются прямыя указанія. * Разинъ оставилъ шайку въ скрытомъ мѣстѣ и съ тремя казаками подошелъ къ городскимъ воротамъ; обманомъ заставилъ стрѣльцаго голову Яцына впустить себя въ городъ, а когда вошелъ, тотчасъ открылъ путь своей ватагѣ. Сопротивленіе было невозможно, и казаки завладѣли городомъ. Первымъ дѣломъ Разина была казнь Яцына и съ нимъ 170 стрѣльцовъ, которымъ велѣлъ отрубить головы, остальныхъ же отпустилъ въ Астрахань, говоря что насиловать ихъ не желаетъ, и противъ воли не заставляетъ быть съ нимъ заодно. Но когда стрѣльцы достигли Раковой Косы (теперь Ракушечья пристань), онъ послалъ за ними погоню, чтобы вернуть ихъ и насильно завербовать въ свою шайку. Тѣхъ, кто не хотѣлъ идти назадъ, рубили и бросали въ воду; другіе разбѣжались и прятались по камышамъ, на требованіе же согласилась самая небольшая часть. Цѣлое лѣто жилъ Разинъ на Яикѣ, выходя только по временамъ на промыслы, то къ улусамъ татарскимъ, ** то къ Тереку, *** а къ зимѣ опять возвратился въ городокъ. Посланный противъ Разина, помощникъ астраханскаго воеводы князя Хилкова, Яковъ Безобразовъ, уговорилъ двѣ калмыцкія орды Мопчакъ-тайджи и Дайджинъ-тайджи осадить Разина въ Яикѣ.

Дѣйствительно, обилеженныя подарками и обѣщаніями, Калмыки въ числѣ десяти тысячъ окружили городъ и ходили даже на приступъ, но такъ неудачно, что охладѣли къ своему намѣренію; потомъ вошли въ дружественныя и торговыя сношенія съ осажденными, а весною и вовсе откочевали отъ Яика. **** Точно также неудачно дѣйствовали и посланцы астраханскіе. Казаки разбили въ вылазкахъ отрядъ

* Костом. стр. 63—64; *Ак. Ист.* IV, 378. *Мат. для ист. возм. Ст. Разина (Выписка изъ дѣла, стр. 24—28, 31—82. Пол. Соб. Зак. Рос. Импер. т. I, 1670, № 480).*

** Кост. стр. 64. *Мат. для ист. воз. Ст. Раз.* (Стр. 25—26, донесеніе кн. Хилкова изъ Астр. 18 декабря 1668).

*** Кост. стр. 65. *Мат. для ист. воз. Ст. Разина* (стр. 27, док. кн. Хилкова изъ Астр. 8 апр. 1668).

**** Костом. стр. 67. *Ак. Ист.* т. IV, № 202, столб. № 6.

Безобразова и повѣсили двухъ стрѣльцкихъ головъ, присланныхъ для переговоровъ. Только 23 марта 1668 г. Разинъ оставилъ совсѣмъ Яицкій городъ и пошелъ въ море къ персидскимъ владѣніямъ, гдѣ оставаяся болѣе года. * Вслѣдъ за нимъ, приплыли изъ Верховаго Яицкаго городка 13 человекъ воровскихъ казаковъ въ чаяніи соединиться со Стенькою, но были схвачены и посажены подъ караулъ стрѣльцкимъ головою, Богданомъ Сакмышевымъ, котораго прислалъ незадолго предъ тѣмъ изъ Астрахани князь Прозоровскій, смѣнявшій Хилкова. Черезъ нѣсколько дней ихъ освободили возмущившіеся яицкіе жители и стрѣльцы, утопили Сакмышева, взяли на струги оружіе, порохъ и запасы, и пошли въ море отыскивать Разина.** Кромѣ этого указанія на участіе Яицкихъ казаковъ въ бунтъ, мы читаемъ въ донесеніи князя Прозоровскаго изъ Астрахани, въ сентябрѣ 1670 г., что Стенька и товарищи его, приносилъ повинную, говорили... „пошло де ихъ съ Дону съ 600 человекъ, да къ нимъ же де приставали на Волгѣ и на Яикѣ изъ Астрахани и изъ иныхъ городовъ, всякіе вольные люди...“ *** Болѣе объ Яицкихъ казакахъ, во время перваго возмущенія, не упоминается.

Когда Разинъ, въ 1671 г., поднялъ вторично бунтъ, то Яицкіе казаки, на этотъ разъ, не остались въ сторонѣ. Они пристали къ шайкѣ, составившейся изъ жителей низовыхъ городовъ, и пошли на Симбирскъ. Отбитые на приступѣ и разбитые въ нѣсколькихъ вылазкахъ, разбойники побросали струги, на которыхъ были раненые, пушки, оружіе и порохъ, и бѣжали къ Самарѣ, гдѣ остановились, рѣшившись „добить челомъ государю въ винахъ своихъ.“ Въ историческомъ документѣ мы имѣемъ, по этому случаю, любопытное показаніе, при разпросѣ воровскаго казака Луконьки Сергѣева. „И съ Самары де онъ, Луконька, пришелъ въ Симбирскъ отъ своей братіи, и въ винѣ своей великому государю добить челомъ. А Астраханцы де, и Красноярыцы, и Черноярыцы, и Царицыныцы, и Саратовцы съ Сакмарцы, пошли всѣ

* Костом. стр. 67. *Мат. для ист. возм. Ст. Раз.* (стр. 27, донесеніе кн. Ивана Прозоровскаго изъ Астрахани въ іюнь 1668 года).

** *Мат. для ист. возм. Ст. Раз.* стр. 31—32.

*** *Мат. для ист. возм. Ст. Раз.* стр. 38.

по домамъ своимъ, а оставили де ожидать государской милости Астраханцевъ дву человекъ лучшихъ людей, а Самаряне де остались все въ своихъ домѣхъ, а Яицкихъ казаковъ пошло на Яикъ человекъ съ полтора ста, а въ остаткѣ де ихъ на Самарѣ человекъ со сто, а и тѣ де хотѣли идти на Яикъ же; да на Самару же де пришло съ Яику для провѣдыванія вѣстей человекъ съ двадцать, а съ тѣми которые пошли на Яикъ разошлись, и они де хотятъ идти съ послѣдними людьми.“ *

Вскорѣ по окончаніи Разинскаго бунта мы снова встрѣчаемъ дѣло объ воровскихъ Яицкихъ казакахъ. Въ маѣ 1677 г., атаманъ Васыка Касимовъ съ товарищами, всего около 300 человекъ, двинулись изъ верховыхъ яицкихъ городковъ внизъ по теченію, напали на Усть-Яицкій Городокъ, захватили казну, оружіе, порохъ и свинець, и рѣшились идти промышлять въ море къ персидскимъ и туркменскимъ предѣламъ. Но, наученное опытомъ, правительство дѣйствовало быстро и рѣшительно. Боярину и воеводѣ Петру Михайловичу Салтыкову велѣно было идти въ Астрахань съ ратными людьми съ великою поспѣшностью и употребить все мѣры къ скорѣйшему и вѣрнѣйшему прекращенію разбоя. Посланы были отдѣльныя команды въ крейсеровку между устьями Волги и Яика, а въ Астрахани, между тѣмъ, собрались сильныя отряды подъ командою стрѣлцкихъ головъ Игнатія Сумарокова, Тимоѣя Горяинова и другихъ для весенней экспедиціи противъ разбойниковъ. Между тѣмъ казаки наткнулись, недалеко отъ устья въ Яика, на стрѣлцаго голову Никиту Мамонова съ ратными людьми и должны были выдержать бой, который кончился не въ ихъ пользу. Они принуждены были уйти въ открытое море въ самомъ жалкомъ состояніи: съ пробитыми стругами, безъ воды, и съ ничтожнымъ запасомъ провіанта. Въ такомъ видѣ пристали казаки къ туркменскимъ берегамъ, около Карагайской пристани, но и здѣсь потерпѣли, отъ Туркменовъ, пораженіе и снова бѣжали. Перезимовавъ на Святомъ и Жиломъ островахъ, они вздумали весной еще разъ попытать счастья: подступали подъ Баку и хотѣли

* *Мат. для ист. возмущ. Ст. Раз.* (записная книга московскаго стола 717/1671 года, стр. 211—212).

имъ овладѣть. Но жители были предуведомлены, да и волненіе въ морѣ было такъ сильно, что нападеніе не удалось, и часть казаковъ была захвачена въ плѣнъ; остальные ушли опять въ море, и въ послѣдствіи, не видя возможности пробраться на родину, приняли магометанство и поселились въ Шемахѣ. *
Боле о нихъ не имѣется въ актахъ никакого извѣстія.

Судъ и казнь надъ Стенькой Разиньимъ и его сообщниками нанесли сильный ударъ казачеству и всей бѣглой Руси.

А. Р.

* Дополн. къ Акт. Археогр. Коммисс. т. VII № 48, стр. 249—263.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Исторія средних вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. С.-Петербургъ. 1863.

Книга г. Стасюлевича, изданная, какъ сказано на первой ея страницѣ, *Приложеніемъ къ Журналу Минист. Народн. Просвѣщенія* на 1863 годъ, вѣроятно, встрѣчена съ радостію и благодарностію всеми преподавателями исторіи и всеми цѣнителями исторической литературы. Нѣсколько громкое заглавіе книги—*Исторія средних вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ*—не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея содержанію. Эта книга—богатая историческая хрестоматія и изданіе ея предпринято на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Всего должно выйдти три тома для исторіи средних вѣковъ. Первый томъ заключаетъ въ себѣ 763 страницы и представляетъ изобильный матеріалъ, переведенный изъ самыхъ разнообразныхъ историческихъ памятниковъ. Здѣсь можно найти отрывки изъ классическихъ писателей, Тацита и Страбона, изъ отцовъ церкви, Тертуліана, изъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ—Иордана, Павла Діакона, Григорія Турскаго и многихъ другихъ, изъ лучшихъ французскихъ историковъ, писавшихъ о среднихъ вѣкахъ, Гизо, Авг. и Ам. Тьерри, Форіаля и даже изъ Шатобріана и Монтанамбера.

Эта книга будетъ полезна учителямъ и ученикамъ; она пригодится и студентамъ, какъ пособіе при слушаніи курса; изъ нея получать они наглядное понятіе о многихъ историческихъ писателяхъ, имена которыхъ услышатъ на лекціяхъ. Даже спеціалисты не даромъ перелистуютъ ее. Они найдутъ въ ней многочисленныя указанія на произведенія новѣйшей исторической литературы, особенно французской, и библиографическія свѣдѣнія объ изданіяхъ средневѣковыхъ писателей. ❧

Но г. Стасюлевичъ не довольствуется этими заслугами своей книги: ему мало признательности учителей, учениковъ и студентовъ, которыхъ чтеніе его книги заинтересуетъ и привлечетъ къ серьезнымъ занятіямъ исторіей. Онъ хочетъ, чтобъ его книга составила эру въ преподаваніи этой науки; онъ стремится указать грядущимъ поколѣніямъ новый и вѣрный методъ, по которому слѣдуетъ учить и учиться исторіи, открыть прямой путь, который одинъ только можетъ довести до истиннаго пониманія исторіи.

Г. Стасюлевичъ принесъ дань своему времени и тому обществу, въ которомъ онъ живетъ. Въ эпоху великихъ реформъ, всякій, въ своемъ гнѣздѣ, хочетъ быть реформаторомъ; всякій считаетъ своимъ долгомъ раскатать какой-нибудь столбикъ, поддерживающій общественное зданіе, разрушить что-нибудь, даже если въ томъ нѣтъ никакой надобности, создать что-нибудь новое, даже если самъ не знаетъ что. Всякій думаетъ о грядущихъ поколѣніяхъ и дѣлается маленькимъ Фурье, воображаетъ, что съ его реформы солнце будетъ иначе сіять, и земля иначе вращаться, и люди на ней иначе ходить и иначе мыслить.

Когда такія фантазіи являются на свѣтъ отрѣшенными отъ всякой дѣятельности и въ прямой противоположности здравому смыслу, тогда не нужно бываетъ подвергать ихъ анализу и осужденію, и легко доказать ихъ несостоятельность. Но другое дѣло, когда въ основаніи ихъ лежитъ вѣрная мысль, но когда эта мысль до того переплетена ложными взглядами и загромождена пустозвонными фразами, что она теряется въ общемъ хаосѣ и только кое-гдѣ проглядываетъ. Тогда труднѣе возражать; можно подвергнуться подозрѣнію, что ратуешь противъ самой истины, скрывающейся подъ хламомъ, который хочешь расчистить.

Г. Стасюлевичъ предпослалъ своей книгѣ маленькое предисловіе, въ которомъ онъ изложилъ свой взглядъ на препода-

ваніе исторіи и на реформу въ этомъ преподаваніи, которую онъ думаетъ, если не вполнѣ произвести, то, по крайней мѣрѣ, подготовить своею книгой.

Г. Стасюлевичъ говорить, что могутъ быть два метода преподаванія исторіи—*формальный* и *реальный*. Читатель можетъ предугадать дальнѣйшее развитіе мысли г. Стасюлевича. При словѣ *формальный методъ* всякій невольно наморщить лобъ, пожметъ плечами и впередъ готовъ осудить все, что подведется подъ это понятіе. При словѣ же *реальный*, напротивъ, дѣлается какъ-то легче на душѣ, и съ большею увѣренностію смотришь вокругъ себя. Уже можно предвидѣть, знать впередъ, что подъ формальнымъ методомъ г. Стасюлевичъ разумѣетъ преподаваніе исторіи въ прошедшемъ и въ настоящемъ, а подъ реальнымъ—преподаваніе въ будущемъ, къ которому проложить путь книга г. Стасюлевича. Но посмотримъ, какъ г. Стасюлевичъ опредѣляетъ *формальный методъ*.

„Съ точки зрѣнія количества, замѣчаетъ онъ иронически, безъ сомнѣнія, *формальное* преподаваніе исторіи приносить большую пользу, доставляя возможность сначала вмѣстить на страницахъ учебника всю судьбу человечества отъ Нина и Семирамиды до дня рожденія самого учащагося или, по крайней мѣрѣ, учащаго, а потомъ отгравировать всю эту премудрость на памяти нашихъ слушателей. Но тогда было бы еще проще, такъ какъ судьба прошедшихъ обществъ представляетъ нѣкоторое сходство и выражается болѣе или менѣе широко условными знаками, какъ напримѣръ *основано, процвѣтало, склонилось къ паденію* и т. п.—составить одну общую историческую формулу, а затѣмъ работа учащагося состояла бы въ томъ, чтобы приобрѣсть ловкость вставлять въ извѣстномъ порядкѣ собственныя имена.“

Г. Стасюлевичъ считаетъ преподаваніе по учебникамъ не только бесполезнымъ занятіемъ памяти, но приносящимъ положительный вредъ. Вотъ что онъ говорить въ другомъ мѣстѣ объ учебникахъ:

„Ровность, гладкость событій, вытекание ихъ другъ изъ друга, церемоніальный маршъ одного за другимъ, какъ то бываетъ въ учебникахъ, дѣлается очевидною, хотя иногда и невинною ложью, а чаще умыслаенною доктриной, которую учать, или для того, чтобы позабыть, или уличить послѣ во лжи.“

Какія угрызения совѣсти должны почувствовать, по прочтеніи этихъ словъ, всѣ учителя исторіи, которые всю жизнь

свою учили очевидной лжи! Какъ горько должны сожалѣть всѣ учившіеся исторію о времени, потраченномъ на усвоеніе умышленной доктрины, которой они учились или для того, чтобъ ее позабыть, или для того чтобъ убѣдиться въ ея лжи! Всѣ они справедливо могутъ роптать на г. Стасюлевича за то, что онъ прежде не открылъ имъ глазъ, но, напротивъ, самъ написалъ учебникъ, по которому сотни несчастныхъ учились очевидной лжи.

Можно было бы подумать, что г. Стасюлевичъ сказалъ все это о плохихъ учебникахъ и не включилъ въ это число хорошихъ. Но нѣтъ; онъ чрезвычайно строгъ въ своихъ укорахъ; онъ говоритъ о всѣхъ учебникахъ безъ исключенія.

Самые учебники послѣдняго времени, говоритъ онъ, стали, такъ сказать, отрицать самихъ себя; они начали избѣгать сухихъ условныхъ формъ политической исторіи, по которой и Киръ основалъ Персію, и Ромулъ основалъ Римское государство.... Лучшіе учебники начали весьма рационально обращаться къ фактамъ цивилизаціи, старались въ то же время по возможности приводить современные выраженія для древнихъ событій (?), цитовать показанія очевидцевъ и т. п. Какъ ни хороши были подобныя попытки, но онъ опять поставилъ учебникъ въ безвыходное положеніе.... Однимъ словомъ, хорошіе учебники начали отрицать себя, доказывать свою невозможность. "

Что же г. Стасюлевичъ предлагаетъ въ замѣнъ этого вреднаго преподаванія по учебникамъ?

Правильный путь, говоритъ онъ, по которому можно достигнуть вѣрныхъ приемовъ историческаго преподаванія, состоитъ въ *немосредственномъ* чтеніи историческихъ памятниковъ. Этотъ путь, впрочемъ, вовсе не новъ. Въ средніе вѣка читали исторію Павла Діакона или, въ особенности, Бѣды-Преподобнаго—значило учиться исторіи. Въ попыткахъ нашихъ лучшихъ учебниковъ мы видимъ собственно не что иное, какъ стремленіе возвратиться къ тому первобытному методу, разумѣется, какъ то можно уже сдѣлать при современномъ развитіи нашего порядка вещей.... Новый методъ (то этотъ методъ вовсе не новъ, то онъ оказывается новымъ, и все это на одной и той же страницѣ), новый методъ преподаванія исторіи, продолжаетъ г. Стасюлевичъ, видить въ литературныхъ памятникахъ свѣжій, вѣчно бьющій, ключъ историческаго познанія. Если мнѣ позволятъ продолжать эту метафору—я скажу, что лучшіе преподаватели предпочитаютъ поднести учащемуся одинъ стаканъ изъ этого ключа, нежели показать ему длинную намалеванную рѣку. Кто прочелъ

Тацита, Егингарда, Фроассара, тотъ лучше знаетъ исторію и болѣе исторически образованъ нежели этотъ, кто усвоилъ себѣ цѣлое историческое руководство."

Все это можетъ казаться очень соблазнительнымъ. Но какъ воздушные образы, рисуемые фантазіей, разлетаются, когда человѣкъ вспоминаетъ объ окружающей его дѣйствительности, такъ и свѣжіе, вѣчно бьющіе, ключи г. Стасюлевича испарятся въ туманъ, какъ скоро читатель захочетъ дать себѣ отчетъ, о чемъ идетъ рѣчь.

О какомъ преподаваніи исторіи говоритъ г. Стасюлевичъ? Кто долженъ будетъ учиться исторіи по этому новому методу? Вѣдь говорить вообще объ ученіи нельзя, не различая возраста учащихся и того къ чему они готовятся въ школѣ.

Говоря о преподаваніи исторіи можно различать три категоріи учащихся: учениковъ народныхъ школъ, учениковъ гимназій и студентовъ. Подъ народными школами въ обширномъ смыслѣ можно разумѣть всѣ учебныя заведенія, гдѣ курсъ ограничивается немногими годами, гдѣ онъ не служитъ приготовленіемъ къ другому болѣе обширному курсу въ университетѣ или въ какомъ-нибудь высшемъ учебномъ заведеніи; но гдѣ онъ, несмотря на свои небольшіе размѣры, долженъ составлять округленное цѣлое, потому что ученики съ школьной скамьи прямо приступаютъ къ житейскому труду и нельзя разчитывать на дальнѣйшее развитіе ихъ посредствомъ домашнихъ занятій и чтенія серіозныхъ книгъ. Въ такихъ школахъ нельзя тратить много времени на преподаваніе всеобщей исторіи. На первомъ планѣ, тутъ должна стоять отечественная исторія. Ученики должны знать событія, которыя составляютъ славу ихъ отечества, должны умѣть цѣнить людей, которые составляютъ его гордость. Всеобщая исторія входитъ здѣсь на сколько она въ связи съ отечественною и на сколько она нужна, чтобы дать дѣтямъ понятіе о цѣльности человечества и о всемірныхъ событіяхъ, выходящихъ изъ предѣловъ отечественной исторіи, каковы, напримѣръ, распространеніе христіанства, открытіе Америки и т. п. И на все это едва достанетъ времени. Тутъ некогда читать Тацита, а чтеніе Егингарда и Фроассара на столько же нужно какъ занятіе китайскою азбукой.

Университетскаго преподаванія г. Стасюлевичъ, конечно,

не разумѣлъ, когда говорилъ о реальномъ методѣ. Въ университетѣ профессоръ долженъ сообщать результаты своихъ изслѣдованій въ области исторіи или, по крайней мѣрѣ, результаты добытые другими. Онъ можетъ читать со студентами какого-нибудь писателя, какъ это и дѣлается въ иностранныхъ университетахъ, но все-таки это чтеніе будетъ только второстепеннымъ, вспомогательнымъ занятіемъ.

Остаются, значитъ, гимназіи и тѣ учебныя заведенія, которыя по объему преподаванія стоятъ на одномъ съ ними уровнѣ. Итакъ въ нихъ г. Стасюлевичъ совѣтуетъ замѣнить преподаваніе по учебникамъ *непосредственнымъ* чтеніемъ памятникѣвъ. Предположимъ, что кто-нибудь захотѣлъ бы осуществить этотъ совѣтъ. Тогда сейчасъ представятся два вопроса. Предоставить ли выборъ чтенія каждому учителю, или издать офиціальныи сборникъ переводовъ. Представимъ себѣ гимназію, гдѣ положено въ 4 классахъ проходить исторію по три раза въ недѣлю. Отправимся въ тотъ классъ, гдѣ приходится начать исторію. Съ чего начнетъ учитель, съ какого непосредственнаго памятника? Съ Геродота? Чтобы прочесть всего Геродота во время классныхъ уроковъ, для этого нужно болѣе года, если же читать отрывочныя главы, то ученики получаютъ самое хаотическое представленіе о событіяхъ. Наконецъ, нужно сдѣлать еще слѣдующее соображеніе. Изъ Геродота мы узнаемъ исторію азіатскихъ государствъ: Мидіи, Персіи и др. и исторію персидскихъ войнъ. Чтобы разказать ученику наглядно и подробно эти событія, нужно не болѣе одного мѣсяца, считая по три урока въ недѣлю. Чтобы узнать то же самое изъ Геродота, нужно прочесть 80 главъ изъ I книги, 20 изъ II, 40 изъ III, 60 изъ IV (83—143), 80 изъ V, 30 изъ VI и всѣ VII, VIII и IX книги почти безъ пропусковъ. По меньшей мѣрѣ 700 главъ. Сколько классовъ нужно на это? И все-таки ученики отъ одного чтенія ничего не будутъ знать; придется сдѣлать краткое извлеченіе, чтобъ они могли повторять по немъ.

Но что же за тѣмъ? Пришлось бы читать Фукидиду. Мы напомнимъ г. Стасюлевичу одинъ фактъ. Почти всѣ, учившіеся по-латынѣ, переводили въ школѣ войны Цезаря и сочиненія Саллюстія — Югуртинскую войну или заговоръ Катилины, медленно, съ объясненіями. Но кто по окончаніи года имѣлъ наглядное понятіе о событіяхъ, разказанныхъ этими

писателями? А Саллюстій несравненно легче Фукидида, котораго раньше известнаго возраста не слѣдуетъ читать, даже въ переводѣ: это будетъ потерянное время. Но что же читать послѣ Фукидида? Объ Александрѣ Македонскомъ не худо было бы знать что-нибудь. Но въ какомъ непосредственномъ памятникѣ г. Стасюлевичъ посоветуетъ познакомиться съ Александромъ? Неужели прочесть всего Арриана? А какъ изучать римскую исторію? Читать Ливія? Прочесть 35 книгъ Ливія, чтобъ узнать исторію Рима отъ основанія города до второй македонской войны? Остается одно: составить хрестоматію изъ отрывковъ древнихъ писателей, и расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Но въ такомъ сборникѣ будутъ пропущены самыя важныя событія, о которыхъ ничего не говорятъ наши непосредственные памятники; таково царствованіе Августа и т. д. На другія событія мы совершенно иначе смотримъ чѣмъ они представляемы въ непосредственныхъ памятникахъ, напр. на древнѣйшія времена Рима. Пришлось бы во многихъ мѣстахъ эту хрестоматію наполнять отрывками изъ современныхъ историковъ, возрѣнія древнихъ видоизмѣнять для того, чтобъ они соотвѣтствовали нашимъ теперешнимъ понятіямъ,—и хрестоматія превратилась бы въ одинъ изъ тѣхъ учебниковъ, которыхъ такъ боится г. Стасюлевичъ.

Но вѣдь древнюю исторію можно еще скорѣе другихъ преподавать посредствомъ чтенія памятниковъ. Но что дѣлать съ исторіей среднихъ вѣковъ? Что выбрать изъ сочиненій сотни автописцевъ, которые большею частью сообщали сухія отрывочныя извѣстія, касавшіяся только ихъ мѣстныхъ интересовъ, которые часто противорѣчатъ другъ другу, ослѣплены религиозною ненавистью? Лучшимъ опроверженіемъ мѣнія г. Стасюлевича можетъ послужить его собственная книга. Она обнимаетъ исторію трехъ вѣковъ отъ V до VIII; и нужно замѣтить, что это самый однообразный періодъ средневѣковой исторіи, на которомъ ни одинъ учитель не станетъ останавливаться долго. Несмотря на это, книга содержитъ въ себѣ болѣе 700 страницъ мелкой печати. Во сколько времени мальчикъ можетъ одолѣть ее? Да если онъ ее и одолѣетъ, то все-таки не будетъ знать многихъ фактовъ необходимыхъ для общей связи: завоеванія Британіи Саксами, завоеванія Африки Вандалами и др. Кромѣ того, исторію

Византийской имперіи и первыя времена магометанства, г. Стасюлевичъ отложилъ до сѣдующаго тома.

Если въ такихъ же размѣрахъ составлять хрестоматію для остальныхъ періодовъ, то учебникамъ придется прочесть цѣлую бібліотеку. Новую же исторію совершенно невозможно изучать посредствомъ чтенія памятниковъ. Въ какомъ непосредственномъ памятникѣ познакомиться съ открытіемъ Америки, съ реформаціей; какіе именно мемуары прочесть для исторіи Лудовика XIV, Фридриха Великаго; какъ изучать французскую революцію? Читатъ ли съ учебниками *Moniteur* и бюллетени Наполеона, или прочесть хоть *Консулъство и Имперію* Тьера?

Г. Стасюлевичъ говоритъ: „Кто прочелъ Тацита, Егингарда, Фроассара, тотъ лучше знаетъ исторію и болѣе исторически образованъ нежели тотъ, кто усвоилъ себѣ цѣлое историческое руководство.“ Можно ли для доказательства своего мнѣнія позволять себѣ такія скачки мысли, въ которыхъ не соблюдены самыя простыя законы логики? Что если бы какой-нибудь математикъ сказалъ: кто умѣетъ вычислять съ логарифмами, тотъ лучше математически образованъ чѣмъ тотъ, кто прошелъ таблицу умноженія—и захотѣлъ бы изъ этого вывести, что въ школахъ нужно начинать учить съ логарифмовъ, а не съ таблицы умноженія? Но вѣдь ни одинъ математикъ никогда этого не скажетъ. Еслибы г. Стасюлевичъ сказалъ: всякій кто усвоилъ себѣ цѣлое историческое руководство и потомъ прочелъ Тацита, Егингарда, Фроассара болѣе исторически образованъ чѣмъ тотъ, кто только усвоилъ себѣ историческое руководство, всѣ были бы согласны съ нимъ. Но, безъ усвоенія историческаго руководства, чтеніе Егингарда и Фроассара совершенно бесполезно, а пониманіе Тацита невозможно.

До сихъ поръ читатель могъ думать, что г. Стасюлевичъ предлагаетъ замѣнить учебники чтеніемъ памятниковъ, для того чтобы способствовать лучшему знанію исторіи. Можетъ-быть г. Стасюлевичъ и имѣлъ сначала эту мысль, но незамѣтно онъ увлекся до того, что средство сдѣлалось для него цѣлью. На стр. X онъ прямо говоритъ: „не отпечатываніе въ памяти учащагося важнѣйшихъ событій исторіи, но прочтеніе важнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ человеческой мысли—вотъ что скорѣе должно составить задачу

исторического обучения. Скажу короче: при существующемъ вынѣ формальномъ преподаваніи исторіи, оно проходитъ даромъ для главной цѣли образованія, а именно для *историческаго* развитія мысли... обучающійся на школьной скамьѣ долженъ черпать по своимъ силамъ, но изъ того же источника, къ которому онъ обратится въ жизни не разъ, то-есть къ историческому памятнику.“

До чего можно договориться, если дать расписаться перу и не слѣдить за нимъ мыслию! *Прочестъ важнѣйшіе литературные памятники человеческой мысли*—вотъ задача историческаго обучения. То-есть въ школѣ не нужно учиться исторіи, а читать діалоги Платона, сочиненія Макиавели, драмы Шекспира или Космосъ Гумбольдта. Но вѣдь одно другому не мѣшаетъ; для всего есть свое время. Если же г. Стасюлевичъ подъ важнѣйшими литературными памятниками разумѣетъ сочиненія историковъ, то всякій ему скажетъ, что онъ смѣшиваетъ средство съ цѣлью; что сочиненія историковъ читаютъ, чтобы знать исторію; что это чтеніе можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, доставить художественное наслажденіе, но все-таки это уже второстепенное достоинство и не главная цѣль этихъ сочиненій.

И потомъ, кто изъ тысячъ учениковъ, учившихся въ школѣ исторіи, имѣетъ въ жизни столько досуга и охоты чтобы *обратиться не разъ* къ историческимъ памятникамъ? Конечно, меньшая часть. Наконецъ, что это за *историческая мысль*? Что это за диковинка? Къ чему придумывать слова, за которыми не кроется ничего?

Мы сейчасъ думали, что по мнѣнію г. Стасюлевича, преподаваніе исторіи должно состоять въ чтеніи важнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ человеческой мысли. Мы ошиблись. На стр. XII, г. Стасюлевичъ нашелъ для преподаванія исторіи, болѣе высокую цѣль: развитіе критической способности человека. Это чрезвычайно просто. „Очень часто, замѣчаетъ г. Стасюлевичъ, два человека говорятъ объ одномъ и томъ же событіи совершенно различно; по неволѣ, при такихъ условіяхъ познанія прошедшаго, каждый начинаетъ относиться критически къ познаваемому предмету.“ Г. Стасюлевичъ оправдывается противъ того, что будто бы онъ предлагаетъ занять учащихся при первомъ преподаваніи исторіи, вышней критикой. „Я не могъ бы, говорить онъ, слѣдовать

болѣе грубой ошибки, пресѣдая подобную цѣль; но я только думаю, что приемы познанія не должны такъ существенно различаться для взрослого человѣка и для молодого, чтобы допустить правильность (sic) для одного и одну механику для другого.“ Затѣмъ слѣдуетъ апологія критики.

„Критика не есть выдумка одного какого-нибудь ученаго,—она неотъемлемый цвѣтъ нашего познанія. Потому должно опасаться пренебрегать развитіемъ этого драгоценнаго дара, даже и подъ тѣмъ предлогомъ, что критика дѣлаетъ человѣка требовательнымъ, притязательнымъ. Человѣкъ безъ критики, правда, непритязателенъ, но и куда негоденъ, имъ не можетъ воспользоваться мой противникъ, но имъ не могу воспользоваться и я самъ. Скорѣе отсутствіе въ школѣ, а черезъ нее и въ общественной жизни, критическаго направленія можетъ быть причиною легковѣрія, склонности увлекаться первую попавшуюся теоріей, и наоборотъ, критическое направленіе ума служить вѣрнымъ ручательствомъ того, что убѣжденія, обращающіяся въ обществѣ, проверены, испытаны, признаны, и потому стойки и невыблемы... Итакъ, историческая наука и на школьной скамьѣ должна быть не празднымъ упражненіемъ памяти, но средствомъ образовывать въ человѣкѣ ту главную силу, которая дастъ ему возможность быть въ послѣдствіи не равнодушнымъ зрителемъ или игрушкой случайно набѣжавшихъ мыслей, но твердымъ сознательнымъ дѣятелемъ, который въ изученіи прошедшаго нашель средства здраво судить настоящее и который можетъ сказать, что опытъ вѣковъ прошелъ для него не совсѣмъ даромъ.“

Какое приткое перо у г. Стасюлевича: началъ говорить о томъ, что два очевидца объ одномъ событіи бываютъ различнаго мнѣнія, и договорился незамѣтно до легковѣрія, до невыблемыхъ убѣжденій, до опыта вѣковъ! Но возвратимся къ исторической критикѣ. Какое примѣненіе должна она имѣть въ школьномъ преподаваніи? Здѣсь возникаетъ старый вопросъ, отчего человѣкъ развивается: отъ знанія или отъ размышленія. Отъ того и отъ другаго. Но что должно предшествовать? Конечно, знаніе, потому что безъ него и размышлять не объ чемъ. Въ исторіи есть факты достовѣрные и недостовѣрные. Что Петръ Великій построилъ Петербургъ—это фактъ достовѣрный, его нечего критиковать. Но что Ромулъ основалъ Римъ, а Вильгельмъ Телль стрѣлялъ въ яблоко на головѣ своего сына,—это факты не достовѣрные, и хорошій учитель обратитъ на это вниманіе

своихъ учениковъ. Это очень просто. Сложивъ дѣло, когда вопросъ идетъ о заслугахъ какого-нибудь историческаго дѣятеля, о вредномъ или полезномъ вліяніи даннаго событія. И здѣсь въ наукѣ устанавливается опредѣленное мнѣніе, которое проникаетъ и въ школу; это мнѣніе можетъ видоизмѣниться со временемъ. Такъ, напримѣръ, Цицерона считали прежде великимъ государственнымъ человѣкомъ; въ послѣднее время это мнѣніе измѣнилось. Надъ крестовыми походами въ прошломъ столѣтіи сѣмлялись, въ началѣ нынѣшняго ими восторгались, теперь о нихъ судятъ хладнокровнѣе. Всѣ эти взгляды опредѣляются наукой и общественнымъ мнѣніемъ, а не критикой на школьной скамьѣ. Ученики обыкновенно принимаютъ мнѣніе учителя, даже если оно ложно. Учитель, если онъ не занимался самостоятельно, заимствовалъ свои взгляды на лекціяхъ у профессора, или въ хорошемъ учебникѣ; а профессоръ, если онъ не занимался самостоятельно, почерпнулъ свои взгляды у другаго профессора, или также въ хорошемъ учебникѣ. Такъ всегда было и будетъ. Учителя въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть исследователями въ исторической наукѣ, а ученики на школьной скамьѣ—никогда.

Г. Стасюлевичъ говоритъ о какихъ-то провѣренныхъ, испытанныхъ и признанныхъ убѣжденіяхъ, которыхъ мы достигаемъ посредствомъ критическаго направленія въ школьномъ преподаваніи исторіи. Мы учимся исторіи не для того чтобъ имѣть убѣжденія, а для того чтобы знать прошедшую судьбу нашего отечества и рода человѣческаго. Можно имѣть убѣжденія, не зная исторіи, и можно знать исторію и не имѣть убѣжденій. Конечно, лучше всего знать исторію и имѣть убѣжденія; поэтому-то и учатся въ школѣ исторіи и другимъ наукамъ, а потомъ уже являются убѣжденія, какъ результатъ науки и жизненнаго опыта.

Что собственно разумѣть г. Стасюлевичъ подъ критическимъ направленіемъ въ школѣ и особенно въ преподаваніи исторіи? Учитель долженъ стараться, чтобъ его ученики не только знали фактъ, но и понимали его. Недостаточно знать, что Лютеръ произвелъ реформацію. Нужно знать въ чемъ состояла реформація; недостаточно знать, что Цезарь произвелъ переворотъ въ римской республикѣ, и что Яковъ II былъ изгнанъ изъ Англіи; нужно знать, что измѣнилось въ Римѣ вслѣдствіе переворота Цезаря, и чѣмъ отличалось

политическое состояніе Англіи послѣ изгнанія Стюартовъ отъ предшествовавшей эпохи. Тутъ вездѣ идетъ рѣчь о знаніи, а не объ убѣжденіяхъ. Если г. Стасюлевичъ подѣ критическимъ направленіемъ разумѣлъ разумное преподаваніе, то не нужно было употреблять такое громкое слово. Хорошіе учителя всегда старались, по возможности и по своимъ силамъ, достигать разумаго преподаванія, но никогда не называли этого критическимъ направленіемъ, и никогда не ставили его въ уровень съ критическимъ направленіемъ въ общественной жизни.

Г. Стасюлевичъ говоритъ, что критика есть сужденіе, а историческое преподаваніе должно быть средствомъ образовывать въ человѣкѣ эту главную силу (стр. XII), т.-е. силу сужденія. Но спрашивается, въ данномъ случаѣ, кого судить и объ чемъ судить? Объ историческихъ дѣятеляхъ и историческихъ событіяхъ? Въ родѣ ли того, напримѣръ, что Цезарь былъ великій человѣкъ, а Брутъ негодяй, или наоборотъ? реформація полезное событіе или вредное, смотря съ точки зрѣнія учителя? Или подвергать сомнѣнію достовѣрность историческихъ событій? Говорить ли дѣтямъ послѣ каждаго историческаго урока: „Не слишкомъ вѣрьте тому что я сегодня сказалъ; все это можетъ оказаться завтра ложью; вѣрьте только тому, съ чѣмъ согласенъ вашъ собственный умъ.“ Въ извѣстномъ возрастѣ человѣкъ только принимаетъ чужія мнѣнія, и если ему сказать, что все то чему его учатъ можетъ быть ложью, то онъ перестанетъ учиться и все будетъ считать за ложь. Но г. Стасюлевичъ не допускаетъ различія между возрастaми, онъ прямо говоритъ: „Кто разсуждаетъ иначе, тотъ смотритъ на школьный возрастъ какъ на какую-то аномалію, ошибку природы, которая вмѣсто того чтобы рождать человѣка совсѣмъ готовымъ и притомъ похожимъ на насъ дѣлаетъ его сначала молодымъ, а потомъ мало-по-малу приводитъ его въ нормальное состояніе.“ Не знаемъ, какимъ родился г. Стасюлевичъ, но сколько мы ни видали дѣтей, они именно всѣ находились въ нормальномъ состояніи, т.-е. были не готовы, сначала молоды, а потомъ мало-по-малу стали переходить на взрослыхъ.

Книга г. Стасюлевича очень хорошая и будетъ полезна для преподаванія. Она гораздо лучше своего предисловія. Г. Стасюлевичу хотѣлось доказать, что его книга соотвѣт-

отвѣтъ настоящей потребности въ русской педагогикѣ; но онъ не хотѣлъ повторять давно признанныхъ истинъ и не желалъ притомъ высказать ихъ на обыкновенномъ простомъ языкѣ. Онъ сталъ на ходули и написалъ такое странное предисловіе.

О преподаваніи исторіи въ настоящее время нельзя сказать ничего, что не было бы уже высказано. Это преподаваніе не должно состоять въ заучиваніи именъ и чиселъ, а въ пониманіи историческихъ событій. Учебники должны соответствовать возрасту и потребности учащихся. Для маленькихъ дѣтей и для школъ, гдѣ объемъ преподаванія ограниченъ, не слѣдуетъ сокращать большіе учебники такимъ образомъ, чтобы выбросить все живое, и оставить одинъ реестръ историческихъ именъ. Нужно, напротивъ, останавливаться только на крупныхъ явленіяхъ, и не заботиться объ томъ, чтобы нить царскихъ именъ и династій была доведена отъ Менеса египетскаго до нашего времени. Слѣдуетъ не ограничиваться однимъ преподаваніемъ въ классѣ по учебнику; нужно читать съ учениками тѣ историческіе памятники, которые доступны ихъ возрасту. Чѣмъ болѣе увеличиваются силы учениковъ, тѣмъ болѣе ихъ нужно заставлять читать дома, и знакомиться съ историческою литературой. А для этого необходимы историческіе сборники, которые въ значительной мѣрѣ облегчаютъ это дѣло. Г. Стасюлевичъ составилъ историческій сборникъ на русскомъ языкѣ, и за это ему, конечно, всякій скажетъ большое спасибо.

Но къ чему тутъ говорить о новомъ, небываломъ методѣ, объ умышленной доктринѣ и очевидной лжи, накопленныхъ будто бы въ учебникахъ? Зрѣлость человѣческой мысли увеличивается съ дальнѣйшимъ развитіемъ человѣчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и измѣняется взглядъ на его прошедшее, то-есть на исторію. Когда человѣкъ взрослый напоминаетъ событія своего дѣтства, онъ иногда лучше понимаетъ эти событія, свои собственныя побужденія и поступки другихъ лицъ, чѣмъ тогда, когда переживалъ эти событія. Въ несравненно большихъ размѣрахъ повторяется это явленіе съ цѣлымъ человѣчествомъ. Поэтому наши взгляды на прошедшее, на событія и лица постоянно видоизмѣняются. Исторія подвижная наука; она слѣдитъ за всѣми изгибами и перемѣнами, въ которыхъ проявляется жизнь человѣчества. Тутъ нечего паять и толковать объ умышленной лжи. Нужно только

стараться, чтобъ учителя и учебники постоянно соответствовали тому уровню, на которомъ стоитъ историческая наука въ известную эпоху.

Теперь обратимся къ самой книгѣ г. Стасюлевича. Мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно системы, которою руководствовался переводчикъ при выборѣ отрывковъ, а потомъ и насчетъ самыхъ переводовъ. Не скроемъ нашего удивленія по поводу того что г. Стасюлевичъ съ такой увѣренностью говорить о новомъ реальномъ методѣ, который долженъ начаться съ появленіемъ его хрестоматіи и умаляетъ о томъ, что на другихъ европейскихъ языкахъ давно уже существуютъ подобныя сборники.

Если онъ этого не зналъ, то „на вѣтъ и суда вѣтъ.“ Но намъ кажется, что онъ зналъ эти сборники; по крайней мѣрѣ тотъ, который былъ изданъ Раумеромъ еще въ 1812 году, подъ заглавіемъ: *Handbuch merkwürdiger Stellen aus den lateinischen Geschichtsschreibern des Mittelalters, herausg. v. Raumer*. Сборникъ Раумера обнимаетъ время отъ паденія Римской имперіи до XIII столѣтія. Первый томъ сборника г. Стасюлевича обнимаетъ только время до Карла Великаго, но тѣмъ не менѣе очень много отрывковъ кажутся намъ заимствованными изъ книги Раумера. Отрывки, взятые г. Стасюлевичемъ изъ Иордана и Павла Діакона, соответствуютъ, по содержанію, отрывкамъ, помѣщеннымъ у Раумера, но только они длиннѣе. За то отрывки изъ Беды Преподобнаго, изъ Отлона, изъ Луки и изъ Адона начинаются и оканчиваются у Раумера и у г. Стасюлевича одними и тѣми же словами. Во всякомъ случаѣ, странное совпаденіе. Мы не можемъ не указать на скромность, съ которою Раумеръ мотивируетъ изданіе своего сборника: „Справедливо, говоритъ онъ,—выставили такое мнѣніе, что чтеніе источниковъ приводитъ къ болѣе живому и истинному пониманію исторіи чѣмъ чтеніе книгъ, написанныхъ по этимъ источникамъ.“ Но онъ не скрываетъ отъ своихъ читателей, что чтеніе такихъ отрывковъ влечетъ за собой много неудобствъ: „Не много, говоритъ онъ,—такихъ памятниковъ, которые изображаютъ большія эпохи въ непрерывномъ разказѣ, и безчисленныя отрывочныя извѣстія, разсѣяныя въ источникахъ менѣе важныхъ, получаютъ тогда только смыслъ и значеніе, когда за принадлежнымъ собираніемъ ихъ слѣдуетъ разумное сопоставленіе и размѣщеніе.“

Если Раумеръ издалъ хрестоматію отрывковъ, взятыхъ изъ

средневѣковыхъ писателей, то въ прошломъ году вышла другая хрестоматія, Пюца, на нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ исторія среднихъ вѣковъ представлена въ отрывкахъ, взятыхъ изъ сочиненій новѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ, писавшихъ о томъ времени. Этимъ сборникомъ г. Стасюлевичъ, очевидно, не пользовался, но къ своему вреду. У него нѣтъ ни одного отрывка, взятаго у Пюца, и нѣтъ также ни одного отрывка изъ тѣхъ писателей, которыми пользовался Пюцъ. Это, намъ кажется, главный недостатокъ книги г. Стасюлевича. Его сборникъ богатъ отрывками изъ средневѣковыхъ писателей; въ перемежку съ ними идутъ отрывки изъ французскихъ историковъ: Мишле, Шатобриана, Ам. Тьерри, Форіэля, Монталамбера, Дози, Ренана, Авг. Тьерри и Гизо; два отрывка изъ англійскихъ историковъ — Гиббона и Маколея и одинъ отрывокъ изъ книги „Судьбы Италіи“ П. Н. Кудрявцева. Но нѣтъ ни одной строчки изъ нѣмецкой исторической литературы. Этотъ недостатокъ очень чувствителенъ самъ по себѣ; для древнѣйшей исторіи Германіи, напримѣръ, мы находимъ только отрывки изъ лѣтописцевъ и изъ Ам. Тьерри. Но кромѣ того, этотъ недостатокъ чувствителенъ еще потому, что ученики не познакомятся ни съ однимъ нѣмецкимъ историкомъ и будутъ приучены изучать исторію Германіи по французскимъ книгамъ. Не худо было бы перевести изъ Пюца хоть нѣсколько отрывковъ.

Мы находимъ также, что изъ русской литературы помещено у г. Стасюлевича слышкомъ мало отрывковъ. Отчего нѣтъ статьи Грановскаго о родовомъ бытѣ Германцевъ? Это было бы прекрасное объясненіе къ Тациту и было бы несравненно полезнѣе, чѣмъ отрывки изъ Шатобриана и Монталамбера. Отрывки изъ сочиненій Грановскаго, по нашему мнѣнію, въ подобной хрестоматіи, положительно нужнѣе чѣмъ изъ Форіэля и Тьерри. Ибо отрывки не могутъ дать полнаго понятія о писателѣ, а должны преимущественно служить къ тому чтобы возбудить желаніе познакомиться съ нимъ ближе. Форіэля и Тьерри успѣютъ прочесть очень не многіе, а сочиненія Грановскаго доступны и понятны большому кругу читателей, слѣдовательно, на нихъ и нужно обратить вниманіе читающей молодежи. Г. Стасюлевичъ имѣлъ, можетъ-быть, намѣреніе помѣстить отрывокъ изъ Грановскаго въ слѣдующемъ томѣ. Но отчего нѣтъ отрывка изъ сочиненія г. Ешевскаго объ Сидоніи Аполлинаріи? Въ

сборникъ помѣщено восемь писемъ изъ Аполлинарія; къ нимъ было бы очень кстати присовокупить нѣсколько страницъ изъ сочиненія г. Ешевскаго объ эпохѣ этого писателя.

Вообще можно сказать, что г. Стасюлевичъ обошелся слишкомъ безцеремонно съ русскою историческою литературой. На стр. XXVI онъ говоритъ: „Мы не имѣемъ ни одного самостоятельнаго труда съ историографическимъ значеніемъ.“ Отчего же г. Стасюлевичъ не назвалъ сочиненія харьковскаго профессора г. Петрова? Это очень обширное сочиненіе (около 300 стр.) и даетъ очень хорошее понятіе объ исторической наукѣ въ Германіи, Франціи и Англіи съ прошлаго столѣтія по 1860 годъ. Книга г. Петрова можетъ быть чрезвычайно полезна для всѣхъ кто захочетъ познакомиться съ историческою литературой Запада.

Итакъ г. Стасюлевичъ былъ скупъ на отрывки изъ русскихъ историковъ, ни одной строчки не помѣстилъ изъ нѣмецкихъ (я не говорю о философскомъ введеніи, гдѣ есть два отрывка изъ Гердера и Гумбольдта), но за то щедрою рукой расточаетъ онъ сокровища французской литературы. Впрочемъ, выборъ не вездѣ удаченъ. Мы укажемъ на одинъ примѣръ. Въ концѣ книги переведено двѣ страницы изъ сочиненія Шатобриана—*Analyse raisonnée de l'histoire de France*. Г. Стасюлевичъ говоритъ въ примѣчаніи: „Шатобрианъ оказываетъ услугу наукѣ не микроскопическимъ изслѣдованіемъ памятниконъ и анализомъ ихъ по буквамъ, но проникательностью возрѣнія и свѣжестью смысла, которая отразилась на посаждующихъ поколѣніяхъ.“ Посмотримъ, на сколько вышеупомянутый отрывокъ оправдываетъ такое мнѣніе г. Стасюлевича. Шатобрианъ говоритъ о происхожденіи власти палатнаго мера. Онъ признаетъ два источника для ея происхожденія—римскій и германскій. Въ Римской имперіи, говоритъ онъ,—палатнымъ меромъ можетъ считаться такъ-называемый *magister officiorum*. Со стороны же франкского происхожденія, палатный меръ былъ именно тѣмъ герцогомъ—dux или военнымъ предводителемъ, избраніе котораго зависѣло насколько отъ короля, настолько и отъ дружины. Для доказательства Шатобрианъ ссылается на извѣстное мѣсто изъ *Германіи* Тацита. *Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*. Считаая вопросъ рѣшеннымъ, Шатобрианъ начинаетъ дѣлать свои заключенія, что палатные меры нисколько не были мятежниками; что они имѣли право одержать верхъ, потому что ихъ

власть происходила не отъ короля, а отъ народа. „Не было бы, говорить Шатобрианъ, — потеряно столько времени на чтенія и изысканія съ цѣлю осудить или оправдать узурпацію палатныхъ меровъ; не было бы столько пущено въ ходъ глубокихъ соображеній объ опасностяхъ должности берущей перевѣсъ, еслибъ обратили все вниманіе на двойственное происхожденіе званія палатнаго мера.“ Все это Шатобрианъ вывелъ изъ одного непонятаго имъ мѣста у Тацита. „Германцы руководствуются благородствомъ происхожденія при избраніи королей, доблестью при избраніи военныхъ предводителей—*duces*, говоритъ Тацитъ.“ Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что у одного и того же народа, въ одно и то же время былъ и король, и подвластный ему *dux*—герцогъ, и что король завѣдывалъ гражданскими, а *dux* военными дѣлами? Тацитъ различаетъ между германскими племенами *gentes*, *quae regnantur*, то-есть которыя управляются королями, и такими, у которыхъ распоряжаются только старѣйшины. Въ случаѣ войны, послѣдніе избирали военного начальника, — *dux*, который замѣнялъ имъ короля. Но и такія племена, у которыхъ были короли, въ случаѣ большой опасности соединялись въ одно цѣлое и избирали одного главнаго вождя. Это-то и есть *dux ex virtute*. Такимъ герцогомъ былъ Ариовистъ у Сuevoвъ, Арминій у Херусковъ. Аммианъ Марцелинъ высчитываетъ сотни царьковъ—*reguli*, которые во время войны повиновались одному главному вождю. Въ этомъ случаѣ *dux* имѣетъ даже болѣе значенія чѣмъ *rex* или *regulus*. Такимъ образомъ *dux* Тацита не есть лицо подвластное королю, но тотъ же король, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ обязанъ своимъ саномъ не родовитости своей, а доблести.

Извѣстно, что всѣ высокіе чины въ феодальныхъ государствахъ образовались изъ придворныхъ должностей—маршалъ, сенешаль, коннетабль и майордомъ. Когда Клодвигъ основываетъ Франкское государство, у него нѣтъ майордома или эта должность такъ незначительна, что объ ней и не упоминается. Клодвигъ въ одномъ лицѣ и *rex* и *dux*. Но мало-по-малу майордомы, начальники дружины, стали приобрѣтать власть, когда короли воинственной націи перестали быть воинственными. Подобное явленіе мы часто встрѣчаемъ въ исторіи: въ Римской имперіи, въ халифатѣ Багдадскомъ. Въ позднѣйшей Франціи коннетабль получаетъ почти то же значеніе, какое имѣлъ древній майордомъ. Что французскіе

майордомы иногда избирались аристократами (leudes) это ничего не доказываетъ. Когда во Франкскомъ государствѣ усилилась поземельная аристократія, она старалась привести важную должность майордома въ зависимость отъ себя, и это ей иногда удавалось.

Вовсе не напрасно потеряно столько времени на чтенія и изысканія о майордомахъ. Напротивъ, жаль, что Шатобрианъ, а потомъ и г. Стасюлевичь не потеряли еще часокъ на внимательное прочтеніе Тацита. Г. Стасюлевичь помѣстилъ въ своемъ сборникѣ отрывокъ изъ Шатобриана безъ всякихъ оговорокъ, слѣдовательно онъ раздѣляетъ его мнѣніе. Гдѣ же тутъ та историческая критика въ почтенномъ профессорѣ, которую онъ такъ хлопочетъ ввести на школьныхъ скамьяхъ?

Что касается до самыхъ переводовъ, то нужно сказать, что языкъ ихъ довольно хорошъ и понятенъ. Книга читается легко, и это большое достоинство, особенно для ученой книги. Но если всмотрѣться въ переводы и сравнить ихъ съ подлинникомъ, то хорошее мнѣніе о книгѣ должно значительно измѣниться. Нѣкоторые отрывки переведены чрезвычайно небрежно; очень часто искаженъ смыслъ подлинника, а иногда встрѣчаются непростительныя ошибки. Такъ какъ нужно желать, чтобы сборникъ г. Стасюлевича видѣлъ нѣсколько изданій, и чтобы посядующія изданія были значительно исправлены, то мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности по этому предмету.

Начнемъ съ *Германіи* Тацита, потому что значеніе этого небольшого сочиненія особенно важно и требуетъ со стороны переводчика особенной тщательности. Каждая фраза, почти каждое слово этого памятника взвѣшены и оцѣнены изслѣдователями древне-германскаго быта, и иногда отъ вѣрнаго толкованія одного слова зависитъ взглядъ на ту или другую черту той эпохи. Г. Стасюлевичь помѣстилъ въ своемъ сборникѣ два отрывка изъ *Германіи* Тацита. На стр. 129—138 помѣщены главы 7—27, а на стр. 265—279, главы 1—6 и 28—46.

Начнемъ съ перваго отрывка. На первой же страницѣ (129) мы встрѣчаемъ большую неточность въ переводѣ. Тацитъ говоритъ, что князья и вожди не имѣли права подвергать Германцевъ тѣлеснымъ наказаніямъ: „только жрецамъ предоставлено было это право“ — nisi sacerdotibus permissum. Переводчикъ смѣшалъ слова nisi и sine и перевелъ такъ: князья

и вожди не имѣютъ права.... съчь безъ позволенія жрецовъ. Такимъ образомъ князья и вожди поставлены въ зависимость отъ жрецовъ, и у Германцевъ оказался неизвѣстный имъ теократическ.й элементъ. На слѣдующей страницѣ (130), переводчикъ говоритъ: „самое дѣйствительное обязательство для германскаго *гражданина* то, когда въ число заложниковъ требуютъ двѣиць изъ знатныхъ фамилій“, но Тацитъ говоритъ здѣсь вовсе не о *гражданахъ германскихъ* (cives), а о civitates. На той же страницѣ переводчикъ говоритъ: „Германцы обоготворяли Авранию и многихъ другихъ (т.-е. жещицъ), не изъ низкой лести, какъ то бываетъ у насъ, а какъ слѣдуетъ почитать богинь“. У Тацита — non adulatione, neque tamquam facerent deas. Итакъ, переводчикъ вставилъ совершенно произвольно фразу, „какъ то бываетъ у насъ,“ и кромѣ того далъ словамъ Тацита противоположный смыслъ. Г. Стасюлевичъ говоритъ въ примѣчаніяхъ къ своему переводу, что новѣйшее и лучшее изданіе Тацита сдѣлалъ Орелли; но изъ перевода г. Стасюлевича не видно, чтобъ онъ пользовался этимъ изданіемъ. Лучшія рукописи и лучшія изданія читаютъ neque tamquam facerent deas, только въ *Cod. Rom. Vatic. URB. 655* на поляхъ сдѣлано замѣчаніе: *ce* (corrige) *sed*, т.-е. читай *sed* вм. *neque*. Но эта рукопись исполнена такихъ произвольныхъ поправокъ, что ни одно порядочное изданіе Тацита не сообразуется съ ней. На слѣдующей страницѣ (131) *fremitus* (*equatum*) переведено словомъ *вздрагиваніе* вмѣсто *хрипъ*. Терминологія въ переводѣ г. Стасюлевича весьма слаба и неуставована. Такъ напримѣръ, слово *principes*, встрѣчающееся два раза въ одной фразѣ, переведено въ первый разъ словомъ *князья*, а во второй *старѣйшины*. Читатель имѣетъ право думать, что тутъ идетъ рѣчь о двухъ различныхъ званіяхъ. На той же страницѣ пропущены слова: *prout nobilitas*, и встрѣчается еще неточность. Въ переводѣ сказано, что Германцы на народныхъ собраніяхъ въ случаѣ согласія съ мнѣніемъ вождя потрясаютъ *оружіемъ*. У Тацита сказано *frameas concutiunt*. Извѣстно, какое огромное значеніе имѣло въ древне-германскомъ бытѣ копье — *framea*. Оно служило символомъ при всѣхъ почти юридическихъ сдѣлкахъ, при освобожденіи раба, при передачѣ вассалу леннаго владѣнія и т. п. Тацитъ не даромъ указалъ на значеніе копья на народныхъ собраніяхъ. Но на той же страницѣ встрѣчается болѣе грубая ошибка. У г. Стасюлевича сказано: „*лѣнтяевъ* (*ignavos*)

потопляютъ въ болотахъ“. Это бросаетъ совершенно новый свѣтъ на нравы древнихъ Германцевъ, но къ сожалѣнiю ложный. Германцы, какъ всѣ народы живущiе охотой и войной, были извѣстны своей лѣвнью; и самъ г. Стасюлевичъ перевелъ нѣсколько мѣстъ, (см. глава 15), гдѣ Тацитъ говоритъ о лѣвнѣ Германцевъ, и вдругъ тѣ же Германцы потопляютъ лѣвляевъ! У Тацита идетъ рѣчь о *трусахъ*, а не о лѣвляяхъ. На слѣдующей страницѣ (132) одно мѣсто совершенно искажено. У Тацита сказано: *centeni singulis (principibus) ex plebe comites, consilium simul et auctoritas adsunt*. Г. Стасюлевичъ перевелъ: „Каждому изъ князей дается еще 100 графовъ, избираемыхъ изъ простаго народа, которые составляютъ его совѣтъ и подкрѣпляютъ его власть.“ *Сто графовъ* избираются изъ простаго народа — это безсмыслица. Г. Стасюлевичъ переноситъ сословныя различiя, которыя образовались гораздо позднѣе въ древнѣйшiй бытъ Германцевъ. Слово *centeni comites* означаетъ старшiишииъ, которые творили судъ въ небольшихъ частяхъ общины — *centrichter* (сотники), названные такъ не потому что ихъ было сто, но потому что они распоряжались „сотней“. Еще до самаго поздняго времени, сотники или бургомистры въ прирейнскихъ деревняхъ назывались *Hunni* отъ *hunnert, hundred*. Если г. Стасюлевичъ не согласенъ съ этимъ толкованiемъ, то онъ долженъ былъ перевести буквально: *centeni comites* — „по сту дружинниковъ“, но никакъ не сто графовъ. На той же страницѣ сказано: „вождей дружинъ заискиваютъ посольствами и нерѣдко одно слово ихъ рѣшаетъ войну“. У Тацита сказано: *fama bella profligant*. На той же страницѣ слово *ingratus* переведено не вѣрно. Тацитъ говоритъ: *ingrata genti quies* т.-е. не нравится этому народу мирная жизнь; а г. Стасюлевичъ перевелъ „покой ничего имъ не приноситъ“.

На страницѣ 133: *neq. arare terram tam facile persuaseris, quam vocare hostem*, то-есть ихъ легче склонить къ войнѣ чѣмъ къ обработкѣ земли, переведено такъ: „ихъ не такъ легко убѣдить въ томъ, что лучше обрабатывать землю, чѣмъ наклепать враговъ“. Вѣдь тутъ идетъ рѣчь не объ убѣжденiи ихъ, а объ ихъ склонностяхъ. Въ началѣ 17-й главы, г. Стасюлевичъ перевелъ мѣсто: *cetera intecti totos dies juxta forum agunt* такъ: „иногда они проводятъ весь день совершенно нагѣе вокругъ очага“. Но грамматическiя и историческiя соображенiя требуютъ, чтобы это мѣсто было переведено такъ: „одежда

ихъ состоитъ изъ плаща (sagum); остальная часть тѣла (т.-е. непокрытая плащомъ) остается обнаженною и т. д.“ Тогда это мѣсто Тацита будетъ соответствовать словамъ Цезаря (B. G. VI, 22): *pellibus tegumentis utuntur, magna parte corporis nuda*. Правда г. Стасюлевичъ можетъ указать на другихъ, которые поняли это мѣсто, также какъ и онъ. Но Орелли, которому онъ такъ довѣряетъ, Дёдерлейнъ и лучшие комментаторы Тацита относятъ *setera* къ *intesti*. Впрочемъ это вопросъ спорный.

На той же страницѣ *data arma*, т.-е. оружіе, подаренное мужемъ женѣ и наоборотъ, во время свадьбы, переведено: „изготовленное оружіе“. Даже еслибы г. Стасюлевичъ читалъ *ragata arma*, то все же надо было бы перевести „подаренное оружіе“. Но *ragata* нельзя читать, потому что Тацитъ только что сказалъ предъ тѣмъ *ragatus equus*, и вышла бы тавтологія.

На страницѣ 135, г. Стасюлевичъ опять послѣдовалъ плохому изданію или плохому комментатору. Тацитъ говоритъ о непорочности германскихъ женщинъ, которыя не подвергаются соблазнамъ общественныхъ зрѣлищъ и пиршествъ (*convivia*). Затѣмъ онъ продолжаетъ: *litterarum secreta viri pariter ac feminae ignoant*. Ясно, что Тацитъ приводитъ отсутствіе пороковъ въ связь съ простотой быта и отсутствіемъ образованности; потомъ переходитъ къ мужчинамъ и говоритъ: мужчина также незнакомъ съ тайной грамотности какъ и женщина. Слово *secreta* очень хорошо выражаетъ взглядъ дикаго народа на грамотность. Еслибы Тацитъ говорилъ о перепискѣ между мужчинами и женщинами, онъ бы не употребилъ выраженія *pariter ac*. Вѣдь нельзя же сказать: „тайна переписки неизвѣстна мужчинамъ, равно какъ и женщинамъ“, если идетъ рѣчь о перепискѣ между обоими полами. Нельзя не улыбнуться, когда вспомнимъ, что древніе Германцы, по переводу г. Стасюлевича, проводятъ передъ очагомъ цѣлые дни совершенно *nagie*, и что такіе люди могли бы вести таинственную переписку съ своими женщинами не много лучше одѣтыми.

Переводчикъ можетъ, правда, въ этомъ случаѣ сослаться на мнѣніе нѣмецкихъ ученыхъ. Большая часть понимаютъ это мѣсто такъ, какъ г. Стасюлевичъ. Но г. Стасюлевичу должно быть извѣстно, что это происходитъ отъ патріотизма. Нѣмецкіе ученые не могутъ себѣ представить, чтобъ ихъ предки

когда-либо не умѣли писать. Только немногіе, напр. Герлахъ въ своемъ изданіи *Германіи* (Базель 1837 г.) и Горкель, имѣють довольно самообладанія, чтобы признать истину. Вотъ какія доказательства приводятъ въ пользу того мнѣнія, что Германцы во время Тацита умѣли писать. Ссылаются на *Анналы* Тацита, II, 63 и 88, гдѣ сказано: „Марбодъ писалъ Тиверію, и въ сенатѣ были читаны письма Адгандестрія“. Но эти письма были писаны по-латыни и вѣроятно Римлянами. Нужно ли доказывать, что Германцы во времена Тацита не писали писемъ и особенно тайныхъ, когда вся средневѣковая литература полна доказательствъ невѣжества Германцевъ, когда еще въ царствованіе императора Генриха VII (нач. XIV ст.) было слѣдующее происшествіе: императоръ далъ одному изъ своихъ приближенныхъ прочесть письмо; тотъ оскорбился и возразилъ императору: „я нѣмецкій дворянинъ“. На той же страницѣ (135) *ingenuus*,—свободный, переведено словомъ родословный; тамъ же слово *tamen* переведено *конечно*, что значительно измѣняетъ смыслъ. Тутъ же Тацитъ говоритъ, что дѣвушки у Германцевъ, подобно юношамъ, поздно вступаютъ въ бракъ, и продолжаетъ: *similis proceritas*, т.-е. оттого у дѣвушекъ та же свѣжесть юности, подобный же ростъ. Г. Стасюлевичъ перевелъ: „равно способные къ дѣторожденію“!

На слѣдующей страницѣ (136), мы встрѣчаемъ новую неточность, особенно важную, потому что переводъ представляетъ въ показанномъ видѣ одинъ древне-германскій обычай. Тацитъ говоритъ, что за убійство платится вира, заключающаяся въ известномъ количествѣ скота, и продолжаетъ: *recipit satisfactionem universa domus*, т.-е. вира дѣлится между родственникамъ убитаго. Что это было такъ, объ этомъ свидѣлствуютъ *Leges barbarorum*. Sal. T. 65. 1. *medietatem compositionis filii colligant, et aliam medietatem parentis, qui proximiores fuerint, tam de materna, quam de paterna generatione dividant*. Сюда же относятся *Liutpr. Leges* 2, 7. Этотъ обычай указываетъ на господство родового быта въ ту эпоху. Г. Стасюлевичъ на это не обратилъ никакого вниманія и перевелъ: „Убійство искупается цѣною.... и это удовлетворяетъ все семейство.“

На страницѣ 137, Тацитъ говоритъ, что господинъ, убившій въ гнѣвѣ раба, остается безнаказаннымъ. У г. Стасюлевича: „но убійца не остается безнаказаннымъ“. Еслибы не было здѣсь слова *но*, то можно бы подумать, что не вкрадось

по недосмотру. Но г. Стасюлевичъ прибавилъ слово *no*, и это доказываетъ, что тутъ виновать не типографщикъ.

На слѣдующей страницѣ (188) фраза: *nes contendunt... ut prata seragent*, то-есть Германцы не отдѣляютъ луговъ (отъ полей), переведена просто: „не ставятъ заборовъ“.

Перейдемъ теперь къ второму отрывку. На стр. 265, Тацитъ говорить, что Рейнъ начинается *inaccesso ac praecipiti vertice*, у г. Стасюлевича сказано просто, „вытекающая изъ обрывистыхъ вершинъ“. На слѣдующей страницѣ (266) болѣе значительная ошибка. Тацитъ говорить, что Германцами назывались прежде одни Тунгры; но что Галлы, побѣжденные Тунграми, перенесли подъ вліяніемъ чувства страха названіе Германцевъ, на всѣхъ остальныхъ, *ut omnes a victore ob metum... vocarentur*. Это мѣсто можно тоже понять такъ, что Тунгры (*victor*) назвали своихъ соплеменниковъ Германцами для внушенія страха Галламъ. Такъ понимаетъ это мѣсто, напримѣръ, Орелли. Въ переводѣ же г. Стасюлевича это мѣсто не имѣетъ никакого смысла. Они, сказано тамъ, назвались Германцами для внушенія страха къ побѣдителямъ.

На страницѣ 268 (сар. 27), у Тацита сказано: теперь я поговорю о различіи въ учрежденіяхъ и обычаяхъ отдѣльных племенъ (*instituta ritusque quatenus differant*). Г. Стасюлевичъ перевелъ: „позаю постановленія и обычаи отдѣльных германскихъ народовъ, на сколько они отличаются другъ отъ друга *произношеніемъ*“. На слѣдующей страницѣ (269) мы находимъ ошибку не въ переводѣ, но въ объясненіяхъ г. Стасюлевича. Тацитъ говорить, что Гельветы жили нѣкогда между Рейномъ, Майномъ и Герцинскимъ лѣсомъ. Г. Стасюлевичъ поставилъ при словѣ Гельветы въ скобкахъ: (*и. Швейцарія*). Но развѣ пространство между Рейномъ, Майномъ и Герцинскимъ лѣсомъ—нынѣшняя Швейцарія? Тутъ же находимъ мы слѣдующую фразу: „Треверы и Нерви съ хвастовствомъ гордятся своимъ германскимъ происхожденіемъ, какъ бы желая такимъ родствомъ заставить забыть свое родство съ Галлами, по своей лѣности.“ Что это значитъ? У Тацита сказано очень ясно: *tamquam per hanc gloriam sanguinis a similitudine et inertia Gallorum separantur*, то-есть: какъ будто это славное происхожденіе избавляло ихъ отъ сходства съ Галлами и отъ слабости послѣднихъ.

На той же страницѣ мѣсто: *Ubii super ipsam Rheni ripam*

collocati, ut arcerent, non ut custodirentur, то-есть Убіи были поселены на берегу Рейна, не для того только чтобы находиться подъ присмотромъ, но для того чтобы они охраняли страну,—переведена такъ: „Убіи были поселены на самомъ берегу Рейна, но не съ тѣмъ только, чтобы сторожить, но и охранять страну.“ Переводчикъ читалъ вѣроятно custodirent. Странно то, что г. Стасюлевичъ не слѣдовалъ въ своемъ переводѣ тому изданію, которое онъ самъ называлъ лучшимъ и новѣйшимъ. На той же страницѣ (269) publicanus—откупщикъ податей, переведено словомъ: „сборщикъ податей“. На той же страницѣ вставлено произвольно въ переводъ слово: Германцы. У Тацита идетъ рѣчь о племени Маттиаковъ; г. Стасюлевичъ вставилъ слово Германцы, такъ что слова сказанныя о Маттиакахъ, перенесены на цѣлое германское племя. О Германцахъ, враждебныхъ Римлянамъ, вдругъ сказано, что они мысля и душою съ Римлянами!

На стр. 270 фраза (Chatti) fortunam inter dubia, virtutem inter certa numerant, то-есть: Катты не полагаются на счастье, а на свою доблесть,—переведено совершенно ошибочно слѣдующимъ образомъ: „Они умѣютъ въ дѣлѣ сомнительномъ положиться на случай, въ дѣлѣ невѣрномъ на доблесть.“ Тутъ же мѣсто: omne robur in pedite, quem super arma ferramentis quoque et coriis operant, переведено: „дѣхота несетъ на себѣ кромѣ аммуниціи и провіанта“, тогда какъ надо было сказать „кромѣ оружія—железные орудія (для земляныхъ работъ) и провіанта“. У голыхъ Германцевъ (по описанію г. Стасюлевича) вдругъ появилась даже *аммуниція!* Тутъ же пропущена фраза: obligatum virtuti foris habitum.

На стр. 273 болѣе важная ошибка. Тацитъ говоритъ, что для Римлянъ царство Арсакидовъ менѣе страшно, чѣмъ свобода Германцевъ (regno Arsacis acrior est Germanorum libertas). Г. Стасюлевичъ перевелъ: „для Германцевъ свобода дороже, чѣмъ для Парсаянъ престолъ Арсакидовъ“. Эта ошибка не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ.

На страницѣ 274, vinculo ligatus переведена „съ цѣпью на рукѣ“. Откуда переводчикъ узналъ эти подробности? Тутъ же другая вставка. Тацитъ, говоря о священной рошѣ, продолжаетъ: tamquam inde initium gentis. Г. Стасюлевичъ обобщилъ мысль и говоритъ: „этотъ обрядъ указываетъ на то, что люди вышли изъ земли.“

На страницѣ 276 вмѣсто: цѣпь горъ, по ту сторону (ultra)

которыхъ разселены многочисленныя народы, сказано: *по котормъ*. Тутъ же не переведено слово *feralis*. Немного ниже Тацитъ говоритъ, что суда Свѣиновъ имѣють съ обѣихъ сторонъ носъ, такъ что каждою стороною можно причалить. Г. Стасюлевичъ перевелъ: „суда ихъ всегда готовы дѣйствовать съ фронта“. На страницѣ 278 странная ошибка. У Тацита сказано, что янтарь горить въ огнѣ и застываетъ въ массу подобную вару или смолѣ, *ut in piscem resinamve*. Г. Стасюлевичъ перевелъ: „янтарь даетъ пламя, а потомъ застынетъ, подобно стъръ или резинѣ“.

Теперь перейдемъ къ отрывку, переведенному изъ Цезаря (*De B. G. I, 1—7; VI, 11—28*). Даже переводъ Цезаря, языкъ котораго такъ легокъ и понятенъ, полонъ неточностей. На первой же страницѣ (567), на примѣръ, вмѣсто того чтобы сказать: Аквитанія простирается отъ рѣки Гаронны до Пиреней и до той части океана.... сказано: „Аквитанія касается рѣки Гаронны близъ Пиренеевъ и той части океана...“ Кто по этому переводу можетъ составить себѣ точное понятіе оположеніи Аквитаніи? На слѣдующей страницѣ (568) сказано, что „Дивитіакъ былъ любимъ низшими *сословіями*“ (*a plebe*). Сколько же ихъ было этихъ низшихъ сословій? Извѣстно что въ Галліи было всего три сословія: друиды, благородные и простой народъ. На слѣдующей страницѣ (569), въ началѣ, пропущены слова *suo exercitu*. Затѣмъ слѣдуетъ важная ошибка. У Цезаря сказано: *Regno occupato per tres potentissimos ac firmissimos populos totius Galliae sese potiri posse sperant*. Г. Стасюлевичъ перевелъ эту легкую фразу такъ: „въ надеждѣ подчинить себѣ три самыя могущественныя и воинственныя націи изъ всей Галліи;“—вмѣсто: подчинить себѣ всю Галлію посредствомъ этихъ трехъ могущественнѣйшихъ народовъ. На той же страницѣ пропущено, что Орбеториксъ собралъ *своихъ должниковъ* для защиты передъ судомъ. Тутъ же сказано, что у Гельветовъ было до 40 селъ вмѣсто 400. И это не единственная типографская ошибка. Тутъ же говорится о Дивиціанѣ вмѣсто Дивиціака, о Тектосанахъ вмѣсто Тектосаговъ.

Цезарь говоритъ, что Германцы не охотно предаются земледѣлю, *agriculturae non student*. Г. Стасюлевичъ перевелъ „не занимаются земледѣліемъ“, хотя въ той же главѣ ему приходится говорить о земледѣліи Германцевъ. На той же стра-

ницѣ (575) фраза: *ejus rei multas adferunt causas*—то-есть: Германцы приводятъ въ объясненіе нѣсколько причинъ, — переведена: „это распоряженіе имѣть много цѣлей.“ Г. Стасюлевичъ приписываетъ взглядъ Германцевъ самому Цезарю. Тамъ же, *ne latos fines parare studeant*, переведено: „большія личныя владѣнія могутъ кончиться тѣмъ“... Нѣсколько далѣе пропущены слова *minuendae desidiae*. На страницѣ 576 болѣе грубая ошибка. Цезарь говоритъ, что когда въ народномъ собраніи одинъ изъ князей предлагаетъ предпринять извѣстный походъ, то тѣ, которые хотятъ идти съ нимъ, объявляютъ это, *qui sequi velint, profiteantur*. Г. Стасюлевичъ перевелъ: „тѣмъ пользуются всѣ, кто желаетъ слѣдовать“. Латинское *profiteri* вѣдь не французское *profiter*. Звукъ тѣ же, но значеніе не то. На той же страницѣ *latitudo 9 dierum iter expedito patet*,—переведено: „въ ширину на 9 дней *проходимой* дороги,“ вмѣсто: ширина равняется девятидневному пути пѣшехода, не обремененнаго тяжестью.

Съ Страбонемъ г. Стасюлевичъ еще безцеремоннѣе. Изъ него переведены два отрывка: I книги I главы 1—5 и I кв. IV гл. 1—6. На страницѣ 578 сказано: „Бельги и Кельты имѣютъ нѣкоторыя отличительныя черты.“ Пропущено „въ языкѣ.“ На слѣдующей страницѣ одно мѣсто совершенно искажено и лишено смысла. Страбонъ говоритъ, что Рона имѣетъ преимущество предъ другими рѣками Галліи, потому что принимаетъ въ себя много притоковъ, и впадаетъ въ Средиземное (наше) море, болѣе удобное чѣмъ Океанъ. Г. Стасюлевичъ перевелъ такъ: „Рона впадаетъ въ наше море, что впрочемъ болѣе удобно для жителей, ближайшихъ къ Океану нежели для насъ!“ Желательно было бы знать, какую мысль соединялъ переводчикъ съ этою фразой. Въ греческомъ подлинникѣ эта фраза чрезвычайно ясна. Я думаю, что переводчика сблизилъ латинскій переводъ Страбона, не совсѣмъ ясный. Тамъ сказано (изд. Мюллера и Дюбнера стр. 141, у Didot): *in nostrum mare exit, quod oceano majora nobis commoda praebet*.

Далѣе, описаніе границъ Галліи Нарбонской переведено не вѣрно. На той же страницѣ цифра разстояній между городами Галліи переведена ошибочно: 3 вмѣсто 63, 83 вмѣсто 53. Въ началѣ 5 главы (581) вмѣсто „образъ правленія Массалиотовъ“ сказано: „Республика Массалиотовъ управляется.“ Мы обратили вниманіе на это мѣсто, потому что оно подтверждаетъ вашу догадку, что переводъ Страбона сдѣланъ

съ латинскаго или французскаго, а не съ греческаго. Именно въ латинскомъ переводѣ сказано: *Respublica Massiliensium*, но въдъ латинская *respublica* не всегда соответствуетъ русскому слову республика. На той же страницѣ сказано: „никто не можетъ получить званіе тимуха, если его родъ не продолжался въ теченіе трехъ поколѣній.“ Какъ это понять? Въ текстѣ сказано: если его предки не принадлежали къ числу гражданъ (Массалии) въ теченіи трехъ поколѣній (*diā τριωνίας*). На той же страницѣ еще одна путаница. Страбонъ говоритъ, что Массалиоты построили города со стороны Испаніи для защиты противъ Испанцевъ; затѣмъ слѣдуетъ въ переводѣ г. Стасюлевича „а со стороны Ровы и Агаты, противъ варваровъ обитающихъ по этимъ рѣкамъ; со стороны же Тавроенція, Ольбіи, Антипола и Никеи противъ народа Салиевъ...“ Но Роя или Рода, Агата, Тавроенцій, Ольбія, Антиполь и Никея — это-то и суть города, построенные Массалиотами. Переводчикъ былъ вѣроятно приведенъ въ заблужденіе частицей *partim* въ латинскомъ переводѣ.

Но, вотъ, на слѣдующей страницѣ, невѣроятная оплошность. Страбонъ говоритъ, что Секстіѣ построилъ городъ, который онъ назвалъ по своему имени и по теплымъ водамъ, которыя тамъ находились: *Aquae Sextiae*. Г. Стасюлевичъ перевелъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: „Секстіѣ построилъ городъ для себя и для теплыхъ водъ.“ Ошибка произошла слѣдующимъ образомъ. Въ латинскомъ переводѣ сказано: *urbem sibi et aquis, quae ibi sunt, calidis*, затѣмъ слѣдуетъ вводное предложеніе и наконецъ *cognominem condidit*. Переводчикъ слова *cognominem* не замѣтилъ, а о смыслѣ не позаботился.

На той же страницѣ другая ошибка. Страбонъ говоритъ, что въ прежнее время Массалия очень процвѣтала вслѣдствіе разныхъ причинъ и особенно вслѣдствіе тѣснаго союза съ Римлянами; что отъ этого союза осталось много слѣдовъ, между прочимъ статуя Діаны, которую Римляне поставили на Авентинѣ въ подражаніе Діанѣ Массалиотовъ. Г. Стасюлевичъ перевелъ: „Въ древнія времена, когда Массалия процвѣтала въ особенности, граждане ея изъ дружбы къ Римлянамъ оказывали имъ большое вниманіе и на горѣ Авентинской, въ Римѣ, поставили храмъ той же формы, какую имѣло капище Діаны въ Массалии.“

Тамъ же Страбонъ говоритъ, что у Массалиотовъ еще остались слѣды прежней дѣятельности (*ἔθλου*), съ которою

они изготовляли воинскіе снаряды и все что относится къ мореплаванію. Г. Стасюлевичъ перевелъ: „видны у нихъ слѣды старинныхъ построекъ, въ особенности тѣхъ, которыя предназначались для машинъ и корабельнаго дѣла.“ Тамъ же слово *πολιτεία*, гражданская жизнь, переведено словомъ наука.

На стр. 583 въ переводѣ сказано: „Галлы воинственны, жестоки, но при всемъ томъ... незлобны. „Вѣдь это противорѣчіе. У Страбона сказано не жестоки, а храбры или мужественны (*Συμικτόν*). На той же страницѣ у г. Стасюлевича сказано: „по своему великодушію и круговой поруцѣ, Галлы приходятъ въ негодование...“ У Страбона просто: по своей прямотѣ и несдержанности.

На страницѣ 585, ² Страбонъ говоритъ, что свиньи у Галловъ остаются въ полѣ и превосходятъ свиней другихъ странъ ростомъ, силою и быстротою движеній, такъ что они опасны не только незнакомымъ людямъ, которые къ нимъ подходятъ, но и волкамъ. Г. Стасюлевичъ перевелъ: „бываютъ опасны какъ и волки для тѣхъ, которые не умѣютъ къ нимъ подходить“. Значитъ, чтобы волки были не опасны, нужно только умѣть къ нимъ подходить. Переводчикъ можетъ сослаться на Мюллера и на французскій переводъ: *qui n'ont pas coutume d'en approcher et ils sont aussi à craindre que les loups*. Но вѣдь классическихъ писателей нельзя переводить, руководствуясь однимъ только изданіемъ. Еслибы г. Стасюлевичъ посоветовался съ Гроскурдомъ, онъ нашелъ бы вѣрное объясненіе этого мѣста: вѣдь *κίβδύρος ἴσσι λύκῳ* не значитъ—опасны какъ и волки, но опасны волкамъ. На той же страницѣ вмѣсто *солониной*, напечатано *соломой*. На слѣдующей страницѣ пропущена фраза: Галлы думаютъ, что если размножается число друидовъ, то увеличится изобиліе страны.

На страницѣ 587 переводчикъ представилъ одинъ гальскій обычай въ совершенно превратномъ видѣ. Страбонъ говоритъ, что на одномъ островѣ Луары существуетъ слѣдующій обычай. Ежегодно снимаютъ крышу съ храма и въ тотъ же день возобновляютъ ее до заката солнца, причемъ каждая изъ жрицъ должна принести для этой цѣли ношу. Если же одна изъ нихъ уронитъ свою ношу, то прочія жрицы ее (то-есть жрицу) растерзываютъ (*δισπάζουσι*) и носятъ ея члены вокругъ храма съ крикомъ до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ ихъ изступленіе. Г. Стасюлевичъ перевелъ: „кто уронитъ тяжесть, удаляется изъ цества; неся такимъ образомъ ношу, онъ съ крикомъ

ходить около храма....“ Непонятно какъ произошла эта ошибка *διασπασθαι* не можетъ значить — удалять изъ общества и слово *ноша* по-гречески средняго рода, такъ что къ нему нельзя отнести мѣстоименіе, стоящее въ женскомъ родѣ.

Изъ сочиненія Сальвіана, *De gubernatione Dei*, переведены два отрывка. Впрочемъ, это не переводъ изъ Сальвіана, а варіаціи на тему Сальвіана. Переводчикъ поступалъ совершенно произвольно: иногда переводилъ, иногда перефразировалъ подлинникъ. То пропускалъ цѣлое предложеніе, то изъ двухъ словъ подлинника развивалъ цѣлый періодъ. Для доказательства нашихъ словъ сопоставимъ нѣсколько мѣстъ перевода съ подлинникомъ. На страницѣ 116 пропущено: *imminente jam admodum excidio civitatis*; — за то фраза: *quid primum hic accusandum est*, переведена два раза: съ чего начать упреку и что изъ всего этого можетъ вызвать первый упрекъ? *Quis enim hoc fieri posse credat, vel in securitate a senibus, vel in discrimine a pueris, vel unquam a Christianis*,— переведено: „можно ли подумать, что старцы были бы способны предаться той безнравственности во время мира, которую молодые люди могутъ позволить себѣ во время войны, и чего христіяне не должны никогда позволять?“ *Iacebant in conviviis*—переведено: въ вихрѣ распутства. Фраза: *principes civitatis cibo conferti, vinolentia dissoluti, clamoribus rabidi, bacchatione furiosi, nihil minus quam sensus sui, imo quia prope jugiter tales nihil magis quam sensus sui*—переведено просто: „кто не принялъ бы правителей этого города за безумныхъ?“ *Ne tunc quidem de conviviis surgerent*, переведено: „однажды начальники города рѣшились покинуть пирושку только тогда, когда.....“ *Et quid plura?* переведено такъ: „я сокращаю эту отвратительную картину, и чтобы заключить ее однимъ почеркомъ прибавлю...“ *Nemo urbem illam excidio suo perisse credat* переведено: „никто не повѣритъ, что этотъ городъ погибъ отъ опустошенія варваровъ“. *Peccator, qui meretur, ut pereat, providentia ab eo tollitur, ne periturus evadat*—вмѣсто: когда грѣшникъ достоинъ гибели, то отнимается у него благоразуміе, чтобъ онъ не избѣгнулъ гибели,—г. Стасюлевичъ перевелъ это мѣсто такъ, „когда беззаконія грѣшника достигаютъ извѣстнаго предѣла: то Провидѣніе предоставляетъ его самому себѣ, и онъ преданный такимъ образомъ на жертву своей чувственности, стремится къ своей гибели“. Здѣсь произошло опять недо-

разумѣніе въ родѣ того, какъ переводчикъ принялъ латинское *profiteri* за французское *profiter*. Въ этомъ случаѣ онъ слово *providentia* — благоразуміе, предусмотрительность, принялъ за *providentia* — Провидѣніе.

Вотъ еще болѣе любопытный переводъ. *Jacebant siquidem passim, quod ipse vidi atque sustinui utriusque sexus cadavera*, т. е. лежали кое-гдѣ трупы обнаженные, которые я самъ видѣлъ и перенесъ. У г. Стасюлевича переведено: „Я видѣлъ и не отказывалъ въ своей помощи тѣмъ, которые бѣдствовали; вездѣ валялись перемѣшанные трупы мужчинъ и женщинъ.“ Мы не станемъ продолжать наши выпуски. Все что мы привели находится на первыхъ трехъ страницахъ.

Отрывки переведенные изъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ мы не всѣ случаи, потому что не имѣли подъ рукой всѣхъ подлинниковъ. Вообще говоря, средневѣковые лѣтописцы переведены лучше чѣмъ классическіе писатели, хотя и тутъ попадаются странныя оплошности. Напримеръ, на страницѣ 364, Павелъ Діаконъ говоритъ, что король Генридовъ не могъ болѣе скрыть своего горя и воскликнулъ (*tandem dolor in vobis proripit*). Г. Стасюлевичъ перевелъ это мѣсто: „далъ волю своей болячкѣ и воскликнулъ“.

На страницѣ 371, разказывается интрига Розамунды съ убійцей Альбоина и произвольно вставлено въ разказъ слово: королева *est* *astax*. Тѣ, которые прочтутъ эту фразу въ связи съ цѣлымъ разказомъ, увидятъ, какъ она некстати. Тутъ же авторъ называетъ Розамунду *omni bestia crudelior*; у переводчика сказано: „эта неестественно свирѣпая женщина“. Смерть Альбоина разказывается такъ: Этотъ воинственнѣйшій и отважнѣйшій мужъ ничего не могъ сдѣлать противъ такого врага и погибъ *какъ послѣдній*. Въ подлинникѣ: *quasi unus de inermibus interfectus est* — погибъ какъ безоружный, потому что его мечъ былъ привязанъ къ кровати.

У Беды (стр. 709) сказано, что Св. Колумбалъ грозилъ королю Теодорику разрушеніемъ его королевства и гибелью его рода, если онъ нарушитъ монастырскій уставъ. Потомъ прибавлено: послѣдствія оправдали эти слова: *Quod postea rei probavit eventus*. Г. Стасюлевичъ перевелъ такъ: „потомъ оказалось, что король дѣйствительно имѣлъ такое намѣреніе“!

На страницѣ 392: *hortati sunt eum, ut librum beati Job, mystica interpretatione discuteret* переведено: „они убѣдили его написать истолкованіе *всего таинственнаго* въ книгѣ Іова“. Въ

отрывкѣ изъ испанскаго лѣтописца Луки (стр. 456) сказано: itaque Witiza datus est in gerrobium sensum, т.-е. Богъ помрачилъ умъ Витица, ибо онъ сталъ думать стѣны городовъ передъ нашествіемъ Мавровъ. Г. Стасюлевичъ перевелъ: „итакъ, Витица былъ посланъ какъ зло“. Но на страницѣ 344, самъ г. Стасюлевичъ перевелъ cadere in gerrobium sensum совершенно вѣрно — „впасть въ помѣшательство ума“.

Вообще можно замѣтить, что переводъ различныхъ отрывковъ не равнаго достоинства, какъ будто сборникъ составленъ не однимъ а нѣсколькими переводчиками. Нѣтъ въ немъ также единства въ орѳографіи, напримѣръ, буква *ch* въ собственныхъ именахъ, передается то буквою *ч*, то *к*.

На той же страницѣ фразу: rex Theodefredum privatam utroque frontis lumine miserabiliter palpitare fecit, т.-е. король подвергъ Теодефреда жестокимъ мученіямъ, ослѣпивъ его на оба глаза, г. Стасюлевичъ перевелъ: „лишивъ его зрѣнія, приказалъ позорно бить.“ Palpitare говорится о жертвѣ, которая находится въ предсмертныхъ мученіяхъ, напримѣръ agnus palpitat у Овидія, но никогда не значитъ *бить*. А miserabiliter не значитъ *позорно*, но достойно сожалѣнія.

На страницѣ 458, вставлены слова: „съ того времени“ (шестая строчка снизу) которыя искажаютъ смыслъ.

На страницѣ 344, въ отрывкѣ изъ Отлона сказано: ut claresceret, quanti esset meriti, cujus iidem fuerant libri... переведено: „чтобы разъяснилось, какъ достоинство этихъ книгъ, такъ и то, кому онѣ принадлежали“. Но вѣдь здѣсь идетъ рѣчь о достоинствѣ Болифація, а не объ его книгахъ.

Мы не станемъ слушать переводовъ, сдѣланныхъ съ французскаго. Здѣсь вѣрность и точность не такъ необходимы, особенно въ переводахъ изъ Шатобриана и Монталамбера. Нѣсколько болѣе риторики и многословія, прибавленныхъ переводчикомъ, здѣсь не составляютъ разчета и для исторической науки почти все равно, вѣрны ли эти переводы или нѣтъ. Но другое дѣло Гиббонъ. Тутъ уже нельзя допустить производа переводчика. Посмотримъ, какъ въ этомъ случаѣ поступилъ г. Стасюлевичъ.

Вопервыхъ мы находимъ, что часто отдѣльныя слова переведены невѣрно, напримѣръ *indeavoured*, старалась—переведено *условились* (стр. 198), *apprehension*, переведено *угрызенія совѣсти* (198), *already*—*однако* (202), *unhappy* въ смыслѣ несчастный, переведено *жалкій*; иногда два, три слова Гиббона

переданы цѣлою хриѣю, напимѣрь (стр. 115) undermined by slow decay — переведено: „въ то время какъ скрытые законы паденія государственныхъ организмовъ въ глубинѣ подрывали его устройство.“ Their (т.-е. христіанъ) love of action (стр. 187) переведено: „но стремленіе къ практической дѣятельности, къ которой располагаетъ насъ самая природа“. За то иногда пропускаются слова Гиббона, напимѣрь, на стр. 188, пропущено: with candour and impartiality. Иногда ошибки произошли оттого, что переводчикъ не свѣрилъ корректурныхъ листовъ съ подлинникомъ. Ошибки могли вкратиться при перепискѣ рукописи или во время набора, и были незамѣчены переводчикомъ, хотя ихъ можно легко замѣтить даже не случая русскаго перевода съ подлинникомъ. Такъ на страницѣ 191 сказано: „Католическіе прелаты восьмага вѣка незамѣтно стали замѣнять....“ Гиббонъ говоритъ въ этомъ мѣстѣ о духовенствѣ III столѣтія (prelates of the third century).

На страницѣ 190, сказано: „ахейскій союзъ іонійскихъ городовъ“. Такого союза конечно никогда быть не могло. Тутъ пропущено слово „или собранія, assemblies, іонійскихъ городовъ“. Иногда переводъ не вѣренъ, напимѣрь (стр. 188), Гиббонъ говоритъ: the want of discipline and human learning (рѣчь идетъ о духовенствѣ первыхъ двухъ вѣковъ), переведено: „недостатокъ дисциплины при неопытности въ умѣньи управлять“.

Гиббонъ говоритъ, что такъ-называемые пророки въ первыхъ христіанскихъ общинахъ употребляли во зло свой даръ и прерывали богослуженіе. Въ русскомъ переводѣ сказано: „ихъ *соображенія* часто тревожили службу“. Но здѣсь говорится о вдохновенной рѣчи пророковъ, а не о какихъ-то *соображеніяхъ*.

На страницѣ 199 говорится о канонахъ Анкирскаго и Эльвѣрскаго собраній, which are still extant, т.-е. которые дошли до нашего времени, сохранились. Г. Стасюлевичъ перевелъ: „постановленія, дѣйствующія и донынѣ“. Они не дѣйствуютъ теперь, потому что относятся къ христіанамъ, которые послѣ крещенія приносили жертву богамъ. Притомъ эти каноны противорѣчатъ другъ другу.

Далѣе, въ подлинникѣ сказано: the feasts of love, the *agapae*, as they were called, constituted a very pleasing part of the public worship. Г. Стасюлевичъ (стр. 197) перевелъ: „Существенную и блестящую часть богослуженія составляли трапезы

бѣдныхъ или *agapiti*, какъ ихъ называли тогда.“ Но вѣдь *agapiti* значать трапезы любви, какъ это и сказано у Гиббона, и въ нихъ участвовали все христіяне, а не одни бѣдные.

Кромѣ этихъ, есть еще цѣлый рядъ ошибокъ особеннаго рода. Переводчикъ нѣсколько разъ намѣренно искажаетъ подлинникъ, или вставляя отъ себя слова, или замѣняя слова Гиббона совершенно другими. Тутъ ужъ онъ не имѣетъ никакого оправданія. Можетъ-быть онъ былъ принужденъ это сдѣлать, хотя это и невѣроятно. Но даже и въ такомъ случаѣ онъ виновать. Лучше пропустить ту фразу, которую нельзя перевести, чѣмъ молча передѣлывать на свой ладъ подлинникъ, особенно, если эти измѣненія противорѣчатъ исторической истинѣ. . .

Гиббонъ говоритъ: „The ecclesiastical governors of the christians were taught to unite the wisdom of the serpent, with the innocence of the dove“, то-есть духовные правители христіянъ были наставляемы тому, чтобы соединять мудрость змія съ невинностію голубя. Вѣдь эти слова взяты изъ священнаго писанія и относятся ко всемъ христіянамъ. Несмотря на это г. Стасюлевичъ перевелъ это мѣсто такъ: „Духовные представители христіанской общины на западѣ понимали всю необходимость соединять“.... (стр. 187) Развѣ во II и въ III вѣкахъ существовала западная церковь? Въ другомъ мѣстѣ Гиббонъ говоритъ, что епископальное управленіе очень рано получило санкцію древности, и до сихъ поръ еще самыя могущественныя церкви, какъ на Востоку, такъ и на Западѣ, чтуть его (both of the east and of the west). Г. Стасюлевичъ пропустилъ на *Востокъ*. Но развѣ православная церковь не чтить епископальнаго управленія? Далѣе (стр. 192) Гиббонъ говоритъ, что епископы признавали надъ собою высшую власть синодовъ; переводчикъ вставилъ слово: „католическіе“. Развѣ въ III и IV вѣкахъ была церковь католическая, въ томъ смыслѣ, какой теперь имѣетъ это слово на русскомъ языкѣ? На стран. 194 сказано у Гиббона: „Тяжелая необходимость осудить память какого-нибудь папы или какого-нибудь святаго и мученика, стѣсняетъ католика...“ Г. Стасюлевичъ перевелъ „какого-нибудь папы или одного изъ его противниковъ“. Тутъ же Гиббонъ говоритъ, что изъ духовенства вышли самыя замѣчательныя, хотя не всегда самыя безукоризненныя, дѣятели новой исторіи. Русскій переводчикъ вставилъ въ „западной Европѣ“.

На той же страницѣ г. Стасюлевичъ замѣнилъ слова „епископъ и мученикъ“ словами „католическіе прелаты“.

Но справедливая Немезида отмстила г. Стасюлевичу за это передѣлываніе на свой ладъ и исправленіе Гиббона. На стр. 195 переводчикъ сдѣлалъ самую неудачную вставку. Гиббонъ разказываетъ о необыкновенной щедрости первоначальныхъ христіанъ, которая доходила иногда до того, что родители оставляли своихъ дѣтей нищими. Гиббонъ ссылается при этомъ на Пруденція, извѣстнаго христіанскаго поэта, и приводитъ въ примѣчаніи нѣсколько строкъ изъ его гимновъ. Г. Стасюлевичъ имѣлъ неосторожность вставить фразу „какъ замѣчали языческіе сатирики“, но въ то же время сдѣлать ссылку на Пруденція и перепечатать изъ Гиббона относящіяся сюда стихи. Такимъ образомъ г. Стасюлевичъ возвелъ невиннаго христіанскаго поэта въ языческіе сатирики. Такъ, по крайней мѣрѣ, имѣеть право заключить всякій читатель. Можетъ-быть, впрочемъ, г. Стасюлевичъ и зналъ, что Пруденцій не языческій сатирикъ; можетъ-быть онъ даже и читалъ гимны Пруденція и своею вставкой хотѣлъ доказать свое знакомство съ ними, такъ какъ Пруденцій въ этомъ мѣстѣ говорить не отъ себя, но влагаеть другому въ уста слова: *summa pietas creditur, nudare dulces liberos*. Но все-таки вставка очень неудачна. Пруденцій разказываетъ о смерти св. мученика Лаврентія. Судья бранитъ мученика и вычисляетъ всѣ упреки, которые язычники дѣлали христіанамъ. „Про васъ разказываютъ, говорить онъ, вотъ то-то и то-то, *fertur, proditum est* и т. д. Тутъ нѣтъ и рѣчи о языческихъ сатирикахъ, и эта вставка, еслибъ она даже и не давала права заподозривать знаніе г. Стасюлевича, во всякомъ случаѣ свидѣтельствуеъ о его небрежности.

Мы не желаемъ, однако, разстаться съ книгой г. Стасюлевича подъ впечатлѣніемъ многочисленныхъ ошибокъ, надѣланныхъ переводчикомъ, и потому въ заключеніе прибавимъ нѣсколько словъ о значеніи этой книги для преподаванія. Мы уже замѣтили, что выборъ статей не совсѣмъ удаченъ. Г. Стасюлевичъ далъ слишкомъ много мѣста риторическимъ писателямъ каковы Сидоній, Сальвианъ, Шатобрианъ и др. и совершенно упустилъ изъ виду дѣльныя сочиненія нѣмецкихъ ученыхъ. Притомъ отрывки изъ древнихъ и изъ новыхъ писателей слишкомъ перемѣшаны, и книга мало приспособлена

къ преподаванію. Тѣмъ не менѣе она принесетъ пользу русской педагогикѣ, особенно если г. Стасюлевичъ не остановится на первомъ томѣ и окончитъ свое предпріятіе. Но она можетъ имѣть значеніе только какъ пособіе при преподаваніи по учебнику. Замѣнить учебникъ она ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Ограничиться ею—значило бы воспитывать мальчиковъ-резонеровъ, безъ твердыхъ историческихъ познаній.

Извѣстный германскій историкъ и педагогъ Петеръ, авторъ отличной исторіи Рима, чрезвычайно удобной для преподаванія, и нѣсколькихъ критическихъ статей по поводу сочиненій Моисея, издалъ въ 1849 году книжку о преподаваніи исторіи въ гимназіяхъ. Онъ указалъ въ ней на необходимость ввести въ гимназіяхъ чтеніе историческихъ памятниковъ и составилъ обширный реестръ писателей и отрывковъ изъ писателей, которые, по его мнѣнію, слѣдовало бы прочесть. Но онъ не думаетъ этимъ ограничиться. Онъ составилъ въ то же время краткій обзоръ историческихъ именъ, событій и чиселъ, которыя нужно ученикамъ выучить по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ чтеніе. Нѣмецкія гимназіи не приняли этого метода и очень хорошо сдѣлали. Способности дѣтей не струны, на которыхъ можно играть по произволу, и сегодня дѣйствовать на память—вбить ученику въ голову десятка два именъ и чиселъ, которыя не имѣютъ смысла для него, а завтра подѣйствовать на фантазію—прочесть отрывокъ изъ Геродота. Нужно въ одно время дѣйствовать на всѣ способности: упражнять память, дѣйствовать на воображеніе и развивать умъ. Тогда эти способности будутъ поддерживать другъ друга.

Наконецъ, изучать исторію посредствомъ чтенія непосредственныхъ памятниковъ можно только относительно тѣхъ эпохъ, когда историческая жизнь была сосредоточена на одномъ мѣстѣ, когда одинъ писатель могъ охватить главные современныя явленія. Поэтому исторію Греціи можно изучать по Геродоту и Фукидиду, римскую—по Тациту, исторію Карла Великаго—по Егингарду. Но съ X вѣка, когда историческая жизнь шире разливается и перестаетъ сосредоточиваться въ одномъ центрѣ, нельзя уже указать ни на одного писателя, по которому бы можно было изучать всеобщую исторію. Съ этого времени изъ писателей можно узнать только исторію отдѣльныхъ государствъ. Чѣмъ дальше

идеть исторію, тѣмъ эта трудность болѣе увеличивается. Можно ли, напримѣръ, изучать исторію XIX вѣка по мемуарамъ Гизо, подобно тому какъ исторію V вѣка по Фукидиду, хотя Гизо, безъ сомнѣнія, имѣлъ большее вліяніе на жизнь своего отечества и ближе стоялъ къ современнымъ ему событіямъ, чѣмъ историкъ Пелопонезской войны? Въ наше время исторію только и можно писать или въ видѣ мемуаровъ, или въ видѣ ученаго сочиненія, какъ напримѣръ, сочиненіе Гервинуса. Последнее уже не можетъ считаться непосредственнымъ памятникомъ.

Петеръ не обратилъ вниманіе на это различіе. Поэтому его отдѣлъ для новой исторіи вышелъ чрезвычайно слабъ. Для изученія исторіи XVIII и XIX вѣковъ онъ былъ въ состояніи предложить только: Архехольца *Исторію семилѣтней войны*, Спарка—*Жизнь Вашингтона* (это не непосредственные памятники) *Мемуары* маркизы Ларошжакеленъ, *Автобіографію* кольбергскаго бюргера Неттельбека, *Войну 1812 года* Сегюра и *Странствованія стараго солдата*—Радена.

Петеръ предлагаетъ прочесть съ учениками цѣлую бібліотеку—такое огромное количество книгъ, какого ни одинъ учитель не читалъ. Но онъ не забываетъ и фактической основы исторіи. Его краткій обзоръ, который, по его мнѣнію, нужно твердо выдолбить, напечатанъ на 62 страницахъ и содержитъ въ себѣ болѣе 900 чиселъ и соответственное число собственныхъ именъ. Еслибы г. Петеру позволили производить свои опыты надъ нѣмецкими гимназистами, то онъ бы уморилъ или забилъ болѣшую половину изъ нихъ, но за то тѣ, которые выдержали бы испытаніе, удивили бы свѣтъ своими познаніями. Русскіе педагоги, говоря вообще, добры и снисходительнѣе къ нуждамъ дѣтей. Потому и г. Стасюевичъ оставилъ одно только чтеніе, а фактическую основу исторіи почти совсѣмъ откинулъ, какъ ненужную. Русскіе гимназисты, которые учились бы по этому методу, тоже, можетъ-быть, удивили бы свѣтъ, но уже не своими познаніями.

В. ГЕРЬЕ.

Гейдельбергъ.

ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ

И

НАЦИОНАЛЬНОЕ, ОРГАНИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ

I.

Слава, какъ луна, имѣетъ свои фазы. Слава Петрова находится нынѣ въ ущербъ: многіе вновь открытые документы; изъ архивовъ тайной канцеляріи, бросили, въ послѣднее время, мрачную тѣнь на его личный характеръ, а пробуждающееся народное сознание преисполняется въ нѣкоторыхъ негодованіемъ на него за насильственное подчиненіе Россіи иностранному, европейскому вліянію.

Точно—есть ужасныя страницы въ *Исторіи Петра Великаго!* Я самъ изслѣдовалъ одну, и волосы часто становились у меня дыбомъ, кровь приливала къ сердцу, при чтеніи жестокихъ, непрерывныхъ, въ продолженіи мѣсяцевъ, розысковъ, напримѣръ, по дѣлу царевича Алексѣя, по дѣлу царицы Евдокіи, по дѣлу стрѣльцовъ; есть возмутительныя злоупотребленія силы, не знающей никакихъ границъ своему произволу, напримѣръ, при основаніи Петербурга, при рытіи каналовъ, или при введеніи иностранныхъ обычаевъ; есть ненужныя, повидимому, почти прихотливыя разрушенія старыхъ учреж-

деній, имѣвшихъ свою самобытность, законность и пользу. Точно, по дѣламъ тайной канцеляріи Петръ является часто лицомъ, возбуждающимъ ужасъ и отвращеніе,—но развѣ всю свою жизнь проводилъ онъ въ селѣ Преображенскомъ и Петропавловской крѣпости? Неудобно ли безусловнымъ его обвинителямъ прогуляться по Россіи? И въ Архангельскѣ, Воронежѣ, Кронштадтѣ, Переяславлѣ, Астрахани, Нарвѣ, Азовѣ, Дербентѣ, Полтавѣ, на всякомъ почти шагувъ Россіи, бросятся имъ въ глаза слѣды Петровой дѣятельности другого рода.

Въ одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ часу, предъ полночью, Петръ на нашъ взглядъ бываетъ иногда безобразенъ, но посмотримъ на него въ пятомъ часу утра, (онъ вставалъ вѣдь въ четыре), послѣдуемъ за нимъ въ шестомъ часу, въ седьмомъ часу, и такъ далѣе, вплоть до этого одиннадцатаго и двѣнадцатаго часа, когда онъ поражаетъ наблюдателя такъ для себя невыгодно, сочтемъ, сколько дѣлъ онъ передѣлалъ въ этотъ день, много ли минутъ отдыхалъ или оставался въ праздности, посмотримъ, какія мозоли натеръ онъ себѣ на рукахъ и на ногахъ,—и тогда мы будемъ принуждены судить о немъ иначе. Для камердинеровъ и лакеевъ не бываетъ великихъ людей.

Читая о Петрѣ I, какъ объ юмористѣ, нельзя, правда, не пожимать плечами на всякой страницѣ, но такихъ страницъ наберется вѣдь только десять или двадцать, а если собрать объ немъ свѣдѣнія, какъ о хозяинѣ, то ихъ не умѣститъ и на тысячѣ страницъ. А потомъ представится онъ вамъ еще какъ полководецъ, какъ мореплаватель, какъ распорядитель, ученый, мастеровой, законодатель!

Надо обозрѣть совокупность дѣйствиій, изслѣдовать ихъ источникъ, сообразить средства, оцѣнить цѣль; надо разсмотрѣть безпристрастно время, въ которое Петръ жилъ, среду, въ которой обращался, обстоятельства, въ коихъ дѣйствовалъ, обстоятельства, въ коихъ находилась и находится Россія въ отношеніи къ Европѣ, и только на многостороннемъ изученіи обширнаго вопроса, во всѣхъ его подробностяхъ, *sine ira et studio*, можно подать голосъ, имѣющій право на вниманіе, или произнести уважительное мнѣніе.

А вынуть одно происшествіе изъ цѣлой жизни, или одну часть изъ двадцати четырехъ, безъ вниманія къ времени и обстоятельствамъ, и судить по нимъ о великомъ государствен-

номъ дѣятель, не только несправедливо, но и дерзко, безразсудно и нелѣпно.

Нѣкоторые добросовѣстные изслѣдователи начали обрабатывать исторію Петра I по частямъ, собирать и разбирать всѣ свидѣтельства, относящіяся къ той или другой, — это дѣло полезное и почтенное, и собраніе такихъ монографій доставить лучшіе матеріалы для оцѣнки, вмѣстѣ съ общимъ обзорѣніемъ, надъ которымъ съ такимъ успѣхомъ трудится г. Устряловъ, значительно уясняющій задачу сообщеніемъ новыхъ документовъ и приведеніемъ въ ясный порядокъ прежнихъ.

Не надо упускать изъ виду и отзывы современниковъ: что думали и говорили о Петрѣ лучшіе и умнѣйшіе между ними и ихъ ближайшими потомками; наконецъ, какъ судили о немъ достойнѣйшіе русскіе люди. Я укажу для примѣра на Татищева, Ломоносова, князя Щербатова, Карамзина и Пушкина.

Татищевъ жилъ и служилъ при Петрѣ I, видѣлъ его лицомъ къ лицу. Онъ управлялъ Астраханью и Уральскими заводами. Татищевъ оставилъ намъ пространную *Русскую Исторію* съ разнообразными примѣчаніями, много юридическихъ разсужденій, наконецъ, наставленіе дѣтямъ. По этимъ сочиненіямъ и дѣйствіямъ можно составить себѣ понятіе объ его умѣ и способностяхъ: какъ же отзывается онъ о Петрѣ I? Съ восторгомъ и благоговѣніемъ.

Ломоносовъ родился при Петрѣ I, и при немъ, среди народа, провелъ свое дѣтство, жилъ среди его современниковъ и видѣлъ дѣла его по горячимъ слѣдамъ: отложимъ въ сторону риторіку и поэзію изъ его поэмы и похвального слова, искреннее удивленіе подвигамъ Петра, горячее чувство, останутся въ полной силѣ.

Князь Щербатовъ, съ которымъ мы только что познакомились по вновь открытымъ его запискамъ, важнымъ и въ высшей степени замѣчательнымъ, былъ человекъ прямой и безпристрастный: онъ говорилъ искренно не только о порокахъ Петра Великаго, но и о порокахъ Екатерины II, отъ которой получалъ милости: что же въ итогѣ онъ говоритъ о Петрѣ?

Карамзинъ, одна изъ самыхъ высокыхъ русскихъ личностей, Карамзинъ, за пятьдесятъ лѣтъ до послѣднихъ толковъ, когда въ голову никому не приходила полити-

ческая критика, выразившій ясно и сильно свое мнѣніе о новой исторіи и ея представителяхъ, воздалъ Петру полную хвалу, не щадя его увлеченій.

Наконецъ, Пушкинъ, вѣщій поэтъ, силою творческаго воображенія возстановившій много древнихъ образовъ съ ихъ плотію и кровію, сказалъ о Петрѣ I:

Самодержавною рукою
Окъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Окъ зналъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Окъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Даже голоса Крекшина, Штелина, Голикова, которые за- стали самыхъ близкихъ современниковъ Петра Великаго, нельзя оставлять безъ вниманія, несмотря на ихъ увлеченія и преувеличенія, или лучше, принимая ихъ къ соображенію. Никакого подогрѣтаго восторга не стало бы на сто томовъ оставленныхъ ими: должны были быть какія-нибудь достаточныя причины!

Нѣкоторые противники не довольствуются даже осужденіемъ Петра за его дѣйствія, но распространяютъ свое осужденіе на него и за дѣйствія его преемниковъ. Для нихъ нѣтъ ничего хорошаго въ новой русской исторіи, и они составляютъ противоположность съ другими судьями, которые говорятъ то же самое, и даже съ большимъ ожесточеніемъ, о древней.

Въ предлагаемомъ разсужденіи я постараюсь изложить, какъ можно прѣстѣе и яснѣе, настоящее положеніе вопроса. Я буду говорить ивѣгда словами прежнихъ своихъ споровъ съ обѣими сторонами, подтверждая новыми открытіями и наблюденіями.

II.

Первый мой тезисъ будетъ относиться къ европейскому вліянію, которому, со времени Петра, подверглось все наше бытіе, умственное и нравственное, душевное и тѣлесное,

которому всё мы, волею и неволею, подчиняемся, и отъ котораго никто, ни на какой сторонѣ, ни на востокѣ, ни на западѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ, Архангельскѣ и Астрахани, Смоленскѣ и Иркутскѣ, въ нашихъ собственныхъ домахъ, отрѣшиться не въ силахъ.

„Мы не можемъ открыть своихъ глазъ, не можемъ сдвинуться съ мѣста, не можемъ оборотиться ни въ одну сторону, безъ того, чтобы вездѣ не встрѣтился съ нами Петръ, дома, на улицѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку, на гуляньѣ, все онъ, все онъ, всякій день, всякую минуту, на всякомъ шагу!

„Мы просыпаемся. Какой нынче день? 18 сентября 1863 года *. Петръ Великій велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, Петръ Великій велѣлъ считать мѣсяцы отъ января.

„Пора одѣваться—наше платье сшито по фасону, данному первоначально Петромъ I, мундиръ по его формѣ. Сукно выткано на фабрикѣ, которую завелъ онъ; шерсть настрижена съ овецъ, которыхъ развелъ онъ.

„Попадается на глаза книга—Петръ Великій ввелъ въ употребленіе этотъ шрифтъ, и самъ вырѣзалъ буквы. Вы начнете читать ее—этотъ языкъ при Петрѣ I сдѣлался письменнымъ, литературнымъ, вытѣснивъ прежній, церковный.

„Приносятъ вамъ газеты—Петръ Великій началъ ихъ издавіе.

„Вамъ нужно искупить разныя вещи—всѣ онѣ, отъ шелковаго шейнаго платка, до сапожной подошвы, будутъ напоминать вамъ о Петрѣ Великомъ; однѣ выписаны имъ, другія введены имъ въ употребленіе, улучшены, привезены на его корабль, въ его гавань, по его каналу, по его дорогѣ.

„За обѣдомъ, отъ соленыхъ сельдей до картофеля, который сенатскимъ указомъ указалъ онъ сѣять, до винограднаго вина, имъ разведеннаго, всѣ блюда будутъ говорить вамъ о Петрѣ Великомъ.

„Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости—это ассамблея Петра Великаго. Встрѣчаете тамъ дамъ,—допущенныхъ до мужской компаніи по требованію Петра Великаго.

„Пойдемъ въ университетъ—первое свѣтское училище учреждено Петромъ Великимъ.

„Вы получаете чинъ—по табели о рангахъ Петра Великаго.

* Въ первый разъ напечатаны были эти слова 11 января, 1841 года.

„Чинъ доставляетъ мнѣ дворянство: такъ учредилъ Петръ Великій.

„Мнѣ надо подать жалобу: Петръ Великій опредѣлилъ ей форму. Примуть ее предъ зеркаломъ Петра Великаго. Разсудятъ по его генеральному регламенту.

„Вы вздумаете путешествовать—по примѣру Петра Великаго; вы будете приняты хорошо—Петръ Великій помѣстилъ Россію въ число европейскихъ государствъ, и началъ ввѣшать къ ней уваженіе и пр. и пр. и пр.

„Мѣсто въ системѣ европейскихъ государствъ, управленіе, раздѣленіе, судопроизводство, права сословій, табель о рангахъ, войско, флотъ, подати, ревизіи, рекрутскіе наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледѣіе, лѣвоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, винодѣліе, торговля внутренняя и ввѣшняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лѣкарства, лѣтосчисленіе, языкъ, печать, типографіи, военныя училища, академія—суть памятники его неутомимой дѣятельности и его генія.

„Онъ видѣлъ все, обо всемъ думалъ, и приложилъ руку ко всему, всему далъ движеніе, или направленіе, или самую жизнь. Что теперь ни думается между нами, ни говорится, ни дѣлается, все, труднѣе или легче, далѣе или ближе, повторяю, можетъ быть доведено до Петра Великаго. У него ключъ или замокъ.“

Какъ потомки Адамовы рождаются,нося въ существѣ своемъ слѣдствія первороднаго грѣха, такъ точно всѣ мы Русскіе отъ рожденія своего подвергаемся вліянію Европы или Петровой реформы. Какъ нечего толковать людямъ, бранить и осуждать, судить и рядить, зачѣмъ Адамъ сорвалъ и съѣлъ роковое яблоко, а должны они думать, какъ возвратитъ себѣ потерянный рай, чтобы въ немощи совершилась сила, такъ точно бесполезно разбирать намъ заднимъ числомъ, съ практической точки зрѣнія, дѣйствія Петровы, а должны мы стараться, удержавъ изъ нихъ дѣльное и доброе, присоединять къ тому все годное изъ народной жизни, старой, средней и новой, сколько въ ней того сохранилось, — и идти впередъ.

Симъ оканчиваю я *первый мой тезисъ* о неизбѣжномъ присутствіи въ образованныхъ русскихъ людяхъ европейской стихіи, и о бесполезности осуждать Петрову реформу, развѣ въ наукѣ.

III.

Второй мой тезисъ будетъ относиться къ невозможности, въ коей Россія находилась, уклониться отъ европейскаго вліянія. Заимствую нѣсколько словъ изъ той же статьи.

„Россія есть часть Европы, составляетъ съ нею одно географическое цѣлое, и слѣдовательно, по физической необходимости, должна раздѣлять судьбу ея, и участвовать въ ея движеніи, какъ планета повинуется законамъ своей солнечной системы. Можетъ ли планета перескочить изъ одной сферы въ другую? Можетъ ли Россія оторваться отъ Европы? Волею и неволею она должна была подвергнуться вліянію Европы, когда концентрическіе круги западнаго образованія, распространяясь безпрестанно далѣе и далѣе, приблизились къ ней, и начали ее захватывать. Пусть называютъ это образованіе чумою,—но для такой чумы, самой тонкой, самой быстрой, упругой, не существуетъ никакихъ заставъ, никакихъ карантинныхъ, никакихъ таможенъ, никакихъ преградъ. Эпиръ все пронизающій зло, пожалуй, необходимое, неизбѣжное! Можемъ ли мы теперь отказаться отъ употребленія машинъ, желѣзныхъ дорогъ? * Не можемъ, даже потому только что живемъ въ Европѣ. Не можемъ—пары принесутся сами и повезутъ насъ по Волгѣ, по Днѣпру, по Черному морю, будутъ ткать намъ сукно, тянуть бумагу; желѣзныя дороги придутъ сами и лягутъ по нашимъ гатамъ, какъ прежде пришли и установились типографскіе станки, какъ прежде пришли и грянули пушки. Ежели Австрійцы будутъ поспѣвать изъ Вѣны до Варшавы въ день, то какъ же намъ фхать туда недѣлю?

„Точно также прежде Петра Великаго, мы не могли отказать отъ пороха, отъ огнестрѣльнаго оружія: иначе бы мы были побиты на первомъ сраженіи, и насъ бы не стало.“

И всѣ народы въ мірѣ подвергались вліянію однихъ другаго: въ древности—Греки вліянію Египтянъ, Римляне вліянію Грековъ, хотя Катонъ Старшій проклиналъ ихъ обра-

* Напоминаемъ, что это писано въ 1840 году.

зованіе, а въ новомъ мірѣ вся римская и германская Европа подчинилась Риму, потомъ Христіанству. Таковъ законъ исторіи для всѣхъ государствъ. Мы пришли поздне въ всѣхъ, и, какъ младшіе братья, понесли сугубое и трегубое иго: Норманны, Греки, Монголы, нѣмецкіе и прочіе выходцы, родоначальники нашихъ дворянскихъ фамилій, дѣйствовали послѣдовательно на Россію до Петра.

IV.

Третій мой тезисъ будетъ имѣть предметомъ естественное развитіе, на которое сильно напираютъ многіе. Такое развитіе прекрасно, вожделѣнно, но гдѣ же оно было въ исторіи, полное и чистое? Припоминаю заключеніе втораго тезиса о взаимномъ вліяніи всѣхъ историческихъ народовъ: нельзя же Россіи быть исключеніемъ. Разсуждать при какомъ бы то ни было событіи, „что было бы, если“..... совершенно безплодно и безцѣльно. На такой вопросъ никто ничего отвѣчать не можетъ. Можно судить только по дѣйствительно совершившимся событіямъ, и въ этомъ отношеніи мы находимъ въ исторіи прискорбныя указанія, что залоговъ внутренняго развитія было у насъ недостаточно.

Новгородъ, напримѣръ, находился несравненно въ благоприятѣйшихъ обстоятельствахъ нежели всѣ прочія русскія княжества. Онъ былъ силенъ, когда Кіевъ, Владиміръ, Москва, таились въ зародышахъ. Всѣ сосѣди были его слабѣе. Случались, наконецъ, моменты, которые могли пробудить всякую дѣятельность, навести на новыя мысли. Нѣтъ, не умѣли Новгородцы воспользоваться ни однимъ изъ этихъ моментовъ, сплочовалъ Миротка, не догадался Якутъ, прозѣвалъ Мирославъ, Михалко, Твердиславъ*,—и остались Новгородцы среди всѣхъ успѣховъ *in statu quo*, представляя по временамъ блистательныя черты великодушія, благородства, безкорыстія, твердости, неустрашимости. И палъ Новгородъ, и слѣдъ его развѣялся по вѣтру! Чтѣ же это значить? Значить, что въ немъ не было залога твердости, залога развитія.

Для тучной русской почвы нужно европейское сѣмя, и вотъ необходимость, законность Петра!

* Знаменитые новгородскіе посадники.

Напрасно будутъ говорить, какъ и было уже говорено, что европейское образованіе могли бѣ мы заимствовать тихо, мирно, постепенно, добровольно. Напрасно,—потому что тотъ же Новгородъ, испоконъ вѣка находившійся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Норманнами, самымъ европейскимъ племенемъ VIII, IX и X вѣковъ, потомъ съ Нѣмцами, поселившимися у него подъ бокомъ, и наконецъ съ Ганзою—все-таки осталась при своемъ, ни взадъ, ни впередъ. Значить, старое или хоть устарѣлое дикое мясо, нужно было прижечь ланисомъ.

Раскольники представляютъ, по моему мнѣнію, другое разительное доказательство, что одного русскаго элемента мало для развитія жизни, въ европейскомъ значеніи этого слова. Раскольники остались при своемъ, не подверглись европейскому Петрову вліянію, приняли въ себя еще новую силу, значительную силу гоненія,—что же они представили даже въ своей религіозной сферѣ, въ коей вращаются преимущественно? Ничего. Они ушли назадъ, а не впередъ, и нѣкоторыя на первый взглядъ важныя положенія, ими выработанныя, не представляютъ никакой жизненности, никакой подвижности, никакой зелени: это гнилые плоды. Опять необходимость европейскаго начала, и слѣдовательно Петра.

V.

Четвертому своему тезису я дамъ слѣдующую форму: Древней Россіи необходима была реформа, обновленіе, преобразование, во что бы то ни стало.

Машина ея совершенно обветшала: разсмотрите тогдашнее общество, разберите всѣ его элементы, всѣ составныя части,—и вы согласитесь, что въ прежнемъ положеніи оставаться было нельзя.

Перечтите царскіе выходы: изъ чего большею частію состоялъ царскій день? Заутреня, обѣдня, вечерня, столъ обѣденный, ужинный, соколиная охота, мѣдвѣжья трава, лошади, шуты, скоморохи и т. п.

Чѣмъ занимались бояре, ихъ жены, дочери? До какого безобразія дошло мѣстничество, составлявшее душу всего высшаго сословія, видно изъ уцѣлѣвшихъ дѣлъ.

О судѣ довольно перечестъ пословицы Даля.

Вспомнимъ преданія о воеводахъ, въ рукахъ которыхъ находилась судьба гражданъ? Что такое боярскія козни,

свидѣтельствуемъ какъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ казнь знаменитаго Шеина, такъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ судъ надъ патриархомъ Никономъ, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ ссылка Матвѣева. Кознямъ открылось широкое поприще при слабости посаждаемаго царя, физической и нравственной.

Внимательно разсматривая состояніе Россіи въ концѣ XVIII вѣка, видимъ совершенное разстройство, какъ предъ Норманнами, предъ Монголами, предъ временемъ Іоанна III,—болѣзнь къ росту. Требовалось новое изданіе, *revue, corrigée et augmentée*, требовалась реформа. Застарѣлыя язвы точили внутренность, огонь распространялся по всѣмъ оконечностямъ, и ей нуженъ былъ сильный, ловкій, смѣлый операторъ,—указать на другаго, вмѣсто Петра I, едва ли кто рѣшится!

VI.

Пятый тезисъ: реформа началась въ Россіи задолго до Петра, чего никакъ не хотять помять многіе противники Петра, сваливая на него всю вину за преобразованія.

Реформа началась съ церкви, въ лицѣ патриарха Никона. Явилась и національная, если не органическая, то по крайней мѣрѣ физическая оппозиція, ставшая за старину безусловную—раскольники.

Какъ поступлено съ раскольниками въ царствованіе добродушнаго и кроткаго царя Алексѣя Михайловича, всѣмъ извѣстно.

Не миновалъ кары въ свою очередь и благонамѣренный реформаторъ патриархъ Никонъ.

Петръ I, скажемъ мимоходомъ, пощадилъ патриарха Адриана, и уже по его кончинѣ, ударивъ кортикомъ по столу, воскликнулъ: вотъ вамъ патриархъ! А отецъ его, добрый царь Алексѣѣ Михайловичъ, заставилъ свергнуть и осудить живаго патриарха въ ссылку. Въ какомъ дѣйствиіи было больше насилія?

Одно сверженіе патриарха, въ древней Россіи, по какимъ бы то ни было причинамъ, служить яснымъ доказательствомъ, что ледъ тронулся, и наступила другая, новая пора.

Всѣмъ за царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, при сынѣ

его Теодоръ, сожигаются торжественно на площади разрядныхъ книги, и уничтожается мѣстничество, самое сильное учрежденіе, къ которому не смѣлъ прикоснуться самъ Іоаннъ Грозный. Ясно ли, что наступила пора преобразованій, и никакого дѣйствія, насильственнаго, смѣлаго, радикальнаго, отыскать въ исторіи нельзя. Въ этомъ случаѣ нѣтъ и тѣни органическаго постепеннаго развитія. Сжечь всѣ книги чтобы духу ихъ не осталось, „въ совершенное проклятыхъ мѣстъ и гордости искорененіе!“ Здѣсь уже слышится, чувствуется Петръ. А вѣдь это произошло не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, въ свѣяхъ, передъ государевою палатою!

Реформа эта представляетъ великое явленіе, которое у насъ не оцѣнено еще достаточно.

Но вотъ еще реформа, не менѣе значительная, въ другомъ родѣ: учрежденіе въ Москвѣ славяно-греко-латинской академіи, для которой прибыло изъ Кіева множество воспитанниковъ, знакомыхъ съ западною схоластикою, съ римскою литературою и со всею европейскою наукою. Епископы, архіереи, разошлись изъ Москвы по всей Россіи съ совершенно уже новымъ образованіемъ. Реформа это или нѣтъ? Имѣетъ она малѣйшую связь съ домашнимъ органическимъ развитіемъ?

А магдебургское право въ западныхъ князьскихъ губерніяхъ?

Солдаты, музыканты, комедіанты, мастеровые, стекались гурьбами въ Москву и заселяли цѣлыя слободы, которыхъ имена сохранились до нашего времени.

Реформа предчувствовалась, вызывалась, испытывалась, и реформа именно европейская: домашняя русская жизнь выходила сама собою на европейскую торную дорогу.

VII.

Въ концѣ XVII столѣтія, внѣшнія отношенія Россіи къ сосѣднимъ государствамъ, Польшѣ, Швеціи и Турціи, сдѣлались слишкомъ страшными, такъ что жизнь ея, политическое существованіе, подвергались опасности. Если незадолго до Петра Польша думала овладѣть Россіей, и имѣла уже въ своихъ рукахъ Москву, если Шведы мечтали взять себѣ Новгородъ, и шведскій принцъ готовился быть русскимъ

государемъ, то чего бы должно было ожидать намъ отъ Карла XII?

Графъ Алексѣй Толстой, одинъ изъ новыхъ и талантливыхъ нашихъ писателей, написалъ въ прошломъ году замысловатую пѣсенку о крутой соленой кашѣ, заваренной Петромъ Первымъ, которую пришлось расхлебывать намъ, его дѣтушкамъ.

Правда, что каша заваренная и замѣшанная царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, крута и солоня, но по крайней мѣрѣ есть что хлѣбать, есть съ чего сыту быть, а попадись Карлъ XII на какого-нибудь Федора или Ивана Алексѣевича, такъ пришлось бы можетъ-быть дѣтушкамъ на долго и зубы положить на полку. Правда, что крупа попалась въ кашу и сорная, и затхлая, и прогорѣлая, но вѣдь она получалась въ кормовой дворецѣ изъ села Измайлова, села Преображенскаго и села Семеновскаго, а тамъ лучше ея припасено не было! Кто же виноватъ?

Не только вопросъ: Польшѣ, Швеціи или Россіи принадлежитъ господство на Сѣверѣ, но быть или не быть Россіи на ту пору, зависѣлъ отъ того, кто на престолахъ русскомъ будетъ встрѣчать эту грозу, несущуюся съ запада, въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія.

Петръ сдѣлался не только основателемъ русской европейской державы, но и спасителемъ древней. Мы забыли теперь, кажется, это благодѣяніе Петра, и мнѣ саишкомъ прискорбно, въ этомъ случаѣ, какъ и при спорахъ о происхожденіи Варяговъ Руси, быть свидѣтелемъ такого низкаго уровня историческихъ свѣдѣній въ обществѣ. Пусть скажутъ мнѣ безусловные противники Петра, кого противопоставили бы они Карлу XII на поляхъ полтавскихъ? Нѣтъ, некогда было ожидать тогда органическаго развитія, а надо было опасать какъ-нибудь и во что бы ни стало. Петръ спасъ древнюю Россію, вотъ мой *шестой тезисъ*.

VIII.

Для спасенія ея необходима была европейская реформа. Выбора не было. *Это седьмой тезисъ*.

Я приведу здѣсь въ доказательство этого тезиса еще нѣсколько словъ изъ вышеупомянутой статьи моей о Петрѣ Великомъ. „Петръ преобразовалъ войско и обучилъ оное на европейскій манеръ. Чтò же? Развѣ это было не необхо-

димо? Ему надо было сражаться съ европейскими врагами, со Шведами, Прусаками, Поляками или Нѣмцами, следовательно ихъ оружіемъ, ихъ приемами, ихъ тактикой и стратегіей: на ружье съ обухомъ идти нельзя. Вопросъ о преобразованіи войска при Петрѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о безопасности и самобытности Россіи. Рѣшусь сказать даже вотъ что: еслибы не было прежде Петра, могъ ли бы Александръ бороться съ Наполеономъ?

„Петръ преобразовалъ войско: не посоветуютъ ли Петру пощадить стрельцовъ? Я согласенъ, что въ ихъ исторіи есть нѣсколько піитическихъ моментовъ, но оставить ихъ на свободѣ послѣ бунтовъ въ пользу Софіи и ея любимцевъ, готовыхъ вѣрять всякой лжи, и проливать какую угодно кровь, оставить ихъ съ тѣмъ, чтобъ изъ нихъ, съ первыми удачными опытами, сдѣлались опричники или прегоріанцы, не подумаю ни на минуту, несмотря на ихъ національность.

„Итакъ преобразование войска, особенно для Петра, было необходимо, а съ войскомъ связаны рекрутскіе наборы и постои, и ревизіи, и подушныя деньги, и выписные иностранцы.

„И начало этому преобразованію положено было гораздо прежде, чуть ли не со временъ Бориса Годунова, которому служило уже много иностранцевъ, и служило съ успѣхомъ, что продолжалось при Самозванцѣ, при Михаилѣ и Алексѣѣ.“

„Учрежденіе флотовъ имѣло также свою необходимость, овладѣвъ приморскими берегами, или думая овладѣть ими, чтобы не подвергаться непрерывной опасности внезапнаго нападенія, надо было позаботиться о средствахъ и мѣрахъ удержать ихъ за собою, защитить, т.-е. должно было основать гавани, настроить кораблей, выучиться мореплаванію: выписать мастеровъ, послать путешественниковъ въ чужіе края.

„Не думаю я, чтобы кто-нибудь сказалъ еще, что намъ ненужны были берега, и Петръ Первый долженъ былъ оставить ихъ за Шведами, Поляками, Турками: въ такомъ случаѣ вопросъ о самомъ политическомъ существованіи Россіи подвергся бы сомнѣнію, о существованіи, безъ коего нельзя бы было теперь и разсуждать о дѣйствіяхъ Петровыхъ.

„Скажутъ, жила Россія безъ береговъ почти тысячу лѣтъ! Жила, пока всѣ сосѣди заняты были дома, пока они оста-

важись вдали отъ нея, и не могли еще простираться на нее своихъ видовъ. Обстоятельства перемѣняются, теперь и Китай не далеко отъ Англiи.

„А покоренiе береговъ, т.-е. присоединенiе Лифляндiи, стоило Петру Великому двадцатилѣтней войны, которая была почти главною задачею всей его жизни, первую заботою, отъ осады Нарвы до Ништатскаго мира, и окончилась только за четыре года передъ его кончиною. Сколько мѣръ и распоряженiй соединено было съ этою тягостною и рѣшительною войною? Впрочемъ и эта мысль, мысль о покоренiи Лифляндiи, досталась ему также по наслѣдству отъ его предковъ, которые, по какому-то удивительному предчувствию (замѣтному часто въ исторiи государствъ и наукъ), были особенно ей привержены; припоминаю о двадцатилѣтней войнѣ Иоанна Грознаго, который только въ очарованiи своего болѣзненнаго страха, уступилъ ее Баторiю; припоминаю о глубокомысленныхъ мѣрахъ и усилiяхъ Бориса Годунова, и наконецъ о походѣ въ царствованiе Алексѣя Михайловича.

„Слѣдовательно Петръ Великiй былъ здѣсь только дѣятельнымъ, счастливымъ совершителемъ предпрiятiя, замышленного, можетъ-быть и безъ дальнихъ видовъ, его предками.

„Для войска, для флота, нужны оружье, амуниция: станутъ ли осуждать Петра, что онъ заботился объ учрежденiи фабрикъ и мануфактуръ, вызывалъ мастеровъ и давалъ имъ жалованье, долженъ былъ поощрять торговлю?

„Итакъ вопросъ нашъ о преобразованiи или прицѣпѣ западнаго элемента, получаетъ теперь совсѣмъ иную форму, вотъ какую: могло-ли необходимое столкновенiе, сближенiе Россiи съ Европою, произойти иначе? Нельзя ли было взять въ руки этотъ мечъ, обоюду острый, осторожнѣе, ловчѣе, искуснѣе Петра Великаго? Кто осмѣлится отвѣчать на такой вопросъ? кто скажетъ: можно? Не знаю! по крайней мѣрѣ не я. Я не берусь ни за что на свѣтѣ предложить другой планъ Полтавскаго сраженiя, другой проектъ Ништатскаго мира.

„Пусть выберутъ какой угодно годъ изъ жизни Петровой, и скажутъ: Петръ долженъ былъ поступить не такъ, какъ онъ поступилъ, а вотъ какъ. Пусть объяснятъ мнѣ, какое національное преобразованiе, какое органическое развитiе, можно вообразить въ данныхъ ему обстоятельствахъ!

„Даже вопросъ о бритвѣ бороды и вопросъ о нѣмецкомъ платьѣ, я не осмѣливаюсь, за Петрово время, рѣшить безусловно, также какъ и о скорыхъ мѣрахъ, жестокостяхъ, казняхъ, кромѣ немногихъ случаевъ, гдѣ были виною болѣе всего его темпераментъ и обстоятельства.“

Да, Петръ можетъ сказать смѣло: еже сотворишь, сотворишь.

IX.

Впрочемъ многія его, по нашему и даже собственному его мнѣнію, нововведенія суть не что иное, какъ древнія постановленія, имѣющія глубокій корень въ русской почвѣ, только въ новыхъ формахъ, съ новыми именами. Это *восьмой тезисъ*. „Вотъ задача нашимъ ученымъ юристамъ: пусть они объясняютъ эту важную и занимательную часть Русской исторіи. Тогда мы увидимъ, что Петръ I былъ во многихъ случаяхъ только великимъ исполнителемъ, довершителемъ, который въ своей душѣ, въ своемъ умѣ, нашель запросы, содержавшіеся въ его народѣ и естественныхъ отношеніяхъ его государства къ прочимъ, нашель, взалкаль и рѣшился удовлетворить ихъ, разумѣется, по личному своему усмотрѣнію. Тогда только, можетъ-быть, получимъ мы основательное право почитать одни учрежденія и осудить другія, по примѣру Карамзина, учрежденія, къ коимъ увлекся онъ, овладѣнный духомъ преобразования, ибо этотъ духъ, какъ и всякій другой, можетъ ослѣпить человѣка, породить пристрастіе и возбудить желаніе разрушать все и передѣлывать, какъ духъ войны гонитъ Суворова и Наполеона на поле битвы, и услужливо доказываетъ имъ ея необходимость, какъ духъ системы въ философіи, или исторіи, или политикѣ, соединяетъ насильственно быти, и ставитъ ихъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія.“

X.

Петръ употреблялъ насиліе, вводя свои преобразования, и передалъ эту систему основанному имъ Петербургу.

Это совершенно справедливо. Нѣтъ словъ, которыми бы можно осудить достойно такую систему, но она была въ

порядкѣ или безпорядкѣ человеческихъ и государственныхъ вещей. Жалобы на Петербургъ я могу найдти, вы раженныя почти одинакими словами (не странно ли это?) на Москву, въ старыхъ лѣтописяхъ. Прочіе древніе города такъ жаловались на Москву въ ея время, какъ въ петербургскій періодъ стали жаловаться на Петербургъ. Не прибѣгая ни къ какимъ справкамъ, я приведу два три мѣста, кои подсказываетъ мнѣ память: „О славнѣйшій граде Пскове, великій во градѣхъ, по что бо сѣтуеши и плачеша? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, или како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія! И прилетѣлъ бо на мя многокрыльный орелъ, исполнь крыль львовыхъ когтей, и взять отъ меня три кедрѣ ливанова, и красоту мою и богатство, и чада моя восхити, Богу попустившу за грѣхи наши, и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ раззориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша; и отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды, и прадѣды наши, и матери и сестры наша, въ поруганіе даша... Князь великій... посади намѣстника во Псковѣ... городничихъ и старостѣ московскихъ. А велѣлъ имъ правды стеречи. И у намѣстниковъ, и у ихъ тиуновъ, и у діаконъ великаго князя, правда ихъ и крестное цѣлованіе возлетѣла на небо, а кривда въ нихъ нача ходити; и нача быти многая злая въ нихъ; быша не милостивы до Псковичъ. *А Псковичи бѣдная не вѣдоша правды московскія.* И далъ князь великій свою грамоту уставную Псковичамъ, и послалъ князь великій на пригороды намѣстника; а велѣлъ имъ приводити къ крестному цѣлованію пригорожанъ; и начаша пригородскіе намѣстники пригорожаны торговати и продавати великимъ и злымъ умышленіемъ, подметомъ и поклепомъ; и бысть людемъ великъ налогъ тогда! И начаша Псковичемъ намѣстники силу творити велику; а приставы ихъ начаша отъ поруки имати по 10 рублевъ, и по 7 рублевъ, и по 5 рублевъ; а Псковитинъ кто молвить: великаго князя грамотою почему отъ поруки имати велѣно? и они того убьютъ. И отъ ихъ налоговъ и насильства многіе разбѣгашася по чужимъ городамъ, пометавъ женъ и дѣтей.“

«А вотъ свидѣтельство, изъ житія святаго Сергія чудотворца, по древнимъ источникамъ:— „Наста насилваніе много, сирѣчь княженіе великое московское досталось князю великому Ивану Даниловичу, купно же досталось и княженіе ростовское

къ Москвѣ. Увы, улы тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженіе, и имѣніе, и честь, и слава, и вся прочая... И посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки вѣкій воевода, единъ отъ вельможъ именемъ Василій, прозвище Кочева, и съ нимъ Минай. Егда видоста во градъ Ростовъ, тогда возложиста велику нужу на градъ, да и на вся живущее въ немъ, и не мало ихъ отъ Ростовець Москвичемъ имѣнія своя съ нужею отдаваху, а сами противу того раны на тѣлесе своемъ съ укоризною взимающе, и тщица рукама отхожаху... И что подобаетъ много глаголати! толко дерзновенія надъ Ростовомъ содѣяши, яко и самаго того епарха градскаго, старѣйшаго боярина ростовскаго, именемъ Аверкія, стремглавъ обѣсиша, и возложиша на ня руци своя, и оставиша поругана, точію жива, и бысть страхъ великъ на всѣхъ слышащихъ. Сія не только во градъ Ростовъ, но и во всѣхъ предѣлахъ его и во властѣхъ и въ селѣхъ. И таковыя ради нужда, рабъ Божій Кирилль, (отецъ Св. Сергія), воздвижеса изъ веси оныя предреченныя ростовскія, и собрася со всѣмъ домоу своимъ, и со всѣмъ родомъ своимъ, и преселися отъ Ростова въ Радонежъ.“

Присоединимъ еще два слова изъ Софійскаго временника о Твери:

„Тогда же вси бояре приѣхаша тверскіе служити къ великому князю на Москву, не терпяще обиды, занеже многи отъ великаго князя и отъ бояръ обиды и отъ его дѣтей боярскихъ о земляхъ, гдѣ межи сошлася съ межами: гдѣ ни изобидятъ московскіе дѣти боярскіе, то пропало, а гдѣ тверичи изобидятъ, а то князь велики съ поношеніемъ посылаетъ и съ грозами къ тверскому, а отвѣтомъ его вѣры не имѣтъ, а суда не дастъ.“

Еслибъ захватить еще подальше, то можно бы отыскать, прежде жалобъ на Москву, жалобы на Владиміръ, муромскія и рязанскія и т. д.

Въ насиліи, надо признаться, Москва, въ свое время, не уступала своему преемнику. Вспомнимъ Іоанна III, который велѣлъ отсѣчь головы первому своему боярину и родственнику, князю Патрикѣеву, вмѣстѣ съ его сыновьями, и князю Ряполовскому, сыну спасителя его жизни въ дѣтствѣ, не говоря уже о князяхъ новгородскихъ. Вспомнимъ Василя, который уморилъ многихъ своихъ родныхъ, заточилъ Максима Грека, велѣлъ отрѣзать языки у своихъ порицателей, и вмѣстѣ былъ предавъ новымъ

обычаямъ, привезеннымъ въ Москву Софійными Греками, что замѣшали Русскую землю. Вспомнимъ Борисово время, омраченное гнусными доносами. Не говорю уже о страшномъ правленіи Іоанна Грознаго, который душилъ безъ разбора, правыхъ и виноватыхъ.

Странное явленіе представляютъ у насъ историческіе толки: въ то время, какъ чувствуется этотъ извергъ, поврежденный, въ всѣхъ человѣческихъ вѣроятностей, мучимый какою-то сверхъ-естественною жаждой крови, не думавшій ни о какихъ государственныхъ дѣлахъ, при своихъ душегубствахъ, въ то время осуждаются мѣры Петра, устремленныя къ спасенію отечества, и вмѣстѣ утвердившія вождѣльную по этой системѣ власть. Новое доказательство, какъ не прочно у насъ историческое образованіе, какъ мало распространены вѣрныя и здравыя понятія о лицахъ и вещахъ, какъ мы легкомысленно, опрометчиво и односторонне строимъ системы и теоріи, одна другой пустѣе и нелѣпѣе, перезабываемая дѣйствительныя событія.

Насиліе при Петрѣ только что продолжалось, а не началось. Это *девятый тезисъ*. Онъ только что приложилъ эту систему пошире, подалее, и посилае, соответственно дѣламъ, при множествѣ своихъ дѣлъ и предпріятій.

Да она и вездѣ была одинакова, естественная система, необходимая ступень въ развитіи государствъ. Перескочить ее было нельзя, и никто не видѣлъ надобности въ то время, а въ наше время эта надобность обнаружилась,—ну вотъ теперь новое въ очью и совершается!

XI.

Намъ остается говорить о личномъ характерѣ Петра I. Въ послѣднее время легло на его память много темныхъ пятенъ, вслѣдствіе вновь открытыхъ документовъ, принадлежавшихъ до сихъ поръ къ государственнымъ тайнамъ. Еще Пушкинъ, начавъ заниматься собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра, говорилъ маѣ, что при ближайшемъ знакомствѣ Петръ теряетъ, а Екатерина выигрываетъ. Положимъ, что все это такъ, но для произнесенія приговора Петру въ этомъ отношеніи, надо имѣть въ виду его время, и твердо

помнить Тацитова различіе между *vitia hominis* и *vitia saeculi*; надо внимательно разсматривать обстоятельства, въ какихъ Петръ дѣйствовалъ. *Это десятый тезисъ.*

Петръ былъ деспотъ въ томъ смыслѣ, что онъ чувствовалъ свое превосходство и зналъ свою силу. Къ этому прибавить должно, что онъ, въ самомъ началѣ своей жизни, увидѣлъ русское правительство съ дурной его стороны, возненавидѣлъ тогдашніе распорядки, извѣстные ему по однимъ его окруженіямъ, почувствовалъ презрѣніе къ образу жизни, и въ особенности боярскому туеядству. Онъ увидѣлъ другое между иностранцами, услышалъ чудеса отъ нихъ объ Европѣ, познакомился съ нею самъ, своими глазами, и опредѣлилъ свою цѣль. Съ желѣзной своей волею онъ принялся ломать. Всѣ препятствія должны были пасть передъ его волею: жена, сынъ, сестры, родственники и любимцы. Онъ былъ жестокъ, неумолимъ, безчеловѣченъ въ этихъ случаяхъ, казилъ безъ милосердія, однимъ словомъ, Петръ являлся ужаснымъ тираномъ, и мы должны благословлять время, когда подобный образъ дѣйствій не только дѣлается невозможнымъ, но и подвергается безусловному, общему осужденію.

Въ оправданіе, очень слабое, можно сказать, что противная сторона, съ стрѣльцами, взявъ верхъ, не оказалась бы мягкосердечнѣе, какъ для него, такъ и для всей его компаніи.

По розыску Алексѣеву ясно видно, что Петру, его любимцамъ и сотрудникамъ, грозили великія опасности; онъ хотѣлъ предупредить ихъ, застраховать свое созданіе, и разумѣется въ средствахъ нечего искать у него разборчивости.

Что сказать объ его оргіяхъ? Проведя день въ непрерывной работѣ, съ утомленнымъ вниманіемъ, передѣлавъ тысячу дѣлъ самыхъ разнообразныхъ, въ продолженіи пятнадцати часовъ, Петрова атлетическая натура имѣла нужду въ особаго рода отдыхѣ, развлеченіи, о коемъ мы, съ нашими головными болями, слабостію желудка, страхомъ отъ подагры и хирагры, съ нашими тиками и ревматизмами, и понятій имѣть не можемъ. Присоедините его темпераментъ, его силу, его ростъ. Впрочемъ кощунство его, спору нѣтъ, противно, хотя и тутъ часто имѣлъ онъ политическія цѣли, очень уважительныя.

Всѣхъ основательнѣе и глубже судилъ о Петрѣ все-таки Карамзинъ, котораго наше легкомысленное невѣжество, боя-

щесея его ладона, не перестаетъ поносить. Указываемъ на его записку *О Древней и Новой Россіи*, къ удивленію и сожалѣнію, до сихъ поръ еще не напечатанную вполнѣ.

XII.

Осуждая Петра за его дѣйствія, противники, тѣмъ не довольные, взыскиваютъ съ него и за весь петербургскій, такъ-называемый, періодъ, какъ мы замѣтили выше. Это въ высшей степени несправедливо. Внимательные изслѣдователи замѣчаютъ въ самомъ Петрѣ, въ послѣдніе годы, значительное измѣненіе въ образѣ дѣйствій. Поживъ долѣе, успокоясь, утвердись, онъ, можетъ быть, повелъ бы дѣло иначе, и самъ исправилъ бы нѣкоторыя свои ошибки. Но повторяю, объ этомъ говорить нечего. Довольно сказать, что за премииковъ онъ не отвѣчаетъ: Это *одиннадцатый тезисъ*. Они могли уничтожить все вредное по усмотрѣнію. Такъ, напримѣръ, Анна уничтожила же маіоратъ. Маіоратъ, учрежденіе, не согласное съ духомъ народа, несогласное съ преданіями, исторіей,— вотъ оно и не удержалось, а прочее видно пришлось ко двору.

Мы скажемъ здѣсь кстати нѣсколько словъ о петербургскомъ періодѣ. Ужасныя страницы представляетъ онъ: подражатели доходили часто до крайностей, какъ случается съ подражателями во всѣхъ сферахъ. Но нельзя же не сознаться, что этотъ періодъ имѣетъ много и блистательныхъ страницъ. Онъ можетъ выставить нѣсколько славныхъ личностей, которыя имѣютъ полное право на почетное мѣсто въ пантеонѣ *Русской Исторіи*. Мы припомнимъ здѣсь только, что указъ объ основаніи Московскаго Университета въ 1755 году послѣдовалъ изъ Петербурга, что Петербургъ возвратилъ Россіи западныя ея области, потеряныя Москвою: Бѣлоруссію, Волынь, Подолію, и часть Малороссіи, что Петербургъ приобрѣлъ южную Новороссію съ Крымомъ, утвердилъ владычество за Кавказомъ, и въ устьѣ Амура, на берегахъ восточнаго Океана, что Петербургъ провозгласилъ свободу

крестьянъ, закабаленныхъ въ продолженіи Московскаго періода; что Петербургу принадлежать; Кантемиръ, Ломоносовъ, Сувароковъ, Державинъ, Дмитріевъ, Хемницеръ, Богдановичъ, Фонъ-Визинъ, Озеровъ, Крыловъ, Пушкинъ, Лермантовъ; что въ Петербургѣ напечатана *Исторія Государства Россійскаго* Карамзина.

Нѣтъ, двухъ сотъ лѣтъ съ этими событіями, съ этими именами,—изъ исторіи вычеркнуть, исключить нельзя.

Петербургская система началась въ Москвѣ, и была только повершена и увѣнчана Петромъ. Она имѣла свою историческую необходимость, какъ мы старались доказывать. Время оказало надъ нею, дошедшею до крайности, свое разрушительное дѣйствіе. Она износилась, обветшала, точно также какъ обветшала древняя московская система, въ извѣстномъ отношеніи, передъ временемъ Петра, точно какъ обветшала удѣльная система передъ временемъ Москвы, точно какъ обветшала древняя патриархальная система передъ призваніемъ Рюрика.

Петербургская система отжила свой вѣкъ,—и вотъ новыя учрежденія, получаемыя нами съ каждымъ днемъ, за кои, кромѣ ихъ творцовъ, мы должны благодарить все-таки Петра Великаго, ибо съ ядомъ,—допустимъ это слово въ угоду безусловныхъ поклонниковъ національности,—онъ далъ и противоядіе, то-есть, средства къ образованію и самосознанію.

Девятнадцатымъ февраля, что бы кто ни говорилъ, Петербургъ началъ новую эру въ русской исторіи.

Теперь мы должны благодарить Бога, что, такъ или иначе совершаются тѣ дѣла, кои призывали мы столько лѣтъ, отъ молодыхъ ногтей до сѣдыхъ волосъ, всею силою своей души. Исправленіе, улучшеніе, усовершенствованіе зависитъ отъ времени, и отъ насъ самихъ, гораздо больше чѣмъ зависѣло отъ насъ начало, за которое денно и нощно мы должны благодарить царствующаго нынѣ Государя.

Петръ Великій, находясь въ особыхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ, не имѣя времени и возможности дѣйствовать осмотрительно, открылъ слишкомъ свободный доступъ иностраннымъ элементамъ: надо заботиться объ ихъ уравновѣшеніи. Увлекаемый духомъ преобразованія, онъ стеръ нѣкоторыя черты: надо стараться объ ихъ возобновленіи. Петръ уничтожилъ нѣкоторыя національныя учрежденія въ

жертву необходимой для него централизаціи, — надо пещись объ ихъ возобновеніи. Вообще, поступать должно не съ голосу, не произвольно, не насильственно, какъ дѣлалось часто прежде, осторожно, скромнѣе, тише, наконецъ разумнѣе, соотвѣтственнѣе съ исторіей, съ народнымъ духомъ и характеромъ, обычаемъ, языкомъ, преданіемъ, почительнѣе къ прошедшему, то-есть, удерживая изъ Петровой реформы все дѣльное и доброе, мы должны присоединить къ тому, возстановить все годное изъ народной жизни древней, средней и новой, сколько ея осталось или сохранилось. Вотъ и все, къ чему ведутъ насъ обстоятельства, чего ожидаетъ отъ насъ время! Петровъ скачокъ вы осуждаете; такъ зачѣмъ же хотите скакать сами. Вѣдь это противорѣчіе!

Для достиженія вышеупомянутой цѣли совѣтуютъ еще слѣваться съ народомъ.

Мнѣ кажется въ этомъ изреченіи играютъ ошмкомъ большую роль слова. Нужно было бы объяснить сліяніе съ народомъ: въ чемъ состоитъ оно?

Отпустить бороду, надѣть зипунъ, обуться въ лапти, прияться даже за соху, ровно ничего не значить: отъ этого не произойдетъ никакой пользы ни для насъ, ни для народа, ни для общаго дѣла.

Мы должны изучать старину, трудиться надъ ея выразумленіемъ, принимать къ соображенію ея опыты, пользоваться ея указаніями, развивать ея добрыя сѣмена, заглохшія въ періодъ петербургскій, присматриваться къ народу, прислушиваться, наблюдать всѣ его движенія, знакомиться со всѣми его приемами, изучать его привычки, взгляды, и на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ вести его дальше впередъ, учить, воспитывать, а безъ насъ онъ ничего не сдѣлаетъ, или сдѣлаетъ очень мало, какъ то было и доселѣ.

Въ чемъ же иначе полагать можно сліяніе съ народомъ? Очень былъ бы я благодаренъ, еслибы кто-нибудь разрѣшилъ мое недоумѣніе.

XIII.

Признавая необходимость, законность и разумность Петровой европейской реформы, должно отдавать справедливость и древней русской исторіи. Отчаянные западники

(впрочемъ такихъ осталось не много) не допускаютъ ничего хорошаго въ древней русской исторіи, такъ какъ и вообще въ русской жизни. Этимъ господамъ, какъ я писалъ когда-то, становится больно, дурно, тошно, если кто-нибудь укажетъ тамъ добрую сторону; похвалою ей, самую частною, самую условною, наносится имъ тяжкое личное оскорбленіе; это ихъ несчастіе.

Здѣсь я могу сослаться на давнишнюю свою статью, напечатанную лѣтъ двадцать тому назадъ, въ началѣ войны между славянофилами и западниками. Отстаивая Петра предъ первыми, я долженъ былъ сражаться за древнюю исторію съ послѣдними. Черезъ двадцать лѣтъ приходится доказывать тожъ, впрочемъ, съ лучшею надеждою на успѣхъ, потому что большинство порядочныхъ людей соглашается нынѣ съ основаніями, здѣсь изложенными.

„Въ № 25 *Московскихъ Вѣдомостей* (1845 г.) помѣщена статья подѣ заглавіемъ „Бретань и ея жители,“ статья прекрасно написанная, ясная, легкая, живая,—я прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ. Но мое удовольствіе было не безъ примѣси: авторъ, воздавая хвалу западнымъ хроникамъ среднихъ вѣковъ, разсудилъ почему-то бросить тѣнь на наши, и какъ будто съ состраданіемъ произнесъ, что средній вѣкъ не существовалъ для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него.

„Въ 1830-хъ годахъ, излагая, въ одномъ изъ журналовъ того времени, систему *Европейской Исторіи* Гизо, только что появившуюся у насъ, я имѣлъ честь замѣтить знаменитому профессору объ его односторонности, и сказать, что исторіи Запада нельзя выразумѣть вполне, не обращая вниманія на другую половину Европы, на исторію Востока, шедшаго съ нимъ параллельно, Востока, который представляетъ значительныя для науки видоизмѣненія всѣхъ западныхъ учрежденій и явленій: точно такъ натуралистъ долженъ исцѣдывать всѣ произведенія, всѣ виды, принадлежащія къ одному классу, если хочетъ составить себѣ полное основательное понятіе объ этомъ классѣ.

„Не думалъ я, чтобы черезъ пятнадцать лѣтъ,—когда наука ступила столько шаговъ впередъ, послѣ того какъ издано въ свѣтъ столько свидѣтельствъ, доведшихъ эту мысль до очевидной убѣдительности, пришлось мнѣ повторить тотъ же

уврѣкъ своему соотечественнику, который, увеличивъ сверхъ мѣры ошибку, не можетъ даже привести и оправданій Гизо.

„Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы въ то время, когда одна археографическая комиссія издала томовъ двадцать древнихъ документовъ, не говоря о частныхъ трудахъ, не странно ли встрѣтить, даже въ образованномъ классѣ, людей столько запоздалыхъ, столько отсталыхъ, или столько ослабленныхъ, которые, цѣля предъ своими глазами Петрову Россію, могутъ смѣло, не запинаясь, выговаривать, что этотъ колоссъ, готовый и вооруженный, произошелъ изъ ничего, безъ всякаго предварительнаго приуготовленія, безъ средняго звѣна,—людей, которые не хотятъ даже слушать другой стороны, старающейся понять, объяснить это всемірное историческое явленіе, отыскать его причины, ближнія и дальнія, его постепенности,—людей, которые рѣшились съ непонятнымъ упорствомъ коснѣть въ своемъ непростительномъ невѣдѣніи и даже распространять свое мнѣніе, которые просто затыкаютъ себѣ уши, зажимаютъ себѣ глаза, восклицая съ Чванкиной Княжна:

Хоть вижу, да не вѣрю!

„Средній звѣкъ у насъ былъ, скажу я неизвѣстному автору, былъ, какъ и въ западной Европѣ, но только подъ другою формою; тотъ же процессъ у насъ совершался, какъ и тамъ; тѣ же задачи разрѣшались, только посредствомъ другихъ приемовъ; тѣ же цѣли достигались, только другими путями. Это различіе и составляетъ собственно занимательность, важность русской исторіи для мыслящаго европейскаго историка и философа. И у насъ было введено христіанство, только иначе, мирно и спокойно, съ крестомъ, а не съ мечомъ; и мы начали молиться единому Богу, но на своемъ языкѣ, понимая свои молитвы, а не перелепывая чуждые звуки; и у насъ образовалось духовенство, но духовное, а не мірекое; и мы преклонялись предъ нимъ, но предъ его словомъ и убѣжденіемъ, а не властію. Въ политическомъ отношеніи было также раздѣленіе, междусобная война, централизація, единоедержавіе. У насъ не было, правда, западнаго безземельнаго рабства, не было пролетаріевъ, не было ненависти, не было гордости, не было инквизиціи, не было феодальнаго тиранизма, за то было значительное самоуправленіе, патриархаль-

ная свобода, было семейное равенство, было общее владѣніе, была мірская сходка: однимъ словомъ, въ среднемъ вѣкѣ было у насъ то, объ чемъ такъ старался Западъ уже въ новомъ, не успѣлъ еще въ новѣйшемъ, и едва ли можетъ успѣть въ будущемъ. Мы явили свои добродѣтели и свои подвиги, мы имѣли свои прекрасные моменты, мы можемъ указать на своихъ великихъ людей....

„Но довольно! Доказывать, что русская исторія имѣла свой средній вѣкъ, не значитъ ли доказывать, что бѣлокурый можетъ также называться человекомъ, какъ и черноволосый? Не значитъ ли доказывать, что между всякими двумя краями всегда бываетъ середина?

„Неизвѣстный авторъ не можетъ уклониться отъ моего обвиненія тѣмъ что онъ отрицалъ существованіе на Руси только западнаго средняго вѣка,—не можетъ, ибо объ этомъ говорить нечего. Развѣ нужно сказывать, развѣ нужно кому-нибудь напоминать, что на Руси не было, напримѣръ, Парижа или Лондона? Это знаетъ всякій, и не будетъ спорить никто. У насъ, разумѣется, не было Парижа, но была Москва; у насъ не было западнаго средняго вѣка, но былъ восточный, русскій,—что и хотѣлъ я доказать, довести до свѣдѣнія автора и его читателей, а можетъ-быть и послѣдователей.

„Петръ Великій, по необходимости, вслѣдствіе естественныхъ географическихъ отношеній Россіи къ Европѣ, долженъ былъ остановить народное развитіе и дать ему на время другое направленіе. Кто изъ насъ не воздастъ должной чести этому необыкновенному генію, кто не удивляется его безпримѣрнымъ трудамъ, кто не оцѣняетъ его спасительныхъ подвиговъ, кто наконецъ не благоговѣетъ предъ его любовью къ отечеству?

„Но прошло уже слишкомъ сто лѣтъ, какъ онъ скончался и слишкомъ полтораста, какъ онъ началъ дѣйствовать, а новое время идетъ быстрее древняго. Періодъ Петровъ оканчивается: главнѣйшая цѣль его достигнута, то-есть, сѣверные враги наши смиренны, Россія заняла почетное мѣсто въ политической системѣ государствъ европейскихъ, приняла въ свои руки европейское оружіе, и привыкла обращаться оное съ достаточною ловкостію, можетъ по усмотрѣнію употреблять всѣ европейскія средства и пособія для дальнѣйшаго развитія своей собственной, на время замиравшей, жизни, во всѣхъ

ея отрасляхъ. Занимается заря новой эры: Русскіе начинаютъ припоминать себя и уразумѣвать требованія своего времени; для избранныхъ становится тяжкимъ иностранное иго, умственное и ученое; они убѣждаются, что, склоняясь подъ онымъ, они не могутъ произвести ничего самобытнаго, что чужеземныя сѣмена не принимаются, не пускаютъ корней, или производятъ одинъ пустоцвѣтъ; они убѣждаются, что для собранія собственной богатой жатвы нельзя поступать иначе, какъ воздѣлывать свою землю, то-есть разрабатывать свой языкъ, углубляться въ свою исторію, изучать характеръ, проникать духъ своего народа, во всѣхъ сокровенныхъ тайникахъ его сердца, на всѣхъ горнихъ высотахъ его души, однимъ словомъ познавать самихъ себя. Они убѣждаются, что настало время испытывать свои силы,—и блестящій успѣхъ вознаграждаетъ нѣкоторыя усилія!

„Время безусловнаго поклоненія западу миновалось, развѣ отъ лица людей запоздалыхъ, которые не успѣли еще доучить стараго курса, между тѣмъ какъ начался уже новый. Имъ можно посовѣтовать, чтобъ они постарались догнать уходящихъ, и стать наравнѣ съ своимъ вѣкомъ, въ чувствахъ уваженія къ самобытности, слѣдовательно своенародности, и слѣдовательно старины.

„Только такимъ образомъ, продолжу я имъ наставленіе, можемъ мы исполнить ожиданія самой Европы, ожиданія всѣхъ друзей общаго блага, только такимъ образомъ можемъ мы исполнить свои человѣческія обязанности. Мы должны явиться на европейской сценѣ, стану употреблять ихъ любимыя выраженія, своеобразными индивидуумами, а не безжизненными автоматами; мы должны показать тамъ свои лица, а не мертвенные дагерротипы какихъ-то западныхъ идеаловъ. Своимъ голосомъ должны мы произнести наше имя, своимъ языкомъ должны мы сказать наше дѣло, а не на чуждомъ жаргонѣ, перевода изъ нѣмецкаго компендіума и французской христоматіи; наконецъ посредствомъ своихъ мотивовъ мы должны выразить нашъ пафосъ: иначе насъ не приметъ наша старшая братія; съ презрѣніемъ, или много-много съ состраданіемъ, они отвратятъ взоры отъ жалкихъ подражателей, которые тѣмъ несчастьемъ чѣмъ кажутся себѣ счастливей. Въ гармоніи не допускаются отголоски, даже самые вѣрные, не только фальшивые, а одни самобытные звуки.

„Оставля шутки, я долженъ заключить это объясненіе о томъ, какъ понимаю я и нѣкоторые друзья мои наше время касательно науки, какими представляются намъ наши обязанности, наши отношенія къ ученой Европѣ и отечеству,—заключить отвѣтомъ на литературныя клеветы, взводимыя на насъ съ самыхъ первыхъ номеровъ *Москвитянина*, то-есть съ 1841 года.

„На насъ разносятъ клевету, будто мы не уважаемъ Запада. Нѣтъ, мы не уступимъ нашимъ противникамъ въ этомъ чувствѣ уваженія; мы изучали Западъ, по крайней мѣрѣ, не мѣнѣе ихъ; мы дорого цѣнимъ услуги, оказанныя имъ человечеству; мы свято чтимъ тяжелые опыты, перенесенные имъ для общаго блага; мы питаемъ глубокую благодарность за спасительныя указанія, которыя сдѣлалъ онъ своимъ собратіямъ; мы сочувствуемъ всему прекрасному, высокому, чистому, гдѣ бы оно ни проявлялось, на западѣ и востокѣ, сѣверѣ и югѣ,—но мы утверждаемъ, что старыхъ опытовъ повторять не нужно, что указаніями пользоваться должно, что не все чужое прекрасно, что время оказало на Западѣ многіе существенныя недостатки, что, наконецъ, мы должны имѣть собственный взглядъ на вещи, а не смотрѣть попрежнему глазами Французовъ, Англичанъ, Италіянцевъ, Прусакъ, Австрійцевъ, Баварцевъ, Венгерцевъ и Турокъ. Ясно ли теперь для читателей, что эту клевету разносятъ на насъ напрасно!

„Напрасно разносятъ на насъ еще клевету, что мы хотимъ воздвигнуть изъ могилы мертвый трупъ. Мертвый трупъ противенъ намъ, можетъ-быть, болѣе нежели кому иному. Нѣтъ, душа безсмертная, которая обитала въ этомъ трупѣ, привлекаетъ наше вниманіе, возбуждаетъ наше благоговѣніе. И въ какомъ западномъ просвѣщенномъ государствѣ, въ какомъ нѣмецкомъ университетѣ, давно ли, изученіе древности, даже мексиканской, эіонской, стадо награждаться подобною насмѣшкой, называться намѣреніемъ воскрешать мертвецовъ?

„Напрасно взводятъ на насъ клевету, будто мы поклоняемся нечестиво неподвижной старинѣ. Нѣтъ, неподвижность старины намъ противна столько же, какъ и бессмысленное шатанье новизны. Нѣтъ, не неподвижность, а вѣчное начало, русскій духъ, вѣющій намъ изъ заветныхъ нѣдръ этой старины, мы чтимъ богобоязненно, и усердно молимся, чтобы

онъ никогда не покидалъ святой Руси, або только на этомъ краеугольномъ камнѣ она могла стоять прежде и пройти всѣ опасности,—поддерживается теперь, и будетъ стоять додго, если Богу угодно ея бытіе. Старина драгоцѣнна намъ, какъ родимая почва, которая упитана, не скажу кровію,—кровію упитана западная земля,—но слезами нашихъ предковъ, перетерпѣвшихъ и Варяговъ, и Татаръ, и Литву, и жестокости Іоанна Грознаго, и революцію Петра Великаго, и нашествіе двадцати языкъ, и навожденіе легионовъ духовъ, въ сладкой, можетъ-быть, надеждѣ, что отдаленные потомки вкусятъ отъ плода ихъ трудной жизни, а мы, несмысленные, мы хотимъ только плясать на ихъ священныя могилахъ, радуемся всякому пустому поводу, ищемъ всякаго предлога, даже несправедливаго, наругаться надъ ихъ памятью, забывая примѣръ нечестиваго Хама, пораженнаго на вѣки вѣковъ, въ лицѣ всего потомства, за свое легкомысліе.

„Неизвѣстный авторъ статья о Бретани, которая подала мнѣ поводъ выразить теперь свое мнѣніе, бросилъ также, можетъ-быть нечаянно, камень въ древнюю нашу исторію, сказавъ съ насмѣшкою, что „мы хоть недавно, но рѣшитель-но распроетились съ своей неподвижною стариною, съ без-выходнымъ застоємъ кошихинской эпохи, и благодаря Богу и Петру Великому, пошли впередъ путемъ обновленной жизни и многосторонней дѣятельности.“

„Благодарю за выборъ представителя!

„Избави насъ Боже отъ застоя кошихинской эпохи, но и сохраните насъ, высшія силы, отъ кошихинскаго прогресса,—прогресса Кошихина, который измѣнилъ своему отечеству, отрекся отъ своей вѣры, перемѣнилъ свое имя, отказался отъ своего семейства, бросилъ своихъ дѣтей, женился на двухъ женахъ, и кончилъ свою несчастную жизнь отъ руки тѣхъ же иноплеменниковъ, достойно наказанный за свое легкомысленное и опрометчивое отступничество!...“

Заключу данную статью общимъ мѣстомъ: крайности нигде не годятся; съ западной ли стороны упасть въ пропасть нигилизма, или съ восточной—все равно: прямая дорога по срединѣ.

М. ПОГОДИНЪ.

СОВРЕМЕННЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РАСКОЛѢ *

Февраля 24, то-есть въ то время какъ возникли уже не-удовольствія у бѣлокриницкаго митрополита съ русскими старообрядческими архіереями, эти послѣдніе издали въ Москвѣ „Окружное посланіе возлюбленнымъ чадамъ, единымъ, святымъ, соборнымъ, апостольскимъ, древле-православно-каеолическія церкви, всѣмъ и повсюду пребывающимъ.“ Это окружное посланіе, по своему содержанію, по духу, въ какомъ написано, наконецъ, по обстоятельствамъ, среди которыхъ издано, представляетъ весьма замѣчательное явленіе, заслуживающее серьезнаго вниманія. О немъ-то въ № 5 *Русскаго Вѣстника* мы и обѣщали поговорить. Посланіе издано, повидимому, съ цѣлію предостеречь „возлюбленныхъ чадъ древле-православно-каеолической церкви“, отъ нѣкоторыхъ вредныхъ и недѣльныхъ сочиненій, дышащихъ крайнимъ ожесточеніемъ противъ церкви православной, — сочиненій, давно обращающихся между старообрядцами и которымъ доселѣ поповщизны не усвоили такого важнаго значенія, чтобы стоило писать противъ нихъ окружное посланіе. Сочиненія эти, какъ намъ кажется, послужили старообрядцамъ поповщизнаго согласія только поводомъ высказать, что они не только не раздѣляютъ той вражды къ православію и тѣхъ клеветъ и худеній на церковь, какими осыпаютъ ее безпоповщизны; но

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 5.

напротивъ, относительно существеннаго содержанія вѣры, почитаютъ православную церковь истинною и неповрежденною, и даже тѣ дѣйствія ея и учрежденія, которыхъ не хотятъ принять изъ ложнаго опасенія измѣнить древле-отеческому обряду, признаютъ имѣющими священное достоинство и силу. Эти сужденія о церкви православной, высказанныя ясно и опредѣленно, а главное, въ такомъ миролюбивомъ и кроткомъ духѣ, какъ доселѣ еще не говаривали старообрядцы о православныхъ, составляютъ существенное содержаніе посланія и сообщаютъ ему особенную важность. И если мы возьмемъ еще во вниманіе, что эти сужденія, и въ такомъ духѣ выраженные, принадлежатъ не частному лицу изъ раскольниковъ, а издаются въ видѣ окружающаго посланія отъ лица всѣхъ представителей духовной власти у старообрядцевъ, издаются въ такое время, когда готова порваться связь русскихъ старообрядцевъ съ австрійскою митрополіей, и когда они, съ другой стороны, такъ рѣшительно, на ряду со всѣми вѣрнопопавшими сынами Россіи, заявляютъ предъ престоломъ свою преданность отечеству, готовность принести въ жертву ему и жизнь, и достоинство,—то читатели, безъ сомнѣнія, поймутъ, почему *Окружное Посланіе* старообрядческихъ архіереевъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Нельзя, наконецъ, не сдѣлать замѣчанія и о самомъ изложеніи *Окружнаго Посланія*. И въ этомъ отношеніи оно выходитъ изъ ряда старообрядческихъ сочиненій новѣйшаго времени. Эти послѣднія, большею частію, не отличаются смысломъ и грамотностію; въ *Окружномъ Посланіи*, напротивъ, мы находимъ основательность мысли, обиліе ксати приведенныхъ свидѣтельствъ изъ уважаемыхъ старообрядцами книгъ и писателей, — свидѣтельствъ, обнаруживающихъ въ составителѣ *Посланія* не просто начитаннаго человѣка, что не рѣдкость между старообрядцами, но хорошо изучившаго церковную и преимущественно старообрядческую литературу. Самый языкъ отличается особенною работанностію, напоминающею лучшіе старообрядческіе образцы въ этомъ родѣ; онъ напоминаетъ именно сочиненія Андрея Денисова, но чуждъ той изысканности и витіеватости, которыя нерѣдко встрѣчаются въ сочиненіяхъ Денисова и не мало вредятъ имъ. Кто охотникъ до старообрядческихъ сочиненій, такъ-сказать, вошелъ во вкусъ ихъ, тому *Окружное Посланіе* можетъ доставить не

малое удовольствіе; но и читатели, недостаточно знакомые съ старообрядческою литературой, да и вообще съ славянскою грамотой, надѣмся, не посѣтуютъ на насъ, если мы, излагая содержаніе *Посланія*, будемъ приводить большую частію подлинныя слова.

„Всяко тщаніе и подвижаніе должны есмь имѣти, возлюбленнии, еже послѣдовати ученію божественныхъ писаній, и хравити священныя каноны и преданія святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, иже на седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборѣхъ, въ различныя времена собравшихся, на истребленіе богомерзкихъ ересей и на утвержденіе правыхъ вѣдній. О нихъ же божественный апостолъ зываетъ глаголя: „Помните наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово „Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣру ихъ: и въ наученія странна и различна не прилагаете“ *.

„Внимающе сему, должны есмь блюстися волюхъ ересей и раздоровъ, явленныхъ же и не явленныхъ: держати же и хравити догматы вѣры и преданія церковная, цѣла же и не превратна, по реченному: „Не прелагай предѣлъ вѣчныхъ, аже „положиша отцы твои“ **. Сего ради прилежно „испытаемъ „писанія и преданія отецъ, и оныхъ возревнуемъ: и якоже обрѣтохомъ церковь отъ Христова шествія, сице ты сохранимъ, сице и предадимъ, а не отлучаемъ себѣ отъ отецъ нашихъ иная прочитающе, а иная разумѣвающе“ ***.

„Сія убо во умѣ обносяще: подобаетъ намъ среднимъ царскимъ путемъ шествовати, не уклоняющеся ни на десно, ни на шуе: и отъ всякихъ заохуленій отвращатися, удалятися кривосказательнаго ученія, и лжеименнаго разума. „Мнози бо лжеучители и лжепророцы изыдоша въ міръ“ ****, иже „положиша на небеси уста своя, и языкъ ихъ переходитъ по земли“ †.

Къ числу этихъ лжеучителей *Посланіе* относитъ составителей различныхъ „богопротивнаго мудрованія свитковъ“, противъ которыхъ и считаетъ нужнымъ и благопотребнымъ

* Къ *Евреомъ*, зач. 334.

** *Притчи*, гл. 22.

*** *Сборникъ большой*, л. 337 на обор.

**** *Иоан.* зач. 73.

† *Псаломъ* 72.

предостеречь „возлюбленныхъ чадъ древле-православно-каеодическія церкви“. Находя неудобнымъ исчислять всѣ подобнаго рода сочиненія, *Посланіе* „предлагаетъ на среду“ только слѣдующія десять: а) Апокалипсисъ седмитоковый, б) книгу Евстафія Богослова, в) ложное толкованіе Амфилохіево второй пѣсни Моисеевой, г) слово отъ старчества инокъ Захаріи къ ученику своему Стефану, д) лжеоставленное толкованіе десяти персть и десяти роговъ звѣря, е) тетрадь о бражникѣ, ж) о винномъ сотвореніи, з) о картофлѣ мнимо отъ папдока и другихъ книгъ, и) о духовномъ Антихристѣ, и i) тетради лжепророческія, въ нихъ же назначается время и день кончины міра и втораго прішествія Христова: „Яже вся“, говорится даѣе въ *Посланіи*, „суть ложная и баснословная сочиненія, въ нихъ же проповѣдуется пресѣченіе христонреданаго священства, скончаніе новоблагодатнаго закона, царствованіе послѣдняго Антихриста, который аки бы възсѣдетъ на престолѣхъ алтарей господствующей нынѣ въ Россіи церкви, яже, аки бы иному богу вѣруетъ и поклоняется, исповѣдуя подъ именемъ Іисуса, не Христа Спасителя, но противника его, Антихриста. Таковая безмѣстная и нелѣпная мудрованія, постыжа была злонамѣренно отъ помрачившихъ совѣсть безпоповцевъ и не примѣтно въкрадаются въ христоименитыя люди, дышущія простотою и незлобіемъ, и не могущія различити истинну отъ лжи.

„Оберегая стадо Христовыхъ словесныхъ овецъ отъ душепагубнаго ученія, и во отвращеніе таковыхъ нелѣпныхъ мудрованій и всескверныхъ плевель, постыжныхъ посредѣ чистыя пшеницы благовѣрія, предлагаемъ посланіе сіе, и молимъ все христоименитое достояніе, вкупѣ съ богомудрымъ философомъ преподобнымъ Максимомъ Грекомъ, глаголюще: „Не всякимъ вѣтромъ ученія обноситися, но со многими опасствомъ и трезвеннымъ разумомъ искушати духи, сирѣчь, яже „отъ нѣкихъ писуемыхъ, книги: аще во истинну отъ Бога суть, „по божественному апостолу и евангелисту Іоанну, сирѣчь: „Аще согласны суть по всему съ писанными Святымъ Духомъ, „пророческимъ, и апостольскимъ, и евангельскимъ священнымъ „и правымъ словесемъ, и неблазненнымъ богословскимъ догматомъ, возсіявшихъ по нихъ, всюду вселенныя богодухновенныхъ святителей и учителей. Аще же не по всему согласуютъ, ниже сошествуютъ съ богодухновенными писаніи, яже „отъ нѣкихъ писуемыхъ книги, отринуты и гнушати ихъ

„подобаетъ, аки хульныхъ и скверныхъ и Богао тлачающихъ“* и проч. „Послѣдую ученію преподобнаго мужа, возвратимся на вышепредложенныя сочиненія, и рассмотримъ безпристрастнымъ окомъ лежащая въ нихъ ложная мудрованія, начнемъ же сие.“

Слѣдуютъ замѣчанія на каждое изъ названныхъ сочиненій. Для примѣра мы приведемъ здѣсь замѣчанія на седмитоко-
вый Апокалипсисъ, какъ болѣе полныя и обстоятельныя. „Апокалипсисъ седмитококовой, въ немъ же надписуется, аки бы напечатанъ повелѣніемъ благочестиваго Государя Царя Іоанна Васильевича всея Русіи, и аки бы имать 401 главу, а не 22, яко же въ Апокалипсіи святаго Іоанна Богослова содержится, и аки бы Іоаннъ Богословъ толкуетъ словенскою рѣчію! Въ сей богомерзкой тетрадкѣ, толико зловредныхъ мудрованій написано, яко не точію глаголати, но и помыслити ужасно! Тамъ (и во иныхъ ложныхъ сочиненіяхъ) четвероконечный крестъ злословится (оде дерзости!) образомъ сквернаго богопротивника Антихриста, идоломъ, мерзостію заступствія, кумиромъ стоящимъ на мѣстѣ святѣ, и прочая недѣлая порицанія на оный возпущаются. Имя Іисусъ приписуется имени самого послѣдняго антихриста! Евхаристія совершаемая подъ именемъ онымъ, и четвероконечнымъ крестомъ, нарицается зминымъ блеваніемъ, и агальцемъ Антихристовымъ. Конечно же проповѣдуется истребленіе священной хиротоніи во всей вселеннѣй. Таковое богоборное ученіе, священному писанію и церковному ученію есть несогласно, крестохудно, еретическо, душепагубно, и отънюдь ложно. Ложно, яко надписуется, аки бы напечатанъ повелѣніемъ Государя Іоанна Васильевича, но печатнаго издавія не точію книги, но ниже единаго листа, таковаго содержанія, нигдѣ не баше и отънюдь нѣсть. Ложно, яко объявляетъ 401 главу; но по содержанію вездѣ у любителей онаго въ малой тетрадкѣ обносится. Къ сему же и во Апокалипсіи святаго Іоанна Богослова не 401 главу, но по содержанію вездѣ у любителей онаго въ малой тетрадкѣ обносится. Къ сему же и во Апокалипсіи Святаго Іоанна Богослова не 401, но 22 главы положены суть: отъкуду же 379 главъ приложиса? Ложно, яко баснословить, аки бы Іоаннъ Богословъ толкуетъ словенскою рѣчію. Но Іоаннъ Евангелистъ во Асіи Христа проповѣда; тамъ же Евангеліе и Апокалипсисъ по откровенію Божію написаны

* Максима Грека слово 10.

суть; въ Словенѣхъ же не бѣше и словенскою рѣчию не толковаше. Славяномъ же превозванный Андрей благовѣсти спасенную проповѣдь; но и той четвероконечнаго креста не хуляше, о чемъ зри въ житіи его. Отяюду же и ясно зрится: яко псевдоименитый седмитоалковой Апокалипсисъ сей составленъ не отъ Іоанна Богослова, но отъ нѣкоего вседерзостнаго баснослова, и есть лжесоплетенная выдумка, отъ безпоповцевъ на погибель душамъ христіанскимъ выпущенная. О хулахъ жевъ немъ обносимыхъ речется послѣжде во своемъ мѣстѣ. Столь же ясно, только болѣе кратко, указаны дальшє неаѣности прочихъ девяти тетрадокъ.

Показавъ такимъ образомъ, что всѣ „вышереченныя и другія тѣмъ подобныя сочиненія, отъ наглыхъ невѣждъ составленныя, суть ложныя и церкви чуждыя“, *Посланіе* съ своей стороны, „въ направленіе здраваго разсужденія“, предлагаетъ изложеніе правыхъ понятій, которыхъ должны держаться „послѣдователи древаецерковнаго благочестія“, особенно относительно тѣхъ предметовъ вѣры, о которыхъ такъ нечестиво учать злонамѣренныя безпоповщинскія тетрадки. Изложеніе это заключено въ десяти пунктахъ, не отличающихся строго одинъ отъ другаго по своему содержанію, вѣроятно, только въ соотвѣтствіе десятиричному числу тетрадокъ, противъ которыхъ выше сдѣланы замѣчанія. Существенно важны здѣсь пункты 2—6, о которыхъ мы и скажемъ подробно.

Во *второмъ* пунктѣ изложено общее сужденіе о православной грекороссійской церкви, указаны причины, почему старообрядцы, при всемъ уваженіи къ ней, не могутъ подчиниться ея пастырямъ, и наконецъ представлены условія, при которыхъ они находятъ возможнымъ полное соединеніе съ нею. „Господствующая нынѣ въ Россіи церковь, равно и греческая, вѣруетъ не во инаго Бога, но во единаго съ нами: Творца небу и земли, видимымъ же всемъ и невидимымъ, глаголю же, святую Троицу единосущную и нераздѣльную: Отца безначальна, Сына собезначальна и Духа Святаго сопрестольна. Исповѣдуетъ и плотьское смотреніе Христово, во искупленіе рода человѣческаго содѣянное. Почитаеть и честныя праздники владычи, вкупѣ съ нами (по древнему календарю) не привидѣняемъ, но дѣтельны: Рождество Христово, Срѣтеніе, Богоявленіе, распятіе, погребеніе, тридневное воскресеніе, и на небеса преславное вознесеніе, и прочая. Такжеже

и пречистыя Богоматере, и святыхъ угодниковъ Божиихъ. Поклоняется святымъ иконамъ древняго изображенія, съ надписаніемъ имени Христова: Ісусъ Христосъ. Лобызаетъ честный гвоздь и хитонъ Христовъ, святыхъ и чудотворныхъ иконы, и святыхъ угодниковъ Божиихъ мощи. И сими всеми явственно доказывается, яко во единого и того же вѣруетъ Бога, единого и того же съ нами исповѣдуетъ Христа. И такового ради вѣрованія ея, крещеніе совершаемое отъ нея въ три погруженія, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и хитонія, на основаніи священныхъ правилъ и свято-отеческихъ событій, пріемлется безъ повторенія“.

Итакъ, старообрядцы сознаются наконецъ и торжественно объявляютъ, что въ существенномъ, въ чемъ, по свидѣтельству Спасителя, именно заключается животь вѣчный, греко-россійская церковь нисколько не отступила отъ чистоты православія. Они говорятъ теперь о насъ то же самое, что болѣе полувѣка тому назадъ говорилъ объ нихъ, отъ лица православной церкви, митрополитъ Платонъ: „Вы во единого Бога, во святѣй Троицѣ славимаго, вѣруете такъ какъ и мы; вы Спасителя міру, Господа нашего Иисуса Христа, исповѣдуете такъ какъ и мы: а въ сихъ членахъ содержитсяъ вся сила вѣры: „се есть животь вѣчный, да знаютъ тебѣ единого истиннаго Бога и его же послалъ еси Иисусъ Христосъ“ (Увѣщ. во утвержд. истины.) Что же послѣ этого держитъ старообрядцевъ въ отдѣленіи отъ православной церкви, и что нужно по ихъ мнѣнію, чтобы послѣдовало вожделѣнное соединеніе ихъ съ церковію? „Вины нашего непослѣдованія пастыремъ той церкви, отвѣчаетъ посланіе, суть важныя благословныя. Понеже убо поупущеніемъ Божиимъ, чрезъ Никона бывшаго патріарха, древлецерковная преданія измѣнишася, и въ послѣдствіи соборомъ (съ присутствіемъ греческихъ патріарховъ) 1667 года, ужаснѣйшая клятва и анаѣема на содержащихъ древняя святоцерковная преданія произнесена, и строгое преслѣдованіе, и гоненіе воздвигшеся съ мученіемъ; и по сихъ отъ пастырей поборающихъ по новоизложеннымъ догматамъ и преданіямъ, бранныя книги издашася, въ нихъ же святѣйшее и поклоняемое имя Христа Спасителя нашего Ісусъ, злохульно поречено, аки бы не знаменуетъ Спасителя и исцѣлителя душъ нашихъ, но якого чинаго Ісуса равноухаго, къ сему же (оде дерзости!) именоваша чудовищнымъ и ничего не значущимъ! Двоперетное сложеніе

на изображеніе крестнаго знаменія, также поречно: арианствомъ, македоніанствомъ“ и проч. Приводятся и другія укориженныя выраженія изъ православныхъ полемическихъ сочиненій противъ раскола. „Къ симъ же и иная суть измѣненія и премѣненія, отъятія и приложенія, яже здѣ исчисляти неудобно есть. Изволяяй же да чтеть во отвѣтѣхъ іеродіакона Александра. Также въ пятьдесятomъ отвѣтѣ поморскихъ отвѣтовъ, и въ сочиненіи Никодима инока, въ шести статіяхъ и тридесяти показаніяхъ.

„Сихъ ради, совѣсть наша не допускаетъ насъ быти въ подчиненіи пастыремъ той церкви, иже, къ крайнему сожалѣнію здравомыслящихъ, не обращаютъ должнаго вниманія на исправленіе своихъ полемическихъ книгъ, и не уничтожаютъ означенныхъ жестокословныхъ порицаній—порицаній отвратительныхъ, благочестивому слуху невмѣстимыхъ, и христіанскимъ пастыремъ отнюдъ не свойственныхъ.

„Аще же нѣкогда, продолжаетъ *Посланіе*,—благодатию Божію озарившеса, отложить вышеупомянутая порицанія и соборныя оставятъ своя новодогматствованія, а святую старожитность возлюбить и приимуть, и порученнымъ себѣ хранити ю повелятъ *; и начнутъ послѣдовати всѣмъ древлецерковнымъ преданіямъ неизмѣнно, и устроится церковь въ такой точности догматовъ и преданій, яко же бѣше отъ лѣтъ равноапостольнаго князя Владимира и до лѣтъ Никона бывшаго патріарха: „тогда валъ того предѣла въ ровеникъ обратится, и единымъ къ другимъ прихождение учиятъ сердца“ **. И мы безъ всякаго увѣщанія человѣческаго, пойдемъ къ общенію ея. А довелѣже пребываютъ соблазны и преткновенія, возмущающія совѣсть нашу: то мы не можемъ, вопреки ученію древле-православныя церкви и вопреки убѣжденія своея совѣсти, послѣдовати новоизложеннымъ догматамъ и преданіямъ. И сего ради нѣсмы раскольницы и раздорьницы, но чада едчныя святыя соборныя апостольскія древле-православно-каѳолическія церкви.“

„Объявивше убо“, такъ заключается второй пунктъ *Посланія*, „свое исповѣданіе и священное желаніе, засвидѣтельствуемъ предъ всевѣдящимъ Богомъ: яко же удаляемъ отъ порицающихъ древлецерковная преданія, тако не общаемся

* Книга о Вѣрѣ, гл. 25, л. 195 набор.

** Тамъ же.

и хуламъ безпоповскимъ, въ вышепредложенныхъ тетрадкахъ обносацимся, на которыя чинимъ нынѣ опроверженіе. И молимъ живущаго въ вышнихъ, единого безначальнаго Царя Славы: да посаужитъ сіе образцемъ ученымъ пастыремъ господствующей нынѣ въ Россіи Церкви, яко да и ти обратятъ должное вниманіе о вышепредложенныхъ жестокословныхъ порицаніяхъ, отъ предѣстниковъ ихъ сочиненныхъ и въ свѣтъ изданныхъ. Мы же всякаго злохуленія отвращаемся и мудствуемъ сице.“

Слѣдуетъ изложеніе ученія, „въ направленіе здраваго разсужденія“, между прочимъ, о нѣкоторыхъ частныхъ предметахъ разногласія между православными и старообрядцами, именно: „о святѣйшемъ и покланяемомъ Христовѣ имени: Іс“ (пунктъ третій), и „о чествіи и животворящемъ крестѣ“ (пунктъ четвертый). Оба эти пункта мы приведемъ вполнѣ.

„Пресвятое, пресладкое, прелюбезное и превожделѣнное имя Христа Спасителя нашего пишемъ и произносимъ въ чтеніи и пѣніи такъ: Іс (Ісусъ), яко же отъ древнихъ святыхъ преводниковъ, въ началѣ на славенскій нашъ языкъ преведеса. И тако писашеса и произношашеса до лѣтъ Никона бывшаго патріарха, яко же лѣвъ зрится въ славяноросійскихъ древлеписьменныхъ и древлепечатныхъ книгахъ, и на безчисленныхъ святыхъ и чудотворныхъ иконахъ. Посему убо и впредь должно есть содержатися сіе древнее начертаніе и произношеніе неизмѣнно, не предложно и не прикосновенно, не приемя никоихъ нововведеній, ни есхологическихкихъ внушеній, и сохраняти оное безъ предложенія и умаленія. Сіе бо, по сказанію святыхъ отецъ, знаменуетъ: Спаса, избавителя, врача и исцѣлителя душъ и тѣлесъ нашихъ. Сице убо исповѣдающе, со апостоломъ глаголемъ: сіе есть пресвятѣйшее имя, кромѣ котораго: „нѣсть иного имени подъ небемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ.“ * И сіе есть покланяемое имя: „Еже паче всякаго имени, да о имени Ісусовѣ всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ. И всякъ языкъ исповѣсть, яко „Господь Ісусъ Христосъ, въ славу Богу Отцу.“ ** Обаче же и пишемое и произносимое нынѣшними Греками и Россіянами

* *Дьякія*, зач. 10.

** *Къ Филипписеомъ*, зач. 245.

такъ: Иисусъ, хулити не дерзаемъ и не нарицаемъ о имени нѣаго Иисуса, и имениемъ противника Христова, яко же нѣдци безпоповцы зломудрствуютъ. Ибо нынѣ въ Россіи господствующая Церковь, вкупѣ же и греческая, подъ симъ имениемъ исповѣдуетъ того же Христа Спасителя, по плоти родословима: Сына Давыдова, Сына Авраамля, рожьшагоса отъ колѣна Іудова, отъ пречистыя дѣвы Маріи безъ сѣмене наугіемъ Святаго Духа, и осмодневное обрѣзаніе приѣмша, таже отъ Симеона Богоприимца на руку восприята, въ Египеть отшедша и отътуду возвращьшася, и въ Назаретѣ воспитана и во Іорданѣ отъ Предтечи крещьшася, и по семь ликъ апостольскій собравша, и проповѣдавша Евангеліе царствія Божія, таже отъ ученика предана, распята и погребена, и воскресшаго въ третій день, и въ четьредесятый вознесшася на небеса, и сѣдѣща одесную Отца; вѣруеть же, яко паки приити иматъ со славою судити живымъ и мертвымъ.

„Изъ всего вышеозначеннаго прясно показуется, яко того же исповѣдуетъ Христа, Сына Божія единосушняго Отцу. И здѣ нѣсть, и не возможно подѣразумѣвати инаго Бога, или инаго Иисуса, никако же.

„Видится же и въ древнихъ нѣкихъ книгахъ тако напечатано: яко же въ концѣ Библии, острожьской печати, изданной въ лѣто 7080, на послѣднемъ листѣ, въ два столбца расположенномъ, идѣже на славенскомъ діалектѣ напечатано Іс, на греческомъ же Иисусъ. Еще подобаетъ вѣдати: кievскій митрополитъ, Петръ Могіла, въ 1645 году, издаде малый катихизисъ, вонъ же ново внесе трехперстное сложеніе, поливательное крещеніе, и имя Христа Спасителя, вмѣсто Іс, напечатано Иисусъ. Сей катихизисъ, святѣйшій Іосифъ, патриархъ московскій, въ 7157 году, вторицею издаде, и несогласная церковному преданію мѣнѣя, яко же трехперстное сложеніе, поливательное крещеніе, и нововводное имя Иисусъ, изъ него изключи; но суда хульна, еже бы Иисуса нареци инымъ Богомъ, или инымъ Иисусомъ, отнюдь не изнесе. Тако же и весь освященный всероссійскій соборъ, собравшійся въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ царскихъ палатахъ, сымаяся о исправленіи церковнаго пѣнія, на бѣсѣды апостольскія, изданныя въ Кіевѣ, Захаріемъ Копистерскимъ, въ лѣто 7131, въ нихъ же во многихъ мѣстѣхъ Христово имя напечатано Иисусъ видѣша, и въ церковное употребленіе того не прияша; обаче и суда хульна, еже бы Иисуса

нареци инымъ Богомъ, не точію не изнесоша, но даже о семъ и не глаголаша. Аще же бы отцы всероссійскаго собора Іисуса разумѣли быти инаго Бога; то всяко предосторожности ради предъ будущимъ родовомъ сіе объявили бы: ибо сіе дѣло велико есть, и молчанію отнюдъ недостойно. Аще же не объявша, то явѣ есть, яко имя Іисусъ нѣсть имя инаго Бога, и нѣсть имя противника Христова. И вся погрѣшность заключается точію въ приложеніи къ имени Іс единой гласной буквы: и, юже приложивъ печатають и произносятся: Іисусъ.

„И понеже убо святѣйшіе московстїи патріарси: Іовъ, Ергогенъ, Филаретъ, Іоасафъ и Іосифъ, во употребленіе сего имене не введоша, и мы не вводимъ: и яко же они хулы и поношенія на оное не положиша, и мы не полагаемъ. Паче же и злохуленіе безпоповское, не Духомъ Божиимъ дѣйствуемое, уничтожаемъ и отвергаемъ. Такжеже и богопротивное ругательство на святѣйшее и поклоняемое имя Іс обносимое въ Розьскѣ, Пращицѣ и другихъ книгахъ, и служащее величайшимъ соблазномъ и камнемъ претыканія, отражаемъ и отрѣваемъ; и всѣхъ хульниковъ имене Христова предаемъ суду того самого всемогущаго Іса, иже егда приидеть во славу Своею, воздастъ комуждо по дѣломъ его, и комуждо по начинанію сердца его.“

„Вѣруемъ и исповѣдуемъ, яко честный и животворящій крестъ Христовъ, отъ трехъ древъ: кипариса, певга и кедра, въ тридневную смерть Господа нашего Іса Христа, содѣланъ бысть. Яко же предрече о семъ Исаія, Боговиднѣйшій, отъ лица Господня глаголя: „И слава Ливанова къ тебѣ приидеть, кипарисомъ, и певгомъ, и кедромъ вкупѣ, прославити мѣсто святое Мое, и мѣсто ногу Моею прославаю.“ * По сказанію бо учителей церковныхъ: ** простое древо креста отъ кипариса бѣше; прекое отъ певга, на немъ же руды Христовы пригвождены бѣху; подножіе же отъ кедра, яко же и Церковь воспѣваетъ зываючи: „На кипарисѣ, и певгѣ, и кедрѣ, вознеслся еси агяче Божій.“ *** На немъ же и дщца (по сказанію нѣкіихъ) отъ древа масличнаго устроена бѣше, юже Пилатъ повелѣ положить верху главы Христа

* *Исаія, гл. 60.*

** Григорія Амиритскаго *Бъсѣда съ Ереваномъ*, третьяго дѣла.

*** *Октай*, въ среду и пяткъ, сѣдаленъ на утрени, третьяго гласа.

Спасителя, яко же вѣщаютъ божественнїи Евангелисти. * Сей трисоставный крестъ Христовъ, сицевъ видомъ есть.** Но убо послѣди вольнаго распятїа Христова, аще и отъ трехъ древъ, аще и отъ единоваго, аще отъ золота и сребра или мѣди и прочихъ металловъ, творить Церковь святая крестъ Христовъ, съ воображенїемъ плоти Его, равно прие́млется и почитается; или токмо единъ крестъ безъ плоти Христовы начертывается яко же на антимисахъ, на просеирахъ, на всеоцнвыхъ хлѣбахъ, на артусъ, на понагіарномъ хлѣбѣ, и на иныхъ различныхъ церковныхъ вещехъ воображается, образъ того же креста Христова исповѣдуется: тѣмъ же на самѣхъ главахъ священныхъ храмовъ поставляется. Не точїю же, но и сокращеннѣ творимый, во образъ того же креста Христова прие́млется: яко же водружальный крестъ, иже подъ престоломъ поставляется, сицевъ видъ имать. Подобнѣ и четвероконечный крестъ, не снѣвъ есть ветхаго снѣвнаго завѣта, и не упразднися отъ новоблагодатнаго закона Христова. Множае же не есть образъ противника Антихриста, и не кумиръ, и не мерзость запустѣнїя, стоящая на мѣстѣ святѣ, яко же въ вышереченныхъ тетрадкахъ злословится; но образъ есть креста Христова, отъ днѣй апостольскихъ, и до нынѣ прие́млемый православно-кафолическою Церковію, и видотворимый снѣвию и начертанїемъ. Снѣвию убо: егда оснѣненїемъ руки, свѣщцами, дуновенїемъ и огражденїемъ себе рукою крестное знаменїе воображается. Начертанїемъ же: ввсегда масломъ, муромъ, вапы, и всякимъ вещественнымъ видотворенїемъ крестъ начертывается. И сице въ тайнодѣйствїяхъ церковныхъ прие́млется, и запечатѣвается я: яко же въ маслопомазанїи, въ муропомазанїи, въ постриженїи власовъ, въ дуновенїи священника надъ водою и въ оснѣненїи рукою, и свѣщцами, и во огражденїи нашею рукою, всегда знаменуемъ лица ова. Такожде полагається и на священныхъ одеждахъ діаконскихъ, священническихъ, и архїерейскихъ. Иже ввсегда облачитися кому отъ священныхъ, оснѣняетъ перве вещь, не крестъ освящая, но вещь благословляя, и потомъ цѣлуетъ крестъ, и облачится. А яко крестъ не освящается оснѣненїемъ руки, но начертанїемъ своимъ освящаетъ, свидѣтельствуеть святыи Баллистъ патриархъ, глаголя: „Идѣже убо начертанъ бываетъ крестъ, „благословляетъ, и освящаетъ, и просвѣщаетъ, и вся спасен-

* *Иоаннъ, зач. 60.*

** На поляхъ въ *Окружномъ Посланїи* начертаны изображенїа осмиконечнаго, „водружальнаго“ и четвероконечнаго крестовъ.

„ная даетъ.“ * Полагаетъ же ся такое воображеніе креста и на священныя покровцахъ, ими же покрываются божественный агнець на дискосѣ, и животворящая кровь въ потирѣ. Иже убо идѣже съ залогомъ воспоминанія Христова за ны страдаія воображается, или начертывается, образъ креста Христова, и есть, и глаголется, якоже научаютъ о семъ святіи и богоносни отцы, имъ же церковь послѣдуя, исповѣдуетъ, яко сѣвию и воображеніемъ креста, сокрушаются вся сопротивныя силы; якоже явствуется въ молитвѣ на крещеніе челоукомъ надъ водою, юже іерей освящая крестовидно свѣщами, дуновеніемъ, и рукою, глаголетъ: „Да сокрушатся, „подъ знаменіемъ воображенія креста твоего, вся сопротивныя силы,“ ** и прочая. Не точію же съ залогомъ воспоминанія Христова страдаія воображаемое креста знаменіе не отмѣняется, но съ благоговѣніемъ приеимется и почитается; но и идѣже аще по случаю просто начертанъ, или сложенъ есть видъ креста †: и таковой убо, аще и не почитается святоулюбивъ, но обаче и не гаждается и не безчествуется, якоже гласитъ 73 правило шестаго вселенскаго собора: „Иже „на земли крестъ написанъ, да загладится. Сирѣчь: аще на „земли образъ креста отъ нѣкоего написанъ будетъ, или сло- „женъ: да потрениъ будетъ, или разверженъ, да не отъ чело- „вѣкъ невѣдѣющихъ, или отъ животинъ поправъ будетъ, и по- „ругаво будетъ побѣдное наше оружіе“. *** Но и въ правилѣхъ Иліи, архіепископа новгородскаго, завѣщавается: „Аще на „коврѣ крестцы, то не спати на нихъ“. **** Аще же не спати, „благоявленно есть, яко и не ходити по нихъ и не попирати „ногама. Понеже святая церковь латинъ именуеть крестопо- „пирателями, паче же и проклінаеть, глаголющи: „Проклінаю „латинское лицемѣріе о начертаніи честнаго креста, еже ла- „тини творять: входяще въ церковь, и крестъ на земли двѣма „перстома начертавше, и сего цѣловавше, встають, и паки „попираютъ ногами своими, и тако попирателіе кресту явля- „ются“. ***** Согласно сему и премудрый киръ Зиновій Мвѣихъ пишетъ, глаголя: „Отсель же крестный образъ на земли

* *Евангеліе учительное на Воздвизженіе честнаго креста.*

** *Требникъ большой, л. 102.*

*** *Коржчал, листъ 201.*

**** *Рукопись древлеписменная, писана въ лѣто 7078.*

***** *Требникъ большой, л. 600, въ чинопріятіи отъ латинъ приходѣщихъ.*

творящихъ, проклинати заповѣдуемъ⁴. * Подъ сію клятву церковную, подпадаютъ неизбѣжно кресторугатели безпоповцы, иже ужасными злохуленьми гаждающіи четвероконечный крестъ, мерзостію заупуствѣнія нарицающіи, и печатію антихристовою (оде дерзости!) именующіи.

„Мы же яко искупленніи честною и боготочною кровію, на крестѣ изліянною за спасеніе всего міра, со святыми богословцы единомудрствуемъ о честнѣмъ крестѣ Христовѣ, храняще и соблюдающе предѣлы вѣчныя, отъ отецъ положенныя, неприкословенно, свято и не нарушимо; и распятіе убо Господа нашего Іса хрѣта, пишемъ на трисоставнѣмъ крестѣ, неизмѣнно... Но и идѣже аще по случаю начертанъ или сложенъ есть видъ креста †, и той не безчестимъ и не худимъ; первообразнаго ради креста Христова, но, по завѣщанію святыхъ отецъ, отъ всякаго поруганія тщимся сохранить, елико сила. Всякое же крестохуленіе и кресторугательство, отрѣцаемъ, отиѣтаемъ и уничтожаемъ. Къ симъ же возбраняемъ и запрещаемъ творити крестъ † на неподобныхъ мѣстѣхъ, идѣже не почестъ, но поруганіе можетъ бывати воображенію его: яко же на земли, на подовѣхъ, на коврахъ, на играліщныхъ видахъ (на картахъ), и идѣже аще куреніемъ дыма, или зловонія нѣкоего безчестуется, и прочихъ тому подобныхъ. Аще ли же гдѣ что таково обрѣтается, повелѣваемъ загладити, или потерти, или разврещи, по силѣ 73 правила шестаго вселенскаго собора святыхъ и богоносныхъ отецъ.“

Въ остальныхъ шести пунктахъ *Посланіе* вооружается противъ такихъ предметовъ безпоповщинскаго ученія, относительно которыхъ не существуетъ важнаго различія между православными и старообрядцами поповщинскаго согласія, напримѣръ, о евхаристіи, о лицѣ и времени пришествія Антихриста. Особеннаго вниманія заслуживаетъ только шестой пунктъ, который гласитъ слѣдующее: „Къ сему, завѣщаваемъ и молимъ, вкупѣ съ верховнымъ апостоломъ Павломъ: ** творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся чловѣки; изряднѣе же, о здравіи и спасеніи, и о царствѣи побѣдѣ, иже отъ высочайшія и вседержащія Божія десницы поставленнаго, и слзвою и честію вѣнчаннаго, самодержавнѣи-

* Книга *Землія Мнѣха*, гл. 56.

** Къ *Тимошею*, зач. 282.

шаго, богохранимаго, Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя, Александра Николаевича, и всего августѣйшаго дома его, и о всей палатѣ, и о воехъ его. * О немъ же и на святой проскомидіи божественныя литургіи, въ числѣ великихъ седми, пятая приносится просѣира; и приносится будетъ, якоже о немъ, тако и о будущихъ преемницѣхъ престола и скипетра его, въ родъ и родъ, до вѣка. Яко да Господь Богъ соблюдетъ его здрава, мирна, и долгодѣнствующа; да подастъ ему побѣду на врага; да оградить державу его миромъ; и да покорить подъ возъ его всякаго врага и супостата; и да вложитъ въ сердце его благая и полезная о святѣй церкви, яко да и мы, въ тишинѣ ихъ, тихое и безмолвное житіе проживемъ, во всякомъ благочестіи и честности.“

Наконецъ, вотъ какимъ общаніемъ духовныя власти старообрядцевъ заключаютъ свое *Окружное посланіе къ чадамъ древлеправославной-каѳолической церкви*: „Въ заключеніе же посланія сего, объявляемъ всѣмъ православнымъ христіаномъ, яко помогающу Богу, составленъ будетъ уставъ, или краткое изложеніе догматовъ и преданій древлеправославно-каѳолическаго исповѣданія, единыя-святыя соборныя и апостольскія церкви, который и преподанъ будетъ въ руководство и окормленіе всѣмъ православнымъ, священнымъ же и мірскимъ, во еже правѣ и извѣстѣ вѣдати о догматѣхъ вѣры, и о преданіяхъ, о семи таинствахъ церковныхъ, и о ихъ нуждныхъ и благословныхъ винѣхъ.“

Таково содержаніе *Окружнаго Посланія* старообрядческихъ архіереевъ. Чтобы сообщать читателямъ по возможности полное понятіе о немъ, мы не прерывали никакими замѣчаніями изложеніе его содержанія. А между тѣмъ *Посланіе* неволью вызываетъ на размышленіе и замѣчанія.

Укажемъ сначала на нѣкотораго рода непослѣдовательность *Посланія*,—на противорѣчія, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одно старообрядческое сочиненіе, какъ бы умно и основательно ни было оно составлено: таково ужъ положеніе раскола, и таковы обычныя логическіе приемы старообрядческихъ писателей!

Твердо и рѣшительно выразивъ мысль о чистотѣ и непо-

* Достоинно замѣчанія, что эти самыя выраженія употреблены старообрядцами Кликусоваго повода во всеподданнѣйшемъ письмѣ ихъ къ Государю Императору, отъ 4 мая 1863 года (см. *Моск. Вѣд.* № 179).

врежденности православной церкви относительно существеннаго содержанія вѣры, посланіе излагаетъ „важныя и благословныя вины,“ по которымъ старообрядцы все-таки не могутъ войти въ союзъ съ нею. Самою главною и важною виною, какъ могъ замѣтить внимательный читатель, поставляется то обстоятельство, что въ православныхъ полемическихъ сочиненіяхъ написаны тяжкія, жестокословныя порицанія на содержимыя раскольниками ученіе и обряды, порицанія, которыхъ нынѣшніе православные пастыри не хотятъ оставить. Объ этихъ порицаніяхъ *Посланіе* говоритъ подробнѣе нежели о другихъ „винахъ“, и съ особеннымъ огорченіемъ, ихъ, по преимуществу, поставляетъ на видъ ученымъ пастырямъ господствующей церкви и уничтоженіе ихъ считаетъ первымъ условіемъ для возстановленія древняго союза старообрядцевъ съ церковію. Въ какой мѣрѣ справедливы эти жалобы *Посланія* на жестокословныя порицанія отъ православныхъ пастырей, объ этомъ мы скажемъ послѣ; теперь замѣтимъ только, что еслибы въ нихъ однихъ старообрядцы видали препятствіе къ союзу съ церковію, то это великое дѣло устроилось бы очень удобно и легко. Но въ томъ то и бѣда, что въ дѣйствительности старообрядцы признаютъ другія, болѣе важныя „вины“ отдѣленія отъ церкви, и для союза съ нею предъявляютъ православнымъ другія, несравненно болѣе трудныя условія. *Посланіе* говоря объ этихъ „винахъ“ и условіяхъ, будто мимоходомъ, упоминаетъ о „разныхъ измѣненіяхъ, премѣненіяхъ, отъятіяхъ и приложеніяхъ,“ допущенныхъ православною церковію, о которыхъ проситъ прочесть „изволяющаго“ въ діаконовыхъ и поморскихъ отвѣтахъ, называетъ при томъ эти измѣненія новодогматствованіями; требуетъ, чтобы церковь оставила ихъ собраны, и только подъ этимъ условіемъ признаетъ возможнымъ союзъ съ нею, такъ какъ сами старообрядцы никакъ не могутъ послѣдовать „новоизложеннымъ догматамъ и преданіямъ.“ Такимъ образомъ само *Окружное Посланіе* уже не ограничиваетъ дѣла одними жестокословными порицаніями. Въ этомъ-то видимъ мы его непослѣдовательность и противорѣчіе самому себѣ. Засвидѣтельствовать неизмѣнную истинность православной церкви относительно существеннаго содержанія вѣры, признать священную важность такихъ, какъ называютъ ихъ старообрядцы, измѣненій, каковы православное начертаніе имени Іисусъ, или четвероконечная форма

креста, измѣненій не менѣе важныхъ въ глазахъ расколъника, какъ и трегубое аллилуйя, или трехперстное сложене, — и въ то же время называть эти измѣненія *новоизмышленными догматами*, *новодогматствованіями*, видѣть въ нихъ существенное и непреодолимое препятствіе къ союзу между старообрядцами и церковію, требовать поэтому отъ послѣдней соборнаго отреченія отъ нихъ: не очевидное ли это противорѣчіе?! И не явная ли несообразность, — выражать желанія мира и союза съ церковію, съ негодованіемъ отвергать клеветы взводимыя на нее безпоповцами, жаловаться на ея собственныя укоризненныя порицанія старообрядству, и въ то же время, обличая ее въ новодогматствованіяхъ,сылаться въ доказательство на такого рода сочиненіе, какъ *Поморскіе отвѣты*?! Подобныя несообразности и противорѣчія очень легко могутъ внушить подозрѣніе относительно искренности тѣхъ благосклонныхъ отзывовъ о церкви, тѣхъ безпристрастныхъ сужденій о ней, которыя съ такимъ удовольствіемъ встрѣчаемъ мы въ *Посланіи* и которыхъ доселѣ не встрѣчали ни въ одномъ изъ старообрядческихъ сочиненій. Извѣстно, что и *Поморскіе Отвѣты*, когда приходилось имъ отвѣчать на вопросы о православіи грекороссійской церкви, нигдѣ не назвали ее прямо неправославною, или еретическою; а напротивъ, отзывались о ней въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, говорили обыкновенно, что они не смѣютъ и разсуждать о такомъ высокомъ предметѣ, что имъ не слѣдуетъ ни о комъ произносить суда, и вслѣдъ затѣмъ обыкновенно изчисляли многочисленныя обрядовыя измѣненія, допущенныя будто бы церковію, отложенія, приложенія и проч., прямо уже называя ихъ новодогматствованіями, и при томъ столь важными, что признавали лучшимъ для послѣдователей древняго благочестія умереть лютою смертію нежели принять ихъ и погубить свои души. Въ *Поморскихъ Отвѣтахъ* такая казуистическая изворотливость совершенно помята, и ихъ деликатная почтительность къ православной церкви нисколько не скрываетъ ихъ дѣйствительнаго мнѣнія о ней. Ужели надобно смотрѣть точно также и на благосклонные отзывы *Окружнаго Посланія* о православной церкви, вслѣдъ за которыми оно обвиняетъ ее въ новодогматствованіяхъ? Это было бы крайне прискорбно, и тогда, дѣйствительно, эти благосклонные, и, повидимому, безпристрастные отзывы потеряли бы всю свою силу. Поэтому особенную

важность имѣть для насъ высказанное въ концѣ *Послания* обѣщаніе, составить и преподать въ руководство старообрядцамъ „уставъ, или краткое изложеніе догматовъ и преданій древне-православно-каеолического исповѣданія.“ Изданіе его весьма желательно: оно именно должно раскрыть со всею ясностью, какъ дѣйствительно смотрѣть составители *Послания* на грекороссійскую церковь. Тогда яснѣе опредѣлится и то, въ какой мѣрѣ искренни содержащіеся въ посланіи благосклонные отзывы о ней. Теперь же мы не могли не замѣтить прискорбнаго противорѣчія между этими отзывами и обвиненіями въ новодогматствованіяхъ.

Но все-таки мнимыя новодогматствованія православной церкви занимаютъ въ *Посланиі* второстепенное мѣсто между „благословными винами“ отчужденія старообрядцевъ отъ православныхъ пастырей. Важнѣйшее значеніе въ этомъ отношеніи, какъ мы сказали, приписывается жестокословнымъ порицаніямъ православныхъ полемическихъ книгъ на содержимыя старообрядцами обряды и невниманію православныхъ пастырей къ исправленію сихъ порицаній. Чтѣ сказать объ этой „благословной винѣ“? И здѣсь нельзя не видѣть въ *Посланиі* намѣреннаго, или ненамѣреннаго уклоненія отъ истины. Напрасно, впервыхъ, составители *Послания* не обратили вниманія на то, чѣмъ были вызваны и когда главнымъ образомъ появились въ православныхъ полемическихъ сочиненіяхъ „укоризненные порицанія.“ Имъ должно быть очень хорошо извѣстно, что эти укоризненные порицанія были только отвѣтомъ на еще болѣе укоризненную и оскорбительную брань, какою сами старообрядцы въ своихъ сочиненіяхъ, съ неистощимою изобрѣтательностію, осыпали православную церковь, и что допущенные православными писателями, въ отвѣтъ на эту брань, рѣзкія выраженія были произведеніемъ такого времени, когда были вообще не слишкомъ разборчивы на слово и когда живая и ожесточенная борьба съ расколомъ представляла еще менѣе возможности для полемическаго писателя быть разборчивымъ въ этомъ отношеніи. Говоря это, мы не думаемъ оправдывать нашихъ прежнихъ полемическихъ писателей за ихъ слишкомъ рѣзкія выраженія, обращенныя къ старообрядцамъ и только усиливашіе въ этихъ послѣднихъ нерасположеніе къ церкви; напротивъ, не менѣе сочинителя *Послания* сожалѣемъ о ихъ существованіи въ нашей полемической литературѣ противъ раскола. Мы желали только

оказать, что, въ интересѣ истины, составители *Посланія* должны были обратить вниманіе на происхожденіе и время появленія тѣхъ „жестокословныхъ порицаній“, на которыя они такъ горько жалуется. Тогда они были бы гораздо справедливѣе къ нашимъ полемическимъ писателямъ, не такъ горько жаловались бы на нихъ и не считали бы ихъ отзывы сильнымъ препятствіемъ къ соединенію старообрядцевъ съ церковію. Еще менѣе справедливо *Окружное Посланіе* въ отношеніи съ современнымъ пастыремъ православной церкви, упрекая ихъ, что они не заботятся объ исправленіи „жестокословныхъ порицаній, отъ предѣстниковъ ихъ сочиненныхъ“, и тѣмъ какъ бы обвиняя ихъ въ соучастіи съ подсѣдками. Положимъ, что никто изъ нихъ не писалъ опроверженій и обличеній на эти „жестокословныя порицанія“, но могутъ ли составители *Посланія* указать хоть на одного изъ современныхъ пастырей, который заявилъ бы свое сочувствіе такимъ порицаніямъ? Напротивъ, вся литературная полемическая дѣятельность православныхъ учителей противъ раскола, со времени изданія въ свѣтъ знаменитаго *Утѣшанія* митрополита Платона, не служитъ ли доказательствомъ, что наши пастыри навсегда оставили тотъ рѣзкій обличительный характеръ состязанія съ старообрядцами, который, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, составлялъ характеристическую принадлежность прежнихъ полемическихъ сочиненій и, слѣдовательно, вовсе не раздѣляютъ ихъ строгихъ порицательныхъ отзывовъ? Наконецъ, учрежденіемъ единовѣрія, вся грекороссійская церковь не представила ли рѣшительнаго доказательства, что признаетъ значеніе и важность большей части тѣхъ любезныхъ старообрядцамъ обрядовыхъ разностей, по поводу которыхъ въ прежнее время православные писатели обращали къ старообрядцамъ укориженныя замѣчанія и жестокословныя порицанія? И тѣмъ не оградила ли себя отъ упрека въ сочувствіи этимъ замѣчаніямъ и порицаніямъ, упрека, какой вслѣдъ за другими дѣлаетъ пастырямъ господствующей въ Россіи церкви и *Окружное Посланіе*,—дѣлаетъ совершенно несправедливо? Вотъ почему мы замѣтили выше, что еслибы только въ „жестокословныхъ порицаніяхъ“, на которыя по преимуществу жалуется *Посланіе*, заключалось препятствіе къ союзу старообрядцевъ съ церковью, то это важное дѣло устроилось бы легко и удобно, такъ какъ

на дѣлѣ сама церковь отвергла эти порицанія и, слѣдовательно, устранила уже это препятствіе.

Но довольно замѣчаній о недостаткахъ *Посланія*. Остановимся еще разъ на болѣе отрадной сторонѣ его. Старообрядцы отъ лица представителей ихъ духовной власти объявляютъ, что святая вѣра, въ существѣ ея, неповрежденно содержится православною церковью, что и то, чѣмъ церковь отличается отъ старообрядчества, не лишено священнои силы и значенія! Правда, говоря о православномъ начертаніи имени Іисусъ и креста Христова, посланіе отдаетъ рѣшительное предпочтеніе старообрядческому начертанію и священную важность перваго утверждаетъ болѣе отрицательными доказательствами. Но тѣмъ не менѣе оно признаетъ же, наконецъ, эту важность, чего доселѣ старообрядцы никогда еще не высказывали! Не пріятно ли, въ самомъ дѣлѣ, должно это быть для каждаго, кто скорбѣлъ сердцемъ о раздорѣ, существующемъ въ вѣдрахъ отечественной церкви и о крайнемъ ожесточеніи отпавшей ея части? Не должны ли мы радоваться этому, въ первый разъ раздающемуся, примирительному голосу старообрядцевъ, тѣмъ болѣе что онъ раздается въ весьма знаменательное для старообрядцевъ время, когда готова порваться ихъ связь съ средоточіемъ ихъ духовной власти, Бѣнокричскою митрополіей? Протестами и соборными опредѣленіями противъ митрополита Кирилла заявивъ свою независимость отъ высшаго представителя австрійской іерархіи, они, посредствомъ окружнаго посланія, какъ бы предлагаютъ, руку примиренія матери своей, церкви православной....

Такъ хотѣлось бы смотрѣть намъ на изданное раскольничьими духовными властями *Окружное Посланіе*. Но такъ ли будутъ смотрѣть на него тѣ, кого гораздо ближе касается дѣло? И такъ ли дѣйствительно слѣдуетъ смотрѣть? Здѣсь намъ припоминается слѣдующее мѣсто изъ *Посланія*: „молимъ живущаго въ вышнихъ, единаго безначальнаго Царя Славы: да послужитъ сіе образцемъ ученымъ пастыремъ господствующей въ Россіи церкви, да и ти обратятъ должное вниманіе о вышеприведенныхъ жестокословныхъ порицаніяхъ....“ Въ словахъ этихъ важна не непосредственно выражаемая ими мысль (какъ мы видѣли, не вполне вѣрная): важно ихъ общее значеніе. Раскольники просятъ у православныхъ ученыхъ пастырей краткаго, снисходительнаго вниманія къ нимъ.

Отъ ученыхъ пастырей нашихъ мы несомнѣнно надѣемся дѣйствию, направленнымъ къ благу и миру церкви; но не отъ нихъ только зависитъ дѣло. *Окружное Посланіе* непосредственно обращено къ старообрядцамъ, по всей Россіи обитающимъ: нужно поэтому, для успѣха дѣла, чтобы старообрядческія общества раздѣляли то что говорится въ *Посланіи* о православной церкви и выразили свое сочувствіе ему. Есть основаніе думать, что благоразумнѣйшіе изъ старообрядцевъ приняли *Окружное Посланіе* съ сочувствіемъ. Всеподданнѣйшее письмо, съ изъявленіемъ преданности Царю и Отечеству, поданное Климовскими старообрядцами 4 мая, и написанное въ духѣ *Посланія*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выражающееся даже подлинными его словами, кажется намъ, имѣеть дѣйствительно связь съ нимъ и свидѣтельствуетъ о выгодномъ впечатлѣніи, произведенномъ имъ въ одной изъ многолюднѣйшихъ раскольничьихъ слободъ. Но, къ сожалѣнію, еще болѣе основанія думать, что во многихъ старообрядческихъ общинахъ *Посланіе* встрѣчено, напротивъ, весьма неприязненно и произвело даже волненія между старообрядцами. Предъ нами документъ, представляющій на то ясныя доказательства. Это: „Доповненіе (отъ 2 мая) освященному собору всероссійскому, боголюбивымъ епископамъ, о происходящемъ страшномъ волненіи объ *Окружномъ Посланіи*, отъ Богородцаго города, села Павлова, обитающихъ священниковъ и прихожанъ.“ Въ доповненіи своемъ, по обычаю, безграмотномъ, священники и прихожане знаменитаго раскольничьяго села говорятъ: „Извѣщаемъ вамъ, боголюбивіи россійстія епископи, что въ вашей епархіи, чрезъ *Окружное Посланіе*, многіе христіяни отпади духомъ въ разныя толки и мнѣнія по *Окружному Посланію*, и церковнымъ учителямъ многіе вопреки говорятъ о понятіи, что заключается въ *Окружномъ Посланіи*“. Итакъ, самая населенная раскольниками часть Московской губерніи, пресловутыя Гуслицы, отнеслись враждебно къ изданному въ Москвѣ *Окружному Посланію*. Тамъ произошли „страшное волненіе, толки и мнѣнія“. О чемъ же шуметь, изъ-за чего волнуются гуслицкіе раскольники? Понять не трудно. Ихъ возмутили уступки *Посланія* въ пользу православной церкви; для ихъ слуха невыносимо то, что говорится въ *Посланіи* о словѣ Іисусъ, крестѣ четвероконечномъ и даже о моленіи за православныхъ. Вотъ что пишутъ, напримѣръ, павловскіе „священники и прихожане“ объ

имени Іисусъ: „Мы не можемъ терпѣти на нашего Іисуса отъ господствующей церкви лаянія. Не тотъ же ли бѣсъ изрекъ хулу на нашего Іисуса, который въ Оригенѣ былъ! А мы анаго (Іисуса) не принимаемъ, по запрещенію книги Св. Апостола, зачало 191: боужеса, да не како, яко же змія Евву прельсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы ваша отъ простоты, яже о Христѣ; аще бо грядый анаго Іисуса проповѣдаетъ, его не проповѣдахомъ, и проч. А вы пишете: аще нѣкогда благодатію Божіею озарившеса отложить порицанія, и мы, безъ всякаго увѣщанія человѣческаго, поидемъ къ общенію ея. Но како мы поидемъ (Псаломъ 136), како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждѣй, безъ всякихъ канонахъ (?);—но еретицы должны приходити подѣ правила св. отецъ.“ Вообще въ *Доповѣсти* павловскихъ раскольниковъ произносится сѣвдующее замѣчательное сужденіе о всемъ содержаніи *Посланія*: „Списатель окружнаго посланія на имя (Іисуса), и на триперестное сложеніе, и обавительное крещеніе, и на римскій опреснокъ и за еретиака просфару вынимать, проклятіе не положилъ; но пишетъ: якоже прежніи отцы клятвъ не положили, тако и мы не полагаемъ и худити не дерзаемъ. Но онъ *во уваженіи илѣ пишетъ*. Но книга о вѣрѣ, листъ 4: кака польза есть, савомъ въ Бога вѣровати, дѣлаи же отмѣтатися его. Богу и міру хотѣти угодити: и послѣдуетъ сему убо страшный оный отвѣтъ Божій: ни теплѣ ни студемъ еси, изблевати имамъ отъ устъ моихъ.“ „Но молимъ вы, говорятъ въ заключеніе павловскіе раскольники, мы смиреннѣи вашу святыню, успокойте вы церковь Христову, увачтожите новыя составленныя мѣтвія *Окружнаго Посланія*; и мы его не пріемаемъ, но боимся, не пострадать бы, какъ пострадала церковь во время Никона патріарха; и просимъ васъ, и припадаемъ по вашему смиренію, напишите намъ своимъ соборомъ на бумагѣ, то мы будемъ видѣть отвѣтъ вашъ.“

Не знаемъ, какого рода отвѣтъ дали раскольничьи власти на такое категорическое требованіе своихъ духовныхъ дѣтей и какой вообще исходъ имѣли волненія въ раскольничьемъ обществѣ, возбужденныя ихъ *Окружнымъ Посланіемъ*. Но изъ приведеннаго документа видно, что волненія, по крайней мѣрѣ, въ Гуслацахъ, были значительны и что *Посланіе* встрѣчено здѣсь рѣшительнымъ и полнымъ несогласіемъ на его принятіе. Въ этомъ отношеніи указанный до-

кументъ дѣйствительно замѣчательнъ. Нельзя, особенно, не обратить вниманіе на выраженную имъ увѣренность въ непоколебимости тѣхъ уступокъ православію, какія сдѣланы въ *Посланіи*, — увѣренность, будто все благопріятствующее православнымъ писано *во уваженіи имъ*... Быть-можетъ, раскольники Павловскаго посада лучше, нежели кто-либо, понимаютъ истинный смыслъ *Окружнаго Посланія* своихъ духовныхъ властей; быть-можетъ, ихъ слѣдуетъ признать вѣрнѣйшими истолкователями внутреннихъ чувствъ и побужденій, руководившихъ перомъ искусстваго составителя *Посланія*, но... но дай Богъ, чтобы было не такъ, какъ утверждаютъ они! Дай Богъ, чтобы и сами редакторы *Посланія* искренно проникнулись тѣмъ миролюбивымъ расположеніемъ къ союзу съ церковію, которое слышится въ немъ, или, по крайней мѣрѣ, чтобы ихъ слѣпое ожесточеніе противъ церкви послужило вразумленіемъ для другой, болѣе безпристрастной и мирнонастроенной части обширнаго общества старообрядцевъ, — вразумленіемъ, не оставаться тамъ, гдѣ господствуетъ такъ сильно духъ вражды и ожесточенія, а послѣдовать за тѣми, которые призываютъ ихъ на путь мира и единенія. Ничѣмъ лучше не можемъ мы заключить нашу статью, какъ заключительными словами самаго *Окружнаго Посланія*: „Богъ мира и Отецъ щедротамъ, Богъ всякія утѣхи, собиралъ расточенныя, и вселяя единомысленныя въ домъ свой, да собереть расточенныя овцы, во ограду пажити своя, и да подастъ единомыслие и единомыслие всѣмъ православнымъ христіаномъ, благодатию и человеколюбіемъ своимъ: яко да будетъ едино стадо и единъ пастырь!“

Статья объ *Окружномъ Посланіи* старообрядческихъ архіереевъ, которую заключили мы такими добрыми желаніями и надеждами, была уже окончена, какъ намъ сдѣлался извѣстенъ новый, весьма важный документъ по тому же дѣлу, который во многомъ долженъ измѣнить нашъ взглядъ на значеніе *Посланія* и въ значительной степени ослабить внушенныя имъ добрыя надежды, хотя мы по прежнему остаемся при высказанныхъ по поводу его добрыхъ желаніяхъ. Не знаемъ, говорили мы выше, какого рода отвѣтъ дали

старообрядческія духовныя власти на категорическое требованіе павловскихъ раскольниковъ уничтожить содержащіяся въ *Окружномъ Посланіи* благопріятныя для церкви мѣнныя. Теперь отвѣтъ ихъ у насъ предъ глазами,—и онъ-то именно побуждаетъ насъ нѣсколько измѣнить взглядъ на значеніе *Окружнаго Посланія*, взглядъ, основанный впрочемъ на ближайшемъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи содержанія и характера самого посланія. Спѣшимъ познакомить читателей съ этимъ новымъ любопытнымъ документомъ, изданнымъ 26 числа іюня мѣсяца, подъ названіемъ *Соборное Опредѣленіе на Окружное Посланіе*, и разъяснить по возможности, въ какое положеніе ставитъ онъ тотъ важный вопросъ о современномъ положеніи раскола въ отношеніи къ православію, который по преимуществу интересовалъ насъ въ *Окружномъ Посланіи* и во всѣхъ соприкосновенныхъ съ нимъ обстоятельствахъ.

„Божіею милостію, такъ начинается *Соборное Опредѣленіе*, мы освященный россійскій соборъ слушали относительно *Окружнаго Посланія* представленныя письменныя и словесныя прошенія и съ глубокою скорбію въ душѣ видимъ, что нѣкоторые изъ христіанъ находятся въ смущеніи, полагая, что будто бы духовенство святой древле-православной церкви окружнымъ посланіемъ признаетъ имя Іисусъ за истинное имя Господа нашего Ісуса Христа, а также и трехперстное сложеніе, поливательное крещеніе, употребленіе (идѣ же не подобаетъ) четвероконечнаго креста будто бы почитаетъ за правильное. А потому освященный соборъ вынужденнымъ себя находить для успокоенія христіанъ издать нижеслѣдующее“...

Итакъ, по откровенному признанію самихъ старообрядческихъ архіереевъ новое *Соборное Опредѣленіе* вызвано письменными и словесными выраженіями неудовольствія въ раскольниковѣмъ обществѣ по поводу *Окружнаго Посланія* и издается именно для прекращенія неудовольствій, для успокоенія недовольныхъ. Значитъ, протестъ павловскихъ раскольниковъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, не единственный въ своемъ родѣ. Впрочемъ, потому ли что всѣ „письменныя и словесныя прошенія“ были одинаковаго содержанія, или *Соборное Опредѣленіе* имѣло въ виду по преимуществу *Допрошеніе* Павловскихъ священниковъ и прихожанъ, какъ болѣе другихъ важное, только въ немъ находимъ мы именно отвѣтъ на требованія, предъявленныя въ

Допомогеніи. Павловскіе раскольники требовали „успокоить церковь написаннымъ отъ собора на бумагѣ увѣщаніемъ всѣхъ новыхъ составленныхъ мнѣній *Окружнаго Посланія*“ (благопріятствующихъ православнои церкви). Они выражали негодованіе на списателя *Окружнаго Посланія* именно за то, что онъ „на имя Іисусъ, и на триперстное сложеніе, и обливательное крещеніе, и на римскій опреснокъ, и за еретика просфиру вынимать проклятіе не положилъ“.

Чѣмъ же соборъ раскольничьихъ архіереевъ хочетъ успокоить смущеніе духовныхъ чадъ своихъ, по поводу имъ же издавнаго *Окружнаго Посланія*? Остается ли онъ вѣренъ самому себѣ? Отстаиваетъ ли съ твердостью и настойчивостью, какихъ требуетъ истина, то что въ первый разъ безпристрастно высказалъ о православнои церкви и нѣкоторыхъ, допущенныхъ ею, по мнѣнію старообрядцевъ, измѣненіяхъ? Разъясняетъ ли снова со всею обстоятельностью, на какихъ основаніяхъ онъ признавалъ священную важность этихъ мнимыхъ измѣненій и почему должны признать ее, оставивъ всякія смущенія и недоумѣнія, и всѣ „чада древа-православно-каеолической церкви?“ Такъ сдѣлало бы поступить въ настоящемъ случаѣ старообрядческимъ духовнымъ властямъ изъ уваженія къ истинѣ и даже ради сохраненія своего собственнаго достоинства въ кругу самихъ единовѣрцевъ своихъ. Но мы уже имѣли случай замѣтить, что и въ *Окружномъ Посланіи* не достадо у нихъ смѣлости, или искренности, быть вполне послѣдовательными, что и тамъ, сдѣлавъ нѣкоторыя уступки церкви, они въ то же время бездоказательно обвинили ее въ новодогматствованіяхъ и чрезъ то впади въ противорѣчіе самимъ себѣ. Тѣмъ меньше твердости и искренности обнаружилъ они теперь, когда приходилось поддержать свой благопріятный отзывъ о церкви среди волненій, возбужденныхъ имъ въ старообрядческомъ обществѣ. Правда, они довольно сильно отражаютъ то обвиненіе, что будто въ *Окружномъ Посланіи* признаются правильными обливательное крещеніе и трехперстное сложеніе, такъ какъ въ посланіи дѣйствительно не было рѣчи ни о томъ, ни о другомъ; довольно твердо также защищаютъ сказанное въ *Посланіи* о крестѣ четвероконечномъ *. Но за то во всемъ остальномъ ограни-

* Вотъ подлинныя слова ихъ: „Относительно употребленія (идѣже не показано) четвероконечнаго креста въ 4 ст. *Окружнаго Посланія* сказано, что „вѣруемъ убо и исповѣдуемъ, яко честный и животворящій

чиваются жалобами, что ихъ *Окружное Посланіе* превратно истолковано, и увѣреніями, что никакихъ уступокъ церкви они не дѣлали и не намѣрены дѣлать. Въ доказательство они обыкновенно приводятъ изъ *Посланія* такіа мѣста и выраженія, которыя, дѣйствительно, благопріятствуютъ расколу, умалчивая о тѣхъ болѣе сильныхъ и многочисленныхъ мѣстахъ и выраженіяхъ, которыя говорятъ въ пользу православія, и такимъ образомъ только еще болѣе запутываются въ противорѣчіяхъ. Напримѣръ, вотъ что пишутъ они противъ обвиненія, зачѣмъ признали въ своемъ посланіи имя Іисусъ за истинное имя Господа. „Можно ли безпристрастному и благоразумному христіанину говорить, что духовенство святой и древле-истинно-христіанской церкви одинаково почитаетъ имя Іисусъ за истинное и святое имя Господа нашего Ісуса Христа, когда въ *Окружномъ Писаніи*, въ 3-й статьѣ о святѣйшемъ и поклоняемомъ Христовѣ имени сказано, что „пресвятое, пресладкое, прелюбезное и преводеальное имя Христа

„крестъ Христовъ, отъ трехъ дровъ, кипариса, пегы и кедра содѣланъ „бмьстѣ“. Далѣе говорится, что трисоставный крестъ дѣлается или изъ одного дерева, или изъ золота, серебра и мѣди равно пріемается и почитается какъ и тотъ, который былъ содѣланъ изъ трехъ дровъ во время страданія Христа Спасителя. Употребленіе же трисоставнаго креста означаетъ, что полагается на агимиссахъ, на просфорахъ, на всенощныхъ хлѣбахъ, на артушѣ, на панагіарномъ хлѣбѣ, на главахъ священныхъ храмовъ и на прочихъ различныхъ церковныхъ вещахъ, гдѣ повѣльно. Далѣе, полагаются похвалы и четвероконечному кресту: „не тобою же, но и сокращенно творимый во образъ того же креста Христова пріемается“. Потомъ приводится доказательство, почему должно хвалить, а не хулить четвероконечный крестъ, какъ это дѣлаютъ безпоповцы и нѣкоторые христіане, называя крестъ четвероконечный крмжежъ латинскимъ, образомъ Алтихриста, кумиромъ и мерзостію запустѣлія, стоящему на мѣстѣ святѣ, и тому подобными названіями. Приведенныя же доказательства, почему должно почитать четвероконечный крестъ, суть слѣдующія: что четвероконечный крестъ употребляется на священническихъ одеждахъ, изображается при муропомазаніи, постриженіи волосъ, въ оственіи мады водою и прочихъ мѣстахъ; слѣдовательно употребленіе четвероконечнаго креста тамъ, гдѣ показано, священно. Но слышавши отъ христіанъ не подобныя хулы, духовенство обязано врать и уничтожать душепагубныя мысли. Но чтобы можно было сказать, что *Окружнымъ Посланіемъ* признается употребленіе (идѣже не показано) четвероконечнаго креста, нужно буквально указать на это, иначе безъ яснаго доказательства смущаться не должно.

„Спасителя нашего пишемъ и произносимъ въ чтеніи и пѣніи тако *іс* (Исусъ), яко же отъ древнихъ святыхъ преводниковъ вначалѣ на словенскій нашъ языкъ преведеса, и тако писашесѣ и произношашесѣ до лѣтъ Никона бывшаго патріарха, яко же явѣ зрится въ славянороссійскихъ древлеписменныхъ и древлепечатныхъ книгахъ и на безчисленныхъ святыхъ и чудотворныхъ иконахъ. Посему убо и впредь должно есть содержати сіе древнее начертаніе и произношеніе неизмѣнно, не предложю и неприкосновенно, не приемя никоихъ нововведеній, ни силлогистическихъ внушеній, и сохранять оное безъ приложенія и умаленія“. Послѣ этого исповѣданія можно ли будетъ утверждать, что имя Исусъ признается одинаково. Ибо исповѣданіе вѣры, или убѣжденіе не можетъ имѣть двѣ истинныя стороны, но окончательно имѣеть одну. А потому чтимое и произносимое нами пресладкое и прелюбезное имя Исусъ въ одно и то же время не могло быть замѣнено другимъ именемъ.“ И нѣсколько ниже: „и тако, призвавши на помощь Господа Бога и положи руку на сердце, каждый христіанинъ долженъ окончательно убѣдиться, что еслибы мы дѣйствительно признавали имя Исусъ за истинное имя Господа нашего Исуса Христа, и прочее: то ни подъ какимъ видомъ не писали бы въ *Окружномъ Посланіи* величайшія вины нашего съ господствующею церковію раздѣленія и не говорили бы, что покудова великороссійская церковь соборно (то-есть публично) не откажется отъ своихъ новодогматствованій и оскорбительныхъ для божества порицаній (?), до тѣхъ поръ мы ни подъ какимъ видомъ соединиться съ нею не можемъ.“

Указанныя мѣста, чисто раскольничьяго характера, дѣйствительно, находятся въ *Окружномъ Посланіи*; мы говорили уже, какъ рѣзко противорѣчатъ онѣ другимъ многочисленнымъ мѣстамъ *Посланія*, въ которыхъ рѣшительно высказаны мнѣнія благопріятствующія православію. Зачѣмъ же теперь умолчали объ нихъ старообрядческіе архіереи? Еслибы они вспомнили объ нихъ, то поняли бы, что силлогизмъ, такъ ловко ими построенный въ свою защиту, очень не трудно обратить противъ нихъ же самихъ. Напомнимъ же имъ хоть это мѣсто, непосредственно слѣдующее за тѣмъ, которое привели они: „Нынѣ въ Россіи господствующая церковь, вкупѣ же и греческая, подъ симъ именемъ (Исусъ) исповѣдуетъ тогожде Христа Спасителя, по плоти родословима, сына

Давыдова, сына Авраама“ и пр. Потомъ: „и въ него выше-означеннаго прясно показуется, яко тогда онъ повѣдуетъ Христа Сына Божіа, едвусущнаго Отцу; а въ концѣ здѣ и невозможно подразумѣвати инаго Бога, или инаго Иисуса никакоже....“

А то замѣчательное мѣсто *Посланія*, въ которомъ произносится общее сужденіе о церкви, какъ сохранившей неповрежденнымъ существенное содержаніе вѣры? Строгообрядческія власти понимали всю важность его въ настоящемъ случаѣ и, видя невозможность обойти его молчаніемъ, чуть не съ клятвою увѣряютъ, что здѣсь они вовсе не думаютъ въ чемъ-либо оправдывать православную церковь, и въ этомъ смыслѣ стараются дать объясненіе своимъ словамъ. „Что же касается до второй статьи, въ которой говорится, что господствующая въ Россіи церковь, равно и греческая, вѣруетъ не во инаго Бога, но въ единаго съ нами Творца небу и земли, равно и о томъ хулити не дерзаемъ и что святѣйшій Іосифъ патриархъ и прочіи святіи отцы никакой хулы на имя Іисусъ не положили, то объявляемъ, что въ *Окружномъ Посланіи* говорится это не для того, чтобы великороссійскую церковь оправдать, или признать за истинную. Нѣтъ, *Боже насъ сохрани и помысли!* А говорится это для того, чтобы опровергнуть безразсудную мысль безпоповцевъ и заразившихся отъ нихъ христіанъ святой древле-православной церкви, понимающихъ, будто бы великороссійская церковь подъ именемъ Іисусъ покланяется Антихристу. Такое несогласное съ ученіемъ святой церкви мнѣніе приносить, помимо грѣха челоуѣку, величайшій вредъ древлеистинной христіанской церкви. Этимъ мнѣніемъ безпоповцы стараются подорвать основаніе истиннаго вѣроученія. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что Іисусъ есть Антихристъ и что господствующая церковь подъ именемъ Іисуса вѣруетъ во инаго Бога, то невольно придется каждому христіанину спросить самого себя: на какомъ же основаніи принимали священниковъ на Рогожское кладбище и въ прочія мѣста отъ великороссійской церкви, когда она вмѣсто Сына Божіа вѣруетъ во Антихриста? По этому понятію выйдетъ, что крещеніе великороссійской церкви (которое мы признаемъ за крещеніе) совершенно ничего не стоить. Ибо это уже крещеніе не въ три божественныя лица, а только въ два, то-есть во имя Отца и во имя Св. Духа; а Сынъ Іисусъ, если допустить, что онъ Анти-

христь, не можетъ быть третьимъ истиннымъ лицомъ, а следовательно и крещеніе, принимаемое нами отъ великороссійской церкви, выйдетъ незаконное.“

„Вотъ по этому-то, говорится даѣе въ *Соборномъ Определеніи* и по другимъ означеннымъ въ *Посланіи* причинамъ, три россійскихъ епископа съ участіемъ уполномоченнаго отъ господина митрополита * и собора, епископа Ануфрія, вынуждены были издать *Обружное Посланіе*. Но вида, что многіе христіане, не появившіе сущность дѣла, пришли въ вышеозначенное сомнѣніе, а потому освященный соборъ, опровергая всякое сомнѣніе подаетъ, что согласно ученію древле-истинно-христіанской церкви сие учить и исповѣдуетъ: „аще „кто не крестится двѣма персты, якоже и Христось, да будетъ проклятъ;“ такожде и о имени Іоусь Христось проповѣдуетъ, якоже пишетъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ: „нѣтъ бо инаго имени годъ небесами, даннаго въ человѣцехъ, „о немъ же подобаетъ спастися намъ;“ подобно и всѣ прочія церковныя догматы и ученія, въ древле-печатныхъ книгахъ изложенныя, приедемъ за свято, и вводящихъ измѣненія и новизны проклаинаемъ.“

Такимъ образомъ дошло, наконецъ, до проклятій на новизны и измѣненія! Эти проклятія, конечно, успокоятъ и утѣшатъ всѣхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ, возмущившихся благосклонными отзывами *Обружнаго Посланія* о православной церкви, безпристрастными сужденіями о мнимыхъ измѣненіяхъ и новизнахъ ея: такихъ отзывовъ и сужденій какъ будто и не бывало! Какъ будто не бывало и того миролюбиваго настроенія, которое такъ утѣшительно звучало въ *Обружномъ Посланіи* и которое сами старообрядческіе архіереи ставили въ образецъ ученымъ пастырямъ господствующей въ Россіи церкви, требуя отъ нихъ кроткаго и снисходительнаго сужденія о старообрядцахъ: теперь, для успокоенія волнующихся чадъ своихъ, они вступаютъ снова на

* Этимъ извѣстіемъ опровергается наше предположеніе, что *Обружное Посланіе* писано безъ участія митрополита Кирилла. Оказывается, что оный былъ, по крайней мѣрѣ, не противъ его изданія. Но то обстоятельство, что *Посланіе* издаю въ такое время, когда неудовольствія бѣнокрилицкаго митрополита съ русскими старообрядческими архіереями перешли въ открытую вражду и кончились его удаленіемъ изъ Москвы, отъ этого не теряетъ своей силы.

старый, привычный путь нетерпимости, и протеста и проклятія!...

Но старообрядческимъ архіереямъ казалась мало и этого для успокоенія своей духовной паствы, взванной святой *Окружнымъ Посланіемъ*. Чтобы окончательно успокоить ее, они почли нужнымъ и удобнымъ даже вовсе отказаться отъ *Посланія* „Но такъ какъ, продолжаютъ они, сделать не могъ вмѣстить сущности изложенія, то для окончательнаго спокойствія освященный соборъ не вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность руководствоваться *Окружнымъ Посланіемъ*, а оставляетъ его на произволъ каждаго и а) строго запрещаетъ всѣмъ христіанамъ, какъ духовнымъ такъ и мірскимъ, за оное имѣть между собой раздоръ, или несогласіе б) пріисить во всемъ неуклонно и благоразумно сѣдовать правиламъ св. церкви; в) не читать и не руководствоваться упоминаемыми въ *Окружномъ Посланіи* душевредными безпоповскими тетрадами; г) ни подъ какимъ предлогомъ не издавать ни духовнымъ, ни свѣтскимъ лицамъ своихъ сочиненій безъ разсмотрѣнія и дозволенія московскаго духовнаго совѣта; д) безъ крайней надобности не вдаваться въ непрінадлежащія народу церковныя обсужденія; е) удержаться отъ оскорбительныхъ выраженій противу пастырей святой церкви; ж) по возникающимъ религіознымъ вопросамъ или нуждамъ о благоустройствѣ церковнаго порядка и неуклоннаго исполненія священнической обязанности обращаться съ просьбами и жалобами къ епархіальнымъ архіереямъ, а въ случаѣ неудовлетворенія въ московскій духовный совѣтъ, а тѣмъ христіанамъ, гдѣ нѣтъ епархіальныхъ епископовъ, обращаться прямо въ означенный духовный совѣтъ.“

Новый документъ, содержаніе котораго мы здѣсь изложили, имѣетъ такимъ образомъ характеръ офиціального соборнаго акта, которымъ уничтожается преждеизданное соборомъ *Окружное Посланіе* и въ этомъ-то смыслѣ названъ *Соборнымъ Опредѣленіемъ на Окружное Посланіе*. Но старообрядческія власти чувствовали, кажется, мелковкость положенія, въ какое становились, офиціально отказываясь отъ того что сами же прежде издали; понимали, что такими противорѣчивыми дѣйствіями могутъ уронить еще болѣе свой авторитетъ и ослабить силу самого, вновь издаваемого, опредѣленія, равно какъ и вообще своихъ распоряженій. Чтобы выйдти изъ этого мелкаго положенія, они стара-

ются усвоить преимущественное значеніе своему послѣднему опредѣленію, какъ изданному всѣмъ соборомъ ихъ, и напротивъ ослабить офиціальное значеніе *Окружнаго Посланія*, какъ документа, изданнаго лишь нѣсколькими изъ нихъ. Съ этою цѣлю, надобно думать, приведено въ опредѣленіи любопытное для насъ извѣстіе, что издали *Окружное Посланіе* „три російскихъ епископа, съ участіемъ уполномоченнаго, отъ господина митрополита и собора, епископа Ануфрія;“ самое же опредѣленіе, напротивъ, подписано девятью епископами, вѣроятно всѣми наличными старообрядческими архіереями, находившимися въ Москвѣ, а за отсутствіемъ одного изъ нихъ, уполномоченнымъ отъ него іеродиакономъ.*

Итакъ, вмѣсто обѣщаннаго „изложенія догматовъ и обрядовъ древне-православно-каѳолической церкви въ руководство и окормленіе христіанъ“, въ которомъ мы надѣялись увидѣть еще новый шагъ къ сближенію старообрядцевъ съ церковію, отъ котораго надѣялись, по крайней мѣрѣ, объясненія неточностей и недоразумѣній, встрѣченныя въ *Окружномъ Посланіи*;—вмѣсто этого соборъ старообрядческихъ архіереевъ издаетъ офиціальныи актъ, которымъ отказывается отъ своего посланія и объявляетъ, что никакихъ уступокъ Церкви не дѣлалъ и не думаетъ дѣлать! Но не въ офиціальности дѣло. Старообрядческія духовныя власти, пожалуй, и могутъ офиціально отказаться отъ *Окружнаго Посланія*, и требовать отъ духовныхъ дѣтей своихъ, чтобъ они не придавали ему больше никакого значенія; но не въ ихъ силахъ уничтожить, такъ-сказать, историческую дѣйствительность

* Вотъ имена раскольничьихъ архіереевъ, подписавшихъ подлинное *Опредѣленіе*: смиренный Автоній архіепископъ владимірскій, смиренный Аеанацій епископъ саратовскій, смиренный епископъ Ануфрій, смиренный Іовъ епископъ кавказскій, смиренный Пафлуцій епископъ казанскій, смиренный Варлаамъ епископъ балтовскій, смиренный епископъ Густинъ, въ лицѣ епископа Константина оренбургскаго іеродиаконъ Викентій, смиренный Саватей епископъ тобольскій. Интересно случить этотъ списокъ съ любопытнымъ спискомъ раскольничьихъ архіереевъ у г. Мальякова (*Русск. Вѣст.* № 6): списокъ этотъ, очевидно современный, такъ какъ въ немъ числятся уже Сергіи епископъ тульскій, о поставленіи котораго, въ мартѣ нынѣшняго года, мы говорили въ первой статьѣ (*Русск. Вѣст.* № 5, стр. 304.)

Окружнаго Посланія. Соборное Опредѣленіе способствуетъ только къ объясненію его дѣйствительнаго смысла.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ же смотрѣть теперь на *Окружное Посланіе*? Хотѣли ли дѣйствительно старообрядцы посредствомъ его сдѣлать шагъ къ сближенію съ Церковію, предложить православному руку примиренія, какъ намъ хотѣлось думать, и какъ дѣйствительно можно было думать, основываясь на содержаніи *Посланія* и принимая во вниманіе обстоятельства его изданія? Или оно составлено въ такомъ благоприятномъ для Церкви духѣ только во уваженіе православному, лицемѣрно, съ корыстными цѣлями, какъ утверждаютъ Павловскіе раскольники и какъ думаютъ, вѣроятно, и всѣ недовольные *Посланіемъ* члены раскольничьяго общества? Или, наконецъ, *Окружное Посланіе* имѣло цѣлю единственно опроверженіе крайнихъ безпоповщическихъ мнѣній, которыми стали увлекаться старообрядцы - поповщичцы, и составители его вовсе не имѣли въ намѣреніи дѣлать какія-либо уступки православію, какъ объясняютъ теперь сами старообрядческіе архіереи въ своемъ *Соборномъ Опредѣленіи*. Надобно согласиться, что для всѣхъ трехъ объясненій есть основаніе въ самомъ *Окружномъ Посланіи*. Въ посланіи дѣйствительно сказано, что оно издается по поводу различныхъ безпоповщическихъ тетрадокъ, обращающихся между старообрядцами; неоднократно дѣлаются въ немъ замѣчанія противъ безпоповщическихъ худеній на православную церковь. Успѣхи безпоповщическихъ учителей въ кругу старообрядцевъ-поповщичцевъ (въ чемъ сознаются и сами архіереи), успѣхи, какъ слышно, довольно значительные въ настоящее время, могутъ объяснить, пожалуй, и то, почему нужно было издать направленное противъ нихъ посланіе. Но, съ другой стороны, къ чему же въ посланіи, имѣющемъ цѣлю исключительно обличеніе безпоповщичцевъ, встрѣчается и это обстоятельное изложеніе мнѣнія о православіи грекороссійской церкви вообще, о нѣкоторыхъ частныхъ ея дѣйствіяхъ, объ условіяхъ примиренія съ нею, и особенно эти обращенія къ ея ученымъ пастырямъ. Очевидно, *Посланіе* имѣло въ виду говорить столько же, если не болѣе, въ пользу православныхъ, сколько противъ безпоповщичцевъ. Не лишено основанія и объясненіе Павловскихъ раскольниковъ, что эти благоприятныя сужденія о православныхъ высказаны посланіемъ во уваженіи имъ. Мы говорили уже, что раскольникамъ лучше знать истинныя

побужденія своихъ духовныхъ властей. Но и кромѣ этого,—самая непослѣдовательность, противорѣчія *Посланія* (какъ мы и замѣтили это въ своемъ мѣстѣ), особенно же настоящее соборное отреченіе отъ всѣхъ уступокъ Церкви, именно внушаютъ подозрѣніе въ неискренности благосклонныхъ объ ней отзывовъ *Посланія*, въ существованіи какой-то задней мысли, какихъ-то далекихъ цѣлей, которыхъ думали достигнуть, задобривъ православныхъ этими отзывами. Но если допустить, что *Посланіе* было написано только *въ угожденіе* православному, то почему, съ другой стороны, не допустить, что новое *Опредѣленіе* въ свою очередь составлено только *для успокоенія* закоренѣлыхъ раскольниковъ, что, только изъ личныхъ интересовъ и по опасенію увеличить раздоръ въ раскольничьемъ обществѣ, отвергается то о чемъ съ большею искренностью говорилось въ *Посланіи*. Читая особенно нѣкоторыя мѣста *Посланія*, дѣйствительно, трудно повѣрить, чтобъ искусство лицемерія могло быть доведено до такой стѣпени совершенства, и охотно видишь, по крайней мѣрѣ, въ томъ, кто писалъ *Посланіе*, чловѣка расположеннаго къ союзу съ Церковію, при извѣстныхъ, разумѣется, условіяхъ. Здѣсь не лишено значенія то обстоятельство, что *Опредѣленіе* написано уже другимъ, несравненно менѣе искуснымъ перомъ: авторъ *Посланія* не былъ ли устраненъ теперь какъ чловѣкъ, заявившій уже свое расположеніе къ Церкви.

Такимъ образомъ, новое *Соборное Определеніе*, измѣняя первоначально высказанный нами взглядъ на *Окружное Посланіе*, все-таки, повидимому, не даетъ опредѣленнаго понятія о немъ, напротивъ, только усиливаетъ его двусмысленность, или даже тресмысленность. Но въ этомъ-то, быть-можетъ, и заключается истинный характеръ *Посланія*, и оно-то именно интересно для насъ, какъ выраженіе двусмысленнаго, ложнаго положенія самого старообрядчества въ настоящее время и особенно старообрядческаго духовенства въ его отношеніяхъ къ расколу и Церкви.

Въ самомъ дѣлѣ, странное и жалкое явленіе представляетъ намъ современное старообрядчество. Съ одной стороны, оно подчиняется вліянію безпоповщинскаго раскола, приобретающаго въ немъ многихъ прозелитовъ, съ другой—ясно обнаруживаетъ готовность сближенія съ православіемъ, къ союзу съ Церковію на извѣстныхъ, правда, можетъ-быть, не исполни-

мыхъ условіяхъ. Въ то же время въ средѣ его живетъ старая закоренѣлая вражда ко всѣмъ другимъ раскольниковымъ сектамъ и еще болѣе къ православной церкви — старообрядчество въ строжайшемъ смыслѣ. Понятно, какъ неловко и затруднительно положеніе духовенства старообрядческаго среди людей такихъ различныхъ направленій. Предохраняя свою паству отъ вліянія безпоповщины, опровергая крайнія мнѣнія безпоповщинскаго ученія, старообрядческія духовныя власти незамѣтно переходятъ границы старообрядчества, занимающаго какое-то среднее мѣсто между расколомъ безпоповщинскимъ, послѣдовательно развившимъ изъ старообрядчества свои крайнія мнѣнія, и православіемъ, съ которымъ связующія нити не разорваны еще окончательно, — и дѣлаютъ такимъ образомъ невольныя уступки Церкви. Находя при этомъ сочувствіе въ партіи, расположенной къ общенію съ Церковію, они необходимо вооружаютъ противъ себя завзятыхъ старообрядцевъ; переходя же на сторону этихъ послѣднихъ, подвергаются опасности не только потерять расположеніе старообрядцевъ - прогрессистовъ (если можно такъ назвать ихъ), но и оставить открытымъ путь совращенія въ безпоповщину. Лавируя такимъ образомъ между той и другою стороною, старообрядческое духовенство, очевидно, находится въ крайней опасности утратить свой авторитетъ тамъ или здѣсь, или и тамъ и здѣсь вмѣстѣ. И такъ какъ въ закоренѣлыхъ старообрядцахъ оно имѣетъ все-таки болѣе надежную для себя опору, то неудивительно, что къ этой сторонѣ и примыкаетъ болѣе. Въ *Окружномъ Посланіи* и изданномъ противъ него *Соборномъ Определеніи*, особенно когда мы разсматриваемъ ихъ во взаимной связи, со всею очевидностью обнаруживается это затруднительное положеніе старообрядческаго духовенства, при которомъ ему такъ трудно сохранить вліяніе и значеніе между старообрядцами. Въ этомъ отношеніи особенно интересны частныя пункты, составляющіе заключеніе *Соборнаго Определенія*. Въ нихъ выразились усилія старообрядческихъ архіереевъ поддержать свою колеблющуюся власть разными административными мѣрами. Оказывается, что въ Москвѣ у нихъ учрежденъ уже „духовный совѣтъ“ изъ находящихся тамъ наличныхъ архіереевъ — правительственное учрежденіе въ родѣ православнаго св. синода, въ которомъ сосредоточена высшая духовная администрація. Къ нему предписывается теперь обращаться

за окончательнымъ рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ по церковнымъ дѣламъ; изъ него же образуется своего рода цензурный комитетъ. Вразумленные печальною судьбой *Окружнаго Посланія*, старообрядческія власти предписываютъ теперь, чтобы никто изъ старообрядцевъ не смѣлъ издавать сочиненій безъ разсмотрѣнія и одобренія этого цензурнаго комитета;—да и вообще просятъ духовныхъ чадъ своихъ поменьше разсуждать о церковныхъ дѣлахъ. Но всего интереснѣе постановленіе, которымъ требуется, чтобы старообрядцы удержались отъ оскорбительныхъ выраженій противъ своихъ пастырей. Значить, оскорбительные отзывы такъ усилились, что явилась нужда для прекращенія ихъ сдѣлать соборное опредѣленіе. Но едвали помогутъ здѣсь мѣры подобнаго рода,—да и вообще, подлѣжитъ крайнему сомнѣнію, чтобы административныя распоряженія „московскаго духовнаго совѣта“ приобрѣли у старообрядцевъ надлежащую силу.

Итакъ, если разсмотрѣнный нами новый раскольничій документъ показываетъ, что мирное расположеніе старообрядцевъ къ союзу съ православною церковію не такъ велико и искренно, какъ мы думали на основаніи *Окружнаго Посланія*; то самое положеніе раскола въ настоящее время, на сколько знакомить насъ съ нимъ тотъ же документъ, представляетъ не мало сторонъ для благотворнаго вліянія на него православною церквію, которыми было бы непростительно не воспользоваться. Расколъ переживаетъ трудную пору; въ немъ происходитъ сильная неурядица, изъ которой долженъ же быть какой-нибудь выходъ. Надобно, кому слѣдуетъ, чутко прислушиваться къ совершающимся въ немъ явленіямъ, чтобы дать имъ тотъ исходъ, котораго должны желать всѣ, кому дорого благо церквіи и отечества.

Новые слухи о томъ, что происходитъ у старообрядцевъ, еще болѣе убѣждаютъ насъ, что настоящее время дѣйствительно составляетъ весьма важную эпоху въ исторіи раскола. Крупныя событія у старообрядцевъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, и нельзя не пожалѣть, что такъ трудно и неудобно слѣдить за ними съ тѣмъ вниманіемъ, какого они заслуживаютъ. Недавно, не дальше какъ въ минувшемъ августѣ, старообрядческіе архіереи, какъ слышно, совершили въ Москвѣ дѣйствіе, которое должно имѣть послѣдствія весьма важныя: своею соборною властію они возвели Антонія,

архіепископа владимірскаго, въ санъ митрополита воея Руси! Мы не ручаемся за совершенную вѣрность этого извѣстія, но если оно вѣрно, то отдѣленіе русскаго старообрядческаго духовенства отъ австрійской митрополіи, о которомъ, какъ о событіи вѣроятномъ и близкомъ къ исполненію, мы говорили въ первой статьѣ, совершилось на самомъ дѣлѣ. У старообрядческаго духовенства, равно какъ у всѣхъ русскихъ старообрядцевъ, явился, такимъ образомъ, свой, постоянно живущій въ Россіи, верховный пастырь, равноправный Бѣлокриницкому митрополиту, которому, слѣдовательно, прегражденъ путь къ вліянію на старообрядческія дѣла въ русскомъ государствѣ. Для старообрядческаго духовенства это событіе, очевидно, имѣетъ великую важность. Въ лицѣ митрополита изъ своей среды оно приобрѣло болѣе сильнаго защитника своихъ правъ и интересовъ въ старообрядческомъ обществѣ. Но дѣйствительно ли власть и значеніе митрополита способны поддержать колеблющееся вліяніе, ослабѣвающую силу духовенства между старообрядцами? Какое вліяніе окажетъ учрежденіе новой старообрядческой митрополіи на отношеніе раскола къ православію? Будетъ ли оно благопріятно сближенію между ними, или только еще болѣе утвердитъ разъединеніе? Обо всемъ этомъ пока нельзя еще сказать ничего опредѣленнаго.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО

Frederic the Great by Carlyle, vis 5 and 6.

Можетъ-быть, читатели *Русскаго Вѣстника* не забыли нашей статьи о послѣднемъ трудѣ Карлейля, напечатанной въ 1861 году. Первые пять томовъ *Исторіи Фридриха Великаго* обнимали собою царствованіе короля Фридриха Вильгельма Перваго и жизнь его сына, какъ наследнаго принца прусскаго. Въ половинѣ прошлаго года, Карлейль издалъ два новые тома, на основаніи которыхъ составлена статья, теперь предлагаемая читателямъ. Оба наши труда имѣютъ естественную связь между собою, но по самому заглавію каждаго видно, что ихъ можно разсматривать какъ отдѣльные, независимые эпизоды, достаточно законченные и самостоятельные. Достигнуть такого результата намъ было не трудно: онъ вышелъ прямымъ послѣдствіемъ той истинно шотландской тщательности, съ которою знаменитый историкъ ведетъ изданіе своей книги. Ненавидя все недосказанное, неконченное, и зная что въ его лѣта на будущее трудно разчитывать, Карлейль выпускаетъ въ свѣтъ томы своей *Исторіи* лишь въ такомъ случаѣ, когда вся масса изготовленныхъ главъ исчерпываетъ цѣлый и законченный періодъ. Такъ, первые томы превосходно закончились смертью стараго короля, а слѣдующіе за

ними изобразили періодъ времени отъ восшествія Фридриха Великаго на престолъ до его втораго союза съ Франціей противъ Австріи, Англіи и небольшихъ государствъ, вмѣстѣ съ этими державами угрожавшихъ только-что завоеванной имъ Силезіи. Всякій читатель, сколько-нибудь знакомый съ исторіей, знаетъ къ какимъ результатамъ привелъ этотъ союзъ, бывшій, такъ сказать, поворотнымъ пунктомъ и въ жизни, и въ политикѣ Фридриха. Такимъ образомъ четыре года взятые Карлейлемъ (1740—1744) могутъ быть даже предметомъ особаго сочиненія, не только самостоятельнаго эпизода въ исторіи прусскаго героя. Предшествовавшіе историки, можетъ-быть увлекаясь послѣдующими эпохами, слишкомъ мало останавливались на этихъ четырехъ годахъ, съ ихъ маленькою войной и долгою порой сравнительнаго затишья, но Карлейль поступилъ иначе, и мы надѣемся, что читатель оттого не останется въ проигрышѣ.

I. Первые мѣсяцы царствованія.

Можно сказать утвердительно, что восшествіе на престолъ молодаго прусскаго короля, Фридриха, произвело во всей образованной Европѣ несравненно болѣе шума нежели какое-либо изъ подобныхъ происшествій за цѣлое столѣтіе. Пруссія еще не играла важной роли между государствами; о будущности ей предстоящей никто много не заботился, но помимо всѣхъ политическихъ соображеній, личность прусскаго принца обращала на себя вниманіе, какъ нѣчто небывалое. Образованный міръ нуждался въ герояхъ, и судьба посылая ему героя самаго романческаго, молодаго, просвѣщеннаго и еще въ добавокъ коронованнаго. Тяжкія испытанія, доставшіяся на долю этого принца съ самаго дѣтства, не только не изгладились изъ общей памяти, но еще украсились таинственными легендами. Блестящіе таланты Фридриха казались непомѣрными: его флейта равнялась Амфіоновой лирѣ, его стихамъ завидовалъ самъ великій Вольтеръ, его филантропія не знала предѣловъ, его *Анти-Макіавель* долженъ былъ сдѣлать переворотъ въ политикѣ, его правленіе вело прямо къ золотому вѣку Астріи. На сѣверѣ загорѣлась яркая звѣзда и взгляды всѣхъ политическихъ мечтателей прильнулись къ ней съ такимъ усердіемъ, что цѣлый потокъ выдумокъ, въ особенности сентиментальныхъ сплетень, сталъ послѣдствіемъ

этихъ страстныхъ наблюденій. Въ англійскомъ обществѣ, какъ болѣе знакомомъ съ дѣлами политическаго міра и уже обладавшемъ журналистикой, разказовъ о молодомъ Соломонѣ ходило особенно много. „При первомъ собраніи государственнаго совѣта, юный король поставилъ такой вопросъ: какими способами удобнѣе будетъ уменьшить армію до 45-тысячнаго состава? Нелѣпный и столько денегъ стоившій полкъ постдамскихъ гигантовъ былъ немедленно распущенъ.“ „Принято множество мудрыхъ мѣръ къ уничтоженію нищеты и распространенію просвѣщенія въ народѣ.“ „Великіе писатели, терпѣвшіе разныя угнетенія на родинѣ, и между ними, Вольтеръ, приглашены имѣть въ виду столицу Пруссіи, какъ свое всегдашнее прибѣжище.“ „По дорогѣ въ Потсдамъ, говоритъ лондонскій *Gentleman's Magazine* за 1740 годъ, королю предстала толпа изъ тысячи дѣтей, вслѣдствіе прежнихъ варварскихъ постановленій предназначенныхъ къ военной службѣ, и носившихъ, въ ознаменованіе того, красный снурокъ вокругъ шеи. Несчастныя дѣти, упавъ на колѣни, молили государя освободить ихъ, и просьба ихъ была ласково принята.“ Торопливые газетчики, замѣчаетъ нашъ историкъ, горячо желаютъ, чтобы молодой монархъ устроилъ поскорѣе золотой вѣкъ для Пруссіи, но въ своей торопливости они забыли освѣдомиться насколько еще золотой вѣкъ возможенъ для Пруссіи и ея влестителя?

Надежды и волненія, возбужденныя личностью новаго короля въ самой Пруссіи, конечно были не менѣе сильны. Генералы стараго закала ждали немилости, а бывшіе гонители принца, можетъ-быть и чего-нибудь худшаго. Молодежь, и преимущественно молодежь пустая, разчитывала на веселые годы, роскошный дворъ, легкую службу съ щедрыми наградами. Небольшой кружокъ дѣйствительныхъ филантроповъ, къ сожалѣнію, слишкомъ книжный и оттого мало годный къ употребленію, ждалъ ряда самыхъ смѣлыхъ, небывалыхъ, постановленій, по части вѣротерпимости, покровительства наукамъ, просвѣщенія массъ и такъ далѣе. Прекрасныя дамы разчитывали на нѣчто подобное годамъ молодости Лудовика XIV, интриганы видѣли въ королѣ эпикурейца, мало способнаго къ дѣламъ и горькою молодостью еще болѣе разрозненнаго съ интересами обыденной жизни: при такомъ королѣ имъ можно было забрать силу. Наконецъ многіе люди, вѣрно служившіе бывшему принцу и не разъ страдавшіе за свою къ нему

преданность, естественно разчитывали, что память о прошлыхъ заслугахъ не только принесетъ имъ всякія матеріальныя выгоды, но и приблизитъ ихъ къ самому источнику власти и почестей.

Такимъ образомъ, сказываетъ намъ Карлейль, и Пруссія и просвѣщенная Европа были полны надеждъ и ожиданій, большей части которыхъ пришлось не попасть въ цѣль и даже остаться очень далеко отъ цѣли. Не было сомнѣнія въ томъ, что передъ юнымъ королемъ находилась не пустая будущность, только не та, далеко не та будущность, какую уже сработала ему публика.

„Все поведеніе Фридриха за первыя недѣли его царствованія, поведеніе весьма ясное при нѣкоторой способности къ изученію фактовъ, не лишено стороны блестящей, популярной и возвышенной; но въ то же время въ немъ сказывается сдержанная солидная энергія и умъ гораздо болѣе устойчивый нежели какъ того ждали. Весь берлинскій міръ находится въ положеніи людей, привѣтствующихъ Аврору, и самъ Фридрихъ дѣлаетъ отчасти общее настроеніе: цѣпи свалились съ него, а впереди столько молодыхъ надеждъ молодому человѣку! Онъ популяренъ, онъ высокъ духомъ, онъ знаетъ, что Вольтеръ и первые мудрецы свѣта слѣдятъ за его дѣйствіями; но въ то же время онъ свѣтелъ умомъ, а потому твердо помнитъ, что всему въ мірѣ есть предѣлы, что въ жизни существуютъ свои неизмѣнныя условія. Короче сказать, полное, безграничное уваженіе къ дѣйствительности, всегда составлявшее отличительную сторону его характера, это достоинство, принадлежащее къ разряду самыхъ высокихъ и рѣдкихъ въ человѣкѣ, осталось при немъ во всей своей силѣ.“

Нельзя не отдать справедливости этой ясной, оригинальной характеристикѣ одного изъ самыхъ трудно-разгадываемыхъ героевъ исторіи, да еще за время, такъ обильное колебаніями юности. Дѣйствительно, сдержанность посреди увлеченій, строгая отчетливость при исполненіи каждой реформы, мужественное уваженіе ко всему что еще не отжило и имѣетъ право на существованіе, сказывается во всѣхъ мѣрахъ молодого Фридриха. Принимая присягу военнымъ сановниковъ и министровъ, онъ заявилъ имъ свое требованіе, чтобъ отношенія вышихъ чиновъ къ низшимъ основаны были на кротости и чтобы ненужная строгость въ обращеніи съ

солдатомъ была уничтожена. По случаю скудости хлѣба, однимъ изъ первыхъ распоряженій короля было открытіе общественныхъ магазиновъ для публики; за этимъ послѣдовало назначеніе достойнаго Гордана въ должность „инспектора нуждающихся“ и учрежденіе рабочаго пріюта, для тысячи престарѣлыхъ женщинъ, въ самомъ Берлинѣ. Въ первые же дни вступленія на престолъ была уничтожена пытка при слѣдствіяхъ, проектирована Берлинская академія наукъ, и на докладѣ духовнаго департамента о необходимости прижать католическія школы положена знаменитая резолюція: „всѣ вѣры должны быть терпимы, ибо въ нашемъ отечествѣ всякій имѣетъ право спасать свою душу такимъ путемъ, какого самъ пожелаетъ.“ Войско вовсе не уменьшено, какъ писали газетчики, но въ немъ сдѣланы преобразованія, улучшившія бытъ солдата и покончившія съ бесполезными мелочами дисциплины. Полкъ великановъ дѣйствительно уничтоженъ, но замѣненъ четырьмя обыкновенными полками, которые все-таки дешевле этой безобразно-колоссальной фаланги.

Въ частной своей жизни и въ сношеніяхъ съ своими подданными, Фридрихъ такъ же оставался хозяиномъ каждаго своего шага, къ изумленію, а иногда и горькому разочарованію лицъ, разчитывавшихъ на восходившее солнце. Съ друзьями и помощниками своего отца онъ велъ себя истиннымъ королемъ, не взыскивая за прошлое, не припоминая даже бывшихъ гоненій, не наказывая строгимъ взглядомъ людей положительно бывшихъ врагами кровъ-принца. Но въ то же время всякая попытка непрощеныхъ совѣтовъ или наставмическаго вмѣшательства встрѣчала несокрушимую холодность. Молодой король хотѣлъ править самъ, править государствомъ твердо, но не ревниво, всюду разыскивая себѣ дѣльныхъ помощниковъ и въ то же время соблюдая строгую справедливость къ слугамъ стараго закала. Такъ, по управленію финансовъ, онъ нарядилъ слѣдствіе надъ гофратомъ Экартомъ, который злоупотреблялъ довѣріемъ покойнаго короля, но въ то же время и по тому же вѣдомству, приблизилъ къ себѣ министра Бодена, котораго способности, честность, бѣдность и крутое прямодушіе заслужили ему почетную страницу въ исторіи Пруссіи.

Отношенія новаго государя къ друзьямъ и товарищамъ бѣдственныхъ годовъ его молодости, описаны много разъ, и исторія составила о нихъ приговоръ, съ которымъ

однакоже Карлейль совершенно расходится. Разногласіе кажется неважнымъ на первыхъ порахъ, но оно знаменательно какъ признакъ увлеченія, даже пристрастія, не совсѣмъ обыкновенныхъ въ такомъ великомъ, пронизательномъ знатокѣ сердца человеческого.

Намъ кажется, что тутъ сказались теорія героевъ и поклоненія героямъ, носящая въ себѣ всегда готовые оправданія существамъ почему-либо вознесшимся надъ другими людьми, съ ихъ слабостью и непослѣдовательностью. Не взирая на увѣренія, что и герой можетъ падать низко, что и герой есть не что иное какъ дитя своего вѣка,—истинный жрецъ теоріи поклоненія всегда расположенъ не только становиться на сторону своего избранника, но даже просто отрицать факты сколько-нибудь для него не выгодные. Карлейль прямо говоритъ намъ, что всѣ біографы, всѣ историки, осуждавшіе поведеніе молодого короля относительно друзей и вѣрныхъ слугъ его молодости, или лгутъ или сентиментальничаютъ. Бѣднаго старика Катте, котораго сына казнили въ Кюстринѣ, Фридрихъ сдѣлалъ графомъ и фельдмаршаломъ, всѣ молодые люди изъ семейства Мюнховъ (оказывавшаго столько услугъ кронъ-принцу за Кюстринское время) получили мѣста по службѣ и даже приближены къ королевской особѣ. Но лейтенантъ Шпенъ, но братья Кейтъ, столько потерпѣвшіе изъ-за наследнаго принца, не получили ничего или почти ничего. Шпенъ, имѣвшій мѣсто въ голландской службѣ и прискакавшій въ Берлинъ съ свѣтлыми надеждами, былъ такъ оскорбленъ холодностью короля, что опять уѣхалъ въ Голландію и уже не возвращался. Одинъ изъ бывшихъ товарищей кронъ-принца (справедливость требуетъ прибавить: товарищъ по шаловливымъ похощеніямъ) послѣ свиданія съ королемъ кончилъ еще печальнѣе, а именно самоубійствомъ. Какъ видно, старая дружба не принимается въ расчетъ по дѣламъ государственнымъ; и старые друзья были крайне удивлены, найдя въ прежнемъ товарищѣ—короля отъ головы до ногъ! Чтобы выступить впередъ, нужно стоять чего-нибудь, и Фридрихъ не забылъ никого изъ лицъ чего-нибудь стоящихъ. Но онъ также не позабылъ, что онъ прежде всего король и что какъ король онъ долженъ подчиняться условіямъ необходимости, хотя бы и тяжкой.

Такъ, или почти такъ, оправдываетъ Карлейль то что принято называть неблагодарностью Фридриха къ людямъ

дѣлавшимъ ему добро или терпѣвшимъ за него во время тяжкихъ годовъ юности. Но почему же историкъ, не забывающій ничего и славящійся своимъ ординарнымъ взглядомъ на многое для другихъ скрытое, совершенно не упоминаетъ о всѣмъ извѣстныхъ примѣрахъ вопиющей и явной несправедливости? Не говоримъ о темныхъ лицахъ, снабжавшихъ кронъ-принца деньгами и едва выхлопотавшихъ себѣ уплату ихъ, безъ одного слова ласки и благодарности. Не упоминаемъ о книгопродавцахъ, музыкантахъ и т. д. имѣвшихъ сношенія съ кронъ-принцемъ и жестоко пострадавшихъ отъ его грознаго родителя. Можетъ-быть король облагодѣтельствовалъ ихъ въ тайнѣ, а они въ видѣ признательности взвели на него небывлицу, какъ это часто бываетъ на свѣтѣ. Но кому неизвѣстно имя несчастной Дорисъ Риттеръ, которая при вступленіи Фридриха на престолъ была жива и находилась въ Берлинѣ въ страшной бѣдности? Отчего Карлейль упорно умаличиваетъ о ней, и оправдывая своего героя въ обвиненіи по поводу какого-то лейтенанта Шпена, проходитъ мимо женщины, имя которой было извѣстно Европѣ, и несправедливость короля къ которой взволновала весь образованный міръ даже въ ту эпоху, не слишкомъ богатую гласностію? Это умолчаніе, безъ сомнѣнія, поразитъ каждаго читателя и повредитъ Карлейлю въ глазахъ многихъ его поклонниковъ. Равнымъ образомъ, хотя и въ болѣе слабой степени, повредитъ ему нѣсколько казуистическій отъѣнокъ, приданный имъ всему обсужденію дѣла. Молодой король пренебрегъ тѣми изъ старыхъ друзей и слугъ, отъ которыхъ онъ не предвидѣлъ ни заслугъ, ни пользы для государства. Иные изъ нихъ были ничтожны, другіе даже развратны или жадны до отличій: на чтò такія особы годились для Пруссіи? Это очень величаво, и выраженіе: король отъ головы до ногъ—приводится кстати, но на подобные приговоры легко подать и аппеляцію. Для какой надобности дѣло общественное смѣшано съ интересами совершенно частными, и судьбы Пруссіи поставлены въ противоположность съ простымъ чувствомъ признательности за бывшя заслуги? Никто не могъ разчитывать и требовать, чтобы новый король Пруссіи образовалъ министерство изъ юношей когда-то замышлявшихъ бѣжать съ нимъ въ Англію, поручилъ финансы края какому-нибудь добряку, пособившему ему въ горькій часъ тысячью талеровъ, а пострадавшую и

поруганную за него Дорисъ Раттеръ сдѣлалъ своею наперсницей и нимфой Эгерией XVIII столѣтія. Но всякій могъ думать, что за гоненія и потери всякаго рода, перенесенныя для него въ тяжелые годы, онъ сумѣетъ въ минуту своего возвышенія заплатить ласкою, выраженіемъ личной привязанности, наконецъ чисто-матеріальными вовсе не относящимися къ государственнымъ интересамъ, пособіями. Между прусскими историками-панегиристами нашлись люди, оправдывавшіе пренебреженіе Фридриха религіознымъ почтеніемъ къ власти своего покойнаго родителя. По ихъ понятію, онъ не хотѣлъ ласково отнестись къ непокорству и оппозиціи, въ какихъ бы видахъ они не проявлялись. Намъ кажется, что такое оправданіе все-таки лучше чѣмъ соображенія Карлейля о пользѣ общественной.

Благодаря трудамъ первоклассныхъ писателей и обилію мемуаровъ, характеръ Фридриха Великаго достаточно выясненъ; а характеръ этотъ, надо признаться, многими своими особенностями даетъ положительный отвѣтъ, какъ Карлейлю, такъ и панегиристамъ менѣе его талантливымъ. Ни одинъ изъ великихъ людей XVIII столѣтія не сдѣлалъ болѣе Фридриха по части смягченія нравовъ и распространенія просвѣщенія, ни одинъ полководецъ не содѣйствовалъ болѣе его къ уничтоженію варварскаго и грабительскаго элемента на войнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли не весь образованный міръ знаетъ, что въ частной своей жизни Фридрихъ никакъ не могъ назваться существомъ благодушнымъ. Онъ составлялъ яркую противоположность съ другими просвѣщенными людьми обыкновеннаго закала, которые гуманны и кротки во всѣхъ житейскихъ сношеніяхъ и теряютъ эти качества какъ скоро кругъ ихъ дѣятельности расширяется. О людяхъ вообще онъ былъ не высокаго мѣрнія, а страданія извѣданныя имъ въ молодости еще болѣе утвердили его въ такомъ взглядѣ. Послѣ извѣстной попытки бѣгства, кронъ-принцъ провелъ долгіе годы въ усиленномъ трудѣ, бѣдности, мучительномъ надзорѣ за самимъ собою, сознавая, что его боятся, что за нимъ наблюдаютъ, что одно неосторожное слово можетъ вызвать новую опалу. Все это не могло не засушить его души, уже подготовленной къ тому и эпикурейски-холодною философіей вѣка, и необходимостью сближаться съ нелюбимыми людьми, и наконецъ не совсѣмъ

чисто проведенною юностью. Къ сухости и холодному взгляду на людей присоединилось несомнѣнное озлобленіе, происхожденіе котораго достаточно объясняется и прошлымъ горемъ, и нѣскольکو желчнымъ темпераментомъ. Уже во время жизни въ замкѣ Рейнсбергѣ, друзья и придворные принца испытывали на себѣ его капризное остроуміе и боялись Фридриха какъ огня, хорошо зная, что собственно въ служебномъ и житейскомъ отношеніи онъ не сдѣлаетъ имъ ничего худаго. Одаренный свѣтлымъ умомъ для того чтобы жестоко мучить людей или тѣшиться ихъ страданіями, Фридрихъ не могъ однакоже подавить въ себѣ нѣскольکو враждебнаго къ нимъ настроенія. До конца жизни своей онъ любилъ дразнить лица и близкія къ себѣ, и неблизкія, язвительно выставлялъ имъ на видъ ихъ слабыя стороны, озадачивать ихъ быстрою насмѣшкой, встрѣчать ихъ горячіе порывы оскорбительною холодною. И замѣчательно что онъ лучше всякаго другаго наблюдателя, лучше своихъ завѣдшихъ враговъ, зналъ за собой этотъ недостатокъ. Возмужавъ и созрѣвъ въ государственной дѣятельности, Фридрихъ никогда не позволялъ своимъ мизантропическимъ причудамъ имѣть вліяніе на его королевскую роль; напротивъ того, онъ ихъ тщательно одерживалъ, и только въ концѣ трудового дня, въ кругу ближайшихъ людей, всего чаще на знаменитыхъ философскихъ ужинахъ, давалъ имъ свободу. Даже по приговору своихъ вѣрныхъ поклонниковъ, онъ былъ собесѣдникомъ блестящимъ, но страшнымъ. Его ядовитыя шутки, сарказмы и придирчивыя преслѣдованія (конечно не въ политическомъ смыслѣ) доводили до отчаянія и вели къ непрерывнымъ размолвкамъ. Само собой разумѣется, что недостатокъ благодушія, о которомъ мы говоримъ, былъ всего замѣтнѣе въ первые годы правленія, пока еще опытъ жизни не покончилъ своихъ уроковъ, а сила гениальной природы не надѣлила Фридриха полнымъ самообладаніемъ. Вотъ гдѣ слѣдуетъ искать разгадки темнымъ пятнамъ первыхъ годовъ его царствованія, въ особенности же той обидной безчувственности, съ какою отнесся молодой король къ надеждамъ людей, принесшихъ ему столько жертвъ въ горькіе годы голенія.

Вообще, разбирая дѣятельность Фридриха Великаго за первые годы его царствованія, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ числѣ весьма важныхъ препятствій на своемъ

пути, новый государь имѣлъ свою собственную славу какъ эпикурейскаго кровъ-принца, сочиняющаго стихи и пропитаннаго новыми идеями. И просвѣщенная Пруссія, и просвѣщенная Европа дѣйствительно признавали его за новаго Соломона, но за Соломона книжнаго, сентиментальнаго, годнаго для мудрыхъ бесѣдъ въ какомъ-нибудь элизіумѣ, но никакъ не для энергической и будничной работы правленія. Оттого, когда опыты показавъ противное, когда Фридрихъ выразилъ рѣшимость быть полнымъ хозяиномъ Пруссіи и множествомъ примѣровъ доказавъ устойчивость этого рѣшенія, его популярность въ просвѣщенныхъ слояхъ общества значительно уменьшилась. Зоркая маркграфиня Вильгельмина, въ своихъ извѣстныхъ мемуарахъ, прямо выражаетъ изумленіе, и тревогу. „О король, пишетъ она (октябрь 1740 года) говорятъ съ самою неумѣренною жестокостію. Вся любовь, какую онъ такъ недавно пользовался, совсѣмъ исчезла, и по всему краю замѣтно общее неудовольствіе. Одни упрекають его за дурное обращеніе съ друзьями стараго времени, другіе твердятъ про скупость, худшую чѣмъ скупость покойнаго короля, третьи про его недовѣрчивость, подозрительность, высокомѣріе и скрытность.“ Вильгельмина могла бы прибавить и про твердость, на которую никто не разчитывалъ. Фридрихъ проектировалъ въ Берлинѣ много богатыхъ построекъ (оперный театръ, домъ для вдовствующей королевы); но когда лица, привыкшія житья на счетъ казны, стали выводить несоразмѣрныя смѣты, онъ оборвалъ ихъ еще хуже чѣмъ это дѣлывалъ его покойный родитель. Въ маленькомъ владѣніи Герсталь, отходившемъ къ Пруссіи по наслѣдству отъ Нассау-оранскаго дома, граждане постоянно были враждебны присоединенію, а литтхскій владѣтельный епископъ, имѣвшій свои притязанія на Герсталь, много лѣтъ содѣйствовалъ смутамъ своими происками. Какъ ни суровъ былъ покойный король, но онъ терпѣло сносилъ всѣ неудобства герстальскаго дѣла, сперва по уваженію къ германскому императору, а потомъ вслѣдствіе боязни или нежеланія раздражать сосѣдей изъ-за ничтожнаго наслѣдства. Но наслѣдникъ его взглянулъ на дѣло иначе. Онъ занялъ владѣнія литтхскаго епископа военнымъ отрядомъ, взялъ небольшую контрибуцію и заявилъ, что не выведетъ войскъ пока не получитъ категорическаго отвѣта на свои требованія заблаговременно выраженные, но не удостоенныя

отвѣтомъ. Послѣ безплодныхъ протестовъ и жалобъ, обращенныхъ къ Австріи и Франціи, епископъ счелъ долгомъ покориться. Дѣло было покончено уплатой суммы, за которую прусскій король отказался отъ своихъ правъ на ненужное ему наслѣдство. Нѣтъ сомнѣнія что литтискій епископъ вполне заслужилъ свое униженіе, и что Фридрихъ, окончивая дѣло, выказалъ даже большую умѣренность требованій. Но какъ бы то ни было, сѣверный Соломонъ, рѣшающій споры посылкой военныхъ отрядовъ и наложеніемъ контрибуціи, не могъ не озадачить всѣхъ своихъ поклонниковъ.

Заканчиваемъ наши замѣтки о царствованіи Фридриха за первые мѣсяцы слѣдующимъ отрывкомъ изъ книги его историка.

„Несомнѣнно одно: въ мірѣ появилось новое и юное королевское величество, съ правомъ на надежды и подававшее поводъ къ надеждамъ. Начнемъ съ того, что новый государь положительно красивъ собою, строенъ и изященъ при своемъ небольшомъ ростѣ, съ умнымъ, выразительнымъ лицомъ, не строгимъ и не гордымъ, но съ быстротою молніи возбуждающимъ въ наблюдатель многое не лишнее значенія. Такая наружность, и при ней молодость, и при нихъ Вольтеръ и родъ человѣческой, готовящіяся къ рукоплесканіямъ!... Если, въ началѣ этого царствованія, „сіянія и авроры“ оказываются слишкомъ много, то нельзя, однакоже, сказать, чтобы сіяніе это было сіяніемъ недоброкачественнымъ. Въ немъ есть мягкій блескъ золота, и что еще лучше—*звѣздное сіяніе яркой стали*, безъ котораго ничто всѣ великодушія, филантропіи и мягкіе элементы души человѣческой... Людей, подобныхъ молодому Фридриху, немного является на свѣтѣ, а по счастью одинъ изъ такихъ людей на престолѣ. Онъ быстръ умомъ и стоекъ, проникателенъ, безстрашенъ въ замыслѣ и исполненіи, онъ легко несетъ свои дарованія и не подавляетъ ими. Онъ знаетъ великое горе и тяжкую науку, но самый стоицизмъ не привилъ къ нему сумрачности.

„До чего дойдетъ онъ, до чего достигнетъ? По всей вѣроятности, до чего-нибудь замѣчательнаго, не совсѣмъ сходнаго съ его собственными надеждами и съ надеждами свѣта. Не мы, но старикъ время ломаетъ и заканчиваетъ надежды наши, и надо признаться, любопытныя вещи продѣлываетъ этотъ старикъ съ нами и нашими надеждами!... Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, надежды

новаго государя, по всей вѣроятности, не были до крайности честолюбивы. Можно догадываться, что ему улыбалась мысль о счастливой, по возможности, жизни, о Рейнсбергскомъ мудромъ уединеніи въ кругу избранныхъ умовъ, между богами и музами, въ промежуткахъ между честными, серьезными государственными работами. И отчего бы не такъ? Быть королемъ просвѣщенныхъ особъ, покровителемъ, другомъ и практическимъ вождемъ просвѣтленныхъ душъ нашего міра—роль не худая. Быть новымъ Карломъ Великимъ философскаго міра и засѣдать въ кругу *своихъ* палативовъ: сколько славы и сколько блага въ такомъ занятіи для цѣлыхъ современныхъ намъ поколѣній! Нужно ли говорить, до какой степени несбыточными оказались всѣ подобныя надежды?..

„И нужно добавить, что эпоха, въ которую явилась Фридрихъ, не совсѣмъ соотвѣтствовала, какъ этимъ надеждамъ, такъ и другимъ проявленіямъ его генія. Грустная и гнилая эпоха, восклицаетъ по этому поводу нашъ другъ Смельфунгусъ, погруженная въ невѣріе и лицемѣріе, со всякаго рода ложью,—эпоха болѣзненная, не принадлежащая къ разряду такихъ, при которыхъ юная, свѣтлая и живая душа царственного юноши находить небесную манну, поддерживающую ее во время земнаго странствованія. И живи Фридрихъ не въ такую горькую эпоху, дѣятельность его сложилась бы иначе и онъ оставилъ бы міръ *не въ столь тощемъ видѣ*, какъ это случилось. Но высочайшій человекъ изъ всѣхъ насъ, все-таки брать своимъ современникамъ, и какъ онъ ни борись съ окружающею его средой, общее фамиліальное сходство съ него не сотрется. А современники Фридриха были заражены и испорчены медленнымъ ядомъ того времени. Не манной питались они, а гнилыми яствами, заправленными свинцовымъ сахаромъ!... Печальные люди и горькая эпоха! Вы удивляетесь скудости героизма въ XVIII столѣтіи? Дивитесь лучше обилію героизма при такихъ несчастныхъ условіяхъ, при настроеніи умовъ, послѣднимъ словомъ котораго было: прильпнись къ землѣ и ся радостямъ, пользуйся своими пятью чувствами для большаго себѣ наслажденія, пусть душа гаснетъ, но процвѣтаетъ желудокъ! Какъ еще въ такую пору могли появляться люди героическаго закала, хотя бы исхудалые, хотя страждущіе отъ недостатка питанія? Картреты, Чатамы, Фридрихи, Вольтеры, Бельиан, Шуазели, Франклины не погибли еще отъ нравственнаго голода и медленныхъ ядовъ: такъ крѣпка еще наша могущественная мать природа!“

II. Молльвицъ.

Двадцать пятого октября 1740 года, въ исходѣ пятого мѣсяца со вступленія на прусскій престолъ новаго государя, Фридрихъ находился въ своемъ любимомъ Рейнсбергѣ, горячо работая по утрамъ, задавая концерты и ужины, пользуясь обществомъ „просвѣтленныхъ душъ своего времени“, можетъ-быть мечтавъ „о Карлѣ Великомъ философскаго міра и палладинахъ какіе бы наиболее подходили къ его мудрому кругу“. Къ сожалѣнію, мечтамъ молодаго Соломона много мѣшала упорная лихорадка, добытая имъ во время осенняго объѣзда своихъ провинцій. Въ тотъ день, о которомъ упоминается здѣсь, болѣзнь особенно озлобилась, и король лежалъ въ постели, не принимая никого, даже изъ своихъ приближенныхъ. Пока Фридрихъ дрожалъ и ждалъ конца пароксизма, въ замокъ прискакалъ курьеръ изъ Вѣны съ чрезвычайно важнымъ извѣстіемъ. Императоръ Карлъ VI скончался послѣ кратковременной болѣзни, съ нимъ угасла мужская линія Габсбургскаго дома. Когда, по минованіи пароксизма курьера допустили къ его величеству, Фридрихъ прочелъ депешу и тотчасъ же отправилъ двухъ гонцовъ—одного за своимъ лучшимъ генераломъ Швериномъ, другаго за Подвильсомъ, своимъ старшимъ министромъ. Съ этого дня лихорадку сняло какъ рукой. Съ этого дня открылся совершенно новый путь, и Карлъ Великій философскаго міра отошелъ на далекій планъ, отошелъ на долго, навсегда быть-можетъ.

Когда Шверинъ и Подвильсъ явились къ государю, началась безустанная, четырехдневная работа съ совѣщаніями, работа тайная и хорошо хранимая въ тайнѣ. Волѣдъ за ней курьеры стали скакать по разнымъ направленіямъ, войска двигаться туда и сюда, магазины и военные склады формироваться на разныхъ пунктахъ, все ближе и ближе къ Силезіи. Берлинъ заговорилъ и сталъ теряться въ догадкахъ; за нимъ заговорила и стала теряться въ догадкахъ Европа. Теперь всѣ эти тайны, отъ которыхъ когда-то замирали сердца, и дипломаты не спали ночей, не озадачиваютъ уже читателя. Знаменитый силезскій походъ былъ рѣшенъ, и прусскія войска, безъ малѣйшаго вызова со стороны Австріи,

даже безъ предварительнаго заявленія австрійскому двору какихъ-либо притязаній прусскаго правительства *, вступили, подъ непосредственнымъ начальствомъ своего короля въ беззащитную область сосѣдняго государства „для занятія ея, впредь до окончанія имѣющихъ быть переговоровъ“. Какъ извѣстно всякому, наследница и дочь покойнаго Карла VI, Марія Терезія, въ то время находилась въ весьма затруднительныхъ обстоятельствахъ. Послѣ смерти императора въ казнѣ оказалось, по англійскому счету, не болѣе 10.000 ф. стерл., войско было въ безпорядкѣ, несчастныя войны и политическія ошибки всякаго рода довели государство до истощенія. Въ то же время отъ баварскаго двора заявленъ былъ протестъ противъ прагматической санкціи и правъ Маріи Терезіи на Богемію съ другими областями. Буря надвигалась отовсюду, а средствъ къ ея предотвращенію оказывалось такъ мало, что въ то время когда замыслы Фридриха на Силезію вполнѣ обнаружались, въ угрожаемую область невозможно было стянуть болѣе семи тысячъ войска, и изъ этихъ семи тысячъ бѣльшая часть занимала крѣпости (Глогау, Бригъ и Ниссе), не имѣя никакой возможности встрѣтить въ открытомъ полѣ прусскую сорокатысячную армію.

Самъ Фридрихъ Великій, въ своихъ запискахъ, набросанныхъ много лѣтъ спустя послѣ силезской кампаніи, выражается съ большою откровенностію: „Въ дѣлѣ силезскомъ король *видѣлъ средства къ добытію извѣстности*, къ усиленію своего государства и къ окончанію такъ долго тянувшагося дѣла о юлихъ-и-бергскомъ наследствѣ. Рискъ былъ великъ. За дочь императора могли вступиться многія державы, войско наше было неопытно, на приобрѣтеніе союзниковъ мы не могли разчитывать. Но были вѣроятности и въ пользу

* Извѣстно что секретныя предложенія короля прусскаго, по не совсемъ честному разчету, представляемы были австрійскому правительству въ то самое время, когда Фридриховы войска уже вступали въ Силезію. Эти предложенія были: заключеніе союза съ цѣлію поддерживать условія по прагматической санкціи, обѣщаніе содѣйствовать избранію Франца, супруга Маріи Терезіи, императоромъ германскимъ, выдача 200.000 гульденовъ, по первому требованію, въ распоряженіе Австріи, — а въ возмездіе этихъ услугъ—уступка всей Силезіи. О *правахъ* прусскихъ королей на Силезію, заявляемыхъ въ манифестѣ, издаваемомъ при выступленіи войскъ за границу, въ упоминаемой нами книгѣ не говорится ни слова.

короля, какъ-то: слабость Австріи, раздоры между Англіей и Франціей, удобство и легкость веденія войны въ Силезіи....

„Прибавьте къ этому войско, хотя и не бывавшее въ дѣлахъ, но прекрасно устроенное, изобиліе въ деньгахъ и военныхъ запасахъ, *можетъ быть стремленіе къ тому, чтобы прославить свое имя*, и вы получите причины войны, на которую король рѣшился *.“

Въ этомъ краткомъ отрывкѣ два раза упомянуто *про славу*, и всѣ письма молодого короля при началѣ похода, всѣ его прокламаціи и обращенія къ войскамъ, полны толками о той же славѣ. Карлейль съ замѣчательною зоркостью указываетъ на это обстоятельство, и вслѣдъ за тѣмъ даетъ намъ замѣтить, что съ первыхъ же мѣсяцевъ силезской кампаніи когда-то дорогое слово *gloire* исчезло изъ писемъ и рѣчей Фридриха, исчезло такъ, что въ теченіи долгихъ лѣтъ потомъ упоминалось лишь въ насмѣшливомъ смыслѣ. Далѣе, слѣдя за невольными признаніями нашего историка, мы находимъ, что онъ спѣшитъ указать на замѣчательную умѣренность вторичныхъ требованій Фридриха, предъявленныхъ Австріи послѣ того какъ вся Силезія безъ боя отдалась въ его руки, и когда по ходу дѣлъ, притязаніи никакъ не могли бы умалиться. Наконецъ, описывая тяжкое впечатлѣніе, произведенное на молодого государя его *первымъ* сраженіемъ, Карлейль опять настаиваетъ на томъ, что опытъ дѣйствительной

* Приводимъ отрывокъ изъ Карлейля, навакшіи на него особенное сужденіе критики. Выписавъ вышеприведенное признаніе Фридриха, историкъ говоритъ:

„Стремленіе прославиться! восклицаютъ многіе историки: какъ это неприлично!“ Они могли бы воскликнуть: „откровенное сознаніе въ своемъ саволоубіи есть очень честное дѣло!“ Относительно справедливости своихъ силезскихъ притязаній, и своей вѣры въ эту справедливость, Фридрихъ не даетъ читателю никакихъ новыхъ данныхъ. Когда надо по ходу дѣла, онъ говоритъ о своихъ „извѣстныхъ правахъ“ кратко, тономъ человѣка увѣреннаго въ томъ, что его слово стѣбитъ вѣры, говоритъ безъ всякихъ защитительныхъ тирадъ. Можно сказать, что онъ очень мало заботится о нашемъ взглядѣ на его право, что глаза его прикованы лишь къ практической сторонѣ дѣла. Неоспоримыя права! Куда же эти права годны, если вы не въ силахъ ими воспользоваться? Свѣтъ положъ таковыя неоспоримыя права! Другое дѣло, если ты имѣешь права и имѣешь силу обратить ихъ въ существующій фактъ. Тогда предъявляй ихъ, и трудъ не будетъ напрасенъ.“

войны далъ совершенно иное направленіе мыслямъ Фридриха; сдѣлавъ его совсѣмъ новымъ человѣкомъ, не похожимъ на того юношу, который, очертя голову, полетѣлъ на войну для смисканія себѣ извѣстности.

Въ теченіи семи недѣль послѣ перваго движенія войскъ изъ Пруссіи, вся Силезія, безъ особенныхъ усилій и потерь, отдалась въ руки Фридриха; только въ двухъ или трехъ укрѣпленныхъ пунктахъ еще держались австрійскіе гарнизоны, да около послѣднихъ рубежей края скитались еще небольшіе австрійскіе отряды, грабительское поведеніе которыхъ только содѣйствовало къ обращенію населенія въ друзей Пруссіи. Всѣ протестанты прямо были на сторонѣ завоевателя, да и вообще непрошеные гости вели себя съ такою кротостію, что никто ими не тяготился. По большимъ центрамъ населенія, между рыаными католиками и кружками людей привязанныхъ къ австрійскому правительству, изрѣдка образовывались маленькіе заговоры, велись попытки сношеній съ отѣсненными отрядами, но эти дѣла, которыя по тогдашнимъ нравамъ навлекли бы на себя свирѣпую кару со стороны всякаго другаго побѣдителя, не вызвали даже мѣръ полицейской строгости. Фридрихъ зналъ все и искусно разрушалъ всѣ козни своихъ недоброжелателей, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ. Этой черты забывать не надо, тѣмъ болѣе что ее никакъ нельзя признать за послѣдствія макиавелическихъ расчетовъ. При легкомъ началѣ войны, не имѣя передъ собою сильнаго врага, съ населеніемъ хорошо расположеннымъ или апатическимъ, сдержанность Фридриха не была удивительною: но онъ сумѣлъ сохранить ее и въ ту пору когда австрійскія силы пришли отстаивать Силезію и когда ходъ событій началъ придавать опасную энергію всей анти-прусской части ея населенія.

А пора эта пришла скоро. Вѣсть о беззаконномъ нашествіи прусскаго короля на чужую область наполнила Европу недоумѣніемъ и враждебными чувствами, не безъ примѣси нѣсколько презрительнаго отъклика. *Cet homme est fol*, выразился Король Лудовикъ XV про сѣвернаго Соломона. Англійскій Георгъ II, дядюшка Фридриха, „честный, храбрый, безтолковый хлопотунъ съ выпученными глазами въ родѣ рыбьихъ глазъ,“ былъ еще худшаго мѣннія о своемъ родственникѣ. „Что это за новый маленькій королишко, разсуждаетъ онъ, — и почему это онъ не позволяетъ, чтобъ его надували, осмѣи-

вали и водили за носъ, какъ было съ его покойнымъ родителемъ. Уже онъ одинъ разъ раздражилъ насъ, прижавъ и обобравъ благочестиваго литтискаго епископа—теперь онъ забираетъ себѣ Силезію и на всѣ четыре вѣтра разметываетъ прагматическую санкцію. Потерпимъ ли это мы,—мы, съ англійскимъ золотомъ, звенящимъ въ нашихъ карманахъ?...“

Если чужіе властители такъ думали и выражались, то легко понять, какъ должно было отнестись къ Фридриху то правительство, отъ котораго отторгаль онъ богатую область. На предложеніе союза и денегъ, подъ условіемъ уступки Силезіи, въ Вѣнѣ отвѣтили прощескою замѣткой, въ свое время глубоко оскорбившею Фридриха. Затѣмъ пошло многотрудное добываніе денегъ, сборъ войскъ (къ несчастію, цѣлую треть иррегулярныхъ) и отправленіе въ Ольмюцъ генерала Нейперга для принятія начальства надъ арміею, предназначенною дѣйствовать въ Силезіи. Все это требовало времени; только къ концу зимы Нейпергъ прибылъ на мѣсто, а зима была долгая и не давала возможности ускорять операцій. Фридрихъ успѣлъ на время оставить свою армію, и провести нѣсколько недѣль въ Берлинѣ, куда призывали его все болѣе и болѣе омрачавшіяся политическія событія. Со стороны Россіи высказывались неблагоклонные замыслы, изъ Англіи шли субсидіи въ Вѣну, и требовалось принять мѣры, отчасти угрожающія Ганноверу, а стало-быть нѣсколько способныя обуздать горячность дядюшки.* Надо сознаться, разказываетъ нашъ историкъ, что Фридрихъ ясно увидѣлъ всю шаткость и весь рискъ своего положенія. *Gloire* уже не слѣпить его очей, и все говоритъ ему, что у него нѣтъ иного союзника кромѣ его арміи, что свѣтъ сумрачно глядитъ на него, младшаго изъ королей, что отовсюду доносятся звуки политическаго землетрясенія, что онъ одинокъ, и одинокъ до ужасающей степени.

Душевныя тревога его были велики и тяжки въ этотъ періодъ времени. Несмотря на то что Силезія въ его рукахъ, онъ почти высказалъ, что готовъ удовольствоваться однимъ герцогствомъ Глогау и за то быть вѣрнымъ союзникомъ

* Чтò и было исполнено сформированіемъ лагеря въ 36.000 человекъ, по близости ганноверскихъ владѣній.

Австріи. Но всё сношенія съ Вѣной прерваны, и оттуда долетаютъ лишь слухи о гнѣвныхъ протестахъ и военныхъ приготовленіяхъ. Однако никому изъ ближайшихъ людей, даже другу своему Иордану, король не высказываетъ мыслей наполнявшихъ его душу; мы можемъ судить о нихъ лишь по немногимъ случайнымъ даннымъ. Высокій даръ *глубокаго молчанія* не понапрасну данъ Фридриху. Онъ виденъ и здѣсь, онъ во многомъ помогъ дѣлу его жизни, хотя не мѣшаетъ добавить, что этотъ даръ молчанія весьма непріятенъ современнымъ биографамъ Фридриха.

Душевные тревоги, волновавшія за это время нашего героя, отчасти высказались во второй его пріѣздъ къ силезской арміи. Передъ нами еще далеко не тотъ непоколебимый, прозорливый, находчивый Фрицъ, одно присутствіе котораго въ послѣдствіи воодушевляло солдатъ и стоило цѣлой арміи. Безъ распорядительности своихъ лучшихъ генераловъ, въ особенности Шверина и молодаго герцога Леопольда Дессаусскаго, король сдѣлалъ бы весьма немного для встрѣчи непріятеля, даже для составленія вѣрныхъ понятій о его силѣ и намѣреніяхъ. Фридрихъ хлопочетъ и развѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, подвергается опасности со стороны легкихъ австрійскихъ отрядовъ, не спитъ по нѣскольку ночей отъ душевнаго изнуренія, но онъ не знаетъ какъ быстро идутъ приготовленія энергическаго Нейперга, не знаетъ даже какими силами располагаетъ противникъ и готовъ ли онъ къ наступленію. До его свѣдѣнія дошло только, что Австрійцы намѣрены изъ Богеміи двинуться на крѣпость Глогау, осажденную Прусаками, и что у нихъ много кавалеріи. Изъ окрестностей Брига и изъ Олау, пунктовъ ближайшихъ къ границѣ Силезіи, онъ пишетъ къ принцу Дессау и почти упрощаетъ его не медлить осадю. Нѣсколько дней сряду онъ пишетъ одно и то же, не давая особенныхъ инструкцій, совѣтуя штурмовать Глогау во что бы ни стало, настаивая на опасности со стороны Богеміи и опасаясь понапрасну, по крайней мѣрѣ относительно времени, ибо австрійская армія была еще совершенно не готова къ наступленію. По счастью, принцъ Леопольдъ нашелъ возможность успокоить своего повелителя, не проливая потоковъ крови. Мастерскою ночью атакѣ, онъ въ распахъ захватилъ гарнизонъ крѣпости и вломился въ городскія ворота прежде нежели Австрійцы успѣли открыть огонь нѣсколько сильный. Потеря Прусаковъ

оказалась ничтожною, а весь отрядъ генерала Валиса, оборонявшаго городъ, сдался военнопленнымъ.

Паденіе Глогау, успокоивъ часть тревогъ короля прусскаго, съ другой стороны только ускорило приготовленія Нейперга. Имѣя немного болѣе двадцати тысячъ войска, съ самою незначительною артиллеріей, онъ счелъ себя не вправѣ выжидать болѣе и двинулся на Глацъ, а оттуда на Егерндорфъ, по дорогѣ къ крѣпости Нейссе, еще не взятой Пруссаками. Движеніе было произведено быстро, но безпорядочно, иррегулярные отряды гусаръ и пандуровъ распоряжались какъ въ завоеванной странѣ, грабили, оскорбляли жителей, а въ то же самое время не исполняли простѣйшихъ обязанностей аванпостной службы. Обѣ воюющія стороны были въ полномъ невѣдѣніи другъ о другѣ: въ разбросанныхъ прусскихъ отрядахъ и не думали о близости непріятеля, въ свою очередь Нейпергъ ничего не зналъ о томъ какъ слаба и разтянута прусская боевая линія. Въ Егерндорфѣ главныя силы Нейперга чуть не наткнулись на самого Фридриха имѣвшаго при себѣ отрядъ тысячи въ четыре человекъ, при трехъ легкихъ орудіяхъ. Еслибы не австрійскіе дезертиры и ихъ показанія, король не только не имѣлъ бы времени распорядиться сосредоточеніемъ арміи, но вѣроятно самъ попался бы какъ въ западню,—тѣмъ вѣрнѣе, что Нейпергъ имѣлъ при себѣ до восьми тысячъ регулярной кавалеріи, можетъ-быть лучшей въ Европѣ въ то время.

Прошло еще около недѣли (отъ 2-го апрѣля до 10-го), въ теченіи которой прусскія войска успѣли отступить и стянуться, благодаря распоряженіямъ короля, а еще болѣе мастерству Шверина. Нейпергъ попрежнему шелъ безъ особенныхъ соображеній, даже не подозрѣвая того, что Пруссаки слѣдятъ за нимъ и уже второй день совершенно готовы къ сраженію. Наконецъ 10-го апрѣля, въ самый замѣчательный день этой странной кампаніи такъ напоминающей игру въ жмурки, съ австрійскимъ главнокомандующимъ случилось почти то же что произошло въ Егерндорфѣ съ Фридрихомъ. Въ то время когда онъ, расположившись въ деревенькѣ Молльвицъ, сидѣлъ за обѣдомъ, а войско его, пріютившееся по соседнимъ селеніямъ, разчитывало на покойную дневку, партия гусаръ прискакала съ извѣстіемъ, что прусская армія

въ боевомъ порядкѣ, идетъ прямо на Молльвицъ, и находится уже весьма отъ него близко.

Легко представить себѣ, какая суматоха поднялась въ австрійской арміи, а еще легче сообразить, что случилось бы съ нею, имѣй она предъ собою того прусскаго Фридриха, который разыгрывалъ въ послѣдствіи такіе военные сюрпризы на поляхъ Розбаха и Лейтена. По общему приговору, одинъ прусскій авангардъ, пущенный въ дѣло, могъ разбить и разбросать всѣ эти волки, торопливо бѣжавшія къ сборнымъ пунктамъ, пораженные нечаянностію и не знавшіе даже гдѣ находятся ихъ ближайшіе начальники. Но не съ разу дѣется военный талантъ, говоритъ Карлейль, и напрасно стали бы мы искать въ молодомъ королѣ, при его первомъ сраженіи, этой способности на львиный скачокъ, способности, какою онъ отличался въ послѣдствіи. Далекое ему, куда еще далеко до этого! Черезъ десять, черезъ двадцать лѣтъ, — найди Фридрихъ Нейперга въ такомъ положеніи, счетъ его былъ бы скоро подписанъ. Но при Молльвицѣ онъ еще подмастерье старой школы, для него еще имѣетъ большую цѣну медленная, спокойная точность, годная болѣе для учебныхъ плацовъ. Полки двигаются медленно, съ музыкой, дефилируются, останавливаются, формируются въ двѣ линіи; пѣхотные батальоны занимаютъ мѣсто въ промежуткахъ между кавалерійскими частями: „мѣра, не слишкомъ заслуживающая подражанія“, замѣчаетъ въ послѣдствіи Фридрихъ, смѣясь надъ собою. Трехъ батальоновъ первой линіи некуда дѣвать: общая гармонія строя можетъ пострадать отъ ихъ присутствія, — и вотъ, съ потерей времени, ихъ загибаютъ *en potence* къ правой сторонѣ линіи, гдѣ они совсѣмъ бесполезны. Такимъ образомъ времени потеряно много, и Нейпергъ вздохнулъ спокойноѣ.

Силы противниковъ почти равны, въ каждой арміи съ небольшимъ около двадцати тысячъ людей разнаго оружія. Въ артиллеріи у Прусаковъ перевѣсъ огромный—60 орудій противъ восемнадцати, но за то Нейпергъ имѣетъ много превосходной кавалеріи и съ нею превосходнаго кавалерійскаго генерала, Саксона Ремеера. Ремееръ первый поспѣлъ на мѣсто съ своими полками, устроилъ ихъ на лѣвомъ флангѣ боевой линіи, и едва Прусаки открыли огонь изъ своихъ многочисленныхъ орудій, ударилъ на прусскую артиллерію и на прикрывавшій ее отрядъ Шулембурга. Атака была блистательна и ужасна. Девять пушекъ захвачено Австрійцами;

Шулембурговы драгуны изрублены или отброшены на свои лица; начальникъ ихъ, напрасно пытавшійся остановить бѣгство, убитъ на мѣстѣ. Вся прусская конница на правомъ флангѣ окончательно опрокинута, и что гораздо хуже, звергнута въ паническій ужасъ. Нестройными толпами пронесется она мимо короля. Артиллерія прекратила огонь и находится почти въ такомъ же разстройствѣ. Въ это время происходятъ два обстоятельства, оказавшія рѣшительное вліяніе на исходъ сраженія: Ремеръ, атакуя линію прусской пѣхоты, убитъ передъ своими эскадронами; а Шверинъ, считая сраженіе проиграннымъ, убѣждаетъ короля уѣхать съ поля, и не подвергаясь опасности, предоставить ему одному дальнѣйшій ходъ дѣла.

Еслибъ австрійская армія не была застигнута въ располхъ, и еслибы другіе ея генералы имѣли сходство съ Ремеромъ, Шверину дѣйствительно оставалось бы только одно: отступить въ возможномъ порядкѣ; ибо весь правый флангъ его былъ смятъ и толпы наскакавшихъ иррегулярныхъ воровъ уже распорядились въ прусскомъ обозѣ. Но дальнѣйшее наступленіе грѣшило вялостью и непослѣдовательностью. Вопреки здравому смыслу, вся тягость боя пала на кавалерію, уже утомленную нѣсколькими атаками, озадаченную потерей любимаго начальника. И тутъ приходится отдать справедливость прусской пѣхотѣ, которая въ этотъ день удивила самихъ непріятелей. Она выдержала всѣ напоры австрійской конницы, маневрируя какъ на ученьи, выполняя построенія съ педантической холодностью, однимъ словомъ, представляя изъ себя какую-то странную машину, можетъ-быть даже смѣшную по теперешнимъ понятіямъ, но въ то время казавшуюся чѣмъ-то волшебнымъ и небывалымъ. Батальоны подпускали къ себѣ атакующихъ на такое разстояніе, чтобы бѣлки глазъ были видны у непріятеля, падали залпами и плутонами, брали ружье на руку и равнялись такъ тщательно, какъ будто бы король долженъ былъ сейчасъ къ нимъ подъѣхать. Даже тѣ изъ нихъ которые были размѣщены между частями Шулембурговой кавалеріи и послѣдовательно остались окруженными со всѣхъ сторонъ, не выказали никакой тревоги, а напротивъ того безпрестаннымъ перекрестнымъ огнемъ тревожили противника. Педантическая выправка прусскаго солдата не сообщала однакоже ему неповоротливости въ приемахъ: по несомнѣнному свидѣтельству очевидцевъ, пѣхотинецъ короля Фридриха

выпускалъ пять ружейныхъ выстрѣловъ противъ двухъ австрійскихъ.

Еще часа три или четыре продолжались усилія Нейперга сломить лѣвию прусской пѣхоты. По прошествіи этого времени, кавалеристы совершенно выбились изъ силъ, а пѣхотные полки Австрійцевъ были отражены съ большою потерей. Тогда Шверинъ, конечно не безъ разчета уговорившій короля оставить его единственнымъ хозяиномъ на полѣ, сдвинулъ колонны обѣихъ линій, и при послѣднихъ лучахъ садящагося солнца, съ музыкой и должнымъ равеніемъ, самъ атаковалъ Нейперга. „При видѣ этой линіи, вытянутой какъ по луткѣ (schnurgleich), пишетъ одинъ изъ австрійскихъ офицеровъ, прямой какъ стрѣла, и надвигающейся словно на парадъ, духъ нашей арміи упалъ совершенно. Пѣхота явно заколебалась, кавалерія не хотѣла (и не могла) снова выдвинуться впередъ, и все пошло къ пораженію...“ Нейпергъ, не имѣя надежды что послѣдняя схватка можетъ кончиться въ его пользу, далъ приказъ отступать, быстро прошелъ Мольтвицъ и направился чрезъ Лаугвицъ къ Гроткау. Отступая, онъ потерялъ четыре знамени и девять пушекъ (пушки взятая у Прусаковъ и отбитыя имъ назадъ, въ этотъ разчетъ не идутъ). Въ теченіе же всей битвы, убыль его составляла почти пятую часть австрійской арміи (4.500). Прусакъ потеряли столько же.

„Такъ шло дѣло при Мольтвицѣ, говоритъ историкъ, во время первой битвы за Силезію, подавшей поводъ ко многимъ другимъ битвамъ. Можно надѣяться, что послѣ нѣсколькихъ подобныхъ сраженій Силезія останется за Фридрихомъ. Но кромѣ этого, оказывается еще нѣчто уже несомнѣнно добытое и весьма важное. Новая военная держава выступила на сцену, и политикамъ приходится имѣть въ виду „народъ умѣющій драться“, драться не хуже Шведовъ Карла XII, и умѣющій короля, подающаго надежду на сходство съ этимъ послѣднимъ... Новый часъ пробилъ на часахъ времени, и новая эпоха сказалась съ нимъ. Да, друзья мои. Можетъ-быть новаго Карла XII и не будетъ, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что выступилъ впередъ новый человекъ и новый король, и что на его долю, по всей вѣроятности, выпадетъ кой-какое дѣло. И человекъ этотъ, выступившій впередъ, способенъ расшевелить Европу, усавшую посреди всякой лѣни, лицемерія, посреди глупаго

педаггства. Онъ способенъ надавать ей толчковъ и съ помощію ихъ хотя немного освободить міръ отъ всякихъ гадкихъ одъялъ, въ которыя онъ завернулся для сна, и которыя безъ того, пожалуй, обратились бы въ его гробовой саванъ....

„Посмотрѣвъ на это молльвицкое сраженіе, для контраста съ нимъ приведемъ себѣ на память ту запутанную прагматическую санкцію, для которой истрчено было двадцать лѣтъ всесвѣтной дипломатіи, и вся земля опутана хитро вытканною паутиной. Чтò вышло изъ всего этого макиавелизма, этихъ соглашеній и конгрессовъ? Настоящая прагматическая санкція, то-есть огражденіе вашихъ земель и вашихъ правъ, должна была бы заключаться въ сильной арміи и полной казнѣ, а у наслѣдниковъ покойнаго Карла VI ни того ни другаго не оказалось. Въмѣсто казны пришлось разчитывать на подаваніе отъ Англіи; чтò до арміи, то она не выдержала боя съ прусскою арміей.... Надъ причудливымъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ Вѣнѣ издѣвались какъ надъ дуракомъ и медвѣдемъ, но этотъ дуракъ оставилъ послѣ себя и деньги и армію, которая „подвигается на полѣ сраженія, ровненная какъ по сурку, будто для парада“. По истинѣ говоря, умершій король Фридрихъ-Вильгельмъ выигралъ молльвицкое сраженіе у Австрійцевъ. Глядя на сына онъ когда-то говорилъ: „вотъ кто со временемъ отомститъ за меня!“ Но равнѣ новаго мстителя, на молльвицкомъ полѣ, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ уже отомщенъ, и правдивый приговоръ фактовъ оказался вполнѣ въ его пользу!“

Кто бы ни выигралъ молльвицкое сраженіе, Шверинъ ли, или духъ покойнаго государя, воплотившійся на этотъ день въ обученную имъ пѣхоту, права настоящаго прусскаго короля на званіе побѣдителя были до крайности не велики. Будущій Фридрихъ Великій съѣхалъ съ поля битвы, послѣ разбитія праваго крыла его арміи, безъ всякихъ свѣтлыхъ надеждъ, а напротивъ того, въ расположеніи духа, близкомъ къ отчаянію. Ревностные панегиристы, и Карлейль вмѣстѣ съ ними, утверждаютъ, что отъѣздъ короля былъ необходимъ, такъ какъ Шверинъ чистосердечно опасался, что при общемъ разгромѣ и отступленіи Фридрихъ могъ попасться въ руки непріятеля *. По нашему мнѣнію, надъ этимъ долго

* Превосходство австрійской кавалеріи и горячность, съ какою Фридрихъ пытался остановить разбитыя эскадры Шулембурга, даютъ нѣко-

останавливаться не стоить: вся военная карьера нашего героя такова, что вопросъ о томъ, растерялся или не растерялся, струсилъ или не струсилъ Фридрихъ Великій во время своего перваго сраженія, не представляетъ особеннаго интереса. Достоверно то, что молодой король съ небольшою свитой проѣхалъ до самаго Одера, что въ Оппельнѣ онъ наткнулся было на австрійскихъ гусарь, что оттуда онъ вернулся назадъ грустный, измученный, и только въ Гальберсдорфѣ, по прошествіи шестнадцати часовъ горькаго странствованія, его встрѣтила радостная вѣсть о побѣдѣ. Три ночи провелъ онъ безъ сна и въ жестокомъ утомленіи; этимъ достаточно объясняется упадокъ духа и восклицаніе: „O mon Dieu, s'en est trop“, при извѣстіи о томъ, что нѣтъ пути черезъ Оппельнѣ, занятый Австрійцами. Но не легко оправдать письма Фридриха (къ Иордану и Вильгельминѣ Байрейтской), въ которыхъ онъ, извѣщая о побѣдѣ, не говоритъ о своемъ отъѣздѣ съ поля и даже не произноситъ имени Шверина. Въ своихъ мемуарахъ онъ хранитъ такое же молчаніе, не дѣлающее чести его искренности, и заставляющее предполагать, что и вообще на правдивость этихъ мемуаровъ историкъ не совсѣмъ можетъ полагаться.

III. Результаты первой побѣды.

Послѣдствія молдавицкаго сраженія были обильны бурями для Европы и въ особенности тяжелы для Австріи. Несмотря на враждебныя отношенія баварскаго Карла Альберта къ наслѣдницѣ Карла IV, несмотря на интриги по предстоящему избранію германскаго императора, на происки Франціи въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ, ни даже на шаткое расположеніе почти всѣхъ правительствъ, участвовавшихъ въ обязательствахъ прагматической санкціи,—рѣшительная побѣда надъ „прусскимъ злодѣемъ“ (der böse Mann) могла бы значительно поддержать вѣдѣла Маріи Терезіи. Но, вмѣсто побѣды, колеблющаяся Европа узнала о совершенномъ пораженіи Австрійцевъ, о новомъ безпомощномъ положеніи Силезіи, стало-быть о плохой состоятельности правительства, которому вредитъ она

торое осознаніе этому заключенію, но гораздо вѣроятнѣе, что Шверинъ, видя, какъ жестоко пораженъ король первою неудачей, просто пожалѣлъ избавиться отъ его присутствія.

собиралась. Интриги закинули пуще прежняго, переговоры до той поры сдержанные, приняли враждебный характер, и державы, недавно медлившія нарушеніемъ своихъ обязательствъ по вопросу объ австрійскомъ наслѣдствѣ, одна за другою стали отвергать эти обязательства.

„Любопытно замѣтить, пишетъ Карлейль, до какой степени покрыть забвеніемъ въ наше время тотъ нескладный феноменъ, который когда-то звался войной за австрійское наслѣдство! За сто лѣтъ, съ небольшимъ за сто лѣтъ тому назадъ, онъ наполнялъ собой сердца смертныхъ; наши Англичане участвовали въ немъ, платили по этому случаю большія деньги, дрались по его поводу съ своими обычными рвеніемъ и обычнымъ порядкомъ (то-есть подъ начальствомъ храбрыхъ дубинъ, украшенныхъ трехугольными шляпами), и что же? не только всѣ о немъ позабыли, но именно Англичане-то и отличились особенною забывчивостью. „Сраженіе при Деттингенѣ, сраженіе „при Фонтенуа, восклицаетъ нетерпѣливый Британецъ, я „спрашиваю васъ, во имя чорта, что это за сраженія и что „это за чепуху мы тамъ дѣлали?“ На такой вопросъ слѣдуетъ и отвѣтъ нѣсколько общій: „все это одно безуміе, *delirium tremens*, можетъ-быть даже *furens*; лучше ужъ о немъ и не думать!“ Война за австрійское наслѣдство восемь лѣтъ тянулась съ яростію, безобразила собою небо и землю; Англія платила за музыку и полагала фундаментъ своему государственному долгу, а современный намъ Англичанинъ знаетъ болѣе объ Арбеллахъ и Эгосъ-Потамосъ нежели о битвѣ при Деттингенѣ! Истинно справедливы слова нашего стараго друга Зауртейга: „Только тѣ войны памяты, въ „которыхъ есть частичка всемірной исторіи, тѣ войны, которыя „напоминаютъ собою болѣзнь и страданія передъ родами. Но „если родовъ никакихъ нѣтъ, и болѣзнь не ведетъ къ нимъ, „тогда безплодной войны никто не помнитъ, а люди говорятъ о ней, какъ о припадкѣ человѣческаго неразумія, или „лучше оказать, всякій честный сынъ Адама избѣгаетъ говорить объ этомъ предметѣ, какъ избѣгаетъ онъ разговоръ о „веревкѣ въ той семьѣ, которой дѣдушка покончилъ свою „жизнь на висѣлицѣ...“

„Тѣмъ не менѣе надобно же разъяснить вопросъ о томъ, кто именно поднялъ войну за австрійское наслѣдство. По нашему мнѣнію, мѣръ обязанъ ею весьма тощому, ловкому и способному на болѣе хорошія дѣла Французу, маршалу Белилю,

или еще вѣрнѣе, честолюбивой жадности и неосновательнымъ притязаніямъ французскаго двора, олицетворившимся въ Белиль... Въ головѣ этого человѣка созрѣлъ планъ, можетъ-быть самый громаднѣйшій изъ плановъ зараждавшихся во французской головѣ, съ той поры когда великолѣпный парикъ Лудовика XIV задѣвалъ за звѣзды небесныя. Ни въ лѣтяхъ Лудовикъ XV, ни въ его миролюбивомъ министрѣ Флери, Белиль не надѣялся имѣть большой поддержки, но планъ его увлекъ трехъ фаворитокъ короля, трехъ сестеръ (Маальи), какъ люди разказываютъ. „Надо поставить Францію на ея настоящее мѣсто, ваше величество, то-есть во главѣ цѣлаго міра.“ „Что жь, пожалуй? Отчего не стать во главѣ міра, если это можно сдѣлать безъ особенныхъ хлопотъ“, думаетъ Лудовикъ.

„А для того чтобы Франція стояла во главѣ цѣлаго міра, необходимо приобрѣсть вліяніе на Германію, къ чему представляется случай благодаря предстоящему выбору императора. И міръ, и австрійское правительство, разчитываютъ поставить въ императоры великаго герцога Франца, супруга Маріи Терезіи; но этого не будетъ, потому что для Франціи гораздо выгоднѣе, если вмѣсто него императора возьмутъ изъ Саксоніи, а еще скорѣе изъ Баваріи, которой повелитель, Карлъ Албертъ, намъ старый другъ и угодникъ.“

„И вотъ съ этою цѣлью маршалъ Белиль назначается, при блистательной свитѣ, чрезвычайнымъ посломъ для присутствія на рейхстагѣ, съ самыми дружественными цѣлями по наружности, а на самомъ дѣлѣ съ намѣреніемъ поднять несогласіе по всей Германіи. Такъ какъ день выбора отсроченъ и времени остается не мало, то Белиль и объѣзжаетъ германскіе дворы съ успѣхомъ, о которомъ мы скоро узнаемъ. Его стараніями бѣольшая часть германскихъ дворовъ восстановлены противъ Австріи, по его плану двѣ французскія арміи придвинуты къ границамъ на предстоящій случай, по его наущеніямъ Баварскій Карлъ Албертъ укрѣпился въ своихъ претеязіяхъ на достояніе Маріи Терезіи, въ своемъ расчетѣ быть германскимъ императоромъ. И онъ сдѣлался императоромъ; бѣднакъ, на великую себѣ скорбь, добылъ себѣ корону, оказавшуюся немногимъ пріятнѣе чѣмъ корона изъ каменнаго желѣза, когда-то надѣвавшаяся на великихъ преступниковъ... Онъ ухватился за высокое званіе, не спросивъ самого себя: „годисься ли ты на задуманное тобою дѣло? Не

„слабы ли твои силы, сравнительно съ твоимъ замысломъ?“ Увы! многіе честолюбцы обходятъ подобные вопросы, и гибнутъ, и падаютъ въ прахъ подъ тяжестью геркулесовской ноши, попавшей не на геркулесовскія плеча! Не всякій такъ счастливъ, какъ Фридрихъ, котораго спина, хотя съ трудомъ, а все-таки выдержала тягость на нее взброшенную!...

Планы Франціи въ дѣлѣ австрійскаго наслѣдства были очень глубоки и искусны; нехорошимъ въ нихъ оказалось лишь то, что они, даже въ случаѣ полного успѣха, не могли привести ни малѣйшихъ выгодъ для Франціи. Австрія, въ ея положеніи, давно не угрожала никому, и ослаблять ее было вредно для общаго равновѣсія. Съ другой стороны, пріобрѣтеніе вліянія на домашнія дѣла Германіи, даже выборъ императора угоднаго французскому двору, не принесли бы съ собою ровно никакого матеріальнаго возмездія за всѣ хлопоты. Мало того, Франція въ ту пору была сама такъ бѣдна и истощена, что одни только годы спокойствія, вмѣстѣ съ хорошимъ управленіемъ, могли бы возстановить ея силы, — а между тѣмъ, разжигая у сосѣдей всякія распри, она только подготавливала себѣ въ скорости самыхъ жестокихъ противниковъ. Но какъ бы то ни было, происки и примѣры Франціи привели къ тому, что изъ всѣхъ державъ, утвердившихъ прагматическую санкцію, торжественно гарантировавшихъ полное австрійское наслѣдство за Маріей Терезіей — Баварія, Саксонія, Польша, Испанія и Сардинія, открыто нарушили всѣ свои недавнія обязательства. Одинъ Георгъ II остался вѣрнѣе своему договору, да Голландія, поощряемая его убѣжденіями, не присоединилась къ общему потоку. Нужно ли говорить о томъ до какой степени этотъ неожиданный оборотъ въ европейской политикѣ былъ выгоденъ для Фридриха Прусскаго, котораго такъ недавно, при разныхъ европейскихъ дворахъ, звали „хищникомъ“, „нарушителемъ договоровъ“, „un homme fol“, „сумазброднымъ мальчишкой“, „безумцемъ, добровольно подбѣжавшимъ къ краю пропасти“?

Не прошло мѣсяца со дня молльвицкаго сраженія, и самъ Фридрихъ еще не оставилъ мѣсто прославленныхъ этою побѣдой, какъ неоспоримые симптомы добытаго имъ значенія стали показываться непрерывно. Бедаль, обѣзжавшій Германію, посѣтилъ его лагерь съ своею блестящею свитой, былъ принятъ какъ нельзя лучше, но во всѣхъ переговорахъ и толкахъ по случаю предстоящихъ дѣлъ не выныталъ ровно

ничего, не связалъ молодого короля никакимъ даже мааѣйшимъ обѣщаніемъ. Высокомѣрный и настойчивый съ другими германскими владѣтелями, съ другими избирателями императора, Белиль значительно повизилъ свой тонъ въ прусскомъ лагерѣ. Среди военныхъ торжествъ и дѣйствительныхъ военныхъ дѣйствій (осада и взятіе Брига) онъ изъ руководителя германской политики превратился почти что въ искателя. Опытный глазъ его не могъ не оцѣнить превосходнаго устройства прусской арміи, а по вѣрнымъ свѣдѣніямъ онъ зналъ, что повелитель Пруссіи можетъ, въ случаѣ нужды, выставить еще двѣ арміи въ родѣ силезской. Сверхъ того, Белиль не имѣлъ никакихъ средствъ польстить Фридриху какою-нибудь прямою выгодой, кромѣ утвержденія за нимъ Силезіи, которую тотъ и безъ того держалъ крѣпко. Въ Мюнхенѣ Белиль искушаетъ Карла Альберта титуломъ императора и присоединеніемъ эрцгерцогства Австрійскаго, въ Дрезденѣ онъ судитъ Моравію его польскому величеству, въ лагерѣ короля, нисколько не нуждающагося во Французахъ, онъ не можетъ предложить ничего и даже не знаетъ, какъ принялъ бы Фридрихъ что-либо подобное. За исключеніемъ вѣжливыхъ увѣреній и писаннаго условія, составленнаго словно на смѣхъ, такъ мало оно связывало собой обѣ стороны, Белиль ровно ничего не добылъ отъ свиданія съ королемъ прусскимъ.

Не успѣлъ еще уѣхать блистательный представитель короля Лудовика XV, какъ новые гости прибыли въ главную квартиру Фридриха. Георгъ II, еще такъ недавно вопіавшій противъ Пруссіи при открытіи своего парламента, всѣми силами возбуждавшій противъ нея и Россію и Голландію, рѣшился испытать счастья на дипломатическомъ пути, замѣнить систему угрозъ дружескимъ посредничествомъ въ пользу Австріи. Съ этой цѣлью онъ послалъ одного изъ искуснѣйшихъ своихъ министровъ, Гиндфорда, къ Фридриху, поручивъ въ то же время своему уполномоченному въ Вѣнѣ, Робинзону, употребить всѣ усилія для смягченія пылаго, благороднаго, но совершенно не политическаго упорства Маріи Терезіи. Карлейль, безъ усталы издѣваясь надъ королемъ Георгомъ, „паладиномъ прагматической санкціи“, представляетъ весь ходъ переговоровъ, да и вообще дѣятельность великобританскаго кабинета въ пользу Маріи Терезіи, какъ

забавную и безтолковѣйшую изъ комедій. Съ общимъ направленіемъ его пропіи нельзя согласиться, потому что уваженіе къ заключенному трактату и паадничество въ защиту слабого, никогда не могутъ быть смѣшными, хотя бы ихъ проявленіе и противорѣчило тому что зовется политическою мудростью. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что рыцарство Георга II имѣло въ числѣ своихъ источниковъ и кой-какія эгоистическія цѣли (напримѣръ, опасенія за Ганноверъ), но давъ имъ весьма значительную долю, все-таки придется сознаться, что твердость „маленькаго хлопотуна-короля, съ выпученными рыбьими глазами“ представляла свѣтлое явленіе посреди политики всѣхъ другихъ дворовъ. Со всѣмъ тѣмъ невозможно отвергать, что подробности Георговой политики, исходившей изъ добраго побужденія, могли назваться не только забавными, но и полезными. Англійскій король и его совѣтники, наконецъ признавъ въ королѣ Фридрихѣ особу достойную ихъ искательства, все-таки не торопились признать въ немъ умнаго и хранящаго свое достоинство государя. По ихъ идеѣ, завоеватель Силезіи былъ все-таки маленькимъ нѣмецкимъ князькомъ, съ которымъ такому могущественному государству какъ Великобританія церемониться было нечего. Только этимъ заблужденіемъ можно объяснить неразуміе кабинета, *черезъ нѣсколько недель послѣ своихъ самыхъ враждебныхъ заявленій и дипломатическихъ дѣйствій противъ Пруссіи*, пославшаго къ ея государю мирныхъ посредниковъ, безъ самыхъ необходимыхъ инструкцій и безъ всякаго объясненія по поводу предшествовавшихъ неудовольствій.

Лорда Гиндфорда молодой король принялъ въ своей палаткѣ не ласково, но сухо, даже грозно. Послѣ первыхъ словъ посла о „посредничествѣ“, „умѣренности въ побѣдѣ“, „мирныхъ цѣляхъ“, Фридрихъ вспыхнулъ, и рѣзкими словами высказалъ все свое негодованіе по поводу враждебныхъ дѣйствій англійскаго государя въ парламентъ, при дворѣ петербургскомъ и въ Гагѣ. Замѣтивъ, что Гиндфордъ не рѣшается на какое-либо объясненіе, и даже, по его словамъ, не знаетъ о ходѣ послѣднихъ переговоровъ съ Голландіей, король оставилъ всякую дипломатическую сдержанность, и сказалъ прямо: „вы протягиваете мнѣ руку, а вашъ кабинетъ, въ настоящую минуту, устраиваетъ противъ меня союзы! Я не вѣрю искренности короля англійскаго. Въ своемъ письмѣ

онъ извѣщаетъ меня, что вы имѣете полныя инструкции, а вы не знаете, или показываете видъ что не знаете, тѣхъ дѣлъ, о которыхъ я говорю. По всей вѣроятности, вашъ государь и его союзники хотятъ провести меня и выиграть время. Но, клянусь Богомъ, этого не будетъ! Я пойду на все, но не отступаю ни отъ одного изъ моихъ требованій!“

Къ концу бесѣды Фридрихъ смягчился, и холодно, не связывая себя никакимъ положительнымъ обещаніемъ, выразилъ готовность не только помириться съ Австріей, но быть ея союзникомъ, если ему будетъ уступлена Нижняя Силезія съ Бреславлемъ. Ничего болѣе выгоднаго и умѣреннаго не могли бы добыть себѣ ни Марія Терезія, ни ея палатинъ, но крайняя неловкость англійскаго кабинета испортила хорошее начало. Мало и медленно потянулись переговоры, только питая подозрительность, уже возбужденную во Фридрихъ. Всюду имѣя отличныхъ агентовъ, король не могъ не знать, что въ Вѣнѣ, гдѣ, повидимому, англійскому кабинету слѣдовало бы съ настойчивостью идти противъ настойчивости Маріи Терезіи, Робинзонъ, вмѣсто того, открыто продолжалъ отзываться о прусскомъ королѣ какъ о хищникѣ. Весьма естественно, что недоверіе этого послѣдняго обратилось въ рѣшительное предубѣжденіе, и обманъ показался ему несомнѣннымъ. Частныя письма короля показываютъ въ какомъ онъ былъ настроеніи. Сперва онъ пишетъ Подвильоу: „мнѣ кажется, что они меня тѣшутъ пустяками для выигранія времени“. Черезъ нѣсколько времени: „они хотятъ занять меня до тѣхъ поръ, пока опасаются моего сближенія съ Франціей. Меня надуваютъ, mais par Dieu!“ Еще позже: „я вмѣню себѣ въ великій стыдъ, если меня проведетъ хитрѣйшій изъ Италіянцевъ,—но остаться въ дуракахъ передъ ганноверскимъ болваномъ!....“ И когда по прошествіи цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, Робинзонъ лично пріѣхалъ въ стреленскій лагерь съ болѣе чѣмъ скаредными уступками, добытыми отъ вѣнскаго двора, Фридрихъ окончилъ аудіенцію тѣмъ, что отвернулся отъ него и ушелъ въ свою палатку.

И едва ли прусскій король не былъ правъ въ своихъ подозрѣніяхъ. И вѣнскій кабинетъ, и министры Георга Великобританскаго, видимо ожидали, что ходъ событій дастъ имъ возможность удовлетворить Фридриха безъ всякихъ значительныхъ

ему уступокъ. Что касается до самой Маріи Терезіи, то ее невозможно заподозрить въ коварствѣ: на зло переговорамъ, вопреки осторожности, она вела себя какъ пламенная, юная, оскорбленная царица, не скрывая своей ненависти къ бранденбургскому злодѣю (der böse Mann), не одобряя уклончивости своихъ дипломатовъ, даже открыто восклицая, послѣ того какъ ее уговорили на ничтожныя уступки, „ахъ, еслибъ онъ ихъ отвергнулъ!“ Карлейль, говоря о Маріи Терезіи, не только оставляетъ всю жесткость, съ которою привыкъ относиться ко врагамъ своего героя, но возвышается до полнаго энтузіазма. „Для этой честной, прекрасной собою, царственной молодой женщины, говоритъ онъ, начавшаяся борьба не была поговей за призракомъ, не была гнуснымъ расчетомъ. Ей было что дѣлать и что защищать въ этомъ хаосѣ; она была въ своемъ правѣ, и съ женственною доблестью стояла за свое право. Предки дали ей наслѣдіе, и она рѣшилась скорѣе погибнуть нежели расточить его, нежели потерпѣть ослабленіе своей монархіи. Казны у ней мало, но сердца и правыя руки подданныхъ всѣ на ея сторонѣ. Мужъ ея, смиренный добрякъ, безпрекословно слѣдуетъ за нею; она возбуждаетъ восторги во всѣхъ; народъ восхищается ею, когда она, прелестная, съ немного-загорѣлымъ лицомъ, осматриваетъ войска и бойко скачетъ на лошади. Ее называютъ живымъ опроверженіемъ салическаго закона. Одно время она серьезно думала принять начальство надъ войсками, безстрашная, неукротимая амазонка!“

Казалось бы, что послѣ пріема, сдѣланнаго Фридрихомъ Робинзоу, надежда на соглашеніе должна была рушиться, но событія немногихъ мѣсяцевъ отрезвили и короля Георга и австрійскихъ министровъ. Карлъ Альбертъ Баварскій, давно уже вступившій въ австрійскія владѣнія и усиленный французскою арміею, занялъ Линцъ и двинулся на Вѣну. Всему свѣту извѣстно, что послѣдовало за этимъ походомъ, какъ Марія Терезія, покинувъ свою столицу, собрала венгерскій сеймъ въ Пресбургъ, какъ она на латинскомъ языкѣ, объявила, что отечество на шагъ отъ гибели, какъ она заилась слезами и показала своего ребенка собранію, какъ магнаты исполнились невыразимаго энтузіазма, и какъ вслѣдъ за тѣмъ воинственная Венгерія, почти поголовно, пошла биться за своего короля Марію Терезію. Вооруженіе Венгерцевъ и сформиро-

ваніе нѣсколькихъ (на половину нерегулярныхъ) армій, произошло до крайности быстро. Карлъ Альбертъ и Французы, съ своей стороны, дѣйствовали до крайности медленно. Но, даже принимая въ расчетъ эти благоприятныя условія, время выдалось до крайности тяжкое, не для одной Маріи Терезіи, но и для ея палача, короля Георга. Вторая французская армія, подъ начальствомъ Майльбоа, вступила въ Германію и заняла Оснабрюкъ, видимо угрожая Ганноверу, — Ганноверу, „зѣнитѣ нашего ока, вашему родовому, любезному Ганноверу“. Въ этотъ тяжкій періодъ времени, храбрый, но суетливо-безтолковый Георгъ оказался настолько же бабой, насколько дама его прагматической любви выказала себя безстрашнымъ рыцаремъ. Онъ наскоро заключилъ трактатъ, обезпечивающій нейтральность Ганновера обязался не противиться избранію Карла Алберта въ императоры, и оградивъ свои выгоды какъ германскій владѣтель, повелѣлъ своимъ великобританскимъ дипломатамъ сдѣлать все возможное для примиренія Австріи съ королемъ прусскимъ.

На этотъ разъ переговоры шли успешнѣе. Вѣнскій дворъ, наученный недавнею бѣдой, оказался щедрѣе на уступки. Фридрихъ, хорошо понимая, что желаніе мира несомнѣнно, снова выказалъ умѣренность весьма замѣчательную въ его положеніи. Соглашеніе дошло до такой степени, что прусскій король набросалъ основанія для трактата и даже будущаго союза, но нелѣпость совѣщавшейся съ нимъ стороны проявилась въ самую рѣшительную минуту. И вѣнскій, и лондонскій кабинеты сдѣлали худшую изъ дипломатическихъ ошибокъ. Они погнались за двумя цѣлями въ одно время: имъ показалось недостаточнымъ приобрести дружбу Фридриха, они пожелали еще поссорить его со своими врагами. По своимъ настоящимъ отношеніямъ къ Франціи, Фридрихъ настоятельно требовалъ, чтобы ходъ переговоровъ и даже самое ихъ существованіе оставались въ глубочайшей тайнѣ. Нѣсколько разъ онъ предостерегалъ Гиндфорда, прямо говоря, что малѣйшее нарушеніе секрета примется имъ какъ знакъ полного разрыва. Несмотря на то, тайна была нарушена вопіющимъ образомъ. „Милордъ, сказалъ Фридрихъ, при свиданіи съ Гиндфордомъ въ Глогау, — вѣнскій дворъ нарушилъ нашу тайну вполне, открыто. Австрійскіе послы передали новость въ Парижъ, Петербургъ и Дрезденъ.

Вдовствующая императрица Амалия * сообщила о ней въ Баварию. И мало этого, я утвердительно знаю, что некоторые члены лондонскаго кабинета публично о ней разсуждали!“

„И пожалъвъ плечами, онъ оставилъ меня“, говоритъ Гиндфордъ въ своей депешѣ. Такимъ образомъ кончилось посредничество Георга II, пападина прагматической санкціи, а Фридрихъ, потерявъ всякую надежду на мирное соглашеніе съ Австріей, вошелъ въ дѣятельныя сношенія съ уполномоченными державъ, ей враждебныхъ.

Изъ краткаго очерка дипломатическихъ маневровъ, сейчасъ нами представленнаго, легко видѣть, что король прусскій былъ не только предметомъ общихъ искательствъ, но рѣшительнымъ хозяиномъ положенія. Не давая ни одной сторонѣ стѣснительныхъ для себя обѣщаній, онъ видѣлъ, что обѣ стороны его боятся и въ немъ нуждаются. Мало того, не взирая на всѣми осуждаемый захватъ Силезіи, не взирая на то даже, что во время переговоровъ съ Англо-Австріядами онъ не прекращалъ своихъ секретныхъ отношеній къ Французамъ,—роль Фридриха была все-таки честище и выше роли его царственныхъ сверстниковъ, кромѣ Маріи Терезіи. Имъ никто не смѣлъ распорядиться, какъ, напримѣръ, Франція распорядилась владѣтелями Баваріи и Саксоніи; его никто не пробовалъ подкупить долею добычи; его нельзя было запугать, какъ запуганъ былъ Георгъ II, движеніемъ на Ганноверъ. Если дѣли его были своекорыстны, то все-таки ихъ смѣлость рѣзко отдѣлялась отъ потаенной, коварной политики другихъ державъ, нарушительницъ прагматической санкціи. Онъ атаковалъ Австрію одинъ, лицомъ къ лицу, на зло общественному мнѣнію всей Европы; онъ не составлялъ противъ нея коалиціи, не разчитывалъ на безнаказанный грабежъ, подъ прикрытіемъ сильныхъ союзниковъ. Наконецъ, въ самыхъ видахъ насчетъ выгодъ и преобладанія Пруссіи, Фридрихъ былъ разуменъ и чуждъ того растлѣнія, которымъ такъ и вѣяло отъ дипломатіи его сосѣдей. Въ тысячѣ признаній, писемъ и разговоровъ, онъ высказалъ горячее желаніе скорѣе покончить войну, закрѣпить за собой свои завоеванія

* Вдова императора Иосифа, мать жены Карла Альберта. Нескромность эта была расчетомъ, достойнымъ всегдашней австрійской политики, а дѣла ея очевидна: требовалось рассорить Пруссію съ державами, показавшими ей союзъ.

и заботиться внутренними дѣлами своего государства. И за такія стремленія приходится сказать доброе слово, въ ту горькую пору общей безавторственности, когда Франція желала дать войну и губить тысячи народа, имѣя въ виду притѣснить Германію,—а Испанія, Саксонія, Баварія и Сардинія старались только раздувать европейскій пожаръ, безъ заботы о его послѣдствіяхъ, не имѣя никакихъ цѣлей, кромѣ грабежа.

IV. Моравскій походъ и его развязка.

Съ того дня какъ вѣнскій дворъ, нарушивъ тайну кейншнелендорфскихъ переговоровъ, вывелъ изъ терпѣнія короля прусскаго, Фридрихъ открыто подавъ руку непріятелямъ Маріи Терезіи, требуя отъ нихъ только одного—энергіи въ военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ прямо высказалъ имъ ту мысль, что одинъ хорошо разчитанный ударъ непременно дастъ миръ Европѣ, между тѣмъ какъ влады образъ дѣйствій поведетъ лишь къ безконечнымъ годамъ кровопролитія. Такой взглядъ не совсѣмъ совпадалъ съ мыслями союзниковъ. Особенно Белиалъ, о разчетахъ котораго мы уже знаемъ, былъ имъ павненъ весьма мало,—но зима 1742 года повеловъ навела его на сговорчивость. Не смотря на быстрое занятіе Липца и опасность Вѣны, ни Вѣна не была взята, ни Австрія не поставлена въ отчаянное положеніе. Отъ Липца французско-баварско-саксонская армія, вмѣсто того чтобъ идти на столицу, двинулась въ Богемію, и хотя дѣйствовала тамъ не безъ успѣха, но положительно пропустила случай нанести тотъ рѣшительный ударъ, о которомъ мечталъ Фридрихъ. За главнымъ промахомъ, какъ всегда бываетъ на войнѣ, пошелъ рядъ положительныхъ несчастій: австрійская армія, усиленная венгерскимъ ополченіемъ, отняла обратно завоеванную область по Дунаю, заперла Французовъ въ Липцѣ, а часть ея, черезъ Тироль, вторгнулась въ Баварію и овладѣла Мюнхеномъ. Такимъ образомъ, несчастный баварскій повелитель, въ самую эпоху избранія его въ императоры германскіе, остался безъ родовыхъ владѣній, безъ столицы, безъ денегъ, жалкимъ примѣромъ непрочности земнаго величія! Въ такомъ плачевномъ состояніи императору Карлу VII было уже не до тонкостей и не до собственного достоинства. Въ нѣсколькихъ умоляющихъ письмахъ онъ просилъ у

Фридриха немедленной помощи, а французскій уполномоченный Валори, зная что и его соотечественникамъ приходится не совсѣмъ хорошо въ Богеміи, присоединилъ къ этимъ просьбамъ свои представленія.

Любопытно сѣдить за тѣмъ, какъ въ этотъ періодъ кризиса видимо росли и увеличивались во Фридрихѣ вои признаки великаго политическаго дѣятеля. Молодой государь, такъ недавно еще потерявшій голову на волѣ сраженія, путавшій своихъ генераловъ противорѣчащими одна другой инструкціями, съ быстротой ветерана-полководца составляетъ военные планы, въ одно свиданіе сокрушаетъ нерѣшительность союзниковъ и своею твердостью заставляетъ все предъ собою склониться. Планъ Фридриха былъ до крайности простъ и практиченъ. Съ 20.000 Прусаконъ, усиленныхъ сорокатысячнымъ франко-саксонскимъ войскомъ, онъ предложилъ вторгнуться въ Моравію, захватить въ ней склады и магазины, припасенные Австрійцами, овладѣть всею провинціей, двинуться на Вѣну и предписать противнику условія мира въ самой его столицѣ. Не взирая на позднее время и суровую зиму, въ январѣ 1742 года, онъ былъ уже въ головѣ своей арміи; занялъ Ольмюцъ и двинулся далѣе. Относительно численности и вообще состоянія прусскихъ войскъ, Фридрихъ болѣе чѣмъ выполнилъ всѣ свои обѣщанія. Съ нимъ были лучшіе генералы и лучшіе полки, довольство и поведеніе войскъ не оставляли желать ничего лучшаго. Но легко вообразить себѣ негодованіе молодого короля, когда онъ увидѣлъ, что саксонская армія не состоитъ и изъ 15.000, и что Французы отдѣлали для морявскаго похода не болѣе 5.000 подъ командой весьма плохаго генерала. Вслѣдъ за тѣмъ, Австрійцы успѣли истребить запасы провіанта, на которые Фридрихъ такъ рассчитывалъ, а начальникъ саксонскаго контингента, графъ Рутовскій, бывшій главною виной этой неудачи, положительно объявилъ, что онъ не имѣетъ отъ своего государя разрѣшенія идти далѣе города Иглау. Гонцы поскакали въ Дрезденъ, завязалась переписка, кончившаяся тѣмъ, что Рутовскому было приказано идти далѣе, на что онъ отвѣтилъ тѣмъ, что сдалъ начальство и оставилъ армію. Но едва, послѣ порядочныхъ замедленій, дѣло стало устраниваться, какъ пришло извѣстіе о томъ, что Линцъ взятъ Австрійцами, вслѣдствіе чего французскому отряду было приказано отдѣлаться отъ Фридриха и вернуться къ главнымъ силамъ.

Не успѣвъ уйти Французы, какъ новыя затрудненія и новыя мерзости со стороны дорогихъ союзниковъ стали на Фридриховой дорогѣ. Саксонцы не только выказали полную негодность въ военномъ отношеніи, не только оказывались трусами передъ иррегулярными отрядами непріятелей, не только вопіали противъ Фридриха, который будто бы морить ихъ съ голоду и ведетъ на явную гибель,—но само ихъ правительство видимо поперечило всей экспедиціи. Несокрушимый въ стремленіи къ предпріятой цѣли, Фридрихъ продолжалъ похоть, не позволяя себѣ, даже въ дружескихъ письмахъ, малѣйшаго выраженія неудовольствія. Послѣ того какъ часть саксонской арміи, при видѣ отряда пандуровъ, въ припадкѣ паническаго ужаса, набѣжала на его полки, онъ понялъ, что на Саксонцевъ разчитывать нечего, и послалъ за подкрѣпленіями въ Силезію *. Уже войска Шверина были въ Кремсѣ, въ сорока миляхъ отъ Вѣны, а самъ король приготовился встрѣтить въ бою австрійскую армію принца Карла, когда посадивая протѣка коварства союзниковъ наконецъ положила предѣлъ истинно геройскому терпѣнію Фридриха. Саксонскій главнокомандующій, которому было поручено приступить къ осадѣ Брюнна, пропустилъ много времени, не исполняя порученія, и наконецъ, вынужденный къ рѣшительному шагу, предъявилъ инструкцію отъ своего правительства, повелѣвавшую ему отдѣлаться отъ прусскихъ войскъ и спѣшить въ Богемію, на помощь Французамъ запертымъ въ Прагѣ. Тутъ молодой король далъ новое доказательство того на сколько его гениальная натура выработалась въ горнилахъ испытаній всякаго рода. Безъ гнѣва, безъ всякихъ пререкательныхъ заявленій, Фридрихъ отпустилъ Саксонцевъ на все четыре стороны, и рядомъ мастерскихъ маневровъ сосредоточивъ свои раскинутые отряды, отошелъ къ Ольмюцу, вышелъ изъ Моравіи безъ всякой потери, и занялъ крѣпкую позицію въ Хрудимѣ, неподалеку отъ Силезіи.

* Для осады Брюнна, король прусскій разчитывалъ на осадную артиллерию, положительна обѣщавшую ему королемъ саксонскимъ, но этотъ послѣдній, затѣявъ дѣло до послѣднихъ дней, далъ знать, что средства его не позволяютъ ему издержекъ по сеѣ перевозкѣ, а въ то же время купилъ для себя бриллиантъ, цѣна котораго далеко превышала эту издержку. Фридрихъ перенесъ все это, и въ Силезію же послалъ за тяжелыми орудіями.

Но если герой сдерживал свой гневъ въ то время, когда выраженіе его, не принося никакой пользы, могло показаться выраженіемъ слабости или замышлятельства, за то онъ далъ себѣ полную свободу, чуть опасность миновала и ототупленіе кончилось благополучно. На французскомъ увольномоченномъ Валори, прежде всѣхъ попавшемъ на его свѣтае очи, гроза разразилась съ сокрушающею силой. „Взглядъ Фридриха, пишетъ Карлейль,—былъ мраченъ и страшенъ,—*farouche*, по выраженію Француза. Рѣчь его поражала горечью и такою насмѣшкой; въ ней слышалось презрѣніе и едва сдержанное бѣшенство. Гордый молодой король только-что пекончилъ съ однимъ изъ самыхъ тяжкихъ уроковъ, подѣ бичомъ житейскаго опыта. Онъ показъ тщету политическихъ дружбъ и дипломатическихъ сближеній и непрочность предпріятій соединенными силами. Драгоцѣнные, хотя крайне несчастные, выводы добылъ онъ изъ своего перваго акціонернаго (jointstock) похода. За то мы можемъ себѣ представить, какъ весело было бѣдняку Валори подѣ взглядомъ этихъ провицательныхъ глазъ и при звукахъ этой ядовитой рѣчи! „Французы зели себя какъ безумцы, за то Саксонцы оказались чистыми предателями“, говоритъ Фридрихъ въ своихъ мемуарахъ. „Нѣтъ сомнѣнія, что таково былъ смыслъ его бесѣды съ Валори, можетъ-быть даже кое-что еще болѣе *farouche* было при этомъ сказано.“

Какъ бы то ни было, нравственная связь между союзниками была расторгнута, хотя по наружности ничто не указывало разрыва. Съ безумцами и предателями прусскій король не считалъ себя связаннымъ болѣе, но кромѣ безумцевъ и предателей предъ нимъ находилась открыто-враждебная сила, не сокрушивъ которой, нельзя было думать о какомъ-нибудь прочномъ образѣ дѣйствій. Звѣзда Маріи Терезіи, за полгода назадъ едва не подвергшаяся полному затменію, начинала разгараться съ такимъ блескомъ, на какой, конечно, не разсчитывали ея враги, любители легкой добычи. Мы знаемъ уже, что произошло съ Баваріей, и въ какое нищенское положеніе впалъ новый императоръ, едва возможивъ на себя германскую корону. Территоріи по Дунаю были возвращены и совершенно очищены отъ непріятеля, въ Богеміи Французы начинали помышлять уже не о завоеваніяхъ, а о собственной безопасности. Саксонскій контингентъ, такъ гнуемо покинувшій армію Фридриха, повесѣ достойное наказаніе,

и не только не присоединился къ Французамъ, но едва добрался до родной границы, потерявъ до десяти тысячъ чело­вѣкъ (около двухъ третей своего состава) во время позорнѣйшаго изъ отступленій. Энтузіазмъ Венгерцевъ сообщился всему австрійскому войску, разлился по всѣмъ владѣніямъ Маріи Терезіи; между ея генералами отыскались люди большихъ способностей, преимущественно для войны партизанской. Отступленіе Фридриха изъ Моравіи оконча­тельно подняло воинственный духъ вѣнскаго двора, и принцъ Карлъ Лотарингскій, армія котораго доходила до 40.000 пѣхоты и кавалеріи, получилъ рѣшительное приказаніе покон­чить съ опаснѣйшимъ изъ противниковъ, то-есть съ коро­лемъ прусскимъ. Противники начали готовиться къ рѣши­тельной встрѣчѣ съ первыхъ чиселъ мая: прусское войско, какъ мы знаемъ, находилось въ Хрудимѣ, на пунктѣ, откуда съ равнымъ удобствомъ можно было двинуться и въ Силезію, и къ окрестностямъ Праги. При первомъ слухѣ о прибли­женіи принца Карла, отдѣленного почти равнымъ разстоя­ніемъ и отъ Прусаконъ, и отъ французской главной арміи, Фридрихъ поспѣшилъ двинуться къ сторонѣ Праги, но ав­стрійскій главнокомандующій, съ искусствомъ достойнымъ лучшей награды, двинулся ему на перерѣзъ и достигъ прус­скій авангардъ принца Леопольда Ангальтъ-Дессау, въ доли­нѣ Эльбы, около Котувица и Часлау.

Ночь съ 16 на 17 мая прошла въ военныхъ приготовлені­яхъ, въ посылкѣ гонцовъ къ королю, находившемуся съ глав­ными силами въ Куттенбергѣ, и занятіи мѣстою сообразно инструкціи отъ него полученной. Ранѣе восьмого часа утра Фридрихъ не могъ прибыть на мѣсто, но Австрійцы, такъ недавно изумившіе даже его быстротою своихъ переходовъ, въ рѣшительный день снова показали себя прежними копо­ливыми Австрійцами. Въмѣсто быстрого удара на слабыя си­лы принца Леопольда, они двигались не торопясь, вытяги­вали линіи и едва открыли коннаду въ то самое время, ког­да колоны Фридриха показались на часлаускихъ высо­тахъ. Пока войска его занимали назначенныя имъ пози­ціи, король въѣхалъ на холмикъ около Котувица, и кинувъ бѣглый взглядъ на линіи непріятели, открылъ дѣло кавале­рійскою атакон на лѣвый флангъ Австрійцевъ. Тутъ, только въ обратномъ видѣ, произошло то же, что и въ началѣ дѣла при Момсвицѣ: прусская конница, прорвалъ первую линію,

была отбита второю и вернулась не въ добромъ порядкѣ. Но продолженіе оказалось совершенно въ другомъ родѣ. Когда Австрійцы, одушевленные удачей, двинули на Прусаконъ войска своего лѣваго фланга, убійственный огонь прусской пѣхоты остановилъ ихъ энергію, а кавалерійскій генералъ Ротенбургъ, съ резервными эскадронами, сдѣлалъ новую атаку и опрокинулъ часть непріятельской линіи. Затѣмъ бои ослабѣли на этомъ пунктѣ и главныя усилія принца Карла устремились на деревню Котузицъ, обладаніе которою могло имѣть рѣшительное вліяніе на исходъ сраженія.

Котузицъ былъ занятъ только однимъ и то не полнымъ полкомъ прусской пѣхоты, съ кавалеріей, которой было до крайности неудобно дѣйствовать между строевыми. Съ такою силой устоять было невозможно, но оборона оказалась достойною прусской славы, такъ что подкрѣпленія успѣли подойти во время и даже застать ближайшую окраину пылающей деревни не занятою непріятелемъ. Въ самомъ селеніи и вѣже отъ него, на болотистыхъ берегахъ рѣчки Бртлики, произошло страшное побоище, огнестрѣльное и рукопашное: одинъ австрійскій полкъ, не отступавшій подъ жесточайшею пальбой, легъ весь, и убитые оказались въ правильныхъ рядахъ, съ ружьями возлѣ людей, какъ будто на какомъ-нибудь ночномъ бивакѣ. Австрійская кавалерія, пытавшаяся заскакать во флангъ непріятелю, тоже понесла огромныя потери безъ всякаго результата: болотистая мѣстность препятствовала ея движеніямъ и, сверхъ того, задерживала ее подъ огнемъ прусской пѣхоты.

Около трехъ часовъ тянулось кровопролитіе, когда, наконецъ, наступила одна изъ тѣхъ минутъ, въ которыя гениальный полководецъ порывомъ военнаго вдохновенія открываетъ смыслъ и исходный пунктъ во всей кипящей около него кровавой путаницѣ. Фридрихъ стягиваетъ всѣ свободныя силы на свой правый флангъ, онъ замѣтилъ, что непріятель, въ своихъ усиліяхъ на Котузицъ, увлекся за предѣлы благоумія, что правое крыло Австрійцевъ подалось слишкомъ далеко, такъ что горячая еще деревня какъ бы отдѣляетъ его отъ лѣваго. Пятнадцать орудій двинуты впередъ; за ними, почти бѣгомъ, наступаютъ прусскіе батальоны, и вся эта масса, будто выросшая изъ земли, обрушивается на лѣвый флангъ Австрійцевъ. Ударъ вышелъ рѣшительнымъ, и послѣдствія его оказались тотчасъ же. Весь интересъ

Котушица пропалъ для Австрійцевъ; лѣвое ихъ крыло, въ полномъ отступленіи, стало набѣгать на главныя силы, и прииду Барлу сдѣлалось ясно, что при самомъ маломъ промедленіи, его возьмутъ во флангъ и припрутъ къ рѣкѣ съ ея болотистыми полянами. Немедленно отдавъ приказъ отступить на Часову, около котораго сраженіе превращается въ пораженіе, съ потерей восемнадцати пушекъ и большаго числа пѣхотныхъ. Но худшее бѣдствіе предупреждено, и вообще говоря, отступленіе главныхъ силъ происходитъ въ порядкѣ. Даже по числу убитыхъ, Австрійцы могутъ хвалиться результатомъ боя. Изъ 30.000 бывшихъ подъ ружьемъ, они потеряли немногого болѣе тысячи, Пруссаки потеряли изъ 28.000—двѣ, безъ одной сотни. Но пропорція равныхъ и пѣхотныхъ была значительно въ пользу Пруссаковъ.

Карлейль съ особеннымъ интересомъ останавливается на описаніи мѣстоасти котушицкаго сраженія, перваго сраженія, въ которомъ проявился и увѣчался побѣдою военный гений его героя. Въ образцѣ художественнаго разказа, выписываемъ нѣсколько строкъ изъ главы, посвященной этому предмету. Онъ прелественъ какъ меланхолическій пейзажъ Тернера или Рюссдаля.

„Король Фридрихъ купилъ девять акровъ земли около Котушицы и велѣлъ похоронить тамъ убитыхъ въ сраженіи; онъ также накупилъ на двадцать пять лѣтъ поле, окружающее эту могилу. Посѣщая мѣсто сраженія, я справлялся о томъ гдѣ эти девять акровъ, спрашивалъ какой хлѣбъ на нихъ посѣять, но ничего не добился. Не ласковый и какой-то тусклый народъ эти Чехи, населяющіе окрестность поля битвы: они грязноваты и дубоваты; изъ двадцати едва ли одинъ умѣетъ говорить по-нѣмецки,—драгоманомъ же моимъ былъ Еврей-разнощикъ, бѣднее, притѣсненное созданіе, съ самымъ печальнѣйшимъ изъ человѣческихъ лицъ, но съ головой болѣе свѣтлою чѣмъ двадцать чешскихъ. На полѣ сраженія растетъ рожь, ячмень, картофель; жатва не предвѣщаетъ особеннаго богатства. Девять акровъ, меня занимавшихъ, находились неизвѣстно гдѣ, между этими полосами. Можетъ-быть, хлѣбъ на нихъ удался немного лучше чѣмъ на сосѣднихъ.

„Вся окрестность, когда вы идете по извилистой пыльной дорогѣ отъ Куттенберга, имѣя Эльбу по лѣвую руку, могла бы назваться красивою, еслибы поля были лучше воздѣланы и кое-гдѣ имѣлась земля и тѣмъ, въ разумной пропорціи.

Собственно Котузицкое поле есть широкая, весьма влажная равнина. Пробѣгая ее, глаз останавливается лишь на двухъ колокольных, котузицкой и чезауской, въ трехъ или четырехъ миляхъ разстоянія. Озерки, о которыхъ упоминаетъ Фридрихъ (прикрывавшіе лѣвое крыло Пруссаковъ), совершенно исчезли; прохождъ Чехъ объяснилъ, что ихъ смутали при осушкѣ мѣстности, и тѣмъ положили предѣлъ нашимъ вѣдунѣямъ. Котузица—бѣлая и не совсемъ опрятная деревня, съ выбѣленными домами, но съ грудями печетотъ на своей довольно широкой улицѣ. Она лежала въ величайшемъ молчаніи подъ лучами горячаго солнца; ни одинъ ребенокъ не выгнулъ на насъ, и кажется, сами деревенскія собаки благоравумно предавались сну. Церковь и колокольня, на южномъ концѣ деревни, выстроены уже послѣ 1742 года. На колокольнѣ этой, починавая стрѣлки часовъ или нѣчто въ такомъ же родѣ, высоко висѣлъ какой-то Чехъ, единственное живое созданіе нами усмотрѣнное. Жителей считалось отъ трехъ до четырехъ сотъ. Часау, къ которому мы подходите чѣмъ-то похожимъ на аллею, гораздо богаче и обширнѣе, народу въ немъ живетъ до двухъ тысячъ, дома его также выбѣлены и глядятъ также сонливо, по срединѣ раскидывается широкая торговая площадь, съ двумя бантатально-расписанными, но голодными и не хорошо пахнущими гостиницами, около гостиницъ безъ дѣла шатаются какіе-то люди въ австрійскихъ мундирахъ; все вокругъ молчаливо и очень пусто!...“

Въ строгомъ смыслѣ слова, котузицкое поражение не мгновенно ослабило Австрійцевъ. Принцъ Карлъ скоро получилъ подкрѣпленія и былъ готовъ къ новымъ операціямъ, но результатъ сраженія сказался въ двухъ благотворныхъ явленіяхъ. Вопервыхъ, король прусскій почувствовалъ свое самолюбіе успокоившимъ; неудача моравской экспедиціи была счтена, и онъ могъ снова помышлять о мирѣ, какъ побѣдитель. Вторыхъ, Марія Терезія и ея дворъ, наученные новыми опытами, стали примиряться съ потерей Силезіи, а англійскіе дипломаты ревностнѣе прежняго призывали говорить про уступчивость. При озлобленіи, которое Фридрихъ питалъ къ настоящимъ своимъ союзникамъ, миръ между нимъ и Австріей сталъ дѣломъ возможнымъ, тѣмъ болѣе что при вѣтерствѣ прусскаго короля проидать въ чужія тайны, ему было извѣстно многое, что искуснѣйшіе дипломаты его

время считали нагами сокрытыми въ непроницаемомъ мраке.

Во время моравской экспедиціи Французы вели себя какъ безумцы, говорить король прусскій, но въ словахъ этихъ выражена не вся его мысль: однимъ безумствомъ онъ не рѣшался облекить недостойную исторію, съ нимъ равнотранную. Велика онъ считалъ человѣкомъ разумнымъ и по своему честнымъ; если предательство было, то сѣдовалъ искать его выше. Прерванная шаткость Лудовика XV ни для кого не была тайной, но дѣлами онъ занимался мало и конечно къ построикѣ глубокихъ плановъ способностей не показывалъ. За то кардиналъ Флери съ его вліаніемъ на короля и всю политику, Флери всегда нерасположенный къ Великому и его проектамъ, отклонилъ на себя подозрѣнія Фридриха, и цѣлый рядъ открытій, частью случайныхъ, частью произведенныхъ ловкими агентами, подтвердилъ эти подозрѣнія. Валора получалъ отъ своего двора секретныя инструкціи во вредъ прусскимъ союзникамъ; маршалу Бреглю было дано позволеніе избѣгать слишкомъ большаго обличенія съ прусскимъ государемъ и вообще держать себя отъ него подале. Ноно было что при версальскомъ дворѣ весныи пилъ началъ охладѣвать и что, предательски или непредательски, Франція отступалась поземлегу отъ своихъ недавнихъ замысловъ. Въ числѣ пѣтиныхъ австрійскихъ генераловъ, въ лагерь Фридриха находился кнѣзь Палландтъ, человекъ весьма близкій къ своему двору, а вѣнскій дворъ, какъ извѣстно, никогда не умѣлъ охранять секретовъ, обидныхъ для враговъ Австріи. Палландтъ, тяжело раненый подъ Котувицомъ, обратилъ на себя особенное вниманіе короля, который часто навѣщалъ его и заботился о его удобствахъ. Въ нѣсколько дней, умирающій непріатель привязался къ личности Фридриха, какъ привязываются люди съ неисперченной душой къ личностямъ гениальнымъ. Однакъ разъ, разсуждая съ королемъ о вѣроломствѣ французской политики, Палландтъ вызвался доставить ясное доказательство тому что версальскій дворъ обманываетъ Пруссію. Говедъ былъ посаанъ въ Вѣну и привезъ Палландту подлинное письмо кардинала Флери къ императрицѣ Маріи Терезіи, письмо, въ которомъ кардиналъ открыто намекалъ на возможность мира, который далъ бы ей величеству возможность достойно наказать ее прусскаго ебѣда!

Не трудно догадаться, что ознакомившись съ такимъ любезнымъ посланіемъ, Фридрихъ не остался въ выжидательномъ положеніи.

Между тѣмъ Великъ, за послѣднее время то рыскавшій по Германіи, то воодушевлявшій малоспособнаго Броуно въ Богеміи, началъ догадываться, что политическая игра принимаетъ какіе-то странные обороты. Чтобы покончить съ своими сомнѣніями, онъ брелся въ куттенбергскій лагерь, съ предложеніемъ, которое, послѣ французской продѣлки въ Моравіи, могло быть принято почти за насмѣлку. Дипломатъ-маршалъ просилъ бездѣлны, именно, чтобы прусскій король, со всею своею арміею присоединившись къ Французамъ и Саксонцамъ (какихъ удастся вытребовать), двинулся на соединенныя австрійскія силы принца Карла и генерала Лобковица. 5 іюня произошла интересная бесѣда, о подробностяхъ которой современники не сообщаютъ ровно ничего, даже умалчивая о томъ былъ ли томъ Фридриха *farouche* или просто насмѣшливъ! Разговоръ происходилъ наединѣ, подслушивать было неудобно. Но выбѣжавъ изъ помѣщенія, гдѣ происходила аудіенція, взыскливымъ Великъ началъ съ того, что сорвалъ парикъ съ своей головы и сталъ топтать его ногами, восклицая: „этотъ проклятый покъ—*ce maudit calotte* (sic! Должно быть современникъ передавшій это свидѣніе, не былъ силенъ во французскомъ діалектѣ), этотъ мерзкій покъ погубилъ все, теперь все пропало!“ Затѣмъ онъ своимъ головою поскакалъ въ Дрезденъ, а черезъ нѣсколько дней причины его гнѣва и скорого отъѣзда раскрылись окончательно на королевскомъ обѣдѣ, данномъ 15 іюня старшимъ изъ прусскихъ генераловъ. Когда наступила пора перевозглашать тосты, Фридрихъ обратился къ гостямъ съ рѣчью такого содержанія: „Вамъ извѣстно, господа, что я никогда не имѣлъ намѣреній казнящихся во вредъ ея величеству королевы Венгерской. Я всегда желалъ согласія съ нею, и сообщаю вамъ, что мирныя предложенія полученныя отъ нея, мною приняты.“ Затѣмъ онъ сообщилъ главныя условія мира и похвалилъ Англичанина, лорда Гиндфорда, какъ дѣятельнаго посредника. Отвѣтомъ были радостные крики, поздравленія, тостъ за здоровье королевы Венгерской, *ditto* за великаго герцога лотарингскаго, *ditto* за принца Карла, недавняго противника.

Условія трактата, составленнаго въ Бреслауѣ и подтвер-

жданнаго въ Берлинѣ, были и немноголюдны и выгодны для Пруссіи. Силезія (верхняя и нижняя) съ княжествомъ Глацъ поступала въ вѣчное владѣніе прусскихъ королей. Фридрихъ бралъ на себя долгъ лежавшій на Силезіи (2.000.000 тал.), и затѣмъ обязывался лишь не принимать участія ни въ настоящей войнѣ, ни въ будущихъ войнахъ другихъ державъ съ королевой Венгерскою. Кончивъ съ послѣдними распоряженіями, король и его армія направлялось по дорогѣ къ Берлину, посреди общаго энтузіазма, торжественныхъ встрѣчъ, овадій и выставленныхъ по городамъ пламидеваемыхъ транспарантовъ, на одномъ изъ которыхъ (въ силезскомъ городкѣ Яуэрѣ) красовалась немного преждевременная фраза по-латыни: *Фридриху Великому!*

Необходимо сказать еще нѣсколько словъ, чтобы покончить съ комедіей, изъ которой вынытъ герой выпутался съ такимъ счастьемъ и такою славою. Съ отдѣленіемъ короля Прусскаго отъ союзниковъ, на ихъ долю выпали всевозможныя бѣдствія, а успѣхъ военныхъ дѣйствій окончательно перешелъ на сторону королевы Венгерской. Въ тотъ самый день, когда Бонапартъ толталъ нагана свой ни въ чемъ не повинный парижъ, принцъ Карлъ перешелъ въ наступленіе, съ большими потерями отбросилъ безтолковаго Брогаіо къ Прагѣ, заперъ его тамъ, и не прекращая начатой осады, сталъ отбирать обратно городъ за городомъ, какъ это было недавно въ областяхъ по Дунаю. Магазины и небольшіе отряды Французовъ отъялась добычей партизанскихъ начальниковъ, въ самой Прагѣ французское войско открыто воиновалось, не желая повиноваться неспособному генералу. Бонапартъ въ осажденный городъ, на время поддерживалъ духъ войска, выдержалъ осаду, прокарманилъ людей лошадиными мясомъ, но возрастающая нужда, недостатокъ подкрѣпленій и отпаденіе саксонскаго короля, невзначай заключившаго миръ съ Австріей, ясно показали ему, что нечего думать о военныхъ успѣхахъ, стоя со всею арміей на краю пропасти. Не ранѣ зимы получалъ онъ изъ Парижа приказаніе очистить Богемію, и выполнялъ его такъ, какъ по всей вѣроятности, не сумѣлъ бы выполнить ни одинъ изъ тогдашнихъ маршаловъ Франціи. До сихъ поръ зимній походъ Бонапартъ отъ Праги къ границамъ Франціи считается торжествомъ военного искусства, хотя всякая воюющая нація, конечно, искренно

желаетъ, чтобы подобнаго рода торжества никогда не выпадали на ея долю. Отъ начала кампаніи до обратнаго перехода чрезъ Рейвъ, Французы лишились *сами восьмилѣт* своего войска. Однихъ пленныхъ было взято до 12.000. Эти бѣдные пленные были отосланы въ Венгрію, гдѣ раздраженный наредъ такъ съ ними обошелся, что бѣольшая часть изъ нихъ бѣжала въ Турцію и пропала безъ вѣсти. Вотъ къ какимъ результатамъ (не говоря уже о бѣдствіяхъ на другихъ пунктахъ) пришла Франція, вслѣдствіе своихъ смѣлыхъ замысловъ господствовать надъ Германіей. За то она помѣшала мужу Венгерской королевы быть императоромъ и могла радоваться сколько хотѣла, видя спорную корону на головѣ нищенствующаго и едва живаго отъ горя Карла Альберта Баварскаго.

V. Двадцать шесть счастливыхъ мѣсяцевъ.

Вѣликія историческія личности, заслужившія за добро или зло особаивое вниманіе потомства, почти всегда представляются потомству въ какомъ-то до крайности однообразномъ, стереотипномъ и, если можно такъ выразиться, форменномъ видѣ. Вольтеръ былъ когда-то молодецъ, потомъ былъ мужемъ среднихъ лѣтъ, но сѣнемъ спросить, кто изъ читателей не представляетъ себѣ Вольтера совершенно высохшимъ старикомъ, съ лицомъ, которое отъ дряхлости и морщиноватости не способно выражать ровно ничего, кромѣ насмѣшки и чуткости ко всему что достойно насмѣшки? При имени лорда Чатама, передъ нами встаетъ фигура величественнаго подагрика, обернутая фланелью до шеи, съ громовою филиппикой на устахъ, съ выраженіемъ негодованія за униженіе родины. Но и Чатамъ не всегда былъ завернутъ фланелью, не говоря уже о томъ, что еслибы жизнь его прошла въ однихъ парламентарскихъ филиппикахъ, никто бы не считалъ лорда Чатама великою историческою личностью. Совершенно тоже мы видимъ и на Фридрихъ Великомъ: не взирая на сотни біографовъ, на голосъ исторіи, на его собственныя творенія, стереотипно-казенный портретъ его невольно носится передъ глазами. Конечно, есть поэтическая правда и въ этомъ казенномъ изображеніи грознаго старичка въ выюкахъ сапогахъ и сивемъ мундирѣ, въ досыпанномъ испачканномъ табакѣ

камзолѣ, съ тростью и прегадкою треугольномъ шаванкой. Сколько несокрушимой твердости въ этихъ сжатыхъ губахъ, сколько ума въ этомъ непоколебимомъ взглядѣ, сколько сарказма, быстроты, гордой силы, въ этихъ чертахъ, какъ бы окаменѣвшихъ подъ столькими бурями, изъ которыхъ каждая встрѣчена была герою! Но все-таки приходится сказать, что и Фридрихъ Великій не всегда имѣлъ видъ грознаго старика и что рѣзко-сардоническій, неумолимо-острый взглядъ его голубыхъ глазъ, въ годы молодости былъ не такъ рѣзокъ и не такъ неумолимъ какъ въ послѣдствіи. Даже и до періода старости, всакій скажетъ, что Фридрихъ на Кунерсдорфскомъ полѣ и Фридрихъ посреди своихъ первыхъ военныхъ успѣховъ не могутъ быть похожи одинъ на другаго. Тѣмъ менѣе былъ похожъ молодой прусскій король на стереотипное изображеніе грознаго старика въ тѣ счастливые годы, когда Пруссія радовалась славному миру съ присоединеніемъ Силезіи, и самъ онъ, добывъ себѣ спокойствіе посреди общей бури, прибылъ въ Берлинъ, озаренный торжественными огнями.

Два года и два мѣсяца безмятежно проведенные королемъ Фридрихомъ послѣ бреславскаго мира безспорно должны считаться, если не самыми славными, то самыми счастливыми въ его жизни. Ему минуло тридцать лѣтъ отъ роду, онъ добылъ себѣ великій почетъ и грозное положеніе въ Европѣ. Способности къ мирнымъ наслажденіямъ въ немъ не ослабли, а скорѣе возвысились, и онъ началъ свою старую, рейнсбергскую жизнь, говорить Карлейль, во всей вѣрности съ двойною радостью, потому что предшествовавшая пора прошла не безъ тревогъ всякаго рода. Отъ чистаго сердца онъ надѣется, что отнынѣ его исторія потечетъ такимъ путемъ, если только проклятый военный водоворотъ, мутящій безумныхъ сосѣдей, оставитъ его въ покоѣ! Да, во многомъ окрѣпъ и сдѣлался мудрымъ нанизъ король: мы уже видѣли какъ исчезъ и замеръ, подъ гнетомъ дѣйствительности, тотъ призракъ славы, *gloria*, что увлекалъ его недавно! По правдѣ сказать, дѣятельность героя-покорителя, въ сумасбродно-македонскомъ родѣ, никогда ему очень не удавалась, хотя читатель этому не совсѣмъ вѣритъ, а въ Англіи и до сихъ поръ думаютъ, что Фридрихъ всю жизнь свою задумывалъ только новыя войны да ловкіе захваты! Но теперъ, послѣ силезской войны, онъ раздѣлался

съ вѣками заблужденіями, какія были. Великій урокъ далъ ему моравская экспедиція. И онъ отъ души надѣется, что бы-
 лья испытанія не вернутся, что ему, по словамъ друга его
 Вольтера, остается быть счастливымъ королемъ, юнѣйшимъ
 и величайшимъ изъ земныхъ владыкъ, съ ужаснымъ мечомъ
 въ одной рукѣ, но съ масличною вѣткой въ другой, вѣроат-
 но въ лѣвой.

Счастливыи періодъ двадцати-шести мѣсяцевъ, о которомъ
 мы говоримъ, подобно всѣмъ счастливымъ періодамъ въ жиз-
 ни человѣка и народовъ, не шуменъ и почти что не зани-
 мателевъ. Внутренними дѣлами король занялся съ прежнимъ
 рвеніемъ; но мы уже знаемъ, что при его врожденной анти-
 патіи ко всему что имѣло видъ ломки или реформъ пре-
 принятыхъ очертя голову, эти дѣла шли безъ скачковъ, безъ
 разительныхъ перемѣнъ въ декораціяхъ. Ни одинъ изъ госу-
 дарей не былъ болѣе Фридриха отовсюду подталкиваемъ
 къ рискованнымъ нововведеніямъ, но ни одинъ государь не
 умѣлъ болѣе его воздерживаться отъ всего что вело хотя
 къ временному отягощенію народа. Онъ обладалъ гениальною
 способностью править людьми безъ суеты, азарта и шума.
 Онъ умѣлъ, повидимому слѣдя лишь за насущными дѣлами
 администраціи, такъ спастить, обогатить, усилить и вооду-
 шевить свое государство, что оно какъ бы переродилось, са-
 мо того не замѣчая, и выдержало бури, какихъ можетъ-быть
 не выдержало бы въ ту пору ни одно изъ сильнѣйшихъ го-
 сударствъ Европы. Чтобы понять до какой изумительной
 степени внутреннее управленіе Пруссіи, подъ скипетромъ
 Фридриха, было выше управленія въ государствахъ осѣд-
 лыхъ, стоить только припомнить, что Силезія, считавшая се-
 бя довольно цвѣтущею и подъ австрійскимъ управленіемъ, стала
 совершенно иною областію, когда въ ней были введены финля-
 совые, административные и судебные порядки Пруссіи. Безъ
 отягощенія жителей, доходъ съ нея увеличился вдвое, а вся
 масса народнаго богатства возрасла по однимъ свидѣтель-
 ствамъ шестеро, по другимъ въ восемь разъ, противъ
 прежняго.

Мѣры, которыми прусскій король достигалъ такихъ по-
 истинѣ изумительныхъ результатовъ, были до крайно-
 сти просты, и основаны на *глубокомъ разумѣніи ежеднев-
 ной, будничной дѣйствительности*. Напрасно современная

философія, на которой онъ былъ вскормленъ, представляла его воображенію десятки блестящихъ, но проблематическихъ плановъ къ благодѣтельствуванію рода человеческого. Фридрихъ хорошо зналъ, что одинъ тамеръ, сбереженный на пользу народа, что одинъ мягкій чиновникъ, често дѣлающій свое дѣло, чуть ли не пригедитѣ всѣхъ проблематическихъ плановъ. Прежде всего онъ стремился къ тому, чтобы законъ былъ одинаково святъ для каждаго изъ его подданныхъ, чтобы ни одно лицо въ его владѣніяхъ не смѣло становиться *свыше права*, и чтобы всякая жалоба на злоупотребленіе, хотя бы королевской власти, получала ходъ ничѣмъ не стѣсненный. Съ этою цѣлью обширныя судебныя реформы были предприняты и окончены во всемъ краѣ, и сверхъ того издано постановленіе, вслѣдствіе котораго каждый подданный имѣлъ право прямо обращаться къ королю, лично или письменно, даже по дѣламъ самой небольшой важности. Зная характеръ Фридриха, легко догадаться, что эта мѣра не оставалась фразой, а напротивъ исполнялась такъ, какъ только можно было при его гигантской неутомимости. Просители являлись къ королю толпами, и онъ выслушивалъ всякаго, прошенія приходили сотнями, и ни одно изъ нихъ не передавалось въ третьи руки иначе какъ для справки и сокращенія. Рѣшенія полагалъ онъ самъ, безъ малѣйшей торопливости обсудивъ ихъ содержаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ этихъ рѣшеній были жестки, даже проникнуты тою азвительною промѣй, о которой уже не разъ говорено выше, но въ нихъ ярко сіяетъ глубочайшее уваженіе къ закону.* Съ такимъ отраженъ правды

* Сообщенъ въ сокращеніи одну изъ докладныхъ записокъ, по прошеніямъ разныхъ лицъ, съ собственноручными резолюціями Фридриха Великаго. Она напечатана въ собраніи документовъ, изданныхъ Прѣссомъ.

Резолюціи короля:

1. Променіе купца и коммерція совѣтника Симона, въ Штеттинѣ, о дозволеніи ему приобрести владѣніе Кроацель, цѣною въ 40.000 талеровъ.

40.000 талеровъ въ торговомъ дѣлѣ приносятъ болѣе 8%; употребленные на поземельную собственность, они едва дадутъ 4%. Этотъ человекъ не понимаетъ своей выгоды. Сапожникъ долженъ заниматься сапогами, а купецъ простобытъ

житейской, съ такою неутомимо-скорою инстанціей, открытою для всякаго гражданина, не удивительна честность, водворившаяся по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, не удивителенъ и тотъ спокойный отвѣтъ потсдамскаго мельника, помѣщенный во всѣхъ собраніяхъ анекдотовъ: *или король думаетъ, что нѣтъ на него и судовъ въ Пруссіи?*

Второю главною заботою Фридриха было обогащеніе государства, возможное развитіе его матеріальныхъ средствъ. Для достиженія этой цѣли онъ дѣйствовалъ двумя путями:

2. Прошеніе отъ города Франк-фурта-на-Одерѣ, объ избавленіи его отъ военного постоя.

5. Прошеніе отъ полковника И... о переводѣ его на службу въ Силезію, гдѣ онъ разчитываетъ покупать имѣнія.

7. Прошеніе камергера барона фоль-Мюллера, объ отпускѣ на Ахенскія воды.

8. Повторительное прошеніе того же лица о томъ же отпускѣ.

10. Прошеніе отъ кредиторовъ графа Джамлици о приостановленіи нѣкоторыхъ судебныхъ рѣшешей по его дѣлу.

16. Прошеніе графини Парадейсъ о принятіи ея сына изъ баварской въ прусскую военную службу. Графиня надѣется, что строгая дисциплина исправитъ этого молодого человека отъ привычки къ метрезовою жизни.

20. Прошеніе лейтенанта фоль-Виктерфельда о ссудѣ ему 12.000 талеровъ, за проценты, на устройство своего имѣнія.

21. Прошеніе отставнаго майора Дюмулена о назначеніи его военнымъ совѣтникомъ въ померанскую камеру.

т. XLVI.

думать о торговомъ дѣлѣ чѣмъ скупать помѣстья.

Однако что же дѣлать? Или они думаютъ что я могу прятать попки по моимъ карманамъ? Впрочемъ, принять мѣры къ постройкѣ казармъ.

Потому-то имѣло ему и не годится служить въ Силезію. Онъ станетъ уаучшать свои имѣнія, а не службу.

Зачѣмъ? Чтобы проиграть тамъ остатки состоянія и вернуться нищимъ?

Пусть онъ отправляется къ чорту.

Законъ прежде всего, и факто въ моихъ владѣніяхъ не имѣть права! задерживать рѣшеніе юстиціи.

Мнѣ нужны хорошіе офицеры; пьяныхъ негодяевъ я самъ выгнать, какого бы они званія ни были.

Я не бабкирь.

Это значило бы козла пустить въ огородъ!

соблюдая строжайшую экономію, гдѣ расходы были непродоводительны, и не жалѣя издержекъ тамъ, гдѣ посѣвъ общалъ хорошую жатву. Въ экономіи оны, подобно многимъ превосходнымъ хозяевамъ, часто переступалъ за предѣлы полезной разчетливости. Мы знаемъ, напримѣръ, что содержаніе служащихъ лицъ, даже высшаго званія, при немъ было до того скудно, что безъ честности и умѣренности, составляющихъ какъ бы врожденныя свойства сѣвернаго Германца, вся государственная машина могла бы подвергнуться большой порчѣ. Карлеиль приводитъ письмо, въ которомъ сестры короля

25. Прошеніе полковника фомъ-Лоссова о разрѣшеніи гусарскимъ офицерамъ Гальціусу, Тренку и Сальцвельдику вступить въ законный бракъ.

33. Прошеніе графа фомъ-Редера объ огражденіи его помѣстья отъ денежнаго изысканія по судебному приговору.

34. Прошеніе генерала графа Анджеллини, въ Болоньѣ, о привагтіи его въ прусскую армію.

36. Докладъ кабинетъ-министровъ о томъ, какъ поступить имъ съ денежною наградой, предложенною имъ отъ извѣстнаго государства, по случаю заключенія трактата. Въ предшествовавшее время подобныя подарки обыкновенно принимались.

37. Проектъ полковника В. о добываніи 1.500.000 добавочнаго государственнаго дохода, безъ обремененія населенія.

40. Прошеніе тайнаго совѣтника Ламонша о томъ, чтобы декретъ по поводу его тестя, бывшаго канцлера Мишова, не былъ опубликованъ въ вѣдомостяхъ.

41. Прошеніе герра фомъ маршала, о смягченіи сентенціи апелляціоннаго присутствія по его дѣлу.

Жематый гусаръ обыкновенно не стоитъ горсти пороху. Но если полковникъ хорошаго мѣнія объ этихъ офицерахъ, то даю разрѣшеніе.

Какъ оны смѣютъ просить меня о такой мѣрѣ? Мой долгъ—читать законы, а не нарушать ихъ.

Генералъ панскаго войска! Быть не можетъ, чтобы оны пожелали служить у еретика!

Je suppose, messieurs, que vous vous ferez la douce violence de l'accepter.

Дарю ему эти полтора милліона, пусть хранитъ оны ихъ для собственнаго употребленія.

Кто дѣлаетъ преступленія и мерзости (infamies) долженъ нести полную мѣру наказанія, будь оны хоть особа королевской крови.

Законъ выше всѣхъ людей, даже самихъ маршаловъ, а если оны не вразумятся просителемъ, то оны могутъ, подобно своему брату, ухажать изъ Пруссіи.

со страхомъ и замѣшательствомъ просить заплатить за нихъ долгъ въ три тысячи талеровъ. На расходы по приему и угощенію какого-то иностраннаго гостя изъ владѣтельныхъ особъ издержано 700 талеровъ. „Выдать деньги на этотъ разъ, пишетъ Фридрихъ на поляхъ доклада, но это бездѣльническій грабежъ, и слѣдующій счетъ я провѣрю самъ, до малѣйшей подробности!“ Всего, что хотя сколько-нибудь походило на денежный долгъ, король избѣгалъ съ неуступчивостію закоренѣлаго предразсудка. Въ самую тяжкую пору Семилѣтней Войны, нуждаясь въ деньгахъ, онъ прибѣгалъ къ устарѣлымъ, даже положительно опаснымъ мѣрамъ (напримѣръ, къ выпуску монеты, по металлу далеко не стоющей своей цѣны), чтобы только не дѣлать государственныхъ займовъ.

Но если, по части экономіи, Фридрихъ нѣкоторыми странностями напоминалъ своего чудака-родителя, если онъ скупился на расходы по угощенію иностранныхъ принцевъ, за то онъ не жалѣлъ денегъ на предпріятія обѣщавшія общественную пользу. Между 1743 и 1745 годами, въ самый короткій срокъ, онъ началъ и кончилъ работы по соединенію Гавеля съ Эльбой. Результатомъ ихъ былъ тридцатимиліонный Плауэнскій каналъ, „уже значительно выкопанный въ то самое время, провѣтически замѣчаетъ Карлейль, когда иные изъ насъ занимались побіеніемъ себѣ подобныихъ, хотя бы въ Деттингенскомъ сраженіи!“ Въ то же время дѣятельно шла колонизація пустопорожнихъ земель Восточной Пруссіи съ сопредѣльными ей провинціями. По этой части Фридрихъ былъ неутомимъ и щедръ, хотя историки, съ такою ядовитою аккуратностію разказывающіе о его тяжкихъ военныхъ наборахъ, не говорятъ почти ничего про эти мирныя вербовки поселянъ, вербовки, сопровождавшіяся всякими льготами и создававшими населенные оазисы среди пустынь лежавшихъ безплодно. Если, по выраженію мыслителя, должно чтить человѣка, умѣющаго вырастить два колоса тамъ, гдѣ до него росъ лишь одинъ, то права Фридриха на такой почетъ несомнѣнны. При бурѣ, волновавшей сосѣднія области, простой народъ, раззоренный войною, охотно шелъ изъ нихъ въ Пруссію, гдѣ все было тихо, гдѣ имъ отводили земли, строили дома и на долгіе годы освобождали отъ самыхъ тяжкихъ повинностей. Агенты короля мастерски пользовались этою готовностію, и Фридрихъ самъ слѣдилъ за каж-

дымъ изъ нихъ, не скупясь на пособія, но требуя только чтобы будущіе поселенцы выбирались изъ людей годныхъ къ сельскимъ занятіямъ. „Люди, присланные мнѣ за послѣднее время для поселенія, пишетъ онъ на одномъ изъ докладовъ, оказались фиглярами, парикмахерами и бродягами, не привычными ни къ какому труду: строжайше предписываю устранять такихъ охотниковъ на будущее время!“ Даже къ предпріятіямъ повидимому не имѣющимъ ничего общаго съ развитіемъ народнаго благосостоянія Фридрихъ всегда примѣшивалъ разчетъ чисто хозяйственный. Такъ устройство оперы и издержки на нее стоили большихъ денегъ, но король не скрывалъ, что деньги эти идутъ не на одно удовольствіе: „жизнь въ Берлинѣ стала пріятнѣе, богатые люди охотно ѣдутъ въ столицу, богатые иностранцы заживаются въ ней, тѣмъ болѣе что въ теперешнее военное время немного веселья въ большей части столицъ европейскихъ“. Постройка маленькаго дворца Санъ-Суси тоже основана на разчетѣ: миниатюрно-изящный пріютъ на философскую ногу избавлялъ дворъ отъ слишкомъ многочисленныхъ собраній, отъ дорогихъ празднествъ, на которыхъ толпы посѣтителей предаются одной церемонной скукѣ. „Не трудно видѣть (приводимъ слова Карлейля), что всѣ помыслы Фридриха обращены къ дѣйствительности, не къ сентиментальности, не говоря уже о томъ, что въ ту пору на нашей скорбной планетѣ еще не родились *Вертеръ* и *сентиментальность*. Практическій король, надо сознаться, былъ впрочемъ отличный мастеръ играть на флейтѣ, такой мастеръ, что слушая его адажіо, трудно было удерживать слезы. Въ немъ самомъ была способность къ слезамъ (какъ показалъ онъ при смерти матери), и безъ хвастовства, въ рѣдкія минуты откровенности, онъ могъ сказать о себѣ: „во мнѣ больше чувствительности чѣмъ въ другихъ людяхъ.“ Дѣло въ томъ, что чувствительность эта была твердою и честною чувствительностію, въ вѣчно сдержанномъ видѣ, за исключеніемъ случаевъ когда удержать ее оказывалось невозможнымъ.“

Выше было разказано о томъ, какъ рушились французскіе замыслы преобладанія надъ Германіей и какъ быстро наступили годы торжества для недавно еще погибавшей королевы Венгерской. Со времени бреславльскаго мира, повсюду, гдѣ только происходили военныя дѣйствія, удача сопровождала полководцевъ Маріи Терезіи и ея союзниковъ. Одно за

другимъ, усмиряться и отступали отъ союза государства, такъ безстыдно ринувшіяся на Австрію ради добычи, между тѣмъ какъ все чтò только шло заодно съ нею одерживало побѣды и получало вліяніе на сосѣдей. Энтузіазмъ королевичныхъ подданныхъ возросъ до высочайшей степени, самъ ея смиренный супругъ, разогрѣтый общими восторгами, отправился въ войска и оказался довольно храбрымъ воиномъ. Пучеглазый паладинъ прагматической санкціи, Георгъ II, лично разбилъ Французовъ подъ Деттингеномъ и сталъ вмѣшиваться въ домашнія дѣла Германіи съ такою же ревностію, съ какою недавно ограждалъ свой дорогой ГанOVERь отъ опасныхъ случайностей. Все это было хорошо, но къ сожалѣнію вело за собою воинскую самонадѣянность. Уже не одного честнаго мира и спокойныхъ годовъ жаждали пламенная коронованная красавица и ея паладинъ, для котораго малѣйшая возможность вмѣшаться въ чужія дѣла была первою радостью. Мало было отразить враговъ и вознаградить Австрію за потери, нужно было растоптать недруговъ, довести ихъ до отчаянія, излить на нихъ всю чашу возмездій! Требовалось свергнуть нищаго германскаго императора и произвести новые выборы, тяготѣя надъ избирателями, какъ еще недавно желала тяготѣть надъ ними Франція. Проектъ Бедилля возобновился, только съ другой стороны, и державные приверженцы его не скрывали, что за осуществленіемъ этого проекта они общими силами сосчитаются съ бранденбургскимъ хищникомъ, съ злымъ человѣкомъ, отторгнувшимъ Силезію отъ австрійской короны.

Фридрихъ хорошо зналъ эти планы, да впрочемъ, посреди своихъ триумфовъ, ни Марія Терезія, ни ея паладинъ и не скрывали ихъ. Какъ прусскій король, Фридрихъ предвидѣлъ опасность для своихъ владѣній, какъ членъ Германской имперіи, онъ былъ возмущенъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ нею. „Еще до Деттингенскаго сраженія,“ разказываетъ Карлейль, „онъ въжизно, но твердо, спрашивалъ у его британскаго величества, для какихъ потребъ ему было угодно вломиться съ войскомъ въ предѣлы имперіи, и водить по ней различныя иностранныхъ арміи, къ общему отягощенію?“ На это его британское величество отвѣчалъ разными не стоящими повторенія пустыми фразами, и взглядомъ, какой мы можемъ себѣ представить, взглядомъ отъ котораго, по ирландской поговоркѣ, даже глиняный кувшинъ лопнетъ. Вообще теперь

никто не припоминаетъ усилій Фридриха къ восстановленію мира или, по крайней мѣрѣ, къ уменьшенію общей безурядицы, но эти усилія были велики, ревностны и умны. Сперва онъ попытался, не можетъ ли сама имперія чего-нибудь сдѣлать для своего огражденія, напримѣръ, заготовить „посредническую армію,“ къ которой былъ готовъ присоединить 30.000 Пруссаковъ, даже 50.000, если нужно; но имперія стала похожа на мертвую лошадь, которую шпорами не поднимешь! Пробовалъ король предлагать разнымъ германскимъ владѣтелямъ, не хотятъ ли онъ выставить, по опаснымъ мѣстамъ границъ, хорошую армію (съ его же Пруссаками), которая всѣмъ воюющимъ и хлопотавшимъ гостямъ: Французамъ, Австрійцамъ, Баварцамъ, Англичанамъ, объявила бы безпристрастно: „здѣсь вамъ нѣтъ пропуска; идите „разбивать другъ другу головы въ другое мѣсто.“ Но и отдѣльные властители оказались мертвою или умирающею лошадью: ни дѣла, ни отвѣта не добился отъ нихъ Фридрихъ.“

Былъ у прусскаго короля еще одинъ планъ, высокая практичность котораго доказывается тѣмъ, что мысль, на которой онъ созидался, была приведена въ исполненіе, хотя, увы! почти чрезъ сто лѣтъ послѣ замысла. Планъ этотъ—секуляризація такъ-называемыхъ владѣтельныхъ епископовъ (Пассау, Зальцбургъ, Регенсбургъ) и раздача этихъ богатыхъ, скверно управляемыхъ владѣній обѣимъ сторонамъ, ведущимъ кровавую тяжбу. Но планъ Фридриха, едва лишь набросанный, встрѣченъ былъ неслыханными воплями про безбожіе, попраніе религіи и такъ далѣе, а въ числѣ государей наиболѣе имъ перепуганныхъ, оказался самъ Карлъ VII, который, по всѣмъ законамъ разума, долженъ былъ бы радоваться плану, не только оказывавшему исходъ изъ кровопролитной брани, но еще и уменьшавшему пагубное раздробленіе Германіи на мелкія области.

Тѣмъ временемъ европейская распря тянулась, а дворъ Фридриха Прусскаго, подобно его лагерю подлѣ Молльвица, былъ наполненъ интригующими дипломатами. Франціи приходилось очень худо,—такъ худо, что ея министры, помимо всѣхъ офиціальныхъ посредниковъ, долгомъ почли ухватиться за дипломата въ совершенно новомъ родѣ, за поэта и философа, за Вольтера, однимъ словомъ. „Этотъ человекъ близокъ къ Фридриху, думали при версальскомъ дворѣ,

можетъ-быть имѣть на него вліяніе, во всякомъ случаѣ онъ долженъ оказаться недурнымъ шпиономъ. Если мы не переманимъ Пруссію на свою сторону, одинъ Богъ знаетъ что съ нами случится.“ Вольтеръ, которому былъ данъ намекъ въ этомъ родѣ, ухватился за порученіе съ обыкновенною своею пылкостью. Кромѣ побужденій, можетъ-быть дѣйствительно патриотическихъ, онъ всегда былъ слабъ передъ блескомъ двора, сильными людьми и ролью дипломата. Осенью 1743 года онъ воспользовался приглашеніемъ Фридриха и явился въ Берлинъ, гдѣ его встрѣтили съ великими почестями, помѣстили во дворцѣ близъ королевскихъ покоевъ, что, въ соединеніи съ безграничною любезностью сѣвернаго Соломона, отчасти отуманило голову гостя.

Во всей исторіи счастливыхъ годовъ Фридрихова правленія нѣтъ эпизода болѣе милаго и оригинальнаго, какъ періодъ его юмористически-политическихъ сношеній съ Вольтеромъ. Объ эти знаменитости обрисовываются передъ нами съ такою отчетливостью и по временамъ такою наивностью, что ихъ переговоры имѣютъ видъ драматической пьесы, созданной въ веселую минуту могучимъ художникомъ. Героемъ драмы былъ Фридрихъ. Вольтеру, при всей его геніальности, выпала роль шута, книжнаго червя, взявшагося не за свое дѣло, и посреди почестей осмѣиваемаго ежеминутно. Здѣсь, въ этой драмѣ, подъ розами и лавровыми вѣнками, слѣдуетъ искать корень той ненависти, которую въ послѣдствіи Вольтеръ питалъ къ Фридриху, и проявленіе которой было лишь ускорено позднѣйшими и дѣйствительными обидами со стороны короля прусскаго. До своей секретной миссіи, Вольтеръ имѣлъ истинное благоговѣніе къ Фридриху, любилъ его, насколько могъ любить другихъ людей украшаемыхъ славой, и хотя горько ему завидовалъ, но разчитывалъ на многое отъ его дружбы. Король въ свою очередь любилъ Вольтера, какъ увеселителя, драгоценнаго собесѣдника, въ то же время до безжалостной ясности различая и его зависть, и его мелочное тщеславіе, и его стремленія къ преобладанію. Еще до появленія своего друга въ Берлинъ, король зналъ о его политическомъ порученіи, зналъ не чрезъ шпионовъ, а чрезъ тщеславныя нескромности самого Вольтера. Когда они встрѣтились, Вольтеръ могъ до значительной степени оградить себя посредствомъ прямого, откровеннаго объясненія; всѣ знаютъ, что его

хозяинъ никогда не издѣвался надъ тѣмъ что высказывалось просто и немногословно. Но законоплатель Парнасса видимо упивался своимъ новымъ положеніемъ, глядѣлъ на себя, какъ на сосудъ государственнѣхъ тайнъ, принималъ таинственныя позы, и только по прошествіи восьми дней послѣ пріѣзда рѣшился заговорить съ Фридрихомъ о пользѣ сближенія Пруссіи и Франціи въ настоящую пору кризиса.

Съ этой минуты великій человекъ слова былъ осѣдланъ великимъ человекомъ дѣла и обращенъ имъ въ предметъ самой изящной, самой тонкой, но глубоко оскорбительной потѣхи. При первыхъ словахъ Вольтера, король представился жестоко раздраженнымъ (невозможно допустить, чтобъ онъ разсердился въ самомъ дѣлѣ, и не за что было), а Вольтеръ, въ первый разъ увидавъ сѣвернаго Соломона въ гнѣвномъ видѣ перепугался до крайности. Послѣ самыхъ раболѣпныхъ изъявленій раскаянія и преданности со стороны философа, Фридрихъ смягчился. Зная, что главная цѣль гостя — соглядатайство и секретныя доносенія во Францію, онъ сталъ сбивать и запутывать новичка-дипломата, то подавая ему блестящія надежды, то ниспровергая ихъ тутъ же неожиданною шуткою, то, подъ предлогомъ добродушной откровенности, изливая свою желчь на французскаго короля, французскихъ министровъ и французскихъ полководцевъ. Онъ зналъ, что Вольтеръ доведетъ обо всемъ и что насмѣшки дойдутъ по адресу и нанесутъ горькія язвы, потому что насмѣшка короля прусскаго въ то время была страшнѣе стрѣлъ самого Вольтера. Едва кончилось ни къ чему не приведшее совѣщаніе, какъ бѣдному философу пришлось объясняться съ французскимъ уполномоченнымъ Валори, человекомъ бойкимъ на языкъ и раздраженнымъ по случаю чужаго вмѣшательства въ его область. Есть основательныя причины думать, что король, любившій Валори и въ то время имѣвшій съ нимъ дѣла большой важности, самъ натравилъ его на непрошеного агента. Какъ бы то ни было, Вольтеръ то задыхался подъ розами, то переносилъ отъ Валори самыя грубыя рѣчи. Посреди ласкъ и почестей жизнь его стала невыносима. Забавнѣе всего то, что ни ежедневныя насмѣшки Фридриха, ни дерзости французскаго chargé d'affaires не могли отрезвить его умную голову. Онъ засыпалъ министровъ (Амело и д'Аржансона) своими полуофи-

ціальными донесеніями, письмама и самыми разнорѣчащими показаніями. Какъ бы желая увѣковѣчить исторію своего поруганія, онъ выпросилъ дозволеніе представить Фридриху краткую памятную записку, умоляя его величество сдѣлать свои замѣчанія на поляхъ, противъ каждаго изъ ея пунктовъ. Меморія эта, пересланная во Францію, въ послѣдствіи попала въ руки Бомарше и имъ напечатана. Авторъ *Севильскаго Дирюльника* былъ достойнымъ спасителемъ этого оригинальнаго, сіяющаго остроуміемъ документа.

Выписываемъ, въ значительномъ сокращеніи, нѣкоторые пункты означенной записки.

Меморія Вольтера.

1. Я обязанъ сообщить вашему величеству, что главный бургомистръ Амстердама Баскуръ (Вазесоуг значить птичій дворъ) имѣлъ переговоры съ французскимъ уполномоченнымъ Лавиллемъ, насчетъ возможности мира. Лавилль выразилъ ему, что сообщенія Голландцевъ будутъ имъ переданы королю французскому.

2. Ясно, что партія мира возьметъ верхъ въ Голландіи. Не доказываетъ ли это энергіи и мудрости со стороны Франціи?

3. Англійскіе и австрійскіе сановники говорятъ открыто, что горятъ желаніемъ отнять у вашего величества Силезію. Въ такомъ случаѣ, при всемъ могуществѣ вашемъ, не бесполезенъ окажется союзъ съ Франціей. При всей силѣ австрійскаго дома и его союзниковъ, кто устоитъ противъ вашего величества въ соединеніи съ домою Бурбоновъ?

6. Рѣшительное движеніе войскъ вашихъ поразитъ всѣхъ почтеніемъ и ужасомъ, и это поведетъ къ общему миру и восстановленію императора?

Замѣтки короля прусскаго.

Этотъ Баскуръ, судя по его имени, кажется откармливаетъ каплуновъ и индѣекъ для ихъ голландскихъ высокомоцій!

Вообще я дивлюсь французской мудрости, но Боже меня сохрани подражать ей.

On les recevra

Biribi,

A la façon de Barbari,

Mon ami.

(то-есть: что жь? ихъ примутъ и отподчуютъ?)

Отвѣтъ короля въ стихахъ, смыслъ которыхъ такой:

„Такъ вы желаете чтобъ я, къ концу спектакля, явился посѣчь Англчанъ, пандуровъ и разныхъ свирѣпыхъ особъ въ этомъ родѣ? Да поглядите на меня приставльте. Неужели же я гляжу такимъ сердитымъ?“

8. Еслибъ я, воротясь на родину, могъ привести съ собой вѣсть отрадную для моего государя, я былъ бы истинно возвеличенъ такимъ доврѣемъ вашего величества.

9. Чѣмъ бы ни рѣшии ваше величество, я всегда вамъ предаю отъ всего моего сердца.

Неизвѣстно никому, съ какимъ чувствомъ прочиталъ законодатель европейскаго Парнасса замѣтки сдѣланныя Фридрихомъ на поляхъ его записки, но по всей вѣроятности не съ удовольствіемъ, потому что въ своихъ дипломатическихъ посланіяхъ онъ скромно умалчиваетъ о всемъ происшествіи. Тѣмъ не менѣе Вольтеръ все еще не разставался съ ролью политическаго человѣка, не переставалъ строчить длинныхъ писемъ въ Парижъ и остановился лишь тогда, когда писемъ этихъ принимать стало некому. Госпожа де-Шатору, владѣющая фаворитка, давно была нерасположена къ министру Амело, главному покровителю Вольтера и изобрѣтателю его дипломатической миссіи. Непріязнь скоро довела до столкновенія, Амело лишился мѣста и вліянія, а вмѣстѣ съ карьерой Амело, покончилась всякая вѣроятность какихъ-либо государственныхъ порученій для москѣ де-Вольтера.

Но худшее горе было не тутъ, а ожидало поэта лишь въ послѣдствіи. Только возвратясь во Францію и поживъ дома нѣсколько мѣсяцевъ, Вольтеръ поваялъ вполне какъ смѣшна и ничтожна была его роль въ Потсдамѣ и Батрейтѣ. Въ то самое время когда его попытка посредничества вынуждала однихъ шутки со стороны короля прусскаго, самъ Фридрихъ не только не уклонялся отъ сближенія съ Франціей, но прямо переговаривался о его возможности съ другими лицами, даже съ Валори, тѣмъ самымъ Валори, на котораго Вольтеръ еще недавно готовъ былъ взирать со всей высоты

Мнѣ нечего желать или опасаться отъ Франціи. Хотите я напишу похвальное слово Лудовику XV, и въ этомъ словѣ не будетъ ни слова правды? Когда меня спросятъ, я готовъ отвѣчать,—но какъ вы, съ умомъ вашимъ, можете желать такой неаппости, чтобъ я сталъ сообщать, да еще сочинять отъ себя проекты для французской политики?

Я люблю васъ душевно, я уважаю васъ, я готовъ сдѣлать для васъ все, кромѣ глупостей. Единственное порученіе, какое я могу дать вамъ во Францію, это совѣтъ кому сдѣлуетъ, чтобы на будущіе года она вела себя умнѣе чѣмъ было до этого времени.

величія! Обстоятельства не допускали дальнѣйшаго выжиданія, и Фридрихъ, потѣшаясь дипломатіей Вольтера, въ то же время протягивалъ руку другимъ, болѣе практическимъ посредникамъ. Австрія, Англія и Сардинія заключили въ Вормсѣ трактатъ, не только угрожавшій великими бѣдствіями всей Германіи, но прямо враждебный интересамъ Пруссіи. Условія неписанныя были еще хуже писанныхъ и въ существованіи ихъ не оказывалось ни малѣйшаго сомнѣнія. Бреславльскій миръ признавался какъ бы несуществующимъ, Силезія, два года тому назадъ совсѣмъ отданная Пруссіи и гарантированная Англіей, снова обращалась въ разрядъ спорныхъ територій...

На этомъ пунктѣ, къ лѣту 1744 года, кончается разказъ Карлейля, а съ нимъ долженъ кончиться и нашъ отчетъ о двухъ послѣднихъ томахъ *Исторіи Фридриха Великаго*.

Какъ хорошо видитъ читатель, оба эти тома наполнены дѣлами одного лица, заняты однимъ историческимъ изображеніемъ,—изображеніемъ Фридриха Великаго въ первые, можетъ-быть, счастливейшіе годы его царствованія. Вѣрно ли это изображеніе? Согласуется ли оно съ голосомъ исторіи, не слишкомъ ли отходитъ оно въ міръ поэзіи, какъ отходить въ этотъ міръ, по увѣренію лучшихъ цѣнителей, Карлейлево изображеніе короля Фридриха Вильгельма I? По нашему крайнему разумѣнію, изображеніе вѣрно, и портретъ, при всей его поэтической прелести, при всемъ нѣсколько пристрастномъ распредѣленіи свѣта и тѣни, останется навсегда правдивымъ, драгоценнымъ портретомъ. Честное, поэтическое пристрастіе біографа къ изображаемой личности, не вредитъ истинѣ изображенія.

Въ натурѣ всякаго великаго художника есть нѣкоторая доля поэтическаго пристрастія, и безъ этого пристрастія едва ли могло бы существовать искусство въ истинномъ своемъ величіи. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ портреты писанные гениальными живописцами, имѣютъ свою долю идеализаціи. Въ будничномъ смыслѣ слова, всякій хорошій фотографическій портретъ правдивѣе ихъ, но кто поставитъ фотографическій портретъ рядомъ съ Форнариной Рафаэля или Филиппомъ Вторымъ Веласкеса? Всеми міру извѣстенъ невыразимо поэтическій портретъ во весь ростъ, снятый Вандейкомъ съ короля Карла I. По отзывамъ современниковъ, Вандейкъ, подобно всѣмъ придворнымъ

живописцамъ, польстилъ оригиналу. И еслибы, по какому-нибудь волшебству, мы получили настоящій фотографическій портретъ Карла I, мы примѣтили бы, быть-можетъ, на немъ кое-гдѣ и бородавку, и морщину на утѣста, и еще какую-нибудь непріятную физическую погрѣшность. Но далеко не вся истина исчерпывается холоднымъ снимкомъ лица со всѣми морщинами и бородавками,—есть еще другая истина, которая ставитъ передъ ваши глаза всего человѣка, раскрываетъ его душу и страсти, даже кидаетъ пророческіе намеки на его будущность. Такую истину умѣлъ раскрывать Вандейкъ, и вотъ почему ему нѣтъ равнаго въ портретной живописи, и вотъ почему, не видавъ его Карла I, вы не читали цѣлой главы изъ англійской исторіи!

Кэрлейлевъ портретъ Фридриха Великаго, за время его царственной молодости, напоминаетъ намъ лучшіе портреты Вандейка. Будничная и мелкая правда въ немъ не соблюдена, поза героя величавѣе его будничной позы; но правда высшая, правда художественная, сама сказывается всякому наблюдателю. Историкъ несомнѣнно польстилъ своему герою, не принявъ во вниманіе многихъ подробностей для него невыгодныхъ, даже можетъ-быть утаилъ двѣ или три изъ этихъ подробностей. Но за то онъ озарилъ свою картину небывалымъ и правдивымъ свѣтомъ, съ геніемъ истиннаго судьи человѣковъ, указалъ намъ ключъ къ уразумѣнію личности Фридриха Великаго. Ключъ этотъ онъ называетъ благоговѣніемъ передъ дѣйствительностію, другими словами: *практичностью въспѣхъ дѣлъ и идей*, практичностью доходящею до геніяльности. Мы видимъ передъ собой живаго человѣка, который въ эпоху колебанія всѣхъ принциповъ и вѣрованій, вѣрять въ жизнь и трудъ житейскій,—государя, который въ пору философскихъ фантазмагорій, правитъ своимъ царствомъ на всѣдневныхъ хозяйственныхъ основаніяхъ, политика, который посреди общей гонѣбы за призраками не дѣлаетъ шагу вслѣдъ за общимъ стремленіемъ. Самые пороки Фридриха, самая неправды, имъ сотворенныя, выходятъ изъ одного начала съ его свѣтлыми качествами; оттого они не кладутъ постоянной печати на всю его дѣятельность. Оттого даже послѣ великаго грѣха, онъ всегда поднимается опять на нравственную высоту, и какъ великанъ превышаетъ пигмеевъ, такъ онъ, при всѣхъ несовершенствахъ, превышаетъ и своихъ сопер-

никовъ, и своихъ сверстниковъ. Одинъ Фридрихъ, изъ всѣхъ своихъ современниковъ, умѣлъ такъ грѣшить и такъ заглаживать свои согрѣшенія. Одинъ онъ, изъ всѣхъ государей его времени, могъ захватить чужую область и довести ее до высокой степени благосостоянія, вести наступательную войну и избѣгнуть всѣхъ тиранинствъ, въ то время неразлучныхъ съ войною, быть неограниченнымъ монархомъ и подчиняться каждому слову закона, наконецъ ребячески бѣжать съ поля сраженія и вписать въ исторію свое имя подлѣ имени Александра и Цезаря.

А. ДРУЖИНИНЪ.

МАЛОРОССИЙСКОЕ ШЛЯХЕТСТВО

ВЪ 1767 ГОДУ.

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ XVIII СТОЛѢТІЯ. *

Изученіе русской исторіи, несмотря на замѣчательные успѣхи свои за послѣднее десятилѣтіе, продолжаетъ попрежнему представлять то странное и оригинальное явленіе, вслѣдствіе котораго событія ближайшихъ двухъ вѣковъ возникаютъ въ нашемъ сознаніи при несравненно меньшемъ освѣщеніи чѣмъ событія эпохъ болѣе отдаленныхъ. Русскій общественный и государственный бытъ XVII или даже XVI столѣтія изслѣдованъ нашими учеными съ гораздо болѣею опредѣленностью и точностью нежели бытъ нынѣшняго или прошлаго вѣка; кругъ нашихъ историческихъ познаній постепенно суживается по мѣрѣ того какъ мы приближаемся къ современной эпохѣ. Здѣсь не мѣсто, конечно, вдаваться въ изслѣдованіе причинъ, произведшихъ у насъ такое ненормальное явленіе; достаточно указать на фактъ, въ дѣйствительности котораго невозможно сомнѣваться. Ясно, впрочемъ,

* Сообщеніемъ рукописныхъ документовъ, послужившихъ намъ при составленіи этой статьи, мы обязаны извѣстному знатоку малороссійской исторіи, г. Судіенко. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы выразить ему за то нашу искреннюю признательность. *Прим. авт.*

съ перваго же взгляда, что причины этого страшнаго явленія заключаются не въ одной только природѣ исторической науки. Хотя нерѣдко случается слышать, что событія близкія къ нашему времени не могутъ служить предметомъ безпристрастной исторіи, что для правильной оцѣнки ихъ необходимо отойти на извѣстное разстояніе; но, очевидно, что это мнѣніе, до извѣстной степени справедливое, не можетъ быть принято за общее и непреклонное правило. Если окончательный приговоръ исторіи не долженъ простираться на событія къ намъ близкія, то свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ должны быть намъ тѣмъ доступнѣе чѣмъ ближе мы стоимъ къ нимъ. Возникновенію ненормальнаго явленія, на которое мы указываемъ, гораздо болѣе содѣйствовали вѣшнія условія, среди которыхъ поставлена была наша наука чѣмъ внутреннія условія самой науки. Тысячи вѣшнихъ причинъ, хорошо каждому извѣстныхъ, тяготѣли надъ русскою мыслью и задерживали ея развитіе. При невозможности свободнаго выбора, приходилось довольствоваться только сферой дозволенною: вотъ объясненіе того, почему наши историки минувшаго тридцатилѣтія такъ ослѣплены были углубляться въ эпоху русской жизни почти до-историческую. Этимъ объясняется точно также и совершенно обратное явленіе послѣднихъ годовъ, когда образовалась цѣлая школа писателей, посвятившихъ себя исключительно исторіи XVIII столѣтія.

Труды этихъ новыхъ писателей, какъ и слѣдовало ожидать, носятъ на себѣ по преимуществу библиографическій характеръ. Прежде чѣмъ начать постройку зданія, необходимо расчистить почву и собрать матеріалы; а этихъ матеріаловъ собрано, или, по крайней мѣрѣ, издано еще такъ мало, что каждый новый трудъ въ этой области заслуживаетъ глубокой признательности. Вотъ почему мы надѣемся, что скромная лепта, которую мы можемъ принести наукѣ, не будетъ для нея потеряна бесплодно.

Матеріалы, находящіеся въ нашемъ распоряженіи, относятся къ первой половинѣ царствованія императрицы Екатерины и касаются преимущественно малороссійскаго края. Это болѣею частію такіе матеріалы, которые составляютъ достояніе здѣшнихъ провинціальныхъ архивовъ и, слѣдовательно, мало доступны петербургскимъ и московскимъ ученымъ. Воспользоваться этими матеріалами въ интересъ русской исторической науки составляетъ нравственную обязан-

ность здѣшняго ученаго сословія. Какъ всѣ провинціальныя архивы, малороссійскіе представляютъ матеріалы не для политической, а для бытовой исторіи края. Акты о политической жизни Малороссіи со времени присоединенія ея къ Россіи находятся въ Московскомъ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ здѣшнихъ архивахъ, казенныхъ, монастырскихъ и частныхъ, можно найти только документы, объясняющіе внутренній бытъ страны. Такимъ именно характеромъ отличаются и тѣ матеріалы, которые, въ настоящее время, находятся въ нашемъ распоряженіи: по нимъ можно возсоздать только внутренній бытъ малороссійскаго края. Важнѣйшіе изъ этихъ документовъ касаются одного изъ самыхъ замѣчательныхъ событій Екатерининской эпохи, такъ называемой „комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія“, созданной Екатериною въ 1767 году въ Москвѣ. Хотя г. Соловьевъ пользовался въ Московскомъ архивѣ многочисленными документами, относящимися къ этому событію, но матеріалъ, служившій ему, далеко не можетъ быть названъ исчерпаннымъ. Наказы малороссійскихъ депутатовъ были сданы въ тамошній архивъ сполна, и потому московская коллекція „наказовъ“ много полнѣе нашей, собранной съ большимъ трудомъ, усиліями частныхъ лицъ; но въ нашихъ рукахъ есть документы, которыхъ нѣтъ и не можетъ быть въ Московскомъ архивѣ. Въ нашихъ рукахъ находится почти вся документальная исторія *составленія наказовъ*, во многомъ уясняющая значеніе этихъ важныхъ актовъ. Если историкъ намѣренъ изъ изученія наказовъ, данныхъ малороссійскими сословіями своимъ депутатамъ, опредѣлить нужды, желанія и стремленія малороссійскаго края, для этого ему необходимо предварительно подвергнуть эти указы строгой исторической критикѣ, и опредѣлить среди какихъ условій, въ борьбѣ съ какими вліяніями они составлялись. Это такъ ясно что не нуждается въ доказательствахъ.

Для перваго опыта, ограничимся бытомъ малороссійскаго шляхетства, оставляя бытъ горожанъ и казаковъ до другаго раза. Разсмотримъ прежде всего, какимъ образомъ, среди какихъ условій, въ борьбѣ съ какими вліяніями, составлялись указы малороссійскихъ шляхетскихъ депутатовъ.

Первые мѣсяцы 1767 года ознаменовались для малороссійскаго края важнымъ событіемъ: изъ малороссійской коллегіи разсланы были во всѣ полковыя канцеляріи манифестъ

императрицы Екатерины, отъ 14-го декабря предшествовавшего года, извѣщавшій о скоромъ созваніи такъ-называемой „комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія“ и приглашавшій всѣ сословія, за исключеніемъ людей владѣльческихъ и крестьянъ, всѣ народности, обитающія въ предѣлахъ Имперіи, выбрать и отправить своихъ депутатовъ на это, первое въ новой Россіи, собраніе выборныхъ. Малороссійская коллегія, разсылая манифестъ императрицы по всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, присоединяла отъ себя распоряженіе: „во всѣхъ сотвахъ, селахъ, хуторахъ и деревняхъ, даже до послѣдняго жительствова, тѣ манифесты обнародовать“. * Вслѣдъ за этою радостною вѣстью разнеслись по всему малороссійскому краю циркулярные листы графа Румянцева, подписанные имъ 26 февраля въ Глуховѣ. „Листы“ эти, обращенные ко всѣмъ „благороднымъ господамъ, шляхетству и рыцарству, въ повѣтахъ (то-есть уѣздахъ) такихъ-то и такихъ-то полковъ вотчины и помѣстья имѣющимъ, гражданству и земству“, заключали въ себѣ поясненіе высочайшаго манифеста и наставленіе, какимъ образомъ надлежитъ выполнить волю императрицы. Между прочимъ, здѣсь назначались сроки выборовъ предводителей, городскихъ головъ и депутатовъ. „Примите вы всѣ, писалъ Румянецъ, съ радостью сей подаваемый вамъ случай къ достиженію общенароднаго благоденствія, пользуйтесь имъ прямо и сдѣлайте изъ него употребленіе таково, какое бы вамъ въ потомствѣ вашемъ честь и похвалу дѣлало. Обращайте всѣ ваши призыванія на общенародное добро, въ которомъ одинакое наше токмо прямо и заключаться можетъ, отдавайте все то что только блеститъ намъ нашею собственною маловременною корыстію, пройдите со вниманіемъ теченіе мнувшихъ временъ, разыщите рачительно всѣ причины, вредившія общему нашему благоденствію и силѣ законовъ, приведшія суды въ медленность и судей въ разнovidныя разсужденія, а нѣкоторыхъ и на злоупотребленія, препятствовавшія вашимъ домостроительствомъ и въ вотчинномъ хозяйствѣ, уничтожившія весь порядокъ гражданскаго упражненія въ торгѣ и промыслѣ, наведшія отвращеніе поселянамъ не токмо къ земледѣльству и скотоводству, какъ главнымъ земли здѣшней промысламъ, но нудившія или поводъ подавшія удалиться жилицъ, своихъ имуществъ. Помышляйте всегда, что

* Наказъ шляхетства гадячскаго, миргородскаго и полтавскаго.

во основаніе всѣхъ государственныхъ законовъ принято быть должно, по страху Божию, честь и слава государская, и достоюжное наше къ нимъ подданство, и благосостояніе государственное во всѣхъ обширныхъ оного частяхъ; а за первое законное правило доставлять всѣмъ и всякому въ тишинѣ и покоѣ пользоваться плодами трудовъ и упражненія его, въ чемъ прямая вольность въ добродѣтельномъ разумѣ и заключается.“ * Въ томъ же духѣ написана и подробная инструкция, сообщенная графомъ Румянцевымъ малороссійской коллегіи ** и заключающая въ себѣ обстоятельное указаніе недостатковъ провинціальной малороссійской администраціи, объ исправленіи которыхъ надлежало ходатайствовать передъ императрицей.

Манифестъ императрицы, вмѣстѣ съ циркулярными листами генераль-губернатора, были встрѣчены всѣми сословіями съ неподдѣльною радостью. Наказы и прошенія малороссійскихъ депутатовъ наполнены выраженіями глубокой и искренней признательности къ мудрой государынѣ, пожелавшей услышать голосъ самого народа о его нуждахъ и недостаткахъ. Особенно пышно и цвѣтисто выражало свою радость шляхетство прилуцкое, въ прошеніи котораго мы находимъ слѣдующія торжественныя слова: „Отъ великаго свѣта вашего императорскаго величества свѣтлѣе солнечнаго сіянія происшедшая столь безприкладнаго, столь неслыханнаго высокомонаршаго милосердія и щедротъ зря какъ только, при самомъ прочтеніи высокоупомянутаго манифеста, коснулась сердце насъ, вѣрноподянныхъ вашего императорскаго величества рабовъ, такъ въ то же самое мгновеніе всякъ чинъ и возрастъ, въ несказанное обрадованіе наичувствительнѣйшимъ образомъ пришедъ, съ восхищеніемъ духа удивились, какое высочайшее наиполезнѣйшее предпріятіе, какой при ономъ несравненный трудъ, какое наоблагодотробнѣйшее попеченіе и высокоmaterнее свисхожденіе, даже до того, что отъ всякаго вѣрнаго своего раба нужды и недостатки чрезъ всеподданнѣйшіе депутатовъ

* Циркулярный листъ графа Румянцева, отъ 26-го февраля 1767 года.

** „Не въ предложеніе точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ вамъ сіе мое мнѣніе подаю“—писалъ Румянецъ въ томъ же циркулярномъ листѣ объ той инструкціи.

доклады видѣть и слышать всемилостивѣйше дозволили. А все сіе на порфиросныя вашего императорскаго величества высококомаршія рамена, со упованіемъ на единооблегчающее бремена помазанниковъ своихъ въ управленіи государственномъ Всевышняго пособствованіе воспріять соизволили.“ *

Съ первыхъ чиселъ слѣдующаго мѣсяца началось въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ шумное движеніе. Срокъ выборовъ приходился всюду около 15-го марта. Около этого дня все малороссійское шляхетство должно было съѣхаться въ города, выслушать еще разъ высочайшій манифестъ, выбрать предводителей и депутатовъ, снабдить послѣднихъ полномочіями, назначить комиссіи изъ пяти членовъ для составленія наказовъ и прошеній на имя императрицы и, наконецъ, скрѣпить тѣ и другія своими подписями. Дворянство спѣшило въ города воспользоваться дарованнымъ ему правомъ. Выборы, открытые съ обычною офиціальною торжественностью, продолжались шумно и весело, хотя и не вездѣ обходились безъ вражды и несогласій. Въ иныхъ мѣстахъ они были замедлены спорами и перебранками шляхетства, о которыхъ ниже скажемъ подробнѣе; въ иныхъ замедленіе происходило оттого, что многіе дворяне или вовсе не явились на выборы, или разѣхались раньше чѣмъ были приготовлены указы. Какъ видно, не всѣ обитатели малороссійскаго края одинаково интересовались „общенароднымъ добромъ“, на которое указывалъ имъ Румянцевъ: многіе сочли за лучшее остаться дома, или поѣхать вовсе не туда, куда призывали ихъ циркуляры генераль-губернатора. Одни отговаривались болѣзнью, другіе слабостью здоровья, третьи недосугомъ; хорунжій Бѣлоусъ отправился куда-то „для промысловъ на ярмарку,“ бунчуковый товарищъ Горленко поѣхалъ „для исправленія законныхъ нуждъ“ въ Глуховъ, обозный Бакавъ выѣхалъ на время выборовъ въ Лубенскій полкъ, также „для исправленія законныхъ нуждъ.“ ** Одни, подписавъ наказъ, оставались имъ недовольны, другіе спорили и ссорились прежде чѣмъ подписать наказъ. Предводитель стародубскаго шляхетства Искрицкій

* Репортъ Румянцеву отъ полковой прилуцкой канцеляріи.

** Репортъ Румянцеву отъ полковой прилуцкой канцеляріи.

выражаетъ сожалѣнiе, что наказъ черниговскiй дошелъ до стародубскаго собранiя уже послѣ того, какъ оно подписало свой собственный. „Нынѣшними днями, доносилъ Искрицкiй графу Румянцеву, случайно дошло здѣсь увидѣть тѣ пункта, кои въ наказахъ и общихъ нуждахъ отъ шляхетства черниговскаго повѣта положены. Весьма жалко, что оныя дошли сюда не прежде, но уже послѣ сочиненiя здѣшняго наказа; ибо въ тѣхъ пунктахъ написаны разныя такiя важныя нужды, кои и здѣшнему шляхетству суть общiя, но о коихъ въ здѣшнемъ наказѣ ничего не упомянуто; прочiя жъ матерiи выведены съ достаточнѣйшими и вѣрнѣйшими нежели здѣсь выправками, такъ что иныя, будучи и одинакiя, но между собой кой въ чемъ не сходствуютъ. Почему разныя здѣсь теперь находящiеся чины согласны со мною противъ того, и здѣшний наказъ въ иномъ дополнить, а въ другомъ привести сходство, почти за необходимо разсуждаютъ, къ чему надежно и прочiе могутъ согласиться“. * Любопытенъ другой рапортъ того же Искрицкаго о томъ, какъ составлялся наказъ въ стародубскомъ собранiи. „Съ самаго вступленiя моего въ сiю отъ общества извѣренную на меня должность, рапортуеть Искрицкiй, все старанiе мое прилагааъ я о сочиненiи отъ здѣшняго повѣта такого наказа, кой, удаленъ будучи отъ всѣхъ закоренѣлыхъ предразсужденiй, соответствовалъ бы прямой и существенной каждому пользѣ. Но все мое о томъ попеченiе ни къ чему больше не послужило, какъ только къ самымъ обиднымъ порицанiямъ на меня отъ нѣкоторыхъ; и сколь ревностнѣе защищалъ я мои мнѣнiя, столь больше несогласiе и упорство дѣйствовали, такъ что я, оставаясь при немногомъ числѣ шляхетства, однихъ со мною сентиментовъ, принужденнымъ себя напослѣдокъ увидѣлъ, во убѣженiе нареканiй, уступить, и на первомъ наказѣ съ усилiемъ моимъ подписаться. Всѣ сiи разногласiя въ одинаковомъ видѣ продолжались даже до полученiя отъ вашего сiятельства на мой репортъ милостивой резолюцiи. Но и послѣ оной неуповательно, чтобы возможно было сыскать добрый порядокъ, еслибъ его сiятельство князь Юрiй Васильевичъ, г-нъ полковникъ **, по прошенiю моему не подкрѣпилъ меня, при чтенiи изготовленнаго вновь наказа,

* Рапортъ Искрицкаго отъ 6-го апрѣля.

** Хованскiй.

своимъ присутствіемъ. Сіе наконецъ средство не мало способствовало къ тому, что нѣкоторые несогласные, буди не на всё, то хотя на нужнѣйшіе пункта склонились. И такимъ образомъ, исправивъ сколько можно было прежній наказъ и очистивъ оный по меньшей мѣрѣ отъ такихъ прошеній, кои по нынѣшнему времени съ пользою общества не согласовали, ускоряю представить оный ко благоусмотрѣнію вашего сіятельства.“ * Достоинно сожалѣнія, что эти варианты стародубскаго шляхетскаго наказа не дошли до насъ.

При составленіи наказовъ отъ городскихъ обывателей, гдѣ надлежало согласить интересы нѣсколькихъ сословій, вражда и несогласія сказывались еще громче. Такъ, напримѣръ, князь Юрій Хованскій, о которомъ упоминается въ рапортѣ Искрицкаго и который предсѣдательствовалъ въ стародубскихъ городскихъ выборахъ, въ рапортѣ своемъ отъ 6-го апрѣля, доносилъ графу Румянцеву: „Что жь принадлежитъ до наказу шляхетскаго, и гражданскаго тако же, нижайше прошу вашего сіятельства милостиваго государя, простить мою промедленность присылкою оныхъ. Я только тѣмъ себя оправдать могу, что великое затрудненіе имѣлъ оные получить; а притомъ и наказы только что въ сихъ дняхъ кончены за разными несогласіями между шляхетства, тако же и между гражданъ, и длилось оное сочиненіе до 29 марта“. ** Тѣ же несогласія между различными сословіями городскихъ обывателей обнаружались и въ Полтавской губерніи, какъ объ этомъ можно заключать изъ слѣдующихъ словъ въ рапортѣ генеральнаго обознаго Кочубея: „Притомъ же предусмотрѣно мною, что интересы мѣщанъ совсѣмъ противны интересамъ воинскаго званія людей; и потому уповательно, трудно согласиться имъ будетъ сдѣлать одинакіе депутату наказы.“ ***

Подобныя несогласія не всегда оканчивались примиреніемъ; иногда результатомъ ихъ были протесты и мнѣнія, подаваемые отдѣльными лицами. Мы имѣемъ въ рукахъ два такіе документа, весьма характеристическіе. Приводимъ ихъ вполнѣ. Впервыхъ, „сообщеніе“ капитана Терлецакаго, адресованное шляхетству полка Прилуцкаго:

„Что высочайшій ея императорскаго величества манифестъ, о учиненіи онаго новаго проекта положенія соизво-

* Рапортъ Искрицкаго, безъ означенія числа.

** Рапортъ Хованскаго, отъ 6-го апрѣля.

*** Рапортъ генеральнаго обознаго Кочубея, отъ ... марта.

являть объявленный, кто какой-либо голосъ преподасть о полезныхъ и къ Малороссіи потребностяхъ, то о томъ, какое отъ ея императорскаго величества высочайшее на пользу той Малороссіи благоволеніе будетъ, того я всеподданнѣйше и просить долженъ; а много чего, какъ въ челобитной, составленной полку Прилуцкаго господъ шляхты, во многихъ терминахъ показано, оваго просить и подписаться на ней не въ состояніи. Капитанъ Василій Терлеуцкій. 1767 году апрѣля 16 дня.“

Второй документъ, адресованный къ тому же прилуцкому шляхетству, очень сходенъ съ предыдущимъ:

„Какъ изъ опубликованнаго высочайшаго ея императорскаго величества, декабря 14 числа 1766 года состоявшагося, манифеста ясно видно, сколь великіе и безпримѣрные труды и попеченіе ея императорское величество о учиненіи вѣрно-подданныхъ своихъ прямо счастливыми прилагать изволить; почему я на всѣ тѣ пункты, кои шляхетство отправляющемуся депутату въ наказѣ написало, согласиться и оныя подписать не могу, а всеподданнически предаюся всему тому что милосердіе ея императорскаго величества опредѣлитъ изволить. Числа 18-го апрѣля 1767 года.“ На этомъ мѣстѣ подписались: отставной Грузинскаго гусарскаго полка секундъ-майоръ, князь Мирвельтумановъ, и отставной Новосербскихъ гусарскихъ эскадроновъ капитанъ Иванъ Бедауровъ.

Наконецъ, успѣвшему ходу выборовъ и составленію наказовъ препятствовали еще и другія обстоятельства. Между Малороссіянами нашлись люди, которые осуждали мѣру императрицы не во имя какихъ-либо политическихъ соображеній, а во имя отцовской старины, и которые, потому, видѣли въ высочайшемъ манифестѣ вредное и пустое нововведеніе. Такой случай былъ въ городѣ Погарѣ, Черниговской губерніи, гдѣ войтъ Панасъ (то-есть Аванасій), открыто воспротивился исполненію высочайшаго манифеста. Дѣло это такъ любопытно, что мы не можемъ не завести его въ нашу статью.

Погарскій городской голова, Денисъ Приваловъ, въ рапортѣ своемъ графу Румянцеву отъ 7-го іюня 1767 года, между прочимъ, доносилъ слѣдующее: „Я же по вступленіи моемъ въ должность, для устройства распорядка по обряду написанному, первіе велѣлъ обратиться всѣмъ въ назначенное мѣсто городскимъ жителямъ, тѣмъ, кои по списку состоятъ; то изъ

воинскаго званія, и многіе развочинцы въ означенное мною мѣсто и въ церковь къ молебствію и присягѣ о выборѣ депутата, и выбирать того тогда не пошли, и полномочія не подписали, и ничего принадлежащаго къ тому по обряду не исполня, сдѣлались во всемъ противны, какъ бы сами сильны сдѣлать отъ себя напротивъ того что другое, послушать поупрямились. Когда жъ и къ слушанію челобитной и наказа призывано, то войтъ погарскій, равно зъ вышенаписаннымъ шляхетствомъ, держа едино согласіе между собою для обиды моей,—выслалъ меня зъ магистрата, не дая мнѣ по должности моей въ магистратѣ ни малѣйшаго производства повестъ, отколь я зъ пятью членами, сочиняемыми наказъ, отошелъ; а въ другое, когда пошелъ при собраніи всего города мѣщанъ для прочету наказа, то онъ, войтъ Панасъ, не точію самъ не хотя слушать наказу, но чтобъ и всѣ мѣщане разошлись, замкнулъ магистратъ, и въ оный меня и всего гражданства не пустилъ, и тѣмъ оказалъ явную, высокому въ обрядѣ ея императорскаго величества повелѣнію, противность, а мнѣ нижайшему съ прочими крайнее вторично безчестіе. Зъ чего привужденъ я бурмистра послать къ нему войту впроситься въ контору, и оный вошедши отворилъ мнѣ магистратскую контору, зо всѣми собранными, куда вошелъ я и протестовалъ о недопущеніи меня имъ войтомъ двома разы въ магистратъ. Когда жъ слышалъ онъ, войтъ, что и воинскимъ разнаго званія людемъ послано отъ меня оповѣстить, чтобы къ слушанію наказа прибыли въ магистратъ, то онъ, Панасъ, не ожидая времени слушать наказъ, пошелъ зъ магистрата. Наказы жъ читано налицымымъ хозяямъ два раза въ два дни, а какъ на третій день собрались еще единожды выслушать всего города жители, то онъ, войтъ Панасъ, по звиклости (то-есть по навыку) своей во многихъ указныхъ дѣлахъ, дѣлая свои толки (кои ваше высокографское сіятельство, изъ сообщеннаго при семъ въ копіи, писаннаго имъ къ г-ну Косачу письма—уговаривая, новины не слушать и къ оной не склоняться, и не смотрѣть ни на какіе сторонніе страхи, сказуя, что новинѣ передъ стариною во многомъ стыдно и показаться, новина де того что въ старины сдѣлаво не точію поправить, но и сдержать не можетъ, и о прочемъ; зъ чего видно, что онъ, Панасъ, противъ нынѣ вновь состоявшаго высочайшаго манифеста о въ бо-

рахъ депутатовъ и о дачѣ наказовъ для проекта новаго уложенія противорѣчить, свои толки, не полезные отечеству престола всероссійскаго, поставая полезнѣйшими народу,— усмотрѣть благоизволите) и наустилъ вышедшаго зъ подъ мѣщанства, прежде бывшаго войта магистратоваго погарскаго, Климентія Песоцкаго, сына его Ивана Песоцкаго, кой нынѣ писаремъ земскимъ, да войсковаго товарища Григорія Соболевскаго, умершаго священника погарскаго Сороки сына Григорія Сороку, бывшаго мѣщанина Матвѣя Джури сыновъ и прочихъ чиновниковъ, бывшихъ прежде мѣщанами, и казаквъ-урядниковъ и мѣщанъ, учинить замѣшательство къ престѣченію наказовъ сочиненныхъ, и оконченныхъ къ врученію депутату, въ тѣ порѣ принадлежащему, кои учинили великія зъ его подъуотительства мнѣ ругательства, и не почитая стоящаго на столѣ указнаго зеркала, произвели споры и противорѣчіе о пяточисленныхъ (то-есть о пяти выбранныхъ для сочиненія наказа), хотя (то-есть желая) сами выбраны къ сочиненію наказа, не бывши при выборахъ депутата наличными, быть всѣ тѣ, кои мѣщанамъ всекрайшія обиды, разоренія, утѣсненія отнятіемъ торговъ, шиковыхъ корыстей, ремеслъ разныхъ и чрезъ завладѣніе почти до послѣдняго дворами, огородами, пахатными землями мѣщанскими, покосами, и всякаго угодія отнятіемъ, и противно-законными куплями (чинили), для прикрытія въ наказахъ нашихъ въ томъ нуждъ и утѣсненій сочинителями, баллотированіемъ выбрать въ другое сочинителей довели, отчего и выбраны баллотированіемъ, но не они, но тѣ же мѣщане, кои прежде были выбраны, да писарь сотенный абшитованный Іосифъ Турокъ. Когда жъ о сочиненіи наказа дано знать для слушанія и подписовъ всѣмъ гражданамъ, коимъ по обряду должно быть, то зъ военныхъ и войтъ погарскій уже, кромѣ двухъ, Григорія Соболевскаго да возиго повѣтоваго Белея, ни одинъ не пришелъ въ магистратъ слушать и на оныхъ наказахъ подписаться, а объявилъ, что мы де послали куда надлежитъ прошеніе, прося чтобы голову было велѣно намъ выбрать, а меня отставить; и до полученія резолюціи не слушаемъ; то я, по отказѣ оныхъ подписавъ написанную къ поднесенію ея императорскому величеству челобитную и наказъ допустилъ всѣхъ на тѣхъ подписаться, и каковы наказы о нуждахъ, недостаткахъ и утѣсненіяхъ гражданскихъ сочинены и депу-

тату вручены, оныхъ копію при семъ вѣдному высокографскому оіятельству подѣ высокое усмотрѣніе сообщаемъ“.*

Такимъ образомъ, изъ этихъ отрывочныхъ данныхъ мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о томъ, какимъ образомъ производилось въ малороссійскомъ краѣ составленіе „наказовъ“. Мы видимъ, что малороссійскія сословія въ явленіи своихъ желаній встрѣчали нѣкоторыя препятствія, частію открытыя, исходившія отъ самого малороссійскаго народа, частію же болѣе или менѣе замаскированныя, источникъ которыхъ заключался во вліяніи бюрократіи какъ центральной такъ и туземной. Изъ рапортовъ Искрицкаго и Хованскаго, въ особенности же изъ дѣла о войтѣ Панащѣ, можно заключать, что подачѣ мѣтній, долженствовавшихъ войдти въ наказы, были положены нѣкоторыя предѣлы; остается рѣшить, совершалось ли это противодѣйствіе въ интересъ прогресса, или наоборотъ? Невозможно сомнѣваться въ искренности либеральныхъ наклоненій, одушевлявшихъ императрицу Екатерину въ первую половину ея царствованія; цѣлый рядъ мудрыхъ государственныхъ мѣръ, предпринятыхъ ею вскорѣ по вступленіи на престолъ, служить тому несомнѣннымъ доказательствомъ. Свидѣтельства современниковъ, собственныя произведенія и письма императрицы, сношенія ея съ людьми, стоявшими во главѣ умственнаго движенія на Западѣ, наконецъ, общій духъ и характеръ первой половины ея царствованія,—все это несомнѣнно убѣждаетъ въ томъ, что Екатерина вполнѣ сочувствовала прогрессивному развитію русскаго народа. Самое созваніе „коммисіи для сочиненія проекта новаго уложенія“, будучи со стороны императрицы Екатерины дѣломъ ея вполнѣ свободной воли, ясно показываетъ, что желаніе благоразумныхъ реформъ, сознаніе необходимости преобразованій въ цѣломъ государственномъ порядкѣ, руководили ея внутреннею политикой. При такихъ соображеніяхъ невозможно допустить, чтобы графъ Румянцевъ, которому, конечно, хорошо были извѣстны наклоненія императрицы, и вліяніе котораго преимущественно обнаруживалось при составленіи наказовъ, сталъ противодѣйствовать свободному выраженію тѣхъ желаній и стремленій малороссійскаго народа, которыя клонялись къ его несомнѣнному благу. Лучшимъ доказательствомъ тому служить имѣющаяся у насъ

* Докладъ Делуса Приказова, отъ 7-го іюня.

„записка“ графа Румянцева, адресованная имъ въ малороссійскую коллегію и заключающая въ себя указаніе тѣхъ неустойчивыхъ, замѣченныхъ имъ въ управленіи малороссійскими крѣпостями, объ отправленіи которыхъ, по его мнѣнію, преимущественно надлежало ходатайствовать предъ императрицей. * „Записка“ эта проникнута идеей сильнаго, сплоченнаго въ одну массу, государства, просвѣщеннаго, богатаго, до извѣстной степени свободнаго, съ правильною и однообразною администраціей. Такая система, очевидно, должна была неблагосклонно относиться къ проявленію провинціальныя притязаній. Самая мысль Екатерины созвать законодательную комиссію изъ представителей Имперіи, во всемъ ея географическомъ и этнографическомъ объемѣ, обнаруживаетъ ея взглядъ на значеніе государственнаго единства. Согласеніе интересовъ государственныхъ съ интересами провинціальными, вотъ, безъ сомнѣнія, тотъ пунктъ, въ которомъ всего скорѣе могло произойти разногласіе между мнѣніями императрицы и стремленіями малороссійскаго шляхетства. Но мы не имѣемъ никакого права заподозрить, чтобы подобное разногласіе проявилось на самомъ дѣлѣ. Ничто не даетъ намъ права заключать, чтобы трудности, съ которыми приходилось бороться Искрицкому и Хованскому при составленіи „наказовъ“, происходили вслѣдствіе стремленія шляхетства къ провинціальной самобытности. Мы увидимъ, напротивъ, изъ самыхъ наказовъ, что малороссійское шляхетство свободно напоминаетъ въ нихъ императрицѣ о добровольномъ подданствѣ Малой Россіи подъ державу русскихъ государей, свободно проситъ о сохраненіи своихъ старинныхъ правъ и привилегій; но мы увидимъ также, что подъ этими правами и привилегіями оно разумѣетъ по большей части разныя административныя и финансовыя льготы, не имѣющія никакого политическаго характера. То же должно сказать и о неудачной оппозиціи, оказанной погарскимъ войтомъ Панасомъ: это была, очевидно, безтолковая выходка со стороны нѣсколькихъ лицъ съ закоренѣлою ненавистью къ новизнѣ, безъ всякихъ сознательныхъ и опредѣляемыхъ тенденцій, руководимыхъ притомъ личными интересами.

„Мы чувствуемъ, всемилоствѣйшая государыня, что состояніе правительствъ и обрядовъ земскихъ въ отечествѣ

* Эта любопытная „Записка“ гр. Румянцева будетъ нами издана въ продолжительномъ времени.

нашемъ мало соотвѣтствуютъ доброму порядку, и что нынѣшнѣя наши обстоятельства требуютъ во всемъ поправленія“— говорило черниговское дворянство въ прошеніи на имя императрицы. „....Правительство и обряды земли здѣшней, изъ разныхъ смѣшанныхъ видовъ составленные, съ великимъ противу правъ нынѣшняго дѣла состоянія несходствомъ, худо соотвѣтствуютъ благоучрежденію, отъ котораго все счастье народа зависитъ“, повторяло оно въ своемъ наказѣ, который, между всѣми имѣющимися у насъ, по преимуществу отличается толковитостью, здравомысліемъ и шириною взглядовъ. Какихъ же преобразованій желало и ожидало малороссійское шляхетство?

Всѣ почти шляхетскіе указы начинаются обращеніемъ ко временамъ присоединенія Малой Россіи къ державѣ русскихъ государей и просятъ подтвержденія старинныхъ правъ и привилегій, удержанныхъ малороссійскимъ краемъ по Переяславскому договору. „Когда Малая Россія, говорится въ наказѣ шляхетства переяславскаго, съ-подъ области польской присоединилась къ Россійской имперіи (sic), въ тѣ поры высочайшими императорскими (sic) грамотами и статьями, съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ постановленными, на вѣчныя времена утверждено: чтобы права и вольности малороссійскія при насъ пребыли безъ всякаго нарушенія, и то самое подтверждено послѣ того всѣхъ святоусопшей памяти славныхъ Россійскихъ монарховъ высочайшими грамотами.... то просить и нынѣ на тѣхъ наши права и вольности шляхетскія, при нынѣшнемъ сочиненіи проекта новаго уложенія, матернаго призрачія.“ О томъ же просить въ своемъ наказѣ и шляхетство подковъ Гадячскаго, Миргородскаго и Полтавскаго: „Всенижайше просимъ, дабы въ будущемъ новомъ уложеніи упомянутъ былъ и край малороссійскій, чтобы оный, въ случаѣ касающихся дѣлъ, трактовалъ былъ по своимъ правамъ, прежнимъ обычаямъ, по подтвержденнымъ пунктамъ.“ Еще опредѣленіе наказываетъ о томъ своему депутату дворянство черниговское: „Повѣряемъ вамъ доставить ея императорскому величеству всеподданнѣйшую нашу просьбу, чтобы мы яко равные къ равнымъ, яко свободные къ свободнымъ, яко бывшій издревле истинный, главнѣйшій членъ Россійскаго народа, къ первому его тѣлу, въ сообщество единого закона, присовокуплены были, оставляя намъ навѣки всѣ отлучныя выгоды и вольности, которыми по прежнимъ правамъ и

привилегіи мы до сего ненарушимо пользовались, изобразивъ оныя, для вѣчнаго храненія и исполненія, въ новосочиненныхъ законахъ, на мѣстахъ приличныхъ.“ * Наказъ черниговскій отличается отъ другихъ еще тѣмъ, что онъ съ большею подробностью говоритъ объ исключительныхъ правахъ шляхетскихъ. Онъ проситъ утвердить за шляхетствомъ „свободу въ покупкѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, въ выходѣ въ иностранныя земли для службы, наукъ и житья тамо, въ принятіи и оставленіи военной и статской службы, и во всѣхъ тѣхъ выгодахъ и преимуществахъ, которыми въ прочихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство пользуется.“ ** Замѣчательно, что черниговское дворянство вполнѣ сознательно выводило всѣ свои права и привилегіи изъ добровольнаго присоединенія малороссійскаго народа къ Россіи, какъ это видно изъ слѣдующихъ, достойныхъ замѣчанія, словъ въ прошеніи его на имя императрицы: „Между народами.... малороссійскій въ разсужденіи единого рода и вѣры съ русскійскимъ, а паче добровольнаго возвращенія въ союзъ съ прежнимъ его тѣломъ, при всѣхъ святопочившихъ предкахъ вашего императорскаго величества пользовался отиѣнными монаршими щедротами“, и пр.

Предметомъ самаго заботливаго попеченія малороссійскаго шляхетства было вообще, какъ видно изъ наказовъ, уравниеніе правъ его съ дворянствомъ русскимъ. Эта просьба самымъ настойчивымъ образомъ повторяется во всѣхъ почти наказахъ. Шляхетство жалуется, что докладъ графа Разумовскаго объ уравниеніи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими, представленный на разсмотрѣніе императрицы, былъ оставленъ безъ вниманія. „Мы же нижайшіе, прибавляетъ малороссійское шляхетство, будучи всегда презираемы, и уполѣждаемы во всякихъ случающихся нарядахъ и комиссіяхъ, отъ великороссійскихъ чиновъ узнаемъ обиду. Сего ради, всенижайше вашего императорскаго величества просимъ: всѣ малороссійскіе воинскіе и статскіе чины, по здѣшнимъ обыкновениямъ выбираемые и опредѣляемые, уравнить классами противъ великороссійскихъ

* Наказъ шляхетства черниговскаго, пунктъ 1-й.

** Тамъ же, пунктъ 2-й.

воинскихъ же и статскихъ чиновъ; чтобы малороссійскіе чиновники, служа вашему величеству вмѣстѣ съ великороссійскими, могли пользоваться и онымъ съ ними уравненіемъ, и презираемы быть не могли.“ * „И какъ оное малороссійское шляхетство (прибавляетъ тотъ же наказъ), по своимъ привилегіямъ будучи въ соединеніи съ Польшей, считалось съ польскимъ короннымъ шляхетствомъ во всемъ наравнѣ въ чести и преимуществахъ, и съ тѣми же всеми преимуществами приняты подѣ всероссійскую вашего императорскаго величества державу, то всенижайше ваше императорское величество просимъ указать малороссійское шляхетство допустить въ шляхетскій кадетскій корпусъ и во всѣ для дворянства въ Россіи учрежденныя науки и достоинства.“ ** Не менѣе всеобщимъ и усерднымъ желаніемъ шляхетства было учрежденіе родословныхъ книгъ для Малороссіи: эту мѣру оно выставило даже какъ необходимѣйшую для блага края. Шляхетство указываетъ на растрату дворянскихъ дипломовъ во время продолжительныхъ войнъ въ Малороссіи и на неправильное присвоеніе шляхетскаго достоинства многими малороссійскими родами. Обращая вниманіе императрицы на малое число семействъ, дворянское достоинство которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, шляхетство съ грустью прибавляетъ: „Но, сходящими вѣки (то есть съ теченіемъ времени), и сему, нынѣ извѣстному, шляхетству, посаждаетъ забвеніе, за неимѣніемъ въ Малой Россіи шляхетства герольдіи или порядочныхъ книгъ.“ *** Для предотвращенія этой опасности, дворяне малороссійскіе просятъ присоединить ихъ къ великороссійскому дворянству и „записать въ герольдію на вѣки дворянами.“ Порѣшили они также „о высочайшемъ ея императорскаго величества повелѣніи содержать насъ, состоящихъ въ разныхъ малороссійскихъ статскихъ и военныхъ чинахъ, въ чести дворянской, всеподданнѣйше просить высочайшей на то отъ ея императорскаго величества привилегіи.“ **** Заслуживаетъ замѣчанія, что всѣ эти просьбы малороссійское шляхетство неоднократно объясняетъ своимъ стремленіемъ къ тѣснѣйшему соединенію съ великороссійскимъ дворянствомъ:

* Наказъ шляхетства полтавскаго, гадячскаго и миргородскаго, пунктъ 1-й.

** Тамъ же, пунктъ 2-й.

*** Тамъ же.

**** Наказъ шляхетства прилуцкаго, пунктъ 8-й.

„а особливо, чтобы соединены быть могли съ россійскимъ дворянствомъ, яко равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ“, говорится въ наказѣ перелаславскомъ. Черниговскій наказъ просить подтвержденія шляхетскихъ правъ: „къ укрѣпленію между нами и прочимъ россійскимъ народомъ совершенной взаимной дружбы и единодушія“; подобное же встрѣчается и въ другихъ наказахъ.

Въ статутѣ великаго княжества Литовскаго, который служилъ дѣйствующимъ правомъ для малороссійскаго края и о подтвержденіи котораго усердно просить въ своихъ наказахъ шляхетство, предлагаетъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ произвести нѣкоторыя важныя измѣненія. Самыя замѣчательныя предложенія о такихъ измѣненіяхъ находимъ мы въ наказѣ черниговскомъ. Такъ, напримѣръ, черниговское дворянство указываетъ, что статьи статута о верховной власти несообразны съ началомъ самодержавія, и въ этомъ смыслѣ требуютъ измѣненія. Далѣе оно находитъ, что нѣкоторыя статьи статута „противны естественному праву, на которомъ всякій гражданскій законъ основанъ быть долженствуетъ“, въ особенности тотъ пунктъ статута, въ силу котораго шляхтичъ, убившій простаго человека, отвѣчаетъ только отсѣченіемъ руки и незначительнымъ денежнымъ штрафомъ. „Сей законъ, замѣчаетъ наказъ, можетъ быть терпимъ въ Польшѣ, гдѣ всѣ бѣдные, а особливо достоинства шляхетскаго не прибрѣвшіе, стенають подъ игомъ порабощенія и мучительства.“ Далѣе, наказъ черниговскій находитъ, что денежныя пени за преступленія, установленныя еще во времена польскаго владычества, нынѣ не достигаютъ своей цѣли. Наконецъ, онъ вообще обвиняетъ статутъ въ неполнотѣ, недостаточности, сбивчивости, и заключаетъ, что въ немъ царствуетъ „темнота, трудная къ поватію прямому, и особливо людямъ, въ наукѣ правъ неискуснымъ, подающая поводъ къ пристрастнымъ толкованіямъ и мнѣніямъ, что въ статутѣ нашемъ можно сыскать законъ на законъ“. Всему этому, по замѣчанію черниговскаго дворянства, содѣйствуетъ употребленіе польскаго языка въ дѣлопроизводствѣ, а также обыкновеніе судей обращаться иногда къ иностраннымъ законодательствамъ, „не токмо намъ, но и всему почти краю нашему мало служащимъ.“ *

* Наказъ черниговскій, пунктъ 1-й.

Въ связи съ подтвержденіемъ исконныхъ правъ и вольностей шляхетскихъ, просить малороссійское дворянство подтвердить за нимъ всё нынѣ принадлежащія ему недвижимыя имѣнія, „предковскія, жалованныя и надданныя“, по той причинѣ что оно „единственно отъ своихъ имѣній и службу ея императорскому величеству отправляетъ“. Выводъ съ тѣмъ, дворянство малороссійское просить, чтобы кромѣ тѣхъ, которые „внесены будутъ въ списокъ нашего шляхетства, никому стороннему не позволено было покупать у насъ деревень, мельницъ, земли и всякаго угодья, до тѣхъ поръ пока желающій купить отъ предводителя и всего шляхетства, общимъ опредѣленіемъ, по докладу генералъ-губернатору, въ сообщество наше принять не будетъ; а таковыя принятія на общихъ собраніяхъ нашихъ, мы всё достойнымъ дворянамъ, а особливо природнымъ ея императорскаго величества подданнымъ, раздавать обязаны“. * Въ заключеніе, дворянство малороссійское просить „указать нарочнымъ межевщикамъ и землеѣтрамъ ограничить всё земли и угодья, и для прекращенія споровъ и сѣдующихъ неспокойствъ, сочинить межевыя на пергаментѣ книги; по окончаніи же того, каждому помѣщику утвердить помѣстья его вѣчно и наследственно, въ родѣ обоего пола, высочайшими..... грамотами, за собственно-ручнымъ ея величества подписаніемъ, порознь изображая въ оныхъ всё границы, мѣру земли и всякія угодья“. ** Что касается до земель казачьихъ и до права свободной покупки ихъ шляхетствомъ, то этотъ вопросъ издавна былъ предметомъ споровъ между русскимъ правительствомъ и малороссійскими дворянами. По статуту Литовскаго княжества, подтвержденному для Малороссіи, такая покупка казачьихъ земель признавалась вполнѣ свободною; но для Россіи она была въ высшей степени невыгодна, потому что правительство имѣло право требовать безвозмездной службы только отъ тѣхъ, которые владѣли какимъ-нибудь земельнымъ участкомъ. Въ 1739 году императрица Анна Иоанновна, подъ предлогомъ тяжелаго для Имперіи военнаго времени, рѣшилась отмѣнить пунктъ статута, на которомъ малороссійское шляхетство основывало свое право пріобрѣтать казачьи земли.

* Наказъ шляхетства черниговскаго, пунктъ 7-й.

** Тамъ же, пунктъ 10-й.

Императрица Елизавета Петровна, назначая гетманомъ графа Разумовскаго, возстановила всѣ исконныя права малороссійскаго края; но для шляхетства малороссійскаго свобода купки казачьихъ грунтовъ все еще находилась подъ сомнѣніемъ. Оно покупало казачьи земли *, но не было увѣрено, что эти пріобрѣтенія были за нихъ вполне обезпечены. Теперь, пользуясь представившимся случаемъ, оно просило, „чтобъ ея императорское величество благоволила, изъ особенной своей матерней къ намъ щедроты, такія покупанныя добра, равно съ имѣніемъ шляхетскимъ, утвердить намъ въ вѣчное и потомственное обоего пола владѣніе.“ ** „А впредь каковъ на то высочайше поставленъ будетъ законъ, прибавяло шляхетство перемышльское, мы оный свято хранить и исполнять должныуемъ.“ *** Для лучшаго же обезпеченія всѣхъ вообще шляхетскихъ интересовъ, ходатайствовало малороссійское дворянство о томъ, чтобъ учрежденіе выборнаго шляхетскаго предводителя, установленное высочайшимъ манифестомъ только на два года, было измѣнено въ постоянное. „И ежели о бытіи всегда предводителя учинено будетъ соизволеніе, прибавляетъ черниговскій наказъ, то чтобы въ случаѣ надобности дворянина для отвѣта передъ государственнымъ правленіемъ (кромя земскихъ судовъ), о высылкѣ онаго требовано было отъ предводителя; равнымъ образомъ и все званію сему приличное исправленіе къ должному исполненію предписано бы было.“ ****

Въ черниговскомъ наказѣ обращаетъ на себя вниманіе также замѣчательная просьба о томъ, чтобы въ шляхетскихъ тяжбыныхъ дѣлахъ дозволено было выбирать судей изъ ореды себя самому шляхетству, и чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ допущено было *словесное судопроизводство*. †

Наконецъ, во всѣхъ почти безъ исключенія наказахъ, встрѣчается требованіе новыхъ средствъ образованія, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о той жаднѣ знанія, какою исполнено было малороссійское шляхетское юношество. Имѣющіеся у насъ указы въ одинаковыхъ почти выраженіяхъ говорятъ о томъ неопѣ-

* Старика въ Малороссіи до сихъ поръ еще сохраняли воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда многіе казаки, желая избавиться отъ военной службы, продавали помѣщикамъ свои земли за кружку водки.

** Наказъ черниговскій, пунктъ 9-й.

*** Наказъ шляхетства перемышльскаго, пунктъ 8-й.

**** Наказъ черниговскій, пунктъ 6-й.

† Тамъ же, пунктъ 5-й.

ненномъ благѣ для всего края, какого ожидаетъ дворянство отъ расширенія средствъ образованія. „Ничто (говорится въ одномъ наказѣ) въ жизни для честнаго шляхетства не можетъ быть столь полезно, а для интересовъ государственныхъ потребно, какъ знаніе наукъ, составляющее въ человѣкѣ цѣлость его собственнаго благоденствія и пользы государственной. Сему основанію послѣдуя, малороссійское шляхетство отдають своихъ дѣтей въ разныя отдаленныя науки, какъ-то: въ университетъ Московскій, въ Санктпетербургъ, а другіе посылають въ чужія далекія государства, и достигая наукъ, лишаются по своимъ недостаткамъ чрезъ великіе убытки имуществъ и приходятъ къ бѣдности. Мы съ многихъ опытовъ несумнѣнно надѣемся, что сія наша ревность къ наукамъ отвѣчаетъ въ угодность высочайшей ея императорскаго величества волѣ и любви къ совершенству разума. На сію степень о возведеніи вѣрноподданныхъ своихъ, ея императорское величество, яко премудрая мать, имѣя неусыпное попеченіе, всемилостивѣйше соизволила въ разныхъ мѣстахъ своего государства завести училища и учредить университеты, на коштѣ государственнымъ, для пользы юношества въ просвѣщеніи ихъ разума и достиженія разныхъ наукъ; а Малая Россія сего счастья въ полученіи еще не имѣетъ. Того для всеподданнѣйше просить: да благоволитъ ея императорское величество, по примѣру другихъ мѣстъ, въ коихъ учреждены университеты, пожаловать насъ высочайшею милостью въ учрежденіи въ Малой Россіи на коштѣ казенномъ изъ малороссійскихъ таможенныхъ доходовъ университета въ городѣ Переяславѣ, яко сей городъ не послѣдній между малороссійскими первѣйшими городами... или въ томъ мѣстѣ, гдѣ заблагоусмотрѣно будетъ шефомъ нашимъ, его сіятельствомъ графомъ Румянцевымъ. Сіе высочайшее благопризрѣніе имѣетъ служить къ безсмертной славѣ и всеподданнѣйшей благодарности нашей и потомствъ нашихъ ея императорскому величеству, отечеству жъ россійскому къ приращенію истинной пользы и чести. Не меньше того полезно быть имѣть здѣшнему шляхетству, ежели ея императорское величество соблаговолитъ учредить въ Малой Россіи корпусъ шляхетскій, особо и домъ воспитательный для благородныхъ дѣвицъ на коштѣ вышечисанномъ казенномъ.“ * Глуховское дворянство прибавляетъ, что

* Наказъ черниговскій, пунктъ 4-й.

„въ здѣшнемъ народѣ особливѣйшая къ наукамъ склонность и охота видится, но за отдаленностью отъ здѣшняго края университетовъ, и другими препятствующими неудобствами, не имѣютъ къ тому способу, а иные отсылая дѣтей своихъ въ иностранныя земли, приходятъ въ оскудѣнiе.“ * Черниговское дворянство, прося объ учрежденiи въ Малороссiи шляхетскаго кадетскаго корпуса, также присоединяетъ просьбу объ основанiи университета или академiи: „Особо же для ученiя высшимъ наукамъ и распространенiя воспитанiй, которыми ученые люди государственной и собственной каждаго пользы, въ домостроительствѣ и въ прочемъ жизни человѣческой нужномъ служить могутъ, основать въ приличномъ мѣстѣ университетъ или академiю; а какъ и женскiй полъ имѣетъ необходимую нужду въ добромъ воспитанiи, то и для нихъ, гдѣ покажется за благо, завести особливый домъ воспитанiя, къ которому присовокупить ученiе всего имъ надобнаго и полезнаго; въ чемъ полагаемся на премудрое ея величества благоустройство.“ **

Прочiя замѣтки о нуждахъ и недостаткахъ малороссiйскаго края, разсѣяныя въ наказахъ, носятъ чисто административный или экономическiй характеръ. Такъ напримѣръ, шляхетство проситъ чтобы въ Малой Россiи учрежденъ былъ, по примѣру Московскаго, государственный заемный банкъ. „Видя мы, что дворянство руссiйское имѣетъ хорошия выгоды полученiемъ въ займы отъ учрежденiя государственныхъ банковъ на необходимыя свои нужды денегъ, а малороссiйское шляхетство, за неимѣнiемъ онаго, впадаютъ подъ часть такой нужды своей въ партикулярныя долги, подъ обязательство, какое кредиторъ взять захочетъ, и тако лишаются имущества своего и приходятъ въ крайнее раззоренiе: то сколь таково учрежденiе банка есть весьма полезное шляхетству, а для казны государственной не безприбыточное приращенiе процента; тако всеподданнѣйше проситъ ея императорское величество, да будетъ угодно учредить въ Малой Россiи казенный для шляхетства банкъ, отчего бы здѣшнее шляхетство ту пользу могло получать, какову имѣютъ прочiе ея императорскаго величества вѣрноподданные.“ ***

* Наказъ шляхетства глуховскаго, пунктъ 6-й.

** Наказъ шляхетства черниговскаго, пунктъ 4-й.

*** Наказъ шляхетства переяславскаго, пунктъ 10-й.

Шляхетство черниговское проситъ притомъ, чтобы доходъ малороссійскаго банка былъ обращенъ на содержаніе воспитательныхъ заведеній, по примѣру великороссійскаго. *

Въ виду тѣхъ же экономическихъ выгодъ, шляхетство малороссійское усердно проситъ въ своихъ наказахъ, чтобы „винное куреніе въ собственномъ имѣніи, дѣланіе всякихъ напитковъ въ селахъ, хуторахъ, деревняхъ нашихъ, шинкованье всего того и продажа оптомъ, такожъ обращеніе всякаго рода внутреннихъ продуктовъ, свободны были безпошлинно на вѣки.“ ** Не менѣе усердно проситъ оно объ уничтоженіи пошлины на соль, какъ на предметъ самой крайней необходимости, и въ особенноти объ отмѣнѣ рублеваго оклада на содержаніе регулярныхъ войскъ, замѣнившаго прежнюю натуральную повинность. Замѣчательна характеристика бѣдности сельскаго населенія, которую представляетъ по этому поводу наказъ переяславскаго шляхетства. „Здѣшній полкъ, говоритъ въ этомъ наказѣ, имѣетъ свое поселеніе по большей части на такихъ земляхъ, которыя суть высокія, твердышія другихъ, а орудья плугомъ, сопряженнымъ въ осьми волахъ, и такъ на одинъ плугъ собирается хозяевъ по четыре и по шести, а иногда и по осьми; а въ другихъ полкахъ тотъ только хозяинъ плуга (что по тамошнему нарѣчію называется сохою) не имѣетъ, у кого нѣтъ лошади, что весьма и сыскаться рѣдко можетъ; итакъ, тамошній каждый хозяинъ въ своемъ хлѣбопашествѣ имѣетъ тотъ самый успѣхъ, что здѣсь восемь человѣкъ, сопрягаясь на одинъ плугъ, каждый по волю, да они же имѣютъ и другіе продукты. Почему самая справедливость доказуетъ, сколь весьма много не сравняется здѣшнее хлѣбопашество противъ тамошняго, и здѣшніе обыватели суть весьма бѣдные предъ тамошними; скотъ хотя плодится, но часто отънимается бываемымъ въ краткихъ временахъ падежомъ; хлѣбъ, когда родится, идетъ весьма дешевою въ продажѣ цѣною, и такъ что хозяинъ, продавши весь сколько припасеть въ годъ, не можетъ себя съ своею семьей прокормить, ибо здѣсь портовъ никакихъ нѣтъ, и далекость мѣстъ не даетъ способу къ перевозкѣ оного въ тѣ мѣста, гдѣ превосходною цѣною продается, словомъ сказать, крайняя состоитъ нужда и трудность въ

* Наказъ шляхетства черниговскаго, пунктъ 16-й.

** Наказъ шляхетства переяславскаго, пунктъ 9-й.

приобрѣтеніи денегъ“ *. Ради такой бѣдности сельскаго населенія, переяславское шляхетство, вмѣстѣ съ черниговскимъ, ходатайствуетъ также о томъ, чтобы постоянная повинность отмѣнена была по деревнямъ и хуторамъ, и возложена на однихъ городскихъ обывателей.

Кромѣ этихъ невзгодъ, чисто экономическихъ, жалуются еще малороссійское шляхетство на дурное устройство казацкихъ войскъ, лишающее военную службу всякой привлекательности, и въ особенности на различныя обиды и притѣсненія, терпимыя мирными жителями Малороссіи отъ проходящихъ и стоящихъ регулярныхъ войскъ. Для предотвращенія этихъ притѣсненій на будущее время, шляхетство проситъ императрицу вновь подтвердить, чтобы солдаты не занимали домовъ, уволенныхъ отъ постоа; „лагерями безъ отводу такожъ не становились, излишнимъ употребленіемъ дровъ и обращеніемъ огорожи и другихъ строеній для топленія не наносили убытковъ, безденежно у обывателей хлѣбомъ и ничѣмъ не довольствовались, въ подводы и ни въ какія работы безъ добровольнаго найма и платы людей и скота ихъ не брали, къ вящему и несомнѣйшему озлобленію боями и безчестіями никому обидъ не наносили, а паче дабы военные начальники въ городахъ и земляхъ подданныхъ нашихъ къ себѣ не брали и пристрастными розысками или наказаніями ихъ не озлобляли“ **. Но думая, что однихъ указовъ и подтвержденій недостаточно для предотвращенія насилій со стороны войскъ, шляхетство черниговское проситъ, чтобы учреждена была коммиссія изъ равнаго числа великороссійскихъ и малороссійскихъ чиновъ, спеціально предназначенная для разбора и удовлетворенія жалобъ малороссійскихъ обывателей. Опасаясь далѣе что „жители здѣшніе изъ оплошности могутъ иногда дать и самимъ обидителямъ одобрительныя свидѣтельства“, проситъ, „чтобы при маршахъ полковъ были всегда изъ здѣшнихъ уроженцевъ, въ чинахъ находящихся, или дворянъ, особливые комиссары для охраненія поселянъ и платы за всѣ для войска взимаемыя по добровольной цѣнѣ вещи“ ***.

Наконецъ, въ черниговскомъ наказѣ есть еще одна просьба,

* Наказъ шлях. переяславскаго, п. 5-й.

** Наказъ шлях. черниговскаго, п. 14.

*** Тамъ же.

до того важная, что надо удивляться, какъ ее упустило изъ виду дворянство другихъ уѣздовъ. Она заключается въ слѣдующемъ: „.....привилегією уволены всѣ обыватели края здѣшняго, шляхетскіе же подданные, отъ строенія крѣпостей и всякихъ государственныхъ работъ, которою свободно пользовались они и по возвращеніи Малой Россіи къ соединенію съ Россіей, въ послѣднія же времена наряжали ихъ въ великомъ числѣ для строенія линій и крѣпостей въ бывшую турецкую войну, въ погоньщики для положенія льду и для многихъ тяжелыхъ работъ, а особливо по именному указу 1756 года посланы были набранные въ армію изъ неполитыхъ восемь тысячъ человекъ, которые хотя по всемилостивѣйшему ея императорскаго величества соизволенію, на прежнія жилища отпущены, возвратились съ великимъ въ числѣ ихъ уменьшеніемъ. При нынѣшнемъ случаѣ приемлемъ дерзновеніе просить всеподданнѣйше, чтобы подданные наши, кромѣ узаконяемой государственной подати, свободы были отъ всякихъ работъ, нарядовъ и наборовъ“ *. Мы назвали эту просьбу важною, потому что высылка изъ Малороссіи людей для построенія линій и крѣпостей на юго-западной границѣ Имперіи производилась въ первой половинѣ XVIII вѣка въ огромныхъ размѣрахъ и сопровождалась обстоятельствами, среди которыхъ гибло множество народа. Цѣлая коллекція документовъ, собранныхъ неутомимыми стараніями г. Судіенко, и которыми мы надѣемся въ непродолжительномъ времени воспользоваться, хранить скорбное повѣствованіе объ этой темной сторонѣ нашей исторіи XVIII столѣтія.

Вотъ все что можно извлечь заслуживающаго вниманія изъ наказовъ малороссійскаго шляхетства. Содержаніе, тонъ и характеръ разсмотрѣнныхъ нами наказовъ ясно и неопровержимо свидѣтельствуютъ, что въ малороссійскомъ шляхетствѣ XVIII вѣка не существовало никакихъ стремленій къ національной или даже провинціальной самобытности. Малороссійское шляхетство сознавало свою особность, отдѣльность отъ русскаго дворянства, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремилось не только сравниться съ нимъ въ сословныхъ правахъ и привилегіяхъ, но слиться съ нимъ дружественно и единомышно. Въ воспоминаніяхъ малороссійскаго

* Наказъ шляхетства Черниговскаго, п. 13.

шляхетства были живы и свѣжи преданія его исторической старины, въ шляхетскихъ наказахъ видно близкое знакомство съ южно-русскою исторіей, проглядываетъ сочувствіе къ историческимъ подвигамъ казачества. Известная самобытность малороссійскаго народа сознается шляхетствомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, шляхетство постоянно называетъ Великороссовъ и Малороссовъ „едиными по роду и вѣрѣ“. Правда, шляхетство различаетъ свою мѣстную администрацію отъ „правленія россійскаго“ и называетъ Великороссію въ отличіе отъ Малороссіи „отечествомъ россійскаго престола“. Оно понимаетъ также, что интересы центральнаго правительства не во всемъ сходятся съ малороссійскими провинціальными интересами; такъ напримѣръ, оно старается сохранить за собою право свободной покупки казачьихъ земель, выгородить себя отъ повинностей, служащихъ для всероссійскихъ государственныхъ нуждъ, защитить себя отъ притѣсненій войскъ. Но при всемъ томъ, малороссійское шляхетство не высказываетъ никакихъ стремленій къ сепаратизму, никакихъ притязаній на расширеніе своей провинціальной самостоятельности. Къ двумъ сосѣднимъ государствамъ высказываетъ свои отношенія малороссійское шляхетство: къ Польшѣ и Россіи. Первой оно выражаетъ признательность за дарованіе нѣкоторыхъ правъ, за содержаніе малороссійскаго дворянства „въ чести“; но при всякомъ иномъ поводѣ оно энергически высказываетъ свою ненависть, свое презрѣніе къ ней. Малороссійское шляхетство считаетъ свой гражданскій бытъ выше польскаго, потому что въ Польшѣ „всѣ бѣдныя, а особливо достоинства шляхетскаго не приобрѣвшіе, стенають подъ игомъ порабощенія и мучительства.“ Совершенно иныя отношенія высказываетъ малороссійское шляхетство къ Россіи. Сознвая свою провинціальную особность, оно, какъ мы видѣли, сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свое кровное и религиозное родство съ Россіей; на польское владычество оно смотритъ какъ на временное, преходящее, а присоединеніе Малороссіи къ Россіи называетъ оно „возвращеніемъ главнѣйшаго члена россійскаго народа къ первому его тѣлу“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сравнивая свои домашніе порядки съ великороссійскими, оно неизмѣнно отдаетъ предпочтеніе послѣднимъ. Оно проситъ уравнивать его правами съ русскимъ дворянствомъ, проситъ завести въ

Малороссіи шляхетскіе корпуса, университеты, академіи, воспитательные дома для благородныхъ дѣвицъ, такъ же точно какъ въ Россіи, просить учредить банкъ по примѣру великорусскому, и доходы его обратить на содержаніе богоугодныхъ заведеній, также по великорусскому примѣру. Такимъ образомъ, малороссійское шляхетство сознаетъ, что сильная центральная власть, располагая народнымъ богатствомъ, создала въ Россіи учрежденія, содѣйствующія государственному благоустройству; Малороссія же, существующая при отдѣльной администраціи и, до извѣстной степени, при отдѣльномъ народномъ хозяйствѣ, не имѣетъ средствъ для того чтобы государственное благоустройство ея развилось въ уровень съ великороссійскимъ. Отсюда само собою вытекаетъ естественное желаніе примкнуть къ Россіи на столько, чтобы имѣть возможность пользоваться плодами общерусскаго государственнаго прогресса. Такимъ образомъ не выгораживать себя изъ хода общерусской государственной цивилизаціи а примкнуть къ ней и мирно пользоваться ея плодами, вотъ въ чемъ заключались истинныя стремленія малороссійскаго шляхетства Екатерининской эпохи.

Что касается до практической стороны малороссійскихъ шляхетскихъ наказовъ, то изъ нихъ видно, что малороссійское шляхетство воспользовалось созваніемъ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія преимущественно въ интересѣ чисто-хозяйственномъ. Значительнѣйшая часть преобразованій, указанныхъ шляхетствомъ для „поправленія своихъ обстоятельствъ“, относится къ области гражданской и финансовой администраціи. Многія изъ этихъ предложеній, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, должны были остаться безъ результатовъ, частію потому что они тогда противорѣчили интересамъ государства, частію же потому что ихъ парализировали совершенно обратныя предложенія другихъ малороссійскихъ сословій; но нельзя не согласиться, что большая часть преобразованій предложенныхъ шляхетствомъ отличались здравымъ практическимъ смысломъ. Малороссійскіе указы, сколько намъ извѣстно, были умнѣе и толковѣе всѣхъ представленныхъ въ 1767 году императрицѣ Екатеринѣ. Въ собраніи комиссіи, малороссійскіе депутаты могли гордиться просвѣщенными идеями, руководившими ихъ согражданами при составленіи наказовъ. Высказанное въ наказахъ стремленіе къ

расширенію народнаго образованія, въ особенности образованія женщинъ, что было большою рѣдкостью въ Россіи XVIII вѣка, желаніе имѣть у себя заемный банкъ и тому подобныя заявленія не могли не обратить на малороссійское шляхетство особеннаго вниманія императрицы. Наиболе драгоцѣнны были по тому времени просвѣщенныя юридическія понятія, высказанныя малороссійскими депутатами: требованіе выборнаго начала для судебныхъ корпорацій, равенства сословій передъ закономъ, словеснаго судопроизводства—все это не могло пройти безслѣдно для русскаго общества XVIII вѣка.

Кіевъ.

В. АВСВЕНКО.

СЕРБСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I*

V.

Тильзитскій миръ, успокоившій большую часть Европы, долженъ былъ окончить войну между Россіей и Портою Оттоманскою. Императоръ Наполеонъ взялъ на себя посредничество между воюющими державами, и мирные переговоры положено было открыть въ Парижѣ. Со стороны Россіи полномочнымъ назначенъ русскій посланникъ графъ Толстой, со стороны Порты—Мугибъ-эффенди. Главнымъ требованіемъ со стороны Россіи было назначеніе ей границы по Дунай. Переговоры начались, но подвигались медленно. Наполеонъ мало интересовался выгодами Порты. Диванъ сталъ недоброжелательно смотрѣть на Наполеона. Въ головѣ его уже созрѣвали исполнскіе замыслы о преобразованіи политическаго положенія Европы. Онъ даже сообщалъ императору Александру „самые обширные планы къ совершенному разрушенію Турецкой имперіи, оставляя султану только Константинополь и владѣнія находящіяся за чертою проведенною отъ Бургоса къ Эносу, включая Адриа-

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 7.

нополѣ". * Если полагаться на достовѣрность разказа Шлоссера, то Наполеонъ отдавалъ Россіи всю Турецкую имперію, за исключеніемъ Константинополя и его окрестностей. ** Императоръ Александръ въ ожиданіи отвѣта изъ Парижа на замѣчанія свои, сдѣланныя на предложенія Наполеона, приказалъ князю Прозоровскому „собрать армию, не обезсиловать ее частыми сраженіями и быть готовымъ къ успѣшному произведенію въ дѣйствіе столь важнаго предпріятія“.

Въ апрѣлѣ 1808 года кончался срокъ свободзейскому перемирію. Мустафа-Байрактаръ, сераскиръ Рущукскій, въ письмѣ къ князю Прозоровскому просилъ продолжить перемиріе, говорилъ о недоувѣріи дивана къ видамъ Франціи и упоминалъ о томъ, какъ полезно было бы заключить особый съ Россіей миръ, независимо отъ посредничества Франціи. *** Русскій главнокомандующій отвѣчалъ, что это было бы несогласно съ условіями тильзитскаго договора. Что касается до перемирія, то оно было подписано на неопредѣленное время, съ предоставленіемъ на волю каждой договаривающейся державы, разорвать его когда угодно, предваря только о томъ за десять дней. Между тѣмъ, несмотря на перемиріе, непріязненныя дѣйствія Турокъ противъ Сербовъ не прекращались. Подъ Ниссою стали собираться войска. До полуторы тысячи Турокъ перешли Дрину у Сокола; часть ихъ вошла въ городъ, а другая заняла старые сербскіе шанцы у подошвы горы, на которой стояла крѣпость Соколъ. **** Въ занятыхъ Турками шанцахъ не было никого, такъ какъ они признаны были Сербами бесполезными. На Дринѣ Турки начали дѣлать нападенія на Сербовъ: жгли деревни, убивали людей, угоняли скотъ. Собравшись въ числѣ тысячи человекъ, они напали на сербскіе шанцы подъ Студеницкимъ монастыремъ, но не успѣли однакоже вытѣснить оттуда Сербовъ и должны были, отступивъ, занять пространство между Дриной и Соколомъ, въ разстояніи пяти верстъ отъ шанцевъ. Такое нарушеніе мирныхъ условій

* Арх. Воев. Топ. Дѣло № 47.339, мк. 213, полк. 4. Михайловскій-Данилевскій.

** Шлоссеръ, VII, 201.

*** Арх. Воев. Топ. Дѣло № 36.743 и 47.339, мк. 213, полк. 4. Смотри приложение № 7.

**** Тамъ же, № 23.306 и 23.307, мк. 213, полк. 3.

заставило Сербовъ поручить коменданту крѣпости Соколъ, Якову Ненадовичу отправиться на Дрину, и пригласивъ на берегъ турецкаго начальника, объясниться съ нимъ о причинѣ непріятельскихъ движеній со стороны Турокъ, тогда какъ Сербы не подали къ тому ни малѣйшаго повода.

„Имя вѣрное извѣстіе, писалъ въ то же время сербскій совѣтъ народный, къ визирю Босніи, * что бластательная Порта соизволила повсюду дать повелѣнія о нечиненіи на предѣлы наши нападеній, мы не только прекратили всякое непріязненное движеніе, но уменьшили даже число нашей стражи. Теперь однако къ крайнему нашему удивленію получили извѣстіе, что неоднократно на Дрину войска переправлялись на нашу сторону, сожгли одну деревню, убили нѣсколько людей, отогнали скотъ и наконецъ сдѣлали нападеніе на одинъ ретраншаментъ. Благоразуміе требуетъ, чтобы мы приняли мѣры осторожности противъ таковыхъ внезапныхъ на насъ нападеній, но мы желая пребыть вѣрными принятому нами правилу, чтобы не подать съ нашей стороны ни малѣйшей причины къ разрыву существующаго перемирія, предпочитаемъ прежде отнестись къ вашей свѣтлости и просить почтить насъ увѣдомленіемъ вашимъ, чему приписать и въ какомъ видѣ должны мы принять дѣлаемые на насъ нападенія отъ войскъ подъ верховнымъ вашимъ начальствомъ состоящихъ?“

Совѣтъ обратился также къ Родофиникину и просилъ его написать о происшедшемъ къ визирю Босніи или къ консулу французскому. Послѣдній отвѣчалъ Родофиникину, что нападеніе на Сербію произведено не настоящими турецкими войсками, а разбойничьими шайками, не обращающими вниманія на приказанія дивана. Князь Прозоровскій, въ свою очередь, обращался сераскиру Руцукскому съ запросомъ о причинѣ непріязненныхъ дѣйствій Турокъ противъ Сербовъ. Мустафа-Байрактаръ отвѣчалъ 16-го іюля, что по перемирію, заключенному въ Слободзеѣ, прекращеніе военныхъ дѣйствій простирается только на тѣхъ Сербовъ, которые обитаютъ въ окрестностяхъ Видина и Феть-ислама, а отнюдь не на другихъ. Онъ объявлялъ притомъ, что Порта намѣрена сдѣлать на Сербовъ нападеніе, такъ какъ они не перестаютъ собирать войска и

* Отъ 29 апрѣля. Арх. Воев. Топ. Дено, № 28.307, кн. 213, полк. 3.

бунтуютъ противъ Порты. Князь Прозоровскій отвѣчалъ, что это условіе сабодзейскаго перемирія не только никогда не было принято нами, но что, напротивъ, оно признается вовсе не существующимъ; что Порта еще въ маѣ мѣсяцѣ дала торжественное обѣщаніе прекратить военныя дѣйствія въ Сербіи, и еще разъ повторила его послу нашему въ Парижѣ, графу Толстому, чрезъ своего уполномоченнаго, Мугибъ-эффенди. На этомъ основаніи русскій главнокомандующій требовалъ отъ Мустафы объясненія и спрашивалъ, не долженъ ли онъ заключить изъ послѣднихъ происшествій, что Порта болѣе не расположена соблюдать перемиріе, о которомъ сама просила.

Происшествія въ самомъ Константинополѣ остановили на нѣкоторое время переговоры. Созданіе султана Селима III и одинъ изъ ревностѣйшихъ его приверженцевъ, Мустафа-Байрактаръ, рѣшился воспользоваться перемиріемъ Русскихъ съ Турками и привести въ исполненіе давнишній свой замыселъ—возвратить престолъ Селиму III, находившемуся въ заключеніи. Поднявъ знамя бунта, онъ вступилъ съ своими приверженцами въ Константинополь, заставилъ верховнаго визиря отказаться отъ своего званія и требовалъ отъ султана Мустафы, именемъ народа, чтобы онъ отказался отъ престола въ пользу прежняго султана, Селима III. Явившись съ своими солдатами передъ сералемъ, Байрактаръ послалъ муфтія сказать султану, что онъ не признаетъ его правъ на престолъ и будетъ съ своими солдатами ожидать передъ воротами серала до тѣхъ поръ пока низложенный Селимъ будетъ опять возведенъ на престолъ. Солдаты и ихъ предводитель долго ожидали повелѣнія, и когда стали ломать ворота, Мустафа велѣлъ перебросить къ нимъ черезъ стѣну голову Селима, умерщвленнаго по его приказанію самымъ жестокимъ образомъ. Байрактаръ жестоко отмстилъ за смерть Селима. Ворвавшись во дворецъ, онъ приказалъ утопить въ каналѣ великаго визиря и муфтія, велѣлъ казнить всѣхъ лицъ принимавшихъ участіе въ управленіи при султанѣ Мустафѣ IV, и головы ихъ, по принятому обыкновенію, выставить на стѣнахъ серала. Султанъ Мустафа IV былъ сначала брошенъ въ тюрьму, потомъ заключенъ въ сералъ, а на мѣсто его султаномъ провозглашенъ братъ его, Махмудъ. Эта новая революція, происшедшая

вскорѣ послѣ первой, явно доказывала слабость всего состава внутренняго управленія Турціи. Нашъ дворъ полагалъ, при что такомъ замѣшательствѣ дѣлъ, безъ пролитія крови, можно будетъ достигнуть всевозможныхъ уступокъ со стороны Турціи, и только одними переговорами, прямо съ Портою веденными, безъ посредничества Наполеона, можемъ мы достигнуть нашей цѣли, то-есть приобрѣсти Молдавію и Валахію *. Предположенія наши основывались еще на томъ, что Мустафа-Байрактаръ, которому новый султанъ Магмудъ, болѣзненный, воспитанный въ сералѣ, безъ всякой опытности въ дѣлахъ, довѣрилъ государственную печать, питалъ крайнюю и непримиримую ненависть къ Наполеону и ко всей французской націи и склонялся на сторону Англіи.

Въ своихъ сношеніяхъ съ Россіей, Мустафа обнаруживалъ сильное желаніе склонить насъ къ заключенію сепаратнаго мира. Онъ писалъ къ Прозоровскому, склоняя его на личные переговоры и заявляя однакоже рѣшительно, что Порта никакъ не согласится уступить намъ ни одного шага изъ прежнихъ своихъ владѣній. ** Онъ указывалъ, какъ бы вскользь, на дѣла Наполеона въ Испаніи и старался доказать сколь полезно было бы для Россіи, еслибъ она заключила миръ съ Портою, и воспользовавшись настоящими обстоятельствами, дѣйствовала противъ императора Наполеона. Князь Прозоровскій отвѣчалъ, что Россія никакъ не отречется отъ принятаго посредничества Франціи и потому свиданіе его съ Мустафою было бы бесполезно; что Россія имѣетъ право, такъ какъ Турція первая объявила войну, требовать вознагражденія и никогда не согласится на миръ не соотвѣтствующій достоинству и славѣ Имперіи; что если Сербы будутъ атакованы турецкими войсками, какъ о томъ публиковали фирманы въ Видинѣ, то перемиріе будетъ признано нарушеннымъ. Въ заключеніи своего письма князь Прозоровскій требовалъ отъ Мустафы скорого и категорическаго отвѣта. Мустафа увертывался и медлилъ; льстилъ лично князю Прозоровскому, унижался, и отъказываясь исполнить наши требованія, ссылаясь на то, что не смѣетъ приступить къ какой-либо намъ уступкѣ, боясь народа; говорилъ, что Турки не

* Арх. Военн. Топ. Дено, № 47.339, шк. 213, полк. 4.

** Секретное письмо кн. Прозоровскаго Родофиакину. Арх. В. Т. Д. № 23.308, шк. 213, полк. 3.

будутъ первые насъ атаковать, и давалъ честное слово, что до тѣхъ поръ пока Россія захочетъ соблюсти перемиріе, Турки ни къ какимъ воинскимъ предпріятіямъ не приступятъ; наконецъ, торжественно обѣщалъ удовлетворить требованіе кн. Прозоровскаго относительно Сербовъ. Переговаривался съ Россіей турецкое правительство въ то же время старалось войти въ прямыя сношенія съ Сербами и не терпало надежды помириться съ ними окончательно. По порученію Турецкаго правительства, виддинскій архіерей писалъ къ бѣградскому митрополиту, приглашая его на свиданіа по сербскимъ дѣламъ. „Законъ вѣры, говорилъ виддинскій архіерей, и долгъ природы побуждаютъ меня черезъ сіе, пользуясь несказаннымъ благовременствомъ, писать вашему преосвященству къ общей пользѣ и спокойствію клонящееся. Сего ради сообщая вамъ слѣдующее: добро было бы и чрезвычайно полезно видѣться намъ; назначьте мѣсто и день братскимъ вашимъ отвѣтомъ ко мнѣ вымѣ обрѣтающемуся въ Фетъисламѣ. Поскольку сіе есть извѣстное и не можетъ быть учинено безъ представленія и извѣщенія, можете о томъ увѣдомить кого нужно, а наипаче, поскольку наше свиданіе имѣетъ предметомъ общую пользу, нужно чтобы вы взяли съ собою двухъ или трехъ изъ избраннѣйшихъ и въ политическихъ дѣлахъ искусныхъ, и я увѣренъ, что Божіе провидѣніе все къ пользѣ совершающее учинитъ благоуспѣшнымъ вашъ подвигъ и трудъ вашъ полезнымъ *.“ Мѣстомъ свиданія назначено было село Голубино близъ Пореча. Со стороны Сербовъ поѣхали въ качествѣ депутатовъ: митрополитъ Леонтій, секретарь Чернаго Георгія и переодѣтый Родофикивъ. 30-го сентября они прибыли въ Поречъ, а 1-го октября отправились въ село Голубино, гдѣ и имѣли свиданіе съ виддинскимъ архіереемъ, вмѣстѣ съ которымъ находилась хранитель печати виддинскаго паша.

Послѣ увѣреній въ томъ, что благоразуміемъ новаго верховнаго визиря Мустафы-Байрактара, всѣ междуусобные раздоры Турецкой имперіи прекращены, что сильная регулярная армія учреждается, и христіане повсюду пользуются благоденствіемъ и тишиною, депутаты со стороны Турціи предложили посредство виддинскаго Моллы-паша, для примиренія Сербовъ съ

* Письмо отъ 18-го сентября 1808 г. Арх. Воев. Топ. Дено, № 23.308, шк. 213, посл. 3.

Портою, увѣряя, что если Сербы потеряютъ настоящій выгодный для нихъ случай, то другаго такого не найдутъ никогда. Порта, говорили они, безъ посредства другихъ державъ согласится въ десять разъ болѣе дать Сербамъ чѣмъ при посредствѣ ихъ. Молла-паша надѣялся выхлопотать у Порты ручательство, котораго требовали Сербы, но заранѣе предупреждалъ, что Порта не согласится на ручательство двухъ державъ: Россіи и Франціи, и что Сербы должны предоставить усмотрѣнію Порты избрать изъ нихъ какую-нибудь одну. При этомъ турецкіе депутаты старались доказать Сербамъ, какъ мало они должны полагаться на искренность Россіи, которая, по ихъ увѣреніямъ, руководствовалась въ этомъ случаѣ однимъ только своими личными интересами.

Сербскіе депутаты отвѣчали, что они должны представить всѣ предложенія Порты на разсмотрѣніе народнаго совѣта и Чернаго Георгія, и обѣщались сообщить рѣшеніе ихъ въ Виддинъ. Сербская нація, говорили они Туркамъ, имѣющая теперь 80 тысячъ войска подъ ружьемъ, съ трудомъ согласится положить оружіе, не освободивъ все древнее свое достояніе, которое теперь еще въ турецкихъ рукахъ. Трудно также, чтобы нація согласилась на ручательство одной только державы, ибо Порта можетъ объявить этой державѣ войну, и тогда Сербія останется безъ покровителя.

— Предложите три или четыре державы, возразилъ секретарь виддинскаго архіерея, и предоставьте двѣ изъ нихъ избрать самой Портѣ.

Пообѣдавъ вмѣстѣ, депутаты развѣхались. Скоро получено было отвѣтъ сербскаго совѣта на предложенія Порты.

„Намъ было предложено, писалъ сербскій совѣтъ виддинскому Молла-пашѣ, * на уваженіе разговоръ, который имѣли въ Голубинѣ повѣренные наши съ архіереемъ виддинскимъ и сопровождавшими его, вслѣдствіе возложеннаго отъ насъ на нихъ порученія. По соображеніи положенія нашихъ дѣлъ и прямой пользы народа Сербскаго опредѣлили мы единодушно отвѣтствовать вамъ слѣдующее:

1) Хотя мы искренно желаемъ положить конецъ настоящей

* Отъ 30 октября 1808 г. Арх. Воев. Топ. Дено, № 23.309, шк. 213, поак. 3.

войнѣ, для обѣихъ сторонъ отягочительной, не можемъ однако войти ни въ какіе переговоры безъ высочайшей на то воли всеавгустѣйшаго государя императора всероссійскаго, удостоившаго насъ своего сильнаго покровительства. Притомъ же будучи намъ извѣстно, что блистательная Порты не почитаетъ себя обязанною наблюдать договоры и давныя обѣщанія подданнымъ своимъ, каковыми она насъ полагаетъ, мы для обезпеченія семействъ нашихъ, себя и имущестъ просили и просимъ дать намъ ручательство дворовъ россійскаго и французскаго, безъ чего приступить къ дальнѣйшему трактованію съ блистательною Портой не можемъ.

„2) Предоставить блистательной Портѣ, какъ ваши посланные предлагали то повѣреннымъ нашимъ, чтобъ она избрала изъ тѣхъ двухъ державъ одну, мы никакъ не можемъ, по причинѣ, которую наши повѣренные объяснили уже и которую и мы повторяемъ, то-есть, съ державою которой ручательство пожелаетъ намъ дать блистательная Порты, можетъ сія самая войти въ войну, тогда мы останемся безъ покровителя. Согласиться же намъ принять ручательство, вмѣстѣ съ таковымъ французскаго двора, другой какой державы по выбору блистательной же Порты мы не можемъ также, ибо не стоимъ ни въ какихъ отношеніяхъ съ другими державами. Избрали же мы Россію по единозаконію исповѣдуемой нами вѣры и по покровительству, коимъ отъ всеавгустѣйшаго государя императора всероссійскаго пользуется Сербскій народъ, а Францію по посредничеству принятому ею къ заключенію мира между Россійскою Имперіей и блистательною Портой съ общаго согласія всѣхъ трехъ державъ.“

Въ эту эпоху отношенія между Франціей и Россіей были самыя лучшія. Въ сентябрѣ 1808 года произошло извѣстное свиданіе императора Александра съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ. На этомъ свиданіи, происходившемъ съ величайшею пышностію, присутствовали четверо вассальныхъ королей Рейнскаго Союза, 34 принца, 24 министра, 30 генераловъ. * Изъ Парижа вызваны были Тальма и другіе актеры. Въ театрѣ Наполеонъ приказалъ поставить два кресла впереди, для себя и русскаго императора, между тѣмъ какъ другіе короли и

* Шаоссеръ VII, 285.

владѣтельные герцоги сидѣли позади ихъ на стульяхъ. „Разказываютъ также, говоритъ Шлоссеръ, что однажды во время спектакля, когда Тальма при громкихъ аплодисментахъ произнесъ стихъ:

*L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux,**

—императоръ Александръ взялъ Наполеона за руку, и съ чувствомъ произнесъ: „Никогда не понималъ я этого такъ хорошо, какъ въ настоящую минуту.“

По эрфуртскому договору императоръ Александръ предоставилъ Наполеону свободу дѣйствовать въ Испаніи, а послѣдній обязывался не вступаться въ дѣла Россіи съ Швеціей и Турціей. Наполеонъ отказывался отъ своего посредничества въ заключеніи мира Россіи съ Портой, предоставляя имъ самимъ окончить споры путемъ мира или войны, и заранее признавалъ распространеніе границъ Россіи до Дуная.

Извѣщая князя Прозоровскаго о заключеніи эрфуртскаго договора, императоръ Александръ поручилъ ему сообщить верховному визирю, что Россія готова вступить въ переговоры безъ всякаго участія со стороны Франціи, и въ случаѣ согласія визиря, уполномочилъ русскаго главнокомандующаго на заключеніе мира.

Князь Прозоровскій, увѣдомляя объ этомъ Родофиникина, прибавлялъ: „думаю, что въ скоромъ времени прийдутся полномочные отъ Порты и что негодіаціи воспримутъ свое начало. Я поспѣшаю довести сіе обстоятельство довѣреннѣйшимъ образомъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, съ тѣмъ чтобы вы могли взять всѣ мѣры предосторожности, для предотвращения всякаго со стороны Сербовъ на войска и земли турецкія нападенія, въ продолженіи помянутыхъ негодіацій. Тѣмъ не менѣе, однакоже, внушите Черному Георгію и совѣту сербскому, чтобы они не ослабѣли въ воинской осторожности и пребывали бы всегда къ войнѣ совершенно готовыми. Ибо я имѣю весьма основательныя причины сомнѣваться, чтобы Турки, не поднявъ еще единожды оружія, согласились сдѣлать намъ тѣ уступки, которыя мы отъ нихъ требуемъ и отъ которыхъ мы не имѣемъ никакой побудительной причины отступать. Итакъ весьма вѣроятно,

* Дружба великаго человѣка есть благодѣяніе бѣговъ.

что переговоры будутъ безуспѣшны и что война послѣ пресѣченія оныхъ пакъ возгорится.

„Вы сами въ томъ удостовѣрены, что дѣла сербскія должны быть однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ переговоровъ. А потому дабы себя на всякій случай приготовить, покорно прошу васъ доставить мнѣ замѣчанія ваши о тѣхъ статьяхъ и обстоятельствахъ, которые при заключеніи мира съ Портою особливаго заслуживаютъ вниманія.“ *

Въ основаніе переговоровъ о мирѣ со стороны Россіи были положены слѣдующія условія:

- 1) Согласіе Порты опредѣлить границы по Дунай.
- 2) Признать независимость Сербскаго народа подъ покровительствомъ Россіи и Турціи.
- 3) Признать зависимость Грузіи, Имеретіи и Мингреліи отъ Россійской Имперіи. ** Письмо князя Прозоровскаго, заключающее въ себѣ эти условія, было доставлено Мустафѣ Байрактару адъютантомъ князя Прозоровскаго, Краснокутскимъ.

Съ важнымъ видомъ сидѣлъ Мустафа на диванѣ. На чашкѣ блистало брилліантовое перо, а за поясомъ алмазный кинжалъ, подаренный ему султаномъ Махмудомъ; вокругъ его стояло до пятисотъ воиновъ. Несмотря на то что въ это время былъ рамазанъ, во время котораго никого не потчуютъ днемъ, Мустафа приказалъ подать посланному князя варенье, потомъ кофе и трубку, и завѣсилъ его богатою парчой. *** По мановенію его головы вышли всѣ чиновники, за исключеніемъ драгомана Порты и Манука-бея, любимца Мустафы. Байрактаръ самъ распечаталъ письмо русскаго главнокомандующаго, и не умѣя читать, отдалъ его драгоману.

— Турки давно желаютъ мира съ Россіянами, говорилъ онъ, прослушавъ письмо, но Французы происками своими оному препятствуютъ, лукавствуя, будто они пекутся о пользѣ Турціи. Видя непрестанное французское злоумышленіе, возмущающее спокойствіе всей Европы, я возненавидѣлъ Французовъ. Они при всякомъ случаѣ рады причинять народамъ зло и пагубу. Мнѣ самому Франція предлагала

* Секретное отношеніе князя Прозоровскаго къ Родофикину, отъ 20 окт. А. В. Т. Д., № 23.309, шк. 213, поак. 3.

** Отношеніе графа Румянцева къ князю Прозоровскому отъ 7 авг. и 3 окт. А. В. Т. Д. № 47.339, шк. 213, поак. 4.

*** Дневныя записки Краснокутскаго, изд. 1815 года, стр. 17.

30.000 войска противъ Русскихъ, обѣщая выручить Молдавію и Валахію. Я не повѣрилъ. Французы каждой области вызываются помогать, съ тѣмъ только, чтобъ оную послѣ захватить. Уже не разъ обманывали они Турцію. Я недавно отрубилъ головы двѣнадцати вельможамъ, преданнымъ Франціи. Первая моя цѣль заключить миръ съ Россіей и Англіей, а съ Франціей я искреннимъ пріятелемъ никогда не буду. Она много разъ насъ обманывала.

— Все это весьма справедливо, отвѣчалъ Краснокутскій.— Фельдмаршалъ думаетъ, что столь умнаго человѣка какъ вы, два раза обмануть весьма трудно.

— Правда ли что Лашкаревъ отставленъ? спросилъ Мустафа.

— Правда.

— Государь вашъ поступилъ справедливо. Лашкаревъ человѣкъ старый, мало занимается дѣлами. Его обманывалъ французскій полковникъ Гильемино.

Но скоро неожиданныя происшествія въ Константинополѣ прервали начатыя переговоры. Перемены и преобразованія въ войскѣ, настойчиво вводимыя Мустафой, вновь возбудили неудовольствія янычаръ, и въ то время когда жители города были довольны порядкомъ установленнымъ строгостію Мустафы, ропотъ янычаръ все болѣе и болѣе усиливался. По Константинополю ходили слухи о скоромъ возмущеніи янычаръ, ожидавшихъ только окончанія праздника бейрама. Намѣренія янычаръ не были тайною и для Мустафы-Байрактара. Онъ не дремалъ и принималъ свои мѣры; между прочимъ онъ послалъ въ Румелію приказанія четыремъ пашамъ прибыть съ войскомъ въ Константинополь. Янычары узнали объ этомъ и рѣшились дѣйствовать не дожидаясь конца праздника.

Въ ночи съ 2 (14) на 3 (15) ноября, когда верховный vizиръ возвращался со званаго ужина отъ великаго муфтія, * онъ услышалъ выстрѣлъ и увидѣлъ зарево пожара. Угадавъ причину смутенія, онъ поспѣшно вернулся въ свой дворецъ, приказалъ завереть его со всѣхъ сторонъ и заключился въ немъ съ своею стражей. Янычары обступили дворецъ и хотѣли непременно захватить Мустафу живымъ. Нѣсколько разъ посылали къ нему сказать, что все успокоилось, и что

* Арх. Воен. Тов. Дѣло, № 23.309, мк. 213, поск. 3 Шассеръ VII, 239. Записка Краснокутскаго, 19—52.

султанъ желаетъ его видѣть. Байрактаръ не вѣрилъ, и поощряя свою стражу къ упорной защитѣ, самъ стрѣлялъ по мятежникамъ и грозно кричалъ имъ: „жизнь моя дорого вамъ будетъ стоить! До изнеможенія силъ буду защищаться!“

Зная алчность янычаръ къ корысти, и желая произвести междуусобіе, визирь бросалъ червонцы, разные драгоценныя камни, шали, чубуки, словомъ, все что только изъ сокровищъ попадалось ему на глаза. Хватая драгоценности, Янычары толкали другъ друга, спорили и доходили до драки. Пользуясь этимъ смятеніемъ, визирь возбуждалъ свое войско къ бою и продолжалъ стрѣлять по мятежникамъ.

Между тѣмъ Янычары, не видя другаго средства, начали стрѣлять въ окна и зажгли дворецъ со всѣхъ четырехъ сторонъ. Видя неизбежную гибель, Мустафа насыпалъ въ сколько шапокъ порохокъ, поставилъ ихъ на средину залы и сошелъ въ нижнюю часть дома, крича:

— Прощай Константинополь! Злодѣи, послѣдняя минута моей жизни будетъ лютѣею для васъ минутою. Не умру безъ мести!

Черезъ нѣсколько дней его нашли задуманнымъ дымомъ въ склепѣ. Въ Константинополѣ кровопролитіе было страшное. До пятнадцати тысячъ человекъ погибло въ возмущеніи и до семи тысячъ домовъ было обращено въ пепелъ. Ружейныя и пушечныя выстрѣлы раздавались по улицамъ; тридцать кораблей, находившихся въ проливѣ, стрѣляли по городу ядрами. По улицамъ рѣзались кинжалами, рубились саблями, стрѣляли изъ оконъ домовъ. Повсюду валялись трупы; кровь, вопли, крикъ и шумъ мѣшались съ трескомъ оружія. Султанъ, опасаясь намѣренія янычаръ лишить его престола и провозгласить повелителемъ правовѣрныхъ недавно свергнутаго Мустафу, поспѣшно велѣлъ умертвить своего несчастнаго предшественника. Шесть дней продолжались смуты въ Константинополѣ. Янычары, отыскавъ тѣло Мустафы-Байрактара, валили его по улицамъ, крича: *Визирь Мустафа пляшетъ по Константинополю*; потомъ притащали его на площадь, повѣсили на дерево и воткнувъ палку въ ротъ, приглашали всѣхъ и каждаго *посмотрѣть, какъ румелійскій разбойникъ куритъ табакъ* и къ довершенію всего обезглавили поруганное тѣло.

Черезъ нѣсколько дней, когда бунтъ утихъ, вновь назначенный верховный визирь Юсуфъ пригласилъ къ себѣ

Краснокутскаго, который, поздравляя его съ новою должно-
стію, оказалъ:

— Ваша свѣтлость, конечно, сохраните дружбу къ на-
шему почтенному фельдмаршалу и полюбите его столько
же, какъ вашъ предшественникъ Мустафа-паша.

— Я постараюсь еще болѣе заслужить дружбу и любовь
вашего фельдмаршала... Мы, два старика, постараемся возоб-
новить между нашими двумя высокими имперіями прежнее
дружелюбіе, свойственное постоянству нашихъ лѣтъ.

Прощаясь съ Краснокутскимъ, верховный визирь говорилъ
ему:

— Благоразумное ваше поведеніе въ Константинополь, въ
семъ шумномъ городѣ, гдѣ пронырства всякаго рода изви-
ваются какъ змѣи, много дѣлаетъ вамъ чести. Почтенный
вашъ фельдмаршалъ, безъ сомнѣнія, не оставитъ сего безъ
вниманія, я же, въ знакъ истинной признательности къ вамъ
Порты нашей, имѣю честь вручить вамъ отъ великаго сул-
тана нашего сей орденъ * и табакерку осыпанную алмазами.
Мы всегда желали заключить прочный миръ съ пользою для
обоихъ нашихъ дворовъ, а нынѣ постараемся какъ можно
лучше и поспѣшнѣе оный совершить.

Но только въ февралѣ 1809 года турецкіе полномочные
прибыли въ Яссы для переговоровъ о мирѣ. Опасаясь грабе-
жей, нерѣдко случавшихся въ то время между Адрианополемъ
и Шумлою, они должны были ѣхать дальними окольными
путями.

VI.

Видя переговоры о мирѣ между Россіей и Турціей, безъ по-
средства Наполеона, князь Прозоровскій желалъ, вмѣстѣ съ
тѣмъ, окончательнo устроить положеніе Сербіи и приглашалъ Ро-
дофинкина содѣйствовать ему въ указаніи нуждъ и потребно-
стей Сербскаго народа. „Долговременное ваше въ томъ краю
пробываніе, писалъ онъ,—искусство, опытность, познаніе зе-
мель, нуждъ народа и его надобностей будутъ васъ притомъ ру-
ководствовать. Высокомонаршая воля государя императора
состоитъ въ томъ, чтобы Сербы освобождены были на *вѣч-
ныя времена* отъ ига турецкаго, и чтобы и мѣя собственное
свое правленіе, оставались они подъ покровительствомъ

* Орденъ Луны.

Россіи, которое и будетъ для нихъ ручательствомъ или гарантіей въ соблюденіи Портой ея обязательствъ. И для того, при составленіи вами замѣчаній, надлежитъ обратить вниманіе ваше не только на внутренній составъ Сербіи, но и на тѣ предметы, которые необходимо нужны къ соблюденію интересовъ нашихъ во всѣхъ могущихъ встрѣгнуться случаяхъ, а равнымъ образомъ и на политическія сношенія со смежными австрійскими владѣніями.“

„Географическое положеніе Сербіи, писалъ князь Прозоровскій Родофиникину въ другомъ письмѣ *, на правомъ берегу рѣки Дуная, не позволяетъ намъ желать совершеннаго присоединенія сего края къ Россійской державѣ. Но торжественное обѣщаніе народу Сербскому покровительства государя императора, всегдашняя дѣятельная приверженность онаго къ Россіи и необходимая для пользы отечества нашего надобность въ сохраненіи также на будущее время сей приверженности, не токмо въ однихъ Сербахъ, но и въ другихъ христіанскихъ народахъ, обитающихъ въ предѣлахъ Турецкой имперіи, для соблюденія симъ способомъ вліянія нашего у Порты, всемиуемо требуютъ исходатайствованія для Сербовъ, и съ тою частію Сербіи, которая доселѣ находится въ рукахъ турецкихъ. особыхъ правъ, преимуществъ и образа правленія. Пусть будутъ обязаны даже платить нѣкоторую дань Портѣ, если сіе неизбѣжно, но сія послѣдняя не должна вмѣшиваться во внутреннее управленіе, для котораго съ общаго согласія совѣта народнаго и подъ руководствомъ чиновника, назначаемаго отъ его императорскаго величества, яко великаго покровителя сей страны, можетъ быть составлена конституція, но на то надо время, дабы составить оную соотвѣтственно какъ политическимъ обстоятельствамъ сосѣднихъ державъ, такъ и состоянію, образу мыслей и нравственности народа.“ Между тѣмъ въ Сербіи волненіе и несогласія продолжались, такъ что Родофиникимъ не могъ надѣяться на большую поддержку со стороны народнаго совѣта, гдѣ попрежнему господствовалъ Младенъ съ своими товарищами.

Руководимые Младеномъ, многіе изъ поглаварей, не имѣя свѣдѣній о результатахъ переговоровъ, требовали послышки депутатовъ не только къ нашему двору, но и въ Парижъ, чтобы, какъ говорилъ Младенъ, *узнать что дѣлаютъ цари и какія имѣютъ намѣренія.* „О сихъ людяхъ, писалъ Родо-

* Арх. Воен. Топ. Дел. № 23 308. шк. 213 позк. 3.

финикинъ, можно повторить изреченное Иисусомъ Христомъ объ Иудеяхъ: Прости имъ Господи, не вѣдаютъ бо что творятъ.“ Самонадѣяемость сербскихъ старшинъ, поддерживаемая слухами, что на австрійской сторонѣ весь народъ готовъ къ возстанію при первомъ приглашеніи здѣшнихъ Сербовъ, доходила до того, что они считали весьма нетруднымъ покорить своему оружію всю Турецкую имперію *. „Мало-помалу напоиваясь сими мыслями, пишетъ Родофиникинъ, старѣйшины сдѣлались дѣйствительно пьяны. Грабежи же ими безбоязненно чиненные и чинимые, обогатившіе ихъ, представляютъ имъ настоящую жизнь пріятною. Черный Георгій хотя и имѣетъ нѣкоторое природное дарованіе, имѣетъ однако и пороки, свойственные преждему его ремеслу, какъ равно свойственные народамъ, живущимъ подъ игомъ неистоваго турецкаго деспотизма. Онъ, опасаясь старѣйшинъ, возбуждаетъ побочно противъ ихъ подчиненныхъ имъ, а старѣйшины опасаясь его, другіе же желая достигнуть верховной власти, окружаютъ себя кирджалиями **, мараютъ его повсюду и ищутъ лишить его довѣренности народной.“

На Чернаго Георгія трудно было полагаться. „Онъ, писалъ Родофиникинъ, первый будетъ препоной ко введенію устройства, не оттого что не желаетъ такового, но оттого что не понимаетъ оного и что по легковѣрью своему будетъ поддаваться, какъ и теперь, на всякаго рода нелѣпыя внушенія или австрійскихъ, или и самихъ своихъ Сербовъ. Не трудно, однако, мнѣ кажется, его во многомъ исправить, пригласивъ его въ главную квартиру вашего сіятельства и удержавъ его тамъ мѣсяца два или три, онъ будетъ совершенно другою человѣкъ. Во время его отсутствія должно приступить здѣсь къ внутренней организаціи, такъ чтобъ онъ по возвращеніи своемъ нашелъ все оконченнымъ. Сына же его старшаго, который живетъ у меня, необходимо нужно взять аманатомъ въ Россію, подѣ предлогомъ воспитанія его тамъ. Черный Георгій охотно на то согласится, ибо давно уже много къ сему приготавливается... *** За симъ должно удалять изъ Сербіи на

* Арх. Воем. Топ. Дено, № 23.309. мк. 213, полк. 3.

** Охранная стража.

*** Кроме того Родофиникинъ предлагалъ послать въ Россію для воспитанія шесть или восемь человѣкъ дѣтей первѣйшихъ комендантовъ, какъ-то: Якова Ненадовича, Миланко и др.

долгое время, если не навсегда, Младена и Милос, которые въ омерзениі у всѣхъ старѣйшинъ и кои всегда будутъ испровергать чинимое нами. Тогда воля его императорскаго величества относительно до сего края можетъ быть выполнена. Народъ, который искренно преданъ Россіи, почувствуетъ всю благотворность изливаемой на него милости, и вліяніе Россіи на сердца онаго утвердится навсегда.“ *

Свои предположенія относительно устройства Сербіи Родофиникинъ изложилъ въ особой запискѣ, отправленной имъ къ князю Прозоровскому, который съ своими замѣчаніями препроводилъ ее къ императору Александру. Въ этой запискѣ предполагалось распространить границы Сербіи по рѣкѣ Тимокъ, но крѣпость Виддинъ оставить въ турецкомъ владѣніи. Владѣнія турецкія на Дунаѣ, какъ-то: Адакале, гдѣ командовалъ Режебъ-ага, и Большой Островъ предполагалось присоединить къ Валахіи.

Турки не могли быть долгое время въ безопасности въ Сербіи, по причинѣ ненависти, которую питали къ нимъ Сербы, а потому для избѣжанія всякихъ поводовъ къ столкновеніямъ и жалобамъ со стороны Турокъ, Родофиникинъ предлагалъ постановить, чтобы никто изъ магометанъ не имѣлъ права переходить сербскую границу; но Сербамъ хотѣлъ выговорить свободу производить торговлю въ Турецкой имперіи, и пользоваться при этомъ защитой русскаго посланника и консуловъ, платя за товары пошлины наравнѣ съ русскими подданными. Князь Прозоровскій, не считая этого справедливымъ, полагалъ, что постановленія въ этомъ случаѣ должны быть одинаковы для той и другой стороны, „но защита и покровительство посольства могутъ быть выговорены“ для Сербовъ.

Относительно политическихъ сношеній Сербовъ съ другими державами, Родофиникинъ указывалъ на необходимость не допускать до времени въ Сербію иностранныхъ агентовъ, въ особенности же дипломатическихъ, съ характеромъ которыхъ ссѣднялось право и необходимость бывать часто въ обществѣ правителя земли и другихъ старѣйшинъ, причемъ представлялась возможность ослаблять вліяніе Россіи на Сербію. „Иностранные агенты, писалъ Родофиникинъ, найдутъ здѣсь большую возможность чинить противное желаніямъ нашимъ.

* Письмо Родофиникина къ кн. Прозоровскому отъ 2 ноября 1808 г.

Невозможно же думать, чтобъ Австрія не старалась уменьшать наше здѣсь вліяніе, ибо безъ всякаго сомнѣнія видно, что укоренивши мы здѣсь оное, приобретаемъ знатную надъ оной поверхность, и при всякомъ случаѣ, при коемъ рѣшилась бы сія держава дѣйствовать противу Россіи, можемъ ей возбудить внутренняго врага, который часто опаснѣе внѣшняго. Видитъ также австрійское министерство, что край сей будучи смеженъ съ Босніей, Албаніей, Македоніей и Болгаріей представляетъ намъ всѣ желаемыя возможности, если за благо признано будетъ, возбудить другихъ Черныхъ Георгіевъ и дѣлать что хотимъ въ Европейской Турціи не подавая никому ни малѣйшей причины къ жалобамъ.“

Но російскій дворъ хотя и желалъ отворотить по возможности всѣ происки иностранныхъ агентовъ, однако сознавая всю трудность приведенія въ исполненіе такого желанія, онъ рѣшился ограничиться стараніями удержать надъ Сербами верховную власть или вліяніе и не допускать только другія державы участвовать въ дѣлахъ Сербскаго народа столь же дѣятельно какъ Россія. Нашъ дворъ сознавалъ, что несмотря на то что въ Сербіи не было до тѣхъ поръ ни политическаго, ни торговаго иностраннаго агента, теперь, съ признаніемъ ея независимости, нельзя было требовать формально, чтобы безъ позволенія русскаго двора иностранныя державы не имѣли въ Сербіи своихъ агентовъ. Оттого предложеніе Родофинкина и не могло быть принято.

Во главѣ Сербіи предполагалось поставить князя съ наслѣдственною властію, чрезъ что отстранилась бы возможность частыхъ посягательствъ на жизнь князя, въ такой странѣ, гдѣ убить человека почитается весьма малымъ грѣхомъ. Установленіемъ наслѣдственной власти князя, полагали также отстранить интриги многихъ дворовъ въ особенности же Порты Оттоманской. Далѣе предполагалось учредить совѣтъ, въ родѣ сената, въ которомъ предсѣдательствовалъ бы князь. Въ помощь князю, въ качествѣ втораго лица въ сенатѣ, предполагалось назначить русскаго консула или агента. Назначеніемъ въ совѣтъ русскаго агента думали ограничить самовластіе князя и удержать его отъ поступковъ противныхъ интересамъ Россіи.

Князь Прозоровскій такъ искренно вѣрилъ въ неизмѣнность дружбы, водворившейся между Россіей и Франціей,

что предлагааь допустить въ совѣтъ и французскаго агента, имѣя въ виду противодействовать интересамъ Австріи.

„Портѣ, писалъ ояъ, можно позволить имѣть агента или повѣреннаго въ дѣлахъ въ Виддинѣ, и приемъ могутъ найдаться секретари вышеупомянутыхъ агентовъ. По важнымъ же дѣламъ агенты императорскихъ дворовъ могутъ вѣхать въ Виддинъ и съ турецкими полномочными составить комитетъ или общее присутствіе, и полагать на мѣстѣ все, что въ пользу Сербовъ и Порты Оттоманской и къ общему спокойствію споспѣшествовать можетъ. Симиъ средствомъ, кажется, можно будетъ и владѣтеля удержать въ надлежащихъ предѣлахъ его власти.“

Императоръ Александръ одобрилъ мысль, объ учрежденіи верховнаго совѣта или сената *, но имѣя въ виду сохранить къ себѣ довѣренность Сербскаго народа, полагааь болѣе приличнымъ не домогаться того, чтобы русскій агентъ застѣдалъ въ сербскомъ совѣтѣ.

„Его величество желаетъ, писалъ Салтыковъ, чтобы росіискій агентъ пользоваема въ Сербіи властію, основанною на взаимной довѣренности, отдавая все то что можетъ оскорбить самолюбіе народа возникающаго изъ ничтожества или возбудить противъ насъ недоброхотство сосѣдственныхъ державъ.“

Императоръ Александръ согласился на призывъ Чернаго Георгія въ главную квартиру, согласился на отправленіе сына его и дѣтей другихъ поглаварей въ С.-Петербургъ, для воспитанія, равно какъ на удаленіе изъ Сербіи Младена и Милое, но съ условіемъ, чтобы „все сіе учреждено было по добровольному убѣжденію Чернаго Георгія и другихъ поглаварей, и дабы они ни малѣйшаго не имѣли повода приписать сіе къ вѣрамъ осторожности или опасенія противъ нихъ, но видѣли бы въ томъ единственное попеченіе о благѣ Сербскаго народа и знакъ особенной милости государя императора къ сербскимъ начальникамъ.“

„Причина, писалъ Салтыковъ князю Прозоровскому **, по которой нужно призвать Чернаго Георгія въ главную квар-

* Отношеніе графа Салтыкова къ князю Прозоровскому, отъ 8 дек. 1808 г. Арх. Военн. Топ. Дено, № 23.310, шк. 213, поак. 3.

** Тамъ же.

тару, основывается на мнѣніи, что Черный Георгій будетъ препятствовать введенію новаго устройства въ Сербіи и потому полагаетъ, что въ отсутствіи его нужно приступить къ внутреннимъ преобразованіямъ, такъ, чтобы онъ по возвращеніи своемъ нашелъ все оконченымъ. Въ предположеніи, что Черный Георгій не согласится на введеніе новаго распорядка, по невѣжеству ли, по внушеніямъ, или по другимъ причинамъ, едва ли можно будетъ противъ воли его произвести въ дѣйствіе намѣренія къ собственному возвышенію дома его князя. Полагая, что все случится по желанію нашему и несмотря ни на какія препятствія, сей способъ вынужденія не будетъ ли противъ главнаго правила: *сохраненія довѣренности* Сербскаго народа, и не обратится ли онъ въ другую систему *дѣйствительной власти*, которая выше принята за неудобную по причинѣ физическаго положенія границъ? Сверхъ того, не имѣя достаточной увѣренности въ успѣхъ сего испытанія и въ томъ что оно достигнетъ желаемой цѣли, не подастся ли поводъ сербскимъ начальникамъ сдѣлать возраженіе, что Сербы, при всемъ безпорядкѣ своего правленія, держались до сихъ поръ собственными силами противъ турецкой власти и доставили себѣ нѣкоторую независимость. Какія будутъ послѣдствія новаго правленія для нихъ неизвѣстно, и потому благоразуміе требуетъ отъ нихъ согласія на всякое новое учрежденіе, не иначе, какъ по добровольному убѣжденію въ томъ, что оно будетъ для нихъ полезно.“

Черный Георгій ежегодно праздновалъ 25-е ноября, день Св. Климента, и къ этому дню обыкновенно съѣзжались къ нему въ деревню почти всѣ старѣйшины. Младенъ избралъ этотъ день для исполненія своихъ замысловъ противъ Чернаго Георгія. „Онъ перемѣнилъ планъ свой и устремился нынѣ вооружить самого Чернаго Георгія противъ Чернаго Георгія“, то-есть заставить его сдѣлать какой-нибудь промахъ, который бы возстановилъ противъ него русское правительство.

Младенъ подговорилъ къ участію въ этомъ дѣлѣ Юговича, бывшаго депутатомъ отъ Сербскаго народа въ прошедшемъ 1807 году, когда шли переговоры о включеніи Сербовъ въ перемиріе, и имѣвшаго по этому случаю свиданіе съ княземъ Прозоровскимъ. Черный Георгій удалил его изъ совѣта,

какъ человека самаго безпокойнаго, хотя и ученаго. Юговичъ былъ обласканъ Младеномъ, получилъ отъ него въ подарокъ домъ и былъ готовъ дѣйствовать въ его пользу.

Младенъ и его сообщники стали внушать Черному Георгію, что необходимо послать въ С.-Петербургъ депутата, который бы могъ вблизи узнать намѣренія Россіи и уничтожить интриги враговъ Сербіи, такъ какъ, по мнѣнію ихъ, Австрійцы и Турки не пожалѣютъ милліоновъ для подкупа, чтобы только не допустить Сербовъ освободиться и быть народомъ вольнымъ и самодержавнымъ, „а съ милліонами легко можно все учинить“. Говорили, что по сіе время нѣтъ никакого удостовѣренія отъ императора Александра о принятіи ихъ подъ свое покровительство, и хотя объ этомъ было сообщено княземъ Прозоровскимъ письменно и изустно Родофиникинымъ, но на все это полагаться нельзя.

„Родофиникинъ же явно показываетъ, прибавляли они, что онъ врагъ Сербамъ, ибо когда въ разговорахъ идетъ разсужденіе о распространеніи Сербскаго царства и о присоединеніи къ оному всей Босніи, Албаніи и Болгаріи, онъ отзывается, что на сей разъ Сербы должны почитать себя очастливыми освобожденіемъ силою оружія руссійскаго единого древняго достоянія Сербовъ.“ *

Черный Георгій, по своему легковѣрію, совершенно поддался Младену и его совѣтамъ. Пять дней продолжались у нихъ совѣщанія. Наконецъ, 10-го декабря, Черный Георгій пришелъ къ Родофиникину, объявилъ, что намѣренъ послать депутатовъ къ государю императору, и вручилъ записку съ именами назначенныхъ для этой цѣли лицъ. ** Вскорѣ послѣ отправленія депутатовъ, Черный Георгій началъ явно дѣйствовать противъ Родофиникина и отдалъ приказъ схватить секретаря совѣта Стефана Живковича, митрополита бѣградскаго Леонтія и жившаго у Родофиникина Сербина Николу. Георгій подозрѣвалъ эти лица вмѣстѣ съ Родофиникинымъ, въ сношеніяхъ съ Турціей и въ замыслѣ предать Сербію. Поводомъ къ такому обвиненію служило письмо отъ виднаго

* Донесеніе Родофиникина, отъ 30 ноября. Арх. Воев. Топ. Дело, № 23.809, шк. 218, полк. 3.

** Депутатами были назначены: совѣтникъ Поповичъ, бывшій секретарь Юговичъ, пасаръ Чернаго Георгія Гоникій Дмитріевичъ и Ковачевичъ, служившій у Младена.

скаго паши къ князю Прозоровскому переданное Родофиникину совѣтникомъ Іовою. Это письмо было переведено на сербскій языкъ митрополитомъ Леонтиемъ, и переводъ переписанъ Сербиномъ Николою. Этого было достаточно, чтобъ обвинить всѣ эти лица въ измѣнѣ.

11-го декабря, при полномъ засѣданіи совѣтниковъ, обвиненные были приведены къ Черному Георгію. *

— Знаете ли вы, братія, кои здѣсь сидятъ, сказалъ Георгій, что мы проданы? Еслибы вы знали что дѣлается,—ужасъ бы на васъ нашель. Сей владыко и сей секретарь, въ согласіи съ генераломъ (Родофиникинымъ), писали на насъ зло царю и продали насъ и Сербію. Сей писарь никогда и не выходилъ изъ дому генералова, а генералъ здѣсь сидитъ, ниже насъ чему учить, ниже насъ образуетъ, а много писемъ посылаетъ туда и сюда съ курьерами, а намъ добра не желаетъ.

— За все то братія и господа, говорилъ Леонтій, что вы обо мнѣ думаете и говорите, вѣрьте Богу, по душѣ, не знаю ничего. Я плыву на одной съ вами лодкѣ, которая если утонетъ, и я утону, а если выплыветъ, и я выплыву, и я васъ увѣряю, что такъ, какъ вы думаете, не можно землю и цѣлый народъ продать! Кто захочетъ повѣрить мнѣ или сему секретарю? Такое событіе не можетъ быть безъ согласія главнѣйшихъ старѣйшихъ.

— А какое на прошедшихъ дняхъ писали вы турецкое письмо съ турецкимъ писаремъ у генерала въ домѣ, если ничего не знаете? спросилъ Младенъ.

— Никакого не писали, отвѣчалъ Леонтій.—По порученію жъ вашему переводили на сербскій языкъ письмо Моллы-паши, относящееся до переговоровъ между вами.

— Какія секретныя дѣла имѣешь ты съ генераломъ и зачѣмъ часто къ нему ходишь? допрашивали Живковича.

— Я ходилъ къ генералу по вашему приказанію, говорилъ Живковичъ; сверхъ того ходилъ потому, что онъ удостоивалъ меня своимъ вниманіемъ и милостію, и думалъ всегда, что хожу къ вашему пріятелю и благодѣтелю за общее добро. Генералъ любитъ васъ больше нежели вы думаете, и меня сербская мать родила, и я люблю мой родъ и отечество и кому бы оное продалъ: Русскимъ ли,—нашимъ пріятелямъ и благо-

* Записка составленная митрополитомъ Леонтиемъ. Арх. В. Т. Д. № 23.310, шк. 213, полк. 3.

дѣлать? Богъ видитъ дѣла всякаго, онъ мой свидѣтель, а вы имѣете власть дѣлать и судить какъ хотите. Я вамъ скажу, что вы въ семь генералѣ не познали еще своего благодѣтеля, не можете говорить, что онъ васъ не учитъ и что вамъ не совѣтуетъ. Можетъ ли онъ насильно васъ чему-нибудь обучить, да и какіе особыя образованія могутъ быть, когда онъ не имѣетъ еще повелѣнія. Кто вамъ совѣтовалъ посылать депутатовъ въ Петербургъ и такъ скрытно все дѣлать? Фельдмаршалъ имѣетъ отъ государя порученіе заботиться о всѣхъ дѣлахъ сербскихъ, для того же присланъ сюда и генералъ.

— А какъ ты-то знаешь? спросилъ Черный Георгій.

— Какъ не знать, когда то читалъ и разсуждаю. И вы могли бы то знать изъ толкихъ писемъ фельдмаршала, что онъ имѣетъ полную власть, а отъ него и сей генералъ, который для того и присланъ, чтобъ императора обо всемъ не утруждать, но чтобъ всё дѣла, которыя сербскаго благополучія касаются, черезъ ихъ посредство шли.

— Ты ажесть, вѣшался Бей Новокрещеновъ, бывшій также въ совѣтъ по приглашенію Чернаго Георгія и по желанію Младена.—Они не имѣютъ полномочія. А для чего Мейндорфъ и Дашкаревъ посланы въ ссылку, когда царь даетъ такіа полномочія?

— Я не знаю за что, отвѣчалъ Живковичъ.—Быть-можетъ за то, что они шли противъ воли своего государя.

— А какой мундиръ ты давалъ шить въ генеральскомъ домѣ, спрашивалъ Бей Новокрещеновъ, пошептавшись съ Милое.

— Мундиръ дѣйствительно далъ я шить, потому что слышалъ отъ генерала, что будетъ конгрессъ о мирѣ, и что я назначенъ отъ нашего господаря депутатомъ для отправленія туда, куда и хотѣлъ для народной чести въ сербскомъ мундирѣ показаться.

— Видимъ, что ты умѣешь хорошо отвѣчать, замѣтилъ на это Бей Новокрещеновъ.

Младенъ во все время вопроса старался разгорячить Чернаго Георгія и довести его до того, чтобъ онъ въ пылу гнѣва предалъ смерти всѣхъ допрашиваемыхъ; но это не удалось; обвиненные были отпущены, хотя оставлены въ сильномъ подозрѣніи.

Устраивая посылку депутатовъ въ Петербургъ, Младенъ разчитывалъ, что въ случаѣ успѣха честь этого дѣла

будеть приписана ему. Въ случаѣ же неудачи, все падеть на Чернаго Георгія, какъ верховнаго вождя, распорядившагося отправкою депутатовъ, дававшего имъ наставленія и подписавшаго ихъ инструкціи.

Получивъ свѣдѣніе объ отправленіи депутаціи изъ Бѣлграда, князь Прозоровскій распорядился, чтобы депутаты прибыли въ Яссы въ сопровожденіи офицера, назначеннаго какъ бы для почета, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы они куда не могли посылать ни писемъ, ни нарочныхъ. Въ то же время князь Прозоровскій писалъ къ графу Салтыкову, исправлявшему тогда должность министра иностранныхъ дѣлъ: „Съ крайнимъ соболѣзнованіемъ вижу я, что народъ сей, истинно всѣмъ сердцемъ и всею душой преданный Россіи, управляется начальниками, не имѣющими и тѣни просвѣщенія или благо нравія, но обрѣтающими пищу свою во злѣствѣ и безчеловѣчїи. Черный Георгій, по слабоумію своему, вовлекается въ таковыя поступки хитрыми изворотами сущихъ его непріятелей. Всѣ сіи обстоятельства заставляютъ меня терять надежду, при трактованіи о мирѣ съ Портою, успѣть съ депутатами Сербскими установить на твердомъ основаніи внутреннее благосостояніе Сербїи, да еслибъ и удалось склонить ихъ на прїятіе таковыхъ правилъ, то сколько по буйству, столько и по легковѣрїю ихъ нельзя ожидать, чтобы правила сіи были ими наблюдаемы, а напротивъ она саться надеждитъ, что они духомъ разбойничества преисполненные, посаждуютъ сей своей страсти и тѣмъ самымъ навлекать станутъ безпрестанныя непрїятности и затруднительныя хлопоты высочайшему двору нашему. Поневолѣ, если бы не жаль было народа, рождается мысль, предоставить ихъ, по заключеніи мира съ Портою, собственной ихъ судьбѣ и не даровать имъ далѣе покровительства государя императора, коего они обнаруживаютъ столь мало достойными“*.

Сербскіе депутаты прибыли въ Яссы 11-го января, а 13-го числа представлялись главнокомандующему и подали ему письма отъ Чернаго Георгія и отъ Родофиникина. Прозоровскій позвалъ ихъ въ кабинетъ. Юговичъ говорилъ одинъ за всѣхъ. „Онъ не гаупъ, пишетъ князь Прозоровскій, говоритъ по-нѣмецки, ибо жилъ не малое время въ Австріи, и по-русски

* Арх. Воен. Тен. Дено, № 23.310, шк. 213, поак. 3

изрядно говорить. Прочіе два похожи на мужиковъ и безмолвственно у меня пробыли* *.

— Изъ письма Чернаго Георгія, началъ князь Прозоровскій,—вижу я, что вы намѣрены ѣхать въ С.-Петербургъ. Я не запрещаю вамъ этого, а напротивъ того буду стараться содѣйствовать вашему отъѣзду, для чего и дамъ въ проводники вамъ одного штабъ-офицера. Хотя жители здѣшняго края не могутъ ѣхать въ С.-Петербургъ, не выдержавъ двѣнадцати дней карантину при Днястрѣ, но я прикажу однакоже держать васъ только шесть дней.

— Да, отвѣчалъ Юговичъ,—мы прислааны съ тѣмъ, чтобъ ѣхать въ С.-Петербургъ и просить его императорское величество о нашихъ нуждахъ.

— Я, какъ довѣренное и уполномоченное лицо моего государя, могу спросить васъ: въ чемъ ваша просьба состоятъ можетъ? Чѣмъ ѣхать такъ далеко, за тысячу шесть-сотъ слишкомъ верстъ отъ Яссы, не могу ли я, по данной мнѣ власти, рѣшить вашу просьбу. Развѣ Черный Георгій и правители ваши не имѣютъ довѣренности къ моему лицу. Если же они хотятъ Сербское царство возстановить и присоединить къ нему земли Албаніи, Босніи и другія, то конечно, этого я рѣшить не въ состояніи.

— Черный Георгій и мы никогда не думали о возстановленіи Сербскаго царства, но г. Родофиникинъ сказалъ намъ: *надо подумать вамъ о себѣ*. Это такъ насъ устало, что мы ѣдемъ просить у государя императора одного, — всегдашняго покровительства.

— Для этого ѣхать въ Петербургъ не нужно. Я могу, по данному мнѣ полномочію, увѣрить васъ, что государь императоръ пріемлетъ васъ навсегда въ свое покровительство, а можетъ-быть и Франція.

Чтобы внушить имъ болѣе довѣрія, князь Прозоровскій показалъ свой полномочный кредитивъ и сказалъ:

— Государь императоръ не можетъ принять вашего подданства, потому что на правомъ берегу Дуная не хочетъ себѣ брать владѣній турецкихъ, да и державы Французская и Австрійская на сіе не согласятся. Судите же сами, что требовать отъ Россіи, чтобъ она со всѣми, воевала и всѣмъ

* Секретное письмо князя Прозоровскаго къ графу Салтыкову. А. В. Т. Д.. № 22 310 шк. 213, полк. 3.

жертвовала для восстановленія особой державы Сербской, было бы здравому разсудку противно.

Юговичъ согласился съ этимъ.

— Россія, имѣя по Дунай границу, продолжалъ князь Прозоровскій, будетъ имѣть войска здѣсь и въ Малой Валахиіи кои покровительствуемыхъ государемъ дѣйствительно поддерживать. Какъ можно столь малой землѣ воображать себя особою державой, имѣя съ одной стороны Турецкую, а съ другой Австрійскую имперію!.. Не захотите ли вы быть австрійскими подданными?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, рѣшительно отвѣчалъ Юговичъ.

— Въ такомъ случаѣ вамъ нужно оставаться подданными турецкими. А какъ Порта обѣщала вамъ, по вашему желанію, постановить правленіе Сербіи, то сіе и выполнить должна при покровительствѣ нашемъ.

— Турки не сдержатъ слова, и тогда вновь откроется война.

— Порта обязана будетъ слово свое сдержать, боясь разорвать союзъ съ Россіей и видя русскія войска расположенныя по Дунаю.

Юговичъ согласился съ доводами главнокомандующаго.

— Итакъ, зачѣмъ же вамъ такъ далеко ѣхать? Здѣсь начнется конгрессъ, то не лучше ли здѣсь остаться. Когда Турки не согласятся на миръ, съ тѣмъ чтобы Дунай былъ границей, то я тотчасъ начну войну и не позже марта мѣсяца.

— А когда будетъ война, то намъ и ѣхать въ Петербургъ не нужно, говорилъ Юговичъ съ восхищеніемъ.

— Народъ Сербскій къ Россіи привязанъ, продолжалъ князь Прозоровскій,—а вамъ, правителямъ сего народа, не должно помышлять о собственныхъ своихъ выгодахъ или корысти, но думать объ общей пользѣ народа.

— Правда, отвѣчалъ Юговичъ.

— Порта для васъ не страшна; отъ бунтовъ сія держава идетъ къ паденію и къ совершенному разрушенію въ скоромъ времени.

— То истинная правда, смѣясь говорилъ Юговичъ,—что Порта отъ бунтовъ пасть должна.

Затѣмъ князь Прозоровскій говорилъ имъ, что Сербамъ полезно было бы, такъ какъ у нихъ нѣтъ школъ, отаравить дѣтей знатнѣйшихъ лицъ въ С.-Петербургъ учиться, и что это нисколько не будетъ противорѣчить трактатамъ, кои установ-

лены будутъ съ Турками. Депутаты одобрили совѣтъ его, и просили обо всемъ слышанномъ ими подумать, обѣщаясь на другой день сказать ему свой отвѣтъ. Князь Прозоровскій просилъ, чтобъ они отвѣтъ свой дали письменно, и получивъ его, поспѣшилъ отвѣчать.

„По письму вашему, писалъ оны имъ, вчерашняго числа мною полученному, въ которомъ вы изъявляете, что Сербскій народъ не желаетъ быть въ подданствѣ у Порты Оттоманской и для того страшитесь, что на конгрессѣ оное бы не послѣдовало, весьма я удивляюсь таковымъ отъ васъ вопросамъ. Предбудущее, то-есть чѣмъ конгрессъ кончится, кромѣ единого Бога, никто предузнать не можетъ, ибо отъ Создателя намъ человѣкамъ сего не предоставлено.

„А все мое сужденіе и даже секретныя положенія о предполагаемомъ на конгрессѣ суть: достигать возможной пользы Сербскаго народа, къ чему и старанія приложены будутъ. Въ томъ чемъ я полагаю возможнымъ, я вамъ самолично объявилъ, слѣдовательно о семъ другаго вопроса мнѣ дѣлать не для чего вамъ было, да и мнѣ другаго отвѣта дать невозможно. Если я столь откровенно съ вами говорилъ, то для того, что августѣйшій мой монархъ принялъ и навсегда пріемлетъ Сербскій народъ въ покровительство, о семъ я вамъ, сверхъ словеснаго увѣренія, еще и въ предыдущемъ моемъ письмѣ повторилъ. Самое сіе и въ трактатѣ съ Портою Оттоманскою помѣщено будетъ. Я же, яко всемилостивѣйшаго государя моего уполномоченный, емь другъ Сербскаго народа. Затѣмъ, чтобы правительство Сербіи было въ рукахъ самихъ Сербовъ, а не Турокъ, всѣ старанія къ тому приложены будутъ, далѣе же по словесному моему объясненію вамъ все уже извѣстно, и секретныхъ положеній на бумагу класть благоразуміе запрещаетъ. А легко случиться можетъ, что вскорѣ по открытіи конгресса, вмѣсто утвержденія мира, безъ замедленія начнется война, тогда и Сербскій народъ будетъ съ своей стороны оную продолжать согласно съ вѣренною мнѣ арміею, а въ продолженіи военныхъ дѣйствій, ежели съ Божіею помощію одержимъ побѣду надъ Турками, тогда и Сербія можетъ какія-либо вѣщія пользы получить“.

* Отъ 19 января 1809 г. Арх. Воен. Топ. Дено, № 23.310, шк. 213, подк. 3.

Письмомъ отъ 19-го января депутаты просили Прозоровскаго еще разъ повидаться съ ними лично. Свиданіе было въ присутствіи генерала отъ инфантеріи Голешицева-Кутузова *, находившагося въ то время у главнокомандующаго. Депутаты просили князя Прозоровскаго изложить на бумагѣ тѣ предположенія, относительно Сербіи, которыя ему кажутся осуществимыми, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать, что, по его мнѣнію, не можетъ быть исполнено. Князь положительно отказался исполнить желаніе депутатовъ, и повторилъ имъ опять то же самое, что говорилъ нѣсколько дней тому назадъ. Россійская держава, прибавилъ онъ, не можетъ имѣть подданныхъ за Дунаемъ, „ибо въ томъ самъ императоръ далъ обѣщаніе дворамъ французскому и австрійскому, да и сіи чѣмъ-либо противнымъ обѣщанію не могли бы быть довольны **.

Тогда депутаты рѣшили оставить намѣреніе ѣхать въ Петербургъ и колебались только, оставаться ли имъ въ главной квартирѣ, или ѣхать обратно въ Сербію. Князь Прозоровскій предоставлялъ имъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ по своему усмотрѣнію, но замѣтилъ, что не мѣшало бы кому-нибудь остаться при немъ, для сообщенія правительству ихъ о ходѣ конгресса и о томъ, что постановлено будетъ на немъ относительно Сербіи. Остался Юговичъ; два другіе возвратились въ Сербію.

Между тѣмъ въ самой Сербіи съ отправкою депутатовъ произошли перемѣны. Возбужденное Младеномъ раздраженіе противъ русскаго агента стало понемногу утихать. Родофиникинъ, считавшій свое положеніе въ Бѣлградѣ до такой степени не безопаснымъ, что въ первое время волненія счелъ необходимымъ сжечь всѣ бумаги и всю переписку съ главнокомандующимъ и выѣхать на жительство въ Краіовъ, опять вернулся въ Бѣлградъ. Самъ Черный Георгій опомнился, извинялся предъ русскимъ агентомъ, сваливая вину на другихъ. „Вы, который насъ учите всякому добру, писалъ между прочимъ верховный вождь Сербіи къ Родофиникину, хвала вамъ отъ неба до земли, что вы за насъ стараетесь. Я васъ и ваше превосходительство увѣряю и молю

* Въ послѣдствіи князь, знаменитый герой 1812 года.

** Изъ письма князя Прозоровскаго къ Родофиникину отъ 19 января 1809 г., № 13.

васъ, чтобы вы не вѣрили всакому. Есть люди, которые намъ зло мыслить и клеветыя рѣчи говорятъ, но я васъ увѣряю, клянусь всѣмъ и Богомъ самимъ Творцомъ, что народъ Сербскій теперь возбудился и повинуется повелѣнiямъ, что бѣ имъ приказано ни было, а до сего были дѣйствительно всякіе, кои не хотѣли ничего повиноваться, а теперь видимъ, что всѣ въ согласіи. Прежде были въ согласіи всѣ нахiи, кои сначала возстали, а тѣ кои послѣ пристали, оныя въ сторону смотрѣли, но теперь какъ увидѣли что и каково и что имѣемъ нашего покровителя, императора Александра,—теперь видимъ, что всѣ тѣ, кои крестомъ крестятся, есть въ согласіи. Изъ тѣхъ нахiй, съ которыхъ люди ходили на разбой и не хотѣли повиноваться повелѣнiямъ, теперь всѣ увѣрились, и когда увидѣли какъ ихъ сажаютъ въ тюрьму, и такыя другимъ разказали, такъ теперь всякій боится и благодареніе Богу, до сего все хорошо было, а отымѣ лучше успѣваетъ во имя Божіе и нашего императора царя Александра и вашего превосходительства, который насъ учить и приводить ко всему доброму дѣлу, какъ намъ управляться и мы по повелѣнiю вашему, какъ вы прикажете, не преминемъ себя вести, только просимъ васъ препокорно смотрите за народъ Сербскій что ему нужно и сами вы видите что и какъ.“*

Мы упомянули уже, что, по желанію князя Прозоровскаго, одинъ изъ сербскихъ депутатовъ, именно Юговичъ, остался въ Яссахъ. Желая ближе узнать настоящее расположеніе и желанiя Сербовъ, главнокомандующій поручилъ надворному совѣтнику Сиверсу войти въ объясненiя съ оставшимся депутатомъ, и получивъ донесеніе Сиверса, пригласилъ Юговича къ себѣ.

— Я буду съ вами говорить, началъ онъ,—не какъ главнокомандующій и уполномоченное лицо государя императора но какъ истинный другъ Сербскаго народа, желающій по единозаконію, по единоплеменію и по собственной наклонности споспѣшествовать благоденствію Сербовъ. Г. Сиверсъ донесъ мнѣ о разговорѣ, который имѣлъ съ вами. Изъ него я вижу, что правительство Сербскаго народа непременно хочетъ, чтобы Сербія была совершенно независима отъ Порты Оттоманской и притомъ имѣютъ въ виду возстановленіе особаго

* Изъ письма Чернаго Георгіа къ Родофиакину, отъ 19 января.

Сербскаго царства. Въ первомъ моемъ разговорѣ съ вами и товарищами вашими вы меня увѣрили, что никогда даже и въ мысляхъ не было возстановить Сербское царство, а теперь вдругъ вы говорите противное.

— Намъ отъ покойнаго главнокомандующаго генерала Михельсона, говорилъ Юговичъ, обѣщана была совершенная независимость Сербіи отъ Порты Оттоманской, и именно намъ отъ него объявлено, что постыдно было бы для Сербіи платить дань Туркамъ. О томъ извѣщенъ былъ весь народъ Сербскій и по сіе время полагаетъ въ томъ надежду свою.

— Генералъ Михельсонъ былъ здѣсь только главнокомандующій, но не уполномоченный, слѣдовательно онъ не имѣлъ никакого права дѣлать такого рода обѣщанія Сербамъ, и ежели оно имъ и было дано, то по сему самому обстоятельству дѣлается недѣйствительнымъ и на немъ никакъ основываться нельзя. Впрочемъ, если народъ Сербскій думаетъ сдѣлаться независимымъ, то надлежало совѣту заблаговременно о томъ объясниться, чтобъ я могъ ихъ вывести изъ заблужденія.

— Въ прошедшемъ году совѣтъ писалъ вамъ письмо, которымъ испрашивалъ позволенія прислать къ вамъ депутатовъ для объясненія, но вы отвѣчали, что въ это время не предстояло надобности дѣлать такихъ издержекъ, а что въ свое время вы пригласите ихъ сами.

— Въ самомъ дѣлѣ, тогда нужды никакой не было посылать депутатовъ, какъ я уже о томъ и извѣстилъ Чернаго Георгія. Хотя я сначала получилъ отъ государя императора полную мочь для трактованія о мирѣ непосредственно съ Портой Оттоманскою, но въ послѣдствіи времени мирныя переговоры по взаимному соглашенію перенесены были въ Парижъ, гдѣ и производились при посредничествѣ императора Наполеона. Писалъ, правда, ко мнѣ и Черный Георгій, что онъ желаетъ со мною видѣться, но зная всю важность сопряженную съ его пребываніемъ въ Сербіи, я не хотѣлъ его, по дальности разстоянія между Сербіей и Яссами, отлучить на долгое время, и для того отвѣтствовалъ ему, что приглашу его къ себѣ когда буду въ Букарештѣ, намѣренъ бывъ для сего самаго ѣхать въ Краіовъ. Но я былъ въ Букарештѣ въ самую глубокую осень, когда обстоятельства совсѣмъ перемѣнились, и я не встрѣчалъ болѣе надобности озабочивать его такою

повздкой; притомъ же узналъ, что Сербы дѣлають свои положенія, которыя доведены теперь до моего свѣдѣнiя. Независимость Сербiи, продолжалъ Прозоровскiй, ни подъ какимъ видомъ несовмѣстна съ географическимъ положенiемъ этой земли. Она окружена тремя большими государствами, между которыми такой малой землѣ, какова Сербiя, невозможно оставаться предоставленною самой себѣ и быть совершенно независимою. А чтобы, по утвержденiю вашему, Сербы заключили тайный союзъ съ прочими Сербами: на Черной горѣ, въ Герцеговинѣ, Боснiи и Албанiи для взаимнаго сверженiя съ себя власти турецкой, я этому не вѣрю и не думаю, чтобы существовали у васъ какiя-либо письменныя постановленiя о такомъ союзѣ. Вѣроятно, вы полагаетесь на какiя-нибудь пустыя обнадеживанiя, на эмиссаровъ или конфидентовъ, но на ихъ показанiя полагаться не должно, такъ какъ по большей они сообщаютъ только для полученiя какой-нибудь награды такiя извѣстiя, которыя сами по себѣ ложны, но служатъ къ обольщенiю. На народъ ссылаться никакъ не должно, ибо онъ истинно преданъ Россiи и повинуется старѣйшинамъ имъ управляющимъ по собственному произволу. Си же, не имѣя случая къ надлежащему просвѣщенiю, не имѣють свѣдѣнiй ни о географiи, ни о политическихъ связяхъ европейскихъ дворовъ. Неужели они воображаютъ, что сидя въ комнатѣ, можно по такимъ извѣстiямъ, сообщаемымъ конфидентами, распорядиться дѣлами свѣта. Да я самъ, хотя и имѣю конфидентовъ гораздо вѣрнѣйшихъ, не даю полной вѣры всѣмъ ихъ разказамъ, и соображая ихъ между собою, отдѣляя правдоподобныя извѣстiя отъ невѣроятныхъ, потомъ уже дѣлаю свои заключенiя. Притомъ получаю я отъ нашего двора извѣстiя о всѣхъ происшествiяхъ въ Европѣ, на которыхъ и основываю мои предположенiя и распоряженiя. Если дѣйствительно существуетъ такой тайный союзъ, то весьма худо вы сдѣлали, скрывъ отъ своего покровителя и опредѣленныхъ отъ него довѣренныхъ лицъ. Впрочемъ, буде бы Сербы на самомъ дѣлѣ имѣли намѣренiе возстановить Сербское царство, присовокупивъ къ себѣ единовѣрныхъ своихъ въ Герцоговинѣ, Албанiи и Боснiи, то въ исполненiи сего встрѣчаются разныя неудобоотвратимыя препятствiя: въ Албанiи и Боснiи большая часть жителей магометанскаго закона, а весьма мало христiянъ, слѣдовательно это самое обстоятельство служитъ препною вашему желанiю.

— Христіанъ въ Босніи много, отгвѣчалъ Юговичъ;— они всѣ привержены къ Сербамъ и съ помощію ихъ мы надѣемся покорить магометанъ боснійскихъ.

— Съ другой стороны, продолжалъ князь Прозоровскій,— Порты Оттоманская не можетъ быть равнодушна, когда увидитъ сіи провинціи отпавшими отъ нея, и конечно употребитъ всѣ свои силы и способы для покоренія ихъ опять подъ свою власть, что и подастъ поводъ опять къ продолжительной войнѣ. Вовторыхъ, вселивъ единожды духъ свободы и независимости въ жителей Босніи, Сербы возбуждаютъ тѣмъ и сосѣдей, Далматинцевъ и возродятъ въ нихъ также желаніе свергнуть съ себя иго Франціи и возстать противъ оной, а сіе вовлечетъ Сербію въ неизбѣжную войну съ тою державой. Какимъ образомъ моему государю императору равнодушно смотрѣть на то, когда они взбунтуютъ Далматинцевъ, подданныхъ *первѣйшаго* и *вторѣйшаго* его союзника? Оно со стороны Сербовъ доказало бы мало уваженія къ покровителю, который за нихъ съ Франціей войны начать не можетъ.

— Мы не имѣемъ ни малѣйшаго намѣренія дѣлать что-либо непріятное его величеству, но желаемъ получить отъ Россіи совершенное обезпеченіе, со стороны упомянутыхъ двухъ державъ, въ чемъ и почитаемъ главный предметъ покровительства государя императора, и буде независимость Сербіи не будетъ совершенно и неограниченно утверждена, въ такомъ случаѣ просимъ, чтобы Россія предоставила намъ волю самимъ управляться съ Турками, которыхъ мы при помощи Божіей, и вмѣстѣ съ союзниками нашими надѣемся ихъ одолѣть.

— Сербы, можетъ-быть, захотятъ также, говорилъ Прозоровскій, привлечь къ себѣ и австрійскихъ Сербовъ, а тогда они подвергаютъ себя опасности и съ Австріей поссориться. Если подлинно возмутите вы Австрійскихъ Сербовъ, Россія конечно не станетъ для поддержанія васъ воевать съ Австріей: такое бремя на себя брать не захочетъ. Когда же Сербы заведутъ ссору съ Франціей и Австріей, тогда государь императоръ покровительствовать имъ не можетъ. Весьма сомнительно также, чтобы Сербы и съ союзниками своими могли до конца противостоятъ силамъ Порты Оттоманской, которая безъ сомнѣнія употребитъ всевозможные способы, чтобы привести ихъ въ прежнее повиновеніе. Но Сербы и думать не должны

о томъ чтобы могли дѣйствовать противъ регулярныхъ войскъ. Я, конечно, отдаю справедливость Сербскому народу, что онъ храбръ и неустрашимъ, но сего недовольно, а нужно имѣть свѣдѣнiе и въ военномъ искусствѣ. Казаки у насъ не менѣе храбры какъ и Сербы; но, по незнанiю ихъ военной науки, также нельзя употреблять ихъ однихъ противу регулярныхъ войскъ. Я беру на себя съ 20 тысячами человекъ моей армiи преодолѣть всѣ силы сербскiя; какъ же хотятъ они противостоять многочисленнымъ войскамъ Францiи или Австрiи, изъ коихъ каждая имѣетъ ихъ до 500 тысячъ? Конечно, и Россiя имѣетъ столь значительную армiю, но въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда она занята войной въ трехъ разныхъ краяхъ, не можетъ она, еслибъ и желала, всѣмъ подавать помощь, а еще тѣмъ менѣе со всѣми воевать. Сербы должны на первое время довольствоваться тѣмъ, чтобы быть имъ подъ покровительствомъ государя императора, и въ знакъ признательности за то, что Порты Оттоманская не будетъ вмѣшиваться во внутреннее управленiе ихъ земли, должны платить имъ нѣкоторую дань.

— Послѣ обѣщанiя, отвѣчалъ Юговичъ, — сдѣланнаго народу въ манифестѣ генерала Михельсона, * всякiй, кто скажетъ народу что-либо противное, подвергнетъ себя опасности лишиться жизни.

— Я уже неоднократно обнадеживалъ, что будетъ приложено всякое старанiе на мирномъ конгрессѣ, о доставленiи Сербамъ возможныхъ выгодъ.

— Товарищи мои, два депутата, огорченные ухваи изъ Яссы, и если народъ узнаетъ о намѣренiи сдѣлать его опять подданнымъ Порты Оттоманской, то не ожидая конца перемирiя, немедленно начнетъ войну противъ Турокъ.

— Государь императоръ, отвѣчалъ на это Прозоровскiй, — почтетъ такой поступокъ за неуваженiе къ его покровительству и совершенно предоставитъ народъ Сербскiй самому себѣ, и тогда я не стану вмѣшиваться въ ихъ дѣла, но торжественно отрекусь отъ такого ихъ поступка, дабы заключить полезный для Россiи миръ съ Турцiей. Сербы конечно не могутъ требовать отъ Россiи, чтобы она предпочла пользу столь малой земли, какова Сербiя, пользамъ

* Письмо Михельсона отъ 11 января 1807, приведенное въ первой статьѣ (см. стр. 114 предыдущей книжки *Русскаго Вѣстника*).

пространной Россійской имперіи, или чтобъ она, жертвуя собою, веда за Сербію войну со всѣми прочими государствами, да и самъ императоръ не можетъ, изъ угожденія Сербамъ, упустить изъ виду блага собственныя своихъ подданныхъ. Впрочемъ не думаю, чтобы конгрессъ кончился миромъ, а тогда буду писать къ Черному Георгію о вачати войны противъ Турокъ.

— Мы этого сердечно желаемъ, отвѣчалъ Юговичъ.

Въ то время когда происходили переговоры между Юговичемъ и кн. Прозоровскимъ, сербскій совѣтъ обратился съ просьбою къ Родофикину послать новыхъ „болѣе почтенныхъ“ депутатовъ, которые бы пользовались народнымъ довѣріемъ и могли бы дать всѣ объясненія, касающіеся дѣла Сербскаго народа. О Юговичѣ и его товарищахъ говорили, что имъ поручено было только отвести письмо ко двору и, кромѣ этого, не было дано никакихъ порученій.

Вновь назначенные депутаты прибыли въ Яссы почти одновременно съ турецкими уполномоченными.

Въ такомъ положеніи находились дѣла Сербіи въ началѣ 1809 года, когда вновь началась война съ Турціей, продолжавшаяся почти до начала знаменитой отечественной войны 1812 года.*

Н. ДУБРОВИНЪ.

* Приложенія см. на слѣдующей страницѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. ПИСЬМО ЧЕРНАГО ГЕОРГІЯ КЪ МИХЕЛЬСОНУ, 18 ІЮНЯ 1806 ГОДА.

Посланный отъ насъ капитанъ вашихъ армій, по фамиліи своей Угричичъ Требинскій, а назначенный въ бумагахъ Бей Новокрещеновъ, утѣшилъ всѣхъ насъ до восхищенія и охрабрилъ прішествіемъ своимъ и кроткимъ у насъ обращеніемъ, ревностнымъ примѣромъ и военнымъ искусствомъ своимъ, гдѣ былъ, тамъ новый духъ воинству нашему ввелъ. И мы его толь возлюбилъ и почитаемъ, дабы его никакъ отъ насъ не отпустили, аще бы насъ величайшій недостатокъ въ нуждахъ не принуждалъ его къ намъ, съ покорнѣйшими прошеніями отправить. Онъ все глазами своими видѣлъ, и знаетъ всѣ недостатки наши, и что мы скоро и нужно требуемъ, и какимъ образомъ намъ спѣшно помочь можно. Деньги, оружіе, амуниція и искусные воины суть наши первыя надобности, каковыя такъ и прочія нужды наши, повѣрили ему полно, аки сообщнику нашему. Молимъ убо покорнѣйше ваше высокопревосходительство увѣриться положительнымъ образомъ о великой нуждѣ состоянія нашего, и да позволите ему дать скорое пособіе, спѣшною помощію немедленно насъ утѣшите. Его же обратно къ намъ прислать, да будетъ съ нами навсегда и да устройте неискусное воинство наше; мы все сіе на познатое свѣту ваше человеколюбивое сердце полагаемъ, а ваше къ невинностраждущимъ участіе, полно и совершенно насъ обнадеживаетъ, да вы смотря на стремленіе на насъ нападающихъ усилившихся враговъ нашихъ, скорою помощію насъ утѣшить будете, за которую вамъ вѣчно народъ Сербскій благодаренъ будетъ. Впрочемъ, все сіе, вашему премудрому предусмотрѣнію и объ насъ попеченію покорнѣйше предается. Вручаемъ насъ и цѣлое воинство наше и весь народъ Сербскій милостямъ и щедротамъ вашимъ, и заступленію у всевысочайшаго російскаго двора, насъ всемилостивѣйше покровительствующаго. Благодаря еще насъ покорнѣйше, за сотворенную намъ черезъ г. Требинскаго перваго посѣщенія утѣху, имѣемъ высокую честь со отиѣннымъ высокопочитаніемъ пребыть вашего высокопревосходительства покорнѣйшій и лижайшій слуга, Черный Георгій Петровичъ, вождь Сербовъ. (Арх. Воен. Топ. Дено, дѣло за № 23.338, шк. 213, полк. 3.)

В. ПИСЬМО БУДБЕРГА КЪ РОДОФИНИКИНУ.

Тильзитъ 21 мая 1807 года.

Съ прибывшимъ сюда курьеромъ Рышковскимъ, при одномъ изъ отношеній ко мнѣ главнокомандующаго арміей, получилъ я письмо на высочай-

шее имя отъ находящихся въ Букарештѣ сербскихъ депутатовъ, коимъ просятъ они отъ имени своего правительства, чтобы по прежде изъясненной уже просьбѣ, о присылкѣ къ нимъ для руководства ихъ нашего чиновника, вы къ тому были назначены. Его императорское величество представляя то на разсмотрѣніе главнокомандующаго, и если по общему мнѣнію вашему, таковая поѣздка въ настоящихъ обстоятельствахъ признается нужною, то по дозволенной уже опытности вашей въ дѣлахъ, вы, конечно, съ такою же пользою для службы употребите пребываніе ваше тамъ какъ и въ другихъ мѣстахъ. По случаю же предполагаемой комиссіи, нахожу я совершенно излишнимъ снабжать васъ какими-либо новыми наставленіями, ибо какъ положеніе дѣлъ, такъ и вся система наша, относительно того края, вамъ болѣе нежели кому-нибудь извѣстна. Если при отъѣздѣ туда, признаете нужнымъ взять съ собою изъ чиновниковъ при васъ числящихся, то представляю на разсмотрѣніе ваше. (Арх. В. Т. Д. № 23.306, шк. 213. полк. 3.)

С. ПИСЬМА МИХЕЛЬСОНА, ОТЪ 16 ІЮНЯ 1807 ГОДА.

I.

Почтенному совѣту народа Славяно-Сербскаго.

Его императорское величество, всемилоуствѣннѣйшій государь, по сродному великодушію своему, въ доказательство монаршаго покровительства, къ единогласному съ Россіянами и храброму народу Славяно-Сербскому, соизволивъ высочайше предоставить мнѣ отправить въ Сербію дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Родофиникина, восхотѣвъ ознаменовать тѣмъ наивысшее высочайшее желаніе свое поколюки возможно являть прошеніямъ Сербовъ и милосердие попеченіе свое наиблизайше узнать о всѣхъ нуждахъ ихъ и способахъ доставить имъ вспоможеніе. Да послужить вамъ, почтенный совѣтъ, новымъ доводомъ толикаго государя императора снисхожденія и то, что неукоснительно отправлена къ вамъ особа, та самая, о которой просили депутаты ваши ко мнѣ пріѣзжавшіе. Г. Родофиникинъ имѣетъ потому порученіе осведомиться о всѣхъ нуждахъ, о способахъ сообразить возможную пользу для единогласнаго дѣйствія войска его императорскаго величества въ сихъ странахъ и воинства сербскаго, употребить себя на сотрудничество съ вами въ образованіи устройства въ правленіи вашемъ, коего желаете вы для блага народнаго и всѣмъ тѣмъ наивысше вамъ доказать о непремѣнномъ покровительствѣ великаго государя всероссійскаго.

Прося васъ, почтенный совѣтъ, имѣть къ г. дѣйствительному статскому совѣтнику Родофиникину довѣренность во всѣхъ нуждахъ нашихъ и въ томъ, что онъ вамъ предложитъ ко благу вашему и къ общему съ нами содѣйствію на покореніе враговъ; пріятно мнѣ при семъ случаѣ поздравить васъ съ побѣдою надъ врагомъ вашимъ, неподалеку отъ Виддина, неустрашимымъ воинствомъ сербскимъ одержанною, такъ какъ получилъ я о томъ донесеніе отъ генералъ-майора Исаева, и также усердно пожелать, дабы подвиги храбраго воинства вашего не претавали быть путеводами десницею Божіею.

II.

Высокородимый, высокопочимый вождь Сербскаго народа, Черный Георгій Петровичъ!

(Сначала то же самое что и совѣту, до слова: *еспомоществованіе*.)

Вы храбрый вождь украшены уже знакомъ высококоманднаго отличія отъ имени его императорскаго величества отъ меня къ вамъ отправленными, равно какъ и ратоборствующій съ вами г. Миланко, и ознаменовано тѣмъ передъ очами всего воинства и народа Славяно-Сербскаго, вниманіе и милость великаго государя всероссійскаго къ полководцу ихъ.

Отправленіе же къ вамъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Родофиникина да послужить вамъ явственнымъ доказательствомъ сколь пріятно его императорскому величеству удовлетворить по возможности желанію вашему, ибо государь императоръ соизволилъ предоставить мнѣ отправить его къ вамъ, яко особу, о коей просили сами депутаты ваши ко мнѣ пріѣзжавшіе.

Г. Родофиникину сдѣлано потому преворученіе къ вашему превосходительству и къ совѣту народа Славяно-Сербскаго о всѣхъ нуждахъ вашихъ и способахъ сообразить возможную пользу изъ согласованія дѣйствія войскъ его императорскаго величества въ сихъ странахъ и воинства сербскаго.

D. ОКОНЧАНІЕ ПИСЬМА БАРОНА БУША *.

Извѣстіе, что Абукиръ и Александрія заняты алжирскою арміею, вполне подтвердилось. Но Розетта еще не въ ихъ власти. Англичане до сихъ поръ стоятъ передъ этою крѣпостью, которая защищается, какъ слышно, энергически и препятствуетъ имъ подняться вверхъ по Нилу и достигнуть Каира.

Оттоманская эскадра, вышедшая изъ Дарданеллъ, имѣла упорный бой съ русскою эскадрою. Подробности этой битвы еще неизвѣстны. Но вообще увѣряютъ, что Турки потерпѣли сильное пораженіе и были вынуждены удалиться опять на свою прежнюю стоянку подъ прикрытіе замковъ Дарданелльскихъ. Въ арсеналѣ готовятъ другую эскадру и сажаютъ на нее, для пополненія экипажа, людей намербованныхъ незадолго передъ симъ въ отиѣвенный отрядъ. Эта эскадра назначена въ подкрѣпленіе той, которая выслана въ море, и для вознагражденія потерпѣнныхъ ею утратъ. Передъ послѣднею перемиріемъ царствованія, семейство князей Мурузи было прощено, уплативъ значительную пеню, внесекую ею въ государственное казначейство. Оба члена этого семейства, содержавшіеся въ тюрьмѣ, освобождены и имъ возвращенъ ихъ домъ. Оба другіе, которые были сосланы во внутренность Азіи, получили позволеніе возвратиться къ своимъ родственникамъ.

На дняхъ сюда прибылъ курьеръ изъ Милана къ генералу Себастьяну.

* Начало помѣщено въ первой статьѣ (см. стр. 122—123 предыдущей книжки *Русскаго Вѣстника*).

Съ нами прѣхали два офицера, одинъ инженерный полковникъ, адъютантъ вице-короля италійскаго, другой—артиллерійскій подполковникъ. Неизвѣстно, какое имъ дано порученіе. Судя по снѣгъ, ихъ сопровождающей, нѣкоторые полагаютъ, что полковникъ назначенъ на какой-нибудь дипломатическій постъ въ здѣшней столицѣ.

Намѣреніе генерала Себастьяна ѣхать въ Дардавеллы, отложенное имъ по причинѣ болѣзни, теперь, повидимому, совсѣмъ оставлено имъ, вслѣдствіе могущихъ событий. Такъ какъ эту поѣздку онъ хотѣлъ предпринять только въ угоду султану Селиму, то вѣроятно онъ откажется отъ нея. Артиллерійскій корпусъ, который идетъ изъ Дамаску, должный отправиться въ Дардавеллы, не проходилъ еще. Неизвѣстно даже, удалось ли ему пройти черезъ Боснію.

Желанія мои о томъ, чтобы г. консулу Ширико было позволено, какъ воишь другимъ чиновникамъ его императорскаго величества въ Турціи, удалиться съ оттоманской территоріи, до сихъ поръ были безплодны. Прѣжній рейсъ-эфенди, сдѣлавшійся одною изъ жертвъ янычарскаго мятежа, никакъ не соглашался отпустить этого консула. Я сдѣлаю мольбу представленія теперешнему министерству. Желаю, хотя и не смѣю надѣяться, чтобы эти представленія были лучше приняты и чтобы они имѣли болѣе счастливый результатъ для г. Ширико, который живетъ у меня и подъ моею охраной. (Арх. В. Т. Дено, № 23.338, шк. 213, полк. 2.)

Е. УСЛОВІЯ ПЕРЕМИРІЯ, ЗАКЛЮЧЕННАГО 24 (12) АВГУСТА 1807 ВЪ СЛОБОДЗЕЙСКОМЪ ЗАМКѢ, БЛИЗЪ ЖУРЖИ.

„Во имя Бога!

„Блистательная Порта и русскій императорскій дворъ, искренно и взаимно желая положить конецъ войнѣ, разъединяющей обѣ имперіи и возстановить миръ и доброе согласіе, при посредничествѣ его величества императора Французовъ и короля Италіи, которое равно принято обѣими высокими договаривающимися сторонами, условились заключить немедлено перемиріе. Съ этою цѣлью они назначили своихъ уполномоченныхъ, именно: блистательная Порта его превосходительство Сеидъ-Махмета-Галебъ-эфенди, бывшаго рейсъ-эфенди, а теперь нисанджіа; а русскій дворъ его превосходительство г. генерала Сергія Лашкарева, тайнаго советника его величества императора всея Россіи и кавалера многихъ орденовъ, которые, въ присутствіи г. полковника Гильоминио, присланнаго его величествомъ императоромъ Французовъ и королемъ Италіи, для присутствованія при взаимныхъ совѣщаніяхъ о перемиріи, договорились въ слѣдующихъ статьяхъ:

Статья 1.

„Тотчасъ послѣ подписанія перемирія, главнокомандующіе обѣихъ армій, турецкой и русской, имели: его свѣтлость великій визирь и его превосходительство главнокомандующій генералъ Михельсомъ, помянуть курьеровъ съ предписаніемъ о совершенномъ прекращеніи военныхъ дѣй-

ствѣ съ той и другой стороны, какъ на сухомъ пути, такъ и на морѣ, на рѣкахъ, и словомъ повсюду, гдѣ находятся войска обѣихъ державъ.

Статья 2.

„Такъ какъ Блистательная Порта и Россія равно и самымъ искреннимъ образомъ желаютъ возобновленія мира, и добраго согласія, то обѣ договаривающіяся стороны немедленно послѣ подписанія теперешняго перемирія, назначать уполномоченныхъ для переговоровъ и заключенія мира въ самомъ скоромъ времени, въ томъ мѣстѣ, которое они найдутъ удобнымъ для этого.

„Если во время переговоровъ о мирѣ, возникнутъ, по несчастію, затрудненія, и нельзя будетъ уладить дѣла, то перемиріе не будетъ прекращено прежде наступленія ближайшей весны, то-есть 3-го апрѣля 1808 года стараго стиля, или 21 марта новаго стиля христіанской эры.

Статья 3.

„Тотчасъ послѣ подписанія теперешняго перемирія, русскія войска начнутъ выходить изъ Молдавіи и Валахіи, а также изъ всѣхъ провинцій, крѣпостей и другихъ мѣстъ, занятыхъ ими въ настоящую войну, и удалятся въ свои прежнія укрѣпленія, такъ, чтобы выступленіе ихъ было совершенно кончено въ продолженіи 35 дней, считая со дня подписанія теперешняго перемирія.

„Русскія войска оставятъ въ странѣ и крѣпостяхъ, изъ которыхъ они должны выйти, всѣ вещи, пушки и боевые снаряды, которые были тамъ до занятія ихъ Русскими.

„Блистательная Порта назначить комиссаровъ, которые примутъ означенныя крѣпости отъ русскихъ офицеровъ, назначенныхъ для этой цѣли. Войска оттоманскія также въ продолженіе 35 дней выйдутъ изъ Молдавіи и Валахіи и переправятся обратно за Дунай. Они оставятъ въ крѣпостяхъ Измаилъ, Браиловъ и Журжъ только гарнизоны, достаточные для охраненія ихъ.

„Русскія войска смесутся съ турецкими, для того чтобъ обѣ арміи начали одновременно удаляться изъ Молдавіи и Валахіи.

„Обѣ договаривающіяся стороны не будутъ ни какимъ образомъ вѣшиваться въ администрацію двухъ княжествъ Молдавіи и Валахіи до прибытія уполномоченныхъ, которымъ будетъ поручено договариваться о мирѣ. До заключенія мира, оттоманскія войска не займутъ ни одной изъ крѣпостей, изъ которыхъ выйдутъ русскія войска въ силу теперешняго перемирія; въ эти крѣпости будетъ позволено входить только жителямъ.

Статья 4.

„Согласно предыдущей статьѣ, съ острова Тенедоса, также какъ изъ всякаго другаго мѣста въ Архипелагѣ, которое Русскіе займутъ прежде полученія извѣстія о перемиріи, войска ихъ будутъ выведены.

„Русскіе корабли, стоящіе на якорѣ у Тенедоса, или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ Архипелага, возвратятся въ свои гавани, такъ чтобы переходъ черезъ Дарданельскій проливъ остался совершенно открытымъ и свободнымъ.

„Если русскіе корабли, возвращаясь въ свои гавани, будутъ вынуждены остановиться гдѣ-нибудь въ Архипелагѣ по причинѣ бури или по какой-либо другой крайней необходимости, то турецкіе офицеры не противопоставятъ имъ никакого препятствія, и напротивъ, окажутъ имъ нужное пособіе.

„Всѣ военныя, или другіе оттоманскіе корабли, которые во время войны попадали въ руки Русскихъ, будутъ возвращены съ ихъ экипажами, также какъ и всѣ русскіе корабли, взятые оттоманскими военными силами.

„Русскіе корабли, возвращаясь въ свои гавани, не возьмутъ съ собою никого изъ подданныхъ Порты.

Статья 5.

„Всѣ суда русской флотиліи, находящейся въ Судинскомъ, или въ какомъ-нибудь другомъ устьѣ, выйдутъ изъ нихъ и возвратятся въ свои гавани, дабы оттоманскіе корабли могли ходить совершенно безопасно.

„Блистательная Порта распорядится, чтобы русскія суда, возвращающіяся въ свои гавани, были уважаемы, и чтобы имъ было позволено даже входить въ нѣкоторыя оттоманскія гавани въ случаѣ бури, или какой-нибудь другой необходимости.

Статья 6.

„Всѣ военнопленные и другіе невольники, обоихъ половъ, какого бы званія или чина ни были они, будутъ немедленно освобождены и возвращены съ той и другой стороны, безъ всякаго выкупа, за исключеніемъ, однакожь, мусульманъ, которые добровольно приняли христіанскую вѣру въ Россійской имперіи и христіанскихъ подданныхъ Россіи, которые подобнымъ же образомъ приняли исламизмъ въ Турецкой имперіи.

„Тотчасъ по заключеніи теперешняго перемирія, всѣ начальствующіе офицеры и жители турецкихъ крѣпостей, находящіеся въ настоящее время въ Россіи, будутъ возвращены и присланы въ Турцію, со всеми ихъ вещами и багажомъ.

Статья 7.

„Сей договоръ о перемиріи, написанный на языкахъ турецкомъ и французскомъ, подписанный обоими уполномоченными и г-мъ полковникомъ Гильеммо, и раздѣленъ, для ратификаціи, его свѣтлостью великимъ вазиремъ и его превосходительствомъ главнокомандующимъ генераломъ Михельсономъ.

„Оба уполномоченные озаботятся, чтобы упомянутая ратификація была раздѣлена черезъ недѣлю, или ранѣе, если будетъ возможно.

„Составлено и опредѣлено въ замкѣ Слободзейскомъ, близъ Журжу, 18/2, августа 1807 года.“

Особенная статья, условленная между его превосходительствомъ Галебомъ-эффенди, уполномоченнымъ Блистательной Порты, и его превосходительствомъ г-мъ Сергіемъ Лашкаревымъ, уполномоченнымъ русскаго двора, въ присутствіи г. полковника Гильеммо:

„Такъ какъ въ силу перемирія, подписаннаго сегодняшнимъ числомъ слѣдуетъ, чтобы военныя дѣйствія прекратились повсюду, то до прибытія

уполномоченныхъ, которымъ будетъ поручено договориться о мирѣ, оттоманскія войска не предпримутъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій въ окрестностяхъ Ваддила и Фетъ-Ислама, гдѣ есть русскія войска, присоединенныя къ Сербамъ.“

(Арх. Воев. Топ. Дено № 36.743, тѣ. 213, полк. 4.)

Ф. ИЗЪ ПИСЬМА КНЯЗЯ ПРОЗОРОВСКАГО КЪ РОДОФИНИКИНУ, ОТЪ 23 АПРѢЛЯ.

..... Богосъ Себастьянъ въ третьей конференціи объявилъ мнѣ, что Турки по обыкновенной медительности нынѣ производящихся мирныхъ переговоровъ, остающихся по сіе время безъ малѣйшаго успѣха, чрезвычайно беспокоятся и начинаютъ обнаруживать разныя подозрѣнія насчетъ христіанъ вообще и что особливо дѣло о Сербѣхъ привело ихъ въ великое смущеніе и если прикажутся какое-либо неожиданное происшествіе, то Турки непременно перерѣжутъ всѣхъ христіанъ, и что могутъ случиться такія обстоятельства, въ которыхъ и сама Порта, даже Мустафа-паша, не въ состояніи будутъ ихъ оттого удержать. На сіе я ему отвѣчалъ, что еслибы Турки внезапно напали на христіанъ, то по общему мнѣнію соблюденію прекращенія непріятельскихъ дѣйствій, я, конечно, не могу перейти черезъ Дунай для защищенія христіанъ, но буде бы Турки дерзнули на то покуситься, когда армія наша находилась по ту сторону рѣки, то не могу уже тогда отвѣчать за войска подъ моимъ начальствомъ состоящія, кои несомнѣнно восхотятъ отмстить Туркамъ за кровь единовѣрцевъ своихъ.

Въ другомъ разговорѣ съ г. Ширико, Богосъ сказывалъ ему, еслибы Россія присоединилась къ Турціи для взаимнаго сопротивленія пагубнымъ замысламъ французскимъ, то Русскіе могли бы занять безъ малѣйшаго затрудненія всю Сербію и въ оной господствовать. Причины имъ въ подтвержденіе того изъясненныя суть: всеобщая ненависть Турокъ противъ Французовъ, единогласное желаніе мусульманъ отмстить имъ за ихъ вѣроломство и равно усердное желаніе соединиться съ храбрыми Русскими, имѣть сильную podporу толико могущественной державы, какова Россія. По мнѣнію его, пѣхота русская, вѣдѣть съ колыцею турецкою, составила бы самое непобѣдимое войско и обратила бы въ ничто всѣ дѣйствія происковъ и оболъженія, Французами употребленныхъ, и истощила бы всѣ усилія ихъ въ Турціи. Онъ утверждаетъ, что однимъ токмо способомъ Россія можетъ достигнуть дѣла своей и предупредить Французовъ, которые уже издавна стараются удерживать Россію отъ всякаго важнаго успѣха въ Турціи, воспрепятствовать всякому ихъ согласію съ Портою, изыскивая всевозможныя средства для усыпанія Россіи, надъ собственными ея выгодами, и для распространенія самихъ себя насчетъ самой даже Россіи. Богосъ еще присовокупилъ, еслибы Россія рѣшилась на союзъ съ Турціей, тогда безъ войны, безъ пролитія крови, не жертвою подаваемыхъ турецкихъ, христіанскаго исповѣданія и не причиняя никакого соблазна суевѣрнымъ мусульманамъ, Русскіе весьма легко могли бы владѣтьствовать надъ всеми христіанами въ Греціи, Болгаріи и Рومеліи и даже въ Босніи и Албаніи, и что сіи народы, подкрѣпая дѣйствія

Русскихъ, довели бы также и до господства въ самомъ Константинополѣ. Но онъ при томъ сдѣлалъ замѣчаніе, что въ такомъ случаѣ Россія никакъ не должна обнаруживать передъ Турками намѣренія своего, учредить гарнизоны въ Дардаделлахъ, ниже помѣщать изъ войскъ своихъ тамъ, гдѣ ихъ присутствіе было бы Туркамъ неприятымъ, но что подъ предлогомъ защищенія Турковъ и вспомоствованія имъ для отищенія Французамъ, Русскіе вездѣ встрѣчали бы благопріятное для себя, со стороны Турковъ, расположеніе, къ подкрѣпленію ихъ дѣйствій и къ облегченію способствъ, кающихся къ собственной ихъ пользѣ въ Турецкой имперіи. (См. Арх. Воен. Топ. Дено, № 23.307, т. 213, поак. 3.)

Г. ЗАПИСКА РОДОФИНИКИНА И ЗАМѢЧАНІЯ НА НЕЕ КНЯЗЯ ПРОЗОРОВСКАГО:

О границахъ Сербіи.

Границы сербскія желательнo было бы опредѣлить древнія; таковыя, не имѣя вѣрныхъ картъ, не могу о семъ предметѣ донести положительно, извѣстно, однако, что со стороны Босніи рѣка Дрина есть натуральная граница, следовательно, крѣпость Соколъ, на сей сторонѣ лежащая, должна быть очищена отъ Турокъ. Со стороны Албаніи городъ и малая крѣпость Скопія, Турками еще занятая, должна бы быть пограничная собственность Сербовъ, а потому и городъ Новый-Базаръ за сею крѣпостію, внутрь Сербіи лежащій, должны уже Турки упразднить. Со стороны Македоніи великій хребтъ горъ, раздѣляющій сію провинцію отъ Сербіи, есть древняя граница. Городъ и крѣпость Нисса, Турками владѣемая, нынѣ до самой Софіи, было древнее достояніе Сербовъ.

Зам. кн. Прозоровскаго. Возобновленіе древнихъ границъ Сербіи нахожу я, по настоящимъ обстоятельствамъ, невозможнымъ и требованіе о томъ даже могущимъ вредить интересамъ государя императора, въ приобрѣтеніи границъ російскихъ по р. Дунай. Но надлежитъ стараться дать Сербамъ пристойную границу и нѣкоторыя крѣпости, какія возможно будетъ, при трактованіи имъ исходатайствовать; другія же можно для обѣихъ сторонъ уничтожить, а за тѣмъ прочія оставить турецкому правительству.

Со стороны Виддинъ, если сей городъ со всею Болгарією долженъ остаться въ турецкомъ владѣніи, желательнo было бы имѣть рѣку Тимокъ границею.

Замѣч. кн. Проз. Можно стараться о приобрѣтеніи границы по рѣку Тимокъ, но крѣпость Виддинъ должна остаться въ турецкомъ владѣніи.

Владѣнія же турецкія на Дунаѣ, какъ-то: Адакале, гдѣ командуетъ Режебъ-ага, и большой островъ, полезнѣе было бы присоединить къ Валахіи нежели къ Сербіи, ибо тѣмъ Сербы могутъ быть обуздываемы.

Зам. кн. Проз. Согласно съ мнѣніемъ г. Родофиникина, въ сей статьѣ изъясняюмъ, я полагаю, что сіи владѣнія турецкія должны быть присоединены къ Валахіи.

О торговлѣ.

Турки не могутъ долгое время быть въ безопасности въ Сербіи, следовательно, для избѣжанія всякихъ справедливыхъ причинъ къ жалобамъ со стороны Турокъ, желательно бы было постановить, чтобы никто изъ магометанъ не имѣлъ права переходить границу сербскую; прочимъ же подданнымъ турецкимъ, христіянскаго исповѣданія путь можетъ быть открытъ, какъ равномерно желательно бы было исходатайствовать свободу и Сербамъ производить торговлю въ Турецкой имперіи и пользоваться защитой російскаго министра и консуловъ, платя за товары пошлины наравнѣ съ російскими подданными.

Зам. кн. Прозоровскаго. Не можно почестъ справедливымъ, чтобы Туркамъ возбранить въездъ въ Сербію для торгу, а Сербамъ позволить пребываніе по сему предмету въ турецкихъ владѣніяхъ. Во всѣхъ таковыхъ случаяхъ постановленія должны быть обоюдны, но защита и покровительство посольства могутъ быть выговорены.

Сверхъ сего предоставить Сербамъ право имѣть собственную монету.

Зам. кн. Проз. Исходатайствованіе сего пункта трудно, и я не вижу какая бы особая для Сербовъ оттого польза произойти могла.

О политическихъ сношеніяхъ Сербіи съ другими державами.

До сего въ Сербіи не было ни политическаго, ни торговаго агента другихъ державъ; желательно бы было, чтобы таковыхъ до времени не принимать здѣсь. По крайней мѣрѣ необходимо нужно удалить дипломатическихъ, съ характеромъ коихъ присоединено право быть часто въ обществѣ правителя земли, и другихъ старѣйшинъ, какое право подаетъ имъ болѣе возможность полагать препяны къ водворенію дѣятельнымъ образомъ, вліянія Россіи на сей край.

Зам. кн. Проз. Въ семъ пунктѣ мысль Родофинкина основательна и неоспорима, но съ другой стороны если призывать уже Сербію оубою державой, то не знаю какимъ образомъ возбранить ей принимать агентовъ другихъ державъ. Кажется однакоже можно постановить, что они не должны приниматься безъ согласія російскаго императорскаго двора, подъ покровительствомъ коего обрѣтаются.

Иностранные агенты найдутъ здѣсь большую возможность чинить противное желаніямъ нашимъ. Невозможно же думать, чтобы Австрія не старалась уменьшать наше здѣсь вліяніе, ибо, безъ всякаго сомнѣнія, видя, что укреивши мы здѣсь оное, приобретаемъ знатную надъ оной поверхность и при всякомъ случаѣ, при коемъ рѣшилась бы сія держава дѣйствовать противъ Россіи, можемъ ей возбудить внутренняго врага, который часто опаснѣе вѣншаго.

Видать также австрійское министерство, что край сей будучи смеженъ съ Босніею, Албаніею, Македоніею и Болгаріею, представляетъ намъ всѣ желаемыя возможности, если за благо признано будетъ, возбудить дру-

гихъ Черныхъ Георгіевъ и дѣлать что хотимъ въ Европейской Турціи, не подавая никому ни малѣйшей причины къ жалобамъ.

Зам. кн. Проз. Нельзя не согласиться съ проицательнымъ и дальновиднымъ сужденіемъ г. Родофинкина. Вкорененіе вліянія россійскаго въ Сербіи будетъ чрезвычайно важнымъ, особливо во время войны между Россіей и Австріей, и послужитъ всегда къ обузданію сей послѣдней державы, къ удержанію ея даже отъ начинанія войны. Турція же будетъ, такъ сказать, подъ распоряженіемъ россійскаго двора.

Дабы уменьшить на первый разъ причину политической вражды Австрійцевъ, не бесполезно бы было согласиться на выдачу имъ бѣглыхъ, хотя сіе покажется тягостнымъ и здѣшнимъ и австрійскимъ Сербамъ.

Зам. кн. Проз. Заключение не соответствуетъ первому. Если австрійскихъ Сербовъ выдавать, то они же преисполнятся злобою противъ насъ, и тогда потеряны будутъ изъ виду средства къ достиженію той цѣли, которая въ предыдущемъ пунктѣ описана. Можно постановить выдачу военныхъ дезертировъ изъ однихъ регулярныхъ войскъ. Австрійскіе же Сербы суть войско поселенное.

О верховной власти.

Въ семь краѣ чистое демократическое или аристократическое правленіе теперь существовать не могутъ. Нуженъ князь. Быть ему избираемымъ, правда, откроется путь къ раздорамъ и подастся поводъ почасти посягать на жизнь князя, въ землѣ, гдѣ убить человѣка почитается весьма малымъ грѣхомъ.

Зам. кн. Прозоровскаго. По невѣжеству, въ которое народъ сей погруженъ, и по наклонности его къ раздорамъ и безпокойствамъ, въ самомъ непростѣннѣ источникъ свой имѣющимъ, я, согласно съ мнѣніемъ г. Родофинкина, полагаю, что въ Сербіи не можетъ быть другаго правительства, кромѣ самовластнаго, и слѣдовательно, надобно князь или влститель съ наименованіемъ, какое ему положится.

Но также признавъ его послѣдственнымъ въ лицѣ Чернаго Георгія, статья можетъ черезъ то положится нѣкоторый камень преткновенія для дальнѣйшихъ видовъ нашихъ, кои по обстоятельствамъ родиться могутъ. Слабыя мои понятія не позволяютъ мнѣ имѣть по сему предмету точнаго мнѣнія. Донесу токмо, что верховнымъ правителемъ теперь народу никто изъ поглаварей сербскихъ пріятель не будетъ, кромѣ одного Чернаго Георгія.

Зам. кн. Прозоровскаго. Пусть соответственно желанію народа утвердится Черный Георгій, но надобно уже ему быть наследственнымъ, ибо въ противномъ случаѣ при всякой перемятѣ влстителя произойдутъ не только внутренніе раздоры, но и интриги отъ многихъ дворовъ, особливо отъ Порты Оттоманской, которая силиться будетъ весті туда Грека, на что Сербы ни подъ какими видомъ согласиться не могутъ. Австрійскій дворъ равнымъ образомъ и съ своей стороны много интриговать будетъ, слѣдовательно дворъ россійскій будетъ находиться въ безконечныхъ затруд-

лекіяхъ и хлопотахъ. Особо будетъ много сказано о воспитаніи сына Чернаго Георгія въ С.-Петербургѣ. Внушая ему воспитаніемъ приверженность къ Россіи, она насѣдуя отцу можетъ отечеству нашему быть полезнымъ. Но при всемъ томъ надлежитъ установить въ Сербіи связь въ видѣ селата, въ которомъ предсѣдательствуетъ князь, а подъ нимъ имѣетъ мѣсто за сѣданія російскій консулъ, или агентъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда надобность того потребуетъ, сей послѣдній можетъ ограничивать самовластіе князя и удерживать его отъ поступковъ протавныхъ Россіи. Сей пунктъ не можетъ быть пріятель Австріи, и для того кажется нужно бы было, чтобы французскій дворъ принялъ на себя, обще съ его императорскимъ величествомъ, гарантію Сербіи и новой конституціи, тогда австрійскій дворъ удержался бы отъ всякихъ дальнихъ интригъ, опасаясь раздражить противу себя обоихъ императоровъ. Агентъ французскій можетъ также присутствовать въ селатѣ обще съ російскимъ. Портъ можно позволить имѣть агента или повѣреннаго въ дѣлахъ, въ Виддинѣ и при немъ могутъ находиться секретари вышеупомянутыхъ агентовъ. По важнымъ же дѣламъ агенты императорскихъ дворовъ могутъ ѣхать въ Виддинѣ, и съ турецкимъ полномочнымъ составить комитетъ, или общее присутствіе, и полагать на мѣстѣ все то, что въ пользу Сербовъ и Порты Оттоманской и общему спокойствію спосѣшествовать можетъ. Симъ средствомъ, кажется, можно будетъ и владѣтелей удержать въ надлежащихъ предѣлахъ власти. Еслибы предполагалось помѣщеніе російскаго гарнизона въ Бѣградѣ, то на сіе Порты Оттоманская ни подъ какимъ видомъ не согласится, да и австрійскій дворъ возопіетъ, и, думаю, что и французскій не дастъ на то своего согласія. Но необходимо нужно учредить гарнизоны изъ самихъ Сербовъ, образовавъ ихъ въ регулярныя батальоны; русскій же дворъ можетъ снабдить ихъ офицерами, давая избираемымъ къ тому чиновникамъ, въ числѣ коихъ должны быть также изъ инженерныхъ и артиллерійскихъ корпусовъ, абшиды, съ коими она яко бы по собственному желанію вступила въ службу сербскую. Всѣ крѣпости въ Сербіи должны быть во владѣніи Сербовъ и заняты ихъ гарнизономъ, буде можно регулярнымъ, но можетъ-быть нужно будетъ снабдить ихъ отъ Россіи артиллеріей для крѣпостей, пороховъ, ядрами и бомбами.

Законы.

Здѣсь теперь судятъ по обычаямъ. Законы однакоже наилучше бы было ввести російскіе, избравъ тѣ, кои для нихъ нужны.

Замѣчаніе кн. Прозоровскаго. На сіе положеніе я согласенъ.

Данъ Портѣ Оттоманской.

Таковая, желательна бы было, чтобы не превышала 100 тысячъ піастровъ, каковую сумму Порты до сего имѣла, если принять въ уваженіе издержки, кои она чинила на содержаніе крѣпостей и прочаго. Слово

„дань“ тяжкимъ кажется вошь Сербамъ. Получивъ о томъ здѣсь извѣстiе Черный Георгій можетъ податься, не одумавшись, на многія неустойства, для сего самого нужно бы непремѣнно, чтобъ онъ былъ на сей случай при вашемъ сiятельствѣ, и при сообщенiи ему сего пункта повѣдѣть объяснить, что дань таковая полагается платить не для Сербовъ, но для Болгаръ и Бошняковъ, кои переселились въ Сербiю и кои, не пользуясь высочайшимъ покровительствомъ, должны бы были возвращены Портѣ, но Россiя и сiю милость являетъ Сербамъ, оставляя спокойными означенныхъ переселенцевъ, а потому и Сербiя, во взаимство, должна согласиться платить за нихъ налагаемую дань.

Зам. кн. Прохороваго. Сербы ни для чего подъ австрiйскою державою быть не согласятся; присоединить же Сербiю къ Россiи невозможно, по положенiю ея на правомъ берегу Дуная, итакъ остается только одно средство: постановя особое правительство въ Сербiи, оставить ее подъ покровительствомъ Порты Оттоманской, ибо поданными ея Сербы быть не захотятъ. Въ такомъ положенiи могутъ они платить Портѣ денежную дань такимъ образомъ, какъ въ мнѣнiи г. Родофинкина описано, но по мнѣнiю моему нужно будетъ сверхъ того опредѣлить еще дань хлѣбнымъ зерномъ, въ мѣкоторый замѣнъ того что Порта доселѣ получала изъ сихъ княжествъ, бывшихъ такъ-сказать кормилицею самого даже Константинополя. Хотя же коммерцiя по Дунаю возстановится, и прежнiй коммерческiй трактъ возстановится, такъ что они въ состоянiи будутъ приобрѣтать здѣсь хлѣбъ, но не иначе какъ покупкою, что самая потеря ихъ замѣнить не можетъ, а потому назначенiе хлѣбной дани отъ Сербовъ, думаю я, можетъ при трактованiи послужить къ скорѣйшему склоненiю Турокъ на уступку намъ границы по Дунай:

О податяхъ.

При Туркахъ всякая семья платила 40 пiастровъ: таковыхъ семействъ считалось двадцать тысячъ, теперь оное число удвоилось. Сверхъ того мужскiй полъ отъ 8 лѣтъ и выше платилъ харачъ по 3 пiастра; собираема была также десятая часть со всякаго хлѣба снимаемаго съ земли и съ винограду; была налагаема подать на скотъ по 2 парѣ; таможи, приносiящiя теперь до 80 тысячъ пiастровъ, ибо взяли на откупъ сами поглавари, приносили при Туркахъ почти вдвое болѣе. Со времени возстанiя народъ давалъ ежегодно десятую часть съ хлѣба, одинъ токмо разъ собрано съ него для нуждъ общихъ до полушлiона пiастровъ и двадцатая овца и коза для войскъ. Если подати будутъ назначены Россiей, учинится неприятно народу, по моему понятiю лучше бы было предоста-вить князю и сенату установить таковыя подати и тогда испросить высочайшее утвержденiе отъ всеавгустѣйшаго покровителя Сербiи, а при признанiи Россiею независимости сего народа постановить, чтобы ни князь, ни же другое какое лицо не имѣли права употреблять народъ на работы свои, тогда сiе будетъ принято Сербами величайшею милостию отъ Россiи дарованною, а подати, кои учредятся, будучи взимаемы какъ тягость отъ собственнаго ихъ князя и правительства налагаемая. Одни токмо общiя работы какъ-то: исправленiе дорогъ, мостовъ и проч., должны быть производимы народомъ. Край сей весьма плодороденъ: изобилуетъ

дѣсами и скотоводствомъ, слѣдовательно, при спокойномъ положеніи можетъ платитъ безъ отягощенія большія подати, такъ что денежныя не нужно будетъ, какъ третію частію противъ того, что было платимо турецкому правительству.

Имѣется въ землѣ олова въ изобиліи, около Сокола въ прошедшемъ году сплавлено нѣсколько тысячъ окъ; недалеко отъ Бѣграда рывкомѣрылыныѣ начали сплавлять олово, не говоря о серебряныхъ рудникахъ, о коихъ ничего положительнаго не знаю, скажу токмо о мѣди, которую Турки по секрету отъ Порты продавали знатное количество изъ здѣшней земли. Слѣдовательно, и сіи статьи увеличатъ доходъ правительства.

Замѣчаніе кн. Прозоровскаго. Сербы свинець называютъ оловомъ, а потому полагать должно, что они здѣсь разумѣютъ свинець.

Общее замѣчаніе кн. Прозоровскаго. Если Богу угодно будетъ приобрѣсть для Россіи границу по Дунай и покровительство надъ Сербією, тогда надлежать будетъ съ большимъ примѣчаніемъ учреждать здѣсь правленіе здѣшнихъ земель. Кажется, должно будетъ раздѣлитъ оныя на 4 губерніи, составляя одну изъ Бессарабіи, другую изъ Молдавіи, третью изъ Большой, а четвертую изъ Малой Валахіи. Въ послѣдней долженъ быть губернаторъ человѣкъ со свѣдѣніями, поелику оная граничитъ съ Австрією и Сербією. Надъ всѣми же должна быть одна главная власть или генераль-губернаторъ, который бы въ то же время былъ и начальникомъ войскъ въ землѣ расположенныхъ. Ибо если будутъ различные начальники военныхъ и гражданскій, то каждый будетъ защищать свою команду и родятся между ними безпрестанные раздоры, влекущіе за собою вредъ общій. Разнымъ образомъ и таможни въ семь краю должны состоять подъ надзоромъ генераль-губернатора, поелику безъ того, по отдаленности отсюда министерства коммерціи, могутъ произойдти распри съ Портою Оттоманскою. По дѣламъ же таможенъ касающимся можетъ генераль-губернаторъ спосотся съ министромъ коммерціи. (Арх. Воен. Топ. Дел. № 23.369, шк. 213, полк. 3.)

ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I.

Изученіе Искусствъ.

Въ Дрезденѣ, при блистаніи утренняго солнца, изъ отели Гота вышли Баклановъ и Софи, оба счастливые и довольные.

Рядомъ съ ними шелъ Нѣмецъ чичероне.

— Мы куда это? спросила его Софи.

— O, madame, въ grünes Gewölbe, отвѣчалъ тотъ.

— Это, гдѣ сокровища хранятся, пояснилъ ей Баклановъ внимательно заглянувъ въ красную книжку Бедекера.

Нѣмецъ многозначительно кивнулъ ему въ знакъ согласія головой.

Войдя во дворъ королевскаго замка, онъ таинственно посадилъ ихъ въ какихъ-то сѣняхъ. Тутъ уже сидѣла полная дама съ двумя дѣвцами и толстый господинъ, должно-быть, русскій купецъ, съ бородой, въ пальто, непривычно на немъ

сидѣвшемъ, и мрачно склонившій голову. Полная дама бранилась съ дочерьюми.

— Ты гаупа, что не надѣла коричневоу шляпки! говорила она.

— И не надѣну! отвѣчала дочь.

— И я не надѣну! подхватила и другая.

— Дуры! сказала имъ на это мать.

Все это, разумѣется, было говорено по-нѣмецки и самымъ скромнымъ образомъ.

— Сейчасъ, какъ выйдутъ, такъ и мы войдемъ! оказалъ таинственно и лукаво Нѣмецъ.

Купецъ при этомъ приподнял на него лицо и почесалъ у себя за ухомъ.

Наконецъ двери отворились, и изъ нихъ стала выходить толпа.

Нѣмецъ, почти съ азартомъ, схватилъ Бакланова и Софи за руку и втокнулъ ихъ въ дверь, а потомъ сдѣлалъ имъ, въ знакъ поздравленія, ручкой.

Тамъ уже ихъ встрѣтилъ самъ господинъ профессоръ, съ почтенною физиономіей, въ очкахъ и ермолкѣ. Купецъ и дама съ дочерьюми тоже вошли въ слѣдъ за ними.

Профессоръ ввелъ ихъ въ первую, съ статуэтками, комнату, и закрывъ какъ бы отъ удовольствія глаза, началъ имъ разка-зывать.

— У насъ это въ каждомъ магазинѣ есть, сказала Софи.

— Да, отвѣчалъ Баклановъ, — но это древность!

Въ одной изъ слѣдующихъ комнатъ, съ шпагами и орденами, Софи уже сѣла.

Но за то внимательно и какъ-то злобно разсматривалъ все купецъ.

Дочери полной дамы тоже восхищались разными поддѣльными и настоящими брилліянтами.

Въ слѣдующихъ за тѣмъ комнатахъ и Баклановъ зѣвнулъ, и больше ужъ сталъ обращать вниманіе на изображенія королей саксонскихъ, смутно соображая, какъ это они, изъ этакихъ дикихъ рыцарей, даже съ собаками, дѣлались все больше и больше образованными принцами.

Съ купца потъ градомъ катился; но онъ, какъ человѣкъ привычный ко всякому черному дѣлу, продолжалъ смотреть и слушать.

— Ухъ! сказалъ наконецъ Баклановъ, когда ихъ выпустили изъ „Грюнст Гевельбе.“

— Голова заболѣла, подтвердила и Софи.

Съ одной только дамой нѣмецкою ничего не случилось, можетъ-быть потому, что она прошла, рѣшительно ни на что несмотря.

— Угодно въ галерею? произнесъ было провожатый Бакланову и Софи.

Тѣ переглянулись между собой.

— Нѣтъ, мы бы поѣсть хотѣли, сказали они.

— О, да! произнесъ Нѣмецъ и вѣжливо повелъ ихъ изъ дворца.

Выйдя на площадь, онъ пріостановился и принялъ нѣсколько театральную позу.

— Мостъ! началъ онъ, показывая въ самомъ дѣлѣ на мостъ:— былъ разрушенъ Французами... Императоръ русскій возстановилъ его..... Приятно вамъ это слышать?

— Да, отвѣчалъ Баклановъ.

— Терраса! продолжалъ провожатый докторальнымъ тономъ ведя нашихъ путниковъ на извѣстную Брюлевскую террасу.

— Здѣсь очень мило! сказалъ Баклановъ.

Внизу у нихъ, передъ самыми почти глазами, не очень шумно, да и не совсѣмъ мертво катилась Эльба. По ней приплывали и отплывали веселые на видъ и съ веселымъ народомъ пароходы. Впереди, на другомъ берегу, раскидывался старый городъ, весь пережъванный съ зеленью.

Софи сѣла и спросила себѣ кофею.

Баклановъ сѣлъ около нея.

Проводникъ съ серіознымъ видомъ началъ толковать имъ.

— Все это министръ и любимецъ Августа, курфирста Саксонскаго, Брюль сдѣлалъ!.. Это его мѣсто и дворецъ.

— Брюль? дереспросилъ Баклановъ.

— Да, отвѣчалъ Нѣмецъ, но слава наша на землѣ дымъ: онъ умеръ, и потомокъ его такимъ же ремесломъ занимается, какъ и я....

Подкрѣпившись кофеемъ и освѣжившись воздухомъ, путники наши объявили о своемъ желаніи идти въ картинную галерею.

Нѣмецъ гордо пошелъ впередъ.

Баклановъ повелъ Софи подъ руку. За границей они новою какою-то любовью стали жить, точно снова ее начинали.

— Софи! шепталъ потихоньку, но съ восторгомъ, Бакла-

новъ:—вѣдь мы будемъ видѣть Сикстинскую Мадонну, пойми ты это!

— Да, отвѣчала она.

— Софи, смотри, это Гвидо Рени настоящій! началъ онъ восклицать съ перваго же шагу.

Купецъ тоже тутъ похаживалъ своею здоровою походкой и на все не столько со вниманіемъ, сколько со злобою по-сматривалъ.

— Какое Караччи-то, какое? кричалъ на всю залу Баклановъ.—Отойди вотъ сюда, сядь вотъ тутъ! говорилъ онъ, отводя и сажая Софи на диванчикъ:—Смотри, видишь эту перспективу капеллы и спину этой молящейся женщины.

— Вижу, говорила Софи.

Румянецъ снова начиналъ пропадать у нея на щекахъ, и появлялась блѣдность утомленія.

— Пойдемъ, я хочу поскорѣ Мадонну видѣть! сказала она.

— Ахъ, душа моя, нѣтъ! сказалъ было сначала Баклановъ, но впрочемъ пошелъ.

— Это вотъ Рембрантъ, это Джулио-Романо, это Клодъ-Лорренъ; напередъ вижу и знаю, не подходя!

Софи заглянула на надпись.

— Нѣтъ, это Тиціанъ подписано! сказала она.

— Да, ну, они схожи въ манерѣ, произнесъ Баклановъ, и они вошли къ Мадоннѣ.

Въ первое мгновеніе Софи и Баклановъ взглянули на картину, а потомъ другъ на друга,

— А! произнесъ онъ, увлекая и сажая Софи на диванъ.—А! повторилъ онъ.—Тебя что больше всего поразило?... прибавилъ онъ почти шепотомъ.

— Младенецъ, я ужъ и не знаю что это такое! отвѣчала Софи.

— А, младенецъ! повторилъ Баклановъ попрежнему тихо:—да ты видишь ли что это будущій аскетъ, реформаторъ!

— Божескій какой-то огонь въ глазахъ.

— А ты видишь эти волоски сбившіеся... это они вѣдь на облакахъ плывутъ... это вѣтеръ ихъ немножко раздулъ, продолжалъ Баклановъ.

— А какъ она-то хороша!

— Она плыветъ... идетъ... она мать... она уничтожена, чувствуетъ Бога на рукахъ....

„И языки еще иностранные знаетъ, скотина эдакая!...“ подумалъ про себя Баклановъ.

Купецъ, отдавъ деньги, сейчасъ же ушелъ, и чрезъ какую-нибудь минуту уже видна была далеко-далеко мелькающая его фуражка въ саду.

Баклановъ сталъ наблюдать надъ другими посѣтителеми.

Часа въ четыре пришли музыканты; пришло нѣсколько прѣзжихъ семействъ; прибыла и полная дама съ двумя своими дочерьми. Дѣвушки на этотъ разъ покорились родительской власти и были въ коричневыхъ шляпкахъ, которыя въ самомъ дѣлѣ были ужасно смѣшныя и совершенно къ нимъ не шли.

Баклановъ заговорилъ съ ними.

— Вы, вѣроятно, тоже иностранки?

— О, нѣтъ, мы Саксонки! отвѣчали обѣ дѣвушки въ одинъ разъ и съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

— И осматриваете древности?.. Дѣлаетъ честь вашему патристическому чувству!

— О, да, мы должны все осмотрѣть! крикнули дѣвушки.

Бакланову показались онѣ очень глупы, и онъ прекратилъ съ ними бесѣду.

Пришло четверо офицеровъ, эффектно постукивая саблями, въ изфабранныхъ усахъ и въ вымытыхъ замшевыхъ перчаткахъ.

— Посмотри, какъ эти господа похожи на нашихъ аптекарей! сказалъ онъ Софи.

— Да! И точно, знаешь, не настоящіе офицеры, а для театру только нарядились!

Заиграла музыка, и музыкальная нѣмецкая душа почувствовалась въ каждой флейтѣ, кларнетѣ, въ какой-нибудь второстепенной волторнѣ.

Баклановъ все время поколачивалъ ногой и моталъ въ тактъ головой.

Софи опять почему-то взгрустнулось, и стала ей припоминаться прошлая жизнь.

Въ антрактахъ публика пила кофе, пиво, ѣла мороженое, а кто и ростбифъ: Нѣмцы могутъ ѣсть во всякое время и что вамъ угодно!

Путешественники наши наконецъ утомились.

— Домой! сказала Софи, приподымаясь.

— Allons! произнесъ Баклановъ.

Возвратившись въ отель, гдѣ занимали два номера рядомъ, они сейчасъ же разошлись по своимъ комнатамъ, раздѣлись и улеглись; но вскорѣ стали переговариваться между собой.

— Какъ чудно сегодня день провели! заговорилъ Бакаловъ первый.

— Да! отвѣчала Софи.

— Завтра, продолжалъ онъ:—какъ только встану, отправлюсь въ картинную галерею, и ужь стану серьезно изучать ее.

— А я, подхватила Софи,—пойду гулять: я замѣтила прелестное мѣсто въ саду.

— Сойдемся мы, значить, на Брюлевской терассѣ часамъ къ двумъ?

— Да, подтвердила Софи.

ГЛАВА III.

Другой день въ Дрезденѣ.

Путру Софи отправилась на прогулку гораздо позднее Бакалова. Онъ еще часовъ въ десять, проходя мимо ея номера, торопливо крикнулъ ей:

— Ну, я иду!

— Ступайте! сказала ему Софи. Изъ отеля она потомъ вышла какою-то нѣсколько таинственною и робкою походкой.

— Ayez la complaisance, monsieur, de me dire, où est la poste? обратилась она къ одному молодому человѣку.

Тотъ сдѣлалъ какую-то мину изъ лица, развелъ руками и прошелъ мимо.

Софи сконфузилась и обратилась къ болѣе уже пожилому мушкетеру (по бѣлому галстуку она догадалась, что это долженъ быть пасторъ).

— Montrez moi votre lettre! сказалъ ей тотъ почти строгимъ голосомъ.

Софи робко подала ему письмо.

— A Pétersbourg, monsieur Petzloff! произнесъ вслухъ Нѣмецъ.

Софи въ это время обертывалась, какъ бы боясь, чтобы не подслушалъ кто.

— Voilà! произнесъ пасторъ, и тутъ же опустилъ письмо въ прибитый передъ самыми ихъ глазами ящикъ.

Софи поблагодарила его милымъ наклопеніемъ головы и прошла въ садъ.

Сначала она сѣла на одну изъ лавочекъ съ цѣлью помечтать.

Помечтала и пошла потомъ ходить.

Походила, остановилась и съ большимъ вниманіемъ посмотрѣла на одинъ изъ открывающихся видовъ.

Снова сѣла.

Скука ясно уже была видна на ея лицѣ.

Она встала и пошла изъ саду по улицѣ, остановилась передъ одною церковью, полюбовавшись и хотѣла было внутрь зайти, но заперто!

Сойдя съ ступеней храма, она вошла не то въ лавочку, не то въ аптеку, купила тамъ мыла и духовъ; но, отоидя немного отъ лавочки и понюхавъ духи, она бросила ихъ на тротуаръ: такіе они были гадкіе!

Далѣе она рѣшительно не знала что съ собой дѣлать, и возвратилась на Брюлевскую террасу.

Всего еще было 12 часовъ.

Черезъ полчаса, впрочемъ, явился туда и Баклановъ, запыханный и усталый.

Онъ поутру прямо и проворно прошелъ въ галерею; въ двухъ комнатахъ останавливался передъ каждою картиною справлялся съ каталогомъ, дѣлалъ глубокомысленную мину, записывалъ у себя что-то такое въ книжкѣ; въ третьей началъ онъ хвататься за голову; съ каталогомъ ужъ болѣе не справлялся, и наконецъ слѣдующія комнаты прошелъ совершенно быстро и сѣлъ противъ Мадонны. Потомъ вдругъ вскочилъ, какъ бы вспомнивъ что-то, и вышелъ снова въ прежнія комнаты, снова началъ останавливаться передъ каждою картиною, записывать въ памятную книжку... Между тѣмъ у него во рту стало становиться сухо и поламывало ноги. Не давая себѣ хорошенько отчету, онъ пошелъ, пошелъ, и совсѣмъ вышелъ изъ галереи.

Но на террасу ему совѣстно было идти. Онъ рѣшился пройтись по улицамъ, и не желая встрѣтиться съ Софи, бродилъ по самымъ глухимъ переулкамъ; а тутъ, какъ нарочно, поднялся вѣтеръ, который дулъ ему въ глаза и въ ротъ, такъ что Баклановъ безпрестанно отплевывался, и ужъ самымъ скорымъ шагомъ отправился на террасу.

— Фу, поработалъ же сегодня! оказалъ онъ, усаживаясь подлѣ Софи.

— Все осмотрѣлъ? спросила она.

— Все!.. отвѣчалъ Баклановъ.

— Стало, мы можемъ уѣхать сегодня отсюда. Мнѣ черезъ мѣсяцъ непременно надобно быть въ Парижѣ.

Послѣднія слова Софи почему-то произнесла не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Куда же ѣхать? спросилъ Баклановъ.

— Въ Баденъ на воды; тамъ пренприятное, говорятъ, общество, подхватила Софи съ живостью.

— Хорошо! отвѣчалъ Баклановъ, зѣвая во весь ротъ.

ГЛАВА IV.

Рулетка.

Баденъ-Баденъ былъ въ самомъ разгарѣ своего сезона. Опершись на перилы мостика, идущаго отъ отеля Европы, стоялъ Баклановъ въ какомъ-то упоеніи. Подъ нимъ шумѣлъ источникъ. Кругомъ пѣли птицы. Воздухъ былъ какъ молокомъ пропитавъ. Впереди видѣлся Conversation's Haus, а за нимъ высокія горы.

Они часа уже три какъ пріѣхали, но Софи все еще одѣвалась. Горничная хлопотливо и безпрестанно входила и выходила отъ нея то за водой, то гладить платье, воротнички.

— Чтò ты такъ хлопочешь? спрашивала ее другая горничная, служащая въ нижнемъ этажѣ.

— Съ одной госпожой!.. Она очень хороша собой, отвѣчала первая горничная и показала своей подружкѣ, вынувъ изъ кармана, червонецъ.

— Гм, гм! произнесла та.

Когда Софи вышла, наконецъ, изъ номера въ шляпкѣ и бѣломъ бурнусѣ, горничная не утерпѣла и сказала ей:

— Vous êtes bien jolie, madame!

Софи съ улыбкою поблагодарила ее наклоненіемъ головы.

Стоявшій внизу оберъ-кельнеръ, въ бѣлыхъ штанахъ и

бѣломъ галстукѣ, при проходѣ ея, закусилъ какъ-то губы, и засунувъ палецъ въ ключъ, сталъ имъ колотить себя по ногѣ.

Софи прямо пошла къ Бакланову.

— Какъ ты хороша однако сегодня! неволью проговорилъ ояъ.

Софи, гордо закинувъ головку, подала ему руку. Чтобы нарядиться и выйти на водахъ на гулянье, она какъ будто была рождена для этого!

Передъ Конверсационною Залой играла музыка.

Софи и Баклановъ сѣли.

При этомъ обратила на нихъ вниманіе даже одна, какъ въ послѣдствіи оказалось, владѣтельная особа, путешествующая цикогито, которая нѣсколько времени лорнировала ихъ.

Сидѣвшій рядомъ съ Софи молодой Англичанинъ тоже каждый разъ вспыхивалъ, когда она взглядывала на него.

— Allons dans la salle, сказалъ, наконецъ, Баклановъ.

Софи встала.

— Madame, votre gant, сказалъ Англичанинъ, подавая ей урюженную перчатку.

— Merci, monsieur, сказала она, долго протянувъ эти слова.

— Madame est Française, прибавилъ ояъ совсѣмъ уже робко.

— Non, monsieur, je suis Russe, отвѣчала Софи.

Англичанинъ въ почтеніи склонилъ передъ ней голову.

Въ первой же великолѣпной залѣ, въ которую они вошли, раздался радостный голосъ.

— Баклановъ, Боже мой! Кого я вижу!

Но Баклановъ при этомъ дрогнулъ и даже поблѣднѣлъ. Къ нимъ подходилъ съ бородой, одѣтый совершеннымъ франтомъ, и, какъ видно, чище обыкновеннаго умывавшійся Никтополионовъ.

Софи неволью отняла руку отъ Бакланова и даже отошла отъ него.

— Скажите пожалуйста! кричалъ между тѣмъ тотъ, подмигивая своимъ единственнымъ глазомъ:—вы совершенно пропали изъ К...

— Я былъ въ Петербургѣ, въ деревнѣ, а теперь за границей, отвѣчалъ Баклановъ, желая поскорѣе уйти отъ своего соотечественника.

— А у васъ Богъ знаетъ какіе слухи про васъ! воскликнулъ Никтополионовъ и потомъ вдругъ обратился къ Софи:—Il me semble, que j'ai l'honneur de voir madame Leneff?

Софи слегка, но серьезно и ничего не сказавъ, поклонилась ему.

— У насъ, Богъ знаетъ, что говорятъ, продолжалъ Никтополионовъ, снова обращаясь къ Бакланову:—что вы вашу супругу бросили... въ разводъ съ ней...

— Сметли въ нашемъ городѣ не новость, отвѣчалъ Баклановъ.

— Гдѣ рулетка? Я рулетку желаю видѣть, перебила ихъ разговоръ Софи.

— Позвольте мнѣ быть вашимъ кавалеромъ! Я здѣсь, какъ дома, сказалъ Никтополионовъ и ловко предложилъ Софи руку.

Она должна была идти съ нимъ.

— Вы вмѣстѣ путешествуете съ Баклановымъ? спросилъ онъ ее невиннѣйшимъ образомъ.

— Мы встрѣтились съ нимъ въ Дрезденѣ, также какъ вотъ и съ вами теперь, отвѣчала Софи небрежно.

— Да!.. разумѣется, подхватила Никтополионовъ:—какъ пріятны эти встрѣчи!

За границей онъ былъ хотя также ядовитъ, но по крайней мѣрѣ гораздо вѣжливѣе.

— Про Бакланова тамъ рѣшительно говорятъ, что онъ бросилъ жену и влюбился въ какую-то даму...

— А такъ вотъ какая рулетка! перебила его на этихъ словахъ Софи, останавливаясь передъ огромнымъ игорнымъ столомъ.

Баклановъ пошелъ и сталъ на другомъ его концѣ. Онъ хотѣлъ показать, что вовсе не съ Софи и пріѣхалъ.

— Какъ же тутъ играютъ? продолжала та, смотря со вниманіемъ на груды золота и серебра, которыя безпрестанно переходили то къ банкометамъ, то къ играющимъ.

— Очень просто: положите деньги на какое угодно вамъ мѣсто, тамъ ужъ не обсчитаютъ! объяснилъ ей Никтополионовъ и сбросилъ самъ два талера.

Ему дали четыре. Онъ положилъ ихъ въ карманъ.

— Ахъ, это весело! воскликнула Софи и бросила пять талеровъ. У нея взяли. Она еще: опять взяли. Никтополионовъ попросилъ одного сидѣвшаго тутъ господина, чтобъ онъ уступилъ ей мѣсто. Тотъ всталъ.

Софи помѣстилась совсѣмъ къ столу.

Она бросила пять червонцевъ. У ней взяли. Она еще десять. У ней взяли.

— Приостановитесь немножко!.. ставьте поменьше! научалъ ее Никтополионовъ.

Софи поставила червонецъ. Ей дали три. Она еще три. Ей дали шесть. Потомъ она опять все проиграла.

— Теперь увеличьте кушъ! шепталъ ей Никтополионовъ.

Софи поставила двадцать червонцевъ.

У нея взяли.

Софи поставила еще пятьдесятъ.

У нея взяли.

— Софи, что вы дѣлаете? кричалъ ей Баклановъ съ другаго конца.

Но Софи даже и не отвѣчала ему. Лице ея горѣло.

Она поставила билетъ въ четыреста франковъ,—взяли!

Она высыпала все золото изъ кошелька,—ей дали немного.

Она все это поставила и приложила еще билетъ въ четыреста франковъ,—взяли!

— Нѣтъ больше пока денегъ! проговорила она, обращая къ Никтополионову свое взволнованное лицо.

— Какъ? все проиграли? спросилъ тотъ ее съ удивленіемъ.

— Кредитивъ у меня на Парижъ! отвѣчала, съ досадою, Софи, и потомъ вдругъ обернулась къ Бакланову.

— Дайте мнѣ денегъ? сказала она.

Тотъ, растерявшись, и всѣмъ этимъ очень недовольный, вынулъ портъ-моне.

— Давайте всѣ, сколько есть! проговорила Софи и потомъ, повернувшись, сейчасъ же начала ставить.

Въ два приѣма портъ-моне Бакланова былъ пустъ.

Софи искала глазами Никтополионова. Она и у него хотѣла занять; но тотъ счелъ за лучшее скрыться. Баклановъ стоялъ около нея съ потупленною головой.

Софи, по крайней мѣрѣ, часа три сидѣла около стола; глаза ея неустанно бѣгали за золотомъ: ей очень было жаль тѣхъ денегъ, которыя она проиграла, и ужасно хотѣлось выиграть тѣ, которыя она видѣла передъ собой!

На другой день, еще часовъ въ одиннадцать, Никтополионовъ зашелъ за ней, увелъ ее подъ руку въ Salle de Conversation, записывалъ для нея проигравшіе на рулеткѣ номера и училъ, на которые ставить.

Бакланова болѣ всего беспокоило, гдѣ Софи брада денегъ; но оберъ-кельмеръ объяснилъ ему это.

— Monsieur! окликнулъ онъ его разъ, когда тотъ проходилъ мимо его будки:—Дама эта ваша родственница?

— Да! отвѣчалъ Баклановъ, заранѣе предчувствуя что-то недоброе.

— Вамъ извѣстно, что она заложила у хозяина всѣ свои брилліанты за пятнадцать тысячъ франковъ?

Баклановъ пожалъ плечами.

— Ея дѣло! сказалъ онъ съ улыбкою.

— О, здѣсь это часто бываетъ! произнесъ оберъ-кельнеръ.

Вечеромъ, впрочемъ, когда Софи, утомленная и усталая, возвратилась въ свой номеръ, Баклановъ рѣшился постучаться къ ней въ комнату. Она отворила ему не совсѣмъ поспѣшно и не совсѣмъ съ удовольствіемъ.

— Вы все играете? началъ онъ.

— Да.

— Выиграли?

— Проиграла.

— Зачѣмъ вы это, Софи, дѣлаете?

— Я не на ваши деньги играю, а на свои.

— На чьи-бы то ни было, все-таки это безумство, и наконецъ неприлично.

— Моя вся жизнь была неприличіе и безумство! отвѣчала Софи, вынимая изъ косы гребенку и закладывая волосы за ухо, видимо приготовляясь спать. Баклановъ принужденъ былъ уйти.

Такъ прошелъ еще день, два, три... Чтобы спасти себя отъ невыносимой скуки, Баклановъ однажды утромъ рѣшился съѣздить на ослѣ верхомъ въ одну изъ сосѣднихъ горъ, на которой, говорили ему, были развалины. Мѣстность, черезъ которую онъ проѣзжалъ, была восхитительна, но на душѣ у него было скверно! При подъемѣ на самую гору онъ увидѣлъ, что навстрѣчу ему спускается другой господинъ, который, поровнявшись съ Баклановымъ, сейчасъ же повернулъ своего осла рядомъ съ нимъ.

— Господинъ Баклановъ! проговорилъ онъ.

Баклановъ узналъ въ немъ старшаго Галкина.

— Вы тоже оставили Россію? началъ молодой человекъ.

— Да, отвѣчалъ Баклановъ, погоняя осла.

— Это невозможно тамъ оставаться!... Чортъ знаетъ что такое происходитъ!.., продолжалъ Галкинъ.

Баклановъ молчалъ.

— Вы знаете, меня не пускали совсѣмъ за границу! продолжалъ онъ съ гордымъ видомъ.

„Тебя бы не только надо пускать, а выгнать изъ каждой страны!“ подумалъ Баклановъ.

— Кого еще я здѣсь встрѣтилъ? заговорилъ молодой человѣкъ уже съ хохотомъ и видя, что прежній разговоръ не занимаетъ его спутника:—Madame Ленеу!.. Помните, которая жила съ отцомъ... Она вдругъ меня спрашиваетъ объ немъ; видно, опять желаетъ обирать его!..

— А батюшка вашъ здѣсь? спросилъ Баклановъ.

— Да, но онъ еще не выѣзжаетъ.... Мы всего здѣсь три дня.... Госпожа эта ужасная мерзавка!.. Она столько у него перебрала.

Баклановъ, наконецъ, не выдержалъ.

— Послушайте, вы еще малячшка, и позволяете себѣ подобнымъ образомъ говорить о женщинѣ.

Галкинъ сконфузился.

— Женщина женщинѣ рознь!.. пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ, не рознь! воскликнулъ Баклановъ—она моя родственница, понимаете ли вы это?..

Галкинъ совсѣмъ растерялся.

— Я не зналъ этого!.. сказалъ онъ.

— Ну такъ я заставаю васъ звать! кричалъ Баклановъ:— и сейчасъ же васъ съ вашимъ осломъ отправлю въ эту пропасть! прибавилъ онъ, показывая на крутѣйшій обрывъ, мимо котораго они проѣзжали, и вслѣдъ за тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, началъ толкать Галкина ослѣ въ спину, въ задъ, чтобъ онъ подошелъ къ обрыву.

— Перестаньте, Баклановъ, перестаньте! кричалъ во все это время молодой Еврей.

Баклановъ разбилъ себѣ ногу, руку, но ничего не сдѣлалъ съ осломъ.

— Эманципаторы тоже женскіе! заключилъ онъ бѣшенымъ голосомъ.

Но Галкинъ успѣлъ уже въ это время повернуть ослѣ и вѣхалъ подъ гору.

— Вы ужаснѣйшій чудакъ! говорилъ онъ, обертываясь къ

Бакланову, котораго главнымъ образомъ въ эти минуты взбѣсило то, что Софи проигрывалась и, пожалуй, опять продать себя Галкину.

Возвратившись съ своей прогулки, онъ рѣшился еще разъ, и уже въ послѣдній, имѣть съ ней объясненіе.

Къ удивленію своему, онъ на этотъ разъ засталъ ее дома, и грубо отворивъ дверь, вошелъ къ ней въ номеръ.

Софи, съ изнуреннымъ и истощеннымъ лицомъ, стояла около своего дорожнаго сундука и укладывала въ немъ.

Баклановъ началъ прямо:

— Вамъ, вѣроятно, пріятно здѣсь; но я никакъ не могу этого сказать про себя, а потому я увѣжаю.

— Я сама увѣжаю, отвѣчала она ему спокойно.

— Куда же это?

— Въ Парижъ.

— Но вѣдь мы, кажется, предполагали съ вами ѣхать сначала въ Швейцарію, подышать чистымъ воздухомъ!

— Подѣмте въ Швейцарію, для меня все равно, отвѣчала Софи, садясь уже на стулъ.

Баклановъ опять ожилъ отъ радости.

— У меня только денегъ нѣтъ; я должна спѣшить, прибавила она.

— Да деньги у меня есть; возьмите на путешествіе.

— Хорошо!...

Черезъ нѣсколько минутъ Баклановъ рѣшился ее спросить о главномъ:

— А что, Софи, вы много проиграли?

— Много, отвѣчала она съ улыбкой, — тысячь сорокъ франковъ проиграла.

— Сорокъ тысячь! Зачѣмъ же вы это дѣлали?

— Такъ, отъ скуки.... скучно!... отвѣчала Софи.

— Много ли же теперь у васъ осталось отъ всего капитала?

— Не много ужъ! отвѣчала Софи опять съ улыбкой, и затѣмъ, выславъ Бакланова отъ себя, занялась своимъ туалетомъ, и къ обѣду вышла блистающая красотой и нарядомъ.

ГЛАВА V.

Восхождение на гору Риги.

По Цугскому озеру къ Арту шель пароходъ.

На немъ ѣздили наши путешественники. Тутъ они уже входили въ настоящія швейцарскія горы, которыя, сдѣлая взоръ то зеленѣющими, то обрывистыми и почти голыми скалами, окружали ихъ со всѣхъ сторонъ. Неба чистаго, голубаго, блистающаго полуденнымъ солнцемъ, былъ виденъ только клочокъ. На нижнихъ склонахъ горъ были разсыпаны деревеньки; а на верхнихъ — изрѣдка мелькали пастушьи хижины. Все это какъ будто бы было на театрѣ, а не въ жизни и не на землѣ.

Бакаловъ безпрестанно повертывался изъ стороны въ сторону.

— Нѣтъ, тутъ жить нельзя, говорилъ онъ:—это слишкомъ все какъ-то искусственно... Жизнь человѣческая должна проходить обыкновеннѣе.

— Чтò въ нашей-то обыкновенной жизни! Наскучила ужъ она! возразила Софи.

— Посмотри, прибавилъ онъ,—ты видишь дымъ около этой горы? Это облака.

— Это гора Риги! объяснилъ имъ стоявшій около нихъ господинъ, въ плоховатомъ пальто, но съ чрезвычайно добродушною физиономіей.

— Риги... Мы туда и поведемъ? переспросилъ Бакаловъ.

— Туда, на самой верхъ; его еще не видать въ облакахъ.

— Софи! Мы будемъ въ этихъ облакахъ! воскликнулъ Бакаловъ.

Но Софи въ это время была занята другимъ. Она уже нѣсколько минутъ не спускала глазъ съ того самаго молодого Англичанина, который подаль ей перчатку въ Баденѣ и

который рѣшительно теперь ѣхалъ по слѣдамъ ихъ: куда они брали билеты, туда и онъ.

Софи, конечно на мгновеніе, но придала такое выраженіе глазамъ, что въ значеніи ея взгляда не оставалось никакого сомнѣнія: Англичанинъ при этомъ слегка улыбнулся и потушился.

— Madame! обратился къ Софи господинъ въ поношеномъ пальто (это былъ ихъ проводникъ):—угодно вамъ пѣшкомъ или на лошади ѣхать на гору?

— А какъ страшно? спросила она его.

— Нѣкоторыя дамы боятся верхомъ, а другія нѣтъ.

— Ну такъ я пойду верхомъ и на самой сердитой лошади! Смотрите, такую мнѣ и дайте!

— Вы получите коня, достойнаго васъ! сказалъ ей вѣжливый Швейцарецъ.

Софи говорила громко, и при этомъ опять взглянула на Англичанина.

Тотъ опять улыбнулся своею хорошею улыбкой.

Всего этого Баклановъ или не видалъ, или не хотѣлъ видѣть, и только ужъ вслушавшись въ послѣднія слова Софи, проговорилъ:

— Что за глупости ѣхать на гору на сердитой лошади!

— Я такъ хочу, и въ ледники еще пойду, отвѣчала Софи.

Баклановъ пожалъ плечами. Они, какъ выѣхали изъ Бадена, все ссорились.

Въ Арту проводникъ провелъ ихъ въ гостиницу.

Англичанинъ тоже пришелъ туда.

Софи перемѣнила туалетъ, и вышла въ черномъ съ длиннѣйшимъ шлейфомъ платьѣ и шляпкѣ à la Гарибальди.

Баклановъ въ это время былъ на улицѣ и смотрѣлъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ не привели бѣшеныхъ лошадей.

— О, нѣтъ! У насъ такихъ нѣтъ! успокаивалъ его проводникъ.

Софи стала передъ зеркаломъ и начала поправлять свои волосы, которые, по густотѣ своей, никакъ не укладывались подъ шляпку.

— Какъ идетъ къ вамъ этотъ нарядъ! осмѣлился, наконецъ, обратиться къ ней съ первыми еще словами Англичанинъ, и при этомъ весь вспыхнулъ.

— Вы находите? спросила его Софи.

— Да, проговорилъ Англичанинъ.

— Вы ѣдете на Ригу? спросила его Софи.

— Да-да! протянулъ еще разъ Англичанинъ.—А вы потомъ куда поѣдете? прибавилъ онъ уже робко.

— Въ Парижъ.

— И я! сказалъ Англичанинъ.

— О, это хорошо! воскликнула Софи и, молодцовато похлопывая себя хлыстомъ по платью, пошла на встрѣчу Бакланову.

— Все готово, сказалъ тотъ.

— Allons! обратилась Софи къ Англичанину.

Тотъ пошелъ.

Софи, какъ только усадили ее, сейчасъ же начала свою лошадь бить хлыстомъ и поскакала.

— Софи! Софи! кричалъ Баклановъ, едва поспѣвая за ней.

Англичанинъ ѣхалъ отъ нихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи около своего проводника, который несъ ему пледъ, подзорную трубу и стулья въ палкахъ.

— Monsieur! воскликнула вдругъ Софи, обертываясь къ нему:—угодно вамъ ѣхать со мной рядомъ!

Англичанинъ подѣхалъ къ ней.

Баклановъ нарочно сталъ отставать, чтобы не подать виду что ему это непріятно.

— Поскачемте! кто изъ насъ кого перескачетъ! сказала Софи:—дайте руку; вотъ такъ виднѣе, кто у кого впереди!... прибавила она, протягивая свою ручку. Англичанинъ, совсѣмъ сконфуженный, взялъ ее.

Они поехали.

— Тихе, тихе, Софи! закричалъ опять Баклановъ, поскакавъ.

Проводники тоже бѣжали.

— Такъ, messieurs, нельзя! Нельзя! говорили они.

— Такъ ѣздить на чужихъ лошадяхъ нельзя! передавалъ ихъ слова Баклановъ Софи.

— Я имъ заплачу! отвѣчала она, и вскорѣ потомъ, вмѣстѣ съ Англичаниномъ, совсѣмъ скрылась изъ глазъ Бакланова и проводниковъ, которые нашли ужъ ихъ около маленькой гостиницы, гдѣ Софи преспокойно сидѣла и пила пиво.

— Что это, Софи, и пиво, наконецъ, пить! воскликнулъ Баклановъ, не могшій удержать своей досады.

— Оно очень вкусно! отвѣчала Софи и затѣмъ ловко и безъ всякой помощи сама вскочила въ сѣдло.

Проводникъ умолялъ ее ѣхать осторожноѣ.

Тронулись.

Дорога шла, чѣмъ дальше, тѣмъ круче и опаснѣе. Тамъ, гдѣ она суживалась и къ ней съ одной стороны прилегла нависшія скалы, а съ другой—почти прямою стѣной шель обрывъ, которому дна было не видно, тамъ, именно Софи и начинала понукать лошадь. Умное животное не знало, какъ вести себя: оно и не слушалось ея, и слегка трусило.

Англичанинъ, на своемъ конѣ, преспокойно слѣдовалъ за нею.

— *Madame est fort imprudente!* восклицали почти непрерывно проводники.

Вблизи самой гостиницы есть выдавшійся мысъ, по которому идутъ двѣ дороги: одна нѣсколько отступя, а другая по самой закраинѣ, и съ нея дѣйствительно открывался великолѣпный видъ склоновъ горъ, лѣсовъ... летавшія внизу въ воздухѣ птицы казались маленькими черными точками... челобѣкъ, двигавшійся по одной изъ тропинокъ на утесѣ, понагнулся нѣсколько внизъ, и, казалось, что вотъ, вотъ упадетъ; города и деревни представлялись пашками, пароходъ—крошечною лодочкой.

Сердце замирало, мутился разумъ глядѣть внизъ!... Какое-то странное желаніе ринуться туда поднимало ужасомъ на головѣ вашей волосъ.

Софи нарочно поѣхала по прежней дорогѣ. Лошадь ея раза два обрывалась въ пропасть. Англичанинъ тоже проѣхалъ за нею; но Бакиановъ—нѣтъ.

Передъ отелью, наконецъ, они спѣшились. Горный воздухъ сейчасъ же далъ себя почувствовать. Бакиановъ совѣтовалъ Софи идти переодѣться, но она отвѣчала ему только насмѣшливымъ взглядомъ.

— Давайте, побѣжимте внизъ! сказала она Англичанину, показывая на одинъ изъ крутѣйшихъ скатовъ.

Тотъ молчаливымъ кивкомъ головы изъявилъ согласіе.

Они поѣжали. Видно было, какъ Софи все быстрѣе и быстрѣе стремилась и замѣтно не имѣла силъ остановить самое себя; вдругъ, при одномъ изгибѣ дорожки, передъ ней, въ нѣсколькихъ саженяхъ, открылся обрывъ. Софи сдѣлала движеніе назадъ; но нѣтъ: ее несло впередъ!.. передъ глазами ея уже чернѣла пропасть!... Англичанинъ, въ это время, совершеннымъ козломъ, перебѣжалъ ее; на всемъ маху

повернулся къ ней лицомъ, и съ человѣческимъ усиліемъ опершись одною ногою, распустилъ руки. Софи упала ему въ объятія. Нѣсколько минутъ они колебались: въ пропасть ли имъ упасть или остаться на мѣстѣ.

Баклановъ, видѣвшій все это съ горы, всплеснулъ только руками и отвернулся въ ужасъ.

Софи, опершись на руку своего кавалера, начинала тихо и томно взбираться на гору.

Солнце между тѣмъ начинало садиться.

Вся наѣхавшая публика вышла любоваться его закатомъ.

Горы, какъ остроконечныя волны, шли кругомъ всего горизонта. Милліоны отбѣнковъ пробѣгали по немъ. По вершинамъ большой части изъ нихъ вспыхивали ледники и снѣгъ. Солнце красноватымъ шаромъ спускалось въ разрѣзъ двухъ горъ.

Съ долины и съ озеръ, какъ бы къ собратамъ своимъ, поднимался и лѣзъ по утесамъ туманъ. Деревень и озеръ было почти не видать. Думы Бакланова невольно возвысились. Ему мечталось, что тутъ, гдѣ-нибудь на вершинѣ, въ облакахъ, и на своемъ золотомъ отъ солнца престолѣ, воссѣдаетъ самъ Савооеъ, въ громахъ и славѣ царствующій и управляющій вселенной!

Туманы земли окончательно слились съ туманами неба, и все превратилось въ какое-то безразличное темно-сѣроватое море. И такъ осталось на нѣсколько часовъ!.

Наконецъ тѣни ночи дрогнули. Туманъ поблѣднѣлъ; между нѣсколькими горами прорѣзалась блѣдно-розовая полоса, утренней зари. На противоположной сторонѣ, какъ бы умывшись и обрядившись, ясно блѣдали лежащія на вершинахъ снѣга.

Публика опять высыпала на край горы.

Молодой Англичаникъ тоже стоялъ тутъ, завернувшись въ свой пледъ. Но ни Бакланова, ни Софи не было.

Наша смѣлая путешественница чуть не умерла въ ту ночь: съ ней сначала была истерика, потомъ жаръ, и теперь она лежала въ постелѣ, съ лицомъ пылающимъ, вся разметавшаяся и со взбившимися волосами.

Баклановъ сидѣлъ около нея съ испуганнымъ лицомъ, и держалъ ее за руку.

— Какъ можно быть такой неосторожной! заговорилъ онъ наконецъ, видя, что Софи нѣсколько успокоивается.

— Что жь, когда мнѣ грустно!... тошно!... скучно! восклицала она со слезами на глазахъ.

— Все оттого что ты ничѣмъ не хочешь заняться. Ты читать даже не хочешь и не любишь.

— Ты много самъ читаешь! возразила она ему съ насмѣшкою.

— Наконецъ это путешествіе тебя, я вижу, нисколько не занимаетъ.

— Что же, ахать по твоему на каждомъ шагу?

— А главное, ты никого не любишь!

Последнія слова Бакаановъ проговорилъ и потупился.

— Онь-то любить! Кто бы говорилъ, только не ты! вскричала Софи съ досадою.— Отойдите отъ меня; мнѣ и такъ душно!... прибавила она.

Бакаановъ отошелъ.

Софи, между тѣмъ, начала мало-по-малу смыкать глаза. Обрадованный этимъ Бакаановъ, свернувшись кое-какъ на диванчикѣ, тоже началъ дремать.

Когда они проснулись, полдневное солнце совершенно сняло съ окружающихъ видовъ таинственный характеръ вечера и развѣтающаго утра, и очень ужъ хорошо было видно, что тамъ, пониже, вблизи человѣческихъ жилищъ, гораздо лучше чѣмъ на этихъ голыхъ и мертвыхъ вершинахъ.

— Поѣдемъ отсюда поскорѣе! было первое слово Софи.

— Сейчасъ, отвѣчалъ Бакаановъ, проворно вставая.

— Только, пожауйста, гдѣ бы этихъ горъ проклятыхъ не было: противны онѣ мнѣ! восклицала Софи.

— Самое лучшее въ Веве: тамъ нѣтъ ни горъ, ни людей; отдохнемъ и вполнѣ насладимся деревней.

— Да, подтвердила Софи.

Бакаановъ вышелъ распорядиться. Софи встала и потянулась. Она чувствовала ломоту во всемъ тѣлѣ. Цвѣтъ лица у ней былъ очень нехорошъ.

— О, какая скука это путешествіе? Все болитъ, вся грязная!..

И Софи чуть не заплакала.

При сѣздѣ съ горы, она не шалила больше и не гнала лошадей и хотъ смѣло, но какъ-то мрачно смотрѣла внизъ.

Бакаановъ шелъ около нея пѣшкомъ.

Когда они проѣхали первую долину, то, обернувшись назадъ, оба невольно и въ одинъ голосъ восклицали:

— Господи! гдѣ мы были!

Дорожка, по которой они сходили, казалась тоненькою ленточкой.

Вдругъ на ней появилась движущаяся масса.

— Это monsieur Англичанинъ ѣдетъ, сказалъ проводникъ.

— Чтобы чортъ его дралъ! произнесъ Баклановъ.

Но Софи ничего не сказала.

ГЛАВА VI.

Жанъ-Жакъ Руссо, Шильйонскій узникъ и Вольтеръ.

Везе—красивое мѣстечко на берегу Женевского озера. Набережная у него отдѣлана базальтомъ. Впереди рисуется противоположный берегъ своими мягкими очертаніями. Шире, нѣжнѣе, привольнѣе этого ландшафта трудно что-нибудь себѣ вообразить.

Баклановъ и Софи сѣдѣли на набережной и любовались этою водой, этими горами и облаками.

По небу безпрестанно пролетали птицы и точно восхищались тѣмъ что видѣли.

Баклановъ толковалъ о Руссо, о томъ, какъ этотъ философъ желалъ возвратить человечество къ болѣе естественному и натуральному состоянію.

— Что за глупости! сказала ему на это Софи.

Потомъ онъ объяснилъ ей, какъ madame Варранъ и изъ какихъ побудительныхъ причинъ полюбила юнаго и мечтательнаго Руссо.

— Что за гадости! сказала на это Софи.

Они долго потомъ, почти до самыхъ сумерекъ, гуляли рука объ руку.

Софи, впрочемъ, была болѣе скучна, чѣмъ весела.

На другой день она рѣшительно отказалась идти гулять, говоря, что ей не очень здоровится; но, оставшись одна, сейчасъ же заперла дверь и написала французскую записочку:

„Si vous voulez me voir, je serai à Paris dans une semaine et je m'arrêterai à l'hôtel de Bade.

На конвертѣ она обозначила: à Paris, monsieur Plumboque poste restante.

Запечатавъ письмо съ своею обыкновенною нѣсколько лукавою физиономіей, она спросила у горничной гдѣ почта, и сама сходила и отвѣсила его.

Баклановъ, желая показать, что ему ужасно весело въ Веве, дѣлае утро ходилъ по окрестностямъ; но на самомъ дѣлѣ ему подъ конецъ стало очень скучновато. Красота природы приглядѣлась, а другимъ ничѣмъ онъ не былъ связанъ съ представляющеюся ему жизнью.

Впрочемъ, возвратясь домой, онъ уговорилъ Софи съѣздить покататься на лодкѣ.

Они поѣхали. Вдали виднѣлась башня.

— Знаешь ли, Софи, какая это знаменитая башня? спросилъ ее Баклановъ.

— Нѣтъ!

— Это Шильфонскій замокъ!

Софи изъ этого названія ничего не поняла.

— Да неужели же ты не знаешь поэмы Байрона?

И это нисколько не пояснило дѣла.

— Переведенной Жуковскимъ! сказалъ Баклановъ.

— Мало ли у него поэмъ! Гдѣ жь ихъ всё запомнить! отвѣчала, наконецъ, Софи.

— Эта очень извѣстная, отвѣчалъ ей, съ нѣкоторою досадою, Баклановъ и желалъ видно пополнить ея свѣдѣнія въ этомъ случаѣ:—ихъ три брата были посажены тутъ и прикопаны къ столбамъ. Одинъ изъ нихъ видѣлъ, какъ двое братьевъ его умирали, и не могъ ни подать имъ руки, ни принять ихъ прощальнаго взора. Наконецъ освободили человѣка, а онъ не идетъ, не хочетъ: въ темницѣ своей все похоронилъ, и любовь свою, и молодость!

— А долго ли онъ сидѣлъ? спросила Софи.

— Долго.

— Когда же это было, давно?

— Давно.

— А за чтò его посадили?

На этотъ вопросъ Баклановъ рѣшительно не зналъ что отвѣчать.

— За совершенно правое и законное возстаніе, въ время, знаешь, этихъ релігіозныхъ войнъ и всего этого вообще движенія, отвѣчалъ онъ ей общемою фразой.

— Можетъ-быть это и не правда, замѣтила Софи.

— Все равно это!.. Тутъ главное дѣло въ ощущеніяхъ узника, которыя схвачены у поэта неподражаемо! полхватилъ Баклановъ.

Но Софи, кажется, оставалась совершенно равнодушна къ этому достоинству.

— А вотъ это вѣдь Женева бѣдуетъ. Это Женева? спросилъ онъ гребцовъ.

— Oui, monsieur! отвѣчали тѣ въ одинъ голосъ.

— Вотъ около нея, продолжалъ Баклановъ, обращаясь снова къ Софи, въ Ферней жилъ другой философъ, Вольтеръ: „Сей циникъ посѣдѣлый,“ „Умовъ и моды вождь, пронырливый и смѣлый!“ Знаешь эти стихи?

— Знаю, отвѣчала Софи и сказала неправду. — А что въ Парижѣ чрезъ Женеву надобно вѣхать? прибавила она.

— Чрезъ Женеву.

— Такъ поѣдемъ лучше туда. Здѣсь рѣшительно больше нечего дѣлать.

— Какъ нечего? Гулять бы надобно! возразилъ Баклановъ.

— Мы и то ужъ нагулялись, замѣтила на это Софи.

— Вотъ кататься бы въ лодкѣ! прѣдложилъ Баклановъ.

— Сегодня накатались! опять объяснила Софи.

На другой день они въ самомъ дѣлѣ поѣхали на пароходѣ въ Женеву.

При видѣ каменныхъ тротуаровъ и съ большими окнами магазиновъ, героиня моя точно ожила. Не теряя времени, она пошла и купила себѣ цѣпочку, часы, бинокль.

— У тебя, вѣдь, все это есть! замѣтилъ-было ей Баклановъ.

— Но у меня все такое дрянное, отвѣчала Софи.

— Гдѣ жь дрянное? возразилъ онъ, и пошелъ нанимать коляску чтобъ вѣхать въ Ферней.

Прѣвзжая мимо маленькаго, съ памятникомъ, островка, Баклановъ сказалъ Софи съ увлеченіемъ:

— Это островъ Жанъ-Жака Руссо!

Она кивнула головой, какъ бы дѣло шло о знакомомъ и уже надобвшемъ предметѣ. Дорога шла все въ гору. Когда поднялись на довольно значительную высоту, извозчикъ обернулся и указывая хлыстомъ на даль, проговорилъ:

— Это Монбланъ!

— Чудо! прелесть! восклицалъ Баклановъ.

Софи сидѣла молча.

Наконецъ они доѣхали до цѣли своей поѣздки.

— Это такой-то замокъ! воскликнула Софи, увидя весьма небольшой домикъ.

Баклановъ сталъ по ступенямъ крыльца подниматься съ какимъ-то благоговѣнiемъ.

— *C'est le salon de monsieur Voltaire!* произнесъ провожавшій привратникъ.

Софи осмотрѣла кругомъ.

— Печи точно у старинныхъ помѣщиковъ въ домахъ, проговорила она, какъ бы даже съ сожалѣнiемъ.

На урнѣ, стоящей на высокомъ пьедесталѣ, было написано:

„*Son esprit est partout,
Et son coeur est ici!*“

— Тутъ пепелъ отъ его сердца хранится! пояснилъ Баклановъ.

Софи ничего ему на это не сказала; но сдѣлала больше насмѣшливую чѣмъ уважительную мину.

Въ спальнѣ великаго мыслителя и поэта они увидѣли альковъ съ оборваннымъ пологомъ и портретъ императрицы Екатерины.

— Какимъ же образомъ тутъ портретъ нашей императрицы? спросила Софи Бакланова.

— Она была другъ Вольтера; неужели ты этого не знаешь? отвѣчала онъ ей.

— Очень мнѣ нужно было это знать! произнесла Софи.

Баклановъ покачалъ только головой.

Онъ ужъ очень хорошо понималъ, что подруга его для искусства, для поэзiи, для красоты природы была рѣшительно существо непроницаемое!

ГЛАВА VII.

Баклановъ и Парижъ.

Поѣздъ желѣзной дороги не шель, а летѣлъ.

На станціяхъ все красивѣе и красивѣе стали попадаться наполеоновскіе жандармы.

Софи свое запыленное личико обтерла одеколономъ и поправила нѣсколько свой костюмъ.

Баклановъ, въ какомъ то лихорадочномъ волненіи, безпрестанно заглядывалъ впередъ.

— Видать ужь! произнесъ онъ, почти со слезами въ голосъ и откидываясь на спинку дивана.

— Я останавлиюсь въ гостиницѣ Баденъ; а ты, пожалуйста, гдѣ-нибудь въ другомъ отелѣ! А то въ Парижѣ пропасть Русскихъ... сказала ему Софи.

— Хорошо... ты это мнѣ пятый разъ говоришь! отвѣчалъ онъ ей съ досадой.

Стали, наконецъ, мелькать дома чаще и чаще, и въѣхали подъ арку воксала.

Вышли.

— Что-то увидимъ? произнесъ Баклановъ.

— Да, и у меня сердце бьется, отвѣчала ему Софи.

Черезъ нѣсколько минутъ они развѣхались.

Софи, въ покойномъ, красивомъ ремизѣ, весело мотнувъ головой, сейчасъ же скрылась въ ближайшемъ переулкѣ.

Баклановъ взялъ себѣ другой экипажъ.

— Куда угодно ѣхать господину? спросилъ его извозчикъ.

— Въ какой-нибудь отель, недалеко отъ отелъ де-Бадъ.

— Въ отель де-Лувръ! произнесъ кучеръ, получавшій изъ отелъ де-Лувръ болѣе на водку чѣмъ въ другихъ отеляхъ.

— Ну хоть туда! сказалъ Баклановъ.

Солнце между тѣмъ свѣтало полнымъ своимъ блескомъ на бѣлые дома и на гладко вымощенную мостовую.

При въѣздѣ на бульвары, у Бакланова, наконецъ, зарябило въ глазахъ. Экипажи ѣхали ему на встрѣчу, поперегъ, объѣзжали его. По тротуару, какъ бы на празднество какое, шла цѣлая, непрерывная толпа народа, и всѣ такіе были по виду бодрые, нарядные, веселые. Прошелъ, наконецъ, и полкъ съ барабаномъ, который поднималъ всѣ ваши нервы. На каждомъ углу стоялъ городской сержантъ, въ своей треугольной шляпѣ и сивемъ мундирѣ. При поворотѣ, около Вандомской колонны, мелькнула площадь.

— Провезите меня туда, пожалуйста!... сказалъ Баклановъ.

— Bien, monsieur! отвѣчалъ съ гордостью извозчикъ и повезъ.

— Pas si vite! pas si vite, mon cher! говорилъ, безпрестанно приподнимаясь изъ экипажа, Баклановъ.

— Это обидецъ! сказалъ извозчикъ. Онъ поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ казненъ Лудовикъ XVI и была гильотина.

— Но эти фонтаны! фонтаны, Боже ты мой, говорилъ Бакалановъ, смотря въ самомъ дѣлѣ на прелестныя фонтаны: изъ роговъ изобилія, въ рукахъ Нереевъ, огромными снопами была вода, и Нимфы держали головы свои обращенными нѣсколько назадъ, какъ бы смотря, туда ли она попадаетъ, куда надо.

— Что это за зданіе? спрашивалъ Бакалановъ, совсѣмъ какъ бы растерявшись.

— Тюльери!.. Императоръ тутъ теперь живетъ, отвѣчалъ извощикъ.

Бакалановъ обернулся въ другую сторону и замеръ отъ удивленія.

— А это?

— Это, отвѣчалъ извощикъ, Елисейскія Поля; а вонъ Арка Триумфальная. Это мѣсто, господинъ, хорошее, красивое!

— Чудо что такое! такихъ ощущеній нельзя вдругъ по долгу переживать: везите меня поскорѣе въ отель!

Извощикъ поѣхалъ.

— Это мѣсто хорошее, господинъ, хорошее! повторялъ онъ въ одно и то же время добродушно и многозначительно.

Въ отелѣ Бакаланову предложили номеръ въ пять франковъ, Въ мило-убранной комнатѣ, съ каминомъ, съ коврами, съ мраморнымъ умывальникомъ, онъ, наконецъ, снялъ съ себя пыльное, дорожное платье и сѣлъ.

— Да, матушка, Россія, да! началъ онъ вслухъ повторять:— далеко тебѣ еще до Европы: и теплѣй-то она тебя, и умнѣй, и изящнѣй, и богаче.

Умывшись и приодѣвшись, онъ отправился въ Палероаль.

„Что такое этотъ Палероаль? Вѣроятно, что-нибудь великолѣпное,“ рѣшилъ онъ мысленно; но, подходя, долженъ былъ спуститься нѣсколько ступеней внизъ, и очутился на какомъ-то четвероугольномъ дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ домами съ магазинами и ресторанами.

Онъ зашелъ въ одинъ изъ нихъ и спросилъ себѣ обѣдъ.

— И это за четыре франка все, за нашъ цѣлковой, говорилъ онъ, допивая послѣдній глотокъ довольно сноснаго вина.

Кофей пить онъ пошелъ въ одну изъ бульварныхъ кофеенъ.

Открывшаяся тутъ ему панорама показалась просто сказочною.

Начинали уже зажигать газъ. Магазины совершенно показывали свои внутреннія, богатая, красивыя убранства. Въ

каждомъ почти изъ нихъ видѣлось хорошенькое личико торгующей мадамъ.

Около Бакланова тоже сѣли двѣ дамы. Одѣты онѣ были роскошно, но съ замѣтно-набѣленными лицами, и какъ сѣли такъ сейчасъ же постарались поднять высоко-высоко свои платья.

Баклановъ имъ неволью улыбнулся. Онѣ ему тоже улыбнулись.

— Этотъ monsieur очень хорошъ собой! сказала одна изъ нихъ, громко и явно показывая на него.

— Да, я желала бы его поцѣловать! отвѣчала другая.

Бакланову это не совсѣмъ понравилось; онъ всталъ и пошелъ.

Увидавъ на одномъ изъ домовъ надпись Hotel de Bade, онъ зашелъ и спросилъ о Софи.

— Mais madame n'est pas à la maison! отвѣчала ему черно-волосая привратница.

„Гдѣ-жь это она, вѣтреница, до сихъ поръ?“ подумавъ не безъ досады Баклановъ и кликнувъ извозчика.

— Au Bal Mabil! сказалъ онъ.

— Oui, monsieur! отвѣчалъ тотъ и повезъ.

„Тамъ, должно-быть, что-нибудь вакхическое, одуряющее!“ мечталъ герой мой, проѣзжая Елисейскими Полями.

Цѣлая масса огня горѣла на воротахъ Балъ-Мабилъ.

Баклановъ вошелъ не безъ удовольствія.

Свѣтъ газа пробѣгалъ по газонамъ, свѣтился въ самыхъ цвѣтахъ и горѣлъ въ разнообразнѣйшихъ, развѣшенныхъ по деревьямъ, шарахъ.

Баклановъ продрался къ толпѣ, гдѣ танцовали.

Двѣ дѣвицы, очень не красивыя собой, наклонясь подъ музыку, поднимали платья.

Бакланову сдѣлалось жалко, зачѣмъ это они дѣлали.

Перейдя на другую сторону, онъ увидѣлъ дѣвицу получше, которая, совсѣмъ почти лежа на плечѣ кавалера, танцевала; потомъ вдругъ подняла ногу и задѣла при этомъ одного господина за носъ. Онъ и вся стоявшая публика захохотали.

Баклановъ наконецъ захотѣлъ поговорить съ какою-нибудь изъ этихъ госпожъ.

— Mademoiselle! обратился онъ къ одной изъ нихъ не совсѣмъ счастливо.

— Ci devant, monsieur! отвѣчала ему та съ грустью.

При этомъ шедшая съ ней подруга захохотала осиплымъ и почти мужскимъ голосомъ.

Еще съ полчаса Баклановъ не зналъ какъ и просидѣть.

Выйдя изъ сада и пройдя по Елисейскимъ полямъ, онъ наконецъ вздохнулъ по свободнѣе.

— Все то мерзость; а это вотъ, и это—предѣсть! произнесъ онъ, показывая на весело и безпечно идущую по широкимъ панелямъ толпу и на видящееся въ высотѣ темно-синее небо. Въ воздухъ, между тѣмъ, было что-то раздражающее. Онъ опахивалъ въ одно и то же время теплотой и свѣжестью. Баклановъ живо чувствовалъ во всемъ тѣлѣ своемъ какую-то нѣгу и сладострастіе.

ГЛАВА VIII.

Софи и Парижъ.

Не менѣе разнообразно проводила свое время и Софи.

Въ гостиницѣ Баденъ она заняла номеръ въ десять франковъ.

Надѣвъ свое лучшее платьѣ, свою новую шляпку и бурнусъ, она сейчасъ же вышла на улицы; но, Боже мой, какъ показался ей весь нарядъ ея не свѣжъ и старомоденъ.

— Къ Ротшильду въ контору! сказала она.

Извозчикъ подвезъ..

Софи робко вошла въ грязноватое помѣщеніе.

— Сколько угодно вамъ получить по вашему кредитиву? спросилъ ее лѣтшиный кассиръ.

— Десять тысячъ франковъ.

Ей сейчасъ же отсчитали золотомъ.

Она совершенно небрежно положила эту чувствительную сумму въ своей кармашекъ и вышла.

— Въ лучшій магазинъ, гдѣ дамскіе наряды дѣлаются! сказала она своему возницѣ.

Тотъ мотнулъ въ отвѣтъ головой и подвезъ ее къ цѣлому дому-магазину.

Софи вошла сначала по мраморной, а потомъ по чугунной, съ золотомъ, лѣстницѣ. Красивые Французы и красивыя Франдуженки окружили ее.

— Мнѣ нужно платьѣ или, лучше сказать, весь туалетъ.

— Avec grand plaisir, madame, avec grand plaisir! восклицали Француженки и повели ее.

При видѣ нѣкоторыхъ матерій и фасоновъ, у Софи даже дыханье захватывало.

Часа четыре, по крайней мѣрѣ, она ходила, пересматривала; съ нее снимали мѣрку, восхищались ея красотой. Наконецъ она вышла и поѣхала въ магазинъ бѣлья.

Тамъ ей говорили:

— Вамъ нужно батистовое бѣлье. Вамъ нужно сдѣлать ночное особенное, съ длинными рукавами.

Сама содержательница магазина даже обидѣлась, когда Софи сказала ей, что у ней есть для ночи кофты.

— Кто жь, madame, нынче кофты носить?... Кто носить?... восклицала она.

Софи, чтобъ успокоить ее, поспѣшила заказать бѣлье съ длинными рукавами.

Изъ магазина бѣлья она поѣхала въ магазинъ обуви.

— Ваша ножка восхитительна! говорилъ ей Французъ, снявъ съ нея ботинку и даже пожалъ ей при этомъ локку, а когда надѣлъ ей свою ботинку, то попросилъ ее вѣдать и походить.

Софи встала.

— Вы, вѣдь, madame, не ходите, а летаете.

Софи въ самомъ дѣлѣ чувствовала какую-то особенную легкость и живость. Она взяла у него паръ восемь разнаго рода обуви.

Было уже часовъ семь.

Софи, вспомнивъ наконецъ, что она еще ничего не кушала, возвратилась въ свой отель и прошла прямо въ обѣденную залу.

Тамъ сидѣло за столомъ человекъ пятьдесятъ. Софи робко сѣла на одно пустое мѣсто. Она въ первый еще разъ обѣдала одна. Впрочемъ ей было весело: всѣ почти мужчины съ замѣтнымъ вниманіемъ и любопытствомъ смотрѣли на нее.

Откушавъ и выйдя на улицу, Софи рѣшительно не въ состояніи была вернуться въ свой номеръ. Ей такъ все нравилось, такъ все ее прельщало!...

Она взяла экипажъ и поѣхала въ Елисейскія Поля, гдѣ пошла было пѣшкомъ погулять. Тысячи огней горѣли въ аллеяхъ и придавали всему нѣсколько таинственный видъ.

Софи шла по дорожкѣ.

Къ ней на первыхъ же шагахъ присталъ какой-то господинъ.

— Я васъ провожаю! сказалъ онъ.

— Non, non, non, monsieur! поспѣшно отвѣчала Софи.

Она уже струсила и опять сѣла въ экипажъ.

При возвращеніи домой, привратница, подавая ей ключъ, объявила:

— У васъ были три господина: одинъ высокій съ бородой, другой молодой черноволосый, съ усами, третій—блондинъ.

Софи, не безъ гордости и не безъ удовольствія, мотнула ей головой въ отвѣтъ и начала взбираться въ свой номеръ.

Тамъ она въ утомленіи, но съ замѣтно довольнымъ лицомъ сѣла и начала припоминать что она видѣла.

Вдругъ въ двери постучали.

— Entrez! сказала она.

Вошелъ мущина: Петцоловъ въ штатскомъ платьѣ и съ бородой.

— Ахъ, какой ты смѣшной!... было первое слово Софи.

— А что же? спросилъ молодой человекъ, какъ бы нѣсколько обидѣвшись.

— Въ этомъ штатскомъ платьѣ...

— Надоѣла ужъ эта диврея-то, да здѣсь и нельзя.

— Знаю это; но зачѣмъ однако пришелъ такъ поздно?

— Три раза былъ у васъ, говорилъ Петцоловъ, беря обѣя руки и цѣлуя ихъ.

— Нѣтъ, нельзя такъ поздно, отвѣчала Софи, не отнимая впрочемъ рукъ.

— Позвольте по крайней мѣрѣ хоть насмотрѣться на васъ немножко! произнесъ молодой человекъ съ замѣтнымъ чувствомъ и сѣлъ на диванъ.

— Ну, смотрите! сказала Софи, вставая противъ него.

— Вотъ такъ! произнесъ Петцоловъ, обнимая ее и притягивая къ себѣ.

— Ну, вотъ, поцѣлую васъ, и будетъ: отправляйтесь домой! сказала Софи.

— Не вижу къ тому никакой побудительной причины! думалъ было шуткой отыгратья молодой человекъ.

— Александръ, вѣдь, тоже въ Парижѣ. Очень можетъ быть, что зайдетъ еще ко мнѣ.

— Но, вѣдь, онъ не ревнивъ!

— Да, не ревнивь! Отправляйтесь, отправляйтесь!.. Я къ вамъ или пришаю, или напишу, или сама заѣду.

— Вы знаете, я стою въ отель де-Биромъ!

— Знаю, отправляйтесь! торопливо говорила Софи и почти что насильно выводила своего гостя за двери.

Потомъ сейчасъ же раздѣлась и улеглась на упругій тюфякъ.

— Какъ тутъ славно! сказала она, ударивъ по лемъ ручкой и покачнувшись при этомъ всѣмъ своимъ прелестнымъ тѣломъ.

ГЛАВА IX.

Глупое положеніе.

Въ совершенно приличный часъ для визитовъ, въ дверь къ Софи раздался несмѣлый стукъ.

Она въ эти минуты была вся обложена разными рюшами, г. тамъ, матеріями. Передъ ней стояла такая же, какъ и она сама: красивая Француженка.

— *En tenez!* сказала Софи на второй ужь стукъ.

Дверь отворилась: вошелъ Англичанинъ, въ свѣтлѣйшей шляпѣ, въ перчаткахъ огненнаго цвѣта и сапогахъ на толстѣйшихъ подошвахъ.

— *Bonjour!* весело проговорила ему Софи:—*pardon*, что я займусь еще нѣсколько минутъ.

— *O, madame!* произнесъ Англичанинъ, и чопорно сѣлъ.

Софи принялась смотрѣть на рисунокъ, который чертила ей портниха, и только по временамъ съ улыбкой и ласково взглядывала на своего гостя.

Тотъ при этомъ всегда немножко краснѣлъ.

Наконецъ раздался опять стукъ въ двери. Софи съ безпокойствомъ взглянула на нихъ.

— *Entrez!* сказала она.

Вошелъ Баклановъ.

Увидавъ Англичанина, онъ, какъ не старался это скрыть, замѣлъ о выразилъ въ лицѣ своемъ неудовольствіе и недомѣіе.

— *Bonjour!* говорилъ онъ, протягивая безъ церемоніи руку

Софи.—Je vous salue! прибавилъ онъ Англичанину, и затѣмъ, усѣвшись на диванъ, небрежно развалился.

— Я замелъ къ вамъ, Софи: когда жъ мы съ вами со-
вѣдемъ прокатиться по Парижу?

— Все занято! отвѣчала ему Софи,

— Если позволите мнѣ предложить вамъ мой экипажъ: онъ и лошади у меня очень хороши!

— Ахъ, пожалуйста! Я ужасно люблю хорошіе экипажи и хорошихъ лошадей, воскликнула Софи.

— Но у васъ, какъ у путешественника, вѣроятно, тоже ня-
нятой, замѣтилъ ему Бакаановъ.

— Нѣтъ, мой дядя здѣсь посланникъ: все семейство наше
очень любитъ лошадей! отвѣчалъ скремно Англичанинъ.

— Monsieur Plumboque—lordъ, пояснила Софи.

Замѣчаніе это показалось Бакаанову глупо и пошло.

— Теперь часъ гулянья въ Булонскомъ лѣсу: угодно вамъ
madame, и вамъ, monsieur? продолжалъ вѣжливо Англичанинъ
сначала обращаясь къ Софи, а потомъ къ Бакаанову.

— Въ восторгѣ, monsieur Plumboque, отъ вашего предложе-
нія, въ восторгѣ! произнесла Софи и ушла вмѣстѣ съ модист-
кой въ слѣдующую комнату, чтобы надѣть тамъ свой новый
нарядъ.

Туалетъ ея, разумѣется, продолжался около часу, и въ
продолженіи этого времени Англичанинъ нѣсколько разъ об-
ращался къ Бакаанову съ разговорами; но тотъ отвѣчалъ
ему больше полусловами и зѣвая.

Онъ соглашался съ ними ѣхать, единственно не желая по-
казать, что онъ тутъ что-нибудь подозреваетъ или ревнуетъ.

Софи вышла шумно и гордо. Модистка тоже вышла за
ней не безъ гордости.

Лошади и экипажъ Англичанина оказались дѣйствительно
такіе, что Софи и Бакаановъ подобныхъ еще и не видывали.
Онъ упросилъ ихъ сѣсть на заднюю скамейку, а самъ сѣлъ
напротивъ.

Понеслись!

Кто видалъ цѣнь экипажей, часа въ три, отъ Тюльери до
Триумфальныхъ воротъ, тотъ знаетъ сколько тутъ роскоши,
красоты, изящества, какіе львы и львицы сидятъ, какіе
львы, запряженные у дышла, несутся.

Софи совершенно была счастлива своимъ нарядомъ и сво-

имъ экипажемъ. Одно только непріятно ей было, что рядомъ съ ней сидѣлъ Бакаановъ въ довольно помешанномъ пальто.

Впереди ихъ скакалъ взводъ старой гвардіи, конвоировавшій маленькаго принца Наполеона.

Софи ужасно хотѣлось обогнать ихъ, и они обогадали.

Она видѣла въ коляскѣ двухъ дамъ и какого-то маленькаго мальчугана.

Въ Булонскомъ лѣсу они, какъ водителя, остановились у искусственнаго водопада.

Софи сейчасъ же весело побѣжала туда. Англичанинъ пошелъ за ней.

Бакаановъ не пошелъ: ему странно показалось бѣгать за этою госпожой, куда только ей было угодно.

Онъ видѣлъ, какъ на верхъ утеса Софи всходила опираясь на руку Англичанина. Потомъ видѣлъ, какъ они спустились оттуда и стали проходить подъ водою, по темноватой пещерѣ и довольно долго оттуда не выходили. Наконецъ они вышли и, какъ бы совершенно забывъ о его существованіи, снова скрылись въ лѣсу.

Бакаанову, наконецъ, показалось смѣшно его положеніе.

Онъ велѣлъ подать себѣ завтракъ, съѣлъ его, выпилъ бутылку вина; но товарищи не возвращались.

Терпѣніе его истощилось.

Онъ взялъ перваго попавшагося извозчика и уѣхалъ.

ГЛАВА X.

Конецъ исторіи любви.

Бакаановъ цѣлую ночь не спалъ отъ досады и ревности.

Вставъ поутру, онъ прямо отправился къ Софи, чтобъ имѣть съ ней рѣшительное объясненіе.

Дорогой онъ все прибиралъ самыя рѣзкія выраженія:

„Если это одно только кокетство, такъ глупое, неприличное кокетство,“ думалъ онъ. „Если же любовь, такъ зачѣмъ не сказать прямо: я люблю другаго, а не васъ.“

Въ гостиницѣ Баденъ, взбѣжавъ по винтообразной лѣстницѣ къ номеру Софи, онъ услышалъ тамъ ея веселый и не совсѣмъ естественный смѣхъ.

Не столько съ умысломъ, сколько по торопливости, онъ, не постучавшись, отворилъ дверь.

— Ахъ! раздался голосъ Софи.

Петцоловъ въ это время цѣловалъ ее въ шею.

— Pardon, madame! сказалъ Баклановъ, проворно отступая назадъ и захлопнувъ дверь.—Pardon! повторилъ онъ и пошелъ.

— Александръ! Александръ! посышался было съ лѣстницы ся голосъ.

Но Баклановъ не обернулся.

На душѣ его бушевала уже не ревность, а презрѣнне къ Софи: такого поступка онъ все-таки не ожидалъ отъ нея.

Цѣлый день послѣ того онъ ходилъ по Парижу, чтобы какъ-нибудь забыться; на другой день тоже. Главнымъ образомъ его мучила мысль, что ему съ собой дѣлать (онъ собственно и за границу поспекалъ за Софи, потому что не зналъ что съ собой дѣлать въ деревнѣ). Всѣ женщины, жизнь которыхъ была не безукоризненна и которыми онъ такъ еще недавно восхищался, стали ему казаться омерзительны; но за то, Боже мой, въ какомъ свѣтлозарномъ ореолѣ представлялась ему его чистая и непорочная жена! Безъ мучительной тоски и тайнаго стыда онъ не въ состоянiи былъ видѣть маленькихъ дѣтей, воображал, что и онъ тоже отецъ!.. Съ чувствомъ искрѣпней зависти онъ смотрѣлъ на каждаго солиднаго господина, идущаго подъ руку съ солидною дамою, припоминая, что онъ нѣкогда гулялъ такъ съ Евпраксией, при чемъ обыкновенно всегда ужасно скучалъ; но теперь это казалось ему величайшимъ блаженствомъ!.. Десять лѣтъ жизни онъ готовъ былъ отдать, чтобы только возвратиться къ семейству, но въ то же время не смѣлъ и подумать объ этомъ!..

Наконецъ скука и одиночество пересилили его: онъ рѣшился, что бы тамъ ни было, написать Евпраксіи совершенно откровенное письмо и звать ее къ себѣ въ Парижъ. Если она пріѣдетъ къ нему, значитъ, еще любить его, а потому все ему простить; а если напишетъ письмо только, то тамъ видно будетъ какое именно.

„Безцѣнный другъ!“ писалъ онъ. „Ты въ Петербургѣ теперь. Пріѣзжай, Бога ради, въ Парижъ, и спаси меня отъ самого себя. Какъ велико было мое преступленіе противъ

тебя, такъ велико и раскаяніе. Я бы самъ къ тебѣ лѣтъ, да не смѣю этого сдѣлать, и при томъ тяжко болею!"

Даже за прощеніемъ онъ не хотѣлъ самъ идти, а желалъ, чтобъ ему принесли его: баловень и счастливецъ былъ судьбы!

ГЛАВА XI.

Обращеніе къ болѣе серьезнымъ занятіямъ.

Въ полицейскомъ отдѣленіи Palais de Justice происходилъ судъ надъ пятьюдесятью человѣками, которые хотѣли произвести демонстрацію при представленіи какой-то піесы.

Бакаановъ, значительно успокоившійся послѣ отправки письма къ женѣ, тутъ же сидѣлъ около стенографовъ.

Онъ въ первой еще разъ былъ въ открытомъ судѣ и видѣлъ политическихъ преступниковъ.

Судьи и адвокаты въ мантияхъ и шапочкахъ тоже сильно его занимали.

Императорскій прокуроръ, съ испитымъ лицомъ, показался ему противень.

Два главные агитатора: бывшій аптекарь, почти уже старикъ съ большою сѣдою бородой, и другой — молодой человѣкъ, черноволосый, сидѣли отдѣльно. Ихъ выразительныя и характерныя фізіономіи чрезвычайно понравились Бакаанову.

Прочіе преступники помѣщались всѣ на амфитеатрѣ противъ судей; почти около каждаго изъ нихъ сидѣлъ солдатъ.

Бакаановъ все высматривалъ присяжныхъ.

— Скажите, гдѣ жь присяжные? обратился онъ къ одному молодому адвокату.

— О, здѣсь нѣтъ присяжныхъ! отвѣчалъ тотъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ:—это судъ полицейскій.

— Но преступленіе, вѣдь, кажется, очень важное.

— Нѣтъ, что жь: нарушеніе правилъ благочинія, уличный скандалъ.

— Однако я самъ читалъ ихъ прокламацію и воззванія не къ уличному скандалу.

— Да, отвѣчалъ, съ улыбкою, адвокатъ; но императоръ не желаетъ придавать этому никакого особеннаго значенія.

— Однако, можетъ-быть, этихъ людей сошлютъ на галеры? прибавилъ Баклановъ.

— Вѣроятно, подтвердилъ адвокатъ.

Баклановъ исполнился удивленія и негодованія, и придя домой, сейчасъ же началъ писать статью: *Объ открытомъ судѣ вообще, и каковъ онъ во Франціи*. Весь запасъ старыхъ университетскихъ свѣдѣній, все что прочтено потомъ въ журналахъ, все это было воскрешено въ памяти, и статейка вышла весьма, весьма приличная.

— Вотъ это жизнь! говорилъ онъ, проработавъ съ утра до самаго обѣда.

Трудомъ своимъ ему ужасно хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться.

Разъ, идя по бульвару, онъ увидѣлъ Галкина, шедшаго съ какимъ-то господиномъ.

Юноша сей, замѣтивъ его, сейчасъ же хотѣлъ было дать тягу въ сторону, но Баклановъ самъ подошелъ къ нему.

— Здравствуйте-съ! сказалъ онъ ему довольно привѣтливо.

— Ахъ, да, здравствуйте! отвѣчалъ робко и съ удовольствіемъ Галкинъ.

Шедшій съ нимъ господинъ тоже поклонился Бакланову. Тотъ всмотрѣлся въ него.

— А, monsieur Басардинъ! Здравствуйте.

— Скажите, пожалуйста, началъ тотъ—вы съ сестрою моею сюда пріѣхали?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Баклановъ смѣло; но въ сущности весьма сконфуженный.—Мы были съ ней въ Баденъ, а потомъ она поѣхала куда-то въ Швейцарію, а я въ другое мѣсто.

— Досадно! проговорилъ Викторъ, крутя усы.

Съ молодымъ Галкинымъ онъ не только не былъ врагъ, а напротивъ въ дружбѣ съ нимъ находился, и Галкинъ, по преимуществу, уважалъ Басардина за то, что онъ продерживалъ въ печати его отца.

Когда потомъ узналось, что Басардину платятъ изъ откупа за то чтобъ онъ молчалъ, то молодой человекъ и это въ немъ уважилъ, говоря, что съ эдакихъ скотовъ сѣдуетъ брать всякому.

— Я либеральному человѣку, пояснялъ онъ,—все прощаю, чтобъ онъ ни сдѣлалъ.

Теперь они жили даже вмѣстѣ и постоянно ходили подъ руку.

— А что, господа, не свободны ли вы какъ-нибудь вечеромъ? заговорилъ вдругъ Баклановъ, нѣсколько заискивающимъ голосомъ.

— А вамъ что? спросилъ Галкинъ.

— Да мнѣ бы хотѣлось прочесть вамъ мою статейку, которую я написалъ по случаю разныхъ парижскихъ распоряжковъ. Вотъ и вамъ, господинъ Басардинъ.

— Я очень радъ, я свободенъ! произнесъ съ восторгомъ Галкинъ.

Басардинъ молчаливымъ поклономъ изъявилъ согласіе. Несомнѣнный ли успѣхъ его новыхъ произведеній, въ которыхъ онъ называлъ ужъ прямо по именамъ тѣхъ лицъ, о которыхъ писалъ, иль Викторъ имѣлъ въ головѣ своей какое-нибудь еще новое и болѣе серьезное предпріятіе, только онъ замѣтно важничалъ и былъ какъ-то таинственъ.

Чтеніе условлено было на другой день вечеромъ.

Отойдя отъ своихъ будущихъ судей, Баклановъ нѣсколько даже устыдился, передъ кѣмъ это онъ будетъ читать.

„Что же,“ успокоивалъ онъ себя, „молодой этотъ человѣкъ хоть и не далекъ, но по стремленіямъ своимъ благороденъ; а Басардинъ—самъ извѣстный обличительный писатель!“

ГЛАВА XII.

Красные!

На среднемъ столѣ, въ номерѣ Бакланова, стояли сифонъ содовой воды, сахаръ въ серебряной сахарницѣ, красное вино, и посреди всего этого лежала тетрадка.

Часовъ въ восемь гости пришли.

Басардинъ былъ, попрежнему, мраченъ и серьезенъ; а Галкинъ, хоть и вольнодуменъ, но доволенъ.

Баклановъ, съ свойственнымъ всемъ авторамъ нетерпѣніемъ и робостью, ожидалъ начала чтенія.

Судьба его, наконецъ, усѣлась.

Басардинъ, какъ опытный литераторъ, сѣлъ поближе у самаго стола, а Галкинъ на диванѣ въ глубоковнимательной позѣ.

— Ну-съ, такъ я начну, говорилъ Бакаловъ, слегка откашляваясь, и зачиталъ: „Всѣ великія истины просты и часто даются человѣчеству непосредственно: первобытные народы судили своихъ преступниковъ судомъ открытымъ, гласнымъ; въ послѣдствіи это предоставлено было лицамъ избраннымъ, судьямъ, и только уже съ развитіемъ цивилизаціи, съ внесеніемъ въ общественный распорядокъ высшихъ нравственныхъ идей, общество снова обратилось къ первоначальной формѣ суда.“

— Да, позвольте-съ! перебилъ его Галкинъ:—въ первобытныхъ обществахъ совсѣмъ другое считалось преступленіемъ. воровство тамъ было ловкостью, а убійство—молодечествомъ:

— Да такъ и надо! подхватилъ, съ мрачнымъ выраженіемъ, Басардинъ:—пусть всякій защищается самъ, а у насъ статью, вонъ, про кого напишешь, такъ сейчасъ въ острогъ лаять засадить.

— Да я не про то совсѣмъ, господа, говорю! возражалъ удивленный и сконфуженный этими замѣчаніями Бакаловъ.— Я объясняю только, какъ въ обществахъ человѣческихъ шель исторически судъ.

— Ничего я не вижу изъ вашихъ объясненій, ничего!... возражалъ ему Галкинъ.

Бакаловъ сдѣлалъ замѣтно недовольную мину.

— Я говорю-съ, началъ онъ пунктуально,—что судъ сначала принадлежалъ вполне самому обществу, судили, такъ-сказать, простымъ, мірскимъ приговоромъ; наконецъ, стали судить по обычаямъ, по преданіямъ; а тамъ, послѣ разныхъ комбинацій, онъ дѣлается, напримѣръ, во времена феодальныя, принадлежностью начальника-барона. Это, вѣдь, безсмыслица!

— Разумѣется, подтвердилъ Галкинъ.

— Отъ барона онъ передается судѣ-специалисту, произволь котораго, все-таки, связывается преданіями и законами. Согласны вы съ этимъ?

— Совершенно! подтвердилъ Галкинъ.

Но Басардинъ, замѣтно дѣлавшій надъ собой усиліе, чтобы понять что тутъ говорилось, на этомъ мѣстѣ вдругъ поднялъ голову.

— Вы говорите, въ феодальныя времена начальнику-барону

судили... Вотъ на Кавказѣ я служилъ... Тамъ дикій совершенно народъ, а тоже начальники судятъ: возьметъ, да и застрѣлитъ—и basta!

— Я не то совсѣмъ говорю! отвѣчалъ ему съ досадой Баклановъ:—Судья-специалисту, продолжалъ онъ,—придали, наконецъ, судъ по совѣсти, то-есть, присяжныхъ, или, другими словами, внесли элементъ прежняго общественнаго суда.

— Я не понимаю къ чему вы все это ведете? возразилъ Галкинъ.

— И я тоже! подтвердилъ Басардинъ.

— Веду къ тому-съ, отвѣчалъ Баклановъ,—что у насъ, собственно въ Россіи, вопросъ этотъ теперь на очереди. Въ противодѣйствіе ему обыкновенно ставятъ то, что у насъ не можетъ быть присяжныхъ, что они необразованы. Прекрасно-съ. Но они должны быть таковы, потому что таковы и преступники. Человѣкъ живетъ въ известномъ обществѣ, знаетъ всѣ его условія. Только это общество и имѣетъ право судить его. Странно было бы, есаубы краснокожаго людоѣда стали судить англійскіе присяжные, а madame Лафаржъ—камыцкій судъ.

— Что жъ изъ этого будетъ, если вы одну эту форму введете, а тысяча другихъ, старыхъ ветшей остается?

— Что жъ дѣлать съ этимъ?

— Надобно все измѣнить, отвѣчалъ Галкинъ:—уничтожить сословія; сдѣлать землю совершенно свободною, какъ воздухъ, пусть всякій беретъ ее, сколько ему надобно; уничтожить бракъ, семью.

— Это земля тамъ, и сословія, все это пустяки! перебилъ его Басардинъ:—а главное, чтобъ деньги у этихъ каналий богачей не лежали.

— И чтобы деньги не лежали!

— Да кто же вамъ позволить это сдѣлать, господа? возразилъ Баклановъ.

— Идти, такъ позволять! подхватилъ Галкинъ:—выворачивая при этомъ глаза, чтобы сдѣлаться пострашнѣй.

— Взять топоръ, такъ позволять! подхватилъ Басардинъ, грозно потряхнувъ головой и поднявъ кулакъ на воздухъ.

— Господа! Вы разсуждаете, какъ дѣти, какъ мальчику! воскликнулъ Баклановъ.

— Нѣтъ, мы разсуждаемъ, потому что знаемъ...

— Что вы знаете?

— Знаемъ, чего хочетъ народъ.

— Какой?

— Русскій!...

— Да народъ влѣзъ первыхъ побьетъ камнями, закричалъ ужь Бакаановъ.

— Ха, ха, ха! отвѣтили ему на это молодые люди.

Затѣмъ сдѣлался всеобщій шумъ.

— Гаупо, господа, гаупо! Какъ хотите! восклицалъ Бакаановъ.

— Я не понимаю васъ, не понимаю! отвѣчалъ, топорщась, Галкинъ.

— Такъ говорить подло, низко, скверно! произносилъ, скрежеща зубами, Басардинъ.

Споръ этотъ прерванъ былъ вошедшимъ человекомъ.

— Monsieur, madame votre épouse est aggrivé! сказалъ онъ Бакаанову.

У того мгновенно выскочили изъ головы: и статья, и открытый судъ, и невѣжественные оппоненты его и въ воображеніи представлялась сердитая и укоряющая Евпраксія.

— Гдѣ она?... говорилъ онъ робкимъ голосомъ, выходя за лакеемъ въ корридоръ, и очень былъ радъ, что тамъ было не такъ свѣтло.

— Monsieur! сказалъ ему лакей, показывая на стоявшую недалеко даму съ мушкетеромъ: послѣдній былъ Валерьянъ Сабакъевъ.

— Une chambre! сказалъ Бакаановъ лакею и подошелъ къ женѣ.

— Пріѣхала! проговорилъ онъ радостно-заискивающимъ голосомъ.

Евпраксія ничего ему не отвѣчала, и вошла въ отворенную лакеемъ дверь.

Бакаановъ замѣтилъ, что она очень похудѣла и въ то же время похорошѣла, хотя выраженіе лица ее было почти суровое.

— Ну, здравствуйте-съ! сказалъ было онъ опять ласково и поцѣловалъ у жены руку; но Евпраксія и тутъ ему ничего не сказала.

Не зная, какъ себя держать, Бакаановъ заговорилъ съ шуривомъ.

— И вы, Валерьянъ, пріѣхали, — это прекрасно!

— Пріѣхалъ, отвѣчалъ Валерьянъ.

Въ голосъ его Бакалову тоже послышались какъ бы насмѣшка и неудовольствіе.

Евпраксія, видимо утомленная дорогой, сѣла. Бакаловъ осмѣлился взглянуть на нее повнимательнѣй, и хоть бы малѣйшее замѣтилъ въ чертахъ лица ея снисхожденіе къ себѣ.

— Что жъ ты, здоровъ? проговорила, наконецъ, она.

— Здоровъ! отвѣчалъ Бакаловъ какою-то фистулой.

— Какъ же ты писалъ, что боленъ?

— Выздоровѣлъ.

Въ это время въ номеръ вошелъ лакей.

— Ваши гости спрашиваютъ, возвратитесь вы къ намъ или нѣтъ? сказалъ онъ Бакалову.

— Убирались бы къ чорту! отвѣчалъ тотъ.

Лакей съ улыбкой вышелъ.

Сабакъевъ обратился къ сестрѣ.

— Ну такъ я пойду, сказалъ онъ.

— Ступай! отвѣчала ему та съ ласковою улыбкой.

— Куда это мой милѣйшій? спросилъ его Бакаловъ.

— Нужно! отвѣчалъ Сабакъевъ, и ушелъ.

Оставшись съ женою вдвоемъ, Бакаловъ рѣшительно не находилъ что ему дѣлать.

— Куда это братъ пошелъ? поспѣшилъ онъ о чемъ-нибудь заговорить.

— Къ невѣстѣ своей, отвѣчала односложно Евпраксія.

— Вотъ какъ!... Кто же она такая?

— Елена, дочь мадамъ Базелейнъ.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ Бакаловъ, какъ бы и съ живымъ участіемъ:—дѣвочкой еще маленькою помню!... Какъ же она въ Парижъ попала?

— Пріѣхала съ матерью, съ волью.

— И что жъ, милая особа?

На этотъ вопросъ Евпраксія ничего не отвѣтила.

Въ корридоръ, между тѣмъ, раздася русскій говоръ.

— Рѣзю хорошую устроить, такъ... говорилъ Басардинъ.

— Да! подтвердилъ Галкинъ.

Евпраксія посмотрѣла на мужа.

— Это у тебя вѣрно были? спросила она.

— У меня!

— Кто такіе?

— Такъ, шуты одни гороховые! отвѣчалъ Баклановъ.

Онъ разрывался въ душѣ отъ стыда и досады: лучше бы Евпраксія сердилась, укоряла, бранила его, чѣмъ устремляла на него этотъ холодный и презрительный взглядъ!

ГЛАВА XIII.

Еще новая героиня.

Прошелъ день, два. Положеніе Бакланова продолжало оставаться очень неловкимъ: Евпраксія ѣздила съ нимъ по Парижу, все осматривала, всѣмъ очень интересовалась; но о прошедшемъ его проступкѣ хотъ бы слово. Баклановъ, однако, очень хорошо видѣлъ, что это было не прощеніе, а скорѣй равнодушіе и невниманіе къ тому что онъ дѣлалъ и даже впредь намѣренъ былъ дѣлать.

Онъ рѣшился, наконецъ, самъ заговорить:

— Я, конечно, виноватъ противъ тебя, но что дѣлать? Первая любовь!

— Первая любовь... къ содержанкѣ! повторила насмѣшливо Евпраксія.

— Какая же содержанка! сказалъ Баклановъ.

Ему показалось ужъ обидно, что Евпраксія такимъ образомъ третировала Софи. Ему хотѣлось, чтобъ она въ этомъ случаѣ видѣла нѣкоторое торжество и побѣду съ его стороны.

— Ты сама тоже неправа: хотъ бы слово маѣ написала и намекнула, что тебѣ это неприятно.... Я и думалъ: что жь?... значить, для нея все равно.

Евпраксія съ насмѣшкой пожала плечами.

— Я никакъ не предполагала въ человѣкѣ столько низости душевной: бѣжать съ одною женщиной, и въ то же время женѣ писать нѣжныя и страстныя письма, проговорила она.

— Это не низость душевная, сказалъ, покраснѣвъ, Баклановъ.

— Что же это такое? спросила Евпраксія.

Въ тотъ же день, когда наши супруги возвращались часу въ четвертомъ съ прогулки изъ Булонскаго лѣсу, превосходный воздухъ, чистое голубое небо, предестный Парижъ, такъ разнѣжили Бакланова, что онъ непремѣнно рѣшился помириться съ женой. Все время по пріѣздѣ ея въ Парижъ

она ужасно казалась ему хороша собой. Войдя въ номеръ, и видя что Евпраксія усѣлась въ кресла, съ своимъ, по обыкновенію, спокойнымъ лицомъ, онъ подошелъ къ ней и сталъ передъ нею на колѣни.

— Простименя! проговорилъ онъ, склоня голову на ея колѣни и лоя ея руки.

Евпраксія отодвинулась отъ него.

— Не унижайте себя, по крайней мѣрѣ, этимъ! сказала она.

— Но ты еще любишь меня, Евпраксія! умолялъ ее Баклановъ:—ты пріѣхала по первому моему зову!

— Я пріѣхала къ отцу моихъ дѣтей, но не къ мужу! проговорила строго Евпраксія.

Бакланову сейчасъ же всталъ, гордо потрянулъ своими красивыми и начинавшими ужъ сѣдѣть кудрями, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ опустился въ небрежную позу на первый попавшійся стулъ и проговорилъ:

— Стальная и бездушная вы женщина!.. Вы даже не стоите той минуты раскаянія, которой было я преданъ теперь.

Евпраксія хоть бы бровью повела, и только кинула взглядъ на домашнюю чудотворную икону, привезенную ею даже въ Парижъ.

— Во всю жизнь, продолжалъ Баклановъ,—хоть бы одному чувству, одному порыву вы отвѣтили, и послѣ этого требовать, чтобы мужъ вамъ оставался вѣрнѣе.

— Прекратите, пожалуйста, ваши разсужденія; кто-то идетъ сюда, перебила его Евпраксія.

Двери въ самомъ дѣлѣ отворились, и вошелъ Сабакъевъ съ сіяющимъ лицомъ, а за нимъ шла молодая дѣвушка въ черномъ, наглухо застегнутомъ платьѣ, съ обстриженными волосами и въ шляпѣ à la mousquetaire.

— Bonjour! сказала она, какъ-то рѣзко пожимая руку у Евпраксіи.

— Мужъ мой! сказала та, указывая ей на Бакланова.

— Bonjour! сказала и ему дѣвушка, также смѣло протягивая руку.

Героя моего, привыкнущаго къ порядочному кругу, такіа манеры въ дѣвушкѣ странно поразили и даже показались ему нѣсколько натянутыми и неестественными.

— А я недавно слышала, начала она, садясь на диванъ:—что monsieur Баклановъ спорилъ съ одними молодыми людьми и былъ въ этомъ случаѣ совершенно не правъ.

— Я спорилъ? Съ кѣмъ же это? сказалъ Баклановъ не безъ удивленія.

— Съ Галкинымъ.

— А вы его знаете? спросилъ онъ ужь насмѣшливо.

— Онъ другъ мой! отвѣчала дѣвушка.

— Другъ вашъ! повторилъ Баклановъ, склоняя голову.

Сабакѣевъ во все это время не спускалъ пылающихъ глазъ съ своей невѣсты.

— Евпраксія! обратилась она къ Баклановой.—Мы съ Валерьяномъ предположили захватъ за вами и взять васъ съ мужемъ ѣхать обѣдать къ Дойену въ Елисейскія Поля. Тамъ есть русскіе щи; я ихъ только и могу ѣсть.

— Пожалуй! отвѣчала Евпраксія, и при этомъ не взглянула даже на мужа, какъ бы не желая и знать, хочетъ ли онъ ѣхать или нѣтъ.

Баклановъ, однако, счелъ за лучшее ѣхать, и черезъ нѣсколько минутъ Сабакѣевъ поѣхалъ съ невѣстой въ одной коляскѣ, а онъ съ женой въ другой.

Бакланова заинтересовала невѣста шурина.

— Что это за странная госпожа? спросилъ онъ Евпраксию опять ужь ласковымъ голосомъ.

— Ты знаешь ея мать!... Что жь могло другое выйдти отъ подобнаго воспитанія? отвѣчала та своимъ обыкновеннымъ тономъ, какъ бы ничего между ними не произошло.

— Но зачѣмъ же у нея рукава и воротнички грязные?

Что-то въ родѣ усмѣшки показалось на лицѣ Евпраксиі.

— Собой-то не хороша, ну и хочетъ показать, что всѣмъ этимъ пренебрегаетъ и занимается наукой и политикой.

— Чѣмъ ей заниматься! Она гаупа, должно-быть.

— Напротивъ, преумная и очень добрая дѣвушка.

Баклановъ пожалъ плечами.

— По крайней мѣрѣ вся изломана и изломана въ самомъ дурномъ тонѣ, проговорилъ онъ.

ГЛАВА XIV.

Міросозерцаніе новой героини.

Наступили сумерки. Елисейскія Поля освѣтились газомъ.

Евпраксія ушла съ Валерьяномъ въ *café chantant*.

Баклановъ и Елена ходили по довольно темной аллеѣ и спорили.

— Я не понимаю, какъ можно Галкина имѣть своимъ другомъ, говорилъ Баклановъ.

— Да, онъ не уменъ, не даровитъ, это такъ! возразила съ удареніемъ Елена;—но онъ человекъ съ характеромъ.

— Съ характеромъ? повторилъ насмѣшливо Баклановъ.

— Да и да! утверждала Елена:—у насъ, напримѣръ, продолжала она, прищуривая глазки,—есть одно общее дѣло, и онъ въ немъ дѣйствуетъ превосходно: смѣло, не отступая, а Валерьянъ нѣтъ!

— Валерьянъ умный человекъ, образованный!... произнесъ Баклановъ, разводя руками:—а это чортъ знаетъ что такое!

— Намъ Богъ съ вами, съ этими умиками!... воскликнула весьма настойчиво и въ то же время ужасно мило Елена,—намъ нужны люди съ характеромъ, съ темпераментомъ, люди твердыхъ убѣжденій, а не разваренные макароны!...

— Господи! гдѣ вы этикихъ фразъ нахватались?.. Васъ, вѣроятно, всѣмъ этимъ напихивала наша литература.

— Да, литература! Ужь, конечно, не мое дурацкое институтское воспитаніе и не мать, у которой едва достамо силы родить меня; а потомъ ея жизнь вы сами знаете! заключила Елена съ презрѣніемъ.

— Что такое? спросилъ Баклановъ.

— Ея позорная интрига!

„Ну это хоть бы и Галкину! Не даромъ они друзья!“ подумалъ Баклановъ.

— За подобныя отношенія вы, по вашей собственной теоріи, не должны бы, кажется, винить ее, сказалъ онъ.

— Я бы ее и не винила, подтвердила Елена, опять нахмуривая свой лобъ:—еслибъ она отдалась какому-нибудь бѣдвяку, а не генераль-губернатору.

— Но если она любила его?

— Не должна была любить, потому что онъ лицо официальное; а собственно бракъ она могла и должна была нарушить.

— Должна?

— Да! Что вы меня такъ спрашиваете? Вы сами нарушали бракъ.

— Однако я опять къ нему же возвратился, отвѣчалъ Баклановъ, конфузясь.

— Что жъ, это оттого что васъ повертѣли? спросила насмѣшливо Елена.

Вопросъ этотъ нѣсколько смѣшалъ Бакланова.

— Оттого ли или не оттого, я не знаю; но только мнѣ было неловко въ моемъ положеніи.

— Слабость характера, больше ничего! сказала, съ гримасой, Елена.

— Но зачѣмъ же сами вы выходите замужъ и будете вѣнчаться?

— Да потому что заставляютъ это дѣлать; наконецъ, я выхожу за человѣка, котораго я люблю.

— А потомъ, если разлюбите его?...

— Если разлюблю его, такъ полюблю другаго.

— А если онъ полюбитъ другую?

— Скатертью дорога, отвѣчала Елена, пожимая плечами.

— Это ваши правила.

— Да, мои правила!... Чтобы въ этомъ случаѣ ничего не было насильственнаго и принужденнаго!

— Правила хорошія-съ! подхватилъ Баклановъ.

— Не дурныя! сказала Елена, и потомъ, какъ бы сообразивъ, прибавила: — Конечно, еслибы требовали того какія-нибудь политическія цѣли.

— То-есть? спросилъ Баклановъ.

— То-есть, еслибы требовало этого благо родины. Какъ, напримѣръ, Людишь, которая пришла, отдавась Олоферну и отрубила ему голову.

— Ой, это ужъ и страшно! сказалъ Баклановъ.

Елена сама, впрочемъ, насмѣшливо посмотрѣла на него.

— Вамъ кажется все это смѣшно? проговорила она.

— Смѣшно не смѣшно, а нѣсколько странно.

— Странны-то вы, а не мы!

— Кто же это мы? спросилъ Баклановъ.

— Люди безъ зрѣнія!... слыши!

— А вы, значитъ..;

— А мы зрячіе! подхватила Елена.

Въ это время изъ кофейной выходила Евпраксія съ братомъ.

— Валерьянъ, Валерьянъ! закричала Елена.

Тотъ подошелъ.

— Чтò жъ ты мнѣ купилъ потаенныя русскія стихотворенія?

— Нѣтъ еще! отвѣчалъ, краснѣя, Валерьянъ.

— Неужели же вы читать ихъ будете?... спросила Евпраксія.

— Я ужь все почти читала, отвѣчала Елена.

— Даже царя Никиту? спросилъ Баклановъ.

— И царя Никиту! отвѣчала Елена. При этомъ она сама даже не могла удержаться—улыбнулась и добавила:—Конечно, впрочемъ, не дочитала; сказали, что очень ужь не хорошо!

— Я бы на мѣсть Валерьяна не позволила вамъ читать этихъ вещей, сказала опять Евпраксія.

— Напротивъ, онъ долженъ былъ бы заставить меня прочесть ихъ!.. отвѣчала, разводя ручками, Елена:—мы въ этомъ случаѣ дѣлаемъ оппозицію русскому правительству.... оно не хотѣло, чтобы мы это знали, а мы знаемъ!

— Да, разумѣется: ему, должно быть, очень это будетъ неприятно, сказалъ Баклановъ.

Сабакѣевъ, замѣтивъ въ словахъ зятя насмѣшливый тонъ, посмотрѣлъ на него звѣрѣмъ.

— Елена совсѣмъ не то хотѣла сказать, какъ вы это поняли, произнесъ онъ, и когда стали прощаться, онъ даже не подавъ руки Бакланову.

— Что это такое? Что такое? почти кричалъ тотъ всю дорогу.

Евпраксія ни слова не говорила.

— Эта госпожа въ корень развращена! произнесъ наконецъ Баклановъ.

— Э, вздоръ какой! сказала Евпраксія.

— Какъ вздоръ?

— Да такъ! говорить только; а слова и поступки—двѣ вещи разныя.

— Да достаточно если и говорить только! Я понять не могу, какимъ образомъ Валерьянъ могъ влюбиться въ такую дѣвушку.

— Онъ самъ такихъ же убѣжденій.

При этихъ словахъ выраженіе лица Евпраксіи сдѣлалось мрачно и печально.

— Самъ?

— Да! Богъ знаетъ только откуда и какъ все это появилось, прибавила она и вздохнула.

ГЛАВА XV.

Три женщины.

Въ номерѣ Сабакѣева были онъ самъ, въ дорожномъ пальто и съ сумкой черезъ плечо, Галкинъ и Басардинъ, тоже оба съ сумками, и Елена.

Послѣдняя съ жаромъ и увлеченіемъ что-то толковала имъ.

— Раскольниковъ надо поднять! Денегъ у нихъ, у чертей, пропасть! Въ Рогожское затесаться къ нимъ надо! говорилъ, съ искаженными чертами лица, Басардинъ.

— Прекрасно! Прекрасно! ободряла его Елена.

— Надобно только, чтобъ они съ молодымъ поколѣніемъ сошлись, только! подхватилъ Галкинъ.

— Всѣхъ готовѣе мужики, когда нарѣзку земли станутъ дѣлать, сказалъ спокойнымъ, но невеселымъ голосомъ Сабакѣевъ.

— Да, да! подтвердила и ему Елена.—Главное надобно, чтобы почвы въ этомъ случаѣ больше было, чтобы мы на почву могли опираться....

— Были бы деньги, почва будетъ! замѣтилъ на это Басардинъ.

Въ это время вошла Евпраксія и Бакаановъ. Съ первой Елена радушно поздоровалась, а послѣднему едва даже поклонилась. Изъ разговора съ нимъ въ Елисейскихъ Поляхъ, изъ распросовъ о немъ Галкина, Басардина она, убѣдилась, что онъ *слѣпенъкій*, и потому презирала его.

— *Chère Euraxie!* воскликнула она:—Матан меня не пускаетъ съ ними ѣхать въ Лондонъ.

— И прекрасно дѣлаетъ: я бы на ея мѣстѣ тоже не пустила, отвѣчала та.

— Почему же?

— Потому что какъ же дѣвущкѣ одной ѣхать съ молодыми людьми?

— Я ѣду съ женихомъ, возразила Елена

— Тѣмъ больше не ловко; вы еще не жена его.

— Какая же тутъ разнища, какая? спрашивала Елена.

Евпраксія не находилась что и отвѣчать ей.

— Что я не обвиняна еще съ нимъ, такъ я думаю, это все равно! пояснила сама Елена.

— Да зачѣмъ и вѣнчаться-то? подхватилъ Гаакинъ.

— Не знаю! отвѣчала Елена, пожимая плечиками.

Въ эти минуты она была до безконечности мила. Сабакъевъ держалъ глаза потупленными; но видно было, что онъ готовъ былъ расцѣловать это юное и смѣлое существо. Евпраксія окончательно покраснѣла.

Басардинъ, между тѣмъ, отнесся къ Бакланову и сконфузилъ его.

— Я, вѣдь, сестры-то не видалъ, сказалъ онъ,—говорятъ, что она тутъ ходитъ съ Петцоловымъ; вы знаете его?

— Никого и ничего я не знаю-съ! отвѣчалъ, съ досадою, Баклановъ.

Путешественники наши, наконецъ, собрались. Елена поѣхала ихъ провожать на желѣзную дорогу, а Баклановы уѣхали домой. Евпраксія была еще грустнѣе обыкновеннаго. Баклановъ въ послѣднее время замѣтилъ въ женѣ еще двѣ новыя черты: впервыхъ, по утрамъ она очень долго оставалась въ своей комнатѣ и, видимо, молилась тамъ; во вторыхъ, въ среду и пятницу или совсѣмъ ничего не обѣдала, или если иногда садилась за столъ, то приказывала подавать себѣ только зелень, и то безъ масла.

— Неужели ты въ Парижѣ хочешь соблюдать посты? спросилъ онъ ее однажды.

— Кажется, для васъ все равно, соблюдаю ли я что-нибудь или нѣтъ, отвѣчала она ему.

Баклановъ пожалъ плечами.

— Съ тобой говорить, Евпраксія, невозможно, до того твой характеръ испортился.

— Вы хоть чей характеръ испортите!

— Все я....

— Кто же?... Я сама, что ли?

Обращаясь такимъ образомъ холодно съ мужемъ, Евпраксія была чрезвычайно нѣжна съ братомъ. Она, кажется, прислушивалась къ каждому его слову, присматривалась къ каждому его движенію. Когда онъ сказалъ, что поѣдетъ въ Лондонъ, она сейчасъ же объявила, что и они поѣдутъ, тогда какъ прежде и слышать не хотѣла объ этой поѣздкѣ.

Изъ всего этого Баклановъ ничего не понималъ. Чтобъ избѣжать неловкихъ tête-à-tête съ женою онъ, почти цѣлые дни таскался по Парижу, и одинъ разъ, возвращаясь изъ Булонскаго лѣсу, услышалъ несущійся ему на встрѣчу топотъ лошадей и говоръ людской. Это ѣхала цѣлая кавалькада: дама и нѣсколько мушкетъ. Когда они нагнали его, Баклановъ узналъ Софи, Англичанина и еще нѣсколько молодыхъ людей: она имъ улыбалась, перекидывалась съ ними словами. Замѣтивъ Бакланова, она даже ему не поклонилась, а напротивъ какъ-то еще гордѣ подняла свою головку, ударила лошадь хлыстомъ и понеслась. Кавалеры ея послѣдовали за нею. Поднялась страшная пыль и всѣхъ ихъ скрыла.

„Совсѣмъ госпожа закружилась!“ подумалъ Баклановъ и въ воображеніи его невольно промелькнули три женщины: Софи, которая такъ прилично всегда себя держала и такъ мало говорила; Елена, вѣроятно ничего еще не сдѣлавшая, а за то Богъ знаетъ что говорившая, и наконецъ Евпраксія, которая во всю жизнь свою, вѣроятно, не сказала ни одного живаго слова и нецѣломудренно не подумала, и вмѣстѣ съ тѣмъ была совершенно непонятна Бакланову.

Сойдясь послѣ такой долгой разлуки съ женою, онъ въ одно и то же время любилъ и ненавидѣлъ ее, уважалъ и презиралъ. Сколько мечтаній было посвящено имъ, пока онъ ожидалъ ее въ Парижѣ, что вотъ она пріѣдетъ, пожуришь его не много, а потомъ будетъ попрежнему добра и ласкова съ нимъ; но ничего подобнаго не случилось: онъ встрѣтилъ одинъ только холодъ и презрѣніе.

— Эта женщина—ледь, могила! говорилъ онъ иногда съ скрежетомъ зубовъ, и въ слѣдъ же затѣмъ въ сердцѣ его болѣзненно отзывалась мысль: „Что если она полюбила кого-нибудь другаго;“ такъ что онъ однажды спросилъ ее:

— Ужь вы не влюбились ли въ кого-нибудь?

Евпраксія взглянула при этомъ на мужа.

— То-то, къ несчастію, нѣтъ; а ужь слѣдовало бы! сказала она.

— Кто жь мѣшалъ?

— Конечно ужь не вы! отвѣчала Евпраксія съ гримасой.

Баклановъ не чувствуя самъ того, покраснѣлъ отъ досады.

— Вы даже лишаете меня права порезновать васъ, произнесъ онъ полушутя, полусерьіозно.

— Эта ревность не изъ любви.

— Изъ чего же?

— Изъ самолюбія. Первую я всегда бы оцѣнила бы, а вторую презираю.

Баклановъ покачалъ только при этомъ головой:

„Да, эта женщина прощать не умѣетъ“, рѣшилъ онъ мысленно.

ГЛАВА XVI.

Таинственное посѣщеніе.

Лондонъ!

Къ зданію всемірной выставки подѣхалъ, между прочимъ, кэбъ, изъ котораго вышли Баклановъ и Евпраксія.

— Не отставай, Бога ради, не отставай! говорилъ онъ ей съ обыкновенною своею торопливостію.

— Иди ужь самъ-то! отвѣчала та ему съ досадою.

У Бакланова, попрежнему, начались поддѣльные восторги.

— Евпраксія, посмотри, вѣдь это полисмены! восклицалъ онъ радостно, какъ бы увидѣвъ братьевъ родныхъ.

Затѣмъ они сейчасъ же попали въ совершенно сплошную массу народа.

— Гдѣ жь мы съ братомъ увидимся? спросила Евпраксія.

— Онъ хотѣлъ придти въ русское отдѣленіе, отвѣчалъ Баклановъ.

— Ну такъ и пойдемъ туда! сказала Евпраксія и, спросивъ по-англійски перваго попавшагося господина, повела мужа.

— Боже мой, какъ скудно и бѣдно наше отдѣленіе! началъ опять восклицать Баклановъ.... Турція, посмотри, и то какое богатство сравнительно съ нами.

— Не кричи, пожалуйста! здѣсь всѣ ходятъ молча! возразила ему Евпраксія, а потомъ, взглянувъ въ даль, прибавила съ удовольствіемъ:—А вонъ и братъ!

Сабактевъ въ самомъ дѣлѣ подходилъ къ нимъ съ Басардинымъ.

— Madame, угодно вамъ руку, сказалъ послѣдній.

Евпраксія хоть и не съ большимъ удовольствіемъ, но подала ему руку.

Баклановъ пошелъ съ Сабакѣевымъ.

Евпраксія нѣсколько разъ обертывалась къ нимъ и замѣтно прислушивалась къ ихъ разговору.

— Мнѣ бы очень хотѣлось, ужасно!... говорилъ Баклановъ.

— Куда это вы собираетесь? спросила она наконецъ, не утерпѣвъ.

— Такъ, ужъ, въ кофейную, на одно представленіе, отвѣчалъ ей мужъ.

— Хорошо ужъ, я думаю, представленіе...

— Не бойся, въ худое мѣсто не заведу его, сказалъ съ улыбкой Сабакѣевъ.

— Боюсь, что ты болѣе чѣмъ въ худое заведешь, сказала, съ удареніемъ, Евпраксія.

Послѣ обѣда, Баклановъ вдругъ пропалъ, такъ что Евпраксія и не видала когда. Это ее замѣтно встревожило. Она часовъ до двѣнадцати его дождалась.

Наконецъ онъ возвратился очень, повидимому, веселый и довольный.

— Гдѣ ты былъ? просила она.

— У нашихъ эмигрантовъ, отвѣчалъ Баклановъ съ самодовольствіемъ.

— Зачѣмъ же тебѣ это такъ понадобилось?

— Впервыхъ, они сами пожелали меня видѣть.

— Я думаю! отвѣчала Евпраксія насмѣшливо:—что жъ у тебя можетъ быть съ ними общаго?

— Какъ что общаго?

— Да такъ: ты ихъ не старый знакомый, не революціонеръ; ты простой, обыкновенный человѣкъ, помѣщикъ, значить, лицо ненавистное имъ.

— У нихъ не я одинъ, а всѣ бываютъ.

— Это-то и глупо: люди печатно говорятъ, что они въ Бога не вѣрують (при этихъ словахъ все лицо Евпраксіи вспыхнуло), называютъ все ваше отечество—недѣльностью; васъ гнилымъ, развратнымъ сословіемъ, а вы къ нимъ лѣзете.

— Это, значить, нельзя быть знакому ни съ однимъ сатирикомъ! произнесъ, съ насмѣшкой, Баклановъ.

— Какая ужъ тутъ сатира: они прямо мужикамъ говорятъ, чтобъ они топоры брали и головы рубили вамъ. Наконецъ, если раздѣляете ихъ убѣжденія, такъ и дѣйствуйте такъ; а то дома кресты и чины получаютъ готовы, а къ нему придутъ, вольнодумничаютъ; что жъ вы послѣ этого за люди?

Баклановъ какъ-то мрачно слушалъ жену.

ГЛАВА XVII.

Заговоръ зрѣть.

Съ огромной лѣстницы средняго зданія Кристальнаго Дворца сходили наши путешественники.

Рядомъ съ Евпраксіей шелъ Басардинъ. Онъ, видимо, старался быть уменъ и любезенъ.

— Вотъ это Европа! Чувствуешь, что на высшей точкѣ цивилизаціи находишься! говорилъ онъ.

Въ это время Блонденъ шелъ уже по канату, по крайней мѣрѣ на высотѣ пятидесяти саженьей.

Евпраксія взглянула на верхъ и отвернулась.

— Что жь, вы ужь и испугались? сказалъ ей Басардинъ насмѣшливо и въ тоже время съ нѣжностью.

Евпраксія шла, ничего ему не отвѣтивъ.

Басардинъ старался нагонять ее и идти съ нею рядомъ.

— Это ужь несчастіе Русскихъ, говорилъ онъ:—что мы не можемъ и не хотимъ ни на что взглянуть прямо.

— Что жь тутъ пріятнаго смотрѣть прямо? проговорила она.

— Я не про это говорю, а про другое, отвѣчалъ Викторъ лукаво.

— Не знаю, про что вы говорите, сказала ему почти сердито Евпраксія.

— Я говорю, продолжалъ Викторъ, понижая голосъ,—что вы вотъ, напримѣръ, несчастливы въ вашей семейной жизни, а между тѣмъ остаетесь вѣрны вашему долгу.

Евпраксія сначала было разсердилась, а потомъ разсмѣялась.

— Вы ужасно глупы, извините вы меня! проговорила она.

Басардина при этомъ только слегка передернуло. Впрочемъ, онъ сейчасъ же поправился и съ насмѣшливою улыбкой продолжалъ слѣдовать за Евпраксіей.

Съ Баклановымъ, между тѣмъ, шель Галкинъ.

— Вамъ всего достанется какихъ-нибудь двѣсти или триста штукъ.... толковалъ онъ.

— Тутъ не въ количествѣ дѣло!... возражалъ Баклановъ.

— Вамъ все это въ поясъ уложить, объяснялъ Галкинъ:— вѣдь, поясъ нигдѣ не осматриваютъ, согласитесь съ этимъ.

Баклановъ молчалъ.

— Не понимаю я вашего дѣла, господа, какъ хотите! произнесъ онъ наконецъ и покачалъ съ грустью головой.

— Земскую думу надобно собрать!... Согласитесь, что безъ этого нельзя.

— А потомъ что?...

— А потомъ разложеніе и федерація...

Баклановъ усмѣхнулся и задумался вмѣстѣ.

— Ну такъ до свиданья! сказалъ Галкинъ.

— Вы куда? спросилъ его робко Баклановъ.

— Въ типографію.

— А Сабакъевъ тамъ?

— Тамъ; съ утра сидитъ...

Галкинъ ушелъ.

Баклановъ остался въ сильно-мрачномъ настроеніи. Къ вящему его неудовольствію, онъ увидѣлъ вдали Петцолова, который прямехонько шелъ на него.

— Bonjour! говорилъ онъ, дружески подходя и протягивая руку, какъ будто бы между ними ничего непріятнаго не было.

— Вы знаете, что произошло съ madame Леневою? началъ онъ сейчасъ же.

— Ея братъ тутъ идетъ! шепнулъ было, указывая на Басардина, Баклановъ.

— Ничего!.. Я ему самъ все говорилъ; онъ нисколько не въ претензіи, говорилъ Петцоловъ.— Imaginez! присовокупилъ онъ:— она нанимаетъ въ улицѣ Saint-Honoré бельэтажъ!.. имѣетъ ложу въ оперѣ!.. Словомъ, живетъ съ какимъ-то Англичаниномъ-Крезомъ.

— Котораго предпочла вамъ, какъ васъ мѣт! сказалъ Баклановъ.

— Oui! подтвердилъ весело Петцоловъ:— а, écoutez: вы были у здѣшнихъ господъ?

— Былъ! отвѣчалъ Баклановъ.

— Неправда ли, какіе чудные люди?

- Превѣсходные!
 - Какъ они ласкають молодежь! чудо!.. adieu!
 - Вы ужь уходите?
 - Да! Я завтра совсѣмъ изъ Лондона увѣзжаю.
 - Что такъ?
 - Такъ!.. Нужно еще въ Австрію заѣхать, просить тамошняго раскольничьяго митрополита сюда переѣхать!.. прибавилъ Петцоловъ уже полушепотомъ.
- Баклановъ только посмотрѣлъ на него.
- „Чортъ знаетъ что такое!“ подумалъ онъ, когда молодой человѣкъ отошелъ.

ГЛАВА XVIII.

Агитаторъ и раскольникъ.

Въ одной изъ самыхъ сытныхъ лондонскихъ тавернъ, въ Сити, сидѣло, между прочимъ, много и русскихъ купцовъ прѣвхавшихъ на выставку.

Купецъ, попавшійся намъ въ Дрезденѣ, тоже тутъ обѣдалъ.

Его рѣшительно побѣдалъ глазами сидѣвшій не вдалекѣ отъ него Викторъ Басардинъ. Наконецъ, замѣтивъ, что купецъ доѣлъ послѣднее блюдо и сталъ утирать свою бороду, онъ прямо подошелъ и сѣлъ противъ него.

— Вы знакомы, кажется, съ господиномъ Баклановымъ?... сказалъ онъ.

— Съ какимъ господиномъ Баклановымъ? спросилъ купецъ не безъ удивленія.

— Съ однимъ моимъ знакомымъ; на выставкѣ вы съ нимъ кланялись.

— Не знаю-съ! отвѣчалъ односложно купецъ.

— Но мы васъ знаемъ и уважаемъ!.. продолжалъ Викторъ запискивающимъ голосомъ.—Къ вамъ, вѣдь, приходилъ на дняхъ одинъ человѣкъ?... прибавилъ онъ таинственно.

Купецъ посмотрѣлъ на Басардина внимательно.

— Приходилъ-съ! отвѣчалъ онъ какъ-то отрывисто.

— Ну, сами согласитесь, у насъ вѣдь, Богъ знаетъ что съ раскольниками дѣлають.... наконецъ съ вами самими!..

Купецъ нѣсколько времени переводилъ безпокойный взглядъ съ Виктора на салфетку и съ салфетки на Виктора.

— Чтò бы кому за дѣло-сь, чтò со мной ни дѣлають! проговорилъ онъ наконецъ.

— Да, конечно, отвѣчать Викторъ, потупляясь,—но тутъ общая польза!

— Какая эта польза такая! Ничего мы того не знаемъ и не наше то дѣло.

— А я полагалъ было... произнесъ Басардинъ.

— А коли полагали, такъ не угодно ли самимъ: площади у насъ въ Питерѣ и Москвѣ большія, разказывайте тамъ чтò вамъ охота.

— Тутъ вы знаете, еслибы Христосъ пришелъ, такъ и того бы въ полицію взяли, возразилъ Басардинъ.

— Такъ чтò жь вы другихъ-то къ тому подводите?... Вы здѣсь наболтаете Богъ знаетъ чтò, а потомъ за васъ отвѣтствуѣ.

— Ну ужь вы можете быть спокойны, что здѣсь васъ никто не выдастъ.

— Какъ не выдастъ?... Какъ вы бумагъ-то въ руки насуете, такъ тутъ съ полицнымъ словять. Вы, значить, только одно и есть, чтò человѣка-то подѣ гибель подводите!

— Ну ужь насъ никто не можетъ укорить! возразилъ Викторъ, поматывая головой:—чтобы мы простаго, русскаго человѣка не любили и не желали ему добра.

— Благодаримъ на томъ покорно-сь!... Только словно бы того, пожалуй, намъ и не надо: вы баря сами по себѣ, а мы мужики сами по себѣ. Вы вотъ Государя Императора браните, а мы ему благодарствуемъ и полагаемъ такъ, что собака даетъ, а вѣтеръ носить... Въ Бога, вонъ, вы пишете, чтобы не вѣровать, и то мы ничего: считаемъ такъ, что отъ неразсудка вашего это происходитъ.

— Чтò жь мы не изъ-за денегъ же къ вамъ стремимся?

— Да денегъ мы вамъ и не дадимъ; деньги у насъ не ворованныя, а по́томъ и трудомъ нашимъ нажитыя.

— Чиновникамъ давали же ихъ! возразилъ Викторъ ядовито.

— Чиновники-то все-таки маненечко царскіе слуги, а не самозванщина...

Басардинъ, наконецъ, всталъ.

— На васъ, значить, и надежды никакой питать нельзя!.. произнесъ онъ.

— Мало че, что надежды, а что ежели бы теперь это во Франціи, али въ Австріи было, я бы, себя оберегаючи, комиссару васъ представилъ, отвѣчалъ внушительно купецъ.

— Какъ это глупо! сказалъ Викторъ уходя.

— Чтò дѣлать-то! Неученые! Инако думать и полагать не умѣемъ! отвѣчалъ купецъ.

ГЛАВА XIX.

Прокламаціи.

Три дня уже какъ Сабакѣвъ и Баклановъ съ женой ѣхали на пароходѣ обратно въ Петербургъ. Послѣдній всю почти дорогу не пилъ, не ѣлъ ничего и былъ чрезвычайно грустенъ; а Сабакѣвъ, напротивъ, оставался совершенно спокоенъ и все сидѣлъ на палубѣ и смотрѣлъ на море.

По случаю небольшого числа пассажировъ, Баклановъ съ женой занималъ отдѣльную каюту. Въ одинъ вечеръ, ложась спать и снимая съ себя, между прочимъ, замшевый поясъ, онъ проговорилъ въ полголоса:

— Ахъ, обуза, обуза проклятая!

— Чтò такое это вы сказали? спросила вдругъ его Евпраксія. Послѣднее время она замѣтно присматривала за мужемъ.

— Такъ!... Ничего!... отвѣчалъ Баклановъ.

— Какая это у васъ обуза? продолжала Евпраксія.

Баклановъ молчалъ.

— Да ну же, говори! сказала она.

Баклановъ усмѣхался.

— Да вонъ... изъ Лондона... порученье дали.

— Что-о-о? воскликнула Евпраксія.

— Да не кричи, пожалуста! перебилъ ее Баклановъ:—изъ Лондона!.. прибавилъ онъ шепотомъ.

— Чтò изъ Лондона?

— Прокламаціи!

Евпраксія даже отступила нѣсколько шаговъ назадъ.

— Ахъ, вы, сумашедшій человекъ! Сумашедшій! воскликнула она:—гдѣ онъ у васъ, подайте сейчасъ?

— Какъ возможно!... Я не хочу подлецомъ быть!

— Подлецомъ вы будете, если провезете ихъ. Для чего вы это дѣлаете?

— Чтобы возбудить.

— Кого? къ чему?

— Да къ чему бы то ни было. Все лучше чѣмъ оставаться при настоящемъ порядкѣ.

— Какъ къ чему бы то ни было! воскликнула Евпраксія:—да вы въ самомъ дѣлѣ послѣ этого злодѣи какіе-то!... Кто вамъ даль право это дѣлать?... Кто васъ уполномочиваль?

— Вся Россія, все общественное мнѣніе.

— Да Россія васъ растерзаетъ, если ей хоть пальцемъ указать на васъ.

— Ну оставьте меня, пожалуста, въ покоѣ!

— Нѣтъ, не оставаю. Вы, кажется, совершенно забыли, что у васъ есть дѣти, у которыхъ вы промотали все состояніе, и для которыхъ должны теперь трудиться, а не въ рудники идти.

— До рудниковъ еще далеко, проговорилъ Баклановъ съ улыбкою.

— Очень недалеко! Не успѣете, я думаю, носу въ Петербургъ показать, какъ всѣхъ васъ въ крѣпость пересажаютъ!

— Кто же узнаетъ?

— Да ужь и знаютъ вѣроятно давно. Не одинъ разъ ужь, вѣроятно, телеграфировали объ васъ.

Замѣчаніе это замѣтно сконфузило Бакланова.

— И къмъ увлекся?.. Кому подражать сталъ?... продолжала между тѣмъ Евпраксія:—мальчикамъ!.. Неужели настолько разеудку-то нѣтъ чтобы понять это своимъ умомъ?

— Однако въ числѣ этихъ мальчишекъ и братъ вашъ.

— Братъ увлечелъ несчастною любовью своею. Они этикихъ и подбираетъ: или энтузіастовъ, или дураковъ... Подайте сейчасъ, гдѣ у васъ эти бумаги? заключила она, вставая и подходя къ мужу.

— Да вонъ.... въ поясѣ!... отвѣжитесь только! отвѣчалъ Баклановъ какъ бы и съ досадой.

Евпраксія сейчасъ же проворно взяла поясъ. Оборвавъ до крови ногти, она сама расшила его и начала выкидывать изъ него въ отворенное окно бумажки.

— Всѣ ли тутъ? Нѣтъ ли еще?

— Всѣ тутъ, ей Богу!... отвѣчалъ Баклановъ.

Евпраксія и самый поясъ бросила въ море. Послѣ такого поступка жены, Бакланову стало какъ-то легче.

— Чортъ съ нами въ самомъ дѣлѣ! сказалъ онъ, сибаритскимъ образомъ разваливаясь на койкѣ.

Евпраксія усѣлась въ кресла.

— Какъ это вамъ могло придти въ голову, скажите пожалуйста? сказала она.

— Да такъ, стали уговаривать: „Вы, говоритъ, человекъ съ такими хорошими убѣжденіями.“

Евпраксія съ грустью качала на него головою.

— Я было сначала и отпѣкивался, продолжалъ Бакаловъ: — надулся, перестали со мной говорить.... смѣяться надо мною начали.... мнѣ ужъ и неловко стало.

Евпраксія усмѣхалась.

— Вашему ничтожеству я ужъ и словъ не нахожу; да хороши и они, хороши! проговорила она, и на другой день не оставила въ покоѣ и брата. Она взяла его за руку, увела къ себѣ въ комнату и заперла дверь.

— Чтò это такое ты съ собой везешь? спросила она его прямо.

— Чтò везу? спросилъ, въ свою очередь, мрачно Сабакѣевъ.

— Я знаю ужъ чтò! отвѣчала Евпраксія.

Валерьянъ смотрѣлъ себѣ на руки.

— Проболтался тотъ, болтушка-то! сказалъ онъ.

— Мало что онъ болтался, я все у него отняла и выкинула.

Валерьянъ продолжалъ спокойно глядѣть себѣ на руки.

— Точно то же и съ вами намѣрена сдѣлать! продолжала Евпраксія уже съ улыбкой.

Сабакѣевъ молчалъ.

— Сдѣлаю, а? спросила она, ласково взявъ его за руки.

Сабакѣевъ грустно усмѣхнулся.

— Ты, вѣдь, сама очень хорошо знаешь, что со мной ты этого не сдѣлаешь ни ласками, ни угрозами... Къ чему же поэтому и говорить? добавилъ онъ.

— Знаю, отвѣчала Евпраксія со слезами на глазахъ,—но я думала, что ты это сдѣлаешь для меня!... Чтò ты этимъ погубишь себя, въ этомъ я совершенно увѣрена, а твоя погубель для меня все равно, что погубель всѣхъ дѣтей моихъ, значить, болѣе чѣмъ моя собственная!

— Очень жаль! отвѣчалъ, повидимому, совершенно равнодушно Валерьянъ: — и еслибъ отъ этого въ самомъ дѣлѣ

погибъ я самъ, мать, ты, дѣти твои, все-таки я ни на шагъ бы не отступилъ.

— Богъ съ тобой! сказала Евпраксія.

— Въ Бога я не вѣрую, но что поступаю такъ какъ сабдуетъ поступать честному человѣку, въ этомъ убѣжденъ, сказалъ онъ, и хлопнувъ дверьми, вышелъ на палубу.

Евпраксія поняла, что больше съ нимъ говорить было нечего, и остальную дорогу она уже ничего не ѣла и цѣлые дни почти плакала.

Сабакѣевъ все это видѣлъ, зеленѣлъ отъ волновавшихся его чувствованій, но не сказалъ ей ни одного слова въ утѣшеніе.

ГЛАВА XX.

Петербургскій пожаръ.

Пассажиры шли въ таможенную кронштадтскую залу. Вещи разложены были по идущимъ вокругъ столамъ. На среднемъ столѣ лежали паспорта. Чиновникъ въ очкахъ перебиралъ ихъ, и не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ произнесъ:

— Господинъ Сабакѣевъ!

Сабакѣевъ вышелъ. Евпраксія, блѣдная какъ передъ смертью, видѣла, что у брата въ это время подергивало щеку.

— Потрудитесь пожаловать вонъ въ эту комнату! произнесъ чиновникъ, показывая на одну изъ дверей.

Сабакѣевъ пошелъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ также и солдатъ-жандармъ.

Всѣ пассажиры переглянулись между собой. У Евпраксіи были полнехоньки слезъ глаза. Она старалась ихъ смигнуть, но утереть не смѣла.

Въ залу вошли еще нѣсколько лицъ и что-то такое объявили. Пассажиры заводновались и стали беспокоиться. Таможенные чиновники принялись торопливо осматривать вещи.

Баклановъ и Евпраксія, занятые своимъ положеніемъ, не обратили сначала на это вниманія.

— Господинъ Баклановъ! провозгласилъ, наконецъ, тотъ же чиновникъ.

Баклановъ переглянулся съ женой и поблѣднѣлъ.

— Пожалуйте въ слѣдующую комнату! сказалъ чиновникъ. Евпраксія начала совершенно теряться.

Баклановъ пошелъ

Прочіе пассажиры продолжали торопливо прятать свои вещи и бѣгомъ уходили изъ залы.

Баклановъ, наконецъ, съ раскрасѣвшимся лицомъ возвратился къ женѣ.

— Всего осматривали, произнесъ онъ.

Въ это время молоденькій чиновникъ подалъ Евпраксіи записку. Она какъ прочитала ее, такъ и опустила руки. Это писалъ Сабакъевъ:

„Не дожидаетесь меня. Я арестованъ!“

Евпраксія пошла.

Она безпрестанно оступалась и, кажется, совсѣмъ не видѣла куда идетъ. Баклановъ принужденъ былъ поддерживать ее.

Они прошли на пароходъ. Тамъ капитанъ что-то торопливо бѣгалъ по палубѣ и отдавалъ приказанія.

— Скоро мы поѣдемъ? спросилъ его Баклановъ.

— Надо скорѣе... Петербургъ горитъ... отвѣчалъ ему тотъ.

— Какъ Петербургъ? повторилъ Баклановъ.

Въ отвѣтъ на это пассажиры указали ему на видѣвшееся облако дыму, окрашенное во многихъ мѣстахъ красноватымъ цвѣтомъ пламени.

— Евпраксія, Петербургъ горитъ! не утерпѣлъ и сказалъ женѣ Баклановъ.

— Господи, дѣти мои! воскликнула та.

Баклановъ повялъ, что сдѣлалъ глупость.

— Гдѣ именно горитъ-то? обертывался онъ и спрашивалъ всѣхъ.

— Апраксинъ Дворъ, говорятъ, отвѣчали ему.

— Апраксинъ Дворъ, они далеко, утѣшалъ было онъ жену.

— Два шага всего тутъ... произнесла та и начала безпрестанно подходить къ капитану и спрашивать: — Скоро мы приѣдемъ, скоро?

— Самымъ полнымъ ходомъ идемъ, отвѣчалъ тотъ.

Пройди еще съ часъ времени, и Евпраксія или бы съ ума сошла, или бы у ней лопнуло сердце.

У пристани едва бросили трапъ, какъ она проскользнула по немъ и побѣжала по Англійской Набережной, по площади, по Невскому....

Народъ толпами валялъ по тротуару, перекликался, перебранивааься. Неслись пожарные; на Думѣ былъ выкинуть красный флагъ.

Чтобъ избѣжать давки, Евпраксія повернула на Екатерининскій каналъ.

Баклановъ едва успѣвалъ слѣдовать за ней.

Въ переуакѣ ихъ остановила дѣлая куча народа.

— Ваше благородіе... ваше благородіе! закричалъ изъ толпы голосъ къ Бакланову.

— Что такое тутъ? спросилъ тотъ.

Толпа напирала на двухъ какихъ-то господъ, изъ которыхъ одного огромнаго мужика, нѣсколько человекъ держали за руки; а другой, совершенный старичишка, дрожащею и слабою рукою повертывалъ ему галстукъ, съ видимою цѣлью удавить его.

— Кто тебя научилъ?... Кто? говорилъ онъ.

— Что такое? повторилъ еще разъ Баклановъ.

— Поджигатель.... У старичка домъ-то поджигалъ, отвѣчалъ кто-то ему.

— Кто научалъ? повторялъ, уже нараспѣвъ отъ бѣшенства, старичишка.

— Поляки, ваше благородіе, Матерь Божья! пробормоталъ мужикъ.

— О-го-го-го! заголосила толпа, и повалила въ сторону отъ Бакланова.

— Го-го-го-го! слышалось ему еще нѣсколько разъ.

— А супружницу-то его швырнули въ огонь, объяснилъ ему проходившей мимо его молодой мѣщанинъ.

Остановленный всею этою сценой, Баклановъ едва догналъ Евпраксию.

— Дай мнѣ руку! сказалъ онъ.

— На!! отвѣчала она, какъ помѣшанная, и все шла впередъ.

Баклановъ между тѣмъ припоминалъ черты мужика: не оставалось никакого сомнѣнія, что это былъ Михайло, кучеръ Басардинныхъ, а супружница его вѣроятно Иродіада.

На Садовой, предъ Банкомъ, толпа снова остановила ихъ. Раздавались какіе-то клики, и вдали мелькалъ бѣлый султанъ.

Баклановъ самъ невольно приостановился. Это шель Государь.

— Батюшка нашъ... батюшка!... стонали и охали женщины.

— Ваше Императорское Величество, повторяли мужики.

У чиновниковъ нѣкоторыхъ головы дрожали.

Баклановъ почувствовалъ, что и у него невольно навернулись слезы.

Евпраксія продолжала сама растапливать народъ, и имъ удалось, наконецъ, снова выбратъ на Невскій.

— Вези въ Графскій переулокъ! сказала она, проворно садясь на перваго извощика.

Баклановъ поспѣшилъ сѣсть съ нею.

— Кто это такіе поджигаютъ! спросилъ онъ у извощика.

— Да кто ихъ знаетъ, батюшка!! Этта вотъ тоже я вѣшалъ... такъ молодой баринокъ... какъ вотъ ихъ?... на Васильевскомъ острову еще ученье-то имъ идетъ....

— Да, знаю! подхватилъ Баклановъ.

— Такъ какъ тоже отъ народу-то бѣжалъ, схватить было его хотѣли.

Баклановъ невольно при этомъ припомнилъ, какъ онъ всегда спорилъ съ молодыми людьми и увѣрялъ ихъ, что они народа не знаютъ. Они думали, что народъ съ ними, а онъ заподозрилъ ихъ въ первомъ скверномъ преступленіи.

— А болтаютъ тоже и такъ, продолжалъ разговорчивый извощикъ,—что купечество: товару-то нѣтъ, а оно заручило его въ казну, и теперъ жжетъ, чтобы деньгами выбрать.

— Очень можетъ быть!

— Болтаютъ такъ... сказываютъ, подтвердилъ извощикъ.

Передъ однимъ домомъ Евпраксія остановила извощика и проворно пошла по лѣстницѣ.

Баклановъ послѣдовалъ за ней.

Она дернула за звонокъ.

Отворили, и въ залѣ стоялъ Валерьянъ и Митя уже въ курточкахъ, а Петя еще въ рубашечкѣ. Она сразу всѣхъ ихъ и обняла и прижала къ груди.

Бакланова дѣти не узнавали, и только одинъ Валерьянъ сказалъ наконецъ:

— Ахъ, это папаша!

Въ дверяхъ гостиной стояла старуха Сабакѣева.

Баклановъ едва имѣлъ духу подойти къ ней къ рукѣ.

— Что, батюшка, отыскали наконецъ! произнесла она голосомъ исполненнымъ презрѣніемъ:—а гдѣ Валерьянъ? прибавила она.

Баклановъ молчалъ и смотрѣлъ на жену.

— Валерьянъ арестованъ! отвѣчала та.

Старуха нѣсколько времени смотрѣла на дочь, а Евпраксія на нее.

— Этого надобно было почти ожидать! пояснила она матери.

— Да! произнесла старуха, и обѣ потомъ, не сказавъ ни слова больше, разошлись по своимъ комнатамъ.

Какъ ни великъ былъ у обѣихъ нравственный закалъ, но на этотъ разъ однако, видно, не хватало его!

ГЛАВА XXI.

Черезъ полгода.

На Васильевскомъ острову, знакомая намъ гостиная Ливанова представляла далеко не прежнее убранство: въ обѣихъ переднихъ углахъ ея стояли кіоты съ дорогими образами. Образъ Спасителя съ прозенною стрѣлами головой, тоже былъ тутъ. Передъ обѣими кіотами горѣли лампы. Въ комнатахъ, сильно натопленной, вмѣсто прежняго пріятнаго запаха духами, пахло лѣкарствами. Самъ Евсеій Осиповичъ худой, какъ мертвецъ, совсѣмъ плѣшивый, но еще съ сверкающими глазами, лежалъ на постелѣхъ подъ пуховымъ одѣяломъ. У кровати его сидѣла, въ черномъ платьѣ и съ заплаканными глазами, Евпраксія. Около года ужъ старикъ былъ тяжело боленъ: ни отъ трудностей и невгодъ житейскихъ, ни отъ коварства и измѣнчивости людской, никогда Ливановъ не покидалъ гордою головой своей; онъ зналъ, что онъ все поборетъ и надъ всѣмъ восторжествуетъ умомъ своимъ. Но чего не сдѣлала вся жизнь, то сдѣлалъ страхъ смерти. Евсеій Осиповичъ смирился духомъ; прежнее его мистическое направленіе приняло чисто-религіозный характеръ; онъ сдѣлался кротокъ со всѣми въ обращеніи, строилъ на свой счетъ больницу, разсылалъ деньги по бѣднымъ церквамъ; ко всѣмъ роднымъ своимъ написалъ исполненныя любви и покаянія письма, въ томъ числѣ и къ Бакланову, который сейчасъ же пріѣхалъ къ нему и привезъ жену. Большой старикъ съ перваго же разу заинтересовалъ Евпраксію; онъ такъ умно и красно говорилъ о разныхъ религіозныхъ предметахъ. Евсеій Осиповичъ, въ свою очередь, замѣтивъ въ племянницѣ настроеніе, схожее съ своимъ, съ удовольствіемъ взялся ее довоспи-

тивать: онъ все еще любилъ, хотя бы то и на самыхъ чистыхъ основаніяхъ, сближаться съ женщинами. Евпраксія стала къ нему заѣзжать раза по два въ недѣлю: спервыхъ, чтобы посѣтить его, какъ больного, а вовторыхъ, чтобы и побесѣдовать съ нимъ. Въ настоящее свиданіе, несмотря на замѣтную слабость, Евсевій Осиповичъ говорилъ много и краснорѣчиво.

— Мирной и скорой ковчины мнѣ Богъ не пошлетъ! пояснялъ онъ:—я очень много грѣшилъ мыслями и дѣломъ; но ты чиста и невинна...

— Я ни въ чемъ не виновата, подтвердила и Евпраксія.

— Ты только искупительная жертва вашего рода, продолжалъ старикъ:—родъ вашъ умный, честный, но жестокій: прапрадѣдъ твой былъ наказнымъ дьякомъ въ пытной палатѣ.... Дѣдъ твой въ двѣнадцатомъ году, на моихъ глазахъ... я еще молодымъ человѣкомъ былъ... настигъ отрядъ Французовъ; тѣ укрылись было съ лошадьми въ церковь деревянную, и потомъ сдавались, просили пощады, но онъ не послушался, и всѣхъ ихъ сжегъ за оскорбленіе храма.

Выраженіе лица Евпраксіи какъ бы говорило, что отецъ хорошо сдѣлалъ, что сжегъ.

— Я для себя ничего ужъ и не желаю, и не прошу, и молюсь только за дѣтей.

— И молись больше!. Молитва великое дѣло... молитва разрушаетъ и созидаетъ города, и повелѣваетъ стихіями; когда на Устюгъ шла каменная туча, весь народъ по церквамъ молился и колѣнопреклонствовалъ, ничто не отвращало гнѣва Божія; но сталъ молиться преподобный Проконій; растерзалъ на себѣ ризы, всплакалъ кровавыми молитвенными слезами, и Богъ его услышалъ....

Евпраксія слушала: она и сама въ это время врядъ ли не шептала про себя молитвы.

— Я къ вамъ дѣя черезъ два опять заѣду, сказала она и встала, замѣтивъ, что старикъ сильно утомился, такъ что у него лицо какъ бы нѣсколько перекосялось и голова склонилась на подушку.

— Прощай, голубица! проговорилъ онъ.

Евпраксія поцѣловала у него руку.

Евсевій Осиповичъ перекрестилъ ее.

Въ зальцѣ Евпраксію остановила горничная Евсевіа Оси-

повича, та же самая, которую и мы знаемъ и которая съ тѣмъ поръ только очень попомята.

— Вчера-съ съ нимъ ночью очень дурно было... Боюсь, чтобъ и сегодня чего не случилось.

— Главное, чтобы причастить и исповѣдывать успѣть, отвѣчала на это спокойно Евпраксія.

— Это-то успѣемъ; священникъ въ нашемъ домѣ живетъ, сказала горничная.

— Только это! повторила Евпраксія, и съ тѣмъ же печальнымъ лицомъ, какое имѣла, сѣла въ карету и поѣхала. Передъ Казанскимъ соборомъ, она начала креститься и вроде-жало это до самой квартиры.

Дома она нашла мать, тоже въ черномъ платьѣ и съ печальнымъ лицомъ, сидѣвшую за среднимъ столомъ — мужа, скучающаго вдали на креслахъ и Варегина, который стоялъ и грѣлся у камина. Послѣдній былъ, попрежнему, спокоенъ и солиденъ.

Евпраксія при входѣ привѣтливо поклонилась ему, почтительно поцѣловалась съ матерью и сѣла; потомъ сейчасъ же, придавъ еще болѣе серьезное выраженіе лицу, позволила. Вошелъ человекъ.

— Позови дѣтей, сказала она, и черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ старшій Валерьянъ, ужъ въ гимназическомъ сюртукѣ.

— Что, перевелъ? спросила его мать.

— перевелъ-съ!

— Ну давай!

Мальчикъ сталъ переводить.

— А брату изъ ариеметики показалъ? спросила Евпраксія тѣмъ же серьезнымъ голосомъ.

— Показалъ-съ! отвѣчалъ ей мальчикъ тоже серьезно.

— Поди, позови его.

Пришелъ и второй сынишко, совѣтъ еще капля.

— Знаешь изъ ариеметики? спросила его Евпраксія почти строго.

— Знаю-съ, пролепеталъ ребенокъ.

— Ну, рассказывай!

Мальчикъ началъ отвѣчать, безпрестанно вскидывая на мать большіе голубые глазенки.

— Ну теперь можете идти гулять, сказала Евпраксія.

Мальчики солидно вышли.

— Славно дѣти выдержаны! сказалъ Варегинъ, съ удовольствіемъ мотнувъ на нихъ головой.

На лицѣ Евпракіи при этомъ ничего не выразилось, какъ бы говорилось о совершенно постороннемъ для нея предметѣ, но старуха Сабакѣева, прислушавшись къ ихъ разговору, произнесла:

— Я своего тоже не бадовала, да немного толку-то вышло! Евпракія посмотрѣла на мать.

— Валерьянъ, папан, еще ничего дурнаго не сдѣлалъ! сказала она какимъ-то твердымъ голосомъ.

— Чтѣ же онъ хорошаго-то сдѣлалъ? перебила ее рѣзко старуха.

— Валерьянъ Арсеньичъ былъ втянутъ общимъ потокомъ, выѣхался Варегинъ.

— Еще бы! подхватила Евпракія:—люди постарше и попытѣе его въ жизни, Богъ знаетъ на какія глупости рѣшались.

При этомъ Бакалановъ пошевелился въ своемъ креслѣ.

— Скажите, пожалуста! началъ онъ, чтобы замаять этотъ разговоръ, и обращаясь къ Варегину:—вы совсѣмъ ужъ оставили посредничество.

— Думаю!... Дѣлать становится нечего.

— Вездѣ, значитъ, теперь тихо, вездѣ порядокъ установился?

— Почти!.. Только вотъ, помните, въ томъ имѣньи, гдѣ я усмиралъ у этой госпожи, все не слушаются старика отца ея. Я по этому случаю, вѣхавши сюда, заѣхалъ къ нему—оказывается, что онъ умеръ, и представьте себѣ: на столѣ-то лежитъ румяный и бѣлый, какъ живой.

— А маѣ такъ, опять поспѣшно перебилъ пріятеля Бакалановъ:—изъ деревни пишутъ, что одинъ сосѣдъ мой и неможко родственникъ, Дѣдовхинъ... тоѣ такъ отъ досады померъ, что кому ни пожалуется на посредника, никто просьбы отъ него не принимаетъ!

— Да, сильно старики подбираются: „Послѣднія тучки разсѣянной бури!“ заключилъ Варегинъ.

Въ продолженіи всего этого разговора Евпракія и старуха Сабакѣева замѣтно къ чему-то прислушивались. Наконецъ раздался звонокъ.

— Вотъ, кажется, и онъ! подхватила первая.

Старуха встревоженно посмотрѣла на нее.

Вошелъ знакомый намъ правовѣдъ Юрасовъ, въ настоящее время оберъ-прокуроръ и членъ разныхъ комиссій.

Евпраксія съ пылающимъ лицомъ пожала ему руку и просила садиться около себя.

Старуха тоже смотрѣла на него, какъ-то моргая носомъ.

Гость въ свою очередь, хоть и улыбался, но замѣтно былъ не совсемъ въ покойномъ состояніи.

— Ну что? рѣшили? спросила старуха.

Голова ея при этомъ дрожала.

— То есть, проектъ рѣшенія написать, отвѣчалъ уклончиво Юрасовъ.

— Въ каторгу? спросила старуха.

— Да.

— На долго ли?

— Вѣроятно, смягчатъ еще; а теперь на двѣнадцать лѣтъ.

Старуха, тяжело дыша, уставила глаза на образъ.

Евпраксія употребила всѣ силы, чтобы совладѣть съ собой; но слезы уже ручьями текли по ея лицу.

— Скажите: не струсилъ ли онъ? не труситъ ли по крайней мѣрѣ? спросила старуха.

— О нѣтъ, напротивъ! отвѣчалъ Юрасовъ:—онъ встрѣчалъ все совершенно спокойно и на все, кажется, ужь приготовился,

— А что же эта госпожа? спросила Евпраксія, и по лицу ея пробѣжала презрительная улыбка.

— Mademoiselle Базелейнъ? спросилъ Юрасовъ.

— Да!

— Судится тоже.

— За что же вы ее-то судите? вмѣшался въ разговоръ Варегинъ.

— По связи и по знакомству ея съ разными господами, да еще за дневникъ.

— За дневникъ?

— Да!

— Что же она пишетъ въ дневникъ?

Юрасовъ, кажется, нѣсколько затруднялся отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Пишетъ... началъ онъ съ разстановкой и довольно тихо, —что, впервыхъ, она въ Бога не вѣруетъ, что когда родители послали ее въ церковь, такъ она презрѣніе къ себѣ чувствовала...

— Мерзкая! произнесла Евпраксія.

— Потомъ говоритъ, что разъ, встрѣтя одного студента она спросила у него: есть ли у него диванъ и подушка, и что она придетъ заниматься къ нему, и приходила.. Можете судить какая безнравственность!

— Нисколько, ни капли нѣтъ той безнравственности, которую вы понимаете, перебилъ его опять Варегинъ.

— Ни капли?

— Нисколько! Тутъ безнравственно совершенно другое: безнравственна ложь, желаніе порисоваться. Я убѣжденъ, что она, при малѣйшей зубной боли, усерднѣйшимъ образомъ молитса Богу, что ни къ какому студенту и не ходила, а все это согала на себя изъ служенія модной идейкѣ, какъ изъ тѣхъ же побудительныхъ причинъ лжемъ всѣ мы...

— Всѣ? спросилъ правовѣдъ.

— Всѣ! оказалъ рѣзко Варегинъ. — У меня есть пріятель въ Москвѣ, кротчайшее существо, всю жизнь сидитъ около своей любовницы и слушаетъ у себя соловьевъ въ саду, а говорить: *„давайте крови!“* Какой-нибудь господинъ, палець о палець не умѣющій ударить, и только дышащій тѣмъ, что ему по девяти рублей съ души будутъ выбивать съ его бывшихъ крестьянъ оброку, и тотъ увѣряетъ: *надо все сломать.* Чиновникъ, цѣлое утро, каналья, подличавшій передъ начальствомъ, вечеромъ, придетъ въ гости, и засыплетъ сейчасъ фразами о томъ, что *авторитетовъ нѣтъ и не должно быть.*

На этихъ словахъ старуха Сабакѣва, кажется, и не слышавшая что около ея говорилось, снова обратилась къ Юрасову.

— А что, мнѣ можно будетъ за сыномъ ѣхать?

— Вѣроятно! отвѣчалъ тотъ.

Она нахмурилась, подумала что-то, встала и пошла. Евпраксія послѣдовала за ней.

— Гдѣ жь корень-то всему этому злу? воскликнулъ Бакаловъ по уходѣ жены и тещи.

— Да я думаю всего ближе въ нравственномъ гнетѣ, который мы пережили, и нашемъ шаткомъ образованію, которое въ однихъ только декорацияхъ состоитъ,—такъ что-то такое плаваетъ сверху напоказъ! И для меня рѣшительно никакой нѣтъ разницы между Ванюшею въ „Бригадирѣ“, который, желая корчить изъ себя Француза,

безпрестанно говорить: *bélas, c'est affreux!* и нынѣшнимъ какимъ-нибудь господиномъ болтающимъ о революціи....

— Неужели же во всемъ послѣднемъ движеніи вы не признаете никакого смысла? спросилъ Баклановъ.

Варегинъ усмѣхнулся.

— Никакого!... одно только обезьянство, игра въ обѣдню, какъ дѣти вонъ играютъ.

— Хороша игра въ обѣдню, за которую въ крѣпость попадаютъ, сказалъ Баклановъ.

— Очень жаль этихъ господъ въ ихъ положеніи, возразилъ Варегинъ, — тѣмъ болѣе что, говоря откровенно, они плоть отъ плоти нашей, кость отъ костей нашихъ. То, что мы дѣлали, крадучись, чему потихоньку симпатизировали они возвели въ принципъ, въ систему; это наши собственныя сѣмена, только распустившіяся въ букеть.

— Если подъ движеніемъ разумѣть, началъ Юрасовъ, собственно революціонное движеніе, такъ оно конечно безмыслица; но движеніе—въ смыслѣ реформъ...

Варегинъ придавалъ какое-то странное выраженіе своему лицу.

Бакланова между тѣмъ видимо что-то занимало и беспокоило.

— Скажите, Петцоловъ взять? спросилъ онъ.

— Взять! отвѣчалъ Юрасовъ, и потомъ, помолчавъ, прибавилъ:—по моему этотъ господинъ или очень ограниченный человекъ, или просто сумашедшій.

— Что жъ онъ дѣлалъ такое? спросилъ Варегинъ.

— Онъ заѣзжалъ въ Австрію къ раскольниковому митрополиту и уговаривалъ того переѣхать въ Лондонъ.

Варегинъ потупился и развелъ руками.

— Потомъ заѣзжалъ къ Гарибальди, и просилъ того, чтобъ онъ съ Поляками шелъ спасать насъ отъ насъ самихъ.

— Что за мерзости! произнесъ ужъ Варегинъ.

Баклановъ между тѣмъ сидѣлъ, насупившись.

— Къ чему же онъ меня-то собственно приплетаешь? спросилъ онъ.

— Къ тому, что вы вотъ въ Лондонѣ съ нимъ видѣлись и что жили въ связи съ одною госпожой, съ которою и онъ послѣ жилъ.

— Къ чему же онъ это-то говорить? сказалъ удивленнымъ тономъ Варегинъ.

— Онъ все говоритъ; объяснилъ даже, какъ эта госпожа

сначала его промотала, потомъ Англичанина, и теперь сама сидитъ въ Клиши.

— Это madame Ленева, сказалъ Баклановъ, немножко по-краснѣвъ, Варегину.

— А! произнесъ тотъ:— жаль!

— А скажите, братъ этой госпожи взять? спросилъ Баклановъ Юрасова.

— Нѣтъ, онъ остался за границей и какъ вотъ тотъ же Петцоловъ говорить, врядъ ли не онъ и донесъ на нихъ.

— А Галкинъ что? продолжалъ Баклановъ.

— Галкинъ ничего, освобожденъ.

— Какъ освобожденъ? воскликнулъ Баклановъ.

Варегинъ улыбулся и покачалъ головой.

— Богатъ-съ! произнесъ онъ и почесалъ у себя въ затылкѣ.

— Ну однако, что же мнѣ-то будетъ? договорился наконецъ Баклановъ до того, что по преимуществу его безпокоило.

— Ничего! успокоилъ его Юрасовъ.

— Ужъ и потруживается, а революционеръ еще! подхватилъ Варегинъ, и сталъ искать шляпы.

— А что къ Евпраксіи Арсеньевнѣ можно? спросилъ онъ.

— Можно! отвѣчалъ Баклановъ.

Варегинъ протрелъ.

Евпраксія какъ ни была огорчена, но судѣла и уже учила дѣтей.

— Учите, учите ихъ хорошенько! сказалъ Варегинъ, чтобы лучше были папенокъ и дяденокъ.

— Мнѣ ужъ даже и это не вѣрится! И этой надежды не имѣю!

— Страна, гдѣ есть такія жены и матери, какъ вы, не погибла еще! говорилъ Варегинъ, прощаясь и цѣлуя руку у Евпраксіи.

Она ему ничего ни отвѣчала: врядъ ли она уже и подобное привѣтствіе со стороны мушны не считала излишнимъ для себя.

Въ гостиной Варегина остановилъ Баклановъ, сидѣвшій тамъ одинъ и, попрежнему, съ печальнымъ и растеряннымъ лицомъ.

— Вы знаете, что жена переѣзжаетъ въ Москву? сказалъ онъ.

— Вотъ какъ!

— Отговорите ее, Бога ради, какъ-нибудь. Она васъ такъ уважаетъ. Она тамъ окончательно окружитъ себя монахами да богомоками. Теперь почти по цѣлымъ днямъ изъ церкви не выходитъ.

— Самы виноваты, сами разбили это сердце! сказалъ, чмокнувъ губами, Варегинъ.

Баклановъ только поникъ при этомъ головой.

Варегинъ ушелъ.

„Да, говорилъ онъ самъ съ собою, идя по Невскому: одна въ Клиши умираетъ; другая въ крѣпость попала; третья совсѣмъ въ церковь спряталась, а все вѣдь это наши силы, и хорошія силы.“

Да! скажемъ и мы вмѣстѣ съ нимъ: все это наши силы, и много, и всюду мы ихъ чувствовали, проходя рука объ руку съ нашими героями,—но что дѣлать? Все это еще не устоялось и бродить!

Разказъ нашъ, на сколько было въ немъ задачи, конченъ. За откровенность нашу, мы напередъ знаемъ, тысячи обвиненій падутъ на нашу голову. Но изъ всѣхъ ихъ мы принимаемъ только одно: пусть насъ уличатъ, что мы наклеветали на дѣйствительность!.. Не мы виноваты, что въ быту нашемъ много грубости и чувственности, что такъ-называемая образованная толпа привыкла говорить фразы, привыкла или ничего не дѣлать, или дѣлать вздоръ, что, не цѣня и не прислушиваясь къ нашей главной народной силѣ: *здравому смыслу*, она кидается на первый фосфорическій свѣтъ, гдѣ бы и откуда ни мелькнулъ онъ, и дѣтски вѣрить, что въ немъ вся сила и спасеніе!

Въ началѣ нашего труда, при раздававшемся около насъ, со всѣхъ сторонъ, говорѣ, шумѣ, трескѣ, ясное предчувствіе говорило намъ, что это не буря, а только рябь и пузыри, отчасти надутыя извнѣ, а отчасти появившіеся отъ поднявшейся съ низу разной дряни. Событія какъ нельзя лучше оправдали наши ожиданія.

Напрасно, враги наши, печатные и непечатные, селятся извести наше повѣствованіе на степень безцѣльнаго сборника разныхъ пошлостей. Мы очень хорошо знаемъ, что они сердятся на насъ за то, что мы раскрываемъ ихъ болячки

и бьемъ ихъ по чувствительному мѣсту, между тѣмъ какъ ихъ собственная совѣсть говоритъ за насъ и тысячекратно повторяетъ имъ, что мы правы.

Трудъ нашъ мы предпринимали вовсе не для образованія ума и сердца шестнадцатилѣтнихъ читательницъ, и не для услады задорнаго самолюбія разныхъ слабоголовыхъ юношей; имъ лучше даже не читать насъ; мы имѣли совершенно иную, чтобы не сказать высшую цѣль, и желаемъ гораздо большаго: пусть будущій историкъ, со вниманіемъ и довѣріемъ, прочтетъ наше сказаніе; мы представляемъ ему вѣрную, хотя и не полную картину нравовъ нашего времени, и если въ ней не отразилась вся Россія, то за то тщательно собрана вся ея ложь.

АЛЕКСВЙ ПИСЕМСКІЙ.

АЭРОЛИТЫ*

Всякому отъ времени до времени случалось, конечно, читать въ журналахъ описаніе огненныхъ шаровъ, пролетающихъ надъ горизонтомъ, и камней падающихъ изъ атмосферы. Еще недавно читатели газетъ могли замѣтить извѣстіе, заимствованное изъ *Листка для посетителей кавказскихъ минеральныхъ водъ*, о метеорѣ, пронесшемся надъ Пятигорскомъ вечеромъ 6-го августа нынѣшняго года. Мѣстность мгновенно освѣтилась, какъ сказано въ этомъ извѣстіи, яркимъ синеватымъ свѣтомъ, и огненный шаръ, оставляя за собой крупныя искры, принимавшія видъ огненнаго хвоста, пролетѣлъ отъ юго-востока къ сѣверо-западу, и скрылся изъ глазъ за сѣверо-западною стороною Бештау. Вслѣдъ затѣмъ былъ слышенъ сильный ударъ въ родѣ выстрѣла изъ большаго орудія.

Въ нѣмецкихъ журналахъ конца прошедшаго года (*Allgemeine Zeitung* отъ 3-го декабря 1862 г.), описано паденіе аэролита, случившееся 3-го октября въ Мекленбургѣ-Стрелицѣ. Предъ глазами пастуха большая огненная глыба упала изъ атмосферы съ такою силою, что на полтора фута ушла въ землю. Подбѣжавшій пастухъ нашелъ сильно нагрѣтый

* Вопросъ объ аэролитахъ составлялъ предметъ двухъ публичныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ этой статьи въ прошедшемъ году, въ пользу Московскаго Зоологическаго сада. *Прим. Ред.*

камень, оказавшійся въ полпути вѣсомъ. Подобныя явленія повторяются довольно часто и льды заносятся въ лѣтопись науки, не внашая сомнѣній относительно возможности такого рода фактовъ, представляющихъ впрочемъ еще весьма много необъясненнаго.

Но еще въ концѣ прошедшаго столѣтія, большинство ученыхъ не признавало возможности паденія камней изъ атмосферы на землю и считало баснями, многочисленныя разказы и даже свидѣтельства очевидцевъ о явленіяхъ такого рода. Парижская академія наукъ въ 1769 году, по поводу камня, поднятаго близъ замка Люсе во Франціи и упавшаго въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей во время грозы изъ атмосферы, выражалась слѣдующимъ образомъ: „Академія, конечно, весьма далека отъ мысли, что этотъ камень и подобные ему выпали съ громомъ изъ атмосферы“. Описаніе каменнаго дождя выпавшаго въ 1790 году, въ одномъ мѣстечкѣ юго-восточной Франціи, подкрѣпленное протоколомъ мѣстнаго муниципалитета, было названо тогдашними журналами сказкою, способною возбудить смѣхъ не только въ ученыхъ, но и во всякомъ здравомыслящемъ человѣкѣ. Извѣстный метеорологъ Де-Люкъ, стараясь доказать всю невозможность паденія камней изъ небесныхъ пространствъ на землю, въ жару отрицанія торжественно объявлялъ, что не повѣрилъ бы феномену такого рода, еслибы даже самъ видѣлъ камень падающій съ неба къ его ногамъ. Но мало-по-малу сомнѣнія должны были исчезнуть предъ очевидностію фактовъ, и поразительное явленіе, какое представляютъ камни, падающіе изъ атмосферы, не внушаетъ болѣе сомнѣнія и вступило въ число общепринятыхъ фактовъ науки. Разсѣванію разнаго рода сомнѣній, относительно достоверности подобнаго рода случаевъ, не мало способствовало строгое изученіе всѣхъ обстоятельствъ явленія, сдѣланное Біо въ 1803 году по случаю паденія камней близъ Эгля въ департаментъ Орны во Франціи.

Заимствуемъ изъ донесенія, представленнаго Біо Парижской Академіи наукъ, нѣсколько подробностей объ этомъ замѣчательномъ случаѣ.

„Во вторникъ, говоритъ Біо, 6-го флореаля одиннадцатаго года (26 апрѣля 1803 года), въ часъ пополудни, при ясномъ небѣ, замѣченъ былъ изъ Каена, Понъ-Адемара и окрестностей Алансона, Фалеса и Вернейя, ярко блестящій огненный шаръ, летѣвшій въ атмосферѣ съ большою скоростью.

Нѣсколько мгновений послѣ того, въ Эгль и около этого города, на пространствѣ болѣе тридцати льё въ радиусѣ, послышался страшный взрывъ, продолжавшійся отъ пяти до шести минутъ. Въ началѣ были слышны три или четыре удара, подобные пушечнымъ выстрѣламъ; за ними послѣдовалъ разрывъ подобный батальному огню, и наконецъ были слышны какъ бы раскаты сильнѣйшаго барабаннаго боя. Весь этотъ шумъ выходилъ изъ маленькаго облака, имѣвшаго форму прямоугольника, котораго длинная сторона была направлена отъ востока къ западу. Оно казалось неподвижнымъ во все время, пока продолжалось явленіе; только пары, изъ которыхъ оно состояло, мгновенно уклонились въ различныя стороны, дѣйствиємъ послѣдовательныхъ взрывовъ. Это облако находилось на разстояніи около половины льё на сѣверо-западѣ отъ города Эгля. Оно было весьма высоко въ атмосферѣ; ибо жители мѣстечекъ, находившихся на разстояніи болѣе льё одно отъ другаго, въ одно и то же время наблюдали его надъ своими головами. Во всемъ округѣ, надъ которымъ шло это облако, слышали звуки, подобныя свисту, какой издаетъ камень пущенный пращой, и въ то же время видѣли паденіе множества твердыхъ массъ совершенно похожихъ на такъ-называемые метеорическіе камни.“

Многіе изъ жителей окрестностей Эгля, описываетъ далѣе Біо, были очевидцами паденія камней. На одной фермѣ мать, ея сынъ, двѣнадцатилѣтній мальчикъ, и шестнадцатилѣтняя дочь видѣли падающій изъ атмосферы тяжелый камень, въ ихъ глазахъ обломившій вѣтку дерева. Мальчикъ бросился поднимать камень, и найдя, что онъ углубился въ землю, закричалъ сестрѣ чтобъ она принесла заступъ. Когда она возвращалась съ заступомъ, маленькій камень, пролетѣвъ близъ ея лица, упалъ къ ея ногамъ. Съ испугу она кинула заступъ и бросилась бѣжать. „Мы видѣли, говорилъ одинъ почтенный старикъ, какъ камни падали сверху; одинъ упалъ у болота и испугалъ бывшую тамъ курицу, другой упалъ на крышу дома и скатился на землю: мы думали, что упала наша труба.“ Одинъ молодой человекъ обѣдалъ съ сестрами и братьями подъ орѣшникомъ. Вдругъ они услышали надъ головами страшные громовые удары, сопровождавшіеся столь продолжительными раскатами, что они думали: пришелъ ихъ конецъ. Молодой человекъ закричалъ братьямъ, чтобы бросились скорѣй на землю. Тогда засыпали они на сосѣднемъ полѣ страшный ударъ,

угодобавшійся, по ихъ словамъ, стуку наполненной бочки, упавшей съ высоты. Они побѣжали на поле и нашли большой камень глубоко ушедшій въ земаю. Камень этотъ имѣлъ до полупуда вѣсу.

Чтобы ближе ознакомиться съ характеристическими чертами явленій подобнаго рода, приведемъ еще нѣсколько описаній метеоровъ, сопровождавшихся паденіемъ камней.

Такъ, Гассенди сообщаетъ весьма интересныя данныя относительно паденія большого аэролита, упавшаго въ 1637 г. 29 ноября въ Провансъ.

Въ 10 часовъ утра, пишетъ онъ, на горѣ Везіанъ (Vaisien) упалъ камень. Вся земная поверхность была тогда покрыта снѣгомъ, небо было совершенно ясно. Вблизи мѣста паденія находились маклеръ, одинъ изъ жителей нагорной деревни и женщина. Мушны сначала услышали нѣсколько выстрѣловъ, подобныхъ пушечнымъ, изъ которыхъ два послѣдніе были особенно сильны; потомъ слѣдовалъ шумъ, какъ будто бы заиграли на нѣсколькихъ мѣдныхъ трубахъ, послѣ чего со стороны Бюля явился огненный разноцвѣтный шаръ въ 4 фута въ поперечникѣ и проходилъ онъ въ разстояніи 100 шаговъ отъ зрителей, на высотѣ 5 туазовъ. Въ это время, послѣ шума, слышно было шипѣніе въ родѣ того, какое бываетъ при фейерверкахъ, причемъ распространялся запахъ сѣры. Въ разстояніи 300 шаговъ отъ наблюдателей, шаръ упалъ на земаю, причемъ они увидѣли густой дымъ, подобный, по ихъ выраженію, черной птицѣ съ большими пятнами. За этимъ послѣдовали выстрѣлы, подобныя ружейнымъ. Изъ обоихъ городовъ сбѣжалось множество народа, слышавшаго эти выстрѣлы. Они нашли въ землѣ углубленіе въ футъ ширины и 3 фута глубины. Въ окружности этого мѣста, почти на 5 футовъ снѣгъ растаялъ; земля была опалена. На днѣ углубленія лежалъ камень величиною съ голову человѣка. По опредѣленію доктора Коломба, камень этотъ вѣсилъ 38 фунтовъ.

Въ 1798 г., 12 марта, близъ селенія Саль (Sales), въ департаментѣ Роны, во Франціи, упалъ аэролитъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Около 6 часовъ вечера, при теплой и ясной погодѣ, появилась въ воздухѣ свѣтлый шаръ, который былъ видимъ всѣми жителями селенія Саль, шедшими домой съ полевыхъ работъ, а также и жителями близлежащихъ деревень. Быстрота, съ которою онъ двигался, и страшный вой, распро-

страшавшіяся при этомъ, привели наблюдателей въ ужасъ, въ особенности, когда шаръ былъ надъ ихъ головами. При безпре-
 оставномъ трескѣ, онъ отбывалъ огненные искры, по словамъ
 очевидцевъ, похожія на малыя звѣзды и оставалъ по себѣ
 длинный свѣтящійся хвостъ. Трое работниковъ бывшіе въ по-
 лѣ, видѣли, какъ огненный шаръ упалъ на землю въ расто-
 яніи 50 шаговъ отъ нихъ. Перепуганные до крайности, оста-
 вивъ все что было у нихъ въ рукахъ, они бросились бѣ-
 жать въ селеніе, жители котораго не менѣе ихъ были пере-
 пуганы. Шаръ упалъ въ виноградникъ крестьянина Крепье,
 который съ своимъ семействомъ былъ въ такомъ ужасѣ, что
 спрятался въ погребѣ. На другой день отправившись осма-
 тривать то мѣсто, гдѣ упалъ шаръ, нашли растрескавнй
 камень величиною съ телачью голову.

Приведенные факты не оставляютъ сомнѣнія относительно
 возможности пожаровъ и другаго рода несчастій отъ па-
 денія аэролитовъ. Въ каталогѣ Біо метеоритовъ упавшихъ
 въ Китаѣ, мы читаемъ, что въ январѣ 616 г. по Р. Х. упав-
 шій камень убилъ десять человекъ и раздробилъ нѣсколько
 тѣлегъ. Шведскій капитанъ Вильманъ, служившій волонте-
 ромъ въ Индіи, говоритъ (въ сборникѣ напечатанномъ въ
 1674 году), что, находясь на морѣ, онъ былъ свидѣтелемъ,
 какъ камень, въ четыре килограмма вѣсомъ, упалъ на палубу
 корабля и убилъ двухъ человекъ. Ложье упоминаетъ о кам-
 нѣ, который упалъ со взрывомъ близъ Рокфорда въ Амери-
 кѣ и при этомъ пробилъ крышу хижины и убилъ крестьянина.

Прибавимъ, что, кромѣ аэролитовъ, о паденіи которыхъ со-
 хранились свидѣтельства, на различныхъ мѣстахъ въ зем-
 ной корѣ попадаются массы, по виду и свойствамъ своимъ,
 несомнѣнно метеорического происхожденія. Нѣкоторые изъ
 нихъ достигаютъ огромныхъ размѣровъ, и, должно думать,
 упали на землю еще въ доисторическія эпохи. Палласъ, путе-
 шествуя по Сибири, нашелъ желѣзную массу, которую Татары
 съ незапамятныхъ временъ считали за святыню упавшую съ
 неба. Масса эта вѣсила 1600 фунтовъ и лежала на высокой го-
 рѣ въ двадцати верстахъ отъ Енисея. Въ настоящее
 время она находится въ Петербургѣ въ минералогиче-
 скомъ собраніи Академіи Наукъ. Глыба изъ Лузіаны въ
 Сѣверной Америкѣ вѣситъ 3.000 фунтовъ. Глыба, най-
 денная въ 1784 г. въ Бразиліи, близъ рѣчки Бенде-
 го, имѣетъ 17.000 фунтовъ вѣсу. Наконецъ, самая большая

метеорическая масса найдена близъ Олужбы въ Перу: вѣсъ ея простирается до 30.000 фунтовъ.

Изъ описанія явленій, какими сопровождалось паденіе камней близъ Эглы мы могли замѣтить, что паденію аэролитовъ въ этомъ случаѣ предшествовало появленіе огненного шара. Но такіе огненные шары далеко не всегда разрѣшаются паденіемъ аэролитовъ. Въ большинствѣ случаевъ они быстрыми метеорами пролетаютъ надъ горизонтомъ, не падая на землю. Огненные шары, не сопровождающіеся паденіемъ камней, называются вообще *болидами*.

Форма огненныхъ шаровъ или болидовъ большею частію круглая, шарообразная, хотя нельзя сказать, чтобъ они всегда представляли собою правильно, рѣзко очерченный шаръ. Были случаи, гдѣ наблюдатели усматривали въ шарообразномъ очертаніи болидовъ углубленія, возвышенія, какъ бы вырѣзки и выдающіеся углы. Иногда проходя черезъ атмосферу, болиды, мѣняются въ своей формѣ. Болидъ, напримѣръ, усмотрѣнный близъ Ловесена 3 іюля 1819 г., имѣлъ форму шара, только въ моментъ своего появленія, послѣ чего было замѣтно, что шаръ началъ какъ бы вытягиваться по одному направленію и, передъ исчезновеніемъ, болидъ уже имѣлъ форму меча, обращеннаго къ землѣ.

Цвѣтъ болидовъ большею частію бѣлый съ слабымъ голубоватымъ оттѣнкомъ, но нерѣдко они бываютъ окрашены въ желтый, синій, пурпуровый и зеленый цвѣта. Въ каталогахъ мы находимъ и такіе болиды, которые, проходя черезъ атмосферу, мѣнялись въ цвѣтѣ; встрѣчаемъ даже болиды разноцвѣтные, гдѣ различные цвѣта располагались полосами, образуя нѣчто въ родѣ солнечнаго спектра или части радуги.

Блестящія искры быстро летятъ во всѣ стороны отъ болида и, отставая, образуютъ свѣтлую полосу или искристый хвостъ, который, то вытягиваясь въ прямолинейномъ направленіи, то изгибаясь въ видѣ дуги, то представляя змѣеобразную полосу свѣта, какъ бы рисуетъ собой на небѣ путь, пройденный болидомъ. Иногда хвостъ этотъ, явившись, тотчасъ исчезаетъ и вскорѣ вѣтъ снова является, только въ другой формѣ и въ другомъ мѣстѣ, относительно болида; иногда же, явившись разъ, онъ во все время сохраняетъ ту же форму и то же положеніе, нисколько не измѣняясь. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ хвостъ этотъ около болида имѣетъ ширину его поперечника и по мѣрѣ удаленія отъ него болѣе и болѣе суживается, представляя

равнобедренный треугольникъ, основаниемъ котораго служить поперечникъ болида; иногда же, наоборотъ, къ концу онъ бываетъ гораздо шире, нежели около болида, представляя собою родъ опахала.

29 марта 1848 г., близъ Одерберга, появился огненный шаръ бѣлаго цвѣта съ голубоватымъ отбѣнкомъ, величиною съ видимый дискъ полной луны. Болидъ этотъ, двигаясь съ небольшою скоростію, на пути своемъ дробился на маленькія звѣздочки и увлекать за собою длинный хвостъ желтаго цвѣта. По истеченіи нѣсколькихъ секундъ болидъ исчезъ; хвостъ же послѣ того былъ виденъ въ продолженіи полчаса, постепенно становился короче и короче, убывая съ обоихъ концовъ, и наконецъ образовалъ собою неправильную массу темнокраснаго цвѣта. Крузенштернъ 8 октября 1803 г. наблюдалъ хвостъ одного болида въ продолженіи цѣлаго часа.

Являются болиды на небѣ большею частію по одиночкѣ, но иногда по два, по три, даже, хотя весьма рѣдко, цѣлыми группами. Такъ въ ночь съ 12 на 13 декабря 1830 г. близъ Гейлигенштадта въ Прусской Саксоніи одновременно на небѣ появилось болѣе 40 болидовъ. Они направлялись къ юго-востоку съ шумомъ, похожимъ на свистъ, нѣсколько разъ скрещивались и падая обнаруживали радужные цвѣта.

Любопытенъ болидъ, явившійся надъ Шербургомъ, 1836 г. 12 февраля, въ 6½ часовъ утра, и представлявшій нѣчто среднее между болидомъ и аеролитомъ. Шелъ онъ по направленію къ востоку и имѣлъ величину видимаго диска полной луны. Цвѣтъ его былъ пурпуровый, а блескъ столь яркъ что горизонтъ казался какъ бы въ огнѣ и на улицахъ можно было читать, хотя день еще не наступалъ. Въ этомъ огненномъ шарѣ замѣчалась темная полость, изъ которой выходилъ дымъ, перемѣшанный съ искрами; кромѣ того вокругъ шара видно было широкое кольцо бѣлаго пара. Казалось, болидъ проходилъ надъ вершинами холмовъ, не выше какъ на 200 или 300 метровъ. Въ моментъ своего появленія въ Шербургѣ онъ двигался со скоростію половины льѣ въ минуту и имѣлъ при томъ весьма замѣтное вращательное движеніе около своей оси. Затѣмъ онъ вдругъ остановился, какъ бы недоумѣвая въ выборѣ пути и потомъ снова устремился съ быстротою стрѣлы, производя легкій трескъ. Наконецъ онъ упалъ на разстояніи 12 льѣ близъ болота въ

Орвальдской общинѣ. Здѣсь онъ разрушился со взрывомъ, похожимъ на артиллерійскій залпъ, распространяя сѣрный запахъ. Въ этомъ быстромъ пути, обозначенномъ въ воздухѣ сѣроватую полосою, болидъ увлекалъ за собою бѣлый хвостъ, имѣвшій ширину діаметра туманнаго круга, окружавшаго шаръ, но постепенно суживающійся и оканчивающійся остриемъ, представляя такимъ образомъ фѳорму равнобедреннаго треугольника.

Много разъ ученые старались опредѣлить разстояніе и скорость движенія болидовъ пролетающихъ въ высшихъ слояхъ атмосферы. Но трудности, съ какими сопряжено рѣшеніе этихъ вопросовъ, не позволяютъ достичь точныхъ результатовъ и потому нельзя имѣть большаго довѣрія къ числамъ, полученнымъ различными наблюдателями. Скорость болидовъ, по вычисленіямъ Пти, колеблется между 2.000 и 76.000 метровъ въ секунду, следовательно, она превосходитъ иногда быстроту движенія земли и другихъ планетъ въ пространствѣ. Принимая въ соображеніе столь значительную скорость, мы въ правѣ объяснять воспламененіе аэролита сильнымъ треніемъ его о частицы воздуха. Высота, на какой появляются болиды, по вычисленіямъ того же астронома, достигаетъ иногда 180 миль. Свѣтъ болида въ такомъ случаѣ нельзя, конечно, объяснять треніемъ о частицы воздуха, такъ какъ онъ пролетаетъ выше предѣловъ атмосферы.

Истинные поперечники болидовъ, по вычисленіямъ Пти, иногда достигаютъ до 2000, 3000 и даже до 4000 метровъ, то есть до 2, 3 и даже 4 версты. Не довѣряя даже вычисленіямъ Пти, нельзя не признать, что размѣры аэролитовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны быть весьма значительны. Припомнимъ, что въ Америкѣ найдены были упавшія нѣкогда глыбы: въ 20.000 и 30.000 фунтовъ, припомнимъ также, что въ Эглѣ выпало болѣе 3000 камней и изъ нихъ нѣкоторые достигали 17 фунтовъ.

Въ ближайшей связи съ болидами находится всѣмъ извѣстное явленіе: *падающія звѣзды*. Рѣзкой границы между тѣми и другими не существуетъ, ибо величина болидовъ разнообразна до бесконечности. Подобно болидамъ, падающія звѣзды сопровождаются иногда свѣтлыми полосами или хвостами. Болидъ, небольшого размѣра, пролетающій на значительномъ разстояніи отъ наблюдателя,

очевидно долженъ представиться ему въ видѣ падающей звѣзды. Явленіе падающихъ звѣздъ можно болѣе или менѣе часто наблюдать въ каждую ясную ночь. Но есть особые періоды въ году, когда падающія звѣзды можно наблюдать въ особенно значительномъ числѣ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ такъ-называемый августовскій періодъ. Все, сказанное о быстротѣ движенія, о высотѣ, истинныхъ поперечникахъ и времени паденія болидовъ относится и къ падающимъ звѣздамъ. И, наконецъ, падающія звѣзды, подобно болидамъ, являются группами, и иногда въ такомъ количествѣ, что образуютъ нѣчто въ родѣ звѣзднаго дождя.

Ни въ одномъ мѣсяцѣ не появляется такого значительнаго количества падающихъ звѣздъ, какъ въ августѣ. Уже Муншенбрёкъ указалъ на это явленіе въ своемъ сочиненіи, появившемся въ 1762 году. Кетле упоминаетъ, на основаніи свидѣтельства Форстера, что у ирландскихъ католиковъ существуетъ преданіе, будто бы многочисленныя падающія звѣзды, видимыя въ августѣ, суть не что иное, какъ горящія слезы св. Лаврентія, праздникъ котораго бываетъ 10 августа. Въ Эссалии, сохранилось древнее сказаніе, что небо разверзается въ ночь на 6 августа, то-есть на праздникъ Преображенія, и чрезъ это отверстіе видимы на небѣ свѣтильники. Сводъ многолѣтнихъ наблюденій доказываетъ, что обильное появленіе падающихъ звѣздъ наблюдается, когда земля проходитъ въ опредѣленномъ мѣстѣ своей орбиты. Кромѣ августовскаго періода есть другой, впрочемъ менѣе постоянный—ноябрскій. Изъ каталоговъ видно, что ноябрскіе метеорные потоки повторялись въ продолженіи многихъ лѣтъ съ необыкновенною правильностью, но что этотъ періодическій воввратъ, какъ замѣтилъ Араго, прекратился, и мы теперь 13 ноября видимъ не болѣе падающихъ звѣздъ, какъ въ обыкновенныя ночи.

Но въ ноябрѣ 1832 г. въ Дюсельдорфѣ, Кустодисъ, въ ночь съ 12 на 13 число насчиталъ болѣе 217 падающихъ звѣздъ. Въ эту же ночь Робертъ наблюдалъ съ острова Маврікія множество падающихъ звѣздъ, которыя по разнымъ направленіямъ скользили по небу, подобно ракетамъ. Наканунѣ же, то-есть въ ночь съ 11 на 12 число, надъ Лиможемъ звѣзды падали въ столь огромномъ количествѣ, что испуганные рабочіе обратились въ бѣгство. На слѣдующій годъ въ ту же

самую ночь, то-есть съ 12 на 13 ноября, въ Америкѣ подобное явленіе было наблюдаемо въ еще болѣе обширныхъ размѣрахъ и представляло нѣкоторыя особенности: множество блестящихъ метеоровъ имѣли одну общую точку исхода и рассыпались по небу въ разныхъ направленіяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ казались столь же блестящими, какъ Юпитеръ и Венера; на своемъ пути они оставляли за собою свѣтлыя фосфорическія полосы и передъ исчезновеніемъ своимъ иногда производили взрывъ. Они были видимы вдоль всего восточнаго берега Америки отъ Мексиканскаго залива до Галифакса. Паденіе ихъ продолжалось отъ 9 часовъ вечера до восхожденія солнца, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до 8 часовъ утра, среди бѣлаго дня. Звѣзды эти были столь многочисленны и являлись одновременно въ столь различныхъ частяхъ неба, что при исчисленіи ихъ можно было надѣяться только на грубо-приблизительный результатъ. Астрономъ, наблюдавшій явленіе въ Бостонѣ въ моментъ его сильнѣйшаго пароксизма уподоблялъ число падавшихъ въ это время звѣздъ числу свѣжныхъ хлопьевъ, являющемуся въ воздухѣ при обыкновенномъ паденіи снѣга. Когда явленіе значительно ослабло, онъ насчиталъ 550 звѣздъ въ $\frac{1}{4}$ часа хотя наблюденіе ограничивалось зоною, не заключающею въ себѣ и $\frac{1}{10}$ части видимаго горизонта. По его мнѣнію это число заключило въ себѣ не болѣе $\frac{2}{3}$ общаго итога, такъ что всего должно было бы насчитать 866, а для всего видимаго горизонта 8660 падающихъ звѣздъ. Это въ $\frac{1}{4}$ часа; следовательно въ часъ 34.640 звѣздъ. А такъ какъ явленіе продолжалось 7 часовъ, то число звѣздъ, явившихся въ это время въ Бостонѣ простиралось свыше 240.000. Но это вычисленіе относится къ тому періоду, когда явленіе уже значительно ослабло. Какова же должна быть цифра звѣздъ падавшихъ въ моментъ сильнѣйшаго развитія явленія?

Прежде чѣмъ перейдемъ къ изложенію теорій, помощію которыхъ ученые старались объяснить любопытныя явленія, какія представляютъ падающія звѣзды, болиды и падающія камни или аэролиты, сдѣлаемъ бѣглый очеркъ результатовъ, къ которымъ привело внимательное изученіе метеорическихъ массъ, съ физической и химической стороны. Форма аэролитовъ—обыкновенно неправильная. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ вѣчто въ родѣ куба, ромбоэдра или пирамиды съ притупленными ребрами и углами, другіе имѣютъ форму

шарообразную, яйцевидную, или эллипсоидальную; но всегда они бывают какъ бы вытянуты въ одномъ направленіи или сплюснуты и сильно исковерканы.

Аэролиты всегда покрыты шлаковидною корою, которая бываетъ весьма разнообразна, что зависитъ, съ одной стороны, отъ неодинаковаго химическаго состава аэролитовъ, съ другой отъ того, какъ долго лежали они на землѣ и какими условіями были при этомъ окружены.

Въ одномъ случаѣ кора эта представляетъ чрезвычайно тонкую пленку, совершенно чернаго цвѣта съ металлическимъ блескомъ и столь твердую, что ею легко чертится стекло и при ударѣ о сталь является искра. Внешняя поверхность ея иногда гладкая, иногда бываетъ покрыта различнаго рода неровностями, какъ-то пузырьками, чешуйками и т. д. Анализъ показалъ, что она состоитъ изъ безводной окиси желѣза, слѣдовательно по составу, равно какъ и по виду, она почти одинакова со шлаками, которые извергаются въ настоящее время вулканами. Такая кора покрываетъ аэролиты, упавшіе недавно и лежавшіе на земной поверхности не долго, аэролиты новые, какъ называется ихъ Рейхенбахъ. Совершенно другаго рода кора покрываетъ аэролиты старыя, лежавшія на землѣ, повидимому, нѣсколько столѣтій, а можетъ-быть тысячелѣтій. Кора такихъ аэролитовъ не имѣетъ ни той твердости, ни металлическаго блеска; цвѣтъ ея темно-коричневый, напоминающій ржавчину желѣза. Она столь слабо соединена съ массою аэролита и столь рыхла, что мажетъ пальцы, если прикоснуться къ ней рукою. Не трудно догадаться, что кора старыхъ аэролитовъ вскорѣ послѣ ихъ паденія была такая же, какую имѣютъ новые аэролиты; но продолжительное вліяніе на нее воды и воздуха измѣнило химическій составъ ея и произвело перемѣны въ ея наружныхъ признакахъ. Два эти рода коры свойственны одной только группѣ аэролитовъ. Кора аэролитовъ другой группы похожа на слой лака, стекла, или сажи и вовсе не имѣетъ металлическаго характера, чѣмъ рѣзко отличается отъ коры аэролитовъ первой группы.

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Говардъ первый приступилъ къ химическому испытанію аэролитовъ. Приведа аэролитъ въ порошокобразное состояніе, онъ извлекъ изъ него при помощи магнита самородное металлическое желѣзо, которое въ земной корѣ въ самородномъ

состояніи не находится. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указалъ въ аэролитахъ присутствіе элементовъ, одинаково принадлежащихъ и земной корѣ. Клапротъ и Вокеленъ, продолжая химическія изсѣдованія аэролитовъ, подарили науку новыми анализами, которые вмѣстѣ съ анализами Густава Розе, Берцелиуса и Раммельсберга, даютъ довольно ясное понятіе о химической конституціи аэролитовъ. Благодаря этимъ работамъ, мы знаемъ, что въ составъ аэролитовъ входятъ только нѣкоторые изъ элементовъ, принадлежащихъ землѣ, именно: желѣзо, никкель, кобальтъ, марганецъ, хромъ мѣдь, кальцій, алюминій, магній, натрій, калий, углеродъ, фосфоръ, сѣра, хлоръ, мышьякъ, олово, слѣды свинца, кислородъ и водородъ. Новыхъ элементовъ, чуждыхъ земной корѣ, въ аэролитахъ не найдено. Не всѣ названные элементы входятъ въ составъ каждаго аэролита и процентное содержаніе ихъ въ различныхъ аэролитахъ далеко неодинаково.

Согласно химическому составу, аэролиты раздѣляются на двѣ группы. Одну изъ нихъ составляютъ такіе, въ которыхъ заключается отъ 80 до 96% желѣза; кромѣ того въ составъ ихъ входятъ никкель и кобальтъ, а иногда кремнеземъ и известъ, глиноземъ и магнезія въ весьма незначительномъ количествѣ. Огромное содержаніе желѣза въ аэролитахъ этой группы дѣлаетъ незамѣтнымъ присутствіе другихъ элементовъ, отчего такіе аэролиты похожи на куски желѣза или чугуна. На этомъ основаніи, ихъ издавна называютъ *метеорическими желѣзозы*, или *метеорными желѣзными массами*.

Въ другую группу входятъ аэролиты, по преимуществу состоящіе изъ кремнезема, глинозема, магнезіи и извести. Количество кремнезема достигаетъ въ нихъ до 67% и никогда не бываетъ его менѣе 29%. Входитъ сюда также и желѣзо, но не въ столь большомъ количествѣ (отъ 1-го до 35%). Желѣзо здѣсь, въ видѣ порошкообразныхъ частицъ, разсыяно въ общей массѣ аэролита и какъ бы теряется въ ней; отчего аэролиты этой группы не имѣютъ металлическаго характера и походятъ на камни изъ породы трахитовъ, базальтовъ и другихъ горныхъ породъ, образующихъ допотопные вулканическіе конусы. Эти-то камневидныя метеорныя массы, упавшія изъ атмосферы, и называются иногда собственно *аэролитами*, въ отличіе отъ упомянутаго метеорическаго желѣза.

Рѣзкой границы между двумя группами аэролитовъ провести нельзя. Есть такіе аэролиты, которые по химическому

составу и по наружнымъ примѣтамъ представляютъ нѣчто среднее между метеорическимъ желѣзомъ и камневидными метеорными массами.

Замѣчательно, что на исторической памяти падали главнымъ образомъ камневидные аэролиты и чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ бѣднѣе они желѣзомъ; тогда какъ паденіе метеорическихъ желѣзныхъ массъ, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, относится къ эпохамъ, предшествовавшимъ появленію человека на землѣ, даже къ эпохамъ вторичнаго и третичнаго геологическихъ періодовъ.

Анализы Говарда, Клапрота и Вокелена производились съ цѣлю узнать только, изъ какихъ элементовъ состоятъ аэролиты. Новѣйшіе химики ставили вопросъ о химическомъ составѣ аэролитовъ иначе. Они старались опредѣлить: какъ химически группируются эти элементы въ аэролитѣ. Представляетъ ли аэролитъ одно сложное химическое соединеніе всѣхъ входящихъ въ него элементовъ, или онъ есть только механическая смѣсь различныхъ химическихъ соединеній, изъ которыхъ каждое представляетъ самостоятельный минералъ? Если аэролитъ есть дѣйствительно механическая смѣсь различныхъ минераловъ, то какого рода эти минералы?

Чтобы рѣшить эти вопросы, должно брать для испытанія пробы изъ различныхъ частей аэролита, по наружному виду отличающихся другъ отъ друга, и опредѣливъ химическій составъ, должно опредѣлить твердость, плотность, цвѣтъ, блескъ и степень прозрачности, если она имѣется; словомъ, каждая часть аэролита, хотя сколько-нибудь отличающаяся по наружнымъ примѣтамъ отъ остальныхъ, должна быть подвержена особо полному химическому и минералогическому испытанію. Въ первый разъ такое изслѣдованіе произведено было Норденшильдомъ, который доказалъ, что аэролитъ Лонталара есть смѣсь оливина, лейцита и магнитнаго желѣзняка. Затѣмъ, Густавъ Розе нашелъ въ камнѣ изъ Жювена магнитный колчеданъ, аугитъ и полевои шпаты, похожій на лабрадоръ. Руководимый этими результатами Берцелиусъ изслѣдовалъ химическій составъ различныхъ соединеній входящихъ въ аэролиты Бляско, Шатонне и др.

Такимъ образомъ положено было начало рациональному изслѣдованію химическаго состава аэролитовъ.

Въ послѣдствіи, многіе ученые, слѣдуя въ своихъ работахъ

методъ Густава Розе и Берцеліуса, доказали, что въ аэролитахъ находятся нѣкоторые изъ минераловъ, одинаково принадлежащихъ и земной корѣ. Такъ найдены въ аэролитахъ: оливинъ, авортитъ, аугитъ, роговая обманка, лабрадоръ, альбитъ, олигоклазъ, горный хрусталь, сауда и гранаты. Эти же минералы, механически смѣшиваясь, образуютъ въ земной корѣ массы діоритовъ, базальтовъ и трахитовъ, которыя составляютъ стержни горъ, и изъ нихъ также состоятъ древніе вулканическіе конусы съ ихъ потухшими кратерами. Кромѣ названныхъ минераловъ въ составъ аэролитовъ входятъ еще цоизидъ, апатитъ, іодолидъ, хладнитъ и нѣкоторые другіе рѣдкіе минералы. Изъ металлическихъ соединеній въ аэролитѣ оказываются преобладающими; магнитный желѣзнякъ, желѣзо въ соединеніи съ никкелемъ (такъ-называемый *Nickel-eisen*), сѣрный колчеданъ, односѣрнистое желѣзо, магнитный колчеданъ, хромистый и титанистый желѣзняки и нѣкоторыя другія тѣла.

Уже Берцеліусъ обратилъ вниманіе на присутствіе въ аэролитахъ углерода. По его изслѣдованіямъ оказалось, что одна часть углерода въ аэролитѣ образуетъ листочки и неправильныя шарики графита, другая соединена съ желѣзомъ, которое чрезъ это обратилось въ сталь, и третья, что всего замѣчательнѣе въ соединеніи съ водородомъ и кислородомъ представляетъ органическое соединеніе, которое, по изслѣдованіямъ Вѣлера, оказалось аналогичнымъ съ нѣкоторыми ископаемыми смолами, которыя наука считаетъ продуктами медленнаго разложенія каменнаго угля въ земной корѣ.

Проходя чрезъ атмосферу метеорическая масса сильно нагрѣвается; высокая температура, развивающаяся во вѣшней ея слои, передается саѣдующимъ слоямъ, гдѣ нѣкоторыя соединенія, переходя въ газообразное состояніе, силою своей упругости раздробляютъ вѣшній слой на мелкіе осколки, которые, загораясь подобно всему аэролиту, разлетаются отъ него въ разныя стороны въ видѣ огненныхъ искръ. Большая часть ихъ собирается позади болида и образуетъ искристый хвостъ. Если аэролитъ представляетъ при этомъ тѣло рыхлое, то образующіеся внутри его газы разрываютъ всю его массу на куски, разлетающіеся въ разныя стороны, и падающіе на землю.

Такое дробленіе аэролита, понятнымъ образомъ, обусловливается его плотностью. Вообще можно сказать, что плотность камневидныхъ аэролитовъ въ большей части значаевъ бываетъ

незначительная, вслѣдствіе чего дробленіе аэролитовъ этой группы во время прохожденія ихъ черезъ атмосферу вполнѣ возможно. Между аэролитами, весьма богатыми желѣзомъ или такъ называемыми метеорными желѣзными массами, есть такіе, которые имѣютъ строеніе плотное, причемъ аэролитъ представляетъ совершенно однородную, сплошную массу, вовсе не имѣющую характера механической смѣси. Но если мы отполируемъ плоскость его излома и обольемъ ее азотною кислотою, то на этой плоскости тотчасъ обозначатся многоугольныя геометрическія фигуры называющіяся *видланишtedтовыми* фигурами, по имени ученаго, въ первый разъ ихъ замѣтившаго. Рейхенбахъ доказалъ, что эти фигуры происходятъ отъ извѣстнаго расположенія нитевидныхъ частицъ, которыя, идя по разнымъ направленіямъ и пересѣкаясь другъ съ другомъ, образуютъ нѣчто въ родѣ сѣтчатаго сплетенія, заключеннаго въ тонкозернистую массу. Нити эти, хотя совершенно сходныя между собою по наружнымъ признакамъ, имѣютъ различный химическій составъ; вслѣдствіе чего, при обливаніи азотною кислотою, одаѣ изъ нихъ растворяются, другія измѣняются только въ цвѣтъ и становятся болѣе замѣтными.

Такіе плотные аэролиты, конечно, менѣе способны къ разрыву. Какъ бы въ противоположность имъ, есть желѣзные метеорныя массы, представляющія собою нѣчто въ родѣ грецкой губки, ячейки которой выполнены стекловиднымъ веществомъ желтовато-зеленаго цвѣта, по химическому составу, весьма близкимъ къ оливину. Между этими двумя типами существуетъ множество переходовъ, но вообще метеорическое желѣзо представляетъ только два крайнихъ случая: то является оно въ видѣ однородной плотной массы, то съ губчатымъ строеніемъ, причемъ рѣзко бросаются въ глаза два вещества: одно металлоидное, сходное съ желѣзомъ, другое стекловидное. Аэролиты другой группы, то-есть аэролиты камневидные, со стороны минералогическаго состава обнаруживаютъ большую сложность. Даже въ тѣхъ изъ нихъ, которые съ перваго раза кажутся однородными, мы при тщательномъ наблюденіи замѣчаемъ шарики, листочки, ниточки, различнымъ образомъ окрашенные и связанные однородною массою или цементомъ. Въ большей части камневидныхъ аэролитовъ эта сложность выдается съ поразительною ясностью. Всѣ они имѣютъ основную массу, среди которой разсыяны постороннія тѣла самой разнообразной формы.

Эти тѣла, которыхъ величина бываетъ различна: отъ величинъ грецкаго орѣха до величины маковаго зерна, и которыя иногда представляютъ собою вѣты, листочки, иголочки и самой разнообразной формы крошки, сообщаютъ аэролиту то зернистое, то листоватое, то обломочное строеніе.

Для невооруженнаго глаза эти стороннія примѣсы представляются однородными массами, подъ микроскопомъ же онѣ оказываются столь же сложными, какъ и весь аэролитъ. Каждое зернышко или другой какой-нибудь формы примѣсы имѣетъ свою основную массу съ заключающимися въ ней примѣсами. Поэтому она представляетъ въ отдѣльности самостоятельное цѣлое, которое Рейхенбахъ называетъ аэролитомъ втораго порядка или *аэролитомъ въ аэролитѣ*.

Ознакомившихъ съ явленіями, которыми сопровождается паденіе камней изъ атмосферы и съ свойствами этихъ камней или аэролитовъ, перейдемъ теперь къ вопросу о происхожденіи этихъ загадочныхъ тѣлъ. Какъ согласить эти явленія съ извѣстными намъ законами природы и какъ объяснить появленіе метеоровъ, невѣдомо откуда приносящихся къ нашей планетѣ и вѣрѣдко сопровождающихся паденіемъ каменныхъ и металлическихъ массъ? Первоначальная гипотеза о земномъ происхожденіи этихъ вѣстниковъ другаго міра была оставлена, какъ только сдѣлались болѣе извѣстными подробности изучаемыхъ нами явленій. Какъ скоро обнаружилось, что эти свѣтлые метеоры появляются еще далеко за предѣлами нашей атмосферы, тогда нельзя уже было говорить, что это изверженія отдаленныхъ вулкановъ или слѣдствіе сгущенія минеральныхъ паровъ въ обилии, какъ прежде думали, находящихся въ атмосферѣ и порождающихъ изъ себя каменные массы, процессомъ, подобнымъ тому, какимъ градины образуются изъ водянаго пара. Особенности состава падающихъ изъ атмосферы камней еще болѣе должны были утвердить мысль о происхожденіи ихъ внѣ нашей планеты. Появились такъ-называемыя космическія теоріи болидовъ и воздушныхъ камней, и Ольберсъ первый, въ 1793 году, на публичной лекціи въ Бременѣ выразилъ, по случаю только что сдѣлавшагося тогда извѣстнымъ паденія камней въ Сіенѣ, смѣлую мысль, что падающіе камни суть массы, прилетающія на землю съ другихъ небесныхъ тѣлъ, именно съ луны. Брошенные изверженіями лунныхъ вулкановъ, эти камни, вслѣдствіе значительной скорости

движенія далеко уходить отъ поверхности нашего спутника, такъ что, наконецъ, попадаютъ въ сферу притяженія земли и привлекаются на ея поверхность. Для того, чтобы камни съ луны могли попасть на землю, достаточно, какъ доказываетъ Ольберсъ, чтобы они имѣли въ моментъ изверженія скорость около 8.000 футовъ въ секунду.

Съ своей стороны Лапласъ, которому гипотеза Ольберса, повидимому, не была извѣстна, напалъ на ту же мысль. „Безъ сомнѣнія, писалъ онъ въ 1802 году къ фонъ-Цаху (*Monatliche Correspondenz*, 1802, septemb., стр. 277), вы слышали о камняхъ, которымъ приписывается паденіе съ неба и которые послужили предметомъ обширныхъ изслѣдованій Говарда.... Не суть ли они произведенія лунныхъ вулкановъ? Я нахожу, что такія, брошенные съ луны, тѣла могли бы достигнуть земли, есабы въ моментъ изверженія имѣли скорость въ пять или шесть разъ превышающую скорость пушечнаго ядра. Наши земные вулканы сообщаютъ своимъ изверженіямъ, повидимому, болѣе значительную скорость. Малая масса луны, чрезвычайная тонкость ея атмосферы, если даже допустить, что такая есть на лунѣ, дѣлаютъ не невозможнымъ сказанное предположеніе. Примѣчательно было бы, есабы мы находились въ такого рода сообщеніи съ нашимъ спутникомъ.... Выражаю эту мысль только какъ предположеніе. Прежде, чѣмъ принять ее, необходимо внимательно изучить факты и подробно разобрать всѣ другія объясненія, какія можно дать относительно этого предмета.“

Извѣстно, что всѣ земныя тѣла, будучи приподняты на нѣкоторую высоту и затѣмъ оставлены безъ поддержки, стремятся снова на землю. Это происходитъ отъ того, что земля притягиваетъ къ себѣ всѣ принадлежащія ей тѣла. Тѣла, находящіяся на лунѣ, точно также, вслѣдствіе притяженія луны, падаютъ на луну. Вообразимъ себѣ прямую линію, соединяющую центръ земли съ центромъ луны. Тѣло, находящееся на этой линіи будетъ, съ одной стороны, притягиваться луною, съ другой—землею. Притяженіе это будетъ происходить прямо пропорціонально массамъ земли и луны, и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній даннаго тѣла отъ названныхъ свѣтилъ. На линіи, соединяющей эти два свѣтила, должна находиться точка, въ которой тѣло должно испытывать одинаковое притяженіе отъ земли и луны и гдѣ, такимъ образомъ, подѣ въліяніемъ двухъ равномѣрныхъ

и въ то же время противоположныхъ силъ, оно остается въ покой, то-есть не упадетъ ни на землю, ни на лулу. Но если хотя немного подвигнется это тѣло къ землѣ, то оно непремѣнно упадетъ на землю. Поэтому, чтобы лунное тѣло могло упасть на землю, нужно чтобы оно было брошено съ поверхности луны со скоростью, которая бы могла увести это тѣло за предѣлы равновѣсія земнаго и луннаго притяженія. Тяжесть на поверхности луны почти въ шесть разъ слабѣе чѣмъ на поверхности земли; такъ что скачокъ въ 1 футъ вышиною на землѣ, при употребленіи того-же самаго усилія мышцъ, достигъ бы на лулѣ приблизительно высоты 6 футовъ. Потому, еслибы лунные вулканы выбрасывали свои изверженія съ такою скоростью, какая иногда наблюдается въ дѣйствиі земныхъ вулкановъ, то лунныя изверженія легко могли бы увестись отъ нашего спутника и подпасть дѣйствию земли.

Мысль о лунномъ происхожденіи аэролитовъ возникла вслѣдствіе изученія поверхности нашего спутника, представляющей явные слѣды вулканической дѣятельности. При первомъ взглядѣ въ телескопъ на лунную поверхность, взоръ поражается круглою формою ея долинъ, такъ что каждый тотчасъ назоветъ ихъ вулканическими кратерами или жерлами. Характеръ нашихъ вулканическихъ образованій, какъ нельзя болѣе рѣзко выражается на фізіономіи лунныхъ горъ. Стоитъ только сравнить карты луны съ картами земныхъ вулканическихъ областей, какъ напримѣръ, Везувія, Флегрейскихъ полей, Оверни, и сходство кинется въ глаза всякому. Отдѣльные конусы, усматриваемые въ среднихъ большихъ лунныхъ кратерахъ, встрѣчаются также и на земномъ шарѣ.

„Кеплеръ, пораженный, говоритъ Араго, числомъ и правильностью круглыхъ долинъ, покрывающихъ все видимое нами лунное полушаріе, вообразилъ себѣ, что эти жерлообразныя углубленія суть дѣло рукъ лунныхъ жителей, что эти впадины устроены въ видѣ убѣжищъ для селенитовъ отъ сильнаго дѣйствія солнечнаго жара въ продолженіи ихъ пятнадцатисуточного дня. Конечно, замѣчаетъ Араго, Кеплеръ не остановился бы на такой странной мысли, еслибы зналъ истинные размѣры нѣкоторыхъ изъ этихъ кратеровъ. Діаметръ кратера Птоломея, напримѣръ, имѣетъ почти 170 верстъ, діаметръ кратера Коперника 82 версты, діаметръ кратера Тихо-

Браге 75 верстъ. Въ одинъ этотъ послѣдній кратеръ можно походить и Чимборазо, и Монбланъ, и Tenerifokій пикъ. Шретеръ въ своихъ наблюденіяхъ круглыхъ долинъ, покрывающихъ луны, нашелъ, что дно этихъ углубленій находится значительно ниже не только окружающаго ихъ кольцеобразнаго вала, но даже ниже уровня поверхности, служащей основаніемъ этимъ валамъ; что эти кольцеобразные валы у нѣкоторыхъ лунныхъ вулкановъ представляются съ одной стороны обрушившимися съ другой приподнятыми и въ этомъ отношеніи напоминаютъ намъ *monte somma* или древній Везувій, который окружаетъ нынѣшній Везувій въ видѣ кольцеобразнаго вала, обрушившагося со стороны Неаполитанскаго залива и какъ бы приподнятаго съ противоположной стороны. Нѣкоторыя изъ круглыхъ углубленій луны не окружены валами, представляя въ этомъ отношеніи сходство съ тѣми круглыми воронкообразными ямами, которыя образовались на землѣ во время Калабрскаго землетрясенія. Кратеръ Тихо-Браге представляетъ собою весьма замѣчательное явленіе. Блестящія полосы идутъ отъ краевъ его, какъ изъ общаго центра, и продолжаются на болѣе или менѣе значительныя разстоянія. Англійскій наблюдатель Нэсмитъ (*Nasmyth*) сравниваетъ это расположеніе полосъ съ лучеобразною трещиною, которая образуется на стеклѣ при сильномъ ударѣ объ него маленькимъ камнемъ. Вулканическій конусъ острова Пальмы въ этомъ отношеніи имѣетъ большое сходство съ конусомъ Тихо-Браге. Онъ также при основаніи покрытъ широкими трещинами, идущими лучеобразно.

Кромѣ того есть на лунѣ мѣста, на которыхъ удалось замѣтить очевидныя слѣды напластованія. Шретеръ говоритъ, что въ большихъ впадинахъ нѣкоторыхъ изъ лунныхъ вулкановъ можно различить слѣды нѣсколькихъ горизонтальныхъ пластовъ, лежащихъ другъ на другѣ. Джонъ Гершель, пользуясь сильными телескопами, также усмотрѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ луны наслоенія, соответствующія послѣдовательнымъ отложеніямъ вулканическихъ веществъ.

Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что поверхность луны представляетъ слѣды сильнѣйшей вулканической дѣятельности. Но не должно забывать, что эта дѣятельность принадлежитъ уже прошедшему: лунные вулканы суть погасшіе вулканы. Медлеръ и Беръ, въ теченіе долговременныхъ и тщательныхъ наблюденій надъ поверхностію нашего спутника, не

встрѣтила ничего такого, что бы могло ихъ убѣдить въ существованіи на лунѣ горящихъ вулкановъ. Прежнія наблюденія относительно дѣйствующихъ будто-бы еще нынѣ лунныхъ вулкановъ крайне сомнительны. Уже самое то обстоятельство, что на лунѣ нѣтъ воды (о чемъ мы должны заключить по отсутствію облаковъ надъ поверхностію нашего спутника) дѣлаетъ невѣроятною мысль о дѣйствующихъ донынѣ лунныхъ вулканахъ. Въ моментъ сильной вулканической дѣятельности, изъ кратеровъ земныхъ вулкановъ, поднимается огромное количество водяныхъ паровъ, которые силою своей упругости поднимаютъ изъ внутренности земли огненно-жидкую лаву, и служатъ главнымъ дѣтелемъ изверженія. Подобнаго же рода явленія должны происходить и на лунѣ, если тамъ есть дѣйствующіе вулканы, а для этого необходимо существованіе воды и атмосферы. Такимъ образомъ падающія нынѣ на землю каменные массы нельзя принимать за изверженія нынѣ дѣйствующихъ лунныхъ вулкановъ. Прибавимъ, что всѣ вычисленія, съ цѣлью доказать возможность паденія камней съ луны на землю, дѣлались въ предположеніи, что земля и луна находятся въ покой. Вопросъ значительно осложнится, если принять въ соображеніе движеніе этихъ тѣлъ. Въ такомъ случаѣ, для того, чтобы камень брошенный съ луны могъ попасть на землю необходимо, чтобы кромѣ значительной начальной скорости соблюдены были еще многія условія, и это значительно уменьшаетъ вѣроятность паденія камня съ луны на нашу планету. Эти соображенія не исключаютъ, впрочемъ, возможности существованія вращающихся вокругъ земли мелкихъ тѣлъ, представляющихъ собою родъ малыхъ спутниковъ нашей планеты, происхожденіе которыхъ можетъ быть, пожалуй, объяснено прежнею вулканическою дѣятельностію на поверхности луны и которыя при благоприятныхъ условіяхъ могутъ попасть на землю.

Въ настоящее время мысль о лунномъ происхожденіи аэролитовъ оставлена. Уже сами основатели этой теоріи, Ольберсъ и Лапласъ, въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ своихъ отказались отъ этой мысли и приняли другую космическую теорію происхожденія аэролитовъ, первоначально развитую знаменитымъ физикомъ Хладни. Въ извѣстныхъ *Анналахъ физики* Гцльберта (1808, томъ 13-й, стр. 350) Хладни въ слѣдующихъ выраженіяхъ

развиваетъ свою гипотезу о существованіи въ пространствѣ мелкихъ тѣлъ, по временамъ достигающихъ нашей планеты.

„Огненные шары и летающіе драконы, говоритъ онъ, пользуясь выраженіемъ, употребительнымъ въ просторѣчьи, не могутъ быть ни скопленіями вещества сѣвернаго оліянія, ни электрическими искрами, ни скопленіями рыхлой горючей матеріи въ высшихъ слояхъ воздуха, ни воспламененіями длинныхъ слоевъ горючаго газа, — но представляютъ собою массы значительнаго вѣса и крѣпости, ибо ихъ пути видимо обнаруживаютъ дѣйствіе тяжести, и они, не взирая на сопротивленіе воздуха движутся съ такою быстротой, не разсѣиваясь.... Столь плотныя массы и на такой высотѣ никоимъ образомъ не могутъ образоваться изъ составныхъ частей атмосферы; невозможно также, чтобы массы эти были выброшены вверхъ земными силами и отъ нихъ получили столь быстрое, почти горизонтальное движеніе. Эти массы не могутъ, по этому, приходить сверху, но должны уже прежде находиться въ верхнихъ областяхъ, въ *пространствѣ вселенной, и оттуда достигать нашей планеты.*

„Землистые и металлическія части образуютъ твердый составъ нашей планеты; желѣзо принадлежитъ къ числу ея составныхъ частей. Вѣроятно, что и другія небесныя тѣла состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ, только иначе смѣшанныхъ и измѣненныхъ. Очень возможно, что, кромѣ того, многія такого рода грубыя вещества, скопившіяся въ малыя массы, и не находящіяся въ непосредственной связи ни съ какимъ изъ большихъ небесныхъ тѣлъ, разсѣяны въ пространствѣ и гонимыя силами верженія и притяженія, несутся, пока приблизятся къ землѣ или къ другому какому небесному тѣлу, и застигнутыя ихъ притягательнымъ дѣйствіемъ упадаютъ на нихъ. При быстромъ, ускоряющемся движеніи такихъ массъ, въ атмосферѣ должно обнаружиться чрезвычайно значительное треніе, развивающее электричество и теплоту, вслѣдствіе которыхъ эти массы расплавляются и загараются. При этомъ отдѣляется большое количество паровъ и газовъ, расширяющихъ расплавленную массу до значительнаго объема, пока она, наконецъ, разорвется.“

Эти мысли въ главныхъ чертахъ раздѣляются большинствомъ ученыхъ въ настоящее время. Астрономы приписываютъ явленія падающихъ звѣздъ, болидовъ и аэролитовъ

вращающимся около солнца планетнымъ кольцамъ космической матеріи, состоящимъ изъ мелкихъ астероидовъ. „Горячіе астероиды, говорилъ Гумбольдтъ съ своимъ *Космосъ*, напоминаютъ намъ о существованіи всюду наполненныхъ матеріей небесныхъ пространствъ.... Скалбившись въ небольшія массы, астероиды, являющіеся намъ падающими звѣздами, обращаются около солнца, кометно пересѣкаютъ пути большихъ планетъ и зажигаются вблизи поверхности нашей атмосферы или въ верхнихъ слояхъ ея.“ Существовавшіе такихъ планетныхъ колецъ, состоящихъ изъ мелкихъ астероидовъ, воишь согласно съ теоріей Лапласа о происхожденіи солнечной системы. Нѣчто подобное представляетъ, повидимому кольцо Сатурна. Есаибы, говоритъ извѣстный французскій математикъ, Шаль, одна изъ лунъ Сатурна въ какой-нибудь точкѣ своей орбиты пересѣкала это кольцо, то луна эта имѣла бы падающія звѣзды. Кольцо астероидовъ, вращающихся около солнца, пересѣкаетъ земную орбиту въ опредѣленномъ мѣстѣ, чрезъ которое земля проходитъ въ августѣ мѣсяцѣ. Этимъ объясняется періодъ падающихъ звѣздъ, носящій названіе августовскаго и наблюдаемый съ большою правильностію на самыхъ различныхъ мѣстностяхъ земнаго шара. Чтобъ объяснить появленіе отдѣльныхъ падающихъ звѣздъ и метеоровъ, въ продолженіи всего года, и не подчиненное правильному возврату, часто только мѣстное, появленіе цѣлыхъ группъ такихъ тѣлъ въ различныя эпохи — извѣстный французскій астрономъ, Фай, въ послѣднее время выразилъ мысль, заслуживающую вниманія ученыхъ. Онъ допускаетъ, что земля съ своимъ спутникомъ, проходя въ августѣ мѣсяцѣ чрезъ планетное кольцо астероидовъ, увлекаетъ значительное количество ихъ въ сферу своего притяженія и какъ бы забираетъ такимъ образомъ на цѣлый годъ запасъ этихъ мелкихъ тѣлъ, начинающихъ уже обращаться вокругъ нашей планеты и, при стеченіи благоприятныхъ условій, попадающихъ на ея поверхность.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на вопросъ о томъ, въ какомъ количествѣ аэролиты падаютъ на землю.

Грегъ (Greg) первый обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ и въ *Philosophical Magazine*, 1854 г., представилъ любопытныя соображенія относительно этого предмета. Изъ его свѣдѣній мы видимъ, что съ 1800 по 1854 г. было 115 случаевъ

паденія воздушныхъ камней, и сѣдовательно на долю каждаго года приходится по два случая. Но отсюда еще не должно заключать, что вообще число падающихъ на землю аэролитовъ незначительно. Не должно забывать, что мы наблюдаемъ только тѣ случаи паденія аэролитовъ, которые совершаются днемъ, тѣ же, которые происходятъ ночью, остаются незамѣченными. По этому мы должны принять не два, а четыре случая для каждаго года. Кроме того иногда аэролитъ, являясь среди бѣлаго дня и сопровождаясь громомъ, облакомъ и другими явленіями, какъ бы теряется въ воздухъ исчезая отъ глазъ наблюдателя. Такихъ случаевъ приходится по два на каждый случай непосредственно наблюдаемаго паденія аэролитовъ. Сѣдовательно, ежегодно совершается не четыре, а двѣнадцать случаевъ паденія. Затѣмъ, зная что $\frac{1}{4}$ земной поверхности покрыты водою, гдѣ упавшіе аэролиты пропадаютъ безслѣдно, мы должны заключить, что цифра ежегодныхъ случаевъ паденія аэролитовъ должна быть еще увеличена вчетверо, что составитъ для каждаго года 48 случаевъ.

Но сколько аэролитовъ падаетъ на землю, не обнаруживая при этомъ никакого звука, и притомъ падаетъ въ лѣсахъ, болотахъ, горахъ словомъ въ мѣстахъ необитаемыхъ, гдѣ, сѣдовательно, паденіе ихъ остается незамѣченнымъ. Смѣло можно положить, что полученная нами цифра для каждаго года должна быть по крайней мѣрѣ удвоена, то-есть ежегодно должно происходить, по крайней мѣрѣ, девяносто шесть случаевъ паденія аэролитовъ. Наконецъ, свѣдѣнія наши о падающихъ аэролитахъ мы получаемъ не со всего пространства твердой земли нашей планеты, а только изъ густо-населенныхъ, цивилизованныхъ странъ, какъ-то изъ Германіи, Франціи, Великобританіи, нѣкоторыхъ мѣстъ Россіи, Венгріи, Италиі, Испаніи, Америки и Остѣ-Индіи. Можно допустить, что площадь, съ которой получаемы были свѣдѣнія объ аэролитахъ, заключаетъ въ себѣ только 50.000 квадратныхъ географическихъ миль, то-есть $\frac{1}{47}$ часть всей поверхности твердой земли. На основаніи этого, полученное нами число 96, для каждаго года, должно было умножено на 47. Получимъ 4.500 случаевъ для каждаго года. Предположимъ, что при каждомъ случаѣ выпадетъ камней среднимъ числомъ около 100 фунтовъ, сѣдовательно въ продолженіи года 11.250 пудъ, въ 1.000 лѣтъ 11.250.000 пудъ. Нѣтъ сомнѣнія, что падающіе

аэролиты постоянно увеличиваютъ собою объемъ и массу нашей планеты.

Не только земля, но, вѣроятно, и другіе тѣла нашей системы имѣютъ свои аэролиты. По всей вѣроятности, огромное ихъ количество падаетъ на солнце. Нѣкоторые ученые самое происхожденіе солнечной теплоты и свѣта объясняютъ стремительнымъ паденіемъ мелкихъ астероидовъ на солнце, развивающимся, вслѣдствіе тренія и удара, высокую степень теплоты.

М. ТОЛСТОПЯТОВЪ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ЕГО БІОГРАФІИ.

Не имѣя притязанія писать біографію Алексѣя Петровича Ермолова, я намѣренъ, въ предлагаемой статьѣ, представить обзоръ его жизни собственными его словами, изъ записокъ, разказовъ, писемъ отъ него и къ нему, приказовъ, распоряженій и тому подобныхъ источниковъ, которые удалось мнѣ собрать или записать. Смѣю надѣяться, что читатели по этимъ подлиннымъ документамъ составятъ себѣ довольно ясное понятіе о знаменитомъ дѣятелѣ нашего времени, который подъ Витебскомъ, Бородинымъ и Кульмомъ, и наконецъ въ продолженіи десятилѣтняго управленія Кавказомъ, стяжалъ себѣ безсмертную славу въ лѣтописяхъ руской исторіи. Начало записано мною со словъ самого Алексѣя Петровича, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ обстоятельствъ, записанныхъ г. Степановымъ *. Продолженіе заимствовано изъ собственныхъ записокъ Алексѣя Петровича, съ присоединеніемъ разказовъ Дениса Васильевича Давыдова, писемъ, напечатанныхъ въ *Чтеніяхъ Историческаго Общества*, и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ замѣчаній, которыя случилось мнѣ слышать, какъ отъ самого Алексѣя Петровича, такъ и отъ близкихъ ему людей.

* Они отнѣчены буквою С.

I.

Для предварительнаго знакомства читателей съ личностію Ермолова, я предажу нѣкоторыя общія черты изъ его изображенія, написаннаго знаменитымъ нашимъ партизаномъ-поэтомъ, Д. В. Давыдовымъ:

....„Обнаруживъ съ самаго юнаго возраста замѣчательныя способности, Ермоловъ приобрѣлъ въ послѣдствіи всѣ качества отличнаго воина. Онъ представляетъ рѣдкое сочетаніе высокаго мужества и энергіи съ большою проникательностію, неутомимую дѣятельностію и непоколебимымъ безкорыстіемъ; замѣчательный даръ слова, гигантская память и неумоврное упрямство составляютъ также отличительныя его свойства.

„Будучи одаренъ необыкновенною физическою силой и крѣпкимъ здоровьемъ, при замѣчательномъ ростѣ, Ермоловъ имѣетъ голову, которая, будучи украшена сѣдыми, въ беспорядкѣ лежащими, волосами, и вооружена небольшими, но проникательными и быстрыми глазами, невольно напоминаетъ голову льва. Ермоловъ, будучи весьма смѣлъ со старшими, явно выказывалъ, подобно князю Багратиону, малое сочувствіе свое къ нѣмецкой партіи, во главѣ которой находились Барклаа, Витгенштейнъ и многіе другіе. Такъ, напримѣръ, въ началѣ отечественной войны онъ отзывался слѣдующимъ образомъ о штабѣ Барклаа: „Здѣсь все Нѣмцы, одинъ Русскій, да и тотъ безродный“; въ то время служилъ тутъ чиновникъ Безродный *. Одаренный характеромъ твердымъ и самостоятельнымъ, онъ былъ всегда замѣчательнъ по откровенной привѣтливости и обходительности съ своими подчиненными, сердца которыхъ онъ вполне владалъ. Находясь еще въ

* Онъ умеръ сенаторомъ и въ числѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. *Прим. Давыдова.*

У меня записаны еще два анекдота въ этомъ родѣ: У Ермолова, спросили однажды какой милости онъ жаветъ? Пусть пожалуютъ меня въ Нѣмцы, отвѣчалъ Ермоловъ, и объяснялъ свой отвѣтъ тѣмъ, что Нѣмецъ онъ можетъ получить все уже самъ. Въ другой разъ, войдя въ залу передъ внутренними покоями императора Александра, гдѣ ждало много военныхъ, онъ вдругъ безъ всякаго повода обратился къ нимъ съ вопросомъ: позвольте узнать, господа, говорить ли кто изъ васъ по-русски? Не нужно припоминать, что въ то время былъ сильный антагонизмъ между Русскими и Нѣмцами, теперь, къ общему удовольствію, не существующій.

чивъ полковника, его обращеніе, относительно нѣкоторыхъ генераловъ, было таково, что они говорили: „Когда-то его произведутъ въ генералы? Омъ тогда, конечно, перестанетъ выказывать такое къ намъ пренебреженіе.“ Отличаясь всегда примѣрною скромностію, онъ не только не старался возвышать заслугъ своихъ порицаніемъ дѣйствій своихъ подчиненныхъ, но, напротивъ, изыскивалъ всѣ способы, чтобы представить въ настоящемъ свѣтѣ дѣйствія ихъ; они всегда находили въ немъ самаго ревностнаго, смѣлаго и правдиваго защитника своихъ правъ. Я, кромѣ случаевъ, приведенныхъ мною въ моихъ запискахъ, могъ бы еще упомянуть о многихъ другихъ, въ коихъ многія лица нашей арміи имѣли въ Ермоловѣ самаго неустрашимаго ходатая, нерѣдко высказывавшаго своимъ начальникамъ весьма сильныя и не совсѣмъ для нихъ пріятныя истины. Не дозволяя себѣ никогда младѣйшей дерзости или невниманія относительно младшихъ по себѣ, особливо провинившихся, онъ ограничивался замѣчаніями, уподобленіями, кои, не заключая въ себѣ ничего оскорбительнаго, производили, тѣмъ не менѣе, на нихъ магическое дѣйствіе. Выслушивая снисходительно всѣ справедливыя возраженія своихъ подчиненныхъ, хотя бы они были иногда облечены въ формы нѣсколько рѣзкія, онъ усугублялъ вниманіе и снисходительность, когда обстоятельства, о коихъ ему доносили, принимали серіозный характеръ. Но добродушіе, коимъ отличаются разговоры его съ младшими, совершенно исчезаетъ, когда ему надлежитъ прибѣгать къ перу; мысля и сужденія, излагаемая имъ, хотя не совсѣмъ правильно, но съ мужественною силой и энергическою простотою, облакаются часто въ формы крайне рѣзкія; впрочемъ, самый разговоръ его носить обыкновенно на себѣ отпечатокъ большаго остроумія и язвительной насмѣшки. Бѣдная пропія его рѣчей, которой онъ разилъ враговъ своихъ, приобрѣла ему весьма много недоброжелателей. Прочитавъ однажды одно изъ его писемъ, я не могъ воздержаться, чтобы ему не написать: „во что обмакиваете вы перо ваше, потому что съ него стекаютъ не чернила, а желчь?“ Это, можетъ-быть, причиною того, что онъ, кромѣ записокъ объ отечественной войнѣ, почти ничего другаго не писалъ. Оставаясь во многихъ отношеніяхъ образцомъ избранныхъ людей прошедшаго времени, онъ стоитъ выше толпы, которая, видя въ немъ живой протестъ, безнащадно преслѣдуетъ его своею завистью.

Бездарная и неблагонамѣренная посредственность, оскорбленная его ѣдкими насмѣшками, и не будучи въ состояніи обвинить его въ неспособности, изощряла и изощряетъ умъ свой для изобрѣтенія всевозможныхъ противъ него клеветъ: его называли интригантомъ, пьяницей, бѣзбожникомъ, хотя положительно извѣстно, что онъ почти не употреблялъ и не употребляетъ вина, и нерѣдко взыскивалъ съ своихъ приближенныхъ за неисполненіе церковныхъ обрядовъ. * Ермоловъ, приобрѣтшій обширныя свѣдѣнія, особливо въ военныхъ наукахъ и исторію, снималъ большею частію самъ мѣстность на бумагу и дѣлалъ весьма скоро croquis. Вынужденный часто диктовать въ одно время нѣсколькимъ лицамъ письма разнороднаго содержанія, онъ обыкновенно собственноручно и прямо набѣло писалъ значительнымъ особамъ офиціальныя бумаги и письма; эти посланія, писанныя часто подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, и проникнутыя потому самою ѣдкою провѣй, отличались вполнѣ смѣлымъ и рѣзкимъ тономъ. Я знавалъ нѣкоторыхъ значительныхъ лицъ, кои просили Ермолова, избавивъ ихъ отъ офиціальной съ нимъ переписки, излагать свои просьбы и требованія въ частныхъ письмахъ. Пользуясь благоволеніемъ императора Александра, находившаго большое удовольствіе читать его письма къ П. А. Кикину, П. И. Меллеръ-Закомельскому и другимъ пріятелямъ, Алексѣй Петровичъ, ненавидѣвшій просить о чемъ-либо для себя, нерѣдко исходатайствовалъ этимъ путемъ аренды и разнаго рода денежныя награжденія достойнымъ лицамъ, о недостаточности состоянія которыхъ никто не рѣшался доводить до свѣдѣнія его величества. Хотя Ермоловъ испыталъ въ теченіи своей жизни весьма много непріятнаго, но это не оказало никакого вліянія на его неизмѣнно-веселый нравъ. Взоръ мой не можетъ не остановиться на этой свѣтлой личности, нерѣдко и довольно грубо заблуждавшейся и не лишенной, безъ сомнѣнія, большихъ недостатковъ и слабостей, но вполнѣ искупившей все это теплотою души и замѣчательною любовью къ общественному благу.

* Во время пребыванія своего въ Грузіи Алексѣй Петровичъ требовалъ, чтобъ окружающіе его чиновники и офицеры постились на страстной недѣлѣ и посѣщали бы церковь въ праздничные дни; въ великій четвергъ во время чтенія о страстяхъ Господнихъ присутствовалъ даже и нѣкоторые мусульмане.

Хотя судьба не дозволила ему, совершивъ рядъ кампаній, одержать самому большія побѣды; но рѣшительность и провицательность, выказанныя имъ въ самыя критическія минуты великихъ войнъ, и коимъ наша армія была не одинъ разъ обязана своимъ спасеніемъ, примѣрная и столь рѣдко встрѣчающаяся бережливость относительно казенныхъ денегъ и людей, умѣнье увлекать за собою тысячи людей одними высокими качествами ума и сердца и побуждать ихъ къ благотворной дѣятельности, справедливо стяжали ему завидную славу и искреннее уваженіе современниковъ. Ни одинъ почти начальникъ не внушалъ, подобно А. П. Ермолову, своимъ подчиненнымъ такого глубокаго уваженія, безграничной преданности и боязни ослушаться его приказаній.

„Если мы, современники и очевидцы магическаго дѣйствія, производимаго въ нашихъ войскахъ однимъ именемъ Ермолова, были глубоко удивлены необычайною популярностію, кою онъ всегда пользовался, то наши потомки будутъ въ правѣ думать, что извѣстіе о томъ, если не вымышлено, то, по крайней мѣрѣ, весьма преувеличено; самые враги его, бывшіе не разъ свидѣтелями необыкновенной любви и преданности, питаемыхъ къ нему войсками, не могутъ отрицать этого обстоятельства. Достоинно удивленія то, что хотя Ермоловъ уже давно не стоитъ въ рядахъ нашей дѣйствующей арміи, но доселѣ одно появленіе его среди нашихъ войскъ и въ особенности среди своихъ старыхъ подчиненныхъ возбуждаетъ попрежнему неизмовѣрный и безграничный восторгъ. Я сохранилъ у себя нѣсколько копій съ писемъ, писанныхъ Ермолову нѣкоторыми изъ его подчиненныхъ передъ самою ихъ кончиною, когда они не имѣли уже нужды говорить ничего другаго, кромѣ истины. Всѣ они оканчиваются молитвою къ Богу: да продлитъ и благословитъ Онъ его жизнь и командованіе. Я бы самъ тому не повѣрилъ, еслибы не былъ свидѣтелемъ многихъ подобныхъ случаевъ и не имѣлъ бы у себя въ рукахъ письменныхъ документовъ, подтверждающихъ это; а потому, все мною здѣсь сказанное не есть лишь восторженный панегирикъ человѣку, коему судьба столь рано преградила путь къ вѣщимъ заслугамъ отечеству, и который могъ бы образовать много истинно полезныхъ военныхъ людей.

„Алексѣй Петровичъ пріобрѣлъ, наперекоръ многочисленнымъ врагамъ своимъ, рѣдкую популярность человѣка, въ

коомъ нынѣ никто не нуждается для какихъ-либо своекорыстныхъ цѣлей. Будучи всегда поклонникомъ красоты, онъ, тѣмъ не менѣе, всегда чуждался дамскаго общества, предпочитая мужскую компанію, и будучи современникомъ всего совершеннаго въ Россіи въ теченіи болѣе полу столѣтія, Алексѣй Петровичъ, употреблявшій нѣкогда свой замѣчательный даръ слова на одушевленіе воиновъ, увлекаетъ имъ нынѣ многочисленныхъ стекающихся къ нему почитателей. Литература и поэзія составляли всегда истинное наслажденіе Алексѣя Петровича, знающаго наизусть много стихотвореній. Надо присовокупить, что Алексѣй Петровичъ, не могшій не сознавать въ себѣ способностей, былъ всегда одаренъ большимъ честолюбіемъ, что не укрылось отъ провицательнаго князя М. И. Кутузова, который сказалъ о немъ въ концѣ 1812 года слѣдующее: „Il vise au commandement des armées“. Не почитая себя администраторомъ, онъ никогда не былъ преисполненъ того ложнаго и неумѣстнаго самолюбія, которое не позволяетъ сознаваться въ ограниченномъ кругѣ своихъ познаній и прибѣгать за совѣтами къ болѣе свѣдущимъ подчиненнымъ; напротивъ того, чистосердечно сознавая въ себѣ отсутствіе административныхъ свѣдѣній и совершенное непониманіе финансовыхъ вопросовъ, онъ любилъ поучаться у специалистовъ, хотя бы они были его подчиненные, къ которымъ онъ иногда и при всѣхъ своихъ способностяхъ и большимъ умѣ нерѣдко простиралъ свою довѣренность слишкомъ далеко; вѣрно оцѣнивая умомъ своими способности другихъ людей, онъ нерѣдко заблуждался насчетъ нравственныхъ качествъ окружавшихъ его лицъ.

„Не получая почти ничего отъ отца своего, особенно со времени производства своего въ полковники, и вынужденный довольствоваться весьма немногимъ, онъ привыкъ вести жизнь весьма умѣренную и непрехотливую.“ *

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ родился въ 1777 году, мая 24-го, въ одномъ году съ императоромъ Александромъ,

* Алексѣй Петровичъ разказалъ мнѣ однажды: „Въ царствованіе Александра I Владимірское дворянство пожертвовало суму на какое-то учрежденіе. Губернаторъ отнесся ко мнѣ съ приглашеніемъ принять участіе. Я отвѣчалъ что не присылаю ему потому, что не имѣю во Владимірѣ, равно какъ и въ прочихъ губерніяхъ ни одной души.“

котораго былъ старше тремя мѣсяцами. Отецъ его Петръ Алексѣевичъ, небогатый орловскій дворянинъ, служилъ по гражданской службѣ, и былъ въ послѣдствіи предсѣдателемъ гражданской палаты, а наконецъ управляя канцеляріей генералъ-прокурора графа Самойлова въ послѣдніе года царствованія императрицы Екатерины.

Мать, Марья Денисовна, была изъ рода Давыдовыхъ*.

Родился Алексѣй Петровичъ въ Москвѣ, гдѣ-то между Арбатомъ и Пречистенкой**.

Изъ дѣтства его вотъ черта, которую онъ приводилъ однажды, будучи уже 80 лѣтъ, въ доказательство своей памяти.

„Я помню, какъ я еще жилъ у отца съ матерью, у насъ была печка оштукатуренная, и на ней была нарисована Церера съ рогомъ изобилія. Только штукатурка-то треснула, трещину

* Напоминиъ кстати о родственной связи, соединявшей слѣдующія знаменитыя въ Россіи фамиліи: Потемкина, Ломоносова, Раевского, Давыдова, Ермолова, Орлова и проч.

У Потемкина было двѣ сестры, одна была въ замужествѣ за Николаемъ Борисовичемъ Самойловымъ (умеръ сенаторомъ).

У нихъ остались—сынъ и дочь. — Сынъ Ал. Ник—чъ (слѣдовательно родной племянникъ Потемкину), въ послѣдствіи графъ и генералъ-прокуроръ — Дочь Катерина Ник—вна была въ первомъ бракѣ за Раевскимъ, и имѣла отъ сего брака сына Николая—знаменитаго героя войны 1812 г., слѣдовательно, Раевскій былъ двоюроднымъ внукомъ Потемкина. Раевскій былъ женатъ на Константиновой, внукъ Ломоносова, и имѣлъ двухъ сыновей, съ которыми бросился впередъ въ одномъ изъ сраженій между Смоленскомъ и Можайскомъ, и дочь въ замужествѣ за Михаиломъ Теодоровичемъ Орловымъ, другую за княземъ С. Г. Волконскимъ.

Во второмъ бракѣ Катерина Ник. Раевская была за генералъ-майоромъ Львомъ Денисовичемъ Давыдовымъ, отъ котораго былъ сынъ Петръ Львовичъ, женатый на одной изъ графинь Орловыхъ.

Левъ Денисовичъ имѣлъ сестру Марью Денисовну, мать славнаго Ермолова, Алексѣя Петровича, и брата Василья Денисовича, у котораго былъ сынъ Денисъ, поэтъ-партизанъ, слѣдовательно, двоюродный братъ Ермолову.

Мать Раевского была за роднымъ дядею Ермолова. По ней Ермоловъ находился въ свойствѣ и съ ея братомъ, то-есть генералъ-прокуроромъ Самойловымъ, въ домѣ котораго и жилъ въ Петербургѣ при началѣ своей службы, въ царствованіе императрицы Екатерины II.

** Не можетъ ли консисторія навести справку, если не мѣстные приходы?

и замазали глиной. Въ этомъ видѣ, я помню эту фигуру и направленіе трещины, а мнѣ было всего только 4½ года“*. (С.)

Алексѣй Петровичъ сначала учился у дворового служителя Алексѣя, по букварю и съ рѣзною указкой, расписанной синими фигурками. Потомъ поступилъ онъ въ богатый домъ одной вдовы (?), гдѣ онъ былъ какою-то неопредѣленною фигурой, потому что тутъ же былъ одинъ возлюбленный племянникъ. Дамы эта была вдова намѣстника; она, какъ и всѣ подобныя ей особы того времени, была пропитана чванностью. Тогдашніе намѣстники избирались лично самою императрицею Екатериною; способности и знанія ихъ были ей извѣстны какъ нельзя лучше; довѣренность къ нимъ была неограниченна; они управляли губерніями двумя, тремя и болѣе. Это были совершенные сатрапы персидскіе. Такое положеніе естественно увеличивало гордость въ родственникахъ и супругахъ этихъ особъ. (С.)

Очень рано былъ онъ отданъ учиться въ университетскій благородный пансіонъ, на руки къ профессору Ивану Андреевичу Гейму. Профессоръ этотъ полюбилъ Алексѣя Петровича и Алексѣй Петровичъ полюбилъ профессора. (Бывши уже въ чинѣ генералъ-майора, онъ не проѣзжалъ Москвы безъ того, чтобы не посѣтить своего наставника. А въ Москвѣ онъ бывалъ рѣдко и то проѣздомъ, по дѣламъ службы. Родныхъ у него здѣсь не было, а знакомыхъ весьма мало и рѣдко. Пріѣдетъ онъ въ Москву не какъ въ столицу, а просто какъ на станцію: переложать ему лошадей въ слободѣ и, какъ курьеръ, онъ мчится дале. (С.)

Попечителемъ пансіона былъ тогда Павелъ Ивановичъ фонъ-Визинъ.

Памятнымъ ему остался въ пансіонѣ учитель математики Крупениковъ.

Изъ пансіона, по переселеніи родителя изъ Москвы, онъ попалъ въ Петербургъ, къ знаменитѣйшему того времени

* „Теперь ужъ не то, говоритъ г. С., записавшій эту черту: Алексѣй Петровичъ иногда забываетъ, что ему прочтешь. Если начнетъ разказывать что-нибудь то забываетъ названія мѣстностей, но минуты черезъ три вспомнить.“

математику Лясковскому, ученому, но въ то же время и неданту. Однако онъ заслужилъ его привязанность и платилъ ему тѣмъ же. (Въ послѣдствіи времени, именно въ началѣ царствованія Николая Павловича, взбунтовавшіеся гвардейцы навлекли на себя гнѣвъ царя. Алексѣй Петровичъ былъ тогда намѣстникомъ на Кавказѣ. Изъ бунтовщиковъ былъ составленъ цѣлый полкъ, назначенный на Кавказъ; въ числѣ разжалованныхъ былъ и сынъ Лясковскаго. Престарѣлый отецъ писалъ по этому случаю Алексѣю Петровичу, просилъ его принять его сына подъ свое покровительство и вспомнить своего бывшего наставника на закатѣ дней. И дѣйствительно, чрезъ четыре дня послѣ написанія письма, Лясковскаго не стало. С.)

Князь Юрій Владимировичъ Долгорукій отвезъ Ермолова въ С.-Петербургъ въ 1792 году, тогда какъ онъ имѣлъ уже чинъ капитана гвардіи, записанный въ службу очень рано, по обычаю того времени. Онъ тотчасъ поступилъ адъютантомъ къ графу Самойлову.

Присоединяю дополненіе изъ записокъ Д. В. Давыдова объ этомъ времени.

„Будучи выпущенъ, въ 1792 году, капитаномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, молодой Ермоловъ, коего отецъ былъ правителемъ канцеляріи у генераль-прокурора графа Самойлова, состоялъ при семъ послѣднемъ въ качествѣ адъютанта; онъ былъ по нѣскольку разъ въ годъ посылаемъ графомъ съ грузомъ эпюлетъ и эксельбантовъ, единственной въ то время фабрики Роговикова, къ знаменитой княгинѣ Е. Р. Дашковой, занимавшей парфилажемъ. Выдержавъ экзаменъ съ особеннымъ отличіемъ, онъ былъ переведенъ въ артиллерию; участвовавъ въ войнѣ 1794 года съ Поляками, онъ заслужилъ лестные отзывы славнаго генѣрала Дерфельдена, мнѣніемъ котораго онъ всегда очень дорожилъ. Ермоловъ, отличившись въ особенности при штурмѣ Праги, былъ награжденъ знакомъ Св. Георгія 4-го класса, полученнымъ по назначенію самого великаго Суворова, вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Владимировичемъ Голицынымъ и И. Л. Шаховскимъ. Будучи посланъ въ Италію, вмѣстѣ съ чиновникомъ Бюрстомъ, коему было поручено окомчить коммерческія дѣла съ Генуезскимъ банкомъ, онъ посѣтилъ главнѣйшіе пункты Италіи и между прочимъ Неаполь, гдѣ видѣлъ, знаменитую по своей красотѣ, леди Гамильтонъ; вслѣдствіе ходатайства графовъ Самойлова и Безбородки, снабдившихъ его письмами

къ всепльному барону Тугуту, Алексѣй Петровичъ былъ назначенъ состоять при австрійскомъ главнокомандующемъ Девисѣ, питавшемъ къ Русскимъ величайшее уваженіе, послѣ сраженія при Рымникѣ, въ коемъ онъ участвовалъ. Вызванный изъ Италіи, гдѣ онъ съ Австрійцами принималъ участіе въ разныхъ стычкахъ противъ Французовъ, Ермоловъ, въ проѣздъ свой чрезъ Берлинъ, присутствовалъ при бракосочетаніи знаменитой королевы Луизы. Отправившись вскорѣ по своему возвращенію въ походъ противъ персидскаго шаха, Ермоловъ, послѣ бомбардированія Дербента, вѣковыя стѣны котораго разрушались съ страшнымъ трескомъ, двинулся далѣе; переправившись съ прочими войсками графа Зубова чрезъ Самуръ, онъ слѣдовалъ къ Курѣ на встрѣчу безчеловѣчному Аги-Магомедъ-Хану, снѣшившему съ огромнымъ войскомъ и 80-ю слонами. Прибывшій курьеромъ, подпоковникъ графъ Витгенштейнъ (въ послѣдствіи фельдмаршалъ) привезъ повелѣніе императора Павла о послѣднемъ возвращеніи войскъ въ предѣлы Россіи *для полезнѣйшаго арміи употребленія*. Хотя, на основаніи полученнаго повелѣнія, надлежало каждому полку отступать порознь, что могло подвергнуть каждую часть совершенному пораженію, но по рѣшенію военнаго совѣта весь отрядъ отступилъ вмѣстѣ до Терека, гдѣ его ожидалъ своенравный графъ Гудовичъ, пылавшій гнѣвомъ за то, что не ему было вѣрено начальство надъ экспедиціоннымъ корпусомъ. Избѣгая встрѣчи съ нимъ, многіе, и въ томъ числѣ Ермоловъ, пробрались степью въ Астрахань*.

„Возвратившись въ Россію, онъ поступилъ въ составъ батальона Иванова, изъ коего въ послѣдствіи образовался 4-й артиллерійскій полкъ, въ которомъ, по мнѣнію графа Аракчеева, „у семи офицеровъ былъ лишь одинъ мундиръ“. (Д.)

Смоленскій губернаторъ сдѣлалъ доносъ на брата его (отъ одной матери) Каховскаго. Молодой Ермоловъ былъ взятъ и посаженъ въ крѣпость. Бумаги его были отвезены въ Петербургъ, и государь, найдя между ними описаніе похода 1794 г. разные планы сраженія, смилостивился надъ нимъ...

* О Грузіи и Австріи у меня большіе пробѣлы въ запискахъ, и надо ожидать дополненія изъ моей тетради, съ поправками самого Алексѣя Петровича, которую я все еще надѣюсь получить.

Ермоловъ долженъ былъ выслушать прощеніе въ Смоленскѣ отъ генерала Линденера. Ермолову вздумалось объясняться съ генераломъ и узнать отъ него, за что онъ былъ взятъ, и почему теперь прощенъ. Линденеръ, тогда больной, принялъ его въ постель, сказалъ ему что-то, и отпустилъ, но не успѣлъ воротиться онъ въ.... къ своимъ.... и латинскимъ авторамъ, какъ потребованъ въ Петербургъ.

Фельдъегеремъ, провожавшимъ его, случилось быть.....

Дорогою онъ *....

Въ Петербургѣ посаженъ онъ былъ въ крѣпость. Черезъ нѣсколько времени спросили его въ судную комиссію. Секретаремъ былъ Макаровъ, который прежде служилъ при его родственникѣ. Онъ очень удивился такой встрѣчѣ, и спросилъ Ермолова, какъ онъ попалъ подъ судъ, а тотъ еще меньше зналъ о причинѣ. Макаровъ, человекъ добрый, тотчасъ продиктовалъ ему посланіе, но Ермоловъ, переписывая, вставилъ какія-то выраженія, которыя не понравились, и онъ былъ посланъ на житье въ Кострому. Послѣ оказалось, что безсовѣстный Линденеръ написалъ на него Богъ знаетъ что. Между тѣмъ эта нелѣпная ссылка помѣшала Ермолову участвовать въ италіанской кампаніи, и взять нѣсколько уроковъ у такого учителя, каковъ былъ Суворовъ! Такъ судьба играетъ людьми. Одного недостойнаго она ведетъ и поддерживаетъ; другому бросаетъ камень на каждомъ шагу.....

Съ горя принялся Ермоловъ чигать и переводить Римскаго Цезаря, между тѣмъ какъ новый Цезарь и нашъ славный Суворовъ воинствовали одинъ послѣ другаго на его Альпахъ.

Онъ познакомился съ протоіереемъ и ключаремъ соборнымъ Егоромъ Арсеньевичемъ Груздевымъ, и началъ брать у него уроки латинскаго языка. Часто случалось Ермолову будить старика словами: „пора вставать, Титъ Ливій ждетъ ужь давно.“ „Еслибъ онъ принадлежалъ къ черному духовенству, говорилъ Алексѣй Петровичъ, давнымъ бы давно еще до того времени былъ архіереемъ. Но онъ не хотѣлъ притворяться, и честолюбіе не возмущало его души.“ ** (С.)

* Здѣсь въ моихъ запискахъ опять большіе пробѣлы.

** Ермоловъ остался навсегда любителемъ латинскаго языка. Переводачи съ этого языка онъ занимался даже, когда уже былъ генераломъ. „Въ походѣ по кѣмечинѣ скука была ужасная; попадешь въ иное мѣсто,

Въ Костромѣ же сидѣлъ тогда другой русскій молодецъ, Платовъ.

Попался онъ на гауптвахту въ Петербургѣ, вслѣдствіе какихъ-то отношеній къ любимцу Павлову, донскому генералу Денисову.

Сидя на гауптвахтѣ, увидѣлъ Платовъ сонъ, что на Дону ловить рыбу и поймалъ свою саблю. Черезъ нѣсколько дней въ самомъ дѣлѣ приносятъ ему прощенную саблю. Онъ въ радости схватилъ ее, обнажилъ и воскликнулъ: вотъ она!.. она оправдываетъ меня! Платовъ отправился къ оставленному имъ семейству, въ Москвѣ пошелъ помолиться въ соборъ, какъ вдругъ является къ нему фельдъегерь съ высочайшимъ повелѣніемъ ѣхать на житье въ Кострому. Радостное восклицаніе Платова было донесено, и этому воекличанію приданъ недобрый смыслъ.

Изгнанники часто проводили время вмѣстѣ и воображали, печальные, какъ на Альпійскихъ горахъ отличаются ихъ братья.

Платовъ былъ однако освобожденъ прежде Ермолова, и получилъ назначеніе идти въ Бухару. Сжалась судьба и надъ его товарищемъ. Ермоловъ былъ вхожъ въ домъ губернатора И. В. Ламба, который вскорѣ сдѣлался военнымъ министромъ. Домашніе его и родственники, оставшіеся въ Костромѣ, писали къ нему о печальной участи молодаго изгнанника.

Ламбъ отнесся просьбою къ всемогущему тогда Кутайсову, съ которымъ былъ женатъ на родныхъ сестрахъ (Рѣзвыхъ). Кутайсовъ принялъ участіе и велѣлъ Ермолову написать къ нему частное просительное письмо съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ.

Гордый Ермоловъ не согласился. Онъ не хотѣлъ освобожденіемъ своимъ быть обязаннымъ фавориту, предъ которымъ однакожь тогда все преклонялось,—примѣчательная черта въ характерѣ молодаго человѣка!

хуже каторги.* Переводы его однако не назначались для печати. Только однажды попечитель Московскаго учебнаго округа Писаревъ извѣстивъ въ какомъ-то журналѣ, что скоро появится въ свѣтъ его переводъ; но Алексѣю Петровичу не достало времени продолжать свой трудъ. Латинская конструкция часто отражается въ его слогахъ. Переведенный на Кавказъ, онъ уже не имѣлъ времени записаться посторонними предметами. (С.)

Императора Павла вскорѣ не стало. Въ первый день восшествія на престолъ Александръ велѣлъ освободить Ермолова вмѣстѣ съ прочими людьми, замѣшанными по дѣлу Каховскаго.

Ермоловъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу. Вотъ какъ въ своихъ запискахъ относится онъ о первоначальной своей службѣ, съ 1801 года.

„Исполнилось желаніе Россіи! восшелъ на престолъ нынѣ царствующій императоръ....

At vos incertam, mortales, funeris horam
Quaeritis, et qua sit mors aditura via.

Propertius.

„Множество несчастныхъ увидѣли конецъ бѣдствій, въ числѣ коихъ и я получилъ свободу. По справедливости время сіе могу я назвать возрожденіемъ, ибо на двадцать первомъ году жизни содержался я подъ карауломъ, какъ преступникъ, найденъ невиннымъ, и обращенъ, по именному повелѣнію, на службу; взятъ менѣе нежели чрезъ двѣ недѣли вторично, исключенъ изъ списковъ какъ умершій, заключенъ въ С.-Петербургскую крѣпость и въ послѣдствіи отправленъ въ ссылку въ Костромскую губернію, гдѣ начальствомъ объявлено мнѣ вѣчное пребываніе. Всемогушій во власти своей царямъ міра, равно какъ и намъ, положилъ предѣлъ жизни, и мнѣ суждено воспользоваться свободою. Радость заставила во мнѣ молчать всѣ другія чувства, одна была мысль—посвятить жизнь на службу государю, и усердію моему едва ли могло быть равное. Я пріѣзжаю въ Петербургъ, около двухъ мѣсяцевъ ежедневно скитаюсь въ военной коллегіи, наскучивъ всему міру секретарей и писцовъ. Наконецъ, докладъ обо мнѣ вносится государю, и я принятъ въ службу. Мнѣ отказанъ чинъ, хотя принадлежащій мнѣ по справедливости; отказано старшинство въ чинѣ, конечно не съ большою основательностію.

„Президентъ военной коллегіи, генералъ Ламбъ, весьма уважаемый государемъ, при всемъ желаніи, ничего не могъ сдѣлать въ мою пользу. Съ трудомъ получилъ я роту конной артиллеріи, которую колебались мнѣ повѣрить, какъ неизвѣстному офицеру между людьми новой категоріи. Я имѣлъ за прежнюю службу георгіевскій и владимирскій ордена, употреб-

левыя былъ въ войнѣ въ Польшѣ и противъ Персіанъ, находился въ концѣ 1795 г. при австрійской арміи въ приморскихъ Альпахъ. Но сіе ни къ чему мнѣ не послужило, ибо не извѣстенъ я былъ въ экзерциргаузахъ, чуждъ Смоленскаго поля, которое было школою многихъ знаменитыхъ людей нашего времени.“

Сообщу теперь драгоценныя отрывки изъ собственныхъ записокъ Алексія Петровича Ермолова, которые счастливый случай доставилъ мнѣ въ руки послѣ статейки моей въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Я пріѣзжаю въ Вильно (1802), гдѣ расположена была моя рота*. Людей множество, городъ пріятный, отовсюду стекаются насладиться краткимъ царствованіемъ Александра I, всѣ благословляютъ имя сего, и любви къ нему нѣтъ предѣловъ. Весело идетъ жизнь моя, служба льститъ честолюбію и составляетъ главнѣйшее мое упражненіе, всѣ страсти покорены ей. Мнѣ двадцать четвертый годъ; исполненъ усердія и доброй воли; здоровье всему противустоящее. Недостаетъ войны. Счастіе нѣкогда мнѣ благоприятствовало.

Мирное время продлило пребываніе мое въ Вильнѣ до конца 1804 года. Праздность дала мѣсто нѣкоторымъ наклонностямъ, и вашу, прелестныя женщины, испыталъ я очаровательную силу, вамъ обязанъ многими въ жизни пріятными минутами.

Я получилъ повелѣніе выступить изъ Вильна. Неблагодарное начальство меня преслѣдовало, и въ короткое время мнѣ назначены квартиры въ Либавѣ, Виндавѣ, Биржѣ, Гроднѣ и Кременцѣ на Водыни; я веду жизнь кочевую и долженъ былъ употребить всѣ способы, которые дала мнѣ служба при моей воздержности и бережливости. У меня рота въ хорошемъ порядкѣ, офицеры отличные, и я любимъ ими, и потому все казалось мнѣ сноснымъ, и служба единственное было благо.

1805 г. Проходя изъ мѣстечка Биржи, инспекторъ всей артиллеріи графъ Аракчеевъ сдѣлалъ въ Вильнѣ смотръ моей роты, и я, неблагоуразумно и дерзко возражая на одно изъ его замѣчаній, умножилъ неблаговоленіе могущественнаго начальника, что и чувствовалъ въ послѣдствіи. За годъ до того рапортомъ чрезъ частнаго инспектора просилъ я увольненія въ отставку, и чтобы воспользоваться оною за четыре мѣсяца до указаннаго времени, я предлагалъ оставить майоромъ, хотя почти

уже семь лѣтъ находился въ чинѣ подполковника. Я думаю, что подобной просьбы не бывало, и кажется, надлежало справиться о состояніи моего здоровья.

Спокойное Россіи состояніе прервано было участіемъ въ войнѣ Австріи противъ Французовъ....

Въ помощь Австріи пошелъ генералъ Голенщевъ-Кутузовъ, армія его должна была состоять изъ 50 т. ч....

Пришедши съ моею ротою къ Радзивилову, я уже не засталъ арміи и догонялъ ее ускоренными маршами, почему ѣхавшему генералу Кутузову изъ Петербурга попался я на дорогѣ, и онъ, осмотрѣвъ роту, два уже мѣсяца находившуюся въ движеніи, одобрилъ хорошій за нею присмотръ, ободрилъ привѣтствіемъ офицеровъ и солдатъ, разспросилъ о прежней моей службѣ, и удивился, что, имѣвши два знака отличія время Екатерины, я имѣлъ только чинъ подполковника при бывшихъ прощводствахъ прошедшаго царствованія. Онъ сказалъ мнѣ, что будетъ имѣть меня на замѣчаніи, приказалъ поспѣшить въ соединеніе съ арміею.

.....
 Такимъ образомъ армія наша собралась въ окрестностяхъ Браунау, и въ семь городѣ учредилась главная квартира. Авангардъ былъ въ Баваріи на 13 часахъ пути.

Извѣстно было, что собирается французская армія и уже не весьма въ далекомъ разстояніи отъ австрійской, почему войска наши получили маршруты до Ульма и мы готовились къ выступленію.

Генералу Кутузову представляютъ не молодого человека, имѣющаго сообщить ему важное извѣстіе. Могъ ли ожидать генералъ Кутузовъ, что то былъ самъ генералъ Маккъ съ извѣстіемъ о совершеннѣйшемъ уничтоженіи арміи, бывшей подъ его начальствомъ. Наполеонъ напалъ на австрійскую армію при Ульмѣ. Генералъ Маккъ, худо извѣщенный о движеніяхъ непріятеля, не довольно былъ остороженъ, войска его были разбросаны и собраться не успѣли. Внезапная атака такое произвела замѣшательство, что армія довольно многочисленная, въ хорошемъ весьма состояніи, вся по частямъ и почти безъ сопротивленія разбита была совершенно, и большею частію досталась въ плѣнъ, взята вся артиллерія и все обозы. Спаслись отъ пораженія небольшія части войскъ подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда, генераловъ Кинмейера и Мерфельда. Не

избѣжалъ пѣна и самъ генералъ Маккъ, но давши реверсъ не служить противъ Французовъ, онъ получилъ увольненіе и за паспортомъ ихъ отправился въ свои помѣстья. Перевязанная бѣлымъ платкомъ голова его давала подозрѣніе, что славнаго подвига сохраняетъ онъ по крайней мѣрѣ нѣкоторую память. Но онъ успокоилъ насчетъ опасности, объяснивъ, что отъ неловкости почтальфона онъ болѣе потерпѣлъ, нежели отъ непріятеля. Въ дорогѣ опрокинута была его карета и онъ ударился головою, такъ однакоже счастливо, что она сохранена на услуги любезному отечеству.

Узнавши всѣ подробности происшествія, генералъ Кутузовъ, поблагодаря генерала Макка за извѣстіе, съ нимъ расстался. Кажется, никому лучше нельзя повѣрить въ семъ случаѣ.

Генералъ Маккъ и то заслужилъ удивленіе, что скоростію путешествія своего предупредилъ и самую молву. Армія австрійская не имѣла на сей разъ расторопнѣйшаго бѣглеца!

Генералъ Кутузовъ напелся въ необходимости перемѣнить сдѣланныя имъ распоряженія и положеніе его часть отъ часу дѣлалось затруднительнѣе. Непріятель шелъ съ большою скоростію, и уже не въ далекомъ находился разстояніи. Быстрое отступленіе было единственнымъ средствомъ, но съ нами была вся тяжелая артиллерія, госпитали и обозы. Дабы сколько возможно облегчить войска при отступленіи, приказано всѣ тягости отправить обратно, но г. Кутузовъ съ войсками оставался въ Браунау, ожидая присоединенія австрійскихъ войскъ, спасшихся отъ пораженія при Ульмѣ.

Наконецъ вышли мы изъ Браунау и началось знаменитое отступленіе, которому и самъ непріятель не отказалъ въ удивленіи.

Конная моя рота и еще двѣ пѣшей артиллеріи въ моей командѣ, не принадлежа никакой части войскъ, оставались въ особенномъ распоряженіи главнокомандующаго, какъ резервъ артиллеріи. Сіе особенное благоволеніе, привязывая меня къ главной квартирѣ, дѣлало послѣднимъ участникомъ при раздачѣ продовольствія людямъ и лошадямъ, и тогда какъ способы вообще были для всѣхъ недостаточны и затруднительны, а мнѣ почасту и вовсе были отказываемы, то, побуждаемый голодомъ, просилъ я о присоединеніи моей

команды къ которымъ-нибудь изъ войскъ. Мнѣ въ сѣмъ было отказано. Австрійскій генералъ Кинмейеръ, не имѣя при войскахъ конной артиллеріи, просилъ о присоединеніи къ онымъ моей роты, и я долженъ признаться, что совсѣмъ не жалѣлъ, когда главнокомандующій не изъявилъ на то согласія, ибо лучше хотѣлъ я терпѣть вмѣстѣ съ товарищами.

Октября 22, при мѣстечкѣ Амштеттенъ (гдѣ Багратионъ повесъ большой уронъ), Милорадовичъ приказалъ конницѣ ударить на колеблющагося непріятеля, и Маріупольскаго гусарскаго полка подполковникъ Игельстромъ, офицеръ блистательной храбрости, съ двумя эскадронами стремительно врѣзаясь въ пѣхоту, отбросилъ непріятеля далеко назадъ, и уже гусары ворвались на батарею. Но одна картечь—и однимъ храбымъ стало менѣе въ нашей арміи. Послѣ смерти его разсыпались его эскадроны и непріятель остановился въ бѣгствѣ своемъ. За два дня предъ тѣмъ, какъ добрые пріятели, дали мы слово одному воспользоваться случаемъ дѣйствовать вмѣстѣ, и я лишь только узналъ о данномъ ему приказаніи атаковать, бросился къ нему на помощь съ конною моею ротою, но уже не засталъ его живаго, и только оставивъ непріятеля движеніе, далъ способъ эскадронамъ его собраться и удержаться на мѣстѣ.*

Я продолжалъ канонаду, а между тѣмъ устроились къ атакѣ гренадерскіе батальоны Аншеровскаго и Смоленскаго полковъ, и самъ Милорадовичъ повелъ ихъ въ штыки. Ободренные присутствіемъ начальника, гренадеры ударили съ рѣшительностію, и непріятель, далеко прогнанный, открылся въ лѣсъ и не смѣлъ показаться.

При Амштеттенѣ въ первый разъ былъ я въ сраженіи противъ Французовъ, и въ службу мою въ первый разъ съ конною артиллеріей, которой употребленіе я столько же мало зналъ, какъ и всѣ другіе. Возможность двигать ее удобнѣе прочей артиллеріи истолковала мнѣ обязанности посѣвовать всюду, и потому я попалъ съ гусарами. Впрочемъ мнѣ удалось предупредить непріятеля, и я, занявъ одно возвышеніе, не допустилъ устроить батарею, которая могла дѣлать намъ большой вредъ.

* Въ одномъ изъ журналовъ обстоятельно описано сіе происшествіе.

Генералъ Милорадовичъ чрезвычайно благодарилъ меня, конечно не за исполненіе его приказаній, ибо удачное дѣйствіе принадлежало случаю, и я смѣю подозрѣвать, что ему не легко было бы приказать что лучшее; не менѣе того мнѣ, какъ офицеру неизвѣстному, весьма пріятно было, что начальникъ отзывается съ похвалою.

По отступленіи арміи къ Кремсу, арріергардъ генерала Милорадовича остался при самомъ раздѣленіи дорогъ, дабы сколько возможно продлить невѣдѣніе непріятели о направленіи нашей арміи. Его усилили конницею, и князю Багратиону приказано находится въ самомъ ближайшемъ разстояніи. Передовые посты наши изъ венгерскихъ гусаръ довольно далеко впереди занимали между лѣсами выгодное расположеніе, и непріятель не могъ видѣть ни малочисленности нашихъ, ни занимаемаго нами мѣста. Съ передовыхъ постовъ дано знать, что присланъ парламентеръ, объявляющій желаніе начальника французскаго авангарда переговорить о дѣлѣ съ генераломъ Милорадовичемъ. Пріѣхавши на мѣсто, Милорадовичъ не засталъ уже французскаго генерала, который, долго дожидавшись, отправился въ свой лагерь, оставивъ капитана съ даннымъ отъ него порученіемъ. Послѣ довольно несвязнаго разговора, французскій капитанъ сдѣлалъ предложеніе свести передовые наши посты, присоединяя обѣщанія, что они въ продолженіи дня со стороны своей ничего не предпримуть. Отвратительная наружность негодіатора опредѣляла мѣру заслуживаемаго имъ довѣрія. Милорадовичъ, исполненный мечтаній объ офицерскихъ блаженныхъ временахъ, когда на каждомъ перекресткѣ встрѣтившійся выставлялъ себя за образецъ чести и добродѣтели, гдѣ между неизвѣстными заключались вѣчныя узы дружбы и малѣйшее сомнѣніе въ вѣрности было преступленіемъ, Милорадовичъ не дерзнулъ оскорбить рыцаря недовѣріемъ къ словамъ его, и, какъ должно, не спросивъ его о имени, приказалъ снять посты. Я былъ свидѣтелемъ сего свиданія и подозрѣвалъ, что намъ выгоднѣе бы было имѣть дѣло вмѣсто Наполеона съ Францискомъ I. Только что стали мы приближаться къ своему лагерю, какъ получили извѣстіе, что, когда оставили мѣста свои войска, составлявшія передовую стражу, и начали собираться, непріятель напалъ на нихъ въ большихъ силахъ.

преслѣдуетъ уже нѣ въ дальнемъ разстояніи, и что вслѣдъ идетъ не малое число войскъ. Вскорѣ появился непріятель и занялъ всѣ окрестныя возвышенія, такъ что въ виду его отступленіе дѣлалось весьма опаснымъ. Не зная, кто умѣлъ склонить Милорадовича отмѣнить приказаніе послать помощь отступающимъ гусарамъ, ибо иначе произошло бы дѣло, по неудобству мѣстоположенія, для насъ безъ сомнѣнія не выгодное. Итакъ, не выходя изъ лагеря, устроились мы въ боевой порядокъ и приготовились къ отраженію. Непріятель двинулъ сильную пѣхоту на правой нашъ флангъ, слабѣйшій положеніемъ, и заставилъ насъ обратить въ ту сторону и силы наши и вниманіе, а въ то самое время противъ лѣваго нашего крыла большимъ отрядомъ кавалеріи произвелъ обзорнѣе въ тылу нашемъ, гдѣ не могло укрыться отъ него, что кромѣ войскъ князя Багратіона, не имѣли мы другаго подкрѣпленія. По счастію нашему, непріятель не могъ прежде вечера кончить обзорнѣе, по той причинѣ, что кавалерія его принуждена была сдѣлать большой обходъ вокругъ лѣса, мимо коего кратчайшій путь лежалъ подъ выстрѣлами нашихъ батарей. Итакъ наставшій вечеръ не допустилъ ничего предпринять рѣшительнаго, и Милорадовичъ избавился наказанія за непростительную ошибку, которую надобно было поправить потерю многихъ головъ. Непріятель не засталъ бы головы у Милорадовича, ибо, не взирая на безстрашіе, она была въ величайшемъ замѣшательствѣ. Въ полночь разложивъ весьма большіе огни, мы безпрепятственно отступили, и я признаюсь, что не менѣ радъ былъ многихъ.

На другой день, по прибытіи въ Кремль, заняли мы аррьергардомъ предмѣстье Штейнъ. Маршалъ Мортъе... приблизился къ самымъ вратамъ города и началась весьма горячая перестрѣлка.

Главнокомандующій располагалъ дать войскамъ отдохновеніе и нужно было исправить одежду и обувь солдатамъ, поврежденныя непрерывными дождями въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, и для того нельзя было терпѣть непріятеля въ столь близкомъ разстояніи. Генералъ Милорадовичъ получилъ повелѣніе атаковать его и одна неустрашимость и предпримчивость его могли восторжествовать!

Артиллерія по неудобству мѣстоположенія мало была въ употребленіи, и потому во все время сраженія находился я при генералѣ Милорадовичѣ, и могу судить, что оно въ своемъ родѣ было одно изъ жесточайшихъ, и войска наши оказали возможной степени мужество. Рѣшительное окончаніе дѣла произведено искуснымъ направленіемъ войскъ, въ командѣ генерала Дохтурова бывшихъ; но генералу Милорадовичу, по справедливости, принадлежитъ большее участіе въ успѣхѣ, ибо до того сблизъ онъ непріятеля со всѣхъ высотъ, ближайшихъ къ городу, не взирая на твердость его позиціи.

....Вокорѣ послѣ сраженія получено извѣстіе, что непріятель овладѣлъ Вѣною безъ сопротивленія.

....Главнoкомандующій ускорилъ отступленіе.... и мы отъ стороны Вѣны не опасались уже быть отрѣзанными. Дабы избѣжать сраженія всѣми силами и по превосходству непріятеля не подвергнуться, безъ всякаго сомнѣнія, пораженію, главнoкомандующій рѣшился противопоставить непріятелю арріергардъ князя Багратіона, и онъ оставленъ близъ города Голабруна (откуда удачно совершилъ отступленіе).

....Главнoкомандующій прошелъ городъ Брюннъ и соединился съ арміей графа Буксегвена. Государь вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ находится въ крѣпости Ольмюць....

Такимъ образомъ въ происшедшихъ съ непріателемъ дѣлахъ, во все время ототупленія отъ Браунау и до Брюнна, генералъ Кутузовъ, противъ многочисленныхъ силъ пріобрѣтши успѣхи при Ламбахѣ и Амштеттенѣ, и совершенную побѣду при Кремсѣ, довелъ войска есаи нѣсколько и утомленныя быстротою движенія, но съ наилучшимъ духомъ и ничего не потерявши, кромѣ одной пушки при Ламбахѣ. Сія ретирада по справедливости поставляется въ числѣ знаменитыхъ военныхъ событій нынѣшняго времени. Между соединившимся арміями приметна была чрезвычайная разность. Пришедшая изъ Россіи была совершенно сбережена и въ наилучшемъ устройствѣ. Наша напротивъ потерпѣла отъ продолжительныхъ трудовъ, изнемогла отъ недостатка продовольствія, отъ ненастнаго времени глубокой осени. Одежда войскъ истреблена была на бивуакахъ, обуви почти вовсе

не было. Самые чиновники были въ различныхъ и даже смѣш-
ныхъ нарядахъ.

Государь выѣхалъ на встрѣчу арміи, и судя по привѣт-
ствіямъ, которыми удостоилъ многихъ, казалось, доволенъ
былъ службою храбрыхъ и вѣрныхъ войскъ его. Между про-
чими изъявилъ и мнѣ за службу благоволеніе. (Ермоловъ въ
продолженіи этого отступленія приобрѣлъ полную благосклон-
ность главнокомандующаго, такъ что получилъ прозваніе въ
арміи: *l'enfant gâté du général.*) Государь приказалъ дать ар-
міи отдохновеніе.

Арміи по соединеніи расположились у самой крѣпости
Ольмюцъ...

...Въ Ольмюцѣ нашелъ я инспектора всей артиллеріи, гра-
фа Аракчеева, въ томъ же могуществѣ при государѣ, съ
тѣмъ же ко мнѣ неблагорасположеніемъ, не взирая на лест-
ное свидѣтельство главнокомандующаго на счетъ мой. Едва
имѣлъ я къ нему доступъ и никогда ни малѣйшаго ободре-
нія, тогда какъ многимъ другимъ оказывалъ онъ сильное
свое покровительство. Тутъ по сравненію выгодъ, приобрѣ-
тенныхъ другими, почувствовалъ я, какъ невыгодно не нра-
виться сильному начальнику, который и то считаетъ за бла-
годѣяніе, что, утѣшая невинно, не погубляетъ!

Арміи наши получили повелѣніе выступить впередъ. Ге-
нераль Кутузовъ былъ противнаго мнѣнія и разсужденія на
сей предметъ были различныя... По малому значенію, или,
лучше сказать, по совершенному незначенію моему въ ар-
міи, не могъ я знать точныхъ намѣреній начальства, но об-
щая молва была, что государь несогласенъ съ мнѣніемъ г.
Кутузова и согласился на предложенія Австрійцевъ.

Я съ конно-артиллерійскою ротой находился при кавале-
рійской дивизіи генераль-адъютанта Уварова, которая предъ
нѣкоторою частью арміи составляла передовое войско. На
четвертый день около вечера (по дорогѣ къ Брюнну) встрѣ-
тились мы съ непріятельскою кавалеріей въ малыхъ силахъ;
перестрѣлка была незначущая, и кавалерія прогнана. Тем-
нота ночи остановила насъ на вершинахъ одного возвыше-
нія въ хорошемъ мѣстоположеніи. Не далеко позади стала
на бивуакахъ вся армія. Впередъ насъ изрѣдка видны были
непріятельскіе огни, которые, казалось, означали цѣпь пере-

довой стражи. Въ арміи былъ слухъ, и почти всѣ вѣрили, что непріятель уходитъ. Около полуночи у подошвы возвышенія, на которомъ стояла наша дивизія, въ одно мгновеніе загорѣлись огни, охватившіе большое пространство. Мы увидали обширные бивуаки и движеніе великаго числа людей, что наиболѣе утвердило многихъ во мнѣніи, что непріятель не ищетъ даже скрывать своего отступленія. Напротивъ того нѣкоторымъ казалось сіе подозрительнымъ. Мы узнали вскорѣ, что огни означали торжество въ честь Наполеона и зажжены были въ его присутствіи.

Генераль-адъютантъ Уваровъ позванъ былъ въ главную квартиру, откуда возвратился въ скоромъ времени. Немедля за нимъ присланъ офицеръ съ „диспозиціею“ на нѣсколькихъ листахъ, наполненною трудными названіями селеній, озеръ, рѣкъ, долинъ и возвышеній, и такъ запутанною, что ни помнитъ, ни понимать не было никакой возможности. Списать не было позволено, ибо надобно было успѣть прочесть многимъ изъ начальниковъ и весьма мало было экземпляровъ. Я признаюсь, что выслушавъ оную, столько же мало получилъ о ней понятія, какъ бы и совсѣмъ не подозрѣвалъ о ея существованіи. Одно то ясно было, что назавтра атакуемъ мы непріятеля.

Еще до разсвѣта выступила армія, опасаясь, повидимому, чтобы непріятель не успѣлъ уйти далеко. Войска на маршѣ должны были войти въ мѣста, по „диспозиціи“ для нихъ назначенныя, и потому начали колонны встрѣчаться между собою и проходить одна сквозь другую, отъ чего произошелъ беспорядокъ, который ночное время болѣе умножало. Войска разорвались, смѣшались, и конечно, не въ темнотѣ удобно имъ было отыскивать мѣста свои. Колонны пѣхоты, состоящія изъ большаго числа полковъ, не имѣли при себѣ ни челоуѣка конницы, такъ что не кѣмъ было открыть, что происходитъ впереди, или узнать, что дѣлаютъ и гдѣ находятся ближайшія войска, назначенныя къ содѣйствію. Генераль Милорадовичъ въ моихъ глазахъ выпросилъ по знакомству у одного шефа полка двадцать гусаръ для необходимыхъ посылокъ. Къ сему прибавить надобно, что ни одна изъ колоннъ не имѣла впереди себя авангарда. Общій авангардъ всей арміи находился весьма мало впереди и на самой конечности праваго фланга, такъ что собою не закрывалъ онъ ни одной колонны, и армія въ движеніи своемъ совершенно

была открыта. Дивизія генераль-адъютанта Уварова отведена была далеко назадъ, чтобы потомъ перейти ближе къ правому флангу, гдѣ вся почти кавалерія соединена была особенно.

Такимъ образомъ колонны подвигались впередъ въ полной безопасности, и между ними допущены были большія пространства, въ томъ предположеніи, что, приближаясь къ неприятелю, войдутъ онѣ въ надлежащее боевое устроеніе.

Съ началомъ дня, когда полагали мы себя еще въ довольнономъ разстояніи отъ неприятеля и думали поправить нарушенный темнотою ночи порядокъ, мы увидѣли всю французскую армію, стоящую въ боевомъ порядкѣ, и между нами не было двухъ верстѣ разстоянія.

Изъ сего заключить можно, сколько достовѣрныя мы имѣли извѣстія объ отступленіи неприятеля, и чѣмъ обязаны премудро начертанной австрійской диспозиціи, которая болѣе похожа была на топографическое описаніе Брюннскаго округа, нежели на начертаніе порядка, приготавливающаго цѣлую армію къ бою.

Совершенная готовность неприятеля доказываетъ, что онъ предувѣдомленъ былъ о нашемъ предпріятіи, ибо не почиталъ за нужное открывать слѣдованія нашего, и даже до самой занимаемой имъ позиціи не было ни одного пикета. Войска его оставались въ бездѣйствіи, удивленнымъ явленіемъ, ибо трудно было предположить, чтобы могла армія въ присутствіи неприятеля, устроеннаго въ боевомъ порядкѣ, совершать подобное движеніе, не имѣя какого-нибудь хитраго замысла. Къ тому же неровности мѣстоположенія скрывали силы наши. Когда же перешли мы болотистый и тонкій ручей, и многія изъ колоннъ вдали въ селенія, лежація между озеръ по низменной долинѣ, простирающейся до подошвы занимаемыхъ неприятелемъ возвышенностей, когда обнаружались всѣ наши силы и несоразмѣрные между колоннъ промежутки, открылся ужасный съ батарей огонь, и неприятель двинулся къ намъ на встрѣчу, сохраняя всегда выгоду возвышеннаго положенія. Нѣкоторыя изъ колоннъ нашихъ въ слѣдованіи ихъ были атакованы во флангъ, и не имѣли времени развернуться. Другія хотя и устроили полки свои, но лишены будучи содѣйствія и помощи другихъ войскъ, или даже окруженныя, не могли удержаться противъ превосходныхъ силъ, и въ самое короткое время много части

армія нашей приведены были въ ужаснѣйшее замѣшательство. Самыя начала дѣйствій, собственно по предположенію, что непріятель въ отдаленіи, и войска успѣютъ соединиться, не согласовались съ диспозиціей, а потому и перемѣны необходимо не соответствовали предназначенной дѣла. Дѣйствія одѣлались частными, связи между войска не существовало, и сблизиться онѣ не имѣли возможности. Пространства между ними столько были велики, что гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ его высочества цесаревича, назначенный составлять резервъ, долженъ былъ при самомъ началѣ сраженія вступить въ первую линію, и по необходимости столько занять мѣста, что не могъ онъ отдѣлать ничего на составленіе второй линіи. Лѣвый флангъ, подъ командою генерала графа Буксегвена, занимая ту самую высоту, гдѣ прежде находилась дивизія генераль-адъютанта Уварова, удерживалась довольно долго и отступилъ съ меньшею потерею людей, но батарейныя 24 орудія, бывшія въ долинѣ, и часть пѣхоты у ихъ прикрытія достались во власть непріятеля. Изломавшійся подъ переднимъ орудіемъ мостъ остановилъ прочія въ слѣдованіи. Колонны, находившіяся въ центрѣ: генерала Милорадовича—по долгомъ сопротивленіи, разсыяна,—генераль-лейтенанта Пршибышевскаго, неосторожно проходя селеніе, окружена, и потерпѣвъ большой уронъ, чрезвычайно много потеряла пѣхотными, въ числѣ коихъ и самъ попался начальствующій колонною, — генераль-лейтенанта графа Ланжерона, по неудобству мѣста, не долго сопротивляясь, также много потеряла. Полки лейбъ-гвардіи сдѣлали нѣсколько удачныхъ атакъ, но въ нихъ не было связи, и люди, не обыкшіе къ войнѣ, увлечены будучи храбростію и бесполезно истощивъ усилія, понесли большой уронъ. Съ отличною неустрашимостію дѣйствовали полки кавалергардскій и конной гвардіи, и часть сего послѣдняго, врубившись въ конницу, взяла одного орла, но общій испытанъ жребій, была опрокинута съ потерею.

Непріятель, одержавъ сіи успѣхи, умножилъ войска свои противъ авангарда князя Багратіона, расположеннаго на конечности праваго фланга, и противъ кавалерійскихъ дивизій генерала-лейтенанта Эссена 2-го и генераль-адъютанта Уварова, которые до того сохранили мѣста свои единственно по той причинѣ, что непріятель, обративъ вниманіе въ другую сторону, ихъ истребленіе опредѣлялъ въ послѣдствіи.

Вся сія кавалерія состояла въ командѣ австрійскаго генерала князя Лихтенштейна. Многіе изъ полковъ врубилась въ непріятельскія войска, но должны были уступить превосходнымъ силамъ.

При самомъ началѣ сраженія, генераль-майоръ Меллеръ-Закомельскій съ уланскимъ полкомъ его высочества цесаревича сдѣлалъ блистательную атаку, опрокинулъ противоставшую кавалерію, разсѣялъ часть ближайшей пѣхоты, но тяжелая его рана пресѣкла его успѣхи, оставила его во власти непріятеля у самыхъ пушекъ, которымъ угрожала его храбрость, и полкъ разсѣянный обратился. Въ кавалерію нашей, точно какъ и въ другихъ войскахъ, дѣйствія по большей части были частныя, безъ всякаго взаимнаго вспомоствованія. Итакъ, съ одного крыла и до другаго, войска наши по очереди одни послѣ другихъ были разстроены, опрокинуты и преслѣдуемы. Потеря наша наиболѣе умножилась, когда войска стѣснились у канала чрезвычайно тонкаго, на которомъ мало было мостовъ, а иначе, какъ по мосту, перейти черезъ оный невозможно. Здѣсь бѣгущая конница наша бросилась въ бродъ и потопила много людей и лошадей, а я, оставленный полками, при коихъ я находился, остановилъ свою батарею, предполагая дѣйствіемъ оной удержать преслѣдующую насъ конницу. Первые орудія, которыя могъ я освободить отъ подавляющей ихъ собственной кавалеріи, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, были взяты, люди переколоты и я достался въ плѣнъ *. Дивизія генераль-адъютанта Уварова, столпившись у моста, имѣла время осмотрѣться, что она бѣжала отъ малаго числа непріятеля, и что главныя его силы, остановившись на возвышеніяхъ, не спускались въ долину. Прогонявшіе насъ были обращены въ бѣгство и истреблены, и мнѣ чрезъ самое короткое время возвращена свобода, когда уже я былъ близко отъ французской линіи. Я обязанъ свободою Елисаветградскаго гусарскаго полка полковнику Василю Ивановичу Шау **, который догналъ меня съ

* Въ разказѣ Д. В. Давыдова это происшествіе описано такъ: „въ Аустерлицкомъ сраженіи рота его была окружена непріятелемъ со всѣхъ сторонъ, прислуга 4-хъ орудій была изрублена, другія три орудія, уязвленія въ грязи, были также взяты Французами, и самъ Ермоловъ, подъ которымъ была убита лошадь, взятъ въ плѣнъ“. Замѣтимъ, что Ермоловъ въ своихъ запискахъ не говоритъ объ убитой подъ нимъ лошади.

** Давыдовъ приписываетъ освобожденіе Ермолова еще графу Орурку.

нѣсколькими человекѣми Харьковскаго драгунскаго полка. При немъ не было ни одного человекѣ полка, къ которому онъ принадлежалъ, почему судить должно о безпорядкѣ.

Присоединясь къ остаткамъ истребленной моей роты, яшелъ я дивизію въ величайшемъ безпорядкѣ у подошвы холма, на коемъ находился государь. Холмъ занятъ былъ лейбъ-гренадерскимъ полкомъ и одною ротою гвардейской артиллеріи, которые не участвовали въ сраженіи, и потому сохранили устройство. При государѣ почти никого не было изъ приближенныхъ, на лицѣ его изображалась величайшая горестъ, глаза были наполнены слезами. Здѣсь можно было видѣть части почти всей арміи, и если премудрая „диспозиція“ насъ раздѣлила, то бѣгство соединило многихъ. На мѣстѣ сраженія оставили мы болѣе шестидесяти орудій, и армія отступила. Войска генерала князя Багратіона потерпѣли уронъ несравненно менѣе прочихъ; часть пѣхоты его приведена была въ замѣшательство непріятельскою командою, но она, не будучи поддержана въ своихъ успѣхахъ, дорого поплатилась за свою дерзость, тѣмъ не менѣе однакоже потеряло нѣсколько пушекъ. Изъ сихъ войскъ составлялъ арріергардъ въ командѣ князя Багратіона. На прямѣйшей дорогѣ къ городу Аустерлицу, чрезъ который должны были проходить наши войска, учрежденъ большой постъ, который порученъ мнѣ въ команду, вѣроятно потому, что никто не желалъ принять сего непріятнаго назначенія. Постъ сей состоялъ изъ одной роты лейбъ-гренадерскаго полка, одной сотни лейбъ-казаковъ, одного эскадрона спѣшенныхъ драгунъ Черниговскаго полка, одного эскадрона лейбъ-кирасирскаго ея величества, одного эскадрона Елисаветградскаго гусарскаго полковъ и двухъ орудій конной артиллеріи. Приказано разложить большіе огни и пѣть пѣсни. Сего послѣдняго не было исполнено, ибо не было расположенія къ веселости.

По счастію нашему, время клонилось къ вечеру, и непріятель далѣе болотистаго канала насъ не преслѣдовалъ.

Я съ отрядомъ войскъ обязанъ спасеніемъ тому презрѣнію, которое имѣлъ непріятель къ малымъ моимъ силамъ, ибо къ совершеннѣйшей побѣдѣ не могъ онъ желать прибавить нѣсколько сотенъ пѣхотныхъ. Но когда нуженъ былъ ему водопой, онъ довольствовался тѣмъ, что отогналъ передовую мою стражу отъ канала. Я долженъ былъ высушивать музыку, пѣсни и радостные клики въ непріятельскомъ лагерѣ. Насъ

дразнили русскими кликомъ ура! Предъ полуночью я получилъ приказаніе отойти, что должно было послѣдовать гораздо прежде, но посланный офицеръ ко мнѣ не доѣхалъ. Въ городкѣ Аустерацъ, давшемъ имя незабвенному сраженію, нашелъ я арріергардъ князя Багратиона, который не хотѣлъ вѣрить, чтобы могли держать меня одного въ 6 верстахъ впереди, и не восхитился симъ распоряженіемъ генералъ-адъютанта Уварова. Прошедши далѣе четыре версты, прибылъ я къ арміи, но еще не все оной части собраны были, и о нѣкоторыхъ даже не было извѣстія, безпорядокъ дошелъ до того, что въ арміи, казалось, полковъ не было, видны были разныя толпы. Государь не зналъ, гдѣ былъ главнокомандующій генералъ Кутузовъ, а сей безпокоился насчетъ государя. Я долженъ былъ явиться генералъ-адъютанту Уварову, и сей былъ въ восхищеніи, что украшеннымъ донесеніемъ могъ придать важность отряду его собственнаго изобрѣтенія.

Не дожидаясь присоединенія оторвавшихся частей, армія въ продолженіи ночи пошла далѣе. На разсвѣтъ стали собираться разбросанныя войска, и около 10 часовъ утра появилась непріятельская кавалерія, наблюдавшая за нашимъ отступленіемъ. Въ сей день, по причинѣ совершеннаго изнуренія лошадей, оставили мы на дорогѣ не менѣе орудій, какъ и на мѣстѣ сраженія.

Вскорѣ узнали мы, что австрійскій императоръ заключилъ перемиріе съ Наполеономъ, обязавшись немедленно приступить къ переговорамъ о мирѣ, и мы уже не могли ожидать вспомоствованія Австрійцевъ.

Армія наша прибыла въ мѣстечко Голицъ на границѣ Венгріи, чрезъ которую предежалъ намъ путь. Отвсюду окружены мы были французскими отрядами конницы, и арріергардъ нашъ находился уже въ самомъ близкомъ разстояніи отъ арміи, дабы не подвергнуться опасности быть отрѣзаннымъ.

Въ перемиріи, заключенномъ съ австрійскимъ императоромъ, упомянуто было, что Русскіе безпрепятственно отступаютъ въ свои предѣлы, но время и направленія были назначены, что у Французовъ называются, à journées d'étapes.

Кажется, въ семъ свисходительномъ позволеніи не имѣли мы нужды, ибо непріятель слѣдовать за нами въ такую страну, какова Венгрія, и въ позднее время осени, не могъ.

Не могъ также быть увѣреннымъ, чтобъ Австрія, имѣя въ готовности армію эрцгерцога Карла и войска эрцгерцога Фердинанда, расположенныя въ Цваймѣ, не усмотрѣла выгоды перервать перемиріе, чѣмъ Наполеона поставило бы въ самое затруднительное положеніе.

Я не описалъ Аустерлицкаго сраженія съ большою подробностію, ибо сопровождали его обстоятельства столько страшныя, что я не умѣлъ дать ни малѣйшей связи происшествіямъ. Случалось мнѣ слышать разсужденія о семъ сраженіи многихъ достойныхъ офицеровъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ яснаго о немъ понятія, и только согласовались въ томъ, что никогда не были свидѣтелями подобнаго событія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣдствіи составятся описанія, но трудно будетъ дать имъ полную довѣренность, и скорѣе могутъ быть съ точностію опредѣлены частныя дѣйствія, нежели соотношенія ихъ между собой и согласованія дѣйствій со временемъ. О сраженіи Аустерлицкомъ (можно, кажется, сказать), что каждой части войскъ предоставлено было дѣйствовать отдѣльно, съ условіемъ притомъ, ни себѣ не ожидать, ни другимъ не давать вспоможенія, и для лучшаго успѣха полезно было бы даже забыть, что на томъ же самомъ полѣ и въ то же самое время были еще другія русскія войска.

Такъ раздѣленныхъ насъ и лишенныхъ взаимнаго вспоможенія предоставила судьба предъ лицомъ непріятеля, и онъ, трепещущій имени русскаго, осмѣлился быть побѣдителемъ!

Non adeo has exosa manus victoria fugit.

Virgilius.

Въ половинѣ января мѣсяца 1806 г. армія наша, возвратясь въ свои предѣлы, расположилась на квартирахъ въ Волынской губерніи.

Я съ ротою моею отправленъ въ 3-ю дивизію генерал-лейтенанта барона фонъ-дерь-Остенъ-Сакена, расположенную окло мѣстечка Шавель Виленской губерніи.

Въ непродолжительномъ времени вышли за прошедшую войну награды. Многие весьма щедрыя получили за одно сраженіе при Аустерлицѣ, мнѣ за дѣла во всю кампанію данъ орденъ Св. Анны второй степени, ибо ничего нельзя было

дать мѣнѣ. Напослѣдокъ по отличному отзыву обо мнѣ главнокомандующаго и ходатайству генераль-адъютанта Уварова, я произведенъ въ полковники, обойдя одного старѣе меня въ чинѣ. По расположенію ко мнѣ начальства, я долженъ былъ и то принять за величайшую награду, хотя въ одномъ чинѣ былъ я безъ малаго девять лѣтъ.

...Въ помощь Пруссіи назначена армія подѣ начальствомъ генерала барона Беннигсена. Въ составъ сей арміи поступили свѣжія войска, не бывшія въ прошедшемъ походѣ, и она состояла изъ 2-й дивизіи генераль-майора графа Остермана Толстаго, 3-й генераль-лейтенанта барона фонъ-дер-Остенъ-Сакена, 4-й генераль-лейтенанта князя Голицына, 6-й генераль-майора Седморацкаго. Кавалерія непосредственно принадлежала дивизіямъ, но по обстоятельствамъ отдѣляемая отъ оныхъ, составлялась особыми частями.....

Подѣ начальство генерала графа Буксегвдена поручена другая армія, также изъ четырехъ дивизій состоящая.....

Наполеонъ... при городѣ Ауерштедтѣ совершенно разбилъ прусскія войска... пошелъ съ арміею къ Варшавѣ, извѣщенъ будучи о приближеніи къ ней нашихъ войскъ.

Въ Бялостокѣ сошлись (наши) арміи, и начальствующие имъ, не будучи пріятелями прежде, встрѣтились совершенными злодѣями.....

Наполеонъ занялъ Варшаву.

Въ сіе время прибылъ къ командованію обѣими арміями генераль-фельдмаршалъ графъ Каменскій. Опытный начальникъ при первомъ взглядѣ увидѣлъ, сколько опасно положеніе войскъ нашихъ, разсыпанныхъ на большомъ пространствѣ. Онъ приказалъ поспѣшнѣе собрать войска. Близость непріятеля не допускала сдѣлать того иначе, какъ отступивши нѣкоторое разстояніе.

Армія наша начала сосредоточиваться отступая... не могли однакоже нѣкоторыя части войскъ избѣжать неравной борьбы съ непріятелемъ.... При мѣстечкѣ Дюпачивъ атаковалъ

валъ былъ превосходными силами генералъ-майоръ графъ Паленъ (Петръ Петровичъ). Онъ шелъ на сборное мѣсто дивизіи и отъ оваго находился не болѣе одной мили съ половиной. Столько не безопасны были сообщенія между войска нашихъ. Графъ Паленъ имѣлъ къ отступленію кратчайшую дорогу на мѣстечко Голыминъ, и ту выгоду, что лѣсистыя мѣста препятствовали неприятелю дѣйствовать многими силами, а сверхъ того въ Голыминѣ онъ могъ найти наши войска. Но должно отдать справедливость благоразумной предусмотрительности его, что, не взирая на большія гораздо трудности, онъ взялъ направленіе на отрядъ генералъ-майора Чаплица, расположенный у мѣстечка Цехановъ, который иначе былъ бы отрѣзанъ и въ послѣдствіи могъ быть уничтоженъ. При семъ отрядѣ находился я съ тремя ротами артиллеріи, и легко могъ видѣть, что направленіе его на Цехановъ не приносило никакой пользы, но было слѣдствиемъ одного неблагоприятнаго распоряженія графа Буксгевдена. Фельдмаршалъ, узнавъ о томъ и сдѣлавъ строгое замѣчаніе за неслѣдственное раздробленіе силъ, приказалъ отряду немедленно возвратиться, но уже мы были на мѣстѣ, и утомленные грязною чрезвычайно дорогою, не могли тотчасъ выступить обратно. По счастью, генералъ графъ Паленъ искуснымъ сопротивленіемъ продлилъ сраженіе и не прежде присоединился къ отряду генерала Чаплица, какъ уже поздно вечеромъ, и потому неприятель не могъ воспрепятствовать намъ соединиться съ войсками при мѣстечкѣ Голыминѣ. Когда на другой день возвращались мы къ оному, неприятель проходилъ по той прямой дорогѣ, о которой сказалъ я выше, но мы однимъ часомъ времени его предупредили.

Прибывъ въ Голыминъ 14 числа декабря, наши мы 7-ю дивизію генералъ-лейтенанта Дохтурова, 5-ю генералъ-лейтенанта Тучкова, 1-ю и часть 4-й дивизію генералъ-лейтенанта князя Голицына изъ арміи генерала Беннигсена.

Неприятель началъ перестрѣлку. Войска его были въ малыхъ силахъ, и по большей части состояли изъ кавалеріи подъ начальствомъ принца Мюрата. Ужасное превосходство было на нашей сторонѣ, и если тонкія мѣста покоряли насъ не самому выгодному устроенію войска, которая расположились на двухъ дорогахъ, почти подъ прямымъ угломъ сходящихся, то неприятель менѣе имѣлъ удобства, занимая средину, лѣсомъ и мелкимъ кустарникомъ покрытую.

Противъ восьми его пушекъ мы имѣли до восьмидесяти орудій, вся 5-я дивизія нашлась излишнею по тѣснотѣ мѣстоположенія и составляла резервъ, тогда какъ непріятель не имѣлъ другихъ стрѣлковъ, кромѣ спѣшенныхъ конныхъ егерей. Совершенно отъ насъ завистало уничтожить принца Мюрата, но мы довольствовались пустою перестрѣлкой, и Мюратъ былъ атакующимъ. Въ теченіи непродолжительнаго времени, пришла сильная непріятельская кавалерія, но число артиллеріи его не увеличилось, ибо она по причинѣ болотистыхъ мѣстъ и дорогъ, въ то время года непроходимыхъ, не могла сдѣлать равною съ нею скоростію. Та же самая причина препятствовала пѣхотѣ, и она прибыла въ весьма незначительномъ количествѣ. По старшинству, думать надобно, командовалъ съ нашей стороны генераль Дохтуровъ, но справедливѣе сказать, не командовалъ никто, ибо, когда послалъ я бригаднаго адъютанта за приказаніемъ, онъ, отыскивая начальника и переходя отъ одного къ другому, не болѣе получаса времени, былъ покрайней мѣрѣ у пяти генераловъ, и ничего не успѣлъ испросить въ разрѣшеніе. Между тѣмъ непріятель сдѣлался предприимчивѣе, и неопытнымъ образомъ успѣлъ обойти лѣвое наше крыло, что не иначе могло произойти, какъ отъ нашей оплошности, но избытокъ силъ вскорѣ возстановилъ порядокъ. Должно отдать справедливую похвалу храбрости генераль-майора князя Щербатова: когда полкъ его, Костромской мушкетерскій, разстроенъ будучи большою потерею, долженъ былъ уступить удачной атакѣ непріятели, онъ взялъ знамя, бросился впередъ, и непріятель обратился въ бѣгство. Къ вечеру стали очевидно уменьшаться войска наши, и замѣтны были многіе вѣличія интервалы. Легко было понять, что не таковъ долженъ быть порядокъ при отступленіи, и что войска отходили конечно не по приказанію, но по произволу. Долго не смѣлъ я отступить безъ приказанія; согласилъ я подполковника князя Жевахова съ двумя эскадронами Павлоградскаго гусарскаго полка идти, и мы отправились въ ту сторону, гдѣ видно было болѣе отступающихъ. Пройдя мѣстечко Голыминъ, взялъ я направленіе на мѣстечко Маковъ. Правый флангъ войскъ нашихъ, состоявшихъ изъ отряда генераль-майора Чаплица, вида, что лѣвый флангъ отступилъ, и никакъ не ожидая, чтобы мѣстечко Голыминъ, занимавшее центръ нашей позиціи, могло быть оставлено нами прежде нежели пройдутъ послѣднія войска, безопасно подошелъ къ нему, но у самага

мѣстечка встрѣченъ былъ картечными выстрѣлами. Внезапный сей случай привелъ въ замѣшательство Екатеринбургскій и Владимирскій мушкетерскій полки, темнота способствовала беспорядку и два орудія достались въ добычу неприятелю.

Такимъ образомъ кончилось сраженіе, имѣвшее для насъ одну ту пользу, что мы развлекали силы неприятеля и собою заняли нѣкоторую часть оныхъ. Но простителенъ ли подобный расчетъ, когда употреблены на то средства въ три раза болѣе тѣхъ? Что бы съ такими сдѣлалъ Наполеонъ?

Въ пяти верстахъ отъ Голымина, въ селеніи Ключницы, нашелъ я въ господскомъ домѣ нѣсколько генераловъ, и конечно они не вмѣстѣ съ нами пріѣхали, ибо засталъ уже ихъ спящихъ, а на полу остатки кушанья свидѣтельствовали, что сонъ не происходилъ отъ голода.

Въ отступленіи отъ Голымина, не будучи преслѣдуемы, ни же почти наблюдаемы неприятелемъ, оставили мы около сорока пушекъ большею частію батарейной артиллеріи, единственно по причинѣ крайняго изнуренія лошадей и дорогъ, непроходимыхъ отъ чрезвычайной грязи. Той же участи должна была подпасть и моя рота, но захвата брошенныхъ выпряженныхъ лошадей отъ другихъ ротъ, я избавился стыда лишиться орудія безъ выстрѣла.

Въ тотъ же самый день, какъ при Голыминѣ, произошло въ Пултускѣ главное сраженіе.... Генералъ Беннигсенъ, не поколебавъ твердости своей, и самымъ отчаяннымъ положеніемъ возбуждаемый, прибѣгнувъ къ послѣднимъ средствамъ и резерву, состоявшему изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, приказалъ ударить въ штыки. Начальнику полковъ истолковано было, что отъ сего послѣдняго усилія зависитъ спасеніе прочихъ войскъ, и полки бросились стремительно. Неприятель отступилъ, не устоявъ противъ штыковъ. Войска его, потерявъ взаимную связь и не довольно будучи сильными остановить успѣхи на семь пунктовъ, и сами (потеряли?) въ скоромъ удаленіи средства спасти отъ пораженія разорванныя части, и мгновенно часть лучшей позиціи неприятеля была въ рукахъ нашихъ. Клонившійся къ самому вечеру день не допустилъ Наполеона поправить неудачу, ибо необходимо было нѣкоторое время для приведенія въ порядокъ распуганныхъ войскъ, прежде нежели приступить къ какому-либо предпріятію. Итакъ

твердость генерала Беннигсена самое опасное положеніе обратила въ побѣду совершенную. Отразить превосходныя силы подѣ личнымъ Наполеона предводительствомъ есть подвигъ великій, но преодолѣть ихъ и обратить въ бѣгство есть слава, которую доселѣ никто не стяжалъ изъ его противниковъ.

Послѣ сраженія при Пултускѣ и Голыминѣ арміямъ надлежало идти за непріателемъ или покрайней мѣрѣ остановиться.... Графъ Буксевденъ..... желая сдѣлать г. Беннигсену вредъ или собственно по недоумѣнію, продолжалъ выполнять повелѣніе фельдмаршала объ отступленіи, вынужденное самою крайностію... но силу коего измѣнить должны были необходимо происшествія того дня.....

Въ день сраженія фельдмаршалъ графъ Каменскій въ десять часовъ поутру былъ въ Голыминѣ, и самъ назначилъ посты для казачьяго Малахова поста, предвидя важность сего мѣста, къ которому приказалъ войскамъ прибыть поспѣшнѣе. А дабы не потерять времени въ перепискѣ, послалъ отъ себя прямо къ начальнику отряда, отправленнаго въ Цехановъ, чтобы онъ скорѣе возвратился въ Голыминъ, поставя ему на видъ, что одною быстротою движенія можетъ избѣжать опасности быть отрѣзаннымъ. Фельдмаршалъ былъ также въ Пултускѣ во время сраженія, но когда послѣ онаго необходимо было войскамъ общее распоряженіе, согласно перемѣнившимся неожиданно обстоятельствамъ, уже данъ былъ приказъ арміямъ, что онъ оставляетъ ихъ по причинѣ болѣзни, и отправился въ Гродно.

Во всякомъ случаѣ сдѣлалъ онъ непростительный поступокъ, ибо присутствіе его при арміи тѣмъ необходимымъ было, что онъ не полагалъ важнымъ кончить съ выгодною сраженіемъ при Пултускѣ, а по отъѣздѣ его и малѣйшая неудача, при несогласіи начальниковъ, могла имѣть бѣдственныя послѣдствія. Армія сожалѣла объ его отъѣздѣ, ибо на опытность его и прежнюю знаменитость полагали большія надежды. * Между

* Графъ Каменскій, по разсказу Д. В. Давыдова, такъ объяснялъ свой отъѣздъ Ермолову, посѣтившему его въ деревнѣ съ отцомъ своимъ въ 1809 году: „Всѣмъ извѣстно, что въ кампанію 1807 года третья часть арміи была распущена для добыванія себѣ пищи и откапыванія въ огородахъ картофеля; прибывъ въ армію, я увидѣлъ, что ей необходимо слѣдовало отступать къ Вислѣ; мнѣ, къ концу моего долгаго поприща, пока-

начальниками были разсужденія, что ни къ чему доброму не поведетъ извѣстная вражда командующихъ арміями.

Генералъ Беннигсенъ, лишень будучи выгодъ одержавной побѣды, нашелся въ необходимости оставить мѣсто, ибо графъ Буксгевденъ, отступая, открывалъ непріятелю дорогу въ тылъ его расположенія, и потому взявъ направленіе на мѣстечко Рожаны, въ городъ Остроленкѣ перешелъ на лѣвый берегъ Нарева.

Генералъ графъ Буксгевденъ туда же отступилъ чрезъ мѣстечко Маковъ. Здѣсь оставленъ былъ арріергардъ въ командѣ генералъ-майора Маркова для прикрытія арміи, переходившей за рѣку. До самой ночи съ чрезвычайною медленностію продолжалось движеніе. Въ беспорядкѣ тѣснились обозы на длинномъ мосту, а уже непріятель, вышедши изъ лѣсовъ въ большихъ силахъ, занялъ позицію недалеко отъ мѣстечка. Нельзя было въ короткое время разрушить мостъ, и потому опасно было, чтобы непріятель, пользуясь темнотою ночи, не овладѣлъ имъ. Съ позволенія начальника, послаалъ я команду, и приказалъ ей зажечь два квартала, лежащіе къ мосту, дабы освѣтить приближеніе непріятеля, есабы покусился онъ идти на оный. Два раза подходили его войска, и въ вѣкоторыхъ мѣстахъ осматривали броды, но большая часть сорока орудій, которыми я командовалъ, употреблены были на защиту оныхъ, и трудно было успѣть въ томъ. Потеря отъ канонады должна была быть значительною, и мы успѣли разрушить часть моста. Мнѣ грозилъ наказаніемъ за произведенный пожаръ, въ главной квартирѣ много о томъ разсуждали, и находили мѣру жестокою. Я разумѣлъ, что послѣ хорошаго обѣда, на досугѣ, а особливо въ 20-ти верстахъ отъ опасности, не трудно щеголять великодушіемъ. Вяли однакоже моимъ оправданіямъ!

Обѣ арміи составлены въ одну подѣ начальствомъ генерала барона Беннигсена, а графъ Буксгевденъ отозванъ въ Россію....

Главнокомандующій получилъ приказаніе (1807) выступить въ Пруссію, и армія, въ самыхъ послѣднихъ числахъ декабря,

залось слишкомъ тѣсно маневрировать между Вислою и Бугомъ: а могъ испортить въ нѣсколько дней свою репутацію, составленную въ теченіи 56 лѣтъ, а потому я предпочелъ оставить армію. Я сумасшедшій.“

пошла по направлеію на Кольно, Бялу, Иоаннисбургъ и далѣе. Оставлены три передовые отряда, изъ коихъ сильнѣйшій данъ въ команду генераль-майора Маркова, другіе два поручены генераль-майорамъ: Барклаю-де-Толли и Багговуту. Авангарду генерала Маркова, въ которомъ опредѣленъ я начальникомъ артиллеріи, назначено слѣдовать на Аришь, Рейльъ, Растенбургъ, Рёссель до Гейльсберга. Армія въ близкомъ разстояніи двинулась по тому же направленію.

Слышно было, что непріятель лѣвѣмъ крыломъ своимъ потянулся также въ Пруссію. Въ скоромъ времени около Николайкена и Зесбурга появились конныя его партіи для наблюденія за движеніями нашими. Отъ насъ отряжены таковыя же, и онѣ, при помощи жителей, въ землѣ мало открытой, изрѣзанной множествомъ озеръ, приносили большую пользу. Въ Николайкенѣ схватили онѣ нѣсколько человекъ.

Января 12 числа, авангардъ, прибывши въ селеніе Эльдиттенъ, узналъ отъ жителей, что въ городѣ Либштадтѣ расположень отрядъ французскихъ войскъ, отъ котораго, не болѣе получаса вазадъ, приходилъ въ селеніе заѣздъ для узнанія, нѣтъ ли о Русскихъ какихъ-либо слуховъ. Мы въ сей день сдѣлали довольно большой переходъ, и потому генераль Марковъ, дабы употребить людей менѣе усталыхъ, приказалъ вызвать охотниковъ. Большое число объявили себя таковыми, но когда предложено было 5 егерскому полку, и люди узнали, что идетъ самъ шефъ полковникъ Гогель, общій отзывъ былъ, что не останется ни одинъ человекъ, ибо равно всѣ идти желаютъ, и, не сдѣлавъ даже привала, полкъ выступилъ немедленно. Я упросилъ послать два орудія, и съ ними пошелъ самъ, чтобы свидѣтелемъ быть происшествія. Въ двухъ верстахъ отъ Либштадта, возвышенности, которыя должны мы были проходить, открыли насъ непріятелю, и тотчасъ по городской стѣнѣ и въ воротахъ начала пѣхота приуготовляться къ оборонѣ, но примѣтно было, что она не въ большомъ количествѣ. Егеря наши, занявъ прилежащее къ городу кладбище, вошли въ перестрѣлку, а между тѣмъ приспѣла и линейная пѣхота, расположилась противъ воротъ, отъ которыхъ продолжалась главная улица. Полковникъ Юрковский съ двумя эскадронами Елисаветградскаго гусарскаго полка ворвался въ городъ съ боковой стороны онаго, и въ то же время пѣхота ударила въ штыки. Непріятель приведенъ

въ замѣшательство, и столпясь въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ, потерпѣлъ большой уронъ, а тѣ, кои бѣжали изъ города, ожидаемы были казаками храбраго подполковника Сысоева, который стремительно ихъ преслѣдовалъ. Изъ пушекъ нашихъ не сдѣлано ни одного выстрѣла. Въ плѣнъ досталось намъ 22 штабъ и оберъ-офицера и болѣе 300 человекъ, Гусарскій красный полкъ, неизвѣстно почему называемый просто парижскимъ, почти употребленъ (истребленъ?) при семъ случаѣ. Оставивши въ городѣ небольшой кавалерійскій постъ, генералъ Марковъ возвратилъ полки въ селеніе Эльдиттенъ, гдѣ утомленнымъ войскамъ готова была пища и покойный ночлегъ. Мы въ сіи сутки въ походѣ и дѣйствиіи были 16 часовъ.

По диспозиціи изъ главной квартиры, 13 января, авангарду назначенъ ночлегъ въ городкѣ Морунгенъ, и мы выступили съ разсвѣтомъ. Впереди, съ Елисаветградскимъ гусарскимъ и двумя донскими полками, полковникъ Юрковскій, прогоняя передъ собою непріятельскіе пикеты, только лишь взошелъ на хребетъ небольшихъ возвышенностей, у подошвы коихъ оканчивается пространная равнина, въ которой лежитъ Морунгенъ, увидѣлъ онъ устроеннаго въ боевой порядокъ непріятели довольно сильнаго. Полковникъ Юрковскій имѣлъ неосторожность спуститься въ равнину, и непріятель встрѣтилъ его своею кавалеріей. Прибыль, ускоривши движеніе, авангардъ, и нашелъ, что, тѣснымъ превосходною кавалеріей, отступаетъ онъ къ одной мызѣ, въ которой прямая улица могла быть обстрѣливаема непріятельскою артиллеріей. Немедленно привелъ я свою конную роту, и превосходствомъ огня и преимуществомъ возвышеннаго мѣстоположенія отогнавъ батарею, доставилъ я нашей конницѣ удобное отступленіе. Ей приказано было расположиться позади войскъ.

....

....Увидѣли мы на разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, по дорогѣ отъ мѣстечка Голландъ (единственной, по которой должны мы отступить), выходящую изъ лѣса пѣхоту. Противъ праваго фланга нашего, устроясь въ боевой порядокъ, прикрытая кавалеріей, начала она подвигаться впередъ. Схватенные фланкеры показали, что прибывшія войска составляли корпусъ маршала Бернадота, имѣ лично предводимый. За часъ до сего могли мы отойти безопасно, пропустя

время, едва можно было надѣяться спастись хотя бы и съ большимъ урономъ. Открытые отовсюду, не могли мы обмануть непріятеля насчетъ силъ нашихъ и заставить его дѣйствовать съ осторожностію. При первомъ взглядѣ могъ онъ видѣть, что мы не въ состояніи были противиться силамъ его, по крайней мѣрѣ, втрое превосходнымъ... Непріятель подъ сильнымъ огнемъ своихъ батарей тѣснилъ остальную (за отбытіемъ нѣсколькихъ батальоновъ съ генераломъ Марковымъ) часть авангарда, и мы отступали шагъ за шагомъ. Артиллерія наша не дѣлала другихъ выстрѣловъ, кромѣ картечныхъ. Уже было очень темно, когда вошли мы въ лѣсъ, и тогда непріятель прекратилъ преслѣдованіе, вѣроятно, въ надеждѣ имѣть насъ на другой день въ своихъ рукахъ. По отбытіи генерала Маркова не оставалось другаго генерала, и потому полковнику Турчаниновъ (Павелъ Петровичъ), Вуичъ и я явились въ команду старшаго полковника Юрковскаго. Первое стараніе наше было отыскать дорогу, и я не менѣе другихъ заботился о томъ, дабы не имѣть стыда потерять болѣе двадцати орудій артиллеріи, но, встрѣчая по лѣсу или глубокіе сѣнга или не замерзшія болота, мы не находили средства выйдти. Командиръ Коннаго полка, храбрый Сысоевъ, отыскалъ мѣсто, по которому артиллерія могла удобно достигнуть большой дороги, но необходимо надлежало проходить весьма близко отъ непріятельскаго бивуака при селеніи Георгенталь. Конечно, средство сіе спасти артиллерію было сомнительно, но какъ не было другаго, то рѣшились мы испытать его. Въ сѣдованіи мимо бивуака, Французы произвели по насъ ружейный огонь и мы имѣли нѣсколько раненыхъ людей, но дажѣ мы шли въ совершенной безопасности. Вскорѣ возвратились мы въ Либштадтъ.

Въ Либштадтѣ, въ домѣ амтмана нашли мы генераль-майора Маркова, покойно спящаго послѣ хорошаго ужина *, и съ нимъ нѣсколькихъ спутниковъ, которые все сѣли, вичего намъ не оставляя, какъ будто мы не должны возвратиться. Въ утѣшеніе голодному осталось любоваться пригожимъ станомъ и прелестными глазами жены амтмана, но какъ я былъ герой, совершившій ретираду, то и не былъ я удостоенъ взгляда, который, какъ мнѣ сказали, могъ принадлежать

* Бывшая съ нимъ часть авангарда въ тотъ день разбита.

побѣдителя и съ самимъ сердцемъ. Побѣжденные не налагаютъ контрибуціи. Генераль Марковъ, какъ человекъ весьма ловкій, не показалъ удивленія, видя насъ возвратившихся, какъ будто мы только что исполнили его распоряженія. Мы заплатили ему столько же малымъ удивленіемъ, когда чрезъ часъ времени пріѣхалъ генераль-лейтенантъ князь Багратионъ и принялъ отъ него начальство надъ авангардомъ.

...Мы ночевали въ Морунгенѣ, изъ котораго незадолго вышли послѣднія войска непріятели.

Выступивъ передъ разсвѣтомъ 15 числа, около селенія Зоненвальдъ догнали непріятели, но онъ не держался, разнѣявшись со мною нѣсколькими пушечными выстрѣлами.

Дошли мы до города Дейчъ-Эйлау.....

Авангардъ расположился на квартирахъ... Армія вся слѣдовала за авангардомъ по одной дорогѣ.

Командующій передовыми постами, полковникъ Юрковскій препроводилъ князю Багратиону перехваченнаго курьера отъ Наполеона къ маршалу Бернадоту, съ повелѣніемъ прекратить отступление, которое до сего времени нужно было для того, чтобъ армію нашу отвлечь за собою по направленію на Грауденцъ, а что между тѣмъ Наполеонъ соберетъ всю армію у мѣстечка Алленштейнъ, 2 числа февраля новаго стила, и со всѣми силами нападетъ на растянутую нашу армію.

Особенное счастье дало намъ въ руки сего курьера...

Князь Багратионъ отправилъ бумаги къ главнокомандующему и... раздѣлилъ авангардъ для скорѣйшаго движенія на двѣ колонны, изъ коихъ другая, въ командѣ генерала Маркова, пошла чрезъ Остероде. Въ сей послѣдней находился я съ большею частію артиллеріи.

Утро 22 числа января (2 февр. н. с.) открыло намъ сильную непріятельскую армію, и наша стояла напротивъ, готовая къ бою.

Непріятель пораженъ былъ внезапнымъ симъ явленіемъ.... Онъ не рѣшился атаковать насъ, а главнокомандующій, имѣя нужду сблизиться съ своими магазинами, далъ арміи приказаніе отступить, и она, съ наставшимъ вечеромъ, двинулась по направленію на мѣстечко Ландсбергъ.

24 числа января, съ самаго утра, догналъ насъ непріятель,

и въ такихъ силахъ, что съ трудомъ можно было удержать нѣкоторый порядокъ при отступленіи. При селеніи Вольфдорфъ, непріятель стремительно напалъ на нашу позицію.... Артиллерія во весь день была въ ужасномъ огнѣ, и еслибы перебитыхъ лошадей не замѣняли гусары отпятами у непріяте-ля, я долженъ бы былъ потерять нѣсколько орудій. Конную мою роту, какъ наиболѣе подвижную, употреблялъ я наиболѣе. Нельзя было обойтись безъ ея содѣйствія въ дѣсу, и даже ночью, и она направляла выстрѣлы свои или на крикъ непріяте-ля, или на звукъ его барабана. Войска ея были чрезвычайно довольны, и князь Багратіонъ отозвался съ особен-ною похвалою. Уронъ нашъ во весь день былъ весьма значитель-нъ, и, по крайней мѣрѣ, равонъ непріятельскому. Противъ насъ дрался корпусъ маршала Даву...

25 числа января, выступили мы передъ разсвѣтомъ, чтобы, прежде нежели начнетъ непріятель преслѣдованіе, успѣть пройти соединеніе дорогъ, по коимъ отходили арріергардъ и отрядъ генерала Барклая-де-Толли, что и удалось по желанію. Отъ соединенія дорогъ, арріергардъ князя Багратіона слѣдовалъ на мѣстечко Ландсбергъ (для присоединенія къ арміи) проселочною и малобитою дорогою, а туда же, не по большой дорогѣ, чрезъ деревню Гофъ, отправился отрядъ Барклая-де-Толли....

...Противъ него соединились оба маршала (Даву и Сультъ) съ силами пять разъ превосходными....

.....

Неустрасимый генералъ Барклай-де-Толли, презирая опасность, всюду находился самъ, но сіе сраженіе не приноситъ чести его распорядительности, и конечно, не мудрено было сдѣлать что-нибудь лучшаго.

...Главнокомандующій разсудилъ за благо оставить занимаемую (при Ландсбергѣ) позицію по причинѣ важныхъ весьма въ ней недостатковъ.

.....

Арріергардъ князя Багратіона въ прежнемъ числѣ войскъ оставленъ предъ входомъ въ Ландсбергъ. Черезъ часъ послѣ разсвѣта, арріергардъ, прошедъ Ландсбергъ, расположился въ ближайшей къ нему позиціи, въ мѣстечкѣ оставленъ сильный отрядъ пѣхоты: и у воротъ нѣсколько орудій. Спустя довольно долгое время, въ большихъ силахъ непріятель приблизился къ мѣстечку, и, отвлекая вниманіе канонадою,

двинуть гораздо большія силы на правый нашъ флангъ. Обратившись противъ оныхъ и способствуемы мѣстоположеніемъ, долго дрались мы упорно, наконецъ быстро перешли мы поле, отдѣлявшее насъ отъ лѣса. Вслѣдъ за нашею пѣхотой непріятель взомель въ Ландсбергъ, и его армія въ глазахъ нашихъ стала собираться на прежней нашей позиціи. Видно было, что въ сей (день?) не съ однимъ непріятельскимъ авангардомъ предстояло намъ дѣло, но, къ счастью нашему, пространство между Ландсбергомъ и Прейсшъ-Эйлау по большей части покрыто все лѣсомъ. Князь Багратионъ отпустилъ назадъ всю кавалерію и часть артиллеріи, дабы свободнѣе было въ движеніяхъ. Всѣ егерскіе полки, соединенные въ мѣстечкѣ, (были въ дѣйствиі?), линейная пѣхота составляла подкрѣпленіе. До одиннадцати часовъ утра дрались мы съ умѣренною потерей. Неподдалеку нашедши разбросанныя бочки съ виномъ, которыя идущіе при арміи маркитанты оставляли для облегченія своихъ повозокъ, спасая болѣе дорогой товаръ, невозможно было удержать людей, которыхъ усталость и довольно сильный холодъ наиболѣе располагали къ вину, и въ самое короткое время четыре изъ егерскихъ полковъ до того сдѣлались пьяными, что не было средствъ соблюсти ни малѣйшаго порядка... и мы теряли ихъ убитыми и пѣвными *.

Приближаясь къ мѣстечку Прейсшъ-Эйлау, арріергардъ вышелъ на открытыя мѣста, и ему показана позиція, которая заслоняла собою мѣстечко, позади котораго на обширной равнинѣ, армія наша устраивалась въ боевой порядокъ. Въ подкрѣпленіе арріергарду, присланы нѣсколько полковъ отъ 8-й дивизіи и полки конницы. Мы расположились по обѣимъ сторонамъ дороги, обсаженной деревьями. Двадцатью четырьмя орудіями занялъ я хребетъ довольно крутыхъ возвышенностей на лѣвомъ флангѣ. Къ подошвѣ оныхъ простиралась долина, по коей долженъ былъ проходить непріятель, стрѣлки наши лежали по ней совершенно скрытые. На правомъ флангѣ была часть кавалеріи, большая часть оной поставлена позади. Непріятель, устроивъ на противоположной сторонѣ батареи, открылъ сильную канонаду, на которую отвѣтствовано изрѣдка, по разности калибровъ, ибо не имѣлъ

* 25 декабря, когда Багратионъ, за Гофомъ, прикрывалъ отступление арміи къ Прейсшъ-Эйлау, „Ермоловъ съ конноартиллерійскою ротой своею, находясь въ переднихъ рядахъ, отражалъ картечью атаковавшія его непріятельскія колонны“. (Д. Дав.)

я ни одного батарейнаго орудія. Во многихъ пунктахъ спустились съ высоты непріятельскія колонны, но дѣйствиємъ болѣе сорока орудій остановлены, нѣкоторыя съ примѣтною потерей обращены картечью. Около двухъ часовъ имѣли мы выгоды на нашей сторонѣ, наконецъ двинулся непріятель большими силами; идущія впереди три колонны направлены: одна по большой дорогѣ, гдѣ у насъ мало было пѣхоты, другая—противъ Псковскаго и Софійскаго мушкатерскихъ полковъ, и третья—противъ моей батареи изъ 24 орудій. Шедшая по большой дорогѣ проходила съ удобностію и угрожала взять въ тылъ твердѣйшій пунктъ нашей позиціи. Прочія медленно приближались по причинѣ глубокаго снѣга, лежащаго на равнинѣ, и долго были подѣ картечными выстрѣлами. Однакоже дошла одна, хотя весьма разстроенная, и легла отъ штыковъ Псковскаго и Софійскаго полковъ; другая положила тѣла свои недалеко отъ фронта моей батареи. Полковникъ Дехтеревъ, съ С.-Петербургскимъ драгунскимъ полкомъ, пошелъ противъ колонны, сѣдовавшей по большой дорогѣ, которая, дабы отнять выгоду скорости движенія по битой дорогѣ, стала сходить въ сторону, на глубокой снѣгъ. Торопавость была причиною разстройства; полкъ имѣ воспользовался и, испытавъ слабый ружейный огонь, имѣлъ наградою за смѣлое предпріятіе одного орла и пятьсотъ пѣхотныхъ. Столько же, по крайней мѣрѣ, убито, въ числѣ ихъ генералъ, начальствовавшій колонною. Мнѣ не случалось видѣть столько рѣшительной кавалерійской атаки; не менѣе удивленъ я былъ, видѣвши, какъ полкъ, не разстроившись, быстро спустился съ крутой, покрытой снѣгомъ, высоты, съ которой нѣсколько разъ до того сѣвжалъ я съ осторожностію. Не долго пользовались мы пріобрѣтенными успѣхами, ибо непріятель атаковалъ гораздо въ бѣльшихъ силахъ, умножились батареи, которыя покровительствовали движенію колоннъ, и мы, не въ состояніи будучи противиться, получили приказаніе отступить и присоединиться къ арміи. Непріятель тотчасъ же явился на нашей позиціи и по сѣдамъ шелъ за нами. Удачно исполнилъ я приказаніе,—съ конными орудіями прикрывалъ войска, пока войдутъ оны въ Преисштъ-Эллау. Лишь только вошелъ я въ ворота, непріятель подвелъ свои колонны и приступилъ къ атакѣ мѣстечка, котораго оборона возложена на генерала Барклая-де-Толли. Послѣ перемѣннаго очастія мѣстечко оставлено (за непріателемъ), и къ

чувствительному уровню въ людяхъ, прибавлена потеря нѣсколькихъ пушекъ.

.....

Настало 27-е число января, и сраженіе Прейсишъ-Эллауское было одно изъ кровопролитѣйшихъ въ послѣднія времена.... Главный недостатокъ (нашъ) состоялъ въ томъ, что весь лѣвый нашъ флангъ имѣлъ противъ себя высоты, гдѣ непріятель поставилъ свою артиллерію, за ними скрывалъ свои движенія, сосредоточивалъ свои силы, и трудно было отвращать нападеніе ихъ. Отчего, при самомъ началѣ, потеряли мы нѣкоторое разстояніе. По причинѣ близкихъ позади лѣсовъ нельзя было отодвинуться далѣе. Мѣстечко Прейсишъ-Эллау, занимая большое пространство, способствовало непріятелю открытымъ образомъ приближаться къ самому нашему центру, въ защиту котораго, по необходимости, надлежало употребить большое количество батарейной артиллеріи и держать постоянно на одномъ мѣстѣ. Правый флангъ былъ совершенно въ пользу нашу, ибо впереди простиралась обширная равнина, болотистая, для дѣйствія неудобная, на которой показывались одни стрѣлки. Непонятно, какъ генералъ-квартирмейстеръ не зналъ о семъ болотѣ, и слѣдствіемъ того было, что не менѣе 12 тысячъ войскъ стояли бесполезно, ограничиваясь пустою перестрѣлкой противъ отдаленныхъ батарей, тогда какъ войска сіи во многихъ мѣстахъ были необходимы. И я, между прочимъ, стоялъ съ двумя конно-артиллерійскими ротами до полудня, стрѣлая изрѣдка и безъ нужды.

Непріятель одѣлалъ нѣсколько бесполезныхъ атакъ на центръ нашъ, уступая дѣйствию 60-ти поставленныхъ вмѣстѣ орудій. Нападеніе на лѣвый флангъ было успѣшнѣе. Не остановили его ни благоразумныя распоряженія генерала барона Сакена, ни сопротивленіе неустрашимаго генералъ-майора графа Остермана-Толстаго. Лѣвый флангъ отошелъ назадъ и составилъ почти прямой уголъ съ линіею арміи. Около одиннадцати часовъ густой снѣгъ, затмилъ свѣтъ, и дѣйствія прекратились на четверть часа. Въ сіе время, обманутые темнотою, два эскадрона французскихъ гвардейскихъ кирасиръ захлани между нашихъ ливій пѣхоты и конницы, и едва нѣкоторые изъ нихъ спаслись. Разсѣявшійся мракъ открылъ предъ 7-ю дивизію колонну французской пѣхоты во ста не болѣе шагахъ. Внезапно представшіе ей полки наши остановились въ совершен-

номъ отъ удивленія бездѣйствию. Съ ужаснѣйшимъ ожесточеніемъ, изъясненнымъ громкимъ хохотомъ, Владимірскій мушкетерскій полкъ бросается въ штыки—и не остается могущій оплакать гибель товарищей.

Во многихъ мѣстахъ дрались войска наши съ переменнымъ счастіемъ, и нигдѣ, кромѣ лѣваго фланга, на шагъ не уступили мы мѣста. Между центромъ и лѣвымъ флангомъ, семь полковъ кавалеріи нашей стремительнымъ ударомъ опрокинули все, что было противъ нихъ; пѣхота неприятельская, бросая ружья, спасалась въ лѣсъ; уже были они на батареѣ, но отъ безпорядка въ минуту потерланы успѣхи, и не безъ стыда надобно было бѣжать отъ такой части неприятельской кавалеріи, которую могъ остановить Александрійскій гусарскій полкъ.

Вскорѣ послѣ начала сраженія на правомъ нашемъ флангѣ слышна была въ отдаленіи канонада. Извѣстно было, что маршалъ Ней преслѣдуетъ корпусъ прусскихъ войскъ въ командѣ генерала Лестока, которому главнокомандующій приказалъ, сколько можно ранѣе, присоединиться къ арміи, но чего онъ не выполнилъ. Когда неприятель около двухъ часовъ послѣ полудня возобновилъ усилія, главнокомандующій послалъ подтвержденіе, чтобъ онъ шелъ сколько можно поспѣшнѣе; но между тѣмъ надобно было чѣмъ-нибудь уредить успѣхи неприятеля на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Посланная туда 8-я дивизія отозвана къ центру, гдѣ необходимо было умноженіе силъ; резервы наши давно уже были въ дѣйствиіи. Итакъ, мнѣ приказано идти туда съ двумя конными ротами. Дежурный генераль-лейтенантъ графъ Толстой махнулъ рукою влѣво, и я долженъ былъ принять сіе за направленіе. Я не зналъ, съ какимъ намѣреніемъ туда я отправляюсь, кого тамъ найду, къ кому поступаю подъ начальство. Присоединивъ еще одну роту конной артиллеріи, прибылъ я на обширное поле на конечности лѣваго фланга, гдѣ слабые остатки войскъ едва держались противъ превосходнаго неприятеля, который подвинулся вправо, занялъ высоты батареями и одну мызу, почти уже въ тылу войскъ нашихъ. Я зашелъ за сію посаднюю и выгналъ пѣхоту, которая вредила мнѣ своими выстрѣлами. Противъ батареи началъ я канонаду и сохранилъ мѣсто свое около двухъ часовъ. Тогда началъ приближаться корпусъ генерала Лестока; въ головѣ колонны шли два наши полка, Каалужскій и Выборгскій, направляясь на конечность неприятельскаго фланга; противъ

меня стали рѣже выстрѣлы и я увидѣлъ большую часть орудій, обратившихся на генерала Лестока. Я подвигалъ на ложахъ мою батарею всякій разъ, какъ она покрывалась дымомъ, отослалъ назадъ передки орудій и всѣхъ лошадей, начиная съ моей собственной, объявилъ людямъ, что объ отступленіи помышлять не должно. Я подошелъ почти подъ выстрѣлы, и все вниманіе обращалъ на дорогу, лежащую у подошвы возвышенія, по которой непріятель усиливался провести свою пѣхоту, ибо по причинѣ глубокаго сѣнга нельзя было пройти стороною. Картечными выстрѣлами изъ тридцати орудій всякій разъ обращалъ его съ большимъ урономъ. Словомъ, до конца сраженія не прошелъ онъ мимо моей батареи, и уже поздно было искать обхода, ибо генералъ Лестокъ, встрѣтивъ умѣренныя силы, опрокинулъ ихъ, обошелъ высоту и батарею, которыя непріятель оставилъ во власти его, предался совершенному бѣгству и мрачная ночь покрыла мѣсто сраженія. Главнокомандующій, желая видѣть ближе дѣйствіе генерала Лестока, былъ на лѣвомъ флангѣ, и удивленъ былъ, нашедши отъ моихъ ротъ всѣхъ лошадей, всѣ передки и ни одного орудія. Узнавши о причинѣ, былъ чрезвычайно доволенъ.

Вотъ какъ разказываетъ объ этомъ сраженіи и участіи въ немъ Ермолова Д. В. Давыдовъ:

„Конныя роты полковника Ермолова и Богданова находились на правомъ флангѣ арміи, предъ которымъ простиралось обширное, ровное поле, на коемъ, повидимому, могла съ успѣхомъ дѣйствовать многочисленная кавалерія; но непріятель, зная, что оно было весьма болотисто, избѣгалъ его. Наступленіе корпуса Даву, сильно встревожившее всѣхъ, заставило (дежурнаго генерала) графа П. А. Толстаго приказать двумъ этимъ коннымъ ротамъ, подъ командою Ермолова, спѣшить на лѣвый флангъ. Прибывъ туда, Ермоловъ, снявшись съ передковъ и оставивъ при себѣ самое необходимое количество зарядовъ, отправилъ всѣхъ лошадей, равно какъ и передки, назадъ. Графъ Кутайсовъ, прибывъ позднѣе сюда, съ 1-ю конною ротой, сдѣлалъ то же самое. Беннигсенъ, возвращаясь изъ корпуса Лестока, найдя одни лошади и передки безъ орудій, вообразилъ въ первую минуту, что они сдѣлались добычею непріятеля. Противъ нашихъ орудій

находилось возвышеніе, вооруженное непріательскими орудіями, весьма большаго калибра, вѣроятно, захваченными въ прусскихъ крѣпостяхъ. Послѣ каждаго выстрѣла, наши артиллеристы, по приказанію Ермолова, пользуясь дымомъ, скрывавшимъ ихъ на время отъ непріателя, подвигали впередъ на рукахъ, по глубокому снѣгу, свои орудія, по направленію къ возвышенію. Деревяная Ауклапентъ, зажженная брандскугелями роты Ермолова, была потому очищена непріателемъ. Когда корпусъ Лестока сталъ приближаться, всѣ непріательскіе выстрѣлы обратились противъ него; французскія войска, покушавшіяся двинуться между возвышеніями и нашими ротами, противъ Лестока, выстрѣлами изъ нашихъ 36 конныхъ орудій потерпѣли жестокой уронъ. Могилевскій и Выборгскій полки, входившіе въ составъ корпуса Лестока, перебѣжали рысью по снѣгу большое пространство, чтобы стать во главѣ этого корпуса.

„Хотя графъ П. П. Палей и говорилъ, что Ермоловъ вполне заслужилъ Св. Георгія 3 класса, и Беннигсенъ былъ совершенно съ этимъ согласенъ, но этотъ орденъ былъ лишь пожалованъ мужественному графу Кутайсову, племяннику генерала Рѣзваго, а Ермоловъ получилъ Владимира 3 класса. Такъ какъ генералъ Рѣзвый приказалъ составить списки объ отличившихся, то графъ Кутайсовъ потребовалъ ихъ отъ Ермолова. Представляя ихъ, Ермоловъ сказалъ: „Благодарю, ваше сіятельство, что вамъ угодно извѣстить меня, что вы были моимъ начальникомъ во время битвы.“

„Я не безъ намѣренія, говоритъ Давыдовъ, подробно описалъ этотъ подвигъ нашей конной артиллеріи, прибывшей на помощь нашего лѣваго фланга. Мое повѣствованіе, основанное на словахъ и свидѣтельствѣ многихъ артиллеристовъ, князя Багратіона, графа Толстаго, Богданова, наконецъ, самого Беннигсена, явно противорѣчитъ вымышленнымъ разказамъ слишкомъ усердныхъ почитателей графа Кутайсова. Ни этому молодому генералу, подававшему большія надежды, и о слишкомъ ранвременной кончинѣ котораго справедливо сожалѣла вся наша армія, ни Ермолову не принадлежитъ мысль подкрѣпить 36-ю конными орудіями нашъ лѣвый флангъ, который не выдерживалъ уже натисковъ Даву; будучи отправленъ княземъ Багратіономъ къ ротамъ Ермолова и Богданова вскорѣ послѣ присылки ихъ къ нашему лѣвому флангу, я не нашелъ здѣсь графа Кутайсова, о скоромъ

прибытіи котораго съ одною ротою никто еще здѣсь ничего не зналъ. Прибывъ сюда поздне и приказавъ приведенной имъ ротѣ поступить также, какъ уже сдѣлали роты Ермолова и Богданова, графъ Кутайсовъ не дозволялъ бы себѣ, безъ сомнѣнія, того, что дозволяютъ себѣ его почитатели, а именно: приписать себѣ главную честь быстрого появленія конной артиллеріи къ угрожаемому пункту. Мнѣ положительно извѣстно, что князь Багратионъ, которому никто безъ сомнѣнія, не дерзнетъ отказать въ безпристрастіи при одѣлкѣ заслугъ своихъ подчиненныхъ, почелъ личнымъ для себя оскорбленіемъ то обстоятельство, что Ермоловъ, имѣвшій, по мнѣнію всѣхъ безпристрастныхъ очевидцевъ, по крайней мѣрѣ, равныя права съ графомъ Кутайсовымъ на знакъ Св. Георгія 3 класса, не получилъ ихъ; князь жаловался даже на то его высочеству цесаревичу."

Ниже увидимъ мнѣніе объ этихъ наградахъ самого Ермолова.

Недавно еще имѣлъ я честь слышать отъ гр. Д. Н. Б., что многие изъ современныхъ свидѣтелей придавали большое значеніе дѣйствию артиллеріи подъ начальствомъ Ермолова въ Прейсмишъ-Эйлаускомъ сраженіи.

Но возвратимся къ запискамъ самого Ермолова.

Менѣ двухъ недѣль пробывши около Кенигсберга, армія выступила впередъ. Авангардъ въ командѣ генераль-майора Маркова въ два перехода прибылъ къ Прейсмишъ-Эйлау....

Съ любопытствомъ осматривалъ я поле сраженія *. Я ужаснулся, увидѣвши число тѣлъ на мѣстахъ, гдѣ стояли наши люди, но я болѣе нашелъ ихъ тамъ, гдѣ были войска (неприятеля?) и особенно гдѣ стѣснялись его колонны, готовясь къ нападенію, не взирая, что въ продолженіи нѣсколькихъ дней приказано было жителямъ мѣстечка (какъ то они сами сказывали) тѣла Французовъ отвозить въ ближайшее озеро, ибо нельзя было зарывать въ землю замерзлую. Какъ артиллерійскій офицеръ, примѣчалъ я дѣйствіе нашихъ батарей, и былъ доволенъ! Въ мѣстечкѣ не было цѣлаго дома, сожжены кварталъ, куда, по словамъ жителей, сносились раненыя, при чемъ много ихъ изрублено.

Прибывши въ Ландсбергъ, наши госпиталь офицерскій, и, къ удивленію ихъ, они видѣли въ насъ гораздо большее о нихъ попеченіе. Многие по нѣскольку дней были не

* Онь объѣзжалъ поле съ Д. В. Давыдовымъ. Digitized by Google

перевязаны. Хозяинъ моей квартиры, знающій французскій языкъ, сказывалъ, что онъ слышалъ французскихъ офицеровъ разсуждающихъ, въ какомъ состояніи была армія ихъ, когда послѣ сраженія, въ ту же ночь, прошла она Ландсбергъ. Они говорили, что еслибы не корпусъ маршала Бернадота, не бывшій въ дѣлѣ, который оставленъ былъ въ арріергардѣ; некому было прикрыть отступленіе, ибо войска были въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ и число мародеровъ немовѣрное. Во многихъ корпусахъ не доставало снарядовъ.

Главная квартира наша расположилась въ Бартемштейнѣ.

Непріятель былъ за рѣкою Пасаргою, главная квартира Наполеона въ мѣстечкѣ Остероде.

Авангардъ, пришедши въ селеніе Лаунау, поступилъ въ команду генерала барона Сакена, куда вскорѣ собрались и всѣ отдѣльные отряды отъ авангарда.

19-го числа мы были въ Лаунау съ большими довольно силами. Противъ насъ находился корпусъ маршала Нея, коего квартира въ Гутштадтѣ. Непріятель отъ стороны Петерсвальде занялъ стрѣлками лѣсъ, лежащій предъ самымъ нашимъ лагеремъ, изъ Цехерна беспокоилъ насъ своими батареями хорошо расположенными и окопанными. Генералъ баронъ Сакенъ равновѣрно и съ своей стороны употребилъ стрѣлковъ, но Французы, съ бѣльшимъ навыкомъ въ семъ родѣ дѣйствія, въ продолженіи двухъ (часовъ?) причиняли намъ весьма чувствительный уронъ. Почему генералъ Сакенъ предпринялъ сдѣлать во время ночи нападеніе на Цехернъ, въ томъ предположеніи, что непріятель, выгнавъ будучи изъ онаго, оставитъ Петерсвальде, и мы будемъ имѣть пребываніе выгодное и покойное. Пѣхота назначена къ атакѣ, но довольно близко подойдя къ батареѣ, закричала ура! пробудила непріятеля, и онъ приуготовился къ оборонѣ. Открылся картечный и ружейный огонь, люди въ головѣ колонны оробѣли и легли, задніе продолжали идти и до такой степени смѣшались, что долго невозможно было вывести изъ выстрѣла. При семъ случаѣ потеряно нѣсколько офицеровъ и не мало нижнихъ чиновъ. Здѣсь въ первый разъ случилось имѣть видѣть, что въ ночное время отступающую пѣхоту прикрывала кавалерія. Не знаю, почему разсѣявшихся людей не собрали барабаномъ, но подбиралъ ихъ генералъ графъ Паленъ съ Сумскимъ гусарскимъ полкомъ....

....Генералу барону Сакену даво другое назначеніе.

Генералъ-майоръ Марковъ приказалъ противъ Цехерна построить батарею, которую я дѣлалъ весьма прилежно, ибо до того на семь мѣствъ много потерпѣла моя рота. Осмотрѣвши часть лѣса, которую удерживалъ за собою непріятель, въ продолженіе ночи, въ опушкѣ ближайшаго лѣса расположилъ я шесть орудій моей роты, и заслонивъ ихъ нарубленными ельничкомъ, ожидалъ разсвѣта, когда непріятель обыкновенно приводилъ свою пѣхоту изъ лагеря отъ Петерсвальде. Съ самаго начала дня вышла сильная колонна изъ лагеря и безопасно подвигалась къ той часті лѣса, гдѣ всегда на ночь оставалась небольшая часть войскъ. Въ движеніи своемъ дала она флангъ моей батарее, и картечь изъ шести орудій на весьма длинномъ разстояніи произвела такое пораженіе въ колоннѣ, что, оставивъ на мѣствъ тѣла, обратилась она въ поспѣшнѣйшее бѣгство къ лагерю, провожаемая выстрѣлами. Мы заняли остальную часть лѣса, и непріятель не покушался возвратити оный. Мы уже не держали въ немъ, какъ до того было, шести полковъ пѣхоты. Батареи противъ Цехерна часто отвѣчали французскимъ и часто безъ пользы....

Вскорѣ непріятель оставилъ Цехернъ и Петерсвальде *.

....Рота козья имени моего, много потерпѣвшая въ дѣлахъ авангарда, отправлена назадъ для починки и укомплектованія людьми, на мѣсто ея прислана другая. Вскорѣ происками старшихъ по артиллеріи полковниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ ни столько большой, на столько видной команды, мнѣ даво приказаніе отправиться къ моей ротѣ. Главнокомандующему доложено, что смѣна назначена для

* „Бауль Цехерна на Пассаргѣ, Ермоловъ сталъ стрѣлять изъ единороговъ 12-фунтовыми ядрами. Мы перехватили курьера съ доносеніемъ маршала Нея, который вслѣдствіе этого писалъ Наполеону: „Les Russes veulent probablement tenir ici, car ils ont amené des pièces de position.“

„Однако корпусъ Нея, бывъ преслѣдуемъ однимъ авангардомъ, перешелъ рѣку безъ большаго урона. Князь Багратионъ, подвигнувъ егерей Раевского къ берегу рѣки противъ Деннема, поставилъ на отлогости горы артиллерію Ермолова, позади которой въ лѣсу была расположена вся пѣхота авангарда. Наскучивъ бесполезною перестрѣлкой черезъ рѣку, князь посылалъ меня два раза къ стрѣлкамъ съ приказаніемъ прекратить стрѣльбу, но задоръ ихъ былъ таковъ, что они не слушали ничьего повелѣнія. Я лишь въ третій разъ могъ убѣдить сихъ непреклонныхъ героев въ отступить“. (Д. Дав.)

того чтобы дать мнѣ отдохновеніе. Такъ объяснилъ онъ самъ генералу князю Багратиону, который, возвратясь въ сіе время изъ С.-Петербурга, просилъ, чтобы меня не перемѣняли, и я остался у начальника, который обладалъ полною всѣхъ насъ довѣренностію.

....Около трехъ мѣсяцевъ продолжалось съ обѣихъ сторонъ совершенное бездѣйствіе.

Генералъ передовыхъ французскихъ войскъ предлагалъ князю Багратиону оставить селеніе Петерсвальде нейтральнымъ.... Расположенные противъ насъ Французы имѣли въ продовольствіи величайшій недостатокъ.... 24-й драгунскій полкъ, извуревный голодомъ, большею частію перебѣжалъ къ намъ.

Не менѣе терпѣли войска авангарда... солдаты употребляли въ пищу воловьѣ кожи, которыя служили покрывкою шалашей....

Князь Багратионъ послалъ меня доложить главнокомандующему о сей крайности. Даны строгія приказанія, и все осталось въ прежнемъ видѣ. Не повалилось дежурному по арміи, генералъ-майору Фоку, мое донесеніе, и я пріобрѣлъ его вражду, которой подвергался я и потому, что не удивился весьма посредственнымъ его способностямъ, тогда какъ уже многіе находили выгоды превозносить ихъ.

Государь императоръ прибылъ къ арміи и пришла гвардія подъ начальствомъ цесаревича....

Къ намъ прежде пріѣхалъ великій князь, который со времени кампаніи Суворова въ Италіи, имѣлъ къ князю Багратиону дружественное расположеніе. Увидѣвши недостатки, онъ взялся заботиться объ улучшеніи продовольствія. Первый транспортъ съ провіантомъ, по настоянію его, отправленный въ авангардъ, взятъ на дорогѣ другими войсками, но всѣмъ прочимъ давалъ онъ свои конвои, они доходили исправно, и чрезъ нѣкоторое время отъ недостатка перешли мы къ изобилію. Между многими чиновниками, представленными великому князю, удостоился и я его привѣтствія, по засвидѣтельствуванію князя Багратиона о моей службѣ. До того не былъ я ему извѣстенъ, никогда не служивши въ столицѣ.

Вездѣ приказано (готовиться) ко встрѣчѣ государя вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ.

....Подъѣзжая къ каждой части войскъ, государь называлъ начальниковъ по фамиліи королю прусскому и, между прочимъ,

сказалъ обо мнѣ, что „и въ прежнюю кампанію доволенъ его службою“. Всѣ восхищены были вниманіемъ и благоклонностію государя, и я, не желая льстить, скажу, что онъ умѣлъ ободрить всѣхъ. Я былъ внѣ себя отъ радости, ибо не былъ избалованъ въ службѣ привѣтствіями. Король прусскій далъ орденъ за достоинство (pour le mérite) тремъ штабъ-офицерамъ, въ числѣ коихъ и я находился. Ордена сіи были изъ первыхъ и еще не были унижены чрезвычайнымъ размноженіемъ.

Вышли награды за Прейсишъ-Эйлауское сраженіе. Вмѣсто 3-го класса Георгія, къ которому удостоенъ я былъ главнокомандующимъ, я получилъ Владимира. Въ дѣйствиі сдѣлавъ участникомъ мнѣ артиллеріи генералъ-майоръ графъ Кутайсовъ. Его одно любопытство привело на мою батарею, и какъ не былъ въ его командѣ, то онъ и не мѣшался въ мои распоряженія. Однакоже, не имѣвши даже 4-го класса, ему далъ орденъ Георгія 3-го класса *. Въ реляціи хотѣли написать (его) моимъ начальникомъ, но генералъ-квартирмейстеръ, баронъ Штейнгель, зная обстоятельства, тому воспрепятствовалъ. Князь Багратионъ объяснилъ главнокомандующему сдѣланную несправедливость, и онъ, признавая самъ, что я обиженъ, ничего однакоже не сдѣлалъ. Вотъ продолженіе тѣхъ пріятностей по службѣ, которыми довольно часто я надѣляемъ!

....Предположено 1-го мая атаковать корпусъ маршала Нея (въ Гутштадтѣ)!.

Государь прибылъ къ войскамъ авангарда, осматривалъ ихъ, объѣхалъ въ сопровожденіи главнокомандующаго передовые посты, оставленные впереди Цехерна и Петерсвальде, дабы непріятель не могъ подозрѣвать о движеніи авангарда. Неизвѣстно мнѣ, почему вдругъ дано приказаніе отнѣнить атаку.... Авангардъ вступилъ въ свою позицію при Лаунау.

Непріятно было извѣстіе о сдачѣ Данцига, и не было сомнѣнія, что Наполеонъ присоединитъ большую часть осаждавшихъ войскъ.

Я не могъ узнать, что могло понудить, упустивъ 1-е мая, время удобное къ нападенію, не прежде произвести оное, какъ 24-го числа, когда армія непріятельская весьма усилилась. Не могло побуждать къ тому ожиданіе сукурсовъ, ибо ни малѣйшихъ не прибывало войскъ, ниже продовольствіе не

* См. выше разказъ Давыдова нѣсколько иначе.

сдѣлалось лучшимъ прежняго, и мы не могли выйти на продолжительное предпріятіе.

Движеніе 24-го мая столько хорошо было соображено, что корпусъ маршала Нея весь долженъ былъ достаться въ наши руки... Авангардъ шелъ на Альткирхенъ (за Гутштадтомъ) и отрѣзывалъ Французовъ въ лѣсу, простирающемся отъ Петерсвалде къ Гутштадту, въ то время, какъ оставленные два полка егерей на нихъ ударять. Дѣйствія его не должны были рѣшительны, дабы войскамъ, назначеннымъ обойти непріятеля, дать время совершить движеніе. Съ правой стороны генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-дер-Остенъ-Сакенъ долженъ обойти непріятеля и не допустить къ рѣкѣ Пассаргѣ....

...Не слышно было ни одного выстрѣла (въ сторону, гдѣ шелъ баронъ Остенъ-Сакенъ)... Между тѣмъ у Альткирхена собрались довольно значительныя силы, и авангардъ получилъ повелѣніе атаковать ихъ. Дѣло началось весьма горячее. Непріятель, долго защищавшись, отступилъ.

.....Авангардъ, пресѣдая непріятеля до вечера, остановился на ночлегъ предъ селеніемъ Квецъ.

Причиною, что диспозиція не выполнена, былъ генералъ баронъ Сакенъ. Онъ (не) пришелъ въ назначенное время, отговариваясь далекимъ обходомъ и будто ожидая повелѣній. Но общій былъ слухъ, что, имѣя неудовольствіе на главнокомандующаго, онъ нарочно сдѣлалъ, чтобы лишить его успѣха въ предпріятіи. Многіе чрезвычайно негодовали, что упущенъ благоприятѣйшій случай уничтожить цѣлый непріятельскій корпусъ.

25 мая противъ непріятеля, устроеннаго въ крѣпкой позиціи, собрались наши войска въ большихъ силахъ... Картечными выстрѣлами выгналъ я непріятеля изъ селенія Квецъ.

...Защищаясь весьма упорно, непріятель не могъ удержаться долго, ибо войска были въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ.... *

* Къ этимъ дѣйствіямъ относится еще одно обстоятельство, разказанное у Д. В. Давыдова и вовсе не упомянутое въ запискахъ Ермолова: „По занятіи Алкендорфа, (отъ котораго былъ отгннанъ Ней), полковникъ Ермоловъ выкачалъ съ конною артиллеріей своей влѣво отъ селенія, откуда онъ успѣшно поражаалъ непріятельскія колонны, отогнавшія частыя полки къ позиціи при Гейлигенталѣ. Разстройство непріятеля было весьма замѣтно, но за неимѣніемъ на этомъ пунктѣ кавалеріи, мы

Казакамъ достались обозы и между ними экипажъ маршала Нея, его серебряный сервизъ и другія вещи. Найдены серги и браслеты, и трудно было бы понять, какое употребленіе дѣлаемъ изъ нихъ господинъ маршалъ, елибы не истолковали вырѣзанные на серебрянѣ гербы разныхъ польскихъ фамилій—безпристрастіе его къ самымъ вѣрнымъ слугамъ Наполеона!...

Авангардъ пришелъ на ночлегъ къ селенію Дененъ на рѣкѣ Пасаргѣ.....

27 мая, съ самаго разсвѣта, стекались отовсюду войска непріятеля.... Одна колонна, опрокинувъ 7-й егерскій полкъ подъ командою.... подполковника Лаптева, такъ проворно пришла къ батарее, гдѣ я случайно находился, что я почиталъ ее за свои войска, и только по бѣлымъ перьямъ можно было узнать. Встрѣченная картечью двѣнадцати орудій, она обратилась въ замѣшательствѣ.....

....На нѣсколько часовъ остались мы въ покоѣ. Князь Багратионъ приказалъ всему авангарду быть въ готовности....

По требованію моему прислано мнѣ нѣсколько батарейныхъ орудій, ибо часто съ трудомъ выдерживалъ я дѣйствіе сильнѣйшихъ калибровъ непріятельской артиллеріи. Подъ Кенгсбергомъ испыталъ я, что могутъ значить трехфунтовые единороги противъ порядочной артиллеріи, и я увѣренъ, что непріятель удивился, что не съ первыхъ выстрѣловъ обратилъ насъ въ бѣгство.

....(28 мая) когда въ большомъ количествѣ пришла пѣхота (непріятельская), мы только-что могли удержаться на высотахъ у самаго Гутштадта. Въ сей день съ моею ротой я

не могли этимъ воспользоваться: командующій ею графъ Палей не былъ въ этомъ случаѣ виноватъ; его взоръ пронакалъ вездѣ и всюду, и онъ уже при первомъ движеніи впередъ отрядилъ Польскій уланскій полкъ для прикрытія артиллеріи Ермолова. Но шефъ этого полка, генералъ Баховскій, пріобрѣтшій въ штабѣ много друзей чрезъ свое богатство, не только не подвигался, но скорѣе пресмыкался по направленію къ Анкендорфу. При всемъ томъ онъ показался еще вовремя. Увидя голову его колонны, нѣкоторые изъ насъ, находившіеся на батарее Ермолова, подскочивъ къ Каховскому, просили его ударить носѣвшими на разсыпавшуюся и бѣгущую пѣхоту французскаго арріергарда; но онъ отвѣтилъ намъ, что его лошади устали (тогда какъ полкъ его подвигался не дальше двухсотъ сажень отъ нѣста ночлега), остановился. Убѣдившись въ невозможности отразить Нея отъ Денена, армія наша заняла позицію предъ Гейлгенгаузенъ....*

былъ въ ужаснѣйшемъ огнѣ, и одну неприятельскую батарею сблизъ, не употребляя другихъ выстрѣловъ, кромѣ картежныхъ. Прикрывавшій роту С.-Петербургскій драгунскій полкъ стоялъ подъ выстрѣлами съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ. Мы послѣдніе отступили за арріергардомъ, и мостъ чрезъ рѣку Алле сожгли за собою. Неприятель занялъ городъ, пѣхота его наполнила дома, лежащіе по берегу. Я вытерпѣлъ ружейный огонь, и не прежде отошелъ отъ города, какъ загорѣлся онъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Я платилъ негоднымъ жителямъ, приверженнымъ къ Французамъ, за то, что въ февралѣ, когда 5-й егерскій полкъ былъ вытѣсненъ изъ города, они изъявили радость рукоплесканіемъ и дѣлали насмѣшки.

Отступивши къ Гейльсбергу по сѣдамъ арміи, авангардъ расположился, не переходя рѣки.

29 мая авангардъ посланъ къ селенію Лаунау, дабы остановить неприятеля, если возьметъ онъ сіе направленіе.... Между тѣмъ армія..., по обыкновенію, погрѣшила медленностію, ибо авангардъ, по крайней мѣрѣ, лишникъ два часа долженъ былъ удерживать неприятельскія силы, платя за несоразмѣрность ихъ большою потерей людей....

Когда неприятель привелъ всѣ войска, когда противъ 40 орудій стало 150 пушекъ, и кавалерія протянулась далѣе конечности праваго нашего крыла, (при которомъ была моя конная рота), положеніе наше сдѣлалось весьма опаснымъ. Неприятельская кавалерія прорывала наши линіи, и съ тылу взяты были нѣкоторые изъ моихъ орудій. Одна изъ атакъ столько была рѣшительна, что бѣольшая часть нашей конницы опрокинута за селеніе Лангевизе. Но расположенные въ ономъ егерскіе полки генерала Раевского остановили успѣхи неприятеля, и конница наша, устроившись, возвратилась на свое мѣсто, и отбиты потерянные орудія. Я спасся, благодаря быстротѣ моей лошади, ибо во время дѣйствія батареи, часть конницы пріѣхала съ тылу, и на меня бросилось нѣсколько человекъ французскихъ кирасиръ. Между тѣмъ пѣхота наша, вытерпавшая ужаснѣйшій огонь и потерявъ много людей, начала отступать. Пріѣзжаетъ дежурный генераль-майоръ Фокъ, и съ негодоваіемъ спрашиваетъ князя Багратіона, отчего отступаетъ онъ, не имѣвши приказанія, тогда какъ армія не успѣла еще расположиться въ укрѣпленіяхъ. Неприятно было князю Багратіону подобное замѣчаніе отъ генерала Фока, который только въ небольшихъ

чинахъ извѣстенъ былъ смѣлымъ офицеромъ, и доселѣ нигдѣ употребленъ не былъ. Князь Багратионъ повелъ его въ самый пылъ сраженія, чтобы показать причину, понуждающую къ отступленію, и въ глазахъ его приказалъ идти впередъ. Не прошло пяти минутъ, какъ Фокъ получилъ тяжелую рану, и мы пресѣдованы до самыхъ окоповъ. Войска авангарда потеряли конечно не менѣе половины различнаго числа людей; не было почти полка, который бы возвратился со своимъ начальникомъ, мало осталось штабъ-офицеровъ.

Великій князь былъ свидѣтелемъ сраженія, и ему поручено главнокомандующимъ пѣхоту и артиллерію авангарда перевести за рѣку Алле на отдохновеніе, а кавалерію, менѣе утомленную или мало потерпѣвшую, присоединить къ арміи для дальнѣйшаго дѣйствія. Въ числѣ особенно отличившихся въ сей день замѣчены генералъ-майоры Багговутъ, подъ начальствомъ его командовавшій всѣми егерями Раевскій, и шефъ Кіевскаго драгунскаго полка Львовъ. Главнокомандующій благодарилъ меня за службу, и великій князь оказалъ мнѣ особенное благоволеніе. Ему понравилась отвѣтъ, сдѣланный мною присланному отъ него адъютанту съ замѣчаніемъ, что французская колонна слишкомъ приближается къ батареѣ: „я буду стрѣлять, когда различу бѣлокурыхъ отъ черноволосыхъ“. Онъ видѣлъ опрокинутую колонну.

Предъ вечеромъ произведена жесточайшая атака..... наставшая ночь прекратила сраженіе, и войска наши торжествующія возвратились въ укрѣпленіе.

(У Фридланда, 2-го іюня) непріятель состоялъ въ десяти тысячахъ сводныхъ гренадеръ маршала Удино.... Вскорѣ собралось большое количество нашихъ войскъ.... Надлежало манастъ рѣшительно на французскій корпусъ.... По несчастію, главнокомандующій былъ въ сей день очень боленъ....

Ермоловъ въ своихъ запискахъ почти вовсе не упоминаетъ о себѣ въ этомъ дѣлѣ.... Давыдовъ разказываетъ такъ: „Званіе главнокомандующаго вмѣсто Беннигсена, у котораго обнаружились сильныя припадки падучей болѣзни, принялъ на себя..... разрумяненный и украшенный соломенною шляпою Кн. Г..... Между тѣмъ французская кавалерія, испытавъ неудачу при нападеніи своемъ на нашъ правый флангъ, ограничилась выставленіемъ фланкеровъ. Вдругъ Французы, занявъ

опушку впереди находящагося лѣса 10 пушками огромнаго калибра, открыли по насъ губительный огонь картечью; дѣйствіе этихъ 10 пушекъ было вполнѣ ужасно для нашихъ войскъ, которыя были засыпаны страшною массою чугуна. Хотя Ермоловъ успѣшно противопоставилъ непріятелю около 40 легкихъ орудій, но они не могли заставить молчать огромныя пушки Французовъ; къ счастью, вслѣдствіе нашихъ выстрѣловъ, обвалившіяся деревья въ опушкѣ лѣса образовали родъ натурального бруствера, что вынудило Французовъ отступить съ занимаемой ими позиціи. Около двухъ часовъ по полудни главные силы непріятеля, предшествуемая весьма сильною артиллеріей, занявъ Сорлаакскій лѣсъ, устремились на нашъ лѣвый флангъ и сильно потѣснили его къ городу; тщетно князь Багратионъ, Раевскій, Ермоловъ и храбрѣйшіе офицеры лѣваго нашего фланга старались привести въ устройство разсыянные полки наши! Усилившіяся непріятельскія колонны и многочисленная артиллерія, кою командовалъ мужественный и рѣшительный генералъ Сенармонъ, подвигались впередъ; дѣйствіе ядеръ, гранатъ и въ особенности картечи, густо осыпавшихъ наши войска съ самаго близкаго разстоянія, было неимоვნю смертоносно. Багратионъ со шпагою въ рукахъ (что я все время моего при немъ служенія лишь здѣсь видѣлъ) ободрялъ Московскій гренадерскій полкъ, коего остатки окружали его лошадь. Онъ напоминалъ имъ подвиги ихъ въ Италіи и Суворова, но все было напрасно! Даже Семеновцы и Павловцы дрогнули и значительно осадили назадъ; неустрашимые Измаиловцы, пустивъ по Семеновцамъ бѣглый огонь, остановили ихъ. Вскорѣ Семеновцы и Павловцы, опомнившись послѣ первой минуты смущенія, мужественно встрѣтили непріятеля. Въ это грозное для насъ время, князь Багратионъ, желая хотя сколько-нибудь пріостановить натискъ Французовъ, которые грозили намъ совершеннымъ истребленіемъ, приказалъ Ермолову привести изъ резервовъ какую-нибудь батарейную роту. Встрѣтивъ 4 орудія изъ бригады храбраго Осипова, коими завѣдывалъ поручикъ Комаровъ, приказавшій уже ихъ взять на передки и продолжать свое отступательное движеніе, Ермоловъ велѣлъ ему остаться на мѣстѣ; когда Комаровъ донесъ ему, что у него вовсе нѣтъ зарядовъ, Ермоловъ сказалъ ему: „я вамъ приказываю не оставлять вашего мѣста: чрезъ ваше отступленіе образуется интервалъ, коимъ непріа-

тебѣ можеть воспользоваться; если ваше начальство останется тѣмъ недовольно, доложите, что вы это сдѣлали на основаніи приказанія полковника Ермолова; а я между тѣмъ возьму съ собою одного фѣйерверкера вашего, съ которымъ доставляю вамъ 4 зарядные ящичка.“ Но встрѣченныя Ермоловымъ на пути роты не только не снабдили его зарядными ящичками, — оны, исполняя чье-то повелѣніе, поспѣшно напротивъ отступили съ поля сраженія.

„Между тѣмъ главныя массы Французовъ, стремившіяся къ городу, сильно тѣснили войска наши. Къ довершенію несчастія, мосты (четыре, черезъ рѣку, бывшую въ тылу) запылали прежде перехода арміи на правый берегъ.....“

Возвращаемся опять къ запискамъ самого Ермолова.

Итакъ, вмѣсто того чтобы разбить и уничтожить слабый непріятельскій корпусъ, которому за отдаленіемъ не могла армія дать скорой помощи, мы потеряли главное сраженіе... Ни князь Горчаковъ въ себѣ не намель, ни войска къ нему не могли имѣть довѣренности.

.....
Безъ препятствій дошли мы до Велау.....

При отступленіи арріергарда посланные разъѣзды открыли отрядъ генерала графа Каменскаго, идущій отъ Кенигсберга, и за нимъ непріятель въ силахъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ позади соединялись дороги, и графъ Каменскій, прошедши прежде, могъ привести за собою непріятеля, который занялъ бы нашу дорогу. Князь Багратионъ, благосклонно выслушавшій мои разсужденія, позволилъ мнѣ сдѣлать предложеніе, чтобы всю нашу кавалерію послать на лѣвый флангъ пресѣдующаго насъ непріятеля, новостію сего движенія остановить, или по крайней мѣрѣ умедлить ходъ его, и съ пѣхотою пройдя поспѣшавѣйшимъ образомъ соединеніе дорогъ, ожидать графа Каменскаго. Князь Багратионъ приказалъ привести сіе въ исполненіе, и мы едва могли предупредить графа Каменскаго, а потомъ кавалерія наша прибыла въ одно время съ послѣдними его войсками. Онъ отправился къ арміи, и арріергардъ остался одинъ.

При селеніи Тапленъ, по удобству мѣстоположенія, дождались мы непріятеля, и довольно горячая сшибка съ передовыми его войсками была совершенно въ пользу нашу. Въ двѣнадцати верстахъ не доходя Тальзита, нашли мы дожи-

дающіеся полки кавалеріи и приказаніе главнокомандующаго удерживать непріятеля, дабы армія имѣла время перейти за Нѣманъ. На немъ только одинъ мостъ, и потому каждый изъ насъ видѣлъ, сколько трудное порученіе возложено на князя Багратіона, и какой опасности подвержено отступление арріергарда, имѣя одинъ мостъ и такое множество кавалеріи. Арріергардъ расположился въ боевой порядокъ. Мы готовились къ послѣднему сраженію на землѣ союзниковъ!

...Конечно, непріятель одного былъ съ нами мнѣнія, что неравными силами преодолѣть насъ было возможно, а потому остатокъ дня провелъ въ бездѣйствіи... Мы нетерпѣливо ожидали приближенія ночи.

Арріергардъ пришелъ поутру въ Тильзитъ и тотчасъ вся конница, казаки и артиллерія отправлены за Нѣманъ... Мостъ приготовленъ къ скорѣйшему соженію... На ономъ явился съ кавалеріей маршалъ принцъ Мюратъ, и мостъ загорѣлся почти подъ самую его лошадь.

Непріятель занялъ городъ... Мы не безъ страха ожидали происшествій! Армія наша была малочисленна и въ безпорядкѣ... Она не въ большомъ разстояніи отъ берега расположилась лагеремъ; лѣсистое мѣстоположеніе было весьма кстати ея безсилію. Авангарду приказано стать на самомъ берегу. Князь Багратіонъ, по приказанію главнокомандующаго, послалъ адъютанта съ предложеніемъ перемирія. Онъ представленъ къ Мюрату, потомъ къ Бертье,—и ему объявлено, что Наполеонъ желаетъ мира, не перемирія!

На другой день съ объясненіемъ о томъ пріѣхалъ въ главную квартиру Бертье, и послано донесеніе государю, который находился въ мѣстечкѣ Шавляхъ *. Черезъ два дня прибылъ государь къ арміи.... **

* Простительно желать знать, кому принадлежитъ честь подобныхъ распоряженій. Кажется полковнику Адерлау, и кто же осмѣлился бы оспаривать ее у Нѣнца? ибо съ давнихъ временъ не умѣютъ найдти Русскаго въ генералъ-квартирмейстеры.

** Во время переговоровъ о мирѣ въ Тильзитѣ, Ермоловъ часто ходилъ въ городъ смотрѣть на Наполеона. Онъ останавливался въ домѣ противъ императорской квартиры. Тамъ по цѣлымъ часамъ наблюдалъ онъ чрезъ растворенное окошко всѣ движенія своего героя, который предъ его глазами раздавалъ приказанія, выслушивалъ донесенія, говорилъ... Ермоловъ жаднымъ слухомъ ловилъ всякое слово, которое однакоже не долетало. (Д.)

...Вскорѣ заключенъ миръ. Всѣ выгоды онаго были на сторонѣ Наполеона; имъ же всѣ изъясненія почтенія, то-есть всѣ онаго наружности, оказаны нашему государю....

Войска аррьергарда возвращены въ дивизию, къ коимъ они принадлежали; мы всѣ, служившіе подъ командою генерала князя Багратіона, проводили любимаго начальника съ изъясненіемъ искренней приверженности. Кромѣ совершенной довѣренности къ дарованіямъ его и опытности, мы чувствовали разность обхожденія его и прочихъ генераловъ. Конечно, никто не напоминалъ мнѣ о томъ, что онъ начальникъ, и никто не умѣлъ лучше заставить помнить о томъ подчиненныхъ. Солдатами онъ былъ любимъ чрезвычайно. Я, простясь съ товарищами, отправился въ Россію.

Итакъ, кончилъ я войну, бывъ въ должности начальника артиллеріи въ авангардѣ въ этой должности съ самаго начала войны до заключенія мира.

По особенному счастью моему не потерялъ я въ ротѣ моей ни одного орудія, тогда какъ многіе, въ обстоятельствахъ гораздо менѣ затруднительныхъ, лишались оныхъ. Вообще изъ артиллеріи, бывшей въ командѣ моей, брошено одно орудіе Псковскимъ мушкетерскимъ полкомъ, но и тутъ нельзя упрекнуть артиллерійскаго офицера.

Въ сраженіи при Гейльсбергѣ многія изъ орудій попадали въ руки непріятели, ибо приказано было мною офицерамъ менѣ заботиться о сохраненіи пушекъ, какъ о томъ, чтобы въ самомъ близкомъ разстояніи послѣдними выстрѣлами заплатила за себя, если будутъ оставлены. Истолковано имъ, что гораздо менѣ вреда потерять пушки, нежели, для спасенія ихъ увоза заблаговременно, лишать войска покровительства ихъ, а часто и самаго охраненія, единственно отъ нихъ зависящаго. Поставлены офицерамъ въ доказательство случаи, собственны въ авангардѣ происшедшіе, что батареи, оставаясь на мѣстѣ до послѣдней крайности, не взяты непріателемъ при всѣхъ возможныхъ усиліяхъ; приведены примѣры, что самыя малыя части войскъ не могли быть преодолены превосходными силами, единственно оттого, что непріатель не могъ устрашить артиллерію и заставить ее удалиться; что еслибъ офицеръ боялся потерять орудія и для того въ опасности оставилъ свое мѣсто, войска были бы преданы неминуемому истребленію. Я выдавалъ кавалерійскимъ штабъ-офицерамъ свидѣтельства, когда отбивали они захва-

ченныя непріятелемъ орудія, и они получали по онымъ надлежащую награду... Сими офицерами возвращены всѣ потерянные при Гейльсбергѣ орудія. О распоряженіи моемъ, слагающемъ отвѣтственность за оставленные орудія, извѣстно было начальству, и доведено до свѣдѣнія самого государя, который въ послѣдствіи весьма милостиво о томъ меня спрашивалъ.

Я имѣлъ счастье пріобрѣсти благоволеніе великаго князя Константина Павловича, который о службѣ моей отзывался съ похвалою. Князя Багратиона пользовался я особеннымъ благорасположеніемъ и довѣренностію. Онъ дѣлалъ мнѣ порученія по службѣ, не одному моему званію принадлежація. Два раза представленъ я имъ къ производству въ генераль-майоры, и онъ со стороны своей дѣлалъ возможное настояніе, но потому безуспѣшно, что не было еще до того производства за отпачіе, а единственно по старшинству. Между товарищами я снискалъ уваженіе, подчиненные были ко мнѣ привязаны. Словомъ, по службѣ открылись мнѣ новые виды и надежда менѣе испытывать непріятностей нежели прежде. Въ продолженіе войны я получилъ слѣдующія награды: за сраженіе при Голыминѣ золотую шпагу съ надписью за храбрость, при Прейсишъ-Эйлау—Св. Владимира 3-й степени, при Гутштадтѣ и Пассаргѣ—Св. Георгія 3 класса, и при Гейльсбергѣ—алмазные знаки Св. Анны 2 класса. *

* Д. В. Давыдовъ предлагаетъ слѣдующія замѣчанія о службѣ Ермолова въ продолженіе этой кампаніи и объ отношеніяхъ его къ разнымъ начальникамъ:

„Будучи произведенъ въ полковники, по хадатайству почтеннаго и доблестнаго Ф. П. Уварова, воспользовавшагося отсутствіемъ графа Аракчеева, Ермоловъ заслужилъ, въ теченіи войны 1806 и 1807 годовъ, отличную репутацію. Князь Багратионъ, письменными дѣлами котораго Ермоловъ завѣдывалъ въ теченіи этой войны, исходатайствовалъ ему за бластательное мужество, выказанное близъ Гутштата, знаки Св. Георгія 3 класса, и обратилъ на него вниманіе цесаревича, коего особеннымъ благоволеніемъ и покровительствомъ Алексѣй Петровичъ пользовался до самой его кончины. Слава, пріобрѣтенная имъ въ теченіи этой войны, была такова, что одного удостовѣренія его было достаточно для полученія знаковъ Св. Георгія; такимъ образомъ получили Георгіевскіе кресты три штабъ-офицера, отличившіеся въ глазахъ Ермолова, подъ Гейльсбергомъ. (То были подполковникъ колло-польскаго полка Буяковскій и майоры: Лифляндскаго драгунскаго Рижскій-Корсаковъ и Финляндскаго—Фитингофъ.) Когда солдаты наши замѣчали роту Ермолова, выѣзжавшую на

Отправившись изъ Тильзита въ Россію, проѣзжалъ я Вильно, гдѣ нашелъ генерала Беннигсена. Онъ принялъ меня съ тою же благосклонностію, каковую оказывалъ мнѣ съ самой моей молодости. Разговаривая о войнѣ, онъ сказалъ мнѣ, что дѣтняя кампанія въ Пруссіи производилась совершенно не такъ, какъ онъ желалъ. Ему обѣщано было подрѣзание изъ 30 тысячъ человекъ, съ которыми намѣревался онъ, вмѣстѣ съ раннею весною, начать дѣятельную кампанію, когда силы Наполеона развлечены были осадю Даяцига. Подрѣзание умедлено и назначено наконецъ къ первому числу мая непременно, но со всѣмъ тѣмъ, по день заключенія мира, не прибыло къ арміи ни одного человека. Подрѣзание сіе состояло изъ двухъ дивизій рекрутъ, предъ самымъ походомъ получившихъ оружіе, употребленіе коего совершенно было имъ незнакомо. Не менѣе половины сихъ рекрутъ, проходя Минскую и Виленскую губерніи, оставлены въ госпиталяхъ.

Генералъ Беннигсенъ говорилъ мнѣ, что онъ предлагалъ государю послѣ сраженія при Прейсшъ-Эйлау отправить къ Наполеону ловкаго человека, который, предложивъ о размѣнѣ пѣвиныхъ, старался бы извѣдать средства склонить его къ миру, и надѣялся заключить выгодный. Онъ назначалъ на сіе генералъ-майора Хитрово (Николая Федоровича), который въ пребываніе свое въ Парижѣ былъ весьма ласкаемъ Наполеономъ.

Въ концѣ августа прибылъ инспекторъ всей артиллеріи, графъ Аракчеевъ, осмотрѣлъ артиллерію, распредѣлилъ укомплектованіе оной, и продолжая мнѣ прежнее неблаговоленіе, приказалъ мнѣ оставаться въ лагерѣ по 1-е число октября, когда всемъ прочимъ артиллерійскимъ бригадамъ назначено идти по квартирамъ 1-го сентября. Къ сему весьма грубымъ образомъ прибавилъ онъ, что я долженъ былъ пріѣхать къ нему въ Витебскъ для объясненія о недостаткахъ. Я отвѣчалъ, что неблагорасположеніе ко мнѣ не должно препятствовать разсмотрѣнію моихъ рапортовъ. Оскорбили

позицію и въ особенности его самого, они громко кричали: „Напрасно Французъ горячку поретъ, Ермоловъ за себя постоитъ“. Я былъ очевидцемъ всего этого“.

Ө. П. Узаровъ отозвался съ великою похвалою объ Ермоловѣ предъ государемъ послѣ Аустерлицкаго сраженія, король прусскій послѣ похода 1806 года. Государь отвѣчалъ королю прусскому: „Я уже знаю его.“

меня подобныя грубости и я не скрывалъ намѣренія непремѣнно оставить службу. Узнавши о семъ, графъ Аракчеевъ призвалъ меня къ себѣ, и предложивъ дать мнѣ отпускъ для свиданія съ родственниками, приказалъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы со мной лучше познакомиться.

Я поступилъ въ 9-ю дивизію генераль-лейтенанта князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, сына великаго Суворова, и квартира моя назначена въ мѣстечкѣ Любинѣ на Волыни.

Вскорѣ получилъ я высочайшій рескриптъ на мое имя и деньги для награжденія нижнихъ чиновъ, отличившихся храбростію. Это былъ первый примѣръ подобной награды.

Въ то же время графъ Аракчеевъ писалъ мнѣ, что о награждѣ ходатайствовалъ онъ, желая доказать уваженіе его къ отличной моей службѣ *.

* Д. В. Давыдовъ такъ разказываетъ объ отношеніяхъ гр. Аракчеева къ Ермолову:

„Графъ Аракчеевъ, почитая Ермолова прежнимъ фаворитомъ, преслѣдовалъ его весьма долго; оставаясь въ чинѣ подполковника въ продолженіи 9-ти лѣтъ, Ермоловъ думалъ одно время перейти въ инженеры, сопровождать генерала Акрепа на Юмическіе острова. Когда генералъ Бухмейеръ объяснилъ графу его ошибку, этотъ послѣдній рѣшился вознаградить Ермолова за все прошлое. Послѣ этой войны Ермоловъ, не взирая на малый чинъ свой, удостоился получить весьма милостивый рескриптъ государя, препроводившаго къ нему 1.000 рублей для награжденія нижнихъ чиновъ командуемой имъ роты. (Весьма замѣчательно то, что во все время царствованія императора Александра ни одинъ почти штабъ-офицеръ не удостоивался получить высочайшихъ рескриптовъ.)“ (Д.)

Вотъ письмо Аракчеева съ высочайшимъ рескриптомъ, напечатанное въ *Чтеніяхъ*:

„Милостивый Государь,
Алексѣй Петровичъ!

„При оставленіи, по болѣзни моей, командованія Артиллерійскимъ Департаментомъ, я почелъ приятнымъ себѣ долгомъ отличить роту, вами командуемую, предъ Государемъ Императоромъ, испрося на имя ваше у сего препровождаемый рескриптъ, не имѣя ничего у себя болѣе въ виду, какъ доказать вамъ, милостивому государю, то уваженіе, которое я всегда имѣлъ къ службѣ вашей, а васъ прося при ономъ случаѣ, дабы вы остались ко мнѣ всегда хорошимъ пріятелемъ, чего желаю пребывающій къ вамъ съ почтеніемъ и преданностію,

„милостивый государь, покорный слуга,

„Графъ Аракчеевъ.

„Декабря 12-го, 1807 года.“

Въ Петербургъ пріѣхалъ я, когда графъ Аракчеевъ изъ инспекторовъ всей артиллеріи, поступилъ въ званіе военнаго министра. Онъ принялъ меня съ особеннымъ благоволеніемъ и встрѣтилъ объявленіемъ новой награды. Государь пожаловалъ, въ знакъ отличія, нашивки на мундиръ коныамъ артиллерійскимъ ротамъ моей и князя Яшвиля *.

Аракчеевъ самъ представлялъ меня императору, и мнѣ нетрудно было видѣть, что предупредилъ его въ мою пользу. Пробывъ въ Петербургѣ три дня, я подалъ графу Аракчееву записку о томъ, что во время ссылки моей при покойномъ государѣ Павлѣ I, многіе обошли меня въ чинѣ, и что потому состою я почти послѣднимъ полковникомъ по артиллеріи. Я объяснилъ ему, что если не получу я принадлежащаго мнѣ старшинства, я почту и то не малую выгодой, что ему, какъ военному министру, извѣстно будетъ, что я лишень былъ службы не по причинѣ неспособности къ оной. Не получивъ отвѣта на поданную записку, въ тотъ же день выѣхалъ я изъ Петербурга. Остановившись въ Орлѣ у моихъ родныхъ, получилъ я извѣстіе, что я при общемъ производствѣ по артиллеріи пожалованъ генералъ-майоромъ, и назначенъ инспекторомъ части конно-артил-

„Господину артиллеріи полковнику Ермолову.

„Отличное дѣйствіе въ прошедшую кампанію командуемой вами конно-артиллерійской роты подаетъ мнѣ пріятный поводъ изъявить оной особое мое благоволеніе, а вмѣстѣ съ симъ инспекторъ артиллеріи, Графъ Аракчеевъ, препроводитъ къ вамъ тысячу рублей для награжденія въ ротѣ, по вашему назначенію, тѣхъ фейерверкеровъ и рядовыхъ, кои, по от личному своему знанію артиллерійской науки, заслуживаютъ уваженіе, что самое примите въ знакъ и къ вамъ особаго моего благоволенія. Въ С.-Петербургѣ. Ноября 30-го дня 1807 года.“

На подлинномъ подписано:

„Александръ.“

Въ запискахъ моихъ упомянуто, что П. И. Меллеръ-Закомельскій содѣйствовалъ своимъ отзывомъ переимѣнъ расположенія Аракчеева къ Ермолову.

* Въ запискахъ у меня вотъ какъ описано первое свиданіе Ермолова съ гр. Аракчеевымъ. „Вы одѣты не по формѣ“, встрѣтилъ его военный министръ. „Позвольте усомниться, ваше сіятельство“, отвѣчалъ Ермоловъ. Оказалось, что его бригадѣ за отличіе пожалованы были петлицы, о которыхъ Ермоловъ еще не слышалъ. Аракчеевъ своимъ замѣчаніемъ выражалъ ему свое благоволеніе.

лерійскихъ ротъ, съ прибавленіемъ къ жалованью двухъ тысячъ рублей *.

Въ семь новомъ званіи отправился я (1809) для осмотра конной артиллеріи въ Молдавской арміи подъ начальствомъ отличнаго долголѣтіемъ фельдмаршала князя Прозоровскаго, ко-его главная квартира находилась въ Яссахъ. Военныя дѣйствія были прекращены на нѣкоторое время. Я былъ свидѣтелемъ перехода войскъ въ лагерь при знаменитый зарожденіемъ ужасныхъ болѣзней въ войскахъ и истребленіемъ большаго числа оныхъ. Никакія убѣжденія не сильны были отклонить отъ занятія убійственнаго сего лагеря. Войска дѣлали марши не болѣе 15 верстъ, и рѣдко употребляли на то менѣе 10-ти часовъ, ибо устроенныя въ большія каре, и въ срединѣ оныхъ имѣя тяжелые обозы, медленно двигались они по большей части, безъ дорогъ. Фельдмаршалъ не переставалъ твердить, что онъ приучаетъ войска къ маневрамъ. Подверженные нестерпимому зною, войска очевидно изнурялись, и фельдмаршалъ, вскорѣ преселившійся въ вѣчность, отправлялъ впередъ себя армію не менѣе той, какую послѣ себя оставилъ.

Въ Валахіи начальствовалъ генераль-лейтенантъ Милорадовичъ, и рѣдкій день не было праздника, которые онъ дѣлалъ самъ и другихъ заставляя дѣлать для забавы своей любезной.

* Къ этому времени относится слѣдующее замѣчаніе въ запискахъ Д. В. Давыдова.

„Будучи произведенъ въ 1808 году въ генераль-майоры, Ермоловъ, состоя въ дивизіи молодого и пылаго князя Суворова, наблюдалъ за австрійскою Галиціей и Радзивиловскою таможеней; энергическія дѣйствія его и строгій надзоръ за контрабандистами, едва не навлекли ему большихъ непріятностей со стороны коммерцъ-коллегіи, но благодаря покровительству графа Аракчеева, онъ не подвергся взысканію за то, что, по незнакомію правилъ таможеннаго устава, онъ безкорыстно уступалъ всѣ конфискованные предметы казакамъ, отличившимся при поимкѣ контрабандистовъ; онъ не хотѣлъ въ этомъ случаѣ подражать своему предшественнику Бауеру, который высылалъ цѣлыя эскадры для конвоирования контрабанды. Получивъ вскорѣ послѣ того предписаніе графа Аракчеева наблюдать за польскими уроженцами западныхъ губерній, коимъ наше правительство не хотѣло дозволить вступать въ слишкомъ тѣсныя сношенія съ войсками князя Полятовскаго, дѣйствовавшими въ то время противъ Австріи, и будучи имъ уполномоченъ сылать выкованныхъ, Алексѣй Петровичъ успѣлъ въ этомъ случаѣ сочетать разумную строгость съ рѣдкимъ великодушіемъ.“

Я жилъ очень весело, бывалъ на праздникахъ, ѣздилъ на гулянья, выслушивалъ разказы его о побѣдахъ и между прочими о сраженіи при Обишети. „Я, узнавши о движеніи непріятеля, говорилъ оны, пошелъ на встрѣчу. По слухамъ оны былъ въ числѣ 16 тысячъ человекъ, я написалъ въ реляціи, что разбилъ 12 тысячъ, а въ самомъ дѣлѣ было Турокъ не болѣе 4 тысячъ человекъ.“ Предпріимчивость его въ семъ случаѣ дѣлаетъ ему много чести.

Къ арміи поѣхалъ я чрезъ Бендеры, Одессу, въ Крымъ. Обзорѣвъ все древности, прелестный полуденный берегъ, пробылъ я нѣкоторое время въ Карасубазарѣ, гдѣ стояла одна рота моей инспекціи. Возвратившись чрезъ Харьковъ, я видѣлъ довольно большую часть полуденнаго края Россіи.

Въ составъ арміи, назначенной противъ Австрійцевъ, подъ командою генерала князя Голицына (Сергѣя Фѣдоровича), поступила дивизія, къ которой я принадлежалъ, но я оставленъ начальникомъ отряда резервныхъ войскъ, въ числѣ 14 тысячъ человекъ, въ губерніяхъ Волынской и Подольской.

Военнымъ министромъ дано повелѣніе занять войсками границы обѣихъ сихъ губерній, ибо многіе изъ дворянъ перебѣгали, и уводили съ собою большое число людей и лошадей въ герцогство Варшавское, гдѣ формировалась польская армія. По сему порученію я доносилъ непосредственно военному министру графу Аракчеву, и имъ одобрены мои распоряженія. Для обузданія своевольныхъ дана мнѣ власть захватываемыхъ при переходѣ чрезъ границу, не взирая на лица, отсылать въ Кіевъ для препровожденія далѣе въ Оренбургъ и Сибирь. Я рѣшился приказать, тѣхъ изъ переходящихъ за границу, которые будутъ вооружены и въ большихъ партіяхъ, наказывать оружіемъ, и начальство довольно было рѣшительностію. Я употребилъ строгія весьма мѣры, но не было сосланныхъ.*

* Услыхавъ, что почетный попечитель Кременецкой гимназіи, тайный совѣтникъ графъ Чапскій, держалъ въ этомъ городѣ непопозвольтельныя рѣчи, Алексѣй Петровичъ прибылъ изъ Житомира въ Кременецъ; сообщивъ ему о своемъ полномочіи, оны въ присутствіи многихъ свидѣтелей грозно сказалъ ему: „Благодарю васъ, графъ, за ваше доброе обо мнѣ мнѣніе; вы повидимому убѣждены, что я не захочу воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ, но я обязанъ предупредить васъ, что впредь малѣйшее неосторожное слово ваше будетъ имѣть самыя печальныя для васъ послѣдствія“. Это краткое, но ясное увѣщаніе не осталось безъ желанныхъ послѣдствій. (Д. Даев.)

По окончаніи войны противъ Австрійцевъ армія наша возвратилась изъ Галиціи, и часть оной расположилась въ Волинской губерніи, понудила отрядъ мой вывести въ Киевскую, Полтавскую и Черниговскую губерніи. Квартира моя изъ Дубно перенесена въ Кіевъ. Вмѣстѣ съ Волинскою губерніей оставилъ я жизнь самую пріятную. Скажу въ короткихъ словахъ, что страстно любилъ W., дѣвushку прелестную, которая имѣла ко мнѣ равную привязанность. Въ первый разъ въ жизни приходила мнѣ мысль о женитьбѣ, но недостатокъ состоянія съ обѣихъ сторонъ былъ главнымъ препятствіемъ, и я не въ тѣхъ уже былъ лѣтахъ, когда столько удобно вѣрять, что пищу можно замѣнять нѣжностями. Впрочемъ господствующею страстью была служба, и я не могъ не знать, что только ею одной могу я достигнуть средствъ нѣскольکو пріятнаго существованія. Итакъ надобно было превозмочь любовь. Не безъ труда, но я успѣлъ.

(1810 г.) Дивизія, къ которой я принадлежалъ, вскорѣ по возвращеніи изъ Галиціи отправлена въ Молдавію, но я попрежнему оставленъ съ резервомъ. Я писалъ о перемѣнѣ назначенія моего графу Аракчееву, но въ самое то время на мѣсто его военнымъ министромъ назначенъ генералъ Барклай-де-Толли, которому я мало былъ извѣстенъ *.

Всѣ занятія мои въ Кіевѣ ограничались употребленіемъ порученныхъ мнѣ войскъ на построеніе новой крѣпости на Звѣринской горѣ. Избавляясь ужасной скуки, объѣзжалъ я войска въ квартирномъ ихъ расположеніи, и занимался

* Отъ графа Аракчеева Ермоловъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Милостивый государь мой
Алексѣй Петровичъ!

„За письмо вашего превосходительства отъ 15 іюня, полученное мною отъ адъютанта Граббе, принесъ вамъ истинную мою благодарность, прошу васъ, милостивый государь мой, принять отъ меня искреннее увѣреніе, что я, зная отаичныя заслуги вашего превосходительства, при всякомъ случаѣ и всегда старался доставлять вамъ противу прочихъ генераловъ лучшіе виды по службѣ. За удовольствіе почитаю быть всегда съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ.

„Вашего превосходительства покорный слуга
„графъ Аракчеевъ.

„С.-Петербургъ.

„Іюля 4-го дня 1810 года.“

сформированіемъ двухъ конно-татарскихъ полковъ, Евнаторійскаго и Самферопольскаго. При росписаніи всей кавалеріи непонятнымъ образомъ поручены артиллерійскому генералу два полка иррегулярной конницы.

Около двухъ лѣтъ прожилъ я въ Кіевѣ, и тяготила меня служба ничтожная и чести неприносящая. Съ другой стороны, льстило мнѣ благосклонное мнѣніе начальства, и генералъ князь Багратионъ, назначаяъ будучи главнокомандующимъ молдавскою арміею, просилъ объ опредѣленіи меня начальникомъ артиллеріи въ арміи, на что не послѣдовало соизволенія. Поступившій на мѣсто его главнокомандующимъ генералъ графъ Каменскій, проѣзжая Кіевъ, предложилъ мнѣ служить съ собою *. За величайшее благодареніе принялъ я предложеніе его и ожидалъ, въ званіи бригаднаго командира, имѣть два полка, на которые весьма охотно промѣнивалъ отрядъ изъ 14 т. человекъ, преобразованныхъ въ лопатники. Прибывши въ армію, графъ Каменскій представилъ государю о назначеніи меня дежурнымъ генераломъ. Свыше ожиданія моего, было сіе назначеніе, и я съ восхищеніемъ ожидалъ повелѣнія отправиться въ армію. Главнокомандующій былъ въ особенной довѣренности у государя, и всѣ представленія его были утверждаемы, но въ разсужденіи меня онъ получилъ отказъ, и ему отвѣтствовано, что я надобенъ въ настоящей должности. Также сдѣлано было предложеніе, замѣстить мною умершаго генералъ-майора графа Цукато, который съ отдѣльною частью войскъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Сербами противъ виддинскаго паши. На сіе сказано, что я молодъ. Надлежало разумѣть въ семъ случаѣ старшинство въ чинѣ, ибо многимъ въ меньшихъ лѣтахъ не было упрекаемо въ молодости. Не могло счастье представить болѣе случаевъ, льстящихъ честолюбію, особенно служащему безъ покровительства, но тѣмъ болѣе огорчала меня неудача, что въ настоящемъ чинѣ не будучи еще употребленъ противъ непріятеля, я желалъ первые опыты сдѣлать противъ Турокъ, гдѣ ошибки легко поправляемы или по крайней мѣрѣ менѣе видны. Мнѣ

* Отъ графа Дмитрія Николаевича Блудова, бывшаго свидѣлемъ свиданія главнокомандующаго съ Ермоловымъ, по званію начальника дипломатической канцеляріи графа Каменскаго, имѣлъ я честь слышать объ отзывѣ главнокомандующаго и о пріятномъ впечатлѣніи, которое производилъ на всѣхъ молодой генералъ своею замѣчательною мужествомъ.

нужна была опытность и случай оказать нѣкоторыя способности, ибо, служа во фронтѣ артиллерійскимъ офицеромъ, я могъ быть извѣстенъ одною смѣлостію, а одна таковая въ чинѣ генералъ-майора меня уже не удовлетворяла. Итакъ оставаясь попрежнему въ Кіевѣ, долженъ я былъ назначеніе мое почитать продолжительнымъ.

Получивъ на короткое время отпускъ, проѣхалъ я въ Петербургъ. Я представленъ былъ государю въ кабинетѣ, что предоставляемо было не менѣ какъ дивизіоннымъ начальникомъ. Слухъ носился о раждающихся неудовольствіяхъ съ Наполеономъ, съ которыми рѣдко можно кончить ихъ иначе какъ оружіемъ. Многіе къ сему причинамъ относили благосклонный пріемъ, дѣлаемый военнымъ. Не имѣя сего самолюбія, боялся я въ душѣ моей на случай войны остаться въ резервѣ. Инспекторъ всей артиллеріи, баронъ Меллеръ-Закомельскій, хотѣлъ употребить стараніе о переводѣ меня въ гвардейскую артиллерійскую бригаду, но я отказался, боясь парадной службы, на которую не чувствовалъ я себя годнымъ, и возвратился въ Кіевъ *.

* Къ этому времени принадлежитъ слѣдующее письмо Кульнева, свидѣтельствующее объ уваженіи коимъ пользовался Ермоловъ отъ всѣхъ перedовыхъ людей того времени:

„Сher camarade,
„Алексѣй Петровичъ!

„Ни время, ни отсутствіе дальше не могло истребить изъ памяти моей любви и того почтенія, кое привлекли вы себя отъ всей арміи, что не лестно вамъ говорить, и всегда объ васъ вспоминалъ, для чего васъ не было въ шведскую и послѣднюю кампанію, турецкую войну. Человѣку съ вашими способностями не мѣшало звать образъ той и другой войны, и, я полагаю, преградю сей мѣшала вамъ какая ли есть придворная чумичка. Время еще не ушло; кажется, въ скорости увидимся на ратномъ полѣ; межъ тѣмъ рекомендую вамъ вручителя сего письма, г. Богданова, отецъ коего и все семейство дому нашему, и паче мнѣ, большіе пріятелі: прошу васъ, по желанію его, постараться перевести его въ коюю артиллерію; въ его лѣта весьма не кстаетъ ему служить при полторахъ, и все, что вы для него сдѣлаете, меня чувствительно обяжете, какъ равно все его почтенное семейство. Я проѣздомъ заѣхалъ въ Курскъ, ѣду изъ Молдавіи въ новый поакъ, который пошелъ на прусскую границу.

„Кульневъ.

„12-го мая 1811.”

„Курскъ.“

Вскорѣ за сими военный министръ увѣдомилъ письмомъ, что государь желаетъ знать, согласенъ ли я служить въ гвардію командиромъ артиллерійской бригады. Я отвѣчалъ, что служба въ арміи, и болѣе будучи употребляемъ, я надѣюсь обратить на себя вниманіе государя, что по состоянію не могу содержать себя въ Петербургѣ и безъ заслугъ ничего выпрашивать не смѣю. Высочайшій приказъ о переводѣ меня въ гвардію былъ отвѣтомъ на письмо мое. Не могъ я скоро отправиться къ новому моему назначенію, ибо, переломивъ себѣ въ двухъ мѣстахъ руку, я долго былъ боленъ. По донесенію о семъ государю, присланъ курьеръ узнать о моемъ здоровьѣ, и военному губернатору приказано каждая двѣ недѣли увѣдомлять о немъ. Удивленъ я былъ сими вниманіемъ, и сталъ оберегать руку, принадлежащую гвардіи. До того менѣе я заботился объ армейской головѣ моей.

За два мѣсяца до окончанія года, пріѣхалъ я въ Петербургъ и вступилъ въ командованіе бригадою, не входя въ хозяйственную часть оной, желая показать, что я не ищу выгоды. Государь принялъ меня съ обыкновенною милостію, и сего довольно, чтобы фигура моя не казалась чужеземною въ столицѣ. Великій князь, со времени послѣдней кампаніи, постоянно былъ мнѣ благосклоннымъ. Изломанная рука моя доставляла мнѣ возможность не во всѣхъ участвовать ученьяхъ и разводахъ, которые большую часть времени отнимаютъ у служащихъ въ Петербургѣ, и я былъ довольно свободнымъ. Вскорѣ вновь сформированъ Литовскій гвардейскій полкъ, поступившій вмѣстѣ съ Измайловскимъ полкомъ въ бригаду, въ которую государь назначилъ меня командиромъ съ сохраненіемъ артиллерійской бригады. Къ жалованью моему прибавлено въ годъ по шести тысячъ руб.

Такимъ неожиданнымъ образомъ переимѣнилось вдругъ состояніе бѣднаго армейскаго офицера, и я могу служить ободряющимъ примѣромъ для всѣхъ подобныхъ мнѣ. Въ молодости моей началъ я службу подъ сильнѣмъ покровительствомъ, и вскорѣ лишился онаго. Въ царствованіе императора Павла I содержался въ крѣпости, и отправленъ въ ссылку на вѣчное пребываніе. Всѣ младшіе по службѣ сдѣлались моими начальниками, и я при нынѣшнемъ государѣ вступилъ въ службу безъ всякихъ выгодъ, испытывалъ множество непріятностей по неблаговоленію начальства, всего достигалъ съ большими усиліями, по очереди, и нерѣдко съ равными правами на награду,

неравные имѣлъ я успѣхи со многими другими. Въ доказательство сего скажу примѣръ, теперь со мною случившійся. Отряды резервныхъ войскъ поручены были артиллеріи генералъ-майору князу Яшвилю и Игнатъеву, но по расположенію моего отряда на границѣ, на мнѣ одномъ возлежала стража оной и съ большою властію большая отвѣтственность. Имъ обоимъ данъ орденъ Св. Анны перваго класса, мнѣ даже не изъявлено благодарности.

О сдѣланной мнѣ обидѣ объяснился я съ военнымъ министромъ Барклаемъ-де-Толли, который съ важностію нѣмецкаго бургомистра весьма хладнокровно отвѣчалъ мнѣ: „Правда, что я упустилъ изъ виду службу вашу.“ Я желалъ бы въ сію минуту видѣть въ немъ знатнаго человѣка, и отказъ, мнѣ сдѣланный, былъ бы приравленъ въ живостію. Не менѣе сего досаденъ мнѣ былъ отказъ на представленіе инспектора всей артиллеріи, коимъ просилъ онъ опредѣлить меня начальникомъ артиллеріи въ молдавскую армію, подъ предводительствомъ генерала Кутузова, благосклонно расположеннаго ко мнѣ. Послѣ сего подавкою запиской военному министру объявилъ я необходимость лѣчиться кавказскими минеральными водами, и просилъ объ опредѣленіи меня на линію бригаднымъ командиромъ. Онъ сказалъ мнѣ, что по особенному благоволенію ко мнѣ государя, я хочу заставить дать себѣ награду, и прошу объ удаленіи, зная, что на оное не будетъ согласія. Итакъ я успѣлъ только, къ общему всѣхъ удивленію, разгорячить ледовитаго Нѣмца, который изъяснился съ великимъ жаромъ. *

Вскорѣ за симъ я удостоивърился, что весьма трудно переимѣнить мое назначеніе, ибо, когда инспекторъ всей артиллеріи (по согласію моему) вошелъ съ докладомъ о препорученіи мнѣ осмотра и приведенія въ оборонительное

* Давыдовъ говоритъ: „Ермоловъ былъ скорѣ, противъ своего желанія, назначенъ сперва командиромъ гвардейской артиллерійской, а потомъ и гвардейской пѣхотной бригады; онъ имѣлъ въ это время, по порученію барона П. И. Меллера-Закомельскаго, сильныя стычки съ военнымъ министромъ Барклаемъ; Михаилъ Богдановичъ еще болѣе вознегодовалъ на него, узнавъ, что Алексѣй Петровичъ, объяснивъ государю устройство прицѣловъ, отдалъ предпочтеніе инструменту Кабакова предъ тѣмъ, который былъ изобрѣтенъ его племянникомъ Фицтумомъ. Супруга Барклая Елена Ивановна, не разъ говорила мужу о Ермоловѣ: „lass ihn ruhig, das ist ja ein schrecklicher Mensch“.

положеніе крѣпости Рижской и мостоваго укрѣпленія при Динабургѣ *, государь не изъявилъ соизволенія, приказалъ мнѣ сказать, что впредь назначенія мои будутъ зависѣть отъ него и что я ни въ комъ не имѣю нужды. Когда же увидѣлъ меня, спросилъ, сообщено ли мнѣ его приказаніе, и прибавилъ: „за что гонять тебя изъ Петербурга? однакоже я помѣшалъ: и безъ того много будетъ дѣла“. Не смѣлъ я признаться, что желалъ самъ перемѣнить родъ моей службы, и доволенъ былъ, что военный министръ не довелъ до свѣдѣнія о поданной мною запискѣ. Въ такомъ положеніи прошло время до марта мѣсяца, въ началѣ коего выступила гвардія въ Литовскую губернію.

Его высочество цесаревичъ повелъ колонну составленную изъ гвардейской кавалеріи. Подъ моею командой, въ особенной колоннѣ, слѣдовала вся гвардейская пѣхота.

Qua nos fata trahunt retrahuntque, sequamur!

Virg.

М. ПОГОДИНЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* Инспекторъ всей артиллеріи желалъ доставить Ермолову случай получить награду, которая дана генералъ-майорамъ князю Яшвилю и Игнатьеву.

СПЕЦИАЛИСТЪ

П О В Ъ С Т Ъ .

I.

Катеринѣ Алексѣевнѣ Погуляевой, оставшейся, послѣ смерти мужа, съ двумя малолѣтними дѣтьми и владѣющей собственнымъ домомъ въ Москвѣ и сотнею душъ крестьянъ въ К—й губерніи, достало кое-какъ деньжонокъ воспитать дочку Юленьку, удалось наконецъ, съ Божіею помощію, и сына Федю приготовить въ гимназію,—словомъ на все достало. Катерина Алексѣевна, однако, очень хорошо понимала, что все шло кругомъ только до тѣхъ поръ, пока дѣти были малолѣтныя, но что когда дочь сдѣлалась невѣстою,—дремать не слѣдовало, ибо выдать замужъ ее можно было только молоденькою, разчитывая на одну красоту и свѣжесть, а никакъ не на приданое. Катерина Алексѣевна стала вывозить дочь, принимать у себя молодыхъ людей, одѣвать и веселить Юленьку,—словомъ весь досугъ свой посвящала ей, а Федю, жившаго въ одномъ домѣ съ ними, точно будто бы и не существовало: видали его только за обѣдомъ да за ужиномъ, но что

онъ дѣлалъ остальную часть дня, чѣмъ занимался, какъ учился,—никто не зналъ, да и мало даже кто этимъ и интересовался! Можетъ-быть еслибы Феденька принадлежалъ къ числу мальчишковъ шалуновъ, Катерина Алексѣевна обратила бы на него больше вниманія; но Федя велъ себя такъ тихо, такъ скромно, что Катерина Алексѣевна восхищалась имъ.

Домъ Погуляева расположенъ былъ такъ, что наверху помещались барышня, маменька и двѣ дѣвушки, а внизу, кромѣ классическихъ: передней, залы, гостиной и угольной, находилась бывшая класная и рядомъ съ нею спальня Федора Никандровича. Класная, обращенная въ послѣдствіи въ кабинетъ или приѣмную Фоденьки, выходила окнами въ заборъ сосѣдняго дома, чрезъ который были видны весь дворъ, службы, черное крыльцо и окна сосѣдей. Хотя убранство всей комнаты состояло изъ проваливашагося, неуклюжаго дивана съ весьма непривлекательными желтыми пятнами на обойкѣ, и изъ нѣсколькихъ стульевъ тоже полинялыхъ и грязныхъ; но Фоденька любилъ ее и постоянно въ ней сидѣлъ.

Всякое утро, вставая рано, онъ дѣлалъ свой туалетъ съ помощью перваго явившагося на его зовъ челоуѣка, будь то поваръ или кучеръ (камердинера у него не было), и отправлялся въ гимназію. Къ гимназіи Фоденька питалъ совершенное равнодушіе, какъ относительно ученія, такъ и относительно всего что тамъ дѣлалось.

Возвращаясь изъ гимназіи въ три часа, онъ прямо шелъ въ залу обѣдать и такъ какъ тамъ никто его не задерживалъ, то сейчасъ же, проглотивъ послѣдній кусокъ, проходилъ онъ къ себѣ, и взявъ какую-нибудь книгу въ руки, садился на любимое мѣсто свое къ окну. Видъ изъ его комнаты, о которомъ я уже упоминалъ, для всякаго другаго могъ бы показаться не только не красивымъ, но даже грязнымъ. Что могло въ самомъ дѣлѣ быть хорошаго въ неуклюжихъ, каретныхъ сараяхъ и конюшнѣ, въ какихъ-то чуланчикахъ, всегда съ полуотворенными дверцами, на которыхъ висѣли веревочки вмѣсто замковъ, въ крыльцѣ отъ грязи почернѣвшемъ и не даромъ носившемъ названіе чернаго, на которомъ кромѣ разорваннаго кулъка съ углемъ, трубы отъ самовара и ведра воды съ плавающимъ ковшомъ, ничего не бывало видно,—что наконецъ было хорошаго въ лицахъ этихъ толстыхъ дѣвокъ, видныхъ въ окна и постоянно съ какими-то клиньями недоконченныхъ платьевъ въ рукахъ!

Четвертый часъ. Феденька сидитъ у окна; на соседнемъ дворѣ все мертво и пусто, — но вотъ женщина, окончивъ мыть тарелокъ послѣ господскаго стола, спускается по черной лѣстницѣ съ большою лоханью въ рукахъ; платье ея граціозно заткнуто въ нѣсколько складокъ за поясъ, рукава у нея засучены. Она на босу ногу идетъ черезъ дворъ, въ коровникъ. Федя слѣдитъ за нею; но вотъ вниманіе его отвлечено въ другую сторону: вотъ его знакомый, красный, золотистый пѣтухъ, вотъ и куры—хохлушка, черная, бѣлая, сѣрая... онъ всѣхъ ихъ знаетъ,—посмотримъ, что они, какъ будутъ себя сегодня вести? И Феденька слѣдитъ за курами, что занимается также не мало времени. Но вотъ уже седьмой часъ. Дѣвушки складываютъ работу. Они не обращаютъ вниманія на Федю. Ну что мальчишка!... Взглянуть онъ такъ онъ скорѣе глаза опускаетъ, чтобъ его не замѣтили; за то онъ не стѣсняется: вонъ какъ небрежно вытягиваютъ онъ свои усталыя руки, вонъ къ ихъ окну подходитъ поваръ, любезничаютъ съ ними, а онъ бьетъ его по рукамъ, когда онъ ихъ къ нимъ протягиваетъ, вонъ наконецъ онъ спать ложатся,—сторъ не спускаютъ, ставней не затворяютъ, и Феденька все видитъ. Такимъ образомъ шли часы за часами, дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами. Феденька былъ совершенно доволенъ своимъ житьемъ; онъ не любилъ, чтобы кто-нибудь прерывалъ его занятія, не любилъ, чтобы приходившіе иногда къ нему товарищи отрывали его отъ пріятнаго, обычнаго зрѣлища; онъ сидѣлъ смирно, не дурачился, никому не мѣшалъ, да не любилъ чтобъ и ему мѣшали.

Однажды, когда разъ сидѣлъ онъ спокойно на своемъ любимомъ мѣстѣ у окна и занимался своимъ любимымъ созерцаніемъ, дверь его комнаты тихо отворилась, и кто-то, подкравшись къ нему, тихо коснулся его плеча.

Погуляевъ обернулся и покраснѣлъ до ушей.

— Какъ ты меня испугалъ, Лавровъ! сказалъ онъ.

— Чѣмъ? спросилъ, улыбаясь, вошедшій товарищъ.

— Какъ же подкрался, я не ожидалъ....

— Врешь, ты не этого испугался, сказалъ, смотря прямо въ глаза Феденьки, Лавровъ.

Погуляевъ покраснѣлъ еще больше.

— Однако у тебя здѣсь отлично, продолжалъ Лавровъ,—я думаю все видно, что онъ дѣлаютъ, а? видно?

Погуляевъ долго не отвѣчалъ. Трудно ему было разстаться съ своимъ секретомъ; его умягчило только сочувствіе Лаврова.

— Да, сказалъ онъ наконецъ:—видно!...

Лавровъ сейчасъ же откровенно разказалъ ему, что и онъ былъ въ такомъ же положеніи, что на прежней ихъ квартирѣ и онъ этимъ занимался, разказалъ ему, что и какъ именно онъ видѣлъ. Феденька въ свою очередь разказалъ то, что зналъ изъ своихъ наблюденій, и такимъ образомъ съ этого дня, мальчики сошлись, и у Погуляева все стало вмѣстѣ съ Лавровымъ, вмѣстѣ они посиживали у окна, вмѣстѣ производили наблюденія, вмѣстѣ краснѣли.

У Лаврова не было ни отца, ни матери. Онъ жилъ на хлѣбахъ у бѣдныхъ своихъ родственниковъ, которые давали ему у себя уголь, кормили его, но нравственностію его и поведеніемъ также мало занимались, какъ мало занималась Катерина Алексѣевна Феденькою.

Родственники эти, подъ обаяніемъ чувства, которое большею частью имѣютъ бѣдные люди относительно богатыхъ, радовались, что Сережѣ ихъ удалось сойтись съ достаточнымъ семействомъ, черезъ которое онъ получалъ для себя разныя удовольствія и которое,—кто знаетъ?—можетъ быть поможетъ ему послѣ въ его карьерѣ, а Катерина Алексѣевна была рада, что ея Феденька не одинъ. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ были довольны, и жизнь Погуляева стала веселѣе, разнообразнѣе и живѣе.

Собственныя дѣла Катерины Алексѣевны шли между тѣмъ очень хорошо. Одинъ изъ молодыхъ людей въ послѣднее время зачастилъ къ нимъ въ домъ; партія для Юленьки была отличная, и можно было ожидать, что повѣздки его кончатся предложеніемъ, въ ожиданіи котораго Катерина Алексѣевна рѣшилась верстахъ въ пяти отъ Москвы нанять дачу, куда и переехала со всѣмъ семействомъ на лѣто.

Гулянье въ лѣсу, по мѣрѣ поспѣванія ягодъ и всякихъ произрастеній, сначала за земляникой, потомъ за черникой, малиной, грибами, сидѣніе по нѣскольку часовъ съ книгою въ рукахъ надъ прудомъ, гдѣ съ утра до вечера полоскались и брызгались деревенскіе ребята и бабы, скоро заставили Феденьку забыть о любимомъ окнѣ въ городѣ, и когда Катерина Алексѣевна, въ началѣ іюля, дождавшись наконецъ давно

ожидаемаго предложенія, вздумала переѣзжать снова въ городъ для болѣе удобнаго приготовленія приданаго, то Федѣ рѣшительно не хотѣлось оттуда уѣзжать. Когда же по настоянію Катерины Алексѣевны, онъ все-таки переѣхалъ и встрѣтилъ въ первый разъ Лаврова, то тотъ даже руками всплеснулъ, глядя на него.

— Что это ты, Погуляевъ, сказалъ онъ,—да у тебя *басъ!*

— Бл-а-съ, отвѣчалъ самодовольно Феденька октавой.

— Чортъ знаетъ что такое!.. Ты какъ-то обросъ, посмотрика, усы лѣзутъ, борода!...

— Побриться надо! отвѣчалъ равнодушно Феденька и пощупалъ лѣвою рукою своей подбородокъ.

Конфузливость свою онъ тоже поутратилъ: не смущался уже и не краснѣлъ, когда подходилъ со свистомъ или пѣсною къ своему окну, и глаза его встрѣчались съ сѣрыми прозрачными глазами одной изъ болѣе нравившихся ему горничныхъ; да и горничныя, съ своей стороны, какъ-то перемѣнились, сдѣлались стыдливѣе, больше обращали на него вниманія и не такъ небрежно раскидывались на своихъ стульяхъ.

Въ отношеніи къ семейству своему, Феденька также перемѣнился. Бывало, только и видѣли его что за обѣдомъ, да за чаемъ, и то сидитъ, молчитъ, отъ всякаго слова конфузится; сестра смѣется, а Катерина Алексѣевна восхищается, что онъ точно красная дѣвица. Бывало, пріѣдетъ-какая-нибудь къ Юленькѣ барышня, начнутъ для смѣху говорить, чтобы Феденька ее поцѣловалъ, а Феденька кобенится, упирается. Его ловятъ, а онъ какъ будто защищается, не хочетъ, но теперь того и помину не было, теперь съ особеннымъ удовольствіемъ оставался онъ иногда въ гостиной смотрѣть на помолвленную сестру и жениха ея, любилъ наблюдать за ними, любилъ слѣдить за ихъ жестами, выраженіями лица. Лавровъ въ послѣднее время, по случаю занятій въ гимназій, рѣже видавшійся съ Погуляевымъ, не зналъ уже до конца всего того что занимало Феденьку, но замѣчалъ только; что дружба между ними не прежая, что Погуляевъ многого не досказывалъ ему.

Такъ проходило время, такъ наступилъ и прошелъ день Юленькиной свадьбы.

II.

Для большей части родителей, дѣти, въ первомъ своемъ возрастѣ, не составляютъ никакихъ почти заботъ. Они въ дѣтскихъ спятъ, ѣдятъ, растутъ, и потомъ, вытянувшись до двухъ аршинъ росту, вдругъ являються въ гостиную и являються для папенокъ и маменокъ совершеннѣйшимъ сюрпризомъ. Съ Катериной Алексѣевной случилось то же самое: съ судьбой Юленьки она наконецъ покончила, наградивъ ее по силамъ приданнымъ и отправивъ далеко изъ Москвы наслаждаться супружескою жизнью; но если ей тяжелы и трудны были заботы о дочери, то что же ожидало ее еще въ будущемъ, когда ей пришлось открыть новый сюрпризъ въ Федеенькѣ? Катерина Алексѣевна, какъ слѣдуетъ хорошей матери, добросовѣстно привялась за дѣло: будучи совершенно незнакома съ сыномъ, она рѣшилась испробовать всѣ средства, чтобы добиться сближенія съ нимъ. Она ласкала Федееньку; всячески старалась ему угодить; придумывала все, чѣмъ бы могла хотя малое доставить ему удовольствіе; заказывала любимыя его блюда; думала о его туалетѣ; объ убранствѣ и очисткѣ его комнаты; но чѣмъ болѣе прикладывала она заботъ, чѣмъ болѣе ласкала его, тѣмъ суше и безучастнѣе становился Федеенька; точно чувствовалъ онъ, что Катерина Алексѣевна не выдерживаетъ своего материнскаго достоинства, точно сознавалъ онъ, что имѣетъ какое-то превосходство надъ ней, точно презиралъ онъ ее.

— Что вы меня угощаете?... Ахъ, да не беспокойтесь, я самъ сдѣлаю... отвѣчалъ онъ ей по большей части на всѣ ея предупредительныя ласки.

Когда же Катерина Алексѣевна, вѣроятно чувствуя, что сближеніе ея съ сыномъ подвигается плохо, рѣшилась пойти еще дальше и стала дѣлать съ нимъ время и мысли, чуть не встрѣчала его при приходѣ изъ гимназіи, чуть не цѣлые вечера просиживала съ работою въ рукахъ въ его комнатѣ, то Федеенькѣ сдѣлалось просто не въ терпѣжь: это окончательно заставляло его мѣнять всѣ свои привычки; онъ сталъ задумываться, дуться. Катерина Алексѣевна, не догадываясь въ чемъ дѣло, приставала къ нему:

— Вѣрно у тебя что-нибудь грустное есть? спрашивала она.

Феденька молчалъ.

— Скажи матери, говорила она со слезами на глазах:— мать пойметъ тебя; друга вѣрнѣе матери нѣтъ... Признайся, открой, другъ мой, свою душу.

Феденька наконецъ не выдержалъ и сказалъ Катеринѣ Алексѣевнѣ, что просто она постоянно своимъ судьяньемъ у него въ комнатѣ мѣшаетъ ему заниматься, почему онъ и проситъ ее оставлять его одного.

Катерина Алексѣевна испугалась. Мысль эта какъ-то не входила ей въ голову. Она никогда не думала, чтобы мать могла мѣшать въ чемъ-нибудь и когда-нибудь своему родному дѣтищу.

Предлогъ для удаленія матери и для нѣкотораго ограниченія ея преслѣдованій былъ избранъ Феденькой отлично. О неуспѣшныхъ занятіяхъ его до Катерины Алексѣевны давно уже ходили самые неблагоприятные слухи. Наведенная на мысль объ ученьи его, она засуетилась и стала приставать къ нему съ этимъ ученьемъ хуже чѣмъ приставала къ нему съ своимъ оближеніемъ. Къ тому же, не разгадавъ еще своего сюрприза, она не знала какъ быть: дѣйствовать ли строго—властью матери, или ласкою въ видѣ друга, то и другое она пробовала попеременно, но и тѣмъ и другимъ не достигла никакого результата.

Разъ Феденька, возвратившись по обыкновенію въ три часа изъ гимназіи, вошелъ въ свою комнату, снялъ шинель и тотчасъ же, къ немалому удивленію Катерины Алексѣевны, послалъ просить ее на минуту сойдти внизъ. Катерина Алексѣевна даже запыхалась: такъ она спѣшила на неожиданное приглашеніе сына.

— Чтò ты, другъ мой? сказала она, смотря на него растерянными глазами и едва переводя духъ.

— Я вотъ, началъ Феденька,—затѣмъ послалъ... сказать вамъ хотѣлъ, что....

— Чтò такое, говори, ради Христа, чтò случилось, говори?!

— Ну чтò же вы такъ ужь и въ отчаяніе впали; съ вами говорить нельзя....

— Да ну, ну! Я не буду, говори.

— Просто, началъ Феденька,—скотина этотъ, директоръ нашъ, письмо къ вамъ глупое пишетъ и проситъ васъ меня взять....

— Что? спросила, вытаращивъ глаза, Катерина Алексѣевна:— какъ взять, куда?

— Куда? улыбнулся Ѳеденька:— домой взять; расписалъ цѣлую страницу, что я такой и этакій....

— Да гдѣ же письмо?

— Я разорвалъ.

— Какъ разорвалъ, вѣдь оно ко мнѣ?

— Я знаю что къ вамъ, да развѣ не все равно, вѣдь я вамъ говорю, что надо изъ гимназіи выходить! Какъ это вы, маменька, какія, ей Богу, не понимаете.

— Да вѣдь это значитъ, тебя выгнали, заговорила сквозь слезы Катерина Алексѣевна.

— Ну эка важность, что выгнали! Надежина и Крупина тоже такъ выгнали; еще лучше послѣ вышло: одинъ вонъ уже второй чинъ получаетъ, пока мы въ гимназіи; на одной лавкѣ со мною сидѣлъ. Очень нужна гимназія, только время пропадаетъ.

— Что мнѣ за дѣло до твоихъ Надежиныхъ, да тебя-то выгнали, начала, возвысивъ голосъ, Катерина Алексѣевна.

— Ну выгнали, самъ ли вышелъ, все равно.

Катерина Алексѣевна залилась слезами. Долго она плакала, то раскачивая головой направо и надѣво, то нагнувшись на смоченный слезами платокъ. Ѳеденька все ходилъ по комнатѣ молча и отдуваясь, и наконецъ вдругъ сѣлъ противъ матери.

— Вы безъ толку только, маменька, плачете, слезъ вамъ не жалко. Что тутъ плакать? сказалъ онъ въ видѣ утѣшенія.

— Я на тебя надѣялась, начала, вдругъ выпрямившись и сурово взглянувъ въ лицо сыну Катерина Алексѣевна:— я тебѣ довѣряла и думала, что ты понимаешь, что значитъ не имѣть отца; что мать женщина не можетъ имѣть никакой власти надъ семнадцатилѣтнимъ болваномъ, а ты что сдѣлалъ? что ты сдѣлалъ? повторяла она, вставая съ своего мѣста и подходя къ сыну:— ты ее обманулъ!.. Чѣмъ ты занимаешься?.. Гдѣ твои обѣщанія?.. Ты лгунъ, безчестный, подлый лгунъ!!!

— Ну однако, маменька, что же вы такъ кричите, замѣтили, покраснѣвъ и разсердившись, Ѳеденька.

— Онъ мнѣ теперь молчать приказываетъ, благодарю васъ, Ѳедоръ Никандровичъ, благодарю! И Катерина Алексѣевна залилась вновь слезами и опустилась на кресло.

Опять наступило молчаніе. Оеденька опять успокоилась. На лицѣ его написано было: „Ну, теперь часа на два слезъ будетъ!“

Но на этотъ разъ, впрочемъ, рыданія были не продолжительны. Катерина Алексѣевна вдругъ встала, выпрямилась, и хотя облитая слезами, но, подойдя къ сыну, твердымъ голосомъ спросила:

— Пожалуйте мнѣ письмо отъ директора?

Оеденька опять принялъ суровый видъ.

— У меня нѣтъ письма; я разорвалъ его, сказалъ онъ.

— Дай мнѣ письмо, я тебѣ говорю, сейчасъ же! Ты врешь, ты его не рвалъ; ты лгунъ; я тебѣ не вѣрю!

— Я вамъ сказалъ, что разорвалъ письмо, вотъ и все... Что вы кричите? отвѣтилъ, вставши, Оеденька.

— Я требую его, слышишь, дрянной ты этакой?... Я приказываю тебѣ—слышишь? Я приказываю тебѣ отдать сейчасъ, я людей позову, ты это знаешь? ты это понимаешь?... Людямъ силой велю взять у тебя!...

Оеденька подошелъ близко къ матери.

— Але ву зан, маман, же ву при, прошепталъ онъ, считая французскій языкъ приличіемъ для такого торжественнаго случая.

Катерина Алексѣевна посмотрѣла на него, всплеснула руками, и точно увидавъ вдругъ невиданную дотолаѣ ею страшную, ядовитую козьяку или гадину, обернулась и стремительно, не сказавъ ни слова, выбѣжала изъ комнаты.

III.

Когда не хочется вѣрить какой-нибудь случившейся неприятности или несчастью, начинаешь всегда себя утѣшать и приискивать разныя объясняющія причины и оправданія. Умеръ любимый человекъ,—тамъ ему будетъ лучше!.. Сгорѣлъ домъ,—такъ Богу было угодно!.. Холера сдѣлалась, простудился, говорятъ, объѣлся! Катерина Алексѣевна, въ утѣшеніе своего горя много тоже говорила и придумывала, и можетъ-быть, даже успѣла бы утѣшить себя, еслибы не было около нея цѣлаго штата горячковыхъ, которыя смотрѣли на

дѣло шло: они давно уже сыпали проклятіями на соседнихъ потаскушекъ, сбивавшихъ съ току ихъ молодого барина, и не преминули въ настоящемъ случаѣ доложить о томъ барынѣ. Катерина Алексѣевна ахнула, услышавъ эти рассказы, и сюрпризъ совершенно нежданно и негаданно ей открылся: „Феденька живетъ не при чемъ; ему уже скоро девятнадцатый годъ, онъ нигдѣ не служитъ... нигдѣ не учится.... время идетъ, съ нимъ надо что-нибудь сдѣлать.“ Мысли эти осадили ее со всѣхъ сторонъ, и не зная какъ быть, куда сунуться, она снова заметалась во всѣ стороны.

Въ памяти ея тотчасъ воскресли тѣ лица, которыя когда-то находились въ дружескихъ связяхъ съ ея мужемъ. Она побѣжала ко всѣмъ. Одинъ, оказалось, давно умеръ, другой служилъ въ Петербургѣ; третій жилъ въ деревнѣ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ Добромировъ, которому, по просьбѣ Катерины Алексѣевны, доложили, что она вдова того самаго Никандра Васильевича Погуляева, котораго онъ когда-то зналъ и очень любилъ,—принялъ ее, спросилъ обо всемъ, вспомнилъ довольно пріятно объ ея мужѣ, о томъ, какъ онъ у нихъ, во время оно, бывалъ, спросилъ, живъ ли еще бывший у нихъ тогда въ услуженіи выѣздной лакей чудакъ Илья, посмѣялся надъ тѣмъ, какая Катерина Алексѣевна была тогда хорошенькая, и какая разница теперь; и кончилъ тѣмъ, что, выразивъ свое непрѣмное правило никого не принимать на службу, не познакомившись, просилъ Катерину Алексѣевну прислать къ нему сына, чтобъ онъ на него посмотрѣлъ и тогда бы сообразилъ что для него можно сдѣлать.

Катерина Алексѣевна была въ восторгѣ. Будто камень упалъ у нея съ совѣсти, когда вышла она отъ добрейшаго Степана Тимоѣевича. Возвращаясь домой, она даже забыла обо всемъ что было у нея съ сыномъ, и прямо явля къ нему, въ ту самую комнату, изъ которой хотѣла было когда-то сдѣлать свою пріемную, рабочую и даже спальню, — бросилась на шею Феденькѣ и тутъ же объяснила ему въ чемъ дѣло; но молодой человекъ далеко не раздѣлилъ радости матери. Онъ напротивъ, подъ разными предлогами, старался отговориться отъ визита къ Добромирову, и только выпросивъ у Катерины Алексѣевны денегъ на платье, согласился и обѣщалъ сходить къ нему.

Когда мать наконецъ ушла, къ нему въ комнату вошелъ покровитель всѣхъ его походовъ, слуга Сидоръ.

— Ну, сказалъ Феденька, обращаясь къ нему, — деньги есть, только изъ нихъ платье надо сшить.

— Да много ли денегъ-то?

— Вотъ сколько! отвѣтилъ Феденька, протянувъ къ Сидору пятидесятирублевую бумажку.

— И!!! за глаза! на все будетъ, весело замѣтилъ Сидоръ.

Прошла не одна недѣля съ тѣхъ поръ, какъ Феденька общался сходить къ Добромирову. Катерина Алексѣевна не разъ напоминала сыну о его общаніи; но все было напрасно. Феденька говорилъ, что пойдетъ завтра, но и послѣзавтра не шелъ. Не зная, наконецъ, чѣмъ отговориться отъ матери, онъ даже ласкался къ ней, говоря:

— Ну, голубушка, пойду, право пойду; вы мнѣ вѣрите? Ну дайте же ручку, пойду; ужъ если я разъ сказалъ, такъ сдѣлаю.

— Да, слышу я уже давно это, „пойду да пойду“, а не идешь, говорила Катерина Алексѣевна.

— Нѣтъ, это въ послѣдній разъ, повѣрьте мнѣ, какъ честный человѣкъ говорю вамъ, — завтра мнѣ нельзя, а послѣзавтра непременно схожу.

Пятьдесятъ рублей, данные матерью, между тѣмъ были уже всѣ истрачены; денегъ требовалось еще, а гдѣ было ихъ взять?

— Сходите вы, сударь, къ этому барину, толковалъ ему Сидоръ, — эко дѣло! Право сходите, и квитъ! и деньги будутъ.

Феденька еще дня съ два колебался, толкнулся было даже къ Лаврову, полагая у него занять, но у того у самого ничего не было, да притомъ Лавровъ такъ пристаивалъ къ нему съ разспросами: для чего и на какую надобность ему нужны деньги, что Феденька даже раскаивался, зачѣмъ онъ обращался къ нему, и рѣшился, наконецъ, идти къ Добромирову. Онъ не разсуждалъ, не заглядывалъ впередъ къ чему могъ привести этотъ визитъ; онъ смотрѣлъ на него просто, какъ на мученье, которое надо было выдержать, чтобы добыть денегъ.

Рано утромъ, надѣвъ самое лучшее платье, чистое бѣлье, причесавъ гладко густые и длинные свои волосы, сопутствуемый одобреніями и поощреніями Сидора, Погуляевъ

вышелъ изъ дому, и не то чтобы трусилъ, но какой-то неприятный ознобъ пробѣгалъ у него по спиѣ. Онъ смотрѣлъ какъ-то впередъ, ничего не видя, натыкался на проходящихъ и встрѣчныхъ, а въ головѣ его строился цѣлый разговоръ въ вопросахъ и отвѣтахъ:

„Честъ имѣю явиться.“ „Кто вы такой?“ „Вотъ такой-то.“ „Вы на службу?“ „Да.“ „Гдѣ вы учились?“ „Въ гимназiи.“ „Отъ чего курса не кончили?“ Отвѣтъ въ головѣ замедлился. „Ма-тушка пожелала...“ блеснула вдругъ счастливая мысль. „Хорошо ли вы пишете?“ Опять отвѣта не было нѣсколько секундъ. „Постараюсь,“ успѣлъ только придумать Феденька и остановился, очутившись какъ разъ передъ казеннымъ доможъ, занимаемымъ Добромировымъ. Дверь была широко отворена. Феденька вошелъ по широкой лѣстницѣ, покрытой ковромъ. Ему не дали даже самому отворить ни одной двери... хоть бы какая-нибудь задержка,—нѣтъ ничего! иди безъ препятствiй! Вотъ первая комната, повскакали съ мѣстъ, при видѣ его, какiе-то полувоенные люди; вотъ другая комната! фу ты народу сколько: въ глазахъ зарябило; всѣ сидятъ по стѣнкѣ; скорѣ бѣжать отъ нихъ въ третью комнату,—нѣтъ, стой!

— Чтò вамъ угодно? раздался вдругъ сзади его голосъ дежурнаго чиновника.

— Я къ Степану Тимофеевичу.

— Къ его превосходительству? Потрудитесь здѣсь подождать.

Погудяевъ обратился назадъ, а стулья всѣ заняты. Всѣ на него смотрятъ „Не пошелъ бы ни за чтò, еслибы зналъ“, шепталъ онъ самъ съ собой, направляясь въ уголокъ, гдѣ примѣтилъ порожнее мѣсто.

— Какъ ваша фамилия, позвольте узнать? спросилъ его снова дежурный чиновникъ.

— Погудяевъ, отвѣтилъ Феденька.

— Вы по собственному дѣлу какому-нибудь или съ просьбою? спросилъ, заискивающимъ тономъ, смотря на галстукъ съ голубыми разводами и усы Феденьки, чиновникъ.

— По собственному дѣлу, отвѣтилъ Феденька.

— Я сейчасъ объ васъ скажу, заключилъ чиновникъ и пошелъ въ ту комнату, куда не пропустилъ Погудяева.

Опять остался онъ одинъ. Въ залѣ было не оживлено. Изрѣдка кто покашляетъ, высморкается; иной, засидѣвшись, встанетъ, выправитъ ноги и панталоны; двое какiе-то гос-

пода безъ умолку жужжать какъ шмели, разговаривая такъ чтобы не нарушить общаго торжественнаго ожиданія,—и Оеденька сидитъ, дожидается.

Скоро впрочемъ въ дверяхъ показался опять чиновникъ. Онъ подошелъ прямо къ Погуляеву (какъ уже къ знакомому) помѣстился возлѣ него и проговоривъ въ полголоса: „Сказалъ объ васъ“, съ нѣкоторымъ любопытствомъ взглянулъ Оеденькѣ прямо въ глаза.

— Вы должно быть знакомы его превосходительству? Я какъ доложилъ ему: „Погуляевъ“? онъ говоритъ: „А? скажите, чтобы подождалъ.“

— Матушка моя его знаетъ, отвѣтилъ Оеденька.

— Вы, значитъ, явиться пришли?

Чиновнику, во что бы то ни стало, хотѣлось визитъ Погуляева облечь въ *законную форму*.

— Да, явиться; а долго это дожидаться-то?.. спросилъ Оеденька.

— Нѣтъ, теперь не долго. Я не знаю, что это такъ сегодня, а то обыкновенно въ это время они уже всегда выходятъ.

— А вы что же: чиновникъ? спросилъ Оеденька, остановившись и не зная какъ опредѣлить этого чиновника.

— Я дежурный, поспѣшилъ добавить чиновникъ,—вотъ-съ, съ семи часовъ сижу; служба-то не свой братъ.

— И всякій день такъ? спрашивалъ Погуляевъ, тутъ только вспомнивъ, что и онъ вѣдь также хочетъ служить.

Чиновникъ сталъ разказывать подробно всѣ порядки ихъ службы, какъ и что, сколько ихъ, какое начальство, какіе товарищи, сколько жалованья и какія бываютъ дѣла. Прошло такимъ образомъ болѣе часу; а его превосходительство все еще не выходилъ. Дежурный чиновникъ нѣсколько разъ, отрываясь отъ Погуляева, ходилъ поговорить въ полголоса то съ тѣмъ, то съ другимъ. Еще часъ прошелъ,—его превосходительства все еще не было. Кой-кто изъ ожидавшихъ ужь отправился домой; кой-кому изъ кабинета былъ присланъ отвѣтъ; зала пустѣла,—Оеденькѣ стало скучно.

— Несчастіе ваше, проговорилъ возвратившійся въ пятый разъ къ нему дежурный чиновникъ:—я и не знаю что такое! Никогда этого не бывало.

— Я думаю уйдти, право, сказалъ Оеденька, которому эта

вдругъ пришедшая мысль такъ понравилась, что онъ даже развеселился.

— Нѣтъ, теперь ужъ немножко подождите, все равно, говорилъ чиновникъ; опять же объ васъ доложено, не хорошо! Охъ, вы, господа не служащіе, прибавилъ онъ,—избалованные! Какъ же мы-то сидимъ—ничего дѣлать!

Феденька при этомъ какъ-то безосмысленно только глядѣлъ на дверь кабинета.

Странное дѣло! Добромировъ былъ человѣкъ очень занятой и серьезный; онъ былъ человѣкъ и не злой, но во все время, съ тѣхъ поръ какъ доложили ему о Погуляевѣ, мысль о томъ, что онъ его тамъ дожидается, нельзя сказать, чтобы была главною его мыслию, но не оставляла его, какъ за обѣдомъ иногда, при первомъ блюдѣ, которое мы ѣдимъ съ большимъ аппетитомъ, не оставляетъ насъ мысль о пирожномъ или о вкусномъ ликерѣ, который подадутъ послѣ обѣда. И не то чтобы хотѣлось Добромирову показать себя, нѣтъ! но ему казалось необходимымъ долгомъ его по службѣ, а также и по старинной пріязни къ отцу Погуляева, осадить, подтянуть молодого человѣка, заставить его подольше подождать себя.

Выйдя, наконецъ, онъ подошелъ прямо къ Феденькѣ, поднимая голову, помолчалъ съ минуту, въ позѣ человѣка разсматривающаго картину, и началъ такъ:

— Вы вѣдь на службу ко мнѣ хотите?

Феденька не ожидалъ такого вопроса и все думалъ что начнется это: „честь имѣю явиться и т. д.“ а потому, нѣсколько помедливъ, отвѣчалъ:

— Точно такъ.

— Что же вы такъ долго не являлись ко мнѣ? спросилъ Добромировъ уже съ ядовитою улыbkой.

Феденька еще болѣе сконфузился.

— Вѣрно шалили? произнесъ начальникъ.

Феденька полагалъ, что онъ давно уже пересталъ шалить.

— Шалили! Такъ? Да? повторилъ Добромировъ.

— Нѣтъ, не шалилъ-съ, отвѣчалъ наконецъ Феденька, улыбувшись во весь свой большой ротъ.

Добромировъ повернулъ въ рукѣ табакерку и сухо, коротко спросилъ у Феденьки:—гдѣ его бумаги, какъ онъ и когда вышелъ изъ гимназіи, который ему годъ?—и заключаемъ словами: Подайте просьбу; г. Погонкинъ разкажете ему какая для этого форма...

Феденька опрометью бросился по залу. Погонкинь, догнавъ его сзади, говорилъ въ полголоса: „листъ гербовой бумаги.. имѣя желаніе поступить.... чинъ имя и фамилія....“ но Феденька только отвѣчалъ: „Знаю, знаю,“ и ничего не чувствуя, пробѣжалъ двѣ первыя комнаты и мелкою дробью пустился пересчитывать ступеньки лѣстницы.

Катерина Алексѣевна очень скоро, по уходѣ Феденьки, узнала, куда и какъ онъ пошелъ. Она до того этому обрадовалась, что позабыла всѣ неприятности, которыя сдѣлалъ ей сынъ.

При первомъ слышанномъ стукѣ шаговъ на крыльцѣ, она вскочила съ своего мѣста, подбѣжала весело къ двери, заградивъ ее собою,—и что же? Показался Феденька... Онъ даже шапки не снялъ, не сказалъ даже: „Здравствуй,“ проворчалъ только: „Пустите пожалуста, пройти нельзя,“ и молча прошелъ мимо отступившей въ сторону и неволью попятившейся Катерины Алексѣевны.

Феденька ни съ кѣмъ въ свѣтѣ, кажется, такъ дурно не обращался, какъ съ матерью. Сейчасъ только, какъ мы видѣли, онъ почтительно стоялъ передъ Добромировымъ; такимъ же бывалъ онъ съ товарищами въ гимназіи; даже съ человѣкомъ своимъ, Сидоромъ, онъ былъ лучше чѣмъ съ нею. Ему казалось, что всѣ на свѣтѣ достойны большаго уваженія чѣмъ его мать. „Ну что она? любить меня, конечно, думалъ онъ въ дубоватой своей натурѣ, но что же она понимаетъ? — ничего! женщина какъ есть!“

— Въ первый и въ послѣдній разъ, конечно, я васъ послаушалъ, сказалъ онъ, обратившись къ матери;—и могу васъ за это поблагодарить; чувствительно вамъ благодаренъ!

Феденька снялъ шапку и визко въ поясъ поклонился матери. Катерина Алексѣевна слушала, и догадываясь отчего все это произошло, молчала.

— Я вамъ скажу откровенно, продолжалъ онъ,—можетъ-быть я и не сдѣлалъ бы этого, еслибы мнѣ деньги не были нужны. Я зналъ, что вы безъ этого, не дадите, но теперь я ужь вамъ заразъ скажу, что такъ жить я не могу,—положите мнѣ какое-нибудь жалованье, вотъ и все!

— Что ты? Феденька, что ты? повторяла Катерина Алексѣевна.

— Вы, маменька, отложите уже попеченіе объ моей службѣ...

За Добромирова я васъ покорно благодарю, я съ него тысячи рублей не возьму пойдти-то къ нему еще разъ, а вы этого дѣла такъ какъ не понимаете, то.... однимъ словомъ положите мнѣ въ мѣсяцъ жалованье, вотъ и все! сказалъ онъ еще разъ, и повернувшись сталъ раздѣваться.

Катерина Алексѣевна заплакала. Феденька продолжалъ раздѣваться.

— Вы совершенно напрасно плачете, сказалъ онъ наконецъ хладнокровно,—еслибъ у меня былъ отецъ, онъ бы повѣялъ, что я дѣло говорю, что такъ жить нельзя въ мои года, а вы женщина, потому не понимаете.

Катерина Алексѣевна встрепелась.

— Еслибъ отецъ твой былъ живъ, онъ бы тебя выдралъ, сказала она, разгорячившись и съ особеннымъ удовольствіемъ произнося слово: „выдралъ.“

— Выдралъ! ну что съ вами говорить, выдралъ! повторялъ Феденька.

Поглядѣвъ на его презрительное лицо, Катерина Алексѣевна опять заплакала.

— Вотъ такъ-то лучше, проговорилъ Феденька:—а то выдралъ!

— Не дамъ я тебѣ радоваться моими слезами, воскликнула, Катерина Алексѣевна: — завтра же уѣду, оставайся съ своими красавицами, заключила она, и вся въ слезахъ вышла изъ комнаты.

— Съ красавицами своими! повторилъ ей вслѣдъ Феденька. Затѣмъ онъ припомнилъ, какъ по утру онъ шелъ къ Добромирову, припомнилъ его скверную рожу со вздернутымъ носомъ, припомнилъ приѣмную комнату, дежурнаго чиновника, просителей, лѣстницу и, сообразивъ что все это уже кончилось и провалялось, надѣвъ съ самодовольствомъ свой ватшный халатъ и спокойнѣйшимъ образомъ уѣлся на диванъ.

Послѣ сцены съ сыномъ Катерина Алексѣевна, дѣйствительно черезъ нѣсколько дней уѣхала въ деревню. Чего это ей стоило, читатель самъ пойметъ, вспомнивъ какъ она любила Феденьку. Къ чести ея надобно сказать, что она, разрѣшившись на это, постаралась послѣдніе дни передъ отъѣздомъ и самое разставаніе съ сыномъ нѣсколько смягчить. Она говорила, что теперь понимаетъ, какъ дѣйствительно для мальчика вообще нуженъ отецъ, что мать можетъ

только мѣшать, вмѣшиваясь туда куда ее не просятъ; что она думаетъ сдѣлать пользу, оставивъ его пожить одного; что онъ и самъ увидитъ, въ чемъ она была права и въ чемъ нѣтъ; что она наконецъ совершенно даже себя этимъ успокоила и проситъ Феденьку проетить ей, если она дѣлала что-нибудь ему неприятное, а ему прощаетъ всѣ его грубыя, неуважительныя слова

Феденька въ этомъ случаѣ не понималъ только одного, зачѣмъ же Катерина Алексѣевна ѣдетъ: не все ли равно есаубъ она и оставалась.

IV.

Послѣ отъѣзда матери Феденькѣ сдѣлалось какъ-то скучно. Въ видахъ, вѣроятно, развлеченія, придравшись къ тому что будто бы въ его комнатѣ холодно и неуютно, онъ перебрался въ угольную и расположился тамъ на жительство.

Скоро дѣйствительно новое помѣщеніе заставило Феденьку не только не раскаиваться въ томъ, что промѣнялъ онъ его на старое, но заставило даже совершенно забыть и никогда не вспоминать о прошедшемъ.

Пословица говорить: звѣрь на довца бѣжить. Надпись на домѣ, стоящемъ черезъ улицу, прямо окно въ окно съ Погуляевскимъ, гласила, что принадлежитъ онъ надворному совѣтнику Сантимову. Сантимовъ (Кондратій Степановичъ) былъ собственно вдовецъ и такъ бы вѣроятно прожилъ всю остальную свою жизнь, еслибы внезапно посѣтившій его недугъ, (у него отнялись ноги), не напомнилъ ему, что одному жить плохо; что люди стали его не слушаться; знакомые рѣже заходили; самъ онъ, не двигаясь съ мѣста, рисковалъ умереть на чужихъ рукахъ. Тутъ только вспомнилъ онъ, что была у него замужняя сестра, отданная когда-то за небогатаго помѣщика Мазанина, тоже вдова, одинокая, какъ онъ, что живетъ она въ деревнѣ, что есть у нея дочь и что состояніе у нихъ было самое скудное. Предложить сестрѣ теплую комнату, готовый столъ, она пріѣдетъ, подумалъ Кондратій Степановичъ, и ухватившись за эту мысль, рѣшился, не долго думая, привести ее въ исполненіе.

Педагога Степановна Мазанина сочла приглашеніе брата за чудо и за благополучіе, посылаемое ей свыше... Она давно

съ грустью смотрѣла на то какъ росла ея дочь въ бѣдности, какъ не могла она ей доставить не только развлечения, но и воспитать порядочно, въ глуши маленькой своей деревушки.

Кондратій Степановичъ и не ожидалъ, чтобы прїѣздъ сестры принесъ ему такъ много удовольствія и счастья.

Пелагея Степановна благодарила его; племянница Леночка была такая молоденькая, веселенькая, хорошенькая; въ домѣ все какъ-то оживилось; прислуга замѣтно стала расторопнѣе и дѣятельнѣе, свистъ давно надобѣдавшій хозяину канарейки, заглушался теперь человѣческимъ разговоромъ; исчезъ изъ комнатъ бывшій постоянно до прїѣзда Мазаниныхъ запахъ кваса и какой-то закупоренности; словомъ, все приняло какой-то новый, здоровый видъ. Пелагея Степановна получила возможность нанять для Леночки гувернантку, Русскую, изъ Воспитательнаго Дома. Такимъ образомъ все устроилось хорошо и ловко, и въ самомъ дѣлѣ можно было думать, что счастье это было послано Пелагеѣ Степановнѣ свыше.

Мазанины уже года два жили у Сантимова. Но Ѳеденька не зналъ объ ихъ существованіи и очень удивился, когда, увидавъ въ первый разъ Леночку въ окно, и разсмотрѣвъ что она прехорошенькая, услышалъ отъ Ондора, что барышня эта, по фамиліи Мазанинская, живетъ у дяди Сантимова, была знакома съ его матерью и сестрой и бывала даже у нихъ въ домѣ; но какъ бы то ни было онъ этому очень обрадовался: все что онъ дѣлалъ тамъ у себя въ прежнихъ комнатахъ, онъ могъ теперь перенести сюда на новое мѣсто. Сейчас же была устроена у окна обсерваторія, точно такая же какъ тамъ; точно также поставлено было къ окну большое кресло; даже книга приготовлена была на окнѣ та самая, которая ему служила прежде,—Ѳеденькѣ дѣла не было до того, что говорили о постоянномъ его сидѣніи у окна; ему нужно было только, чтобы его замѣтила Леночка и притомъ замѣтила бы не одно его желаніе читать у окна, но желаніе постоянно и всегда смотрѣть на нее.

А что же Леночка?

Леночка, живя въ деревнѣ, не знала даже какіе такіе бываютъ мушкетеры и, можетъ-быть, не узнала бы еще этого долго, не замѣтила бы и Погуллева, еслибы у ней не было гувернантки Флоры Яковлевны, дѣвицы лѣтъ двадцати восьми, которая скорс сумѣла научить ее многому.

Дѣвица Флора, когда-то довольно смазливая брюнетка, съ большими томными глазами и тонкою таліей, перебивала уже на многихъ мѣстахъ по выпускѣ изъ Воспитательнаго Дома. Последнее мѣсто ея было въ провинціи, въ большомъ семействѣ, гдѣ она была очень дружна съ своими воспитанницами, имѣвшими большихъ братьевъ, военныхъ и штатскихъ. Въ семействѣ этомъ пробыла она года три; отошла только потому, что всѣ ея друзья, или другини, какъ она ихъ называла, повышли замужъ; но три года эти были такъ полны удовольствій, веселья и разнаго этакого... какъ можетъ быть только полна жизнь семейства, въ которомъ кипитъ желаніе обить съ рукъ трехъ невѣстъ и въ которое наѣзжаютъ изъ разныхъ мѣстъ братья-хваты, кто въ отпускъ, кто за деньгами, кто отъ долговъ. Флора просто разрывалась, когда должна была прискивать другое мѣсто, и уходя, уносила съ собою такое количество пріятныхъ воспоминаній, разнородныхъ ощущеній и впечатлѣній, что ихъ должно было хватить на всю остальную ея жизнь, тѣмъ болѣе что прошедшаго вернуть было уже нельзя: глаза, увы! изъ томныхъ сдѣлались у нея какіе-то сентиментальныя; талія изъ худой сухою; показался широкій рядъ на головѣ; вся она стала напоминать запахъ выглаженнаго горячимъ утюгомъ бѣлья, словомъ, прошла красота и молодость; но воспоминанія о томъ и о другомъ еще остались, и Леночкѣ пришлось питаться, вмѣсто другой науки этими воспоминаніями.

Педагога Степановна была очень довольна удачнымъ выборомъ гувернантки. „Леночка привязалась къ ней, думала она, манеры у ней не дурны, слѣдовательно чего же еще желать, въ особенности на первый разъ?“ А Кондратію Степановичу Флора нравилась не только какъ хорошая воспитательница, — ему нравились еще въ ней ея веселый характеръ, ея голось, ея разговорчивость, и притомъ нравилось все это такъ, что когда Флора Яковлевна иногда спрашивала у него, шутя: „Вы въ меня влюблены, кажется?“ Кондратій Степановичъ полшутя, полусеріозно отвѣчалъ: „Влюблены, угадали, влюблены!“

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Леночка, сидя за работою у окна, увидала въ первый разъ хорошенькую рожицу Погуляева и въ особенности глаза его, которые, казалось, только того и ждали, чтобъ ихъ замѣтили.

Леночка сконфузилась, опустила голову надъ работой, но чѣмъ больше она оставалась въ этомъ положеніи, тѣмъ больше хотѣлось ей знать смотреть ли еще на нее или нѣтъ? Вотъ она приподняла немного голову, вотъ однимъ глазкомъ взглянула: глаза Погуляева тутъ, и онъ замѣтилъ теперь, что Леночка на этотъ разъ съ любопытствомъ на него посмотрѣла. Онъ попробовалъ улыбнуться. Леночка совершенно сконфузилась, покраснѣла, и отойдя на середину комнаты, оттуда рѣшилась посмотрѣть на Погуляева подробно, думая, что теперь она такъ хорошо укрылась за простѣнокъ, что видно только ей, а ему ничего. Но Погуляевъ чутокъ: вонъ виднѣется конецъ платья... она, значитъ, стоитъ посреди комнаты, вонъ едва видно лобъ и кончикъ носа, она смотритъ сюда! Одеянькино сердце радуется, наконецъ-то онъ дождался: вотъ она смотритъ, увидала, замѣтила его! Завязка, значитъ, есть!

И дѣйствительно дни пошли за днями, недѣли за недѣлями, и скоро, незамѣтно какъ-то ни для кого, Одеянька узналъ какъ онъ нравится въ домѣ Сантимовыхъ, а Флора и Леночка узнали какъ влюбленъ долженъ быть Одеянька. Сначала кромѣ простаго сидѣнія у оконъ и взаимнаго другъ на друга посматриванія не было ничего; вотомъ Одеянька, ходившій и прежде въ церковь смотрѣть хорошенькихъ, сталъ теперь становиться около Леночки и Флоры и оказывать имъ разныя услуги, протягивать руку въ видѣ ограды, когда кто проходилъ размашисто, разчищать дорогу для выхода, и наконецъ, по приглашенію Пелагеи Степановны, бывалъ у нихъ и въ домѣ.

V.

Не будь даже Флоры, которая, умѣя забавлять и отвлекать глаза дядюшки, въ то же время умѣла воспалять и воодушевлять свою молодую воспитанницу, не будь даже ея, Одеянька самъ бы, своею способностію пренебречь всеми дарами Бога для того чтобы торчать цѣлые дни передъ окномъ Сантимовскаго дома, могъ достаточно расположить въ свою пользу, могъ увлечь и влюбить въ себя весьма многихъ дѣвицъ. Такое неотвязчивое преслѣдованіе,

такое настойчивое желаніе нравиться есть своего рода сила, противъ которой не Леночкѣ было устоять, тѣмъ болѣе что съ весною, когда выставили рамы, преслѣдованія Феденьки сдѣлались еще усиленнѣе; забывъ прежнія церемоніи, онъ сталъ садиться теперь къ окну уже просто, безъ книги, какъ будто съ тѣмъ чтобы наслаждаться теплымъ, весеннимъ воздухомъ, сталъ по временамъ мурлыкать какіе-то романсы, иногда разговаривалъ съ останавливавшимися передъ нимъ разнощиками и нищими, острялъ съ ними, смѣшилъ тѣмъ своихъ сосѣдокъ и завязывалъ такимъ образомъ съ ними разговоръ.

„Поди вонъ къ хорошенькимъ барышнямъ, продай имъ! Вонъ видишь ангелъ тамъ сидитъ“ или „помолись за здравіе Елены“, говорилъ громко Феденька разнощику или нищему.

Пелагея Степановна, какъ женщина опытная, знала приблизительно и видѣла, что между дочерью и Погуляевымъ что-то затѣвается; но смотрѣла на все сквозь пальцы, въ тѣхъ видахъ, что съ другой стороны ее пугали гораздо больше постоянные восторги братца насчетъ гувернантки. Она боялась, чтобы восторги эти не обратились въ страсть, а тамъ чего добраго старикъ захочетъ жениться, и тогда надо будетъ проститься съ наслѣдствомъ, на которое она очень натурально разчитывала. Держать Погуляева подъ рукою было очень полезно: за него можно было вовремя спустить Леночку съ приданымъ, или спустивши Леночку, съ нею вмѣстѣ спустить и гувернантку.

Не нравилось все это только Лаврову.

— Безбожникъ, что ты дѣлаешь, что ты дѣлаешь? говорилъ онъ Феденькѣ, заставъ его разъ у окна на какомъ-то выразительномъ жестѣ, обращенномъ къ сосѣдкамъ.

— Что я дѣлаю? ничего, довольно презрительно сказалъ Погуляевъ.

— Какъ ничего? Дѣвушка, кажется, порядочная, молоденькая, а ты....

— Ну?

— Да ты что дѣлаешь-то? это какъ называется? это что такое?

— Ты странно спрашиваешь, ужасно странно спрашиваешь, что такое?

— Ну вотъ что ты смотришь туда, а она сюда, къ чему

это идетъ-то? подумалъ ли ты? Жениться, что ли, хочешь? для этого брать сила нужна, а въ твоёмъ положеніи....

Погуляевъ молчалъ.

— Что жь молчишь, скажи?

— Очень подумалъ! отвѣчалъ скороговоркой Фединька:— потому я тебѣ скажу откровенно, я влюбленъ до безумія, вотъ и все тутъ.

Съ этими словами Погуляевъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Мнѣ отъ тебя скрывать нечего, продолжалъ онъ чрезъ минуту, подойдя къ Лаврову:—я передъ тобою лгать не буду, ты послушай меня,—онъ взялъ его за руку, — каюсь тебѣ, на свѣтѣ такого существа нѣтъ и не будетъ! Еслибъ ты только ее зналъ, еслибы ты зналъ ее, ты бы не спрашивалъ меня ничего. Я просто за нее готовъ сейчасъ куда меня хочешь....

Погуляевъ опять пошелъ ходить по комнатѣ и улыбающееся лицо его изображало ту ясность и понятность, съ которыми ему представлялась дѣйствительно возможность жениться и идти куда попало, и странно ему казалось, какъ Лавровъ, котораго онъ почиталъ гораздо умнѣе и образованнѣе себя, такой вещи не понимаетъ, и спрашиваетъ его, хочетъ ли онъ жениться. Погуляевъ, по правдѣ, ни разу, во все время своего ухода за Лелочкой, не думалъ о женитбѣ, но когда Лавровъ навелъ его на эту мысль, то онъ и жениться, пожалуй, былъ готовъ.

— Какъ ты странно однако рассуждаешь, сказалъ онъ наконецъ, остановившись передъ пріятелемъ и какъ-то не рѣшительно, не довѣрчиво поглядывая на него,—ты странно рассуждаешь! Да скажи мнѣ, пожалуйста, на чемъ же весь свѣтъ-то вертится?

— Какъ на чемъ?—Лавровъ призадумался:—на оси земной.

— Нѣтъ, я не про географію говорю, а вообще на чемъ стоитъ весь свѣтъ?.. на чемъ онъ вертится? Ты и самъ знаешь, не хочешь, можетъ-быть, только сказать. Развѣ не на этомъ? И Фединька показалъ рукою на себя, потомъ на домъ Сантимовыхъ:—развѣ не на этомъ? говорилъ онъ:—все на этомъ!

— Чтò ты такое говоришь? спросилъ Лавровъ,—я ничего не понимаю.

— Притворяешься, что не понимаешь!.. Ты давеча только посмѣялся надо мною, что я рукою сдѣлалъ, а самъ бы ты не сдѣлалъ? а всякій бы не сдѣлалъ? Просто бы еще, можетъ

быть, поцѣловаль? потому все къ одному же идетъ: хочется понравиться, поцѣловать, жениться, все на одномъ и томъ же вертится. Какія тамъ еще силы надобно?

— Да постой наконецъ, прервалъ его Лавровъ,—что же жениться-то, что такое?

— Я братъ знаю, что такое! отвѣчалъ, махнувъ рукою, Погуляевъ:—только у меня расчетовъ никакихъ нѣтъ; а у другихъ расчеты. Кончается у всѣхъ тѣмъ же: понравится кто-нибудь, женятся; всякое животное даже, зачѣмъ до человѣка доходить, къ чему оно живетъ, я тебя спрашиваю? И всѣ мы такъ, все къ одному; и мнѣ теперь понравилась дѣвушка, отчего же я не женюсь? Счастье въ ротъ лѣзетъ, а я отъ него бѣгу.

— Да развѣ я что-нибудь противъ этого говорю, вступилъ наконецъ Лавровъ,—о любви-то я и толкую, да вѣдь по твоему любовь-то что? Что тебѣ цѣловаться хочется?

— Перестань, пожалуйста, Лавровъ! сказалъ ужъ съ досадою Феденька:—знаю я какъ это говорить всѣ, неужели ты вѣришь имъ? говорятъ: „Понравилась мнѣ умъ тамъ, доброта,“—все неправда, а только откровенно говорю, а другіе не говорятъ, вотъ только что. Отчего же однако, на какомъ-нибудь уродѣ не женятся? Всякой женится на той, которая нравится, на хорошенькой, следовательно что же тутъ?

— Да нравится развѣ лицомъ, глупый ты человѣкъ, развѣ лицомъ?

— Э, полно, пожалуйста, а зачѣмъ же эти корсеты, да туалеты, да учать, да холять, одѣваютъ,—все тоже, потому все на этомъ вертится!

Погуляевъ опять показалъ на себя и на домъ Сянтимовыхъ, и съ нѣкоторою торжественностію окончивъ рѣчь свою, сѣлъ.

Лавровъ, видимо озадаченный послѣдними словами пріятеля, всталъ и взялъ фуражку.

— Такъ стало-быть ты жениться, сказалъ онъ послѣднее слово.

— Женюсь, отвѣтилъ самодовольно Погуляевъ, и на этомъ они пожали другъ другу руку и разошлись.

VI.

Еслибы веселая Флора, пользуясь взаиміемъ своимъ на Кондратія Степановича, не противилась всегда открыто его словамъ, то онъ уже давно бы забралъ въ свои руки сестрицу и племянницу; но Флора отнимала у него всю его старческую настойчивость, онъ противъ воли соглашался на всѣ ея желанія, и только изрѣдка, и то весьма уклончиво и осторожно, рѣшался заявлять свои мысли.

— Гуляйте, гуляйте, говаривалъ онъ, — вотъ вы когда-нибудь уйдете гулять, — а я махну! Вы придете, — гдѣ, молъ, Кондратій Степановичъ? А Кондратій Степановичъ — фю! И слѣдъ простылъ, и останетесь тогда одни, потому Кондратію Степановичу одному скучно стало, онъ и дѣлалъ.

— Никогда этого не будетъ, никогда! возражала ему рѣшительно Флора: мы васъ не пустимъ!

Старикъ развѣживался и начиналъ на нее страстно смотрѣть.

Разъ, вечеромъ, дамы сидѣли въ залѣ за круглымъ столомъ; Флора Яковлевна разливала чай; Кондратій Степановичъ въ своемъ кабинетѣ кушалъ уже вторую чашку; передъ нимъ стоялъ у двери его камердинеръ съ подносомъ. Кондратій Степановичъ опѣшилъ глотать чай, съ тѣмъ чтобы сдѣть чашку человѣку и при этомъ послать сказать что-нибудь Флорѣ Яковлевнѣ. Такъ каждый день шелъ у нихъ разговоръ съ гувернанткой. По лицу его отъ горячаго чая и отъ поспѣшности, съ которою онъ выпивалъ его, струились капли пота; онъ брался то и дѣло за свой платокъ, свернутый въ комочекъ, и вытиралъ имъ лицо.

— Скажи Флорѣ Яковлевнѣ, проговорилъ наконецъ, Кондратій Степановичъ протянувъ руку въ сторону камердинера, тотчасъ же придвинувшагося къ нему, — скажи, что Кондратій Степановичъ приказали сказать: чай, молъ, вашъ хорошъ, понимаешь? очень хорошъ, но горячъ слишкомъ, не подѣ силу старикамъ, поплять? повтори.

Камердинеръ, которому приходилось дѣлать то же самое всякій день, повторилъ безъ ошибки слова барина.

Кондратій Степановичъ самодовольно откинулася на спинку кресла и ожидалъ отвѣта.

Отвѣтъ не замедлилъ.

— Флора Яковлевна приказали сказать, что вамъ испарина здорова, проговорилъ возвратившійся скоро съ подносомъ и чашкой человекъ, и не успѣлъ еще Кондратій Степановичъ отвѣтъ этотъ надлежащимъ образомъ сообразить, не успѣлъ еще онъ отдать себѣ отчета въ томъ, какъ мало подходили слова Флоры Яковлевны подъ смыслъ, который, казалось ему, заключался въ его вопросъ, какъ въ залѣ послышалось шарканье, загремѣли стулья и черезъ минуту, стоявшій у притолки лакей пропустилъ пройти Погуляева.

Кондратій Степановичъ приказалъ и себя выкатить на креслахъ въ залу.

— Что же, Флора Яковлевна, вы четвертой чашки мнѣ не дадите? оказалъ было онъ довольно жалобнымъ голосомъ.

— Будетъ съ васъ и трехъ; тамъ ужъ чаю нѣтъ, отвѣтила рѣшительно Флора Яковлевна, и Кондратій Степановичъ успокоился.

Всѣ усѣлись по мѣстамъ. Такъ какъ уже не первый разъ и не первый день приходилось имъ проводить время въ одномъ и томъ же порядкѣ, то у всякаго было свое мѣсто, Леночка съ Погуляевымъ въ сторонѣ нѣсколько за спиной Кондратія Степановича; Флора Яковлевна въ серединѣ между имъ и влюбленными, такъ чтобъ участвовать въ разговорѣ и тутъ и тамъ; а Пелагея Степановна совершенно въ сторонѣ, въ видѣ наблюдательнаго корпуса.

Погуляеву въ такомъ положеніи нельзя было конечно говорить о чемъ-нибудь особенномъ съ Леночкой: подъ веселые разказы Флоры и смѣхъ Кондратія Степановича, онъ только смотрѣлъ на нее, но такъ смотрѣлъ, что взгляды эти были выразительнѣе всякихъ словъ.

— Ахъ, изъ ума вонъ! сказала вдругъ Флора:—я и позабыла, мы вѣдь съ Леночкой заходили сегодня въ нотный магазинъ. Съ васъ Кондратій Степановичъ надо получить.

— Чтò, за чтò, я приче́мъ? точно испугавшись, заговорилъ Кондратій Степановичъ.

— Какъ за чтò?.. Сами говорили:—купите, купите, а теперь отказываться?

— Шучу, я шучу, говорилъ Кондратій Степановичъ.

— То-то шутите! Лея, пойдемъ къ фортепьяно, а что-нибудь спю.

— Вотъ чтò хорошо, то хорошо, и мы попое́мся;

человѣкъ! вези мое тѣло на закаваніе, кричалъ Кондратій Степановичъ.

Флора, проходя мимо Фаденьки и Лелочки, шепнула имъ, чтобъ они сѣли къ окну. Сама она помѣстилась къ инструменту, а Кондратія Степановича привезли на кресла и расположили такъ, что спинка кресла совершенно закрывала то окно, у котораго сѣли Фаденька съ Лелочкой, а вѣсть съ тѣмъ такъ, что черезъ нее Флора Яковлевна, сидя на высокомъ табуретѣ, могла видѣть ихъ. Педагога Степановна пересѣла только на другой стулъ, съ котораго ей очень хорошо было видно сѣдащаго у самаго инструмента брата.

Такое расположеніе всѣхъ въ комнатѣ было конечно необычайнымъ счастьемъ для Фаденьки; но онъ какъ-то не вполнѣ имъ пользовался. Онъ только прижималъ руку къ сердцу, поднималъ глаза къ небу и по временамъ произносилъ слабымъ шепотомъ: „клянусь!“ Въ чемъ онъ клялся,—опредѣлить трудно, но, должно-быть, Лелочка понимала эти клятвы, ибо каждый разъ какъ до ея слуха долетало слово: „клянусь“, она краснѣла и быстро отвернувшись отъ Фаденьки, старалась двинуть стуломъ, стукнуть слегка по столу, замушкать чѣмъ-нибудь, чтобы заглушить это, какъ ей казалось, всѣми слышанное и всякому понятное слово.

Флора Яковлевна, между тѣмъ, безпрестанно почти на нихъ взглядывала. Про нее можно было сказать, что она была за Фаденьку влюблена въ Лелочку, а за Лелочку влюблена въ Фаденьку, и притомъ влюблена была горячо, страстно; для нея одной была въ этой любви драма, были и страданія, и препятствія, и всѣ подстрекающія ощущенія; она за всѣхъ суетилась, мучилась, радовалась и жила.

Вотъ она, простучавъ какую-то удержанную ею еще изъ учебнаго заведенія нѣмецкую піеску, въ которой переборкою пятью пальцами по одному и тому же клавишу, дрожащій звукъ подражалъ отдаленной пісни свирѣли, вотъ она запѣла наконецъ самый чувствительный романсъ. Кондратій Степановичъ не зналъ просто къ чему и пригнѣвить ея голосъ, хвалилъ, восторгался!—вотъ она кончила, вспорхнула, какъ легкая серна, изъ-за большаго кресла, подбѣжала къ сѣдѣвшимъ у окна Лелочкѣ и Фаденькѣ, шепнула послѣднему: „Вы дивный!“ унеслась опять на табуретку и зазвучалъ оттуда снова романсъ: „Люби меня, люби меня.“

Кондратій Степановичъ слышаетъ и шепчетъ:

— Всякій долженъ, всякій долженъ, дуракъ кто не любитъ! Эеденька, тоже какъ бы нѣсколько воспаляется и чаще прежняго говоритъ Леночкѣ свои „клянусь!“, сопровождая ихъ какимъ-то особаго рода завываніемъ, напоминающимъ мычаніе челоуѣка страдающаго зубною болью, а Флора Яковлевна кончила: „Люби меня,“ хотѣла опять вспорхнуть, чтобъ еще разъ сказать Эеденкѣ: „Вы дивный!“, но Кондратій Степановичъ, доведенный послѣднею нотой до полнаго экстаза, вдругъ остановилъ Флору Яковлеву.

— Голубчикъ, спойте: „одинъ крестъ на груди“, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ,—утѣшите!

Флора, не слушая его, рванулась было опять, но Кондратій Степановичъ схватилъ ее за платье и такъ крѣпко удержалъ, что послышался шумъ распарывающейся юбки, и Флора осталась.

— Что это, Кондратій Степановичъ? ни на что не похоже, сказала она.

— Ради Бога, умолялъ Кондратій Степановичъ.

— Вы много стали себѣ позволять, вотъ что-съ! продолжала разсердившаяся Флора.

— Я только прошу, спойте это: „денегъ нѣтъ у меня, одинъ крестъ на груди!“ Одинъ разъ, только разъ, продолжалъ умоляющимъ голосомъ старикъ.

— Ничего я вамъ не спую. Пустите, надоѣли! сказала рѣшительно Флора и направилась было опять къ окну,—но Пелагея Степановна, какъ Deus ex machina, показала въ дверяхъ. Она давно слѣдила за лицомъ брата, она видѣла, что нынѣшній день онъ, кажется, черезчуръ ужъ разгулялся, она замѣтила также и то, что грубый тонъ Флоры какъ-то вдругъ болѣзненно искажилъ старческое лицо Кондратія Степановича, и что-то злое выразилось въ его губахъ.

— Пора гостямъ со двора, а Леночкѣ спать, одиннадцать часовъ, сказала она громко.

Всѣ встали. Погуляевъ раскланялся; Кондратія Степановича увезли спать. Тѣмъ вечеръ и кончился.

VII.

Пелагею Степановну всю ночь мучили тревожныя мысли касательно Флоры и Кондратя Степановича. Чтобы поговорить объ этомъ съ братомъ прямо, у ней не доставало духу. Оставалось, значитъ, одно—поговорить стороной и притомъ такъ, чтобъ обезпечить себя на случай, есабы разговоръ принялъ и дурной оборотъ. Сообразивъ все это и выбравъ удобную минуту, она на другой день, когда братецъ былъ въ наилучшемъ расположеніи духа и началъ, по обыкновенію, шутить съ Флорой Яковлевной, завела тонкимъ образомъ разговоръ о женитьбѣ какого-то вдовца, почтеннаго человека, на молоденькой дѣвушкѣ лѣтъ семнадцати.

Кондратій Степановичъ вмѣшался въ разговоръ сестрицы чрезвычайно горячо и чуть-чуть не сказалъ прямо, что и онъ тоже самое сдѣлалъ бы и сдѣлаетъ, что вотъ, молъ, поговорите вы еще немного, подразните меня: я вотъ сейчасъ, не говоря худаго слова, возьму, да прямо вотъ и попрошу руки у Флорочки.

— Бываютъ такія, прибавилъ старикъ, какъ будто говоря о дѣвушкѣ, на которой хотѣлъ жениться вдовецъ:—бываютъ такія что старыхъ дѣлаютъ молодыми; больныхъ здоровыми, безногихъ заставляютъ ходить; слѣпыхъ видѣть, вотъ какіе случаи бываютъ, Пелагея Степановна. А ты матушка, вѣкъ свой изжила да этого не знаешь,—такъ вотъ и знай теперь! заключилъ онъ, обращаясь очень серьезно къ сестрѣ.

Когда разговоръ принялъ такой оборотъ, Флора Яковлевна поспѣшила съ Леночкой удалиться на верхъ; но и оттуда еще слышно было, какъ горячился Кондратій Степановичъ, кричалъ, доказывалъ, хотя Пелагея Степановна давно уже перестала защищаться, давно упрасивала его не горячиться, не разстраивать себя, и просила дослушать ее до конца, ибо все что она говорила было совсѣмъ не къ тому, а къ другому. Но Кондратій Степановичъ не унимался.

— Я знаю не къ тому, только вамъ меня не учить. Я, вѣдь, вижу, куда вы мечете-то; я, вѣдь, тебя знаю давно. Не къ тому!... Къ чему же? Когда ты говоришь не къ тому, ну скажи, къ чему? ну я буду слушать, скажи, когда такъ: къ чему?

И умокнувъ, Кондратій Степановичъ взялъ свой комочкомъ сложенный платокъ, и хотя въ воменіи еще, но остановился и смотря прямо въ лицо сестры, точно расположился слушать.

— Извольте, я вамъ сейчасъ все скажу, напрасно вы только меня Богъ вѣсть въ чемъ подозрѣваете; я вамъ скажу, говорила нисколько, повидимому, не смутившаяся Пелагея Степановна,—извольте: я начала это потому, что не знала какъ о такомъ предметѣ съ вами заговорить. Я хотѣла только насчетъ Леночки у васъ спросить.

— Чтò такое насчетъ Леночки? спросилъ совершенно озадаченный Кондратій Степановичъ.

— Насчетъ Леночки, продолжала Пелагея Степановна:—что, такъ какъ ходить теперь къ намъ молодой человекъ... и, кажется, въ ней щетъ... и она къ нему не равнодушна.... то я хотѣла вашего совѣта только спросить...

— Чтò такое, чтò такое, матушка Пелагея Степановна? сказалъ никакъ этого не ожидавшій и ничего не предполагавшій Кондратій Степановичъ.—Чтò такое? Замужъ, что ли? за Погуляева?

— Да, вотъ я объ чемъ хотѣла съ вами поговорить, отвѣчала скромно Пелагея Степановна.

— Ты съ ума сошла, Пелагея Степановна, рехнулась—за Погуляева? Да вѣдь онъ, мать моя, нигдѣ не служить; чина не имѣетъ; ему вѣсть нечего!.. У дочери твоей тоже ничего, чтò ты? Да я.... чтобы духу его здѣсь больше не было, Эй, человекъ!.. не принимать никогда этого, вотъ чтò ходить сюда, Погуляева, обратился онъ къ вошедшему лакею.

Пелагея Степановна совершенно растерялась.

— Поди сейчасъ, скажи, объясни ей, что пусть она бѣжитъ съ нимъ, если хочетъ; но чтобы я объ этомъ не слыхалъ, и ко мнѣ бы съ этимъ она не показывалась... Ступай, матушка, скажи!.. Вотъ чтò въ голову взбрело! а? Погуляевъ женихъ? Леночка невѣста? а? каково? а?

Пелагея Степановна вышла смущенная. Слышно было какъ скорыми шагами она всходила по лѣстницѣ, слышно было еще нѣсколько времени какъ сморкался разъ за разомъ, перхалъ и кашалъ Кондратій Степановичъ, но когда черезъ четверть часа сбѣжала внизъ Флора Яковлевна, чтобы, какъ было положено на общемъ совѣщаніи, ей попробовать уговорить или

усовѣстить старика, то въ гостиной его уже не было. Онъ прежде обыкновеннаго своего часа приказалъ себя укатить въ спальню, и все темно и тихо было ввизу.

Леночка, сидя надъ своимъ столомъ, плакала навзрыдъ. Пелагея Степановна не могшая еще придти въ себя отъ всего случившагося, ходила скорыми шагами по комнатѣ. Флора, никогда и ни передъ чѣмъ обыкновенно не останавливавшаяся, сидѣла теперь смущенная у окна и думала какъ бы только поскорѣе остаться имъ вдвоемъ съ Леночкой.

Пелагея Степановна дѣйствительно скоро ушла.

— Другъ мой, вскричала тогда Флора, бросившись къ своей воспитавницѣ. Она обвила ее своими руками, крѣпко прижала блѣдную, заплаканную Леночку къ своей груди, цѣловала ее въ губы, щеки, глаза, опять прижимала, опять цѣловала и вдругъ, точно рѣшившись на что-то окончательно, кинулась къ двери и заперла ее на ключъ.

— Лея, знаешь чтѣ? сказала она.

Растерянная Леночка смотрѣла ей въ глаза и ожидала рѣшенія.

— Просидимъ всю ночь! окончила Флора, какъ будто сказавъ очень утѣшительную вещь:—не ляжемъ спать, проговоримъ всю ночь, поди сюда, къ окну, сюда...

Она бросилась въ кресло, закинувъ голову назадъ. Леночка присѣла тихо на подоконникъ и грустно взглянула своими заплаканными глазами на небо.

На другой день Флора Яковлевна сначала попробовала было обратить въ шутку намѣреніе Кондратія Степановича изгнать Погуляева, думала было разсмѣшить старика, но тотъ даже не улыбнулся и просилъ ее съ нимъ объ этомъ никогда не говорить, и вообще показалъ ей, что и у него есть свой характеръ, и что если она просила его не очень много себя позволять, то и онъ съ своей стороны просить также оставить его въ покоѣ. Дѣло, значитъ, приняло самый дурной оборотъ. Къ этому присоединилась еще неприятность, которая въ такихъ случаяхъ всегда неизбѣжна: до тѣхъ поръ пока Флора Яковлевна была въ смѣхъ, весь домъ смотрѣлъ на нее съ уваженіемъ, вслѣдствіе ея болела, сторожилась и старался обходить, но какъ только почували, что баринъ переѣвился, что кончились всѣ шуточки, что вышла какая-то исторія, что Погуляева запрещено было прики-

мать, может-быть изъ ревности стараго барина, тогда Флора Яковлевна представлялась всей прислугѣ тѣмъ чѣмъ она собственно и должна была по ихъ понятіямъ быть: „мамзелью“. Начались наговоры, разказы, сплетки, благодаря которымъ Кондратій Степановичъ всякій день дѣлался все строже и строже, и все ниже и ниже падала въ глазахъ его Флора Яковлевна. Сначала запрещено было обѣимъ дѣвцамъ садиться къ открытымъ окнамъ; потомъ запрещено было подходить къ нимъ; потомъ приказано было не ходить гулять; потомъ запрещено было совсѣмъ выходить изъ дома. А сколько брани приняла на свою голову Педагога Степановна, такъ это и разказать трудно!

VIII.

Извѣщенный обо всемъ Феденька упалъ совершенно духомъ, и имъ овладѣло такое уныніе, что цѣлыми днями онъ валялся на своемъ диванѣ, не подходилъ къ окну, не смотрѣлъ къ Сантимовымъ, у которыхъ, впрочемъ, никого не было видно, точно всѣ умерли.

Разъ на дворѣ стояла невыносимая жара; на улицѣ почти никто не показывался; иные дома часовъ до пяти оставались съ закрытыми ставнями, а другіе съ завѣшенными окнами; стоявшій на углу съ утра извозчикъ, въ безнадежности дожидаться сѣдока, проспалъ почти до вечера, свернувшись кренделемъ на калиберѣ и положивъ свою шляпу въ видѣ зонтика на щекъ; даже сидѣвшій всегда у двери овощной лавочки мальчишка въ грязномъ фартукѣ, и тотъ спрятавъ за стекольчатую дверь, и соскучившись безъ покупателей, дремалъ, прислонясь головою къ колоніальнымъ товарамъ; накалившаяся отъ солнца мостовая дѣлала воздухъ еще удушливѣе, а на небѣ цѣлый день ни тучки, ни облачка, никакой надежды на освѣженіе.

Феденька съ утра одѣвшійся и сбравшійся сходилъ къ Лаврову, который давно у него не бывалъ, не рѣшался однако выйдти. Не растворяя оконъ, со спущенными шторами, просидѣвъ онъ до самыхъ сумерекъ дома.

Сидоръ раздувалъ уже самоваръ и готовился собирать чай. Погуляевъ лежалъ для перемѣны не на диванѣ, а на кровати,

когда вдругъ точно стукнулъ кто въ закрытую раму. Федеенька встрепенулася, всталъ съ постели; черезъ минуту тотъ же звукъ повторился въ другомъ окнѣ; сердце его забилося не ровно, уже онъ хотѣлъ было позвать на помощь себѣ Садора, но не прошло и пяти минутъ опять: „тукъ, тукъ, тукъ“.

— А! это Лавровъ, наконецъ догадался Федеенька и бросилъ поднимать стору, открывать окно.... но что это? прямо передъ нимъ показалась ручка дамскаго зонтика.

— Флора Яковлевна? Это вы? крикнулъ Федеенька и опростетью, безъ шапки, выскочилъ на дворъ, въ калитку, на улицу.

— Одну только секунду! произнесла, кинувшись вдругъ на Федееньку, Флора,—насъ могутъ увидать... вы безъ шапки, безъ разсудный!.. Не останавливайтесь, идите, я смотрю.

Всѣ трое пошли рядомъ. Федеенька жался къ стѣнкѣ, рядомъ съ нимъ шла блѣдная и взволнованная Леночка. Флора съ краю, почти по мостовой, обернувъ голову назадъ, слѣдила за тѣмъ, не покажется ли гдѣ въ окнѣ или у воротъ изъ дома чье-нибудь лицо.

Федеенька взялъ Леночкину руку.

— Ахъ, какъ же это? Какъ же это вы? Ахъ, да какъ же это? Ахъ!.. повторялъ онъ плаксивымъ голосомъ—какая холодная ручка, какія вы блѣденькія!

У него пересохло въ горлѣ, голосъ прерывался; Леночка ничего не говорила, тупо смотря то на Федееньку, то на Флору.

— Послушайте, Theodora, вдругъ сказала, подскочивъ къ нимъ, Флора,—пора разстаться! Намъ время домой, Theodora, вы должны служить, слышите? Иначе все пропадетъ....

— Вы ангелъ доброты, говорилъ жалобнымъ голосомъ Федеенька,—Флора Яковлевна, вы ангелъ доброты.

— Theodora, вы слышите, вы должны, продолжала Флора, упинаясь звучностью произносимаго ею имени: — а теперь скрывайтесь, кто-то смотреть, скрывайтесь!..

Слова эти пришлось какъ разъ въ то самое время, когда они подходили къ воротамъ Погуляевского дома; Федеенька юркнулъ въ калитку; у Леночки точно камень упалъ съ души; Флора Яковлевна взяла ее подъ руку, и они направились черезъ улицу къ своему дому.

— Какъ онъ умѣетъ любить! Вотъ умѣетъ любить!! шептала гувернантка, крѣпко сжимая руку своей воспитанницы.

Возвратившись въ свою комнату, Федеенька прошелъ прямо

къ себѣ въ спальню, легъ не раздѣваясь, не пилъ чаю, не ужиналъ, и такъ до другаго дня и пролежалъ. Утромъ зашелъ къ нему Лавровъ.

— Что ты болей? спросилъ онъ, пройдя всѣ комнаты и остановившись передъ все еще лежавшимъ на постелѣ Погуляевымъ.

Өеденька молча поднялъ на него глаза, заморгалъ и принялся плакать.

— Это болѣзнь-то? Полно, перестань, Погуляевъ! Вѣдь это, братецъ, стыдно наконецъ, сказалъ Лавровъ,—пора и кончить; встань, умойся, я спрошу чаю; мнѣ сегодня свободно, потолкуемъ; ну, вставай.

Разказъ Погуляева былъ такъ несвязенъ, такъ испещренъ былъ восклицаніями и порывами отчаянія и горя, что Лавровъ ничего почти не понималъ.

— Чего жъ ты хочешь? Я не понимаю? спросилъ онъ:—она тебя любитъ, ты ее то же, о чемъ же ты плачешь?

— Нѣтъ, ты, Лавровъ, послушай, разсуди, возражалъ ему Погуляевъ:—ты возьми меня.... Что я? распутный развѣ какой-нибудь, или бы я пилъ, въ карты игралъ? Живу смирно... Ужъ этого никто про меня не можетъ сказать.... во все время еслибъ я хоть бы слово какое-нибудь.... и что же теперь? что я такое остался? Я могу сказать, жизнь свою всю отдалъ ей, и остался....

Ничего не понималъ Лавровъ.

— Послушай, сказалъ онъ серіозно,—никто тебя ни въ чемъ не упрекаетъ. Ты говоришь, что влюбленъ, что это, видишь ли, жизнь твоя вся... Ну, такъ, вѣдь, тебѣ сказали: еслибы вы служили гдѣ-нибудь.... Ну, что жъ? послужи, попробуй, подѣлай что-нибудь.

Погуляевъ всталъ съ своего мѣста и захохоталъ сардоническимъ, театральнымъ смѣхомъ.

— Служить? повторилъ онъ:—помилуй, Лавровъ? Что ты? Кто меня возьметъ на службу? И какъ я пойду? Вѣдь это легко сказать—служить!...

— Постои, прервалъ его Лавровъ,—ты не горячись, это дѣло очень возможное.

— Какъ это, какимъ родомъ? Перестань, пожалуйста, сказалъ Өеденька:—развѣ я уже не пробовалъ?

— Ничего ты не пробовалъ.... А восторыхъ, пойди въ

военную службу; у меня есть рука въ штабѣ, я тебѣ хлопочу это дѣло....

Феденька задумался.

— Да какъ же поди! заговорилъ онъ наконецъ (передъ нимъ въ эту минуту почему-то мелькнулъ образъ Добромира),—какимъ родомъ? Вѣдь, являться надо.

— Ничего не надо; ужь ты не хлопочи.

— Какъ же это можно? Непременно надо являться.

— Не хлопочи; ты только просьбу напишешь, а я все сдѣлаю.

— Вотъ, просьбу надо писать, сказалъ, улыбнувшись, Феденька, точно обрадовавшись набѣжавшему препятствію:—а я не знаю, понятія не имѣю какъ пишутъ.

— Опять-таки я напишу; ты только подпишешь.

— Да что это вздоръ-то, Лавровъ, ты говоришь? Не можетъ этого быть, чтобы можно было не являться.

— Я тебѣ докажу, что можно! Согласись только просьбу написать. Ты скажи только, что согласенъ, а тамъ ужь не твое дѣло.

Феденька колебался; видно было, что онъ и не вѣрилъ словамъ Лаврова, и чего-то боялся; между тѣмъ тотъ, какъ бы читая въ глубинѣ души Феденьки, что онъ былъ не очень противъ его страннаго и экспромптомъ выдуманнаго предложенія, послалъ Сидора за бумагою. Прошло еще полчаса. Лавровъ перешелъ отъ настойчивости къ развитію и представленію въ живыхъ образахъ веселой и счастливой будущности Феденьки, гусаромъ, въ полку; разказывалъ ему, какъ все это будетъ хорошо, ловко, приятно; Феденька, уже не отговариваясь, предлагалъ самъ, отъ времени до времени, разные вопросы. Черезъ полчаса еще, Лавровъ быстро водилъ перомъ по бумагѣ, не переставая, впрочемъ, говорить и разказывать.

— На, садись, пиши свое имя! сказалъ онъ, наконецъ, обращивъ къ Погуляеву бумагу.

— Послушай, къ чему ты все это затѣялъ? Ну зачѣмъ ты заставляешь меня пустяки дѣлать? началъ было опять Феденька, смѣясь и не дотрогиваясь до пера.

— Нѣтъ, братъ, ужь теперь поздно! Для какого же чорта я написалъ? Нѣтъ врешь, садись, подписывай: изъ дворянъ Федоръ Никавдровъ Погуляевъ.

— Да изволь, -я, пожалуй, подпишу, говорилъ Феденька,

который все еще не рѣшался принять въ серьезную сторону предложенія Лаврова, но у котораго тѣмъ не менѣе неровно билось сердце:—только вѣдь не можетъ-быть, чтобы все это вотъ тутъ между нами....

— Ну, ну, разказывай тамъ! пиши: изъ дворянъ,—написалъ? ну,—Федоръ Никандровъ Погуляевъ, валай!

Отвыкнувъ писать, и въ волненіи, Феденька пропустилъ въ своей фамиліи букву я, и вышло Погуляевъ. Онъ хотѣлъ было мазнуть свѣжія чернила пальцемъ.

— Постой, не трогай, не порти, все равно Погуляевъ или Погулеву, сойдетъ! закричалъ Лавровъ:—а теперь вотъ мы это засыпаемъ, свернемъ, въ карманъ положимъ, и adieu! заключилъ онъ, и взявъ фуражку, ушелъ.

Погуляевъ слѣдилъ глазами за всѣмъ что передъ нимъ происходило Лавровъ, улыбнулся ему вслѣдъ, и долго потомъ, оставшись одинъ, ходилъ по комнатамъ и почти вслухъ ворчалъ:

„Развѣ это можно? ни съ того, ни съ сего я въ военной службѣ!“

А вмѣстѣ съ тѣмъ представлялось ему совершенно противъ его воли, какъ онъ вдругъ гусарь, какъ у него на стулѣ вмѣсто сюртука мундиръ, сабля въ углу.

„Вздоръ!“ думалъ онъ наперекоръ всѣмъ этимъ представленіямъ: „что-то невѣроятно; ни къ кому не являясь, и вдругъ прямо,—гусарь!“

IX.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ горничной Катерины Алексѣевны, Сидоръ, послѣ разныхъ свѣдѣній о томъ что у нихъ большой недостатокъ въ носкахъ и что мука тоже подходитъ къ концу, писалъ, хотя и не подробно, но довольно понятно, что Федоръ Никандровичъ стали часто ходить къ Сантимовымъ, и что конечно господскихъ дѣлъ онъ не знаетъ, но чтобы тутъ, пожалуй, чего и не вышло!

Катерина Алексѣевна принадлежала къ числу тѣхъ мамелекъ, которыя собственныхъ дочерей своихъ желаютъ какъ можно скорѣе сбыть съ рукъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, одинаково же горячо желаютъ приобрести дочерей припавшихъ, женъ своихъ сыновей, которыхъ стараются непременно затащить на жительство къ себѣ, если имъ самимъ

не удастся помѣститься у женатыхъ сыновей. А потому, когда мелькнула у Катерины Алексѣевны надежда о возможности Феденькиной свадьбы, о возможности снова имѣть дочь, она не только не задумалась ни на минуту о томъ, хорошимъ ли еще сынъ будетъ мужемъ, какая это свадьба, какая будетъ у нея дочь, не только забыла что Феденька ея неучъ, и не служить, и ничѣмъ не занимается, но даже перекрестилась и прошептала: „дай-то Богъ ему!“

Лавровъ, между тѣмъ снова явился къ Погуляеву и объявлялъ, что предположенія ихъ о военной службѣ перешли въ действительность, что Феденька зачисленъ въ А—й гусарскій полкъ, и что ему надо теперь обмундировываться.

Феденька не то чтобы испугался, не то чтобы обрадовался, но у него закружилась голова и свѣлаася ознобъ.

На первое время мундиръ доставилъ ему огромное удовольствіе. Сбѣнивъ свой старенькій сюртукъ на военное платье, онъ конечно ужъ теперь никогда не услышитъ отъ фабричныхъ, какъ случалось иной разъ прежде: „Баринъ, чѣихъ вы господа?“ А по воскресеньямъ, въ церкви, развѣ не поглядывали искоса на блестящій его мундиръ двѣ какія-то розовыя шляпки, изъ которыхъ одной было всегда отчего-то очень весело? Развѣ не прислушивались къ шуму его сабли и шпоръ? Да и самъ Феденька, имѣя всегда глаза наготовѣ чтобы встрѣтить взоры Леночки, по старой привычкѣ оборачивавшейся къ нему, развѣ онъ не занималъ иногда извожника, чтобы молодцомъ прокатиться мимо какихъ-то ужъ новыхъ занимавшихъ его оконъ, и развѣ все это было не весело?

Вскорѣ послѣ того у подъезда Погуляевского дома появилась знакомый намъ дорожный экипажъ, изъ котораго вышла рыдающая отъ восторга Катерина Алексѣевна со своею свитой: бѣлою и черною дѣвушкой, поваромъ и лакеемъ. Сидоръ увѣдомилъ Катерину Алексѣевну о послѣдовавшихъ перемѣнахъ.

Въ домѣ Погуляевыхъ опять все ожило. Катерина Алексѣевна была весела и счастлива. Феденька хотя и вспоминалъ о Леночкѣ и долгомъ своимъ считалъ, въ особенности при Лавровѣ, разыгрывать иногда роль челоѣка, находящагося въ отчаянномъ положеніи, пошедшаго въ военную службу съ горя, потому только что его толкнула туда судьба; но Лавровъ, да и всакій видѣлъ, что грусть его какъ рукой сняло, что въ голову ему не приходило пожелать чего-

нибудь лучшаго, что ему было хорошо, что онъ былъ доволенъ и собою, и своею новою, болѣе разсѣянною жизнью, и что наконецъ онъ даже успокоилъ себя и насчетъ Девочки. „Противъ невозможности сдѣлать ничего нельзя, думаю онъ, я сдѣлалъ все что могъ, пошелъ въ военную службу. Чего же еще?“

Разъ всѣ сидѣли за чаемъ. Феденька спѣшилъ допить свой стаканъ; видно было, что онъ собирался куда-то уйдти, невнимательно слушалъ длинный разказъ матери, отвѣчалъ разсѣянно на вопросы, которые относились къ нему, и искоса поглядывалъ на сидѣвшаго также за чайнымъ столомъ Лаврова, какъ вдругъ вошедшій Сидоръ доложилъ громко, что какой-то солдатъ спрашиваетъ юнкера Погуляева.

Феденька поблѣднѣлъ, и ничего не отвѣтивъ, смотрѣлъ вопросительно на Лаврова.

— Что жь, выдь къ нему! сказалъ тотъ.

— Да что это такое можетъ быть? спросилъ тревожно Погуляевъ.

— Почему я знаю? Выдь, спроси, говорилъ Лавровъ, догадываясь въ чемъ дѣло.

Погуляевъ, растерявшись, началъ застегиваться и попросилъ у Катерины Алексѣевны еще чаю.

— Ты поди сначала, сказалъ Лавровъ,—напьешься потомъ...

— Я только вотъ еще одинъ стаканъ, говорилъ Погуляевъ, желая какъ-нибудь оттянуть время:—да скажи, пожаауста, Лавровъ, ты вѣрно знаешь, что это можетъ быть? прибавилъ онъ.

— Откуда солдатъ? спросилъ Лавровъ у Сидора.

— Изъ комендантской, кажется, онъ сказалъ.

— Изъ комендантской? повторилъ Лавровъ, въ то время, какъ Феденька съ беспокойствомъ переходилъ глазами съ Сидора на Лаврова, и обратно.

— Ну что жь это можетъ быть? продолжалъ Лавровъ:—вѣроятно тебя требуютъ въ штабъ или въ полкъ,—право не знаю, поди спроси, Господи!

— Что? въ полкъ, какъ въ полкъ? вхать? спрашивалъ Погуляевъ, растерявшись и вытаращивъ глаза.

Катерина Алексѣевна смотрѣла съ немалымъ беспокойствомъ на сына. Ей и въ самомъ дѣлѣ казалось страшнымъ, какъ это его вдругъ ушлютъ въ полкъ, да и Феденьку видѣла она такимъ испуганнымъ, блѣднымъ; она позабыла вмѣстѣ съ

внѣ, что рано или поздно должно было случиться то, чего они испугались теперь.

Лавровъ всталъ.

— Ступай же, убѣдительно и серьезно шепнулъ онъ Погуляеву.

Феденька вышелъ скорыми шагами.

— Ну что? спросилъ его черезъ двѣ минуты, когда онъ возвратился назадъ съ какою-то бумагой.

— Вхать приказано, отвѣтилъ онъ, — въ полкъ, вотъ тутъ написано.

— Гдѣ, когда вхать, куда? спрашивали въ одинъ голосъ Лавровъ и Катерина Алексѣевна.

— Я не прочелъ, вотъ тутъ, сказалъ сердито Феденька, бросивъ бумагу на столъ и заходявъ по комнатѣ.

Какъ непріятель вдругъ показался ему звонъ шпоръ, какъ тяжело стало жить, какъ страшно билось сердце, какое раскаяніе откуда-то нахлынуло въ его голову! „Вотъ оно!“ думалъ онъ: „куда Лавровъ-то меня всадилъ! Какъ я поѣду?...“ И не слышалъ Феденька, какъ Катерина Алексѣевна и Лавровъ прочли вслухъ написанное на бумагѣ приказаніе: „Съ полученіемъ сего, юнкеру Погуляеву отправиться въ А—ій гусарскій полкъ, или въ противномъ случаѣ съ нимъ поступлено будетъ и т. д.“

— Какой я военный, какъ можно было мнѣ совѣтовать идти въ эту шкуру солдатскую? продолжалъ думать онъ, встряхивая толстую свою одежду.

— Послушай однако, Погуляевъ, ты распорядись, прервалъ его мысли Лавровъ.

— Какимъ дьяволомъ мнѣ распорядиться, отвѣтилъ онъ, остановившись и злобно посматрѣвъ на всѣхъ.

— Ты не горячись, а обдумай хорошенько, продолжалъ Лавровъ, — тутъ тебѣ приказано съ полученіемъ сего отправляться въ полкъ, слѣдовательно горячиться тамъ и разговаривать нечего, надо собирать пожитки, укладываться, посылать за лошадьми, и вхать.

— Вхать? громко сказалъ Погуляевъ, — не поѣду! заключилъ онъ рѣшительно, заходявъ большими шагами по комнатѣ.

— Ну что пустяки врать, развѣ можно не поѣхать? Ну съ жандармами тебя отправятъ, если самъ не поѣдешь; тутъ брать горячкой не возьмешь ничего, говорилъ Лавровъ.

Погуляевъ продолжалъ молча ходить по комнатѣ.

— Будетъ ходить-то, а время не терпять, успѣлъ бы, можетъ-быть, чѣмъ еще распорядиться, вмѣсто того чтобъ изъ угла въ уголъ метаться. Ничего этимъ не выиграешь, только можешь неприятностей себѣ нажить, какъ маятникъ мечется изъ стороны въ сторону.

— Маятникъ? вдругъ, подойдя близко къ Лаврову, сказалъ Ѳеденька, маятникъ? повторилъ онъ дрожащимъ голосомъ, — стыдно тебѣ, Лавровъ, такъ говорить, стыдно! Ты къ чему меня подвелъ? куда я теперь поѣду? заключилъ онъ, и слезы уже блестя на его глазахъ.

— Ты развѣ не зналъ? Вѣдь это странно, Погуляевъ, ей Богу! Вѣдь это непостижимое дѣло!

— Я зналъ, положимъ, я зналъ; а ты долженъ былъ бы меня остановить, а ты что мнѣ говорилъ? отвѣчаю, говорить, отвѣчаю! Вонъ и маменька теперь пріѣхала? А зачѣмъ?.. На радость, что ли, на счастье? Вотъ теперь прощайте; много прожили съ сыномъ? Много насладились?—На-те вамъ теперь мою душу, у меня ужъ ничего не осталось!! И Ѳеденька началъ рвать болтавшіеся со всѣхъ сторонъ его платья кисти и шнуры.

— Чтò это? качая головою Лавровъ:—точно въ рекруты сдавать везутъ его! Успокойся, помилуй, чтò ты?

— Не въ рекруты, вѣтъ, сказалъ Ѳеденька, а только.... вы чтò хотите со мною дѣлайте, а я ни шагу отсюда! Ничего я не знаю. Вы сдѣлали,—вы и кончайте!

Погуляевъ совершенно ужъ заплакалъ. На этотъ разъ слезы были обильныя и продолжительныя; не обошлось и безъ того, чтобы слезамъ своимъ Ѳеденька не приискалъ благовиднаго предлога. Не плакать же просто о томъ, что вѣхать не хочется, что скучно, досадно; гораздо лучше сдѣлаться жертвой, представить себя героемъ. „Левочка! для тебя!“ слышалось въ его всхлипываніяхъ.

X.

На другой день Ѳеденька, отъ тревожнаго сна и отъ душевнаго волненія, превратился въ какую-то смазку мокраго бѣлья. Когда Лавровъ, растолкалъ его, опять появились слезы, только урековъ уже не было. Шепотомъ говорилъ онъ

сначала Лаврову, чтобъ онъ извѣстилъ Леночку, какъ вотъ онъ уважаетъ для нея; то же самое шепотомъ повторилъ онъ на ухо матери. Они общались исполнить его желаніе, не спрашивая отчего вдругъ опять проснулась въ немъ чувствительность къ Леночкѣ.

Вся рѣшимость Федевича исчезла, когда настало время отъѣзда. Точно не самъ онъ, а кто-нибудь другой за него бралъ шапку, надѣвалъ перчатки, садился по обычаю передъ отъѣздомъ, крестился и вѣдалъ въ перекладную, длинную телегу. Молча и ни на кого не ропща, дѣловался онъ съ плачущею Катериной Алексѣевной, обнималъ и крѣпко прижималъ Лаврова, точно судьбѣ какой-то покорно повиновался, такъ что даже Лаврову стало его жаль.

— Фу ты, Боже мой! думалъ онъ,—хорошо ли наконецъ я отъѣзжалъ, что унекъ его такъ безжалостно? Вѣдь это дитя какое-то!

А между тѣмъ двери уже всѣ были отворены настежь, безпрестанно приходили и уходили дворовые люди. Федевичка всталъ, рейтузы на немъ какъ-то казались не подтянуты и сапоги были запыленные и не вычищенные.... Вотъ онъ сѣлъ, лошади тронули, выѣхали изъ воротъ.....

— Стой, закричалъ было Погуляевъ, протянувъ руки къ ямщику, когда проѣзжали мимо Сантимовскаго дома, въ окнѣ котораго показалось заплаканное личико Леночки, а въ другомъ—растрепанная и махающая платкомъ фигура Флоры Яковлевны.

— Стой! стой! кричалъ Федевичка, но лошади, сильно рывнувшись на первыхъ порахъ, проѣхали уже дома два, а вслѣдъ затѣмъ круто повернули въ переулокъ, чуть не задѣвъ стоявшаго на углу извозчика, поторопившагося отодвинуть, какъ ящикъ, свой калиберъ.

— Стой же, стой, произнесъ было еще разъ слабымъ, плаксивымъ голосомъ Федевичка, смотря на кланявшуюся ему изъ окна, головку,—но вѣтромъ отнесло его слова; перекладная тележка точно вся развинченная стучала нестерпимо звонко; вотъ наконецъ и все скрылось; запахнулся онъ своею военною шинелью, и жесткое, грубое солдатское сукно вытирало его заплаканные глаза.

— Никогда въ жизни не забуду этого лица, говорила въ то же время въ домѣ Сантимовыхъ Леночка своей гувернанткѣ. И за что? За что все это? Что онъ бѣдный сдѣлалъ дяденькѣ?

Отчего я не могла выйти за него замужъ? Кто виною всему?

— Ты что, Леля? Посмотри на меня, какъ я похудѣла, посмотри, дай сюда руку, говорила Флора Яковлевна, схватывая маленькую ручку Леночки и подсовывая ее подъ мышь своего платья:—десять такихъ можно положить.... Это я, а что же ты-то, моя бѣдная Леля, должна чувствовать:—это ужасъ, ужасъ! и плакали обѣ дѣвицы и днемъ, и по ночамъ. Флора Яковлевна въ самомъ дѣлѣ похудѣла, а Леночка занемогла серьезно.

XI.

По крайней мѣрѣ на сто верстъ вокругъ вѣкъ былъ извѣстенъ богатый X-кій помѣщикъ Степенко и не менѣе богатое и привольное помѣстье его Дубровицы.

У него были оркестры, пѣсенники, пѣвчіе, псовая охота, повара первѣйшіе, домъ превосходный, мѣстность картинная: рѣка, гора и лѣсъ — три, какъ извѣстно, принадлежности всякой картины,—разставлены были такъ что всего было. Хочешь гору, покрытую лѣсомъ, ввиду извивающуюся рѣчку, а на верху какой-нибудь point de vue—есть!.. Хочешь вдали гору и воду, а point de vue въ лѣсу — опять есть!.. И сами хозяева, monsieur и madame Степенко, были люди образованные, прожившіе большую часть своей жизни въ Петербургѣ: онъ служба въ гвардіи, она вращаясь въ лучшемъ петербургскомъ обществѣ; онъ красавецъ, она молоденькая и весьма не дурная собой. Въ продолженіе двухъ лѣтъ ихъ прибыванія въ Дубровицахъ идутъ у нихъ нескончаемые праздники; вѣчные гости, которые рвутся къ нимъ одинъ передъ другимъ и чуть не со слезами уѣзжаютъ. Сегодня, напримеръ, въ Дубровицахъ отъ крыльца ведутъ чуть не двадцать верховыхъ лошадей; въ этой большой кавалькадѣ видно гораздо больше мужскихъ сѣделъ чѣмъ дамскихъ. Возвратившееся съ прогулки общество, войдя въ широко отворившіяся передъ нимъ двери, точно растерялось въ комнатахъ огромнаго размѣра; вдали слышно катанье шаровъ по бильярдному столу, мужскіе голоса; гдѣ-то играетъ музыка.... А что же хозяева? Гдѣ они? Madame Степенко что-то очень встревожена. Она ходитъ по комнатамъ, часто останавливается и глядитъ въ окно; около нея, не отставая ни на шагъ, слѣдуютъ кавалеры,

все гусары. Я позабылъ сказать, что около Дубровицы стоялъ А-скій гусарскій полкъ, и что помѣщики, а въ особенности ихъ жены и дочери, пересчитывая всѣ прелести своей жизни, прибавляли еще, что у нихъ наводненіе кавалеровъ. Гусары, видимо, изъ всѣхъ силъ стараются какъ-нибудь разговаривать, разсѣять озабоченную хозяйку; между ними одинъ въ особенности закидываетъ ей какія-то таинственныя фразы, ища вѣроятно разгадки прерваннаго во время прогулки разговора. Онъ чуть ли не влюбленъ въ нее, — но мадамъ Степенко на этотъ разъ не обращаетъ ни на кого вниманія; она отвѣчаетъ не впадѣвъ, все ходитъ, смотритъ въ окно, хотя давно уже наступили сумерки; она, кажется, хочетъ даже совсѣмъ уйти къ себѣ. Но вотъ и самъ хозяинъ!

Онъ долго возился и только что кончилъ свои заботы въ самой дальней комнатѣ, гдѣ на длинномъ столѣ, покрытомъ бѣлѣйшею статуртью, разставлены были серебряный самоваръ со всѣми къ нему принадлежностями, подносомъ, чайниками и молочниками, и гдѣ, при самомъ баринѣ, раскладывались салфеточки краснымъ гербомъ вверхъ, серебряныя корзинки съ сладкими и несладкими лепешками и хлѣбами; симметрично располагались масло, ветчина, сыръ. Теперь, когда все было готово, вышелъ онъ усталый къ женѣ, и довольно громко сказалъ ей:

— Готово, Софи.

— Подожди, пожалуйста, еще минуту! отвѣтила полушепотомъ мадамъ Степенко, и пользуясь случаемъ, что мужъ ея разговаривалъ съ неоставлявшими ее дотолѣ кавалерами, послѣшнѣе вышла на густо-заставленную померанцовыми деревьями террасу, быстро сошла по лѣстницѣ внизъ и скорыми шагами направилась къ терпящейся въ чащѣ старыхъ деревьевъ дорожкѣ.

Минуть черезъ десять свѣтлое платье ея мелькнуло въ другой сторонѣ сада, куда, вѣроятно, сдѣлавъ вѣсколько извивовъ въ лѣсу, выходила та же самая дорожка; видно было, что она спѣшила возвратиться домой, но вмѣстѣ съ тѣмъ она то вдругъ останавливалась, разглядывая что-то между кустовъ, то озиралась во всѣ стороны, и вотъ наконецъ съ еще болѣе тревожнымъ и взволнованнымъ лицомъ снова показалась на лѣстницѣ террасы. Monsieur Степенко ждалъ ее.

— Ну что жь, Софи? пора, сказалъ онъ, увидя ее:— всѣмъ хочется чаю.

— Еще минутку, подожди, отвѣтила Софи.

— Да чего же ждать, я не понимаю?

— Постой, погоди немножко, говорила Софи, желая придать лицу своему совершенно равнодушное выраженіе:—еще не всё собрались и не переѣхали костюмовъ....

— А что Звонкова? Что ея голова? прошла? спросилъ Степаненко.

— Подожди, топ шаг, прошла, да, вѣтъ, не прошла, отвѣчала Софи разсѣянно, стараясь пройти и отвязаться поскорѣе отъ мужа.

Madame Ст пенько не много не дошла до того, чего она искала и что было причиною ея тревоги. Еслибы, войдя въ чащу деревьевъ, она, вмѣсто лѣвой стороны, повернула въ правую, то она увидала бы свою пріятельницу Лидію Звонкову, съ которою она была въ заговорѣ, условившись съ нею устроить кавалькаду, чтобы всѣхъ отвлечь изъ дома, и придумавъ головную боль, долженствовавшую послужить предлогомъ чтобъ остаться вмѣстѣ съ Звонковой; также дано было знать кому садовало, чтобы пріѣхавъ воспользоваться этимъ удивленіемъ, около третьей скамейки, считая отъ старой бѣсѣдки: словомъ все было устроено такъ, чтобы Лидія могла въ послѣдній разъ свободно наговориться и проститься съ ними.

А кто же былъ онъ?

Онъ былъ тоже гусаръ, хотя, кромѣ мундира, въ немъ мало было гусарскаго. Нѣсколько извѣженныхъ манеры; блѣдный цвѣтъ лица, не видавшаго никогда загара, не носящаго на себѣ слѣдовъ кавалерійскихъ пооекъ; мягкіе, тонкіе, черные усы, скрывающіе только верхнюю губу; темные глаза; тонкій носъ; темные волосы, живописно извивающіеся волнами, закинутые назадъ и закрывающіе нѣсколько стоячій воротникъ; растегнутая венгерка; бѣлый жилетъ, на которомъ красиво свѣтилась золотая цѣпочка, на концѣ своемъ держащая не съ двойною крышкою массивные мужскіе часы, выигранные у жида или выигранные на семерку пикъ,—вѣтъ, но плоскій, овальной формы медальонъ съ ея портретомъ и вензелемъ,—вотъ каковъ былъ онъ!

Товарищи звали его Мераифлеромъ за его конфузливость, за то что онъ не игралъ въ карты, не имѣлъ ни одного пріятеля въ полку, сторонился ото всѣхъ, никому ни разу не открывалъ своей души, избѣгалъ подъ всяки возможными пред-

догами службы, и слишкомъ опрятно одѣваясь, слишкомъ долго причесывался, и черезчуръ былъ женоподобенъ!

Таковъ былъ въ полку нашъ старый знакомый Феденька Погуляевъ. Последнее время на молодомъ человѣкѣ оказалось чрезвычайно много долговъ. Начальство и безъ того не выдавшее въ немъ никакого толку, какъ въ никуда негодномъ служацкѣ, теперь, придравшись къ его долгамъ, рѣшительно и положительно объявило, чтобъ онъ или очистился разомъ отъ всѣхъ взысканій, или подавалъ бы въ отставку и немедленно увѣжалъ изъ полка.

Впрочемъ, все это думали и говорили мушкетеры, его товарищи, начальство; но женщины и дѣвицы думали и говорили совершенно другое. Загадочная таинственность, которою окружалъ себя Феденька, смазливенькое лицо его, что-то необыкновенное въ немъ, внашала многимъ изъ нихъ желаніе и разгадать эту таинственность, заставляла сожалѣть о его выходѣ всѣхъ вообще, но чтобы видѣть какъ сожалѣли о немъ въ особенности, надо было пройти, именно по той дорожкѣ, до которой не дошла мадамъ Степаненко, и посмотрѣть на блѣдное лицо Лидіи, сидѣвшей на третьей скамейкѣ, считая отъ старой бѣсѣды, съ опущенными на колѣни руками; надо было посмотрѣть на это тупое отчаяніе бѣдной женщины, на эту дрожь, пробѣгавшую по ней и заставлявшую ее судорожно вздрагивать; надо было взглянуть на эти глаза безъ слезъ, прямо смотрѣвшіе на Феденьку, который стоялъ передъ нею на колѣняхъ въ слезахъ, распутивши губы и рыдая какъ маменькій.

— Клянусь честью, долетѣло бы до вашего слуха,—клянусь честью, я ничего не могу одѣвать! Я несчаствѣннѣйшій изъ смертныхъ.

— Попробуй, попроси, Феденька, слышался другой голосъ,—неужели намъ надо разстаться отъ этого? Я не перенесу, я умру....

— Кого просить? Кого я буду просить, ангельчикъ мой, Лидечка? Кто меня послушаетъ? всхлипывалъ голосъ Феденьки:—еслибъ я въ карты проигралъ, пропалъ бы,—всякій бы помогъ тогда,—а я что скажу? Всѣ меня оставили.... Я погибнуть долженъ теперь, пропасть.... Надо вѣхать....

— Подожди, не увѣжай, потерпи, зазвучалъ зрѣннѣйшій женскій, мелодическій голосъ,—какъ же я-то останусь, какъ же я буду терпѣть. Чтѣ я? Вся жизнь моя....

— Идутъ!... вдругъ воскликнулъ Погуляевъ, и вскочивъ на ноги, не сказавъ прости, не посмотрѣвъ даже на Лидичку, бросился въ кусты, зашуршалъ раздвинувшимися передъ нимъ вѣтвями и исчезъ.

Лидія долго не могла опомниться, она въ испугѣ какъ бы искала чего-то оброченнаго ею на полу; она проводила рукою по лбу, наконецъ безсознательно побѣжала къ дому, и въ то время, когда мадамъ Степяенко договаривала послѣднее слово мужу,—за ея спиной, едва переводя духъ, очутилась блѣдная, какъ смерть, Лидія.

Всѣ бывшіе тутъ тотчасъ обратились къ ней съ вопросами: „Что, какъ ея головная боль, какъ она себя чувствуетъ, лучше ли, хуже ли?“ Гостей между тѣмъ хозяева пригласили идти пить чай, въ давно освѣщенную столовую, и вечеръ продолжался.

Черезъ два дня Феденька выѣхалъ изъ эскадрона безъ проводовъ, безъ покоекъ, едва простясь съ товарищами и не справившись даже по какому праву, наконецъ, выслало его такимъ образомъ начальство; только Сидоръ попробовалъ было разъ спросить у него, на что онъ ѣдетъ, если такъ ужъ убивается и плачетъ?.. Но Сидору Погуляевъ сказалъ: „дурака“ на томъ основаніи, что и безъ него онъ знаетъ что никто не можетъ запретить ему остаться, но съ чѣмъ останешься? „Ты что ли денегъ дашь? совѣтчикъ!“ прибавилъ онъ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

БУЛКИНЪ.

СПОРНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВОПРОСЪ

Нѣкто Слотманъ былъ позванъ въ амстердамскій ассизный судъ по обвиненію въ смертоубійствѣ, и хотя по свѣдѣнію оказалось, что смерть была причинена имъ по просьбѣ убитаго, однакоже судъ не принялъ этого обстоятельства ни въ какое уваженіе и призналъ Слотмана виновнымъ въ убійствѣ умышленномъ. На этотъ приговоръ осужденный подалъ жалобу кассационному суду, но и кассационный судъ призналъ приговоръ правильнымъ.

Въ судѣ ассизовъ защитникъ пытался было оправдать подсудимаго тѣмъ, что его дѣйствіе заключаетъ въ себѣ лишь пособіе къ самоубійству; самоубійство же дѣйствующимъ въ странѣ Наполеоновымъ кодексомъ не запрещается, какъ преступленіе; не можетъ быть, слѣдовательно, преступнымъ и пособіе къ нему, на основаніи правила: гдѣ вѣтъ главнаго виновника, тамъ не можетъ быть и помощника — *socius delicti sine auctore non intelligitur*. Но судъ отвергъ эту систему защищенія на томъ только основаніи, что въ разсматриваемомъ случаѣ смерть послѣдовала не отъ самого лишившагося жизни, а отъ дѣйствія обвиняемаго.

Въ кассационномъ судѣ была поэтому принята другая система. Защитникъ обвиняемаго приводилъ въ его пользу, во-первыхъ, что въ Наполеоновомъ кодексѣ нигдѣ не говорится объ убійствѣ съ соизволенія обвиняемаго; далѣе, что существенно-необходимый признакъ умышленнаго убійства состоитъ въ томъ, чтобъ оно было совершено *volontairement*, а

этотъ признакъ никакъ не можетъ быть приложенъ къ тому, кто убиваетъ другаго по его просьбѣ; что убійство, наконецъ, и въ кодексѣ относится къ числу преступленій частныхъ гражданскихъ, а эти преступленія тѣмъ именно и отличаются отъ другихъ, что всегда необходимо предполагаютъ *animus nocendi*—намѣреніе и желаніе вредить, и потому могутъ быть совершаемы только противъ воли другихъ. *Nulla injuria in volentem committitur*. Въ подкрѣпленіе этого послѣдняго доказательства сдѣлана была осылка и на тѣ пренія, которыя происходили во Франціи по поводу изданія Наполеонова кодекса. Въ заключеніе, представлены были возраженія на тѣ основанія, которыми судъ ассизовъ мотивировалъ данный имъ приговоръ.

Во время преній о Наполеоновомъ кодексѣ, говорилъ защитникъ обвиняемаго, было утверждено, что наказаніе преступленій необходимо, такъ какъ человекъ имѣетъ право требовать отъ гражданского общества спокойнаго пользованія обезпеченными ему государственнымъ договоромъ правами и ожидать отъ него нужной защиты противъ всякаго несправедливаго нападенія на нихъ. Но относится ли это къ тому, кто самъ желаетъ, чтобы на него было сдѣлано нападеніе? Говоря объ убійствѣ, законъ употребляетъ выраженіе *attentat à la personne*. Можетъ ли это выраженіе причисловать тому случаю, когда дѣйствіе совершается надъ кѣмъ-либо по его настоятельной просьбѣ? Французская судебная практика требуетъ для наказанія преступленія — *intention criminelle*, но мы напрасно бы стали искать *intention criminelle* у того, кто убиваетъ другаго по его просьбѣ. На томъ основаніи, что согласіе на преступленіе не приводится между обстоятельствами, освобождающими отъ наказанія, еще нельзя утверждать, будто бы кодексъ подъ общимъ именемъ убійства умышеннаго обнимаетъ и убійство съ согласія убитаго, такъ какъ, согласно съ вышесказаннымъ, подобныя дѣйствія не принадлежать къ области уголовного права. Далѣе, мнѣніе суда, что согласіе на преступленіе противно законамъ, добрымъ нравамъ и общественному порядку, и что никто не имѣетъ права по своему произволу разрѣшать неуваженіе къ общественнымъ интересамъ, — вѣрно только отчасти. Подобное соглашеніе, конечно, не можетъ давать права на искъ объ исполненіи договора, но оно во всякомъ случаѣ можетъ измѣнять свойство дѣйствія, которое безъ того подлежало

бы наказанію. Въ данномъ случаѣ нельзя сослаться на то, что кассационный судъ двумя приговорами не одобрилъ системы соглашенія въ приложеніи къ дуэлямъ: въ дуэли всегда присутствуетъ animus nocendi, котораго въ этомъ случаѣ, напротивъ того, нѣтъ.

Въ опроверженіе этихъ доказательствъ, генеральный прокуроръ приводилъ слѣдующіе доводы. Дѣйствія, подобныя тому, о которомъ идетъ рѣчь, подлежатъ преслѣдованію независимо отъ всякаго частнаго иска; если законъ запрещаетъ какое-либо дѣйствіе, то его никто и ни подъ какимъ предлогомъ не имѣетъ права совершить; необходимый для преступленія злой умыселъ необходимо существуетъ, какъ скоро противозаконное дѣйствіе совершается сознательно и свободно; законъ не опредѣляетъ убійства, какъ дѣйствія, совершеннаго противъ воли убитаго; наказуемость его заключается въ самомъ дѣйствіи. Есть, конечно, преступленія, которыя только тогда могутъ подлежать наказанію, когда они совершаются противъ воли оскорбляемаго ими; но въ другихъ преступленіяхъ согласіе тѣхъ, чьи права они нарушаютъ, ничего не значить. Безъ сомнѣнія убійство совершаемое съ согласія убиваемаго могло бы, вслѣдствіе особаго мотива, разсматриваться какъ особый родъ убійства, но въ кодексахъ этого не сдѣлано, и только законодатель можетъ поправить этотъ недостатокъ, а пока, согласно дѣйствующему кодексу, судъ знаетъ только, что убитый лишился жизни вслѣдствіе свободного и предумышленнаго дѣйствія обвиняемаго.

Жалоба подсудимаго была отвергнута и онъ, какъ виновный въ умышленномъ смертоубійствѣ, приговоренъ къ смертной казни.

Подобные случаи встрѣчались не разъ и въ самой Франціи и были рѣшаемы точно также.

Въ Брестѣ крестьянинъ застрѣлилъ накучившаго жизнью офицера, по его просьбѣ, и несмотря на ловкое защищеніе адвоката, приговоренъ былъ къ смертной казни. Приговоръ этотъ былъ утвержденъ и кассационнымъ судомъ. Въ другомъ случаѣ виновный въ подобномъ преступленіи, несмотря на то что рѣшился на него послѣ серьезнаго и продолжительнаго отговариванія, и дѣло ограничилось нанесеніемъ ранъ, тѣмъ не менѣе былъ приговоренъ къ десятилѣтней каторжной работѣ. Но въ одномъ изъ новѣйшихъ случаевъ,

21 августа 1851 года, гдѣ шла рѣчь о покушеніи на смертоубійство, вслѣдствіе обоюднаго соглашенія, кассационный судъ хотя и высказалъ также, что согласіе потерпѣвшаго отъ преступленія не есть основаніе къ освобожденію виновнаго отъ наказанія, но, мотивируя приговоръ, присовокупилъ: *attendu qu'il n'appartient d'ailleurs qu'au jury d'apprécier les circonstances qui peuvent atténuer le fait.* Въ этихъ словахъ кассационнаго суда писатель, у котораго мы заимствовали изложенный выше случай, видитъ указаніе на мнѣніе, выказанное генеральнымъ прокуроромъ, и состоящее въ томъ, что, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, согласіе на преступленіе можетъ быть основаніемъ къ смягченію наказанія, и прибавляетъ отъ себя, что было бы дѣйствительно благоразумно, еслибы законодательства, которыя не знаютъ системы смягчающихъ обстоятельствъ, назначили для смертоубійства съ согласія убитаго особенныя наказанія примѣнительно къ различнымъ случаямъ. Въ высшей степени несправедливо наказывать наравнѣ съ смертоубійцей, разбойникомъ или бандитомъ, того, кто для прекращенія невыносимыхъ страданій любимаго друга, борющагося со смертью, по его усиленной просьбѣ, даетъ ему ядъ.

Такимъ образомъ мы видимъ четыре совершенно различныя взгляда на одно и то же дѣло. По словамъ адвоката, защищавшаго подсудимаго въ ассизномъ судѣ, онъ не виноватъ ни въ чемъ, такъ какъ имъ оказано было только пособіе къ самоубійству, которое не признается преступленіемъ. То же самое, но съ другой точки зрѣнія утверждаетъ и кассационный защитникъ Слотмана; онъ доказываетъ, что дѣло это не принадлежитъ къ области уголовного права, такъ какъ оно не подходитъ подъ понятіе объ убійствѣ и умышленномъ преступленіи въ томъ смыслѣ, какъ это опредѣляется въ законѣ, и само въ себѣ не заключаетъ ничего преступнаго. Генеральный прокуроръ, настаивая на обвиненіи подсудимаго, допускаетъ, однакоже, что убійство по просьбѣ убитаго можно было бы, изъ уваженія къ особому мотиву, разсматривать какъ особенный видъ смертоубійства, но не считаетъ возможнымъ воспользоваться подобнымъ соображеніемъ въ разсматриваемомъ случаѣ, такъ какъ этого не сдѣлано во французскихъ законахъ. Кассационный судъ съ своей стороны предоставляетъ присяжнымъ смягчать въ подобныхъ случаяхъ наказаніе, опредѣленное въ законѣ за обыкновенное умыш-

ленное убійство. Наконецъ, по мнѣнiю упомянутого нами автора, тамъ, гдѣ присяжнымъ не дано этого права, самъ законодатель долженъ озаботиться тѣмъ, чтобы убійство по просьбѣ или съ согласiя убитого не было уравниваемо въ наказанiи съ обыкновеннымъ убійствомъ, и чтобы для различныхъ случаевъ его было назначено различное наказанiе. Отчасти такъ и поступаетъ прусское *allgemeines Landrecht*, согласно которому, тотъ кто убиваетъ другаго по его просьбѣ, или помогаетъ ему въ самоубiйствѣ, подвергается заключенiю въ крѣпости или смирительномъ домѣ на срокъ отъ 6 до 10 лѣтъ. Въ случаѣ же сильнаго подозрѣнiя, что виновнымъ возбуждена была въ убитомъ и самая мысль о самоубiйствѣ, заключенiе назначается на всю жизнь. За смертоубiйство въ обыкновенныхъ случаяхъ полагается въ Пруссiи смертная казнь.

Но есть еще два другiе взгляда на разсматриваемый нами вопросъ. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ нашему уголовному уложенiю, а другой высказанъ въ проектѣ саксонскаго уголовного уложенiя 1829 года.

На основанiи нашего уголовного уложенiя тотъ, кто оказать другаго къ самоубiйству, или будетъ, чрезъ доставленiе средствъ, или же инымъ какимъ образомъ участвовать въ совершенiи сего преступленiя, подвергается за это наказанiямъ, опредѣляемымъ за пособiе въ убiйствѣ съ обдуманымъ намѣренiемъ или умысломъ.

Саксонское уложенiе смотритъ на убiйство по просьбѣ убиваемаго какъ на полицейскiй проступокъ и назначаетъ за него заключенiе отъ одного года до двухъ лѣтъ. Оно видитъ въ этомъ случаѣ лишь дѣйствiе, противное нравственному закону, а потому именно и относитъ его, какъ и многiя другiя противно-нравственныя дѣйствiя, только къ полицейскимъ проступкамъ.

Какой же изъ этихъ различныхъ взглядовъ слѣдуетъ признать наиболее справедливымъ?

Если убiйство по просьбѣ убиваемаго — дѣйствiе непроступное или только полицейскiй проступокъ, то смертная казнь за него есть самое возмутительное юридическое убiйство. Если же должно разсматривать его, какъ убiйство обдуманно-умышленное, обыкновенное или особенное, или даже только какъ пособiе къ умышленному убiйству, то не только совершенная ненаказанность его, но и наказанiе

двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ—вопіющая несправедливость и крайне вредная и ничѣмъ неизвинительная слабость.

Что дѣло Слотмана заключаетъ въ себѣ не пособіе только къ самоубійству, а настоящее убійство—это очевидно. Онъ самъ, собственными руками, убилъ другаго и вслѣдствіе этого дѣйствительно долженъ быть разсматриваемъ, какъ настоящій физическій виновникъ убійства. Вообще, кто участвуетъ въ самоубійствѣ какимъ-либо образомъ, тотъ посягаетъ не на свою, а на чужую жизнь и слѣдовательно способствуетъ къ убійству. Различіе въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ убійство совершается по просьбѣ самого убиваемого, тогда какъ въ другихъ, болѣе обыкновенныхъ, случаяхъ оно послѣдуетъ противъ его желанія. Но такъ ли важно это различіе, какъ старается доказать защитникъ обвиняемаго въ кассационномъ судѣ, и принимается ли оно положительными законодательствами? Можетъ ли оно сдѣлать убійство позволительнымъ, или, по крайней мѣрѣ, измѣнить его характеръ?

Оспаривая приговоръ ассизнаго суда, адвокатъ Слотмана приводитъ, какъ мы видѣли, въ пользу своего мнѣнія главнымъ образомъ то обстоятельство, что въ случаѣ убійства по просьбѣ другаго, лишеніе жизни не можетъ заключать въ себѣ ни одного изъ тѣхъ признаковъ, которые необходимо требуются по закону для признанія такого дѣйствія обдуманно-умышленнымъ убійствомъ.

Но можетъ ли не только простая просьба, но и самая пламенная мольба, когда она не подкрѣпляется никакими особенно благоприятными для просителя обстоятельствами, заставить кого бы то ни было совершить противъ воли такое страшное дѣло, какъ убійство? Пусть всякій спроситъ самъ себя, рѣшится ли онъ зарѣзать, застрѣлить или отравить другаго, потому только, что тотъ самъ проситъ объ этомъ? И разбойникъ не убиваетъ изъ одной угодливости, а дѣлаетъ это изъ платы или съ цѣлью ограбить или отомстить. Убійство случайное, безъ всякой вины со стороны убивающаго, и то сильно тревожитъ совѣсть человѣка. Вѣроятно ли чтобъ онъ съ спокойною совѣстью рѣшился на убійство, потому только что его просятъ? И въ исключительныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, невѣрная жена самыми страстными ласками склоняетъ своего любовника отравить мужа, дѣло рѣдко обходится безъ сильной внутренней борьбы.

Только развѣ крайняя умственная неразвитость и совершенная нравственная одичалость, могутъ увлечь человѣка къ убійству изъ одной угодливости, но тогда не просьба, а это особенное душевное состояніе служитъ главною пружиной дѣла.

Равнымъ образомъ, намѣреніе и желаніе вредить, хотя и есть обыкновенное настроеніе души обдуманно-умышленнаго убійцы, но не есть непременно необходимое. Конечно, разбойникъ убиваетъ не для того чтобы сдѣлать добро своей жертвѣ; но убійство, какъ и нѣкоторыя другія преступленія, можетъ быть также совершаемо изъ доброжелательства. Отецъ, который убиваетъ сына, чтобъ избавить его отъ позорной казни; мужъ, отравляющій жену, чтобы прекратить ея невыносимыя предсмертныя страданія; любовникъ, который, чтобы скрыть грѣхъ обоющенной имъ дѣвушки, даетъ ей вытравляющее средство, которое убиваетъ и ее, и младенца; наконецъ, воинъ, который прикалываетъ своего равнаго товарища, чтобъ онъ не попался въ пѣнъ,—всѣ эти лица не имѣютъ и тѣни непріязни къ тѣмъ, которые погибаютъ отъ ихъ руки. Они руководствуются, напротивъ того, добрыми намѣреніями; но они, тѣмъ не менѣе, убійцы, и убійцы обдуманно-умышленные. Разность побужденій къ преступленію можетъ измѣнять только степень виновности преступника. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, вина убійцы можетъ быть менѣе, но ни просьба, и никакое другое, самое похвальное, побужденіе никогда не могутъ не только сдѣлать преступное дѣйствіе не преступнымъ, но не могутъ даже измѣнить его характера.

Наконецъ, нельзя отрицать, что несправедливое нападеніе и насиліе надъ лицомъ, составляющія существенно необходимую принадлежность обдуманно-умышленнаго убійства, существуютъ и въ настоящемъ случаѣ, точно также какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ убиваетъ другаго противъ его воли.

Всякій гражданинъ имѣетъ право требовать отъ гражданского общества, чтобъ его права были охраняемы отъ несправедливыхъ нападеній. Но совершенно несправедливо думать, что какъ скоро кто-либо отказывается отъ своего права, и самъ соглашается на нарушеніе его, то о несправедливомъ нападеніи на это право не можетъ быть и рѣчи. Наши частныя права вовсе не находятся въ такомъ полномъ

распоряженіи нашемъ, чтобы мы могли законно соизволять на ихъ нарушеніе. Конечно, нѣкоторыя изъ нихъ таковы, что могутъ считаться нарушенными только въ случаѣ нашего несогласія на это нарушеніе, но и тутъ подобное согласіе можно считать дѣйствительнымъ лишь тогда, когда отъ него не терпится вреда никто другой. Къ этому роду принадлежатъ права чисто личныя и отчасти имущественныя. Ни обиды, ни воровства дѣйствительно быть не можетъ, какъ скоро на оскорбленіе или присвоеніе собственности соглашаются сами тѣ, чья честь оскорбляется или собственность присваивается, и отъ этого нисколько не терпится никто другой. Другія же права, напротивъ того, вовсе не зависятъ отъ нашей воли и, слѣдовательно, не могутъ быть безнаказанно нарушаемы даже съ нашего согласія. Убіиство относится къ нарушеніямъ именно такого права. Жизнью мы и сами не имѣемъ ни малѣйшаго права распоряжаться произвольно. Жизнь дается человѣку лишь для пользованія, и то не безотчетнаго; намѣренно же сокращать ее, а тѣмъ болѣе разрушать, онъ не имѣетъ никакого права. Въ этомъ правѣ человѣку прямо отказываетъ религія, его не признаетъ и собственная совѣсть наша; его отвергаетъ даже и самая животная природа человѣка, останавливающая руку того, въ комъ уже созрѣла пагубная рѣшимость пресѣчь свою жизнь, и кто, слѣдовательно, уже подавилъ въ себѣ голосъ религіи и совѣсти. Положительныя законы не могутъ одобрять того, что противно религіи и совѣсти и что отвергается даже нашею животною природою. Было время, когда они строго наказывали самоубійцу. Да и нынѣ дѣйствующіе законы не потому не запрещаютъ самоубійства, что признаютъ за человѣкомъ право убивать себя, а единственно потому, что не считаютъ себя въ правѣ наказывать его за дѣйствіе, которое принадлежитъ къ иной сферѣ, гдѣ они не дѣйствуютъ, и подлежитъ вѣдомству другаго судьи, которому только и могутъ быть вполнѣ извѣстны и причины, доведшія до преступленія, и то душевное состояніе, въ которомъ оно предпринято.

Если же никто и самъ не имѣетъ права лишить себя жизни то тѣмъ менѣе можетъ онъ передать это право другому. Подобное дозволеніе совершенно ничтожно и по гражданскому закону. И гражданскій законъ уважаетъ только такіе договоры, которые не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго правиламъ доброй нравственности; а что можетъ быть

безправственнаго договора, посредствомъ котораго двое вступаютъ въ соглашеніе между собой о томъ, чтобы одинъ изъ нихъ убилъ другаго. Договоръ этотъ не только не можетъ извинять преступленія, къ которому онъ относится, но и самъ по себѣ необходимо навлекаетъ на виновныхъ новую отвѣтственность за вступленіе въ него. Въ подобное соглашеніе вступаютъ между собой и дуэлисты, когда выходятъ на дуэль, съ тѣмъ чтобы одинъ изъ нихъ непременно остался на мѣстѣ. Они наказываются въ подобныхъ случаяхъ не легче, а строже. Возраженіе, что въ основаніи поступка дуэлиста всегда лежитъ *animus posendi*, котораго нѣтъ въ нашемъ случаѣ, не имѣетъ силы. Оно несправедливо, такъ какъ часто дуэлисты не имѣютъ даже и никакого *animus*, а сами приносятъ себя въ жертву предразсудку, который требуетъ, чтобы известныя оскорбленія были смываемы кровью, и вслѣдствіе этого часто невыносимо страдаютъ, когда одинъ изъ нихъ убиваетъ другаго. Оно не имѣетъ, наконецъ, значенія, ибо, какъ мы видѣли, *animus posendi* вовсе и не требуется для того, чтобы убійство могло быть названо обдуманно-умышленнымъ.

Что касается до насилія надъ лицомъ, какъ признака убійства обдуманно-умышленного, то насиліе это должно пониматься не въ томъ смыслѣ, что одинъ силою отнимаетъ у другаго жизнь, нападая на него, напримѣръ, враслохъ, или изъ засады, или вступая съ нимъ въ борьбу и преодолевая его сопротивленіе, а только въ томъ, что смерть произошла не отъ естественныхъ причинъ: болѣзни, старости и т. п. Поэтому-то убійцею считается не только тотъ, кто убиваетъ другаго дубиною, ножомъ, топоромъ, но и мать, которая оставляетъ безъ помощи свое новорожденное дитя, погибающее отъ этого, и жесдивѣтель, который фальшивымъ показаніемъ возводитъ невиннаго на эшафотъ.

Соображая сказанное, мы можемъ отвѣстись критически къ приведеннымъ выше постановленіямъ различныхъ законодательствъ относительно интересующаго насъ предмета.

Прусское законодательство вдвойнѣ грѣшитъ противъ чести. Вопервыхъ тѣмъ, что въ убійствѣ по просьбѣ убиваемого оно видитъ какое-то особенное преступленіе, тогда какъ и въ этомъ случаѣ убійство ничѣмъ существенно не отличается отъ убійства обыкновеннаго. Во вторыхъ тѣмъ, что не уравниваетъ въ наказаніи убійство по просьбѣ съ

убійствомъ обыкновеннымъ даже и въ томъ случаѣ, когда существуетъ сильное подозрѣніе, что самая мысль о самоубійствѣ возбуждена была въ убитомъ его убійцей. Въ этомъ случаѣ, самый поводъ къ убійству заключается не въ убитомъ, а въ убійцѣ, которымъ такимъ образомъ есть не только физическій, но и нравственный виновникъ убійства. Тутъ освобожденіе убійцы отъ обыкновеннаго наказанія можетъ быть допущено развѣ только въ томъ случаѣ, когда противъ виновнаго существуетъ одно подозрѣніе въ такомъ преступномъ воздѣйствіи на другаго, и напротивъ того, оно не должно имѣть мѣста, какъ скоро это воздѣйствіе будетъ несомнѣнно доказано, напримѣръ, собственнымъ признаніемъ виновнаго.

Гораздо ближе подходитъ къ истинѣ наше уголовное уложеніе; но и оно неправильно смотритъ на склоненіе къ самоубійству только какъ на пособіе къ обдуманно-умышленному убійству. Въ комъ заключается причина убійства, тотъ не пособникъ только, а совершитель—*auctor delicti*.

Саксонское уложеніе грѣшитъ даже и противъ своихъ собственныхъ началъ. Оно, также какъ и нѣкоторыя другія законодательства, причисляетъ не только жизнь, но и здоровье къ такимъ правамъ, которыя не могутъ быть произвольно отчуждаемы нами; и несмотря на то даетъ отказу отъ такого права огромное значеніе на вмѣненіе и наказаніе убійства, впадая такимъ образомъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собой такъ какъ отказъ отъ права, которое не можетъ быть отчуждаемо нельзя считать дѣйствительнымъ, и онъ не можетъ имѣть никакихъ юридическихъ послѣдствій.

С. БАРШЕВЪ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА

1861—1862 ГОДА

I.

Введеніе въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ по взаимному соглашенію идетъ обыкновенно удачно, если въ крестьянскомъ обществѣ найдутся два, три благоразумныхъ и домовитыхъ крестьянина, которые и прежде первенствовали на сходахъ, и совѣтамъ которыхъ мѣръ издавна привыкъ повиноваться. Достаточно незначительнаго снисхожденія со стороны владѣльца, чтобы миролюбиво кончить дѣло. Но если въ имѣніи или даже въ сосѣднихъ обществахъ встрѣтится мужичокъ, тоже управляющій умами, но съ противоположными нравственными свойствами, то такой полагаетъ препятствіе всякому миролюбію. Притомъ, грамоты вводятся гораздо легче и удобнѣе тамъ гдѣ жили и живутъ сами владѣльцы, и гдѣ достоинство имѣнія заключается въ добромъ качествѣ земли. Но гдѣ нѣтъ налицо владѣльцевъ или хотя управляющихъ, или гдѣ управляющіе, вмѣсто довѣрія, внушили къ себѣ только ненависть, тамъ полюбовное соглашеніе идетъ туго, особенно если крестьяне пользовались льготами, далеко превышающими высшій надѣлъ. Въ такомъ случаѣ, хотя бы оброкъ составлялъ

только двѣ трети того что установлено Положеніемъ, напримеръ, шесть вмѣсто девяти и десяти рублей, крестьяне не идутъ на сдѣлку. Если къ тому же главнѣйшую цѣнность имѣнія составляетъ промышленная мѣстность, а не качество земли, если хлѣбопашество у крестьянъ на заднемъ планѣ, а усадьбы идутъ въ третій и четвертый разрядъ, тамъ миролюбное введеніе грамотъ достигается какъ величайшая рѣдкость. Чѣмъ больше хлопочетъ и уступаетъ повѣренный владѣльца, или самъ владѣлецъ, на два дня захвативъ въ имѣніе, тѣмъ болѣе крестьяне утверждаютъ во мнѣніи, что владѣльцу пришла необходимость ухаживать за ними. „Его нужда, а не наша“, говорятъ они не скрываясь. Въ такомъ случаѣ настоятельныя убѣжденія мирового посредника только могутъ повредить его популярности между крестьянами.

Промышленная мѣстность, о которой я буду говорить, начинающаяся отъ рѣки Волги, заключаетъ въ себѣ до восьми тысячъ душъ, раскинутыхъ на огромномъ пространствѣ земли и лѣса, крошечными деревушками, въ пять, десять, а иногда и въ два двора; число избъ рѣдко гдѣ болѣе 20 или 30; деревни отстоятъ между собою на двѣ, на три и болѣе верстъ, такъ что три волостныя правленія по необходимости пришлось помѣстить въ селахъ съ 22, 102 и 11 душами. Затѣмъ есть только одно весьма богатое торговое селеніе въ 1.500 душъ. Въ немъ учреждены два волостныя правленія, съ присоединеніемъ ближайшихъ деревень, и осталось заведенное владѣльцемъ училище.....

II.

Мнѣ привелось быть на сходкѣ крестьянъ изъ многихъ деревень составляющихъ одно имѣніе. Управляющій этимъ имѣніемъ просилъ моего содѣйствія къ полюбовному соглашенію съ крестьянами по проекту одной уставной грамоты, составленной на всѣ эти деревни. Крестьянъ было около 250 человекъ. Число ихъ увеличивалось вновь подходившими. Все это общество встрѣтило меня весьма привѣтливо, только кой-гдѣ я замѣтилъ недружелюбныя лица. Помолясь и поздоровавшись съ обществомъ, я помѣнялся нѣсколькими словами съ знакомыми мнѣ лицами и приступилъ къ дѣлу.

Я объяснилъ крестьянамъ ихъ права обоюдную и необходимость, для нихъ и для владѣльца, составить грамоты. Слова

мои, весьма естественно, перебивались разными вопросами мира и моими на нихъ отвѣтами. Время проходило незамѣтно. Наконецъ, я прочелъ самый проектъ грамоты и потребовалъ отъ крестьянъ ихъ мнѣнiя.

Изъ заднихъ рядовъ послышались два-три возгласа: „Мы ни къ чему не подпишемся“. Но ихъ заглушили гораздо болѣе многочисленныя голоса: „Какъ по закону, такъ пусть и будетъ; это твое, батюшка, дѣло; какъ царское положенiе указываетъ, такъ и дѣлай, а мы на подпись не пойдемъ.“ „Ты намъ теперь отецъ и покровитель“, съ поклонами дополняли передовые. Я еще разъ перечелъ грамоту, разъяснялъ крестьянамъ ихъ земельный надѣлъ, указывая при нихъ управляющему нѣкоторые очевидныя недостатки проекта; но крестьяне съ своей стороны не хотѣли дѣлать никакихъ возраженiй, и только повторяли прежнiя слова, прибавляя: „Какъ сдѣлаешь, такъ и будетъ“.

— Не могу же я знать качества вашихъ земель и луговъ лучше чѣмъ вы, отвѣчалъ я крестьянамъ,—и еще по такому обширному и разнообразному имѣнiю, какъ ваше. Чтò я увидѣлъ ошибочнаго въ грамотѣ, то при васъ объяснилъ г. управляющему и совѣтую ему вмѣсто одной составить нѣсколько грамотъ, по разнообразiю вашего надѣла и по отдаленности нѣкоторыхъ селенiй, состоящихъ на особыхъ условiяхъ. Къ тому же у васъ нѣтъ хозяйственнаго плана, изъ котораго можно бы видѣть вѣрное опредѣленiе достоинства земель. Я совѣтую вамъ воспользоваться миролюбивымъ предложенiемъ г. уполномоченнаго; названiя мѣстностей по грамотѣ вамъ знакомы, а онъ можетъ измѣнить отрѣзку земли по вашему желанiю, и къ тому же, при миролюбномъ соглашенiи, вы слышали, онъ предлагаетъ вамъ въ подарокъ двѣ мельницы, составлявшiя особую оброчную статью и другiя уступки.

Крестьяне продолжали твердить свое.

— Сдайте! началъ я: если я спрошу у кого-нибудь изъ васъ, напримѣръ у Петра: хорошъ ли для него новый сапогъ, какъ я теперь васъ спрашиваю, хороша ли для васъ грамота; такъ неужели онъ мнѣ отвѣтитъ: я не знаю, какъ ты екажешь, батюшка, такъ и будетъ? Развѣ можно такъ отвѣчать? Ну какъ сапогъ его хорошъ только снаружи, а внутри сильно жметъ пальцы? Я его похваляю, а носить будетъ нельзя. Такъ и грамота; если я ее одобрю, надо будетъ вамъ исполнять ее, или придется понапрасну на меня жаловаться. Но полезно ли

это вамъ будетъ? Если же Петръ скажетъ, что у него подъ пяtkoю гвозди, то я веаю ихъ подколотить, или перемѣнить сапогъ, если онъ неудобенъ, и ногъ его будетъ покойно.

Подобный примѣръ объ узкой проимѣ кафтана высказалъ тутъ же находившійся топографъ, въ короткое время заслужившій довѣрiе крестьянъ обходительностью съ ними и аккуратностью въ съемкѣ каждаго болотца. Онъ былъ нанятъ владѣльцемъ имѣнiя для составленiя хозяйственныхъ плановъ. Крестьяне оставались при своемъ.

— Какъ сдѣлаешь, такъ и будетъ, говорили они; не мы задумали эти грамоты; пусть будетъ по царскому уложенiю.

— Тогда могутъ отказать вамъ въ мельницахъ, сказалъ я, — и вы не увидите того снисхожденiя, котораго можете ожидать теперь, а меня можете ввести во вредную для васъ ошибку. Скажите же, какъ для васъ лучше? Я съ вами буду просить объ уступкахъ г. уполномоченнаго, а если нужно, то и помѣщика, и дѣло сладится. Сами вы говорили, что бывшiй вашъ баринъ человекъ добрый.

Прошло около трехъ часовъ въ подобной бесѣдѣ; два раза я оставлялъ крестьянъ однихъ со старшиною, но толку не было.

Наконецъ, мнѣ удалось напасть на самую плохую мѣстность луговъ. Я спросилъ ихъ:

— Стало-быть, и противъ этого участка луговъ вы не спорите? Хорошо онъ?

— Какъ, батюшка! Какiе тутъ дуга: голая трясуна! отвѣтили мнѣ крестьяне, и съ этого отвѣта стали высказывать возраженiя свои.

Былъ позднiй вечеръ, крестьяне обѣщались описать, что имъ нужно; и дѣйствительно на другой день подали мнѣ свой отзывъ, но отъ добровольнаго соглашенiя и подписи грамоты отказались, потому что такъ порѣшилъ весь миръ. Многие изъ нихъ подходили ко мнѣ и спрашивали, можно ли выкупить свой надѣлъ независимо отъ мира, съ которымъ ни за что не согласишься, говорили они. Одинъ изъ такихъ крестьянъ объяснилъ мнѣ съ нѣкоторою гордостью, что во всемъ имѣнiи даромъ-что въ немъ до трехъ тысячъ душъ, едва ли двадцать человекъ поняли, какъ есть, Положенiе. Крестьянинъ этотъ нѣсколько мѣсяцевъ состоялъ при топографѣ, какъ наблюдатель и повѣренный отъ всѣхъ обществъ, и убѣдился на дѣлѣ, что по прежнему генеральному плану многiя

деревни обозначены на полверсты отъ настоящаго мѣста. Надо сказать правду, что и его знаніе Положенія было крайне ограничено.

III.

Я съ удовольствіемъ пріѣхалъ въ деревню К. для повѣрки уставной грамоты, потому что маленькое общество крестьянъ этой деревни, состоящей изъ 19 душъ, принадлежавшихъ двумъ владѣльцамъ, извѣстно мнѣ какъ разсудительное и мирное. Оно управлялось старостами выбранными отъ самихъ крестьянъ. Мужики всѣ занимаются торговлей и промыслами; они съ достаточнымъ состояніемъ, и нѣтъ между ними ни одного безразсуднаго крикуна. Возраженія ихъ противъ грамоты были весьма дѣльны и добросовѣстны. Возраженія и протоколъ были крестьянами подписаны. Повѣрка грамоты, хотя безъ полнаго согласія, кончилась скоро.

Но и здѣсь встрѣтилось странное обстоятельство. Я замѣтилъ, что несмотря на раннюю холодную весну и порхавшій снѣжокъ, крестьянки заходятъ по колѣно въ грязное, разлившееся на уличную дорогу, болото, полощутъ тамъ бѣлье и черпаютъ воду.

— Что это, братцы, неужели у васъ нѣтъ мостковъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, батюшка! не тронь ихъ, лезать: вѣдь не барыни еще,—отвѣтили шуточно крестьяне, смотря на своихъ женъ изъ окошка, противъ котораго бабы, одна за другой, поочередно входили въ воду.

— Какъ же вы такъ безпечны? а еще такіе умные люди. Вѣдь и лѣсъ-то у васъ помѣщичій; отъ деревни вашей онъ и близко, и рубить его позволено на всякія ваши надобности. А вѣдь это дѣло первой важности.

— У насъ изстари такъ. Нешто, надо бы сдѣлать мостки, пустаго стóять, сказалъ староста.—Вотъ я предлагаю міру устроить еще общественный колодець; половину расхода принимаю на себя, да какъ-то не нахожу согласія.

Крестьяне отговаривались отъ устройства колодца тѣмъ, что сомнѣваются, будетъ ли еще здѣсь хорошая вода, и не израсходоваться бы напрасно, такъ какъ по сосѣдству бывали и удачи и неудачи, а къ своему болоту они привыкли. Къ слѣдующему моему пріѣзду я убѣдилъ міръ подумать о

колодець и поскорѣе приступить къ устройству мостковъ. Это провальное болотце, единственный водоемъ, откуда крестьяне берутъ воду для питья себѣ и для поила скота, имѣетъ поперечнику не болѣе десяти сажень. По срединѣ его находится проросшій мохомъ островокъ; изъ двухъ сосѣднихъ дворовъ стекаетъ въ болотце навозная жидкость; а зимою, какъ говорятъ сами крестьяне, вода въ немъ сдыхаетъ и сильно пахнетъ.

Вторичный прїѣздъ мой въ это имѣніе случился лѣтомъ. Вода въ болотѣ сильно спада, новыхъ мостковъ не было сдѣлано, но вмѣсто нихъ, въ противоположной сторонѣ отъ деревни, почти на полъаршина надъ водою, оказались, прикрѣпляемые на кое-какихъ козлахъ, два отрубка, которые вскопй находились подъ водою, и крестьяне забыли сказать мнѣ объ нихъ въ первый мой прїѣздъ. Мыть бѣлье съ этихъ бревешекъ, стоявшихъ высоко надъ водою, было трудно. Бабы попрежнему лазили въ воду, и какъ время было теплое, то и подавно никто изъ крестьянъ не обращалъ вниманія на этотъ предметъ. Объ колодець никакихъ толковъ до меня не было. Я настоятельно велѣлъ устроить мостки.

Убѣждая крестьянъ подумать о своей водѣ, я говорилъ имъ для примѣра, что все кругомъ ихъ улучшается: пароходы быстро перевозятъ множество баржъ, вмѣсто того чтобы людямъ цѣлые мѣсяцы лямкой тянуть по водѣ тяжести; что устроены желѣзные дороги, телеграфы и проч. Вамъ также надо улучшать средства жизни, говорилъ я.

Тутъ появилось множество вопросовъ относительно паровыхъ машинъ и телеграфовъ; а потомъ бесѣды наши перешли къ молніи, грому и вообще къ звуку и облакамъ. Облака крестьяне представляли себѣ въ видѣ студня.

Тутъ были ружейные охотники которые и помогали мнѣ толковать о паровыхъ машинахъ и о томъ какъ громъ слышенъ уже нѣсколько времени спустя послѣ того какъ блеснула молнія.

Я самъ видѣлъ, добавилъ охотникъ: Петруха навелъ ружье на зайца; а былъ отъ меня чрезъ широкій оврагъ; гаяжу—заяць упалъ, и уже долго послѣ того дошелъ до меня хлопокъ.

— Мостки-то устройте, да и на колодець не скупитесь, сказалъ я, садясь въ тарантасъ и прощаясь съ добрыми мужиками.

— Все сдѣлаемъ, благодаримъ тебя покорно.

Но и по прошествіи двухъ мѣсяцевъ ничего еще не сдѣлали.

IV.

Квартира моя на крутомъ берегу Волги. Подъ горою богатая, не по строенію, но по торговѣ, базарная площадь, куда въ торговые дни съѣзжается много народа; при ней два трактира и винный погребъ. Далѣе ввизу строятся баржи; тамъ и самъ стоятъ старыя и новыя суда разныхъ размѣровъ и наименованій, нагруженныя и не нагруженныя. Пароходы тащатъ множество баржъ; цѣны изъ нихъ, должно быть старой конструкціи, какъ исполны, мѣрно и тяжело вздыхаютъ. А вотъ и коноводная машина, къ которой, подобно маленькому вытянувшемуся въ одну линію городу, прицѣплено множество судовъ съ цвѣтисто-окрашенными на верху домиками для прикащиковъ. Лодки и паромы, перерѣзываютъ Волгу, машутъ веслами, какъ крыльями. Вдалекѣ видѣются бѣгающіеся одиѣ за другимъ паруса. Веселыя пѣсни рабочихъ, крикъ въ рупоръ, порою брань, постоянный стукъ топоровъ, толпа народа у пристани въ ожиданіи пассажирнаго парохода, заявляютъ кипучую и промышленную дѣятельность этой мѣстности.

Передо мною три грамоты, представленныя повѣренными крупнаго и самовитаго владѣльца. Въ самомъ селѣ гдѣ я квартирую, его имѣніе раздѣлено на двѣ части, на купленную и наследственную. Крестьяне послѣдней (я приступилъ сперва къ ихъ грамотѣ) пользовались съ давняго времени всеми главными выгодами торговой мѣстности: доходами съ базарной площади болѣе чѣмъ въ 3.500 руб., съ трактира и виннаго погреба болѣе чѣмъ на 2.000 руб., и съ другихъ оброчныхъ статей, такъ напримѣръ съ перевоза, отъ оброчныхъ земельныхъ участковъ и т. п., по 500 руб. и болѣе въ годъ. Оброкъ по грамотѣ предполагалось оставить прежній: по 8 руб. съ душеваго надѣла; поемныя дуга и усадьбы для крестьянамъ не въ счетъ. Казалось, миролюбное соглашеніе должно было идти на встрѣчу такой грамотѣ, тѣмъ болѣе что въ селѣ есть не мало умныхъ крестьянъ, къ совѣту которыхъ я нерѣдко обращался по дѣламъ, имѣющимъ основаніе въ мѣстныхъ обычаяхъ, напримѣръ, относительно

приговоръ о способѣ отправленія рекрутской повинности. Но случилось иначе: старшина явился ко мнѣ съ нѣсколькими избранныками отъ общества за совѣтомъ что дѣлать: мѣръ не желаетъ подписывать грамоту, а управляющій требуетъ скораго рѣшенія; иначе хочетъ составить грамоту на другихъ основаніяхъ, менѣе выгодныхъ для общества. Старшина съ своей стороны, и многіе старики совѣтуютъ подписать; но мѣръ не даетъ довѣрія своимъ уполномоченнымъ на подпись. На этотъ разъ не большаго труда стоило мнѣ уладить миролюбное соглашеніе, и даже убѣдить крестьянъ благодарить помѣщика за выгодный надѣлъ. Но они просили владѣльца измѣнить сроки оброчнаго платежа, несмотря на то что владѣютъ капиталомъ болѣе 30 т. руб. сер. Сроки въ платежѣ оброка были назначены по опредѣленію съѣзда.

Въ этомъ имѣніи господствуетъ расколъ. Странно видѣть, какъ крестьяне, съ которыми пріятно поговорить о знакомыхъ имъ предметахъ, особенно о торговлѣ, которые толково излагаютъ даже дѣловыя бумаги,—по закончаніи какого-либо общественнаго подряда или другаго дѣла, раздѣляются на двѣ части: „Стой наши“, говорятъ раскольники, „молись ваши“ (православные). И наоборотъ: „молись наши, стой ваши.“ Грустно было читать ихъ приговоры, составленные опредѣленіемъ большинства въ первое время по освобожденіи изъ крѣпостнаго состоянія: о прекращеніи, напримѣръ, въ домѣ волостнаго правленія стариннаго обычая теплить лампаду предъ образомъ Божіей Матери наканунѣ торжественныхъ праздниковъ; объ отказѣ отъ мѣста подлѣкарю, нанятому прежде по распоряженію помѣщика; объ уничтоженіи богадѣльни; о прегражденіи священникамъ входа съ крестомъ и Евангеліемъ въ волостное правленіе по праздникамъ. Скоро, впрочемъ, крестьяне послушались добраго совѣта, и приговоры эти, безъ всякаго приказа и употребленія власти, были болѣе или менѣе измѣнены. Но фельдшеръ, или лѣкарскій ученикъ, доселѣ остался не нанятымъ, несмотря на всѣ убѣжденія. Раскольники не хотятъ лѣчиться, считая это грѣхомъ. Точно также, несмотря на всѣ старанія, оспонрививаніе идетъ дурно, въ особенности у раскольниковъ. Къ тому же какой-то врачъ-гомеопатъ напечаталъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ статью, не завлекающую къ оспонрививанію, которую раскольники читали съ

большимъ удовольствіемъ и довѣріемъ, какъ согласную съ ихъ убѣжденіями.

Вообще при оспопрививаніи у крестьянъ оспенная матерія должна быть лучшаго качества, о чемъ много заботится здѣсь молодой врачъ. Неудачная прививка оспы сильно распространяетъ недовѣріе къ оспеннымъ ученикамъ и фельдшерамъ. Насильная прививка нерѣдко ведетъ или къ обманамъ, или къ денежнымъ поборамъ, или къ обмыванію и небреженію о сохраненіи прививочной матеріи на младенцѣ.

Въ этомъ богатомъ имѣніи, на самомъ дѣлѣ осыпанномъ благодѣяніями владѣльца, много вредила благодарнымъ отношеніямъ крестьянъ къ помѣщику медленность удовлетворенія разными конторами крестьянскихъ прошеній, иногда не въ точномъ видѣ представляемыхъ помѣщику, обремененному государственною службой. Черезъ это неизбѣжно появилось допущеніе разныхъ мелкихъ выгодъ въ пользу сельскихъ правителей. Надо замѣтить, что крестьяне, хотя сильнѣе страдаютъ отъ крупныхъ незаконныхъ поборовъ, но гораздо болѣе презираютъ тѣхъ обирателей, которые пускаются на ничтожныя придирки и на самыя мелкія взятки.

Другая грамота, на часть прикупную, переписывалась, въ видахъ соглашенія, нѣсколько разъ. Сложность и дробность обстоятельствъ въ расчетѣ усадебъ и полевыхъ земель, даже косогоровъ, рытвинъ и водомоинъ, которые крестьяне пожелали удержать за собою въ этой торговой мѣстности, все это вызвало большія хлопоты и переписываніе. Особо для этого присланный управитель не выдержалъ и ускокалъ, не дождавшись окончательной подписи все еще несогласовавшихся крестьянъ. За то они не упустили малѣйшихъ подробностей, стараясь всѣми мѣрами толковать статьи грамоты и Положенія въ свою пользу. Надо сказать правду, что уполномоченные ихъ были весьма ловкіе адвокаты, несравненно болѣе усердные чѣмъ торопившіяся управитель. Многія изъ возраженій ихъ были уважены.

Третья грамота касалась нѣсколькихъ смежныхъ деревень, удаленныхъ отъ Волги. По ней оставалась крестьянамъ, большею частію, полный надѣлъ, въ $4\frac{1}{2}$ десятины, съ прежнимъ оброкомъ въ 6 руб. съ души, и съ предложеніемъ отъ владѣльца, при миролюбивомъ подписаніи грамоты, дароваго отпущенія на 9 лѣтъ. Крестьяне говорили о владѣцѣ съ большою благодарностію; дѣйствіями управителей также были болѣе

или менѣе довольны; но отъ подписи грамоты отказались вслѣдствіе ложныхъ слуховъ о новой волѣ, весьма распространенныхъ въ этомъ пограничномъ уголкѣ.

Не испытавъ на дѣлѣ, трудно даже повѣрить, какимъ образомъ крестьяне, любя посредника за постоянно доброе обращеніе съ ними, при полномъ во всѣхъ прочихъ случаяхъ довѣріи къ нему, все-таки не рѣшаются послушать его совѣта и не подписываютъ грамоты, при самой очевидной для нихъ уступкѣ.

Это происходитъ вотъ какъ: пьяный приказный или проходящій солдатъ, чтобъ имѣть случай лишній разъ выпить и получить подводу, разкажетъ, при таинственной обстановкѣ, крестьянамъ разный вздоръ о новой волѣ и даже назначить ей срокъ. Разкажетъ, что въ соседней губерніи дѣло совершается иначе; что тамъ крестьяне берутъ всю землю безплатежно; что если они подпишутъ грамоту, то правительство обложитъ ихъ другимъ оброкомъ, или сошлетъ на Амуръ и т. п. Крестьяне накормятъ и подоятъ разкащика; онъ еще прибавитъ имъ вздору. Они еще поятъ, чтобы вывѣдать отъ него *всю суть*, какъ говорятъ они. Разкащикъ украшаетъ свое повѣствованіе самыми дѣтскими фантазіями, даетъ ему самую несбыточную обстановку; говоритъ, что все это Положеніе написано господами, а царь сдѣлаетъ по своему, какъ хочется крестьянамъ. Большинство крестьянъ, находясь еще въ весьма невѣжественномъ состояніи, охотнѣе вѣрить тому что кажется выгоднѣе, крѣпко бережетъ и скрываетъ разкащика, а устный телеграфъ разноситъ его слова повсюду, еще съ добавками. Сходы рѣшаютъ ни подъ чѣмъ не подписываться.

Во всемъ этомъ вовсе нѣтъ какого-нибудь односторонняго недовѣрія къ помѣщику, котораго иногда крестьяне вовсе не видали, и котораго готовы тутъ же благодарить, сравнивая его съ другими, но есть недовѣріе ко всему и ко всѣмъ, кто противорѣчитъ ихъ дикимъ понятіямъ о волѣ, или распущенному слуху и выдуманному разказу плута. Они не вѣрятъ любимому старшинѣ, старостамъ, своимъ уполномоченнымъ крестьянамъ, не вѣрятъ даже тѣмъ изъ своей среды, которые сблизясь съ человѣкомъ добросовѣстнымъ, или выслушавъ посредника и перечитавъ Положенія и циркуляры правительства со словами Государя, поняли всю глупость и дживость модвы.

Всѣ свои ожиданія, съ разными сроками, всѣ глупѣйшіе толки молвы, они охотно передаютъ доступному посреднику, но безотчетно продолжаютъ сомнѣваться. „Мы тебѣ вѣрять, а ну какъ что будетъ?“ говорятъ они. Такъ, со мной крестьяне были весьма откровенными, несмотря на то что въ этомъ и сосѣдственномъ имѣніяхъ я принужденъ былъ убѣждать ихъ, если они не вѣрятъ мнѣ, съѣздить къ губернатору и спросить его, справедливы ли слухи о новой волѣ. Я далъ даже письмо, въ которомъ просилъ у начальника губерніи милостиваго имъ разъясненія и увѣдомлялъ при этомъ, что со стороны крестьянъ я не встрѣтилъ никакихъ буйствъ и шума. Губернаторъ сдѣлалъ все что могъ; онъ долго толковалъ съ крестьянами, которые повидимому убѣдились въ словахъ его и говорили, что они вразумились сами и обѣщаются вразумить и своихъ товарищей въ ложности слуховъ. Но это не помогло. Грамота пошла на утверждение съѣзда безъ подписи крестьянъ. При послѣдовавшемъ введѣніи ея въ дѣйствіе, крестьяне одной только деревушки подписали актъ и объяснили при управителѣ, что они и прежде желали подписать грамоту, но опасались міра, да и управляющій обезнадежилъ ихъ, сказавъ что для нихъ однихъ оное ничего не можетъ дѣлать. Это обстоятельство описалъ я съ первою почтой владѣльцу, который съ своей стороны не замедлилъ разрѣшить имъ даровое топливо; прочіе остались въ ожиданіи будущихъ благъ, безъ всякихъ жалобъ, и покорно платятъ оброкъ, хотя имъ, какъ всегда дѣлается, была прочитана статья о правѣ приносить жалобы на дѣйствія посредника. „Видно такъ нужно,“ говорили они при введеніи въ дѣйствіе грамоты.

„Можно взять эту крѣпость?“ спросили солдата.—„Никакъ нельзя, ваше превосходительство!“—„А если прикажутъ?“—„Если прикажутъ, то возьмемъ,“ отвѣчалъ онъ безъ запинки. Нѣчто подобное повторяется у крестьянъ, когда правильно составленная грамота вводится въ дѣйствіе безъ ихъ согласія.

V.

Въ имѣніи К. В. назначена по грамотѣ отрѣзка излишней противъ высшаго надѣла земли. Крестьянамъ, на полномъ сходѣ, нѣсколько разъ объяснена 20 ст. Мѣст. Пол. о правѣ ихъ

пользоваться въ продолженіе пяти лѣтъ, со дня изданія Положенія, отрѣзываемою землею даромъ, безъ возвышенія оброка. Однѣз истый раскольникъ, выступивъ впередъ, объявилъ, что эта земля имъ не нужна, и просилъ меня записать въ протоколъ, что они отказываются отъ нея. „Даровое на пользу не пойдетъ“ прибавилъ онъ отрывисто. Миръ подтвердилъ его заявленіе.

— Земля за надѣломъ остается вамъ потому, что не вдругъ же вамъ уменьшать излишнія земледѣльческія орудія и продавать скотъ: это предоставляетъ вамъ Государь.

— Не нужна она намъ, батюшка; коли неводи нѣтъ, такъ не беремъ, отвѣтили передовые: такъ и запиши.

— У васъ теперь на ней озими, стало-быть земля нужна. Ну, еслибъ я пріѣхалъ раньше посѣва, какъ бы тогда вы отказались? Послушайте, вы теперь въ заблужденіи, но подростки, дѣти ваши, будутъ на меня роптать; они скажутъ, что я не растолковалъ вамъ вашего права.

— Гдѣ, батюшка, роптать дѣтямъ на миръ! Какъ мы сдѣлаемъ, такъ и будетъ, отвѣтили крестьяне.

Я просилъ сходъ и добросовѣстныхъ запомнить мои совѣты. Добросовѣстные оказались хорошіе люди, они тоже приняли мою сторону; но миръ остался непреклоннымъ. Я попробовалъ обратиться къ раскольнику, подавшему первый голосъ.

— Ты говоришь, что даровое нейдетъ на пользу, это честно и умно. Но вамъ дано надѣлу на оброкъ въ 9 руб., а съ васъ берется меньше 8 руб., стало-быть, и тутъ надо сдѣлать добавку, если не хочешь пользоваться царскимъ Положеніемъ.

Онъ почесалъ голову и сказалъ:— Нѣтъ ужъ оброкъ возвышать не надо.

— То-то, вотъ ты и не выстоялъ въ своихъ правилахъ. Не слушайте-ка его братцы, берите землю даромъ сказалъ я міру

Миръ упорно отказался, но просилъ не тѣснить ихъ подписаниемъ.

Желаніе крестьянъ было исполнено и облечено въ законную форму. Добросовѣстные подписались, какъ участники и свидѣтели. Я велѣлъ готовить лошадей къ отъѣзду, а между тѣмъ пошелъ съ крестьянами осматривать ихъ масляные заводы. Разговоры наши перешли къ ихъ торговлѣ и промысламъ. Нѣсколько человекъ, казалось, искали минуты поговорить со мною наединѣ. Случай представился.

— Мы, батюшка, больно глупо сдѣлали, начали шесть чело-
вѣкъ крестьянъ, что отказались отъ налѣжной земли.

— Даже очень глупо, отвѣтилъ я:—но если вы вразумились,
слава Богу, можно еще исправить дѣло. Я останусь и желаніе
ваше запишу; время не пропущено.

— О, нѣтъ! Мы вѣдь это такъ говоримъ съ тобою по-пріятельски. Вишь это подлецы богатые все устроили, а мы тебѣ
больно благодарны, что терпѣливо толкуешь съ нами. Что
тебѣ дѣлать съ дуракомъ нашимъ братомъ? Вишь какіе упорные!

— Какое вамъ дѣло до богатыхъ, пусть они не пашутъ землю,
если не хотятъ брать ее; вамъ же больше достанется даровой
земли.

— Оно такъ, батюшка, да ужь воля твоя, а намъ отъ де-
сятка (отъ міра) отстать невозможно.

Опять пошли толки, опять напрасныя убѣжденія. Крестья-
не окончателно остались при твердомъ желаніи не отста-
вать отъ міра, и еще просили не открывать ихъ тайны про-
чимъ мужикамъ.—А то насъ завѣдать, сказали они мнѣ
на ухо.

VI.

Повѣряя грамоты, я подвигался вдоль лѣсной, сосѣд-
ственной губерніи. Промыслы крестьянъ стали ограничи-
ваться маслостроеніями, изрѣдка печеньемъ пряниковъ, гонкою
дегтя, сженіемъ угольевъ; весьма многіе просиживаютъ зиму
за веретенами, какъ бабы. Я указывалъ крестьянамъ на дру-
гія болѣе выгодныя занятія, и въ смѣшномъ видѣ представ-
лялъ имъ бабы ихъ посидѣлки съ веретеномъ. Мало ли мужи-
ковъ валяются на печкахъ и палатяхъ въ продолженіи пяти
или шести зимнихъ мѣсяцевъ, придерживаясь старины и не
зная къ чему приложить руки? а это потому, что никто изъ
капиталистовъ не оживляетъ края фабриками. Много вре-
мени пропадаетъ безъ пользы у женщинъ, дѣвицъ и подрост-
ковъ-мальчиковъ.

Въ этой темной глуши я встрѣтилъ одну замѣчательную
по дикости личность.

Едва собрался ко мнѣ общій сходъ маленькой деревни, какъ я
услышалъ изъ заднихъ рядовъ сборища грубые, сперва непо-

вятные звуки какого-то особеннаго человѣческаго голоса. Я попросилъ говорившаго выйти впередъ и говорить яснѣе. Слова повторились, но никто не выходилъ. Я повторилъ мое предложеніе, и вотъ народъ сталъ раздвигаться, а изъ толпы переваливаясь, выходилъ бокомъ плечистый, красный, широколицый, но не высокій ростомъ крестьянинъ. Правымъ огромнымъ кулакомъ онъ затыкалъ ротъ.

— Мы ни къ чему не подпишемся проговорилъ онъ яснѣе.

— Я еще не предлагалъ вамъ подписываться, сказалъ я, всматриваясь въ его лицо, выражавшее какую-то одичалость;— ты отними, пожалуста, кулакъ отъ рта, и говори все что тебѣ нужно, и чего ты отъ меня ожидаешь.

Онъ на одно мгновеніе опустилъ кулакъ на вершокъ ниже и тутъ же опять приставилъ его къ зубамъ.

— Мы ни къ чему не подпишемся, повторилъ онъ,—почесывая свободною рукойъ лѣвую ногу.

— Отними, братецъ, кулакъ-отъ. Вѣдь ты чай не съ мужикомъ толкуешь, замѣтилъ ему одинъ изъ добросовѣстныхъ.

Онъ повернулся другимъ бокомъ; правая рука его занялась тѣмъ, что дѣлала до сихъ поръ лѣвая, а лѣвая сжалась въ кулакъ и загородила широкій ротъ.

Я старался какъ можно ласковѣе обойтись съ Иваномъ, —такъ звали эту личность—и узналъ, что онъ не бывалъ нигдѣ, кромѣ своей деревни. Своихъ господъ и управляющаго, живущихъ въ 30-ти верстахъ, никогда не видывалъ, постоянно избѣгая встрѣчъ съ ними, хотя его господа и управляющій весьма добрые люди. Иванъ исправнѣйшій плательщикъ податей и повинностей, человѣкъ совершенно трезвый, придерживающійся раскола, и хорошій семьянинъ. Занимается онъ маслобоиствомъ, жженіемъ угля, пряденьемъ и хлѣбопашествомъ. Общество крестьянъ его деревни желало было избрать его въ старосты; но онъ такъ рѣшительно отвѣтилъ: „я удавлюсь, ежели выберете меня въ старосты“, что миръ невольнo сробѣлъ и освободилъ Ивана отъ этой должности. Сами крестьяне зовутъ его медвѣдемъ; и прозваніе это показалось мнѣ очень мѣткимъ.

VII.

Нѣсколько дней сряду приходилось мнѣ, при повѣркѣ грамотъ, обхаживать съ толпами крестьянъ ихъ поля, находящіяся въ лѣсной мѣстности. Это мнѣ очень нравилось и

составляло для меня, послѣ усидчивыхъ занятій, полезную прогулку. Я ходилъ то среди высокихъ сосенъ и елей, то полями и кустарниками, не разбирая удобствъ дороги, въ охотничьихъ сапогахъ. Крестьяне, какъ малыя дѣти, утѣшались моею готовностію осматривать, по ихъ просьбамъ, всѣ лоскуты земель, и водили меня, гдѣ было нужно и гдѣ даже не было никакой надобности. Насъ захватилъ маленькій дождикъ; они одѣли меня кафтаномъ, и это ихъ очень заняло. О моей готовности ходить съ ними въ поля разошелся слухъ по близлежащимъ деревнямъ, и вездѣ, въ этотъ десятидневный пріѣздъ мой, повторялись та же ходьба и тѣ же осмотры полей. Вездѣ крестьяне оуждали свои земли, какъ умѣли, и не стѣнялись какъ можно болѣе хвалить поля сосѣдей, хотя бы поля эти были несравненно хуже. Это рождало порою, при сближеніи обѣихъ сторонъ, горячій споръ и брань.

— Видишь, батюшка, какая эта земля! Кремень! Безъ сапогъ ходить не можно! (здѣсь почти всѣ ходятъ въ сапогахъ), говорилъ неумолкаемо рыжеватый крестьянинъ среднихъ лѣтъ. У сосѣдей Шестовскихъ земля мягкая, словно пухъ!

То же, но скромнѣе, повторили и другіе мои спутники. Но на самомъ дѣлѣ земля у Шестовскихъ была болѣе песчаная, а нѣкоторые участки, у самой деревни дѣйствительно были худшіе въ околосѣлѣ. Мы продолжали шествіе къ другому концу дачи. На выдавшемся бугристомъ мысу, вдоль болота, поросшаго ельникомъ, показался небольшой песчаникъ, подобный Шестовскому.

— Вотъ, ваше благородіе, видишь! Какой хлѣбъ на этой землѣ? Голый песокъ! зола! вотъ и сѣи хлѣбецъ! только работа пропадаетъ даромъ; бѣда!—продолжалъ болтливый крестьянинъ, погружая въ хорошо проторенную землю сильно развитыя ноги.

Самый кроткій и положительный изъ старшихъ моего участка, находившійся тутъ, обыкновенно никогда не возвышающій голоса, не выдержалъ.

— Послушай дружище, сказалъ онъ тихо говоруну,—не ты ли сейчасъ жаловался его выс—дію на землю жесткую, а теперь стала негодна мягкая; кого же ты обманешь? Ну какъ сравнить Шестовскую землю съ вашей! вздоръ братецъ не мели; вѣдь ты никому, и господину посреднику, говорить не даешь, всѣхъ перебиваешь; или ты всѣхъ умѣе?

Добросовѣстные еще прежде говорили то же что и

старшина. Справедливость этого заключенія была слишкомъ очевидна. Но я вообще принялъ за правило, предоставлять, какъ можно болѣе, высказываться самимъ крестьянамъ. Деревнѣ этой, въ двадцать пять душъ, помѣщенной надъ рѣчкой, предоставлены были двѣ водяныя мельницы, и болѣе десятины поемнаго лугу на каждую душу. Малый недостатокъ земли къ высшему надѣлу дополнялся порядочнымъ лѣсомъ. Много было толкованій съ крестьянами, но дѣло кончилось благополучно.

У Шестовскихъ, гдѣ тоже тридцать душъ, я прожилъ трое сутокъ, употребивъ почти все это время на толки съ крестьянами, на обходы полей и отдѣльныхъ нѣпашей, которыя они показывали не вдругъ, вслѣдствіе чего возраженія ихъ и протоколы переписывались.

Приблизительный промѣръ нѣпаша, за неизмѣнимъ земле-мѣра и другихъ средствъ, производился простою веревкой. Крестьяне этой деревни, проживая въ четырехъ верстахъ отъ Волги, уходятъ на разные недалевіе промыслы, или, вмѣстѣ съ бабами, занимаются выгодною поденщиной на лѣсной и судовой пристани богатаго купца Р. Болѣе плохую землю, у самаго селенія, они не обрабатывали около десяти лѣтъ; поемными дугами надѣлены они, какъ и предшествовавшіе, болѣе десятины на душу.

Признавая, вѣроятно, оброшенную крестьянами землю, которой было около шестнадцати десятинъ, за дурную, владѣлецъ прирѣзалъ въ натурѣ около девятнадцати десятинъ хорошаго строеваго лѣса, сверхъ полного надѣла, бесплатно.

Крестьяне, еще до моего пріѣзда, порѣшили міромъ отказаться отъ добавки и не принимать землю оставленную безъ пашни. Двое изъ нихъ—одинъ молодой, не глупый и полуграмотный, Григорій, а другой крикунъ, лысый, съ печатью бессмысленности на лицѣ, Наумъ — руководили обществомъ. Добросовѣстные были тѣ же, люди разсудительные и опытные. Напрасно я и они объясняли крестьянамъ, что плохая земля около самой деревни приходится имъ даромъ, а за строевой лѣсъ, который въ этой мѣстности, и еще по близости къ Волгѣ, имѣетъ хорошую цѣну, придется имъ платить только по 90 коп. въ годъ. Напрасно мы всѣ ходили по лѣсу гдѣ я указывалъ имъ размѣръ десятины, и считали деревья. Григорій сталъ посмачивать; а Наумъ только кричалъ: „какъ ужъ порѣшили, такъ и будетъ“. Прочіе, какъ бы обязательно, его поддерживали.

На землѣ, отъ которой они отказывались, стояли ихъ дегтярные заводы.

— Заводы будутъ платить около половины того оброка, который слѣдовалъ бы съ васъ за плохую землю. Она идетъ вамъ даромъ, а вы считайте, что будете платить только за лѣсъ, говорилъ я и добросовѣстные. Дегтярные заводчики подтверждали слова наши.

— Пусть баянъ беретъ съ нихъ, что хочетъ, а намъ не нужно. Что, братцы, мотаться? Порѣшили такъ и порѣшили! отвѣчалъ Наумъ, смотря въ верхъ и махнувъ бессмысленно рукой.

— Пожалуй, откажитесь отъ земли, но съ толкомъ, говорилъ я.—Быть-можетъ, я въ самомъ дѣлѣ ошибаюсь, такъ меня вразумите. Земля эта со временемъ и очень понадобится вамъ, а теперь годится, по крайней мѣрѣ, для выгона скота. Я васъ не принуждаю, но совѣтую вамъ. Разочтите сами.

— Нѣтъ батюшка, что тутъ считать! Мы тебѣ благодарны, что ты не нудишь насъ, да ужъ не томи больше, отпусти насъ, пожалуста, да и только. Петруня, лошадь-то у тебя дома? Не ѣдемъ-ка за мохомъ! проговорилъ Наумъ, въ особенности ударяя на лошадь и мохъ, какъ будто вопросъ о лошади и мохѣ былъ важнѣе рѣшенія важнаго пункта въ грамотѣ.

Относительно надѣла я исполнилъ желаніе крестьянъ, такъ какъ это не противорѣчило Положенію, и такъ какъ принять или нѣтъ добавочный лѣсъ предоставлено ихъ волѣ. Оброкъ разчелъ по земельному надѣлу.

Григорій былъ хозяиномъ моей квартиры и входилъ ко мнѣ иногда одинъ, по хозяйскимъ нуждамъ. Я воспользовался его приходомъ, далъ ему счеты, указалъ, какъ мало сбавляется оброка сообразно убавкѣ у нихъ надѣла; указалъ опять, что съ каждымъ 90 коп. сбавки изъ повинности, улетаетъ десятина добраго лѣса, не говоря о даровой оставленной ими, пашнѣ.

— Я ужъ и самъ разчиталъ, ваше благородіе; пожалуй, что мы ошиблись, отвѣчалъ онъ.

— Но вѣдь ты грамотный и съ разумомъ; ты съ Наумомъ сбилъ міръ; а Наумъ, ты видишь, и мыслить не можетъ. Стало, тебѣ надо исправлять дѣло. Грѣхъ на тебѣ ляжетъ.

Григорій позамаялся.

— Ужъ видно правду сказать тебѣ, батюшка: отъ Бога не укроешься, мы, передъ послѣднимъ приходомъ къ тебѣ,

собирали сходъ, и я уговаривалъ миръ въ праведномъ твоёмъ совѣтѣ, да меня только избрали, первый Наумъ: мотышкой назвали.

Въ этой грамотѣ были и другіе спорные пункты, по неприятию крестьянами слѣдовавшихъ имъ небольшихъ участковъ дровяного и кустарнаго лѣса, находящагося въ ихъ поляхъ, такъ что я не могъ удовлетворить вполнѣ ни крестьянъ ни повѣреннаго, и полшутя совѣтовалъ имъ подать на мои дѣйствія общую просьбу съ повѣренными.

По сосѣдству съ этою деревней представилась такой куріозный случай. Крестьяне изъявили желаніе подписать грамоту, если съ нихъ сбавятъ изъ оброчной повинности по рублю съ души. При мнѣ находился передовѣренный отъ главнаго управляющаго восьми имѣніями, изъ мѣщанъ города N., человекъ весьма тихаго нрава. Онъ былъ уполномоченъ только находиться при повѣркѣ грамоты, указать надѣлъ и получить копию съ производства. Вдругъ онъ смѣлыми шагами подходитъ къ крестьянамъ.

— Хорошо братцы, говорить онъ твердо,—я согласенъ уступить по рублю, подписывайте грамоту.

Надо было видѣть смущеніе смолкнувшихъ передовыхъ крестьянъ. Они стали почесывать и повертывать назадъ головы, какъ бы отыскивая себѣ помощи. Спустя нѣсколько времени, послышались изъ заднихъ рядовъ слова: „Когда сбавилъ бы два, такъ подписали бы“. Къ нимъ пристали и прочіе, кромѣ двухъ передовыхъ, насупившихся въ землю. Имъ было совѣстно.

— Вотъ, видите ли, я и уполномочія на то не имѣю, сказалъ мѣщанинъ,—спросите у господина посредника: я только хотѣлъ васъ попробовать. Зачѣмъ же вы, братцы, мотаетесь? сбавъ вамъ два рубля, запросите три.

Крестьяне смолкли и недоумѣвали, что тутъ дѣлать и говорить.

VIII.

Въ дѣятельности посредника много поводовъ приходиться въ тревожное положеніе: плохо посреднику, если онъ будетъ выходить изъ себя и горячиться. Мы то-и-дѣло попадаемъ между двухъ противныхъ сторонъ. Съ одной—желаніе отстоять собственность и нерѣдко оскорбленное самолюбіе

помѣщика, еще сильнѣе и мелочнѣе проявляющееся въ иныхъ управителяхъ, съ другой—крестьянская неловкость въ обращеніи съ прежними властителями и неумѣніе ограничивать свои требованія и надежды.

На мою долю достался управитель, Нѣмецъ и чиновникъ, отъ природы весьма желчный и раздражительный, то очень вспыльчивый, то слишкомъ щедрый при покорной просьбѣ. Здоровье его еще болѣе разстроилось отъ споровъ съ крестьянами при составленіи грамотъ. Нѣсколько разъ крестьяне объясняли мнѣ, что съ нимъ нельзя говорить, что онъ тотчасъ же страшаетъ и слѣдствіемъ, и острогомъ. Это насчетъ ихъ кривотолковъ о новой волѣ.

Горячій управитель написалъ условіе на девятнадцать лѣтъ о предоставленіи крестьянамъ лѣсной дачи за извѣстную плату. Крестьяне подписали условіе добровольно, а волостное правленіе засвидѣтельствовало, тогда какъ волостному правленію предоставлено свидѣтельствовать условія не болѣе какъ съ двѣнадцатилѣтнимъ срокомъ. Я объяснилъ эту ошибку и совѣтовалъ управителю облечь условіе, не измѣняя сущности его, въ законную форму.

Дѣло шло хорошо до размовки съ крестьянами, послѣ которой я продолжалъ держаться своего мнѣнія, а управитель спорилъ и сильно горячился, ссылаясь на свое право уничтожить условіе.

— Вѣдь ты же его, ваше благородіе, написалъ: мы вѣдь неграмотные, да ты же и уничтожаешь свое условіе, говорили крестьяне.

Управляющій шумѣлъ и задорился.

Сначала, принимая участіе въ его болѣзненнымъ состояніи, я престоудшно просилъ его говорить хладнокровнѣе; но управитель еще сильнѣе возвысилъ голосъ.

— Я думаю, мнѣ никто не запретитъ горячиться; у меня такая манера, я же мальчикъ какой-нибудь! говорилъ онъ чаще и чаще, громче и громче, и выраженіе досады сильно горѣло въ его глазахъ. А между тѣмъ во всей его фигурѣ Господь не создалъ ничего угрожающаго.

— Если вы говорите, что никто не можетъ воспретить вамъ горячиться, сказалъ я положительно,—то я оставляю за собой право просить васъ быть гораздо умѣреннѣе. Я буду внимательнѣе къ разговору тихому.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, его отважное, воинственное положеніе

возбуждало меня скорѣе къ смѣху чѣмъ къ досадѣ: такъ страшенъ былъ всплывшій герой. -

— Сядьте-ка и будьте хладнокровнѣе; для дѣла да и для васъ вредно горячиться, дополнилъ я безъ малѣйшаго чувства досады, которое, надо сознаться, мелькнуло во мнѣ сначала.

— Такъ вы имѣете право заставлять меня садиться, когда я хочу стоять? Я думаю, что никто не можетъ заставить меня сѣсть, когда я не хочу, болталъ управитель съ возрастающею вспыльчивостію.

Я не выдержалъ и засмѣялся.

— Стойте, сколько хотите; въ этомъ случаѣ все право за вами; только, пожалуйста, безъ шуму, сказалъ я со смѣхомъ.

— Такъ вы еще надо мной смѣетесь!

— Не плакать же посреднику, когда горячится управитель. Будетъ съ васъ и того, что у меня нѣтъ расположенія также горячиться, какъ вы.

Онъ схватилъ фуражку, какъ-то неловко махнулъ ею, и круто повернулся.

— Послѣ этого я не могу и не хочу быть управляющимъ, такъ скажу и владѣльцу, проговорилъ онъ наскоро. Забылъ свою трость и почти выбѣжалъ. За тростью онъ прислалъ стоявшаго подъ окнами кучера.

— Однимъ горячимъ управителемъ будетъ менѣе, сказалъ я тутъ же бывшему уѣздному врачу.

Однако управитель остался управителемъ.

Мой разладъ съ нимъ видимо понравился крестьянамъ, но они были не совсѣмъ довольны моею снисходительностію. Они ожидали отъ меня сильной грозы.

Въ то имѣніе, гдѣ управляющимъ былъ гнѣвный, но щедрый Нѣмецъ, пріѣхалъ молодой владѣлецъ. Онъ предложилъ крестьянамъ выкупить весь ихъ надѣлъ, при помощи отъ правительства. Оброкъ здѣсь, при значительномъ, преимущественно полномъ, надѣлѣ, былъ и остался въ 6 руб. съ душеваго надѣла, а потому, по капитализаціи этого оброка, вся сумма составляетъ менѣе предназначеннаго по Положенію выкупа отъ правительства по 80 коп. на рубль. Не знаю, что будетъ далѣе, но крестьяне своего согласія доселѣ еще не изъявили.

— Вѣдь вы не хотѣли быть господскими, говорилъ я.— Теперь вся земля будетъ ваша; ту же оброчную повинность вы

станете вносить въ казначейство, и всѣ счета и обязательства съ баринѣмъ и управителями его покончите разомъ. Вы будете собственники, а иначе земля останется барскою, и вы вѣчные плательщики барину, пока не выкупите земли.

Толкованье было самое подробное, съ прочтеніемъ и объясненіемъ всѣхъ идущихъ къ этому два статей Положенія. Мнѣ помогали добросовѣстные и двое бывшихъ тутъ старшинъ. Но мѣръ недоумѣвалъ, отчасти надѣясь на новую волю, а болѣе разчитывая на авось и во всемъ сомнѣваясь. Помѣщикъ прѣвѣшилъ обойтись безъ нихъ.

IX.

Для характеристики крестьянъ вообще, кажется, не лишнимъ будетъ разказать слѣдующее происшествіе у крестьянъ государственныхъ имуществъ, которому я былъ очевидцемъ.

Три вора изъ двухъ большихъ селеній, находящихся въ отдаленномъ лѣсномъ углу уѣзда, заплонили, какъ выражаются крестьяне, и эти деревни, и все сосѣдство воровскими дѣлами. Кое-гдѣ ихъ ловили; но кражи ихъ оказывались или ничтожными, или бездоказательными. Воры отдѣлывались или оставленіемъ въ подозрѣніи, или ничтожными наказаніями. Сосѣди роптали на полицію. Наконецъ, воровство повторилось въ большихъ размѣрахъ. Исправникъ самъ серьезно взялся за дѣло.

Несмотря на то что мѣстные жители оказывали плохое содѣйствіе, законныхъ уликъ оказалось весьма достаточно. Воры несомнѣнно подлежали ссылкѣ въ Сибирь. Сначала они заперались, но потомъ, видя бѣду неминуемую, какъ водится, перешли къ полной спокойной откровенности.

— Насъ бы давно похѣрили, да спасибо еще міру; онъ былъ больно милостивъ, говорили воры.—Бывало насъ съ чѣмъ заловятъ, призвуть на мѣръ. Давай вина! Мѣръ запроситъ четыре ведра, а мы, знашь, даемъ одно; глядь, на парѣ ведерцевъ и поладимъ.

— Вѣстимо чужаго не жаль, дали бы и больше, оказалъ воръ побойчѣ.—Поимъ бывало, да еще подсмѣиваемся: пейте, батюшки, на здоровье; не наше пьете, а свое.

При этомъ откровенномъ разказѣ вора были поняты,

опрошенные подъ присягой и не одобрившіе поведенія воровъ. Случились тутъ же и прочіе крестьяне, даже и бабы, изъ одного любопытства видѣть отдѣляются ли воры.

— Не бойтесь, братцы, я не буду къ этому привязываться, оказалъ исправникъ, обращаясь къ старикамъ:—только скажите правду: было это?

— Было, батюшка, все было; конъ присягу принимали; лгать грѣхъ, отвѣтили улыбаясь старики.—Цили миромъ.

— И воры говорили вамъ: пейте, свое пьете, а не наше? продолжалъ исправникъ.

— Было дѣло, батюшка, такъ и баяли разбойники, словно на смѣхъ. Пейте, баяютъ, православные, не наше, а свое пьете, отвѣтили старики.

— Какъ же вы-то, почтенные старцы, поддались такой насмѣлкѣ?

— Вѣстимо какъ: спросту. Миръ пьете, отъ міру не прочь и мы.

— Да вѣдь миръ изъ васъ слагается: не пей ты, не пей онъ, не пей третій, четвертый, вотъ миръ и не составитъ. Къ вамъ пристаи бы и молодые изъ умныхъ.

— Оно такъ, батюшка; вѣстимо, сходки живутъ изъ насъ, но миръ-отъ великое дѣло, отъ міра никоимъ способомъ не отложишься, маѣ бы и пить-то не съ руки, да пьешь за миромъ, дополнилъ сѣдой, болѣе прочихъ согбенный, старецъ.

Х.

Воевное начальство, находящееся съ батальонами на посту въ здѣшней губерніи, въ видахъ сохраненія солдатъ отъ заразительныхъ болѣзней, просило мѣстныхъ власти обратить вниманіе на зараженныхъ женщинъ. Комитетъ народнаго здравія просилъ посредниковъ распорядиться, чтобы старшины, въ случаѣ надобности, приглашали врачей. Я далъ крайне осторожное и толковое предписаніе старшинамъ, выключивъ всѣ латинскія и непонятныя для простолюдиновъ названія.

Спустя весьма короткое время, стала приходиться въ мой участокъ молва, что вдовъ и дѣвокъ будутъ ссылать на Амуръ, въ замужство. Народъ заворохился. Число свадебъ по уѣзду стало увеличиваться. Дошли темные слухи, что молодыхъ вдовъ и дѣвокъ родные выдаютъ даже за стариковъ, что для скорого и насильнаго замужства тратятъ большія

деньги на приданое, лишь бы успѣшнѣе выдать дочерей, которыя идутъ, впрочемъ, безъ принужденія, изъ страха высылки на Амуръ.

Объѣзжая участки, я предупреждалъ крестьянъ, въ особенности ихъ сельскихъ начальниковъ, о ложности и глупости такого слуха. Многие изъ крестьянъ меня благодарили, другіе же подумутя просили не перечить этой молвѣ.

— Не тровь, батюшка, вишь много молодыхъ бабъ и дѣвокъ нейдутъ замужъ, больно привередаливы.

Въ послѣдовавшіе затѣмъ разъѣзды я повторялъ крестьянамъ предостереженіе.

— Слышали мы, батюшка, благодаримъ тебя, что остерегъ; эти слухи и у насъ сильно ходятъ, да ужъ мы въ обманъ-отъ не даемся.

— Какъ не даемся! возразилъ простодушно одинъ крестьянинъ, а меня развѣ не обездолили на сто рублей (ассигн.)?

— Какъ это? спросилъ я.

— Такъ, батюшка; вотъ какъ: слухъ-отъ прошолъ, что молодыхъ бабъ съ дѣвками сылаютъ на Умуръ, вотъ и пристали ко мнѣ бабенки, отдай, да отдай за кого-нибудь, дочку-то; аль тебѣ, старому, не жаль твоего дѣтища. Я говорю имъ, что это все облыжно, что и старшина намъ заявлялъ, что это все пустяки, а они свое да свое. Не вѣрь, бають. Къ этому пройди здѣсь два солдата; бабенки знашь къ нимъ съ вопросомъ, а тѣ и молвили: давайте намъ подводу, мы идемъ въ сосѣдній уѣздъ высылать на Умуръ, что ли, бабъ и дѣвокъ, а отгелъ будемъ къ вамъ. Я ихъ къ себѣ; ну-ка поить виномъ: сошлись. А бабенки такъ вотъ и жужжать и гогочуть, словно гусыни, одолѣли вовсе, и брагой, и виномъ-то ихъ поятъ, и денегъ дали мы имъ.

— И подводу? спросилъ я.

— О подводѣ и говорить нечего: дали пару. Они тутъ насъ и спросили: развѣ мы не знаемъ, что внизъ по Волгѣ спустили уже цѣлую барку дѣвокъ и бабъ. Только говорятъ, начальство-то всякими способамъ скрываетъ это; чтобы дѣвкито, знашь, съ бабами не разбѣжались.

— Ахъ какой ты глупый, ну можно ли такъ поступать! Хоть бы ты спросилъ старшину, сказалъ я съ усмѣшкой, и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ невольною досадою.

— Чтò дѣлать! видно ужъ Богу угодно было такъ наказать меня, продолжалъ онъ съ невозмутимымъ простодушіемъ. —

Я было къ старшинѣ и шель, ваше благородіе, думаю, спрочу-ка еще Ивана Петровича (имя старшины). Онъ человекъ добрый, и мнѣ сродни; да на бѣду повстрѣся со мною дядя Микита. „Ты, Петръ, куда?“ спрашиваетъ меня Микита. Я ему такъ и такъ: думаю-моль къ старшинѣ, къ Ивану Петровичу. А онъ, словно и его бѣсъ обожель: „эхъ Петруня, Петруня, говоритъ, куда ты еще лезешь: аль не слышалъ, что говорили солдатики, аль просторно на баркѣ безъ твоей дочери. Отдай деньги, да и все тутъ.“ Взялъ да и махнулъ рукой. И я махнулъ рукой. „Быть видно по твоему, Микита!“ Денежки сдалъ, и свадьбу-ту скрутили наскоро.

— Доволенъ ли ты хоть зятемъ?

— Ужъ какой, батюшка, зять! одно слово, человекъ старый, завалищій; отдалъ ли бы я за него свою дочку, да еще глядь-ка съ какимъ приданымъ! Мы живемъ слава Богу.

XI.

Въ моемъ участкѣ, къ счастью, только два мелкія имѣнія на смѣшанной повинности; всѣ же прочія были на оброкѣ. Изъ этихъ двухъ одно заслуживаетъ особеннаго вниманія. Крестьяне уплачивали бездомочно оброчную повинность около четырнадцати рублей съ души, что составляетъ противъ низшихъ размѣровъ оброка у сосѣдей, почти въ два съ половиною раза болѣе, и почти на четыре рубля болѣе размѣровъ высшаго оброка, установленнаго Мѣстнымъ Положеніемъ. Къ тому же они сѣяли и убирали господскіе хлѣбъ и сѣно; въ старину возили въ Москву овесъ и прочую провизію; откупались отъ рекрутства деньгами и выплачивали поборы за свадьбы и тому подобное. Главная деревня въ буквальномъ смыслѣ подмывается Волгой; часть ея уже выселена неподалеку властью помѣщика.

Со введенія мировыхъ учрежденій, я, продолжая дѣло начатое предводителемъ, упробилъ владѣльца отдать господскіе запашку и покосы крестьянамъ за одинъ оброкъ. Надо было видѣть, съ какою благодарностью приняли эти крестьяне мою заботливость, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ не разъ случилось, что при повѣркѣ грамотъ я выпрашивалъ крестьянамъ, висколько не обремененнымъ владѣльцами, несравненно значительнѣйшія уступки, и притомъ не замѣчалъ никакого

сочувствія. Владѣлецъ даль довѣренность своему родственнику, съ правомъ на нѣкоторыя смисхожденія. Крестьяне оказались удивительно развитыми; они съ особенною ловкостью и знаніемъ ходатайствовали передъ повѣреннымъ объ исполненіи ихъ желаній. Въ отсутствіе владѣльца они очень умѣстно заявляли прежнія свои послуги, ловко и вовремя упоминали о производившихся съ нихъ чрезмѣрныхъ сборахъ, просили о добавочной землѣ, тогда какъ сосѣди ихъ, при одинаковомъ грунтѣ, отказывались отъ той, которою пользовались. Въ особенности налегали они на двѣ пустоши съ мѣлкою лѣсною порослью, и изъ нихъ преимущественно на одну, важную для пастбища скота.

— Иначе, говорили крестьяне, — намъ негдѣ пробавлять скоть.

На эту причину, какъ на самую, по ихъ мнѣнію, законную, они сильно напирали; хотя на самомъ дѣлѣ такое требованіе я не находилъ особенно уважительнымъ, но давалъ имъ сперва время объясняться съ повѣреннымъ и любовался ихъ находчивостью.

— Откуда вы деньги берете? спросилъ я крестьянъ.—Онѣ давно бы должны были выдохнуться отъ тѣхъ платежей, какіе вносили доселѣ; а еще хотите лишней земли противъ бывшей у васъ во владѣніи. Даромъ ея не дадутъ.

— Найдемъ деньги, когда нужно; на то умъ есть, отвѣчали крестьяне.—Обойди-ка насъ, батюшка, не въ теперешнее время,—теперь мы сошлись для грамоты, — ни одного жуженка не найдешь дома: всѣ въ разбродѣ, или по торговлѣ или въ работѣ. Спроси-ка, кто больше всѣхъ работаетъ на приетани у Р.? наши бабы и дѣти. Мы знаемъ свою землю; руки приложимъ, будетъ земля. Все равно: начинаемъ же работниковъ.

Дѣло ладилось и разлаживалось, грамота переправлялась мною и переписывалась нѣсколько разъ. Я принялъ дѣятельное участіе въ крестьянахъ. Долго повѣренный не уступалъ пустошей. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ начертаній на планѣ, рѣшилъ отдать половину той пустоши, которую не такъ настойчиво требовали крестьяне. Крестьяне, впрочемъ, съ благодарностію согласились. За одною уступкой послѣдовали другія, какъ бы въ добавокъ.

Грамоту миролюбно подписали обѣ стороны. Я ихъ поздравилъ и душевно порадовался за умныхъ мужичковъ, у которыхъ прибыло земли, а оброкъ убавился почти на половину.

— Какъ же вы будете безъ той пустоши, которая, какъ

говорили вы, необходима для пастьбища скота? спросилъ я шутаиво.

— Дѣлать нечего, обойдемся, отвѣтили они, посмотрѣвъ на меня съ хитрою улыбкой.—Мы такъ, для отводу, молвилъ одинъ изъ нихъ попростѣ.—Благодаримъ барина за всѣ милости: мы имъ довольны, и васъ благодаримъ; помоги вамъ Господь въ трудѣ.

Я по совѣсти, какъ и слѣдовало, обратилъ ихъ благодарность на владѣльца и добраго повѣреннаго.

ХII.

На крестьянскихъ сходахъ, люди преобладающіе надъ своими собратіями, по уму, опыту, знанію дѣла и по нравственнымъ качествамъ, составляютъ обыкновенно примѣтное меньшинство. Изъ нихъ едва ли не большая часть бываетъ скромна и молчалива; напротивъ того, значительная часть массы состоитъ изъ мало думающихъ, и частью изъ привычныхъ крикуновъ, съ примѣрнымъ развитіемъ горля, съ оскорбительнымъ гнѣвомъ и съ безграничною самоувѣренностью. То же самое, сказать мимоходомъ, проявляется и въ литературѣ, конечно, въ свойственномъ ей видѣ.

Сколько разъ мнѣ приходилось упрашивать болѣе почтенныхъ крестьянъ, по разнымъ вѣдомствамъ, ходить на сходы и заявлять свои мнѣнія.

— Помилуйте, батюшка, говорятъ они, тамъ только и встрѣтишь брань да обиду; пустымъ дѣломъ не раззорять меня; не тронь ихъ судять, какъ хотять; лучше лишки заплачу, да оскорбленія не услышу.

Умный и опытный руководитель схода, старшина или староста, можетъ привести большую пользу уже тѣмъ, если будетъ приглашать, стоящихъ обыкновенно позади схода, извѣстныхъ ему благоразуміемъ и домовитостью крестьянъ къ высказыванію того, что они молча обдумывали въ то время, когда передовые кричали не думавши. Если такимъ способомъ и нельзя совсѣмъ укротить крикуновъ, то, по крайней мѣрѣ, мнѣ пріучится къ сужденіямъ обстоятельнымъ, тихимъ и разсудительнымъ. Я крѣпко забочусь о введеніи на сходахъ этого способа, и еще о томъ, чтобы при началѣ и въ концѣ мірскихъ сужденій крестьяне молились Богу, какъ они

это дѣлають передъ вѣдою, при переправахъ черезъ рѣки, и вообще приступая къ какому-либо труду. Въ промежуткахъ между молитвами какъ-то скорѣе смолкають пустыя рѣчи, брань и крики.

У меня на глазахъ былъ примѣръ, что крестьянское общество, приговоромъ цѣлаго міра, опредѣлило смѣнить старосту за то, что онъ удерживаетъ крестьянъ отъ кражи господскаго лѣса; а если староста, — порѣшили они міромъ, — не будетъ смѣненъ, то отказать ему въ жалованьи.

Тутъ было меньшинство честныхъ крестьянъ, рѣзко осуждавшихъ, но все-таки подписавшихъ этотъ приговоръ.

Связь каждаго члена съ міромъ такъ велика, что совѣстно приглашать умнаго старшину подписывать грамоту, если міръ, изъ котораго онъ выбранъ, отказался отъ подписи.

А то разъ пришлось мнѣ прочесть куріозное письмо отъ небольшого общества крестьянъ къ помѣщику: „Мы тобой и грамотой довольны, пишутъ они; благодаримъ, что съ барщины переводишь на оброкъ, который будемъ платить исправно, а землю твою беремъ исполу; но не гнѣвайся, грамоты не подпишемъ, въ чемъ и руку приложили.“ Тутъ слѣдуетъ поименный подписъ цѣлаго міра.

II. БЕЗВѢСТНЫЙ.

РАЗКАЗЪ ДЯДИ ОНИСИМА

Прошедшее Рогожскаго кладбища представляетъ безчисленное множество фактовъ, частью куріозныхъ, частью грустныхъ и возмутительныхъ, но во всякомъ случаѣ ясно выражающихъ характеръ поповщинскаго раскола и въ этомъ отношеніи весьма важныхъ для изученія его исторіи. Похожденія бѣгствующихъ, или попросту бѣглыхъ поповъ, ихъ продѣлки съ прихожанами кладбища и обращеніе съ ними самихъ прихожанъ, все это въ подробностяхъ представляетъ весьма много любопытнаго. За исключеніемъ весьма немногихъ личностей, на Рогожское кладбище бѣжали, обыкновенно, священники нетерпимые въ церкви, или совсѣмъ изгнанные изъ нея. Это было мѣсто, куда стекалось то что было негоднаго въ нашемъ духовенствѣ, и откуда расходилась эта язва по всемъ пріютамъ поповщины. Корыстолюбіе и пьянство были отличительными свойствами раскольничьихъ бѣглыхъ поповъ. Не говоримъ о другихъ порокахъ ихъ и о возмутительномъ отношеніи ихъ къ священнодѣйствіямъ. И никто лучше самихъ прихожанъ Рогожскаго кладбища не понималъ, конечно, всей гнусности своего бѣглаго священства, никто глубже ихъ не презиралъ его и не глумился надъ нимъ обидѣе, и однакоже отъ рукъ этого священства старообрядцы шли принимать святыя таинства! Но признавали ли они искренно, по совѣсти, дѣйствительность и силу

этихъ таинствъ? И если не признавали, то зачѣмъ же принимали ихъ? вотъ вопросы, надъ которыми нельзя не задумываться и которые приводятъ къ новому вопросу: что лучше, или правильнѣе, что хуже, поповщина ли признающая (и совершенно правильно) нужду священства и таинствъ и въ то же время глумящаяся (сознательно, или не сознательно) и надъ священствомъ и надъ таинствами, или безпоповщина столь незаконно и вмѣстѣ столь рѣшительно отказавшаяся и отъ священства, и отъ таинствъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя предоставила совершать мірянамъ? Какъ ни безотрадно состояніе этой послѣдней, какъ ни губельно заблужденіе, въ которомъ она коснѣетъ съ такимъ упорствомъ, но ей нельзя по крайней мѣрѣ отказать въ послѣдовательности и, позволимъ себѣ это выраженіе, въ котораго рода честности въ развитіи своего ученія: отдѣлившись отъ церкви, принявъ въ основаніе мысль, что истинное священство со временъ Никона прекратилось, взято на небо, она смѣло пошла по избранному пути и дошла до послѣднихъ выводовъ, до отрицанія нужды самыхъ таинствъ. Поповщина, напротивъ, остановилась на распутьи, сама не знаетъ куда идти, очутилась въ какомъ-то странномъ, двусмысленномъ положеніи: отдѣлилась отъ церкви, и въ то же время придумала какія-то искусственныя, и притомъ гнилыя нити, которыми хочетъ держаться церкви; приняла отъ церкви бѣглыхъ поповъ которыхъ сама же переправляетъ, какъ заразившихся ересью въ церкви... Въ этомъ двусмысленномъ, полномъ противорѣчій, положеніи поповщины есть своя отрадная сторона, но есть сторона и крайне безотрадная. Въ сообщеніи съ церковью, посредствомъ бѣглыхъ поповъ, хотя фальшивомъ и уродливомъ, выразилось все-таки сознаніе въ необходимости церкви, іерархіи и таинствъ, въ настоятельной потребности ихъ, и это, конечно, весьма отрадно. Но, желая найдти удовлетвореніе этой потребности такимъ фальшивымъ путемъ, какъ бѣглые и перемазанные попы, однимъ словомъ, путемъ обмана, поповщина открыла у себя широкій просторъ тѣмъ горькимъ и возмутительнымъ явленіямъ, которыми такъ богата ея исторія и въ которыхъ нельзя не видѣть глумленія надъ самою святынею таинствъ, повиданному такъ ея уважаемыхъ.

Но все это относится къ прошедшему Рогожскаго кладбища. Съ явленіемъ австрійскаго священства измѣнилось

весьма многое; бѣглыхъ поповъ не стало, и нужды въ нихъ не имѣется; священниковъ поставляютъ раскольникамъ свои собственные архіереи, не измѣнниковъ православія, а изъ своей братіи старообрядцевъ. Тѣхъ безобразныхъ и возмутительныхъ явленій, какія были въ прежнія времена, теперь, повидимому, ожидать нельзя. И однакожь, къ лучшему ли привела такая перемена? По сознанию самихъ поповщинцевъ, изъ которыхъ многіе весьма неблагоклонно смотрятъ вообще на австрійское священство, ничего хорошаго изъ него не вышло. Если мы оставимъ въ сторонѣ вопросы о томъ, кто такой Амвросій, Антоній, и другіе раскольничьи архіереи, можно ли вообще признать законною идущую отъ Амвросія іерархію? Имѣютъ ли поэтому какую-нибудь силу и самыя священнодѣйствія, совершаемыя раскольничьими священниками австрійскаго посвященія? Если мы оставимъ въ сторонѣ всѣ эти вопросы существенной важности и посмотримъ на новыхъ раскольничьихъ поповъ только со стороны ихъ поведенія, и въ этомъ отношеніи сравнимъ ихъ съ прежними бѣгствовавшими отъ великороссійской церкви, то найдемъ, что отъ сравненія съ этими послѣдними они выигрываютъ не много. Ихъ нельзя, быть-можетъ, упрекнуть въ томъ недостаткѣ, который былъ господствующимъ между бѣглыми попами: въ пристрастіи къ горячимъ напиткамъ; за то къ другимъ недостаткамъ, наслѣдованнымъ ими отъ прежнихъ священниковъ, они присоединили глубокое невѣжество и безграмотность, хотя разумѣется и прежніе раскольничьи попы не отличались образованіемъ. Такимъ образомъ новая исторія Рогожскаго кладбища обѣщаетъ представить не меньшее количество тѣхъ интересныхъ фактовъ, о которыхъ говорили мы выше, какъ и исторія прежнихъ временъ. Собраніе этихъ фактовъ изъ прежней и нынѣшней жизни Рогожскаго кладбища, записанныхъ по разказамъ современниковъ, представило бы весьма важныя матеріалы для внутренней исторіи поповщинскаго раскола. Въ этомъ убѣжденіи мы почли лишнимъ обнародовать помѣщенный ниже разказъ одного изъ старообрядцевъ, въ которомъ именно содержатся нѣсколько довольно любопытныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалось и дѣлается на Рогожскомъ кладбищѣ, и вообще въ поповщинѣ, и какъ относятся къ этимъ событіямъ раскольники изъ простонародья. Разказъ, съ буквальною точностію, записанъ со словъ того, кому онъ былъ переданъ. За достовѣрность же его ручается

самыя его подробности и та искренность и добродушная откровенность, съ какою разкащикъ велъ свою бесѣду. Въ разказѣ упоминается, между прочимъ, о двухъ лицахъ, имѣющихъ не малое значеніе въ современной исторіи раскола: о вѣсковой матери Пульхеріи и епископѣ Антоніѣ. Скажемъ объ нихъ нѣсколько словъ, для разъясненія того, что говорится въ разказѣ дяди Онисима.

Мать Пульхеріа—лицо весьма замѣчательное: это живая лѣтопись Рогожскаго кладбища. Она поступила сюда малюткой, и помнитъ чуть не первыя времена кладбища. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи осьмидесяти лѣтъ, на глазахъ ея, случилось нѣсколько поколѣній кладбищенскихъ жителей, совершилось множество переменъ во вѣшной и внутренней жизни кладбища. Она скоро сдѣлалась уважаемымъ лицомъ между кладбищенскими жителями; вокругъ нея собралась цѣлая община, похожая на монастырь и признающая въ ней свою наставницу. Это уваженіе она заслужила своимъ строгимъ, разумнымъ, съ раскольничьей точки зрѣнія, благочестіемъ. Ея, какъ говорятъ, дѣйствительно безукоризненная жизнь, равно какъ начитанность и умѣнье вести душеспасительную бесѣду доставили ей большую извѣстность во всемъ обществѣ московскихъ старообрядцевъ, особенно въ женской его половинѣ: богатые купчихи со всѣхъ концовъ Москвы прѣзжаютъ къ матушкѣ Пульхеріи на поклонъ и посовѣтоваться о семейныхъ и другихъ дѣлахъ. Въ ней расколъ нашелъ себѣ одну изъ самыхъ сильныхъ поддержекъ, и можно съ увѣренностію сказать, что вліянію матери Пульхеріи весьма много обязано своимъ существованіемъ то, всѣми замѣченное, явленіе, что въ старообрядческихъ семействахъ расколъ поддерживается главнымъ образомъ женскою ихъ половиною, противъ которой является нерѣдко совершенно бессильнымъ искреннее желаніе другой половины присоединиться къ церкви. Несмотря на свою преклонную старость, Пульхеріа доселѣ сохранила бодрость силъ и энергію духа.

Ачтоній же, о которомъ упоминаетъ дядя Онисимъ, есть тотъ самый архіепископъ Антоній, который недавно возведенъ раскольничьими архіереями въ санъ митрополита московскаго и всея Руси. Человѣкъ этотъ, облеченный такимъ высокимъ саномъ,—личность весьма подозрительнаго свойства. Существуетъ, кѣмъ-то составленная, его біографія.

Въ мірѣ звали его Андрей Ларивоновъ Шутовъ; родился онъ въ селѣ Настасьинѣ, Коломенскаго уѣзда, Подберезинской волости, въ православномъ семействѣ, и принадлежалъ къ церкви до поступленія на фабрику къ купцу Г. Здѣсь онъ совратился въ расколъ и переkreщенъ въ Хапиловскомъ прудѣ. Такимъ образомъ изъ православнаго онъ сдѣлался раскольникомъ-безпоповцемъ, записанъ въ цеховые и поступилъ на Преображенское кладбище въ должность казначая. Онъ разчитывалъ быть настоятелемъ кладбища послѣ Семена Кузмина; но по смерти Кузмина эта выгодная должность отдана была другому. Оскорбленный неудачей, Ларивоновъ бросилъ Преображенское кладбище, досталъ фальшивый паспортъ и уѣхалъ за границу, откуда и возвратился наконецъ архіепископомъ Антоніемъ, совершивъ такимъ образомъ переходъ въ другую секту. Всѣ эти переходы внушаютъ крайнее подозрѣніе относительно искренности релігиозныхъ убѣжденій Антонія. Изъ безпоповщины онъ вынесъ, повидимому, крайнее къ ней отвращеніе: по пріѣздѣ въ Москву онъ написалъ, въ девяти статьяхъ окружное посланіе ко всей паствѣ въ предостереженіе отъ безпоповцевъ, которыхъ ставитъ ниже всѣхъ еретиковъ, наравнѣ съ Жидами. Но можно съ увѣренностью полагать, что онъ съ немалымъ ожесточеніемъ возсталъ бы въ свое время и противъ поповщины, есlibъ имѣлъ возможность завѣдывать дѣлами Преображенскаго кладбища, въ качествѣ настоятеля. Видно вообще, что честолюбіе и корыстолюбіе главныя пружины дѣятельности нынѣшняго главы раскольничьей іерархіи въ Россіи.

Послушаемъ теперь простодушныхъ рѣчей старообрядца-крестьянина.

Въ мартѣ мѣсяцѣ прошедшаго 1862 года, въ воскресенье на третьей недѣлѣ великаго поста, шелъ я съ Рогожскаго кладбища въ Москву. Въ то же время изъ кладбищенскихъ воротъ вышелъ бѣдно одѣтый крестьянинъ пожилыхъ лѣтъ, въ которомъ съ перваго раза узналъ я раскольника, по длиннымъ неподстриженнымъ усамъ. Шли мы въ одну сторону; мужичокъ былъ словоохотливый, и завязалась у насъ бесѣда.

— Экую погодушку Богъ послалъ, началъ мой спутникъ, обратившись ко мнѣ и закрывая лицо отъ снѣгу и вѣтра;

голько приведи Господи по добру по здорову добраться до деревни.

Погода была дѣйствительно холодная, съ сильнымъ вѣтромъ и снѣгомъ, который билъ намъ прямо въ лицо.

— А ты не здѣшній? спросилъ я.

— Я дальній; приходилъ сына навѣстить, онъ у васъ тутъ на кладбищѣ проживаетъ, въ палатѣ какуны читаетъ. У меня на дняхъ старуха Богу душу отдала, такъ я и пришелъ повѣстить его, что матушка, молъ, твоя приказала долго жить; ночевалъ у него тутъ въ его фатерѣ; а теперь ко дворамъ пробираюсь.

— Что же ты въ первый разъ на Рогожскомъ?

— Былъ и прежде, только давно, годовъ десятка съ полтора, полагай, будетъ; еще въ тѣ поры благословенной здѣсь не было, все было по нашему; приходилъ тоже по дѣлу: такая ливія выходила.

— Разумѣется, безъ дѣла что за нужда забивать ноги; ты жѣ мнѣ сказалъ, что дальній.

— Да, не ближній. Безъ малаго сотня верстъ отседева наберется до нашего-то селенья. Какъ бы это тебѣ вымолвить: отъ Ягорья-то мы въ верстахъ девяти; около самой Рязанской губерни наша деревня стоитъ, Климово прозывается; и отъ своего-то города Богородска съ полсотни будетъ, мы Богородскаго увѣзду-то. Знамо дѣло безъ нужды изъ такой дали не пойдешь. Да и дѣло-то было такое, что, кажись, грѣшно было и не сходить. Это вотъ какъ, родимый ты мой, было, межъ нами будь сказано. Пріѣхалъ къ намъ, въ деревню изъ Москвы, съ кладбища, батюшка отецъ Александра. Еще въ ту пору на кладбищѣ Митрій Корнеечъ живъ былъ; онъ всѣмъ и орудовалъ, всѣ дѣла по кладбищу, значить, за нимъ стояли, да и въ конторѣ-то онъ главный былъ. Пріѣхалъ къ намъ отецъ Александра, да и рассказываетъ, „что вотъ, молъ, такъ и такъ, меня къ вамъ Митрій Корнеечъ прислалъ, что бы не быть вамъ безъ пастыря.“ Знамо дѣло, обрадовались, говоримъ: „милости просимъ, батюшка!“ Такимъ-то манеромъ и поселился онъ у насъ въ Климовѣ, и сталъ поживать. Да поживши сутки другіе, третьи и рассказываетъ намъ: „православные, я-де не прочь служить вамъ, да вотъ какая бѣда: нѣтъ у меня потребностей-то для васъ. Случись кому не въ добрый часъ занемочь; у меня, благослови Господи, и вѣтъ таинствъ-то Христовыхъ: справить-то и нечѣмъ будетъ; а

безъ этого, сами знаете, умирать христіянину не приходится.“ Мы ему и сказываемъ: „что жь, батюшка; ты ужь какъ-нибудь запасись.“—„Надо, говорить, православные сходить кому-нибудь въ Москву на Рогожское кладбище.“ Наши мужики думали, думали, да и порѣшили,—надо, говорить, просить дядю Онисима, онъ мужикъ у насъ не пьющій, онъ дѣло это важно обдѣляетъ. И учали всѣмъ обчествомъ просить меня: дядя Онисимъ, сходи, да сходи!... Нече дѣлать,—нельзя не послушать, коли цѣлое обчество просить. Собрался я въ Москву. А отецъ Александра далъ мнѣ письмо, чтобъ я предоставилъ его матери Пулкеріи: она-де все обдѣляетъ. Съ письмомъ этимъ пришелъ я на Рогожское; да прямо къ матери-то Пулкеріи не посмѣлъ войти, поопасся ее потревожить; дай-ка, думаю, сперва зайду я въ Козину*,—сродственница моя жила тамъ. Пошелъ да и сказываю: „вотъ, молю, такъ и такъ, батюшка Александра прислалъ меня за такимъ-то дѣломъ къ матери Пулкеріи. Вотъ и письмо отъ него: нельзя-ли, молю, повѣстять ее,—самъ-то не посмѣлъ къ ней.“ Пошптали, пошптали бабы промежь себя, да и сказываютъ: поидемъ съ нами. Пошли мы: я, да сродственница моя, да другая какая-то,—въ первой вижу. Пришли къ матери Пулкеріи. Она вышла къ намъ, такая испитая, спаси ее Христось, ужь въ чемъ въ чемъ душевѣрка держится! Бабы учали ей сказывать про меня, что вотъ, молю, такъ и такъ; я письмо подаль. А она только и словъ: „слышу, матушки мои, слышу;“ да прямо ко мнѣ: „перночуй, баить, здѣсь ночьку, покамѣсть отдохнешь, а утро зайди ко мнѣ, я межъ тѣмъ временемъ изготавлю....“ Переночевалъ я, да собравшись къ домамъ, и захожу къ матери Пулкеріи: „къ вашей милости, молю, матушка,—прости Христа ради,—по вчерашней статьѣ, что приказывала побывать нониче.“—„Погодь немножко, молвила она, сейчасъ изготавлю.“ И учала хлопотать по моему дѣлу,—вынула изъ чего-то, не въ примѣту мнѣ, причастье запасное, да и ну, таково торопко, увертывать и тряпичками, и грамотками, и такъ, и сякъ, да завязавши, какъ сѣдуетъ, и подаетъ мнѣ: „на, вотъ тебѣ,—говорить,—какъ тебя зовутъ?“—„Онисимомъ, молвилъ я, матушка.“—„На вотъ тебѣ, Онисимушка, свеси ты къ отцу Александрѣ, да доставь въ цѣлости,

* Такъ называется одна изъ богадѣльскихъ палатъ (женская), на Рогожскомъ кладбищѣ, по имени строителя, купца Козина.

смотри: положи за пазуху, да подпояшься поплотвѣе, не вырони какъ; да смотри, чтобъ oprичь за пазухой-то ничего не было.“—„Знаемъ, молю, матушка съ чѣмъ обращаемся, насчетъ этого будь покойна, будетъ все въ сохранности.“ И пошелъ я ко дворянъ; да пришедши въ свою деревню, не завернулъ и домой, а прямо къ отцу Александрѣ. „Изволь, молю, батюшка, склопоталъ для вашей милости.“ Ужь какъ благодарилъ онъ,—полтинничекъ пожаловалъ за хлопоты. „Ну, братъ, спасибо, говорить,—вотъ теперь я и съ причастіемъ пошелъ, а безъ него равно безъ рукъ.“

— Надолго ли же хватало отцу Александру этого причастья?

— Оно, може и на-долго бы; да Богъ не привелъ ему пожить-то у насъ.

— Отчего же такъ?

— Да такъ. Случай небольшой вышелъ.

— Какой же это такой случай? Не понравился онъ что ли вамъ, или самъ не захотѣлъ у васъ жить?

— Самъ-то онъ ничего, да и мы-то ничего бы; а Рогожскіе разговѣтали намъ его держаться: ну мы и перестали ходить къ нему.

— Отчего же это они вамъ разговѣтовали? Вѣдь онъ, чай, былъ настоящій пастырь, а не какой нибудь....

— То-то вотъ и есть, что не самонастоющій; а то-бы что.... Узнали мы отъ вѣрныхъ людей, что онъ и пришелъ-то къ намъ обманомъ: сказалъ, что Митрій Корнеечъ прислалъ его; а Митрій Корнеечъ и знать не знаетъ. А овѣдали мы объ этомъ вотъ какъ. Человѣкъ десять насъ, Климовскихъ мужиковъ, пришли разъ на кладбище, — послѣ пожараща по-сбираться по нашимъ христіянамъ. Митрій Корнеечъ принявши насъ въ контору и ну пытаться: „что, православные, есть ли у васъ пастыри-то духовные? хороши-ль они?“—„Есть, молю Митрій Корнеечъ, хороши, благодаря Бога; вотъ у насъ въ Климовѣ отецъ Александра, что ваша милость къ намъ прислать изволили, нечего сказать, такой пастырь, что на рѣ-кость.“—„Какой отецъ Александра?“ кинулся онъ на насъ.—„Вашей милости, молю, извѣстно какой: отселева, съ кладбища, вы намъ его предоставили.“—„Какой же это Александра? Ужь не тотъ ли, что лѣтошнимъ годомъ обманулъ насъ? А, вѣдь, какъ разъ онъ. Ахъ, вы дураки, дураки, простоволосые мужики! Неужто вы, говорить, не знаете, что онъ, вѣдь, не исправленъ какъ слѣдуетъ.“ Да и поразказалъ намъ кое-что

изъ его жизни-то. Какъ задумалъ онъ, видишь ты, перейти къ намъ отъ церковныхъ, надо было ввести его въ нашу вѣру, перемазать слѣдовало, какъ завсегда принимаютъ у насъ поповъ отъ церкви. Митрій-то Корнеичъ и повезъ его въ Москву, переправиться; а онъ, отецъ-то Александра, съ первой ночевки и утекъ отъ Митрія-то Корнеича. Онъ искать его; туда, сюда, нѣту отца Александра, да и только. Такъ одинъ Митрій Корнеичъ въ Москву и пріѣхалъ. А отецъ-то Александра такъ въ ереси и остался, да къ намъ и пріѣхалъ не исправившись, а сказалъ, что Митрій Корнеичъ прислалъ его. Узнали мы это отъ Митрія Корнеича, да воротившись въ деревню и разказали обществу, что вотъ, молъ, православные, отецъ-то Александра пастырь не какъ слѣдуетъ, Митрій Корнеичъ то и то про него.... Издивились всѣ; да тутъ же и порѣшили: не ходить къ нему ни за какою потребностью. Потому, не годится, не исправленъ.

— Чтò же отецъ-то Александръ?

— Знамо чтò: ничего. Пожилъ сутки трою, четверы, видите, что мы полно къ нему; взялъ, да и уѣхалъ.

— А вы какъ же? Такъ и остались безъ пастыря?

— Да, не что-таки, помаялись годка два, три послѣ него; понадошло нашимъ за всякимъ дѣломъ все сюда да сюда. Бывало столько найдеть насъ, что и череду не дождешься. А священниковъ-то осталось всего на всего двое, справляться было трудненько, отецъ Иванъ, да отецъ Петръ; на подъемъ-то оба такіе тяжелые, ждешь, ждешь, бывало, гдѣ-то выйдуть.

— А теперь, вотъ, на кладбищѣ и ни одного священника не осталось: отецъ Петръ.... Ты, вѣдь, говорилъ объ Ермилычѣ?

— Да, объ Ермилычѣ.

— Ну, онъ годовъ пять ужь какъ померъ.

— Померъ, это правду ты говоришь. Да и былъ онъ не нашъ въ то время; какъ умирать-то ему, онъ отступилъ; не привелъ Богъ въ вѣрѣ жизнь покончить: въ благословенную перешелъ.

— А отецъ Иванъ еще прежде Петра Ермилыча.

— Прежде, и это правда. Ну, да ужь мы въ тѣ поры отъ нихъ отставать стали, тутъ намъ новаго, истоваго священства Богъ послалъ, значить, по древнему православію. Полно брать церковныхъ-то, свои священники завелось.

— Да откуда же?

— Откуда? Знамо откуда. Вѣстимо, безъ архіерея дѣло не обходится; извѣстно, архіерей наставлялъ намъ ихъ.

— Да гдѣ же онъ, этотъ архіерей вашъ?

— Этого мы не знаемъ; только настоящій, какъ слѣдуетъ, архіерей, нашей православной вѣры. Онъ намъ и наставлялъ пастыревъ духовныхъ, и, благодаря Бога, теперь насчетъ этого мы покойны, теперь насчетъ всего совѣмъ не то что прежде. Допрежь, бывало, что ни случись, хошь бы вотъ, станемъ говорить, жена ль родить, парня ли вздумаешь женить, будь покось, али живо,—не минуя бѣда, ничего не подѣлаешь: ѣдешь сюда. А кониче, все подъ руками, нечего Бога гнѣвить, не почто въ люди ходить, когда въ своей деревнѣ священство завелось.

— Такъ у васъ и въ деревнѣ есть священникъ?

— Какже; у насъ въ Климовѣ отецъ Артемъ.

— И хорошій пастырь?

— Пастырь ничего, худаго не замѣчали. Ну да и то сказать, съ измалѣтства онъ нужду видѣлъ, въ бѣдной семьѣ росъ; подрости пошелъ по кузнешному мастерству, залежныхъ-то тоже не было, избаловаться негдѣ. И слободно же у насъ нынѣ, я тебѣ скажу. Допрежь бывало съ опаской, да съ опаской ѣзжали хошь бы и къ нашему Артему; ежели кто со стороны, дровнишки-то съ лошадыю наровить бывало къ сосѣду на дворъ, чтобы виду-то не было, да по задворкамъ къ нему въ избу и пройдетъ, а нынѣ ступай смѣло на лошади прямо ко двору, въ ину пору возлѣ двора-то его пройдети негдѣ: все лошади, что твоя ярмонка—и ничего! Да, кониче слободнѣе супротивъ прежняго. Теперь поглядишь хошь бы въ Кладьковѣ, возлѣ насъ деревня, опять въ Челковѣ: все одно какъ у насъ, священство завели свое и все такое; живутъ вольготно.

— А далеко отъ васъ эти деревни?

— Да Кладьково-то всего четыре версты.

— И у нихъ свой священникъ?

— Да, отецъ Павелъ, нашему-то пріятель: хлѣбъ-соль водятъ межъ собой.

— А онъ изъ какихъ?

— Тожь изъ маломощныхъ, какъ и нашъ. Съ измалѣтства скотину насъ, по деревнямъ въ пастухи наймался. А ничего какъ и быть попъ... Да вѣдь у насъ и всѣ они какъ слѣдуетъ

Теперь, хошь бы про Демида, челковскіе мужики никогда ничего, oprичь добрыхъ рѣчей. Ну они-то его съ фабрики ссыла, набивалъ ситцы: съ хорошаго мѣста пошелъ. Ничего, по жизни-то все они какъ слѣдуетъ. А тоже и страхъ есть, не больно забалуешься: облаченный тоже смотритъ надъ вами, наѣзжаетъ изъ деревни Шувой, верстъ съ 5 отъ насъ, ну и опасаются.

— А строгій человекъ благочинный?

— Семень-то Епифанычъ? Строгъ не строгъ, а главное дѣло голова съ умомъ. Еще, сказываютъ, когда на красильнѣ жилъ, такъ совѣтникомъ былъ: бывало, вишь, все къ нему, примѣрно, манерь какой, али цвѣта, либо что; потому, значить, много дѣловъ разныхъ произошелъ.

— Такъ. Ну, а по службѣ-то попы у васъ исправны?

— Теперь попривыкли, ничего таки, порядку не портятъ. Ну, а сперва-начала, знамо дѣло, не больно чтобы такъ оченно: безъ этого нельзя. И нашъ Артемъ былъ тоже не безъ прошибокъ. Однажды, я тебѣ скажу, вотъ какое было дѣло: вышелъ онъ это, на обѣдни, съ дарами, да и молвить: „чего бишь мнѣ баить-то“? Ну дьячки ему тутъ же подсказали. А послѣ привыкъ,—ничего. На первыхъ-то порахъ и всякое дѣло такъ, до чего не доведись.

— Нечего сказать, дядя Онусіма, богаты вы священствомъ-то!

— Не токмо священствомъ, да и въ вышнемъ-то чину теперь нужды не видимъ, благодаря Бога.

— То-есть въ архіереяхъ-то?

— Да и ихъ нынѣ у насъ не одинъ есть,—слава Богу!

— Неужели по деревнямъ тоже живутъ?

— Гдѣ жь по деревнямъ! Главный-то здѣсь въ П—мъ, сказываютъ, больше пребываютъ: это что съ Преображенскаго-то къ намъ перешелъ. Онъ тамъ былъ прежде, въ конторѣ чѣмъ-то заправялъ; въ міру Андреемъ звали, а нынѣ Антоній. Онъ въ Москвѣ по хорошиимъ домамъ архіерейскую службу править. Да, нынѣ стало ни въ примѣръ вольготнѣе. Вонъ матери кладбищенскія сказываютъ, что скоро алтари въ обѣихъ часовняхъ отворятъ, и все будетъ по старому: печати долой, чтобы наше священство служило.

— Ну матери кладбищенскія давно это говорятъ, а все еще алтари не распечатанные стоятъ.

— Ты не сумнѣвайся, нынѣ дозволятъ; не прежняя пора.

Допрежь такъ, а нынѣ ничего. Допрежь не приказывали ничего въ каадбищѣ чинить, али строить, чтобы никакой стройки не было; а нынѣ вишь, за прошедшую-то осень сколько кеельевъ покрыли, да и новыхъ настроили: что хотѣли, то и дѣлали, видимое дѣло, запрету нѣтъ.

— Да это, можетъ, какъ вибудь тихонько, не завѣдомо начальству?

— Какъ можно тихонько! вѣдь это не иглой зашить; безъ стукотни дѣло не обойдется.... тихонько нельзя.

— А мыѣ сказывали, что тихонько и больше, вишь, по ночамъ все крыли, съ фонарями; да потомъ тутъ же и закрашивали черною краской, чтобы новаго-то не видно было.

— Нѣтъ. Тебѣ облыжно сказывали. Какъ это можно потихоньку, никакъ нельзя...

На этомъ кончилась наша бесѣда; приходилось идти по разнымъ дорогамъ; я расстался съ моимъ разговорчивымъ спутникомъ.

Ц.

ОБЩИЙ ХАРАКТЕРЪ ПРИТЯЗАНІЙ ПОЛЬСКОЙ ПАРТІИ

ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

Всѣ политическія домогательства польскаго населенія нашихъ западныхъ губерній не представляютъ собою никакого дѣйствительно *національнаго* дѣла. Они не болѣе какъ дѣло *партіи*, и исключительно только съ этой точки зрѣнія могутъ подлежать какому-нибудь обсужденію. Такая точка зрѣнія оправдывается не одною только этнографіей страны, не одною только исторіей ея религіознаго, общественнаго и политическаго развитія: правильность такого взгляда подтверждается всѣми бѣзъ исключенія фактами настоящаго времени, всѣмъ ходомъ нынѣшнихъ смутъ въ нашемъ западномъ краѣ. Поводы къ политическимъ притязаніямъ польской партіи, равно какъ и къ самому ея существованію, очевидно заключаются не въ національныхъ ея свойствахъ, не во внутреннихъ ея силахъ, но въ обстоятельствахъ совершенно постороннихъ.

Потому ли, что наше государство, разчитывая на свои матеріальныя силы, слишкомъ спокойно и самоувѣренно смотритъ на присутствіе польскаго элемента среди чуждой и враждебной ему народности, едва лишь при томъ освобожденной отъ крѣпостной зависимости;—потому ли, что наше государство не достаточно еще сознавало въ себѣ народныя

основанія своей мощи: польская партія, питаемая надеждами на успѣхъ, смѣло и наконецъ открыто стала заявлять свои притязанія и виды на разрушеніе цѣлости Русскаго государства и на уничтоженіе „Москвы“ и „Москалей“. Послѣднія слова сдѣлались для польской партіи синонимомъ всего что было для нея въ политическомъ смыслѣ наиболѣе опаснаго и ненавистнаго.

Мы не можемъ, мы не должны, конечно, принадлежать всѣмъ нашимъ существомъ одному только прошедшему; мы сильны и здоровы, и намъ нѣтъ необходимости, при всякомъ случаѣ, выгребать изъ нашихъ историческихъ архивовъ доказательства о строеніи и единеніи Русскаго государства вокругъ Москвы какъ его естественнаго центра; но тѣмъ не менѣе мы никакъ не можемъ забыть, что Великая Россія съ ея центромъ есть самый живой и ничѣмъ не замиряемый врагъ всякаго сепаратизма и всякой партіи, которая имѣетъ поползновенія къ нарушенію цѣлости государства и къ водворенію въ немъ отдѣльныхъ политическихъ автономій. Польская партія поняла это очень хорошо, и для нея было бы, конечно, величайшимъ счастіемъ убѣдить государственныя власти, что силы Россіи нисколько не зависятъ отъ господства и преобладанія въ немъ тѣхъ народныхъ началъ и инстинктовъ, которые живутъ въ Великой Россіи. Партія эта готова была увѣрять со всею лестію, къ какой только она была способна, что центръ тяжести нашего государственнаго строя, удаленъ отъ центра Великой Россіи на столько же, на сколько различны градусы широты Москвы и Петербурга.

Событія не замедлили обнаружить, также какъ и въ знаменитыя эпохи 1612 и 1812 годовъ, гдѣ бьется источникъ нашихъ силъ, гдѣ и съ какой стороны должно искать источника той связи, которая существуетъ между народомъ и государствомъ, между общественнымъ мнѣніемъ страны и верховною властію государства.

Польскій элементъ, въ лицѣ его „интеллигенціи“, успѣлъ постановить себя въ каждомъ „забравномъ“ ею краѣ, въ отношеніи къ народу такимъ образомъ, что самое существованіе польской партіи было бы немислимо и невозможно при свободномъ и широкому развитію народныхъ силъ.

Политическая натура польскаго элемента такова, что онъ можетъ еще жить, гнѣздиться и питаться тамъ только, гдѣ

есть поводы къ политическимъ интригамъ, къ торговлѣ государственными и народными интересами, къ преобладанію бюрократіи и къ господству личнаго произвола. Польскіе сеймы и сеймики всегда были самымъ крайнимъ и то же время самымъ недѣльнымъ выраженіемъ нашихъ мірскихъ славянскихъ сходовъ, съ ихъ міровдами и горлаанами. Свободная народная жизнь, выступающая за предѣлы мірскихъ сходовъ и шляхетскаго „veto“, составляетъ атмосферу невыносимую для польской партіи. Поэтому освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ западныхъ губерніяхъ было смертнымъ приговоромъ для господства польскаго элемента; поэтому также и настоящее возстаніе польской партіи есть ея послѣднее роковое усиліе, послѣдняя попытка къ удержанію своего господства надъ чуждою народностію.

Освобожденіе крестьянъ могло бы быть дѣйствительно зарею лучшей будущности для западнаго края; но въ то время какъ вся Россія бойко встрепенулась при появленіи этой зари, и русское дворянство, несмотря на очевидные, хотя и временные убытки отъ этой реформы, смѣло и искренно признало освобожденіе крестьянъ, какъ совершившійся фактъ, дворяне западныхъ губерній и ихъ предводители стали вести подземную войну и пугать Россію гибелью всѣхъ идей о правѣ собственности и призраками коммунизма.

При такихъ отношеніяхъ польской партіи къ народу, опредѣляется само собою ея политическое значеніе въ государствѣ. Всѣ притязанія польской партіи, при недостаткѣ положительныхъ качествъ, рѣзко обозначаются отсутствіемъ всякаго вниманія къ интересамъ собственно народнымъ въ той именно странѣ, которой политическія судьбы она желала бы забрать въ свои руки. Удивительно ли, послѣ того, что польская интеллигенція, во всѣхъ своихъ требованіяхъ и притязаніяхъ, не удостоиваетъ даже упоминанія интересы народа населяющаго Великую Россію, и также мало принимаетъ ихъ въ разчетъ въ своихъ политическихъ комбинаціяхъ, какъ мало польскіе паны принимали въ разчетъ на сеймахъ судьбу подвластныхъ имъ хлоповъ. На вопросы, предлагаемые Полякамъ, почему крестьяне не только въ западныхъ губерніяхъ, но и въ Польшѣ, такъ равнодушно и даже враждебно, относятся къ возстанію, Поляки наивно, хотя и не безъ замѣтнаго смущенія, отвѣчаютъ, что народъ въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ, какъ *вездѣ*,

одинъ и тотъ же народъ, то-есть, вездѣ представляетъ мертвую массу, механическую агрегацію.

Понятно, чего можетъ ожидать партія, руководимая такими правилами политической мудрости.

Всякая политическая партія должна также знать чего она хочетъ и къ чему именно стремится. Польская партія не знаетъ, чего именно она хочетъ, а что она знаетъ и чего не можетъ не знать, того она не хочетъ принять ни въ какое соображеніе при своихъ мечтательныхъ разчетахъ.

Она пожалуй допуститъ снисходительно, что западныя губерніи составляютъ нераздѣльную часть Имперіи и наследственныхъ земель русскаго государя; она пожалуй согласится, что невозможно предоставить западнымъ губерніямъ политическія учрежденія болѣе либеральныя нежели для остальной Россіи; но такую точку зрѣнія польская партія называетъ *правительственною*, не подозревая, что она въ то же время есть и *народная*.

Еслибы польская партія поняла и усвоила себѣ основанія политики настоящаго и всего предшествовавшаго царствованія въ отношеніи къ западнымъ губерніямъ, то она поняла бы въ то же время, что единственно возможный для нея путь къ достиженію вслѣдствіи гражданственной жизни, заключается только въ полномъ и искреннемъ единеніи съ интересами и потребностями той Великой Россіи, тѣхъ Москалей, которыхъ съ удивительнымъ легкомысліемъ она провозглашаетъ совершенно чуждыми какой-то латинской цивилизаціи нашего западнаго края.

Вмѣсто того чтобы признать національность, среди которой эта польская партія родилась, живетъ и умретъ, и которая каждый часъ готова сокрушить ее до послѣднихъ слѣдовъ, она стала изъяслять мечтательныя притязанія о признаніи Русскимъ государствомъ ея господства въ русской землѣ, и отнеслось съ суетнымъ и ребяческимъ пренебреженіемъ къ тѣмъ могущественнымъ силамъ, которыя тяготеютъ надъ нею всею массой живыхъ народныхъ инстинктовъ и преданій.

Мьюль о дарованіи западнымъ губерніямъ отдѣльной автономіи, хотя и появлялась у Александра I, въ его частномъ разговорѣ съ лордомъ Касслери, но онъ никогда не давалъ серьезнаго повода разчитывать на ея осуществленіе. Намекъ того же государя въ рѣчи, произнесенной имъ при открытіи сейма въ

Варшавѣ о распространеніи конституціи дарованной Польшѣ, относился, какъ извѣстно, ко всемъ подвластнымъ ему народамъ, а не къ западнымъ только провинціямъ. Императоръ Николай I, въ словахъ своихъ, обращенныхъ, по взятіи Варшавы, къ польской депутаціи, упомянулъ даже, что братъ его сдѣлалъ для Польши болѣе того что имѣлъ бы право сдѣлать императоръ всероссійскій, давая ясно уразумѣть, что не только западныя губерніи, но и Польша не имѣли бы права ожидать для себя политическихъ учрежденій болѣе либеральныхъ нежели остальная Россія. Такое воззрѣніе русскаго правительства окончательно выразилось во вторыхъ отвѣтныхъ депешахъ вице-канцлера князя Горчакова дворянъ трехъ великихъ державъ: онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ идеѣ государственнаго единства, преобладавшей въ цѣлой системѣ нашей внутренней политики предыдущаго царствованія, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что результаты этой политики, добытые нами цѣною великихъ жертвъ и прибрѣтенные даже въ ущербъ развитію другихъ отраслей общественной жизни, не могутъ для насъ исчезнуть безслѣдно.

Противъ этихъ фактовъ, имѣющихъ столь ясное и рѣшительное значеніе для всякаго, кто сколько-нибудь одаренъ политическимъ смысломъ, польская партія выставляетъ другія давнія: она заводитъ свою іереміаду о бывшей нѣкогда независимости Литвы отъ Россіи, и о ея соединеніи съ Польшей.

Развалины прошедшаго всегда способны возбуждать въ насъ грусть и раздумье о томъ что было, что утрачено и чему не суждено возвратиться. Судя по рѣшительному преобладанію еврейскаго населенія во многихъ городахъ западныхъ губерній, Евреи имѣли бы такое же право, какъ и Поляки, ожидать отъ Россіи дарованія имъ политической автономіи, каковую имѣли они до вавилонскаго плѣненія, вызывавшаго такія горькія и скорбныя пѣсни ихъ пророковъ. И почему же не сочувствовать этимъ пѣснямъ, также какъ воспоминаніямъ Мицкевича и мелодіямъ Байрона?

Государственное право, во всякомъ благоустроенномъ обществѣ, относится равнодушно къ этимъ воспоминаніямъ до тѣхъ поръ, пока они не обращаются въ орудіе или въ знамя политической пропаганды, которая незаконнымъ путемъ стремится вызвать къ господству надъ живымъ и современнымъ порядкомъ вещей тѣни и призраки прошедшаго.

Знамя съ совокупнымъ изображеніемъ польскаго ора и литовскаго всадника, во главѣ религиозныхъ католическихъ процессій, стало уже означать ни болѣе, ни менѣ какъ государственную измѣну, виновные въ которой подлежали суду и наказанію по общимъ законамъ Имперіи. Таковъ уже обычный порядокъ вещей въ бѣдномъ подлунномъ мірѣ, изъ котораго не могло быть исключенія для западныхъ губерній. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что при подобной системѣ дѣйствій, воспоминанія Поляковъ населяющихъ русскія губерніи, остались бы: тѣмъ чѣмъ должны оставаться всякія воспоминанія и призраки.

Польскую партію пѣвица, между тѣмъ, автономія, дарованная Царству Польскому. Здѣсь, по словамъ этой партіи, само законодательство признавало польскую національность съ ея языкомъ и религіей; она находила поэтому очень естественнымъ и справедливымъ, что дворянскія собранія западныхъ губерній, не ожидая для послѣднихъ такой же автономіи, какую получила Польша, представили на высочайшее има адресъ о присоединеніи западныхъ губерній къ Царству Польскому.

Извѣстно, какимъ образомъ правительство отвеслось къ этимъ адресамъ. Но польской партіи представилось почему-то, что правительство придаетъ особенно важное значеніе такимъ заявленіямъ польскаго дворянства, которое неизвѣстно на какихъ основаніяхъ приняло на себя роль представителя интересовъ и потребностей цѣлаго края. Навязавъ правительству такую оцѣнку легкомысленному и недѣльному акту, какимъ были упомянутые адреса, польская партія вывела отсюда заключеніе, что правительство само, вѣроятно, полагаетъ власть свою въ Польскомъ Царствѣ очень непрочною; ибо иначе оно не взглянуло бы на адреса какъ на стремленіе западныхъ губерній къ отторженію отъ Россіи. Если Польша, думала партія, составляетъ такую же часть Русскаго государства, какъ и прочія земли, входяція въ ея составъ, то почему же заявленіе дворянъ западныхъ губерній о присоединеніи этихъ послѣднихъ къ Польшѣ правительство сочло за стремленіе къ сепаратизму? Польскіе паны съ наивностію, какъ видно, предполагали, что правительство можетъ допустить присоединеніе западныхъ губерній къ Польшѣ изъ боязни, чтобы въ противномъ случаѣ не выказать свою неувѣренность въ прочности своего влады-

чества въ Польшѣ, какъ неотъемлемой части Русскаго государства. Они предполагали возбудить въ правительствѣ сомнѣніе въ силахъ и правахъ Россіи.

Закономность присоединенія западнаго края къ Польшѣ польская партія основываетъ, какъ уже давно извѣстно, на томъ, что всѣ элементы цивилизаціи западныхъ губерній, по мнѣнію ея, чисто-латинскіе, западные. Она указываетъ на совершенно польскій характеръ такихъ городовъ, какъ Вильно, Гродно, Ковно и даже Житомиръ и Каменецъ-Подольскъ. Что касается до сельскаго населенія, то, не имѣя ни *общиннаго* владѣнія, ни *душсваго надѣла*, оно по характеру своего быта отличается отъ сельскаго населенія въ Великой Россіи.

Могли ли предполагать когда-нибудь наши славянофилы, что ихъ теорія общиннаго владѣнія, какъ коренной принадлежности великорусскаго племени, будетъ служить для польской партіи однимъ изъ аргументовъ для подтвержденія мысли объ отдѣленіи отъ Россіи всей западной полосы ея, гдѣ вмѣсто общиннаго владѣнія существуетъ участковое пользованіе землею? Задавшись мыслию о противоположности великорусской и западно-русской цивилизаціи, польская партія пришла къ заключенію, что какъ бы велики ни были матеріальныя силы русскаго правительства, оно всегда будетъ оставаться лицомъ къ лицу съ враждебною ему польскою цивилизаціею и образованною частью всего населенія западныхъ губерній, до тѣхъ поръ пока не признаетъ въ нихъ польскаго элемента во всей силѣ и самостоятельности, какія принадлежатъ ему по праву и на дѣлѣ.

Стоитъ ли доказывать, какъ шатки и ложны всѣ подобныя основанія польскихъ притязаній.

Какъ ни желается польской партіи навязать себя Европѣ, и представиться необходимымъ и самостоятельнымъ членомъ европейской семьи; какъ ни ползала эта партія въ лакейскихъ всѣхъ европейскихъ дворовъ, въ надеждѣ возбудить къ себѣ симпатію и состраданіе, заявляя себя передовымъ постомъ европейской цивилизаціи, погибающимъ отъ напора варварскаго племени москалей,—увы! Европа никогда не давала серіознаго значенія ни этимъ жалобамъ, ни той цивилизаціи, которую приписываетъ себѣ польская шляхта. Европа, напротивъ, глубоко убѣждена, что ввести въ свою семью

такого члена какъ Польша—значило бы водворить у себя вѣчную неурядицу и смуту. Европа не разъ уже давала чувствовать Польшѣ, какого рода расположеніе она питаетъ къ ея судьбамъ. Но всѣ уроки оставались безполезными для Польши; она, какъ капризный ребенокъ, продолжаетъ протягивать свои руки вопить о своей латинской цивилизаціи, о своихъ переводахъ Аристотеля во времена Сигизмунда III, и безкорыстныхъ подвигахъ на поприщѣ пресвѣщенія, какими успѣли прославить себя иезуиты и нѣкоторые магнаты.

Отношенія тѣхъ и другихъ къ народу, населяющему не только западныя губерніи, но и Польшу, вошли въ пословицу во всей Европѣ, и приводятся какъ замѣчательный примѣръ, до какой взаимной отчужденности и внутренняго глубокаго антагонизма могутъ достигнуть въ странѣ интересы различныхъ классовъ. Для польской партіи было бы приличнѣе, въ смыслѣ этого антагонизма, названіе антинаціональной. Для католическаго духовенства, которое также примкнуло къ польской партіи, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было пораженіемъ не менѣе сильнымъ, какъ и для притязаній дворянскаго сословія.

Фольварки польскихъ пановъ, съ ихъ челядью, и поселки принадлежавшихъ имъ хлопковъ, какъ католиковъ, такъ и православныхъ, составляли всегда двѣ сферы, два общества, между которыми никогда не существовало никакой нравственной связи. Ксендзы и Евреи, единственные посредники между панами и крестьянами, извлекали изъ этого посредствующаго положенія всевозможныя для себя выгоды. Страдалъ ли крестьянинъ отъ усиленной сверхъ всякой мѣры барщины, угрожалъ ли ему въ неурожайный годъ голодъ, лишился ли онъ отъ пожара или другой случайности своего послѣдняго имущества, рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій, — ксендзы являлись ходатаями за него предъ панами, и это право заступничества ксендзовъ обращало крестьянъ окончательно въ то духовное рабство, къ поддержанію котораго въ своей пастырѣ такъ ревниво стремится католическое духовенство. Съ упраздненіемъ барщины и освобожденіемъ крестьянъ, это посредничество ксендзовъ упразднилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе ксендзовъ, какъ

на крестьянъ, такъ и на помѣщиковъ, должно было потерять значительную часть своей силы.

Когда отношенія между тѣми и другими сдѣлались свободными, то ксендзы потеряли возможность эксплуатировать въ свою пользу такія добродѣтели, какъ послушаніе хлоповъ господамъ и благостыню господъ къ хлопамъ. Восходящее солнце разогнало мракъ и тѣни, въ которыхъ такъ любитъ работать католицизмъ надъ душою и сердцемъ человѣка. Можно положительно сказать, что нигдѣ не могла такъ удобно уживаться католическая пропаганда, и закидывать такъ далеко и такъ глубоко свои сѣти въ совѣсть человѣка, какъ при крѣпостныхъ и рабскихъ отношеніяхъ одной части общества къ другой. Устойчивая продолжительность и сила этихъ отношеній въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ Россіи быть-можетъ главная причина, почему темная сторона католицизма получила въ Польшѣ и въ польскомъ населеніи Россіи такую могучесть, такой особенный и рѣзкій характеръ. Освобожденіе крестьянъ породило въ ксендзахъ такое же, если еще не большее недовольство, какъ и въ панахъ, и польская партія смѣло могла разчитывать на содѣйствіе духовенства своимъ цѣлямъ и попыткамъ. И она не ошибалась. Но достойно сожалѣнія, что въ этомъ содѣйствіи, истекавшемъ изъ самаго нечистаго источника, польская партія видѣла свою нравственную будто бы опору, свою нравственную силу.

Нравственнымъ силамъ присущимъ русскому народу, польская партія не приписывала ровно никакого значенія. Она постоянно только твердила, что какъ бы ни были велики *матеріальныя силы правительства*, оно не будетъ имѣть никакой нравственной силы, если не будетъ пріязненно относительно къ польскому элементу, то-есть ко всему образованному обществу страны.

Злополучная польская партія не хотѣла или не могла понять, что самыя громадныя матеріальныя средства, какими только можетъ распоряжаться государство, бываютъ безсильны, если они не опираются на нравственныя силы народа, и что русское правительство не имѣло бы ни малѣйшихъ причинъ и поводовъ относиться непріязненно къ польскому населенію, еслибъ оно оставило свои поповленія и замыслы къ господству надъ народностію, лишенною, по мнѣнію партіи, всякихъ нравственныхъ силъ.

Ослабленіе этой партіи простирается до того, что она предлагаетъ свои вѣроподданническія услуги на томъ условіи, чтобъ ея вліянію были подчинены цѣлыя русскія области. Эти грошевыя услуги могутъ быть, по мнѣнію ихъ, куплены только признаніемъ господства польскаго элемента въ западныхъ губерніяхъ, то-есть, другими словами, цѣлою самостоятельнаго и свободнаго развитія русской народности въ русскихъ областяхъ. Польская партія вела постоянно подкопы противъ русскаго правительства, нисколько, какъ видно, не сознавая, что на всѣ ея притязанія были готовы отвѣчать нравственныя силы цѣлаго народа, которыми съ такимъ легкомысліемъ она пренебрегаетъ.

Если (такъ говоритъ польская партія, или говорила прежде, ибо теперь, когда она внесла 10% съ поземельнаго дохода, она говоритъ уже другое), если рѣшеніе въ смыслѣ адресовъ не будетъ принято, то польскій элементъ долженъ быть совершенно истребленъ и уничтоженъ. При этомъ, разумѣется, не обходится безъ горячихъ воспоминаній и безъ горячихъ слезъ о галицкой рѣзні, и не безъ гордаго, вслѣдъ же за тѣмъ, заявленія о живучести польскаго элемента, засѣдающаго и послѣ неоднократныхъ истребленій въ имперскомъ сеймѣ веселаго города Вѣны. О, злополучное племя! до какихъ поръ будешь ты тѣшиться надъ своими собственными страданіями, сказали бы мы нашимъ дорогимъ соплеменникамъ. Мицкевичъ, въ своихъ лекціяхъ въ Парижѣ о мессіаниззмѣ, сказалъ, между прочимъ, предъ своими удивленными слушателями, что Польша есть Голгофа европейской цивилизаціи, и польская нація распята за всѣ ея грѣхи. Но минута спасенія настала; ибо явился наконецъ Мессія, другъ Мицкевича, какой-то Товяжскій... Нынѣ симптомы этой галлюцинаціи великаго поэта повторяются въ цѣлой націи предъ глазами удивленной Европы.

Неужели Варшава можетъ рѣшиться на открытое возстаніе, спрашивали мы у одного Поляка, жителя Варшавы, когда на каждаго изъ ея жителей способнаго носить оружіе, но безоружнаго, приходится по одному вооруженному солдату русскаго войска?—Эта правда, но возстаніе, при всемъ томъ, очень возможно, отвѣчалъ самоувѣренно и улыбаясь докторъ: мы будемъ сражаться руками,—и онъ представилъ своими руками нѣсколько приемовъ бокса...

„Многоуже погибло нашихъ, но сколько бы насъ не истребили, продолжаетъ западная польская партія, насъ все-таки останется довольно; въ этомъ успѣли увѣриться Европа и Россія. Если же польскій элементъ въ западныхъ губерніяхъ истребить невозможно, и онъ имѣетъ право на жизнь, то необходимо постановить насъ въ условія необходимыя для нашего развитія, для нашей жизни. Правительство тогда только находитъ себѣ сочувствіе въ странѣ, когда оно обезпечиваетъ ея интересы, преданія, языкъ и учрежденія. До тѣхъ поръ пока сохранялись въ западныхъ губерніяхъ ихъ учрежденія, они оставались вѣрными престолу. Но вслѣдствіе того что Россія преслѣдуетъ польскую народность въ западномъ краѣ, жители Царства Польскаго смотрятъ на каждаго Поляка западныхъ губерній, преданнаго русскому правительству, какъ на ренегата. Вопросъ долженъ бы заключаться не въ томъ, чтобъ имѣть въ провинціяхъ однихъ только Русскихъ, но имѣть въ нихъ также, какъ и въ Польшѣ, подданныхъ вѣрныхъ своему государю. Пока не будетъ рѣшенъ вопросъ польско-русскій, Россія не можетъ идти впередъ. Между Россіей и ея славнымъ будущимъ всегда будетъ стоять призракъ польской націи, измученной и безсильной, чтобы побѣдить, но недостаточно сильной, чтобы препятствовать вышатаются своему врагу.“

Въ то самое время какъ дворянскія собранія западныхъ губерній просили о присоединеніи ихъ къ Царству Польскому, Поляки сознавались сами, что дворянство этихъ губерній никогда не чувствовало расположенія къ сліянію своихъ интересовъ съ Царствомъ, но напротивъ большинство его всегда желало сохранить положеніе независимое отъ Польши даже въ то время, когда Польша находилась въ соединеніи съ Литвою. По ихъ словамъ, отъ русскаго правительства исключительно зависѣло поддержать для своихъ интересовъ этотъ антагонизмъ, но средствомъ для этой цѣли могло служить опять только дарованіе западному краю отдѣльной автономіи, съ рѣшительнымъ господствомъ польскаго населенія въ цѣломъ краѣ. Здравому смыслу не такъ легко распутать всѣ подобныя требованія, взаимно другъ другу противорѣчація. Ясно только одно: въ какое бы положеніе ни былъ поставленъ польскій элементъ западнаго края, какъ въ отношеніи къ Польшѣ, такъ и Россіи, но элементъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы успокоиться: онъ не зналъ

бы куда ему броситься, у кого искать покровительства, къ кому прикнудить, къ чему приспособиться. Отдѣльная ли автономія Лигвы, соединеніе ли ея съ Польшею, или съ Россіей, или, наконецъ, съ Австріей и Пруссіей,—ни при одной изъ этихъ комбинацій польское дворянство, съ своими притязаніями, не имѣющими ничего общаго ни съ государственными, ни съ національными интересами своего роднаго края, не нашло бы нигдѣ себѣ пріюта и не могло бы приобрести для себя значенія, котораго тщетно оно ищетъ и нигдѣ не находитъ. Всѣ эти притязанія могли бы быть удовлетворены только подъ условіемъ неограниченнаго господства въ странѣ, которая сама не только не расположена подчиняться этимъ притязаніямъ, но относится къ нимъ съ горячею враждою. Польская партія выдвигаетъ къ правительству объ охраненіи національныхъ преданій, учрежденій, языка и религіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ употребляетъ съ своей стороны все что можетъ, чтобъ уничтожить ту природную національную почву, на которой само оно поселилось, и изъ которой вытягивало оно всѣ соки. Едва лишь русское правительство приняло рѣшительныя мѣры къ освобожденію крестьянъ, едва лишь оно выразило намѣреніе къ образованію правильнаго земства и независимаго суда, какъ польская партія сейчасъ же затѣяла свои козни, и вмѣсто того чтобы примкнуть къ движенію, котораго ожидала такъ долго вся Россія, она поголовно ей измѣнила, и возмутила спокойствіе цѣлаго края. Въ царствованіе Александра I, польскій элементъ ищетъ всѣ средства для того, чтобъ укорениться въ странѣ, и безпрепятственно подчинить ее своему вліянію. Правительство съ полною довѣрчивостію предоставляло все управленіе и просвѣщеніе страны въ руки Поляковъ. Известно, какъ отплатило Александру I за такое довѣріе польское дворянство. Нужно ли упоминать о дѣйствіяхъ польской партіи въ западныхъ губерніяхъ въ 1830 году? Наконецъ, Полякамъ должно быть также известно, что даже въ ближайшее къ намъ время, наканунѣ послѣднихъ событій и смутъ въ западныхъ губерніяхъ, нѣкоторые богатые помѣщики распоряжались полными властелинами въ своихъ уѣздахъ. Исправники и становые, вся земская полиція и мѣстные суды, равно какъ и почтовое управленіе находились, *de facto*, въ полномъ подчиненіи этимъ помѣщикамъ, не говоря о крестьянахъ, съ которыхъ взыскивался штрафъ за каждое произне-

сенное не на польскомъ языкѣ, въ домѣ и на дворѣ ихъ помѣщика. Ни здравый смыслъ, ни простое чувство справедливости не допускаютъ повторенія ошибки, не допускаютъ повторенія той же попытки привлечь къ себѣ волькодушіемъ и доверчивостію польскую партію въ ищемъ западномъ край. Послѣ всего что было уже сдѣлано Александромъ I для польскаго элемента, не можетъ быть и рѣчи о какихъ бы то ни было сдѣлкахъ съ этимъ чужероднымъ тѣломъ на почвѣ Русскаго государства.

Напрасно также истощается польская партія въ усиліяхъ доказать, что Россія никогда не возвращала къ себѣ вновь западныя провинціи, и что ни при одномъ изъ русскихъ государей не возбуждался вопросъ о вторичномъ присоединеніи этихъ провинцій къ Россіи на основаніи давняго ими обладанія. Если для Поляковъ недостаточно исторіи всѣхъ столь же тщетныхъ, сколько преступныхъ и насильственныхъ средствъ для водворенія польскаго языка, польскихъ обычаевъ и католическаго исповѣданія въ западныхъ провинціяхъ, то пусть они оцѣнятъ, по крайней мѣрѣ, смыслъ современныхъ отвѣтовъ крестьянскаго населенія на всѣ призывы, прокламаціи и золотыя грамоты, съ какими обращались къ нему польскіе паны, шляхта и ксендзы.

Въ Россіи могутъ быть и есть вѣроподданные граждане различныхъ національностей; но Россія не можетъ и не должна терпѣть у себя такихъ подданныхъ, которые вздумали бы оспаривать первенство и господство той именно національности, которая создала, и которою держится само государство. Россія потому и есть Россія, великая европейская держава, что въ ней есть одинъ государь, одно государственное право, одинъ господствующій языкъ, одна господствующая вѣра, одна господствующая народность. Сила русскаго племени, какъ главнѣйшій источникъ не только политической силы государства, но и его политическаго бытія, не стремится къ тому, чтобъ ассимилировать себѣ другія народности, языки и исповѣданія. Русскій элементъ исполненъ терпимости и врагъ всякой исключительности; но онъ не можетъ отречься отъ своего значенія въ государствѣ, которое создано его громадными усиліями и тяжелыми трудами. Среди безчисленнаго множества различныхъ національностей, населяющихъ земную поверхность, существуетъ, какъ извѣстно, очень немного національностей и племенъ политическихъ,

способныхъ сложиться въ сильное государство: національность польская быть-можетъ менѣе всякой другой заключаетъ въ себѣ способности къ независимой государственной жизни. Что касается до польскаго населенія въ нашемъ западномъ край, то оно имѣетъ на государственную самобытность ровно столько же правъ, сколько имѣютъ ихъ, напримѣръ, Нѣмцы, живущіе въ Петербургѣ.

Польская партія, въ своихъ столько же горячихъ, сколько безтолковыхъ порывахъ и стремленіяхъ, бросается, какъ мы выше замѣтили, изъ одной крайности въ другую. Говора о необходимости отдѣльной автономіи для Литвы и западныхъ губерній, вывѣтъ съ Польшею, защищая мысль о какихъ-то латинскихъ, а не славянскихъ свойствахъ польской національности, эта партія въ то же время великодушно общается Россіи, что „стремленіе славянскихъ племенъ къ взаимному сліянью, могло бы гораздо быстрее осуществиться, еслибы Россія, руководствуясь *идеєю кровнаго, племеннаго родства, de consanguinité*, не столько заботилась о сліянніи съ русскою національностью прочихъ національностей славянскаго племени, сколько старалась гарантировать каждой національности ея вѣру, языкъ и всѣ учрежденія, на сколько послѣднія совместимы съ идеей цѣлаго.“ Такого рода способностію привлекать въ свой государственный составъ другія племена славянскаго происхожденія, отличалась всегда, по мнѣнію этой партіи, польская національность. Очень убѣдительнымъ, по ея же мнѣнію, доказательствомъ такой способности Польша можетъ служить желаніе Новгорода и Пскова присоединиться къ Польшѣ въ царствованіе Казимира Великаго! Такимъ образомъ польская партія не прочь и отъ панславизма. Въ виду множества фактовъ изъ исторіи водворенія польскаго элемента и католицизма въ западной, православною Россіи, не стоить, конечно, останавливаться на обсужденіи подобныхъ панславистическихъ стремленій. Здѣсь все ограничивается одними словами, безъ значенія и смысла. Польской партіи отвѣчали впрочемъ, что такое сліянніе славянскихъ племенъ и образованіе изъ нихъ одного федеративнаго союза есть неаппная политическая мечта, и что еслибы даже такая мечта и осуществилась, то осуществленіе ея было бы противно всѣмъ интересамъ Россіи.

Если, продолжаетъ польская партія, западные Славяне ненавидятъ германскій элементъ, страдаютъ его нападыва и вызываютъ

поэтому о соединеніи къ своимъ братьямъ, то они очень далеки при этомъ отъ мысли о Великой Россіи, потому что цивилизація ихъ выше русской, и еще потому что, смотря на угнетеніе польской національности Москвитями, Славяне не могутъ имѣть никакого довѣрія къ Россіи. Затѣмъ, слѣдуетъ со стороны польской партіи обычное приглашеніе Россіи удалиться къ востоку, со всеми комплиментами о великомъ назначеніи Россіи—внести свѣтъ цивилизаціи въ отдаленнѣйшія страны азіатскаго материка. Отвѣтомъ на всѣ подобныя приглашенія можетъ служить то, что Ермакъ явился на берегахъ Иртыша, и мы заняли берега Амура, не испрашивая дозволенія у западныхъ державъ распространять наши владѣнія на востокъ. Точно также не просили мы у европейскихъ дворовъ дозволенія занять между ними мѣсто европейской державы, но заняли это мѣсто сами.

Поэтому всѣ теоріи, которыя приглашаютъ насъ обратить все наше вниманіе на востокъ, съ тѣмъ чтобы мы отступились отъ нашего вліянія на западъ, не могутъ имѣть никакой цѣны для здравомыслящей и національной политики. Они столь же мало могутъ смущать насъ, какъ и льстивыя увѣренія въ значеніи той роли, которую могла бы принять на себя Россія въ общемъ движеніи панславизма.

Пусть польская партія увѣряетъ кого хочетъ, что „Россія можетъ противопоставить *только* матеріальный оплотъ наплыву и захватамъ германскаго элемента.“ Здравый смыслъ безъ труда откажетъ значеніе этой фразы. Насъ не устрашаютъ никакіе наплывы какихъ бы то ни было національностей. Русское племя никогда въ нихъ не затеряется и не замретъ, напротивъ: мы просимъ пожаловать къ намъ всякія національности; земля наша попрежнему велика и обильна; мы просимъ только не вмѣшиваться ни въ наши порядки ни въ наши неурядицы. Ибо и тѣ, и другія, какъ результаты нашей собственной исторіи, принадлежатъ исключительно намъ, исключительно національности русской, и русскій народъ не допуститъ никакого посторонняго сюда вмѣшательства.

Ясно, какое значеніе мы должны придавать такой, напримеръ, рѣчи: „Величайшая слава будетъ удѣломъ государя, который пойметъ, что разрѣшеніе всѣхъ недоразумѣній между Русскими и Поляками требуетъ образованія подъ однимъ могущественнымъ скипетромъ двухъ группъ, которыя были бы тѣсно связаны между собою интересами государственными,—

par la raison d'état,—но развивались бы каждое соотвѣтственно ихъ особенному характеру, и стягивали бы вокругъ себя племена наиболее съ ними родственныя.... Вотъ, восклицаетъ польская партія, рѣшеніе радикальное и справедливое въ виду настоящаго, прошедшаго, и особенно будущаго. Подобное рѣшеніе было бы апогеемъ могущества царствующей династіи. Сила нравственная возвысилась бы тогда надъ силою матеріальною, которая исключительно употреблялась до сихъ поръ и давала лишь отрицательные результаты. Тогда правительство нашло бы вездѣ, противъ всякой крамолы и безпорядковъ, самую вѣрную для себя опору.“

„Начало императорскаго правительства, присовокупляетъ польская партія, не противорѣчитъ видамъ и интересамъ образованной части населенія западнаго края. Пока не касались польской народности, Поляки любили русскихъ государей.... Но въ 1831 году, четвертая часть земель была конфискована.... Русское правительство постоянно возбуждало и поддерживало ненависть крестьянъ противъ польскихъ помѣщиковъ. Крестьянъ приглашали просить оружія, и раздавая имъ оружіе, имъ въ то же время объявляли, что паны не имѣютъ на это права, что правительство не довѣряетъ панамъ, которые составляли несчастіе крестьянъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ....“ Для подтвержденія того, какимъ образомъ русское правительство вооружало сельское населеніе противъ Поляковъ, приводится по обыкновенію примѣръ такъ-называемыхъ провинціалъ для утвержденія въ нихъ началъ намой уманьской рѣзни, съ именами Гонты и Желѣзняка, примѣръ доказывающій совершенно противное. Система дѣйствій, которую употребляла Пруссія въ своихъ родности нѣмецкой, по мнѣнію польской партіи, невозможна для Россіи; ибо цивилизующіе элементы Россіи не развиты до той степени, какой достигла цивилизація нѣмецкой народности.

Но, довольно. Мы не имѣли намѣренія писать опроверженіе всей лжи и умышленнаго искаженія фактовъ, которыя, съ такою беззащитчивостію, привыкая употреблять польская партія, за недостаткомъ другихъ средствъ для оправданія своихъ притязаній.

Наша цѣль была указать только на общій характеръ этихъ притязаній. Чѣмъ глубже, чѣмъ подробнѣе анализировать доводы польской партіи, тѣмъ неотразимѣе скука одолавающая душою и умомъ русскаго человека. Не легко

ивопряться въ діалективѣ надъ тѣмъ, что дважды два четыре, а не пять, или пускаться въ тонкости въ виду такого до грубости очевиднаго факта, что стоило бы только народному аьну тряхнуть своею гривой, какъ на мѣсто польской партіи остались бы только ея прахъ и кости. И это совершилось бы даже прежде нежели панъ успѣвалъ бы дожидаться для своего спасенія русскихъ же штыковъ, или грубой матеріальной силы, которую такъ нещадно поноситъ польская партія, и о которой въ то же время постоянно умоляетъ она русскія административныя власти, для собственной защиты отъ народа. Въ виду, повторяемъ, такого громаднаго и грезнаго факта, для русской публики было бы гораздо интереснѣе узнать не объ опроверженіяхъ польскихъ притязаній, но о томъ, какимъ образомъ они могли возникнуть, и съ такою самонадѣянностію заявить свое существованіе открытымъ возстаніемъ и самымъ гнуснымъ заговоромъ?

Вопросъ этотъ рѣшить нѣсколько труднѣе нежели опровергнуть законность польскихъ притязаній.

Мы однакоже, не колеблясь, можемъ утверждать, что отвѣтъ на этотъ вопросъ, а вмѣстѣ и рѣшеніе западно-русскаго вопроса, заключается въ томъ свойствѣ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики государства, которое обозначается словами „національная политика“.

Общій признакъ прогрессивнаго движенія вѣка, равно какъ и общій характеръ современныхъ политическихъ идей и событій, есть возрастающая солидарность между государствами и усиливающаяся связь между интересами различныхъ народностей.

Ослабленіе народныхъ предразсудковъ и исключительностей, развитіе экономическихъ интересовъ во взаимныхъ отношеніяхъ государствъ, составляютъ явленія, которыя сопровождаются повсемѣстнымъ развитіемъ свободныхъ и представительныхъ учреждений.

По мѣрѣ того какъ болѣе выясняются потребности каждой страны, высказывается сильнѣе и солидарность между народами, и въ политикѣ государствъ отпечатлѣвается неминуемо геній народныхъ силъ и политическихъ инстинктовъ народа. Политика получаетъ характеръ національный.

Солидарность и возрастающая связь народовъ, безъ различія племени, языка, обычаевъ и религіи, не только не предполагаетъ комополитическихъ возрѣній въ политикѣ, но

напротивъ, непремѣннымъ условіемъ этой солидарности, если она дѣйствительно вытекаетъ изъ взаимныхъ интересовъ и потребностей народовъ, должно быть выдѣленіе народнаго генія каждой страны въ болѣе рѣзкихъ и законченныхъ формахъ.

Когда слышится явное голосъ страны и ея общественнаго мнѣнія, то политика по необходимости проникается интересами народными въ обширномъ и глубокомъ значеніи этого слова, и международныя отношенія приобрѣтаютъ прочность, которой достигнуть было бы невозможно, при недостаткѣ довѣрія между народами и ихъ правительствами. Политика страны, не имѣющая возможности слѣдить за движеніемъ народныхъ потребностей и интересовъ, неминуемо подвергается колебаніямъ и вліянію такихъ случайностей, которыя не имѣли бы сами по себѣ никогда достаточной силы, чтобъ отклонить государство отъ естественнаго пути дѣйствительныхъ потребностей народа.

Политика современнаго государства должна быть національною. Только національность политики можетъ замѣстать собою ту пустоту, которая готова образоваться въ жизни народовъ, съ исчезновеніемъ изъ ихъ цивилизаціи послѣднихъ остатковъ сословныхъ привилегій, мѣстнаго бюрократизма, крѣпостныхъ отношеній, покровительственныхъ законовъ, и прочихъ обломковъ стараго времени.

Почва народныхъ инстинктовъ, народныхъ преданій, историческихъ завѣтовъ можетъ въ свою очередь также заглухнуть, если эти элементы не будутъ находить достойнаго для нихъ выраженія въ соответствующихъ учрежденіяхъ страны.

Въ интересахъ авторитета и власти—охранять и освѣжать эту почву, какъ залогъ и основаніе для спокойнаго развитія всѣхъ нравственныхъ силъ народа; въ интересахъ государства не отдѣлять своей политики отъ этой почвы, а напротивъ какъ можно ближе держаться къ ней; ибо при этомъ только условіи государство можетъ разчитывать на свои матеріальныя силы и прибѣгать къ различнымъ политическимъ комбинаціямъ, на основаніи этихъ расчетовъ.

Существуетъ мнѣніе, что политическія силы Россіи потому только казались грозными для Европы, что мы умѣли скрывать отъ нея наши слабыя стороны, и старались по возможности скрывать ихъ отъ самихъ себя. Такое мнѣніе особенно распространено между тѣми изъ нашихъ соотечественниковъ, которые при вѣрномъ служеніи государственнымъ

нымъ интересамъ страны, не достаточно сознають однакоже внутреннюю связь между этими интересами и силами русской земли, не достаточно оцѣняютъ значеніе послѣднихъ, мало довѣряютъ и сочувствуютъ имъ. Эти люди, при всей ихъ политической честности, готовы всегда поддерживать мысль, что для интересовъ Россіи было бы полезно и даже необходимо продолженіе такой же системы укрывательства отъ Европы и недовѣрія къ народнымъ силамъ и общественному мнѣнію страны. Но кому не извѣстно, что если общественное мнѣніе въ странѣ еще очень слабо и безгласно, то даже и въ этомъ случаѣ, въ народѣ живутъ всегда политическіе инстинкты или политическое самосознаніе хотя смутное, но тѣмъ не менѣе весьма сильное, и проявляющееся въ очень осязательныхъ формахъ? Эти инстинкты бываютъ всегда чутки, такъ что народъ не можетъ обманываться насчетъ собственныхъ силъ. Поэтому есаубы случилось, что вышеприведенное мнѣніе руководило бы государствомъ въ его международныхъ отношеніяхъ и тѣмъ болѣе въ отношеніяхъ между интересами государства и земли, то политика страны при этихъ условіяхъ не могла бы быть національною, и солидарность международныхъ отношеній, какъ цѣль всякой политики—не была бы достигнута.

Цѣпь, которую составляетъ современная система европейскихъ государствъ, сдѣлалась очень чувствительною къ колебаніямъ каждаго изъ своихъ звеньевъ; каждое такое колебаніе легко передается повсюду, и возбуждаетъ общее волненіе въ системѣ.

Н. В.—Въ.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ СТАТЬѢ СОВРЕМЕННЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РАСКОЛѢ *

Говоря въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* объ изданномъ раскольничьими архіереями *Соборномъ опредѣленіи на окружное посланіе*, и именно о томъ, насколько оно разъясняетъ для насъ значеніе этого послѣдняго, мы высказали три слѣдующія предположенія: или *Окружное посланіе* написано было съ цѣлю выразить сочувствіе старообрядцевъ - поповщичевъ къ православнои церкви, расположеніе къ союзу съ нею на извѣстныхъ условіяхъ; или это выраженіе искреннаго повидимому уваженія къ церкви было вынуждено только желаніемъ задобрить въ свою пользу православныхъ, особенно власть имѣющихъ, для достиженія нѣкоторыхъ цѣлей, предложенныхъ старообрядцами къ осуществленію, и слѣдовательно, въ сущности было неискренно; или, наконецъ, все посланіе есть не что иное, какъ полемическое сочиненіе противъ безпоповщины, изданное въ формѣ посланія съ цѣлю противоудѣствовать ея успѣхамъ въ обществѣ поповцевъ. Ни одному изъ этихъ предположеній мы не отдали предпочтенія предъ другими; напротивъ, принимая во вниманіе

* *Русск. Вѣстн.* № 7.

содержаніе и характеръ *Окружнаго посланія*, допустили сара-ведливость въ нѣкоторой степени каждаго изъ предположеній и въ этомъ сомнѣненіи ихъ находили выраженіе двусмысленнаго, полнаго противорѣчій, положенія самого старообрядчества и особенно старообрядческаго духовенства въ настоящее время.

Теперь доходятъ до насъ слухи, что второе изъ указанныхъ предположеній возбудило жалобы между старообрядцами, что имъ показалось обидно, зачѣмъ подвергаютъ сомнѣнію искренность тѣхъ благопріятныхъ сужденій о православіи, которыми наполнено *Окружное посланіе*, и подозреваютъ за ними какія-то заднія мысли и дальніе планы; изданіе же *Соборнаго опредѣленія*, которое именно внушило намъ такое подозрѣніе, они объясняютъ единственно желаніемъ успокоить ярыхъ приверженцевъ старины, бывшихъ близкими къ тому, чтобы произвести по поводу *Посланія* новое раздѣленіе въ поповщинѣ, и безъ того разъединенной на многіе толки.

Считаемъ долгомъ напомнить тѣмъ изъ старообрядцевъ, которыхъ оскорбило наше предположеніе, что оно есть именно предположеніе, которому не дали мы никакого предпочтенія предъ первымъ, столь благопріятнымъ для нихъ и для насъ; напротивъ, мы сказали прямо, что трудно повѣрить, чтобы лицемеріе могло поддѣлаться подъ такую искренность, какую встрѣчаемъ въ *Посланіи*, и что охотно видимъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, кто писалъ его, человека дѣйствительно расположеннаго къ церкви. И намъ приходилось слышать, что думая такимъ образомъ мы не ошибались. Теперь же, доходяція до насъ изъ общества старообрядцевъ жалобы, по поводу одного лишь подозрѣнія въ неискренности ихъ добрыхъ расположеній къ православію, только утверждаютъ насъ еще болѣе въ той весьма отрадной мысли, что между старообрядцами есть дѣйствительно, и можетъ-быть не въ маломъ количествѣ, люди, сознающіе ложное положеніе раскола въ отношеніи къ церкви, неспособность его вражды къ православію, и искренно желающіе установить между ними другія, болѣе мирныя отношенія. Мы сомнѣваемся только, чтобы въ числѣ этихъ лицъ могъ находиться кто-либо изъ старообрядческаго духовенства, на которомъ изданное имъ *Соборное опредѣленіе на окружное посланіе* лежитъ темнымъ пятномъ.

Пусть же успокоятся тѣ изъ старообрядцевъ, которыхъ дѣйствительно могло смутить предположеніе о неискренности, выраженныхъ въ *Окружномъ посланіи*, лучшихъ, нежели когда-либо, расположеній старообрядчества къ православнои церкви. Это смущеніе ихъ мы очень цѣнимъ и съ радостію привѣтствуемъ его. Хотѣлось бы только, чтобъ они заявили это сожалѣніе способомъ болѣе открытымъ и гласнымъ. Чтобъ изгладить непріятное впечатлѣніе *Соборнаго опредѣленія* на всѣхъ кто прежде съ такимъ сочувствіемъ прочелъ *Окружное посланіе*,—для этого лучшимъ средствомъ было бы появленіе новаго сочиненія, подобнаго *Посланію*, хотъ бы на примѣръ, обещаннаго въ немъ „изложенія догматовъ и обрядовъ древнеправославнокаѳолической церкви въ руководство и окормленіе христіанъ“. И какъ было бы ко времени такого рода сочиненіе! Не пора ли, въ самомъ дѣлѣ, положить конецъ этимъ недоразумѣніямъ, которыя изъ разностей въ обрядѣ и текствъ церковныхъ книгъ, породили поистинѣ роковой вопросъ о вѣрѣ и православіи и въ теченіе двухъ столѣтій были причиною столькожъ прискорбнѣйшихъ событій, раздѣливъ на двѣ враждебныя половины дѣтей одной матери церкви! Не пора ли это именно теперь, когда такъ величаво и еднородно выразило себя во всей русской семьѣ стремленіе отстоять цѣлость и неприкосновенность родной страны отъ притязаній на нее чужой національности?

ОПЕЧАТКА. Въ настоящей книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, въ приложеніяхъ къ статьѣ „Сербскій вопросъ въ царствованіе императора Александра I.“ на 560 страницѣ, въ первой строкѣ „Окончанія письма барона Буша,“ замѣчена слѣдующая опечатка: *напечатано*: алжирскою арміей, *слѣдуетъ читать*: англійскою арміей.—

